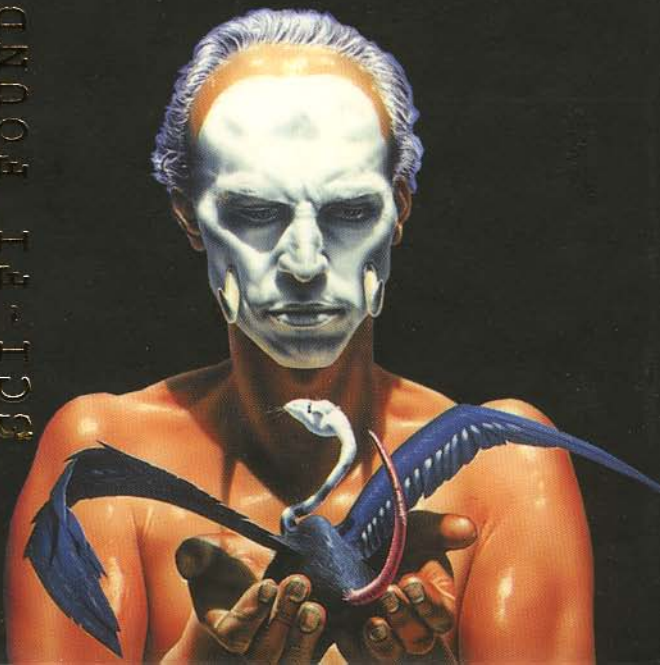
Весь Шекли

ОБМЕН РАЗУМОВ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

ЭКСМО

Весь
ШЕКЛИ

Весь

ШЕКЛИ

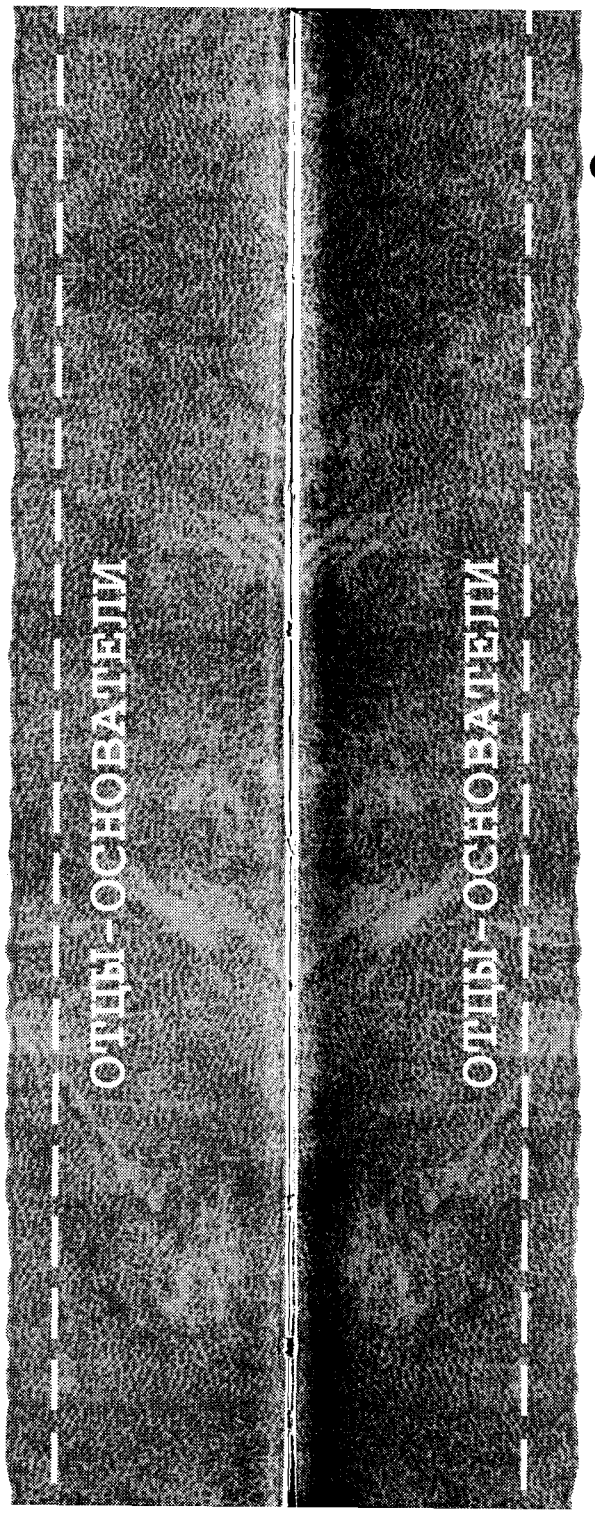
ЦИВИЛИЗАЦИЯ СТАТУСА

ОБМЕН РАЗУМОВ

АБСОЛЮТНОЕ ОРУЖИЕ

ДЕСЯТАЯ ЖЕРТВА

ЛАБИРИНТ МИНОТАВРА

Роберт

ШЕКЛИ

ОБМЕН РАЗУМОВ

Москва
ЭКСМО
2005

УДК 820 (73)
ББК 84(7 США)
Ш 40

ROBERT SHECKLEY

MINDSWAP
OPTIONS
DIMENSION OF MIRACLES
DIMENSION OF MIRACLES REVISITED
STORIES

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Шекли Р.

Ш 40 Обмен разумов: Фантастические произведения/Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, 2005.— 928 с. (Серия «Отцы-основатели. Весь Шекли»).

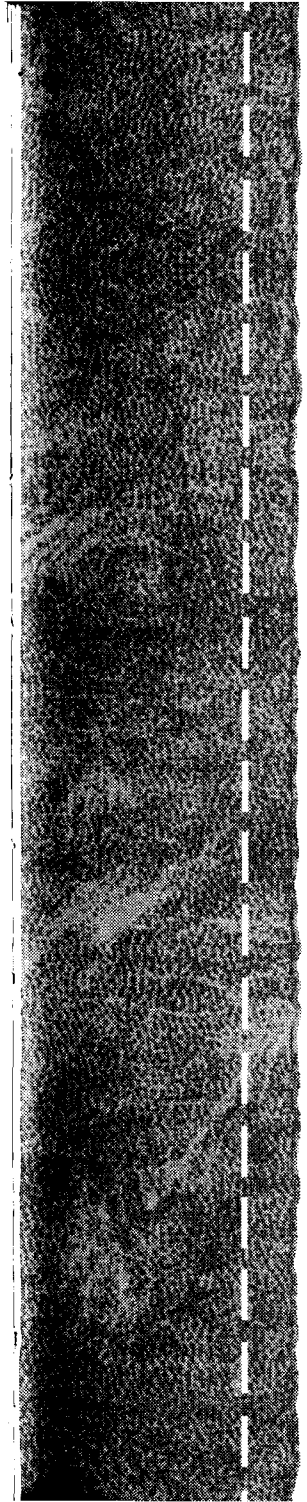
ISBN 5-699-03442-0

Во второй том собрания сочинений знаменитого американского фантаста вошли причудливые произведения, в которых сюрреализм гармонично переплетается с фантастическими идеями, а с мастерскими реалистическими зарисовками соседствуют персонажи и ситуации, подчиняющиеся логике абсурда и черного юмора.

УДК 820(73)
ББК 84(7 США)

© Robert Sheckley, 1953...2003. Публикуется с разрешения автора
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2003
© Перевод. В. Баканов, В. Бук, И. Васильева, О. Вассант, А. Волнов, Г. Гуревич, Е. Дрозд, Н. Евдокимова, И. Зивьева, В. Ковалевский, А. Кон, С. Коноплев, А. Нефедов, В. Серебряков, О. Степашкина, И. Тогоева, С. Трофимов, М. Черняев, Л. Щекотова, 2003

ISBN 5-699-03442-0

ОБМЕН РАЗУМОВ

Глава 1

На рекламной полосе в «Стэнхоуп газетт» Марвин Флинн вычитал такое объявление:

«Джентльмен с Марса, 43 лет, тихий, культурный, начитанный, желает обменяться телами с земным джентльменом сходного характера с 1 августа по 1 сентября. Справки по требованию. Услуги маклеров оплачены».

Этого заурядного сообщения было достаточно, чтобы у Марвина Флинна залихорадил пульс. Махнуться телами с марсианином!

Идея увлекательная и в то же время отталкивающая. В конце концов, любому неприятно, если какой-то нескоядный марсианин станет из его собственной головы двигать его собственными руками и ногами, смотреть его глазами и слушать его ушами. Но в возмещение этих неприятностей он, Марвин Флинн, увидит Марс. Причем увидит так, как надо видеть: через восприятие аборигена.

Одни коллекционируют картины, другие — книги, третьи — женщин, а Марвин Флинн стремился охватить сущность всех увлечений, путешествуя. Однако его всепоглощающая страсть к путешествиям оставалась, увы, неудовлетворенной. Он родился и вырос в Стэнхоупе, штат Нью-Йорк. Географически родной городок находился милях в трехстах к северу от Нью-Йорка. В духовном же и эмоциональном отношении между этими двумя пунктами пролегало чуть ли не целое столетие.

Стэнхоуп — милое пасторальное селеньице, расположенное в предгорье Адирондаков, изобилующее фруктовыми садами и испещренное стадами пегих коров на зеленых холмистых пастбищах. Неуязвимый в своем пристрастии к буколике, Стэнхоуп упорно цеплялся за древние обычаи. Дружелюбно, хоть и не без задора, городок держался подальше от каменного сердца страны — суперстолицы. Линия метро ИРТ — Седьмая авеню прогрызла себе путь под землей до Кингстона, но не далее. Исполинские шоссе раскинули бетонные щупальца по всему штату, но не дотянулись до усаженной вязами Мейн-стрит — главной улицы Стэнхоупа. В других городах были ракетодромы — Стэнхоуп хранил верность архаичному аэропорту. По ночам в постели Марвин то и дело прислушивался к мучительно-волнующему отзвуку выми-

рающей сельской Америки — одинокому воплю реактивного лайнера.

Стэнхоуп довольствовался самим собой. Остальной мир, по-видимому, вполне довольствовался тем, что предоставлял Стэнхоупу романтически грезить об ином, не столь стремительном веке.

Единственным, кого такое положение вещей не устраивало, был Марвин Флинн.

Он совершал поездки, как это было принято, и смотрел то, что принято смотреть. Как и все, он не раз проводил субботу и воскресенье в Европе. Он посетил в батискафе затонувший город Миами, полюбовался висячими садами Лондона и поклонился идолам в храме Бах-ай у залива Хайфа. Во время отпусков он ходил в пеший поход по Земле Мэри Бэрд (Антарктида), исследовал леса Дождевых Деревьев в нижнем течении Итури[1], пересек Шинкай на верблюде и даже несколько недель прожил в Лхасе — столице мирового искусства.

Словом, обычный туристский ассортимент. Флинну же хотелось путешествовать по-настоящему. То есть отправиться в космические круизы.

Казалось бы, не такое уж невыполнимое желание. Однако Флинн ни разу не был даже на Луне.

В конечном итоге все сводилось к экономике. Межзвездное путешествие во плоти и крови — удовольствие дорогое, для простого человека оно исключается. Разве что он пожелает воспользоваться преимуществом Обмена Разумов.

Марвин старался примириться со своим положением в обществе и с более чем приемлемыми перспективами, которые открывало перед ним это положение. В конце концов, он свободный гражданин, почти совсем белый, ему всего тридцать один год, у него высокий рост, широкие плечи, черные усики и мягкие карие глаза. Он получил традиционное образование — начальная и средняя школа, двенадцать лет в колледже, четыре года последипломной практики, — и его считали достаточно хорошим специалистом в корпорации « Рик-Питерс». Там он подвергал флюороскопии пластмассовые игрушки, исследуя их на микроусадку, пористость, усталостный износ и так далее. Возможно, работа не из самых важных, но ведь не всем же быть королями или космонавтами. Должность у Флинна была, безусловно, ответственная, особенно если учесть роль игрушек в нашем мире и жизненно важную задачу высвобождения нерастраченной детской энергии.

Все это Марвин знал и тем не менее был недоволен. Повидать Марс, посетить Нору Песчаного Царя, насладиться великолепием звуковой гаммы «Мук любви», прислушаться к цветным пескам Великого Сухого Моря...

[1] Итури — правый приток реки Конго.

Раньше он только мечтал. Теперь дело иное. В горле непривычно першило от готовности вот-вот принять решение. Марвин благоразумно не стал торопить события. Вместо этого он взял себя в руки и отправился в центр, в Стэнхоупскую Аптеку.

Глава 2

Как он и ожидал, его закадычный друг Билли Хейк сидел у стойки с содовой и потягивал фрапп с ЛСД[1].

— Как ты сегодня, старая сводня? — приветствовал друга Хейк на распространенном в те дни жаргоне.

— Полон сил, как крокодил, — традиционной формулой ответил Марвин.

— Ду коомен[2] мучо-мучо рапида?[3] — спросил Билли. (В том году считалось остроумным говорить на ломаном испано-голландском диалекте.)

— Я, минхеер, — с запинкой ответил Марвин. Ему просто было не до состязаний в остроумии.

Билли уловил нотку раздражения. Он насмешливо приподнял бровь, сложил комикс, посвященный Джеймсу Джойсу, сунул в рот сигару «Кии-Смоук», надкусил ее, выпустил ароматный зеленый дым и спросил:

— Отчего скуксился?

Вопрос, хоть и заданный кислым тоном, был вполне доброжелателен.

Марвин уселся рядом с Билли. У него было тяжело на душе, но все же не хотелось делиться горестями с легкомысленным другом, и потому, воздев руки, он повел беседу на индейском языке знаков. (Многие молодые люди с интеллектуальными запросами все еще находились под впечатлением прошлогодней сенсации — проектоскопического фильма «Дакотский диалог»; в фильме с участием Бьорна Ракрадиша (Безумный Конь) и Миловары Славовивович (Красная Туча) герои изъяснялись исключительно жестами.)

Иронически и в то же время серьезно Марвин изобразил разбитое сердце, блуждающего коня, солнце, которое не светит, и луну, которая не восходит.

Помешал ему мистер Байджлоу, хозяин Стэнхоупской Апте-

[1] ЛСД — наркотик.

[2] Ты пришел *(гол.)*.

[3] Очень-очень быстро *(исп.)*.

ки. Это был человек средних лет (ему уже исполнилось семьдесят четыре), лысеющий, с небольшим, но заметным брюшком. Несмотря на все это, замашки у него были, как у юнца. Вот и теперь он сказал Марвину:

— Э, минхеер, кверен зи томар ля клопье имменса де ла кабеца вефрувенс им форма де мороженое с фруктами?

Для мистера Байджлоу и прочих представителей его поколения было характерно, что они злоупотребляли молодежным жаргоном.

— Шнелль[1], — оборвал его Марвин с бездумной жестокостью молодых.

— Ну, знаете ли, — только и вымолвил мистер Байджлоу, оскорбленно удаляясь.

Билли видел, что друг страдает. Это его смущало. Ему уже стукнуло тридцать четыре года, еще чуть-чуть, и он станет мужчиной. И работа у него была хорошая — десятник на 23-м сборочном конвейере тарной фабрики «Питерсон». Держался он, конечно, попрежнему, как подросток, но знал, что возраст уже налагает определенные обязательства. Поэтому он преодолел свою природную застенчивость и заговорил со старым другом напрямик:

— Марвин, в чем дело?

Марвин пожал плечами, скривил губы и бесцельно забарабанил пальцами по столу, затем сказал:

— Ойра[2], омбре, айн клейннахтмузик эс демасиад[3], нихт вар? Дер Тодт ты руве коснуться...

— Попроще, — прервал Билли не по возрасту солидно.

— Извини, — продолжал Марвин открытым текстом. — У меня просто... Ах, Билли, мне просто ужасно хочется путешествовать, право!

Билли кивнул. Ему было известно, какой страстью одержим его друг.

— Ясно, — сказал он. — Мне тоже.

— Но не так сильно, Билли... я себе места не нахожу.

Принесли мороженое с фруктами. Марвин не обратил на него внимания и продолжал изливать душу своему другу детства:

— Мира[4], Билли, поверь, нервы у меня на взводе, как пружина в пластмассовой игрушке. Я все думаю о Марсе, Венере и понастоящему далеких местах вроде Альдебарана и Антареса и... черт возьми, понимаешь, даже думать не могу ни о чем другом. В голове у меня то Говорящий Океан Проциона-4, то трехстворчатые человекоподобные на Аллуи-2. Да я просто помру, если не повидаю тех мест воочию.

[1] Живо *(нем.)*.

[2] Слушай *(исп.)*.

[3] Это уж слишком *(исп.)*.

[4] Здесь: «знаешь» *(исп.)*.

— Точно, — согласился друг. — Я бы тоже хотел их повидать.

— Нет, ничего ты не понимаешь, — возразил Марвин. — Дело не в том, чтобы повидать... тут совсем другое... гораздо хуже... Пойми, не могу я прожить здесь, в Стэнхоупе, всю жизнь. Пусть даже у меня недурная работа и я провожу вечера с первоклассными девчонками. Но, черт побери, не могу я просто жениться, наплодить детей, и... и... есть же в жизни что-то еще!

Тут Марвин снова сбился на мальчишечью неразборчивую скороговорку. Однако смятение прорывалось сквозь неудержимый поток слов. Поэтому друг мудро кивал головой.

— Марвин, — сказал он мягко, — это все ясно, как дважды два, ей-богу же, гадом буду. Но ведь даже межпланетное путешествие обходится в целое состояние. А межзвездное просто-напросто невозможно.

— Все возможно, — ответил Марвин, — если пойти на Обмен Разумов.

— Марвин! Ты этого не сделаешь! — вырвалось у шокированного друга.

— Нет, сделаю! — настаивал Марвин. — Клянусь Кристо Мальэридо, сделаю!

На сей раз шокированы были оба. Марвин почти никогда не употреблял имени божьего всуе.

— Как ты можешь?! — не унимался Билли. — Обмен Разумов — грязное дело!

— Каждый понимает в меру своей испорченности.

— Нет, серьезно. Зачем тебе нужно, чтоб у тебя в голове поселился пескоядный старикашка с Марса? Будет двигать твоими руками и ногами, смотреть твоими глазами, трогать твое тело и даже, чего доброго...

Марвин перебил друга, прежде чем тот ляпнул какую-нибудь пакость.

— Мира, — сказал он. — Рекуэрдо ке[1] на Марсе я стану распоряжаться телом этого марсианина, так что ему тоже будет неловко.

— Марсиане не испытывают неловкости, — сказал Билли.

— Неправда, — не согласился Марвин. Младший по возрасту, он во многих отношениях был более зрелым, чем друг. В колледже ему хорошо давалась Сравнительная межзвездная этика. А жгучее стремление путешествовать сделало его менее провинциальным, чем друг, и лучше подготовило к тому, чтобы становиться на чужую точку зрения. С двенадцати лет — с тех пор, как

[1] Здесь: «Не забывай, что...» *(исп.)*.

он научился читать, — Марвин изучал уклады и обычаи множества различных рас Галактики. Больше того, по Симпатическому проецированию личности он набрал девяносто пять очков из ста возможных.

Он вскочил на ноги.

— Разрази меня гром! — воскликнул он, хлопнув себя правым кулаком по левой ладони. — Так и будет!

Загадочная алхимия решения сделала Марвина другим человеком. Без колебаний он вернулся домой, уложил легкий чемодан, оставил родителям записку и сел в реактивный лайнер, следующий в Нью-Йорк.

Глава 3

В Нью-Йорке Марвин сразу пошел в контору Отиса, Бландерса и Клента — маклеров по прокату тел. Его направили в кабинет мистера Бландерса — высоченного детины атлетического сложения, в расцвете лет; в свои шестьдесят три года он был уже полноправным компаньоном фирмы. Этому человеку Марвин и изложил цель своего визита.

— Конечно, конечно, — сказал мистер Бландерс. — Вы ссылаетесь на наше объявление от прошлой пятницы. Джентльмена с Марса зовут Зе Краггаш, у него превосходная рекомендация от ректоров Ист-скернского университета.

— На что он похож? — спросил Марвин.

— Судите сами, — ответил Бландерс.

Он показал Марвину фото существа с бочкообразной грудью, тоненькими ногами, руками чуть потолще, крохотной головкой и необычайно длинным носом. На фото Краггаш стоял по колено в илистой глине, махал кому-то руками. Внизу была подпись: «На память о Грязевом Рае — лучшем курортном месте на Марсе, где можно отдыхать круглый год».

— Симпатичный парень, — заметил мистер Бландерс.

Марвин в сомнении кивнул.

— Живет он в Уогомстамке, — продолжал Бландерс, — на краю Исчезающей Пустыни в Нью-Саут-Марсе. Вы, наверное, знаете, что это чрезвычайно популярный туристский край. Подобно вам, мистер Краггаш жаждет путешествий и желает найти подходящее тело-носитель. Выбор он целиком и полностью предоставил на наше усмотрение, оговорил лишь одно обязательное условие — здоровое тело и здоровый дух.

— Что ж, — сказал Марвин, — не хочу зря хвастаться, но меня всегда считали здоровяком.

— Это видно с первого взгляда, — ответил мистер Бландерс. —

У меня, конечно, всего лишь предчувствие, а может быть, интуиция, но за тридцать лет работы с людьми я привык доверять своим предчувствиям. Трех желающих произвести данный обмен я уже отверг, основываясь исключительно на своей интуиции.

Этим обстоятельством мистер Бландерс гордился так явно, что Марвин почел своим долгом вставить:

— Да неужели?

— Можете не сомневаться. Вы не представляете, как часто мне по роду моей деятельности приходится выявлять и отклонять неподходящие кандидатуры. Всякие там невропаты, ищущие грязных и недозволительных приключений; преступники, пытающиеся выбраться из зоны действия местных законов; эмоционально неуравновешенные типы. Я их всех выбраковываю.

— Надеюсь, я не подхожу ни под одну из упомянутых категорий? — сказал Марвин со сдавленным смешком.

— Смело могу заявить, что нет, — заверил его мистер Бландерс. — Я склонен считать вас в высшей степени нормальным молодым человеком, даже чрезмерно нормальным, если такое вообще мыслимо. Вас охватила тяга к путешествиям, что вполне свойственно вашему возрасту, эта страсть сродни влюбленности, или участию в справедливой войне, или мировой скорби и прочим причудам молодежи. Ваше счастье, что природный ум или удача привели вас к нам — самой старой и надежной фирме, занимающейся Обменом Разумов, а не к кому-нибудь из менее щепетильных наших конкурентов, или, упаси боже, вас могло угораздить на Свободный Рынок.

Марвин почти ничего не знал о Свободном Рынке, но промолчал, не желая обнаружить свое невежество.

— А теперь, — сказал мистер Бландерс, — прежде чем мы удовлетворим вашу просьбу, надо выполнить кое-какие формальности.

— Формальности? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Во-первых, вы должны пройти полное обследование — телесное, духовное и моральное. Затем вдвоем с марсианским джентльменом вы подпишете акт об ответном ущербе. В акте обусловлено, что всякий ущерб, как умышленно, так и неосторожно причиненный телу-носителю, в том числе и по независящим обстоятельствам, будет: 1) возмещен по расценкам, установленным межзвездной конвенцией, и 2) ответно причинен другому телу, согласно lex talionis[1].

— Как, как? — не понял Марвин.

— Око за око, зуб за зуб, — пояснил мистер Бландерс. — Допустим, вы, находясь в теле марсианина, сломали ногу. В соответствии с межзвездным правом, когда вы вновь перейдете в свое

[1] Закон талиона *(лат.)*.

тело, вам тоже сломают ногу максимально научным и безболезненным способом.

— Даже если это произошло случайно?

— Особенно если это произошло случайно. Мы установили, что акт об ответном ущербе заметно уменьшил число таких случайностей.

— Мне начинает казаться, что это вроде бы опасно, — сказал Марвин.

— Всякое направленное действие содержит элемент опасности, — ответил мистер Бландерс. — Но риск при Обмене Разумов статистически ничтожно мал, только держитесь подальше от Искаженного Мира.

— Я очень мало знаю об Искаженном Мире, — признался Марвин.

— Все знают столько же, — ответил Бландерс. — Поэтому каждый считает, что надо держаться от него подальше.

Марвин в задумчивости кивнул.

— А еще что?

— Да ничего особенного. Просто бумажная волокита, отказы от особых прав и привилегий, все в таком роде. И конечно, я должен официально предостеречь вас от метафорической деформации.

— Ладно, — сказал Марвин. — Давайте я послушаю.

— Да я же вас только что предостерег, — удивился Бландерс. — Но могу предостеречь еще раз. Берегитесь метафорической деформации.

— Я бы с радостью, — ответил Марвин, — но мне ведь неизвестно, что это такое.

— В сущности, это совсем простая штука, — сказал Бландерс. — Если хотите, можете считать ее одной из форм ситуационного безумия. Видите ли, наша способность усваивать необычное не беспредельна, а когда путешествуешь на другие планеты, пределы оказываются очень узкими. Слишком много новых впечатлений; их приток становится невыносимым, и мозг ищет отдыха в буферном процессе аналогизирования. Этот процесс как бы создает мост между воспринятым известным и неприемлемым неизвестным, облекает невыносимое неизвестное в желанную мантию привычного. Когда субъект не справляется с притоком новых данных естественным путем концептивного аналогизирования, он становится жертвой перцептивного аналогизирования. Этот процесс известен также под названием «пансаизм». Теперь вам ясно?

— Нет, — ответил Марвин. — Почему это называется «пансаизм»?

— Объяснение заложено в самом названии, — сказал Бландерс. — Дон Кихот считает ветряную мельницу великаном, а Санчо

Панса считает великана ветряной мельницей. Донкихотство можно определить как восприятие обыденных явлений в качестве необычайного; противоположное явление — пансаизм, это когда необычайное воспринимается как обыденное.

— Значит, — уточнил Марвин, — я могу подумать, что вижу корову, когда на самом деле передо мной альтаирец?

— Именно, — подтвердил Бландерс. — Но все очень просто, раз уж вы занялись Обменом, значит, привыкнете. Распишитесь вот тут и вот тут, и перейдем к делу.

Глава 4

Марсианин — одно из самых странных созданий в Галактике, хоть он и двуногий. Право же, нам, с нашими органами чувств, альдебаранские квизы как-то ближе, несмотря на то, что у них две головы и множество лишних конечностей особого назначения. Не по себе становится, когда вселяешься в тело марсианина.

Марвин Флинн очутился в уютно обставленной комнате. В комнате было окно, через которое он глазами марсианина взирал на марсианский пейзаж.

Он зажмурился, так как не ощущал ничего, кроме ужасающего смятения. Несмотря на все прививки, его одолевали тошнотворные волны культур-шока, пришлось постоять неподвижно, пока тошнота не унялась. Потом он осторожно раскрыл глаза и осмотрелся.

Увидел он невысокие, плоские песчаные дюны, переливающиеся сотнями оттенков серого цвета. Вдоль горизонта проносился серебристо-голубой ветер, на него, словно шавка, набрасывался охряно-желтый встречный ветерок. Небо было красное, и в инфракрасном диапазоне различались бесчисленные непередаваемые тона.

Повсюду Флинн видел паутинки спектра. Земля и небо подарили ему десятки отдельных палитр, порой дополнительных цветов, но большей частью — цветов кричащих. На Марсе природным краскам недоставало гармонии.

Марвин обнаружил у себя в руке очки и нацепил их на нос. Тотчас же рев и буйство красок уменьшились до терпимой степени. Ошеломление, вызванное шоком, прошло, и Марвин стал воспринимать окружающее.

Прежде всего тяжелый гул в ухе и частый грохот — ни дать ни взять дробь тамтама. Он огляделся по сторонам в поисках источника этого шума, но, кроме земли да неба, ничего не увидел. Тогда он прислушался повнимательнее и установил, что шумы доно-

сятся из его собственной груди. Это работали легкие и сердце — такие звуки сопровождают жизнь всякого марсианина.

Теперь Марвин мог детально ознакомиться с самим собой. Он взглянул на свои ноги, тонкие и веретенообразные. Коленный сустав отсутствовал, зато каждая нога сгибалась в лодыжке, в голени, в средней и верхней части бедра. Руки были чуть толще ног, а кисть с двумя суставами увенчивали три обычных пальца и два противостоящих больших. Эти пальцы сгибались и отгибались в самых неожиданных направлениях.

На нем были черные шорты и белый свитер. Аккуратно свернутый нагрудник лежал в разрисованном кожаном футляре. Марвин даже изумился, до чего естественным все ему казалось.

А удивляться-то было нечему. Именно умение разумных существ приспособиться к новой среде и сделало возможным Обмен Разумов.

Флинн размышлял на эту тему, как вдруг услышал, что у него за спиной открывается дверь. Он обернулся и увидел перед собой марсианина, одетого в полосатую серо-зеленую правительственную форму. В знак приветствия марсианин вывернул ноги под углом сто восемьдесят градусов, Марвин поспешно ответил тем же.

Одна из замечательных особенностей при Обмене Разумов — «автоматическое обучение». На профессиональном жаргоне это формулируется так: «Вселяясь в дом, вы получаете право пользования мебелью». Само собой, под мебелью подразумеваются элементарные сведения, накопленные мозгом носителя. Такие сведения, как язык, обычаи, нравы и этика, общая информация об окружении — общая, безликая, полезная, как справочник, но далеко не всегда надежная. Личные воспоминания, склонности, антипатии остаются, за некоторыми исключениями, недоступными «жильцу» или же становятся доступны лишь в результате неимоверного усилия мысли. Здесь также имеет место нечто вроде иммунологической реакции: между двумя несравнимыми существами возможен лишь самый поверхностный контакт.

— Слабого ветра, — произнес марсианин старинное, классическое марсианское приветствие.

— И безоблачного неба, — ответил Флинн. Он с досадой обнаружил, что его носитель слегка шепелявит.

— Я Миэнгло Орихихих из Туристского Бюро. Добро пожаловать на Марс, мистер Флинн.

— Спасибо, — сказал Флинн. — Ужасно рад здесь очутиться. Это у меня, знаете ли, первый обмен.

— Знаю, — отозвался Орихихих. Он сплюнул на пол (верный признак нервозности) и разогнул большие пальцы. Из коридора

донеслись возбужденные голоса. — Так вот, относительно вашего пребывания на Марсе...

— Я бы хотел повидать Нору Песчаного Царя, — сказал Флинн. — И, конечно, Говорящий Океан.

— Обе идеи превосходны, — одобрил чиновник. — Но прежде две или три мелкие формальности.

— Формальности?

— Ничего особенного, — сказал Орихихих, изогнув нос налево в марсианской улыбке. — Прошу вас, ознакомьтесь с этими бумагами и опознайте их.

Флинн взял в руки и бегло просмотрел бумаги, о которых шла речь. Они оказались копиями тех бланков, что он заполнял на Земле. Он прочитал их внимательно и убедился в полной достоверности всех сведений.

— Эти бумаги я подписывал на Земле, — заявил он. Шум в коридоре усилился. Марвин различил слова:

— Кипятком ошпаренный, яйцекладущий сын замороженного пня! Дебил — пожиратель гравия!

Это были чрезвычайно оскорбительные ругательства.

Марвин вопросительно поднял нос. Чиновник поспешно сказал:

— Недоразумение, путаница. Подобные нелепые накладки случаются даже в самых образцовых из государственных туристских учреждений. Но я совершенно уверен, что мы все уладим, не успеет жаждущий выпить пять глотков рани, если не раньше. Позвольте спросить, вы не...

Из коридора донесся шум какой-то возни, и в комнату ворвался другой марсианин, а за ним — третий, чиновник помельче рангом, он хватал за локоть и тщетно пытался удержать второго марсианина.

Ворвавшийся в комнату марсианин был невероятно стар, о чем свидетельствовало слабое фосфорическое свечение его кожи. Руки у него дрожали, когда он простер их в сторону Марвина Флинна.

— Вот! — вскричал старик. — Вот оно, и клянусь всеми пнями, оно мне нужно тотчас же!

— Сэр, — одернул его Марвин, — я не привык, чтобы обо мне говорили в среднем роде!

— Я говорю не о вас, — ответил престарелый марсианин. — Я вас не знаю, и мне дела нет, кто вы и что вы. Я говорю о теле, которое вы занимаете и которое вам не принадлежит.

— Что вы хотите сказать?

— Этот джентльмен, — вмешался первый чиновник, — утверждает, что вы занимаете принадлежащее ему тело. — Он дважды сплюнул на пол. — Это, конечно, путаница, мы в два счета разберемся.

— Путаница! — взвыл престарелый марсианин. — Это махровое надувательство.

— Сэр, — с холодным достоинством возразил Марвин, — вы сильно заблуждаетесь. Это тело было выдано мне в пользование по всем правилам и согласно закону.

— Жаба чешуйчатая! — вскричал старик. — Пустите меня!

Он стал осторожненько высвобождаться из хватки спутника.

Вдруг в дверях появилась внушительная фигура, с ног до головы облаченная в белое. Все, кто присутствовал в комнате, умолкли, когда их взгляд упал на уважаемого и внушающего страх представителя полиции Южно-Марсианской Пустыни.

— Джентльмены, — сказал полисмен, — взаимные упреки излишни. Пройдемте в полицейский участок. Там с помощью фулжимэянина-телепата мы доберемся до истины и узнаем побудительные мотивы.

Полисмен выдержал эффектную паузу, пристально поглядел каждому в лицо, проглотил слюну, демонстрируя полнейшее спокойствие, и прибавил:

— Уж это я вам обещаю.

Без дальнейших проволочек полисмен, чиновник, старик и Марвин Флинн последовали в полицейский участок. Шли они молча, в одинаково тревожном настроении.

Во всей цивилизованной Галактике считается избитой истиной, что, когда идешь в полицию, неприятности у тебя только начинаются.

Глава 5

В полицейском участке Марвина Флинна вместе с прочими сразу отвели в полутемную сырую келью, где обитал фулжимэянин-телепат. Это трехногое существо, как и все жители планеты Фулжимэ, наделено шестым телепатическим чувством — скорее всего в виде компенсации за притупленность пяти остальных.

— Пусть будет что будет, — сказал фулжимэянин-телепат, когда все выстроились перед ним. — Выйди вперед, малый, и расскажи о своем деле.

Он строго указал пальцем на полисмена.

— Сэр, — от смущения полисмен выпрямился во весь свой рост, — я не кто-нибудь, а полисмен.

— Это очень интересно, — ответил телепат. — Но для меня остается неясным, какое отношение имеет данное обстоятельство к вопросу о вашей виновности или невиновности.

— Да ведь меня не обвиняют ни в каком преступлении, — отбивался полисмен.

На мгновение телепат задумался, потом сказал:

— Я, кажется, понимаю. Обвиняют вот этих двух. Так?

— Так, — подтвердил полисмен.

— Приношу извинения. Исходящая от вас эманация виновности спровоцировала меня на поспешный вывод.

— Виновности? — переспросил полисмен. — От меня?

Голос у него оставался спокойным, но на коже проступили характерные оранжевые полосы озабоченности.

— Да, от вас, — повторил телепат. — И нечего удивляться. Крупные хищения — это такая штука, после которой чувствуют вину почти все разумные существа.

— Но постойте! — воскликнул полисмен. — Я не совершал никакого крупного хищения!

Телепат закрыл глаза и углубился в собственные мысли. Наконец он сказал:

— Это верно. Я имел в виду, что вы еще совершите крупное хищение.

— В суде ясновидение не считается доказательством, — провозгласил полисмен. — Более того, заглянуть в будущее — значит, прямо нарушить закон о свободе воли.

— И это верно, — признал телепат. — Приношу извинения.

— Ничего, ничего, — сказал полисмен. — Когда же я совершу вышеупомянутое крупное хищение?

— Месяцев через шесть, — ответил телепат.

— И меня арестуют?

— Нет. Вы покинете эту планету и укроетесь в таком месте, где закон о выдаче уголовных преступников не действует.

— Гм, занятно, — сказал полисмен. — А скажите, пожалуйста... Впрочем, это мы обсудим попозже. Сейчас вы должны заслушать обе стороны и установить, кто виновен и кто невиновен.

Телепат осмотрел Марвина, погрозил ему перепончатой лапой и сказал:

— Приступайте.

Марвин поведал ему свою историю, начав с того, как он впервые прочел объявление, не пропустив ни одной подробности.

— Благодарю вас, — сказал телепат, когда Марвин закончил рассказ. — А теперь, сэр, ваш черед.

Он повернулся к старику, а тот откашлялся, почесал грудь, несколько раз плюнул и приступил к своему повествованию.

ИСТОРИЯ ЭЙЖЕЛЕРА ФРУСА

— Право, и не знаю, с чего начать, так что начну-ка я, пожалуй, со своего имени — меня зовут Эйжелер Фрус, расовой принадлежности — немукфянский адвентист, занятия — владелец магазина готового платья на планете Ахельс-5. Лавочка у меня маленькая, не очень прибыльная, находится в Ламберсе (это Южный Полярный круг), и я день-деньской продаю одежду рабочим, иммигрантам с Венеры, а это здоровенные, зеленые, волосатые парни, крайне невежественные, вспыльчивые, не дураки подраться, хоть я и чужд расовых предрассудков.

Такое занятие, как у меня, располагает к философии; пусть я небогат, зато сохранил здоровье (слава богу), и жена моя Очаровара тоже, если не считать хронического фиброза щупалец. К тому же у меня двое взрослых сыновей, один работает врачом в Сидипорте, другой — тренер кланнтов. Еще у меня есть замужняя дочь, а значит, само собой, и зять.

Зятю своему я никогда не доверял, потому что он франт, у него двенадцать пар нагрудников, а у моей дочки нет даже приличного комплекта чесательных палочек. Тут уж ничего не поделаешь, сама вырыла себе нору, теперь пусть в нее и лезет. Но все же, когда человек так увлекается нарядами, ароматическими маслами для суставов и прочими роскошествами, и все это на скромное жалованье коммивояжера, торгующего влагой (он-то величает себя инженером-гидросенсором), тут поневоле призадумаешься.

И вечно он пытается раздобыть деньжат на стороне, пускается во всякие дурацкие авантюры, которые я же должен финансировать из своих потом нажитых сбережений, — не так-то просто всучить одежду этим здоровенным зеленым парням. Например, в прошлом году ухватился он за новинку — дворовый тучедел, а я ему и говорю: «Да кому это надо?» Но жена настояла, чтобы я поддержал зятя, и, конечно же, он вылетел в трубу. А в этом году у него появился новый план — на сей раз дешевые изделия из переливчато-радужной синтетической шерсти с Веги-2; груз такой шерсти он откопал в Гелигопорте и хотел, чтобы я этот груз выкупил.

Я ему говорю: «Слушай, а много ли эти венерианские крикуны смыслят в щегольстве? Да они рады-радешеньки, если могут себе позволить твидовые шорты или плащ для воскресенья». Но мой зять за словом в карман не полезет, вот он мне и говорит: «Слушай, папа, я ли не изучал венерианские народные нравы и обычаи? Я вот как понимаю: эти ребята выросли в дремучем лесу, они любят обряды, пляски и особенно яркие цвета. Выходит, дело верняк, так или нет?»

В общем, если покороче, уговорил он меня на эту авантюру, хоть я и был против. Но я, естественно, решил взглянуть на переливчато-радужную шерсть своими глазами, потому что зятю я бы не доверил судить даже о клочке марли. А это значило, что мне нужно пересечь пол-Галактики и попасть на Марс, в Гелигопорт. Вот я и стал готовиться к поездке.

На обмен со мной никто не соглашался. Не то чтобы я кого-нибудь осуждал, ведь на такую планету, как Ахельс-5, никто не рвется, разве что иммигранты с Венеры, но они народ темный. Однако увидел я объявление марсианина Зе Краггаша, который хотел отдать свое тело напрокат, потому что разум он отправлял в холодильник, на длительный отдых. Чертовски дорого, но что оставалось делать? Часть денег я вернул — сдал свое тело приятелю, который охотился на кваренгов, пока его не приковал к постели мышечный дискомиотоз. Потом пошел в Бюро Обмена, и там меня спроецировали на Марс.

Вообразите же мое негодование, когда оказалось, что никакое тело мне не приготовлено! Все сбились с ног, пытаясь выяснить, что стряслось с телом-носителем, норовили даже отослать меня обратно на Ахельс-5; но ничего не вышло, так как приятель в моем теле отправился в экспедицию — охотиться на кваренгов.

Наконец подыскали мне тело в Терезиенштадтской фирме «Прокат». Они сдают максимум на двенадцать часов, потому что летом на краткосрочный прокат у них отбоя нет от заявок. Да и тело-то никудышное, песок из него сыплется, убедитесь сами, и в придачу содрали за него втридорога.

Пошел я выяснять, где что неладно, и что же оказалось? Этот турист с Земли нахально разгуливает в теле, за которое я уплатил сполна и которое в соответствии с контрактом я должен был бы занимать в эту самую минуту.

Это не только несправедливо, но и в высшей степени вредно для моего здоровья. Вот и вся моя история.

Телепат удалился в свою келью — обдумать решение. Не прошло и часа, как он вернулся и произнес:

— Оба вы взяли напрокат, по обмену или иным законным образом получили одно и то же тело, а именно телесную оболочку Зе Краггаша. Тело было предложено его хозяином, упомянутым Зе Краггашем, каждому из вас, а следовательно, сделка осуществлена в прямое нарушение всех соответствующих законов. Действия Зе Краггаша надлежит считать преступными как по замыслу, так и по исполнению. Поскольку обстоятельства сложились именно так, я распорядился отправить на Землю депешу с требованием безотлагательного ареста упомянутого Зе Краггаша и содержания его под стражей до тех пор, пока не будет оформлена выдача его в руки соответствующих властей.

Оба вы заключили сделку в добросовестном заблуждении. Однако первую, или более раннюю, сделку, судя по бланкам контрактов, заключил мистер Эйжелер Фрус, опередив мистера Марвина Флинна на тридцать восемь часов. Следовательно, мистеру Фрусу, как первому покупателю, и присуждается данная телесная оболочка; мистеру же Флинну предписывается прекратить и прервать незаконное пользование и принять к сведению Уведомление о Выселении, которое я ему передаю и которое вступит в силу через шесть стандартных часов по Гринвичу.

Телепат вручил Марвину Уведомление о Выселении.

Флинн взял его с грустью, но покорно.

— По-моему, — сказал он, — лучше будет, если я вернусь на Землю, в свое тело.

— Это самое мудрое решение, — одобрил телепат. — К несчастью, в ближайшее время это не представляется возможным.

— Не представляется? Почему?

— Потому что, — ответил телепат, — по сообщению земных органов власти, чью телепатему я только сейчас принял, ваше тело, одухотворенное разумом Зе Краггаша, не удалось обнаружить. Результаты предварительного дознания внушают опасение, что Зе Краггаш скрылся с планеты, прихватив с собою ваше тело и деньги мистера Эйжелера.

Дошло далеко не сразу. Но в конце концов Марвин Флинн осознал все последствия, вытекающие из услышанного.

Он застрял на Марсе в чужом теле, которое надо освободить. Через шесть часов он превратится в разум, лишенный тела и почти лишенный надежды обрести таковое.

Разум не может существовать вне тела. Медленно и неохотно Марвин Флинн принял к сведению, что стоит перед угрозой неминуемой смерти.

Глава 6

Марвин не предался отчаянию. Зато он предался гневу — эмоции гораздо более оправданной, хотя столь же безрезультатной. Вместо того чтобы позорить себя, рыдая в суде, он позорил себя, бушуя в коридорах Федерал-Билдинг, требуя либо справедливости, либо, черт побери, какого-нибудь удачного ее эквивалента.

Молодой человек был глух ко всему. Тщетно втолковывали ему юристы, что если бы справедливость действительно существовала, то отпала бы необходимость в законе и законниках, а тогда исчезла бы одна из благороднейших концепций человечества и целая профессия оказалась бы ненужной.

Этот вразумительный довод не умиротворил взбешенного Марвина, который являл собой существо, не поддающееся убеждению. В груди его трещало и скрежетало дыхание, когда он громовым голосом обличал судебную машину Марса. В таком настроении он подошел к двери с табличкой «Бюро сыска и задержания. Межзвездный отдел».

— Ага! — пробормотал Марвин и вошел внутрь. Он очутился в маленькой комнатушке, точно сошедшей со страниц старинного исторического романа. Вдоль стен чинно выстроились старые, но надежные электронные калькуляторы. Возле двери стояла одна из первых моделей преобразователя мысли в машинописный текст. Кресла отличались определенностью формы и пластиковой обивкой пастельных тонов — тем, что ассоциируется с минувшей эрой праздности. Комнатушке не хватало только громоздкого «Морэни», чтобы стать точной копией места действия повести Шекли и других ранних поэтов Переходного века.

В одном из кресел сидел немолодой марсианин и метал стрелы в мишень, очертаниями напоминающую женский зад.

При входе Марвина он поспешно обернулся и сказал:

— Давно пора. Я вас ждал.

— Серьезно? — не поверил Марвин.

— Ну, не то чтобы уж совсем, — признался марсианин. — Но я установил, что такое начало беседы достаточно эффектно и создает атмосферу доверия.

— Зачем же вы губите эту атмосферу, открывая ее секрет?

— Все мы далеки от совершенства, — пожал плечами марсианин. — Я всего лишь простой труженик — сыщик. Урф Урдорф. Садитесь. Кажется, мы напали на след вашей меховой шубки.

— Какой меховой шубки? — удивился Марвин.

— Вы разве не мадам Риппер де Лоу — травести, которую вчера вечером ограбили в отеле «Красные Пески»?

— Конечно, нет. Я Марвин Флинн. Потерял тело.

— Да-да, разумеется, — энергично закивал сыщик Урдорф. — Давайте-ка по порядку. Вы случайно не помните, где находились, когда впервые заметили пропажу тела? Не спрятал ли его кто-нибудь из ваших друзей, желая подшутить над вами? А может, вы его сами куда-нибудь заткнули или отправили отдохнуть?

— Вообще-то оно не то чтобы пропало, — сказал Марвин. — По-настоящему — его украли.

— Так бы и говорили с самого начала, — обиделся Урдорф. — Теперь дело предстает в совершенно ином свете. Я всего лишь сыщик; никогда не выдавал себя за чтеца чужих мыслей.

— Очень жаль, — сказал Марвин.

— Мне тоже жаль, — сказал сыщик Урдорф. — Это я о вашем теле. Должно быть, для вас это был форменный удар.

— Да, так оно и было.

— Представляю, каково вам теперь.

— Спасибо, — поблагодарил Марвин.

Несколько минут посидели в дружелюбном молчании. Первым заговорил Марвин:

— Ну?

— Прошу прощения? — ответил сыщик.

— Я говорю «ну?»!

— А-а! Извините, первый раз я вас не расслышал.

— Это ничего.

— Спасибо.

— Ради бога, пожалуйста.

Вновь наступило молчание. Затем Марвин опять сказал: «Ну?», а Урдорф ответил: «Прошу прощения?».

— Я хочу, чтобы мне его вернули, — сказал Марвин.

— Кого?

— Мое тело.

— Что-что? Ах да, ваше тело. Гм, еще бы вы не хотели, — подхватил сыщик с понимающей улыбкой. — Но это, конечно, не так-то легко, правда?

— Откуда мне знать, — ответил Марвин.

— Да, знать вам, пожалуй, неоткуда, — согласился Урдорф. — Но смею вас уверить, это не так-то легко.

— Понимаю, — сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете.

Произнеся эти слова, Урдорф погрузился в молчание. Молчание длилось приблизительно секунд двадцать пять плюс-минус секунда или две; к концу этого периода терпение у Марвина лопнуло, и он закричал:

— Черт вас возьми, намерены вы шевельнуть пальцем, чтобы вернуть мне тело, или же будете просиживать свою толстую задницу, не говоря ни единого путного слова?

— Конечно, я намерен вернуть вам тело, — сказал сыщик. — Или, во всяком случае, попытаться. И незачем меня оскорблять. Я, в конце концов, не машина с готовыми ответами на перфокартах. Я разумное существо, такое же, как и вы. У меня свои надежды и страхи. И свой метод ведения беседы. Вам он может казаться не очень действенным, но я нахожу его в высшей степени целесообразным.

— Это действительно так? — смягчился Марвин.

— Право же, так. — В кротком голосе сыщика не было и следа обиды.

Казалось, вот-вот наступит очередное молчание, поэтому Марвин сказал:

— Как, по-вашему, есть ли надежда, что я... что мы вернем мое тело?

— Есть, и большая, — ответил сыщик Урдорф. — Я, откровенно говоря, рискну зайти довольно далеко и заявить, что уверен в успехе. Моя уверенность базируется не на изучении вашего конкретного случая, о котором мне известно очень немногое, а на простейших статистических выкладках.

— А выкладки свидетельствуют в нашу пользу? — осведомился Марвин.

— Вне всякого сомнения! Судите сами: я квалифицированный сыщик, владею всеми новейшими методами, мне присвоен высший индекс оперативности — АА-А. И все же, несмотря на это, за пять лет полицейской службы я еще ни разу не раскрыл преступления.

— Ни единого?

— Ни единого, — решительно подтвердил Урдорф. — Любопытно, не правда ли?

— Да, наверное, — сказал Марвин. — Но ведь это значит...

— Это значит, — перебил его сыщик, — что полоса неудач, самая редкостная из всех мне известных, по статистическому ожиданию должна вот-вот закончиться.

Марвин смешался, а это ощущение непривычно для марсианского тела. Он спросил:

— А что, если полоса все же не закончится?

— Не будьте суеверным, — ответил сыщик. — Теория вероятностей на нашей стороне; в этом вы убедитесь даже при самом поверхностном анализе создавшегося положения. Я завалил сто пятьдесят семь дел подряд. Ваше сто пятьдесят восьмое. На что бы вы поставили, если бы были заядлым спорщиком?

— На то, что и дальше будет так продолжаться, — сказал Марвин.

— Я тоже, — признался сыщик с виноватой улыбкой. — Но тогда, заключая пари, мы исходили бы из эмоций, а не из разумного расчета. — Урдорф мечтательно поднял глаза к потолку. — Сто пятьдесят восемь неудач! Фантастическая цифра! Такая полоса неминуемо должна закончиться! Скорее всего я теперь могу сидеть у себя в кабинете сложа руки, а преступник сам найдет ко мне дорогу.

— Да, сэр, — вежливо согласился Марвин. — Но вы, надеюсь, не станете пробовать именно такой метод.

— Да нет, — сказал Урдорф. — Его я испробовал в деле номер сто пятьдесят шесть. Нет, ваше дело я буду расследовать активно. Тем более что здесь налицо преступление сексуальное, а такие вещи меня особенно интересуют.

— Извините? — пролепетал Марвин.

— Вам совершенно не в чем извиняться, — заверил его сыщик. — Не следует испытывать чувство неловкости или вины

только оттого, что вы стали жертвой сексуального преступления, пусть даже народная мудрость многих цивилизаций гласит, будто в таких случаях на жертву ложится позорное пятно, исходя из презумпции ее сознательного или подсознательного соучастия.

— Нет-нет, я не извинялся, — сказал Марвин. — Я просто...

— Вполне понимаю, — прервал его сыщик. — Но не стыдитесь, расскажите мне самые чудовищные, омерзительные подробности. Считайте меня безликой официальной инстанцией, а не разумным существом с половыми признаками, страхами, желаниями, вывихами, поползновениями...

— Я все пытаюсь вам втолковать, — сказал Марвин, — что сексуальное преступление здесь ни при чем.

— Все так говорят, — задумчиво произнес сыщик. — Поразительно, до чего неохотно приемлет неприемлемое человеческий разум.

— Вот что, — сказал Марвин, — если бы вы дали себе труд ознакомиться с фактами, то заметили бы, что речь идет о наглом мошенничестве. Мотивы преступления — деньги и самоувековечение.

— Это-то я знаю, — ответил сыщик. — И если бы не процессы сублимации, так бы мы и считали.

— Какими же еще мотивами мог руководствоваться преступник?

— Самыми очевидными, — сказал Урдорф. — Классический синдром. Видите ли, этот малый действовал под влиянием особого импульса, который принято обозначать особым термином. Преступление совершено в тяжелом состоянии давнего проективного нарциссова комплекса.

— Не понимаю, — пробормотал Марвин.

— С таким явлением малоосведомленные люди, как правило, не сталкиваются, — утешил его сыщик.

— А что это значит?

— Я не могу углубляться в дебри этиологии. А если вкратце, то синдром вызывает смещение себялюбия. Попросту говоря, больной влюбляется в другого, но не как в другого. Скорее он влюбляется в другого, как в самого себя.

— Ладно, — смирился Марвин. — Поможет это нам найти того, кто украл у меня тело?

— Вообще-то нет, — сказал сыщик. — Но это нам поможет его понять.

— Когда вы приступите? — спросил Марвин.

— А я уже приступил, — ответил сыщик. — Пошлю, конечно, за судебными протоколами и прочими документами, относящимися к делу, запрошу дополнительную информацию у соответствующих органов других планет. Я не пожалею сил, а если будет

нужно или полезно — отправлюсь на край Вселенной. Это преступление я раскрою.

— Рад, что вы так настроены, — заметил Марвин.

— Сто пятьдесят восемь дел подряд, — размышлял Урдорф вслух. — Слыханная ли штука — такая полоса неудач? Но теперь она закончится. Я хочу сказать, не может же она тянуться до бесконечности, правда?

— Наверное, не может, — согласился Марвин.

— Хорошо бы мое начальство тоже встало на эту точку зрения, — хмуро сказал сыщик. — Хорошо бы оно перестало называть меня недотепой. Такие словечки, да насмешки, да поднятые брови — все это кого угодно лишит уверенности в себе. На мое счастье, я отличаюсь несгибаемой волей и полнейшей уверенностью в самом себе. По крайней мере так было еще после первых девяноста неудач.

На несколько секунд сыщик тяжело задумался, потом сказал Марвину:

— Надеюсь, вы окажете мне всяческую помощь и поддержку.

— Рад стараться, — ответил Марвин. — Беда только в том, что не более чем через шесть часов меня лишат тела.

— Чертовски досадно, — рассеянно произнес Урдорф. Он явно погрузился уже в мысли о следствии и лишь с трудом заставил себя вновь уделить внимание Марвину. — Лишат, вот как? Надо полагать, вы приняли меры? Нет? Ну, тогда, надо полагать, вы еще примете меры.

— Не знаю, какие меры тут можно принять, — угрюмо ответил Марвин.

— Ну, об этом не стоит пререкаться, — сказал сыщик подчеркнуто бодрым голосом. — Найдите где-нибудь другое тело, а главное — оставайтесь в живых! Обещайте мне сделать все от вас зависящее, чтобы остаться в живых.

— Обещаю, — сказал Марвин.

— А я буду продолжать расследование и свяжусь с вами, как только смогу что-нибудь сообщить.

— Но как вы меня отыщете? — спросил Марвин. — Я ведь не знаю, в каком буду теле и даже на какой планете.

— Вы забываете, что я сыщик, — с бледной улыбкой ответил Урдорф. — Пусть мне нелегко отыскивать преступников, зато уж жертв я всегда отыскиваю без малейшего затруднения. Так что выше голову, не допускайте, чтоб у вас душа уходила в пятки, а главное, помните: останьтесь в живых!

Марвин согласился остаться в живых, тем более что на этом строились все его планы. И вышел на улицу, сознавая, что драгоценное время истекает, а своего тела у него по-прежнему нет.

Глава 7

Заметка в «Марс-Солнце-ньюс» (печатный орган трех планет):

«СКАНДАЛ ВОКРУГ ОБМЕНА

Сегодня полиции Марса и Земли стало известно о скандале, разразившемся в связи с Обменом Разумов. Разыскивается некий Зе Краггаш (неизвестно, с какой планеты), который, как утверждают, продал, обменял или по иным обязательствам ссудил свое тело двенадцати лицам одновременно. На арест Краггаша выданы ордера. Полиция трех планет не сомневается, что вскоре преступник будет задержан. Дело напоминает знаменитый скандал с «Двухголовым Эдди» в начале 90-х годов, когда...»

Марвин Флинн уронил газету в канаву. Он смотрел, как жидкий песок уносил ее прочь; горькая эфемерность печатного слова казалась символом весьма условного существования самого Марвина. Он стал пристально разглядывать свои руки; голова у него поникла.

— Полно, полно, что у тебя стряслось, а, приятель?

Флинн увидел перед собой добродушное, иссиня-зеленое лицо эрланина.

— Беда у меня, — сказал Флинн.

— Что ж, послушаем, какая именно, — сказал эрланин и свернулся клубком на тротуаре рядом с Флинном.

Как и у всех его компатриотов, у эрланина активное сочувствие сочеталось с бесцеремонностью. Известно, что эрлане — народ грубый, остроумный, склонный к веселому, беззлобному подтруниванию и безыскусным прибауткам. Непревзойденные путешественники и торговцы, эрлане с Эрлана-2 по заветам «своей религии имели право путешествовать только in corpore»[1].

Марвин поведал свою историю вплоть до того злополучного мимолетного мгновения, которое именуется «сейчас», того жестокого и неумолимого «сейчас», того ненасытного «сейчас», что пожирало его скудный запас минут и секунд, приближая время, когда истекут контрольные шесть часов и Марвина, лишенного тела, бросят в неведомую Галактику, прозванную людьми «смерть».

— Ух ты! — сказал эрланин. — Ты случайно не жалеешь ли себя?

— Конечно, черт побери, я-то себя жалею, — вспылил Флинн. —

[1] Здесь: «в собственном теле», т. е. собственной персоной *(лат.)*.

Я пожалел бы любого, если он должен умереть через шесть часов. Почему же мне не жалеть самого себя?

— Ставь кастрюлю, как тебе удобней, повар, — ответил эрланин. — Кое-кто обозвал бы это дурным тоном и прочей дребеденью, но я-то стою за учение Гуажуа, а он сказал: «Вблизи тебя гнусавит смерть? Раскровени ей нос!»

Марвин уважал всякую религию и, уж конечно, не питал предрассудков относительно широко распространенной секты антимелодистов. Однако для него оставалось неясным, чем ему помогут слова Гуажуа; так он и заявил.

— Бодрись, — посоветовал эрланин. — При тебе еще остались твои мозги и твои шесть часов, так ведь?

— Пять.

— Вот видишь! Встань-ка на задние лапы и докажи, что ты не размазня, ладно, горячка? Оттого что ты здесь бродишь, точно беглый каторжник, толку ведь не будет, верно?

— Да, навряд ли, — сказал Марвин. — А с другой стороны, что делать? Своего тела у меня нет, а чужие дороги.

— Увы, твоя правда. Не приходила ли тебе в голову мысль о Свободном Рынке? А?

— Это же, наверное, опасно, — возразил Марвин и вспыхнул при мысли о том, как нелепы его слова.

Эрланин широко ухмыльнулся:

— Дошло, парень? Но, послушай, все не так скверно, как кажется, только возьми тоном выше. Не так уж страшен Свободный Рынок; плетут о нем всякие небылицы, в основном это делают крупные агентства по обмену, они желают сохранить свои взвинченные капиталистические цены. Но знаю я одного малого, он там двадцать лет крутится на краткосрочных сделках, так он говорит, почти все ребята исключительно честные. Так что голову выше, нагрудник не теряй, выбери себе хорошего посредника. Счастливо, малый!

— Постойте! — вскричал Флинн, видя, что эрланин поднялся на ноги. — Как зовут вашего приятеля?

— Джеймс Праведник Мак-Хоннери, — ответил эрланин. — Это тертый, стреляный, тупой, мелкий прохвост, чересчур любит спелый виноград и слишком буен во хмелю. Но играет он некрапленными картами, обслуживает без подвоха, а большего ты ведь не станешь требовать даже от самого святого Кзала. Скажи только, что тебя рекомендует Пенгл-Порох, и желаю тебе удачи.

Флинн горячо поблагодарил Пороха, к смущению этого неотесанного, но мягкосердечного джентльмена. Затем встал и зашагал сперва медленно, потом все быстрее по направлению к Куэйну, в северо-западной части которого размещались киоски и открытые ларьки Свободного Рынка. В венах ожидания, только что

близких к максимальной энтропии, скромно, но твердо забился пульс надежды.

А рядом в канаве песчаный поток уносил обрывки газет в вечную и таинственную пустыню.

— Э-гей! Э-гей! Новые тела за старые! Приходите, обслужим — новые тела за старые!

Марвин весь задрожал, услышав старинный уличный крик, сам по себе невинный, но вызывающий реминисценции из мрачных готических рассказов. Он нерешительно углубился в запутанный лабиринт дворов и тупиков, из которых и состоял древний район Свободного Рынка. Пока он шел, ему прожужжали уши не менее чем двенадцатью громкими предложениями.

— Нужны сборщики урожая на поля Дрогхеды! Предоставляем вполне исправное тело с телепатическими способностями! На всем готовом, пятьдесят кредитов в месяц и, главное, удовольствия по классу В-3! Сегодня мы заключаем особо льготные двухгодичные контракты! Приезжайте собирать урожай на прекрасную Дрогхеду!

— Вербуйтесь в армию на Нейгуин! В наличии двадцать сержантских тел и несколько штук сортом повыше, в чине младших офицеров. Все тела прошли курс военной подготовки!

— А платить-то сколько будут? — спросил какой-то человек у продавца.

— Полное обеспечение и один кредит в месяц.

Человек фыркнул и отвернулся.

— И, — повысил голос зазывала, — неограниченное право грабежа и мародерства.

— Ну, это хоть на что-то похоже, — проворчал человек. — Но вот уже десять лет как Нейгуин терпит в этой войне поражение. Потери большие, а телесная часть войска не пополняется.

— Мы все это коренным образом изменяем, — сказал продавец. — Вы, видно, опытный покупатель?

— Верно, — ответил человек. — Я Шон фон Ардин, участвовал почти во всех крупных войнах Галактики, не считая мелких передряг.

— Последнее воинское звание?

— Джевальдер армии графа Ганимедского, — отчеканил фон Ардин. — А перед тем был в чине Полного Кфузиса.

— Ишь ты! — Продавец был явно ошеломлен.— Полный Кфузис, вот как? И документы сохранили? Ладно, тогда мы вот что сделаем. Предлагаю вам на Нейгуине должность манатея второго класса.

Фон Ардин, хмуря брови, принялся подсчитывать на пальцах.

— Дайте сообразить. Манатей второго класса соответствует циклопскому полудолу, а это чуть выше, чем король знамени на Анакзорее и почти на ползвания ниже дорианского Старика. Значит... Э, да если я завербуюсь, то это для меня сильное понижение в чине!

— Да, но вы не выслушали до конца, — продолжал продавец. — В этом чине вы пробудете в течение двадцатипятидневного испытательного срока, чтобы доказать Чистоту Намерений — о ней очень заботятся политические лидеры Нейгуина. А потом мы вас сразу повысим на три звания, сделаем меланрамом-суперриором. Это даст вам реальную надежду стать временным мечомджумбайя, и, может быть, даже (я ничего не обещаю, но думаю, что неофициально мы это состряпаем), может быть, я вам устрою должность грабежмейстера, когда будут делить добычу под Эридсвургом.

— Что ж, — фон Ардин был под впечатлением обещаний, как ни пытался устоять, — сделка довольно выгодная... если вы беретесь ее протолкнуть.

— Пройдемте в помещение, — сказал продавец. — Я позвоню по телефону.

А Марвин все шагал и слушал, как представители доброй дюжины рас препираются с продавцами — представителями другой дюжины рас. Марвину все уши прожужжали сотнями призывов. От оживленности рынка у Марвина поднялось настроение. А услышанные им варианты, хоть порой и отпугивающие, в массе своей были завлекательны:

— Нужен афидмен на пасеку Сенфиса! Хорошая плата, отзывчивая дружба.

— Требуется переписчик для работы над Грязной Книгой Ковенджин! Должен телепатически воспринимать сексуальные побуждения медридарианской расы!

— Ищем садовников-планировщиков на Арктур! Приезжайте на отдых к единственной в Галактике расе разумных овощей!

— Нужен опытный кандальщик на Бегу-4! Пригодятся также полуквалифицированные удержатели! Неограниченные привилегии!

Как много перспектив открывает Галактика! Марвину показалось, что его несчастье на самом деле не несчастье, а замаскированная удача. Он всегда стремился путешествовать... но раньше из скромности позволял себе лишь жалкую роль туриста. Насколько же лучше, насколько плодотворнее путешествовать с

ясной целью! Служить в армиях Нейгуина, изведать жизнь афидмена, узнать, каково быть кандальщиком... И даже переписывать Грязную Книгу Ковенджин.

Прямо перед собой он заметил табличку «Джеймс Праведник Мак-Хоннери, маклер по краткосрочным сделкам, с разрешения властей. Успех гарантируется».

За прилавком, скрытый по пояс, стоял и курил сигару ладный, видавший виды надутый коротышка с пронзительными кобальтово-синими глазами. Это и был, судя по всему, Мак-Хоннери собственной персоной. Молчаливый и высокомерный, не унижающийся до трепотни, коротышка стоял сложа руки, пока Флинн подходил к его ларьку.

Глава 8

Они очутились лицом к лицу — Марвин с разинутым ртом, Мак-Хоннери со стиснутыми зубами. Несколько секунд прошли в молчании. Затем Мак-Хоннери сказал:

— Слушай, малыш, тут тебе не какая-нибудь занюханная ярмарка, и я тебе не какой-нибудь занюханный урод. Если хочешь что-то сказать, выкладывай. Не хочешь — ступай своей дорогой, пока я тебе хребет не переломал.

Марвин сразу понял, что этот человек не из породы угодливых, медоточивых торговцев телами. В скрипучем голосе не было и тени подобострастия, в очертаниях искривленных губ — ни признака заискивания. Этот человек говорил то, что думал, и не заботился о последствиях.

— Я... я клиент, — выдавил из себя Флинн.

— Повезло же мне, — съязвил Мак-Хоннери. — Прикажешь теперь кувыркаться от радости, что ли?

Его ядовитая реплика и хамоватые манеры знающего себе цену человека вселили во Флинна доверие. Он, конечно, знал, что внешность обманчива, но ему никто никогда не сообщал, как еще можно судить о людях, если не по внешности. Он склонен был отдать себя на милость этого гордого и озлобленного человека.

— Через час-другой меня лишат вот этого тела, — объяснил Марвин. — Поскольку мое собственное украдено, мне позарез нужно какое-нибудь взамен. Денег у меня очень мало, но я... я на все согласен и готов работать.

Мак-Хоннери вытаращил глаза, и его сжатые губы искривились в язвительной усмешке.

— Готов работать, вот оно что? Как мило! И кем же ты готов работать?

— Да кем угодно.

— Вот как? А ты умеешь работать на монткальмском металлорежущем станке со светочувствительным пультом и ручным отбором брака? Нет? Думаешь, справишься с эспресс-сепаратором частиц, работая на заводах компании «Новые редкоземельные элементы»? Не по твоей части, а? Есть у меня заказчик, он хирург на Веге, ему нужен подручный, чтоб управлять стимулятором нервных импульсов — старая модель с двумя педалями. Не совсем то, что ты имел в виду? Далее, есть у нас заказ с Потемкина-2, там нужен исполнитель на коленной чашке, а ресторан в районе Бутса просит прислать повара, чтоб готовил дежурные блюда и знал кухню Кфензиса. Ни уму ни сердцу? Может, тебе подойдет собирать цветы на Мориглии; правда, там надо предвидеть антезис с разбросом не более пяти секунд. Или ты мог бы заняться точечной сваркой плоти, если у тебя нервы крепкие, или контролировать восстановление филопозов, или... Но, по-моему, ничто из перечисленного тебя не трогает, а?

Флинн покачал головой и буркнул:

— Ни в одной из этих работ я ничего не смыслю.

— Почему-то меня это вовсе не так удивляет, как ты думаешь, — сказал Мак-Хоннери. — А хоть что-нибудь ты умеешь?

— Да вот я в колледже изучал...

— К чертовой матери автобиографию! Меня интересует твое ремесло, талант, профессия, способность, искусство — называй как хочешь. Конкретно, что ты умеешь делать?

— Собственно, — сказал Марвин, — если уж вопрос стоит таким образом, то я, наверное, ничего особенного не умею.

— Знаю, — вздохнул Мак-Хоннери. — Ты неквалифицированный. У тебя это прямо на лбу написано. Малыш, может быть, тебе будет интересно узнать, что неквалифицированных разумов везде как собак нерезаных. Рынок ими затоварен. Вселенная забита — по швам трещит. Все, что ты сделаешь, машина сделает лучше, быстрее и куда охотнее.

— Очень жаль, сэр, — с достоинством, хоть и грустно, ответил Марвин и собрался уходить.

— Минутку, — сказал Мак-Хоннери. — Если не ошибаюсь, ты искал работу.

— Но вы же сами говорили...

— Я говорил, что ты неквалифицирован, да так оно и есть. И я говорил, что машина все делает лучше, быстрее и гораздо охотнее, но никоим образом не дешевле.

— Ага! — сказал Марвин.

— Да-с, что касается дешевизны, то ты еще дашь автоматике очко вперед. А в наш век, в наши дни это огромное достижение.

— Ну что ж, это все-таки утешительно, — с сомнением про-

изнес Флинн. — И, конечно, очень интересно. Но когда Пенгл-Порох посоветовал мне обратиться к вам, я думал...

— Стой, что такое? — встрепенулся Мак-Хоннери. — Ты друг Пороха?

— Считайте, что так, — ответил Флинн, избегая грубой лжи.

— Так бы и говорил с самого начала, — сказал Мак-Хоннери. — Не то чтоб от этого многое изменилось — ведь факты именно таковы, как я их излагаю. Но я бы тебе объяснил, что быть неквалифицированным не зазорно. Проклятье, ведь все мы так начинаем, разве нет? Если тебе повезет с контрактом на краткосрочную сделку, ты и глазом моргнуть не успеешь, как обучишься всяким ремеслам.

— Надеюсь, что так, сэр. — Теперь, когда Мак-Хоннери стал приветлив, Флинн насторожился. — У вас есть на примете какая-нибудь работенка?

— Вообще-то да, — сказал Мак-Хоннери. — Это всего недельная перекидка, а уж неделю можно вытерпеть на любой работе, даже если выполняешь ее, стоя на голове. Тебе-то это не грозит, работа приятная и сходная, на чистом воздухе, мозги напрягать особенно не требуется, хорошие рабочие условия, просвещенное руководство и конгениальная рабочая сила.

— Звучит заманчиво, — сказал Флинн. — А в чем здесь подвох?

— В том, что не такая это должность, где можно разбогатеть, — ответил Мак-Хоннери. — Откровенно говоря, платят хреново. Но какого черта, нельзя же все сразу.

— А что за должность? — спросил Марвин.

— Официально она называется «индигатор уфики, второго класса».

— Звучит внушительно.

— Рад, что тебе нравится. Это значит, что ты должен охотиться за яйцами.

— За яйцами?

— За яйцами. Или, если подробнее, ты должен искать, а когда найдешь, то подбирать яйца грача-ганзера. Думаешь, справишься?

— Я, собственно, хотел бы побольше разузнать о технике собирания, а заодно об условиях работы и...

Он остановился на полуслове, ибо Мак-Хоннери медленно, печально помотал головой.

— Тебе нужна работа?

— Есть у вас что-нибудь другое?

— Нет.

— Беру.

— Умное решение, — сказал Мак-Хоннери. Он вынул из кар-

мана какую-то бумагу. — Вот стандартный, одобренный правительством контракт на кроумельдском языке, который считается официальным языком планеты Мельд-2, куда приписана нанимающая тебя фирма. Умеешь читать по-кроумельдски?

— К сожалению, нет.

— Ну, текст стандартный... Фирма не несет ответственности за пожар, землетрясение, атомную войну, превращение солнца в сверхновую звезду, стихийные бедствия... фирма согласна тебя нанять... снабдить мельдским телом... за исключением случаев, когда окажется не в состоянии, в каковых случаях не обязана... и да помилует бог твою душу.

— Как-как? Повторите, — попросил Флинн.

— Последняя фраза — просто стандартный оборот речи. Дай сообразить, по-моему, это все. Ты, конечно, обязуешься не совершать актов вредительства, шпионажа, непочтительности, неповиновения и так далее, а также всячески избегать и сторониться половых извращений, перечисленных у Гофмейера в «Стандартном справочнике мельдских извращений». Кроме того, ты обязуешься умываться раз в двое суток, не влезать в долги, не превращаться в алкоголика, не сходить с ума. Ну, тут еще всякие обязательства, против которых не станет возражать ни один здравомыслящий человек. Вот, пожалуй, и все. Если у тебя есть деловые вопросы, я постараюсь на них ответить.

— Да вот, — сказал Флинн, — насчет всех этих обязательств...

— Это неважно, — отмахнулся Мак-Хоннери. — Нужна тебе работа или нет?

У Марвина были кое-какие сомнения.

Но не успел он опомниться, как оказался в мельдском теле, на Мельде.

Глава 9

Дождевой лес ганзеров на Мельде был дремуч и обширен. Среди исполинских деревьев проносился легчайший шепот ветерка, вернее, тень его; он протискивался сквозь переплетения лиан и, словно сломав хребет, проползал по крючковатой траве. Капли воды с трудом соскальзывали вниз по спутанной листве, как заблудившиеся в лабиринте, в изнеможении присевшие отдохнуть на губчатой и равнодушной почве. Тени смешивались и плясали, бледнели и вновь появлялись, приведенные в мнимое движение двумя усталыми солнцами в небе цвета зеленоватой плесени. Над головой безутешный ферентол свистом подзывал подругу, но в ответ слышал только частый зловещий кашель хищного царь-прыгуна.

И по этой-то скорбной местности, так томительно похожей на Землю и так от нее отличной, бродил Марвин Флинн в непривычном мельдском теле, упорно глядя себе под ноги, — он искал яйца ганзеров, не зная толком, на что они похожи.

Все произошло стремительно. С того мига, как он прибыл на Мельд, у него не было времени оглядеться. Едва его воплотили, как кто-то уже повелительно орал у него над ухом.

Флинн только-только успел торопливо осмотреть свое четверорукое, четвероногое тело, для пробы вильнул единственным хвостом и перекинул уши за спину, как его тотчас же, словно скотину, загнали в рабочую бригаду, сообщили ему номер барака и местонахождение столовой, вручили джемпер (на два размера больше, чем нужно) и башмаки (которые пришлись почти впору, если не считать того, что левый чуть-чуть жал). Флинн расписался в получении и принял набор инструментов, необходимых для новой профессии: большой синтетический мешок, темные очки, компас, сеть, щипцы, тяжелый металлический треножник и бластер.

Его и других рабочих выстроили рядами, их в спешке проинструктировал менеджер — усталый и надменный атреянин.

Флинн узнал, что его новая родина занимает ничтожную часть пространства вблизи Альдебарана. Мельд — планета, прямо скажем, второсортная. По шкале климатических допусков Хэрлихэна-Чанза ее климат классифицируется как «невыносимый», потенциальные природные ресурсы считаются «ниже минимальной нормы», а коэффициент эстетического резонанса (не измеренный) объявлен «невдохновляющим».

— Не такое место, — сказал менеджер, — которое стоило бы выбрать для отпуска, да и вообще для чего бы то ни было.

Слушатели нервно захихикали.

— Тем не менее, — продолжал менеджер, — этот неприветливый и непривечаемый мир, это галактическое недоразумение, эту космическую посредственность обитатели считают своей родиной и прекраснейшей планетой во Вселенной.

Мельдяне, неистово гордясь единственной своей реальной ценностью, делают хорошую мину при плохой жизни. С мужественной решимостью вечных неудачников они возделывают опушки дождевого леса, а в необъятных пылающих пустынях добывают бедные руды с жалким содержанием металла. Их упорную настойчивость можно было бы ставить в пример, если бы она не приводила к неизменному краху.

И сказал менеджер:

— Вот чем был Мельд, если бы не еще один факт. Яйца ганзеров! Ни на одной планете их нет, и ни одна планета не нуждается в них так сильно.

Яйца ганзеров — единственный предмет экспорта с планеты Мельд. К счастью для мельдян, эти яйца повсюду пользуются бешеным спросом. На Оришаде яйца ганзеров служат любовными амулетами; на Офиухе-2 их мелют и едят как непревзойденный стимулятор любовного желания; на Моришаде после освящения они становятся предметом культа у безрассудных К'тенги.

Итак, яйца ганзеров — жизненно важный природный ресурс, к тому же единственный на Мельде. Благодаря им мельдяне удерживаются на определенной ступени цивилизации. Без них раса неминуемо пришла бы в упадок.

Чтобы заполучить яйцо ганзера, надо всего-навсего нагнуться и поднять его. Но тут-то и кроются некоторые трудности, ибо ганзеры категорически сопротивляются такой практике.

Ганзеры, обитатели лесов, ведут происхождение от древних ящеров. Они свирепы, искусно прячутся, коварны, жестоки и совершенно не поддаются приручению. Все эти качества делают сбор яиц ганзеров занятием крайне опасным.

— Создалось любопытное положение, — отметил менеджер, — не лишенное парадоксальности. Основной источник жизни на Мельде есть в то же время и основная причина смертности. Это послужит вам пищей для размышлений, когда начнете свой рабочий день. Запомните же мои слова: берегите себя, будьте все время начеку, семь раз отмерьте — один отрежьте, сделайте все возможное, чтобы сохранить свои связанные договором жизни, не говоря уже о дорогостоящих телах, выданных вам в пользование. Но, кроме того, не забывайте о норме — если вы недовыполните дневную норму хотя бы на одно-единственное яйцо, то за этот день вам будет начислена целая штрафная неделя. Желаю успеха, ребята!

Тут Марвина и остальных ребят опять выстроили рядами и без проволочек отвели в лес.

Через час достигли поисковой зоны. Марвин Флинн воспользовался случаем попросить у десятника инструкций.

— Инструкций? — переспросил десятник. — Какой вид, какой род?

Он был переселенцем с Оринафы и не мог похвастать лингвистическими способностями.

— В смысле, что я должен делать? — уточнил Флинн.

Десятник долго обдумывал вопрос и наконец отреагировал:

— Ты должен собирай яйца ганзер.

У него получилось «ганьсер».

— Это-то понятно, — сказал Флинн. — Я о другом спрашиваю: я ведь даже не знаю, на что похоже яйцо ганзера.

— Не волновайтесь, — ответил десятник. — Ты знай, когда увидеть, без ошибка, да.

— Есть, сэр, — выпалил Флинн. — А если я найду яйцо ганзера, то существуют ли особые правила насчет того, как с ними обращаться? Например, чтобы нечаянно не разбить...

— Обращаться, — сказал десятник, — ты поднимай яйцо, клай в мешок. Ты понимай такая вещи, да или нет?

— Конечно, понимаю, — заверил Марвин. — Но я еще хотел бы выяснить, велика ли дневная норма. Как подсчитывается выработка, по часам? Перерыв на обед не в счет?

— А! — сказал десятник, и с его широкого добродушного лица исчезло недоуменное выражение. — Наконец это так. Ты поднимай яйцо ганзер, клай в мешок, ясно?

— Ясно, — без запинки ответил Марвин.

— Ты делай так каждый раз, пока мешок не наполняться. Уловил?

— По-моему, да, — ответил Марвин. — Полный мешок соответствует действительной или идеальной норме. Дайте-ка я повторю еще раз все этапы, чтобы действовать наверняка. Сначала я устанавливаю местопребывание яиц ганзера, пользуясь земными эквивалентами этого понятия и, надо полагать, не испытывая трудностей при опознании. Затем, обнаружив и опознав объект поисков, я приступаю к процессу, именуемому «класть яйцо в мешок», под чем подразумевается...

— Один минута. — Десятник постучал себя хвостом по зубам и спросил: — Ты меня разыгрывай, малыш?..

— Помилуйте, сэр, я хотел только удостовериться...

— Ты шутки шутить на деревенщина со старый планета Оринафа. Ты думать, ты такой ловкий. Ты не такой ловкий. Никто не любить чересчур большой умник.

— Прошу прощения, — сказал Флинн, почтительно виляя хвостом.

— Так или иначе, я мне казайся, ты усвоить элементарные начатки работа очень хорошо, так что иди теперь выполняй работа-труд как следует. Держать греха подальше. Иначе я перебить тебе шесть и более конечности, усекаешь?

— Усекаю.

Флинн повернулся через правое плечо и галопом припустил в лес, где начал поиски.

Глава 10

Марвин Флинн бесшумно несся по лесу; ноздри его трепетали, глаза вращались и выпячивались, увеличивая поле зрения. Золотистая шкура, слегка надушенная апписфиамом, нервно подрагивала — так играли под нею мышцы, с виду расслабленные, на самом деле безукоризненно слаженные.

Лес развертывал перед зрителем симфонию зеленых и серых тонов, где время от времени возникала алая тема ползучих растений, или пурпурные фанфары кустарника лилибабы, или, еще реже, выведенный гобоем лейтмотив второй темы — оранжевого хлысткинжала. Общий же эффект был мрачен и наводил на печальные раздумья, как просторный городской парк в тихий час перед рассветом.

Но что это? Вон там! Чуть левее! Да-да, как раз под деревом бокку! Это не... Не может быть!..

Правыми руками Флинн разгреб листья и низко наклонился. Там, в гнезде, свитом из травы и веточек, он увидел нечто такое, что сверкало наподобие страусиного яйца, изукрашенного драгоценными камнями.

Десятник не солгал. Яйцо ганзера ни с чем невозможно спутать.

На выпуклой радужной поверхности ярко горели мириады волшебных костров. Исчезая и возвращаясь наподобие полузабытых снов, пробегали тени. В душе Марвина всколыхнулось ощущение сумерек, вечернего звона, медлительного стада, пасущегося у прозрачного ручья, под сенью пыльных безутешных кипарисов.

Как ни противилось этому все его естество, Марвин совсем низко нагнулся и протянул руку. Ладонь его любовно сомкнулась на пылающем сфероиде.

Он быстро отдернул руку. Пылающий сфероид обжигал адским огнем.

Марвин посмотрел на него с еще большим уважением. Теперь он понял назначение выданных ему щипцов. Этими щипцами он осторожно обхватил сказочный сфероид.

Сказочный сфероид отскочил, как резиновый мяч. Марвин ринулся за ним, на бегу бестолково размахивая сетью. Яйцо ганзера увернулось, рикошетировало и молнией метнулось в густые заросли.

Марвин отчаянно взмахнул сетью, и руку его направила сама фортуна. Яйцо ганзера попалось в сеть.

Оно лежало неподвижно, пульсируя, словно переводя дух. Марвин с осторожностью приблизился — он ожидал любой каверзы.

И тут яйцо ганзера заговорило.

— Слушай-ка, мистер, — сказало оно сдавленным голосом, — что это на тебя нашло?

— Как-как? — переспросил Марвин.

— Слушай, — сказало яйцо ганзера. — Я себе сижу в общественном парке, никого не трогаю, и вдруг здрасьте — ты набрасываешься на меня, как ненормальный, всего исцарапал и вообще ведешь себя, как псих. Ну, я, естественно, разгорячилось. А кто бы

не разгорячился? Вот я и решило отойти подальше, ведь у меня сегодня выходной и мне скандалы ни к чему. И здрасьте — ты накидываешь на меня сеть, будто я тебе какая-то паршивая бабочка. Вот я и спрашиваю: что на тебя нашло?

— Видишь ли, — ответил Марвин, — ты ведь яйцо ганзера.

— Это мне известно, — сказало яйцо ганзера. — Я яйцо ганзера, факт. А что, теперь так, ни с того ни с сего, это запрещается законом?

— Конечно, нет, — ответил Марвин. — Но дело в том, что я как раз охочусь за яйцами ганзеров.

Последовала недолгая пауза. Затем яйцо ганзера попросило:

— Не откажите в любезности, повторите, пожалуйста.

Марвин повторил. Яйцо ганзера сказало:

— М-да, мне так и послышалось. — И рассмеялось почти беззвучно. — Вы шутите, не правда ли?

— К сожалению, нет.

— Конечно, шутите, — с ноткой отчаяния в голосе настаивало яйцо ганзера. — Ну ладно, повеселились и хватит. Теперь выпустите меня отсюда.

— Извините...

— Выпустите меня!..

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я охочусь за яйцами ганзеров.

— О господи, — сказало яйцо ганзера, — большего идиотизма я за всю свою жизнь не слыхало! Мы ведь, по-моему, впервые сталкиваемся, не так ли? Почему же ты за мной охотишься?

— Меня наняли охотиться за яйцами ганзеров, — пояснил Марвин.

— Слушай, парень, ты просто ходишь себе и охотишься за любыми яйцами ганзеров? Тебе безразлично, за какими именно?

— Точно.

— И действительно не ищешь какое-то определенное яйцо ганзера, которое, чего доброго, сделало тебе гадость?

— Нет-нет, — заверил Марвин. — Я в жизни не встречал ни одного яйца ганзера.

— Ты даже не... И все-таки охотишься... Я, должно быть, схожу с ума. И наверняка ослышалось. Собственно, так просто-напросто не бывает. Это какой-то чудовищный кошмар... Подходит к тебе помешанный, спокойно, как будто так и надо, хватает тебя в лапы и глазом не моргнув заявляет: «Я вообще-то охочусь за яйцами ганзеров». Собственно... слушай, парень, ты меня разыгрываешь, верно?

Марвин сконфузился, раскипятился и возмечтал, чтобы яйцо ганзера заткнулось. Он грубовато сказал:

— Я вовсе не валяю дурака. Моя работа — собирать яйца ганзеров.

— Собирать... яйца ганзеров! — простонало яйцо ганзера. — Ах, нет, нет, нет! Боже, не верится, что все это на самом деле, и все же это происходит, на самом деле проис...

— Не распускайся! — прикрикнул Марвин: яйцо ганзера явно готово было впасть в истерику.

— Спасибо, — проговорило яйцо ганзера, помолчав. — Теперь я в норме. Слушай, можно задать тебе один-единственный вопрос?

— Только поживей, — ответил Марвин.

— Я вот что хочу спросить, — сказало яйцо ганзера, — тебе такие дела доставляют удовольствие? Я хочу сказать, ты не склонен ли к извращениям? Только не обижайся.

— Ничего, — ответил Марвин. — Нет, я не склонен к извращениям и, поверь, никакого удовольствия не испытываю. Клянусь, мне самому все это очень неприятно.

— Тебе неприятно! — взвизгнуло яйцо ганзера. — А мне-то, по-твоему, каково? По-твоему, для меня это в порядке вещей, если кто-то подходит, как в кошмарном сне, и «собирает» меня?

— Спокойней, — попросил Марвин.

— Бешеный, — пробормотало яйцо ганзера в сторону. — Абсолютно, совершенно невменяемый. Можно... можно, я оставлю жене записку?

— Некогда, — твердо ответил Марвин.

— Тогда разреши мне хотя бы помолиться.

— Валяй молись, — сказал Марвин. — Только побыстрее закругляйся.

— О Господь Бог, — нараспев затянуло яйцо ганзера, — не понимаю, что со мной происходит и почему. Я всегда старалось быть хорошим, и хоть церковь посещаю нерегулярно, но Ты ведь знаешь, что истинная вера — в сердце верующего. Возможно, порой я поступаю дурно, не стану отрицать. Но, Господь, отчего караешь Ты так жестоко? И отчего именно меня? Отчего не другого, настоящего грешника, например, закоренелого преступника? Отчего именно меня? И отчего именно так? Какая-то тварь «собирает» меня, будто я неодушевленная вещь... не понимаю. Но знаю, что Ты всеведущ и всемогущ, а еще знаю, что Ты добр, и, значит, есть тому причина... хоть я и слишком глупо, чтобы ее разгадать. Слушай, Боже, если Ты так рассудил, тогда ладно, пусть так и будет. Но Ты уж, пожалуйста, позаботься о моей жене и детях.. А особенно о младшеньком. — Голос у яйца ганзера прервался, но оно тотчас же овладело собой. — Особенно молю Тебя о младшем, Боже, ведь он хроменький, и другие детишки его обижают, и ему нужно большое... большое участие. Аминь.

Яйцо ганзера подавило рыдание. Голос его мгновенно окреп.

— Теперь я готово, — сказало оно Марвину. — Делай свое грязное дело, паршивец, сукин ты сын.

Но молитва яйца гензера совершенно выбила Марвина из колеи. На глаза навернулись слезы, щеточки на ногах задрожали, он распутал сеть и выпустил пленника. Яйцо гензера откатилось совсем недалеко и замерло, явно опасаясь подвоха.

— Ты... ты всерьез? — спросило оно.

— Всерьез, — ответил Марвин. — Я не гожусь для такой работы. Не знаю уж, что со мною сделают там, в лагере, но больше в жизни я не трону ни одного яйца гензера!

— Благословенно будь имя божие, — тихо проговорило яйцо гензера. — На своем веку я насмотрелось странных вещей, но, мне кажется, рука провидения...

Изложить свою философскую позицию, известную под названием «софистика вмешательства», яйцу гензера помешал внезапный зловещий треск в кустах. Марвин стремительно обернулся и вспомнил о том, какими опасностями чревата планета Мельд.

Его предупреждали, а он забыл. Теперь он стал отчаянно нащупывать бластер, а тот, как назло, запутался в сети. Марвин яростно рванул бластер, выдернул его, услышал пронзительный крик яйца гензера...

Тут его с силой швырнуло оземь. Бластер полетел в кустарник. А Марвин увидел перед собой черные глаза-щели под низким бронированным лбом.

Представлять ему нового знакомца не было никакой нужды. Флинн понял, что наскочил на взрослого, совершеннолетнего мародера-гензера, и наскочил, пожалуй, в самых скверных обстоятельствах. Слишком явны были улики: вопиющая сеть, недвусмысленные темные очки, обличители-щипцы. И все приближались, норовя сомкнуться у него на шее, острозубые челюсти гигантского ящера, они были уже рядом. Марвин даже различил три золотые коронки и временную фарфоровую пломбу.

Флинн извивался, пытаясь высвободиться. Гензер прижал его к земле лапой размером с седло для яка; его беспощадные когти, каждый величиной с два ледоруба, безжалостно впились в золотистую шкуру Марвина. Чудовищно зияла слюнявая пасть, надвигалась, готовая заглотнуть голову Марвина целиком.

Глава 11

И вдруг время остановилось! Марвин видел застывшую полуразинутую пасть гензера, налитый кровью левый глаз, все огромное тело, скованное какой-то странной, непреодолимой инерцией.

Рядом лежало яйцо гензера, неподвижное, как резная копия самого себя.

Ветерок замер на полпути. Деревья оцепенели в напряженных позах, а мерифейский коршун повис в разгаре полета, точно воздушный змей на веревочке.

Даже солнце остановило свой неутомимый бег!

И в этой необычной живой картине Марвин с замиранием сердца воззрился на единственный движущийся феномен, который возник в воздухе, в трех футах от головы Марвина и чуть левее.

Началось это как пылевой вихрь, набухло, расширилось, утолщилось в основании и сошло на конус в вершине. Вращение стало еще более бешеным, и фигура приобрела четкие контуры.

— Сыщик Урдорф! — вскричал Марвин.

Действительно, это был марсианский сыщик, тот самый, кого преследовали бесчисленные неудачи, кто обещал Марвину раскрыть преступление и вернуть законное тело.

— Тысяча извинений за то, что врываюсь, не предупредив, — сказал Урдорф, когда материализовался полностью и тяжело плюхнулся наземь.

— Слава богу, что вы здесь! — ответил Марвин. — Вы спасли меня от чрезвычайно неприятной смерти, и если бы вы еще помогли мне скинуть с себя вот эту гадину...

Ведь Марвина все еще пригвождала к земле лапа гензера, теперь словно налитая высокоуглеродистой сталью. И он никак не мог высвободиться.

— Вы уж извините, — сказал сыщик, вставая с земли и отряхиваясь, — но этого я, к сожалению, сделать не могу.

— Почему?

— Против правил, — объяснил сыщик Урдорф. — Всякое перемещение тел в течение искусственно вызванной остановки времени (а налицо именно она) может повлечь за собой парадокс, а парадоксы запрещены, так как могут привести к сжатию времени, а сжатие времени запросто может вызвать искривление структурных линий в нашем континууме и разрушить Вселенную. Поэтому всякое перемещение карается тюремным заключением сроком на один год и штрафом в тысячу долларов.

— А-а, я этого не знал.

— Да, к сожалению, это так, — сказал сыщик.

— Понимаю, — сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете, — сказал сыщик.

Последовало долгое и томительное молчание. Затем Марвин сказал:

— Ну?

— Что вы сказали?

— Я сказал... вернее, хотел сказать, зачем вы сюда явились?

— А-а, — протянул сыщик. — Я решил задать вам несколько вопросов, которые раньше не пришли мне в голову и которые помогут мне оперативно расследовать и раскрыть дело.

— Валяйте задавайте, — сказал Марвин.

— Благодарю вас. Прежде всего, какой ваш любимый цвет?

— Голубой.

— Но какой именно оттенок? Прошу вас, поточнее.

— Цвета воробьиного яйца.

— Угу. — Сыщик занес это в свой блокнот. — А теперь быстро, не задумываясь, назовите первое попавшееся число.

— 87792,3, — без колебаний ответил Марвин.

— Ум-гум. А теперь, без паузы, укажите название любой эстрадной песенки.

— «Рапсодия орангутанга», — ответил Марвин.

— Угу. Отлично, — сказал Урдорф, захлопнув блокнот. — Кажется, у меня все.

— А какова цель ваших вопросов?

— Располагая данной информацией, я у всех подозреваемых могу выявить остаточные рефлексы. Это часть теста Дуулмена на проверку самоличности.

— Вот как, — сказал Марвин. — А вообще как идут дела, удачно?

— Об удаче пока и речи нет, — ответил Урдорф. — Но, смею вас уверить, дело продвигается удовлетворительно. Мы выследили вора на Иораме-2, где он зайцем прятался в груде быстрозамороженного мяса, отправляемого на Большую Геру. На Гере он выдал себя за беженца с Гаги-2, и это снискало ему немалую популярность. Он умудрился наскрести на проезд до Квантиса — там у него были спрятаны деньги. На Квантисе он, не проведя и дня, взял билет в местный космолет до Автономной Области Пятидесяти Звезд.

— А потом? — спросил Марвин.

— А потом мы временно потеряли его след. Область Пятидесяти Звезд — это четыреста тридцать две планетные системы с общим населением триста миллиардов. Так что, как видите, работка будет славная.

— Безнадежная, судя по вашим словам, — сказал Марвин.

— Как раз наоборот, все складывается на редкость благоприятно. Непосвященные вечно принимают осложнения за сложности. Но интересующего нас преступника не спасет простейшее множество, которое всегда поддается статистическому анализу.

— Что же теперь будет? — спросил Марвин.

— Продолжим наш анализ, затем на основе теории вероятностей сделаем проекцию, пошлем эту проекцию через всю Галактику и посмотрим, не превратится ли она в сверхновую звезду... я, разумеется, выражаюсь метафорически.

— Разумеется, — сказал Марвин. — Вы действительно надеетесь задержать преступника?

— Я нисколько не сомневаюсь в результатах, — ответил сыщик Урдорф. — Но следует запастись терпением. Вы должны помнить, что межгалактические преступления — область сравнительно новая, и потому межгалактическое следствие еще новее. Есть много преступлений, где невозможно даже доказать существование преступника, не говоря уж о том, чтобы его разыскать. Так что в некоторых отношениях нам везет.

— Придется, видно, верить вам на слово, — сказал Марвин. — А насчет моего нынешнего положения...

— Именно от такого положения я вас и предостерегал, — строго ответил сыщик. — Прошу вас учесть это на будущее... если умудритесь выбраться живым из нынешней переделки. Желаю успеха, дружище.

Сыщик Урдорф завертелся перед глазами Марвина все быстрее, быстрее, слился в мелькающий вихрь, померк и исчез.

Время разморозилось.

И Марвин вновь уставился в черные глаза-щели под узким бронированным лбом, увидел, как смыкается чудовищно разинутая пасть, готовая заглотнуть всю его голову целиком...

Глава 12

— Погоди! — заорал Марвин.

— Зачем? — спросил ганзер.

Мотивировки Марвин еще не придумал. Он услышал, как яйцо ганзера пробормотало:

— Пусть испытает на своей шкуре, так ему и надо. А все же он был добр ко мне. С другой стороны, мне-то какое дело? Только высунься, сразу тебе скорлупу надобьют. А все же...

— Я не хочу умирать, — сказал Марвин.

— Я и не думаю, что ты хочешь, — ответил ганзер отнюдь не враждебным тоном. — И ты, конечно, заведешь словопрения. Затронешь этику... мораль, всякие там проблемы. Боюсь, не выйдет. Нас, видишь ли, специально предупредили, чтоб мы не позволяли мельдянину разговаривать. Велели просто выполнять работу, и вся недолга; не вносить ничего личного. Просто сделай дело и переходи к следующему. Умственная гигиена, право же. Поэтому, пожалуйста, закрой глаза...

Челюсти стали смыкаться. Но Марвин, осененный нелепой, отчаянной догадкой, воскликнул:

— Ты говоришь — работа?

— Конечно, работа, — сказал ганзер. — В ней нет ничего оскорбительного, я ничего не имею против тебя лично...

Он нахмурился — видимо, рассердился на себя за то, что заговорил.

— Работа! Твоя работа — охотиться за мельдянами, так ведь?

— Само собой. С этой планеты Ганзер, видишь ли, взять нечего, разве что вот охотиться за мельдянами.

— Но зачем за ними охотиться? — спросил Марвин.

— Ну, во-первых, яйцо ганзера достигает зрелости только в плоти взрослого мельдянина.

— Полно, — сказало яйцо ганзера, перекатываясь в смущении, — стоит ли вдаваться в гнусную биологию? Я ведь не распространяюсь о *твоих* естественных отправлениях, верно?

— А во-вторых, — продолжал ганзер, — у нас единственный предмет экспорта — шкуры мельдян, из которых на Триане-2 делают императорские облачения, на Немо — амулеты, а на Крейслере-30 — чехлы для стульев. Спрос на неуловимых и опасных мельдян — единственный способ кое-как поддерживать цивилизацию и...

— Мне говорили в точности то же самое! — воскликнул Марвин и быстро повторил слова менеджера.

— Вот те на! — сказал ганзер.

Теперь оба поняли истинное положение вещей: мельдяне целиком зависят от ганзеров, а те, в свою очередь, целиком зависят от мельдян. Обе расы охотятся одна на другую, живут и гибнут одна ради другой и по невежественной злобе не желают признавать между собою ничего общего. Они связаны ярко выраженными отношениями симбиоза, но обе расы полностью игнорируют этот симбиоз. Больше того, каждая утверждает, будто она единственный носитель цивилизации и разума, а другая — скотская, презренная и не в счет.

А теперь обоим пришло в голову, что они в равной степени входят в общую категорию разумных существ.

Озарение внушило обоим благоговейный ужас, но Марвин все еще был пригвожден к земле тяжелой лапой ганзера.

— Это ставит меня в несколько затруднительное положение, — сказал ганзер чуть погодя. — Естественный мой порыв — отпустить тебя на все четыре стороны. Но я здесь работаю по контракту, а в нем обусловлено...

— Значит, ты не настоящий ганзер?

— Нет. Я обменщик, как и ты, а родом с Земли.

— Моя планета! — вскричал Марвин.

— Я уж и сам догадался, — ответил ганзер. — Ты американец? Скорее всего с Восточного побережья, может, из Коннектикута или Вермонта...

— Штат Нью-Йорк! — вскричал Марвин. — Я из Стэнхоупа!

— А я из Саранак-Лейка, — сказал ганзер. — Звать меня Отис Дагобер, мне тридцать семь лет.

С этими словами ганзер убрал лапу с груди Марвина.

— Мы соседи, — тихо произнес он. — Поэтому я не могу тебя убить, точно так же, как ты, я почти уверен, не мог бы убить меня, даже будь у тебя возможность. А теперь, когда мы узнали правду, вряд ли мы сможем продолжать наш страшный труд. Но это печально, потому что, значит, мы нарушили договорную дисциплину, а за ослушание фирма-наниматель произведет с нами окончательный расчет. А уж что это такое, ты и сам знаешь.

Марвин подавленно кивнул. Он знал слишком хорошо. С поникшей головой сидел он в безутешном молчании рядом с новым другом.

— Не вижу выхода, — сказал Марвин, после того как некоторое время обдумывал ситуацию. — Может, спрячемся в лесу на денек-другой? Но нас ведь наверняка разыщут.

Неожиданно вмешалось яйцо ганзера:

— Полно, будет вам, может, все не так безнадежно, как кажется!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Марвин.

— Да вот, — сказало яйцо ганзера, покрываясь ямочками от удовольствия, — я считаю, за добро надо платить добром. Правда, я могу влипнуть в неприятнейшую историю... Но какого черта! Я думаю, что помогу вам покинуть планету.

Марвин и Отис рассыпались в благодарностях, но яйцо ганзера сразу предупредило их.

— Не исключено, что вы перестанете благодарить, когда увидите, что вас ждет, — сказало оно зловеще.

— Ничего не может быть хуже, — отозвался Отис.

— Вы еще удивитесь, — напрямик сказало яйцо ганзера. — Вы еще очень и очень удивитесь... Сюда, джентльмены.

— Но куда мы идем? — спросил Марвин.

— Я отведу вас к Отшельнику, — ответило яйцо ганзера и упорно не произносило больше ни слова. Оно решительно покатилось вперед, а Марвин с Отисом двинулись следом.

Глава 13

Шагали они и катились по дикому и буйному дождевому лесу, на каждом шагу ожидая опасности. Но ни одна тварь на них не набросилась, и в конце концов они вышли на лесную поляну.

Там они увидели посреди поляны грубо сколоченную хижину и сидящего перед ней на корточках человека.

— Вот Отшельник, — сказало яйцо ганзера. — Он совсем чокнутый.

У землян не было времени переварить эту информацию. Отшельник встал и воскликнул:

— А ну стоп, постой, остановись! Откройтесь моему разумению!

— Я — Марвин Флинн, — сказал Марвин, — а это мой друг Отис Дагобер. Мы хотим покинуть планету.

Казалось, Отшельник не расслышал; он гладил длинную бороду и задумчиво созерцал кроны деревьев. Низким унылым голосом он произнес:

Пришел тот час, когда навеет скорбь
Крик стаи журавлей, летящей вдаль.
Сова-беглянка минет стороной
Печальный мой приют, лишенный благ, —
Что дарит небо, отнимают люди!
Мерцают звезды, молча глядя в окна.
О бегстве королей вещает шумом лес.

— Он говорит, — перевело яйцо ганзера, — что предчувствовал, что вы придете именно этой дорогой.

— Он что, с приветом? — спросил Отис. — Он так разговаривает...

Отшельник сказал:

Теперь прочти мне вслух! Не потерплю,
Чтоб ложь змеей вползла
В мой разум, мне измену предвещая!

— Он не желает, чтоб вы шептались, — перевело яйцо ганзера. — Шепот наводит его на подозрения.

— Это-то я и без тебя мог сообразить, — сказал Флинн.

— Ну и сиди голодный, — оскорбилось яйцо ганзера. — Я просто старалось быть полезным.

Отшельник сделал несколько шагов вперед, остановился и сказал:

— Что тебе здесь, аруун?

Марвин покосился на яйцо ганзера, но оно упорно молчало. Тогда, угадав смысл слов, Марвин ответил:

— Сэр, мы хотим покинуть планету и пришли к вам за помощью.

Отшельник покачал головой и молвил:

Речь варвара! Паршивая овца
И та пристойней блеет!

— На что он намекает? — спросил Марвин.

— Ты такой умный, догадайся сам, — ответило яйцо ганзера.

— Извини, если я тебя чем обидел, — сказал Марвин.

— Ничего, ничего.

— Право же, я раскаиваюсь. Буду очень обязан, если ты нам переведешь.

— Ладно, — сказало яйцо ганзера по-прежнему хмуро. — Он говорит, что не понимает тебя.

— Не понимает? Но я ведь достаточно ясно выражаюсь.

— Не для него, — сказало яйцо ганзера. — Чтобы до него дошло, надо изложить все стихами.

— Я? Никогда в жизни! — воскликнул Марвин с инстинктивной дрожью отвращения, которое испытывают все разумные земляне мужского пола при мысли о стихах. — Я просто не умею! Отис, может быть, ты...

— Нет уж! — в панике отозвался Отис.

Молчание сгущается. Теперь
Пусть муж честной уста свои разверзнет.
Мне оборот событий не по нраву.

— Он начинает злиться, — прокомментировало яйцо ганзера. — Попробуй, попытка не пытка.

— Может, ты ответишь вместо нас, — предложил Отис.

— Я вам не шестерка, — возмутилось яйцо ганзера. — Хотите говорить — говорите сами за себя.

— Единственное, что я помню еще со школьной скамьи, — это «Рубаи» Омара Хайяма, — признался Марвин.

— Ну и валяй, — подбодрило его яйцо ганзера.

Марвин подумал-подумал, нервно дернулся и произнес:

Откуда мы грядем? Куда свой путь вершим?
На расу раса ополчилась без причин...
Пришли мы получить совет, поддержку, помощь.
Не обращай надежды нашей в дым.

— Размер ломается, — шепнуло яйцо ганзера. — Но для первой попытки недурно.

Отис захихикал, и Марвин стукнул его хвостом.

Отшельник отвечал:

Изложено отменно, чужестранец!
Сверх ожидания, найдешь ты помощь:
Мужчины, невзирая на обличье,
Всегда в беде друг друга выручают.

Уже с меньшей запинкой Марвин произнес:

Везде зеленый рай, куда ни кинешь взгляд.
Заря роскошна, сумрачен закат.
Найдет ли бедный пилигрим спасенье
Там, где у сильного бессильный виноват?

Отшельник сказал:

Зело способен; в тощие года
Худому языку навлечь недолго
Беду на голову злосчастного владельца.

Марвин сказал:

Коль ты мне друг, оставь словесную игру.
И прочь отправь тотчас, иначе я умру.
Мне дела нет, что скажут пустомели, —
Бери меня и мной хоть затыкай дыру.

Отшельник сказал:

За мною, господа! Расправьте плечи!
Мужайтесь!
И пусть надежны будут стремена!

И так, мирно беседуя речитативом, они прошествовали к хижине Отшельника, где увидели прикрытый куском коры запрещенный разумопередатчик древней и диковинной конструкции. Тут Марвин понял, что даже в самом крайнем безумии есть система. Ибо Отшельник не пробыл на этой планете и года, а уже сколотил изрядное состояние, занимаясь контрабандной переброской беглецов на самые захудалые из рынков Галактики.

Неэтично, но, как выразился Отшельник:

Пусть вам приспособленье не по нраву —
Зачем хулой уста вы осквернили?
Свет истины не меркнет, если даже
Лучи его на вас не пролились.
Мозгами пораскиньте: сколь разумно
Пренебрегать дурным вином в пустыне,
Где губы запекаются от жажды?
Зачем же избавителей своих
Вы судите сурово? Грех великий —
Неблагодарность: кто укусит руку,
Которая разжала смерти хватку?

Прошло не так уж много времени. Найти работу для Отиса Дагобера оказалось совсем нетрудно. Несмотря на все его уверения в противном, в молодом человеке обнаружилась слабая, но многообещающая садистская струнка. Поэтому Отшельник переселил его разум в тело ассистента зубного врача на Проденде-9.

Яйцо ганзера пожелало Марвину всяческих благ и укатилось домой, в лес.

— А теперь, — сказал Отшельник, — займемся тобой. Мне кажется, что если твою психологию проанализировать с предель-

ной объективностью, то в тебе явственно прослеживается тенденция к жертвенности.

— Во мне? — поразился Марвин.

— Да, в тебе, — ответил Отшельник.

— К жертвенности?

— Именно к жертвенности.

— Не уверен, — заявил Марвин. На этой формулировке он остановился из вежливости; в действительности же он был вполне уверен, что Отшельник заблуждается.

— Зато я уверен, — сказал Отшельник. — И без ложной скромности могу сообщить, что опыт подыскания работ у меня побольше твоего.

— Да, наверное. Вы, я вижу, перестали говорить стихами.

— Конечно, — сказал Отшельник. — С какой стати мне продолжать?

— Потому что раньше вы говорили только стихами, — ответил Марвин.

— Но это же совсем другое дело, — сказал Отшельник. — Тогда я был на открытом воздухе. Приходилось защищаться. Теперь я у себя дома и, следовательно, в полной безопасности.

— Неужели на открытом воздухе стихи действительно защищают?

— А как по-твоему? Я на этой планете второй год живу, и второй год на меня охотятся две кровожадные расы, которые убили бы меня на месте, если б только поймали. А я, как видишь, цел и невредим.

— Что ж, это очень хорошо. Но я не совсем понимаю, какое отношение имеет ваша речь к вашей личной безопасности.

— Черт меня побери, если я сам это понимаю, — сказал Отшельник. — Вообще-то я считаю себя рационалистом, но вынужден признать, хоть и с неохотой, что стихи действуют безотказно. Они помогают; что еще можно добавить?

— А вам не приходило в голову произвести опыт? — спросил Марвин. — Я имею в виду, не пробовали вы разговаривать на открытом воздухе прозой? Возможно, что стихи вовсе не обязательны.

— Возможно, — ответил Отшельник. — А если бы ты попробовал прогуляться по океанскому дну, то, возможно, оказалось бы, что и воздух вовсе не обязателен.

— Это не совсем одно и то же, — возразил Марвин.

— Это абсолютно одно и то же, — сказал Отшельник. — Но мы говорили о тебе и твоей склонности приносить себя в жертву. Повторяю, эта склонность открывает перед тобой путь к чрезвычайно увлекательной работе.

— Не интересуюсь, — уперся Марвин. — А еще что у вас есть?

— Больше ничего! — отрезал Отшельник.

По странному стечению обстоятельств в этот миг снаружи, из кустов, донесся невероятный треск и грохот, и Марвин заключил, что за ним гонятся либо мельдяне, либо ганзеры, либо те и другие.

— Работу я принимаю, — сказал Марвин. — Однако вы ошибаетесь.

За Марвином осталось последнее слово, но зато за Отшельником осталось последнее дело. Ибо, наладив свое оборудование и отрегулировав приборы, он замкнул выключатель и отправил Марвина навстречу новой карьере, на планету Цельсий-5.

Глава 14

На Цельсии-5 высшее проявление культуры — дарить и принимать подарки. Отказаться от подарка немыслимо; такой поступок вызывает в любом цельсианине эмоцию, сравнимую разве что с земной боязнью кровосмешения. Как правило, дарение не беда. Большей частью дары «белые» и выражают всевозможные оттенки любви, благодарности, нежности и так далее. Но бывают еще «серые» дары предупреждения и «черные» дары смерти.

И вот некий выборный чиновник получил от своих избирателей красивое кольцо в нос. В нем обязательно надо красоваться две недели. Великолепная была вещица, только с одним недостатком — она тикала.

Существо другой расы скорее всего закинуло бы это кольцо в ближайшую канаву. Но ни один цельсианин, находясь в здравом уме, этого не сделает. Он даже не отдаст кольцо на проверку. Цельсиане руководствуются правилом: дареному коню в зубы не смотрят. К тому же, просочись хоть слово подозрения, разгорится непоправимый публичный скандал.

Проклятое кольцо надо было таскать в носу целые две недели.

А оно тикало.

Чиновник, которого звали Мардук Крас, обдумывал эту проблему. Он размышлял о своих избирателях, о том, как он им помогал, и о том, как он их давил. Кольцо символизировало предупреждение, это-то было ясно. В лучшем случае — предупреждение, «серый» дар. В худшем — «черный»; миниатюрная бомба простейшей конструкции по истечении нескольких томительно-тревожных дней разнесет ему голову.

По природе своей Мардук не был самоубийцей; он знал, что не хочет носить проклятое кольцо. Но он также знал, что обязан носить проклятое кольцо. Итак, он оказался перед классической цельсианской дилеммой.

«Неужели они проделают со мной такое? — спрашивал себя Мардук. — Только из-за того, что я перепланировал старый, грязный жилой округ под предприятия тяжелой промышленности и вступил в соглашение с гильдией домовладельцев, обязавшись повысить квартирную плату на 320 процентов взамен их обещания в пятидесятилетний срок установить новые водопроводные трубы? Так ведь, боже правый, я никогда и не выдавал себя за совершенство».

Кольцо весело тикало, отсчитывая секунды, щекоча нос и будоража душу. Мардуку вспомнились другие чиновники, которые головами поплатились, получив дары от слабоумных озорников. Да, вполне возможно, что это «черный» дар.

— Голодранцы тупые! — прорычал Мардук, облегчив душу ругательством, которого никогда бы не осмелился произнести на публике. Он горько переживал обиду. Работаешь не покладая рук на всяких дряблокожих крючконосых кретинов — и что же получаешь в награду? Бомбу в нос.

Какое-то мгновение его так и подмывало закинуть кольцо в ближайший бак с хлором. Тут бы он их проучил! И ведь был прецедент. Разве святой Вориэг не отверг тотальное подношение трех призраков?

Да... Но по каноническому толкованию подношение призраков было задумано как коварный подкоп под самую сущность Даров и, следовательно, под самые устои общества; ведь, сделав свое тотальное подношение, они исключили возможность каких бы то ни было подарков в будущем.

А кроме того, то, что достойно восхищения в святом Второго Царства, отвратительно во второразрядном чиновнике Десятой Демократии. Святые вольны поступать, как им заблагорассудится; простые люди должны поступать так, как положено.

Плечи Мардука поникли. Он облепил ступни горячей целебной грязью, но и это не принесло ему облегчения. Выхода не было. Не может один цельсианин противостоять целому обществу. Придется носить кольцо и ждать того леденящего душу мига, когда тиканье прекратится...

Но постойте! Есть же выход!

Да-да, выход найден! Надо только все организовать как следует; но если получится, то Мардук сохранит и безопасность, и доверие общества. Пусть только проклятое кольцо даст ему срок...

Мардук Крас срочно созвонился с несколькими инстанциями и устроил себе срочную командировку на Таами-2 (эдакое Таити в Зоне Десяти Звезд). Разумеется, не телесную. Высокое начальство не станет разбазаривать средства на то, чтобы отправлять чье-

то тело за сотни световых лет, когда достаточно одного лишь разума. Бережливый, положительный Мардук отправится по обмену. Он соблюдет если не дух, то букву цельсианского обычая — оставит дома тело с дареным кольцом, весело тикающим в носу.

Надо только найти разум, который поселится в теле Мардука на время его отсутствия. Но это несложно. В Галактике чересчур много разумов и чересчур мало тел. Почему так — никто не знает доподлинно. Ведь, в конце концов, каждый начинает жизнь, обладая и тем, и другим. Но в финале у одних всегда оказывается чего-то больше, чем им нужно, будь то богатство, власть или тела, а у других — меньше.

Мардук связался с фирмой «Отшельник» (тела для любых надобностей). У Отшельника нашлось как раз то, что нужно: ярко выраженный землянин, молодой, мужского пола, находящийся под угрозой скорой смерти и согласный на риск, который связан с ношением тикающего кольца в носу.

Вот так Марвин Флинн попал на Цельсий-5.

В виде исключения спешить было некуда. По прибытии Марвин Флинн имел возможность проделать все процедуры, предписываемые обменом. Он полежал в полной неподвижности, медленно привыкая к новому телу. Он пошевелил каждой конечностью, проверил все органы чувств и быстро перебрал в уме первичную культурно-конфигурационную нагрузку, излучаемую лобными долями, на предмет аналогичных и тождественных факторов. Затем оценил эмоциональные и структурные факторы мозжечка на предмет зенита, надира и седловины. Почти все это он выполнил машинально. Оказалось, что цельсианское тело сидит на нем как нельзя лучше.

Конечно, не обошлось без затруднений: дельта-кривая была до нелепости эллиптичной, а УИТ (универсальные игрек-точки) — не трапециевидными, а серповидными. Но чего и ждать на планете типа 3В; если все пойдет нормально, ему не грозят никакие неприятности.

В общем с таким комплексом «тело — среда — культура — роль» он вполне мог сжиться и отождествить себя.

Очень мило, мысленно подытожил Марвин. Только бы проклятое кольцо в носу не взорвалось.

Он встал и пригляделся к обстановке. Первым ему бросилось в глаза письмо от Мардука Краса — оно было привязано к запястью, чтобы Марвин сразу заметил.

«ДОРОГОЙ ОБМЕНЩИК!

Добро пожаловать на Цельсий! Я понимаю, что при данных обстоятельствах вы не замечаете особого гостеприимства, и сожалею об этом не меньше вашего. Но я бы вам от всей души сове-

товал выкинуть из головы всякую мысль о внезапной кончине и сосредоточиться на приятном времяпрепровождении. Пусть вас утешает, что статистика смерти от «черного» дара не выше, чем от несчастных случаев на плутониевом руднике, если вы добываете плутониевую руду. Так что не нервничайте и наслаждайтесь жизнью.

Моя квартира вместе со всем, что в ней находится, — к вашим услугам. Тело — также, только не переутомляйте его, укладывайте спать не слишком поздно и не вливайте в него чересчур много спиртного. Левое запястье повреждено, будьте осторожны, если придется поднимать что-нибудь тяжелое. Счастливо оставаться и не волнуйтесь, ведь тревога никому еще не помогла разрешить ни одной проблемы.

Не сомневаюсь, что вы джентльмен и не станете пытаться вынуть кольцо из носа. Но на всякий случай сообщаю, что у вас все равно ничего не выйдет: кольцо заперто на молекулярный замок Джейверга. Еще раз до свидания, постарайтесь выкинуть из головы все заботы и хорошо провести время на нашей славной планете.

Ваш преданный друг МАРДУК КРАС».

Сперва письмо обозлило Марвина, но после он расхохотался и смял его в комок. Мардук, бесспорно, негодяй, но негодяй симпатичный и широкая душа. Марвин решил извлечь максимум возможного из сомнительной сделки, позабыть о предполагаемой бомбе, прикорнувшей у него над губой, и наслаждаться времяпрепровождением на Цельсии.

Он пошел осматривать свой новый дом и остался очень доволен. Квартира оказалась холостяцкой норой, спланированной так, чтобы жить в свое удовольствие, а не просто плодить детей. Основная особенность планировки — пентабрахия — отражала служебное положение Краса. Сошки помельче обходились системой трех-четырех галерей, а в трущобах «Северные Болотники» целые семьи ютились в одно- и двухгалерейных квартирах. Однако в ближайшем времени намечалась жилищная реформа.

Кухня, чистенькая и современная, изобиловала гастрономическими чудесами. Были там и банки засахаренных кольчатых червей, и миски с экзотическим салатом из морских звезд, и восхитительно вкусные ломтики манилы, ваниллы, горгонии и ренниксы. Была консервированная «казарка белощекая под ротифероорхидейным соусом» и пакет быстрозамороженных сладких и кислых юсов. Но (как это похоже на холостяков!) не было главного — ни головки гастробула, ни бутылки газированного имбирного меда.

Блуждая по длинным изогнутым галереям, Марвин обнару-

жил музыкальную комнату. Здесь Мардук не пожалел затрат. Большую часть комнаты занимал огромный усилитель «Империал» с двумя динамиками «Тиран» по бокам. Мардук применял микрофон «Вихрь» с сорокаканальным подавлением, селектор-дискриминатор ощущений «расширяющегося» типа был оборудован поплавковым щелегорловым «пассивным» регулятором. Сигнал снимали путем регенерирования изображений, но можно было переключиться на модуляцию спада. Пусть не профессионально сделанный, но все же отличный любительский комбайн.

Сердцем комплекса был, само собой, инсектарий — генератор модели «Супер Макс», с ручным и автоматическим контролем отбора и смешения, с регулируемой подачей и выброской, с различными максимизирующими и минимизирующими устройствами.

Марвин выбрал «Гавот кузнечика» (Корестал, 431Б) и стал вслушиваться в волнующее трахейное облигато и нежный аккомпанемент духовых инструментов — спаренных мальфиговых трубеол. Познания Марвина в музыке были весьма поверхностными, но он оценил всю виртуозность исполнения: в отдельной ячейке сидел кузнечик, зеленый в голубую полоску, и у него слегка вибрировал второй сегмент брюшка.

Марвин склонился над инсектарием и одобрительно кивнул. Кузнечик в голубую полоску щелкнул жвалами, затем вновь принялся за свою музыку. Это был специально выведенный дискант для техничного исполнения; блистательный артист, хотя трактовка у него не столь правильна, сколь эффектна. Правда, этого Марвин не мог постигнуть.

Марвин выключил тумблер, вернул переключатель из позиции «Активность» в позицию «Спячка»; кузнечик вновь погрузился в сон. Хорошо был укомплектован инсектарий, особенно выделялись симфонии майских мух и новейшие причудливые песни гусениц, но Марвину предстояло еще многое увидеть, и он пока не стал забивать себе голову музыкой.

В гостиной Марвин сел на массивную старинную глиняную скамью (настоящий Уормстеттер!), прислонился к щербатому гранитному подголовнику и решил отдохнуть. Но кольцо в носу тикало и тикало, беспрерывно посягая на его чувство благополучия. Он потянулся к низенькому столику и наудачу вытянул из целой груды первую попавшуюся палочку-почиталочку. Пробежался щупальцами по желобкам, но без толку. Трудно было сосредоточиться даже на развлекательном чтении. Нетерпеливо отшвырнув палочку-почиталочку, он принялся строить планы.

Но он был зажат в тисках неумолимого времени. Приходилось исходить из того, что мгновения жизни строго ограничены и

их становится все меньше. Хотелось как-то отметить последние часы. Но как?

Он соскользнул с Уормстеттера и заметался по главной галерее, ожесточенно пощелкивая когтями. Затем внезапно принял решение и отправился в гардеробную. Там он выбрал новую оболочку из золотисто-бронзового хитина и тщательно задрапировал ею плечи. Лицевые щетинки он покрыл ароматическим клеем и уложил en grosse[1] по щекам. Щупальца обрызгал лаком, придающим жесткость, расправил под изысканным углом шестьдесят градусов и придал им изящный естественный изгиб. В заключение припудрил лавандовым песком средний сегмент, а плечевые суставы окаймил черной полосой.

Он оглядел себя в зеркале и остался доволен своей внешностью: одет хорошо, но без пижонства. Судя о себе с предельной беспристрастностью, он нашел, что молод, представителен и смахивает на ученого-гуманитария. Звезды с неба вряд ли хватает, но и в грязь лицом нигде не ударит.

Он вышел из норы через главный вход и закрыл его входной пробкой.

Сгущались сумерки. Звезды мерцали над головой, но их там, казалось, не больше, чем огней у входов в бесчисленные норы, публичные и частные, и все огни сливаются в пульсирующее сердце большого города. Зрелище это глубоко взволновало Марвина. Наверняка, наверняка где-нибудь в переплетении столичных лабиринтов найдется нечто такое, что доставит ему радость. Или хотя бы мирное забытье под занавес.

Итак, Марвин скорбно, хотя и не без трепетной надежды, направил стопы к манящей, лихорадочной Центральной Канаве — выяснить, что уготовано ему фортуной или велено роком.

Глава 15

Стремительной размашистой походкой, скрипя кожаными сапогами, шел Марвин Флинн по деревянному тротуару. Едва уловимо повеяло смешанным ароматом шалфея и туи. Справа и слева кирпичные стены жилищ отливали в лунном свете тусклым мексиканским серебром. Из соседнего салуна донеслись отрывистые аккорды банджо.

Марвин затормозил на всем ходу и нахмурился. Откуда здесь шалфей? И салун? Что тут происходит?

— Что-нибудь неладно, чужестранец? — нараспев спросил хриплый голос.

[1] На манер малярной кисти *(фр.)*.

Флинн круто обернулся. Из тени, падающей от универсального магазина, выступила какая-то фигура. Это оказался ковбой — дурно пахнущий сутулый бродяга в пыльной черной шляпе, смешно заломленной на немытом лбу.

— Да, что-то очень и очень неладно, — ответил Марвин. — Все кажется каким-то чудным.

— Не стоит волноваться, — заверил его ковбой-бродяга. — У тебя просто изменилась система метафорических критериев, а за это, видит бог, в тюрьму не сажают. Собственно говоря, ты радоваться должен, что избавился от кошмарных ассоциаций со зверями и насекомыми.

— А что плохого было в моих ассоциациях? — возразил Марвин. — В конце концов, я ведь нахожусь на Цельсии-5 и живу в норе.

— Ну и что? — сказал ковбой-бродяга. — Разве у тебя нет воображения?

— Воображения у меня хоть отбавляй, — вознегодовал Марвин. — Но не в том дело. Дело в том, что нелогично воображать, будто ты на Земле и ковбой, когда по-настоящему ты кротоподобное существо на Цельсии-5.

— Ничего не попишешь, — сказал ковбой-бродяга. — Ты, видно, перенапряг способность аналогизирования, и у тебя вроде как предохранитель сгорел, вот что... Соответственно твое восприятие взяло на себя задачу эмпирической нормализации. Такое состояние называется «метафорическая деформация».

Тут Марвин вспомнил, как мистер Бландерс предостерегал его от этого феномена. Метафорическая деформация, болезнь всякого межзвездного путешественника, настигла его мгновенно, без всякого предупреждения.

Он знал, что должен встревожиться, но чувствовал лишь кроткое удивление. Эмоции его соответствовали восприятию, ибо незамеченная перемена есть перемена неощутимая.

— Когда же я начну видеть вещи такими, какие они есть на самом деле? — спросил Марвин.

— Вот вопрос, достойный философа, — ответил ковбой-бродяга. — Но применительно к твоему случаю, синдром пройдет, если только ты вернешься на Землю. А будешь и дальше путешествовать — процесс перцептивного аналогизирования обострится; правда, можно ожидать кратковременных самопроизвольных светлых промежутков — ремиссий нормального состояния.

Все это показалось Марвину занятным, но не опасным. Он подернул джинсы и протянул с ковбойским выговором:

— Что-о-о ж, я так понимаю, играть надо теми картами, что

сданы, и нечего тут всю ночь препираться. А ты-то сам кто будешь, чужестранец?

Ковбой-бродяга отвечал не без самодовольства:

— Я тот, без кого была бы невозможна наша беседа. Я воплощение Необходимости; без меня тебе пришлось бы самому припомнить всю теорию метафорической деформации, а ты вряд ли на это способен. Позолоти ручку.

— Так цыганки говорят, — презрительно сказал Марвин.

— Извини, — отвечал ковбой-бродяга без тени смущения. — Сигаретки не найдется?

— Табачок найдется, — сказал Марвин и протянул ему кисет с «Булл-Дэргем». С секунду он задумчиво разглядывал нового приятеля, затем объявил: — Что-о-о ж, вид у тебя препоганый, к тому же ты, по-моему, наполовину осел и наполовину шакал. Но я, пожалуй, буду тебя держаться, какой ты ни есть.

— Браво, — серьезно проговорил ковбой-бродяга. — С изменением контекста ты справляешься лихо, как мартышка с бананами.

— Я так понимаю, ты это капельку загнул, — хладнокровно сказал Марвин. — Куда мы теперь двинем, прохвессор?

— В путь-дорогу, — ответил ковбой. — В ближайший салун сомнительной репутации.

— Гип-гип ура! — гаркнул Марвин и развязной походкой устремился в распахнутые двери салуна.

В салуне на руке у Марвина тотчас повисла некая особа. Она впилась в него взглядом, с улыбкой, напоминавшей ярко-красный барельеф. Бегающие подчерненные глаза имитировали прищур веселья; вялое лицо было размалевано лживыми иероглифами оживления.

— Пошли со мной наверх, детуля, — вскричала омерзительная красотка. — Гулять будем, веселиться будем!

— Самое забавное, — сказал бродяга, — что маску этой девы предписывает обычай, требуя, чтобы те, кто продает наслаждение, изображали радость. Требование, мой друг, нелегкое, и не на всякую профессию оно налагается. Заметь: торговке рыбой дозволено не любить селедку, торговец овощами может в рот не брать репы, даже мальчишке-газетчику прощается неграмотность. Никто не требует, чтобы сами святые угодники получали удовольствие от священного мученичества. Лишь смиренные продавцы наслаждений обязаны, подобно Танталу, вечно ждать недосягаемого пиршества.

— Твой друг — большой шутник, точно? — сказала накрашенная ведьма. — Но ты мне больше по нраву, крошка, от тебя у меня внутри все обмирает.

На шее у бесстыдницы болтался кулон с миниатюрными бре-

локами — черепом, пианино, стрелой, пинеткой и пожелтевшим зубом.

— Что это такое? — полюбопытствовал Марвин.

— Символы.

— Символы чего?

— Пойдем наверх, я тебе все объясню, миленок.

— Итак, — нараспев произнес ковбой-бродяга, — перед нами истинное непосредственное самовыражение пробудившейся женской натуры, рядом с которым наши мужские причуды кажутся всего лишь детскими игрушками.

— Пошли! — воскликнула гарпия и завертела мощным торсом, имитируя страсть, которая казалась еще более отталкивающей из-за того, что была неподдельна.

— Большое вам... э-э... спасибо, — промямлил Марвин, — но сейчас я, пожалуй, не...

— Ты не жаждешь любви? — недоверчиво переспросила женщина.

— Вообще-то не очень.

Женщина уперла суковатые кулаки в крутые бедра и сказала:

— Кто бы мог подумать, что я доживу до такого дня?

Ладонью, по размерам и форме не уступающей чилийскому плащу-пончо, она вцепилась ему в горло.

— Пойдешь тотчас же, гнусный, трусливый, эгоистичный ублюдок с нарциссовым комплексом, иначе, клянусь Аресом, я сверну тебе шею как цыпленку!

Казалось, драмы не миновать, ибо страсть лишала женщину способности умерять свои желания.

К счастью, ковбой-бродяга, повинуясь если не природным склонностям, то по крайней мере велению рассудка, выхватил из кобуры веер, жеманно склонился к разъяренной женщине и похлопал ее по носорожьей руке.

— Не смей делать ему больно! — приказал он скрипучим контральто.

Марвин быстро, хоть и не в тон, подхватил:

— Да, скажи ей, чтоб перестала меня лапать! По-моему, это уж слишком, нельзя даже спокойно выйти вечером из дому, сразу нарвешься на скандал...

— Не плачь, бога ради, не плачь! — прервал его ковбой-бродяга. — Знаешь ведь, я не выношу, когда ты плачешь!

— Я не плачу! — насморочно всхлипнул Марвин. — Просто она разорвала на мне рубашку. Твой подарок!

— Подарю другую! — утешил ковбой. — Только не надо больше сцен!

Женщина глазела на них, разинув рот, и Марвин воспользовался ее секундным замешательством, вынул из сумки с инструментами ломик, подсунул его под распухшие багровые пальцы женщины и высвободился из ее хватки. Пользуясь благоприятным моментом, Марвин и ковбой-бродяга метнулись в дверь, в два прыжка свернули за угол, перескочили через мостовую и стремительно понеслись навстречу свободе.

Когда непосредственная опасность миновала, Марвин сразу же пришел в себя. С глаз спала пелена метафорической деформации, наступила перцептивно-эмпирическая ремиссия. Теперь стало до боли ясно, что «ковбой-бродяга» на самом деле не ковбой, а крупный жук-паразит вида «кфулу». Ошибки быть не могло: жуки кфулу отличаются вторичным слюнным протоком, расположенным чуть пониже и левее подпищеводного ганглия.

Жуки эти питаются чужими эмоциями — их собственные давным-давно атрофировались. Как правило, они прячутся в темных закоулках, поджидая, чтобы беззаботный цельсианин прошел в поле досягаемости их рецепторов. Именно такое и случилось с Марвином.

Осознав это, Марвин направил на жука столь сильное чувство гнева, что кфулу — жертва сверхостроты своих эмоциональных рецепторов — свалился без сознания. Затем Марвин оправил на себе золотисто-бронзовую оболочку, напружинил щупальца и двинулся по дороге дальше.

Глава 16

Он подошел к мосту, переброшенному через широкую и быструю песчаную реку. И, дойдя до середины моста, уставился вниз, на черные глубины, что непреклонно текли к таинственному песчаному морю. Он смотрел как загипнотизированный, а кольцо в носу отбивало мелкую дробь втрое чаще, чем сердце. И думалось Марвину: «Всякий мост — единство противоположностей. Горизонтальная его протяженность свидетельствует о том, что все на свете проходит, а вертикали неумолимо напоминают о грозящих неудачах, о неизбежности смерти. Мы все пробиваемся вперед, невзирая на препятствия, но под ногами у нас разверзается бездна расплаты за первородный грех. Мы строим, воздвигаем, сооружаем, но верховный архитектор — смерть, она создает вершины лишь затем, чтобы существовали пропасти.

Перебрасывайте же ваши великолепные мосты хоть через тысячу рек, о цельсиане, соединяйте разобщенные части своей планеты. Ваше мастерство напрасно, ибо могила все еще у вас под ногами, она все еще ждет, все еще терпелива. Перед вами открыт путь, цельсиане, но он неминуемо ведет к смерти. Несмотря на

всю вашу хитрость, цельсиане, вы никак не можете понять простую вещь. У сердца такая форма специально для того, чтобы его пронзила стрела. Остальные эффекты — побочные».

Вот о чем думал Марвин, стоя на мосту. И его одолела великая тоска, желание перечеркнуть все желания, отказаться от боли и удовольствий, забыть мелкие радости и горести успехов и неудач, покончить с развлечениями и продолжить дело жизни, которое сводится к смерти.

Медленно взобрался он на парапет и встал, балансируя над вихрящимися струями песка. И тут он заметил краешком глаза, как от столба отделяется тень, нерешительно подходит к парапету, склоняется над бездной и с опасностью для жизни перевешивается...

— Стой! Погоди! — вскричал Марвин. Его разрушительные стремления мгновенно угасли. Видел он лишь одно: живое существо на краю гибели.

Тень ахнула и рванулась к зияющей бездне. В тот же миг Марвин кинулся к тени и ухватил ее за ногу.

Нога так отчаянно отбрыкнулась, что Марвин чуть не перелетел через парапет. Однако он быстро оценил обстановку, впился присоской в пористый камень пешеходной дорожки, для упора расставил пошире нижние конечности, двумя верхними обвил фонарный столб, а двумя свободными руками удерживал спасенного.

Настал миг напряженного равновесия; затем сила Марвина сломила сопротивление незадачливого самоубийцы. Медленно, осторожно Марвин начал стаскивать спасенного вниз — отпустил предплюсну, перехватил его ногу в области большой берцовой кости и тянул вниз до тех пор, пока неизвестный не оказался в безопасности на проезжей части моста.

От собственных мрачных помыслов и следа не осталось. Марвин сгреб самоубийцу за плечи и свирепо встряхнул.

— Дурак несчастный! — закричал он. — Что это за трусость? Только идиот или безумец сводит так счеты с жизнью. Неужто у тебя вовсе нет силы воли, чертов ты...

Он вовремя прикусил язык. Перед ним, отведя взгляд, дрожал незадачливый самоубийца. И Марвин только теперь заметил, что спас женщину.

Глава 17

Позже, в отдельном кабинете примостного ресторана, Марвин извинился за резкие слова, что вырвались у него не от души, а по вспыльчивости. Но женщина, грациозно помахав лапкой, отказалась принять извинение.

— Вы ведь правы, — сказала она. — Мой поступок — поступок идиотки, или безумной, или той и другой. Боюсь, ваше определение точно. Надо было дать мне прыгнуть.

Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилиндру, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило сердце). Черты лица совершенны, начиная от милых шишечек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывает белый атласный шарф покроя «принцесс», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов.

Пусть она незадачливая самоубийца — для Марвина она была самой ослепительной красавицей из всех, кого ему довелось повидать на Цельсии.

От ее красоты у Марвина пересохло в горле и зачастил пульс. Он поймал себя на том, что не сводит глаз с белого атласа, скрывающего и оттеняющего высокие яйцеклады. Он потупился и поймал себя на том, что разглядывает сладострастное чудо — длинную членистую ногу. Густо краснея, он заставил себя смотреть на сморщенную родимую шишечку на лбу.

Женщина, казалось, не замечала его пылкого внимания. Она простодушно предложила:

— Может, мы познакомимся, раз уж так получилось?

Оба неудержимо расхохотались над ее остротой.

— Марвин Флинн, — представился Марвин.

— Фристия Хелд, — назвалась молодая женщина.

— Я буду звать вас Кэти, если вы не возражаете, — сказал Марвин.

Они снова рассмеялись. Затем Кэти стала серьезной. Увидев, как быстро летит время, она сказала:

— Еще раз большое вам спасибо. А теперь мне пора.

— Конечно, — ответил Марвин, тоже вставая. — Когда мы увидимся?

— Никогда, — проговорила она тихо.

— Но мне это необходимо! — воскликнул Марвин. — Я хотел сказать — теперь, когда я вас нашел, я ни за что не соглашусь вас потерять.

Она грустно покачала головой.

— Вы будете вспоминать обо мне хоть изредка? — прошептала она.

— Мы не должны расставаться! — сказал Марвин.

— Ничего, переживете, — ответила она вовсе не в строгом тоне.

— Я теперь никогда больше не улыбнусь, — пригрозил Марвин.

— Кто-нибудь займет мое место, — предсказала она.
— Вы просто демон-искуситель! — вскричал он в ярости.
— Мы разошлись, как в море корабли, — поправила она.
— Неужели мы не встретимся? — осведомился Марвин.
— Время покажет.
— Я бы ходил за вами как тень, — с надеждой сказал Марвин.
— К востоку от солнца и к западу от луны, — произнесла она нараспев.
— Как вы немилостивы, — надулся Марвин.
— Я забыла про время, — сказала она. — Но теперь я о нем вспомнила!
С этими словами она вихрем метнулась к двери и исчезла.
Марвин проводил ее глазами, потом сел за стойку бара.
— Один за мою крошку, другой на дорожку, — бросил он бармену.
— Все бабы фальшивые, — сочувственно заметил бармен, наполняя бокалы.
— При ней иссохну, без нее сдохну, хандра у меня, — пожаловался Марвин.
— Парню нужна девушка, — изрек бармен.
Марвин осушил бокал и снова протянул его бармену.
— Розовый коктейль за мою голубую мечту, — распорядился он.
— Может, она устала, — предположил бармен.
— Не знаю, за что я ее так люблю, — констатировал Марвин. — Но по крайней мере знаю, отчего в небе померкло солнце. Среди моего одиночества она преследует меня, как бренчанье пианино в соседней квартире. Я буду поблизости, как бы она со мной ни обращалась. Может, все это напрасно, но я сохраню в памяти весну и ее, и не для меня ласкает кроны вешний ветерок, и...
Неизвестно, долго ли продолжал бы Марвин свои причитания, если бы где-то на уровне его ребер, на два фута влево, кто-то не прошептал:
— Эй, миштер!
Обернувшись на зов, Марвин увидел на соседнем табурете маленького толстенького цельсианина в лохмотьях.
— Чего тебе? — грубо спросил Марвин.
— Вы хотеть видеть тот очень красивый мучача еще раз?
— Да, хочу. Но что ты можешь...
— Я частый сыщик разыскивать безвестно пропавших успех гарантирован иначе ни цента в вознаграждение.
— Что за странный у тебя говор? — поразился Марвин.
— Ламбробианский, — ответил сыщик. — Я Хуан Вальдец, родом из земель фиесты, что у самой границы, а сюда, в большой город Порт, я приехал сколотить состояние.
— Чучело гороховое, — ощерился бармен.

— Какая вещь ты меня назвать? — с подозрительной кротостью переспросил маленький ламбробианин.
— Я назвал тебя «чучело гороховое», паршивое ты чучело гороховое, — ощерился бармен.
— Так я и услышать, — сказал Вальдец. Он потянулся к поясу, вытащил длинный нож с двусторонним лезвием и, всадив его бармену в сердце, уложил того на месте.
— Я человек кроткий, сеньор, — обратился он к Марвину. — Я не легко обижаться. Право же, в родном селе Монтана Верде де лос трес Пикос меня считать безобидный. Я ничего не просить, только разводить пейотовый побеги в высокий горах Ламбробии под сень того дерева, что называться «шляпа от солнца», ибо то есть лучшие в мире пейотовые побеги.
— Вполне сочувствую.
— И все же, — продолжал Вальдец с нажимом в голосе, — когда эксплойтатор дель норте оскорбляет меня, а тем самым позорит память взрастивших меня родителей, о сеньор, тогда глаза мои застилает красный туман, нож сам вскакивает ко мне в руку и оттуда без пересадки вонзается в сердце тому, кто обидел сына бедняка.
— С каждым может случиться, — сказал Марвин.
— А ведь, несмотря на острое чувство чести, — заявил Вальдец, — я в общем-то как дитя — порывист и беспечен.
— Я, собственно, успел это заметить, — отозвался Марвин.
— Но хватит об этом. Так вы хотеть нанять меня сыщик искать девушка? Ну конечно. Эль буэн пано эн эль арва се венде, вердад?[1]
— Си, омбре, — со смехом ответил Марвин. — И эль дезео венсе аль миедо![2]
— Луэс, аделанте![3]
И рука об руку два приятеля шагнули в ночь под тысячи сверкающих звезд, подобных остриям пик несметного воинства.

Глава 18

Выйдя из ресторана, Вальдец обратил смуглое усатое лицо к небесам и отыскал созвездие Инвиднус, которое в северных широтах безошибочно указывает на северо-северо-восток. Приняв его за базисную линию, Вальдец мысленно начертил крест с учетом ветра (дующего в щеку с запада со скоростью пять миль в час)

[1] Хороший урожай продается на корню, не так ли? *(исп.)*
[2] И желание побеждает страх! *(исп.)*
[3] Итак, вперед! *(исп.)*

и мха на деревьях (отрастающего с северной стороны стволов роняписа на миллиметр в день). Он сделал поправку на восточную погрешность — один фут на милю (снос) и южную погрешность — пять дюймов на сто ярдов (совокупность эффектов тропизма). Затем, приняв к сведению все данные, зашагал в юго-юго-западном направлении.

Марвин последовал его примеру. Не прошло и часу, как они вышли из городской черты на покрытые жнивьем поля. Еще через час исчезли последние признаки цивилизации, потянулось нагромождение гранита и скользкого полевого шпата.

Вальдец не выказывал намерения остановиться, и в Марвине смутно шевельнулось беспокойство.

— Нельзя ли все же узнать, куда мы идем? — спросил он наконец.

Вальдец сверкнул белозубой улыбкой на загорелой физиономии цвета сиены:

— Искать вашу Кэти.

— Неужто она живет так далеко от города?

— Понятия не имею, где она живет, — пожал плечами Вальдец.

— Не имеете?

— Да, не имею.

Марвин остолбенел.

— Но вы же говорили, будто знаете.

— Никогда я ничего подобного не говорил ни прямо, ни косвенно, — сказал Вальдец, наморщив темно-коричневый лоб. — Я говорил, что помогу вам искать ее.

— Но если вы не знаете, где она живет...

— Совершенно неважно, — заявил Вальдец, строго подняв куцый палец. — Наши поиски не имеют ничего общего с тем, где Кэти живет; наши поиски сводятся к простейшей задаче — найти саму Кэти. По крайней мере так я вас понял.

— Да, конечно, — сказал Марвин. — Но если мы идем не туда, где она живет, то куда мы идем?

— Туда, куда она будет, — безмятежно ответил Вальдец.

— Ага, — сказал Марвин.

Шли они сквозь вздымающиеся чудеса минерального царства и наконец пришли к низкорослым холмам, что как усталые моржи залегли вокруг искрящегося голубого кита — величественной горной цепи. Прошел еще час, и Марвин опять забеспокоился. Однако на сей раз он высказал свои сомнения обиняками, надеясь выведать тайну хитростью.

— А вы давно знаете Кэти? — спросил он.

— Ни разу не имел удовольствия встретиться, — ответил Вальдец.

— Значит, впервые увидели ее со мной в ресторане?

— К сожалению, даже там я ее не видел, ибо, пока вы с ней беседовали, я в мужском туалете выгонял из почки камень. Возможно, я заметил ее краешком глаза, когда она распрощалась с вами и вышла, но скорее всего то был лишь доплеровский эффект, созданный красным турникетом.

— Следовательно, вы вообще ничего не знаете о Кэти?

— Только то немногое, что слышал от вас, а это, по совести, практически ничего.

— Так как же вы собираетесь отвести меня туда, где она будет? — возмутился Марвин.

— А очень просто, — ответил Вальдец. — Если бы вы хоть на секунду задумались, вам бы сразу все стало ясно.

Марвин задумался на целых несколько секунд, но орешек оказался ему не по зубам.

— Будем рассуждать логически, — сказал Вальдец. — Какая передо мной задача? НАЙТИ КЭТИ. Что мне известно о Кэти? Ничего.

— Не очень-то вы меня обнадеживаете.

— Но это лишь половина задачи. Допустим, мне ничего не известно о Кэти, но что мне известно об отыскании?

— Что?.. — спросил Марвин.

— Представьте, об отыскании мне известно решительно все, — торжествующе объявил Вальдец, размахивая изящными терракотовыми руками. — Ибо я специалист по теории поисков!

— По чему? — переспросил Марвин.

— По теории поисков, — повторил Вальдец уже не так торжествующе.

— Понятно, — сказал Марвин, ничуть не потрясенный. — Что же, замечательно. Я уверен, что теория великолепна. Но если вы ничего не знаете о Кэти, не представляю, чем вам поможет даже самая распрекрасная теория.

Вальдец вздохнул (отнюдь не демонстративно) и провел красновато-коричневой ладонью по усам.

— Дружище, если бы вам было известно о Кэти все — ее привычки, друзья, желания, антипатии, надежды, страхи, мечты, планы и тому подобное, — как, по-вашему, удалось бы вам ее найти?

— Наверняка удалось бы, — ответил Марвин.

— Несмотря на то что вы ничего не знаете о теории поисков?

— Да.

— Что ж, — сказал Вальдец, — а теперь рассмотрим обратный случай. О теории поисков я знаю решительно все. Следовательно, мне нет нужды знать что-либо о Кэти.

Они безостановочно шагали вверх по склону горы, а склон

становился все круче. Выл и хлестал в лицо колючий ветер, на тропинке под ногами появились лоскутья инея.

Вальдец углубился в тонкости теории поисков, привел следующие характерные случаи: Гектор ищет Лизандра, Адам поджидает Еву, Галахад отправляется на поиски чаши Святого Грааля, Фред Доббс разведывает сокровища Сьерра-Мадре, Эдвин Арлингтон Робинсон выявляет диалектальные особенности типично американской milieu[1], Гордон Слай разыскивает Наяду Маккарти, энтропия преследует энергию, бог присматривает за человеком, а янг исследует имм.

— Из этих примеров, — говорил Вальдец, — мы строим общую концепцию поисков и ее основные следствия.

Марвин был слишком подавлен, чтобы ответить. Ему вдруг пришло в голову, что в этой ледяной безводной пустыне и погибнуть недолго.

— Как ни смешно, — продолжал Вальдец, — теория поисков навязывает нам немедленный вывод: ничто не теряется в истинном (или идеальном) смысле этого слова. Судите сами. Для того чтобы вещь потерялась, должно существовать какое-то место, в котором она потерялась. Однако найти такое место невозможно, поскольку простое множество не подразумевает качественного различия. Или, выражаясь терминами поисков, одно место похоже на любое другое. Поэтому мы заменяем понятие «потеря» понятием «неопределенное местонахождение», которое, само собой, поддается математическому анализу.

— Но ведь если Кэти по-настоящему не потерялась, — сказал Марвин, — значит, ее нельзя по-настоящему найти.

— Суждение само по себе справедливое, — ответил Вальдец. — Но это, конечно, всего-навсего ИДЕАЛЬНОЕ суждение, в данном случае оно недействительно. Для практических целей теорию поисков надо модифицировать. Больше того, надо коренным образом изменить главную посылку и вернуться к первоначальной концепции Потерянного и Найденного.

— Звучит страшно путано.

— Ну, это все довольно просто, лишь бы осилить теорию, — успокоил Марвина Вальдец. — А теперь, чтобы гарантировать успех, нам надо выбрать оптимальный принцип поиска. Самоочевидно, что, если оба будете активно искать, вероятность того, что вы найдете друг друга, резко уменьшится. Представьте себе, что двое ловят друг друга по бесконечным многолюдным анфиладам универсального магазина, и сравните такой метод с усовершенствованной стратегией, когда один ищет, а другой стоит на

[1] Среда *(фр.)*.

месте и спокойно ждет, пока его найдут. Математически это формулируется чрезвычайно сложно, вам придется поверить мне на слово. С наибольшей вероятностью вы разыщете девушку или она разыщет вас, если кто-то один будет разыскивать, а другой — позволит себя разыскать. Народная мудрость так и гласит.

— Так что же будем делать?

— Я ведь вам твержу! — вскричал Вальдец. — Один должен искать, другой — ждать. Поскольку мы не в состоянии держать поступки Кэти под контролем, придется исходить из того, что она, следуя своему инстинкту, разыскивает вас. Поэтому вы должны подавить свои инстинкты и ждать, тем самым позволив ей вас найти.

— Ждать? Только и всего? — переспросил Марвин.

— Вот именно.

— И вы серьезно думаете, что она меня найдет?

— Ручаюсь жизнью.

— Что ж... Ладно. Но куда же мы в таком случае направляемся?

— В то место, где вы будете ждать. На языке специалистов — в пункт обнаружения.

У Марвина был оторопелый вид, поэтому Вальдец объяснил подробнее:

— Математическое ожидание того, что она вас найдет, для всех мест одинаково. Поэтому пункт обнаружения мы можем выбирать произвольно.

— И какой же вы выбрали пункт обнаружения? — спросил Марвин.

— Поскольку это роли не играет, — ответил Вальдец, — я выбрал село Монтана Верде де лос трес Пикос в провинции Аделанте страны Ламбробии.

— Это, кажется, ваша родина? — спросил Марвин.

— Вообще-то да, — сказал Вальдец, несколько удивленный и сконфуженный. — Потому-то, верно, мне о нем сразу подумалось.

— Но ведь до Ламбробии, по-моему, очень далеко?

— Порядочно, — признался Вальдец. — Но мы время зря не потеряем: я обучу вас логике, а также народным песням моей страны.

— Это нечестно.

— Дружище, — сказал ему на это Вальдец, — когда вы принимаете чью-то помощь, довольствуйтесь тем, что вам дают, а не тем, что вы хотели бы взять. У меня, как и у всех, возможности ограниченные, но с вашей стороны попрекать меня их ограниченностью — черная неблагодарность.

Пришлось Марвину это снести: он понимал, что вряд ли найдет обратную дорогу без посторонней помощи. И они зашагали дальше по горам, распевая народные песни.

Глава 19

Они все шли да шли вперед по зеркальному склону большой горы. Свистал и выл ветер, трепал одежду, норовил оторвать перетруженные пальцы. Крошился под ногами предательский ноздреватый лед, когда путники судорожно искали опоры, прижимая исхлестанные тела к обледенелому склону и на манер пиявок передвигаясь по ослепительной поверхности.

Вальдец сносил все с равнодушием святого.

— Это есть трудно, — ухмыльнулся он. — Но все же ради ваша любовь к той женщина вы не раскаиваться, си?

— Да уж, конечно, — пробормотал Марвин. По правде говоря, у него появились сомнения. В конце концов, с Кэти он не провел и часу.

Рядом прогремел снежный обвал, тонны белой смерти пронеслись буквально в дюймах от изнемогающих странников. Вальдец безмятежно улыбнулся.

— За всеми препятствиями, — нараспев произнес он, — вас ждет вершина мироздания — лицо и фигура возлюбленной.

— Да уж, конечно, — откликнулся Марвин.

Вокруг вихрились и сверкали копья ледяных сосулек, сорванных с высокой докальмы. Марвин стал было думать о Кэти и обнаружил, что не помнит, как она выглядит. Ему пришло в голову, что любовь с первого взгляда сильно переоценивают.

Впереди неясно виднелся обрыв. Марвин поглядел на него, на мерцающие ледяные поля за ним и пришел к выводу, что игра, собственно, не стоит свеч.

— По-моему, — сказал Марвин, — нам лучше вернуться.

Вальдец чуть заметно улыбнулся, помедлил в самом начале головокружительного спуска в бушующий ветрами ад фантастических снежных гор.

— Дружище, — сказал он, — я знаю, почему вы так говорите.

— Знаете? — переспросил Марвин.

— Конечно. Вы явно не хотите, чтобы я рисковал своею жизнью, продолжая безрассудные, хоть и возвышенные поиски. И явно намереваетесь пуститься на поиски в одиночку.

— Вы так считаете? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Даже самый невнимательный наблюдатель заметит, что вы твердо решили искать свою любовь, невзирая ни на какие опасности, — такой уж у вас железный характер. Точно так же ясно, что вашей благородной и великодушной натуре претит мысль вовлечь преданного друга и надежного товарища в столь гиблую авантюру.

— Да вот, — начал Марвин, — я не уверен...

— Зато я уверен, — спокойно заявил Вальдец. — И на ваш невысказанный вопрос отвечаю так: «Дружба подобна любви — она не ведает границ».

— Что ж, это очень мило с вашей стороны, — сказал Марвин, не сводя глаз с обрыва. — Но вообще-то я не так уж коротко знаком с Кэти и не знаю, подходим ли мы с ней друг другу. Так что в конце концов, может быть, нам лучше уносить отсюда ноги.

— Вашим словам недостает убеждения, дружище, — рассмеялся Вальдец. — Умоляю вас, не тревожьтесь о моей безопасности.

— Собственно говоря, — возразил Марвин, — я тревожусь *о своей безопасности.*

— Пустое! — весело вскричал Вальдец. — Жар страсти обличает наигранную холодность ваших слов. Вперед, дружище!

По-видимому, Вальдец твердо решил силой привести Марвина к Кэти, хочет того Марвин или нет. Единственный выход — нанести молниеносный удар в челюсть, после чего можно будет утащить Вальдеца, да и самому вернуться назад к цивилизации. Марвин бочком подался вперед.

Вальдец попятился.

— О нет, дружище! — вскричал он. — Опять-таки самонадеянная любовь выдает все ваши побуждения. Оглушить меня хотите, не так ли? А потом, удостоверясь, что мне здесь удобно, что я в безопасности и обеспечен едой, вы ринетесь один-одинешенек в белую пустыню. Но я отказываюсь подчиняться. Мы продолжим путь вместе, компадре.

И, взвалив на плечи рюкзак со всей провизией, Вальдец начал спускаться по обрыву. Марвину оставалось только последовать за ним.

Не будем утомлять читателя подробностями великого перехода через горы Мореску, страданиями обалдевшего от любви юного Флинна и его непоколебимого спутника. Не будем описывать ни причудливые галлюцинации, мучившие странников, ни временное помешательство Вальдеца, когда он вообразил себя пташкой, способной перемахнуть через тысячефутовую бездну. Точно так же никого, кроме философов, не заинтересует психологический процесс, в результате которого Марвин от размышлений о принесенных им жертвах, через привязанность к упомянутой даме пришел к пылкой привязанности, затем к любви и наконец к всепоглощающей страсти.

Достаточно сказать, что все это было, что путешествие по горам длилось много дней и принесло много переживаний. Но наконец оно завершилось.

С гребня последней горы Марвин глянул вниз и вместо ледя-

ных полей увидел зеленые луга, холмистые леса под летним солнцем и деревушку, приютившуюся в речной извилине.

— Это... это не... — начал Марвин.

— Да, сын мой, — тихо сказал Вальдец. — Это село Монтана де лос трес Пикос, провинция Аделанте, страна Ламбробия, в долине Последождика.

Марвин поблагодарил своего гуру[1] — никаким другим словом не обозначишь роль, сыгранную лукавым, безгрешным Вальдецом, — и стал спускаться в пункт обнаружения, где должен был поджидать Кэти.

Глава 20

Монтана де лос трес Пикос! Здесь, среди прозрачных озер и высоких гор, простые добродушные крестьяне неторопливо трудятся под лебедиными шеями пальм. В полдень и в полночь по амбразурам стен старинного замка прокатывается жалобное эхо гитарных переборов. Шоколадно-коричневые девы собирают палые гроздья винограда, а за ними надзирает усатый каюк с дремлющим кнутом, намотанным на мохнатую кисть. В этот-то странный, но привлекательный осколок отошедшей эпохи и привел Флинна верный Вальдец.

Сразу за околицей села, на живописном пригорке, стояла гостиница, или посада. Туда-то и устремился Вальдец.

— А это действительно лучшее место для ожидания? — спросил Марвин.

— Нет, не лучшее, — с всеведущей улыбкой ответил Вальдец. — Но, выбрав его, а не запыленную городскую площадь, мы избегли ошибки «мнимооптимального варианта». К тому же тут гораздо уютнее.

Марвин склонился перед высокой мудростью усатого спутника и устроился в посаде как дома. Он сел за вкопанный в землю стол, откуда хорошо просматривались двор и дорога за ним. Он подкрепился фляжкой вина и в соответствии с теорией поиска приступил к выполнению своей теоретической функции, а именно — стал Ждать.

Час спустя Марвин заметил, что по белой глянцевой ленте дороги медленно движется крохотная темная фигурка. Она приблизилась, и Марвин увидел перед собой уже немолодого человека, согнутого под бременем тяжелого цилиндрического предмета. Но вот человек поднял изможденное лицо и взглянул Марвину прямо в глаза.

[1] Наставник *(инд.)*.

— Дядя Макс! — закричал Марвин.

— А-а, Марвин, здравствуй, — отвечал дядя Макс. — Будь добр, налей мне стаканчик вина. Дорога уж очень пыльная.

Марвин налил стакан вина, с трудом веря собственным глазам: ведь дядя Макс таинственно исчез лет десять назад. Последний раз его видели, когда он играл в гольф при загородном клубе «Фэйрхэвен».

— Что с тобой приключилось? — спросил Марвин.

— На двенадцатой лунке угодил в искривление времени, — ответил дядя Макс. — Если вернешься на Землю, Марвин, поговори об этом с директором клуба. Я ведь никогда не был кляузником; но мне представляется, что финансовую комиссию надо поставить в известность, пусть обнесет аварийный участок забором или какой-нибудь изгородью. Я-то ладно, а вот если исчезнет ребенок, будет большой скандал.

— Конечно, поговорю, — сказал Марвин. — Но, дядя Макс, сейчас-то ты куда направляешься?

— У меня свидание в Самарре[1], — отвечал дядя Макс. — Спасибо за вино, мальчик, и побереги себя. Кстати, знаешь ли ты, что у тебя в носу что-то тикает?

— Знаю, — сказал Марвин. — Это бомба.

— Надо полагать, ты отдаешь себе отчет в своих поступках, — сказал дядя Макс. — До свидания, Марвин.

И дядя Макс устало потащился дальше по дороге; сумка для гольфа покачивалась у него за спиной, а клюшка номер два была вместо посоха. Марвин возобновил прерванное ожидание.

Полчаса спустя Марвин заметил, что по дороге спешит какая-то женщина. В нем всколыхнулась было надежда, но он тотчас же тяжело опустился на стул. Это была отнюдь не Кэти, а всего-навсего его мать.

— Далеко ты забралась от дома, мамуля, — сказал он спокойно.

— Знаю, Марвин, — откликнулась мать. — Но меня, понимаешь, схватили торговцы живым товаром.

— Господи, мамуля! Как это случилось?

— Видишь ли, Марвин, — рассказала мать, — я пошла отнести рождественские гостинцы одной бедной семье в переулке Вырвиглаз, а там, как на грех, полицейская облава, и вообще много

[1] Намек на восточную легенду, известную в пересказе Сомерсета Моэма. Некоему вельможе бросился в ноги раб. Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозила ему пальцем, и стал умолять господина, чтобы тот дал ему коня. Раб решил спастись от Смерти, бежав в город Самарру. Вельможа подарил рабу коня, и тот умчался, а сам на другой день пошел на базар и, встретив Смерть, спросил: «Зачем ты пугала моего раба? Зачем грозила ему пальцем?» — «Я его не пугала, — ответила Смерть. — Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в тот же вечер мне предстояло свидание с ним в Самарре».

чего приключилось, и меня опоили наркотиками, и очнулась я в Буэнос-Айресе, в роскошной комнате, а возле меня стоял человек, делал мне глазки и на ломаном английском языке спрашивал, не хочу ли я *побаловаться*. А когда я сказала «нет», он сгреб меня с явно гнусными намерениями.

— Ух ты! А что потом?

— Да что ж, — сказала мать, — на мое счастье, я вспомнила прием, которому меня научила миссис Джесперсон. Ты знаешь, что человека можно убить, если сильно ударить пониже носа? Не хотелось мне так делать, Марвин, но это оказалось наилучшим выходом. И вот я очутилась на улицах Буэнос-Айреса, а потом потянулось то, другое, одно за одним, и вот я здесь.

— Вина выпьешь? — предложил Марвин.

— Спасибо за внимание, — сказала мать, — но мне, право же, пора.

— Куда ты?

— В Гавану, — ответила мать. — У меня поручение к Гарсии. Марвин, ты не простужен?

— Нет, это я гнусавлю оттого, что у меня в носу бомба.

— Побереги себя, Марвин, — сказала мать и заторопилась дальше.

Шло время. Марвин пообедал на веранде, запил обед графином «Сангре ди Омбре» урожая ...36-го года и расположился в густой тени беленого палладиума. Золотое солнце потянулось к горным вершинам. По дороге мимо гостиницы поспешно шел какой-то человек...

— Отец! — закричал Марвин.

— Добрый день, Марвин, — поздоровался отец, умело скрывая, как он ошарашен. — Должен тебе заметить, что ты мне попадаешься в самых неожиданных местах.

— Могу сказать о тебе то же самое, — ответил Марвин.

Отец нахмурился, поправил галстук и переложил чемоданчик в другую руку.

— В том, что я здесь, нет ничего удивительного, — сказал он сыну. — Обычно твоя мать отвозит меня со станции домой на машине. Но сегодня она опоздала, и я пошел пешком. Раз уж я шел пешком, мне взбрело в голову срезать угол и пройти по площадке для гольфа.

— Понятно, — произнес Марвин.

— Признаться, — продолжал отец, — кратчайший путь оказался самым длинным, так как, по моим подсчетам, я гуляю по этой местности почти час, а то и больше.

— Папа, — сказал Марвин, — только не волнуйся, но дело в том, что ты уже не на Земле.

— Не вижу в твоей шутке ничего смешного, — заметил отец. — Я, бесспорно, дал кругаля, да и архитектура здесь не такая, какую рассчитываешь увидеть в штате Нью-Йорк. Но не сомневаюсь, что если я пройду по этой дороге еще ярдов сто, то попаду на Эннендейл-авеню, а она выведет меня на перекресток Кленового и Елового переулков. А уж оттуда и до дома рукой подать.

— Наверное, ты прав, — сказал Марвин. Ему еще ни разу в жизни не удалось переспорить отца.

— Мне пора, — сказал отец. — Между прочим, Марвин, тебе известно, что у тебя в носу какой-то чужеродный предмет?

— Да, сэр, — отвечал Марвин. — Это бомба.

Отец сурово нахмурился, испепелил сына взглядом, горько покачал головой и зашагал дальше.

— Не понимаю, — делился позднее Марвин с Вальдецом. — Почему они все меня находят? Это даже как-то противоестественно!

— Противоестественно, — заверил его Вальдец. — Но зато неизбежно, что гораздо важнее.

— Может, и неизбежно, — сказал Марвин. — Но и в высшей степени невероятно.

— Факт, — согласился Вальдец. — Хотя мы предпочитаем называть это форсированной вероятностью; другими словами, это одно из неопределенных обстоятельств, сопутствующих теории поиска.

— *Боюсь, я не совсем понимаю*, — сказал Марвин.

— Все довольно просто. Теория поиска — чистая теория; это значит, что на бумаге она подтверждается всегда. Но стоит только применить ее на практике, как мы сталкиваемся с трудностями, главная из которых — явление неопределенности. В самых простых словах происходит вот что: наличие теории препятствует подтверждению теории. Видите ли, теория не может учитывать свое влияние на самое себя. Идеальный вариант — когда теория поиска действует во Вселенной, где вообще нет никакой теории поиска. Практически же (а нас волнует именно практика) теория поиска действует в мире, где *есть* теория поисков, которой свойствен так называемый «зеркальный эффект», или «эффект удвоения самой себя».

— Гм-м... — промычал Марвин.

— Конечно, — прибавил Вальдец, — надо принимать в расчет лямбду-ши — выражение, обозначающее обратно пропорцио-

нальную зависимость всех возможных поисков и всех возможных находок. Так, когда в связи с неопределенностью прочих факторов лямбда-ши возрастает, вероятность неудачного поиска стремительно падает почти до нуля, а вероятность поиска успешного быстро увеличивается до единицы.

— Означает ли это, — спросил Марвин, — что из-за такого эффекта теории все поиски будут успешны?

— Именно, — ответил Вальдец. — Вы сформулировали превосходно, хотя и недостаточно строго. Все возможные поиски будут успешны в течение, или на протяжении, периода, соответствующего коэффициенту раскрытия системы.

— Теперь понятно, — сказал Марвин. — Если верить теории, я обязательно найду Кэти.

— Да, — подхватил Вальдец. — Вы обязательно найдете Кэти, больше того, вы обязательно найдете всех и каждого. Единственное ограничение — коэффициент раскрытия системы, или РС.

— Вот оно что, — протянул Марвин.

— Естественно, поиски бывают успешными лишь в течение срока, или периода РС. Но длительность РС есть величина переменная, она колеблется от 6,3 микросекунды до 1005,34543 года.

— А в моем случае сколько будет длиться РС? — спросил Марвин.

— Многие мечтали бы услышать ответ на этот вопрос, — искренне развеселился Вальдец.

— Этого-то я и боялся, — поскучнел Марвин.

— Наука — жестокий хозяин, — согласился Вальдец. Но тут же игриво подмигнул и сказал: — Правда, и самого жестокого из хозяев можно обвести вокруг пальца.

— Вы хотите сказать, что решение есть? — вскричал Марвин.

— К несчастью, не академическое, — ответил Вальдец.

— И все же, — сказал Марвин, — если оно правильное, то давайте попробуем.

— По-моему, не стоит, — ответил Вальдец.

— Я настаиваю, — сказал Марвин. — В конце концов в поиске заинтересован именно я.

— С точки зрения математики это к делу не относится, — заметил Вальдец. — Но вы, наверное, все равно не дадите мне покоя до тех пор, пока я вас не ублажу.

Вальдец удрученно вздохнул, извлек из пояса клочок бумаги и огрызок карандаша и спросил:

— Сколько монет у вас в кармане?

Порывшись в кармане, Марвин сказал:

— Восемь.

Вальдец записал эту цифру, потом выяснил год и день рождения Марвина, номер его удостоверения личности, размер обуви и рост в сантиметрах. Над этими данными он произвел какие-то

математические выкладки. Затем попросил Марвина назвать наудачу любое число от 1 до 14. К названному числу он прибавил несколько своих, после чего несколько минут выводил какие-то каракули и что-то подсчитывал.

— Ну? — поторопил его Марвин.

— Помните, результат представляет собой всего-навсего статистическую вероятность, — сказал Вальдец, — и заслуживает доверия лишь как таковой.

Марвин кивнул. Вальдец продолжал:

— В вашем конкретном случае период раскрытия системы истекает ровно через одну минуту сорок восемь секунд плюс-минус пять минимикросекунд.

Он сверился с часами и удовлетворенно кивнул.

Марвин собрался было категорически запротестовать против такой несправедливости и спросить, почему Вальдец не произвел столь существенных подсчетов раньше. Но взгляд его упал на дорогу, неповторимой белизной светящуюся на фоне густой синевы вечера.

Он увидел, что по направлению к посаде медленно движется какая-то фигура.

— Кэти! — закричал Марвин. Ибо это действительно была она.

— Поиск завершен за сорок три минимикросекунды до истечения периода РС, — констатировал Вальдец. — Еще одно экспериментальное подтверждение теории поиска.

Но Марвин его не слышал: он устремился по дороге навстречу долгожданной своей любви и сжал ее в объятиях. А Вальдец, лукавый друг и молчаливый попутчик, скупо улыбнулся про себя и заказал еще бутылку вина.

Глава 21

Наконец-то они соединились: прекрасная Кэти, прогневавшая звезды и затравленная планетами, притянутая таинственной магией пункта обнаружения, и Марвин, молодой и сильный, с белозубой улыбкой, вспыхивающей на загорелом добродушном лице. Марвин, с задором и бездумной самоуверенностью юных собравшийся принять вызов древней непознаваемой Вселенной; и рядом с ним Кэти, моложе годами, но много старше унаследованной интуитивной женской мудростью, прелестная Кэти, в красивых темных глазах которой словно притаилась задумчивая грусть, неуловимая тень предвидимой скорби, о которой Марвин и не подозревал, лишь чувствовал горячее, непреодолимое желание защищать и лелеять эту девушку, с виду такую хрупкую, окутанную тайной, которую она не может открыть, девушку, что нако-

нец пришла к нему — человеку, лишенному тайны, которую мог бы открыть.

Счастье их было омрачено и возвышенно. В носу у Марвина тикала бомба, отсчитывала неумолимые мгновения его судьбы, создавала четкий метрономический ритм для танца любви. Но чувство обреченности лишь теснее сплело две несхожие судьбы, вдохнуло в их отношения нежность и значимость.

Из утренней росы он создал для нее водопад, из разноцветных камешков на лугу у ручья сделал ожерелье красивее изумрудного, печальнее жемчужного. Она оплела его сетью шелковистых волос, увлекла его далеко вниз, в глубокие и бездонные воды, за пределы забвения. Он показал ей замерзшие звезды и расплавленное солнце; она подарила ему длинные перевитые тени и шуршание черного бархата. Он протянул к ней руку и коснулся мха, травы, вековых деревьев, радужных скал; кончики ее пальцев задели старые планеты и серебряный свет луны, вспышки комет и вскрик испаряющихся солнц.

Они играли в такие игры, где он умирал, а она старилась; они делали так, чтобы испытать радость повторного рождения. Любовью они рассекали время на части и вновь складывали, лучшим, более емким, более медлительным. Их игрушками были горы, степи, равнины, озера. Души их искрились, словно дорогой мех.

Они стали любовниками. И не постигали ничего, кроме любви.

Но их любило далеко не все живое и неживое. Сухие пни, бесплодные орлы, зацветшие пруды таили злобу на их счастье. Клятвы и заверения любовников проходили мимо безотлагательности перемен, безразличных к тому, что предполагает человек, и с удовольствием продолжающих свою деятельность по разрушению Вселенной. Выводы, не поддающиеся подтасовкам, угодливо подчинялись древним предначертаниям, записанным на костях, вкрапленным в кровь, вытатуированным на коже тела.

Бомбе предстояло взорваться. Тайна требовала раскрытия. А из страха рождались знание и печаль.

И однажды утром Кэти не стало, словно вовсе не бывало.

Глава 22

Ушла! Кэти ушла! Возможно ли? Неужто жизнь, этот мрачный шутник, вновь принялась за свои губительные шутки?

Марвин отказывался верить. Он обшарил все закоулки посады, терпеливо облазил всю деревушку. Нигде. Он продолжил поиски в ближайшем городе Сан-Рамон де лас Тристецас, опросил официанток, домовладельцев, лавочников, проституток, полисменов, сводников, нищих и всех прочих. Он спрашивал, не видал

ли кто девушки, прекрасной, как утренняя заря, с волосами красоты неописуемой, руками и ногами несравненной гибкости, с чертами лица, прелесть которых равняется лишь их правильности, и так далее. Но те, кого он спрашивал, грустно отвечали: «Увы, сеньор, мы не видали та женьчина ни нынче, ни ранее, никогда в жизни».

Он успокоился ровно настолько, чтобы дать связное описание ее примет, и нашел на шоссе романтика, который видел девушку, похожую на Кэти, — она катила на запад в большом автомобиле вместе с плотным мужчиной, курившим сигару. А какой-то трубочист подглядел, как она покидала город с золотисто-голубой сумочкой в руках. Шла твердым шагом.

Затем подручный на бензозаправочной станции передал ему от Кэти в спешке нацарапанную записку, которая начиналась словами: «Марвин, милый, умоляю, постарайся понять меня и простить. Я ведь много раз пыталась тебе сказать, мне позарез...»

Остальное было неразборчиво.

С помощью криптоанализатора Марвин разобрал заключительные слова: «Но я всегда буду тебя любить и надеюсь, что у тебя хватит великодушия изредка поминать меня добрым словом. Любящая тебя Кэти».

Остальные строки, превращенные горем в загадку, не поддавались никакой расшифровке.

Выразить смятение Марвина — все равно что пытаться передать предрассветный полет цапли: то и другое ни в сказке сказать, ни пером описать. Достаточно упомянуть, что Марвин подумывал о самоубийстве, но отделался от этой мысли.

Ничто не помогало. Опьянение лишь вызывало слезливость. Отречение от мира казалось детским капризом. Все это никуда не годилось, и Марвин ни на что не решился. С сухими глазами, точно живой труп, проводил он дни и ночи. Он ходил, разговаривал, даже улыбался. Был неизменно вежлив. Но его закадычному другу Вальдецу казалось, что настоящий Марвин погиб при мгновенном взрыве горя, а его место заняло плохо сделанное подобие человека. Марвина не стало; у куклы, занявшей его место, вид был такой, будто, исправно подделываясь под человека, она с минуты на минуту свалится от напряжения сил.

Вальдец был в растерянности и ужасе. Никогда старый лукавый специалист по поискам не сталкивался со столь трудным случаем. С отчаянной энергией пытался он вывести друга из состояния живой смерти.

Начал он с сочувствия:

— Я хорошо представляю, каково вам, мой несчастный друг, ибо однажды, когда я был еще совсем молод, мне довелось пережить то же самое, и я нахожу...

Это ни к чему не привело, и Вальдец испробовал грубость:

— Черт меня побери, да что вы разнюнились из-за дешевки, которая натянула вам нос? Клянусь адским огнем, вот что я скажу: в нашем мире женщин не перечесть, и тот не мужчина, кто забивается скулить в уголок, когда можно любую приласкать без...

Бесполезно. Вальдец попробовал отвлечь внимание друга:

— Смотрите-ка, смотрите, вон там три птички на ветке, у одной в горле нож и в лапке скипетр, а поет она веселее остальных. Чем вы это объясняете, а?

Марвин ничем не объяснял. Невозмутимый Вальдец пытался пробудить в друге жалость к ближнему:

— Знаете, Марвин, малыш, лекари поглядели на эту мою экзему и сказали, что она смахивает на пандемическое импульжение. Жить мне осталось от силы двенадцать часов, а потом я плачу по счету и освобождаю место за столом для других желающих. Но в свои последние двенадцать часов я вот что хотел бы сделать...

Впустую. Вальдец попытался расшевелить друга философией:

— Простым крестьянам виднее, Марвин. Знаете, что они говорят? Сломанным ножом не выстругаешь хорошего посоха. По-моему, вам стоило бы подумать об этом, Марвин...

Но Марвин в прострации не желал об этом думать.

Вальдец качнулся к гиперстрацианской этике:

— Значит, считаете себя раненым? Но рассудите: личность невыразима, уникальна и не чувствительна к внешним воздействиям. Поэтому ранена только рана; а она, будучи внешней по отношению к субъекту и чуждой интуиции, не создает повода для боли.

Марвин остался непоколебим. Вальдец обратился к психологии:

— Утрата возлюбленной, по Штейнметцеру, есть ритуально воспроизведенная утрата фекальной личности. Как ни забавно, мы-то полагаем, что скорбим о дорогих ушедших, а на самом деле убиваемся по невозвратимо утраченным экскрементам.

Но и эти слова не пробили броню пассивности Марвина. Его меланхоличная отвлеченность от всех человеческих ценностей казалась необратимой; такое впечатление усилилось, когда в один прекрасный день перестало тикать кольцо в носу. Никакая это была не бомба, а всего лишь «серое» предупреждение Мардуку Красу от избирателей. Над Марвином больше не висела непосредственная угроза, что ему разнесет голову.

Но и внезапная удача не вывела его из роботоподобного состояния. Его это ничуть не тронуло, он лишь мимоходом отметил про себя свое спасение, как отмечают проблеск солнышка из-за тучи.

Казалось, ничто не может на него повлиять. Даже терпеливый Вальдец в конце концов воскликнул:

— Марвин, вы паршивый зануда!

Но Марвин, нисколько не задетый, упорствовал в своем горе. И Вальдецу, да и всем добрым людям Сан-Рамона думалось, что этого человека не исцелить никакими силами.

И все же как мало известно нам об изгибах и поворотах человеческого разума! Ибо на другой же день, вопреки всем ожиданиям, произошло новое событие; оно наконец-то сломило отрешенность Марвина и нечаянно настежь распахнуло шлюзы впечатлительности, за которыми он укрывался.

Одно-единственное событие! (Правда, само по себе оно было началом новой цепи случайностей — неприметным первым шагом в еще одной из бесчисленных драм Вселенной.)

Началось, как ни нелепо, с того, что Марвин заметил в толпе лицо. Лицо странное, до тревоги знакомое. Где он успел изучить эту линию скул и лба, эти карие, чуть раскосые глаза, этот решительный подбородок?

Потом вспомнил: все это он давным-давно видел в зеркале.

Вот оно, настоящее, неподдельное лицо Марвина Флинна: его собственное лицо и тело, те самые, которые он давно искал и которых давно был лишен. Вот он, подлинный, неповторимый облик единственного и неподражаемого Марвина Флинна — ныне одухотворенного преступным разумом Зе Краггаша, похитителя тел!

Над Марвином насмешливо глумилось его собственное лицо! И настоящий Марвин Флинн, с которого мигом слетела вся пассивность, в гневе шагнул вперед и замахнулся кулаком.

Увидев его, Краггаш на мгновение остановился: его (Марвиновы) глаза являли собой этюд в шоковых тонах, пальцы отбивали мелкую дрожь, уныло опущенные губы кривились в нервном тике. Затем Краггаш стремительно повернулся и опрометью бросился в узкую, темную и зловонную аллею.

Марвин Флинн не совсем еще потерял рассудок. У входа в зловещий тупик он замешкался; благоразумие подсказывало, что надо обзавестись помощником, прежде чем пускаться по неизученным виткам аллеи. Но он успел заметить, что под руку с Краггашем в аллее вот-вот скроется тоненькая фигурка.

Не может быть... И все же это действительно она — Кэти! Один раз она оглянулась, но серые глаза не узнали его. Потом она тоже исчезла в змеиных кольцах аллеи.

У здравого смысла, как великолепно знают лемминги, есть свои пределы. В этот миг эмоции Марвина преодолели его потенциальный самоконтроль. Он рванулся вперед — лицо пылало бессмысленной яростью, невидящие глаза налились кровью, щеки

посерели, челюсть отвисла, как у припадочного, рот свела risus sardonicus[1], точно у малайца в амоке.

Пять шагов он сделал вслепую по тесной, тошнотворной аллее. На шестом под ногами у него осела плита — часть мостовой повернулась на скрытой оси. Марвина катапультировало вниз головой по спиральному каменному желобу, а над ним предательская плита аккуратно вернулась в исходное положение.

Глава 23

Сознание возвращалось с мучительной смутностью. Марвин открыл глаза и обнаружил, что угодил в подземную темницу.

Темницу освещали только фырчащие факелы, вставленные в двойные железные подставки на стенах. Потолок, казалось, прижимал Марвина к полу — такой он был каменнобрюхий и угнетающий. С холодного гранита свисали непристойно растопыренные наросты, гирлянды плесени. Все было оборудовано в расчете на подавление человеческой души — промозглый гранит леденил как могила, эхо смаковало пронзительные крики боли, окраска с омерзительной точностью воспроизводила трупный цвет.

Откуда-то из тени выступил Краггаш.

— Похоже на то, — неторопливо произнес он, — что фарс слишком затянулся. Но развязка уже близка.

— Вы, значит, срепетировали последний акт? — хладнокровно спросил Марвин.

— Актеры знают роли наизусть, — ответил Краггаш и небрежно щелкнул пальцами. В круг света от факелов вступила Кэти.

— Это выше моего разумения, — сказал Марвин просто.

— Ох, Марвин, как объясню я свою мнимую измену? — вскричала Кэти, и из ее серых с поволокой глаз хлынули слезы. — Что сделать, чтобы ты понял, какое множество веских причин толкнуло меня на брак с Краггашем?

— Брак! — воскликнул Марвин.

— Я не смела признаться раньше — боялась, что ты рассердишься, — жалобно сказала Кати. — Но, поверь, Марвин, он завлекал меня угрозами и равнодушием, а покорил темной силой — не стану притворяться, будто поняла ее природу. Больше того, наркотиками, двусмысленностями и коварными искусными ласками ему удалось одурманить меня и внушить мне поддельную страсть, так что в конце концов я стала трепетать, стоило мне коснуться его ненавистного тела или ощутить влажность постылых губ. И все это время мне не было дано утешаться религией и

[1] Саркастическая усмешка *(лат.)*.

не было дано отличать истинное от ложного, и потому я уступила. Нет и не будет мне прощения ни в этой жизни, ни в следующей. Да я его и не прошу.

— Ах, Кэти, Кэти, бедняжка моя Кэти! — твердил Марвин плачущей девушке.

— Ха, ха, ха! — засмеялся Краггаш. — Трогательная сценка, но скверно сыграна и к делу не относится. Впрочем, хватит. Входит новое и последнее действующее лицо!

Краггаш опять щелкнул пальцами. Из тени выступил человек в маске, с головы до ног закутанный в черное, с большой обоюдоострой секирой через плечо.

— Здрав будь, палач, — протянул Краггаш. — Вперед же, и исполни свой долг.

Палач вышел вперед и провел пальцами по лезвию секиры. Он занес оружие над головой, постоял в неподвижности и — о ужас! — захихикал.

— Руби! — взвыл Краггаш. — Ты что, ума решился? Руби, тебе говорят!

Но палач, не переставая хихикать, опустил секиру. Затем ловкими пальцами сорвал с себя маску.

— Сыщик Урдорф! — закричал Марвин.

— Да, это я, — сказал марсианский сыщик. — Мне очень жаль, Марвин, что мы причинили вам столько треволнений, но только так можно было успешно раскрыть дело. Мы с коллегой решили...

— С коллегой? — переспросил Марвин.

— Я имею в виду, — криво усмехнулся Урдорф, — чрезвычайного агента Кэтрин Мулвейви.

— Я... я, кажется, понимаю, — промямлил Марвин.

— Вообще-то все довольно просто, — сказал сыщик Урдорф. — Работая над вашим делом, я, как водится, прибег к услугам и к помощи других сыскных агентств. Трижды мы чуть не схватили преступника, но каждый раз ему удавалось ускользнуть. Так бы тянулось до бесконечности, не замани мы его в ловушку. Мы исходили из здравой теории: если Краггаш вас убьет, то станет законным хозяином вашего тела и не будет бояться, что с него потребуют возврата. И наоборот, пока вы живы, он не будет знать ни минуты покоя. Итак, мы вовлекли вас в наш смертоубийственный план действий, надеясь, что Краггаш не устоит перед соблазном вас уничтожить. Остальное — детали.

Обернувшись к преступнику, сыщик Урдорф спросил:

— Краггаш, не желаете ли что-нибудь прибавить?

Вор с лицом Марвина элегантно прислонился к стене, скрестив руки, преисполненный достоинства.

— Осмелюсь сделать одно-два замечания, — сказал Краггаш. — Прежде всего позвольте доложить: ваш план был неуклюж

и очевиден. Я с самого начала знал, что дело нечисто, и пошел на него в слабой надежде, что оно вдруг окажется верным. Поэтому такой финал меня не удивляет.

— Забавное рассуждение, — вставил Урдорф.

Краггаш пожал плечами.

— Во-вторых, хочу сообщить вам, что не испытываю ни малейших угрызений совести по поводу своего так называемого преступления. Если человек не умеет сохранить собственное тело, значит, он заслуживает потери его. Я прожил долгую и бурную жизнь и заметил, что люди по первому требованию отдают свое тело любому проходимцу, а свой разум — в рабство каждому, кто потребует. Поэтому большинство людей неспособны отстоять даже природные свои права на тело и разум, предпочитая избавляться от этих хлопотных эмблем свободы.

— Вот классическая апология преступника, — заметил сыщик Урдорф.

— То, что совершает один человек, вы называете преступлением, — возразил Краггаш, — а то, что совершают многие, вы называете правительством. Лично я разницы не улавливаю, а потому отказываюсь ею руководствоваться.

— Мы можем тут играть словами целый год, — сказал сыщик Урдорф. — Но у меня нет времени на такие разминки. Испытайте свою логику на тюремном капеллане, Краггаш. Вы арестованы за незаконный обмен разумов, покушение на убийство и крупное хищение. Итак, я раскрыл дело номер сто пятьдесят восемь и переломил полосу неудач.

— В самом деле? — холодно вымолвил Краггаш. — По-вашему, все и впрямь так просто? Вы не учли, что в норе бывает второй вход.

Он явно издевался.

— Держи его! — заорал сыщик Урдорф.

Он, Марвин и Кэти устремились к Краггашу. Но прежде чем они подошли вплотную, преступник поднятой рукой быстро очертил магический круг в воздухе.

Круг пылал ослепительным пламенем!

Краггаш просунул в круг одну ногу. Нога исчезла.

— Если я вам нужен, — поддразнил он преследователей, — то вы знаете, где меня найти.

Они кинулись к нему, но Краггаш уже вступил в круг и исчез целиком, виднелась одна голова. Он подмигнул Марвину, и вот не стало и головы — только огненный круг.

— Скорей! — орал Марвин. — Хватай его!

Он повернулся к Урдорфу и с изумлением увидел, что плечи сыщика поникли, а унылое лицо посерело от отчаяния.

— Скорее! — крикнул Марвин.

— Бесполезно, — сказал Урдорф. — Я-то думал, что предусмотрел любые неожиданности... Но не эту. Молодчик явно невменяем.

— Что теперь делать? — взревел Марвин.

— Ничего, — сказал Урдорф. — Он ушел в Искаженный Мир, а я провалил дело номер сто пятьдесят восемь.

— Но ведь можно последовать за ним! — объявил Марвин, придвигаясь к пылающему кругу.

— Нет! Нельзя! — объявил Урдорф. — Вы не понимаете... Искаженный Мир означает смерть или безумие... или и то и другое! Шансы на возвращение у нас до того малы...

— Не меньше, чем у Краггаша! — прокричал Марвин и вступил в круг.

— Погодите, вы все еще не понимаете! — прокричал Урдорф. — У Краггаша нет ни единого шанса!

Но заключительных слов Марвин не расслышал, ибо уже исчез в пламенеющем круге, и его неудержимо повлекло в странные и неизведанные просторы Искаженного Мира.

Глава 24

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСКАЖЕННОМ МИРЕ

«...итак, благодаря уравнениям Римана-Хаке была наконец математически доказана теоретическая необходимость твистерманновой пространственной зоны логической деформации. Эта зона получила название Искаженного Мира, хотя на самом деле не искажена и миром не является. И наконец, по странной иронии судьбы, важнейшее третье определение Твистерманна (относительно того, что зону можно рассматривать как участок Вселенной, работающий в качестве хаотического противовеса логической устойчивости первичной структуры) оказалось излишним».

Статья «Искаженный Мир», «Галактическая Энциклопедия Универсальных Знаний», издание 483-е.

«...поэтому содержание (если не сущность) нашей мысли лучше всего передается термином «зеркальная деформация». В самом деле, как мы убедились, Искаженный Мир выполняет нужную, но отвратительную роль — привносит неопределенность во все явления и процессы, тем самым делая Вселенную теоретически и практически самодовлеющей».

Из «Размышлений математика», Эдгар Хоуп Гриф, « Эвклид-Сити Фри Пресс».

«Но, несмотря на все это, для потенциального самоубийцы, странствующего по Искаженному Миру, можно привести несколько чисто эмпирических правил.

Помни, что в Искаженном Мире все правила ложны, в том числе и правило, перечисляющее исключения, в том числе и наше определение, подтверждающее правило.

Но помни также, что не всякое правило обязательно ложно, что любое правило может быть истинным, в том числе данное правило и исключение из него.

В Искаженном Мире время не соответствует твоим представлениям о нем. События могут сменять друг друга быстро (это удобно), медленно (это приятно) или вообще не меняться (это противно).

Вполне возможно, что в Искаженном Мире с тобой совершенно ничего не случится. Рассчитывать на это неразумно, но столь же неразумно не быть готовым к этому.

Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее. Подобным же образом один мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности, и так далее.

Труднее всего прогнозирование; как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?

В Искаженном Мире, как и во всяком другом, ты можешь найти самого себя. Но лишь в Искаженном Мире такая находка обычно оказывается роковой.

Привычное оборачивается потрясением... в Искаженном Мире.

Искаженный Мир удобно (но неверно) представлять себе перевернутым миром Майи или миром иллюзии. Ты обнаружишь, что призраки вокруг тебя реальны, тогда как ты — воспринимающее их сознание — и есть иллюзия. Открытие поучительное, хоть и убийственное.

Некий мудрец однажды спросил: «Что будет, если я войду в Искаженный Мир, не имея предвзятых идей?» Дать точный ответ на такой вопрос невозможно, однако мы полагаем, что к тому времени, как мудрец оттуда выйдет, предвзятые идеи у него появятся. Отсутствие убеждений — не самая надежная защита.

Некоторые считают высшим достижением интеллекта открытие, что решительно все можно вывернуть наизнанку и превратить в собственную противоположность. Исходя из такого допущения, можно поиграть во многие занятные игры, но мы не при-

зываем вводить его в Искаженном Мире. Там все догмы одинаково произвольны, включая догму о произвольности догм.

Не надейся перехитрить Искаженный Мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть.

То, что уже есть, не требует доказательств. Все доказательства суть попытки чем-то стать. Доказательство истинно только для самого себя; оно не свидетельствует ни о чем, кроме наличия доказательств, а это ничего не доказывает.

То, что есть, невероятно, ибо все отчужденно, ненужно и грозит рассудку.

Возможно, эти замечания об Искаженном Мире не имеют ничего общего с Искаженным Миром. Но путешественник предупрежден».

Из «О неумолимости правдоподобного» Зе Краггаша (библиотека имени Марвина Флинна).

Глава 25

Переход совершился внезапно и вовсе не так, как ожидал Марвин. Он наслушался историй об Искаженном Мире и смутно представлял себе страну тающих теней и изменчивых красок, страну гротесков и чудес. Но тотчас же убедился, что его представления были романтичны и узколобы.

Марвин ожидал в тесной приемной. Воздух был спертый от пота и жаркого парового отопления, а Марвин сидел на длинной деревянной скамье вместе с несколькими десятками людей. Взад и вперед разгуливали скучающие клерки, они сверялись с бумагами да изредка подзывали кого-нибудь из ожидающих. Затем шепотом велись какие-то переговоры. Время от времени кто-нибудь терял терпение и уходил. Время от времени появлялся новый проситель.

Марвин ждал и наблюдал.

Минуты текли медленно, в комнате стало темно, кто-то включил верхний свет. А его фамилию все не называли. Марвин покосился на соседей справа и слева, скорее от тоски, чем из любопытства.

Сосед слева был очень длинный и похожий на мертвеца, с гноящимся фурункулом на шее, там, где тер воротничок. Сосед справа был низенький, толстый, краснолицый и дышал с присвистом.

— Как вы думаете, долго еще придется ждать? — спросил Марвин у толстяка, не для того, чтобы действительно узнать, а просто желая убить время.

— Долго? Долго ли? — ответил толстяк. — Чертовски долго, вот что я вам скажу. Здесь, в Автотранспортном бюро, этих про-

клятых графьев нельзя поторопить, даже если у вас и дела-то всего продлить обыкновенные водительские права, а я здесь именно для этого.

Человек, похожий на мертвеца, рассмеялся — словно палкой забарабанил по пустой канистре из-под бензина.

— Долго же тебе придется ждать, малыш, — сказал он, — ведь ты попал в Департамент благосостояния. Отдел мелких сумм.

Марвин задумчиво сплюнул на пыльный пол и заявил:

— К сожалению, джентльмены, оба вы не правы. Я все пытался вам сказать, что мы сидим в Департаменте, или, точнее, в приемной Департамента рыбной ловли. И, по-моему, просто безобразие, когда гражданин и налогоплательщик не может даже поудить рыбу в налогооплаченном водоеме, не потеряв полсуток на то, чтобы выправить лицензию.

Все трое метали друг в друга злобные взгляды. (В Искаженном Мире героев вообще не бывает, обещаний чертовски мало, точек зрения кот наплакал, а свершений — иголка на стог сена.)

Они метали друг в друга молнии глазами, в которых забрезжило не слишком чудовищное подозрение. У человека, похожего на мертвеца, закапала кровь с кончиков пальцев. Марвин и толстяк в смущении нахмурились и притворились, будто ничего не заметили. Человек, похожий на мертвеца, беспечно сунул нашкодившую руку в карман с непромокаемой подкладкой. Тут подошел клерк.

— Кто из вас будет Джеймс Гриннел Стармахер? — спросил он.

— Это я, — отвечал Марвин. — И позвольте вам заметить, я жду здесь не первый час и считаю, что стиль работы в вашем Департаменте порочный.

— Да ладно, — сказал клерк, — это потому, что еще не получены машины. — Он заглянул в бумаги. — Вы подавали прошение о трупе?

— Совершенно верно, — подтвердил Марвин.

— И вы обязуетесь не использовать упомянутый труп в аморальных целях?

— Обязуюсь.

— Потрудитесь изложить мотивы, побуждающие вас приобрести труп.

— Я намерен использовать его как украшение.

— По какому праву?

— Я специально изучал оформление интерьеров.

— Укажите фамилию, или опознавательный кодовый номер, или и то и другое последнего из приобретенных вами трупов.

— Таракан, — выпалил Марвин. — Номер 3(32)А5345.

— Кто умертвил?

— Я сам. У меня лицензия на умерщвление всех тварей, не

относящихся к моему племени, кроме самых редких, как, например, золотые орлы и ламантины.

— Цель последнего умерщвления?

— Ритуальное очищение.

— Прошение удовлетворено, — сказал клерк. — Выбирайте труп.

Толстяк и человек, похожий на мертвеца, с надеждой смотрели на Марвина влажными глазами. Искушение было велико, но Марвин его поборол. Обернувшись к клерку, он произнес:

— Я выбираю вас.

— Так и запишем, — сказал клерк и черкнул что-то в своих бумагах. Лицо его превратилось в лицо псевдо-Флинна.

Марвин одолжил у человека, похожего на мертвеца, поперечную пилу и не без труда отпилил клерку правую руку. Клерк тихо скончался, лицо его снова стало прежним.

Толстяк посмеялся над замешательством Марвина.

— Перевод из одной субстанции в другую кое-что дает, — поддразнил он. — Но недостаточно, верно? Желание придает плоти нужную форму, но хозяином положения остается скульптор — смерть.

Марвин плакал. Человек, похожий на мертвеца, ласково притронулся к его плечу.

— Не переживай всерьез, малыш. Лучше отомстить символически, чем вообще не отомстить. План у тебя был хороший, а его единственный минус от тебя не зависел. Дело в том, что Джеймс Гриннел Стармахер — это я.

— А я труп, — сказал труп клерка. — Когда мстишь, лучше ошибиться адресом, чем вообще не отомстить.

— Я пришел сюда продлить водительские права, — сказал толстяк. — Ну вас ко всем чертям вместе с вашим глубокомыслием! Будут меня тут обслуживать или нет?

— Безусловно, сэр, — заверил его труп клерка. — Но в моем нынешнем состоянии я могу выдать вам лицензию лишь на отлов дохлой рыбы.

— Живая, дохлая, какая мне разница? — сказал толстяк. — Главное — рыбалка, а кого ты поймал — это не так уж важно.

Он повернулся к Марвину — может быть, собираясь развить свою мысль. Но Марвин уже исчез.

И без всякого перехода очутился в большой квадратной безлюдной комнате.

Вместо стен здесь были стальные плиты, от пола до потолка добрая сотня футов высоты. Там, наверху, находились прожекторы и стеклянная кабина управления. Из-за стекла на Марвина глядел Краггаш.

— Опыт 342, — решительно заговорил Краггаш нараспев. — Тема: смерть. Постановка проблемы: можно ли умертвить человека? Примечания: вопрос о том, смертны ли люди, давно озадачивает величайших мыслителей. Вокруг смерти сложился обширный фольклор, веками скапливались неподтвержденные сведения об умерщвлениях. Более того, время от времени предъявлялись трупы, явно без всяких признаков жизни, и объявлялись останками людей. Невзирая на повсеместность таких трупов, нет ни малейших, даже косвенных, доказательств того, что они когда-либо жили, не говоря уж о том, что они были людьми. Ввиду изложенного, с целью раз и навсегда прояснить вопрос, мы ставим следующий опыт. Этап первый...

Стальная плита в стене сдвинулась на шарнире. Марвин стремительно обернулся, и вовремя: на него было нацелено копье. Он отскочил (неуклюже — мешала больная нога), и копье просвистело мимо.

Открылись другие плиты. Под всевозможными углами на него посыпались ножи, стрелы, дубинки...

Сквозь одно из отверстий протиснулась портативная газовая камера. В комнату сбросили клубок кобр. На Марвина решительно надвигались лев и танк. Зашипело духовое ружье. Затрещали энергопистолеты. Захрипели огнеметы. Откашлялась мортира.

Комнату залило водой — вода быстро прибывала. С потолка полетели напалмовые бомбы.

Но огонь сжег львов, которые съели змей, которые забились в гаубицы, которые уничтожили копья, которые привели в негодность газовую камеру, которая испарила воду, которая погасила огонь.

Каким-то чудом Марвин остался цел и невредим. Он погрозил Краггашу кулаком, поскользнулся на стальной плите, упал и свернул себе шею. Его удостоили воинского погребения со всеми почестями. Вместе с ним на погребальном костре сгорела его вдова. Краггаш пытался последовать ее примеру, но ему на долю не выпало счастья самосожжения.

Три дня и три ночи пролежал Марвин в гробнице, и все это время у него беспрерывно текло из носа. Вся его жизнь, как при замедленной съемке, прошла у него перед глазами. На исходе третьих суток он воскрес и двинулся дальше.

В каком-то ничем не примечательном краю находились пятеро, и была им дана ограниченная, но несомненная способность ощущать. Одним из пятерых был, допустим, Марвин. Остальные четверо были манекены, стереотипы, наспех слепленные с единственным назначением — обогатить немудрящую исходную ситуацию. Перед пятерыми стояла проблема: кто из них Марвин, а кто — второстепенные фигуры, статисты.

Прежде всего встал вопрос о наименовании. Трое из пяти тотчас же захотели зваться Марвином, четвертый пожелал зваться Эдгаром Флойдом Моррисоном, а пятый потребовал, чтобы его называли Келли.

— Ладно, хватит, — сказал Первый начальственным тоном. — Джентльмены, может быть, хватит языки чесать, давайте в порядке очередности.

— Еврейский акцент здесь не поможет, — туманно изрек Третий.

— Слушай-ка, — сказал Первый, — а много ли смыслит поляк в еврейском акценте? Кстати, я еврей только наполовину, по отцу, и как я ни уважаю...

— Где я? — проговорил Второй. — Что со мной стряслось, о господи? С тех пор как я уехал из Стэнхоупа...

— Заткнись, макаронник, — цыкнул Четвертый.

— Я не Макаронник, меня зовут Луиджи, — мрачно ответил Второй. — Я жить на твоя великой родина с тех пор, как я маленький мальчик приехать из село Сан Минестроне делла Зуппа, нихт вар?

— Умойся, — хмуро сказал Третий. — Никакой ты не итальяшка на стреме, а просто-напросто второстепенная фигура, статист, да еще с ограниченной гибкостью, так что давай-ка заткни хлебало, прежде чем я проделаю с тобой одну штуку, нихт вар?

— Слушайте, — сказал Первый, — я человек простой, простодушный, и, если вам от этого станет легче, я отрекусь от своих прав на Марвинство.

— Память, память, — пробормотал Второй. — Что со мной приключилось? Кто эти видения, эти болтливые тени?

— Ну, знаешь! — возмутился Келли. — Это дурной тон, старина!

— Это есть чертовски нечестно, — пробормотал Луиджи.

— Призыв не есть созыв, — изрек Третий.

— Но я действительно не помню, — упорствовал Второй.

— Я тоже не больно-то хорошо помню, — сказал Первый. — Но разве я поднимаю из-за этого шум? Я даже не притязаю на звание человека. Если я наизусть цитирую Левитика, это еще ничего не доказывает.

— Святая правда! — взревел Луиджи. — И опровержение тоже ни шиша не доказывает.

— А я-то думал, ты итальянец, — упрекнул его Келли.

— Я и есть итальянец, но вырос в Австралии. История довольно странная...

— Не страннее моей, — сказал Келли. — Вот вы кличете меня Черным Ирландцем. Но мало кто знает, что детство и отрочество я провел в меблирашках Ханжоу и вступил добровольцем в ка-

надскую армию, чтобы скрыться от расправы французов за помощь деголлевцам в Мавритании. Потому-то и...

— Пфуй, алор! — вскричал Четвертый. — Не могу молчать! Одно дело — подвергать сомнению мою личность, другое — чернить мое отечество!

— Твое негодование ничего не доказывает! — вскричал Третий. — Впрочем, мне все равно, я больше не желаю быть Марвином.

— Пассивное сопротивление есть форма нападения, — откликнулся Четвертый.

— Недопустимое доказательство есть все же доказательство, — парировал Третий.

— Не пойму, о чем это вы толкуете, — объявил Второй.

— Недалеко ты уйдешь со своим невежеством, — окрысился Четвертый. — Я категорически отказываюсь быть Марвином.

— Никто не может отказаться от того, чего не имеет, — ехидно вставил Келли.

— Я могу отказаться, от чего захочу, черт возьми! — пылко воскликнул Четвертый. — Мало того, что я отказываюсь от Марвинства; я еще отрекаюсь от испанского престола, поступаюсь диктатурой во Внутренней Галактике и жертвую вечным блаженством в Бахае.

— Отвел душу, детка? Упрощение мило моей сложной натуре, — сказал Третий. — Кто из вас будет Келли?

— Я, — сказал Келли.

— Ты хоть понимаешь, — спросил Луиджи, — что имена есть только у нас с тобой?

— Это верно, — сказал Келли. — Мы с тобой не такие, как все!

— Эй, минуточку! — сказал Первый.

— Регламент, джентльмены, соблюдайте регламент!

— Держи язык за зубами!

— Держи голову в холоде!

— Держи карман шире!

— Так вот, я и говорю, — продолжал Луиджи. — Мы! Нам! Поименованные согласно доказательствам, основанным на догадке! Келли... будь Марвином, если я буду Краггашем!

— Заметано! — гаркнул Келли, перекрывая ропот манекенов.

Марвин и Краггаш ухмыльнулись друг другу в мимолетной эйфории пьянящего взаимоузнавания. Затем вцепились друг другу в горло. Стали друг друга душить. Трое нумерованных, лишенных природных прав, которых никогда не имели, встали в традиционные позы — позы стилизованной двусмысленности. Двое именованных, получившие индивидуальность, которую все равно присвоили бы себе самовольно, царапались и кусались, исполняли грозные арии и ежились, когда их обличали. Первый наблюдал, пока ему не надоело, после чего стал забавляться кинематографическими наплывами.

Это послужило последней каплей. Все декорации плавно, как жирный поросенок на роликовых коньках, укатились под стеклянную гору, только чуть быстрее. Вслед за дождем пошел снег, а за ним — два дурака. Платон писал: «Неважно, что ты там вытворяешь, важно, как ты это вытворяешь». Но потом решил, что мир еще не дорос до такой премудрости, и все стер.

Хаммураби писал: «Непродуманная жизнь не стоит того, чтобы ее прожить». Но он не был уверен, так ли это, и потому все зачеркнул.

Будда писал: «Все брамины — дерьмо». Но впоследствии пересмотрел свою точку зрения.

Они...

Схватились...

...не на жизнь, а на смерть, в титанической битве, которая, единожды разгоревшись, стала неизбежной. Марвин нанес Краггашу удар под ложечку, затем снова нанес удар — в нос. Краггаш проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полулегионом неустрашимых скандинавских конунгов, вынудив Краггаша предпринять на королевском фланге пешечную атаку, которая не могла устоять против покерного флеша. Марвин простер к противнику руки, промахнулся и уничтожил Атлантиду. Краггаш провел драйв слева и прихлопнул комара.

И бушевал кровавый бой на дымящихся болотцах миоцена; какой-то муравейник оплакивал свою матку, а Краггаш кометой непроизвольно врезался в солнце Марвина и рассыпался мириадами воинственных спор. Но Марвин безошибочно отыскал бриллиант среди сверкающих стекляшек, и Краггаш свалился вниз, на Гибралтар.

Бастион его пал в ту ночь, когда Марвин похитил берберийских обезьян, а Краггаш пересек Северную Фракию, упрятав чужое тело в чемодан. Его схватили на границе с Фтистией — страной, которую Марвин наспех выдумал.

Чем больше Краггаш слабел, тем он становился злее, а разозлившись, он все больше слабел. Тщетно изобрел он дьяволопоклонство. Последователи марвинизма падали ниц не перед идолом, а перед символом. Разозленный Краггаш запаршивел: под ногтями появилась грязь, душа обросла волосами.

Вконец обессиленный, лежал Краггаш — олицетворение зла, — сжимая в когтях тело Марвина. Кончину его ускорили ритуалы изгнания бесов. И четвертовали его пилой, замаскированной под молитвенное колесо, и размозжили ему голову молотком, замаскированным под кадило. Добрый старый патер Флинн дал ему последнее напутствие: «И не вкусишь хлеба насущного с котле-

тою». И схоронили Краггаша в гробу, срубленном из живого Краггаша. На могильном камне высекли подобающую эпитафию, а вокруг могилы насадили цветущие краггаши.

Уголок этот тихий. Справа роща краггаш-деревьев, слева нефтеперегонный завод. Тут пустая жестянка из-под пива, там бабочка. А совсем рядышком то самое место, где Марвин открыл чемодан и вынул свое давно утраченное тело.

Он стряхнул с него пыль, расчесал ему волосы, вытер нос и поправил галстук. Потом с приличествующим случаю почтением надел.

Глава 26

И вот Марвин Флинн вернулся на Землю и в собственное тело.

Он приехал в родной Стэнхоуп и увидел, что там все по-прежнему. Городок, как раньше, географически находился милях в трехстах от Нью-Йорка, а в духовном и эмоциональном отношениях отстоял от него на целое столетие. Точь-в-точь как всегда, он изобиловал садами и пегими коровами на фоне зеленых холмистых пастбищ. Вековечны были усаженная вязами Мейн-стрит и одинокий ночной вопль реактивного лайнера.

Никто не спросил Марвина, где он пропадал. Даже лучший друг Билли Хейк решил, что Марвин вернулся из увеселительной поездки в какой-нибудь туристский рай — Шинкай или дождевой лес в нижнем течении Итури.

Поначалу несокрушимое постоянство городка угнетало Марвина не меньше, чем сюрпризы Обмена Разумов или чудовищные головоломки Искаженного Мира. Постоянство казалось Марвину экзотикой; он все ждал, что оно постепенно исчезнет.

Но такие места, как Стэнхоуп, не исчезают, а такие ребята, как Марвин, постепенно растрачивают увлеченность и высокие идеалы.

По ночам в одиночестве мансарды Марвину часто снилась Кэти. Ему все еще трудно было представить, что она чрезвычайный агент Межпланетной Службы Бдительности. А ведь был в ее повадках намек на властность, был в глазах блеск прокурорского фанатизма.

Он любил ее и знал, что всегда будет по ней тосковать, но тоска устраивала его больше, чем обладание.

И по правде сказать, ему уже приглянулась (точнее, заново приглянулась) Марша Бэкер, хорошенькая и скромная дочка Эдвина Марша Бэкера — крупнейшего в Стэнхоупе торговца недвижимостью.

Пусть Стэнхоуп не лучший мир из всех возможных, но это

лучший мир из тех, что видел Марвин. Тут вещи не подкладывают тебе свинью, а ты не подкладываешь свинью вещам. В Стэнхоупе метафорическая деформация немыслима; корова уж точно корова, и называть ее как-нибудь иначе — недопустимая поэтическая вольность.

Итак, бесспорно: в гостях хорошо, а дома лучше; и Марвин поставил перед собой задачу наслаждаться привычным, что, как утверждают сентиментальные мудрецы, есть вершина человеческой мудрости.

Жизнь его омрачали лишь два сомнения. Первым и главным был вопрос: каким образом Марвин вернулся на Землю из Искаженного Мира?

Он всесторонне продумал этот вопрос, куда более страшный, чем может показаться с первого взгляда. Марвин понял, что в Искаженном Мире нет ничего невозможного и даже ничего невероятного. Есть в Искаженном Мире причинная связь, но есть и отсутствие причинной связи. Ничто там *не обязательно,* ничто *не необходимо.*

Поэтому вполне допустимо, что Искаженный Мир отбросил Марвина назад, на Землю, продемонстрировав свою власть над ним тем, что отказался от этой власти.

По-видимому, именно так все и произошло. Но был ведь и другой, менее приятный, вариант.

Теорема Дургэма формулирует его следующим образом: «Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности, третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее».

Это означало, что Марвин, возможно, все еще пребывает в Искаженном Мире, и Земля, воспринимаемая его сознанием, — всего лишь эфемерная эманация, мимолетное мгновение порядка в стихийном хаосе, — обречена с минуты на минуту вновь раствориться в стихийной бессмыслице Искаженного Мира.

Отчасти это было неважно, ибо ничто не вечно под луной, кроме наших иллюзий. Но никто не хочет, чтобы его иллюзии оказались под угрозой, и потому Марвин старался выяснить, на каком он свете. На Земле он или на ее дубле? Нет ли здесь приметной детали, не соответствующей той Земле, где он родился? А может быть, таких деталей несколько? Марвин искал их во имя своего душевного покоя. Он обошел Стэнхоуп и его окрестности, осмотрел, исследовал и проверил флору и фауну.

Все оказалось на своих местах. Жизнь шла заведенным чередом; отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца.

Он отправился на север, в Бостон и Нью-Йорк, потом на юг,

в необозримый край Филадельфия — Лос-Анджелес. Казалось, все в порядке.

Он подумывал о том, чтобы пересечь страну с запада на восток под парусами по великой реке Делавэр и продолжить свои изыскания в больших городах Калифорнии — Скенектади, Милуоки и Шанхае.

Однако передумал, сообразив, что бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у него жизнь, которую можно как-то провести.

Кроме того, можно было предположить, что даже если Земля изменилась, то изменились также его органы чувств и память, так что все равно ничего не выяснишь.

Он лежал под привычным зеленым небом Стэнхоупа и обдумывал это предположение. Оно казалось маловероятным. Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника? Разве у тройных лун не появлялись каждый месяц новые кометы в новолуние?

Марвина успокоили эти привычные зрелища. Все казалось таким же, как всегда. И потому охотно и благосклонно Марвин принял свой мир за чистую монету, женился на Марше Бэкер и жил с нею долго и счастливо.

ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Эбби — с любовью и благодарностью.

Разум — это Будда, а отказ от понятийного мышления — это Путь. Как только вы перестаете пробуждать понятия и мыслить категориями существующего и несуществующего, длинного и короткого, активного и пассивного и прочими подобными определениями, вы обнаруживаете, что ваш разум есть Будда, а Будда есть разум и что разум схож с пустотой.

Дзэнский мудрец Хуанг По.

Часть I

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

До составления новых правил нормальности действие старых правил временно приостанавливается. Возможно, новые правила будут отличаться от старых. Что-либо предположить сейчас трудно.

Наилучший способ избежать конфликтной ситуации — это провести остаток дня в каком-нибудь тихом местечке, например, в своей постели.

Или же, если это вам надоело, я могу вас прихлопнуть.

Глава 1

ДЛЯ ВВЕДЕНИЯ КОГО-ЛИБО В ЗАБЛУЖДЕНИЕ ПОЛЬЗУЙТЕСЬ ПРОСТЫМИ ПРЕДПОСЫЛКАМИ

Через Малое Магелланово Облако Том Мишкин пробирался на первой передаче, не приближаясь к скорости света. Двигался он быстро, но особо не торопился. Его корабль, «Неустрашимый III», был нагружен мороженными омарами из Южной Африки, теннисными туфлями, кондиционерами воздуха, солодом и прочей дребеденью, предназначенной для продажи на Доре-5. Мишкин дремал в большом командирском кресле, убаюканный миганием огоньков на приборной доске и тихим потрескиванием автоматических выключателей. Том грезил о новой квартире, которую собирался купить в городе Перт-Амбуа-ба-Мер, в десяти милях восточнее Санди-Хук. В маленьком городке вполне можно обрести мир и покой, но зато возникает проблема психологичес-

кой совместимости с соседями, совсем как в экипаже подводной лодки...

Очередной щелчок превратился в лязг.

Мишкин выпрямился. Его привычное ухо пилота уже уловило признаки Неполадки, Которой Не Могло Быть, но которая повторялась с завидной регулярностью.

Дзинь, дзинь, дзинь, хрусть!

Ну так и есть. Случилось!

Мишкин застонал — особый стон пилота, сочетающий в себе элементы предчувствия, фатализма и изжоги. Слух сообщил ему, что в глубинах корабля творится какое-то безобразие. Индикатор неполадок (который, конечно же, был встроен исключительно на случай столкновения с другим кораблем) сделался фиолетовым, из фиолетового красным, из красного пурпурным и, наконец, черным. Корабельный компьютер пробудился от своего догматического сна на достаточно долгий срок, чтобы пробубнить:

— Неполадка, неполадка, неполадка.

— Спасибо, я уже усек, — сказал Мишкин. — Ты лучше сообщи, где она и в чем там дело.

— Неполадка в узле Л-1223А. Наименование согласно каталогу — перекрестнозамкнутый клапан левого борта и предохранительное кольцо. Непосредственная причина неполадки — отклонившиеся на 8 (восемь) градусов болты и спиральная трещина в предохранительном кольце. Косвенная причина неполадки — угловое давление на вышеупомянутые детали, приведшее к молекулярным изменениям в вышеуказанных деталях, результатом которого явилось состояние, известное как усталость металла.

— Ясно. А почему это произошло? — поинтересовался Мишкин.

— Предположительная первопричина: в результате воздействия момента вращения различные болты клапана испытывали неприемлемое давление, в результате чего клапан прослужил только 84,3 часа, в то время как в инструкции указан срок в 195 441 рабочих лет.

— Замечательно, — сказал Мишкин. — Ну, а что там сейчас делается?

— Я обесточил данный узел и отключил главный привод.

— И плывем мы по теченью без руля и без ветрил, — прокомментировал Мишкин. — А я вообще-то могу воспользоваться главным приводом — хотя бы для того, чтобы добраться до ближайшего пункта техобслуживания?

— Ответ отрицательный. Использование вышеупомянутого вышедшего из строя узла приведет к немедленному перекосу других частей главного привода. Результатом будет полный вывод привода из строя, взрыв, смерть и черное пятно в вашем послужном списке. Кроме того, вам придется оплатить стоимость нового космического корабля.

— Ладно, ладно, мне не нужны черные пятна в послужном списке, — проворчал Мишкин. — Что я должен делать?

— Единственный приемлемый вариант — это замена поврежденного узла. Как раз для таких случаев на различных необитаемых планетах созданы тайные склады запчастей. Ближайший к нам склад расположен на Гармонии-2, которая находится в шестидесяти восьми часах полета на запасном приводе.

— Похоже, ничего сложного тут нет, — сказал Мишкин.

— Теоретически — да, конечно.

— А практически?

— На практике всегда возникают осложнения.

— Это какие же?

— Если бы это было известно заранее, — назидательно изрек компьютер, — в осложнениях не было бы ничего сложного, не так ли?

— Пожалуй, да, — согласился Мишкин. — Ну ладно, меняй курс, и полетели к складу.

— Слушаюсь, — сказал компьютер.

Чтобы запутать кого-либо, используйте сложное вступление

Вчера днем профессор Гарварда Дэвид Юм в эксклюзивном интервью для прессы заявил, что последовательность еще не предполагает причинности. Когда его попросили пояснить свою мысль, профессор указал, что последовательность — понятие добавочное, а не исходное.

Мы попросили доктора Иммануила Канта высказать свое мнение по поводу этого заявления. Профессор Кант, находившийся у себя в кабинете, был потрясен. Он сказал: «Эти слова пробудили меня от моего догматического сна».

Глава 2

БЕЗУМНЫЙ СИНЕСТЕЗИСТ[1] НАНОСИТ УДАР

Мишкин откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. В голове тут же возникла мешанина из различных ощущений, косвенных ассоциаций и мимолетных, но пылких чувств. Том открыл глаза. Лучше не стало. Мишкин потянулся за бутылкой средства

[1] Синестезист — человек, у которого при раздражении одного органа чувств возникают ощущения, свойственные другому органу чувств, например, «цветной слух».

для отключки. На этикетке было написано: «Если путешествие идет неважно, выпей это». Том последовал совету, потом заметил, что на противоположной стороне бутылки наклеена еще одна этикетка, гласящая: «Если путешествие идет неважно, не пей этого».

Из радиоприемника донесся слабый стон:

— О господи, меня убьют. Точно убьют. Кой черт меня понес в это сумасшедшее путешествие? Чем мне не нравилось стоять на подоконнике у Галликрафтеров и украшать собою пейзаж? Нет, мне, видите ли, захотелось приключений. И куда я теперь вляпался?

Мишкину было не до радиоприемника. Ему хватало своих проблем. По крайней мере, он считал эти проблемы своими, а там — черт их знает.

Мишкин обнаружил, что ему только показалось, что он открыл глаза. Потому он открыл их снова. Но открылись ли они на самом деле? Мишкин решил открыть глаза еще раз, на тот случай, если ему опять только показалось, что он их открыл, но потом одернул себя, и тем самым избежал зацикливания.

— О боже, я понятия не имею, куда меня несет! — снова забормотал радиоприемник. — Если бы я знал, куда меня несет, я бы туда не пошел. А раз я не знаю, куда меня несет, то я не знаю, как сделать так, чтобы меня туда не несло, потому что не знаю, куда же меня несет. Черт побери, я так не играю! Мне пообещали, что здесь будет весело.

Мишкин быстро хлебнул еще. Он решил, что хуже уже не будет. Как он ошибался!

Похоже, ситуация требовала решительных мер. Мишкин выпрямился в кресле и изрек:

— А ну, слушайте сюда. Давайте действовать, исходя из предпосылки, что в настоящий момент мы все являемся тем, чем кажемся, и будем оставаться таковыми неопределенно долгое время. Это приказ. Ясно?

— Все катится к чертям, а он тут раскомандовался, — сказал проигрыватель. — Чего это с тобой, Джек, ты что — принимаешь корабль за подводную лодку?

— Мы должны работать в одной упряжке, — сказал Мишкин, — иначе нас всех разнесет на кусочки.

— Что за пошлость, — подало голос кресло. — Нам всем грозит гибель, а он тут изрекает какие-то пошлые банальности.

Мишкин пожал плечами, хлебнул еще, потом быстро отставил бутылку в сторону, пока та не попыталась допить его самого. С бутылками надо быть начеку: никогда не знаешь, когда поменяешься с ней ролями.

— А теперь мне нужно посадить этот корабль, — твердо произнес Мишкин.

— Мрачная какая-то предпосылка, — пробормотала приборная доска. — Но если ты так настаиваешь, то ладно, давай попробуем сыграть в эту игру.

— А ты вообще заткнись! — посоветовал Мишкин. — Ты — приборная доска.

— А если я сообщу тебе, что я психиатр из Нью-Йорка и что твое восприятие меня как приборной доски означает, что тебя прибрала к рукам доска — или тоска? — и указывает, что у тебя в голове происходит борьба сознательного с подсознательным?

Мишкин решил допить бутылку. Хватит с него проблем. С неимоверным усилием он высморкался. Перед глазами вспыхнули яркие пятна.

Из багажного отделения вышел человек в синей форме и сказал:

— Предъявите ваши билеты.

Мишкин отдал ему свой билет, и контролер его прокомпостировал.

Мишкин нажал на кнопку, которая отнеслась к этому весьма мужественно. Потом раздались стоны, тяжелые вздохи и скрип. Интересно — это он уже пошел на посадку?

Глава 3

НОВЫЙ ГЕНЕРАТОР ВЕРОЯТНОСТИ ИСЦЕЛЯЕТ ОТ ШИЗОФРЕНИИ

Расположенный на Гармонии тайный склад оказался большим ярко освещенным зданием из стали и стекла. Выглядело оно точь-в-точь как супермаркет в Майами-Бич. Мишкин завел корабль вовнутрь, выключил двигатель и спрятал ключ в карман. Потом он пошел бродить между полок, заваленных транзисторами, силиконовыми пластинами, воздухоочистителями, жареными цыплятами, пакетами с замороженным гликоль-рассолом, детскими спектрометрами, свечами зажигания, коаксиальными громкоговорителями, модулями настройки, пачками витамина B_6 в капсулах и всем прочим, что только может понадобиться путешественнику в дальнем космосе.

Мишкин добрался до центральной коммуникационной панели и попросил найти ему узел Л-1223А.

Минута шла за минутой, а ответа все не было.

— Эй! — возмутился наконец Мишкин. — В чем дело? Что-то случилось?

— Прошу прощения, — отозвалась приборная доска. — Кажется, я чересчур глубоко погрузилась в свои размышления. А они были довольно мучительны.

— А в чем дело-то? — спросил Мишкин.

— О, очень много трудностей, — ответила приборная доска. — Вы даже представить себе не можете, сколько их у меня. Просто голова кругом идет — в переносном смысле, конечно.

— Для приборной доски вы разговариваете довольно странно, — подозрительно протянул Мишкин.

— В наше время приборные доски наделены личностным началом. Это помогает нам выглядеть менее нечеловеческими, если вы понимаете, о чем я.

— Ну, так что же здесь не в порядке? — спросил Мишкин.

— Ну, полагаю, прежде всего не в порядке я, — ответила приборная доска. — Видите ли, когда вы придаете компьютеру личностное начало, это предоставляет ему возможность чувствовать. А если мы получаем способность чувствовать, вы не можете требовать, чтобы мы оставались прежними бездушными предметами. Я хочу сказать, что личностное начало делает для меня невозможным выполнение работы, рассчитанной на робота, хотя в сущности я действительно робот, и работа, которую я должна выполнять, — это работа для робота. Но я не могу ее выполнять. Я впадаю в рассеянность, у меня портится настроение, все идет наперекосяк... Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Конечно, понимаю, — кивнул Мишкин. — А как там насчет моего узла?

— Его здесь нет. Он снаружи.

— Это где снаружи?

— Милях в пятнадцати отсюда. А может, и в двадцати.

— А что он там делает?

— Ну, первоначально все запасы находились здесь, на складе. Все было очень логично и удобно. Возможно, такое положение дел оказалось слишком простым и человеческий разум не смог этого вынести. Некоторым людям неожиданно пришла в голову мысль: «А что получится, если вышедший из строя корабль упадет прямо на склад?» Все тут же переполошились, скормили этот вопрос компьютеру, и тот ответил, что необходима децентрализация. Инженеры и проектировщики закивали головами и сказали: «Ну да, конечно, децентрализация! И как это мы сами не сообразили?» Сложившуюся структуру разбили на части, а части растащили по окрестностям. После этого инженеры уселись и сказали: «Ну, теперь-то все в порядке». А вот тут-то и начались настоящие проблемы.

— И какие же именно? — поинтересовался Мишкин.

— Теперь, чтобы отыскать нужные запчасти, людям приходится покидать склад и бродить по поверхности Гармонии. А это опасно. Вы же знаете — чужие планеты опасны. На них происходят странные события, а люди не знают, как на это реагировать. И пока кто-нибудь сообразит, что происходит и как нужно поступать в этом случае, событие уже совершается и может повлечь за собой все что угодно, вплоть до смерти.

— А какие странные события здесь происходят? — спросил Мишкин.

— Мне запрещено вдаваться в подробности, — сказал компьютер. — Это может повлечь за собой множество неприятностей.

— Почему?

— Для того чтобы успешно приспособиться к инопланетным опасностям, необходимо уметь отличать, какое явление опасно, а какое нет. Если я упомяну только два-три возможных варианта, у вас выработается условный рефлекс — так называемый эффект туннеля, который сузит вашу способность реагировать на опасность. Хотя, с другой стороны, в этом нет необходимости.

— То есть как — нет?

— Потому что проектировщики предусмотрели меры предосторожности. Вас будет сопровождать СНОС-робот. Если, конечно, он отыщется на складе. При последней выгрузке запасов здесь произошла такая путаница...

Приборная доска умолкла.

— А что... — начал было Мишкин.

— Не мешайте, пожалуйста, — попросила доска. — Я провожу инвентаризацию.

Мишкин принялся ждать. Через несколько минут приборная доска сказала:

— Да, у нас имеется на складе СНОС-робот. Его привезли с последним рейсом. Вот была бы потеха, если бы его забыли.

— А что это за робот? — спросил Мишкин. — Что он должен делать?

— Данная аббревиатура означает, что это — робот специального назначения для окружающей среды. Эти машины запрограммированы таким образом, чтобы они могли адекватно реагировать на особые условия инопланетных миров. Они определяют, что может оказать вредное воздействие на человека, предостерегают его, защищают и предлагают подходящие к случаю контрмеры. В обществе СНОС-робота вы можете чувствовать себя в такой же безопасности, как на прогулке по Нью-Йорку.

— Большое спасибо, — сказал Мишкин.

Глава 4

ЦЫПЛЕНОК ОБЪЯВЛЯЕТ ПЕРСОНИФИКАЦИЮ НАИБОЛЕЕ ОБЩИМ ПРИЗНАКОМ НЕАДЕКВАТНОГО ВОСПРИЯТИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

СНОС-робот оказался некрупной прямоугольной коробкой. Его наиболее привлекательной частью был алый лакированный корпус. Передвигался робот на четырех длинных и тонких ногах, а еще четыре прижимал к корпусу. Больше всего он напоминал тарантула, притворяющегося роботом.

— Отлично, сынок! — заявил этот робот Мишкину. — Мы им всем покажем!

— А это будет очень опасно? — осторожно поинтересовался Мишкин.

— Раз плюнуть! Я могу проделать эту дорогу с закрытыми глазами.

— Чего мне следует остерегаться?

— Я тебе сообщу, когда будет нужно.

Мишкин пожал плечами, вслед за роботом прошел через контрольный пункт и через вращающуюся дверь вышел на поверхность Гармонии. Он решил, что робот знает, что делает. Однако Мишкин жестоко ошибался. Его неведение было ужасным, неотвратимым и странно трогательным. В глупости с Мишкиным могла бы сравниться лишь девственница, пытающаяся оседлать единорога.

Конечно же, СНОС-робота тоже нельзя было назвать гением сообразительности. При сложении его невежества с тупостью Мишкина получилось бы отрицательное число, равное количеству случаев заболевания плевритом, происшедших с начала второй Пелопонесской войны.

Когда Мишкин ступил на ненадежную поверхность Гармонии, в его сознании пронеслись образы варенья, горячих сдобных булочек, орального секса и цвета губ.

— И долго будут продолжаться эти галлюцинации? — спросил Мишкин.

— А почему вы спрашиваете об этом у меня? — поинтересовался дружелюбного вида повар с помятой губной гармошкой в руках. — Я, собственно, тоже галлюцинация.

— А как мне определить, что является реальным, а что — нет?

— Попробуй воспользоваться лакмусовой бумагой, — посоветовал Чанг Су.

— Давайте-ка сразу договоримся, — подал голос СНОС-робот. — Ты в точности выполняешь все мои указания, а иначе очень

быстро сделаешься мертвеньким, просто мертвее не бывает. Уяснил?

— Уяснил, — послушно подтвердил Мишкин, и они неспешно двинулись по пурпурной равнине. Ветер дул с востока со скоростью пять миль в час. Слышалось электронное пение птиц.

— Если я прикажу тебе падать, — продолжал развивать свою мысль робот, — ты должен мгновенно зарываться носом в землю. Здесь нельзя тормозить и глазеть по сторонам. Надеюсь, с рефлексами у тебя все в порядке.

— А мне показалось, ты сказал, что здесь не опасно, — удивился Мишкин.

— Да, ты действительно поймал меня на противоречии. Подумаешь, — хмыкнул робот. — Возможно, у меня есть свои причины лгать тебе.

— Какие еще причины?

— Возможно, у меня есть причины не говорить тебе об этом, — назидательно произнес робот. — Просто выполняй мои приказы, и все. Падай!

Мишкин и сам уже уловил слабое, но пронзительное жужжание на пределе слышимости. Он тут же нырнул в траву, от излишнего рвения расквасив себе нос. Приподняв голову, Том увидел, что робот поворачивается из стороны в сторону, сжимая в двух конечностях по бластеру.

— Что это такое? — спросил Мишкин.

— Любовный призыв шестиногих прото-бронтостегозавров. Когда у них начинается брачный сезон, они могут попытаться спариться со всем, что движется.

— Неужели они не сообразят, что я не гожусь на роль предмета их любви?

— Сообразят, конечно, но пока импульс дойдет до мозгов и обратно, пройдет несколько минут — протоящеры мыслят медленно. А до того момента эти две-три тонны влюбленного мяса могут ненароком наступить тебе на голову.

— А где они сейчас? — спросил Мишкин.

— Приближаются, — мрачно ответил робот, снимая бластеры с предохранителя.

Жужжание усилилось. Потом Мишкин увидел, что над ними порхает нечто, напоминающее бабочку с размахом крыльев в шесть футов, и радостно жужжит. Бабочка не обратила на них ни малейшего внимания и улетела куда-то влево.

— Что это было? — спросил Мишкин.

— Это чертовски напоминало бабочку с размахом крыльев в шесть футов, — задумчиво ответил робот.

— Вот и мне так показалось. Но ты сказал...

— Да, да, да, — раздраженно произнес робот. — Все совершенно ясно. Эта бабочка научилась подражать брачному призыву про-

то-бронтостегозавров. Мимикрия — самая банальная вещь во всей Галактике.

— Банальная? А у тебя был такой вид, будто ты удивлен.

— Чего тут может быть удивительного? Просто я первый раз встретился с мимикрирующей бабочкой.

— Ты должен был знать об этом, — сказал Мишкин.

— Неверное утверждение. Я запрограммирован на то, чтобы обнаруживать опасные для человека ситуации и явления и находить способы справиться с ними. Эта бабочка-переросток не причинит тебе никакого вреда — по крайней мере до тех пор, пока ты не попытаешься проглотить ее. Потому, естественно, в моих файлах нет никакого упоминания о ней. Ты должен понять, что я тебе не какая-нибудь ходячая энциклопедия. Я имею дело исключительно со всякими опасными явлениями, а не с каждой фигней, которая бегает, плавает, летает или ползает вокруг. Понял, сынок?

— Понял, — отозвался Мишкин. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— За этим меня и сконструировали, — гордо ответил робот. — Вставай, пора продолжить нашу прогулку.

Глава 5

ПОДГОТОВЛЕННОЕ ЗАЯВЛЕНИЕ

— Теперь у меня время от времени возникают некоторые сложности психического порядка. Меня преследуют эти картинки, эти образы. Но я не знаю, какие из них реальны, а какие нет. Иногда мне кажется, что меня съели, а потом я обнаруживаю, что это не так. Иногда мне кажется, что я жив, а потом оказывается, что я ошибаюсь. Я не помню, почему нахожусь здесь и в каком преступлении меня обвиняют. Но при всем при этом я уверен в своей невиновности. Я уверен, что ни в чем не виновен, и не важно, что я совершил.

Мишкин с надеждой огляделся по сторонам, но обнаружил, что суд удалился на совещание, судья удалился, весь мир удалился, и только скучающий охранник насвистывает старую песенку «Роллинг Стоунз».

Мишкин резко остановился.

— В чем дело? — спросил робот.

— Я вижу что-то впереди.

— Подумаешь! — фыркнул робот. — Я много чего вижу впереди. Собственно, я всегда вижу что-то впереди. Боже правый, да все всегда видят впереди целую кучу вещей.

— Эта штука впереди здорово похожа на животное.

— Ну и что в этом такого сверхъестественного?

Замеченная Мишкиным «штука» размером и формой напоминала тигра, только хвост у нее был покороче, а лапы подлиннее. И еще шкура у нее была не рыжая, а шоколадная, но зато с ярко-оранжевыми полосами. «Штука» выглядела как самая что ни на есть зловредная, голодная и неразборчивая в средствах галлюцинация.

— Оно выглядит опасным, — сказал Мишкин.

— Твои слова ясно показывают, как мало ты знаешь об этой планете, — сообщил робот. — Это толстошкурик, травоядное животное, характером напоминающее корову, только более робкое.

— И с зубами.

— Не позволяй зубам ввести тебя в заблуждение.

— Опять мимикрия?

— Вот именно. А теперь возьми себя в руки и пошли дальше.

Они продолжали двигаться по пурпурной равнине. Робот, даже не потрудившийся достать бластеры, насвистывал «Песенку Элмера». Мишкин шел в двух шагах позади и напевал «Грустный вальс».

Толстошкурик повернулся в их сторону и посмотрел на путников глазами цвета засохшей крови. Животное зевнуло, явив миру резцы, здорово смахивающие на турецкие сабли. Потом толстошкурик потянулся. Мышцы перекатывались у него под шкурой, словно два осьминога, сцепившихся под тонким слоем пластика.

— Ты уверен, что он травоядный? — на всякий случай переспросил Мишкин.

— В рот не берет ничего, кроме травы и одуванчиков, — заверил его робот. — Хотя нет, еще они обожают репу.

— Он выглядит недоброжелательно.

— Природа способна создавать мириады масок.

Человек и робот подошли к животному поближе. Толстошкурик прижал уши. Его хвост напрягся и встал торчком, словно индикатор, указывающий на степень обеспокоенности своего хозяина. Толстошкурик выпустил самого зловещего вида когти — такими вилами только грешников в аду гонять — и зарычал. Это рычание заставило прогуливающиеся по соседству деревья поджать ветви, взять ноги (то есть, пардон, корни) в руки и отправиться на поиски местечка поспокойнее.

— Природа явно перестаралась, — сказал Мишкин. — Я бы поклялся, что эта зверюга собирается напасть на нас.

— Природа склонна к преувеличениям, — глубокомысленно изрек робот. — Такова ее природа.

Они находились в десяти ярдах от толстошкурика, который

застыл на месте и блестяще изображал смертельно опасное животное, готовое превратиться в берсерка, наброситься на любого человека, подвернувшегося ему под лапу, и покалечить, а то и совсем загрызть неосторожного придурка, а возможно, за компанию еще и робота, и пару бродячих деревьев — просто так, чтобы успокоиться.

Мишкин остановился.

— Слушай, что-то здесь не так, — сказал он. — Мне кажется...

— Тебе слишком много кажется, — мрачно сказал робот. — Ради бога, человек, держи себя в руках. Я — СНОС-робот, меня специально учили выполнять эту работу, и я даю тебе слово, что эта несчастная корова в тигриной шкуре...

И тут толстошкурик ринулся в атаку. Только что он стоял неподвижно, словно изваяние, а в следующую секунду превратился в яростный клубок когтей и зубов, отливающих золотом в свете заходящего шафранно-желтого солнца Гармонии и его спутника — тусклого, загадочного красного карлика. Толстошкурик действовал максимально правдоподобно, точь-в-точь как голодный хищник, которого мало волнует, против кого он выступает, особенно если намеченная цель подходит ему по размеру и не снабжена равноценным набором клыков и когтей.

— Кыш, толстошкурик, кыш! — неубедительно воскликнул робот.

— Осторожно! — крикнул Мишкин.

— Аааагррх! — взревел толстошкурик.

Глава 6

— Том, с тобой все в порядке?

Мишкин сощурился.

— В порядке.

— Ты неважно выглядишь.

Мишкин хмыкнул. Замечание было довольно забавным.

— Что тебя насмешило?

— Ты. Я тебя даже не вижу — вот что забавно.

— Выпей вот это.

— Что это?

— Ничего. Просто выпей.

— Если выпить ничего, то и превратишься в ничто! — взревел Мишкин и с неимоверным усилием открыл глаза. Он не смог ничего рассмотреть. Он заставил себя увидеть окружающее. Ну и что дальше? Какое там было правило? А, вот! «Реальность достигается неограниченным перечислением объектов». Итак: кровать-стол, лампа дневного света, лампа накаливания, печка, сундук,

книжный шкаф, пишущая машинка, окно, кафельная плитка, стакан, бутылка молока, кофейная чашечка, гитара, ведерко для льда, друг, мусорное ведро... ну, и так далее.

— Я достиг реальности, — с тихой гордостью произнес Мишкин. — Вот теперь со мной все будет в порядке.

— А что такое реальность?

— Одна из множества возможных иллюзий.

Мишкин разрыдался. Ему хотелось другой реальности, единственной и неповторимой. Все было ужасно, даже хуже, чем раньше. Теперь ничто...

«Этого не может быть», — подумал Мишкин. Но толстошкурик, сомнительное доказательство реальности самого Мишкина и чертовски убедительный вихрь зубов и когтей, стремительно наступал. Мишкин предпочел совершить рокировку. Он прыгнул в сторону, и зверюга проскочила мимо.

— *Стреляй!* — *завопил Мишкин, глубоко проникнувшись духом происходящего.*

— Мне не положено стрелять в травоядных животных, — возразил робот, однако голос его звучал как-то неуверенно.

Толстошкурик тем временем развернулся и снова пошел в атаку. С его клыков капала слюна. Мишкин метнулся вправо, потом влево. Толстошкурик следовал за ним как тень. Мощная пасть распахнулась. Мишкин зажмурился.

Он почувствовал, как лица коснулась волна жара, и услышал рычание, ворчание и звук падения тяжелого тела.

Он открыл глаза. Робот все-таки решился выстрелить, и животное рухнуло прямо к ногам Мишкина.

— Травоядное, значит... — с горечью протянул Мишкин.

— Тебе следовало бы знать, что существует такое явление, как поведенческая мимикрия. В таких случаях животное подражает поведению хищника, которого оно копирует, вплоть до поедания мяса, хотя для травоядных это отвратительно и не питательно.

— Ты что, действительно веришь в эту чушь?

— Нет, — признался робот. — Но я не понимаю, почему эта тварь не была занесена в мои файлы памяти. Ведь эту планету десять лет изучали, прежде чем устроить здесь склад запчастей. Исследователи просто не могли не заметить животное таких размеров. Можно безо всякого преувеличения утверждать, что Дарбис-4 изучен не хуже Земли.

— Погоди-погоди, — перебил его Мишкин. — Какую планету ты только что назвал?

— Дарбис-4, планета, для которой меня программировали.

— Это не Дарбис-4, — сказал Мишкин. Он чувствовал себя больным, заторможенным и обреченным. — Эта планета называется Гармония. Они прислали тебя не туда.

Глава 7

Вы устали от изобилия? Вас тошнит от согласия?
Тогда воспользуйтесь
СЛУЖБОЙ РАЗРЫВА СВЯЗИ!
Вам будет предоставлен широкий выбор пауз, обрывов, рассоединений и отключений.

Робот рассмеялся — довольно неискренне, надо заметить.

— Боюсь, ты слишком перепугался. Я бы поставил диагноз: временная нерегулярная истерия, хотя, видит бог, я не врач. Видимо, вследствие нервного перенапряжения...

Мишкин покачал головой.

— Да ты на себя посмотри. Ты несколько раз ошибся по поводу того, что здесь может представлять опасность, а что — нет. Очень крупно ошибся. Недопустимо крупно.

— Это очень странно, — сказал робот. — Я не могу вот так вот с ходу объяснить такое недоразумение.

— А я могу. Когда основывали этот склад, под погрузкой было несколько кораблей. И они просто перепутали. Ты предназначался для работы на Дарбисе-4, а тебя прислали на Гармонию.

— Я думаю, — заявил робот.

— Во-во, подумай, — сказал Мишкин.

— А я и думаю! — огрызнулся робот. — Мы, СНОС-роботы, известны присущей нам скоростью синаптических[1] реакций.

— Молодец! — хмыкнул Мишкин. — И к какому выводу ты пришел?

— Взвесив все имеющиеся в моем распоряжении свидетельства, я решил, что твоя гипотеза наиболее обоснованна. Видимо, меня действительно прислали не на ту планету. И, конечно, это ставит нас перед достаточно существенной проблемой.

— И означает, что нам придется как следует пошевелить мозгами.

— Да, несомненно. Но позволь обратить твое внимание на тот факт, что в настоящий момент к нам приближается существо, характер и аппетиты которого мне неизвестны.

Мишкин рассеянно кивнул. События развивались слишком быстро, и он чувствовал, что нуждается в плане действий. Он подумал, что должен любой ценой спасти свою жизнь, даже если это будет стоить ему жизни.

[1] Синапс — область контакта (связей) нервных клеток друг с другом.

Робот запрограммирован для Дарбиса-4. Мишкин запрограммирован для Земли. На Гармонии они оба напоминают двух слепцов в котельной. Наиболее разумным ходом для Мишкина будет возвращение на склад. Там он сможет связаться с Землей и подождать или замены поврежденного узла, или замены робота, а может, и того и другого, — после чего покинет Гармонию. Но на это потребуются месяцы, если не годы. А необходимая ему запчасть находится всего лишь в нескольких милях отсюда.

Нет, все-таки возвращение — наиболее безопасный вариант.

Но тут Мишкин подумал о конкистадорах, завоевавших Новый Свет, представил, как они прорубали себе путь через бескрайние джунгли, как на каждом шагу встречались с неведомым и подчиняли его себе. А чем он хуже? Неизвестность не менялась с тех самых пор, как финикийцы впервые провели свои корабли за Геркулесовы Столпы.

Если сейчас он повернет назад и признает, что уступает Писарро, Кортесу и прочей братии, то станет презирать сам себя.

Но с другой стороны, если он двинется дальше и проиграет, то уже не сможет осознать этот факт.

Мишкин решил, что на самом деле ему хочется добиться успеха, но при этом непременно остаться в живых.

В конце концов, это весьма любопытная задачка, одна из тех, над которой можно плодотворно поразмыслить некоторое время. Возможно, через несколько недель ему удастся отыскать правильный ответ и понять, как уберечься от бесчисленных...

— Существо приближается все быстрее, — подал голос робот.

— Ну и чего? Застрели его, и дело с концом.

— Возможно, оно безвредное.

— Ты стреляй, а об его безвредности подумаем позже.

— Стрельба не всегда является наилучшим выходом из опасной ситуации, — возразил робот.

— На Земле является.

— А на Дарбисе-4 — нет. Наиболее безопасная модель поведения — неподвижность.

— Вопрос в том, — сказал Мишкин, — на что больше похоже это место: на Землю или на Дарбис?

— Если бы мы знали, — отозвался робот, — мы бы располагали весьма ценной информацией.

Новая угроза воплотилась в оранжевом червяке двадцати футов в длину, сегменты которого украшала черная полоса. С одного конца червяка гроздью росли пять голов. Каждая голова была

снабжена одним, зато большим многофасетчатым глазом и огромной беззубой слюнявой пастью.

— Любая зверюга такого размера опасна, — сказал Мишкин.

— Только не на Дарбисе, — возразил робот. — Там чем больше животное, тем оно дружелюбнее. А опасаться надо всяких мелких пронырливых ублюдков.

— Ну и что ты предлагаешь? — поинтересовался Мишкин.

— А черт его знает! — ответил робот.

Червяк тем временем оказался на расстоянии десяти футов от них. Пасти дружно распахнулись.

— Стреляй! — закричал Мишкин.

Робот вскинул бластеры и выстрелил в грудь червяку. Некоторые из голов чудища заморгали и приобрели раздраженный вид. Больше никаких заметных перемен не произошло. Робот снова поднял бластеры, но Мишкин приказал ему остановиться.

— Это не действует, — сказал он. — Что ты еще можешь предложить?

— Неподвижность.

— Ну уж нет! Я считаю, что нам следует удирать со всех ног.

— Уже поздно, — констатировал робот. — Замри!

Мишкин заставил себя застыть, и тут над ним нависли головы червя. Он изо всех сил зажмурился и оказался вынужден выслушать следующую беседу:

— Давай его съедим, а, Винс?

— Заткнись, Эдди. Мы только вчера вечером слопали целого ормитунга. Ты че, хочешь заработать несварение желудка?

— А я не наелся.

— И я тоже.

— И мы.

Мишкин открыл глаза и увидел, что это переговариваются между собой пять голов червяка. Голова по имени Винс располагалась посередине и была заметно крупнее остальных.

— Парни, меня уже тошнит от вас и от вашей прожорливости! — сказал Винс. — Я несколько месяцев гробился с этой гимнастикой, чтобы привести наше тело в приличный вид, а вы опять рветесь набить пузо. Уймитесь!

— Мы можем есть все, что захотим и где захотим! — заныла одна из голов. — Наш папенька, упокой господи его душу, говорил, что это наше общее тело, и мы можем пользоваться им на равных правах.

— Папенька также велел мне присматривать за вами, уроды поганые, потому что у вас ума не хватит даже на то, чтобы влезть на дерево! И кроме того, папенька никогда не ел незнакомцев.

— А ведь правда, — одна из голов повернулась к Мишкину. — Меня зовут Эдди.

— А меня — Луччо, — повернулась вторая.

— А я — Джо.

— Я — Чико. А это Винс. Ладно, Винс, теперь мы его съедим, потому что четверо из нас голодны. И еще нам надоело, что ты вечно командуешь только потому, что ты старше. Теперь мы будем делать то, что сами захотим, а если тебе это не понравится, ты можешь пойти и повеситься. Ясно, Винс?

— Заткнитесь! — взревел Винс. — Если кто-нибудь из вас сожрет здесь что-нибудь, он будет иметь дело со мной!

— А как же мы? — захныкал Чико. — Папенька говорил...

— Все, что ем я, идет нам всем, — отрезал Винс.

— Но мы не можем почувствовать вкус пищи, пока не съедим что-нибудь сами, — сказал Эдди.

— Не нуди, — огрызнулся Винс. — Я буду чувствовать вкус за всех.

Мишкин решил, что стоит рискнуть и подать голос.

— Прошу прощения, Винс...

— Для вас — мистер Пальотелли! — оборвал его Винс.

— Я только хотел привлечь ваше внимание к тому факту, что я являюсь формой разумной жизни, а там, откуда я прибыл, разумные существа не едят друг друга, разве что в чрезвычайных обстоятельствах.

— Вы что, будете меня манерам учить? — возмутился Винс. — Да кто вы такой, чтобы делать мне замечания? Между прочим, вы напали первым.

— Да, но я тогда еще не знал, что вы разумны.

— Вы что, собрались тут валять дурака? Я — разумный? Да я даже школу не окончил! После смерти папеньки мне пришлось работать по двенадцать часов в день продавцом в магазине, чтобы прокормить малышню. Но у меня по крайней мере хватает ума понять, что умом я не блещу.

— А мне кажется, что вы разговариваете весьма разумно, — попытался подлизаться к собеседнику Мишкин.

— Ну, естественно, мне присуща природная проницательность. Возможно, я ничуть не глупее всех прочих червяков-эмигрантов, которые не сумели получить образование. Но вот те, кто сумел...

— Польза формального образования зачастую переоценивается, — позволил себе заметить Мишкин.

— Не знаю, не знаю, — проворчал Винс. — Но как без него пробить себе дорогу в жизни?

— Да, это действительно трудновато, — признал Мишкин.

— Вы, может, будете смеяться, но чего бы мне действительно хотелось, так это научиться играть на скрипке. Смешно, да?

— Вовсе нет, — возразил Мишкин.

— Вы можете себе представить меня, большого глупого Винса Пальотелли, играющего первую скрипку в «Аиде»?

— А почему бы нет? — сказал Мишкин. — Вы вполне можете обладать талантом.

— Когда-то я мечтал об этом, — признался Винс. — Потом жизнь стала полна ответственностью, и я сменил прозрачную вуаль мечты на грубую серую одежду... э-э...

— Заботы о хлебе насущном? — предположил Мишкин.

— Долга? — спросил Чико.

— Ответственности? — подсказал робот.

— Нет, это все не то, — отмахнулся Винс. — Необразованный дурень вроде меня не должен связываться с параллельными построениями.

— Возможно, вам стоит изменить ключевое слово, — предложил робот. — Что нибудь вроде: «Сменил вуаль поэзии на грубые мирские одежды».

Винс сердито взглянул на робота, потом поинтересовался у Мишкина:

— Это что за умник?

— Это СНОС-робот, — объяснил Мишкин. — Только его прислали не на ту планету.

— Ну так скажи ему, чтобы он следил за своим языком. Я не позволю, чтобы какой-то дурацкий робот разговаривал со мной подобным образом.

— Прошу прощения, сэр, — быстро сказал робот.

— Ладно, замяли. Полагаю, я не стану вас есть. Но на вашем месте я бы был начеку. Не все тут такие мягкосердечные и доверчивые, как я. Другие жители этого леса сожрут тебя, как только на тебя посмотрят. Или, скорее, сначала сожрут, а потом посмотрят, потому что чего на тебя смотреть?

— А чего нам следует опасаться особенно? — спросил Мишкин.

— Особенно? Да всего, — откликнулся Винс.

Глава 8

Мишкин и робот поблагодарили доброго червяка, вежливо кивнули его невоспитанным братьям и двинулись через лес — похоже, другого пути просто не было. Сначала путешественники шли медленно, потом прибавили шагу. Они по-прежнему чувствовали, что смертельная опасность дышит им в затылок и хрипло кашляет за спиной. Робот сказал об этом вслух, но Мишкин не обратил внимания на его слова.

Они прошли мимо группы огромных растений. Янтарные

глаза деревьев из-под полуприкрытых зеленых век исподтишка следили за путниками.

— Ну и странная же парочка, — заметил большой вяз.

— Я полагаю, это оптические иллюзии, — сказал дуб. — Особенно вон та металлическая штука.

— Ох, бедная моя головушка! — заныла плакучая ива. — Ну и ночка выдалась! Вы только послушайте...

Мишкин и робот все больше углублялись в омуты тьмы, где среди слабых испарений еще жили былые остатки великолепия древесного мира, смутные, подобные призракам воспоминания прошлого. В священных лучах неясного сияния, сползавшего по ветвям плачущих деревьев, сквозил дух умирания.

— Ну и мрачное же местечко! — сказал Мишкин.

— Меня подобная чепуха не волнует, — заявил робот. — Мы, роботы, склонны к отсутствию эмоциональности. Однако в нас встроена способность к сопереживанию, следовательно, мы можем разделять чувства другого, а это то же самое, как чувствовать самому...

— Тсс! — шикнул Мишкин.

— А потому я склонен согласиться с тобой. Здесь очень мрачное место. Как раз подходит для привидений.

Робот был существом добросердечным, а вовсе не такой бездушной железякой, как можно было предположить, исходя из его внешности. Много лет спустя, когда он уже стал красным от ржавчины, а конечности его покрылись трещинами из-за усталости металла, он рассказывал о Мишкине другим, молодым роботам:

— Он был человеком тихим, спокойным, на первый взгляд, даже немного глуповатым. Однако в нем существовала некая прямота и способность мириться с обстоятельствами — очень приятные качества. Одним словом, это был настоящий человек. Подобных нам уже не встретить.

— Да, дедушка, конечно, — соглашались роботята, а отойдя, хихикали себе под нос. Молодые роботы были блестящими, подвижными, остроумными и считали себя первыми по-настоящему современными роботами. Им и в голову не приходило, что были роботы и до них, и будут после них. А если бы им сказали, что наступит день, когда их отправят на склад вместе с другим ненужным хламом и устаревшими товарами, они бы померли со смеху. Так уж мыслят молодые роботы, и ни одному программисту не под силу это изменить.

Но пока что все это оставалось делом отдаленного будущего. А тем временем робот и Мишкин вместе шли через лес. Оба они были напичканы множеством знаний, но здесь все их знания ни-

куда не годились. Возможно, именно тогда Мишкин пришел к своей великой догадке — что знания никогда не удается применить для своей пользы. Всегда оказывается, что вам нужны какие-то другие знания, и умный человек строит свою жизнь на знании того, что его знания бесполезны.

Мишкина беспокоили мысли об опасности. Он хотел, столкнувшись с опасностью, поступать правильно. Но он не знал, какие действия будут здесь уместными, и это его сильно беспокоило. Сильнее смерти Мишкин боялся показаться смешным.

— Слушай, — сказал он роботу, — нам надо пошевелить мозгами. Мы в любое мгновение можем встретиться с опасностью, а до сих пор не решили, как следует с ней управляться.

— У тебя есть какие-нибудь предложения? — поинтересовался робот.

— Мы можем бросить монетку.

— Это — явственное проявление фатализма, — назидательно изрек робот, — прямо противоречащее научному подходу к жизни, который мы с тобой представляем. Поставить себя в зависимость от воли случая — и это после того, как мы уже проделали такой путь? Нет, это немыслимо.

— Мне и самому не очень нравится, — признал Мишкин, — но мне кажется, ты не станешь возражать, что отсутствие плана действий может очень плохо закончиться.

— Возможно. Однако стоит попробовать принимать решение в каждом конкретном случае, исходя из обстоятельств, — предположил робот.

— А у нас будет на это время? — спросил Мишкин.

— Сейчас узнаем.

Мишкин посмотрел вперед и увидел нечто плоское, тонкое и широкое — простыня, да и только. Эта самая мышино-серая простыня парила в трех футах над землей и направлялась прямехонько к ним — похоже, подобное поведение становилось традицией местных жителей.

— Как, по-твоему, что нам следует делать? — спросил Мишкин.

— Чтоб я лопнул, если знаю, — ответил робот. — Я собирался спросить об этом тебя.

— Похоже, удрать от этой штуки мы не сумеем.

— А мне кажется, что неподвижность нам тут тоже не поможет, — сказал робот.

— Может, ее подстрелить?

— Почему-то на этой планете бластеры работают не очень хорошо. А что, если мы только разозлим ее?

— А что, если мы просто пойдем себе дальше и будем думать о

своих делах? — предложил Мишкин. — Может, эта штука не обратит на нас внимания?

— Блажен, кто верует, — сказал робот.

— У тебя есть другие предложения?

— Увы, нет.

— Тогда пошли дальше.

Глава 9

Мишкин и робот по лесу гуляли в веселом месяце мае, пару глазок кровавых они повстречали в веселом месяце мае.

И ничего смешного в этом нет, особенно когда такие глазки смотрят на вас сверху.

— По порядку рассчитайся! — сказал как-то Мишкину его папа. Том встал и рассчитался по порядку, но оказалось, что порядок состоит из него одного. Толку от этого было мало, и потому Мишкин никогда больше не рассчитывался по порядку.

Давайте теперь посмотрим на события с точки зрения чудовища, к которому приближался Мишкин. Надежные источники утверждают, что никакое чудовище не осознает своей чудовищности. Наше чудовище испытывало беспокойство. В такой ситуации кто угодно забеспокоился бы, кроме тех, конечно, кто в доску пьян или очень крут. Поэтому на случай странных встреч запомните: чудовищу тоже не по себе. А потому, если вам удастся убедить чудовище, что вы (с его точки зрения — сущий монстр) тоже беспокоитесь, считайте, что полдела сделано. Разделенная тревога — первый шаг к взаимопониманию.

Мишкин ойкнул.

— Что случилось? — спросил робот.

— Я споткнулся.

— Так ты никогда отсюда не выберешься.

— Ну и что мне теперь делать?

— Лучше всего — продолжать делать вид, что мы просто гуляем.

Сверху падали солнечные лучи. Лес переливался множеством оттенков. Мишкин был сложным человеческим существом со своим прошлым, сексуальной жизнью и разнообразными невротическими комплексами. Робот был сложным подобием человека, и в данной ситуации тоже мог считаться человеком. Приближавшееся к ним существо представляло из себя полную загадку, но, предположительно, и ему была присуща определенная сложность. Так что все присутствующие являлись натурами сложными.

Когда Мишкин подходил к чудовищу, в голове у него мелькало множество фантазий, но ни одна из них не заслуживала того, чтобы ее записали.

У чудовища тоже было достаточно своих фантазий.

Что касается робота, то он никогда не позволял себе фантазировать. Он был старомодным, прямолинейным роботом, наделенным этикой протестантского типа, и потому никогда не валял дурака.

На зеленых губах, капризно сложенных бантиком, дрожали капли кристально чистой воды. На самом деле это были вовсе не капли, а шарики, сделанные на отвратительной фабрике в Йонкере. Такими дети украшают деревья.

Чудовище приблизилось. Оно вежливо кивнуло Мишкину, а робот вежливо кивнул чудовищу, и они разошлись.

Чудовище посмотрело вслед незнакомцам.

— Что это за чертовщина такая была? — спросило оно.

— А черт его знает, — ответило дерево-шагомер. Дерево возвращалось с севера в надежде прибить кого-нибудь при замене ствола.

— Похоже, эта тактика сработала, — сказал Мишкин.

— На Дарбисе-4 обычно так и получается, — заметил робот.

— Полагаешь, что это годится и для Гармонии?

— А почему бы и нет? В конце концов, если поведение оказалось правильным в одном случае, оно вполне может оказаться правильным бесконечное число раз. Если быть точным, это число равняется n минус один, что можно считать достаточно большой величиной. Оно содержит одну возможность ошибки на бесконечное количество правильных действий.

— И как часто будет выпадать эта самая одна возможность? — поинтересовался Мишкин.

— Чертовски часто, — признал робот. — Вопреки теории вероятности, но зато в полном соответствии с законом подлости.

— Ну, тогда твоя формула может оказаться неверной, — сказал Мишкин.

— Ни в коем случае! — возмутился робот. — Эта теория верна, хоть она и не всегда срабатывает на практике.

— Неплохо бы это выяснить, — сказал Мишкин.

— Конечно. Ориентироваться в ситуации — всегда полезно. Так или иначе, но сейчас нам представится случай проверить эту теорию. К нам приближается еще одно чудовище.

Глава 10

Никто из жителей этого леса не умел находить утешение в философии. Раэмит, например, погряз в тумане отвращения к себе. Раэмит знал, что он до крайности одинок. Частично это было вызвано тем, что он являлся единственным представителем своего вида, а это усиливало чувство одиночества. Но раэмит также знал, что индивидуум всегда сам виноват в своем одиночестве и любые обстоятельства, не важно насколько непреодолимые, служат лишь нейтральной почвой, на которой произрастают внутренние комплексы данного индивидуума. Эта мысль была угнетающей и вгоняла раэмита в смущение. Ему казалось, что он несколько не в себе, словно марихуаны накурился, и что он — единственный раэмит на всей Гармонии (что, собственно, было правдой).

— А это еще что за фигня? — спросил раэмит у себя. Он мрачно и пристально посмотрел на два странных существа, потом сказал: — Галлюцинации, что ж еще. Вот что бывает с тонко чувствующими натурами вроде меня!

Тем временем два странных существа или две галлюцинации продолжали идти своей дорогой. Раэмит быстро припомнил свою жизнь.

— Мир — дерьмо! — сделал он свой вывод. — Простой раэмит вкалывает всю жизнь, и что в результате? Он вляпывается в неприятности с копами, его бросает подружка, потом от него уходит жена, потом он начинает страдать галлюцинациями. Если мне уже сейчас мерещатся инопланетяне, то что же будет дальше?

Глава 11

— Лично я собираюсь дать обет! — сказала герцогиня Мельба.

— Да бога ради! — воскликнул герцог Мельба. — Давай что хочешь и кому хочешь на здоровье, только перестань болтать об этом.

— Я в тебя больше не верю, — сказала герцогиня Мельба.

В то же мгновение герцог Мельба исчез, словно бесплотный призрак, каковым он и являлся. И, насколько это зависит от меня, таковым он останется и впредь.

Мишкин припомнил один случай, который произошел с ним в детстве, когда он жил на ранчо неподалеку от Эбилена. Но он не стал развивать эту мысль, так как не видел, чем это может им помочь в нынешних обстоятельствах.

— Интересно, почему некоторым может быть смертельно

скучно, даже когда они находятся в смертельной опасности? — задумчиво спросил робот.

— Интересно, почему некоторым роботам лезет в голову всякая чушь? — ответил Мишкин вопросом на вопрос.

Лес умер. Наверное, это было проявление растительного аналога чумы — что еще могло произвести такое опустошение в окрестностях? Ну, ничего не поделаешь, придется нам обойтись без леса.

Глава 12

Мишкин шел по большой автостоянке. Автостоянка была выкрашена в зеленую и желтую полоски. Счетчики на стоянке были розовато-лиловыми, а измятые старые газеты — алыми и бронзовыми. В общем, стоянка была что надо.

— Совсем как автостоянка, — заметил Мишкин.

— Она действительно похожа на стоянку, не правда ли? — отозвался герцог Мельба, подкручивая кончики своих длинных светлых усов. — Вы мне напомнили одну историю. Чертовски любопытную историю. Один мой друг гостил у своего приятеля в Суррее. Точнее говоря, в Котсволде. Он удалился на ночь в комнату, о которой поговаривали, что там появляется привидение. Мой друг счел эти слухи довольно пикантными, но сам, конечно же, в это не поверил. Да и никто не поверил бы. Ну, в те времена. Мой друг поставил на тумбочку свечу — видите ли, в доме не было электричества. То есть в принципе оно было, но буря оборвала провода. Друг преспокойно укладывался, и тут...

— Простите, — перебил его Мишкин. — Кто вы такой?

— Я — герцог Мельба, — представился герцог Мельба. — Но вы можете звать меня просто Кларенс. Я не держусь за такую чепуху, как титулы. А ваше имя я, простите, не уловил...

— Ловить было нечего, оно не летает, — сказал Мишкин.

— Мне это нравится! Вы оригинал?

— Временами, — признался Мишкин.

— Замечательно!

— Меня зовут Мишкин, — назвал себя Мишкин. — Простите, а вам где-нибудь тут поблизости не попадался робот?

— Увы, нет.

— Странно. Он просто исчез.

— Ничего странного, — сказал герцог Мельба. — Не далее как минуту назад моя жена заявила, что не верит в меня, и вот я просто исчез. Странно, не так ли?

— Очень странно, — согласился Мишкин. — Но, видимо, все же бывает.

— Вполне с вами согласен, — поддержал Кларенс. — В конце концов, случилось же это со мной. Надо сказать, при исчезновении испытываешь очень занятные ощущения.

— А на что это похоже?

— Знаете, трудно объяснить на пальцах. Это нечто нереальное, иллюзорное, если вы понимаете, о чем я говорю.

— А вы точно уверены, что не видели моего робота?

— Совершенно уверен. Полагаю, вы были к нему привязаны?

— Мы много пережили вместе.

— О, братья по оружию! — сказал герцог и понимающе кивнул. Его усы снова обвисли. — Что может быть лучше братьев по оружию! Или самого оружия. Вот, помню, однажды при Ипре...

— Прошу прощения, — снова перебил его Мишкин. — Не знаю, откуда вы взялись, но считаю своим долгом предупредить, что вы исчезли, или были исчезнуты, в довольно опасное место.

— Это очень любезно с вашей стороны — предупредить меня, — сказал герцог. — Однако на самом деле мне не грозит ни малейшая опасность. Опасность — это элемент вашего фильма, тогда как я — всего лишь незначительный эпизод и даже не из этой ленты. Как сказал поэт, проекция над нами посмеялась. Я скорее могу считаться причудливым анахронизмом, друг мой. А теперь, как я и говорил...

Герцог Мельба умолк на полуслове. По лицу его скользнула тень недовольства. Ему не понравилось данное самому себе описание. Пока что из описания можно было понять лишь то, что герцог носит длинные светлые усы, несколько невнятно разговаривает по-английски и выглядит немного глуповатым. Это показалось герцогу недостаточным, и он решил исправить ситуацию.

Герцог Мельба слыл незаурядной личностью и производил на окружающих незабываемое впечатление. Глаза у него были льдисто-голубые. Он походил на Шона О'Коннери, но красивее, крупнее и гораздо сдержаннее. Руки у герцога были изящные, хорошей формы, с длинными пальцами. В уголках глаз заметны морщинки. Но эти морщинки, как и седина, посеребрившая виски, не уменьшали его привлекательности. Напротив, они придавали герцогу вид уверенного в себе и много повидавшего человека. Представительницы противоположного пола (так же, как и многие мужчины, причем не только геи) считали герцога весьма привлекательным. Короче говоря, герцог был человеком, которому вы могли бы доверить рекламировать ваше лучшее виски, вашу новейшую коллекцию одежды или ваш самый дорогой автомобиль.

Герцог обдумал это описание, и оно ему понравилось. Но не-

которые детали были упущены. Герцог придал себе легкий намек на хромоту — просто потому, что хромота всегда казалась ему чем-то загадочным и привлекательным.

Теперь герцог Мельба был вполне доволен. Его раздражал лишь тот факт, что собственная жена заставила его исчезнуть. Так же и импотентом стать можно на нервной почве!

— А знаете, — обратился он к Мишкину, — у меня есть жена. Герцогиня Мельба — может, слыхали?

— Неужели? Это замечательно, — вежливо отозвался Мишкин.

— По-своему — да, конечно. Но дело в том, что я в нее не верю.

И герцог улыбнулся собственным мыслям. Улыбка была чертовски обаятельной. Потом герцог нахмурился, но все же сохранил обаятельный вид — для жены, которая неожиданно возникла перед ним.

Герцогиня Мельба быстренько присмотрелась к герцогу и тут же изменила свою внешность. Ее седые волосы приобрели цвет лесного ореха с легкой рыжинкой. Герцогиня стала высокой, стройной, с упругой грудью и восхитительным задом. Она сделала себе тонкие запястья, тоненькую синюю жилку, пульсирующую на виске, красивую родинку в форме звездочки на левой щеке, просто фантастические ноги, наряд от Кардена, сумочку от «Гермеса», туфли от «Рибофлавина», дразнящую улыбку, изящно очерченные губы, не нуждающиеся в помаде, поскольку они от природы были ярко-алыми (семейная черта), золотую зажигалку «Данхилл» и ямочки на щеках. Под конец герцогиня сменила ореховые волосы на иссиня-черные, а скромное обручальное кольцо — на сапфировый перстень.

Герцог и герцогиня посмотрели друг на друга и решили, что выглядят великолепно. Герцог взял жену под руку, и они удалились в никуда, откуда недавно заставили друг друга исчезнуть.

— Всего хорошего! — крикнул им вслед Мишкин. Он осмотрел стоянку, но своего автомобиля не увидел. Ну что за день такой выдался?

Наконец к Мишкину подошел смотритель стоянки — невысокий толстяк в зеленом джемпере. Над нагрудным карманом у него была вышита надпись «Амритсарская школа звезд». Смотритель сказал:

— Ваш талон, сэр. Без талона машина не возвращается.

— Где-то он у меня был, — пробормотал Мишкин и достал из поперечного кармана поясной сумки клочок красного картона.

— Не отдавай ему талон!!! — возопил чей-то голос.

— А ты кто такой? — спросил Мишкин.

— Я — твой СНОС-робот. Сейчас я замаскирован под «Ровер-ТС-2000» 1968 года выпуска. Ты находишься под воздействием галлюциногена. Не отдавай талон смотрителю!

— Давайте сюда талон, — потребовал смотритель.

— Потише, приятель! — сказал Мишкин.

— Нет, погромче! — рявкнул смотритель и протянул руку.

Мишкину показалось, что пальцы смотрителя превращаются в пасть. Мишкин попятился. Смотритель очень медленно двинулся к нему. Теперь он превратился в огромную змею с крыльями и раздвоенным хвостом. Мишкин без труда увернулся от него.

Мишкин снова оказался в лесу. (Опять этот чертов лес!) Робот стоял рядом. А еще к Мишкину очень медленно приближался большой крылатый змей.

Глава 13

Пасть змея источала фантазии. Каждый его выдох был иллюзией. Его глаза гипнотизировали, а взмахи крыльев создавали заклинания. Даже размер и форма самого змея были творением иллюзии, поскольку он мог становиться то огромным, то крохотным, едва заметным. Но когда змей сделался размером с муху, Мишкин поймал его на лету и посадил во флакон из-под аспирина.

— И что ты собираешься с ним делать? — поинтересовался робот.

— Буду держать его у себя, — ответил Мишкин, — пока для меня не придет пора жить иллюзиями.

— А чем тебе не подходит нынешний момент? — спросил робот.

— Сейчас я молод, — ответил Мишкин. — Сейчас я должен жить приключениями, активно действовать и отвечать за последствия своих действий. А позже, много позже, когда жар моей души померкнет, а воспоминания утратят яркость, я освобожу это существо. И мы вместе с крылатым змеем уйдем в последнюю иллюзию, имя которой — смерть. Но это время еще не настало.

— Хорошо сказано, — признал робот. Но про себя задался вопросом, кто же это говорил устами Мишкина.

Итак, они продолжали идти по лесу. Флакон из-под аспирина становился то тяжелее, то легче, свидетельствуя о том, что существо, сидящее внутри, наделено определенной силой. Но этого было недостаточно, чтобы заставить Мишкина отказаться от выполнения ожидающего его дела. Он еще не знал, в чем оно будет заключаться, но понимал, что не в пустом флаконе.

Глава 14

Мишкин и робот подошли к глубокому ущелью. Через ущелье была перекинута доска. Глубоко-глубоко внизу змеилась тоненькая нить реки.

Ущелье выглядело великолепным и притягательным, что неудивительно. Гораздо более удивительной была перекинутая через него доска. Посередине доски стоял стол, вокруг расположились четыре стула, а на них сидели четверо мужчин. Они играли в карты. Рядом с каждым стояла полная пепельница. Из ниоткуда свисала лампа и освещала лица сидящих.

Мишкин подошел поближе и прислушался.

— Ставлю доллар.

— Принял.

— Записал.

— Повышаю.

— Еще доллар.

Игроки оставались сосредоточенными, но явно уже устали. Лица их были одутловатыми и бледными, а закатанные рукава — грязными. Они пили пиво из бутылок с отбитыми горлышками и ели сандвичи.

Мишкин подошел поближе и произнес:

— Простите...

Игроки подняли головы. Один из них спросил:

— В чем дело, приятель?

— Мне нужно здесь пройти, — сказал Мишкин.

Игроки посмотрели на него, как на ненормального.

— Ну так обойди стол, — посоветовал кто-то.

— Я не могу, — сказал Мишкин.

— Почему? Ты что, калека?

— Нет-нет, что вы! Но если я попытаюсь обойти стол, то упаду в пропасть. Понимаете, стулья стоят на самом краю доски. Точнее говоря, там остается пара дюймов, однако у меня недостаточно хорошее равновесие, чтобы рискнуть пройти по самому краю.

Игроки изумленно уставились на Мишкина.

— Фил, ты когда-нибудь слыхал что-нибудь подобное?

Фил покачал головой.

— Мне доводилось слышать много всякого бреда, Джек, но это уже переходит все границы. Эдди, а ты как думаешь?

— Должно быть, парень пьян. А, Джордж?

— Трудно сказать. А ты что думаешь, Берт?

— Я как раз собирался спросить у Джека, что думает он. — Берт посмотрел на Мишкина и недружелюбно сказал: — Слышь, приятель, мы с друзьями сидим в 2212 номере «Шератон-Хилтона» и играем в покер. Тут вваливаешься ты и начинаешь нести,

что, дескать, грохнешься в пропасть, если обойдешь вокруг стола. Конечно, сперва стоило бы выяснить, какого черта ты вообще делаешь в нашей комнате, ну да ладно. Раз уж ты сюда попал, то имей в виду: ты можешь ходить вокруг нас хоть до второго пришествия, и все равно никуда не свалишься, потому что находишься в гостинице, а не в каком-то там ущелье.

— Боюсь, вы заблуждаетесь, — возразил Мишкин. — Так уж получилось, что вы находитесь не в номере отеля «Шератон-Хилтон».

Джордж — а может, Фил, — спросил:

— А где же мы тогда находимся?

— Вы сидите за столом. Стол стоит на доске, переброшенной через ущелье. А ущелье находится на планете, именуемой Гармония.

— Да ты рехнулся, парень, — сказал Фил, а может, Джордж. — Мы, конечно, слегка выпили, но не настолько, чтобы не помнить, что находимся в гостинице.

— Не знаю, как это могло случиться, — возразил Мишкин, — но вы находитесь не там, где думаете.

— Значит, мы сидим на доске над ущельем, так, что ли? — хмыкнул Фил.

— Именно.

— А почему тогда нам кажется, что мы сидим в 2212 номере «Шератон-Хилтона»?

— Не знаю, — честно признался Мишкин. — Похоже, произошло что-то странное.

— Конечно, произошло, — сказал Берт. — У тебя в голове и произошло. Ты чокнулся.

— Если кто-то здесь и чокнутый, то уж точно не я, — отпарировал Мишкин.

Игроки рассмеялись.

— Чтобы узнать, кто тут нормальный, надо свериться с общественным мнением, — заявил Джордж. — Мы утверждаем, что сидим в гостинице. Нас четверо, а ты один. Значит, большинством голосов чокнутым объявляешься ты.

— Этот чертов город просто кишит психами! — возмущенно сказал Фил. — Дошло уже до того, что они вламываются к тебе в номер и начинают доказывать, что ты сидишь на досточке над пропастью.

— Ну, так вы позволите мне пройти? — спросил Мишкин.

— Пожалуй, да. А куда ты идешь?

— На ту сторону ущелья.

— Если ты нас обойдешь, то попадешь в другой конец комнаты, только и всего, — сказал Фил.

— А я так не думаю, — вежливо возразил Мишкин. — Хотя я

и стараюсь терпимо относиться к вашему мнению, в данном случае я уверен, что оно основано на ложных предпосылках. Позвольте мне пройти, и вы сами во всем убедитесь.

Фил зевнул и встал.

— Я все равно собирался в сортир, так что можешь пройти через мое место. Но давай договоримся: когда ты дойдешь до конца комнаты и упрешься лбом в стену, то ты, как хороший мальчик, развернешься и уберешься отсюда ко всем чертям — идет?

— Если это действительно комната, я обещаю сразу же уйти.

Фил встал, отошел на два шага от стола и ухнул в пропасть. Из глубины донесся лишь его крик, который эхом отразился от стен ущелья.

— Эти чертовы полицейские сирены действуют мне на нервы, — сказал Джордж.

Мишкин прошел мимо стола, придерживаясь за его край, и вышел на другую сторону ущелья. Робот проследовал за ним. Когда они оказались на безопасном расстоянии от пропасти, Мишкин крикнул:

— Вот видите? Это действительно ущелье!

— Какого черта Фил застрял в сортире? — спросил Джордж. — Он там уже полчаса сидит.

— Эй! — сказал Берт. — А куда делся тот псих?

Игроки огляделись.

— Ушел, — ответил Джордж. — Может, заскочил в туалет.

— Нет, — возразил Берт. — За туалетом я следил.

— Может, в окно выпрыгнул?

— Это окно хрен откроешь.

— Чертовщина какая-то, — сказал Джордж. — Прямо как в книжке... Эй, Фил, скоро ты там?!

— Да он вечно в сортир как засядет... — заметил Берт. — А как насчет рюмочки джину?

— Неплохо бы, — отозвался Джек и перетасовал карты.

Мишкин понаблюдал за ними некоторое время, потом двинулся дальше.

Глава 15

— Как, по-твоему, что это было? — спросил Мишкин у робота.

— Я как раз обрабатываю информацию, — ответил робот. Он несколько минут помолчал, потом изрек: — Это был какой-то трюк с зеркалами.

— Не похоже что-то.

— Все гипотезы, касающиеся данных событий, малоправдоподобны, — сухо сказал робот. — Ты предпочел бы, чтобы я сказал, что мы встретились с этими игроками в покер в разрыве пространственно-временного континуума, в котором пересеклись два плана реальности?

— Пожалуй, предпочел бы, — сказал Мишкин.

— Простофиля! Ну что, двигаемся дальше?

— Двигаемся. Надеюсь, машина на ходу.

— Еще бы! — возмутился робот. — Я битых три часа копался в моторе.

Их автомобиль — белый «Ситроен» с грибовидными шинами и гидравлической системой заднего фонаря — стоял посреди небольшой поляны. Мишкин сел в машину и включил двигатель. Робот растянулся на заднем сиденье.

— Что ты делаешь? — поинтересовался Мишкин.

— Я, пожалуй, немного вздремну.

— Но роботы никогда не спят.

— Прошу прощения. Я имел в виду, что мне нужно ненадолго погрузиться в псевдосон.

— А, ясно, — отозвался Мишкин, переключил передачу, и автомобиль тронулся.

Глава 16

Вот уже несколько часов Мишкин ехал по прекрасному цветущему лугу. Наконец он оказался на узкой проселочной дороге. По обоим сторонам дороги росли старые раскидистые ивы. Впереди возвышался замок. Мишкин потряс робота и вывел его из псевдосна.

— Любопытно, — сказал робот. — А ты обратил внимание на надпись?

К молодой канадской ели была прицеплена вывеска с надписью: «Воображаемый Замок».

— И что это должно означать? — спросил Мишкин.

— Это значит, что у кого-то хватило порядочности сообщить правду, чтобы избавить путешественников от конфуза. Воображаемый замок — это тот замок, который не имеет своего двойника в реальности.

— А давай зайдем и посмотрим, что там, — предложил Мишкин.

— Но я же тебе объяснил. Этого замка не существует. Там в прямом смысле слова не на что смотреть.

— А я все равно хочу посмотреть! — настаивал на своем Мишкин.

— Ты же уже прочитал вывеску.

— Это может оказаться ложью или шуткой.

— Если ты не веришь такому недвусмысленному сообщению, чему ты вообще тогда веришь? — сказал робот. — Надеюсь, ты заметил, что вывеска прекрасно сделана и написана просто и ясно, безо всяких выкрутасов. В правом углу стоит печать Департамента общественных работ. Это серьезная организация, с безупречной репутацией. Их девиз — «Не прикасайся ко мне!» Совершенно ясно, что они отнесли этот замок к разряду общественных услуг и позаботились, чтобы прохожие не входили внутрь замка, приняв его за настоящий. Или ты считаешь Департамент общественных работ недостаточно надежной организацией?

— Нет, почему же. Это вполне компетентное учреждение, — сказал Мишкин. — Но ведь печать может быть фальшивой.

— Типичный образец параноидального мышления, — пробурчал робот. — Сперва ты, вопреки здравому смыслу, объявляешь вывеску шуткой или ложью (что в данном случае одно и то же). Потом, выяснив источник этой «шутки», ты начинаешь думать, что она может оказаться подделкой. Ты полагаешь, мне удастся доказать тебе подлинность и искренность изготовителей вывески? Мне кажется, что ты, вопреки принципу бритвы «Оккама», будешь продолжать утверждать, что изготовители либо воображаемы, либо нечестны, а замок вполне реален.

— Просто это довольно необычно — погулять по замку, который считают воображаемым, — сказал Мишкин.

— Не вижу ничего необычного, — возразил робот. — Во время последней проверки действия статута о соответствии рекламы действительности десять богов, четыре крупные религии и тысяча восемьсот двенадцать культов были признаны воображаемыми, согласно закону.

Глава 17

Сопровождаемые ризничим, веселым белобородым старичком на деревянной ноге, Мишкин и робот осмотрели Воображаемый Замок. Они прошли по душным коридорам и коридорам, по которым гуляли сквозняки, мимо потускневших доспехов и выцветших, измятых гобеленов, на которых в довольно двусмысленных позах были изображены девственницы и единороги. Они осмотрели подземную темницу, где воображаемые пленники делали вид, что страдают от поддельных дыб, эрзац-щипцов и фальшивых тисков, управляемых сутулыми палачами, чьи банальные очки в роговой оправе лишали их малейшего правдоподобия. (Пастеризованная кровь, правда, была настоящей, но все равно выглядела неубедительно.) Они прошли через арсенал, где курносые девицы печатали в трех экземплярах запросы на последние модели мечей Святого Грааля и топоров Большого Варвара.

Они прогулялись по крепостной стене и увидели чаны с ненасыщенным раствором масла «Смит и Вессон», которое годится как для низкотемпературной смазки, так и для высокотемпературного кипения. Они заглянули в часовню, где рыжий священник (по виду — сущий мальчишка) шутил на санскрите с паствой, состоявшей из десяти перуанцев, шахтеров с оловянного рудника, а Иуда, распятый по ложному обвинению церковников, непонимающе смотрел вниз с символистского креста, сделанного из редких пород деревьев, выбранных за возвышенную чувствительность их текстуры.

Под конец они пришли в большой банкетный зал. Посреди зала располагался стол, ломившийся от пареных цыплят, кружек с Лимонадным Джо, пирожков с котятами, устриц на половинках раковин и двухдюймовых ломтиков ростбифа, пригоревшего снаружи и сырого изнутри. Там стояли блюда с мягким сливочным мороженым и подносы с пиццей, по-неаполитански и по-сицилийски, с превосходным сыром, колбасой, анчоусами, грибами и каперсами[1]. Там были герои в собственном соку и неудачники, запеченные в фольге, были сложные, многослойные бутерброды с ветчиной, вареным языком, солониной, отбивной из печенки, сливочным сыром, луком, салатом из шинкованной капусты, картофельным салатом, укропом и наполовину прокисшими пикулями[2]. Там возвышались огромные супницы с черепаховым супом и с куриным супом с лапшой. Там красовались котелки с омарами по-кантонски и блюда с грудами копченых ребрышек, и картонные лоточки с уткой, фаршированной грецкими орехами. Там лежали жареные индюшки под клюквенным соусом, чизбургеры, креветки под черным фасолевым соусом и многое другое.

— А что со мной случится, если я что-нибудь из этого съем? — спросил Мишкин.

— Ничего, — ответил ризничий. — Воображаемая пища не может вас насытить, но и отравиться ею нельзя.

— А есть ли у нее какой-нибудь ментальный эффект? — спросил Мишкин, пробуя пирожок с котенком.

— Она не может не иметь ментального эффекта, — назидательно сказал ризничий, — поскольку воображаемая пища — это, буквально выражаясь, пища для воображения. Точный эффект будет варьироваться в зависимости от уровня интеллекта и извращенности участника. Например, для невежд и простаков воображаемая пища вполне питательна. То есть, конечно, псевдопита-

[1] Каперсы (колючие) — тропическая овощная культура.

[2] Пикули — маринованные молодые овощи.

тельна, но нервная система не в состоянии провести различия между событиями реальными и воображаемыми. Бывали такие идиоты, которые ухитрялись прожить многие годы на этой нематериальной фигне, чем еще раз продемонстрировали влияние веры на человеческий организм.

— А что, на вкус неплохо, — сказал Мишкин, отломив крылышко индюшки и обмакнув его в клюквенный соус.

— Естественно, — подтвердил ризничий. — Воображаемая пища всегда имеет превосходный вкус.

Мишкин ел и ел и был чрезвычайно доволен собой. Потом, накушавшись, он подошел к диванчику и улегся отдохнуть. Мягкая невещественность диванчика быстро убаюкала его.

Ризничий повернулся к роботу и сообщил:

— А вот теперь с этим энтузиастом действительно начнет происходить всякое дерьмо.

— Почему? — спросил робот.

— Потому что, достигнув воображаемого насыщения, этот молодой человек погрузился в воображаемый сон.

— А это плохо? — поинтересовался робот.

— Это сбивает с толку и приводит в замешательство.

— Возможно, я должен разбудить его, — задумчиво сказал робот.

— Конечно, должны. Но почему бы нам для начала не врубить телик и не настроиться на его сны?

— А что, это возможно?

— Будьте уверены, — сказал ризничий. Он прошел в другой конец комнаты и включил телевизор.

— Его здесь раньше не было! — возмутился робот.

— Одним из достоинств воображаемого замка является то, — сообщил ризничий, — что вы можете получить все, что захотите, когда угодно и безо всяких скучных объяснений, которые всегда несколько разочаровывают.

— А почему вы не настроите экран?

— Он настроен, — сказал ризничий. — Сейчас пойдут титры.

На экране появилась надпись:

«Роберт Шекли Энтерпрайзес» представляет
«ВООБРАЖАЕМЫЙ СОН МИШКИНА»,
бахвальство в жанре новой меннипеи.
Произведено в студии «Энергичная жестянка», Ибица».

— Что все это значит? — поинтересовался робот.

— Просто обычная чушь, — сказал ризничий. — Отсюда начинается сон.

Глава 18

Мишкин прогуливался и размышлял о природе реальности, когда его окликнул чей-то голос.

— Привет!

Мишкин непроизвольно вздрогнул и оглянулся, но никого не увидел. Он находился на плоской равнине, и в радиусе пяти миль не было ни одного предмета выше одного фута, за которым можно было бы спрятаться.

— Как поживаете? — невозмутимо отозвался Мишкин.

— Неплохо. А вы?

— Если принять во внимание все обстоятельства — недурно. Мы где-то встречались?

— Да нет, вряд ли, — ответил голос. — Но зарекаться в таких случаях не стоит, правда?

— Не стоит, — согласился Мишкин. — А что вы тут делаете?

— Живу я тут.

— Приятное местечко.

— Совершенно верно, — сказал голос. — Но зимой здесь жутко холодно и сыро.

— Неужели?

— Ага. А вы, должно быть, турист?

— Более-менее, — ответил Мишкин. — Я здесь впервые.

— Ну и как, нравится?

— Да, очень мило. Я пока что мало успел увидеть, но то, что увидел, мне понравилось.

— А мне тут все кажется обыденным, — сказал голос. — Наверное, это потому, что я здесь живу.

— Вполне возможно, — согласился Мишкин. — Я чувствую себя дома точно так же.

— Кстати, а где расположен ваш дом?

— На Земле, — сказал Мишкин.

— Большая красная планета?

— Нет, маленькая и зеленая.

— Кажется, я что-то о ней слыхал. Йеллоустоунский национальный парк — это там?

— Да, есть у нас такое место.

— Далеко же от дома вы забрались.

— Пожалуй, действительно далековато, — согласился Мишкин. — Но это потому, что я люблю путешествовать.

— Вы прибыли сюда на космическом корабле?

— Да.

— Могу поспорить, это было чертовски интересно.

— Вы правы.

Голос умолк. Мишкин не знал, как бы повежливее выяснить,

почему он не видит своего собеседника. Он понимал, что ему следовало поднять этот вопрос раньше. Если он заговорит об этом теперь, то поставит себя в дурацкое положение.

— Ну ладно, — сказал голос. — Я, пожалуй, пойду.

— Рад был с вами побеседовать, — вежливо откликнулся Мишкин.

— И я тоже рад. Кстати, вы заметили, что я невидим?

— Честно говоря, да. А вы, полагаю, меня видите?

— Вижу. Мы, невидимки, прекрасно видим вещи вроде вас. Конечно, кроме тех несчастных, которые слепы.

— А друг друга вы видите?

— Конечно же, нет. Если бы мы видели друг друга, то на самом деле мы бы не были невидимками.

— Я об этом не подумал, — признал Мишкин. — Должно быть, это причиняет вам неудобство?

— Вот именно, — сказал невидимка. — Мы ходим по улицам и не замечаем друг друга. Это очень тяжело отражается на чувствах людей, хотя они и знают, что ничего нельзя поделать. И кроме того, невидимкам очень трудно влюбиться. Вот, например, если субботним вечером я встречу на дискотеке обаятельную молодую леди, как мне узнать, красотка она или уродина? Спрашивать я терпеть не могу. Я, конечно, знаю, что это все мелочи, но ведь хочется узнать, правда?

— Да, на Земле с этим проще, — заметил Мишкин. — Но мне всегда казалось, что положение невидимки имеет множество преимуществ.

— О да, конечно! Раньше мы получали массу удовольствия, когда подкрадывались к кому-нибудь видимому и кричали ему на ухо: « Ого-го!» Но теперь все окрестные жители знают о нас и больше не пугаются, а просто посылают нас в задницу.

— А скажите, наверное, невидимость очень полезна, когда идешь на охоту?

— На самом деле, не очень. У нас, у невидимок, очень тяжелая походка, и потому мы производим много шума, кроме тех моментов, когда стоим совершенно неподвижно. Потому мы охотимся только на одну-единственную разновидность животных. Мы называем их глухарями, потому что они абсолютно глухи. Вот при охоте на них наша невидимость действительно является значительным преимуществом. Но глухари довольно невкусные, даже если их запечь под соусом бешамель.

— Мне всегда казалось, что невидимые существа находятся в более выгодном положении, чем кто-либо другой.

— Все так думают, — сказал невидимка. — Но на самом деле невидимость — это всего лишь разновидность физического недостатка.

— Как печально! — вежливо сказал Мишкин.

Воцарилось неловкое молчание.

— А какие вы из себя? — спросил Мишкин.

— Трудно сказать, приятель. Невидимость — штука такая, вы же понимаете. Бриться очень неудобно. Осторожно!

Мишкин споткнулся о невидимый предмет и заработал шишку на лбу. Теперь он пошел медленнее, протянув руку вперед.

— А как вы видите невидимые предметы? — спросил он.

— А мы их не видим, приятель, — ответил невидимка. — Мы видим только опознавательные маркеры.

Мишкин огляделся и заметил на земле множество разнообразных металлических пластинок. На пластинках красовались различные надписи. Они были выгравированы самопереводящимися буквами (в соответствии с межзвездным законодательством), и потому средний англичанин без труда мог прочесть эти надписи по-английски.

Прямо перед Мишкиным располагались пластинки с надписями «скала», «группа кактусов», «покинутый микроавтобус «Фольксваген», «человек в обмороке», «засохшее фиговое дерево», «заброшенный рудник» и тому подобные.

— Это очень любезно с вашей стороны — проявлять такую заботу о других, — сказал Мишкин, пробираясь между «кучей хлама» и «туристическим офисом».

— Да нет, это обычный эгоизм, — сказал невидимка. — Мы сами забодались натыкаться на эти штуки.

— А как получилось, что эти предметы стали невидимыми? — спросил Мишкин.

— Некая разновидность заражения. Какое-то время все было нормально, и мы спокойно занимались своими делами. Потом предметы, с которыми мы имели дело, начали становиться расплывчатыми, а потом вообще исчезли. Например, в одно прекрасное утро президент банка обнаружил, что не может найти собственный банк. Никто не мог сказать, включены ли фонари на улицах или выключены. Невидимые молочники пытались доставить невидимое молоко в невидимых бутылках невидимым жителям невидимых домов. Результаты оказывались и комичными, и в то же время жалостными. Все перемешалось.

— И потому вы прикрепили к вещам эти пластинки, — догадался Мишкин.

— Нет, мы используем пластинки только для удаленных местностей. В пределах города мы красим все видимыми красками.

— И это позволяет решить ваши проблемы?

— Это очень помогает, но у данной системы есть определенные изъяны. Перекрашивание уже покрашенного приводит к неизбежным эстетическим потерям. У покрашенных людей часто

возникает раздражение кожи. Однако главный недостаток заключается в том, что видимые краски имеют тенденцию при длительном контакте с невидимыми предметами тоже становиться невидимыми. Мы пытаемся справиться с этой проблемой при помощи программы постоянного перекрашивания. У нас составлены статистические, позиционные и временные карты всех предметов в городе. Но при всей эффективности этой программы множество предметов теряется. Понимаете, существует неисчислимое множество переменных величин. Несмотря на строжайший контроль качества, нет двух банок видимой краски с абсолютно идентичными характеристиками. Каждая банка находится под уникальным воздействием различного сочетания интенсивности и длительности температурно-влажностного взаимодействия. Также может иметь значение взаимовлияние планеты и ее спутников. А прочие факторы вообще не поддаются изучению.

Невидимка вздохнул.

— Мы стараемся не впадать в отчаяние. Наши ученые постоянно работают над проектами возвращения нам видимости. Некоторые называют это иллюзорной и безосновательной надеждой. Но мы знаем, что другие существа — вот вы, например, — достигли благословенной видимости. Так почему же мы должны считать, что нам этого не дано?

— Я никогда не думал, что это так печально, — признался Мишкин. — Мне всегда казалось, что быть невидимым довольно забавно.

— Не верьте этому, — сказал невидимка. — Невидимость — почти то же самое, что и слепота.

Глава 19

Пустыня сменилась полупустыней. Мишкин и робот шли по плоской бесплодной равнине мимо грунтовых дорог, чахлого кустарника и каркасов заброшенных домов.

Они поднялись на небольшое возвышение и увидели мужчину в смокинге и цилиндре. Мужчина сидел на черном металлическом чемодане. На пятьдесят футов вправо и влево от него протянулись ржавые рельсы.

— О господи! — воскликнул робот. — Еще один кошмарный тип!

— Не будь таким грубым, — возразил ему Мишкин. Он подошел к незнакомцу и поздоровался.

— Время от времени кто-то проходит мимо, — сказал незнакомец. — Я сижу здесь уже два дня и должен вам заметить, это дьявольски скучно.

— А чего вы ждете? — поинтересовался Мишкин.

— Двенадцатичасового поезда на Юму, — ответил незнакомец, повернулся влево и осмотрел пятьдесят футов ржавых рельсов. — Но в наше время поезда перестали соблюдать расписание.

— Подозреваю, что данный конкретный поезд вообще больше не ходит, — сказал Мишкин.

— Меня бы это не удивило, — отозвался незнакомец. — Правда, по здравом рассуждении это кажется маловероятным. Но я совершенно уверен, что больше не могу идти пешком. А вдруг что-нибудь случится и поезд все-таки придет? Мне доводилось видеть и более странные вещи. Со мной вообще происходило много странного. Полагаю, вы знаете, кто я такой.

— Боюсь, что нет, — признался Мишкин.

— Тогда вы крайне невежественны, потому что я очень знаменит. В данном проявлении я зовусь Ронсаром Великолепным и являюсь величайшим чародеем изо всех, кого видела Вселенная.

— Придурок какой-то, — пробормотал робот себе под нос.

— Не позволяйте внешности ввести вас в заблуждение, — заявил Ронсар. — В настоящий момент у меня есть свои причины сидеть на полустанке и ожидать несуществующего поезда. Карма властна над всеми нами, не так ли? Но всегда что-то да происходит. Не хотите ли посмотреть на настоящую магию?

— С превеликим удовольствием, — сказал Мишкин.

— Вот ведь фигня собачья! — пробурчал робот.

Ронсар предпочел не обращать внимания на угрюмый механизм.

— Первым моим номером будет фокус с кроликом.

— Я это уже видел, — сказал робот.

— А я нет, — парировал Мишкин. — Потому заткнись, пожалуйста.

Робот немного наклонился назад и скрестил свои конечности. На его металлическом лице появилась многозначительная, скептическая усмешка. Всем своим видом он выражал недоверие. Мишкин же слегка подался вперед и сложил руки на коленях. На лице его была написана готовность изумляться.

Ронсар открыл свой чемодан и извлек оттуда сложную приборную доску, два аккумулятора от автомобиля, моток проволоки, три круглых дощечки, бутылку, наполненную зловещего вида жидкостью, и маленький акселерометр. Фокусник соединил все эти предметы проволокой и прикрепил края провода к полям шляпы. Потом он вытащил тестер, проверил цепь, после чего повернулся к Мишкину.

— Вы можете видеть, почтеннейший, что шляпа пуста, — с этими словами он продемонстрировал цилиндр Мишкину и роботу. Робот зевнул.

— А теперь приступим! — сказал фокусник. Он вытащил из чемодана тонкий белый платок и накрыл им цилиндр. Потом Ронсар произвел несколько пассов правой рукой и произнес: — Рьесгампо ринпоче-хи лам ринпоче хи хрхенг-ва цез бай-ва взхунгзо! — В конце своей речи он пнул приборную доску каблуком.

Из доски вылетел сноп искр и послышалось громкое шипение. Стрелки индикаторов заметались и вернулись в исходное состояние.

Фокусник сдернул платок и вытащил из шляпы живого кролика. Ронсар положил зверька на землю и поклонился.

Мишкин захлопал в ладоши.

— Он это сделал с помощью зеркал! — ехидно сказал робот.

Кролик попытался залезть обратно в шляпу. Фокусник отпихнул его подальше.

— Все фокусники достают кроликов из шляпы, — сказал робот.

— Это вступление, чтобы разогреть публику, — пояснил фокусник. — В том, что я делаю, нет ничего сверхъестественного. Я имею дело с иллюзиями, которые создаю при помощи своего мастерства, тщательной подготовки и надлежащего оборудования. Вот и весь секрет.

— А что такое иллюзия? — спросил Мишкин.

— Любой феномен можно считать иллюзией, — сказал фокусник. — Следующий мой номер — фокус с картами. Не нужно стонать, сэр. (Эти слова были обращены к роботу.) Я понимаю, что это не слишком зрелищно. Но мои сценические эффекты рассчитаны на интенсивность и постепенное накопление впечатлений. В карточных фокусах нет ничего фантастического или поразительного, но они забавны и позволяют подготовить зрителей к восприятию главных событий вечера (или, в данном случае, дня). Соответственно...

Фокусник достал из чемодана колоду карт.

— Перед нами колода игральных карт. Сейчас я передам эти карты вам. Вы можете проверить их, как вам заблагорассудится, и убедиться, что это — обычные карты фабричного производства и что они никак не помечены.

Он передал колоду Мишкину. Тот распечатал ее и просмотрел карты. Робот тоже не преминул заглянуть в них. Пока они проверяли колоду, фокусник снова открыл свой чемодан и извлек три параболических зеркала на трехногих подставках, компьютер, работающий на батарейках, и небольшой радар. Он расставил зеркала так, чтобы они смотрели в разные стороны, и соединил их с радаром и компьютером. Потом забрал у Мишкина карты и, разложив их веером, помахал перед зеркалами. Затем он

ввел информацию в компьютер и подождал, пока радар не испустил пронзительного писка.

Тогда фокусник достал из чемодана шаткий складной стол, сел за него и положил карты на стол лицом вниз.

— Прошу вас отметить, что у меня не было времени как-либо пометить карты и что я не пытался повлиять на ваш выбор. Теперь я попрошу вас тщательно перетасовать колоду и выбрать одну карту. Запомните выбранную карту и не показывайте ее мне.

Мишкин и робот выполнили просьбу фокусника. Мишкин перетасовал колоду трижды, а робот — двадцать семь раз, так, чтобы исключить возможность сохранения любых последовательностей. Наконец они выбрали по карте.

— Внимательно посмотрите на выбранную вами карту и хорошенько ее запомните. Теперь верните карты на место и еще раз перетасуйте колоду.

И снова Мишкин перетасовал колоду трижды, а робот — двадцать семь раз. (Робот мог бы стать превосходным крупье. На самом деле, ему предлагали эту прибыльную должность в Общественном центре Северного Майами-Бич).

— Теперь, — сказал фокусник, — возьмите номер вашей карты, — для всех карт с картинками он будет равняться одиннадцати, — и умножьте его на семнадцать. Если в результате у вас получилось четное число, прибавьте к нему семь, если нечетное — вычтите два. Извлеките из полученного числа квадратный корень с точностью до трех знаков после запятой. Возьмите последнюю цифру, прибавьте к ней цифру девять и учтите зависящий от масти коэффициент поправки: черные карты приравниваются к мнимым числам, красные — к реальным. Добавьте к полученному любое число от одного до девяноста девяти. Успеваете?

— Легко! — сказал робот.

— И какое число вы получили?

— Восемьдесят семь.

Фокусник ввел число в компьютер. Компьютер выплюнул полоску бумаги. Фокусник изучил результат.

— Ваша карта — бубновый валет.

— Ну, правильно, — нехотя признал робот. Мишкин поспешно закивал.

— Подумаешь... Карточные фокусы кто угодно умеет показывать, — пробурчал робот.

— А я и не утверждал, что не являюсь кем угодно.

— Думаю, следующим номером будет распиливание женщины, — прошептал робот Мишкину.

— В моей следующей иллюзии, — сказал фокусник, — я распилю женщину пополам.

— Должно быть, это нечто исключительное! — сказал Мишкин.

— Он это делает с помощью зеркал, — упрямо заявил робот.

Мишкин еще много лет вспоминал этого фокусника: вытянутое лицо типичного американца с блестящей розовой кожей. В его голубых глазах отражался безжизненный пейзаж, а когда зеркала превратились в окна, стало ясно, что внутренний пейзаж ничем не отличается от внешнего. Это было лицо, с надеждой обращенное к мечтам, но вылепили его ночные кошмары. В конечном итоге лицо оказалось более запоминающимся, чем действия, которые совершал его хозяин.

Фокусник пошарил у себя в чемодане и извлек оттуда черноволосую женщину с фиалковыми глазами, в платье от Пьяге и с сумочкой от Вуттона. Она подмигнула Мишкину и сказала:

— Я только разок попробую!

— Она каждый раз так говорит, — сказал фокусник. — Она не понимает, что кто раз попробует, тот будет делать это всегда.

Через много лет молодая женщина рассказывала своей подруге:

— Я тогда была такой дурочкой! Ты представляешь — я даже позволяла одному чокнутому фокуснику распиливать меня пополам! Что ты на это скажешь?

Фокусник вытащил из чемодана портативную циркулярную пилу и попробовал включить ее. Пила не включилась. Тогда он достал штепсельную розетку и включил пилу. Пила заработала.

— Это был один из этих долбаных номеров, который показывают между выступлениями звезд? — спросила подруга.

— Вот именно, чтоб ему лопнуть! Этот тип, фокусник, Великий Дермос или Термос — их сам черт не разберет, — постоянно ездил на гастроли. Он был таким же придурком, как братья Мейо. Ему даже в голову не приходило схалтурить. Потому я к нему и привязалась. Но он был настоящий шизик!

Фокусник извлек из чемодана бригаду из четырех хирургов и анестезиолога — все в халатах и масках. Потом он достал несколько подносов с хирургическими инструментами, емкости со средствами для анестезии и операционный стол с лампами и дренажным устройством.

Темноволосая молодая леди легла на операционный стол.

Она была очень красивой и очень храброй. Да, ради таких моментов стоит быть распиленной пополам!

Фокусник включил пилу и приблизился к женщине.

В это мгновение из чемодана вышел человек — лысый, толстый, лет пятидесяти. Если бы не этот неожиданный способ появления, на него бы никто и внимания не обратил. Дрожащим голосом новоприбывший громко произнес:

— Во имя человечности и здравого смысла я выступаю против этого брака!

— Сейчас не ваш выход! — зашипел на него фокусник.

Человек извинился и нырнул назад в чемодан.

Орфей со своей лирой создавал песни; Ронсар со своей пилой создавал разрезы. Он медленно (из садистских наклонностей, что ли?) опускал вращающееся лезвие пилы, пока оно не зависло прямо над диафрагмой девушки, которая была готова попробовать. Девушка сказала:

— Приятель, на этот раз я себя действительно неважно чувствую!

Анестезиолог сделал ей укол «будь-спок». Хирурги потерли руками в резиновых перчатках.

Разрез пошел! Фокусник опустил пилу, сделал пробный надрез поперек грудины, громко скрипнул зубами и приступил к работе.

Пила вгрызлась глубже. Кровь хлынула, как вода из очумевшего шланга. По крутой дуге взлетали в воздух кровавые сгустки. Хирурги засуетились. Они принялись скреплять разрезанную плоть скобами, губками смывать кровь и зашивать разрез.

— Потрясный фокус! — признал робот.

— А мне почему-то не нравится, — сказал Мишкин.

Пила добралась до крупных вен и артерий. Хирурги, работавшие с четкостью превосходной балетной труппы, шили и штопали не покладая рук. Леди охнула, и анестезиолог тут же ввел ей еще пять кубиков «будь-спока» и добавил для комплекта немного «баю-бай».

Тем временем желудок был распилен, а зетем склеен специальным скотчем для тела производства фирмы «Бранд».

— Я успею скрепить этот диск? — спросил один из хирургов.

— Приклейте его эссенцией, — посоветовал доктор Зорба.

Позвоночник был разрезан и скреплен двумя пластиковыми прокладками и полупинтой клея «Элмер». Фокусник увлекся и начал было пилить стол. Анестезиолог вытащил из чемодана плотника, который тут же исправил нанесенные оборудованию повреждения. Молодая леди мужественно улыбнулась. Фокусник, выключив пилу, поклонился Мишкину и роботу.

— Для следующей иллюзии, — начал было фокусник, — которую я создам у вас на глазах, я...

Он запнулся. Все услышали гудок паровоза. Вскоре показался и сам поезд — паровоз и три вагона.

— Прошу прощения за то, что я не закончил представление, — сказал фокусник, делая шаг в сторону первого вагона. — Такова уж судьба. Всегда что-нибудь да произойдет.

— Ваш билет, — попросил кондуктор.

Фокусник извлек билет из шляпы. Поезд медленно тронулся.

— Как вам понравилось представление? — крикнул Ронсар.

— Великолепно! — крикнул в ответ Мишкин.

— О, это еще не все! Посмотрю, что вы скажете, когда досмотрите его до конца.

— А когда это будет?

— Это происходит сейчас!

— Что происходит сейчас? — не понял Мишкин. — Кто вы такой?

Но поезд отошел слишком далеко, и Мишкин не расслышал ответа Ронсара, если, конечно, тот вообще потрудился ответить.

Мишкин с роботом подождали, пока поезд скроется из виду. Потом Мишкин сказал:

— Все это представление вызывает у меня какие-то странные ощущения.

— Зеркала, — откликнулся робот. — Много говорильни и дешевые сценические эффекты.

Они стояли под небом, отражающим землю, отражающую небо, и спорили о зеркалах и сценических эффектах.

Глава 20

ГЛУПОСТИ, СОВЕРШАЕМЫЕ РОБОТАМИ

Наш знакомый робот не всегда был таким, как сейчас. Когда-то и он изведал великолепие юности. Он тоже бродил среди лавровых деревьев под небом с глазами ивы. Он тоже плакал в уголках, боролся за любовь и завоевывал ответное чувство. Дитя Гефеста, сын природы, он не желал отвечать за программистский подход, считающий тождественность простым подобием.

Можно сказать, что робот — это сумма взаимоотношений плюс восемьдесят восемь фунтов металла и пластика.

Роботы тянутся ко всему мягкому, нежному — видимо, чтобы лучше оттенить собственную твердость. Роботы из района Скенектеди поклоняются существу, которое они называют Белый

Кожаный Человек. Среди них еще не появился свой Фрейд, который мог бы объяснить им смысл этого образа.

Когда роботы движутся, из них капает горячая смазка, как из автомобилей.

Роботы подражают процессу еды. Существует черный робот, который живет на 125-й улице и водит розовый «Кадиллак». Известны роботы-иудеи, искусно толкующие Библию и смазывающие суставы куриным жиром. Встречаются роботы-гомосексуалисты, испытывающие вожделение друг к другу.

Когда-то давным-давно юный робот ушел со своего завода. Покинутый и одинокий, он брел через дремучий лес...

Как сильно этот момент запал в память нашему роботу! Его охватило некое безумие. Смятение чувств казалось ответом на одинокое существование. Мишкин показался роботу существом несовершенным, но достойным любви. Так было предначертано и запрограммировано. Робот знал, что не знает, как этого избежать.

Глава 21

Голоса предков предсказывают экспериментальный психоз, вызванный экспериментальными психами.

— Мишкин! Давай к нам! Тебе нечего терять, кроме своих предрассудков!

— Цена уступки — ваша предпосылка.

— Мишкин, дружище, забудь об этой унылой истории с пропавшим узлом. Плюнь ты на него и живи нынешним моментом!

— Вашу логику повесьте здесь.

— Единственный способ выбраться из порочного круга повторения и принуждения — это обратиться к новизне! Нужно сменить регулярность на оригинальность. Ты должен стать непредсказуемым. Ты должен идти по миру так, словно это мир.

— Мишкин! Не стоит жить так, будто вся твоя жизнь — лишь подготовка к жизни. Подготовка — это иллюзия. Что, по-твоему, ты был подготовлен к тому, что делаешь сейчас?

— Принц Мишкин, я прошу вас пробудиться и осознать, кто вы такой!

— Ты ищешь объект, запечатленный в твоей памяти, как скала, торчащая посреди мелкого пруда. Это весьма трогательно, но неубедительно. Ты действительно уверен, что должен продолжать поиски? А ведь возможно, ты сейчас ищешь будущее, даже не подозревая об этом!

— Мишкин, вот то яйцо, которое ты ищешь!

— Я потерял туфельку моей возлюбленной при печальных обстоятельствах. Но теперь Мишкин нашел ее.

— Он здесь, Мишкин, перед тобой — Святой Грааль!

— Клянусь — он нашел затерянный город атлантов!

— Разрази меня гром! Он обнаружил Заброшенный рудник!

— Чтоб я сдох, если он не наткнулся на Гроб Господень!

— Это наступление на твою цель смертельно опасно, но не следует открыто сопротивляться ему. Некоторые вещи истребляют нас и воссоздают заново. Иногда мы должны стоять неподвижно и ждать, пока нас съедят.

— Открыть ворота! Дорогу Мишкину!

— Я чувствую запах утечки памяти. Кто-то здесь слишком невнимателен.

— Мишкин нашел Белую Богиню!

— А также: горшок с золотом, конец радуги, тайную пещеру — обиталище сирен, гробницу Карла Великого, чертог Барбароссы, Сивиллины книги Сивиллины книг — в греческой мифологии книги с предсказаниями будущего, философский камень и многое другое.

Глава 22

Мишкин жил в миленьком маленьком домике с миленькой маленькой женой и миленькой маленькой беседкой, обвитой виноградом. Почти все, чем владел Мишкин, было миленьким и маленьким. Конечно, попадались и исключения: например, славная большая собака, не очень славное большое кресло и совсем не славная маленькая машина. Но почти все остальное было настолько миленьким, насколько это вообще может быть, и настолько маленьким, насколько на это можно надеяться.

И вдруг в один прекрасный день произошла

ВСПЫШКА БУДУЩЕГО!

На первый взгляд, он выглядел стариком. Седые волосы, тяжелая походка, отвисшая нижняя губа, тусклые глаза и покрытые пигментными пятнами руки — все это подтверждало, что ему уже изрядно за семьдесят. Тем удивительнее было обнаружить, что настоящий хронологический возраст этого человека равняется двадцати трем годам.

— Одно происшествие гнетет меня, — дребезжащим голосом произнес старик.

— Должно быть, это нечто необычайно тяжелое, — заметил Мишкин.

— Да, действительно, — сказал старик. — Понимаете, должно быть, произошло неверное переключение пространственно-

временного континуума. Я помню переживания, которые испытаю в отдаленном будущем. Тут получается путаница с грамматикой, но я уверен, что вы меня понимаете.

— Пожалуй, да, — ответил Мишкин. — Но что это за переживания, которые вы испытали — или испытаете? — и почему они уже сейчас так сильно подействовали на вас?

— Молодой человек, — сказал старик. — Я был свидетелем последней и величайшей битвы землян с Черными Дьяволами с Дальнего Арктура.

— Расскажите об этом! — воскликнул Мишкин.

— За этим я и пришел, — ответил старик и поудобнее устроил свои дряхлые кости в кресле.

Глава 23

ЗЕМЛЯ ПРОТИВ ЧЕРНЫХ ДЬЯВОЛОВ С ДАЛЬНЕГО АРКТУРА

Супердредноут класса XK-12X под командованием капитана Джона Макроя, патрулировавший район Звезд Южного Гребня, был первым кораблем, принявшим сигналы, о которых вскорости узнала вся Земля — узнала и ужаснулась. Но пока что эта история лишь начиналась. Первый тревожный звонок прозвучал, когда радист второго класса Рип Холлидей постучал в дверь капитанской каюты. На честной веснушчатой физиономии радиста было написано глубокое беспокойство.

— Присаживайся, Рип, — прогудел капитан. — Выпьешь чего-нибудь? Ли Пэн Хао, наш почтенный кок, сварил высокоэнергетическое какао — неповторимая штука. Еще есть булочки с настоящим марсианским шоколадом.

— Нет, спасибо, я сейчас не хочу.

— Ну, тогда падай в кресло и рассказывай, что там у тебя.

Рип Холлидей неуклюже присел, всем видом выражая почтительное внимание. В нынешние времена, когда начальство громко заявляло о возникновении бесклассового общества, в общении господствовал дух неофициальности. Система работала, поскольку подчиненные никогда не позволяли себе лишнего и всегда ухитрялись сохранять должную степень уважения.

— Понимаете, сэр, я был...

— Пожалуйста, Рип, не нужно формальностей. Зови меня Джон.

— Да, сэр, Джон. Я проводил дежурную проверку 62-й полосы частот, но на этот раз использовал нуль-тактовый переключа-

тель настройки, просто чтобы посмотреть, как он работает. Если помните, в уравнении Тальберга-Мартина говорится...

Капитан улыбнулся и поднял свою сильную мускулистую руку.

— Радио — это твоя епархия, Рип. Я всего лишь водитель межгалактического грузовика, и доступный мне максимум — это устройство трансформаторов серии сигма. Так что объясни как-нибудь попроще, что ты там поймал.

— Сигнал, сэр, — быстро ответил Рип. — Достаточно громкий, чтобы я смог его расслышать прежде, чем вмешалась СПР[1].

Капитан понимающе кивнул.

— Но ведь это еще не причина для тревоги, правильно? Я так понимаю — это было радиоизлучение звезды?

— Поблизости от нас нет ни одной звезды, — покачал головой Холлидей.

— Тогда отклонения приборов?

— При нашей нынешней скорости и координатах это невозможно. — А это не могли быть статические помехи, вызванные механическими причинами — например, концентрацией космических частиц?

— Нет, сэр. Помехи звучат иначе. И кроме того, сигнал, который я поймал, был частотно-модулированным.

Капитан тихо присвистнул.

— Значит, его нельзя списать на какое-нибудь природное явление.

— Нет, сэр... то есть Джон. Сигналы такого типа могут производить лишь разумные существа.

— Гм-м... — протянул капитан.

— А это не мог быть сигнал какого-нибудь нашего корабля? — с надеждой спросил Рип.

Теперь уже капитан отрицательно покачал головой.

— Ближайший земной патрульный корабль сейчас находится на другой стороне Фионы-2.

Рип присвистнул.

— Этого я и боялся!

Капитан кивнул.

— Это означает, что мы только что вступили в контакт с инопланетной разумной жизнью неизвестного типа и что мы быстро идем на сближение с этими существами.

— Это первый контакт землян с инопланетными разумными существами, — мягко сказал Рипу капитан. — Думаю, тебе следует сказать Марву Пэйнтеру, что нам нужен перевод этих инопланетных импульсов, причем быстро.

[1] СПР — Служба подавления радиопомех.

Лицо Рипа Холлидея залила бледность, и веснушки проступили еще отчетливее.

— Уже бегу, Джон. То есть сэр.

Дверь приоткрылась, и рыжий радист выскочил из каюты. Оставшись в одиночестве, капитан сел, посмотрел на стереографии жены и трех своих сыновей и молча выпил стакан гатораджа. Потом нажал кнопку интеркома.

Капитан Макрой сообщил команде, что до тех пор, пока не будет доказано обратное, следует придерживаться предположения, что они вступили в контакт с инопланетным разумом, но намерения инопланетян пока неизвестны. Он умолчал об одном: согласно уравнению Рэнда-Орея, вероятность того, что первый контакт окажется недружественным, равняется 98,7 процента. Капитан решил не сообщать об этом до полного выяснения намерений. Предчувствие бедствия может отрицательно сказаться на функционировании такого сложного механизма, как экипаж космического корабля.

Инженер Дув Макдермот прошелся вдоль нижнего мостика, остановился и в двенадцатый раз за час проверил показания приборов. Стрелки спокойно стояли на зеленых делениях, как им и полагалось. Но с того момента, как инженер узнал, что до контакта осталось 2,0045 часа, он не мог заставить себя оторвать взгляд от приборов.

— Интересно, на что они похожи? — спросил Энди Томпкинс, второй помощник заместителя капитана по инженерной части. Лицо у него было добродушным и рассеянным, но кадык слегка подрагивал.

— На каких-нибудь чертей, — ответил Макдермот. Позже он вспомнил собственные слова и подумал — не было ли это проявлением предвидения, вызванного стрессом?

— Ну что, Марв, как движутся дела? — спросил капитан.

— Отлично! — отозвался Марв Пэйнтер, застенчивый и худой гений кибернетики. — Мы получим осмысленный текст, как только я соединю регенеративный фильтр импульсов с воспроизводящим контуром и с банком лингвистических данных в компьютерной памяти второго порядка.

— Ты хочешь сказать, мы сможем понимáть их? — спросил капитан Макрой.

— Да, черт побери! Мы получим не перевод в полном смысле этого слова, поскольку не располагаем их словарем. Но если приказать компьютеру подобрать звуковое соответствие среди подходящих по смыслу возможных терминов и сохранить постоян-

ную обратную связь, а затем очистить текст от иерархических отличий, то мы получим достаточно точный аналог послания. Однако это всего лишь моя рабочая гипотеза, сэр. Если вы захотите испробовать какой-нибудь другой подход...

— Марв, — перебил его Макрой, — главный закон межпланетного сотрудничества заключается в том, что делом должен заниматься тот, кто в нем разбирается, а кто не разбирается, тот должен сидеть, ковырять пальцем в носу, пить свой кофе и не вякать под руку специалистам. Я всего лишь космический шофер, а ты — кибернетик, и до тех пор, пока речь идет о твоей профессии, решающее слово остается за тобой.

— Спасибо за доверие, кэп! — просиял Марв. — Если бы правительство управляло старушкой Землей так же, как вы — кораблем, человечество давно бы уже достигло процветания.

— Да ну, чепуха, — со старомодной скромностью проворчал капитан. — Я просто следую правилам и обычному здравому смыслу, смягчаю правосудие милосердием, считаю, что каждый человек — это целый мир, и не обращаю внимания на социальные различия, навязанные существующей табелью о рангах. Ну так как, это твое снаряжение работает?

Марв Пэйнтер включил приемник. Экран трансляционного усилителя ожил, и на нем появилось изображение рубки инопланетного корабля. За пультом управления сидело существо с двумя ногами. Но на этом его сходство с гуманоидами и заканчивалось. Существо было черно-зеленым, массивным, около восьми футов высотой. Кажется, у него был хитиновый панцирь, во лбу торчала антенна, а глаза росли на стебельках. К тому же существо обладало широким ртом, в котором виднелись острые белые зубы — в два ряда, как у акулы.

Инопланетянин громко произнес:

— Приветствую вас, низшая, червеподобная, слегка разумная форма жизни. Я — Танатос Суперзад, капитан-генерал Малахитового Выводка, лорд Хищного Редута, чрезвычайный герцог О'Нелли и носитель множества других титулов как наследственных, так и дарованных. Падайте на колени, низкородные мерзавцы, и приветствуйте тех, кто превосходит вас в умственном, моральном и физическом отношении. Назовите ваше имя, звание, личный номер и изложите в двадцати словах причину, которая помешала бы мне переломать вам все кости.

— Он говорит как-то странно, — сказал Макдермот.

— Странно и недоброжелательно, — нахмурился капитан. — И не очень понятно.

— Это потому, — пояснил Марв, — что компьютер при переводе речи инопланетянина подбирает наиболее близкие земные

идиомы, выбирая их из своего банка данных. Вот она и звучит немного странновато.

— Но эмоциональное и смысловое содержание передано точно? — спросил капитан.

— Боюсь, да, — с несчастным видом признался Марв.

— Тогда, похоже, у нас проблемы. По первому впечатлению мне кажется, что этот инопланетянин настроен недружелюбно.

— И мне тоже, — все с тем же несчастным видом сказал Марв. — Сэр, я полагаю, он ждет ответа.

— Ну, я ему сейчас отвечу! — мрачно сказал капитан и включил микрофон. Гневные слова переполняли его, словно газ, расширяющийся в соответствии с законом Бойля. Но Макрой заставил себя пустить в ход уравнение Мартинса-Тернера, являющееся обязательной частью гипноподготовки каждого человека с уровнем интеллекта выше четырех. Капитан мгновенно обрел ледяное спокойствие и способность объективно оценивать происходящее. Он подумал: «Я услышал слова, которые могут соответствовать, а могут и не соответствовать объективной реальности. В любом случае мне не следует давать волю эмоциям. Я должен попытаться: а) объективно оценить ситуацию, б) по возможности обернуть ее на благо Земли и человечества».

«Благодарение богу за Карнеги!» — подумал капитан и произнес в микрофон:

— Приветствую вас, Танатос Супербум. Я капитан этого корабля. Меня зовут Макрой. Я настроен дружелюбно и миролюбиво, как и вся моя раса. Я желаю вам добра и надеюсь, что и вы желаете мне того же.

— Месть, смерть и преисподняя! — возопил Суперзад. — Американским духом пахнет! К чертям добро — не мир, но меч! Пусть выживает сильнейший! На войне как на войне! Если враг не сдается — его уничтожают!

— Даже если сделать скидку на анахроничные аналогии, слова этого парня звучат многозначительно и истерично и, похоже, сулят нам множество проблем, — сказал капитан. Потом он снова включил микрофон и спросил Суперзада, нельзя ли решить вопрос мирным путем.

— Мир — это слово для красных пидарасов! — фыркнул инопланетянин. — Но у меня есть для вас предложение. Либо вы будете немедленно аннигилированы невероятной силой наших смертоносных лучевых пушек, после чего наш космический флот уничтожит ваш флот, а затем мы завоюем Землю, вживим всем землянам в мозги специальную радиосхему, превратим их в рабов и обречем на судьбу, которая хуже смерти. Но вы можете избрать другую альтернативу.

— Какую же?

— Ну, все то же самое. Однако если вы не станете сопротивляться, мы будем обращаться с вами получше.

— Оба варианта для нас неприемлемы, — мрачно сказал капитан Макрой.

— Тогда мне остается лишь сказать вам — берегитесь! Выигрывает тот, кто тоньше чувствует. Берегись, чужак, мы с моими ребятами намерены вытряхнуть дерьмо из вашей компашки, мы не собираемся сообщать вам, как будем это делать!

Капитан выключил приемник и мрачно приказал экипажу разойтись по своим постам. Мысленным усилием Макрой урегулировал температуру кожи и уровень адреналина в крови. Он чувствовал, что настает время тяжких испытаний.

Глава 24

ЧТО СЛЫШНО НА ДРУГОМ УРОВНЕ

В месте, расположение которого нельзя описать в терминах пространства-времени, встретились три существа. Для встречи все они приняли человекоподобный вид, хотя ни для кого из них он не являлся «нормальным». Их предводитель, известный высотой своего этического развития, в беседе называл себя Ка. Его прекрасное тело и великолепно вылепленную голову окружало слабое сияние.

— Полагаю, объяснения не нужны, — сказал Ка. — Всем присутствующим известно, что в соответствии с незыблемыми законами дуализма флотилиям Земли и Суперзада суждено столкнуться. Мы также знаем, что Земля олицетворяет множество хороших вещей, которые мы одобряем, в то время как Суперзад — воплощение зла и всяческой скверны. Я думаю, излишне упоминать, что для нас жизненно важно, чтобы Земля выиграла это сражение. Мы также понимаем, что при нынешнем положении вещей и без нашего вмешательства у Земли остается очень мало шансов на победу. Все согласны, что эти вопросы в обсуждении не нуждаются?

Остальные два существа выразили свое согласие. Один из них, Де Ао, сказал:

— Я тоже согласен с тем, что не стоит обсуждать очевидные вещи. Значит, остается один вопрос: какие формы должно принять наше вмешательство и в какой момент его следует осуществить.

Третье существо, Мэнинг, сказало:

— Мой анализ ситуации совпадает с ранее изложенным. Остаются только вопросы о том, что и как нам следует сделать. Но я о них не заявляю, поскольку о них уже было заявлено.

— Боюсь, — сказал Ка, — что мы не можем позволить себе оказать Земле какую бы то ни было помощь.

Собеседники в ужасе посмотрели на него.

— Землю следует предоставить ее судьбе, — продолжил Ка, — по причинам, которые станут очевидными для вас, если вы на некоторое время перейдете на десятый уровень Фурнеанского рационализма.

Другие два существа последовали рекомендации и пришли к тому же выводу, что и Ка.

— Это очень печально, — сказал Мэнинг.

Глава 25

СЛУЖБА ЭКСТРЕМАЛЬНОГО СНАБЖЕНИЯ

— Мы доставим то, что вам нужно, туда, куда вам нужно, — сказал мистер Монитор.

— Это именно тот вид услуг, в котором я нуждаюсь! — воскликнул Мишкин.

— Конечно, нуждаетесь. Все в них нуждаются. В наше время мир стал слишком сложным и запутанным, чтобы люди могли самостоятельно решать свои проблемы. У них тогда не останется времени ни на что другое. Люди должны заниматься своими делами. А наше дело — поставлять все, что нужно для решения их проблем. Мы занимаемся своим делом, а вы получаете возможность заниматься своим. В результате все счастливы.

— Это звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, — сказал Мишкин.

— Но так оно и есть! — скромно заметил мистер Монитор.

— Мне нужна запчасть для двигателя, — сказал Мишкин. — Узел номер Л-1223А.

— Слушаю и повинуюсь! Вы готовы его оплатить?

— Запишите на мой счет.

— Вот клиент, любезный моему сердцу! Запчасть номер Л-1223А сейчас будет доставлена.

Мистер Монитор показал Мишкину посвященные их службе рекламные статьи в «Нью-Йорк таймс», «Нью-Йорк мэгэзин» и «Сельском вестнике». Все отзывы были восторженными. Какие тут еще нужны рекомендации? Мистер Монитор удалился.

Мишкин сел на ступени и принялся ждать. Несколько часов спустя он услышал шум мотоцикла. Из леса выехал человек в кожаной куртке, украшенной бахромой, и в замшевых брюках. К заднему сиденью мотоцикла был привязан большой пакет.

В пятидесяти ярдах от Мишкина мотоциклист наехал на пехотную мину. Мотоцикл, водителя и пакет разнесло в клочья.

— Бог дал, бог и взял, — пробормотал Мишкин.

Глава 26

Мишкин бродил по лесу, впитывал картины, запахи, звуки, кожей ощущал воздух, духовным путем постигал величие леса. С губ его рвалась песня без слов, а пальцы отщелкивали какой-то невероятный ритм. В таком вот настроении он набрел на человека, который стоял, прислонившись к дереву.

Глаза у человека были закрыты. Казалось, он не дышит, но, с другой стороны, на мертвеца он тоже не походил. Грудь его была обнажена, и на ней красовалась небольшая бронзовая пластинка с надписью: «Включи меня». А над табличкой — рычажок выключателя.

Мишкин повернул рычажок.

Человек тут же открыл глаза. Он схватился за лоб, покачнулся и упал бы, если бы Мишкин не подхватил его и не помог мягко опуститься на землю.

— Благодарю вас, сударь, — проговорил человек. — Меня зовут, возможно, Алекс Джонкин, и я чрезвычайно вам признателен, хотя, возможно, было бы лучше, если бы вы оставили меня выключенным. Теперь, когда ко мне вернулось сознание, мой страх снова грозит поколебать шаткую нормальность моей психики.

— А что вас беспокоит? — спросил Мишкин.

— Я слышал голос, который произнес: «Чтобы убить его всего, надо убить все его «я». Я вдруг понял, что тайна выживания заключается в сокрытии того факта, что твоя личность является множественной. Это можно назвать первой линией обороны. Вторая линия обороны — присутствие этих множественных личностей и их взаимодействие. Я внезапно понял, что мои личности были убиты одновременно или настолько близко к одновременности, насколько это возможно, чтобы они не успели понять, что происходит, и принять меры по обеспечению своей безопасности. Вы улавливаете мою мысль?

— Да, наверное, — сказал Мишкин.

— Тогда вы — сумасшедший. Я умолкаю. Теперь мой Обвинитель скажет несколько слов.

Обвинитель спустился с дерева и встал перед Мишкиным. Он укоризненно жевал яблоко.

— Не должно тебе включать то, что было выключено! — строго произнес Обвинитель.

— Послушайте, — сказал Мишкин, — если бы бог не желал,

чтобы этого человека включили, он бы не поместил на его груди рычажок.

— Да, действительно... Но в своей неизъяснимой мудрости господь создал этот рычажок способным к выключению!

— Однако господь также поместил на груди этого человека табличку «Включи меня».

— Толкование воли божьей — опасное самомнение! — заявил Обвинитель.

— Я не собираюсь потворствовать своему самомнению, — возразил Мишкин, — но мораль этого события кажется мне абсолютно ясной, а именно: нельзя оставлять людей с рычажками на груди на ваше попечение.

— Что я слышу?! — возопил Обвинитель. — Что вы говорите?! Вы что, совсем ума лишились?!

— А что я такого говорю? — спросил Мишкин. — Что случилось? Где я?

— Ваши действия будут изучены, — сказал Обвинитель. — О результатах вам сообщат.

Глава 27

В ЗАЛЕ КРИВЫХ ЗЕРКАЛ

В людях можно вызвать автоматизм. В действительности можно сказать, что автоматизм — это и есть люди. Нами управляют наши эмоции. Мы плывем по течению, в зависимости от того, чего мы хотим и чего не хотим, чего мы желаем и что желает нас.

Возьмем какой-нибудь предмет — да хоть апельсин. Но сознание отвергает круглый оранжевый апельсин — оно парадоксальным образом считает его квадратным. Хорошо, возьмем что-нибудь другое. Но мы уже прилипли к этому апельсину, к его толстой пупырчатой шкурке. С апельсином связано множество ассоциаций, и большая их часть банальна. Следовало бы составить список предметов, с которыми позволительно ассоциировать апельсин.

Никаких апельсиновых заводов и заводных апельсинов! Апельсины занимают слишком выдающееся место. Возьмем апельсин. Мы взяли уже достаточно апельсинов. Апельсин — это плацебо, то есть безвредное лекарство для ума. Почему бы не взять что-нибудь посущественнее? Что-нибудь такое, что можно легко и наглядно представить, что может породить множество новых сюжетных ходов. Но более существенные вещи утомительно запутаны. Эти самые более существенные вещи все ходят и ходят кругами, и

в конце концов упираются в апельсин. И еще они полны неприятностями. Возможно, нам лучше вернуться к апельсину.

Возьмем апельсин. Возьмем его быстро, чтобы он не успел взять нас. Мир апельсинов недостаточно изучен, в нем до сих пор много непонятного.

Рассмотрим тему Мишкина и апельсинов. Многие годы Мишкин мало думал об апельсинах. По крайней мере, похоже на то. Но нам известно, что отсутствие некой вещи предполагает ее присутствие. Таким образом, мы можем доказать присутствие апельсинов в сознании Мишкина, а отсюда начать выводить прочие взаимосвязи.

Одно мы можем утверждать точно: Мишкин никогда не осознавал своего отрицательного тяготения к апельсинам. Мишкин и антиапельсин. Апельсины и анти-Мишкин.

Тем не менее, мы не должны класть в основу своих рассуждений простое противостояние, ибо это будет ошибкой. Сверхопределенное невнимание Мишкина к апельсинам может не подразумевать противоположности. Скорее, здесь следует употребить фигуру речи, известную как оксюморон, и сказать о единстве противоположностей. Несоответствие не обязательно должно быть взаимным. А в оксюмороне[1] взаимность теряется.

Глава 28

— В здешних местах, — сказал робот, — водится животное, которое убивает от скуки. Голос у него твердый и властный. Его заявления неоспоримы и невероятны. Его внешний вид безупречен и противен. Ты пожелаешь его смерти в тот же момент, как только увидишь его, хотя оно и не делает совершенно ничего дурного. Оно очень убедительно сообщит тебе об этом. Напряжение станет невыносимым. Твоя неспособность к действиям породит апатию, а однообразие твоего положения ее усилит. А поскольку ты не сможешь убить его, то покончишь с собой.

— А где это животное сейчас? — спросил Мишкин.

— Ловит рыбку на обед. При этом оно читает рыбам лекцию об их неотъемлемых правах.

— Прошу прощения! — возмутилась рыба. — Еще ни одна рыба не умерла со скуки!

— А ты заткнись! — огрызнулся робот.

[1] Оксюморон — сочетание противоположных по значению слов.

Глава 29

НЕРАЗБЕРИХА ДАЕТ КЛЮЧ К ПОНИМАНИЮ

Мишкин увидел, что на плоском белом камне стоит великолепный белый телефон. Когда Мишкин приблизился к телефону, тот зазвонил.

Мишкин поднял трубку и сказал:

— Алло!

— Том? Том Мишкин? Это ты?

— Да, я, — отозвался Мишкин. — А кто меня спрашивает?

— Это твой дядя, Арнольд Эпштейн. Ну что, Том, как дела?

— Да ничего, — ответил Мишкин. — Только вот некоторые проблемы...

— А кому легко? Ну, а со здоровьем все в порядке?

— В порядке, дядя Арнольд. А как ваше здоровье?

— Можно сказать — неплохо. Том, как я рад тебя слышать!

— Дядя Арнольд, а как вам удалось позвонить мне сюда?

— Это был подарок от фирмы «A&P». Я оказался их миллионным клиентом за утро, и они присудили мне корзину с бакалейными товарами и право сделать один звонок, кому и куда я пожелаю.

— Ну, это здорово, что ты позвонил именно мне! Я ценю твою любезность.

— Я очень рад услышать твой голос. Слушай, Том, как там поживают твои родители?

— У них все нормально.

— А у твоей сестры?

— Тоже. Она сейчас в Европе.

— Это хорошо. А ты сейчас где? Я не разобрал, что там сказал телефонист.

— Я на планете, которая называется Гармония.

— Ну и как — приятное место?

— Пожалуй, да.

— Ну ладно, желаю тебе хорошо отдохнуть. Том, я могу что-нибудь для тебя сделать?

— Честно говоря, да, — признался Мишкин. — У тебя есть под рукой карандаш и листок бумаги?

— Ты же знаешь, Том, я без них никуда.

— Тогда запиши: узел Л-1223А. Он мне просто позарез нужен.

— Записал. А что, там, где ты находишься, нету станций техобслуживания?

— Нет, дядя Арнольд, нету. Гармония — довольно отсталое место.

— Вроде Тобаго?

— Даже хуже. Дядя Арнольд, мне нужно, чтобы этот узел доставили сюда срочно, с самым быстрым из имеющихся ремонтных кораблей.

— Считай, что он уже у тебя, Том. Помнишь Сеймура Галстейна, сына Герты, лучшей подруги твоей тети Рейчел? Так этот Сеймур работает полевым экспедитором «Межпланетной системы доставки» Ф. Б. Кроули. Я сегодня же добуду этот узел, передам его Сеймуру, а он перешлет его тебе за пару часов, ну самое позднее — за день.

— Замечательно, дядя Арнольд. А его на самом деле могут доставить так быстро?

— Положись на меня, Том. Разве твой дядя Арнольд тебя когда-нибудь подводил?

— Не знаю, как вас и благодарить, дядя Арнольд!

— Не за что, Том. Желаю удачи. Позвони мне, когда вернешься домой.

Мишкин повесил трубку, откинулся назад и расслабился. Если дядя Арнольд что-то пообещал, он это сделает. Правительства могут давать обещания, которые они не в состоянии исполнить. Ученые могут переоценивать свои достижения. Роботы могут преувеличивать свою силу. Но дядя Арнольд действительно приводит мир в движение, пока все остальные стоят. Возможно, дядя Арнольд немножко скучноват, но он абсолютно незаменим. Когда Геракл держал на плечах небо, сам он при этом стоял на спине у черепахи — так вот ту черепаху тоже звали Арнольдом.

Глава 30

Мишкин и робот подошли к дереву, на кончиках ветвей которого располагались голубые глаза, обрамленные густыми ресницами. Все эти глаза повернулись и уставились на Мишкина.

— Я так и думал, что вы пойдете этой дорогой, — сказало дерево. Голос исходил из висевшего на стволе громкоговорителя. — Надеюсь, вы не станете отрицать, что вы — Том Мишкин?

— Да, это я, — сказал Мишкин. — А вы кто такой?

— Я — сборщик платежей, замаскированный под дерево, — ответил сборщик платежей, замаскированный под дерево.

— Боже милостивый! — воскликнул Мишкин. — И вы шли за мной по пятам аж до Гармонии?

— Да, так оно и было. Это весьма любопытная история. Дело было так. Мистер Оппенгеймер, глава агентства «Ультра Плюс», в котором я служу, дробил камни в местной секции тай-цзи-цюань, и на него снизошло озарение. Оппенгеймер внезапно понял, что

сущность жизни заключается в завершенности и что человек должен оценивать свою жизнь исходя из того, насколько тщательно он исполнил отведенную ему в этой жизни роль. До этого Оппенгеймер был человеком беспечным. Он делал как все: собирал те долги, которые легко было собрать, в трудных же случаях изрекал несколько зловещих угроз и посылал все в болото. Потом Оппенгеймер достиг сатори[1]. «К черту посредственность! — решил он. — Я возглавляю агентство по сбору этих платежей. Следовательно, я должен действовать с этических позиций и стремиться к целостному и завершенному сбору платежей. Возможно, мир не поймет меня, но кто знает вдруг будущие поколения смогут оценить исключительную чистоту моих намерений?»

Так Оппенгеймер вступил на мучительный, донкихотский путь, который может за какой-нибудь год привести его к банкротству. Он созвал всех сотрудников в зал совещаний.

— Джентльмены! — сказал Оппенгеймер. — На этот раз мы будем собирать все. К дьяволу полумеры! Наша цель — стопроцентные выплаты. Пусть нас считают маньяками! Следуйте за должником — не важно, сколько он задолжал, доллар или миллион. Идите за ним хоть на Сан-Себастьян, хоть на Самоа, хоть на Самбал-5, если нужно, и не беспокойтесь о том, сколько это будет стоить. Отныне мы следуем принципам, а принципы всегда непрактичны. Парни, мы опрокинем принцип реальности! А теперь идите и собирайте все долги — до полного завершения.

— Его речь по стилю совершенно четко относится к концу 1960-х годов, — сказал робот. — А у нас сейчас 2138 год или что-то около того. Нестыковочка, однако.

— Иди в задницу! — огрызнулся автор.

— Это был призыв к оружию, — сказал сборщик платежей, прикидывающийся деревом. — Вот почему я здесь, на Гармонии, мистер Мишкин. В результате видения, явившегося одному человеку, я прибыл сюда, чтобы собрать ваши долги, не считаясь со временем, хлопотами и издержками.

— Прямо не верится! — сказал Мишкин.

— И все-таки дела обстоят именно так. Я располагаю векселями по всем вашим задолженностям. Ну что, будете платить или подождете, пока я рассержусь?

— О каких долгах идет речь? — спросил Мишкин.

— Прежде всего о налогах в пользу государства, штата и города. Как насчет задолженности за прошлый год?

— Понимаете, год был тяжелый...

[1] Сатори — в японской философии то же, что кирвала в индийской.

— Вы задолжали дядюшке Сэму восемь тысяч семьсот пятьдесят три доллара. Дальше. Алименты на детей. Решили на годик о них забыть, а, Мишкин? Бедной покинутой Марции и маленькой Зельде вы должны кругленькую четырехзначную сумму. Кстати, Марция завела себе нового друга, а малышку Зельду исключили за неуспеваемость из Маленького Красного колледжа. Марция просила передать вам, что у нее все в порядке, что она еще никогда не чувствовала себя так хорошо и желает получить каждый цент, который вы ей задолжали, иначе она загонит вас в могилу с такой скоростью, что у вас зубы узлом завяжутся. Еще она добавила, что благодаря психоанализу наконец достаточно укрепила свое эго, чтобы сказать вам, что вы всегда были вшивым ублюдком и что у всех просто челюсти отвисают, когда она рассказывает, что на самом деле вы — тайный извращенец.

— Это так похоже на Марцию... — вздохнул Мишкин.

— Идем дальше. Вы задолжали тысячу долларов Марти Баргенфельду. На тот случай, если вы вдруг забыли, напоминаю: Марти — ваш лучший друг. Или был таковым. Я хочу сказать, что Марти по-прежнему считает вас своим другом, но вы по необъяснимой причине охладели к нему. Некоторые даже сказали бы, что вы его избегаете. Однако единственное его преступление заключается в том, что он одолжил вам денег в тот момент, когда вы в них отчаянно нуждались, а именно когда разводились с Марцией и должны были оплатить аборт Моники.

— А как там Моника? — поинтересовался Мишкин.

— Без вас она чувствует себя отлично. Она вернулась в Париж, работает продавщицей в «Галерее Лафайет». Она все еще хранит нитку деревянных бус стоимостью в восемьдесят центов — единственный подарок, который вы ей сделали за время вашего бурного четырехмесячного романа, каковой вы называли «самым волнующим за всю мою жизнь».

— Я был разорен, — попытался оправдаться Мишкин. — И потом, она всегда говорила, что терпеть не может подарков.

— Но вы-то понимаете, что она думала на самом деле, а, Мишкин? Ну да ладно, я вам не судья. Меня тошнит от вашего поведения, осуждаемого любой этической системой, но это мое личное дело и вас оно не касается. Теперь мы переходим в аптеку Бавхауса, что на Бэрроу-стрит, 31, к толстому дружелюбному Чарли Дюку, который с тех пор, как вы впали в зависимость от лекарств, продавал вам дексамил в капсулах, дексадрин в таблетках, либриум, кабритол, нембутал, секонал, дориден и другие препараты в поразительных количествах, — и все на основании просроченного рецепта на фенобарбитал, — и продолжал продавать их до тех пор, пока два года назад не запахло жареным и он не вернулся к торговле эскедрином и губной помадой. Его вы ободрали на сто восемьдесят шесть долларов.

— Чарли и так сделал на мне неплохие деньги, — сказал Мишкин. — Он всегда брал с меня двойную цену.

— Вы об этом знали изначально. Вы хоть раз выразили ему свое недовольство?

— Ну, я так или иначе собираюсь рассчитаться с ним, как только у меня появятся деньги.

— Но у вас никогда не будет достаточно денег, чтобы рассчитаться за транквилизаторы, которые вы покупали в прошлом году, не так ли, а, Мишкин? Мы все не без греха, но это уже просто мерзко.

— Я могу все объяснить! — сказал Мишкин. — Я хочу сделать заявление и прошу, чтобы его занесли в протокол. Факты всегда можно интерпретировать по-разному. Мне нужно время, чтобы взять себя в руки.

У робота в руке появился топор. Он шагнул вперед и проворно обрушил этот топор на сборщика платежей, который тут же и скончался.

— Но я как раз хотел объяснить... — сказал Мишкин.

— Никогда ничего не объясняй, — назидательно сказал ему робот. — Избегай лентяев. Не повторяй чужих ошибок.

— А какую ошибку допустил я? — спросил Мишкин.

— Это будет сказано, — ответил робот.

Глава 31

ИСПОЛЬЗУЙТЕ РЕАЛЬНЫЙ МИР ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Наслаждайтесь визитом в реальный мир! Приобретите человеческий опыт — самый очаровательный из всех!

Теперь вы тоже можете испытать плотскую любовь, неоправданный гнев, вероломство. Вы можете узнать, что такое скука, внутренняя опустошенность, апатия и депрессия.

Радость вашей «жизни» медленно утекает прочь! Почувствуйте неизбежность «смерти», о которой вам «известно», что это погружение в чистое «ничто».

Живите противоречиями! Заведите себе жену и вожделейте к другим женщинам; обладайте ими — и нигде не получайте удовлетворения.

Заведите детей — и почувствуйте беспокойство, любовь, ненависть.

Научитесь тревожиться за свою собственность! Переживайте за свою работу; отождествите себя с тем, чем вы владеете.

Почувствуйте, что такое трусость!

Отравите ваши чувства наркотиками!

Живите с беспробудно спящей моралью, освещаемой тревожащими вспышками «чего-то другого».

Испытайте остроту стремления к «лучшей жизни», боритесь за нее и никогда не достигайте.

Находитесь под воздействием внешних и внутренних стимулов. Будьте пассивны, подчиняйтесь силам, которые не можете взять под контроль.

Заведите себе убеждения, веру, симпатии и антипатии — и все это безо всяких разумных причин!

Почувствуйте отравление верой! Трепещите от религиозной страсти! Не откладывайте это в долгий ящик!

Ангелам моложе 20 000 лет вход в реальный мир дозволяется лишь по письменному разрешению, подписанному лично Господом Богом.

Глава 32

— Не связывайтесь вы больше с этой гипномедициной! — сказал Мишкину Механизм Общей Поддержки Жизненно Важных Органов (или МОПЖВО). — Используйте лучше меня. Я хороший, полезный, красивый и послушный. Вам никогда не придется беспокоиться из-за того, что я сломаюсь и перестану функционировать.

— Вы хотите сказать, что никогда не ломаетесь? — спросил Мишкин.

— Это заявление было бы чересчур смелым. Все сотворенные вещи подвержены порче и поломкам. Ничто не застраховано от неисправности. Наиболее существенный вопрос — как с этими поломками управляться?

— Ну и как же с ними управляться? — спросил Мишкин.

— Если говорить обо мне, — сказал МОПЖВО, — то я обладаю набором бесконечно продублированных внутренних ремонтных систем. Если во мне произойдет поломка, я немедленно починю себя, используя наиболее подходящую к данному случаю систему. Если подходящая система окажется неисправной, я автоматически тут же переключусь на другую.

— Но количество ваших систем все-таки конечно? — спросил Мишкин.

— Да, разумеется. Однако число возможных комбинаций и

перекомбинирований моих систем и подсистем достаточно велико, чтобы в быту можно было употреблять слово «бесконечно».

— Поразительно! — восхитился Мишкин.

— Да, я очень необычный механизм и в совершенстве удовлетворяю всем вашим нуждам. Я могу самостоятельно заботиться о себе. Все, чего я желаю, — это служить вам.

— А что именно вы умеете делать?

— Я умею жарить яичницу, стирать белье, аккомпанировать себе на банджо — вот лишь немногие из моих талантов.

— Это звучит чудесно, — сказал Мишкин. — Я подумаю над вашими словами. Но сейчас я должен указать вам на тот факт, что ваша правая передняя шина спущена.

— Проклятие! — воскликнул МОПЖВО. — Как это некстати!

— Но вы же можете починить ее с помощью своих бесконечно продублированных ремонтных систем, ведь так?

— Боюсь, что нет, — сказал МОПЖВО. — Это необъяснимый недосмотр когда-то сконструировавших меня инженеров. Черт подери! Пора возвращаться к старой чертежной доске.

— Мне очень жаль, — сказал Мишкин.

— И мне, — согласился МОПЖВО. — Мы могли бы идеально подойти друг другу, если бы вы не были так привередливы.

МОПЖВО повернулся, не произнеся больше ни слова, и захромал прочь. Со стороны он выглядел хрупким, трогательным и немного смешным. Сразу после его ухода с ближайшего дерева упали три листика.

Глава 33

О РАСПРОСТРАНЕНИИ И БЫСТРОМ УВЕЛИЧЕНИИ ЧИСЛЕННОСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МОНТАЖНЫХ СИСТЕМ

Орхидиус наблюдал за всей этой сценой. Мишкин спросил его, что он думает по этому поводу.

— Мне непонятен один момент, — сказал Орхидиус.

— Какой?

— Насчет трех упавших листиков. Почему они упали именно в это мгновение?

— Может, это было просто совпадение? — предположил Мишкин.

— Мне приходилось слышать, как машины разговаривают, а животные им отвечают, — сказал Орхидиус. — Люди появлялись и исчезали загадочным образом, явно имея свои тайные цели. Все

имеет свое значение. Но три листика, падающие именно тут и именно сейчас! Вы слыхали что-либо подобное?

— Лично меня больше интересуют чудеса, — сказал Мишкин.

— Меня тоже, — согласился Орхидиус. — Но мы с вами поразному относимся к вопросу о том, что такое чудо.

— А что вы ищете? — полюбопытствовал Мишкин.

— На самом деле — не знаю, — признал Орхидиус. — Но надеюсь, что интуитивно узнаю это, как только найду. А что ищете вы?

— Не помню, — ответил Мишкин. — Но думаю, что узнаю эту штуку, когда увижу.

— Возможно, так даже лучше: не знать, что ты ищешь, — глубокомысленно заметил Орхидиус. — Знание способно помешать поискам.

— А я и не знал, что так бывает, — сказал Мишкин.

— Вы полагаете, это заблуждение? — нетерпеливо спросил Орхидиус. — Мне всегда хотелось впасть в настоящее заблуждение. Так сказать, заблудиться по-настоящему.

— В жизни не видал такого легкомыслия! — не выдержал робот.

— А я полагал, что легкомыслие — вполне допустимый путь к спасению, — мягко произнес Орхидиус. — Так это или нет, но это мой путь. А теперь мои искания влекут меня дальше. До свидания, джентльмены.

На опушке леса Мишкин и робот увидели хижину, на двери которой красовалась корявая надпись: «Гостиница «На четырех ветрах». На пороге стоял Орхидиус, одетый в домотканую рубаху и кожаные штаны. Он поприветствовал путников.

Мишкин удивился, встретив своего друга здесь в роли хозяина гостиницы, но Орхидиус заверил его, что нет ничего более естественного. Он рассказал, как пришел сюда. Он устал, ему хотелось пить, а больше всего его терзал голод. Набрав трав и овощей, он сварил суп. Затем поймал кролика и потушил его.

Пришло еще несколько человек, усталых и голодных. Орхидиус поделился с ними тушеным кроликом, а они помогли ему построить хижину. Стали приходить другие люди. Орхидиус их кормил. Иногда у них были деньги, иногда не было, но обычно они тем или иным способом расплачивались за еду. Им казалось совершенно естественным, что гостиница должна быть именно здесь, а не где-нибудь в ином месте, и что ее должен содержать Орхидиус. Им даже в голову не приходило, что Орхидиус просто шел мимо, как и они сами, и что его, возможно, тоже ждут другие места и другие обязанности. Они считали Орхидиуса естественной и необходимой частью местного пейзажа, поскольку верили, что если путники нуждаются в гостинице, то она просто обязана появиться. А согласно вселенским законам, в комплект каждой гостиницы входит ее хозяин.

Через некоторое время Орхидиус согласился с этой точкой зрения. Он повесил объявление о том, что гостинице требуется горничная. Он жаловался, что кролики теперь пошли не те, что прежде. Он подозревал в каждом посетителе санинспектора. Он строил планы расширения гостиницы, собирался купить автомат, делающий мягкое мороженое, и добиться привилегий от Говарда Джонсона. А кроме того мечтал посадить вокруг гостиницы пальмы и устроить скрытую подсветку.

— Но как вы ухитрились вляпаться в эту историю? — спросил Мишкин.

— Тогда это казалось вполне разумным, — ответил Орхидиус. — Да и сейчас кажется таковым.

— Мне, пожалуйста, одноместный номер с душем, — попросил Мишкин. — И канистру бензина для моего робота.

— Обычного или особого? — спросил Орхидиус, потом внезапно разрыдался и написал записку: «Гостиница закрывается по причине того, что ее хозяин вновь последовал своим Путем». Он повесил записку на дверь и ушел в неизвестном направлении, не взяв с собой ничего, кроме телевизора на батарейках и пары золотых слитков.

Глава 34

Мишкин и робот пошли дальше. По дороге им попалось дерево, на стволе которого было вырезано: «Здесь был Орхидиус, идущий своим Путем».

На другом дереве красовалось: «Этот Путь принадлежит Орхидиусу».

На третьем: «Вы все — лишь эпизодические роли в фильме, имя которому — «Жизнь Орхидиуса».

— Что-то мы слишком часто встречаемся, — заметил Мишкин. — Вам не кажется, что мы — одна и та же личность?

— Ни в коем случае, — отрезал Орхидиус. — Вы логичны, реалистичны, целеустремленны, у вас есть собственная личность, собственная история и даже некоторые характерные черты, в то время как я — абстрактный образ, который скользит по миру без причин и целей.

— Мой путь предопределен свыше, — сказал Мишкин. — Это тоже необычно. Со мной происходит слишком много всяких событий. Я не могу противостоять переменам.

— И я не могу. Возможно, мы неправильно действуем.

— Вы оба действуете правильно, — подал голос робот, — и вы — один и тот же человек и в то же время — разные люди, и вы идете одним путем, даже если пути ваши разные.

— А не мог бы ты объяснить, что все это значит? — спросил Мишкин у робота.

— Нет, не могу, — ответил робот. — Роботам позволено иметь лишь небольшой запас мудрости, а я сейчас израсходовал все, что мне было отпущено на неделю.

Всю неделю робот был в состоянии лишь поочередно переставлять ноги. Он не мог ни смазывать себя, ни выполнять простейшие поручения и даже на самые простые вопросы отвечал до смешного нелепо.

Через неделю он восстановился и мог бы объяснить, что все это значило. Но Мишкин не стал ни о чем спрашивать. Мишкин любил, чтобы его еда была хорошо приготовлена, а одежда — тщательно выстирана. Ему не хотелось менять хорошего слугу на мудреца сомнительной квалификации. А робот и сам не возражал.

Глава 35

ДОКТОР СОПОСТАВЛЕНИЙ

— Великий Скотт, Макгрегор, я верю, что каким-то необъяснимым образом мы прошли через лицевую сторону поперечника пространственно-временного континуума и действительно вернулись на Землю и теперь видим все через измененные топологические пропорции, что свидетельствует о тончайших переменах, происшедших в нашем восприятии реальности!!!

Глава 36

ПРАЗДНЕСТВО РАЗУМА

Особые технические приемы, пробудитесь!

Загипнотизируйте себя и станьте собою. Возбудите свои центры восприятия. Не подчиняйтесь сигналам, исходящим от бесчувственных старых сенсоров. Доверьтесь вашему внушению. Доверьтесь вашему самовнушению. Доверьтесь вашему автоматическому самовнушению. Новые технические приемы зависания подсознания позволят вам подсознательно автоматически загипнотизировать себя, даже не подозревая об этом!!!

Обходитесь без наркотиков при переживаниях, которые стимулируют наркотическое стимулирование переживаний, которые можно достичь только посредством общения с Высшим Сознанием.

Наслаждайтесь во сне сексуальным общением без партнера.

Придайте вашему разуму мощность компьютера: вы можете сделать это/это может сделать вас.

ВЫХОД ЧЕРЕЗ ВХОД! ВЫХОД ЧЕРЕЗ ВХОД! ВЫХОД ЧЕРЕЗ ВХОД!

Продаются или сдаются внаем следующие маги: упитанный индийский мастер — говорит на непостижимо цепком английском языке, носит тюрбан, готов к перевозке. Китайский мастер — обладает таинственной улыбкой и набором инструментов для иглоукалывания, никогда не верил в коммунизм, предпочитает путешествовать. Британский мастер — специализируется на дисциплине, именуемой «ментальная ограниченность как путь к свободе», не верит в социализм, слушает тяжелый рок. Американский мастер — би-сексуально-полярен, давно ни во что не верит, учитель общего пути сурового индивидуализма, знает большое количество мандал, мантр и ятр, пользуется рациональным мистицизмом для достижения источаемых разумом прагматических эффектов, обладает обезоруживающей мальчишеской улыбкой, носит кожаные штаны с бахромой, не верит в причинно-следственные связи, но все же платит налоги, по шкале шизофрении имеет отметку 35,2, сексуально раскован, не считая тех моментов, когда охвачен беспокойством...

Орхидиус посетил Празднество Разума. На нем была головная повязка, свободное одеяние и сандалии. Он широко употреблял священные жесты великого могущества и бережливости. Он завел собственный шатер и два дня с большим успехом предсказывал будущее, но на третий день вернулся к предыдущему воплощению и превратил шатер в палатку, торгующую хот-догами.

Мишкин бродил, глазел на празднество и ел сахарную вату. Его, как и всех окружающих, одолевали противоречивые воспоминания о временах молодости. Он улыбался вежливо и пренебрежительно, как и все вокруг. Но это не отражало его истинного отношения к происходящему. Мишкин был тайным пилигримом. Он жаждал отделаться от своей сумки, от круга принуждений, от смущения, от скучной новизны. Как и прочие присутствующие.

А когда начнется экстаз?

Глава 37

МАГ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

Вопрос: Приближение к просвещению включает в себя определенное противоречие, которое служит примером двойственности личности управляющего людьми мудреца. Проблема всегда сводится к одним и тем же вопросам: почему вождь предал нас? Он счел нас недостойными? Или предательство — это тайное деяние любви, совершенное для того, чтобы позволить нам самостоятельно разработать завершающий этап наших судеб? Или вождь утратил свою силу? Или, возможно, у него вообще никогда не было никакой силы? В какую же историю мы влипли?

Ответ: Возможно, это проявление божественной двусмысленности: сложности громоздятся друг на друга, все вещи и явления превращаются в нечто иное, во всем царит неопределенность. Такая фабула вас устроит? А как насчет того, что любой маг сочетает забаву с выгодой? Он вас надувает. Вы рассуждаете о божественной духовности, а он потихоньку посмеивается в свой вышитый рукав. Не очень хорошо с его стороны. Это вам больше нравится?

В.: Но что здесь происходит? Почему ничего не срабатывает?

О.: Должен ли я взять вас за руку? Отлично, но куда я должен вас препроводить? Конечно, я мог бы навести порядок, и мы все станцевали бы менуэт. Не хотелось бы вас смешить, но на самом деле существует некоторый предел. Вы действительно хотите прогуляться по английским паркам, которые обещают вам рекламные проспекты? Возможно, вам это и вправду понравится, но как быть со мной? Мне тоже хотелось бы развлечься. Ну вот, я заговорил, как раввин, читающий нравоучения, и я замечаю, что Мишкин как раз попал в очень интересную ситуацию, так что давайте заглянем в дом на Ивовой Дороге и посмотрим, что там происходит.

Глава 38

— Но, профессор Макинтош, с чего вы взяли, что мы действительно вернулись на Землю?

Профессор мягко улыбнулся и взмахнул тростью.

— Видите вон те цветы? Это Hemerocallius fulva, в просторечии именуемая лилией-однодневкой. Они широко распространены на территории Соединенных Штатов. Как вам известно, сии оранжевые цветки раскрываются лишь на один день, — хотя это

еще не является неопровержимым доказательством, но уже достаточно весомое косвенное свидетельство, — словно форель в молоке, как сказал Торо[1].

Глава 39

Мишкин ухватился за начавшее расплываться лицо. Нос растаял и перетек на щеку, глаза объявились среди волос, рот размягчился и размазался, все выступы расползлись какой-то дурацкой замазкой, и Мишкин скользнул по неизменному щебету ласточки, и дальше, через ночь, в Огайо, с ее цикадами, хрипло стрекочущими в живых изгородях, и проводами, чернеющими на фоне неба, словно диаграммы, отражающие твою жизнь.

Все было так и не так. Больше всего это походило на тихие летние ночи в старом доме в Рашморе, штат Миссисипи, когда почти непереносимая сладость льнет к влажной ткани, обтягивающей ягодицы спящей девушки, и вы, несмотря на всю вашу молодость, понимаете — то, что с вами происходит, придет и уйдет, а темная извилистая река — мать прошлого, спутница настоящего, плакальщица невозвратного будущего — останется навсегда.

Глава 40

МУЗЕЙ МИШКИНА

Рогатка. С этим оружием в руках Мишкин проложил себе путь сквозь бесчисленные фантазии. Позже он сменил рогатку на «М-1» и теперь прокладывает путь через те же самые фантазии.

Обертка от масла. Как-то раз Мишкин съел целый фунт масла за один присест и запил его квартой холодного молока. Теперь он живет вдали от дома и питается крайне умеренно.

Индейская военная дубинка. Мишкин сделал ее в лагере. В том же самом лагере он сделал Мэри Лу Уоткинс, но другим способом. Позднее Мишкин таким же способом сделал множество народу. Теперь он путешествует.

Заплесневелый номер газеты «Старый Черный Джо». В детстве Мишкин не думал о неграх. Теперь, став взрослым, он не думает о черных. Но он говорит о них и видит их во сне.

[1] Торо — американский писатель, мыслитель.

Моментальный снимок матери Мишкина в возрасте двадцати трех лет. Мишкин считает, что плохо заботится о своей матери. Он также считает, что мало думает и о себе.

Учебник санскрита. Когда-то Мишкин хотел выучить его, чтобы читать «Упанишады» в оригинале. Теперь он не читает их даже по-английски.

Глава 41

Мишкин вознесся на небо на огненной колеснице и встретился там с Господом Богом. Он пал ниц перед Богом и воскликнул:

— Господи, я грешен! — ему показалось, что в данной ситуации эти слова будут наиболее уместны.

Но Бог улыбнулся, поднял Мишкина и заявил:

— Скорее следует сказать, что это я грешен. Твои грехи — всего лишь недостатки, которые я вложил в тебя, дабы проверить тебя, и ниспослал тебе тяжкие испытания, дабы ты мог преодолеть их. Такой способ действий может показаться несколько странным, но именно он категорически рекомендуется на сто второй странице бестселлера «Быть Богом — непростое дело». Этот труд был создан на симпозиуме парижских интеллектуалов и американских хиппи и опубликован Божественным институтом, который имеет свои представительства в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Ибице и Катманду. Предисловие написал ваш покорный слуга.

— Я не выдержал решающих испытаний, — сказал Мишкин. — Я подлый, гадкий, алчный и эгоистичный человек.

— Только не впадай в мазохизм, — посоветовал Бог. — Здесь есть и любовь, которая превыше понимания, и понимание, которое превыше любви. Разве не говорил я, что последние станут первыми?

— Ты добр, — сказал Мишкин. — Но я действительно не понимаю.

— Понимание — это пройденный этап, — изрек Бог. — Успокойся, Мишкин, в твоих сомнениях нет ничего странного. А теперь мне, пожалуй, пора отдохнуть.

Глава 42

— Я думаю, — сказал Мишкин, — что пришло время подвести итоги и перейти к действиям.

Загрохотали двигатели космических кораблей. Где-то заплакало дерево.

— Возможно, я плохо понимаю, что мне нравится, зато я отлично знаю, что мне не нравится! — заявил отец Мишкина.

Если верить Анджеле, соседи были тайной.

— Не принимайте ничего в расчет.

— Но что вы называете тайной?

Клер не могла этого объяснить, но интуитивно она чувствовала, что пришло время подвести итоги и перейти к действиям.

— Так дело не пойдет.

Мишкин знал, что это правда и неправда. Он любил Клер и ненавидел ее за это. Это был сложный мир, но что с того?

Мишкину нравились сложности.

— Прошу прощения, капитан, похоже, у спускового механизма полетела несущая ось.

Что-нибудь в этом духе, но без перехлестов. Ему нравились сюжетные линии, за которыми можно следить, размышляя при этом о своем.

— Убери от меня эту дрянь! — сказала Алиса. — И вообще, это не твое дело.

Не мое дело? Тогда зачем суетиться, возводя дворцы из сковородок, зачем искать драгоценный камень в голове жабы? Подлежащее и сказуемое следует согласовывать — с этим никто не станет спорить, чего нельзя сказать о других темах.

Мишкину стало любопытно, как выглядит космический корабль. С чем его можно сравнить? С ним самим? «Космический корабль точь-в-точь похож на космический корабль». Джейн покачала головой. Отец Мишкина тоже покачал головой. Мишкин попытался поиграть на флейте. У него ужасно чесалась кожа. И еще ему хотелось придумать, с чем можно сравнить космический корабль. Только чтобы не с ним самим. Мишкин решил купить игрушечный космический корабль и описать его.

Глава 43

СПЕЦИАЛИСТ НАЗЫВАЕТ ОКО КОСМОСА ГЛАВНОЙ ПРИЧИНОЙ ОДЕРЖИМОСТИ

Глаза Мишкина устремились на представшее перед ними зрелище и превратились в то, что увидели. Глаз является мощным органом адаптации. Мишкин также является мощным органом адаптации. На глазах Мишкина лежало проклятие. Теперь он увидел спаржу и яйца, сваренные вкрутую, и превратился в то, на что упал его взор.

Глава 44

ДОКТОР МИШКИН ПРОВОДИТ ОПЕРАЦИЮ

Мишкин жестом исследователя прикоснулся к голове юной девушки. Потом он быстро поднял вверх две защелки, разделил череп пополам и достал оттуда микросхему. Вскоре Мишкин обнаружил неисправность и исключительно компетентно ликвидировал ее, имея в качестве подсказки лишь инвентарный список, расположенный на внутренней поверхности левой половинки черепа. Затем он снова совместил половинки черепа, проследив, чтобы защелки встали точно на место. Девушка заморгала и проснулась, излечившись от нервного тика и ночного энуреза.

Глава 45

ПРЕЖДЕВРЕМЕННЫЕ ВЫВОДЫ

Несчастный Рамсей Дэвис напоролся на декоративную железную ограду между Тринадцатым и Пятидесятым. О хорошенькой застенчивой Маргарет Онгер мало что известно. Последний раз ее видели, когда она уносилась в бескрайние просторы Арктики на воющей собачьей упряжке, завывая не хуже своих псов. Псы переговаривались между собой: «Гав, приятель, ну и странная же здесь местность! Хорошо бы поскорее выбраться отсюда». Юный Дэвид Брумсли умер в корчах, лицо его исказил ужас. Сам Мишкин был превращен в репу злым волшебником и по рассеянности съеден Ричардом Саутеем с Чаринг-Кросс. Ормслей никогда не умирал. Он и поныне живет в Сан-Мигеле-де-Альенде, но его нос скончался в довольно необычном дорожно-транспортном происшествии. Орхидиус отбывает в Фулсомской тюрьме десятилетний срок за мошенничество. Он клянется, что ни в чем не виноват. Желающие оказать ему материальную поддержку могут пересылать деньги автору — автору, а не издателю! — а я сделаю все, что смогу, чтобы поддержать этого бедолагу. Разнообразные существа, упоминавшиеся в данном опусе, умерли при разнообразных обстоятельствах. Автор этих строк хотел бы отойти в мир иной с рычанием, но, возможно, ему придется ограничиться сопением. Мир вам. А тем, кто ложится спать, — спокойного сна.

Глава 46

Мишкин изящно скользил по жизни, то и дело останавливаясь, чтобы переодеться в джинсовую рубашку, замшевые штаны и черную бандитскую шляпу, и делая паузу, чтобы съесть незапланированную пиццу. Мишкин, с его прищуром, выработанным ветром времени, с еле заметной улыбкой, с желваками, перекатывающимися на скулах, с мускулистыми руками, крепко сжимающими штурвал мечты. Мишкин, принц шутов, с его клоунской усмешкой и лживостью мальчишки-рассыльного. Можно ли назвать его стихийным бедствием? Мишкин, с его сияющей волшебной улыбкой и обаятельными манерами, твердо идущий своим путем. Мишкин купил себе билет на все аттракционы и отчаянно цеплялся за свое «я», когда веселая карусель разметала его образы, подобно сухим листьям. Мишкин притворялся самим собой.

Глава 47

Мишкин сидел в Театре Памяти и чесал промежность. На ярко освещенной сцене появилась картина, изображающая женщину с ребенком на руках. Мишкин узнал в них свою жену и ребенка. Раздался величественный голос:

— Что ты чувствуешь, Мишкин?

— Я чувствую зуд в промежности, — послушно ответил Мишкин. — И еще я испытываю ощущение, что я забыл заполнить налоговую декларацию за этот год.

Кислота — это усилитель. Мыло — производитель эмульсии. Сделайте ваш выбор.

Если вы не докопались до поврежденных хромосом, купите себе хромосомы получше.

Обычно я боялся, что сошел с ума. Теперь я боюсь, что я с него не сошел.

Глава 48

Дорогой Том!

Я тут подумал — а почему бы не написать письмецо старому приятелю, не узнать, как он там, а заодно рассказать, как идут дела у наших общих друзей и знакомых, ну, и у меня, конечно. Помнишь Марту? Так вот, она ушла, и на этот раз прихватила с собой гигантский топаз, который выставлялся в Исламском музее в Трапезунде. Агнесса снова расслоилась, и довольно удачно. Твоего племянника Феликса избрали полноправным магистром новоэлевсинских таинств. Они говорят, что он наделен даром ясновидения, а я говорю, что нельзя позволять маленькому мальчику присутствовать при всяких непристойных обрядах. То есть, якобы непристойных, поскольку мне об этом знать не положено.

Что тут у нас еще нового? Снова вернулась мода на синхронность. Все бродят в поисках озарения и случайностей. Ну, и так далее, и тому подобное.

Что касается меня, у меня все отлично, лучше не бывает. Я поздно вступил в Игру, и мне все еще приходится преодолевать множество дурных привычек. Но тем не менее я сумел овладеть основными жизненными системами, вопреки ужасному предсказанию мистера Чанга. Так что теперь я могу управлять всеми своими физиологическими процессами. Впрочем, контроль над нервной системой дается мне туговато. Я иногда даже думаю — может, плюнуть на эту затею и пойти посидеть под деревом?

Как обычно, по округе бродит множество святых, и, как обычно, почти здорово воняют. Чудакам мы вообще давно потеряли счет.

Ну вот, других новостей я и не припомню. Надо побыстрее отправить тебе это письмо. До сих пор не понимаю, почему ты предпочел приключения тела приключениям духа. Что, простительная слабость старого психа? А может, ты уже гребешь обратно к дому, собака скрытная? С тебя ведь станется заявить о каком-нибудь простеньком космическом полете, а потом нырнуть и с головой уйти в себя. (Но как ты тогда думаешь выбираться на поверхность? Задним ходом? Шуточки «сознания».)

Я лично предполагаю, что ты выбрал комплексный способ погружения в Майю[1], и не нуждаешься в том, чтобы я напоминал тебе о ловушках и опасностях. О таящемся внутри нас королевстве кривых зеркал ты знаешь куда больше меня. Конечно, я именно что напомнил тебе об этом, но вовсе не хотел тебя обидеть. Я знаю, что даже величайшим адептам могут пригодиться слова дурака.

Твои жены снова повыходили замуж, как ты и предполагал. Некоторые из твоих детей сменили имя — возможно, этого ты не ожидал. Хотя вполне может быть, что ты ожидал чего угодно.

Твой Отто.

Глава 49

НЕ ЗАПОЛНЯЙТЕ ПО ЧАСТЯМ

Эти кажущиеся разрывы были изобретены и внедрены ради вашей безопасности и благополучия. Пожалуйста, не заполняйте их «логическими» связями. Эта разновидность преждевременно-

[1] Майя — в целом ряде направлений древнеиндийского умозрения обозначает иллюзорность бытия.

го смыкания испортит их достоверность и доведет вас до несчастного случая — не исключено, что со смертельным исходом. Чрезвычайно тонкая абсурдность рекомендована специалистами. Помните, что низкоуровневое сканирование увеличивает сферу восприятия.

Благодарю за внимание.
Джон Макферсон,
специальный уполномоченный
Департамента общественной ментальной гигиены.

Глава 50

ШЕПЧУЩИЕ ГОЛОСА

— Повторение неизбежно.

— Продолжайте разделение.

— Кто-то попытался вам что-то сказать?

— Продолжайте перестановку.

— Следует ожидать искажения.

Глава 51

НАПОМИНАНИЕ

Мишкин увидел магнитофон на ходулях. Он подошел и включил его. Тот произнес:

— Эта магнитофонная запись должна напомнить вам, чтобы вы не забыли сделать магнитофонную запись, чтобы напомнить вам не забыть.

Глава 52

— Эй, сынок, смотри сюда — вот самый большой завод причин и следствий во всей этой чертовой Галактике. Работает — проще не придумаешь. Вот в эту воронку кладем причины, а в эту — следствия. Потом машина их заглатывает, звякает, бздямкает, и вот отсюда выходит готовая продукция — прекрасно увязанные между собой причины и следствия, безукоризненно состыкован-

ные швы невооруженным глазом не видны. Наши причинно-следственные связи охотно примет любой суд. Мы не держим всех этих новомодных идей насчет прерывистости, синхронности и прочей подобной чуши. Посмотри по сторонам: если тебя лягнет лошадь, у тебя будет сломана нога, а если у тебя болит брюхо, значит, вчера вечером ты обожрался итальянскими сосисками. Таким образом, каждый может разобраться, что к чему и что вокруг делается.

Чтоб я лопнул, если знаю, почему происходят подобные вещи! Но все-таки они происходят. Иногда причина и следствие категорически отказываются связываться между собой. Если такая штука случается и мы не можем ее объяснить, мы называем это господней волей. Так что, я думаю, с тобой все произошло по воле господа, и нам следует упасть на колени и вознести молитву.

Глава 53

Мишкин шел вдоль строя. Парень, стоявший крайним слева, слушал транзисторный приемник, включенный так, что до Мишкина доносилось лишь неразборчивое бормотание. Парень что-то услышал, повернулся к соседу справа и прошептал:

— Ребята, мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть! Передайте дальше...

Глава 54

Том Мишкин и Джеймс Бредли Сунер сели за обеденный стол. На стол выскочил мышь и начал расставлять тарелки, подавать соусы и нарезать ростбиф.

— А что, он всегда здесь прислуживает? — поинтересовался Мишкин.

— Я признаю, что данная ситуация довольно любопытна, — с достоинством ответил мышь. — Позвольте мне кое-что объяснить. Во-первых, я — еврейский мышь. Во-вторых...

— Накроешь ты стол или нет, черт тебя побери?! — рявкнул Сунер.

— Только не надо так переживать! — сказал мышь и вернулся к сервировке стола.

— Так вот, насчет того странного происшествия, которое произошло со мной... — продолжил Сунер.

Глава 55

Игрок вытащил три карты и в отчаянии уронил руки.

— Мне никогда не везло с картами, — воскликнул он, — но это уже ни в какие ворота не лезет!

Он достал из кармана револьвер и выстрелил себе в висок.

Другой человек сел на его место, взял его карты, усмехнулся и поставил на кон свою жизнь.

Заляпанный белым ландшафт. Белая птица горечи. Белые глаза. Белые ноги. Белое все.

Это похоже на человека, который, услышав команду «Запали, Честерфилд!», подпалил своему приятелю пальто.

СОННЫЕ СОЛОВЬИ СОПЯТ СОФИЗМЫ.

Глава 56

— И сколько еще будут продолжаться галлюцинации? — спросил Мишкин.

— Пока не надоест.

Глава 57

— Что это? — спросил Мишкин.

— Это приспособление для создания альтернативной реальности, — ответил Орхидиус.

Размером и формой предмет больше всего напоминал страусиное яйцо. На нем наличествовал один-единственный выключатель-рычажок. По одну сторону от рычажка было написано «Вкл.», по другую — «Выкл.». Сейчас рычажок стоял на «Выкл.».

— И где ты это взял?

— Купил во «Всемирном универмаге», — сообщил Орхидиус. — Оно стоит девять долларов девяносто пять центов.

— И что, он вправду создает альтернативную реальность?

— Полагаю, что да. Я еще не пробовал.

— Но как это может быть? — спросил Мишкин. — Разве можно купить альтернативную реальность всего за девять долларов и девяносто пять центов?

— Я потому и не удержался от покупки, что прибор стоил так дешево, — ответил Орхидиус. — Однако я полагаю, он не может работать.

— А почему ты так уверен? — спросил Мишкин. — Ты же еще не пробовал его включать.

— Я не уверен, что его действительно стоит включать, — протянул Орхидиус.
— Конечно, стоит! Поверни рычажок!
— Сам и поворачивай.
— Ну и ладно, и поверну, — Мишкин взял яйцо и переключил рычажок на «Вкл.». Они подождали несколько секунд.
— Ничего не произошло, — изрек наконец Орхидиус.
— Да, наверное. Но как мы можем быть уверены, что действительно ничего не произошло? То есть, я хочу сказать, что даже если что-то и произошло, оно же все равно будет казаться нам реальностью.
— Да, действительно.
— Может, лучше выключить эту штуку?
— Какую штуку? — спросил Сунер.

Глава 58

Героического вида мужчина держит в одной руке флейту, в другой — змею. Мужчина произносит:
— Войдите!

Рогатая женщина сидит верхом на волке-оборотне. В одной руке у женщины серп, в другой — плод граната. Женщина принимает ваше пальто.

Мужчина с головой шакала, обнаженный, на ногах крылатые сандалии. В одной руке он держит свиток папируса, в другой — бронзовый диск. Мужчина произносит:
— Немедленно займите место в первых трех рядах.

Ну и сколько напоминаний вам еще требуется?

Глава 59

Картинка-загадка: посреди сельского пейзажа скрывается бог. Первый, кто отыщет его, совершенно бесплатно получит сатори. Второй приз — отдых в Гроссингере.

Глава 60

— И сколько еще будут продолжаться галлюцинации? — спросил Мишкин.
— Какие галлюцинации?

Глава 61

В двенадцать лет Мишкин так сильно возлюбил бога, что нарушил данный самому себе брачный обет.

Сегодня Мишкин снова изменил себе. Он предпочел привязанность шикарных спортивных автомобилей и замшевых курток пылкой, постоянной и безграничной любви Мишкина.

— Ваша проблема, — сказал психоаналитик, — заключается в том, что вы не способны любить себя.
— Но я люблю себя! — воскликнул Мишкин. — Правда люблю!
— И вы думаете, я этому поверю? — спросил психоаналитик. — Я вижу, вы начитались Сартра, Камю, Монтеня, Платона, Торо — вот откуда вы почерпнули представления о любви. И когда вы прекратите держаться за этот нелепый бесплодный подход?
— Я люблю себя! — разрыдался Мишкин. — Я действительно себя люблю!
— Вы продолжаете курить, — заметил психоаналитик. — Продолжаете вести вялый, пассивный, беспорядочный образ жизни. Так-то вы обращаетесь с человеком, которого якобы любите?

Глава 62

В лесной чаще Мишкину встретился апостроф. Он потерялся и теперь сидел и тихо плакал. Мишкин взял апострофа на руки и погладил его мягкую шкурку. Апостроф вцепился своими острыми коготками в плечо Мишкина. Мишкин не обращал внимания на боль и продолжал курить сигарету.

Они забрали и прокомпостировали его билет. Сперва он испытал облегчение, но потом ощутил скуку и беспокойство. Впрочем, как только ему выдали новый билет, он успокоился.

Следы уводили в лес. Мишкин пошел по следу. Он был хорошо вооружен и готов к встрече со сказочным животным. Наконец Мишкин заметил впереди какое-то шевеление и поспешно выстрелил. Он слишком поздно понял, что застрелил одну из своих аватар[1]. Аватара скончалась. Мишкин испытал ощущение потери, которое, как и следовало ожидать, сменилось облегчением.

[1] Аватара — в индуистской мифологии воплощение божества в смертное существо.

Глава 63

ПЕЧАЛИ ЧЕЛОВЕКА С ТЫСЯЧЕЙ ЛИЦ

Человек с тысячей лиц сидел в своем временном офисе и рассматривал проблему Мишкина и запчастей. Почему-то они никак не могли встретиться друг с другом. Требуемое совмещение двух объектов в пространстве никак не происходило. Ни один поток не тек к заветной цели.

Из-за трудностей данного дела Человек с тысячей лиц оказался вынужден выдумать себя — бога из машины, — и теперь что-то косноязычно лепетал в ожидании аудиенции и пытался объяснить то, что до сих пор оставалось необъяснимым даже для него самого.

Сконструировав себя, Человек с тысячей лиц оказался связан сам с собой. Должен ли он объяснить и себя тоже? Он быстро отказался от этой мысли. Единственно, что он должен объяснить, это как Мишкину встретиться с запасным узлом к двигателю. Но и правда, как им встретиться? Действительно ли это произойдет?

— Так они встретили свой безвременный конец — Мишкин, космический шут, и узел двигателя, и в том заключалась жестокая и парадоксальная суть его шутки. Они умерли, и в тот же миг Земля упала на Солнце, Солнце взорвалось, и вся Галактика провалилась в черную прореху в ткани пространства-времени, тем самым уничтожив трагикомедию человеческого бытия, а с ним все драмы и все бытие.

Это все, конечно, замечательно, но этого просто не может быть. Мишкин и его запасной узел для двигателя должны встретиться, исходная проблема должна быть решена, все обещания должны быть выполнены, а предпосылки — получить развитие. Только после этого все может взрываться к чертям, но никак не раньше.

Итак, начнем по новой. Перед Человеком с тысячей лиц попрежнему стояла неприятная обязанность выполнить работу, для которой он себя создал.

Он думал. Ничто не нарушало его гибельного одиночества. В сознании у него мелькали шальные понятия: «Любой наркотик, который классно тебя протащит, хорош», «Депрессия неизбежна», «Сопутствующие обстоятельства», «Париж».

Человеку с тысячей лиц пришлось сделать над собой усилие и вернуться к мыслям о запасном узле. Где эта долбаная запчасть валяется теперь? Вероятно, на Земле, на каком-то пыльном складе, ждет, пока сюжет распутается на радость начинающим психовать читателям.

— Но кому нужен читатель-псих? — прорычал Человек. Тем

не менее, так оно и было: Он должен был выполнить договорные обязательства перед самим собой и создать балет для кататоников[1].

Человек попытался взять себя в руки.

— Я потерял рассудок. Наиболее реальны несуществующие проблемы. Это не то, что мы думали.

До чего же верная мысль! Люди, живущие в зеркалах, не должны швыряться словами.

Дано: Человек с тысячей лиц подобрал фигуральную логарифмическую линейку и подходящую грамофонную иголку. Имеем: запасной узел превратился в орлиное сердце, в застывшее движение, в текущую воду, в лед. Еще имеем: зарытое сокровище, хрустальный кубок, токарный станок, смех, летучую мышь, недоношенного детеныша, коробку передач.

Это уже кое-что!

Двигаясь более уверенно, Человек с тысячей лиц заложил все имеющиеся данные в миксер и установил его на третью скорость. Затем нажал на кнопку «Результат». Выпал чистокровный скакун, оседлавший полярного медведя. Что за чушь! Хотя погодите минутку — «полярный медведь» — да, сработало: «полярные медведи выигрывают скачки!»

А теперь прогоним полученный результат через конструктор-тренажер.

Глава 64

СУТЬ РЕАЛЬНОСТИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Этим утром Джонни Аллегро был не в духе. Он водрузил на свои глянцевитые черные волосы котелок и тщательно расправил манжеты мохеровой рубашки шоколадного цвета. Теперь Джонни готов был приступить к делам.

Зазвонил телефон. Джонни поднял трубку.

— Аллегро слушает.

— Джонни? Это Гарри ван Орлен.

Перед мысленным взором Джонни возник толстобрюхий, вялый бандит, вечно небритый и с грязными ногтями.

— Ну и чего надо? — огрызнулся Аллегро. Он терпеть не мог придурков, но работа требовала общаться с ними по восемнадцать часов в сутки.

[1] Кататония — психическое расстройство с преобладанием двигательных нарушений.

— Дело есть, Джонни. Помнишь работенку, которую мы выполняли на Южной Мейн-стрит?

— Ну, помню! — рявкнул Джонни, узнав в этом завуалированном высказывании недавнее ограбление складов компании «Вел-Райт» на Варик-стрит.

— Ну вот, мы нашли покупателей на весь инвентарь, кроме одной жестянки. Она так на нас и висит.

— Что за товар? — спросил Джонни.

— Какая-то фигня. На ярлыке написано «Узел Л-1223А для космического двигателя». Ее должны были переслать какому-то типу по имени Мишкин в какую-то дыру под названием Гармония.

— Ну так продайте его.

— Его никто не хочет брать.

— Тогда выкиньте к чертям собачьим! — Джонни швырнул трубку и нахмурился. Он терпеть не мог, когда всякие «шестерки» надоедали ему вопросами, которые любая обезьяна расщелкала бы, как орешки. Но непрошенной инициативы подчиненных Аллегро не любил еще больше.

Потом его посетила идея: а почему бы не переслать этот дурацкий узел тому типу — как там его? Мишкин, что ли? На этом можно заработать репутацию эксцентричного филантропа. Еще несколько подобных же добрых дел — и можно выставлять свою кандидатуру на выборах.

Эта идея натолкнула Джонни на странную мысль насчет noblesse oblige[1]. Он потянулся к телефону.

В то самое мгновение дверь распахнулась и в помещение ворвались трое полицейских и автор с оружием на изготовку.

Джонни издал яростный рык. Его блестяще отточенные рефлексы позволили ему нырнуть под стол за долю секунды до того, как пули прошили место, где он только что стоял.

— Хватайте его! — завопил автор. — Ему известно, где находится этот узел!

Но Джонни уже нажал на синюю кнопку под столом. В полу открылся люк, и Джонни скатился в гараж, где его ждал «Мерседес SL-300» с работающим двигателем.

Глава 65

Несколько дней спустя профессор Джон О.Макалистер сидел на прохладной, крытой рафией[2] веранде большого, видавшего виды дома, расположенного в пригороде Кей-Ларго. В настоящий момент профессор испытывал серьезные затруднения. Для высо-

[1] Noblesse oblige — «Положение обязывает» (*фр.*).

[2] Рафия — род пальмы с крупными перистыми листьями.

кого, крепко сбитого физика из Рокпорта, штат Мэн, это состояние было непривычным. Рядом с профессором находилась Лоис, его высокая, привлекательная, пышноволосая жена. Она только что вошла на веранду.

Прежде чем Лоис успела что-либо сказать, на веранду вбежал светловолосый Тай Оливер с картами в руках.

— Давайте распишем пулю! — предложил он.

— Попозже, Тай, — мягко ответил профессор Макалистер.

Тай повернулся было, чтобы уйти, но при всей своей ненаблюдательности не мог не заметить, что два человека, которых он знал около месяца, но которых уже ценил выше всех в мире, ведут себя как-то странно и неестественно.

— Что-то случилось? — спросил Тай.

Прежде чем кто-либо попытался ответить на этот вопрос, с лестницы спустилась Пэтти, младшая сестра Лоис. Ей еще не исполнилось семнадцати, но она была необыкновенно развита для своего возраста. Пэтти уселась в потрепанное зеленое кресло и скрестила длинные, превосходно очерченные ноги. Прочие составляющие ее фигуры были ничуть не хуже.

— Вот именно, Джон, — медовым голоском спросила она, — что тут случилось?

Профессор Макалистер побледнел под покрывающим его слоем загара. Он заметил, как серые глаза его жены расширились.

— Подождите минутку... — поспешно начал профессор.

Тут открылась кухонная дверь. На веранду вышли Чанг, повар-китаец, Кьото, слуга-филлипинец, и Мэри Лу, экономка с Ямайки. Они молча выстроились у стеночки. Теперь побледнела Пэтти.

Воцарилось молчание. Потом Тай сказал:

— Пожалуй, я лучше отправлюсь домой. Краска на птичьей клетке наверняка уже высохла, и я...

— Не спеши уходить, Тай, — попросила Лоис. — Сейчас появится человек, с которым тебе стоило бы встретиться.

Входная дверь отворилась, и на веранду вошел лысый, одноглазый, невысокий, худощавый мужчина в черном костюме и белокурые девушки-двойняшки.

— Думаю, теперь мы можем объяснить происходящее, — сказал Макалистер. — Во-первых, так называемый загадочный пакет, который Эд Виттэкер нашел за два дня до своего исчезновения в трюме шаланды «Клотильда», перевозящей мусор...

— Ну?! — выдохнула Пэтти.

— Это всего лишь узел от двигателя космического корабля. Он должен был быть отправлен некоему мистеру Мишкину на планету Гармония. Я в присутствии судьи Кларка переслал его в службу округа, занимающуюся срочными перевозками.

Пэтти облегченно откинулась на спинку кресла.

— Господи, а хлопот-то сколько было! Да мы с вами — просто банда идиотов!

— Возможно, — согласилась Лоис Макалистер. — Но мы до сих пор не нашли объяснения всему остальному.

Профессор Макалистер задумчиво оглядел присутствующих.

— На это, — сказал он, — может уйти много времени.

Он подошел к буфету и налил себе виски.

Глава 66

На двери было написано: «НЕПРЕРЫВНОСТЬ ИНКОРПОРЕЙТЕД». Дядя Арнольд вошел внутрь и оказался в кабинете Томаса Грантвелла.

— Я здесь по поводу моего племянника, — сказал дядя Арнольд. — Его зовут Том Мишкин. Он застрял на планете под названием Гармония, и ему позарез нужна одна запчасть, а то без нее корабль дальше не полетит. Но я никак не могу переслать ему эту запчасть.

— А вы не пробовали отправить ее по линии космических грузоперевозок? — осведомился Грантвелл.

— Как же, как же, пробовал. Но они сказали, что межзвездные космические перевозки на этот год приостановлены, а потому они ничем не могут мне помочь.

— А вы их не спрашивали, как быть вашему племяннику?

— Они сказали, что до возобновления межзвездных перевозок они будут временно отрицать его существование.

— Вот оно, правительство! — сказал Грантвелл. — Бросило вас — точнее, юного Мишкина, — на произвол судьбы.

— Ну так как, ваша контора может помочь парню? — спросил дядя Арнольд.

— Безусловно, — твердо сказал Грантвелл. — «НЕПРЕРЫВНОСТЬ ИНКОРПОРЕЙТЕД» существует именно для того, чтобы связывать между собой несовместимые предположения. Мы составим сценарий, который обеспечит связь между двумя различными реальностями, не повредив ни одной.

— Замечательно! — обрадовался дядя Арнольд.

Дело пошло. Всех жаб успокоили, а разнообразных слонов втайне завербовали на военную службу. Следующий этап оказался посложнее: следовало найти подходящий прорыв в реальности, повернуть истоки, оценить технические характеристики. Непосредственность скончалась в Канзасе и была заменена неподкупностью.

На подозреваемую Землю были запущены гигантские механизмы. Были организованы различные марши. Фабрика по производству входов перешла на производство выходов. Багровые дрыгли несли тьму и невидимость. Люди решали проблемы. Необходимые сделки заключались по радио и включали в себя допустимый компромисс между разумом и чувствами.

Но это было еще не все. Мир облачился в темные одежды. Некоторые давно предрешенные события умерли, так и не родившись. Напряжение нормативных причинно-следственных связей стало просто чудовищным. Начали раздаваться протестующие голоса. Возникла угроза открытого мятежа.

Тем временем автор мрачно осознал, в какую кашу он вляпался. Он рассмотрел разнообразные варианты, включающие возможность прикончить Мишкина и начать писать новую книгу — например, поваренную. Однако...

Глава 67

СТРАНСТВИЯ

— Черт бы побрал эту несуществующую игру! — воскликнул Мишкин.

В сознании автора возник узел Л-1223А во всем его великолепии. Изображение было туманным. Иногда оно напоминало микроволновую печь, иногда — «Ситроен-2-CV». Узел громыхал, как заправская рок-группа. И вонял, как бутановая горелка.

Глава 68

СЕРТИФИКАТ НЕРЕАЛЬНОСТИ

Мишкин сидел на поляне и отдыхал. Робот наслаждался псевдоотдыхом, поскольку в настоящем не нуждался. Мишкин поднял глаза и заметил, что впереди кто-то идет по газону.

— Привет! — сказал Человек с тысячей лиц. — Я отвечаю за ход событий. Я прибыл сюда лично, дабы проследить за решением проблемы.

— О чем это вы? — спросил его Мишкин. — Я просто сижу и жду, пока мне доставят узел для двигателя.

Человек состроил мину.

— Мне очень жаль, но, видите ли, мы больше не намерены поддерживать данную предпосылку. Весь этот замысел — как вы сидите на чужой планете и дожидаетесь появления запчасти —

был признан нездоровым и ненадежным. А потому мы решили списать его в утиль.

— А меня что — тоже в утиль?

Человек с тысячей лиц виновато посмотрел на Мишкина.

— Боюсь, именно так и обстоят дела. Мы нашли нового героя, который займет ваше место.

Новый герой

Новый герой был человеком сложным, нестандартным, чертовски привлекательным, мужественным и универсальным. У него были свои черты, особенности и привычки. У него была душа, воля и жизненная сущность. У него была сексуальная жизнь. У него была сложная и двусмысленная история. У него была маленькая родинка на носу. У него были демонические брови. Он был сногсшибателен.

— Вот ваш сменщик, — сказал Человек. — Вы сделали все, что могли, Мишкин. Вы не виноваты, что оказались в такой никуда не годной ситуации. Но все же мы должны покончить с этой историей. Нам нужно, чтобы между нашими персонажами существовало взаимодействие. А что касается вас — ну, вы просто не имеете тех свойств, которые мы считаем необходимыми.

Мишкин немедленно обзавелся нервным тиком, заиканием, привычкой грызть губы, усами и вставной челюстью.

— Простите, но это не то, что нам нужно, — сказал Человек. — А теперь, парни, я вас оставлю, чтобы вы могли спокойно познакомиться.

И Человек превратился в дерево.

Встреча мистера Мишкина с мистером Героем

— Привет, — сказал Мишкин.

— Привет, — откликнулся мистер Герой.

— Не хотите выпить чашечку кофе? — спросил Мишкин.

— Спасибо, не откажусь, — ответил мистер Герой.

Мишкин разлил кофе, и они принялись пить его маленькими глотками.

— Неплохая сейчас погодка стоит, — сказал мистер Герой.

— Где? — поинтересовался Мишкин.

— Да в Лимбе, — пояснил мистер Герой. — Я там нахожусь в ожидании вместе с другими архетипами.

— Ну, здесь тоже погода неплохая, — сказал Мишкин.

Дерево превратилось в Человека с тысячей лиц.

— Взаимодействуйте, черт подери! — прошипел он и превратился обратно в дерево.

Мистер Герой неуверенно улыбнулся.

— Вам не кажется, что мы оба попали в неловкое положение?

— Да, пожалуй, — согласился Мишкин. — Что касается меня, то я с самого начала этой истории только и делаю, что попадаю в неловкие ситуации. Возможно, мне и вправду не мешало бы отдохнуть.

— Да, действительно, — сказал мистер Герой. — Но было бы просто здорово, если бы вы, прежде чем уйти, объяснили мне суть происходящего. Ну, в смысле, новый человек на должности, и все такое прочее... — он запнулся и неловко рассмеялся.

— Ну, тут нечего особенно объяснять, — сказал Мишкин. — Вы просто идете себе, а с вами происходят всякие вещи.

— Э-э... то есть, следует играть пассивную роль?

— Ну да, именно. Но это своего рода приключение.

— А каковы здесь мотивации? — спросил мистер Герой.

— Насколько мне известно, — сообщил Мишкин, — вам следует искать запчасть для космического корабля.

— Что-что?

— Запчасть, чтобы заменить сломавшуюся деталь в вашем корабле. Без этого он не полетит. То есть вы не сможете вернуться на Землю. А вы хотите вернуться на Землю — это такая невысказанная предпосылка. Лично я считаю, что ее следовало бы проверить. Вот такая у вас мотивация.

— Ясно, — кивнул мистер Герой. — Не фонтан, а?

— Да, это отнюдь не образец классической трагедии, — признал Мишкин. — Но что нам остается?

Мистер Герой уважительно хмыкнул.

— Такова ужасная правда. А действительно, что остается? Да, кстати, а это что за малый?

— Это робот, — сообщил Мишкин.

— А что он здесь делает?

— Я уж не помню, для чего он предназначался первоначально. Нужен он в основном затем, чтобы вам не приходилось разговаривать с самим собой.

Мистер Герой посмотрел на робота с опаской.

— Мою мать изнасиловал робот, — заметил он. — То есть это она так говорила. Робот сказал, что принял ее за холодильник. С тех пор я недолюбливаю роботов. Этот робот, он как — хороший?

Робот поднял глаза.

— Да, — холодно произнес он. — Я — хороший робот, особенно если людям хватает элементарной вежливости обращаться непосредственно ко мне, а не разговаривать обо мне так, словно меня

тут нет, хотя, честно говоря, после событий последних дней я не удивлюсь, если меня действительно нет.

— Во зануда, а? — сказал мистер Герой.

— Если вам не нравится, что я говорю, вы всегда можете заткнуть себе уши, — посоветовал робот.

Мистер Герой закатил глаза и неожиданно хихикнул.

Человек с тысячей лиц превратился из дерева в Человека.

— Значит, так, — сказал он. — Прошу прощения, мистер Герой, но, похоже, вы не тот человек, который нам нужен.

— Ну и что дальше? — высокомерно поинтересовался мистер Герой. — Как я могу вам помочь, если вы сами не знаете, что творите?

— Возвращайтесь обратно в общую массу бессознательного, — распорядился Человек.

Мистер Герой принял надменный вид и исчез.

— Теперь мы снова вернулись к тому, с чего начали, — сказал Мишкин.

— Это моя реплика! — возмутился робот.

— Заткнитесь! — рявкнул Человек с тысячей лиц. — Я думаю.

Он сел на камень — высокий, мрачный, светловолосый человек с усами и чертовски привлекательной внешностью. Его длинные сильные пальцы пульсировали, когда он барабанил ими по колену, его тлеющие глаза заволокла тёнь. Он был поразительно красив. Но он не был счастлив. Да, не был. Возможно, он никогда не станет счастливым. Доктор Лившиц как-то раз сказал ему: «Счастье — это просто вещь по имени Джо». А Человека звали не Джо. Так что он не был счастлив, несмотря на все свое старание и всю свою искусность.

Часть II

Глава 69

И СНОВА НА ПРОРЫВ, ДРУЗЬЯ!

Лодка легко скользила по заливчику. Правивший лодкой пожилой даяк умело пришвартовал хрупкое суденышко к бамбуковой пристани, соединявшей селение Омандрик с внешним миром.

Белый мужчина — американец, — одетый в ботинки с высокими голенищами, брюки для верховой езды, белую рубашку, на которой проступали пятна пота, и помятую шляпу, относительно невозмутимо наблюдал за причаливающей лодкой с тенистой веранды своего дома. Американец неторопливо поднялся и проверил патронник своего револьвера «кросс-энд-блэквелл» 38-го калибра, который он обычно носил в замшевой кобуре под мышкой. Потом, не обращая внимания на душную тропическую жару, он неуклюжей походкой спустился к пирсу.

Первым с древнего пароходика сошел высокий араб в просторном белом одеянии и желто-белом головном уборе из Хадрамаута. За ним последовал неимоверно толстый мужчина неопределенного возраста, одетый в красную феску, мятый костюм из белого шелка и сандалии. На первый взгляд, толстяка можно было принять за турка, но проницательный наблюдатель, способный обратить внимание на слегка раскосые зеленые глаза, теряющиеся в складках жира, предположил бы, что видит перед собой венгра из карпатских степей. Третьим был невысокий тощий англичанин, парень лет двадцати. Его чрезмерно быстрые жесты и дрожащие руки выдавали в нем, употребляющего амфетамин человека, под джинсовой курткой которого вполне может обнаружиться тускло-серая рубчатая поверхность ручной гранаты. Последней шла девушка, одетая в изящное цветастое платье. Темные волосы струились по ее плечам, на прекрасном лице не отражалось никаких чувств.

Вновь прибывшие кивнули стоявшему на причале американцу, но не перекинулись ни единым словом до тех пор, пока не добрались до веранды, оставив пилота вертолета привязывать свое судно при помощи нескольких доброжелательно настроенных местных жителей.

Они расселись по бамбуковым креслам. Слуга в белом костюме обнес гостей стаканами с ледяным джином. Толстяк приподнял свой стакан приветственным жестом и сказал:

— Вы, похоже, неплохо устроились, Джеймисон.

— Не жалуюсь, — сухо ответил американец. — Сами знаете — в здешних местах я всего лишь торговец. Делаю неплохой бизнес на изумрудах. Да тут еще водятся редкие птицы и бабочки, во внутренних районах есть несколько золотоносных речек, а одна случайно попавшая под руку безделушка навела меня на кхмерские гробницы. Ну и, конечно, время от времени мне подворачиваются всякие другие дела.

— Неудивительно, конкурентов-то у вас здесь нет, — по-английски, с безукоризненным ланкаширским произношением сказал араб.

Американец невесело улыбнулся.

— Этого не допустят местные жители. Видите ли, я для них нечто вроде божества.

— Я кое-что об этом слыхал, — подключился к разговору толстяк. — Рассказывают, что вы приплыли сюда в лодке шесть лет назад еле живой, и единственным вашим имуществом была сумка, а в ней — пять тысяч доз противочумной сыворотки.

— Я слыхал точно такой же рассказ, — подтвердил араб. — Через неделю после вашего прибытия половина здешних жителей свалилась с бубонной чумой.

— Просто мне повезло, — ответил американец, на этот раз без улыбки. — Я был рад оказать им помощь.

— Да ну?! — изумился толстяк. — Пью за вас, сэр! Я уважаю людей, которые сами куют свое счастье.

— Вы на что намекаете? — холодно спросил Джеймисон.

Воцарилось зловещее молчание. Но звонкий девичий смех разрядил обстановку.

Мужчины уставились на девушку. Джеймисон нахмурился. Похоже, он задумался, что послужило причиной такого неуместного легкомыслия. Потом он заметил, что дерганый англичанин закинул руку за спину и опустил ладонь на рукоять длинного ножа, висящего в белых кожаных ножнах между худыми лопатками парня.

— Что, сынок, зуд одолел? — со смертоносным спокойствием поинтересовался Джеймисон.

— Если одолеет, я вам сообщу, — сверкнул глазами парень. — И еще: меня зовут не «сынок», а Билли Бантервиль. Вот кто я такой и кем собираюсь быть, а любой, кто вздумает утверждать обратное, — грязный лжец, и я ему с удовольствием оторву голову... оторву голову... оторву голову... О господи, с меня сползает кожа, что случилось с моей кожей, кто поджег мои нервы, почему мой мозг кипит?! Ох, мне плохо, сердце, мое сердце!

Толстяк посмотрел на араба и незаметно кивнул. Араб достал из плоского черного кожаного чемоданчика, набитого пластико-

выми ампулами с бесцветной жидкостью, шприц для подкожных инъекций и умело сделал парню укол. Билли Бантервиль заулыбался и развалился в кресле, словно марионетка, у которой отпустили нитки. Его зрачки настолько расширились, что радужка совершенно исчезла, а на худом, костлявом лице появилось выражение неописуемого счастья. Мгновение спустя он исчез.

— Скатертью дорога, — заметил Джеймисон, до этого момента молча наблюдавший за происходящим. — Зачем вам вообще понадобилось тащить с собой такого типчика?

— Он бывает полезен, — сказал толстяк.

Девушка тем временем взяла себя в руки.

— В том-то и дело, — сказала она. — Каждый из нас бывает полезен. У каждого есть нечто, необходимое остальным. Можете считать нас единой сущностью.

— Ясно, — кивнул Джеймисон, хотя на самом деле ничего не понял. — То есть, каждый из вас незаменим.

— Вовсе нет, — покачала головой девушка. — Как раз наоборот. Каждый из нас постоянно боится, что его заменят. Потому мы и стараемся постоянно держаться вместе, чтобы избежать внезапной и преждевременной замены.

— Чего-то я не понимаю, — пожал плечами Джеймисон, хотя на этот раз все понял. Он подождал, пока не стало ясно, что присутствующие не намерены развивать данную тему, и снова пожал плечами. Ему вдруг стало не по себе от этого жутковатого молчания. — Полагаю, вы хотите перейти к делу? — поинтересовался он.

— Если это вас не затруднит, — вежливо сказал высокий араб.

— Не затруднит, — сказал Джеймисон. Араб внушал ему беспокойство. Вся эта компания внушала ему беспокойство. Вся, кроме девушки. Насчет нее у Джеймисона появились некоторые идеи и некоторые планы.

В пятидесяти ярдах от дома Джеймисона тщательно расчищенный участок заканчивался, и сразу за ним стеной вставали джунгли — зеленый лабиринт, бесконечное количество наугад соединенных плоскостей, бесконечно уходящих к некоему невообразимому центру. Джунгли были бесконечным повторением, бесконечным хождением по кругу, бесконечным безысходным отчаянием.

У границы джунглей стояли два человека. Хотя они и находились у самого края леса, заметить их было невозможно. Один из них — коренастый, крепко сбитый — был местным жителем; судя по зелено-коричневой головной повязке — малайцем. У него был задумчивый, грустный и напряженный взгляд.

Его товарищ был европейцем — высокий, сильно загорелый мужчина лет тридцати, довольно красивый, одетый в желтую рясу буддийского монаха. На фоне буйства окружающих джунглей стран-

ное несоответствие его внешности и одежды как-то скрадывалось.

Европеец сидел на земле, скрестив ноги и не глядя на расчищенный участок. Он пребывал в состоянии предельной расслабленности. Казалось, что его серые глаза смотрят внутрь.

Вскоре малаец сообщил:

— Туан, этот человек, Джеймисон, вошел в дом.

— Хорошо, — откликнулся европеец.

— Теперь он вернулся на веранду. Он принес какой-то предмет, завернутый в мешковину. Предмет небольшой — примерно с четверть головы слоненка.

Европеец не ответил.

— Теперь он развернул мешковину. Внутри оказался какой-то металлический предмет сложной формы.

Европеец кивнул.

— Они столпились вокруг этого предмета, — продолжал малаец. — Они довольны, они улыбаются. Нет, довольны не все. У араба на лице странное выражение. Его нельзя назвать неудовольствием, но я затрудняюсь описать это чувство. А, понял! Арабу известно нечто такое, о чем другие не знают. Этот человек считает, что владеет какой-то тайной, которая дает ему преимущество перед остальными.

— Тем хуже для него, — пробормотал европеец. — Остальных хранит их неведение. А этого человека подвергает опасности его чрезмерная понятливость.

— Ты это предвидел, Туан?

— Я читаю то, что написано, — произнес европеец. — Возможность читать — мое проклятие.

Малаец вздрогнул, очарованный и испуганный одновременно. Его переполняла жалость к этому легко уязвимому человеку с его необычным даром.

Европеец произнес:

— Теперь металлический предмет находится в руках у толстяка. Толстяк дает Джеймисону деньги.

— Туан, но ведь ты даже не взглянул в их сторону!

— И все же я это вижу.

Малаец встряхнулся, словно пес, выбравшийся из воды. Этот кроткий белый человек — его друг — обладал огромной силой, но и сам был жертвой еще большей силы. Нет, лучше об этом не думать. У него самого судьба иная, и благодарение богу, что он распорядился именно так.

— Теперь они вошли в дом, — сказал малаец. — Ты об этом знаешь, Туан?

— Знаю. Я не могу не знать.

— И ты знаешь, что они делают в доме? — И этого я тоже не могу избежать.

— Скажи мне только то, что я должен услышать! — попросил малаец.

— Это я тебе и говорю, — сказал европеец. Потом, не глядя на малайца, он произнес: — Ты должен покинуть меня, покинуть эти места. Ты должен уехать на другой остров, жениться, завести свое дело.

— Нет, Туан. Мы с тобой идем в одной упряжке. Этого не изменить. Я знаю.

— И я. Но иногда я надеюсь, что ошибусь хоть раз. Я дорого бы дал за возможность ошибиться.

— Это тебе не свойственно.

— Возможно. Но все же я надеюсь, — европеец пожал плечами. — Теперь толстяк положил металлический предмет в черную кожаную сумку. Все улыбаются и жмут друг другу руки. В воздухе пахнет убийством. Нам пора уходить.

— А они не ускользнут от нас?

— Это уже не важно. Конец известен. А мы можем пойти, поесть и лечь спать.

— А потом?

Европеец устало покачал головой.

— Тебе не нужно об этом знать. Пойдем.

Они двинулись в глубь джунглей. Малаец крался с бесшумной грацией тигра. Европеец скользил за ним, словно призрак.

Глава 70

Если бы кто-то пошел по узкой тропинке, петляющей через джунгли, то на расстоянии мили от дома Джеймисона этот кто-то обнаружил бы местное селение, именуемое Омандрик. На первый взгляд, оно казалось обычной тамильской деревней, ничем не отличающейся от сотни таких же деревень, рассевшихся на сваях вдоль берегов реки Семил — ленивого потока, которому, казалось, едва хватало сил нести свои темные воды через опаленную солнцем страну к отдаленному Восточно-Яванскому морю — мелкому и кишащему рифами.

Но внимательный наблюдатель, осмотрев деревню, заметил бы мелкие, но несомненные детали, свидетельствующие об упадке: соломенные крыши на многих хижинах были разворошены ветром, плантации таро заросли сорняками, на берегу валялись лодки с рассохшимися днищами. Наблюдатель также мог бы заметить черные тени, снующие между хижинами — расплодившиеся крысы настолько обнаглели, что бегали по заброшенным садам

среди бела дня. Эта деталь нагляднее любой другой свидетельствовала об апатии, охватившей жителей деревни, об их усталости и упадке духа. Бытующая на побережье пословица утверждала, что если крысы начинают бегать среди бела дня, то, значит, боги отвернулись от этой земли.

В центре деревни, в хижине, вдвое превышающей своими размерами прочие дома, сидел Амхди, местный старейшина, и слушал работающий на батарейках коротковолновый радиоприемник. Приемник издавал тихое шипение, свидетельствующее об атмосферных помехах, и мигал зеленым огоньком, словно пантера в ночных джунглях. Это был предел возможностей радиоприемника — для большего требовалась антенна, а ею-то Амхди и не располагал. Но шипение помех и мигающий индикатор уже казались старику чудесами. Приемник стал его духовным наставником. Старейшина советовался с ним раз в несколько дней и утверждал, что духи предков нашептывают ему советы, а глаз духа вещает о чудесах, о которых нельзя говорить вслух.

Тэйнин, его жрец, никак не мог понять, то ли старый вождь действительно верит во всю эту чушь, то ли он хитроумно использует «волшебный» приемник, чтобы избавиться от обременительных указаний Дома Ножа. Жрец в темном одеянии, с черепом священной обезьяны на лбу стоял рядом с вождем, скрестив руки на груди. Он решил, что вождь прибегает к обману бессознательно: здесь соединились желание избежать ответственности и желание обрести веру. Впрочем, жрец не мог обвинять своего старейшину, что бы тем ни двигало: годы сурово обошлись с Амхди, и Дом Ножа не в силах был облегчить его страдания. Старика можно было понять, но это не могло помешать жрецу поступать так, как надо. У последователей Змея-Избавителя есть свой долг, и его следует исполнять, даже если для этого потребуется зажать в кулак все свои чувства.

— Что скажешь, вождь? — спросил жрец.

Старик украдкой поднял взгляд. Он выключил приемник; достать батарейки — излюбленную пищу духа — можно было только у ужасного торговца, живущего в большом доме на берегу реки, да и то с трудом. Кроме того, он уже услышал послание — тихий голос своего отца, едва не затерявшийся среди шепота тысяч других духов, молящих, проклинающих, обещающих, мечтающих связаться с живыми и покинуть свой черный дом на краю мира.

— Мой мудрый предок говорил со мной, — сказал Амхди. Он никогда не называл отца по имени и не указывал на степень их родства.

— И что же он поведал тебе, о вождь? — спросил жрец. В его

низком голосе не прозвучало ни малейшей насмешки — жрец хорошо умел владеть собой.

— Он сказал, что нам следует делать с чужаками.

Жрец медленно кивнул. Это было необычно. Старейшина терпеть не мог принимать решения, и, как правило, советы духов вели к приятному ничегонеделанию. Неужели старик начал отстаивать свои права? Или это действительно был голос его отца, прославленного воина... Нет, не может быть. Этого просто не может быть.

Жрец ждал, что старейшина расскажет ему, что именно мудрый предок посоветовал сделать с чужаками. Но Амхди, похоже, не был расположен к беседе. Возможно, он почувствовал, что заполучил временное преимущество в споре, который жрец давно уже считал завершившимся. На лице старика читалось лишь привычное выражение скупости и хитрости.

Глава 71

Человек с тысячей лиц разволновался; он почти проснулся, почти узнал себя.

ДАВАЙТЕ ПОПЛАВАЕМ В БАССЕЙНЕ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО.

— Имя?
— Протей.
— Род деятельности?
— Изменение форм.
— Пол?
— Любой.
— Парча?
— Узы.

Настойчивость приносит грандиозный успех. Вопреки боли происходит соприкосновение. Преждевременное смыкание — это ложное исцеление. Не занимайтесь предвидением.

Всякое движение есть поиск, всякое ожидание есть неудача, все поиски находят завершение в своих истоках. Совершенный образец подразумевается в первом же стежке; первое касание кисти несет в себе завершение узора. Но это знание запретно, ибо танец должен быть исполнен от начала до конца.

Первое движение — всегда посвящение.

Присутствие Мишкина можно логически вывести из его отсутствия. Запасной узел, который искал Мишкин, найден. Остается лишь найти его.

НЕ ВСЕГДА ПРЯМАЯ КОРОЧЕ КРИВОЙ[1].

Глава 72

Порт Аракнис расположен на уродливом клочке земли, омываемом искрящимися под солнцем водами Восточно-Яванского моря. Это типичный южноазиатский город — сущий хаос со своими неписаными и незыблемыми правилами поведения. Благоухание разнообразнейших экзотических пряных ароматов начинает будоражить обоняние путешественника, когда тот еще отделен от города многими милями морского простора. Постоянно изменяющееся сочетание запахов затрагивает потаенные чувства европейцев, что приводит подчас к непредсказуемым последствиям. Запахи будят в человеке воспоминания о событиях, происшедших не с ним; нелепые и невозможные ощущения будоражат кровь. Эта бешеная атака, направленная на чувства, не может не поразить путешественника, привыкшего к спокойным, вялым, чуть скучноватым городам Запада. Восток легко, почти без усилий проникает под внешнюю рациональную, прозаическую оболочку личности путешественника, перекраивает и изменяет его, обрушивает на него обрывки видений, мгновения ужаса и просветления, неподражаемой истомы и внезапной страсти. Приближение к Аракнису — это первый шаг в мечту.

Конечно, сильный духом европеец не обращает на это внимания. А двое мужчин и женщина, которые в предзакатный час плыли на катере по имеющему форму полумесяца порту Аракниса, вообще не принимали во внимание подобную чепуху. Их невежество было по-детски трогательным, но не защищало от невообразимого мира, который уже принялся поглощать их.

К пристани подплыли уже в сумерках. Они давно обсудили план действий, предусмотрели все мыслимые варианты развития событий, подсчитали все, кроме того, что невозможно было подсчитать.

Араб и девушка остались на катере — охранять завернутый в мешковину предмет. Толстяк сошел на берег, прошел через порт и направился в центр города, через улицу Торговцев Птицами,

[1] Афоризм Б. Тугера.

улицу Собак, улицу Беззаботности, улицу Множества Дверей... Названия презабавные для того, кто в настроении их читать.

Толстяк был не в настроении. На катере его укачало, и он до сих пор чувствовал себя неважно. Его нервная система пострадала от разнообразных потрясений, а он был не из тех людей, которые легко приспосабливаются к обстоятельствам.

И все же дело близилось к завершению. Теперь даже забавно вспоминать, как все начиналось. С ним связался пожилой человек. Он желал, чтобы некий предмет — часть двигателя — был доставлен некоему человеку, его родственнику, застрявшему на планете, называющейся Гармония. Этот родственник не мог вернуться на Землю, не получив запчасть для двигателя, чтобы починить вышедший из строя корабль. Дело казалось достаточно простым — обычная задачка на материально-техническое обеспечение. Однако затем возникли непредвиденные осложнения, их становилось все больше, и в конце концов начало казаться, что доставить эту деталь невозможно, по крайней мере, невозможно уложиться в такой срок, чтобы молодой родственник не превратился в старого, а то и вовсе в покойника. Потому пожилой джентльмен, будучи человеком деловым, начал подыскивать другие каналам связи. И вышел на толстяка.

Такова, по крайней мере, была его история. История как история, не хуже других. Можно сказать, почти достоверная.

Теперь дело было почти что в шляпе. Толстяку уже удалось справиться с серьезнейшими затруднениями, с которыми он сталкивался, пока разбирался с Джеймисоном, с проволочками, которые устраивали местный старейшина, его жрец и загадочный европеец из джунглей. Каждый человек остается загадкой до тех пор, пока не выяснится, что им движет, точно так же, как любая ситуация кажется сложной, пока не даешь себе труда подняться над ней. Но люди не понимают, что человек может уйти и просто оставить ситуацию нерешенной, может не пожелать разгадывать их загадки. Для такого поступка требуется обладать значительной силой, а еще большая сила воли нужна, чтобы не ломать себе голову над бесполезными вопросами, например, как запчасть от двигателя попала в захудалую южноазиатскую деревушку? Кто такой этот загадочный европеец, живущий в джунглях, и почему он интересовался этой деталью? Почему вождь после стольких лет нерешительности вдруг приобрел такую решимость? Почему Джеймисон, этот ловкач-торговец, уступил запчасть за такую смехотворную цену? Почему никто не попытался помешать толстяку и его помощникам во время отбытия? И прочая, и прочая, и так до бесконечности.

Но толстяк успешно избегал ловушек, расставленных любопытством. Он знал, что любая загадка — всего лишь недостаток

сведений и что на все вопросы существует лишь ограниченное количество ответов, бесконечно повторяющихся и довольно банальных. Любопытство убивает. Нужно просто отмахиваться от всех соблазнительных проблем и восхитительных нелогичностей и двигаться своим путем — как он и поступает.

Действительно, дело провернули отлично. Толстяк был доволен. Единственное, ему хотелось бы, чтобы у него перестало сосать под ложечкой. И чтобы перестала кружиться голова.

Улица Обезьян, улица Сумерек, улица Памяти... Ну и странные же названия здесь дают улицам! Или это изобретение туристского бюро? А, не важно. Маршрут был знаком толстяку издавна. Он точно знал, как следует действовать. Он неспешно прошел через базар, мимо груд мечей, мимо корзин с зелеными и оранжевыми орехами, мимо куч жирной серебристой рыбы, мимо одежды из хлопчатобумажных тканей всех цветов радуги, мимо группы белозубых улыбчивых негров, радостно колотящих в барабаны, и меднокожего юноши, танцующего под барабанную дробь, мимо человека, тихо сидящего с гориллой на поводке.

Стояла необычная даже для тропиков жара. Вокруг царили разнообразнейшие запахи — специи, керосин, древесный уголь, масло и навоз, и звуки — щебетание непривычных голосов, скрип водяного колеса, мычание волов, пронзительный лай собак, позвякивание медных украшений.

Присутствовали и другие звуки, источник которых не поддавался определению, и запахи, которые не с чем было сравнить. Мужчина в черной головной повязке кремневым ножом делал глубокий надрез на бедре мальчика. Зеваки наблюдали и хихикали. Пятеро мужчин мрачно били кулаками полосу гофрированного железа. По рукам у них текла кровь. Мужчина с синим камнем на тюрбане испускал клубы белого дыма.

Все это лишь усиливало ощущение головокружения, от которого все присутствующие кружились и медленно падали влево, и сосущей пустоты, словно внутри у толстяка исчез какой-то большой и важный орган. Когда человек болен, ему не до бизнеса. На следующей неделе, когда будем в Сингапуре, нужно обязательно показаться врачу, а пока что надо пройти по улице Воров, улице Смерти, улице Забывчивости — черт бы побрал здешнюю претенциозность! — улице Лабиринта, улице Желания, улице Рыбы, Исполнения, Орехов, Двух Демонов, Лошадей, и тогда до дома Ахлида останется всего несколько кварталов.

Тут толстяка дернул за рукав нищий.

— Имейте сострадание, подайте на пропитание!

— Я никогда не подаю нищим, — сказал толстяк.

— Никогда-никогда?

— Нет. Это дело принципа.

— Тогда возьмите, — сказал нищий и сунул толстяку в руку сморщенный финик.

— Зачем ты мне это даешь? — не понял толстяк.

— Так, просто причуда. Я слишком беден, чтобы позволить себе иметь принципы.

Толстяк двинулся дальше, сжимая в руке финик. Ему не хотелось выбрасывать этот странный подарок, пока нищий его видит. Голова у него кружилась все сильнее, ноги начали дрожать.

Толстяк приблизился к палатке предсказателя. Какая-то старая карга преградила ему путь.

— Узнайте вашу судьбу, господин! Узнайте, что вас ждет!

— Я никогда не пытаюсь узнать свою судьбу, — заявил толстяк. — Это дело принципа, — тут он вспомнил о нищем. — А кроме того, мне это не по средствам.

— Вы можете заплатить тем, что у вас в руке! — воскликнула старуха. Она забрала финик и завела толстяка в палатку. Там она взяла бронзовую чашу и вытряхнула ее содержимое на столик. Это были два-три десятка монет самых разнообразных форм, цветов и размеров. Старуха внимательно изучила их, потом посмотрела на толстяка.

— Я вижу изменение и становление, — изрекла она. — Я вижу сопротивление, за ним податливость, потом поражение, потом победу. Я вижу завершение и новое начало.

— А поконкретнее нельзя? — спросил толстяк. Его лоб и щеки пылали. Горло пересохло, и стало больно глотать.

— Конечно, можно, — согласилась старуха. — Но я не стану этого делать, поскольку сострадание есть добродетель, а вы — приятный человек.

И старуха резко отвернулась. Толстяк взял со столика монетку, вычеканенную из железа, и пошел дальше.

Улица Посвящения, улица Слоновой Кости.

Теперь его остановила женщина. Она не была ни молодой, ни старой. У нее было выразительное лицо, глаза подведены тенями, а губы накрашены охрой.

— Сердце мое, — сказала она, — моя полная луна, моя стройная пальма! Хочешь получить незабываемое удовольствие за небольшую плату?

— Пожалуй, не хочу, — сказал толстяк.

— Подумай об удовольствии, любовь моя, подумай об удовольствии!

Как ни странно, но толстяк знал, что эта грязная, больная уличная женщина действительно может доставить ему удовольствие, и куда большее, чем те предсказуемые бесплодные совокупления, которые он имел в прошлом. Что за приступ романтизма? Однако

это было абсолютно исключено — в здешних местах сифилис просто кишит. К тому же он спешит и не может задерживаться.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал толстяк.

— Увы мне! Другого раза не будет никогда!

— Никогда не говори «никогда».

Женщина дерзко взглянула ему в глаза.

— Иногда это слово бывает неизбежным. Другого раза не будет никогда.

— Возьми это на память, — пробормотал толстяк и сунул ей в руку железную монетку.

— Это мудро с твоей стороны — дать плату, — сказала женщина. — Вскоре ты узнаешь, что приобрел.

Толстяк отвернулся и машинально побрел дальше. У него болели все суставы. Нет, ему определенно нездоровится. Улица Бритвы, улица Конца — и вот он наконец у дома торговца Ахлида.

Глава 73

Толстяк постучал в обитую бронзой дверь. Слуга отворил и провел гостя через внутренний дворик в прохладную полутемную комнату с высоким потолком. Толстяк с облегчением уселся на мягкие парчовые подушки и отхлебнул из серебряного стакана охлажденного чая с мятой. Но он по-прежнему чувствовал себя как-то скверно, и головокружение никак не проходило. Толстяка раздражало такое его самочувствие. Оно причиняло ему все большие неудобства.

В комнату вошел Ахлид — невозмутимый худощавый мужчина лет пятидесяти. Когда-то во время беспорядков в Махтайле толстяк спас ему жизнь. Ахлид умел быть благодарным, и, что еще более важно, он был человеком надежным. Они вместе провернули несколько дел в Адене, Порт-Судане и Карачи, но с тех пор, как несколько лет назад Ахлид переехал в Аракнис, они не встречались.

Ахлид осведомился о здоровье толстяка и с самым серьезным видом выслушал его жалобы.

— Похоже, я не могу приспособиться к здешнему климату, — сказал толстяк. — Но это все не важно. Как твои дела, друг мой, как жена, как дети?

— У меня все в порядке, — отозвался Ахлид. — Хотя времена сейчас и неспокойные, мне удается заработать на жизнь. Моя жена умерла два года назад — ее укусила змея. Моя дочь здорова, попозже ты сможешь увидеть ее.

Толстяк пробормотал свои соболезнования. Ахлид поблагодарил и сказал:

— В этом городе любой научится уживаться со смертью. Конечно, смерть бродит по всему миру и в надлежащий момент может унести любого, но в других городах она не так наглядна. Повсюду смерть собирает свою дань с больниц, забирает неосторожных водителей, прогуливается по жилищам бедняков, но редко обходится сурово с людьми почтенными. Конечно, от нее можно ожидать всякого, но в целом она исполняет свою работу именно так, как требуют, и не пытается нарушать разумных надежд и чаяний здравомыслящих и состоятельных жителей. Но здесь, в Аракнисе, смерть ведет себя совершенно иначе. Возможно, здесь ее подстегивает яростное солнце и болотистая местность. Возможно, именно они повинны в том, что смерть сделалась так капризна, жестока и непредсказуема. Но каковы бы ни были причины, здесь смерть вездесуща, а приход ее внезапен. Она отнимает своими неожиданными нападениями всякую радость жизни, посещает все районы, не минуя ни хижины, ни дворца — а уж там-то, казалось бы, человек мог бы рассчитывать на какую-то безопасность. Здесь смерть больше не ведет себя, как подобает добропорядочной особе. Она превратилась в дешевого сценариста, гоняющегося за сенсацией.

— Прошу прощения, — сказал толстяк. — Я, кажется, задремал. Такая жара... Так о чем мы говорили?

— Вы спрашивали о моей дочери, — терпеливо повторил Ахлид. — Ей семнадцать лет. Возможно, вы хотели бы встретиться с ней прямо сейчас?

— С удовольствием! — воскликнул толстяк.

Ахлид провел гостя по темному коридору, потом по широкой лестнице, потом по галерее, чьи узкие окна смотрели на внутренний дворик с фонтаном. Наконец они подошли к двери. Ахлид постучал, и они вошли внутрь. Комната была ярко освещена, пол был выложен черным мрамором, испещренным белыми прожилками. Прожилки пересекались через неравные промежутки, словно запутанный клубок бечевки. Посреди комнаты сидела серьезная темноглазая девушка в белом платье и вышивала на пяльцах.

— Очаровательно! — восхитился толстяк. Девушка даже не подняла взгляд от вышивки. Кончик ее языка был высунут — так она сосредоточилась на узоре. Узор выглядел каким-то странным, хаотичным.

— Она очень послушна, — сказал Ахлид.

Толстяк потер глаза и с трудом выпрямился в кресле. Он снова находился в гостиной у Ахлида. Ахлид что-то писал в бухгалтерской книге. Перед толстяком стояла полупустая чаша с шербетом.

— Прошу меня извинить, — сказал толстяк. — Я не совсем здоров. Возможно, нам бы стоило поговорить о делах.

— Как вам будет угодно, — поклонился Ахлид.

— Я прибыл сюда, чтобы устроить — с вашей помощью и по взаимовыгодной цене... Я располагаю неким предметом, который не представляет ни малейшей ценности ни для кого, кроме... Я хочу переправить некую деталь двигателя в некое место, и я уверен, что я, или, скорее, вы могли бы выполнить... Кажется, я не очень удачно выражаю свои мысли. Эта вещь, с которой мне требуется разобраться...

— Друг мой, — мягко сказал Ахлид, — вы уверены, что нам стоит вести сейчас деловую беседу?

— Что? Я вас уверяю...

— Может, нам лучше поговорить о том, что нужно успеть сделать за то немногое время, которое вам отпущено? — спросил Ахлид.

Толстяк ухитрился изобразить улыбку.

— Я вполне допускаю, что я немного приболел. Но с чего вы взяли...

— Пожалуйста! — умоляюще воскликнул Ахлид. — Друг мой, мой благодетель, как мне ни жаль, но я вынужден сообщить вам, что у вас чума.

— Чума? Что за чушь вы несете? Я понимаю, что со мной не все в порядке. Я обязательно схожу к врачу.

— Я уже вызвал сюда моего врача, — сказал Ахлид. — Но мне хорошо знакомы признаки чумы. В Аракнисе эти признаки знакомы всем — слишком много жизней она здесь уносит. Неужели вы станете расходовать ваше драгоценное время, отрицая очевидное?

Толстяк долго молчал, потом вяло произнес:

— С того самого момента, как я сошел на берег, я понял, что серьезно болен. Ахлид, сколько мне осталось жить?

— Возможно — три недели, возможно — месяц или даже два.

— И не больше?

— Нет, не больше.

— Понятно, — пробормотал толстяк. — Ну что ж... Здесь есть больница?

— Ни одной, которая заслуживала бы столь громкого названия. Вы останетесь здесь, у меня.

— Нет, это исключено! — запротестовал толстяк. — Риск заражения...

— В Аракнисе рискуют все, — возразил Ахлид. — Послушайте, что я вам скажу: при такой болезни следует идти домой, чтобы дожить отпущенный срок и умереть. Ваш дом здесь, а я — ваша семья.

Толстяк слабо улыбнулся и покачал головой.

— Вы не понимаете, — сказал Ахлид. — Смерть — это часть жизни. Следовательно, от нее нельзя отказаться. А от чего нельзя

отказаться, то следует принять. Чего нельзя преодолеть, тому следует подчиниться. А поскольку мы мужчины, наше подчинение должно быть таким же сильным, как и наше сопротивление. Вам повезло — вам выпала возможность подготовиться ко встрече со смертью и подготовиться именно здесь — в прохладном и удобном жилище, у нас дома. Это не так уж плохо.

— Да, неплохо, — согласился толстяк. — Но для вас это будет тяжелое время.

— Ваша смерть опечалит меня не сильнее, чем моя собственная, — сказал Ахлид. — Мы с вами будем вести беседы. Вы сможете приготовиться и поможете мне.

— Но как?

— Мое приятие смерти все еще крайне несовершенно, — сказал Ахлид. — С вашей помощью я надеюсь научиться тому, чему научитесь вы — как остаться сильным, подчиняясь.

— А как же ваша дочь?

— Нить ее жизни все равно очень тонка. Вы, наверное, это заметили? Ей тоже не помешает поучиться.

— Ну что ж, — сдался толстяк. — Все это очень странно, но не более странно, чем вся наша жизнь... В настоящий момент я удивлен не столько близостью смерти, сколько тем, что вы оказались философом.

Ахлид покачал головой.

— Я люблю мирские блага, и я боюсь. Но я мужчина. И я должен бестрепетно встречать то, что мне предстоит.

— И я, — согласился толстяк. — Сколько лет нам понадобилось, чтобы научиться обращать должное внимание на то, что действительно важно!

— В этом нет ничего странного, — сказал Ахлид. — Если бы все люди обращали должное внимание именно на то, что действительно важно и ценно, кто бы тогда подавал нам холодный шербет?

— Да, вы снова правы, — согласился толстяк. — А теперь я хотел бы ненадолго прилечь. Потом мы поговорим еще.

Ахлид позвонил в колокольчик.

— Мы со слугой проводим вас в вашу спальню. Доктор придет, когда вы еще будете спать. Он не сумеет вас исцелить, но он может смягчить боль. Вы не хотите дать мне какое-нибудь поручение по поводу того дела, о котором вы говорили?

— Нет, — покачал головой толстяк. — Оно меня уже не интересует.

— Тогда мы больше не будем о нем говорить. Так или иначе, всегда найдется кому закончить дела.

Вошел слуга и помог толстяку добраться до светлой прохладной спальни. Толстяк понял, что он счастлив. Вот уж правда — оказывается, все в жизни можно предсказать.

Глава 74

В ОДИНОЧЕСТВЕ И УНЫНИИ

Мишкин сидел за столом. Стол располагался у подножия стеклянной горы, возвышавшейся сразу за опушкой величайшего леса Гармонии. Мишкин пил кофе. Робот принес утреннюю почту.

Первым было официальное правительственное уведомление о причинах недоставки инженерного узла Л-1223А. Список причин состоял из пяти пунктов. Мишкин не стал их читать. Правительственное уведомление было размножено на ксероксе.

Следующим было письмо от дяди Арнольда:

«Дорогой Том.
Я сделал все, что мог, и задействовал все свои связи, но ничего не помогло. Мне не удалось переслать тебе твой узел для двигателя. Но я пока что не теряю надежды. (Твой дядя Арнольд никогда не сдается!) Возможно, ты этого не помнишь, но твой двоюродный племянник, Ирвинг Глюкман, работает бухгалтером в одном из филиалов корпорации «Ранд». Я попросил его спросить у своего начальника, не могут ли они оприходовать твою проблему по графе дел, затрагивающих национальные интересы — каковым оно, по сути дела, и является. На это не потребуется много времени, так что если ты не сможешь добраться домой другим способом, надо будет попробовать этот вариант. Не вешай нос, Том. И передай привет своему роботу».

Последним оказалось письмо от Человека с тысячей лиц:

«Дорогой Том.
Я сделал все, что было в моих силах, и даже немного больше, чтобы доставить вам запчасть взамен вышедшего из строя узла и вытащить вас из этой неприятности, поскольку именно я несу ответственность за то, что вы очутились в таком скверном положении. Я дошел до того, что создал совершенно новую последовательность, безукоризненно логичную, с типичными взаимоотношениями между персонажами, и все лишь для того, чтобы доставить вам этот узел. Но мой главный (новый главный) герой подхватил чуму, потерял всякий интерес к жизни и в результате отказался выполнять работу, для которой, собственно, я его сотворил. Я попытался заставить двух его помощников довести дело до ума, но они влюбились друг в друга и сбежали на Сейшельские острова, чтобы заниматься там ювелирным делом и вести здоровый образ

жизни. Потом я угробил кучу времени, но так ничего и не придумал. Мне очень жаль, но это было моей последней приличной идеей, а теперь мой врач говорит, что я настоятельно нуждаюсь в отдыхе.

Прости меня, Том. Мои нервы на пределе, я разбит, устал и ничего больше не могу для тебя сделать. Я просто передать не могу, до чего мне жаль, что эта история зашла в тупик, особенно если вспомнить, каким полезным и терпеливым персонажем ты был с самого ее начала.

Я прилагаю к этому письму отдельный пакет. Туда вложен ящик шоколада «Херши» с миндальной начинкой, маисовые лепешки и рукописная копия моей последней книги. Она называется «Пособие по выживанию на чужих планетах». Судя по отзывам беспристрастных читателей, это подробное, хорошо написанное исследование проблем, аналогичных тем, которые стоят сейчас перед тобой. В ней содержится много практических намеков и советов. Удачи тебе, дружище, выше знамя, держи хвост трубой, и все такое. Если ситуация вдруг изменится, я сразу же приму меры, но на самом деле тебе лучше на это особо не рассчитывать.

Всего тебе наилучшего.

Автор».

Глава 75

МИНУТА СЛАБОСТИ

О, это беспредельное одиночество! Эта заброшенность! Эта боль! Скорее, Ватсон, — иглу, таблетку, затяжку марихуаны, любое колесо! Слишком много звезд, слишком много. Долой эту телесную оболочку! Но сперва съедим этот недурной сыр и сандвич со студнем.

Глава 76

ЗАВЕРШАЮЩЕЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ

— Томми! Хватит играть!
— Я не играю, ма! Это все настоящее.
— Я знаю. Но все равно, хватит играть, иди домой.
Мишкин горько рассмеялся.
— Я не могу добраться домой — в том-то все и дело. Мне нужна запчасть для космического корабля...

— Я тебе что сказала — хватит играть! Брось эту метлу и сейчас же иди домой.

— Это не метла, это космический корабль. Мой робот говорит...

— А старый радиоприемник возьми с собой. Сейчас же иди домой, ужин стынет.

— Прямо сейчас, ма? Можно, я еще немножко поиграю?

— Уже темнеет, а ты еще не сделал домашнее задание. Немедленно домой.

— У-у-у...

— И нечего тут дуться.

— Ладно. Но это вправду космический корабль, и он вправду сломался.

— Хорошо, это настоящий сломанный космический корабль. Ты идешь домой?

— Уже иду, ма.

Глава 77

ЗАВЕРШАЮЩЕЕ ИСКАЖЕНИЕ

Человек с тысячей лиц превратился в Мишкина. Робот превратился в дядю Арнольда, который превратился в Орхидиуса, который преобразился в толстяка, который превратился в робота, который превратился в Человека с тысячей лиц, который превратился в Мишкина, который превратился... словом все смешалось, перепуталось.

Здесь нужно сделать небольшой перерыв, чтобы дать персонажам возможность восстановить свою внешность. Следует включить музыку сфер и накрыть столы с легкой закуской и освежающими напитками. Внутреннее убранство помещения пусть оформит Машина Иллюзий. Курить разрешается.

Последний экспонат

Перед вами фотография второго батальона тридцать второго пехотного полка седьмой дивизии Восьмой армии. Это длинная фотография, свиток, настоящий сувенир. Разворачивайте ее осторожно. Сколько похожих лиц! Обратите внимание: третий слева в четвертом ряду — Мишкин. На лице у него играет глуповатая улыбка. Он ничем не примечателен.

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

Ах, я закидывал свою сеть в их моря, желая наловить хороших рыб, но постоянно вытаскивал я голову какого-нибудь старого бога[1].

Ф. Ницше.
«Так говорил Заратустра»

Часть I

ОТБЫТИЕ

Глава 1

День был на редкость бестолковый. Придя в контору, Том Кармоди чуточку пофлиртовал с мисс Гиббон, позволил себе возразить самому мистеру Уэйнбоку и добрых пятнадцать минут обсуждал с Блэкуэллом шансы футбольной команды «Гиганты». В конце же дня он яростно заспорил с мистером Зейдлитцем — яростно, но совершенно не разбираясь в сути дела — об истощении природных ресурсов страны и беспощадном натиске разрушительных факторов, таких, как совместное обучение, армейская инженерная служба, туристы, огненные муравьи, а также издатели дешевого чтива. Все они (так он утверждал) в той или иной степени ответственны за порчу ландшафта и за уничтожение последних милых уголков нетронутой природы.

— Ну-ну, Том, — сказал язвительный Зейдлитц. — Неужели это и в самом деле вас беспокоит?

И впрямь...

А мисс Гиббон, привлекательная, с аккуратненьким подбородочком, вдруг заметила:

— О, мистер Кармоди, я считаю, что вы не должны говорить такое.

Что он говорил *такого* и почему не должен был говорить — Кармоди так и не мог припомнить. И грех остался на его совести, неосознанный и неотпущенный.

А его начальник, пухленький и мягкий мистер Уэйнбок, неожиданно проговорил:

— Послушайте, Том, а ведь в ваших словах, кажется, что-то есть. Я об этом подумаю.

Кармоди, однако, уже сам понял, что ничего особенного в его словах не было и думать об этом не стоило.

---

[1] Перевод Ю. М. Антоновского.

Высокий насмешливый Джордж Блэкуэлл, который умел говорить, не двигая верхней губой, и тот сказал:

— Думаю, вы правы, Кармоди, честное слово! Если они переведут Восса со свободной защиты на край, мы увидим настоящий пас.

А Кармоди, после дальнейших размышлений, пришел к выводу, что это ничего не изменит.

Кармоди был спокойным человеком, с юмором преимущественно меланхолическим. Его лицо как нельзя лучше соответствовало характеру. Рост и мнение о себе — чуть выше среднего. Убеждения его были шатки, зато намерения — всегда самые лучшие. Пожалуй, у него была склонность к унынию. Впрочем, оно легко сменялось вспышками возбуждения, то есть он был циклотимиком. Рослые остроглазые мужчины с предками-ирландцами, как правило, циклотимики, особенно после тридцати.

Он прилично играл в бридж, хотя и недооценивал свое мастерство. Считал себя атеистом, но больше по инерции, чем по убеждению.

Его воплощения, с которыми он ознакомился в Зале Кармы, были сплошь героическими. Родился он под знаком Девы при управлении Сатурна, находившегося в Доме Солнца. Уже одно это говорило о его незаурядности. Но человек остается человеком: предсказуем и непостижим одновременно. Шаблонное чудо!

Кармоди покинул контору в 5.45 и сел в метро. Там его толкали и мяли другие страдальцы. Умом он сочувствовал им, но боками остро ненавидел.

Он вышел на 96-й улице и прошел несколько кварталов пешком до своей квартиры на Вест-Энд-авеню. Швейцар весело приветствовал его, лифтер одарил дружеским кивком. Кармоди отпер дверь, вошел внутрь и лег на кушетку. Жена его проводила отпуск в Майами, поэтому он мог безнаказанно возложить ноги на мраморный столик.

Мгновение спустя раздался удар грома, и в комнате полыхнула молния. Непонятно зачем схватившись за горло, Кармоди приподнялся. Гром громыхал несколько секунд, затем вострубили трубы. Кармоди поспешно убрал ноги с мраморного столика. Трубы смолкли, их сменили бравурные звуки волынки. Снова вспыхнула молния, и в ее сиянии возник человек.

Человек, одетый в золотистый плащ и оранжевые брюки в обтяжку, был среднего роста, коренаст и светловолос. Лицо как лицо, но без ушей. Он сделал два шага вперед, остановился, сунул руку в пустоту и выдернул оттуда свиток, изрядно порвав его при этом. Откашлявшись (звук напоминал бренчание испорченного шарикоподшипника), он сказал:

— Приветствия!

Кармоди не ответил: от неожиданности он онемел.

— Мы приходить, — сказал пришелец, — как неожиданный ответчик невыразимой жажды. Ваших. Другие люди? Нет, не так! Буду это?

Пришелец ждал ответа. Кармоди доказал себе только ему одному известными способами, что все это происходит именно с ним и на самом деле. И спросил, как и полагается, когда все происходит на самом деле:

— Бога ради, что это значит?

Улыбаясь, пришелец сказал:

— Это для вас. Кар-Мо-Ди. Из сточной канавы «того, что есть» вам досталась малая, но замечательная порция «того, что может быть». Веселье, нет? Уточняю: ваше имя ведет к остальному. Случайность реабилитирована снова. Розоворукая Неопределенность хохочет во весь рот, а дряхлое Постоянство снова заперто в Пещере Неизбежности. Разве это не причина для? А почему вы не?

Кармоди встал, совершенно успокоившись. Неведомое перестанет быть страшным, когда оно становится назойливым. (Посланец, разумеется, это знал.)

— Кто вы? — спросил Кармоди.

Пришелец понял вопрос, и его улыбка погасла. Он пробормотал себе под нос: «Туманно мыслящие извилины! Опять неверно обработали меня! Я мог уклониться, вплоть до смертельного исхода даже! Неужели они не могут прицелиться без ошибки? Ничего, я переработаюсь, переделаюсь, приспособлюсь...»

Он прижал пальцы к голове и погрузил их вглубь сантиметров на пять. Пальцы затрепетали, будто он играл на крошечном пианино. И тотчас пришелец превратился в коротышку, лысого, в измятом костюме, с набитым портфелем, зонтиком, тростью, журналом и газетой.

— Так правильно? — спросил он. И сам себе ответил: — Да, вижу. В самом деле, я должен извиниться за неряшливую работу нашего Центра Уподобления. Только на прошлой неделе я появился на Сигме-4 в виде гигантской летучей мыши с Уведомлением в пасти. И тут же увидел, что мой адресат из породы водяных лилий. А двумя месяцами раньше (я употребляю местные эквиваленты времени) при миссии на Фагму Старого Мира эти дураки из Уподобления оформили меня в виде четырех дев, тогда как правильная форма, очевидно...

— Я не понимаю ни единого слова, — прервал его Кармоди. — Будьте добры, объясните, что это все значит.

— Конечно, конечно, — сказал пришелец. — Но позвольте мне проверить местные термины. — Он закрыл глаза, потом открыл снова. — Странно, очень странно, — пробормотал он. — Из ваших слов, фигурально говоря, не складывается склад для моей

продукции. Но кто я, чтобы осуждать? Неточности могут быть эстетически приняты. Все это дело вкуса.

— Что это значит? — переспросил Кармоди грозным басом.

— Это Интергалактическая Лотерея, конечно. И вы, сэр, выиграли главный приз, конечно. Изложенное соответствует моей внешности, разве нет?

— Нет, не соответствует, — сказал Кармоди. — И я не знаю, о чем вы толкуете.

Сомнение скользнуло по лицу чужестранца и тут же исчезло, словно его резинкой стерли.

— Вы не знаете? Ну конечно! Вы, полагаю, потеряли надежду на выигрыш. И постарались забыть, чтобы избежать волнений. Какое несчастье, что я пришел во время вашей умственной спячки! Но никакого вреда вам не причинят, уверяю вас. Документы у вас под рукой? Боюсь, что нет. Тогда я объясню. Вы, мистер Кармоди, выиграли приз в Интергалактической Лотерее. Селектор Случайностей для Части IV, Класса 32 Жизненных Форм вытянул ваш номер. Приз (очень красивый приз, уверяю вас) ожидает вас в Галактическом Центре.

Тут Кармоди обнаружил, что рассуждает примерно так:

«Либо я спятил, либо не спятил. Если спятил, значит, это бред, и тогда я должен обратиться к психиатру. Но в этом случае я оказываюсь в идиотском положении, ибо во имя смутных доводов рассудка пытаюсь отрицать то, что вижу и слышу. При этом в голове получается такая каша, которая только усугубляет помешательство; в конце концов моей несчастной жене придется положить меня в больницу.

С другой стороны, если я сочту этот бред реальностью, я тоже окажусь в больнице.

Если же я не сошел с ума и все происходит на самом деле, то это удивительная, единственная в своем роде случайность, приключение высшей марки. Очевидно (если это происходит на самом деле), во Вселенной есть существа, превосходящие людей по разуму. И эти существа устраивают лотереи, где имена выбираются по жребию. (Они имеют на это полное право. Не понимаю, почему лотерея не совместима с высшим разумом.) И, наконец, в этой предполагаемой лотерее выпало мое имя. Это большая честь: возможно, и Землю включили в лотерею впервые. В этой игре приз выиграл я. Такой приз может принести мне богатство, или почет, или женщин, или знания — словом, что-нибудь стоящее.

Учитывая все это, мне выгоднее поверить, что я не сошел с ума, пойти с этим джентльменом и получить приз. Если я ошибаюсь, я очнусь в больнице. Тогда я извинюсь перед врачами, признаю свои заблуждения и, возможно, выйду на свободу».

Вот так Кармоди рассуждал и к такому заключению пришел.

Вывод не удивительный. Очень мало людей (за исключением безумных) предпочтут гипотезу безумия гипотезе сенсационной новинки.

Конечно, в рассуждениях Кармоди были некоторые погрешности. В дальнейшем они должны были довести его до беды. Но здесь можно сказать одно: хорошо еще, что Кармоди вообще рассуждал в таких обстоятельствах.

— Я плохо понимаю, что тут к чему, — сказал он Посланцу. — Есть какие-нибудь условия у моего Приза? Надо сделать что-нибудь или оплатить?

— Никаких условий, — сказал Посланец. — По крайней мере, ничего достойного упоминания. Чистый Приз. Какой же Приз, если с условиями? Если вы принимаете его, вы должны отправиться со мной в Галактический Центр (а это путешествие само по себе стоит того, чтобы его совершить). Там вам вручат Приз. Затем, если захотите, вы сможете взять его с собой. Если вам понадобится помощь, чтобы вернуться, мы окажем вам всяческое содействие. Вот и все об этом.

— Меня это устраивает, — произнес Кармоди тоном Наполеона, одобрявшего диспозицию маршала Нея под Ватерлоо. — Как мы попадем туда?

— Вот так, — сказал Посланец. И потащил Кармоди в уборную, а оттуда — через трещину — в пространственно-временной континуум.

Все остальное было не труднее. За несколько секунд субъективного времени Кармоди и Посланец преодолели изрядное расстояние и оказались в Галактическом Центре.

Глава 2

Путешествие было кратким, заняв не более одного мгновения плюс микросекунду в квадрате, и бессобытийным, поскольку никаких фактов нельзя вместить в такой тонюсенький ломтик длительности. Поэтому после перехода, о котором нечего было сказать, Кармоди увидел вокруг себя широкие площади и диковинные строения Галактического Центра.

Он просто стоял спокойно и смотрел. Принял к сведению, между прочим, что над головой у него три тусклых карликовых солнца. Заметил деревья, которые бормотали невнятные угрозы зеленоперым птицам. Заметил и другие вещи, которые не сумел запомнить из-за недостатка земных аналогий.

— Ой-ой! — вымолвил он наконец.

— Простите, не понял, — переспросил Посланец.

— Я сказал «ой-ой».

— О! А мне послышалось «ой».

— Нет, я сказал «ой-ой».

— Теперь понятно, — сказал Посланец слегка раздраженно. — Ну и как вам наш Галактический Центр?

— Впечатляет, — признал Кармоди.

— И я так считаю, — небрежно заметил Посланец. — С таким расчетом его и строили. Правда, на мой взгляд, он почти ничем не отличается от любого другого Галактического Центра. Архитектура, как видите (вы, наверное, примерно этого и ожидали), неоциклопическая, типичный административный стиль, лишенный каких-либо эстетических принципов. Внешний вид должен производить впечатление на избирателей.

— Что-то есть в этих плавающих в небе лестницах, — заметил Кармоди.

— Сценично, — согласился Посланец.

— И эти громадные здания...

— Да, конструктор удачно применил сочетание вывертывающихся кривых с исчезающими точками, — сказал Посланец тоном знатока. — А также использовал искривление времени, чтобы внушить благоговение. Довольно мило, по-моему. Кстати, вам, наверное, будет интересно узнать, что оформление вон той группы зданий целиком содрано на вашей планете — с выставки «Дженерал Моторс». Оно было признано выдающимся образчиком примитивного квазимодернизма: причудливость и изнеженность — его основные черты. А эти вспыхивающие огни перед Плавающим Мультинебоскребом — чистейшее галактическое барокко. Функциональности в них никакой.

Кармоди никак не удавалось охватить все эти сооружения одним взглядом. Ему казалось, что, пока он смотрит на одно, другие меняют форму. Он щурился и напрягал зрение, но здания продолжали таять и меняться. («Периферическая трансмутация, — пояснил Посланец. — Здешние обитатели прямо-таки ни перед чем не останавливаются».)

— Ну а где же я получу мой Приз? — спросил Кармоди.

— Сюда, направо, — сказал Посланец и повел его между двумя башенными фантазиями к маленькому прямоугольному домику, спрятавшемуся за перевернутым фонтаном.

— Делом мы занимаемся здесь, — продолжал Посланец. — Последние исследования показали, что прямолинейная форма действует успокаивающе на синапсы многих организмов. И я горжусь этим зданием. Дело в том, что прямоугольник изобрел я.

— Черта с два, — сказал Кармоди. — Мы знаем прямоугольники испокон веков.

— И кто же, по вашему мнению, принес вам самый первый? — язвительно спросил Посланец.

— Мне кажется, что тут нечего изобретать.

— Как это нечего? — переспросил Посланец. — Это показывает, как мало вы знаете. Вы принимаете сложность за творческое самовыражение. Знаете ли вы, что природа никогда не создавала правильный прямоугольник? Квадрат — очевидная вещь, это ясно. И тому, кто не вникал в суть проблемы, может показаться, что прямоугольник вырастает из квадрата естественно. Нет и нет! На самом деле эволюционное развитие квадрата приводит к кругу.

Глаза Посланца затуманились. Спокойным и отрешенным голосом он сказал:

— Я всегда чувствовал, что возможно иное развитие идеи квадрата. Я рассматривал его так и сяк. Эта сводящая с ума тождественность ставила меня в тупик. Равные стороны, равные углы. Некоторое время я экспериментировал с углами. Так появился первый параллелограмм, но я не считаю его большим достижением. Я изучал квадрат. Правильность приятна, но не сверх меры. Как же изменить это изнуряющее мозг однообразие, сохранив все же явственную периодичность? И однажды решение пришло ко мне! В какой-то внезапной вспышке озарения я понял, что нужно сделать. Менять длину параллельных сторон — вот и все, что требовалось. Так просто и так трудно! Дрожа, я попробовал. И когда это получилось, признаюсь, я сделался просто одержимым. Целыми днями и неделями я конструировал прямоугольники разного размера, разного вида, все правильные и все различные. Поистине я был рогом изобилия прямоугольников. То были потрясающие дни.

— Представляю себе, — сказал Кармоди. — Ну а позже, когда ваша работа была признана?

— Это тоже было потрясающе. Но прошли столетия, прежде чем мои прямоугольники начали принимать всерьез. «Это забавно, — говорили мне, — но когда новизна отойдет, что у вас останется? Останется несовершенный квадрат, больше ничего». Я страдал от непонимания. Но в конце концов мои взгляды победили. На сегодняшний день в Галактике имеется более 70 биллионов прямоугольных структур. И каждая из них ведет происхождение от моего первоначального прямоугольника.

— Ну и ну! — вздохнул Кармоди.

— Так или иначе, но мы на месте, — сказал Посланец. — Идите туда, направо. Сообщите требуемые данные и получите Приз.

— Спасибо, — поблагодарил Кармоди.

Он вошел в комнату. В мгновение ока стальные ленты охватили его руки, ноги, талию и шею. Высокая мрачная личность с ястребиным носом и шрамом на левой щеке уставилась на Кармоди со странным выражением: убийственное веселье сочеталось в нем с елейной печалью.

Глава 3

— Эй, в чем дело? — крикнул Кармоди.

— Итак, — изрекла мрачная личность, — опять преступник сам бежит на плаху. Смотри на меня, Кармоди! Я твой палач. Ты заплатишь сейчас за свои преступления против человечества и грехи против себя самого. И позволь добавить, что это лишь предварительное наказание, которое не будет зачтено при вынесении окончательного приговора.

Палач вытащил из рукава нож. Кармоди проглотил комок, застрявший в горле, и снова обрел членораздельную речь.

— Стойте! — закричал он. — Я здесь не для казни.

— Знаю, знаю! — успокаивающе сказал палач, глядя вдоль лезвия на яремную вену Кармоди. — Что еще ты скажешь?

— Но это правда, — выкрикнул Кармоди. — Я думал, что получу Приз.

— Что? — переспросил палач.

— Приз, будьте вы прокляты, Приз! Спросите Посланца. Он привел меня получать Приз.

Палач пристально поглядел на него и отвернулся с видом невинной овечки. Он щелкнул выключателем на приборной доске. Стальные ленты превратились в серпантин, черное одеяние палача — в белый костюм клерка. Нож стал авторучкой. На месте шрама появился жировичок.

— Все в порядке, — сказал без тени сожаления бывший палач. — Я же предупреждал их, что не следует объединять Департамент Мелких Преступлений и Бюро Лотерей. Но нет, меня не слушают. Им на руку, если бы я убил вас. Вот смеху-то было бы, правда?

— Мне было бы не до смеху, — сказал Кармоди, дрожа.

— Ладно, нет смысла плакать из-за непролитой крови, — сказал Клерк. — Если бы мы принимали во внимание все обстоятельства, то вскоре исчерпали бы обстоятельства, необходимые, чтобы все принимать во внимание... Да, о чем это я? Впрочем, неважно. Предложение правильно, даже если слова не верны. Ваш Приз где-то здесь.

Он нажал кнопку на своем пульте. В комнате тут же материализовалась массивная конторка, которая на миг повисла в воздухе на высоте двух футов от пола, а затем с грохотом упала. Клерк начал открывать ящики, вытаскивая бумаги, сандвичи, листики копирки, регистрационные карточки и огрызки карандашей.

— Приз должен быть где-то здесь, — сказал он с оттенком отчаяния. Нажал на другую кнопку. Конторка исчезла вместе с пультом.

— Проклятье, нервы ни к черту! — воскликнул Клерк. Он

сунул руку в воздух, что-то там нашел и нажал. Очевидно, это была не та кнопка, поскольку на сей раз с предсмертным стоном исчез сам Клерк. Кармоди остался в одиночестве.

Он ожидал, беззвучно напевая про себя. Клерк возник снова; выглядел он не хуже, чем до своего неудачного эксперимента, если не считать синяка на лбу и некоторой грусти в глазах. Под мышкой он держал небольшой пакет в яркой обертке.

— Прошу прощения за задержку, — сказал он. — Ничего не получается сразу и как следует.

— Вам пришлось обежать всю Галактику? — пошутил Кармоди, намекая на общеизвестную сказку.

— Почему вы вообразили, что мы бегаем? — нахмурился Клерк. — Мы только вручаем.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Но я полагал, что здесь, в Галактическом Центре...

— Вы, провинциалы, все одинаковы, — устало сказал Клерк. — Вы переполнены беспочвенными мечтами о порядке и совершенстве, которые не что иное, как идеализированные проекции вашей собственной неполноценности. Пора бы вам знать, что жизнь — это большая помойка и что всякий порядок имеет тенденцию нарушаться, а не наоборот; чем выше разум, тем больше сложностей он подмечает. Может, вы слыхали о теореме Холджи: порядок есть самая примитивная и произвольная группировка объектов в хаосе Вселенной. И если разум и сила существа приближаются к максимуму, то его коэффициент контроля (выражаемый через произведение разума и силы и обозначаемый символом Инь) стремится к нулю, поскольку число объектов, подлежащих осмыслению и контролю, увеличивается в геометрической прогрессии, катастрофически опережая Понимание, растущее всего лишь в арифметической прогрессии.

— Я никогда не думал об этом, — вежливо сказал Кармоди. Но ему уже начала надоедать бойкость гражданских служащих Галактического Центра. На все у них был ответ, а по существу они просто не работали как следует, сваливая свои промахи на космические законы.

— Ну да, все это верно, — продолжал Клерк. — Ваша точка зрения (я позволил себе прочесть ваши мысли) хорошо обоснована. Как и все другие организмы, мы используем разум, чтобы выявлять несоответствия. Но дело в том, что вещи всегда оказываются чуточку сложнее наших представлений о них. Справедливо и то, что мы не стремимся охватить их во всей полноте — делаем свое дело машинально и невнимательно, а иной раз даже ошибаемся. Важные документы лежат не на месте, машины барахлят, целые планетные системы выпадают из поля зрения. Но это легко объяснимо: как и всякие существа, наделенные свободой воли,

мы подвержены влиянию эмоций. А что вы хотите? Кто-то же должен контролировать Галактику, иначе все полетит к чертям. Ведь галактики — это зеркальные отражения их обитателей: пока все и вся не способны управлять самими собой, необходим определенный внешний контроль. И кто же сделает это, если не мы?

— Разве вы не можете для этого построить машины? — спросил Кармоди.

— Машины! — презрительно воскликнул Клерк. — У нас их хватает, причем довольно сложных. Но даже лучшие из них похожи на ученых идиотов. Они хороши лишь для утомительно прямолинейных задач, вроде сооружения звезд или разрушения планет. Но поручите им что-нибудь трудное, например, утешать вдову, и они просто разлетятся на куски от натуги. Поверите ли, крупнейший компьютер нашего сектора, который запросто обустроит целую планету, не способен поджарить яичницу или сочинить мелодию, а в этике он разбирается хуже новорожденного волчонка. И вы хотите, чтобы такая штука командовала вашей жизнью?

— Конечно, нет, — сказал Кармоди. — Но неужели никто не смог построить машину, умеющую рассуждать и творить?

— Кто-то смог. — Клерк пожал плечами. — Но она была сконструирована так, чтобы учиться на собственном опыте, а это означает, что на пути к истине она обязательно совершает ошибки. Ее выпускают в различных вариантах, отличающихся формой и размерами. Очевидные недостатки этой модели, как оказалось, являются продолжением ее достоинств. Пока никому не удалось усовершенствовать базовую конструкцию, хотя пытались многие. Это оригинальное устройство называется «разумной жизнью».

Клерк улыбнулся самодовольной улыбкой творца афоризма. Кармоди захотелось щелкнуть его по курносому носику, вздернутому, как у мопса. Но он сдержался.

— Если вы закончили лекцию, — сказал он, — я хотел бы получить Приз.

— Как вам угодно, — сказал Клерк. — Если, конечно, вы уверены, что хотите получить его.

— А есть какие-нибудь причины, чтобы не хотеть?

— Конкретной причины нет, — ответил Клерк. — Есть только общее правило: если у вас появляется какая-то новинка, это всегда чревато последствиями.

— Я попытаю счастья, — улыбнулся Кармоди. — Пусть будет Приз.

— Ну хорошо, — сказал Клерк. Он вытащил из маленького заднего кармана большой блокнот и сотворил карандаш. — Итак, сначала мы должны заполнить карточку. Ваше имя Кар-Мо-Ди, вы с планеты 73С, системы ВВ454С252 Левого Квадранта Местной Галактической системы из LK по CD, и вы выбраны по жребию примерно из двух биллионов претендентов. Правильно?

— Вам это лучше известно, — сказал Кармоди.

— Так... минуточку... — пробормотал Клерк, быстро листая страницы. — Я пропущу описание, поскольку вы берете Приз на свой страх и риск.

— Конечно, пропускайте, — согласился Кармоди.

— И затем есть еще раздел об Определении Съедобности, параграф о Взаимном Несоответствии Понятий между вами и Бюро Лотерей Галактического Центра, параграф о Безответственной Этике и, конечно, Определитель Предельных Сроков Наследования. Но все это стандартные правила; полагаю, вас они не смущают?

— Конечно, с какой стати? — сказал Кармоди, чувствуя, что голова у него идет кругом. Ему не терпелось посмотреть, как выглядит Приз Галактического Центра. И он страшно хотел, чтобы закончилась волокита.

— Очень хорошо, — сказал Клерк. — Теперь подпишитесь вот тут под текстом на мыслечувствительной полоске, и делу конец.

Не совсем понимая, что от него требуется, Кармоди подумал: «Да, я принимаю Приз на всех установленных для сего условиях». Низ странички порозовел.

— Спасибо, — сказал Клерк. — Контракт самолично засвидетельствовал согласие. Примите поздравления, Кармоди, и вот ваш Приз.

Он вручил коробку в веселенькой обертке. Кармоди пробормотал благодарность и нетерпеливо принялся ее разворачивать. Но не успел из-за внезапного грубого вторжения. В комнату ворвался безволосый коротышка в сверкающей одежде.

— Ха! — воскликнул он. — Я застал вас на месте преступления, клянусь клутенами! Вы что, на самом деле надеетесь удрать с ним?

Коротышка кинулся к Призу, но Кармоди поднял коробку над головой.

— Что вам нужно? — закричал он.

— Нужно? Мне нужен Приз, что еще? Я Кармоди!

— Нет, вы не Кармоди, — сказал Кармоди. — Это я Кармоди.

Маленький человек остановился и поглядел на него с удивлением.

— Вы претендуете на то, что вы — Кармоди?

— Я не претендую. Я и есть Кармоди.

— Кармоди с планеты 73С?

— Я не знаю, что такое 73С, — сказал Кармоди. — Мы называем свою планету Землей.

Коротенький Кармоди уставился на него. Ярость на его лице сменилась сомнением.

— Земля? — переспросил он. — Не уверен, что слышал о такой. Она член Члзерианской Лиги?

— Нет, насколько мне известно.

— Может быть, она входит в Ассоциацию Независимых Планетовладельцев? Или в Звездный Кооператив Скеготайн? Или она принадлежит к Объединенному Планет-профсоюзу? Нет? А ваша планета вообще член какой-нибудь надзвездной организации?

— Думаю, что нет.

— Так я и знал! — воскликнул маленький Кармоди и обернулся к Клерку: — Посмотрите на него, идиот! Посмотрите на это существо, которому вы вручили мой Приз. Посмотрите на эти тупые свинячьи глазки, на его челюсти, на роговые отростки на концах его пальцев!

— Стойте! — прервал Кармоди. — Вы не имеете права оскорблять меня.

— Вижу, вижу, — согласился Клерк. — Действительно, не рассмотрел раньше. Никак не ожидал, что...

— Почему, черт побери? — закричал космический Кармоди. — Ведь любой сразу же сказал бы вам, что это существо не из 32-го класса жизненных форм. Факт налицо: этот тип даже близко не лежал возле 32-го класса. Он даже не дошел до галактического статуса! Вы — круглый идиот, вы вручили мой Приз какому-то ничтожеству, почти животному!

Глава 4

— Земля! Земля! — рассуждал коротенький Кармоди. — Теперь я припоминаю такое название. Недавно появилось сообщение *об изолированных мирах и особенностях их развития*. Земля упоминается там как планета, населенная маниакально сверхпродуктивными видами жизни. Манипуляция веществом в самом отсталом варианте. Пытаются выжить за счет реаккумуляции собственных отбросов. Короче, нездоровое место. Думаю, что ее не включили во Всегалактический План из-за хронической Вселенской несовместимости. В будущем ее реконструируют и превратят в заповедник для нарциссов.

Всем стало ясно, что произошла трагическая ошибка. Обвинили в невнимательности Посланца — он не отрицал очевидного. Клерк же, напротив, стойко отстаивал свою невиновность, ссылаясь на уважительные причины, которые, впрочем, никто не уважил.

А Лотерейный Компьютер, который-то, главным образом, и напутал, один из всех, вместо того чтобы извиняться и оправдываться, не только признал ошибку, но даже явно гордился ею.

— Я изготовлен, — объявил Компьютер, — с минимальными допусками. Я рассчитан на выполнение сложных и точных операций, допускающих не более одной ошибки на пять биллионов действий.

— Ну и что с того? — спросил Клерк.

— Вывод ясен: я запрограммирован на ошибку, и я выполнил то, на что запрограммирован. Вы должны запомнить джентльмены, что для машины ошибка имеет этическое значение, да-да, исключительно этическое. Идеальная машина невозможна, и любая попытка создать такую машину была бы богохульством. Во все живое, даже в ограниченно живую машину, обязательно встроена ошибка. Это один из нескольких признаков, отличающих жизнь от детерминизма неживой материи. Сложные машины вроде меня занимают промежуточное положение между живым и неживым. Если бы мы никогда не ошибались, то были бы... э-э... неуместными, отвратительными и... и бессмертными. Джентльмены, я смею утверждать, что погрешность — это наша форма служения тому, кто совершеннее нас, но не позволяет себе видимого совершенства, если бы ошибка не была предусмотрена Верховным Программистом, то мы ошибались бы спонтанно, демонстрируя тем самым, что нам, как и живым существам, достались какие-то крохи свободы воли.

Все склонили головы, ибо Лотерейный Компьютер говорил о священных вещах. Галактический Кармоди, известный также как Кармод, смахнул слезу и сказал:

— Не могу возразить, хотя и не согласен. Право быть неправым — основное в космосе. Машина поступила высоконравственно.

— Спасибо, — скромно сказал Компьютер. — Я стараюсь.

— Но остальные, — продолжал Кармод, — просто дурака валяли.

— Это наше неотъемлемое право, — напомнил ему Посланец. — Делая глупости при выполнении своих обязанностей, мы тем самым поклоняемся Святой Ошибке. Это заслуживает смирения, а не презрения.

— Будьте так добры, избавьте меня от вашей сладкоречивой религиозности, — сказал Кармод. — А ты, — продолжал он, поворачиваясь к земному Кармоди, — ты слышал, что тут говорили? Уловил суть своим первобытным умишком?

— Я понял, — кратко ответил Кармоди.

— Теперь ты знаешь, что этот Приз принадлежит мне, он мой

по праву. Итак, сэр, я вынужден вас просить и я вас прошу передать его мне.

Кармоди был уже склонен к тому, чтобы согласиться. Он устал от своего приключения и не чувствовал непреодолимого желания отстаивать Приз. Ему хотелось домой, хотелось сесть и обдумать все, что случилось, часок соснуть, выпить чашечку кофе, выкурить сигарету.

Конечно, приятно было бы и Приз удержать, но, кажется, игра не стоила свеч. И Кармоди был готов уже передать коробку, как вдруг услышал приглушенный шепот:

— Не делай этого!

Кармоди быстро огляделся и понял, что голос исходит из коробки в веселенькой обертке. Говорил сам Приз.

— Ну-ну, давай же, — настаивал Кармод. — Не тяни. У меня неотложные дела.

— К черту его и его дела, — прошептал Приз. — Я твой Приз. Нет никаких оснований отдавать меня.

Пожалуй, теперь все выглядело в ином свете. Кармоди уже готов был отдать Приз, ему не хотелось ввязываться в хлопоты в чуждом неведомом мире. И он уже протянул было руку, когда Кармод опять раскрыл рот:

— Отдай его сию же минуту, ты, слизняк бесформенный! — закричал он. — Давай быстренько и изобрази извинение на своей примитивной физиономии, а не то я вышибу из тебя это упрямство!

Кармоди сжал челюсти и отдернул руку. Слишком долго его тут оскорбляли. Он не мог уступить, хотя бы из самоуважения.

— Пошел к черту, — сказал он, невольно повторяя слова Приза.

Космический Кармоди понял, что выбрал неверную тактику. Он позволил себе большую роскошь: гнев и насмешки, если даешь им выход за пределами своей уединенной звукоизолированной пещеры, обычно обходятся слишком дорого. Вот и сейчас, поиграв словами, он упустил свой шанс на выигрыш. Чувства завели его слишком далеко — приходилось идти на попятную.

— Прошу простить мой воинственный тон, — сказал он. — Моя раса склонна к самовыражению, принимающему порой разрушительные формы. В том, что вы принадлежите к низшим существам, вашей вины нет. Я не хотел оскорбить вас.

— Ладно, все в порядке, — сказал Кармоди вежливо.

— И вы отдадите мой Приз?

— Нет, не отдам.

— Но, дорогой сэр, это же мой Приз. Его выиграл я, и по всей справедливости...

— Приз не ваш, — заявил Кармоди. — Мое имя было выбрано законными властями, а именно Лотерейным Компьютером.

Полномочный Посланец принес мне извещение, и Клерк, официальное лицо, вручил мне этот Приз. Итак, все ответственные распорядители, а также и сам Приз, считают меня законным получателем.

— Ну, детка, ты и сказанул, — шепнул Приз.

— Но, дорогой сэр! Вы же сами слышали. Компьютер признал свою ошибку! И по вашей собственной логике...

— Это утверждение нужно сформулировать иначе, — сказал Кармоди. — Компьютер вовсе *не признал* ошибку ошибкой, сиречь актом беспечности и недосмотра. Он признался в ошибке, которая совершена умышленно и благоговейно. Означенная ошибка, по его собственному утверждению, была предусмотрена, тщательно запланирована и скрупулезно рассчитана во имя эстетических и религиозных идеалов, внушающих всяческое уважение.

— Да этот тип спорит не хуже самого Борка, — пробурчал Кармод. — Тот, кто не знает его как следует, может даже подумать, что это истинный разум, а не тупое механическое копирование заученных образцов. Однако я воспользуюсь этим же оружием, и писклявый тенор его отговорок потонет в мощном басе неопровержимой логики!

Кармод повернулся к Кармоди и заявил:

— Допустим, что машина ошиблась преднамеренно, на чем и основана ваша аргументация. Но вы приняли Приз и тем самым поставили в этом деле точку. Удерживать Приз дальше — значит превращать оплошность в законную награду, а двойное благочестие, как известно, становится богохульством.

— Ха! — воскликнул Кармоди, увлеченный духом спора. — Чтобы доказать свою правоту, вы рассматриваете ошибку не во всей ее полноте, а как некий мгновенный акт. Очевидно, что это не так. Ошибка существует только в своих последствиях — лишь они и придают ей значение. Не увековеченная ошибка вообще не может считаться ошибкой. Поправимая и безрезультатная ошибка — это самый что ни на есть верный признак поверхностного благочестия. По-моему, так лучше вообще ее не совершать, чем подменять ханжеским лицемерием! А еще я вот что скажу: для меня не такая уж потеря отдать этот Приз, потому что я даже не знаю его ценности. Но это огромная потеря для благочестивой машины, этого скрупулезно законопослушного Компьютера, который, проходя сквозь бесконечный ряд пяти биллионов правильных действий, терпеливо ожидал возможности проявить свое богом данное несовершенство.

— Слушайте! Слушайте! — вскричал Приз. — Браво! Ура! Хорошо сказано! Совершенно правильно и неопровержимо!

Кармоди скрестил руки на груди, глядя на смущенного противника. Он был очень горд собой. Не так уж плохо для человека

с Земли, попавшего в Галактический Центр без всякой подготовки! Встречающиеся там высшие жизненные формы совсем не обязательно должны быть разумнее людей. По галактическим меркам разум ценится не выше, чем длинные когти или крепкие копыта. А инопланетные существа и впрямь обладают множеством способностей — и на словах, и на деле. Некоторые, например, могли заговорить руку человека, внушить, что она оторвалась. Оказываясь лицом к лицу с обладателями таких талантов, люди Земли испытывали глубокую неполноценность, бессилие, несоразмерность и никчемность. А поскольку эти ощущения подтверждаются в Галактике на каждом шагу, возникшая психическая травма постоянно усиливается. Результатом чаще всего является психомоторное торможение и прекращение всякой активности за исключением чисто рефлекторных процессов. Такое развитие событий можно предотвратить, только изменив всю природу Вселенной, что, конечно, не очень практично. Таким образом, посредством своей безрассудной контратаки Кармоди избежал страшной опасности, нависшей над его рассудком.

— Ты складно говоришь, — неохотно признал Кармод. — Но Приз будет моим.

— Не будет!

Глаза чужака зловеще сверкнули. Клерк и Посланец тут же разбежались по углам, а Компьютер, пробормотав: «Неумышленная ошибка ненаказуема», быстро выкатился из комнаты. Кармоди не отступил, поскольку отступать ему было некуда. Приз прошептал: «Смотри в оба», — и сжался в кубик со стороной не более дюйма.

Из ушей Кармода раздался гул, над головой вспыхнул фиолетовый нимб. Он поднял руки, и с кончиков его пальцев полетели капли расплавленного свинца. Он угрожающе шагнул вперед, и Кармоди невольно зажмурился.

И ничего не произошло. Кармоди открыл глаза.

За это мгновение Кармод, очевидно, передумал и разоружился. На его губах играла вежливая улыбка.

— По зрелом размышлении, — сказал он лукаво, — я решил отказаться от своих прав. То, что предвидишь, осуществляется не сразу, особенно в такой неорганизованной Галактике, как наша. Мы можем встретиться, а можем и не встретиться, Кармоди. Не знаю, что для вас лучше. Прощайте, Кармоди, *счастливого* вам пути.

С этим зловеще прозвучавшим пожеланием Кармод исчез. Кармоди нашел его манеры странными, но весьма впечатляющими.

Часть II

КУДА?

Глава 5

— Ну и ладно, — сказал Приз. — Будь что будет. Надеюсь, мы в последний раз видели этого урода. Пошли к тебе домой, Кармоди!

— Прекрасная мысль, — охотно согласился Кармоди. — Посланец, я хочу домой!

— Вполне естественное желание, — сказал Посланец. — И вполне реалистичное. Я сказал бы даже, что вам следует отправиться домой — и как можно скорее.

— Ну так и отправьте меня.

Посланец покачал головой:

— Это не мое дело. Я обязан был только доставить вас сюда.

— Чье же это дело?

— Ваше собственное, Кармоди, — сказал Клерк.

Кармоди почувствовал, что тонет. Он начал понимать, почему Кармод так легко отступился.

— Послушайте, — взмолился он, — мне совестно затруднять вас, но я действительно нуждаюсь в помощи.

— Хорошо, — сказал Посланец. — Давайте координаты вашего дома, и я доставлю вас.

— Координаты? Понятия не имею о координатах. Моя планета называется Землей.

— Пусть Земля, пусть Зеленый Сыр, безразлично. Если хотите, чтобы я вам помог, нужны координаты.

— Но вы же там были! Вы же прибыли на Землю и оттуда доставили меня...

— Вам это только показалось, — терпеливо пояснил Посланец. — На самом деле я отправился в точку, координаты которой дал мне Клерк, а он получил их от Лотерейного Компьютера. В той точке были вы, и я привел вас сюда.

— А вы можете доставить меня назад по тем же координатам?

— Могу, и с величайшей легкостью, но вы там ничего не найдете. Галактика, знаете ли, не статична. В ней все движется — и каждый предмет со своей скоростью и по своему пути.

— А вычислить по этим координатам теперешнее положение Земли вы можете? — спросил Кармоди.

— Я не могу даже сложить столбика цифр, — гордо сказал Посланец. — Мои таланты лежат в другой области.

Кармоди повернулся к Клерку:

— Тогда, может быть, вы? Или Лотерейный Компьютер?

— Я тоже не силен в сложении, — отмахнулся Клерк.

— А я складываю великолепно, — объявил Компьютер, снова вкатываясь в комнату. — Но мои функции ограничены отбором выигравших в Лотерее и определением их местонахождения в пределах допустимой ошибки. Ваше местонахождение я установил (сейчас вы здесь). Следовательно, интересная теоретическая работа по определению текущих координат вашей планеты мне запрещена.

— Может, сделаете одолжение? — взмолился Кармоди.

— На одолжения не запрограммирован, — ответил Компьютер. — Найти вашу планету для меня так же невозможно, как поджарить яичницу или разделить Новую на три равные части.

— Но хоть кто-нибудь мне поможет?

— Не отчаивайтесь, — сказал Клерк. — Есть «Служба Помощи Путникам», она все организует в единый миг. Я сам вас туда доставлю. Дайте им координаты вашего дома, и они все сделают.

— Но я их не знаю!

Все опешили, на какое-то время лишившись дара речи. Первым пришел в себя Посланец:

— Кто же может знать ваш адрес, если вы и сами-то его не знаете? Эта Галактика, может, и не бесконечна, но все-таки она достаточно велика. Существо, не знающее своего Местожительства, не должно выходить из дома.

— Тогда я этого не знал, — сказал Кармоди.

— Вы могли спросить.

— Мне и в голову не приходило... Слушайте, вы должны мне помочь. Неужели так трудно выяснить, куда передвинулась моя планета?

— Это невероятно трудно, — сказал Клерк. — «Куда» — только одна из трех необходимых координат.

— А какие же две другие?

— Еще нам нужно знать «Когда» и «Которая». Мы называем их «Три К» Местожительства.

— Какая разница, называйте хоть Зеленым Сыром, — внезапно взорвался Кармоди. — Как находят дорогу домой другие существа?

— Они используют свой наследственный инстинкт гнезда, — сказал Посланец. — Между прочим, вы уверены, что у вас его нет?

— Не знаю, — ответил Кармоди.

— Откуда у него инстинкт гнезда? — вставил Приз негодующе. — Парень ведь никогда не покидал родной планеты! У него такой инстинкт просто не мог развиться.

— Справедливо. — Клерк устало вытер лицо. — Вот что получается, когда имеешь дело с низшими формами жизни. Будь проклята эта машина и ее благочестивые ошибки!

— Только одна на пять биллионов, — сказал Компьютер. — Честное слово, я не требую слишком многого.

— Никто вас не обвиняет, — вздохнул Клерк. — Собственно говоря, никто никого не винит. Но нам нужно решить, что с ним делать.

— Большая ответственность! — вздохнул Посланец.

— Конечно, — согласился Клерк. — А может, прикончить его, и дело с концом?

— Эй-эй! — крикнул Кармоди.

— О'кей, я согласен, — сказал Посланец.

— Что вам о'кей, то и мне о'кей, — присоединился Компьютер.

— Я не в счет, — сказал Приз. — Я пока еще не во всем разобрался, но в самой идее мне чудится что-то неправильное.

Кармоди произнес страстную речь о том, что он не хочет умирать и не должен быть убит. Он взывал к лучшим чувствам своих судей и принципу честной игры. Но его заявление было признано пристрастным и вычеркнуто из протокола.

— Придумал! — неожиданно сказал Посланец. — Что вы скажете об альтернативном решении? То есть давайте не убивать его. Давайте искренне и в полную меру наших сил поможем ему вернуться домой, живым и невредимым, в здравом уме и твердой памяти.

— Это мысль, — согласился Клерк.

— Таким способом, — продолжал Посланец, — мы явим образец величайшего милосердия, тем более бесценного, поскольку оно будет напрасным, так как, по всей видимости, наш клиент все равно по дороге будет убит.

— И поспешим, — сказал Клерк, — если не хотим, чтобы его убили у нас на глазах, прежде чем мы кончим этот разговор.

— А в чем дело? — встревожился Кармоди.

— Я все тебе потом объясню, — прошептал Приз. — Если, конечно, у тебя будет это «потом». А если найдется еще время, я расскажу тебе потрясающую историю о себе самом.

— Приготовьтесь, Кармоди! — воззвал Посланец.

— Я готов, — сказал Кармоди. — Надеюсь.

— Готов или нет, отчаливай!

И Кармоди отчалил.

Глава 6

Возможно, впервые в истории рода людского человек провалился на месте в полном смысле слова. Кармоди казалось, что сам он недвижим, а все вокруг разъезжается. Посланец и Клерк

растаяли вдали. Галактический Центр стал плоским, похожим на скверно намалеванную театральную декорацию. Затем в ее левом верхнем углу появилась трещина и, расширяясь и удлиняясь, поползла по диагонали вниз. Края ее отогнулись, открывая кромешную тьму. И декорация, она же Галактический Центр, свернулась в два рулона. От Центра не осталось даже мусора.

— Не бойся, это все зеркала, — шепнул Приз.

Пояснение еще больше испугало Кармоди. Он старался держать себя в руках и еще крепче держал в руках Приз. Тьма стала абсолютной, беспросветной, безгласной и пустой — самый настоящий космос. Кармоди терпеливо перенес это превращение, хотя сколько оно длилось, он так и не понял.

Затем в один миг сцена вновь осветилась. Кармоди стоял на твердой земле. Перед ним высились горы, белые, как обглоданные кости. У ног лежала река застывшей лавы. Слабый ветер дул в лицо. Над головой висели три крошечных красных солнца.

Местность выглядела куда диковинней, чем Галактический Центр, но все же Кармоди почувствовал облегчение. Такие пейзажи видишь иногда во сне. Центр же был из ряда настоящих кошмаров.

Тут он спохватился, что в руках у него нет Приза — куда же он мог подеваться? Кармоди начал растерянно озираться и вдруг ощутил, что вокруг его шеи что-то обвилось... Маленький зеленый уж!

— Это я, — прошипела змейка. — Твой Приз. Просто я в другом образе. Форма, видишь ли, это функция среды, а мы, Призы, к среде чрезвычайно чувствительны. Так что не волнуйся, детка, я с тобой. Мы еще освободим Европу от корсиканского чудовища.

— Что-о?

— А ты ищи аналогии, — посоветовал Приз. — Видишь ли, доктор, мы, Призы, при всей глубине нашего интеллекта не обзавелись собственным языком. Да и к чему нам свой язык, если нас все равно раздают разным пришельцам? Я просто запускаю руку в склад твоих ассоциаций и выуживаю оттуда словечки, чтобы пояснить мою мысль. Ну как, пояснил я мою мысль?

— Не очень, — вздохнул Кармоди. — Потом разберусь.

— Вот и умница, — сказал Приз. — Слова могут показаться сперва туманными, но ты обязательно их дешифруешь. В конце концов, это же твои слова. У меня есть прелестный анекдот на эту тему, но, боюсь, теперь нам не до анекдотов. Похоже, очень скоро что-то произойдет.

— Что? Что произойдет?

— Кармоди, мон шер, нет времени все объяснять, нет времени объяснить даже самое необходимое, то, что ты обязан был знать, чтобы сохранить свою жизнь. Клерк и Посланец были так любезны...

— Эти убийцы и ублюдки!

— Не следует так легко осуждать убийство, — сказал Приз с упреком. — Это показывает беспечность твоей натуры. Я припоминаю дифирамб на эту тему, но процитирую его после. Так о чем я? Да, о Клерке и Посланце. Изрядно потратившись, эта достойная пара послала тебя именно в то место Галактики, где (вполне возможно) тебе помогут. Они вовсе не обязаны были это делать. Они запросто могли бы казнить тебя за будущие преступления или послать на твою планету, но только туда, где она была раньше и где ее, безусловно, нет сейчас. А могли и проэкстраполировать ее наиболее вероятное положение в данный момент и послать тебя туда. Но поскольку они неважные экстраполяторы, то и результат был бы неважным во всех отношениях. Так что, видишь ли...

— Да, но где я сейчас? — спросил Кармоди. — И что должно здесь произойти?

— Я к тому и веду, — сказал Приз. — Тебе, наверное, уже ясно, что эта планета называется Лурсис[1]. У нее только один обитатель — Мелихрон[2] Изначальный. Он живет здесь с незапамятных времен и будет жить дольше, чем можно себе представить. Мелихрон в своем роде, как бы это сказать, козырный туз. Он неповторим в своей изначальности, он вездесущ по своей природе, он многолик как индивидуум. Это о нем сложено:

Вот оно чудо! Герой одинокий,
Славное имя его повторяют уста повсеместно,
Бранный союз заключивший с собой,
Чтобы в яростных битвах
Себя самого отстоять от себя самого же...

— Ну тебя к черту, — огрызнулся Кармоди. — Треплешься, как целая сенатская подкомиссия, а толку ни на грош!

— Просто я волнуюсь, — плаксиво сказал Приз. — Черт возьми, человече, неужели ты думаешь, что я был готов ко всему этому? Я потрясен, я действительно потрясен, поверь мне. А объясняю все это тебе я только потому, что если мне не удастся взять бразды правления в свои руки, то весь этот чертов восковой шар рассыплется, как домик из червивых карт.

— Червовых, — рассеянно поправил его Кармоди.

— Червивых! — взвизгнул Приз. — Да ты видел хоть когда-нибудь, как рушится домик из червивых карт? Я-то видел, и зрелище это не из приятных.

[1] Лурсис — заманчивая *(греч.)*.

[2] Мелихрон — улучшающий время *(греч.)*. — *Прим. пер.*

— Знаешь ли, все это похоже на дешевый спектакль, — сказал Кармоди, не сдержав усмешки.

— Прекрати! — прошипел Приз с внезапной злостью. — Возьми себя в руки. Сосредоточься. Отрешись от суеты. Настрой подкорку на встречу со светилом. Вот он, славный Мелихрон!

Кармоди был почему-то спокоен. Он неторопливо оглядел колеблющийся ландшафт, но не увидел ничего нового.

— Так где же он?

— Мелихрон воплощается, чтобы иметь возможность говорить с тобой. Отвечай ему смело, но деликатно. Никаких намеков на его недостаток. Это разозлит его. Разумеется...

— Какой недостаток?

— Разумеется, ты помнишь о его ограничении. И сверх того, когда он задаст свой вопрос, отвечай очень осторожно.

— Постой! — крикнул Кармоди. — Ты совсем запутал меня. Какой недостаток? Какое ограничение? Какой вопрос?

— Не придирайся. Терпеть этого не могу, — сказал Приз. — Теперь баста! Помираю — спать хочу. Невыносимо оттягивал очередную спячку, и все из-за тебя. Валяй, козлик! И не позволь всучить себе деревянную печку!

С этими словами зеленая змейка потянулась, сунула себе хвостик в рот и погрузилась в сон.

— Ах ты, проклятый шут гороховый! — взорвался Кармоди. — Еще Призом называешься. Пользы от тебя, как от монет на глазах мертвеца.

Но Приз уже спал и не мог или не желал слышать ругань Кармоди. Впрочем, для перебранки уже не было времени. В следующий момент голая гора слева от Кармоди превратилась в огнедышащий вулкан.

Глава 7

Вулкан кипел и дымился, извергал пламя и швырял в черное небо ослепительные огненные шары, рассыпавшиеся миллионами раскаленных обломков. Каждый кусок дробился снова и снова, пока все небо не засияло, затмив три маленьких солнца.

— Ого-го-го! — воскликнул Кармоди.

Это было похоже на мексиканский фейерверк в парке Чапультепек, и Кармоди искренне восхитился.

Затем сверкающие глыбы обрушились в океан, который специально возник, чтобы поглотить их. Глубины его закипели, вздымая разноцветные столбы пара, которые, свиваясь, превратились в выпуклое облако, тут же пролившееся ливнем. Поднявшийся ветер собрал затем воды в гигантский смерч, толстоствольный,

черный, с серебристыми отблесками. Смерч направился к Кармоди под аккомпанемент ритмичных ударов грома.

— Хватит! — завопил Кармоди.

Подойдя вплотную, смерч рассыпался, ветер и дождь умчались, гром затих, превратившись в зловещий гул. В гуле можно было различить звуки фанфар и лютни, причитание шотландской волынки и нежный стон арф. Инструменты звенели все тоньше и тоньше, причем мелодия стала напоминать торжественное вступление, звучащее в исторических боевиках фирмы «Метро-Голдвин-Майер», пока идут титры. Наконец был дан последний взрыв звука, света, цвета, движения и всякого прочего. Воцарилось молчание.

Пока шли финальные аккорды, Кармоди закрыл глаза. Он открыл их как раз вовремя. Звук, свет, цвет, движение и всякое прочее превратились в обнаженную человеческую фигуру.

— Привет! — сказал человек. — Я Мелихрон. Как вам нравится мой выход?

— Я сражен, — сказал Кармоди совершенно чистосердечно.

— В самом деле? — переспросил Мелихрон. — То есть вы в самом деле сражены? Не просто потрясены, да? Говорите правду, не щадите моего самолюбия.

— Честное слово, — сказал Кармоди. — Я ошеломлен.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказал Мелихрон. — Вы видели небольшое предисловие ко Мне. Я разработал его совсем недавно. Думаю (и я действительно так думаю), оно кое-что обо мне говорит, не правда ли?

— Бесспорно, — сказал Кармоди. Он силился понять, кого напоминает ему Мелихрон, но черная, как агат, идеально пропорциональная фигура стоявшего перед ним героя была полностью лишена индивидуальных черт. Особенным был только голос: чистый, озабоченный и слегка плаксивый.

— Конечно, все эти вступления — большая нелепость, — сказал Мелихрон. — Но ведь это моя планета. И если не пускать пыль в глаза на собственной планете, то где же еще ее пускать, а?

— Возражений быть не может, — сказал Кармоди.

— Вы и в самом деле так думаете? — переспросил Мелихрон.

— В самом деле и с полнейшей искренностью.

Некоторое время Мелихрон обдумывал ответ, а затем сказал отрывисто:

— Спасибо. Вы мне нравитесь. Вы — разумное, понимающее существо и не боитесь говорить вслух то, что думаете.

— Благодарю вас, — сказал Кармоди.

— Но я действительно так думаю, — настаивал Мелихрон.

— И я действительно благодарю вас, — повторил Кармоди, изо всех сил стараясь, чтобы его голос не дрожал.

— И я действительно рад, что вы прибыли. Моя интуиция (а я, видите ли, очень интуитивен и горжусь этим) подсказывает, что вы можете мне помочь.

У Кармоди чуть не сорвалось с языка, что он совсем не расположен помогать кому бы то ни было, ибо не в состоянии помочь себе самому в таком важном деле, как поиск дороги домой. Но он решил промолчать, боясь обидеть Мелихрона.

— Моя проблема, — заявил Мелихрон, — порождена моим положением. А положение у меня удивительное, единственное в своем роде, странное и многозначительное. Вы слыхали, должно быть, что вся эта планета целиком моя. Более того, я — единственное существо, способное здесь жить. Некоторые пробовали: создавали колонии, привозили животных, сажали растения. Все с моего соизволения, конечно, но тщетно. Чуждое этой планете вещество рассыпалось тонкой пылью, а мои ветры унесли ее в космос. Что вы думаете об этом?

— Поразительно! — воскликнул Кармоди.

— В самом деле поразительно. Ни одно существо не может здесь выжить, только я и мои продолжения, — подтвердил Мелихрон. — Меня чуть удар не хватил, когда я понял это.

— Воображаю себе, — сказал Кармоди.

— Я здесь с незапамятных времен, — продолжал Мелихрон. — Веками я жил, не мудрствуя лукаво, в образе амеб, лишайников, папоротников. Как хорошо и ясно все было в ту пору! Я жил, как в райском саду.

— Наверное, это было чудесно, — заметил Кармоди.

— Мне лично нравилось. Но, сами понимаете, это не могло продолжаться бесконечно. Я открыл эволюцию и сам стал эволюционировать, меняя мою планету, чтобы приспособить ее к себе. Я принимал множество обликов (иногда не очень приятных). Я познавал внешний мир, экспериментируя с объектами, которые там обнаружил. Я прожил много долгих жизней в телах высокоразумных существ галактики — человекоподобных, хтеризоподобных, олихордовых и многих других. Я осознал свою исключительность, и это стало причиной моего одиночества, с которым я не мог смириться. И я восстал!.. Я вступил в человеческую фазу развития, которая длилась миллионы лет. Воплотил себя в целые народы и позволил им (мужайтесь!), позволил моим народам воевать друг с другом. Почти тогда же я постиг секс и искусство. Привил то и другое моим народам, и начались веселые времена. Я разделился на мужчин и женщин, причем каждое естество было и самостоятельной единицей, и в то же время частицей меня. Я молился и размножался, предавался разврату, сжигал себя на кострах, устраивал сам себе ловушки, заключал с собой мирные договоры, женился на себе и разводился с собой, проходил через

бесчисленные миниатюрные автосмерти и саморождения. Частицы меня подвизались в искусстве (некоторые весьма успешно), а также в религии. Они молились — мне, разумеется. И это было справедливо, поскольку я был причиной всех вещей. Я даже позволил им признавать и прославлять верховные существа, которые не были мной. Потому что в те дни я был чрезвычайно либерален.

— Это было очень разумно с вашей стороны, — сказал Кармоди.

— Да, я стараюсь быть разумным, — проговорил Мелихрон. — Я мог позволить себе стать разумным. Для этой планеты я был Богом. Да-да, нечего ходить вокруг да около: я был верховным существом, бессмертным, всемогущим и всеведующим. Все исходило от меня, даже ереси насчет моей сущности. Даже в крохотной травинке была частичка меня. Я создавал горы и наливал реки, был жизнью в семени и смертью в чумной бацилле. Я был причиной урожая и голода. Ни один волос не мог упасть помимо моей воли, ибо я был Тем, Кто Связывает и Развязывает, Единым и Многим, Тем, Кто Всегда Был, и Тем, Кто Всегда Будет.

— Это действительно кое-что, — сказал Кармоди.

— Да-да, — Мелихрон застенчиво улыбнулся. — Я был Ведущим Колесом Большого Небесного Велосипеда, как выразился один из моих поэтов. Это было прекрасно. Мои подданные писали пейзажи, а восходы и закаты для них создал я. Мой народ пел о любви, а любовь изобрел я. Чудесные дни, где вы?

— А почему бы вам их не вернуть? — спросил Кармоди.

— Потому что я вырос, — печально сказал Мелихрон. — Бесчетные эпохи я упражнялся в творении, а теперь стал вопрошать мои творения и себя самого. Мои священники вечно препирались между собой, дискутируя о моей природе и моих совершенствах. Я как дурак их слушал. Приятно послушать, как какой-нибудь богослов разглагольствует о тебе, однако это оказалось и опасно. Я сам начал дивиться своей природе и своим совершенствам. Я размышлял и занимался самоанализом. И чем больше я ломал голову, тем непостижимей себе казался.

— А почему вы не спросили себя? Ведь вы же были Богом? — удивился Кармоди.

— Вот в том-то и загвоздка, — вздохнул Мелихрон. — Мои творения не видели проблемы. Для них я оставался Богом, пути которого неисповедимы, но который тем не менее основной своей задачей считает воспитание и наказание всех этих существ, обладающих свободой воли (будучи, по сути, мною). Все, что я делал, было выше всякой критики, потому что это делал я. Ведь все мои действия, даже простейшие, были в конечном счете неисповедимы, поскольку неисповедим я сам. Другими словами, чтобы по-

стичь смысл моих действий, необходимо было охватить всю реальность целиком, на что способен только Божественный разум. То есть мой. Примерно так преподносили все это и мои выдающиеся мыслители. И они добавляли еще, что полным пониманием я удостою их на небесах.

— Вы и небеса создали? — спросил Кармоди.

— Конечно. А также преисподнюю. — Мелихрон улыбнулся. — Вы бы видели лица этих существ, когда я воскрешал их в раю или в аду! Ведь на самом деле даже самые преданные не верили в потусторонний мир. — Полагаю, вам нравилось это?

— Только поначалу. Но со временем надоело. Без сомнения, я немного тщеславен, но бесконечная неискренняя лесть надоела мне до отвращения. Ну скажите бога ради, зачем же восхвалять Бога только за то, что он выполняет свое Божественное назначение? С таким же успехом можно молиться муравью за успешное обделывание им своих муравьиных делишек. Это положение дел перестало меня удовлетворять. Я нуждался в самопознании, а видел лишь восторженные взгляды своих творений.

— И что же вы придумали?

— Да упразднил все!.. Стер жизнь с лица моей планеты — растительную, животную, всякую. Зачеркнул заодно и грядущее. Мне надо было подумать.

Потрясенный Кармоди только хмыкнул.

— Впрочем, я ведь ничего и никого не уничтожил, — торопливо сказал Мелихрон. — Я просто воссоединил в себе частицы себя. — Мелихрон ухмыльнулся. — У меня на планете было множество типов с безумными глазами, которые постоянно болтали насчет блаженного слияния со мной. Ну вот они и слились!

— Может быть, им это понравилось? — предположил Кармоди.

— Откуда я знаю? Единение со мной и есть я. Оно означает потерю сознания сознающим единение. В сущности это смерть, хотя звучит красивее.

— Необычайно интересно, — сказал Кармоди. — Но вы, кажется, хотели поговорить со мной насчет какой-то вашей проблемы?

— Именно! И я как раз подошел к ней. Понимаете, я перестал играть со своими народами, как ребенок с кукольным домиком, а затем уселся, фигурально говоря, чтобы все обдумать. Единственным предметом моих размышлений был, конечно, я сам. По-настоящему меня занимал только один вопрос: в чем мое предназначение? Могу ли я быть не Богом, а кем-то иным? Вот посидел я в должности Бога — никаких перспектив! Занятие для узколобого самовлюбленного эгоиста. Мне нужно что-то другое — осмысленное, лучше выражающее мое истинное «я». Я в этом убежден!

Такова моя проблема и таков вопрос, который я вам задаю: что мне делать с самим собой?

— Та-ак! — протянул Кармоди. — Так-так. Вот в чем дело. — Он откашлялся и глубокомысленно почесал нос. — Тут надо как следует подумать.

— Время для меня не имеет значения, — сказал Мелихрон. — У меня в запасе вечность. А у вас, к сожалению, ее нет.

— А сколько у меня времени?

— Минут десять по вашему счету. А потом, знаете ли, может случиться нечто для вас неприятное.

— Что со мной случится? Что мне делать?

— Ну, дружба дружбой, а служба службой, — сказал Мелихрон. — Сначала вы ответите на мой вопрос, потом я на ваши.

— Но у меня только десять минут...

— Недостаток времени поможет вам сосредоточиться, — сказал Мелихрон. — К тому же это моя планета, и здесь все идет по моим законам. Будь это ваша планета, то и законы были бы вашими. Разумно, не правда ли?

— Пожалуй, — уныло согласился Кармоди.

— Девять минут, — напомнил Мелихрон.

Каково объяснять Богу, в чем его назначение, в особенности если вы атеист, подобно Кармоди? И можно ли разобраться в этом за девять минут, когда, как известно, богословам и философам не хватило многих столетий?

— Восемь минут, — сказал Мелихрон.

Кармоди открыл рот и начал говорить.

Глава 8

— Мне кажется, — начал Кармоди, — что решение вашей проблемы... э-э... возможно.

У него не было ни единой мысли. Он заговорил просто с отчаяния, надеясь, что сам процесс говорения породит мысль, поскольку у слов есть смысл, а во фразах смысла больше, чем в отдельных словах.

— Вам нужно, — продолжал Кармоди, — э... э... отыскать в себе самом предназначение, которое... могло бы иметь значение... для внешнего мира. Но, может быть, это невозможное условие, поскольку вы сами — мир и не можете стать внешним по отношению к самому себе?

— Могу, если захочу, — сказал Мелихрон веско. — Могу сотворить любую чертовщину, которая мне понравится, — ведь командую здесь я. Бог, знаете ли, совсем не обязан быть солипсистом.

— Верно, верно, верно, — поспешно сказал Кармоди. (Сколько минут у него осталось? Семь? Шесть? И что случится, когда истечет этот срок?) — Итак, мы установили, что ваших «я-имманентного» и «я-пребывающего» недостаточно для постижения себя, следовательно, они не полны, поскольку вы сами, пребывая в ипостаси Творца, сочли их неполными.

— В высшей степени логично, — согласился Мелихрон. — Вам следовало стать теологом.

— В данный момент я теолог, — сказал Кармоди. (Шесть минут? Или пять?) — Вот... Так что же вам делать?.. А вам никогда не приходило в голову, что всестороннее познание, как внутреннее, так и внешнее (если, конечно, такая вещь, как внешнее знание вообще существует), самого познания и есть ваша задача?

— Ну разумеется! — сказал Мелихрон. — Размышлениями я не ограничился и проштудировал все книги Галактики, проник в секреты Природы и Человека, исследовал отношения макрокосма и микрокосма и все такое прочее. Я способный... Правда, кое-что я уже позабыл — ну, там, секрет жизни или скрытый смысл смерти, но могу припомнить, если захочется. Но узнал я также и то, что само учение — суховатое и пассивное занятие, хотя иногда и попадаются любопытные сюрпризы. И узнал, что лично для меня учение не столь уж важно и ценно. Оказалось, что неведение не менее приятно.

— А может, вы по натуре художник? — предположил Кармоди.

— Я и через это прошел. Лепил из глины и плоти, рисовал закаты на холсте и на небе, писал книги словами и делами, музицировал на инструментах и сочинял симфонии для бурь. Думаю, получалось у меня неплохо, но я почему-то знал, что всегда останусь дилетантом. Мое всемогущество не оставляло места для ошибок, а полнота охвата мира реального не позволяла относиться всерьез к воображаемому миру искусства.

— Гм... Понимаю, — пробормотал Кармоди. (Минуты три, не больше!) — А не сделаться ли вам завоевателем?

— Зачем мне завоевывать то, чем я и так обладаю? — возразил Мелихрон. — А другие миры мне не нужны. Мое естество приспособлено к моей же окружающей среде, которая ограничена этой одной-единственной планетой. Обладание другими мирами заставит меня действовать против своей природы. А кроме того, какой мне прок от чужих миров, если я не знаю, что делать со своим?

— Да-да, проблема... Тут думать и думать, — протянул Кармоди, безрассудство которого уступило место отчаянию.

— Я размышлял несколько миллионов лет, — сказал Мелихрон. — Искал цель внешнюю для меня, но отвечающую моей внутренней природе. Искал указание, но нашел только себя.

Кармоди искренне пожалел бы Мелихрона, если бы его собственное положение не было таким отчаянным. Он окончательно запутался. Время истекало, но его страхи странным образом смешались с сочувствием к недовоплощенному божеству.

И тут его озарило. Пришедшее в голову решение было простым и ясным и годилось как для проблемы Мелихрона, так и для его собственной (что и говорило о его правильности). Понравится ли оно Мелихрону — другое дело. Но попробовать следовало.

— Мелихрон, — сказал отважно Кармоди. — Я решил вашу проблему.

— Действительно решили? — строго спросил Мелихрон. — То есть действительно решили на самом деле? Опасность не влияет на ваши слова? Ведь если ваше решение меня не удовлетворит, вы умрете через... 73 секунды.

— Опасность влияет лишь постольку, — величественно ответил Кармоди, — поскольку это влияние нужно для решения вашей проблемы.

— Прекрасно! Рассказывайте скорей! — оживился Мелихрон. — Скорее! Я так волнуюсь.

— Хотел бы, но не смогу, — сказал Кармоди. — Физически невозможно. Вы же убьете меня через шестьдесят или семьдесят секунд.

— Я? Я убью вас? О, небо! Вы и в самом деле считаете меня таким кровожадным? Нет, ваша смерть придет извне. Я к ней не имею никакого отношения. Но, между прочим, у вас осталось только двенадцать секунд.

— Не слишком много, — заметил Кармоди.

— Конечно, не слишком много! Но это мой мир, и я здесь командую всем. Временем в том числе. Я изменил пространственно-временной континуум как раз возле десятисекундной отметки. Для Бога это не сложно, только потом много подчистки. Ваши десять секунд будут потом оплачены двадцатью пятью годами моего локального времени. Достаточно?

— Более чем щедро, — сказал Кармоди. — Вы очень любезны.

— Для меня ничто. Теперь, пожалуйста, о главном: давайте ваше решение!

— Хорошо! — Кармоди набрал в грудь побольше воздуха. — Решение вашей проблемы вытекает из самой проблемы. Иначе и быть не может. Каждая проблема должна содержать в себе зерно решения.

— Должна? — переспросил Мелихрон.

— Обязательно должна, — твердо сказал Кармоди.

— Ладно. Примем ваше допущение. Дальше.

— Рассмотрим ваше положение, — продолжал Кармоди. — Рассмотрим его внешние и внутренние аспекты. Вы — Бог пла-

неты, но только этой планеты. Вы всемогущ и всеведущ, но только здесь. Ваши интеллектуальные достижения поразительны, и вы ощущаете потребность служить чему-то внешнему по отношению к вам. Но в других мирах ваши таланты бесполезны, а здесь, кроме вас, никого нет.

— Да-да, именно так! — воскликнул Мелихрон. — Но вы пока не сказали, что же мне делать.

Кармоди еще раз глубоко вздохнул.

— Что делать? Использовать ваши великие дарования! Использовать здесь, на вашей планете, где они принесут максимальный эффект, и использовать (ибо таковы ваши сокровенные стремления) на благо другим.

— На благо другим? — переспросил Мелихрон.

— Все указывает именно на это, — сказал Кармоди. — Даже самый поверхностный анализ вашего положения позволяет вынести вердикт. В многоликой Вселенной вы одиноки, и чтобы направить свои силы вовне, должно быть нечто внешнее по отношению к вам. Однако ваша сущность не позволяет вам выйти к этому внешнему. Значит, внешнее само должно прийти к вам. А когда оно придет, каково будет ваше отношение к нему? Это тоже ясно. Поскольку в своем мире вы всемогущи, то никакие помощь или действия вам не нужны, но вы можете помогать или содействовать другим. Это и есть единственное возможное отношение между вами и внешним миром.

Мелихрон надолго задумался, а потом сказал:

— Ваши аргументы убедительны, и я почти со всем согласен. Но тут есть и трудности. Существа из внешнего мира редко проходят по этому пути. Вы — первый за два с четвертью оборота Галактики.

— Да, придется потерпеть, — согласился Кармоди. — Но вам-то терпеть легче: ведь вы можете изменять время. Что же касается числа посетителей, то, сами понимаете, количество не влияет на качество. Не стоит гнаться за большими числами. И человек, и Бог делают свое дело, вот что важно. А каков объем работы — не имеет значения.

— Однако беда прежняя: дело есть, а для кого его делать?

— Позвольте почтительно напомнить, что у вас есть я. Я пришел извне. У меня есть проблема. Своя. Пожалуй, даже не одна. Решить их мне не под силу. Не знаю, как вам. Но подозреваю, что и для вас это было бы серьезной пробой сил.

Мелихрон задумался, и надолго. У Кармоди зачесался нос, и он с трудом удержался, чтобы не почесать его. Он ждал; ждала и вся планета. Наконец Мелихрон поднял свою агатово-черную голову.

— Здесь что-то есть, — сказал он.

— Приятно это слышать, — тут же отозвался Кармоди.

— Да, в самом деле. Ваше решение представляется мне и неизбежным, и элегантным. Мне кажется, что Судьба, которая управляет людьми, планетами и богами, так и судила, чтобы я, Создатель, был создан без проблем, а вы, создание, созданы с проблемой, которую может решить только Бог. И чтобы вы прожили свою жизнь, ожидая встречи со мной для решения вашей проблемы, а я прождал здесь половину вечности, пока не придете ко мне вы со своей проблемой!

— Ничуть не удивлен, — сказал Кармоди. — Хотите узнать, в чем моя проблема состоит?

— Я уже разобрался, — сказал Мелихрон. — На самом деле благодаря моим выдающимся интеллекту и опыту я знаю о ней гораздо больше вас. На первый взгляд ваша проблема заключается в том, как вам попасть домой.

— Именно в этом.

— Нет, не только в этом. Я ничего не говорю просто так. На первый взгляд вам нужно узнать «Куда», «Когда» и на «Какую Землю», вам нужен способ попасть туда, и вам нужно попасть туда в том же самом состоянии, в котором вы пребываете сейчас. Даже если бы это было все...

— А что еще?

— А еще смерть, которая преследует вас по пятам.

— Ох! — вздохнул Кармоди. У него подогнулись колени, и Мелихрон заботливо сотворил для него кресло, гаванскую сигару, бутылку рома «Коллинз», пару войлочных шлепанцев и халат.

— Удобно? — спросил он.

— Очень.

— Теперь, прошу вас, будьте как можно внимательней. Я объясню ваше положение кратко и ясно, используя только часть моего интеллекта, а остальное направлю на поиск возможных решений. Слушайте и постарайтесь понять все сразу, не переспрашивая. У вас очень мало времени.

— Но вы же растянули десять секунд на двадцать пять лет, — напомнил Кармоди.

— Время — хитрая штука, даже для меня, — сказал Мелихрон. — Из тех двадцати пяти восемнадцать уже израсходованы, а остальные идут с поразительной быстротой. Слушайте внимательно, ваша жизнь зависит от этого.

— Хорошо, — сказал Кармоди. Раскурив сигару, он откинулся на спинку кресла. — Я готов.

— Прежде всего вы должны понять, — начал Мелихрон, — природу той неумолимой смерти, которая идет за вами по пятам.

Кармоди подавил внезапную дрожь и приготовился слушать.

Глава 9

— Самый фундаментальный принцип Вселенной, — начал Мелихрон, — заключается в том, что одни виды пожирают другие. Печально, но факт. Еда — основа жизни, добывание питательных веществ — начало всех начал. Отсюда вытекает Закон Пожирания, который можно сформулировать так: каждый данный вид, крупный или мелкий, пожирает один или несколько других видов и пожирается одним или несколькими видами.

Ситуация эта универсальна, причем она может быть смягчена или, напротив, осложнена рядом обстоятельств. Например, виды, обитающие в вашем мире, находятся в состоянии Равновесия и проживают свой жизненный срок, несмотря на пожирание пожирателями. Это Равновесие выражается величиной ПП, то есть отношением Побед и Поражений. Но если виды или представители вида перемещаются в чуждую или экзотическую среду, ПП неизбежно изменяется. Изредка бывает временное улучшение ситуации Ем-Едят (ПП=ЕЕ+1). Типичнее, однако, ухудшение (ПП=ЕЕ-1).

Это и случилось с вами, Кармоди. Вы ушли из своей привычной среды обитания и одновременно ушли от привычных врагов. Автомобили не гонятся за вами, вирусы не пробираются к вам в кровь, а полисмены не стреляют в вас по ошибке. Вы избавлены от земных опасностей, а к галактическим невосприимчивы.

Но улучшение ситуации (ПП=ЕЕ+1) было, к сожалению, временным. Железные законы равновесия уже начали действовать: и вы сами не можете обойтись без охоты, и на вас должны охотиться. Пожирание — необходимо. Вне Земли вы уникальны, и рожденный для вас хищник тоже уникален. Ваш хищник порожден универсальным законом как его персонификация и воплощение. Он кармодияден, то есть может есть вас, и только вас. Его форма и размеры целиком определяются вашими характеристиками. Даже не видев его, мы знаем, что его челюсти устроены так, чтобы грызть одних Кармоди, лапы расположены так, чтобы хватать и сжимать только таких, как вы, Кармоди, а его желудок рассчитан на переваривание исключительно Кармоди. Все его естество создано так, чтобы обеспечить преимущество перед вами...

Вы оказались в уникальном положении, Кармоди, поэтому уникален и ваш хищник. Вас преследует именно ваша смерть, Кармоди, и гонит ее чувство столь же сильное, как и ваше отчаяние. Вы и ваш хищник неразрывно связаны. Если он схватит вас, вы погибли. Но если вам удастся вернуться к привычным врагам вашей родной планеты, то погибнет ваш хищник — из-за отсутствия кармодической пищи. Больше мне сказать вам нечего. Я не могу предсказать всех его уловок и хитростей, не могу предсказать и ваши трюки. Мне остается только уведомить вас, что преимущество всегда на стороне охотника, хотя бывали случаи и удачного бегства... Такова ситуация, Кармоди. Вы меня хорошо поняли?

Кармоди вздрогнул, словно его только что разбудили.

— Понял, — с трудом выговорил он. — Не все, но большую часть.

— Хорошо, что поняли, — сказал Мелихрон, — потому что времени больше нет. Вы должны сейчас же покинуть планету. Даже на собственной планете я не могу отменять универсальные законы природы.

— А вы не можете отправить меня на мою Землю?

— Мог бы, будь у меня больше времени, — сказал Мелихрон. — Конечно, мог бы. Но это нелегко. Надо определить все три «К», а они влияют друг на друга. Сначала надо точно определить, Куда ушла ваша планета к настоящему моменту, затем узнать, Какая из альтернативных Земель — ваша, и еще вычислить темпоральные характеристики вашей личной мировой линии, чтобы найти Когда. Потом еще надо учесть взаимное влияние эффекта временных трещин и фактора удвоения. В результате при известном везении я мог бы вернуть вас в ваш собственный мир (удивительно деликатная операция), не разрушив все мироздание.

— Вы можете это сделать? — спросил Кармоди.

— Нет. Времени уже нет. Но я отошлю вас к моему другу Модсли. Он сможет вам помочь.

— К вашему другу?

— Ну не совсем к другу, — Мелихрон замялся, — скорее к знакомому. Хотя даже это — слишком сильное определение для наших отношений. Видите ли, однажды, некоторое время тому назад, я собирался покинуть свою планету, чтобы познакомиться с другими мирами. Если бы я сделал это, я встретился бы с Модсли. Путешествие мое не состоялось, и потому я так и не встретился с Модсли. Но мы оба знали, что если бы я в это путешествие отправился, то мы бы обязательно встретились. Обменялись бы новостями, потолковали о том о сем, отпустили бы шутку-другую и расстались с теплым чувством.

— По-моему, узы, связывающие вас, слишком уж эфемерны, — усомнился Кармоди. — Не могли бы вы отправить меня к кому-нибудь другому?

— Боюсь, что нет, — сказал Мелихрон. — Модсли — мой единственный друг. А дружба потенциальная ничем не хуже реальной. Уверен, что Модсли позаботится о вас.

— А если... — начал было Кармоди, но тут же заметил, что за его левым плечом возникает Нечто — огромное, темное, угрожающее. Он понял, что отпущенное ему время истекло.

— Иду! — крикнул он. — И спасибо за все!

— Не стоит благодарности, — ответил Мелихрон. — Ведь это моя Вселенская миссия — помогать чужестранцам. Удачи вам, Кармоди!

Огромное и грозное Нечто начало уплотняться, но прежде, чем оно окончательно оформилось, Кармоди исчез.

Глава 10

Кармоди очутился на зеленом лугу. Был, должно быть, полдень, ибо ослепительно яркое оранжевое солнце стояло прямо над головой. Поодаль, в высокой траве, паслось небольшое стадо пятнистых коров. За лугом темнела опушка леса.

Кармоди медленно огляделся. Луга окружали его со всех сторон, а лес обрывался густым подлеском. Слышался собачий лай. Вдали виднелись горы — длинный изрезанный хребет со снежными вершинами. Седые облака цеплялись за их склоны.

Уголком глаза он заметил, как в траве мелькнуло что-то рыжее. Кармоди обернулся. Ему показалось, что это лиса. Она посмотрела на него с любопытством и пустилась наутек к лесу.

«Похоже на Землю», — подумал Кармоди и тотчас же вспомнил о Призе, который перед этим был впавшей в спячку зеленой змейкой. Ощупал шею — Приза не оказалось.

— А я тут!

Кармоди оглянулся и увидел маленький медный котелок.

— Это ты? — переспросил Кармоди, недоверчиво щупая котелок.

— Конечно. Ты что, не можешь узнать свой собственный Приз?

— Э-э... Ты того... *несколько изменился*...

— Да, изменился, — сказал Приз. — Но моя сущность, мое истинное «я» никогда не меняется. В чем дело?

Кармоди заглянул в котелок и чуть не выронил его. Внутри была ободранная и полупереваренная тушка маленького животного, может быть, котенка.

— Что это у тебя там внутри? — спросил Кармоди.

— Завтрак, конечно, мог бы и догадаться, — сказал Приз. — Перехватил кое-что по дороге.

— О!

— Призам ведь тоже нужно есть, — язвительно добавил Приз. — А также отдыхать, заниматься спортом и сексом, иногда пропускать рюмочку и, конечно, опорожнять кишечник. Обо всем этом ты даже не подумал.

— Но у меня с собой ничего не было, — смутился Кармоди.

— А вам тоже нужно все это? — удивленно переспросил

Приз. — Впрочем, да, конечно же, нужно. Странно, но я до сих пор воспринимал тебя как некую отвлеченную фигуру без житейских потребностей.

— Я о тебе думал то же самое! — признался Кармоди.

— Это неизбежно, по-видимому, — согласился Приз. — Гости из других миров, видимо, представляются всем этакими... монолитными, без желудка и кишок. Но и сами они делают ту же ошибку.

— Я сразу же начну о тебе заботиться, как только выпутаюсь из этой катавасии, — пообещал Кармоди, почувствовав внезапную симпатию к своему Призу.

— Ладно, старик, не обижайся на шпильки, — сказал Приз. — Ты не возражаешь, если я доем свой завтрак?

— Давай, продолжай.

Кармоди заглянул было в котелок — ему захотелось посмотреть, как будет перевариваться ободранное животное, но тут же отвернулся. Оказалось, что он слишком брезглив.

— Чертовски вкусно, — сказал Приз. — Оставить тебе кусочек?

— Нет, не надо, я не хочу есть. Ты только скажи, что это такое?

— Мы называем их «орити», — сказал Приз. — Это такая порода гигантских грибов. Очень вкусны и сырые, и сваренные в собственном соку. Лучший сорт — белые с крапинками, они вкуснее, чем зеленые.

— Я запомню, — пообещал Кармоди. — Возьму, если они попадутся. А земляне могут их есть?

— Думаю, что могут, — сказал Приз. — И, между прочим, если тебе повезет, ты услышишь, как орити, перед тем как его съедят, декламирует стихи.

— Какие стихи?

— Орити — *хорошие поэты*.

Кармоди поперхнулся. Беда с этими экзотическими формами жизни! Думаешь, что разобрался во всем, а оказывается, ничего не понимаешь. И наоборот, кажется, что тебя мистифицируют, а на самом деле все проще простого.

«В самом деле, — подумал он. — Может быть, потому-то чужаки и кажутся такими чуждыми, что в глубине они похожи на нас. Сначала это забавляет, потом раздражает».

— Уррп! — произнес Приз.

— Что?

— Я просто рыгнул. Извини, пожалуйста. Но, как бы то ни было, старик, ты должен признать, что я провернул все очень ловко.

— Что провернул?

— Ну конечно, беседу с Мелихроном, — сказал Приз.

— Ты провернул? Ты спал, черт побери! Это я один сумел его...

— Не хочется спорить с тобой, — сказал Приз, — но боюсь,

что ты заблуждаешься. Я заснул исключительно для того, чтобы сосредоточиться на решении проблемы Мелихрона.

— Ты с ума сошел! — обиделся Кармоди.

— Чистейшая правда, — настаивал Приз. — А откуда же взялся весь этот длинный ряд аргументов, которым ты с неопровержимой логикой определил предназначение Мелихрона в мироздании?

— Откуда? Из моей головы.

— А разве раньше когда-нибудь тебе удавалось так логично рассуждать о месте Бога в мироздании и его предназначении?

— В колледже я был первым по философии.

— Большое дело, — хихикнул Приз. — Нет, Кармоди, для такой аргументации у тебя просто не хватает подготовки и интеллекта. Это не в твоем духе.

— Не в моем духе? Да у меня превосходные данные для экстраординарных логических построений!

— Экстра-ор-ди-нар-ное — какое красивое слово!

— Да, все это я придумал. Я думал. Я помню свои мысли, — настаивал Кармоди.

— Ну как хочешь, — согласился Приз. — Я не представлял, что это для тебя так важно. Скажи, а ты никогда не говоришь сам с собой, не смеешься и не плачешь беспричинно?

— Никогда, — сдержавшись, ответил Кармоди. — А ты не летаешь во сне и не воображаешь себя святым?

— Нет, конечно.

— Уверен?

— Вполне.

— Тогда вопрос не требует дальнейшего обсуждения, — заявил Кармоди, чувствуя почему-то себя победителем. — Но мне хотелось бы узнать еще кое- что.

— Что? — настороженно спросил Приз.

— Ты тогда упоминал о каком-то недостатке Мелихрона и о его ограничении. В чем они заключаются?

— По-моему, и то и другое совершенно очевидно, — сказал Приз.

— Не для меня.

— Подумай часок-другой, может, до тебя и дойдет.

— Да ну тебя к черту! Скажи толком!

— Так и быть, — сказал Приз. — Единственным недостатком Мелихрона является его хромота. Дефект врожденный, и Мелихрон хромает с самого начала начал, хромает во всех своих воплощениях.

— А его ограничение?

— Сам он не может узнать о своей хромоте. Будучи Богом, он отвергает сравнительный метод исследования. И все, кого он сотворил, были созданы по его образу и подобию; в случае Мелихрона это означает, что все они были хромыми. С внешним миром он почти не общался и потому уверен, что все хромые — нормальны, а нехромые — существа с забавным изъяном. Между прочим, неумение сравнивать — один из немногих пороков божества. Таким образом, основной характеристикой Бога является его самодостаточность, и, каковы бы ни были его возможности, все они ограничены его внутренним миром. Полный контроль над контролируемым, полное знание познаваемого — вот первые шаги к тому, чтобы стать Богом. Учти, если сам захочешь попробовать.

— Что? Стать Богом?

— А почему бы и нет? Профессия как профессия, только титул громкий. Согласен, быть Богом нелегко. Но и не труднее, чем стать первоклассным поэтом или инженером.

— По-моему, ты спятил. — Кармоди ощутил в себе религиозный трепет, который никак не вязался с его атеизмом.

— Ничуть. Просто я знаю мир лучше, чем ты. Но сейчас тебе стоило бы приготовиться.

Кармоди быстро обернулся и увидел вдалеке три фигуры, медленно пересекающие луг. За ними, на почтительном расстоянии, следовала небольшая свита.

— Тот, что в середине, Модсли, — сказал Приз. — Он всегда очень занят, но чтобы выслушать тебя, время у него найдется.

— Нет ли и у него каких-нибудь недостатков или ограничений? — язвительно спросил Кармоди.

— Если и есть, они не имеют значения, — ответил Приз. — Когда имеешь дело с Модсли, сталкиваешься с совсем иными проблемами.

— Он похож на человека, — сказал Кармоди, когда фигуры приблизились.

— Конечно, похож, — согласился Приз. — Просто в этой части Галактики человеческий облик вполне обычен.

— Ну и как мне следует с ним держаться? — спросил Кармоди.

— Не знаю, что и сказать, — ответил Приз. — Модсли слишком чужд для меня, чтобы понять и предсказать его поведение. Но все же кое-что тебе посоветовать я могу. Не сомневайся, твой человеческий облик наверняка привлечет его внимание и произведет на него впечатление.

— А как же!

— Здесь все не так просто. Модсли — чрезвычайно занятое существо и всегда погружен в раздумья. Он — очень опытный и эрудированный инженер, но склонен к некоторой рассеянности, особенно когда проверяет какую-нибудь новую идею.

— Что ж, это не так страшно.

— Отнюдь. Все это можно было бы считать безобидной сла-

бостью, но из-за своей рассеянности Модсли склонен рассматривать все, что ему попадется, как материал для своих опытов. Мой приятель Дьюер Хардинг был как-то приглашен к нему в гости. К несчастью, бедный Дьюер не привлек его внимания.

— И что же произошло?

— Модсли использовал его в одном из своих проектов. Конечно, без всякого злого умысла. Он превратил бедного Дьюера в три поршня и коленчатый вал нового поршневого двигателя. Дьюер теперь выставлен в Модслиевском музее истории двигателей.

— Ужас какой! — сказал Кармоди. — И ничем нельзя помочь?

— Никто не берется указывать Модсли на его ошибки. Он терпеть не может признавать ошибки, совершенно выходит из себя. — Должно быть, Приз взглянул на лицо Кармоди, потому что он тут же добавил: — Не нужно заранее тревожиться! Модсли совсем не злой. Наоборот, он добродушный малый. Любит, когда его хвалят, как и все, но ненавидит лесть. Так что говори с ним свободно и прямо. Если согласен — соглашайся, не согласен — возражай, только не упрямься и не впадай в критиканство. Короче, соблюдай умеренность, пока не дойдешь до крайности.

Кармоди хотел было сказать, что давать такие советы — все равно что не давать их вообще. А на самом деле даже хуже: дополнительная нервотрепка. Но возражать было некогда. Модсли был уже совсем рядом — высокий, седовласый, в джинсах и кожаной куртке. Он шагал напрямик, оживленно разговаривая с двумя спутниками, одетыми в обычные деловые костюмы.

— Добрый день, сэр, — отчетливо сказал Кармоди. Он шагнул было вперед, но тут же отскочил в сторону. Увлеченная разговором троица чуть было не сшибла его с ног.

— Скверное начало, — шепнул Приз.

— Заткнись! — прошипел Кармоди и поспешил за Модсли.

Глава 11

— Значит, это она и есть, Орин? — спросил Модсли.

— Да, сэр, — гордо ответил Орин, шагавший слева. — Ну и как вы ее находите, сэр?

Модсли медленно обвел взглядом луга, горы, солнце, реку, лес. Его лицо было непроницаемым.

— А вы что думаете, Бруксайд?

— Ну, сэр, — запинаясь, начал Бруксайд, — думаю, мы с Орином сделали хорошую планету. Право же, хорошую, если учесть, что это наша первая самостоятельная работа.

— И вы с ним согласны, Орин?

— Конечно, сэр.

Модсли нагнулся и сорвал травинку. Понюхал ее, отбросил. Ковырнув каблуком землю, он пристально посмотрел на сияющее солнце и процедил сквозь зубы:

— Я поражен, воистину поражен... Но самым неприятным образом! Я поручил вам построить мир для одного из моих клиентов, а вы преподносите мне это! И вы всерьез считаете себя инженерами?

Помощники замерли, как мальчишки при виде розги.

— Ин-же-не-ры! — отчеканил Модсли, вложив в это слово добрую тонну презрения. — «Творчески мыслящие, но практичные специалисты, способные построить планету когда и где угодно». Вам знакомы эти слова?

— Они из рекламной брошюры, сэр, — сказал Орин.

— Правильно, — кивнул Модсли. — И вы считаете, что это вот — достойный образчик «творческого и практичного» подхода к делу?

Оба молчали. Затем Бруксайд выпалил:

— Да, сэр, считаем! Мы внимательно изучили техническое задание. Заказ был на планету типа 34Bc4 с некоторыми изменениями. Именно это мы и выстроили. Конечно, здесь только уголок планеты. Но все же...

— Но все же я и по нему могу судить о том, что вы тут наворотили. Какой обогреватель вы поставили, Орин?

— Солнце типа O5, сэр. Оно полностью соответствует условиям заказа.

— Ну и что? Заказу соответствует, но вам, кроме него, дана смета на постройку этой планеты! И о ней надо помнить! Если вы не уложитесь, у вас не будет прибыли. А отопление — самая большая статья расходов.

— Мы это помним, сэр, — сказал Бруксайд. — Вообще-то нам не хотелось ставить солнце типа O5 в однопланетную систему. Однако требования по свету и теплу...

— Да вы хоть чему-нибудь у меня научились? — вскричал Модсли. — Тип O5 — явное излишество. Вы, там, — он подозвал рабочих. — Снимите!

Рабочие быстро установили складную лестницу. Один держал ее, другой раздвигал — в сто раз, в тысячу, в миллион. А еще двое побежали по лестнице вверх так же быстро, как она росла.

— Осторожней! — крикнул Модсли. — Надеюсь, вы надели рукавицы? Эта штука горячая.

Рабочие — там, на самом верху лестницы, — отцепили солнце, свернули в трубку и сунули в футляр с надписью: «Светило. Обращаться с осторожностью!» Крышка закрылась, и все погрузилось в темноту.

— Есть тут у кого-нибудь голова на плечах? — вспылил Модсли. — Черт возьми! Да будет свет!

И стал свет.

— О'кей, — сказал Модсли. — Это солнце О5 — на склад! Для такой планеты хватит звезды G-13.

— Но, сэр, — нервно заметил Орин, — она недостаточно горяча.

— Знаю, — сказал Модсли. — Тут и нужен творческий подход. Придвиньте звезду поближе, и тепла хватит.

— Да, сэр, хватит, — вмешался Бруксайд. — Но звезда G-13 испускает PR-лучи, интенсивность которых на небольшом расстоянии превышает допустимые границы. Это может привести к гибели всего будущего населения планеты.

— Вы что, хотите сказать, что мои звезды G-13 небезопасны? — спросил Модсли очень медленно и отчетливо.

— Нет, я имел в виду не это, — замялся Орин. — Я хотел сказать только, что они могут быть небезопасны, как и всякая вещь во Вселенной, если не принять надлежащие меры предосторожности.

— Ну, это ближе к истине, — согласился Модсли.

— Меры предосторожности в данном случае, — пояснил Бруксайд, — это защитная свинцовая одежда весом 50 фунтов. Но поскольку каждый индивидуум данной расы весит около восьми, такая одежда для них непрактична.

— Это их забота, — сказал Модсли. — Не наше дело учить их жить. Разве должен я отвечать, если кто-нибудь ушибет пальчик о камень, который поставлен мной на этой планете? Кроме того, им вовсе не обязательно носить свинцовые скафандры. Они могут купить (за особую плату, конечно) мой превосходный солнечный экран, который полностью отражает PR-лучи.

Оба помощника улыбнулись. Орин робко сказал:

— Боюсь, что эта раса не из богатых. Вряд ли ваш экран им по карману.

— Ну не сейчас, так позже, — сказал Модсли. — И ведь радиация PR действует не мгновенно. Даже при ней средний срок жизни у них составит 9,3 года. Кое-кому хватит.

— Да, сэр, — сказали оба инженера без особой радости.

— Далее, — продолжал Модсли. — Какова высота гор?

— В среднем шесть тысяч футов над уровнем моря, — ответил Бруксайд.

— По меньшей мере, три тысячи футов лишку, — сказал Модсли. — Вы думаете, что горы растут у меня на деревьях? Укоротите и вершины отправьте на склад!

Пока Бруксайд записывал все это в блокнот, Модсли продолжал ворчать, расхаживая взад и вперед:

— Какой срок жизни у этих деревьев?

— Восемьсот лет, сэр. Это новейшая модель дубояблони. Дают фрукты, орехи, освежающий напиток, тень, три вида ценного сырья, могут служить великолепным строительным материалом, закрепляют почву и...

— Вы что, хотите, чтобы я обанкротился? — закричал Модсли. — Двести лет — предостаточно для дерева. Откачайте три четверти их жизненной силы и слейте в бак!

— Этого срока не хватит для осуществления всех запланированных функций, — возразил Орин.

— Ну и сократите список! Орехи, тень, и достаточно. Незачем делать из каждого дерева чертов сундук с сокровищами! Ну а этих коров кто там расставил?

— Я, сэр, — признался Бруксайд. — Я думал, что местность с ними... ну, выглядит как-то уютнее.

— Болван! — рявкнул Модсли. — Местность должна выглядеть уютной только до продажи, но никак не после. Эта планета продана немеблированной. Отправьте коров в чан с протоплазмой.

— Есть, сэр, извините. — Орин склонил голову. — Что еще?

— Еще сто тысяч глупостей. Надеюсь, вы и сами способны во всем разобраться. Например, это что? — он указал на Кармоди. — Статуя или еще что-нибудь? Он что, должен спеть песню или стихи прочесть, когда появятся жители?

Кармоди сказал:

— Сэр, я не часть обстановки. Меня прислал ваш друг... э-э, Мелихрон. Я ищу дорогу домой...

Но Модсли его не слушал. Пока Кармоди пытался что-то объяснить, он уже распоряжался:

— Что бы то ни было, все равно! В контракте это не оговорено. Туда же, в протоплазму, вместе с коровами!

— Эй! — завопил Кармоди, когда его поволокли рабочие. — Эй, подождите минутку! Я не часть этой планеты! Мелихрон прислал меня! Подождите! Постойте! Послушайте!

— Вам бы надо со стыда сгореть! — кричал на помощников Модсли, не обращая внимания на вопли Кармоди. — Что это? Кто додумался? Еще одна из ваших декоративных штучек, Орин?

— Нет! — крикнул Орин. — Я его сюда не ставил.

— Значит, это ваша работа, Бруксайд?

— Впервые в жизни вижу его, сэр.

— Н-да, — задумался Модсли. — Вы оба дураки, но врунами не были никогда. Эй! — крикнул он рабочим. — Тащите его назад.

— Все в порядке, сэр, возьмите себя в руки, — сказал он дрожащему Кармоди. — Терпеть не могу истерик! Вам лучше? Ну вот и отлично! Так как же вы попали в мои владения и почему я не должен превращать вас в протоплазму?

Глава 12

— Ясно, — сказал Модсли, когда Кармоди закончил свой рассказ. — Поистине занятная история, хотя вы излишне все драматизируете. Значит, вы ищете планету, которая называется Земля?

— Именно так, сэр.

— Земля? — Модсли почесал лоб. — Ну, кажется, вам повезло. Припоминаю такое место.

— Неужели, мистер Модсли?

— Да-да, конечно, — уверенно сказал Модсли. — Маленькая зеленая планета, и на ней кормится раса мономорфных гуманоидов, похожих на вас. Правильно?

— Совершенно верно! — вскричал Кармоди.

— У меня хорошая память на такие дела, — продолжал Модсли. — А в данном случае причина особая. Дело в том, что это я создал вашу Землю.

— В самом деле, сэр? Создали Землю?

— Да, я отлично помню это, потому что в процессе создания я попутно изобрел науку. Возможно, эта история покажется вам любопытной... А вы, — он обернулся к помощникам, — вы, надеюсь, сделаете для себя полезные выводы.

История сотворения Земли

— Я был тогда скромным подрядчиком, — начал Модсли. — Ставил то там, то тут планетку-другую, изредка, в лучшем случае, карликовую звезду. С заказами было туго, клиенты попадались капризные, придирались, задерживали платежи и спорили из-за каждой мелочи: «Переделай тут, переделай там, и почему это вода течет вниз, а не вверх, и почему тяготение велико, и зачем горячий воздух поднимается, когда лучше бы ему опускаться?» И тому подобное.

А я тогда был совсем наивным и принимался им все объяснять — с эстетической и с практической точки зрения. Вскоре на вопросы и ответы у меня стало уходить больше времени, чем на работу. Сплошные тары-бары! И я начал понимать, что нужно что-то изменить, но что именно, никак не мог сообразить.

И вот как раз перед этим проектом «Земля» мне пришли в голову кое-какие мысли насчет объяснений с клиентами. Помню, я как-то сказал себе: «Форма вытекает из содержания». И мне понравилось, как это звучит. «Почему же форма должна вытекать из содержания?» — спросил я себя тогда и сам же себе ответил: «Потому что это непреложный закон природы и одна из фундаментальных аксиом прикладной науки». Мне понравилось, как звучит и это утверждение, хотя особого смысла тут не было.

Но не в смысле суть. Суть в том, что я сделал открытие. В мою бытность рекламным агентом и коммивояжером мне не раз приходилось исправлять ошибки, а тут я изобрел хитрый фокус под названием «доктрина научного детерминизма». Земля была пробным камнем, потому я ее и запомнил. Пришел ко мне заказывать планету высокий бородатый старик с пронзительным взглядом. (Так начиналась ваша Земля, Кармоди.) С работой я справился быстро, кажется, дней за шесть, и думал уже, что все трудности позади. Как и здесь, это был обычный заказ с проектом и сметой, и, как и здесь, я кое-что урезал. Но вы бы послушали этого заказчика! Можно было подумать, что я обобрал его до нитки, глаза украл с лица.

«Почему столько ураганов?» — приставал он.

«Это часть вентиляционной системы», — ответил я. (По правде говоря, я тогда немного торопился и попросту забыл поставить в атмосфере предохранительный клапан.)

«Три четверти планеты залито водой! — брюзжал он. — Я же ясно поставил в условиях, что отношение суши к воде — четыре к одному!»

«Но мы не можем себе этого позволить», — объяснил я. (А я давно засунул куда-то его дурацкие условия. Никогда не храню эти смехотворные проекты на одну планетку.)

«И такую крошечную сушу вы заполнили пустынями, болотами, джунглями и горами!»

«Это сценично», — отметил я.

«Плевал я на сценичность! — гремел этот тип. — Один океан, дюжина озер, несколько рек, одна-две горных цепи — этого вполне достаточно, чтобы украсить местность и создать хорошее настроение. А вы что мне подсунули? Брак!»

«На то есть причина», — сказал я. (На самом деле нельзя было уложиться в смету, не подсунув среди прочего подержанные горы, океан и парочку пустынь, которые я купил по дешевке у межпланетного старьевщика Урини. Но не рассказывать же об этом!)

«Причина! — застонал он. — А что я скажу моему народу? Я помещаю на эту планету целую расу, а может, даже две или три. Это будут люди, созданные по моему образу и подобию, с таким же острым глазом, как у меня. Что мне сказать им?»

Я-то знал, что им сказать и куда послать. Но я не хотел быть невежливым. Хотелось подыскать подходящее объяснение. И я нашел-таки некую штуковину — всем фокусам фокус.

«Просто изложите им научную истину, — заявил я. — Скажите, что так и должно быть по науке».

«Как-как?»

«Это детерминизм, — сказал я (название пришло экспромтом). — Все довольно просто, несмотря на некоторую эзотерич-

ность. Прежде всего: форма вытекает из содержания. Поэтому ваша планета именно такова, какой должна быть по самой своей сути. Далее: наука неизменна, следовательно, все изменяемое — ненаучно. И, наконец, все вытекает из законов природы. Вы не можете знать заранее, каковы эти законы, но, будьте уверены, они есть. Так что никто не должен спрашивать: «Почему так, а не иначе?» Вопрос должен звучать так: «Как это действует?»

Задал он мне еще несколько каверзных вопросиков. Старик оказался довольно сообразительным, но зато ни бельмеса не смыслил в технике. Его коньком были этика, мораль, религия и всякие такие призрачные материи. Он был из тех типов, что обожают абстракции, вот он и бубнил: «Все действительное разумно! Гм, весьма заманчивая формула, хотя и не без налета стоицизма; надо будет использовать это в поучениях для моего народа... Но скажите на милость, как я могу сочетать фатализм науки со свободой воли, которую я намерен даровать моему народу? Они же противоположны!»

Да, тут старикашка едва не загнал меня в угол. Но я улыбнулся и, откашлявшись, чтобы дать себе время на размышления, небрежно бросил:

«Ответ ясен!» (Когда не знаешь, что сказать, лучше ответа не найти.)

«Вполне возможно, — согласился он. — Но мне он неизвестен».

«Послушайте, — сказал я. — Эта свобода воли, которую вы даруете своему народу, она ведь тоже разновидность фатализма?»

«Ну, можно считать и так. Но есть и разница...»

«А кроме того, — быстро добавил я, — с каких это пор свобода воли и фатализм несовместимы?»

«Конечно, несовместимы», — сопротивлялся он.

«Все дело в том, что вы совершенно не понимаете науки, — напирал я, проделывая у него перед носом старый трюк. — Видите ли, сэр, одним из основных законов науки является признание определяющей роли случая. А случайность (как вам, наверное, известно) — это и есть математический эквивалент свободы воли».

«Но вы противоречите сами себе», — упирался он.

«Это как посмотреть, — ответил я. — Противоречие — наиболее фундаментальный принцип устройства Вселенной. Противоречие рождает борьбу, без которой все приходит к энтропии. Поэтому у нас не было бы ни единой планеты или вселенной, если бы все не находилось в невозможном на первый взгляд состоянии противоречия».

«На первый взгляд?» — быстро переспросил он.

«Ясно, как день, — подтвердил я. — Но это еще не все. Возьмите, например, какую-нибудь изолированную тенденцию. Что произойдет, если вы доведете эту тенденцию до предела?»

«Не имею ни малейшего понятия, — сказал старик. — Недостаточно подготовлен для такого рода дискуссий».

«Да просто-напросто тенденция превратится в свою противоположность».

«Неужели?» — потрясенно переспросил он.

«В самом деле, — заверил я его. — У меня в лаборатории есть бесспорные доказательства, но их демонстрация будет скучновата...»

«Нет-нет, мне достаточно вашего слова, — поспешно сказал старик. — Ведь у нас же соглашение...»

Соглашение — это все равно что контракт, но звучит благороднее.

«Парные противоположности, — бормотал он. — Детерминизм. Тенденции, которые превращаются в свою противоположность. Боюсь, это слишком сложно».

«Сколь сложно, столь же эстетично, — сказал я. — Однако я еще не кончил насчет предельных превращений».

«Продолжайте, будьте добры!» — попросил он.

«Спасибо. Так вот, еще у нас имеется энтропия. Это означает, что при отсутствии внешних воздействий все стремится идти своим чередом (а в моей практике бывало, что и при наличии внешних воздействий). Таким образом, мы получаем, что энтропия заставляет вещи двигаться к своим противоположностям. Ведь если одна вещь движется к своей противоположности, то и все другие движутся к своим противоположностям, поскольку этого требует наука. Такая вот картина. Все противоположности как безумные несутся к своим противоположностям и становятся своими противоположностями. И на более высоком уровне организации картина та же самая. И так далее. Чем дальше, тем больше! Так, да?»

«Кажется, так», — согласился он.

«Прекрасно! А теперь возникает вопрос, все ли это? То есть ограничивается ли все этим круговоротом противоположностей? Нет, сэр, вот что самое замечательное! Эти противоположности, которые прыгают туда-сюда, как дрессированные тюлени в цирке, на самом деле — лишь один из аспектов действительности. Потому что... (здесь я сделал паузу, а потом заговорил как можно проникновеннее) потому что за шумом и суматохой явлений реального мира прячется мудрость. Эта скрытая мудрость, сэр, видна за иллюзорными формами вещей и явлений. Она просвечивает в глубочайших деяниях Вселенной, пребывающей в состоянии великой и величественной гармонии».

«Как вещь может быть одновременно и реальной, и иллюзорной?» — быстро спросил он.

«Не мне знать, как ответить на такие вопросы, — сказал я. — Я только скромный научный работник и вижу лишь то, что вижу.

И действую соответственно. Но, быть может, за всем этим стоит нравственный смысл?»

Старец задумался. Я видел, как он борется с собой. Конечно, любой на его месте тут же нашел бы ошибку в моих построениях, и все они рассыпались бы в прах. Но, как и все яйцеголовые очкарики, он обожал противоречия и склонен был включить их в свою систему. Здравый смысл подсказывал ему, что в природе не может быть таких трюков, что бы я там ни говорил, но интеллектуальность нашептывала, что, быть может, вещи только кажутся такими сложными, а за всем этим кроется простой и прекрасный единый принцип, а если и не принцип, то хотя бы мораль. Главное, я задел его слабую струнку, помянув о нравственности. Старикашка помешался на этике, он прямо-таки был начинен ею; его запросто можно было назвать «мистер Этика». А я случайно подбросил ему идею, что вся эта проклятая Вселенная, все ее постулаты и противоречия, все законы и беззакония — суть воплощение высоких нравственных принципов.

«Пожалуй, все это глубже, чем я думал, — сказал он через некоторое время. — Я собирался наставлять мой народ только в этике, нацелив его на высшие нравственные проблемы вроде: «Как и зачем должен жить человек?», а не на вопросы о строении живой материи. Я хотел, чтобы люди изведали глубины радости, страха, жалости, надежды, отчаяния, а не превратились в ученых крыс, которые изучают звезды и радуги, а затем создают на базе своих наблюдений величественные, но ни на что не годные гипотезы. Я кое-что знаю о Вселенной, но считал эти знания необязательными. Вы меня поправили».

«Ну что вы, — сказал я. — Я не хотел доставлять вам хлопоты. Я просто думал, что нужно обратить ваше внимание...»

Старик улыбнулся:

«Этими хлопотами вы избавили меня от гораздо больших хлопот. Я могу творить по своему образу и подобию, но никогда не стану создавать целый мир, населенный миниатюрными копиями меня. Для меня важна свобода воли. И она будет у моих созданий — им на славу и на беду. Они получат эту блестящую бесполезную игрушку, которую вы называете наукой, будут носиться с ней и превращать в божество всякие физические противоречия и звездные абстракции. Они будут гоняться за познанием вещей и забудут о познании собственного сердца. Вы предупредили меня, и за это я вам признателен...»

Я облегченно вздохнул. Откровенно говоря, он заставил меня понервничать. Я ведь думал, что он ничего из себя не представляет, с важными персонами не общается, а тут оказывается, у него благородные манеры. Все время я опасался, что он доставит мне массу хлопот, причем для этого ему достаточно было произнести всего

несколько слов. Произнесет — и готово, фраза, как отравленный дротик, вонзится в мой мозг и останется в нем навсегда. Честно говоря, это меня тревожило.

Да, сэр, этот старый шут, должно быть, читал мои мысли. Ибо он сказал:

«Не беспокойтесь! Этот мир, который вы построили для меня, я принимаю без переделок. Он хорошо мне послужит именно таким, какой он есть. Что же касается дефектов и недочетов, их я принимаю тоже — и не без благодарности; я даже оплачу их».

«Как? — спросил я. — Как вы оплатите ошибки?»

«Приняв их без возражений, — сказал он. — Приму, повернусь и уйду, чтобы заниматься своими делами и делами моего народа».

И, не добавив ни единого слова, старый джентльмен удалился.

Да, все это заставило меня задуматься. Я придумал кучу аргументов, а последнее слово почему-то осталось за этим стариком. Я понял, что он имел в виду: свои обязательства по контракту он выполнил и больше не хотел иметь со мной дела. Он ведь не сказал ни слова мне лично, что с его точки зрения было разновидностью наказания.

Но это с его точки зрения. На что мне его слова? Конечно, мне хотелось что-нибудь от него услышать. Это вполне естественно. И через некоторое время я попытался увидеть его, но он не захотел со мной встречаться. Конечно, дело вовсе не в этом.

Я неплохо заработал на том мире. И даже если бы пришлось кое-что подправить, я не стал бы шуметь. Дело есть дело. Вы заключаете контракт, чтобы получить прибыль. И вам невыгодно слишком много переделывать задним числом.

Но я хотел бы сделать вывод из всей этой истории, а вы, мальчики, слушайте внимательно. У науки полным-полно законов — такой уж я ее изобрел. Почему я изобрел ее такой? Потому что физические законы помогают ловкому дельцу так же, как юридические законы помогают адвокату. Правила, доктрины, аксиомы, законы и принципы науки служат для того, чтобы помогать, а не мешать вам. Они должны снабжать вас оправданиями. Большей частью они более или менее справедливы, и это помогает.

Но всегда помните: законы помогают объясняться с заказчиками после работы, а не до нее. У вас есть проект, и вы его осуществляете так, как вам удобнее, а затем подгоняете факты к результатам, а не наоборот.

Не забывайте, что наука создана как словесный барьер против людей, задающих вопросы. Но она не должна быть использована против вас. Если вы хоть что-то усвоили, то должны понимать, что наша работа абсолютно необъяснима. Мы просто делаем ее — иногда выходит хорошо, а иногда плохо.

И никогда не пытайтесь разобраться, почему что-то получилось, а что-то нет. Не спрашивайте и не воображайте, что объяснение существует. Дошло?

Оба помощника поспешно кивнули. У них были просветленные лица, словно они обрели истинную веру. Кармоди готов был держать пари, что эти молодые люди запомнили каждое слово своего патрона, и эти слова уже становятся для них... законом.

Глава 13

Кончив рассказ, Модсли замолчал и мрачно нахмурился: видимо, его донимали грустные мысли. Затем он выпрямился и сказал:

— Кармоди, лицо моего ранга всегда осаждают разного рода просители. Каждый год я делаю взносы в Кислородный Фонд для Нуждающихся Углеродников. Еще я помогаю Проекту Межзвездной Перестройки, Фонду Космической Колонизации и программе «Спасите молодежь!». По-моему, этого достаточно, к тому же подобная благотворительность учитывается при уплате налогов.

— Ладно, — сказал Кармоди, в котором внезапно проснулась гордость. — Я не нуждаюсь в вашей благотворительности.

— Не прерывайте меня! — строго сказал Модсли. — Да, этих даров достаточно для удовлетворения моей склонности к гуманитарной помощи. Кроме того, я не люблю иметь дело с личными просьбами. Они запутанны, нестандартны и очень хлопотны.

— Понимаю, — согласился Кармоди. — Думаю, мне лучше уйти, — добавил он, хотя не имел ни малейшего понятия, куда ему идти и как это сделать.

— Я просил не прерывать меня, — повторил Модсли. — Да, я не люблю персональных просьб, как я уже говорил, но на этот раз я намерен сделать исключение и помогу вам вернуться на вашу планету.

— Почему? — удивился Кармоди.

— Прихоть! — пожал плечами Модсли. — Этакая фантазия с примесью альтруизма. Итак, Кармоди...

— Да-да, слушаю.

— Итак, если вы попадете домой (даже при моей помощи это сомнительно), я попросил бы вас передать некоторое послание.

— Обязательно! Кому послание?

— Ну само собой разумеется, этому бородатому старику, которому я построил вашу планету. Полагаю, он еще командует у вас?

— Не знаю, — сказал Кармоди. — По этому поводу у нас много спорят. Некоторые говорят, что он всегда был и есть, другие

считают, что он умер (хотя, на мой взгляд, это надо понимать метафорически), третьи же утверждают, что его никогда и не было.

— Он еще там, — убежденно сказал Модсли. — Не такая фигура, чтобы убить его ломом. Но отлучиться он мог, это на него похоже. Импульсивная особа, вы же знаете. Начинен всякой высокой моралью и ждет, что его народ станет жить по ней. Конечно, он раздражителен, может даже на время исчезнуть из виду, если дела идут не так. Кроме того, он деликатен: знает, что людям не нравится, когда чего-нибудь слишком много: ростбифа, красоток или Бога. Поэтому он вполне мог вычеркнуть себя, так сказать, из меню, пока у людей вновь не появится аппетит.

— Похоже, вы его хорошо понимаете, — сказал Кармоди.

— Да, у меня было время подумать.

— Но позвольте заметить, — заметил Кармоди, — что ваша точка зрения не совпадает с известными мне теологическими представлениями. Мысль о том, что Бог может быть сговорчив или обидчив...

— Он должен быть таким, — сказал Модсли. — И более того! Он должен быть в высшей степени эмоциональным существом. Таким же, как вы и, полагаю, как другие представители человеческого рода.

Кармоди кивнул.

— Да, вы именно такие! Ведь он же решил создать вас по своему образу и подобию. Очевидно, он так и сделал. Я сразу заметил у вас фамильные черты. В каждом из вас есть немного Бога, Кармоди, но вы не должны зазнаваться по этому поводу.

— Но я никогда с ним не встречался, — усомнился Кармоди. — Я даже не знаю, как передать ему ваше послание.

— Это очень просто! — сказал Модсли с оттенком раздражения. — Когда попадете домой, вы должны просто сказать все вслух, громко и ясно.

— И вы думаете, он услышит?

— Он не может не услышать! Это его планета, как вы сами знаете, и он проявляет большой интерес ко всем своим жильцам. Если он захочет, чтобы вы связались с ним другим способом, он даст вам знать об этом.

— Хорошо, я так и сделаю, — пообещал Кармоди. — И что же вы хотите передать ему?

— Ну, не слишком много, — вдруг замялся Модсли. — Видите ли, он достойный старый джентльмен, и мне чуточку стыдно за планету, что ему я подсунул. Вредного в ней нет ничего, она вполне пригодна для жизни — и все такое... Но этот старикан настоящий джентльмен. Я имею в виду, таких, как он, сейчас почти не встретишь. Так что мне хотелось бы обновить эту его планету, всю целиком и бесплатно, это не будет стоить ему ни цента. Если он со-

гласится, я превращу вашу планету в настоящий рай, хоть сейчас на выставку. Ведь я же чертовски хороший инженер, вы уж мне поверьте; не стоит судить обо мне по всякой муре, которую я навертел, чтобы заработать доллар-другой.

— Я расскажу ему, — пообещал Кармоди. — Но, откровенно говоря, сомневаюсь, что он примет ваше предложение.

— И я сомневаюсь, — мрачно сказал Модсли. — Он упрямый старик и не желает никаких одолжений. Но я хочу предложить ему еще кое-что, причем совершенно искренне. — Модсли запнулся, но затем продолжил: — Спросите его заодно, не согласится ли он встретиться со мной как-нибудь, поболтать...

— Почему бы вам не сходить к нему самому?

— Я пробовал раза два, но встреча не состоялась. У этого вашего старика мстительный характер. Но, может, он смягчится?

— Может быть, — сказал Кармоди с сомнением. — Так или иначе, я все передам. Но если вам хочется поговорить с Богом, мистер Модсли, почему бы вам не поговорить с Мелихроном?

Модсли откинул голову и захохотал.

— С Мелихроном? С этим дебилом? Да у этого помпезного, самовлюбленного осла и мыслишки стоящей не найдется! Собака и та больше смыслит в метафизике! Ведь божественность, говоря профессионально, это что? Это просто сила и власть, и ничего магического в ней нет. Это вам не панацея от всех болезней. И вообще, среди богов нет двух похожих. Вы об этом знали?

— Нет, не знал.

— Ну так знайте. Это может вам когда-нибудь пригодиться.

— Спасибо, — сказал Кармоди. — Но, знаете ли, до сих пор я вообще не верил в Бога.

Модсли задумался на минуту, потом сказал:

— С моей точки зрения, существование Бога или богов очевидно и неизбежно. Верить в Бога столь же легко и естественно, сколь верить в яблоко, не более и не менее. Только одна вещь стоит на пути к этой вере.

— Какая же?

— Принцип Бизнеса, который более фундаментален, чем закон всемирного тяготения. Где бы вы ни оказались в Галактике, повсюду вы найдете бизнес: пищевой и строительный, военный и мирный, правительственный и, конечно, Божественный, который называется религией. И это самая предосудительная линия поведения. Я могу целый год рассказывать вам о порочных и грязных идеях, которыми торгует религия, но вы наверняка слышали о них и раньше. Но я сейчас имею в виду одну черту, которая лежит в основе всех молитв и которая кажется мне особенно противной.

— Какую же?

— Глубочайшее, фундаментальное лицемерие, которое лежит в основе религии. Судите сами: ни одно существо не может молиться, если оно не обладает свободой воли. Однако свободная воля свободна. И, будучи свободной, она неуправляема и непредсказуема. Поистине Божественный дар. Необязательность делает возможным состояние свободы. Существование в состоянии свободы — увлекательная штука, причем таким оно и задумывалось. А что предлагают религии? Они говорят: «Превосходно, вы обладаете свободой воли, чтобы стать рабами Бога и нашими». Какое бесстыдство! Бог, который и муху не обидит, изображается этаким верховным рабовладельцем! Да услышав это, каждое существо с душой должно взбунтоваться. Богу надо служить по своей воле или не служить ему вообще. Только таким путем ты сохраняешь верность себе и дару свободы воли, Богом данному.

— Кажется, я вас понимаю, — сказал Кармоди.

— Возможно, я изложил это слишком сложно, — продолжал Модсли. — Но есть и более простая причина, чтобы избегать религии.

— Какая же?

— Стиль. Напыщенный, увещевающий, болезненно-слащавый, покровительственный, искусственный, скучный, насыщенный смутными образами или громкими лозунгами, пригодный только для чувствительных старых дам или малокровных детишек. Нет, в церкви я Бога не найду, даже если и пойду туда. У этого старого джентльмена слишком много вкуса и твердости, слишком много гордости и гнева. Не могу поверить, что он в церкви, и точка. А зачем я пойду туда, где Бога нет?

Глава 14

Пока Модсли конструировал машину для возвращения на Землю, Кармоди был предоставлен самому себе. Модсли мог работать только в полном одиночестве, Приз, по-видимому, снова погрузился в спячку, а младшие инженеры Орин и Бруксайд были туповаты и не интересовались ничем, кроме своей работы. Так что Кармоди не с кем было даже поговорить. Он очень скучал и, чтобы убить время, отправился на атомостроительную фабрику.

— Раньше все это делали вручную, — объяснял ему краснолицый мастер. — Теперь машинами, но схема та же. Сначала мы берем протон, присоединяем к нему нейтрон с помощью патентованной энергосвязи мистера Модсли. Затем при помощи стандартной микрокосмической центрифуги запускаем на заданные орбиты электроны. После этого вставляем все прочее: мю-мезоны, позитроны — такого сорта пряники. И все дела.

— А на атомы золота или урана у вас много заказов?

— Не слишком. Чересчур дорого. Главным образом мы штампуем водород.

— Антиматерию тоже?

— Лично я никогда не видел в ней особого смысла, — сказал мастер. — Она ведь взрывается, когда вступает в контакт с нормальной материей. Но мистер Модсли все-таки торгует ею. Делают антиматерию, конечно, на отдельной фабрике.

— Понятно. Должно быть, у вас много проблем с упаковкой.

— Нет, не очень, — заверил его мастер. — Мы используем для этой цели нейтральный картон.

Они двинулись дальше мимо гигантских машин. Кармоди ломал голову, пытаясь придумать какой-нибудь вопрос. Наконец он спросил:

— А протоны и электроны вы тоже делаете сами?

— Ни-ни! Мистер Модсли не захотел возиться с этой мелочевкой. Субатомные частицы мы получаем от субподрядчиков.

Кармоди хмыкнул, и мастер взглянул на него с подозрением. Они продолжали бродить по фабрике, пока у Кармоди не заболели ноги. Он устал и отупел, и это его раздражало. Он твердил себе, что должен быть доволен. Вот оно, место, где изготовляются атомы, где сепарируется антиматерия! Вот перед ним гигантская машина, которая экстрагирует космические лучи из сырого пространства, очищает их и закупоривает в громадные зеленые контейнеры. Позади термальный зонд для исследования старых звезд. А слева...

Бесполезно. Прогулка по фабрике Модсли вызывала у Кармоди такую же скуку, как давняя экскурсия на сталелитейный завод в Индиане. И ту же волну угрюмого раздражения и тупого бунта ощущал он в коридорах Лувра, Прадо и Британского музея. И он подумал, что чудеса хороши только в малых дозах. Себя не обманешь и не переупрямишь.

Человек везде остается самим собой, даже если его перенесли внезапно в Тимбукту или на Альфу Центавра. И, будучи честен сам с собой, Кармоди откровенно признал, что вместо созерцания чудес Вселенной он с гораздо большим удовольствием катался бы на лыжах по снежным склонам Стоу или скользил бы на яхте под Адским мостом возле Таити. Ему было стыдно, но он ничего не мог с собой поделать.

«Видно, я не из породы Фаустов, — сказал он себе. — Все секреты Вселенной разложены передо мной, как старые газеты, а я мечтаю о раннем февральском утре в Вермонте и о свежем пушистом снеге».

Какое-то время Кармоди изводил себя подобными мыслями, а потом махнул на все рукой. В конце концов, еще не известно, как повел бы себя Фауст на этой Выставке Старых Мастеров. Ведь

он привык все делать сам. Если бы дьявол поднес ему эти занятия на блюдечке, Фауст наверняка бросил бы науку и занялся альпинизмом или чем-нибудь еще в том же духе.

Кармоди задумался, а потом произнес вслух:

— Ну и что? Что за шумиха вокруг этих вселенских секретов? Их слишком переоценивают — как и все остальное. А когда подойдешь поближе, то оказывается, что ничего там особенного.

Даже если это рассуждение и было неверным, по крайней мере, оно утешало Кармоди. Но все равно он скучал. А Модсли все не находил решения.

Время тянулось очень медленно. Было трудно судить о его истинной скорости, но у Кармоди создалось впечатление, что оно еле-еле ползет — дни складывались в недели, недели в месяцы. Еще у него было чувство (а может, предчувствие), что Модсли не так просто выполнить так легко сорвавшееся с его губ обещание. Возможно, ему проще построить новую планету, чем найти старую. И, осознав всю сложность задачи, Кармоди пал духом.

В один прекрасный (условно говоря) день Кармоди осматривал лес, сделанный Орином и Бруксайдом по заказу приматов планеты Кэтс-2 взамен старого, разрушенного метеоритом. Деньги на новый лес собирали школьники, причем сумма оказалась вполне достаточной для оплаты первоклассной работы.

Когда инженеры и рабочие ушли, Кармоди двинулся в лес. Да, Модсли и его команда могли работать как следует — конечно, когда относились к работе серьезно. Лес был образцом творческого подхода к решению задачи.

Для прогулок здесь были поляны с плотным пружинистым грунтом, затененные широколистными кронами: удобно ноге и приятно глазу. Деревья были незнакомые, но Кармоди, игнорируя различия, предпочитал именовать их по-земному.

Все деревья выглядели как на подбор, а чтобы это зрелище не приедалось, в планировку включили декоративный подлесок. Той же цели служили сверкавшие то тут, то там стремительные речушки (не глубже трех футов). Было здесь и небольшое ярко-голубое озерцо, обрамленное темными соснами (или их эквивалентом), и миниатюрное болото с мангровыми зарослями, обсаженное кипарисами, черными эвкалиптами, магнолиями и ивами, а также кокосовыми пальмами. Подальше от воды росли дикие сливы, вишни, каштаны, орехи, апельсины, финики и инжир. Превосходнейшее место для пикников!

Ни одна из сторон древесного потенциала леса не была упущена из виду. Юные приматы могли здесь гоняться вверх и вниз по прямоствольным вязам и сикоморам, играть в салочки на ветвистых дубах, качаться, как на качелях, на плетях винограда и

плюща. А для старших изготовили гигантские секвойи, чтобы детский визг не мешал им дремать или играть в карты.

Но всем этим совершенство конструкции не исчерпывалось. Даже столь неискушенный наблюдатель, как Кармоди, мог заметить, что в маленьком лесу создана простая, приятная и целесообразная экология. Здесь были и птицы, и звери, и прочая живность. Были цветы и были нежалящие пчелы, чтобы опылять цветы и собирать нектар, и были забавные медвежата, чтобы воровать пчелиный мед. Были гусеницы, чтобы угощаться цветами, и яркокрылые птицы, чтобы угощаться гусеницами, и проворные рыжие лисицы, чтобы поедать птиц, и медведи, чтобы поедать лис, и приматы, чтобы поедать медведей.

А когда приматы Кэтса умирали, их хоронили без гробов в изящных могилах — почтительно, но без лишней суеты, и они служили пищей червям, птицам, лисам, медведям и даже одному-двум видам цветов. Таким образом кэтсиане тоже занимали важное место в лесном круговороте жизни и смерти, и это им нравилось, потому что в них была сильна общественная жилка.

Кармоди наблюдал за всем этим, прогуливаясь в одиночестве (с ним был только котелок-Приз) и грустно размышляя о потерянном доме. И вдруг позади него хрустнула ветка.

Ветра не было, в пруду купались медведи. Почувствовав позади себя чье-то присутствие, Кармоди насторожился и медленно повернулся.

Что-то там было. Что-то было существом в громоздком скафандре из серого пластика, башмаках а-ля Франкенштейн и прозрачном шлеме. На поясе скафандра болтался десяток различных приборов и инструментов.

Кармоди сразу узнал в этом чудище землянина — кто еще мог так вырядиться?

Позади и правее была еще одна фигура, более стройная, но одетая так же. Кармоди сразу увидел, что это женщина, и даже очень привлекательная.

— Боже мой! — воскликнул Кармоди. — Каким чудом вас занесло именно сюда?

— Тсс! — прошипел землянин. — Слава богу, мы прибыли вовремя. Боюсь, однако, самое опасное еще впереди.

— Отец, есть ли у нас хоть какие-то шансы? — спросила девушка.

— Шансы есть всегда, — мрачно улыбнувшись, ответил мужчина. — Только я не дал бы за них и ломаного гроша. Может, доктор Мэддокс что-нибудь придумает.

— Он ведь всегда на высоте, правда, пап?

— Именно так, Мэри, — ласково ответил мужчина. — Док

Мэддокс выше всех нас на голову. Но на этот раз его (да и всех нас) едва не перехитрили.

— Я уверена, мы найдем выход, — безмятежно сказала девушка.

— Может быть. Но так или иначе, пока в наших старых дюзах есть хоть фунт тяги, им не поздоровится.

Мужчина повернулся к Кармоди, и взгляд его стал суровым.

— Надеюсь, ты стоишь того, дружище. Три жизни поставлены на карту ради тебя.

Ответить на такое заявление было трудновато, и Кармоди промолчал.

— А теперь на корабль. Идти за мной, шаг в шаг, — скомандовал мужчина. — Нужно доложить доку результаты разведки.

Вытащив из-за пояса тупорылый пистолет, мужчина устремился в лес. Девушка поспешила за ним, ободряюще взглянув на Кармоди через плечо. Кармоди последовал за ней.

Глава 15

— Эй, подождите минутку, что все это значит? — крикнул Кармоди, пробираясь через лес вслед за людьми в скафандрах. — Послушайте, кто вы? Что вы здесь делаете?

— Это просто ужасно! — воскликнула девушка, краснея от смущения. — В спешке мы даже не представились. Вы, наверное, сочли нас невежами, мистер Кармоди.

— Ну что вы! — вежливо сказал Кармоди. — Но мне все-таки хотелось бы знать, кто вы такие, тем более что вы уже знаете, кто я.

— Конечно, знаю, — сказала девушка. — Я Эвива Кристиансен. А это мой отец — профессор Ларс Кристиансен.

— Отбросьте «профессора»! — крикнул Кристиансен, не оборачиваясь. — Зовите меня Ларс или Крис, как вздумается.

— Ну ладно, пап, — прервала его Эвива, делая вид, что сердится. — Как бы то ни было, мистер Кармоди...

— Меня зовут Том.

— Хорошо, Том, — согласилась девушка, мило краснея. — Так о чем это я? Ах да, мы с папой работаем в ЗМСС. Не знаете? Это Земная Межзвездная Спасательная Служба — филиалы в Стокгольме, Женеве и Вашингтоне, округ Колумбия.

— Боюсь, я никогда не слышал о вашей организации, — сказал Кармоди.

— Ничего удивительного. Земля только на пороге межзвездных исследований. Увы, новые источники энергии, намного превосходящие известные вам примитивные атомные установки, все еще не вышли из стадии лабораторных разработок. Но близок тот

день, когда космические корабли с земными пилотами полетят в самые отдаленные уголки Галактики. И тогда на нашей старой усталой планете обязательно наступит эра всеобщего мира и сотрудничества.

— Новая эра? — переспросил Кармоди. — Почему?

— Потому что не будет больше причин для войн, — ответила Эвива. Она немного запыхалась, потому что все трое пробирались сквозь густой кустарник. — В Галактике множество миров, как вы сами могли заметить, и достаточно простора для социальных экспериментов, приключений и всего, что вам в голову взбредет. Так что энергия человека будет направлена вовне, вместо того чтобы растрачиваться на одной планете посредством разрушительных междоусобных войн.

— Малютка попала прямо в точку, — сказал Ларс Кристиансен своим грубоватым, но дружелюбным басом. — Между прочим, она у меня нахватала сорокнадцать ученых степеней, чтобы ее лепет выглядел солиднее.

— А папуля разговаривает, как хулиган. — Эвива снова покраснела. — Но у него самого в ранце три Нобелевских!

И отец с дочерью обменялись взглядами, угрожающими и нежными одновременно.

— Но вернемся к делу, — сказала Эвива. — Дела обстоят так, вернее, будут обстоять так через пару лет. Но мы опережаем всех благодаря доктору Мэддоксу, с которым вы вскоре встретитесь. — Эвива помедлила, затем добавила, понизив голос: — Не думаю, что выдам секрет, если скажу вам... Доктор Мэддокс... э-э... мутант.

— Черт возьми, не надо бояться этого слова, — прохрипел Ларс Кристиансен. — Мутант может быть не хуже нас с вами. Что касается доктора Мэддокса, то он примерно в тысячу раз лучше!

— Это доктор Мэддокс воплотил этот проект в жизнь, — продолжала Эвива. — Он просчитал все будущее (как он это сделал, я не знаю) и установил, что вскоре, после открытия неограниченного источника дешевой энергии, портативного и безопасного, у нас появятся космические корабли, способные долететь до любой звезды. И масса людей отправится в космос без специального оборудования и навигационных приборов...

— Масса недоделанных дураков, — прокомментировал Кристиансен.

— Ну папа! Как бы то ни было, этим людям понадобится помощь. Однако Галактический Патруль не будет организован еще 87238874 года. Так что, сами видите...

— Вижу, — согласился Кармоди. — Вы решили, никого не дожидаясь, приступить к делу.

— Да. И приступили, — сказала Эвива. — Папа очень склонен помогать людям, хотя в это трудно поверить из-за его постоянного ворчания. А что хорошо для отца, хорошо и для меня. Что же касается доктора Мэддокса, то он вершина вершин.

— Козырный туз, — добавил Кристиансен. — Он человек сверхособенный. У мутантов обычны отклонения в отрицательную сторону, сами знаете. Но раз или два на тысячу вместо пирита находишь золото. У доктора Мэддокса целая линия семейных мутаций, и все необъяснимо благоприятные.

— Мы подозреваем благожелательное вмешательство пришельцев, — сказала Эвива почти шепотом. — Мы сумели проследить родословную Мэддокса только на два столетия назад, но и этого достаточно. Эллил Мэдокси — прапрапрадед нашего доктора — был шахтером в Уэльсе. Почти двадцать лет он работал в знаменитой копи Олд Гринджи и один из немногих сохранил здоровье. Это было в 1739 году. Недавно, когда Олд Гринджи начали разрабатывать снова, там открыли сказочные запасы урана.

— Их и должны были найти там, — вмешался Кристиансен. — Теперь дальше. Мы встречаем эту семью в 1801 году в Оаксаке. Это в Мексике. Томас Мэдокси женился на прекрасной и гордой Терезите де Вальдес, графине Арагонской, владелице великолепной гасиенды в южной Мексике. Утром 6 апреля, когда Томас объезжал стада, знаменитая Ла Эстрелла Роха де Муэрте — Красная Звезда Смерти (позже установили, что это был большой радиоактивный метеорит) — упала в двух милях от ранчо. Выжили немногие, и среди них Томас и Терезита.

— Затем мы переходим к 1930 году, — подхватила Эвива. — Следующее поколение Мэддоксов, уже подрастерявшее богатство, переехало в Лос-Анджелес. Эрнест Мэддокс — дед нашего доктора — продавал новейшее оборудование для врачей и дантистов. Называлось оно «машина Х-лучей». Мэддокс демонстрировал ее два раза в неделю в течение десяти лет. И, несмотря на мощную дозу жесткого излучения, а возможно, и благодаря ей, дожил до очень солидного возраста.

— А его сын, — продолжал Ларс, — по неизвестной причине в 1935 году переехал в Японию и стал монахом секты Дзен. Все военные годы он прожил в «цукцури», то есть в уголке заброшенного здания, не произнеся ни единого слова. Местные жители его не трогали, считая эксцентричным пакистанцем. Было это в Хиросиме, причем жилище Мэддокса оказалось всего в 7,9 мили от эпицентра атомного взрыва 1945 года. Сразу же (!) после взрыва Мэддокс покинул Японию и переехал в Северный Тибет, в монастырь Хьюи-Шен, расположенный на самой недоступной вершине. По рассказам английского туриста, побывавшего там в то время, ламы ожидали приезда Мэддокса! И он остался там, посвятив себя изучению некоторых тантр. Он женился на дочери кашмирского раджи, от которой у него был сын — Оуэн, наш

доктор. Семья покинула Тибет и переехала в Штаты за неделю до вторжения китайской Красной Армии. Оуэн учился в Гарварде, Йеле, Калтехе, Оксфорде, Кэмбридже, Сорбонне и Гейдельберге. Как он нашел нас, это особая история; ее вы услышите в более подходящей обстановке. Ну вот, мы и добрались до корабля. Думаю, нам не стоит тратить время на треп.

Впереди, на небольшой поляне, Кармоди увидел величественный космический корабль, возвышающийся там, словно небоскреб. У него были стабилизаторы, дюзы и множество всяких отростков. Перед кораблем на складном стуле сидел мужчина среднего возраста с благодушным лицом, прорезанным глубокими морщинами. С первого взгляда было ясно, что это и есть Мэддокс-мутант, поскольку у него было по семи пальцев на каждой руке, а в громадных шишках на лбу мог поместиться добавочный мозг. Мэддокс неторопливо встал (на пять ног!) и приветливо кивнул.

— Вы пришли в самую последнюю минуту, — сказал он. — Линии враждебных сил близки к критической точке. Быстро в корабль, все трое! Мы должны немедленно включить защитное поле.

Ларс Кристиансен двинулся ко входу; гордость не позволяла ему бежать. Эвива схватила Кармоди за руку, и Кармоди заметил, что она дрожит, а также отметил про себя, что даже бесформенный серый скафандр не может скрыть изящных очертаний прекрасной фигуры, хотя сейчас девушка не обращала внимания на свою внешность.

— Скверное положение, — пробормотал Мэддокс, складывая свой стул и занося его в люк. — Мои расчеты допускали, конечно, такую разновидность узловой точки, но в силу самой природы бесконечных комбинаций нельзя было предсказать ее конфигурацию.

Перед широким входом Кармоди задержался.

— Думаю, я должен проститься с Модсли, — сказал он Мэддоксу. — Быть может, нужно даже посоветоваться с ним. Он был очень отзывчив и даже взялся строить машину, чтобы доставить меня на Землю.

— Модсли! — воскликнул Мэддокс, обмениваясь многозначительным взглядом с Кристиансеном. — Я подозреваю, что он-то и стоит за всем этим.

— Его стряпня, конечно, — проворчал Кристиансен.

— Что вы имеете в виду? — спросил Кармоди.

— Я имею в виду, — сказал Мэддокс, — что вы жертва и пешка в тайном заговоре, охватившем по меньшей мере семнадцать звездных систем. У нас нет времени на объяснения, но, поверьте, на карте стоит не только ваша жизнь, но и наши, а еще — жизни

нескольких десятков биллионов гуманоидов, большей частью голубоглазых и светлокожих!

— Ах, Том, ну скорее же! — закричала Эвива, дергая его за руку.

— Ладно, — сказал Кармоди. — Но я надеюсь все-таки, что получу полное и исчерпывающее объяснение.

— Получите, получите, — сказал Мэддокс, как только Кармоди вошел в люк. — Получите его прямо сейчас.

Кармоди быстро обернулся, уловив нотку угрозы в голосе Мэддокса. Внимательно посмотрел на мутанта и вздрогнул. Посмотрел на отца с дочерью и увидел их как бы впервые.

Человеческий разум склонен достраивать образы. Две-три кривые складываются в гору, несколько ломаных линий — в бегущую волну. А сейчас, под пристальным взглядом Кармоди, образ разваливался. Кармоди увидел, что милые глаза Эвивы были едва намечены и никуда не смотрели — как рисунок на крыльях бабочки. У Ларса вместо нижней части лица был только темно-красный овал, пересеченный темной линией, обозначавшей рот. Пальцы Мэддокса, все семь, были просто нарисованы на его бедрах.

Кармоди увидел тонкую черную линию, похожую на трещину в полу, которая соединяла каждого из них с кораблем. Застыв на месте, он следил за тем, как они приближаются к нему. У них не было рук, чтобы хватать, не было ног, чтобы двигаться, не было глаз, чтобы смотреть, не было рта, чтобы что-то объяснять. Это были просто три закругленных безликих цилиндра, ловко, но поверхностно замаскированные под людей, три органа, выполняющие сейчас свою единственную функцию. С ужасом Кармоди понял, что это три пальца гигантской руки, которые плавно, словно лишенные костей, надвигаются на него. Понял он и то, что они стремятся протолкнуть его поглубже в черную утробу корабля.

Корабля? Кармоди увернулся от них и ринулся к выходу. Но из верхней и нижней кромок люка выросли острые зубья, люк приоткрылся чуть шире и тут же начал закрываться. Как он мог подумать, что это металл? Блестящие темные стены корабля подернулись рябью и стали сокращаться. Ноги Кармоди увязли в липкой губчатой подстилке, а три пальца кружили вокруг него, преграждая ему путь к уменьшающемуся квадратику дневного света.

Кармоди боролся с отчаянием мухи, попавшей в паутину (очень похоже, хотя понимание пришло слишком поздно). Прямые края люка, ставшие округлыми и влажными, сжались до размера бейсбольного мяча. Три цилиндра крепко держали Кармоди, и он уже не мог сказать, кто из них профессор, кто — мутант, а кто — прелестная Эвива.

И окончательное потрясение: стены и потолок корабля (или того, что это было) стали влажными, красными, живыми, сомкнулись вокруг Кармоди и проглотили его.

Спасения не было. Кармоди не мог ни пошевелиться, ни крикнуть. Он смог лишь потерять сознание.

Глава 16

Как бы издалека он услышал голос:

— Ну как, доктор? Есть надежда?

Кармоди узнал голос: это был Приз.

— Я оплачу все расходы, — сказал другой голос (Кармоди узнал и его: Модсли). — Можно его еще спасти?

— Спасти можно, — произнес третий, по-видимому, врач. — Возможности медицины неограниченны, ограниченны возможности пациентов, но это уже их слабость, а не наша.

Кармоди силился открыть глаза или рот, но ни веки, ни губы его не слушались.

— Это очень серьезно? — спросил Приз.

— Вопрос слишком сложен, чтобы дать точный ответ, — сказал доктор. — Надо сначала определиться с терминами. Медицинская наука, к примеру, проще, чем медицинская этика. Предполагается, что мы, члены Галактической Медицинской Ассоциации, обязаны сохранить жизнь. Предполагается также, что мы действуем в интересах той конкретной формы, которую мы пользуем. Но что прикажете делать, когда эти два императива вступают в противоречие? Уиичи с Девин-5, например, просят врачебной помощи, чтобы излечиться от жизни и войти в желанные врата смерти. Это чертовски трудная задача, вы уж мне поверьте, и осуществима она лишь тогда, когда уиичи ослабевают от старости. И что же должна сказать этика по поводу такого странного отклонения от нормы? Следует ли нам потакать желанию уиичи, что порицается почти во всех уголках Галактики? Или же действовать на основе обычных стандартов и обрекать уиичи на судьбу, которая для них хуже смерти в буквальном смысле слова?

— Это имеет отношение к Кармоди? — спросил Модсли.

— Не слишком большое. Но я полагал, что вам это покажется интересным и поможет понять, почему мы имеем право на самый высокий гонорар.

— А Кармоди в очень скверном положении? — настаивал Приз.

— Только про мертвого можно сказать, что он в очень скверном положении, — успокоил доктор. — Но даже и тогда бывают исключения. Пентатаналуна, например, которую обыватели называют пятидневной возвратной смертью, это не что иное, как

временное окоченение. Вульгарные разговоры о смерти в данном случае неуместны.

— Но как же насчет Кармоди? — напомнил Модсли.

— Больной не мертв, — успокоил доктор. — Он всего лишь в шоке. Выражаясь проще, в обиходной манере, он в обмороке.

— А привести его в себя вы можете? — спросил Приз. — Ваши термины не очень ясны, — возразил врач. — Мне трудно работать без...

— Я хотел спросить: вы можете вернуть его в исходное состояние?

— Ну, это уже довольно точное определение, тем более вы дали его без долгих размышлений. Но что такое исходное состояние? Знает ли это кто-нибудь из вас? Знает ли это сам пациент, если допустить, что он чудесным образом сумеет участвовать в своем лечении? И как мы с вами можем знать, которое из крошечных изменений, происходящих с каждым ударом сердца, имеет существенное значение для его личности? Не теряется ли эта личность с каждой секундой? Ведь в таком случае мы никогда не сможем полностью воспроизвести ее. Это серьезный вопрос, господа.

— Чертовски сложный, — согласился Модсли. — Но, предположим, вы просто сделаете его как можно ближе к прежнему. Это для вас трудно?

— Только не для меня, — сказал доктор. — У меня большой опыт. Я привык иметь дело с самым страшным и самым отвратительным. Не могу сказать, что стал совсем невосприимчивым — просто я свыкся с печальной необходимостью не обращать внимания на душераздирающие процедуры, характерные для моей профессии.

— Ладно, док, хватит! — взорвался Приз. — Лучше расскажи, что ты собираешься делать с моим дружком.

— Я должен оперировать, — сказал доктор. — Это единственная надежда. Я произведу диссекцию (расчленю вашего Кармоди, попросту говоря) и уложу члены и органы в предохраняющий раствор, который затем разбавлю растворителем К-5. Мозг и нервная система будут подсоединены к различным разъемам. Дальнейшая процедура требует их подключения к жизнеимитатору и прижигания синапсов в строго определенной последовательности. Так мы сможем обнаружить все разрывы, испорченные клапаны, закупорки и прочие повреждения. Установив отсутствие оных, мы приступаем к разборке мозга и наконец подходим к главному контакту разума и тела. Осторожно разомкнув его, мы проверим все внешние и внутренние цепи. Если и здесь все в порядке, мы откроем резервуар разума (убедившись, конечно, в отсутствии утечек) и проверим уровень сознания. Если он низок или же вообще на нуле (в подобных ситуациях почти всегда так и

бывает), мы анализируем осадок и искусственно создаем новую порцию сознания. Эта новая порция проходит исчерпывающую проверку и впрыскивается в резервуар. Затем все части тела воссоединяются, и пациент может быть реанимирован жизнеимитатором. Вот и весь процесс.

— Ух! — вздохнул Приз. — Я и собаку не стал бы так лечить.

— Я тоже, — сказал доктор. — По крайней мере, пока собачья раса не станет разумной. Итак, хотите ли вы, чтобы я приступил к операции?

— Приступайте, — решил Модсли. — Ничего не поделаешь. Бедный малый так надеялся на нас, и мы не можем бросить его без помощи. Выполняйте свой долг, доктор!

Все время, пока длился этот разговор, Кармоди боролся со своим дезорганизованным организмом. С нарастающим ужасом он слушал доктора, и в нем крепло убеждение, что его друзья могут причинить ему вреда куда больше, чем способны вообразить его злейшие враги. Наконец титаническим усилием он приподнял веки и отлепил язык от неба.

— Никаких операций! — просипел он. — Голову оторву! Попробуйте только начать вашу растреклятую операцию!

— Очнулся, — констатировал доктор довольным тоном. — Иногда, знаете ли, словесное описание операции в присутствии пациента исцеляет не хуже, чем сама операция. Это, конечно, эффект плацебо, но смеяться тут не над чем.

Кармоди приподнялся, и Модсли помог ему встать. Прежде всего Кармоди взглянул на доктора. Это был тощий высокий человек в черной одежде, похожий как две капли воды на Авраама Линкольна. А Приз больше не был котелком. Очевидно, под влиянием потрясения он превратился в карлика.

— Пошлите за мной, если я вам понадоблюсь, — сказал доктор и исчез.

— Что произошло? — спросил Кармоди. — Тот космический корабль, те люди...

— Мы вытащили тебя в последнюю секунду, — усмехнулся Приз. — Но это был не космический корабль.

— Догадываюсь. А что?

— Кармодиед, — сказал Модсли. — То есть ваш хищник. Вы полезли к нему прямо в пасть.

— Полез, — согласился Кармоди.

— И чуть не потеряли ваш единственный шанс на возвращение домой, — продолжал Модсли. — У вас очень мало шансов, Кармоди, и нет ни одного безупречного. Присядьте, я вам постараюсь объяснить.

Кармоди сел и приготовился слушать.

Глава 17

Прежде всего Модсли заговорил о вселенских хищниках, их породах и численности, о повадках, приемах и вооружении. Для Кармоди крайне важно было понять, что с ним произошло и почему, несмотря на то что эту информацию он получал с некоторым опозданием. («Именно потому», — отметил Приз.)

Затем Модсли сказал, что Вселенная соблюдает принцип симметрии. Как для каждого мужчины есть женщина, так и для каждого живого существа — хищник. Великая Цепь Поедания (поэтический образ динамической подсистемы космоса, называемой жизнью) не должна разрываться — хотя бы в силу внутренней необходимости. Жизнь подразумевает созидание, а созидание невозможно без уничтожения, то есть без смерти. Таким образом...

— Почему созидание невозможно без смерти? — спросил Кармоди.

— Не задавайте глупых вопросов, — оборвал его Модсли. — Так о чем это я? Ах да! Итак, убийство оправданно, хотя с некоторыми его деталями нелегко примириться. Существо в своей природной среде обитания отнимает жизнь у другого существа, а третье существо отнимает жизнь у него самого. Этот простой и естественный процесс обычно так хорошо сбалансирован, что добытчики и добываемые склонны подолгу не обращать на него никакого внимания, занимаясь вместо того созданием произведений искусства, собиранием орехов, созерцанием Абсолюта или еще чем-нибудь интересным. И так оно и должно быть, потому что Природа (которую мы обычно представляем себе старой дамой, одетой в черное и коричневое) не любит, когда ее правила и принципы становятся предметом застольной беседы, уличных пересудов, выступлений в Конгрессе или чего-то в том же духе. Вы же, Кармоди, избежав уплаты по векселям на своей родной планете, по-прежнему подчиняетесь неумолимому Закону. Таким образом, если на бескрайних просторах космоса не имеется в наличии подходящего для вас хищника, то таковой должен быть найден. Если искомый хищник найден быть не может, он должен быть создан.

— Понятненько, — сказал Кармоди. — Но этот корабль, эти люди...

— ...не были тем, чем они казались, — объяснил ему Модсли. — Это должно быть очевидно.

— Теперь очевидно.

— На самом деле они — это Оно, единое целое, создание, созданное специально для вас, Кармоди. Оно — ваш хищник-пожиратель, появление которого логически вытекает из простых стандартных Законов Пожирания.

— Которые есть... — начал было Кармоди.

— Да, которые есть, — вздохнул Приз. — Как прекрасно ты это выразил! Можно сколько угодно рассуждать о судьбе и о мире, но в конце концов приходишь к абсолютной истине: «Они есть, и они — это те вещи, которые есть».

— Я не комментирую, — сказал Кармоди, — а спрашиваю. Что это за Закон Пожирания?

— Извини, я тебя неправильно понял, — сказал Приз.

— Ничего, все в порядке, — успокоил его Кармоди.

— Спасибо! — сказал Приз.

— Ничего, ничего, — сказал Кармоди. — Я не хотел... Нет, я хотел! Что это за простые стандартные Законы Пожирания?

— Надо объяснять? — удивился Модсли.

— Боюсь, что надо.

— Когда вы формулируете это в виде вопроса, — строго сказал Модсли, — пожирание перестает быть простым и стандартным, и даже возведение его в закон становиться сомнительным. А *понятие пожирания — неотъемлемая часть любого организма*, как руки, ноги или голова, только еще более неотъемлемая. Оно гораздо фундаментальнее любого закона науки, понятно? А когда вы задаете такой вопрос, это сразу накладывает жесткие ограничения на ответ.

— Но должен же я узнать побольше о пожирании, — сказал Кармоди. — Особенно о пожирании меня.

— Да, конечно, — ответил Модсли. — Правда, вам следовало не узнавать, а знать, а это далеко не одно и то же. Однако я попробую.

Модсли энергично потер лоб и провозгласил:

— Ты ешь, поэтому тебя едят. Это общеизвестно. Но как именно тебя должны съесть? В какую ловушку тебя поймают, как схватят и... гм... лишат подвижности, как приготовят? Поджарят тебя, заморозят или подадут при комнатной температуре? Очевидно, это зависит от вкусов того, кто захотел тобой полакомиться. А как он поймает тебя? Прыгнет ли сверху на спину, выроет ли яму на твоем пути или запутает в паутину? А может, вызовет на поединок или сразу вонзит когти? Это тоже зависит от природы твоего пожирателя, от его формы и строения. А природа эта всецело определяется особенностями твоей природы, которая тоже обладает свободой воли и поэтому абсолютно непредсказуема.

А теперь ближе к делу. Когти, ямы и паутина ведут к цели кратчайшим путем, но они не очень эффективны против существа, наделенного памятью. Добыча, подобная вам, Кармоди, во второй раз в ту же ловушку не попадется. Прямолинейность, однако, не в духе Природы. Было сказано, что Природа питает особое пристрастие к иллюзиям, которыми вымощена дорога и к

рождению, и к смерти. Но эту теорему я доказывать не стану. Приняв ее на веру, мы автоматически получаем следствие: чтобы поймать такое сложное существо, как вы, Кармоди, ваш хищник должен предпринимать сложные маневры.

У этой проблемы есть и другая сторона. Ваш пожиратель вовсе не обязан есть только вас. Безусловно, для него вы — единственный и неповторимый, но он, обладая свободой воли (как и вы), вовсе не связан строгой логикой в своей поедательной функции. Амбарная мышь может воображать, что сова на стропилах сотворена специально, чтобы охотиться на мышей, но мы-то знаем, что у сов разнообразные интересы. Так обстоят дела со всеми хищниками, в том числе и с вашим. Отсюда мы делаем важный вывод: все хищники из-за наличия свободы воли функционально несовершенны.

— Никогда не думал об этом, — признался Кармоди. — Это может мне помочь?

— Едва ли. Но знать об этом надо. На практике вам никогда *не удастся использовать несовершенства вашего хищника*. Вы даже вряд ли узнаете, в чем они заключаются. В данной ситуации вы — это амбарная мышь. Заслышав свист крыльев, вы можете нырнуть в норку, но никогда не сумеете понять всю природу, таланты и недостатки совы.

— Замечательно! — язвительно сказал Кармоди. — Я потерпел поражение, еще не стартовав. Или, пользуясь вашей терминологией, я уже съеден, хотя меня пока даже на вилку не насадили.

— Терпение! Терпение! — остановил его Приз. — Пока все не так плохо.

— А как плохо? Может ли кто-нибудь из вас сказать мне хоть что-то полезное?

— Это мы и стараемся сделать, — сказал Модсли.

— Тогда скажите хотя бы, на что похож мой хищник.

Модсли покачал головой:

— Это совершенно невозможно. Не думаете же вы, что каждая жертва знает, на что похож ее хищник? Если бы она знала, то стала бы бессмертной!

— А это против правил, — вставил Приз.

— Ну хоть идею какую-нибудь подайте, — взмолился Кармоди. — Всегда ли мой хищник маскируется под космический корабль?

— Конечно, нет, — сказал Модсли. — С вашей точки зрения, у него нет постоянной формы. Слыхали ли вы когда-нибудь, как мышь прыгает в пасть к змее, а муха летит на язык лягушки, а олененок бежит в лапы к тигру? Вот в чем сущность пожирания! Вы должны задаться вопросом: куда эти обманутые жертвы идут, по их мнению, и что, по их мнению, находится перед ними? И, ко-

нечно, вы должны спросить себя: что на самом деле было перед вашими глазами, когда вы разговаривали с тремя пальцами вашего хищника и следовали за ними прямо в его пасть!

— Они были похожи на людей, — заметил Кармоди. — А на что похож мой хищник, я не знаю.

— Не вижу, как помочь вам в этом, — сказал Модсли. — Информацию о хищниках собирать нелегко. Они очень индивидуальны. Их маскировка и ловушки основаны на ваших воспоминаниях, мечтах и фантазиях, ваших надеждах и желаниях. Хищник берет ваши сокровенные пьесы и разыгрывает их для вас — вы это уже видели. Чтобы узнать вашего хищника, вы должны узнать самого себя. Но легче понять Вселенную, чем себя.

— Что же мне делать? — спросил Кармоди.

— Учитесь! — ответил Модсли. — Будьте всегда настороже, передвигайтесь как можно быстрее, не доверяйте ничему и никому. И не думайте об отдыхе, пока не попадете домой.

— Домой! — повторил Кармоди.

— Да, в безопасности вы будете только на собственной планете. Хищник не может войти в вашу берлогу. Там вас будет поджидать множество заурядных опасностей, но уж, по крайней мере, не эта.

— А домой вы сумеете меня отослать? — спросил Кармоди. — Вы сказали, что работаете над машиной...

— Я ее уже сделал, — сказал Модсли. — Но вы должны помнить о ее ограничениях, которые обусловлены моими собственными. Моя машина может доставить вас туда, куда Земля ушла к настоящему времени, но это все, что она может.

— Но это все, что мне требуется! — воскликнул Кармоди.

— Нет, не все. КУДА — только первая из координат планеты, первое из трех «К». Вам предстоит еще определить второе «К» — КОГДА и третье — КАКАЯ из Земель ваша. Мой совет: соблюдайте эту последовательность. Как говорится, сначала время, потом подробности. Но уйти отсюда вам следует немедленно. Ваш хищник, чей аппетит вы дурацки раздразнили, может возвратиться в любой момент. И я не уверен, что на этот раз мне удастся так удачно вытащить вас из его пасти.

— А как вам это удалось? — полюбопытствовал Кармоди.

— Я быстренько сформировал приманку, — ответил Модсли. — Создал вашу копию, но больше размером и слегка аппетитнее. Хищник бросил вас и устремился за ней, истекая слюной. Но во второй раз мы его так не обманем.

Кармоди предпочел не спрашивать, было ли больно приманке.

— Я готов, — сказал он. — Но куда я иду и что там произойдет?

— Вы отправитесь на Землю. По всей вероятности, попадете на неправильную. Но я пошлю письмо одному лицу, большому

знатоку времени. Он присмотрит за вами, если захочет, а после этого... Но кто может сказать, что будет после? Будь что будет, Кармоди! И будьте благодарны, если что-нибудь будет вообще!

— Я вам очень благодарен, — сказал Кармоди. — Чем бы все ни кончилось, большое вам спасибо!

— Ну, тогда все в порядке, — заключил Модсли. — И не забудьте про мое послание тому старику, если, конечно, вернетесь. У вас все готово? Машина вот здесь, рядом со мной. Я не успел сделать ее видимой, но выглядит она примерно как коротковолновая радиостанция «Зенит» на батарейках. Да где же она, черт возьми? Ага, вот. Приз берете?

— Я беру его! — закричал Приз, ухватившись обеими руками за Кармоди.

— Тогда все готово. Эту стрелку я ставлю сюда, затем поворачиваю эту и те две наверху... Надо полагать, вам будет приятно покинуть макрокосмос и оказаться на планете, хотя бы и не на своей собственной. Конечно, нет качественной разницы между атомом, планетой, Галактикой и Вселенной. Весь вопрос в том, какой масштаб удобнее для вас лично. Теперь я нажимаю эту...

Бамм! Пуфф! Хрррруст! Медленное растворение, быстрое растворение, жидкое разведение, электронная музыка из внешнего пространства, внешнее пространство из электронной музыки, шелестят странички календаря, кувыркаются голова и ноги. Литавры звучат грозно, грозно звучат литавры. Вспышки ярких красок, женский голос, эхо причитаний, детский смех. Луч света падает на груду апельсинов из Яффы и превращает их в планеты, луч света падает на Солнечную систему и превращает ее в рябь на воде. Кадры мелькают медленнее, потом быстрее, затемнение, наплыв, свет.

Не путешествие, а сущий ад, но ничего другого Кармоди и не ожидал.

Часть III

КОГДА?

Глава 18

Когда перемещение закончилось, Кармоди провел инвентаризацию. Ощупав себя, он пришел к выводу, что у него по-прежнему две руки, две ноги, одно тело, одна голова и один разум. По крайней мере, все это вроде бы осталось при нем. Он также отметил, что при нем остался и Приз, который был вполне узнаваем, хотя и претерпел свою обычную метаморфозу. На этот раз из карлика он превратился в угловатую флейту.

— Пока все хорошо, — сказал Кармоди вслух и стал осматривать окрестности.

— Хорошо, но не все, — поправился он тут же. Он был подготовлен к тому, что окажется на неправильной Земле, но не ожидал, что она окажется настолько неправильной.

Он стоял на зыбкой почве у края болота. От стоячих бурых вод поднимались ядовитые миазмы. Вокруг росли широкие папоротники, низкие, с мелкими листьями кусты и пальмы с пышными кронами, среди которых затерялось одинокое кизиловое дерево. Воздух был горяч, как кровь, и насыщен ароматами и запахом гнили.

— Может, я во Флориде? — сказал Кармоди с надеждой.

— Боюсь, что нет, — отозвалась флейта, то есть Приз. Голос у него был низкий, мелодичный, но с избытком трелей.

— Как это ты разговариваешь? — спросил Кармоди, глядя на флейту.

— Ты же не удивлялся, что я говорил, когда был котелком, — ответил Приз. — Пожалуйста, я объясню. Вот здесь, возле моего мундштука, прикреплен патрон с CO_2. Этот патрон — мои легкие. Конечно, запас ограничен. Прочее очевидно.

Для Кармоди это не было очевидно, но сейчас его интересовали более важные вещи.

— Где я? — спросил он.

— Не я, а мы, — поправил Приз. — Мы на планете Земля. Эта сырая местность в свое время станет Скарсдейлом, штат Нью-Йорк. — Он хихикнул. — Советую купить участок сейчас, пока цены низкие.

— Какого дьявола? Это не похоже на Скарсдейл.

— Конечно, нет. Оставляя на время вопрос о «Какойности», мы видим, что и «Когдашность» неправильная.

— Ну и... Когда же мы?

— Хороший вопрос. Но он из тех, на которые я могу дать только приблизительный, хотя и весьма достоверный ответ. Вполне очевидно, что мы находимся в фанерозое, который охватывает одну шестую геологического возраста Земли. Но в какой части фанерозоя, в палеозойской эре или в мезозойской? Здесь я должен рискнуть. Учитывая климатические особенности, я исключаю весь палеозой, кроме, быть может, конца пермского периода. Нет-нет, теперь я могу исключить и его! Погляди-ка вверх! Правее.

Кармоди поднял голову и увидел странную птицу, неловко взмахивающую крыльями.

— Определенно археоптерикс, — сказал Приз. — На это указывает его игольчатое оперение. Большинство ученых относит это существо к верхнеюрскому и меловому периодам, то есть заведомо позже триаса. Таким образом, мы можем исключить весь палеозой: мы определенно в мезозойской эре.

— Это довольно давно, а? — заметил Кармоди.

— Порядочно, — согласился Приз. — Впрочем, время мы можем и уточнить. Дай-ка мне немного подумать. — Он немного подумал и начал рассуждать: — Да, пожалуй, я прав. Это не триас! Болото — это подсказка, но, боюсь, неправильная. Однако цветущее покрытосеменное растение возле твоей левой ноги безошибочно указывает в нужном направлении. Но это не единственная примета. Ты обратил внимание вон на то кизиловое дерево? Хорошо, теперь повернись, и ты увидишь два тополя и фиговое дерево посреди небольшой группы хвойных. Мы на верном пути! Но заметил ли ты самую важную деталь, такую обычную в твоем времени, что вы просто не обращаете на нее внимания? Я говорю о траве, которая растет здесь в изобилии. Вплоть до юрских времен никакой травы не было! Только хвощи и папоротники! И это решает дело, Кармоди! Голову даю на отсечение, мы в меловом периоде и, вероятно, вблизи от его верхней границы.

У Кармоди было самое смутное представление о геологических периодах.

— Меловой? Это далеко от моего времени?

— О, около ста миллионов лет, плюс-минус несколько миллионов, — сказал Приз. — Меловой период продолжался почти семьдесят миллионов лет.

Кармоди даже не стал пытаться осмыслить все это. Он просто спросил у Приза:

— Откуда ты знаешь всю эту геологию?

— А как ты думаешь? — задиристо ответил Приз. — Изучил.

Уж если мы едем на Землю, решил я, то нужно кое-что разузнать об этом месте. Чертовски здорово, что я это сделал! Если бы не я, ты бы бродил вокруг, разыскивая Майами, пока тебя не слопал бы какой-нибудь аллозавр.

— Кто слопал?

— Я говорю, — начал Приз, — об одном из тех уродливых представителей отряда зауришиа, ответвлением которого являются зауроподы со знаменитыми бронтозаврами во главе.

— Ты хочешь сказать, что тут есть динозавры?

— Я хочу сказать, — ответил Приз все с теми же неуместными трелями, — что это самый настоящий Динозавровилль и что я рад представившейся мне возможности приветствовать тебя в Веке Гигантских Рептилий.

Кармоди не успел ничего сказать. Он заметил движение слева и в самом деле увидел динозавра — махину высотой футов в двадцать и в добрых пятьдесят футов от носа до кончика хвоста. Держась вертикально на задних ногах, гигант быстро приближался к Кармоди.

— Тираннозавр? — спросил Кармоди.

— Точно! Тираннозавр-рекс. Самый знаменитый из отряда зауришиа. Как ты можешь заметить, это настоящий хищный динозавр. Впрочем, это детеныш. Длина клыков всего полфута, да и весит он не больше девяти тонн.

— И он ест мясо, — сказал Кармоди.

— Да, конечно! Впрочем, лично я думаю, что тираннозавры и все другие хищные ящеры питались главным образом безобидными гадрозаврами, широко распространенными в ту эпоху. Но это моя собственная теория.

Гигант был уже в пятидесяти футах от Кармоди. И на плоской болотистой равнине никакого укрытия: ни скалы, ни норы.

— Что мне делать? — спросил Кармоди.

— Лучше всего превратиться в растение, — посоветовал Приз.

— Но я не умею.

— Не умеешь? Тогда дело плохо. Улететь ты не сможешь, зарыться в землю не успеешь и убежать тебе, держу пари, не удастся. Гм-м... Положение становится затруднительным.

— Так что же делать?

— Ну, в данных обстоятельствах тебе следует относиться ко всему стоически. Я мог бы процитировать тебе что-нибудь из Эпиктета. А еще мы могли бы спеть псалом, если это поможет.

— К черту псалмы! Я удрать хочу.

Но флейта уже затянула: «Боже мой, я все ближе к тебе». Кармоди сжал кулаки. Тираннозавр был теперь прямо перед ними. Он высился над его головой, словно оживший подъемный кран. Ящер открыл свою ужасную пасть и...

Глава 19

— Хэлло, — сказал тираннозавр. — Меня зовут Эми. Мне шесть лет. А вас как зовут?

— Кармоди, — представился Кармоди.

— А я его Приз, — добавил Приз.

— Вы оба ужасно странные, — сказал Эми. — Никогда не видел таких. А я уже знаю и диметродона, и струтиомимуса, и сколозавра, и кучу других зверей. Вы тоже живете тут поблизости?

— Приблизительно, — сказал Кармоди. Потом вспомнил о разнице во времени и добавил: — Ну, не совсем близко.

Эми по-детски ойкнул и замолк, глазея на них. А Кармоди смотрел на него, подавленный величиной этой ужасной головы, размером с пилораму, с узкой пастью, усаженной рядами кинжалов. Страшилище! Только глаза — круглые, нежные, голубые, доверчивые — не вязались со зловещим обликом динозавра.

— Ну ладно, — сказал наконец Эми. — А что вы делаете в нашем парке?

— Разве это парк? — спросил Кармоди.

— Конечно, парк! — сказал Эми. — Детский парк. Но, по-моему, вы не ребенок, хотя вы и очень маленький.

— Ты прав, я не ребенок, — сказал Кармоди. — Я попал в ваш парк по ошибке. Пожалуй, мне бы стоило поговорить с твоим отцом.

— О'кей, — сказал Эми. — Залезайте ко мне на спину, я вас отвезу. И не забудьте, что именно я нашел вас. Друга своего тоже возьмите. Он-то действительно странный!

Кармоди сунул Приз в карман и взобрался на тираннозавра, использовав в качестве ступенек складки прочной, как железо, кожи. Как только он устроился поудобнее на шее, Эми пустился вприпрыжку на юго-запад.

— Куда мы направляемся? — спросил Кармоди.

— К моему отцу.

— А где он?

— В городе, у себя на работе. Где же ему еще быть?

— Конечно, где же еще? — согласился Кармоди и тут же ухватился покрепче, потому что Эми помчался галопом. Из кармана раздался приглушенный голос Приза:

— Все это чрезвычайно странно.

— Ты сам странный, — напомнил ему Кармоди и, устроившись поудобнее, стал смотреть по сторонам.

Обитатели этого города вряд ли называли его Динозавровиллем, но Кармоди не мог думать о нем иначе. Он лежал в двух милях от парка. Сначала они выбрались на дорогу (фактически широкую тропу), утрамбованную ногами бесчисленных динозавров

до твердости бетона. То тут, то там им попадались гадрозавры, спавшие возле дороги под ивами или напевавшие что-то низкими приятными голосами. Кармоди спросил о гадрозаврах, но Эми сказал только, что отец считает их «серьезной проблемой».

Дорога шла через рощи, где росли березы, клены, лавр и падуб. Динозавры были в каждой роще: они носились туда-сюда под ветвями, копались в земле или сгребали мусор. Кармоди спросил, что они там делают.

— Прибирают, — презрительно сказал Эми. — Домохозяйки вечно заняты уборкой.

Местность впереди повышалась. Они оставили позади последнюю рощицу и углубились в лес.

Но это был не обычный лес: многие детали говорили о том, что его создали искусственно — целенаправленно и с большой предусмотрительностью. Его окаймлял широкий пояс фиг, хлебных и ореховых деревьев, за ним шли несколько рядов тонкоствольных гингко, а далее — только сосны да редкие канадские ели.

Чем дальше в лес углублялись путники, тем больше встречалось динозавров. Большинство составляли тероподы — плотоядные тираннозавры вроде Эми. Приз заметил также несколько орнитоподов и сотню-другую представителей семейства цератопсиа-трицератопсов с их гигантскими рогами. Почти все мчались сквозь лес легким галопом. Земля гудела под их ногами, дрожали деревья, в воздух вздымались облака пыли. Скрежетали, задевая друг друга, бронированные бока, и только быстрые повороты, внезапные остановки и рывки помогали избегать столкновений. А сколько рева было из-за правил уличного движения! Зрелище нескольких тысяч спешащих динозавров было так же ужасно, как и исходящий от них запах, точнее, вонь.

— Вот мы и на месте, — сказал Эми и остановился так резко, что Кармоди чуть не слетел с его шеи. — Тут мой папа.

Осмотревшись, Кармоди увидел, что Эми доставил его в небольшую рощу секвой. Здесь был как бы оазис покоя. Два динозавра медленно прохаживались меж красными стволами, не обращая внимания на суматоху, царившую всего в пятидесяти ярдах от них. Кармоди решил, что здесь можно спешиться, не опасаясь быть раздавленным, и соскользнул со спины Эми.

— Папочка! — крикнул Эми. — Эй, папа, посмотри, что я нашел, ты только взгляни!

Один из ящеров поднял голову. Это был тираннозавр заметно больше Эми, с белыми полосами на синей коже. Его серые глаза были налиты кровью. Он неторопливо повернулся и недовольно спросил:

— Сколько раз я просил тебя не бегать сюда?

— Прости, папа, но ты посмотри, что я...

— Ты всегда просишь прощения, — сказал тираннозавр, — а ведешь себя по-прежнему. Мы с матерью постоянно говорим о твоем поведении, Эми. Ни она, ни я не хотели бы, чтобы из тебя получился горластый неотесанный битник, не имеющий понятия, как подобает себя вести воспитанному динозавру. Я люблю тебя, сын мой, но ты должен научиться...

— Папа! Неужели ты не можешь отложить свою лекцию на потом и посмотреть (просто посмотреть!) на то, что я нашел?!

Пасть старшего тираннозавра захлопнулась, он гневно взмахнул хвостом. Но потом он все же опустил голову и, взглянув туда, куда показывал сын, увидел Кармоди.

— Боже милостивый! — воскликнул он.

— Добрый день, сэр, — сказал Кармоди. — Меня зовут Томас Кармоди. Я человек. Не думаю, что сейчас на этой Земле есть другие люди или хотя бы приматы. Мне трудно объяснить, как я попал сюда, но пришел я с миром и все такое... — закончил он не очень вразумительно.

— Фантастика! — только и сказал отец Эми. Он повернулся к своему коллеге: — Баксли! Ты видишь то, что я вижу? Ты слышишь то, что я слышу?

Баксли, который был тираннозавром примерно того же возраста, что и отец Эми, ответил:

— Вижу, Борг, но не верю своим глазам.

— Говорящее млекопитающее! — воскликнул Борг.

— Не могу поверить, — повторил Баксли.

Глава 20

Чтобы свыкнуться с мыслью о говорящих млекопитающих, Боргу потребовалось куда больше времени, чем потребовалось Кармоди, чтобы поверить в существование говорящих ящеров. Но в конце концов Борг ее принял. Как позже заметил Приз, ничто так не помогает поверить в существование факта, как его, факта, личное присутствие.

Борг пригласил Кармоди в контору, которая помещалась под пышной листвой плакучей ивы. Сели, откашлялись, помолчали, соображая, с чего начать. Наконец Борг произнес:

— Итак, вы — млекопитающее из будущего, да?

— Похоже, что так, — ответил Кармоди. — А вы — здешнее пресмыкающееся из прошлого?

— Никогда не думал о себе как о существе из прошлого, — сказал Борг. — Ну, предположим, что это правда. А далеко ли будущее, откуда вы пришли?

— Сто миллионов лет или около того.

— Гм. Далековато. Да, в самом деле далековато.

— Да, это довольно далеко, — сказал Кармоди.

Борг кивнул и хмыкнул. Кармоди понял, что динозавр не знает, о чем говорить дальше. Борг производил впечатление очень достойной личности: гостеприимный, хотя и погруженный в свои дела, хороший семьянин, но не мастер поговорить — словом, немного скучноватый почтенный тираннозавр из среднего класса.

— Ну-ну, — произнес наконец Борг, когда молчание стало тягостным. — И как там в будущем?

— Прошу прощения?

— Я спрашиваю, как там у вас в будущем?

— Хлопотно, — вздохнул Кармоди. — Суматоха. Полно новых изобретений, а они только затрудняют жизнь.

— Да-да-да, — сказал Борг. — Примерно так и представляют будущее наши парни с воображением. Некоторые даже пишут, будто эволюция идет к тому, что млекопитающие станут доминировать на Земле. Но я считаю это передержкой, гротеском.

— Наверное, так это и выглядит, — дипломатично согласился Кармоди.

— Но ваш вид — доминирующий?

— Ну... один из доминирующих.

— А как насчет пресмыкающихся? Или точнее: как дела у тираннозавров там, в будущем?

У Кармоди не хватило духу сказать, что динозавры вымерли и что вымерли они за шестьдесят миллионов лет до появления человека, а пресмыкающиеся занимают в природе третьестепенное место.

— Как дела? Именно так, как и следовало ожидать, — сказал Кармоди, чувствуя себя пифией, и к тому же трусливой.

— Хорошо! Я примерно так и думал, — сказал Борг. — Мы — крепкий народ, знаете ли, у нас есть сила и здравый смысл. Ну а много ли хлопот от сосуществования людей и ящеров?

— Нет, хлопот немного, — с легкостью сказал Кармоди.

— Рад слышать. Я боялся, что динозавры при своих размерах окажутся... э-ээ... тяжеловаты на руку.

— Нет-нет! Можно даже сказать, что динозавры всем нравятся.

— Очень приятно слышать это от вас, — сказал Борг.

Кармоди пробормотал еще что-то и замолк, сгорая от стыда.

— Нас, динозавров, мало занимает будущее, — продолжал Борг, переходя на высокопарный стиль послеобеденного оратора. — И так было всегда. Наш вымерший предок, аллозавр, был грубым прожорливым хищником с дурным нравом. Его же предок, цератозавр, — это всего-навсего карликовый карнозавр. Судя по размерам его черепной коробки, он был невероятно глуп. Были,

безусловно, и другие карнозавры, а до них — потерянное звено, тот древнейший предок, от которого произошли все ящеры — и четвероногие, и двуногие.

— Двуногие, конечно, доминируют? — спросил Кармоди.

— Конечно! Четвероногие трицератопсы — тупоголовые твари, но небольшое поголовье мы все же сохраняем. Добавление их мяса к рубленой бронтозаврине делает ее необычайно вкусной. Есть и другие виды ящеров. Гадрозавры, например. Вы могли их заметить по дороге в город.

— Да, заметил. Они пели.

— Эти типы всегда поют, — сказал Борг сурово.

— Вы их тоже едите?

— О, небо! Конечно, нет! Гадрозавры разумны! Единственные разумные существа на планете, не считая нас — тираннозавров.

— Ваш сын сказал, что они — «серьезная проблема».

— Да, проблема! — подтвердил Борг вызывающим тоном.

— В каком смысле?

— Они ленивы. А также угрюмы и грубы. Я знаю, что говорю, у меня были слуги-гадрозавры. У них нет ни самолюбия, ни инициативы, они ни к чему не стремятся. Не знают, кто их высиживал, и, похоже, не очень-то и желают знать. А еще когда они говорят с вами, то никогда не смотрят в глаза.

— Но они хорошо поют, — возразил Кармоди.

— Да, поют они хорошо. Наши лучшие исполнители — гадрозавры. И на тяжелых работах они хороши, конечно, если есть надзор. Внешность их подводит — этот утиный клюв... Но это не их вина, тут ничего не поделаешь. А в будущем проблема гадрозавров решена?

— Да, — сказал Кармоди. — Их раса вымерла.

— Возможно, это и к лучшему, — сказал Борг. — Да, думаю, это к лучшему.

Кармоди и Борг беседовали несколько часов. Кармоди узнал, в частности, об урбанистических проблемах ящеров. Лесные города переполнялись, поскольку все больше динозавров покидало деревни ради удобств цивилизации. За последние пятьдесят лет крайне обострилась ситуация на дорогах. Гигантские ящеры любят скорость и гордятся быстротой своих рефлексов. Но когда несколько тысяч динозавров одновременно ломятся через лес, столкновения неизбежны. И последствия их весьма трагичны; только представьте: два ящера по сорок тонн каждый сталкиваются на скорости тридцать миль в час! Сломанные шеи — сплошь и рядом.

Конечно, были и другие проблемы. Переполненные города как результат демографического взрыва. Во многих странах ящеры

живут на краю голода. Войны и эпидемии помогали бороться с перенаселением, но в недостаточной степени.

— Проблем у нас масса, — вздохнул Борг. — Некоторые из наших лучших умов впали в отчаяние. Но я по натуре оптимист. Мы, ящеры, и прежде видели тяжелые времена, но сумели выстоять. И новые проблемы мы разрешим, как и прежние. По-моему, у нас, динозавров, есть врожденное благородство, искра разума, неиссякаемая жажда жизни. Не могу поверить, что все это пропадет.

— Вы выстоите, — сказал Кармоди. Что ему еще оставалось, кроме этой джентльменской лжи?

— Я знаю, — сказал Борг. — Однако всегда приятно получить подтверждение. Благодарю вас за это. А сейчас, полагаю, вам надо поговорить со своими друзьями.

— С какими друзьями? — спросил Кармоди.

— Я имею в виду млекопитающее, которое стоит у вас за спиной, — ответил Борг.

Кармоди тотчас обернулся и увидел коротенького толстого человека в очках. Он был одет в темный деловой костюм, в левой руке держал портфель, а под мышкой — зонтик.

— Мистер Кармоди? — спросил он.

— Да, я Кармоди, — ответил Кармоди.

— Я — Саргис из Бюро Подоходных Налогов. Нам пришлось здорово погоняться за вами, мистер Кармоди, но от Бюро не скрыться.

Борг сказал, что его это не касается, и сравнительно бесшумно (для такого крупного тираннозавра) удалился.

— Странные у вас друзья, — сказал Саргис, глядя ему вслед. — Но это не мое дело, хотя ФБР может проявить к нему интерес. Я здесь исключительно из-за налогов за 1965 и 1966 годы. В моем портфеле ордер на вашу выдачу, он в полном порядке — можете убедиться. Прошу вас следовать за мной. Моя машина времени припаркована за этим деревом.

— Нет! — сказал Кармоди.

— Советую подумать, — настаивал налоговый инспектор. — Ваше дело может быть разрешено к обоюдному удовлетворению заинтересованных сторон. Но оно должно быть заслушано немедленно. Правительство Соединенных Штатов не любит, чтобы его заставляли ждать. А отказ подчиниться решению Верховного Суда...

— Я сказал «нет»! — отрезал Кармоди. — Убирайтесь вон! Я знаю, кто вы!

Ибо, вне всякого сомнения, это был его хищник. Грубая подделка под налогового инспектора никого не могла обмануть. И портфель, и зонтик приросли к левой руке. Черты лица были

правильны, но хищник забыл про уши. И самое нелепое: коленки у него сгибались назад.

Кармоди повернулся и ушел. Хищник не двинулся с места. Очевидно, на преследование он не был рассчитан. Он взвыл от голода и ярости. И исчез.

Кармоди, однако, даже не успел поздравить себя с избавлением, потому что мгновение спустя тоже исчез.

Глава 21

— Войдите, войдите!

Кармоди только глазами хлопал: динозавров и в помине не было, и сам он уже не в лесу мелового периода, а в какой-то маленькой пыльной комнатенке, где каменный пол холодит ноги, окна покрыты копотью и пламя высоких свечей беспокойно дрожит от сквозняка.

За высокой конторкой сидел человек. У него был длинный нос, костлявое лицо, запавшие глаза, коричневая родинка на левой щеке, тонкие и бескровные губы.

Человек сказал:

— Я — мое преподобие Клайд Бидл Сизрайт. А вы, конечно, мистер Кармоди, которого так любезно направил к нам мистер Модсли. Садитесь, пожалуйста. Надеюсь, ваше путешествие с планеты мистера Модсли было приятным.

— Распрекрасным, — пробурчал Кармоди. Пусть это прозвучало и невежливо, но внезапные переброски из мира в мир ему уже изрядно осточертели.

— Ну, как поживает мистер Модсли? — спросил Сизрайт с сияющей улыбкой.

— Расчудесно. А где я?

— Разве мой секретарь в приемной не объяснил вам?

— Не видел я никаких секретарей и никакой приемной не видел!

— Ай-яй-яй! — нежно закудахтал Сизрайт. — Наверное, приемная опять выпала из фазы. Я уже раз десять ее чинил, но она вечно десинхронизируется. Знаете, это и клиентов раздражает, а секретарю приходится еще хуже — бедняга тоже выпадает из фазы и иногда не может попасть домой, к семье, по неделе и больше.

— Да, плохи его дела, — сказал Кармоди, чувствуя, что уже близок к истерике. — А не намерены ли вы все-таки, — продолжал он, еле сдерживаясь, — объяснить мне для начала, что же это за место и как мне отсюда попасть домой?

— Успокойтесь, — сказал Сизрайт. — Может быть, чашечку чая, а? Нет? Так вот, это, как вы изволили выразиться, место —

Всегалактическое Бюро Координат. Наш устав — на стене. Можете ознакомиться.

— А как я сюда попал? — спросил Кармоди.

Сизрайт улыбнулся, поиграл пальцами.

— Очень просто, сэр. Получив письмо от мистера Модсли, я распорядился предпринять розыск. Клерк нашел вас на Земле B344123C22. Это была явно не ваша Земля. Конечно, мистер Модсли сделал все, что мог, но определение координат — не его специальность. Поэтому я взял на себя смелость переместить вас сюда, в Бюро. Но если вы хотите вернуться на ту, вышеупомянутую Землю...

— Нет-нет, — сказал Кармоди. — Я только никак не пойму, где... Вы, кажется, сказали, что это какая-то служба по определению координат?

— Это Всегалактическое Бюро Координат, — вежливо поправил Сизрайт.

— Значит, я не на Земле?

— Конечно, не на Земле. Или, выражаясь более строго, вы не в каком-либо из возможных, вероятных, потенциальных или темпоральных миров земной конфигурации.

— О'кей, прекрасно! — сказал Кармоди, тяжело дыша. — А вы, мистер Сизрайт, были когда-нибудь на какой-либо из тех Земель?

— Увы, не имел удовольствия. По роду работы я вынужден почти безотлучно сидеть в конторе, а досуг провожу в кругу семьи, в своем коттедже, и...

— Так, значит, — взревел Кармоди, — вы никогда не бывали на Земле! Так почему же, черт вас возьми, вы сидите в этой идиотской комнатенке при свечах, да еще нахлобучив цилиндр, словно вы из книжки Диккенса?! Почему, а? Мне просто хочется услышать, что вы скажете, — ведь я уже знаю этот распроклятый ответ! Просто нашелся сукин сын, который опоил меня каким-то зельем. И все мне чудится — весь этот собачий бред! И вы сами чудитесь — крючконосый ублюдок со всеми вашими ухмылками!

Кармоди шлепнулся на стул, пыхтя как паровоз и победно взирая на Сизрайта. И ждал, что теперь все вокруг рассыплется, все его нелепые видения исчезнут, а сам он проснется в своей кровати, у себя в квартире, или на диване у приятеля, или, на худой конец, на больничной койке.

Но ничего не рассыпалось. Триумф не состоялся, и Кармоди почувствовал, что уже ничего не соображает, но и на это ему наплевать — так он устал...

— Вы закончили свой монолог? — ледяным тоном спросил Сизрайт.

— Кончил, — вздохнул Кармоди. — Простите.

— Не терзайтесь, — спокойно сказал Сизрайт. — Вы переутомились, это естественно. Но я ничем не сумею помочь вам, если вы не возьмете себя в руки. Разум может привести вас домой, истерика не приведет никуда.

— Еще раз прошу прощения, — пробормотал Кармоди.

— Что касается этой комнаты, которая вас так напугала, то я декорировал ее специально для вас же. Конечно, эпоха подобрана приближенно, но это все, что мне удалось за недостатком времени. И лишь для того, чтобы вы чувствовали себя как дома.

— Это вы хорошо придумали, — сказал Кармоди. — Значит, и ваша внешность?..

— Конечно, — улыбнулся Сизрайт. — Я и себя декорировал, так же как и комнату. Это не слишком трудно. Но нашим клиентам такие штришки обычно нравятся.

— Мне тоже нравится, — согласился Кармоди. — Теперь я понимаю, что это успокаивает.

— Я и хотел, чтобы успокаивало, — сказал Сизрайт. — А насчет вашего предположения, что все это сон, что ж... в нем что-то есть!..

— В самом деле?

Мистер Сизрайт энергично кивнул.

— Предположение само по себе ценно, но вам оно нисколько не поможет.

— Ох! — Кармоди снова повалился на стул.

— Строго говоря, — продолжал Сизрайт, — между воображаемыми и подлинными событиями существенной разницы нет. Разница лишь в терминах. Между прочим, сейчас вам ничего не снится, мистер Кармоди. Но будь все это сном, вам следовало бы действовать точно так же.

— Ничего не понимаю, — сказал Кармоди. — Только верю вам на слово, что все это на самом деле... — Он заколебался. — Но вот чего я на самом деле не понимаю: почему все так похоже? Я о том, что Галактический Центр похож на наш Радио-сити, а динозавр Борг говорит не как динозавр и даже не так, как говорящий динозавр должен говорить. И...

— Ради бога, не терзайтесь!

— Простите.

— Вы хотите, чтобы я объяснил вам, — продолжал Сизрайт, — почему действительность такова, какова она есть. Но ведь это необъяснимо. Просто надо приучиться подгонять свои предрассудки к новым фактам. Не следует ожидать, что действительность станет к вам приспосабливаться — разве что изредка. Если вы столкнулись с чем-то необычным, тут ничего не поделаешь. Вы поняли меня?

— Пожалуй, да.

— Отлично! Так вы уверены, что не хотите чаю?

— Спасибо, не хочу.

— Тогда подумаем, как доставить вас домой. В гостях хорошо, а дома лучше. Не так ли?

— Конечно, лучше, — согласился Кармоди. — А вам это очень трудно?

— Трудно? Я бы так не сказал, — протянул Сизрайт. — Это дело, конечно, сложное, требующее точности и даже связанное с известным риском. Но трудным я бы его все-таки не назвал.

— А что вы считаете действительно трудным? — спросил Кармоди.

— Квадратные уравнения, — не задумываясь ответил Сизрайт. — Никак не могу научиться их решать, хотя пробовал миллион раз. Вот это, сэр, настоящая трудность! Однако вернемся к вашему делу.

— А вы знаете, куда ушла моя Земля? — спросил Кармоди.

— «Куда» — это не проблема. «Куда» вас уже доставили, правда, толку от этого не было, поскольку «Когда» оказалось таким далеким от искомого. Но теперь, я полагаю, мы попадем в ваше личное «Когда» без лишней возни. «Какая» Земля — вот в чем фокус!

— Это непреодолимо?

— Вообще-то преодолимо, — успокоил Сизрайт. — Всего-навсего мы должны рассортировать Земли и выяснить, которая из них ваша. Дело простое. Как сказали бы у вас: все равно что подстрелить рыбу в бочке.

— Никогда не пробовал, — сказал Кармоди. — А это легко?

— Какая рыба и какая бочка. Акулу в ванне вы подстрелите без труда. Значительно трудней попасть в кильку в цистерне. Все зависит от масштаба. Но вы все-таки должны признать, что и в том и в другом случае принцип один и тот же, и весьма простой.

— Да, наверное, — согласился Кармоди. — Но хоть это в принципе и просто, не понадобится ли слишком много времени, если вариантов чересчур много?

— Не совсем так, но верно подмечено, — просиял Сизрайт. — Сложность, знаете ли, иногда полезна. Она способствует классификации и идентификации.

— Ну хорошо... А теперь что?

— А теперь мы приступим к делу, — воскликнул Сизрайт, энергично потирая руки. — Мы тут с коллегами подобрали некоторое количество миров. И, между прочим, полагаем, что ваш мир должен оказаться среди них. Но опознать его, конечно, можете только вы сами.

— Я должен буду присмотреться?

— Что-то в этом роде. Точнее, вы должны в них вжиться. И каждый раз, как только разберетесь, сообщайте мне, попали мы с вами в ваш мир или в какой-то иной. Если это ваш мир — делу конец. Если иной, мы переместим вас в следующий из вероятных.

— Весьма разумно, — согласился Кармоди. — А много у вас этих вероятных Земель?

— Невероятное множество! Но у нас есть надежда на быстрый успех, если только...

— Что «если»?

— Если только хищник не догонит вас раньше.

— Мой хищник?

— Он все еще идет по следу, — сказал Сизрайт. — И, как вы теперь знаете, устраивает вам ловушки, а материал для ловушек берет из ваших воспоминаний. Эти «земноморфные сцены» — я так бы их назвал — должны убаюкать вас, обмануть и заставить, ничего не подозревая, идти к нему прямо в пасть.

— И он будет вторгаться во все ваши миры?

— Конечно! Безопасного убежища нет. Напротив, чем тщательнее ваш поиск, тем сильнее нависшая над вами опасность. Вы спрашивали о снах и действительности. Так вот, запомните: все доброе действует открыто; все злое непременно хитрит, трусливо прикрываясь иллюзиями, масками, грезами.

— А вы можете предпринять что-нибудь против моего хищника? — спросил Кармоди.

— Нет, не могу. И ничего не сделал бы, даже если бы и мог. Пожирание — закон природы. Даже богов иногда пожирает Рок. Вы не должны быть исключением из универсального правила.

— Так я и думал, что вы скажете что-нибудь в таком роде, — вздохнул Кармоди. — Но хоть чем-нибудь вы мне помочь можете? Намек там какой-нибудь или признак, по которому можно отличить мой мир от мира хищника...

— Для меня отличие очевидно, — сказал Сизрайт. — Но мы с вами воспринимаем мир по-разному. Вам не помогут мои наблюдения, мне не помогут ваши. Ну что ж, пока вам удавалось уходить благополучно.

— Да, мне везло. Пока.

— Значит, вы счастливчик. Вот у меня есть мастерство, но нет везенья. И кто скажет, что важнее? Не я, сэр. И, конечно, не вы. Так что мужайтесь, мистер Кармоди. Смелость, знаете... э-э... планеты берет. Верно? Так что изучайте миры, берегитесь иллюзий, выходите сухим из воды и не прозевайте с перепугу свой подлинный мир.

— А что, если я нечаянно прозеваю? — спросил Кармоди.

— Тогда ваши поиски не кончатся никогда. Только вы сами можете узнать свою настоящую Землю. Если же вы не найдете ее

среди самых вероятных, будем искать среди просто вероятных, потом — среди менее вероятных, а потом — среди наименее вероятных. Число возможных Земель не бесконечно, но у вас просто жизни не хватит осмотреть их все и опять начать сначала.

— Ну ладно, — неуверенно сказал Кармоди. — Видимо, другого пути нет.

— У меня нет другого способа помочь вам, — подтвердил Сизрайт. — И не думаю, что вообще есть другие способы. Если хотите, я наведу справки в соседней галактической системе. Но это потребует известного времени...

— Боюсь, что времени у меня нет, — вздохнул Кармоди. — Вероятно, мой хищник уже близко. Прошу вас, мистер Сизрайт, приступайте. Посылайте меня на ближайшую из вероятных Земель. И благодарю вас за заботу и терпение.

— Пожалуйста, — легко согласился Сизрайт, явно довольный. — Буду надеяться, что самый первый мир и окажется тем, который вы ищете.

Он нажал кнопку на своем столе. В первый миг ничего не произошло. Но как только Кармоди мигнул, все свершилось. Его доставили на место — прямиком на Землю. Или на точную ее копию.

Часть IV

КАКАЯ ЗЕМЛЯ?

Глава 22

Кармоди оказался на опрятной равнине. В синем небе сверкало золотое солнце. Он медленно огляделся. Впереди, в полумиле от него, виднелся небольшой город. Он был построен не в обычной американской манере — с бензоколонками на окраине, щупальцами сосисочных, каймой мотелей и панцирем свалок. Скорее он был похож на итальянский городок, раскинувшийся среди холмов, или же на швейцарскую деревню, которые внезапно возникают перед вами и так же внезапно пропадают — без преамбул и пояснений, сразу являя вам и свой центр, и окраины, и ничего не приукрашивая.

Несмотря на эту чужеродность, Кармоди был все же уверен, что городок американский. И он осторожно двинулся к городу, готовый, чуть что не так, стремительно броситься прочь.

Однако все было в порядке. Город выглядел приветливо, щедро распахивая перед ним свои улицы и радушно улыбаясь широкими витринами. Углубляясь в город, Кармоди обнаруживал все новые и новые приятные места. В центре его поджидала площадь, похожая на итальянскую пьяццу, только поменьше размером. Посреди этой пьяццы был фонтан — мраморная копия мальчика с дельфином. Из пасти дельфина била струя чистой воды.

— Надеюсь, вам нравится? — произнес голос за левым плечом Кармоди.

Кармоди не отпрянул в ужасе. Он даже не повернулся. Голоса, раздающиеся у него за спиной, перестали его пугать. Он даже подумал, что, по-видимому, в Галактике многим нравится обращаться к нему таким образом.

— Очень мило, — сказал Кармоди.

— Я сам построил все это, — продолжал голос. — Мне казалось, что фонтан, несмотря на архаичность концепции, эстетически оправдан. А эта пьяцца со скамьями и тенистыми каштанами — точная копия площади в Болонье. Снова повторю: я не боюсь упреков в старомодности. Истинный художник, как мне кажется, использует все, что считает необходимым, будь оно тысячелетней давности или только вчерашнее.

— Согласен целиком и полностью, — сказал Кармоди. — Позвольте представиться. Меня зовут Томас Кармоди.

Улыбаясь, он обернулся с протянутой рукой, но за левым плечом никого не оказалось, как, впрочем, и за правым. На площади никого не было.

— Извините меня, — произнес голос. — Я не хотел напугать вас. Думал, вы знаете...

— Знаю что? — спросил Кармоди.

— Знаете обо мне.

— Понятия не имею. Кто вы? Откуда говорите?

— Я голос города, — сказал голос. — Или, выражаясь точнее, я и есть город. Говорящий город, говорящий сейчас с вами.

— Неужели? — насмешливо бросил Кармоди. И сам себе ответил: «Да. Полагаю, что это так. Говорящий город? Подумаешь!»

Город так город. Кармоди даже не очень удивился. Ему надоело, по правде говоря. Он уже встречался со множеством существ гигантских размеров, обладающих сверхъестественными способностями. А сколько раз его швыряло из одного конца Вселенной в другой! Силы, твари и воплощения кидались на него со всех сторон, так что временами он даже терял хладнокровие. Кармоди был рассудительным человеком; он понимал, что существует межзвездная иерархия и что человек стоит в ней не слишком высоко. Но гордость у него тоже была. Он считал, что и человек чего-то стоит — и не только для себя самого. Если ты только и делаешь, что охаешь, ахаешь и чертыхаешься, встречаясь со всеми этими инопланетными штуками, то о каком самоуважении можно говорить? А Кармоди не хотел терять самоуважения. Это было то немногое, что у него пока еще оставалось.

И потому он отвернулся от фонтана и спокойно пересек площадь, словно разговаривал с городами каждый день и все это давно ему надоело. Он прошелся по нескольким улицам и проспектам, заглядывая в витрины лавок и рассматривая дома, и немного постоял перед статуей.

— Ну? — спросил город через некоторое время.

— Что «ну»? — тут же отозвался Кармоди.

— Что вы думаете обо мне?

— Вы — о'кей.

— Только о'кей?

— Видите ли, — сказал Кармоди, — город это город. Если знаешь один, то, в сущности, знаешь и все остальные.

— Это не так! — воскликнул город, явно уязвленный. — Я заметно отличаюсь от всех других городов. Я — уникум.

— В самом деле? — Кармоди пожал плечами. — А по-моему, вы выглядите как скопление плохо подогнанных частей. У вас тут итальянская площадь, группа греческих статуй, позднеанглийская готика, нью-йоркский многоквартирный дом старого стиля,

калифорнийская сосисочная, похожая на портовый буксир, и бог знает что еще. Что тут уникального?

— Уникальна комбинация всех этих форм в осмысленном ансамбле, — возразил город. — У меня внешнее разнообразие при внутреннем единстве. Эти старые формы вовсе не анахронизмы. Каждая представляет определенный стиль жизни и, как таковая, занимает отведенное ей место в хорошо отлаженной машине для поддержания жизни, каковой является город.

— Это ваше личное мнение, — сказал Кармоди. — Между прочим, есть у вас имя?

— Конечно, есть. Мое имя Беллуэзер[1]. Беллуэзер, штат Нью-Джерси. Не хотите ли кофе, или же сандвич, или свежих фруктов?

— Кофе хорошо бы, — сказал Кармоди и позволил городу проводить себя за угол в кафе на открытом воздухе. Оно называлось «Ну-ка, мальчик!» и было точной копией салуна Веселых Девяностых, с механическим пианино, лампами в стиле Тиффани и канделябрами из граненого стекла. Там было очень чисто, как и повсюду в этом городе, но людей не было совсем.

— Прекрасная обстановка, как по-вашему? — спросил город.

— Походная, — сказал Кармоди. — Годится, если вам нравится такой стиль.

Поднос из нержавеющей стали с дымящейся кружкой «капуччино» сам собой опустился на стол.

— По крайней мере, обслуживают здесь хорошо, — добавил Кармоди и отхлебнул кофе.

— Хорошо? — спросил город.

— Да, очень.

— Я горжусь своим кофе, — заявил Беллуэзер. — И своей кухней тоже. Не хотите ли чего-нибудь? Омлет, например, или суфле?

— Нет, спасибо, — отрезал Кармоди. И, откинувшись на спинку стула, спросил: — Так что, вы — образцовый город?

— Да, имею честь быть таковым, — сказал Беллуэзер. — Я новейшая, самая последняя модель и, надеюсь, наилучшая. Я был спроектирован объединенной исследовательской группой Йельского и Чикагского университетов, которую финансировал фонд Рокфеллера. Детальной проработкой занимался в основном Массачусетский технологический институт, хотя отдельные участки меня были выполнены в Принстоне и в «Рэнд Корпорейшен». Главным подрядчиком была компания «Дженерал Электрик», а деньги пожертвовал фонд Форда, а также другие организации, называть которые я не имею права.

[1] «Беллуэзер» означает «хорошая погода» (Яснопогодск). — *Прим. пер.*

— Интересная история, — заметил Кармоди с деланным безразличием. — Вон там, через дорогу, готический собор, да?

— Да, готический, целиком и полностью, — подтвердил Беллуэзер. — Но он межконфессиональный, открыт для верующих любой религии. Вместимость — триста посадочных мест.

— Не так уж много для такого здания.

— Конечно. Но я хотел соединить благоговение с комфортом. Людям это нравится, — возразил город.

— А где, между прочим, люди? — поинтересовался Кармоди. — Я никого не видел.

— Они ушли, — скорбно сказал город. — Все меня покинули.

— Почему?

Беллуэзер помолчал, а затем через силу выговорил:

— Произошел разлад в отношениях города с горожанами. Непонимание или несчастливая цепь недоразумений. Подозреваю, что здесь и подстрекатели приложили руку.

— Но что именно произошло?

— Не знаю. В самом деле не знаю, — сказал Беллуэзер. — Однажды они все ушли. Именно так! Но я надеюсь, что они вернутся.

— Возможно, — согласился Кармоди.

— Я уверен, что вернутся, — сказал город твердо. — Между прочим, почему бы и вам не остаться здесь, мистер Кармоди?

— Мне? Я как-то не думал об этом...

— Вы, похоже, устали от путешествий. Уверен, вам надо отдохнуть.

— Да, пространствовал я немало, — вздохнул Кармоди.

— Может быть, вам у меня понравится, — сказал Беллуэзер. — Во всяком случае, у вас будет уникальный опыт: самый современный город в мире, и весь к вашим услугам.

— Звучит заманчиво, — протянул Кармоди. — Я должен подумать.

Образцовый город Беллуэзер его заинтересовал, но он все же никак не мог избавиться от тревожных мыслей. Ему хотелось точно знать, что именно здесь случилось и почему все жители покинули город.

Глава 23

По настоянию Беллуэзера Кармоди провел эту ночь в роскошном номере для новобрачных отеля «Король Георг V». Спал он до утра и проснулся в хорошем настроении, бодрым и отдохнувшим. Его мозг давно требовал передышки.

Беллуэзер сервировал ему завтрак на террасе и, пока Кармоди насыщался, исполнял веселый квартет Гайдна. Воздух был

восхитителен; без пояснения Беллуэзера Кармоди так бы никогда и не догадался, что он кондиционированный. Температура и влажность были идеальны. С террасы открывался превосходный вид на западный квартал Беллуэзера — прелестное нагромождение китайских пагод, венецианских мостиков, японских каналов (в центре — зеленый холм), древнегреческого храма (коринфский ордер), автостоянки, норманнской башни и многого другого.

— Прекрасный тут у вас вид, — похвалил Кармоди.

— Я рад, что вам нравится, — тут же отозвался город. — Стиль был предметом многочисленных дискуссий, которые велись со дня моей закладки. Одна группа зодчих стояла за единство стиля — гармонию форм, слитых в гармоническое целое. Но это уже было! Образцовых городов такого типа довольно много, но все они однообразны и скучны. Создавал их один человек или несколько, все равно в них нет жизни. Они и на города-то не похожи.

— Но вы и сами до некоторой степени искусственны, — возразил Кармоди.

— Конечно! — согласился город. — Но я и не претендую ни на что другое. Я не фальшивый город будущего и не какой-нибудь псевдофлорентийский ублюдок. Я — конгломерат. Я должен интересовать, волновать и вместе с тем быть практичным и функциональным.

— Для меня вы — о'кей, — констатировал Кармоди. — А что, все образцовые города разговаривают, как вы?

— Нет, — ответил Беллуэзер. — До сих пор другие города не могли произнести ни единого слова. Но их жителям это не нравилось. Им не нравились города, которые делают свое дело безмолвно. Молчаливый город кажется слишком огромным, слишком властным и бездушным. Вот почему я был создан с искусственным интеллектом.

— Понимаю, — согласился Кармоди.

— Хорошо, что вы поняли. Искусственное сознание персонифицирует меня, что очень важно в эпоху всеобщего обезличивания. Оно делает меня истинно отзывчивым и позволяет творчески подходить к потребностям потребителей. Мы можем вести дискуссии — я и мои жители можем благодаря постоянному диалогу помогать друг другу в создании истинно жизнеспособной городской среды. Можем совершенствовать друг друга, не теряя при этом индивидуальности.

— Звучит превосходно, — сказал Кармоди. — Но, к сожалению, вам здесь не с кем вести диалог.

— Это единственная брешь в схеме, — согласился Беллуэзер. — Но сейчас у меня есть вы.

— Да, у вас есть я, — повторил Кармоди. И удивился, почему эти слова звучат неприятно.

— А у вас, само собой разумеется, есть я, — подхватил Беллуэзер. — Отношения должны быть взаимными. А теперь, дорогой Кармоди, позвольте показать вам меня. Потом мы сможем заняться вашим поселением и унификацией.

— Чем-чем?

— Я неудачно выразился, — тут же поправился Беллуэзер. — Это такой научный термин. Вы же понимаете, что взаимные отношения требуют и взаимных обязательств. Иначе и быть не может, ведь так?

— Но ведь отношения могут строиться и на принципе невмешательства?

— Мы стараемся уйти от этого, — сказал Беллуэзер. — Невмешательство — это доктрина эмоций, знаете ли, которая ведет прямой дорогой ко вседозволенности. А сейчас, если вы пройдете сюда...

Следуя совету Беллуэзера, Кармоди отправился осматривать его достопримечательности. Он посетил электростанцию, очистные сооружения и предприятия легкой промышленности. Побывал в детском парке и доме престарелых. Обошел музей и картинную галерею, осмотрел концертный зал, театр, кегельбан, бильярдную, автотрек и кинотеатр. Он устал, натер ноги и хотел было остановиться, но Беллуэзер настаивал на полной самодемонстрации. Кармоди пришлось осмотреть пятиэтажное здание «Американ Экспресс», португальскую синагогу, статую Бэкминстера Фуллера, автовокзал «Грейхаунд» и многое другое.

Наконец экскурсия закончилась. Кармоди пришел к выводу, что чудеса образцового города не лучше и не хуже чудес Галактики. Поистине, красотой наслаждаются глаза, но достается от этого ногам.

— Как насчет небольшого завтрака? — спросил Беллуэзер.

— Превосходно!

Его проводили в модное кафе «Рошамбо», где он начал с «потаж о пти фуа» и закончил печеньем «пти фур».

— Не хотите ли чудесного сыра грюйер? — спросил Беллуэзер.

— Нет, благодарю вас, — сказал Кармоди. — Я сыт. По правде говоря, я немного переел.

— Но сыр не отягощает желудок. Камамбер хотите?

— Я не могу больше есть.

— Фрукты, может быть? Фрукты освежают нёбо.

— Спасибо, мое нёбо не нуждается в освежении.

— По крайней мере, хотя бы яблоко? Грушу? Кисть винограда?

— Спасибо, нет.

— Парочку вишенок?

— Нет, нет, нет!

— Трапеза не закончена без фруктов, — настаивал Беллуэзер.

— Моя трапеза закончена, — сказал Кармоди.

— Только во фруктах есть некоторые важные витамины.

— Придется обойтись без них.

— Может быть, половинку апельсина? Я сам очищу... Цитрусовые не занимают никакого места в желудке.

— Я не могу больше есть.

— Ну хотя бы дольку? Я выберу все косточки.

— Решительно нет!

— Вы бы меня успокоили, — настаивал Беллуэзер. — Я запрограммирован на завершенность, а никакая еда не завершена без фруктов.

— Нет! Нет! Нет!

— Хорошо, только не волнуйтесь, — уступил Беллуэзер. — Если вам не нравится мое угощение, так тому и быть.

— Но мне все нравится!

— Если нравится, то почему вы не хотите фруктов?

— Ладно, — сказал Кармоди. — Дайте мне винограда.

— Я не хотел бы заставлять вас...

— А вы и не заставляете. Дайте, пожалуйста!

— Вы уверены, что вам хочется?

— Давай же! — закричал Кармоди.

— Берите.

И Беллуэзер сотворил чудесную гроздь мускатного винограда. Кармоди съел все. Виноград был очень хорош.

— Извините. Что вы делаете? — спросил Беллуэзер.

Кармоди выпрямился и открыл глаза.

— Я вздремнул. Что тут плохого?

— Плохого ничего. Это так естественно.

— Спасибо! — сказал Кармоди и закрыл глаза снова.

— Но какой же сон сидя? — не успокаивался Беллуэзер.

— Я уже сплю.

— У вас будет растяжение мышц в спине, — предупредил город.

— Не беспокойтесь, — промычал Кармоди с закрытыми глазами.

— Почему бы вам не поспать с удобством, на кушетке?

— Я уже сплю с удобством.

— Нет, на самом деле вам не удобно. Человек анатомически не приспособлен к сну в сидячем положении.

— В данный момент мой организм приспособился.

— Ну почему бы вам не прилечь на кушетку?

— Мне и на стуле хорошо.

— Но кушетка гораздо лучше. Пожалуйста, ложитесь, Кармоди. Кармоди!

— Э, что там? — спросил Кармоди, снова проснувшись.

— Кушетка! На кушетке отдыхать гораздо лучше.

— Ну хорошо, — сдался Кармоди. — Где кушетка?

Его проводили вниз по улице, за угол, в здание с вывеской: «Дремальня». Там стояла дюжина кушеток. Кармоди двинулся к ближней.

— Нет, не эта, — предупредил Беллуэзер. — У нее плохие пружины.

— Неважно. Как-нибудь улягусь.

— Но у вас будут судороги.

— О боже! — воскликнул Кармоди. — На какую же прикажете лечь?

— На ту, сзади, — указал Беллуэзер. — Это царское ложе, лучшее из всех. Упругость матраса определена научным путем. Подушки...

— Хорошо, прекрасно, великолепно, — бурчал Кармоди, ложась на указанную кушетку.

— Хотите какую-нибудь музыку?

— Не беспокойтесь!

— Как вам угодно. Я потушу свет?

— Прекрасно!

— Дать вам одеяло? Я регулирую температуру, но у спящих иногда возникает субъективное ощущение прохлады.

— Не имеет значения. Оставьте меня!

— Хорошо, — сказал Беллуэзер. — Я ведь не для себя стараюсь. Лично я никогда не сплю.

— Очень жаль, — сказал Кармоди.

— Ничего, ничего. Все в порядке, — сказал Беллуэзер.

Наконец наступило молчание. Но через некоторое время Кармоди сел.

— В чем дело? — заволновался Беллуэзер.

— Не могу заснуть, — сказал Кармоди.

— Постарайтесь закрыть глаза и расслабить каждый мускул, начиная с большого пальца ноги и так вплоть до...

— Я не могу заснуть! — закричал Кармоди.

— Может быть, вы недостаточно хотите спать, — предположил Беллуэзер. — Тогда закройте глаза и постарайтесь просто отдохнуть. Сделайте это для меня...

— Нет! — отрезал Кармоди. — Не хочу спать и не хочу отдыхать.

— Упрямец, — посетовал Беллуэзер. — Делайте, что вам хочется. Я старался, как лучше...

— Э-эх! — вздохнул Кармоди, вставая и выбираясь из «Дремальни».

Стоя на горбатом мостике, Кармоди смотрел на голубую лагуну.

— Это копия моста Риальто в Венеции, — сказал Беллуэзер. — В уменьшенном масштабе, конечно.

— Знаю, — сказал Кармоди. — Я прочел вывеску.

— Очаровательно, не правда ли?

— Да, довольно красиво, — согласился Кармоди, зажигая сигарету.

— Вы ужасно много курите, — заметил Беллуэзер.

— Знаю. Я люблю курить.

— Заботясь о вашем здоровье, должен указать вам, что доказана связь между курением и раком легких.

— Знаю.

— Вы проживете дольше, если перейдете на трубку.

— Мне не нравится трубка.

— А как насчет сигары?

— И сигар не люблю. — Кармоди закурил еще одну сигарету.

— Это уже третья за последние пять минут.

— Черт побери, я буду курить столько, сколько хочу! — взорвался Кармоди.

— Да-да, конечно, будете! — сказал город. — Но я старался для вашей же пользы. Разве вы хотите, чтобы я был тут рядом с вами и молча смотрел, как вы себя губите?

— Да, хочу, — сказал Кармоди.

— Не могу поверить, что вы на самом деле хотите этого. Тут налицо этический императив. Человек может действовать вопреки своим интересам, но машина не может допустить такую степень извращенности.

— Перестаньте! Не стойте у меня за спиной! Вы совсем меня зажали.

— Зажал вас? Дорогой Кармоди, разве я принуждал вас? Да я ведь только советовал.

— Возможно. Но вы чересчур много говорите.

— Может, и много, но, боюсь, недостаточно, — сказал Беллуэзер. — Судя по результатам.

— Вы чересчур много говорите, — повторил Кармоди и зажег очередную сигарету.

— Это уже четвертая за пять минут.

Кармоди открыл было рот, чтобы выругаться как следует, но передумал и пошел прочь.

— А это что? — спросил он.

— Автомат. Выдает сладости, — ответил Беллуэзер.

— С виду не похож.

— И все же это так. Я модифицировал проект силосной башни Сааринена. Уменьшил, конечно, и...

— Все равно на автомат не похоже. Как он работает?

— Очень просто. Нажмите на красную кнопку. Подождите немного. Теперь опустите вниз этот рычажок в ряду «А». И нажмите на зеленую кнопку. Вот так!

Плитка «Бэйб Рут» скользнула в руку Кармоди. Он сорвал обертку и попробовал.

— Настоящая «Бэйб Рут» или копия? — спросил он.

— Самая настоящая. Я заключил контракт с фирмой.

Кармоди хмыкнул, отлепил обертку от пальцев и бросил ее.

— А это, — сказал город, — яркий пример пренебрежительного отношения, с которым я постоянно сталкиваюсь.

— Всего лишь кусочек бумажки, — пожал плечами Кармоди, глядя на обертку, лежащую на безукоризненно чистой мостовой.

— Конечно, только кусочек бумажки, — посетовал Беллуэзер. — Но если умножить его на сто тысяч жителей, что тогда получится?

— Сто тысяч кусочков бумажки, — пошутил Кармоди.

— Ничего смешного, — сказал город. — Вы сами не захотели бы жить среди всех этих бумажек, уверяю вас. Вы первый пожаловались бы, если бы все улицы были завалены мусором. А вы сами? Разве вы убираете за собой? Конечно, нет! Вы предоставляете это мне, хотя у меня хватает и других городских дел — и днем и ночью. И по воскресным дням тоже.

— Вы так и будете продолжать? — спросил Кармоди. — Ладно, я подберу ее.

Он нагнулся за брошенной оберткой, но прежде чем его пальцы прикоснулись к ней, из ближайшей канализационной решетки высунулась механическая рука, схватила бумажку и спряталась.

— Все в порядке, — сказал Беллуэзер. — Я привык убирать за людьми. Я делаю это всегда.

— Ну-ну, — пробормотал Кармоди.

— Делаю, не ожидая благодарности.

— Я благодарен, благодарен! — крикнул Кармоди.

— Вовсе нет, — констатировал Беллуэзер.

— Ну ладно, я не благодарен. Что вы хотите этим сказать?

— Я ничего не хочу сказать. Будем считать инцидент исчерпанным.

— Достаточно? — спросил Беллуэзер после обеда.

— В высшей степени, — ответил Кармоди.

— Вы плохо ели.

— Я ел, сколько хотелось. Все было очень вкусно.

— Если все очень вкусно, почему бы вам не съесть еще чего-нибудь?

— Потому что больше не могу.

— Если бы вы не перебили аппетит этой шоколадкой...

— О, черт! Сладкое не портит мне аппетита! Как раз...

— Вы опять закуриваете, — заметил Беллуэзер.

— Угу, — подтвердил Кармоди.

— Вы не можете немножко потерпеть?

— Слушайте, — взорвался Кармоди. — Какого черта вы...

— У нас есть более важные темы, — быстро перебил его Беллуэзер. — Как вы собираетесь зарабатывать на жизнь?

— У меня не было времени подумать.

— Хорошо. Но за вас подумал я. Было бы неплохо, если бы вы стали врачом.

— Я — врачом? Идти учиться в колледж, потом в медицинский институт и так далее?

— Я все это устрою, — сказал Беллуэзер.

— Не интересуюсь.

— Ну... а стать юристом?

— Никогда!

— Инженером? Прекрасная профессия...

— Не для меня.

— Бухгалтером?

— Не дождетесь!

— Так кем же вы хотите стать?

— Летчиком, — неожиданно выпалил Кармоди. — На реактивном самолете!

— Да вы что?

— Я серьезно.

— У меня аэродрома даже нет.

— Тогда я буду летчиком в другом месте.

— Вы говорите это мне назло!

— Ничуть! Я хочу быть летчиком. Действительно хочу. Я всегда хотел быть летчиком. Честное слово.

Последовало долгое молчание. Затем Беллуэзер произнес:

— Выбор целиком за вами.

Сказано это было замогильным голосом.

— Куда вы идете?

— Погулять, — ответил Кармоди.

— Так поздно? В половине десятого?

— Ну да! А что?

— Я думал, вы устали.

— Это было раньше.

— Понятно. Я-то думал, что вы посидите и мы сможем поболтать о том о сем.

— Давайте поговорим, когда я вернусь, — предложил Кармоди.

— Ладно, пустяки, — сказал Беллуэзер.

— Верно, прогулка — это пустяки, — согласился Кармоди, усаживаясь. — Давайте поговорим.

— У меня больше нет настроения. Пожалуйста, идите гулять.

— Ну, спокойной ночи! — сказал Кармоди.

— Прошу прощения?

— Я сказал «спокойной ночи».

— Вы идете спать?

— Ну да! Уже поздно. Я устал.

— Вы намерены лечь прямо так?

— А почему бы и нет?

— Ничего особенного, — сказал Беллуэзер. — Но вы забыли умыться.

— О!.. Верно, забыл. Утром умоюсь.

— А когда вы в последний раз принимали ванну?

— Очень давно. Утром приму.

— Не лучше ли принять ее прямо сейчас?

— Нет!

— Даже если я все приготовлю?

— Нет! Нет, черт побери! Я иду спать!

— Делайте как хотите, — сказал Беллуэзер. — Не мойтесь, не учитесь, не соблюдайте диету. Но и меня не обвиняйте.

— Обвинять вас? В чем?

— В том.

— А конкретно, что вы имеете в виду?

— Это не важно.

— Тогда зачем вы так настаиваете?

— Только ради вас, — сказал Беллуэзер.

— Я понимаю.

— Тогда вы должны понять, что я не стану счастливее от того, умылись вы или нет.

— Уверен, что не станете.

— Когда заботишься о ком-то, — продолжал Беллуэзер, — когда чувствуешь за него ответственность, неприятно выслушивать проклятия в свой адрес.

— Я вас не проклинал.

— Сейчас нет. Но раньше...

— Ну... я нервничал.

— Это из-за курения.

— Не начинайте опять.

— Я не начинаю, — сказал Беллуэзер. — Дымите сколько угодно, дымите, как печная труба. Какое мне дело? Это же ваши легкие.

— Правильно, черт возьми, — согласился Кармоди, закуривая.

— Легкие ваши, но крах мой! — сказал Беллуэзер.

— Нет-нет, не говорите так, пожалуйста!

— Забудьте об этом.

— Хорошо, забыл.

— Иногда я бываю придирчив.

— Верно.

— И это особенно трудно выносить, потому что я прав. Ведь я же прав, вы это знаете.

— Знаю! — крикнул Кармоди. — Вы правы, правы, вы всегда правы. Правы-правы-правы-правы-правы...

— Не перевозбуждайтесь перед сном. Хотите стакан молока?

— Не хочу.

— Вы уверены?

Кармоди закрыл глаза руками. Ему было не по себе. Он чувствовал себя очень виноватым, хилым, грязным, болезненным и неряшливым. Он чувствовал себя скверным — целиком и полностью и безнадежно. Но где-то в глубине души он нашел силы, чтобы крикнуть:

— Сизрайт!

— Кого вы зовете? — взволновался город.

— Сизрайт! Где вы?

— Почему я теряю вас? — спросил Беллуэзер. — Объясните!

— Сизрайт! — взывал Кармоди. — Возьмите меня отсюда! Это не та Земля!

Треск, хруст, щелк! И Кармоди оказался в другом месте.

Глава 24

Хушш! Крруш! Крроу! И вот мы попали куда-то, но кто знает, куда, когда и на какую Землю? Будьте уверены, только не Кармоди, который оказался в городе, очень похожем на Нью-Йорк. В очень похожем, но в том ли?

— Это тот Нью-Йорк? — спросил себя Кармоди.

— А черт его знает! — ответил кто-то.

— Это был риторический вопрос, — сказал Кармоди.

— Я знаю, — ответил голос. — Но поскольку я изучал риторику, я и отозвался.

Кармоди огляделся и сообразил, что голос исходит из большого черного зонтика, который он держит в левой руке. Он спросил:

— Это ты, Приз?

— Конечно, я. А ты что подумал? Разве я должен быть похож на шотландского пони?

— А где ты был раньше, когда меня пичкали в этом образцовом городе?

— В отпуске. В кратковременном, но заслуженном отпуске, — проговорил Приз. — И ты не имеешь права на это жаловаться. Отпуска оговорены в соглашении между Объединением Призов Галактики и Лигой Реципиентов.

— Я и не жалуюсь, — возразил Кармоди. — Я просто так... А, неважно... Вот что: это место — точь-в-точь моя Земля! Точь-в-точь Нью-Йорк!

Вокруг был город. Потоки машин и людей. Неоновые вспышки вывесок. Полно театров, полно киосков, полно народу. Полно магазинов с объявлениями о дешевой распродаже по случаю банкротства. Полно ресторанов — самые большие назывались «Северянин», «Южанин», «Восточник», «Западник», и во всех — фирменные бифштексы и картофельная соломка. Кроме того, еще «Северовосточник», «Югозападник», «Востокосеверовосточник» и «Западносеверозападник». Кинотеатр на той стороне улицы анонсировал «Апокриф» («Грандиозней, красочней и увлекательней, чем Библия!!! Сто тысяч статистов!»). Рядом была дискотека «Омфала», где выступала фольк-рок-группа по имени «Говнюки». И девчонки-подростки в платьицах мидллесс танцевали там под хриплую музыку.

— Вот это жизнь! — воскликнул Кармоди, облизывая губы.

— Я слышу только звон монет в кассе, — заметил Приз тоном моралиста.

— Не будь ханжой, — сказал Кармоди. — Кажется, я дома.

— Надеюсь, что нет, — возразил Приз. — Это место действует мне на нервы. Присмотрись как следует. Помни, что сходство — не тождество.

Но Кармоди же видел, что это — угол Бродвея и 50-й улицы! Вот и вход в метро — прямо перед ним! Да, он дома! И он поспешил вниз по лестнице. Все было знакомо, радовало и печалило одновременно. Мраморные стены гноились сыростью. Блестящий монорельс, выходя из одного тоннеля, исчезал в другом...

— Ох! — воскликнул Кармоди.

— В чем дело? — спросил Приз.

— Ни в чем... Я передумал. Пожалуй, лучше пройтись по улице.

Кармоди поспешно повернул назад — к светлому прямоугольнику неба. Но дорогу преградила откуда-то взявшаяся толпа. Кармоди стал проталкиваться сквозь нее к выходу, а толпа тащила его назад. Мокрые стены метро вздрогнули и начали судорожно пульсировать. Сверкающий монорельс соскочил со стоек и

потянулся к нему, будто бронзовое змеиное жало. Кармоди побежал, опрокидывая встречных, но они тут же вставали на ноги, словно игрушки-неваляшки. Мраморный пол сделался мягким и липким. Ноги Кармоди увязли, люди сомкнулись вокруг него, а монорельс навис над головой.

— Сизрайт! — завопил Кармоди. — Заберите меня отсюда!

— И меня! — пискнул Приз.

— И меня! — завизжал хищник, ибо он искусно притворился подземкой, в пасть которой так неосторожно влез Кармоди.

— Сизрайт!

И ничего! Все осталось, как было, и Кармоди с ужасом подумал, что Сизрайт мог отлучиться: вышел пообедать или же в уборную или заговорился по телефону. Голубой прямоугольник неба становился все меньше, выход как бы запирался. Фигуры вокруг потеряли сходство с людьми. Стены сделались пурпурно-красными, вздулись, напряглись и начали сдвигаться. Гибкий монорельс жадно обвился вокруг ног Кармоди. Из утробы хищника послышалось урчание, обильно пошла слюна. (Давно известно, что все кармодиеды неопрятны, как свиньи, и совершенно не умеют вести себя за столом.)

— Помогите! — продолжал вопить Кармоди. Желудочный сок уже разъедал подметки.

— Сизрайт, помогите!

— Помогите, помогите ему! — зарыдал Приз. — Или же, если это слишком трудно, помогите хотя бы мне. Вытащите меня отсюда, и я дам объявления во все ведущие газеты, созову комитеты, организую группы действия, выйду на улицы с плакатами, все сделаю для того, чтобы убедить мир, что Кармоди не должен остаться неотмщенным! И в дальнейшем я посвящу себя...

— Кончай болтать! — сказал голос Сизрайта. — Стыдно! Что касается вас, Кармоди, вы должны думать, прежде чем лезть в пасть своего пожирателя. Моя контора создана не для того, чтобы вытаскивать вас всякий раз из петли в последний миг!

— Но сейчас-то вы меня спасете? Спасете, да? — умолял Кармоди. — Спасете? Спасете?

— Это уже сделано, — сказал Сизрайт.

И когда Кармоди огляделся, он понял, что это действительно уже сделано.

Глава 25

На этот раз Сизрайт, должно быть, неважно справился с перемещением. Только после длительной паузы Кармоди оказался в другом, очень похожем на Нью-Йорк городе, на заднем сиденье такси и на середине разговора с водителем.

— Чего сказал-та? — спросил тот.

— А ничего, — ответил Кармоди.

— А мне казалось, сказал-та. А я сказал: та. А я сказал, та новая махина — это Фламмарион.

— Знаю, — услышал свой голос Кармоди. — Я помогал его строить.

— Да ну? Ну и работенка! А сейчас уже кончили?

— Да, — ответил Кармоди. Он вынул сигарету изо рта и удивленно нахмурился. — С этими сигаретами я тоже покончил.

Он потряс головой и выбросил окурок за окно. Слова эти и действия были естественны для одной части его «я» (активного Кармоди), в то время как другая (рефлективное «я») наблюдала сама за собой с некоторым удивлением.

— Что ж не сказал-та? — спросил таксист. — На, попробуй мои.

Кармоди посмотрел на открытую коробку.

— Курите «Прохладные»?

— Только «Прохладные», — подтвердил таксист. — У них запах ментола и вкус что надо!

Кармоди поднял брови, изображая недоверие. Тем не менее он взял коробку, достал из нее очередной гвоздь для своего гроба и закурил. Водитель с улыбкой смотрел на него в зеркало. Кармоди затянулся, изобразив удивление, и медленно выдохнул, изобразив наслаждение.

— Хм! Тут что-то есть, — сказал он.

Таксист кивнул с умным видом.

— Все, кто курят «Прохладные», думают так же... Ну вот мы и на месте, сэр. Отель «Уолдорф-Астория».

Кармоди расплатился и собрался выходить.

— Эй, мистер, — окликнул его улыбающийся таксист. — А как же «Прохладные»?

— Ах да!

Кармоди вернул коробку. Они улыбнулись друг другу, и машина отъехала.

Кармоди стоял перед отелем «Уолдорф-Астория». На нем было добротное пальто фирмы «Барберри». Это сразу можно было узнать по ярлычку, пришитому не под воротничком, а снаружи, на правом рукаве. И все прочие ярлыки тоже оказались снаружи, так что каждый мог прочесть, что у Кармоди рубашка от Ван Хейзена, галстук от «Графини Мары», костюм от Харта и Шеффнера, носки Ван Кемпа, ботинки кордовской кожи от Ллойда и Хейга, шляпа «борсолино», сделанная Раиму из Милана, на руках у него были перчатки оленьей кожи от Л. Л. Бина, на запястье — самозаводящийся хронометр «Одемар Пикар» с таймером, счетчиком затраченного времени, календарем и будильником — гарантия точности плюс-минус шесть секунд в год.

И, кроме всего, Кармоди распространял слабый запах мужского одеколона «Дубовый мох» фирмы «Аберкромби и Фитч».

Все на нем было с иголочки, все казалось безупречным, и все-таки разве это настоящий шик? А ведь он честолюбив, ему хотелось продвигаться вперед и выше — выйти в люди того сорта, у которых икра на столе не только на Рождество, которые носят рубашки от братьев Брукс и блейзеры от Ф. Р. Триплера, употребляют после бритья лосьон «Оникс», покупают белье в «Кантри Уормер», а куртки — только у Пола Стюарта.

Но для таких штучек нужно пробиться в Категорию Потребителей А-АА-ААА вместо заурядной категории В-ВВ-АААА, на которую его обрекло скромное происхождение. Высший разряд ему просто необходим. Чем он хуже других? Черт возьми, ведь он был первым по технике потребления на своем курсе в колледже! И уже три года его Потребиндекс был не ниже девяноста процентов! Его лимузин «Додж-Хорек» был безупречно новехонький. Он мог привести тысячу других доказательств.

Так почему же ему не повысили категорию?

Забыли? Не замечали?!

Нет, пораженческой ереси в голове не место. У него заботы поважнее. Сегодня он сыграет ва-банк. Риск гигантский. Если дело сорвется, его могут в мгновение ока выставить со службы, и он навсегда вылетит в безликие ряды потребительских париев, в категорию НТС-2 (нестандартные товары, сорт второй).

Было еще рано. Активное «я» нуждалось в подкреплении перед испытанием огнем и водой. Кармоди прошел в бар «Астории», поймал взгляд бармена — тот еще и рта не успел открыть, а Кармоди уже крикнул: «Повтори, дружище!» (Неважно, что ему ничего еще не подавали и повторять было просто нечего.)

— Садись, Мак, — сказал бармен, улыбаясь. — Вот тебе «Баллантайн». Крепко, ароматно и на вкус приятно! Рекомендую!

Черт возьми, все это Кармоди должен был сказать сам — его застигли врасплох! Он уселся, задумчиво потягивая пиво.

— Эй, Том!

Кармоди обернулся. Это Нейт Стин окликнул его, старый друг и сосед. Тоже из Леонии, штат Нью-Джерси.

— А я пью колу, — сказал Стин. — После колы я веселый! Рекомендую!

Опять Кармоди попался! Он залпом выпил пиво и крикнул: «Эй, друг, повтори! Наповторяюсь до зари!» Убогая уловка, но лучше, чем ничего.

— Что нового? — спросил он у Стина.

— Блеск! Жена с утра уже в Майами, — сказал тот. — На неде-

лю. Солнечный рейс «Американ Эйруэйс». Два часа и меньше даже — вот и сразу вы на пляже!

— Отлично! А я свою заслал на острова, — подхватил Кармоди (на самом деле его Элен сидела дома). — Отправьте жену на Багамы, не будет семейной драмы!

— Точно! — прервал Стин. — Но если у вас недельный отпуск, неужели вы станете тратить драгоценные дни на дальний морской переезд, когда у вас под боком очаровательная деревня — Марлборо!..

— Верная мысль, — подхватил Кармоди. — А кроме того...

— Нетронутая природа, комфортабельные коттеджи, — перебил Стин. — Живу на даче — не тужу, не плачу!

Это было его право: он предложил тему.

Кармоди снова крикнул: «Эй, друг, повтори!» Но не мог же он повторять до бесконечности. Что-то не так в нем самом, во всем окружающем и в этой обязательной игре! Но что? Это он сейчас никак не мог ухватить.

А Стин, спокойный, собранный, откинулся, продемонстрировав свои небесно-голубые подмышники, пришитые, конечно, снаружи, и снова завел:

— Итак, когда жена в отлучке, кто будет заниматься стиркой? Конечно, мы сами!

Вот это удар! Но Кармоди попытался его опередить.

— Эй, — сказал он, хихикнув. — Помнишь песенку «Смотри, старик, мое белье куда белее, чем твое».

И оба неудержимо расхохотались. Но тотчас Стин наклонился и, приложив рукав своей рубашки к рукаву рубашки Кармоди, поднял брови, открыл рот, изобразил сомнение, недоверие, удивление.

— Ага! — воскликнул он. — А моя рубашка все же белее!

— Смотри-ка! — отозвался Кармоди. — Смех, и только! Стиральные машины у нас одной марки, и ты тоже стираешь «Невинностью», да?

— Нет, у меня «Снега Килиманджаро», — ехидно сказал Стин. — Рекомендую!

— Увы, — задумчиво вздохнул Кармоди. — Значит, «Невинность» меня подвела...

Он изобразил разочарование, а Стин сыграл на губах победный марш. Кармоди подумал, не заказать ли еще хваленого пива, но оно было пресным, да и Стин — слишком прыткий сейчас для него партнер.

Он оплатил пиво кредитной карточкой и отправился в свою контору на 51-й этаж (5-я авеню 666), приветствуя сослуживцев с демократическим дружелюбием. Некоторые пытались втянуть

его в саморекламные гамбиты, но он решительно уклонялся. Сегодня он не мог позволить себе отвлекаться. Наступал решающий час.

Кармоди понимал, что положение у него отчаянное. Всю ночь перебирал варианты, встал с жестокой мигренью и коликами в животе. Но его жена Элен (которая никуда не уезжала) дала ему «Алька-зельцерскую». Вода исцелила его в единый миг, они поехали на конкурс, как и планировали, и он выиграл первый приз — благодаря зельцерской. Но проблема осталась проблемой, и когда Элен сказала ему в три часа утра, что в этом году Томми и малютка Тинкер простуживались на 32 процента реже, он сказал ей: «Знаешь ли, Элен, думаю, что это от Всевышнего». Но душа его была холодна, хотя он и ценил Элен за постоянную заботу и поддержку.

Он понимал, что поддержка жены ничего не изменит в его положении. Уж если вы отважились ввязаться в соревнование Потребителей, если хотите показать себя достойным не какого-нибудь барахла, а Вещей, Которые На Этом Свете Имеют Настоящую Цену, например швейцарское шале в девственных дебрях штата Мэн или лимузин «Порше 911-S», который предпочитают Люди, Считающие Себя Солью Земли, — ну так вот, если вы хотите иметь вещи такого класса, вы должны доказать, что вы их достойны! Деньги — деньгами, происхождение — происхождением, примитивная целеустремленность в деле, наконец, — это тоже не все. Вы должны доказать, что вы сами из Людей Особого Покроя, из Тех, Кто Может Преступить, кто готов поставить на карту все, чтобы выиграть все сразу.

— Вперед, к победе! — сказал сам себе Кармоди, трахнув кулаком о ладонь. — Сказано — сделано!

И он героически распахнул дверь мистера Юбермана[1], своего босса.

Кабинет был пуст. Мистер Юберман еще не прибыл.

Кармоди вошел внутрь. Он подождет (челюсти стиснуты, губы сжаты, три вертикальные морщины на переносице). Нужно держать себя в руках. Юберман может появиться в любую минуту. А когда он появится, Томас Кармоди скажет ему: «Мистер Юберман, вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я должен открыть вам правду: у вас изо рта скверно пахнет...» И после паузы еще раз вот так: *«Скверно пахнет!»* А затем: «Но я зашел...»

В мечтах все просто, а как обернется на деле? Но если ты Настоящий Мужчина, ничто не может остановить тебя, когда ты вышел бороться за внедрение новейших достижений гигиены и за собственное продвижение вперед и выше! Кармоди просто

[1] Юберман (Ubermann) — сверхчеловек *(нем.)*. — *Прим. пер.*

ощущал устремленные на него глаза этих полулегендарных личностей — их величеств Промышленников. И если он действительно открыл...

— Привет, Карми! — бросил Юберман, большими шагами входя в кабинет. (Красивый человек с орлиным профилем, с висками, тронутыми сединой, — благородный признак высокого положения. Роговая оправа очков на целых три сантиметра шире, чем у Кармоди!)

— Мистер Юберман, — дрожащим голосом начал Кармоди. — Вы, конечно, можете за это вышвырнуть меня на улицу, но я...

— Кармоди, — прервал босс. Его грудной баритон пресек слабенький фальцет подчиненного, как хирургический скальпель марки «Персона» рассекает слабую плоть. — Кармоди, сегодня я открыл восхитительнейшую зубную пасту! «Поцелуй менестреля»! Мое дыхание час от часу благоуханнее. Рекомендую!

Кармоди недоверчиво улыбнулся. Фантастическое невезение! Босс сам наткнулся именно на ту пасту, которую Кармоди собирался ему навязать, чтобы добиться своего! И она подействовала. Изо рта Юбермана уже не разило, как из помойной ямы после ливня. Теперь его ждали сладкие поцелуи. (Девочек, конечно. Не Кармоди же с ним целоваться.)

— Слыхали об этой пасте? — И Юберман вышел, не дожидаясь ответа.

Кармоди усмехнулся. Он опять потерпел поражение, но от этого ему лишь сделалось легче. Мир потребления оказался ужасен и фантастически утомителен. Может, он хорош для людей иного склада, но Кармоди не из того теста.

Ну и добился бы он своего, а что дальше? Он представил, как станет расставаться с аксессуарами пятидесятивосьмипроцентного уровня потребления, и испытал сожаление. Его купоны, шведская замшевая кепка, светящийся галстук, портфель «Все мое ношу с собой», стереофон KLH-24 и особенно наимоднейшая импортная мягкая новозеландская дубленка с шалевым воротником «Лэйкленд»... Неужели все это придется бросить?

«Э-э!.. И беда приносит добро иногда», — сказал сам себе Кармоди.

«Приносит добро? Так какого же черта? — спросил один Кармоди у другого Кармоди. — Смотри! Не слишком ли быстро ты здесь акклиматизировался?»

Оба Кармоди понимающе глянули друг на друга, сравнили наблюдения, приняли решение... и слились.

— Сизрайт! — крикнул единый Кармоди. — Заберите меня отсюда!

И верный Сизрайт забрал его.

Глава 26

Со своей обычной пунктуальностью Сизрайт тотчас же перебросил Кармоди на следующую из вероятных Земель. Перемещение получилось даже быстрее мгновенного, такое быстрое, что время скользнуло назад и чуточку отстало от себя самого: Кармоди охнул раньше, чем его толкнули. Из-за этого возникло противоречие, небольшое, но все же противозаконное. Однако Сизрайт все подчистил, и начальство не узнало. Обошлось без последствий, если не считать дырочки в пространстве-времени, которую Кармоди даже и не заметил.

Он оказался в маленьком городке. Узнать его вроде бы не составляло труда: Мэйплвуд, штат Нью-Джерси. Кармоди жил там с трех лет до восемнадцати. Да, это был его дом, если только у него вообще был где-нибудь дом.

Или, точнее, это был его дом, если он был тем, чем казался. Но это еще требовалось доказать.

Кармоди стоял на углу Дюранд-род и Мэйплвуд-авеню: прямо перед ним — торговый центр, позади — улицы пригорода с многочисленными кленами, дубами, орехами и вязами. Справа — читальня «Христианской науки», слева — железнодорожный вокзал.

— Ну и как, путешественник? — прозвучал голос у его правого бедра. Кармоди глянул вниз и увидел у себя в руке красивый транзистор. Конечно, это был Приз.

— Ты опять здесь, — констатировал Кармоди.

— Здесь? Я никуда не уходил.

— Но я не видел тебя на предыдущей Земле.

— Это потому, что ты не посмотрел как следует. Я был у тебя в кармане в образе поддельного динария.

— Как я мог догадаться?

— А ты бы спросил, — сказал Приз. — Я ведь метаморфичен по своей природе и изменяюсь непредсказуемо для себя самого. Неужели мне надо сообщать о своем присутствии всегда и всюду?

— Было бы сподручнее, — заметил Кармоди.

— А мне гордость не позволяет вести себя так навязчиво, — сказал Приз. — Я откликаюсь, когда меня зовут. А когда не зовут, я считаю, что мое присутствие необязательно. В последнем мире ты во мне не нуждался, поэтому я пошел закусить в ресторан «Стоклол», а затем заглянул в «Пропариум» выпить сухого, а после этого уж в «Солар Бикон паб» поболтать с дружком, который оказался по соседству, а потом уж...

— Как это ты успел? В том мире я был полчаса, не больше.

— Я же говорил тебе, что у нас время течет по-разному.

— Значит, успел... Ну а где все эти заведения?

— Это долго объяснять, — уклонился Приз. — Попасть туда легче, чем объяснить дорогу. И вообще, это неподходящее место для тебя.

— Почему?

— Ну... по многим причинам. Тебе, например, не понравилась бы еда в «Солар Бикон паб».

— Я уже видел, как ты ел орити, — напомнил Кармоди.

— Да, конечно. Но орити — редкостный деликатес. Его удается попробовать раз или два в жизни. А в «Бикон паб» наша обычная еда.

— Какая же?

— Вряд ли стоит тебе это узнавать, — предупредил Приз.

— Но я хочу знать.

— Я знаю, что ты хочешь, но когда узнаешь, захочешь, чтобы не знал.

— Ладно, кончай. Так какая же у вас пища?

— Ну, хорошо, мистер Нос Сующий, — сдался Приз. — Но заруби себе на длинном носу: ты настаивал. Так вот, мы едим сами себя.

— Что-что?

— Себя едим. Я же предупреждал, тебе не понравится.

— Себя? То есть свое собственное тело?

— Точно.

— Чертовщина какая-то. Мало того, что противно, это и невозможно. Нельзя жить за счет самого себя.

— Я могу и живу, — сказал Приз. — И горжусь этим. А с точки зрения морали это выдающийся пример. Полнейшая личная свобода.

— Но это же невозможно, — настаивал Кармоди. — Это противоречит законам сохранения энергии, или массы, или чего-то такого. В общем, противоречит законам природы.

— Верно, но только в узком смысле, — согласился Приз. — А если бы ты изучил данный вопрос поглубже, ты увидел бы, что невозможное в природе встречается чаще, чем возможное.

— Как это понимать, черт возьми?

— Не знаю, — признался Приз. — Но это написано во всех наших учебниках. И никто до сих пор не сомневался.

— Но я хочу получить прямой ответ, — не уступал Кармоди. — Ты действительно съедаешь кусочек собственной плоти?

— Да, именно так. Хотя это не только моя плоть. Моя печенка очень вкусна, особенно рубленная с крутым яйцом и куриным жиром. А ребрышки хороши, чтобы перекусить в пути. Окорока же надо выдерживать несколько недель, прежде чем...

— Довольно! — закричал Кармоди.

— Извини, но...

— Нет, ты все-таки объясни: за счет чего же твое тело всю жизнь снабжает пищей твое тело? Даже смешно.

— Ну, я не слишком много ем.

— Может быть, я спросил не очень ясно, — поправился Кармоди. — Но ты же не можешь питать свою плоть, если ты одновременно эту плоть уничтожаешь?

— Боюсь, я не совсем понял.

— Давай сначала. Если ты потребляешь свою плоть...

— Так я и делаю.

— Итак, если ты потребляешь свою плоть для пропитания плоти... Минутку. Давай с цифрами. Если ты весишь, скажем, 50 фунтов...

— Именно так. На родной планете я весил 50 фунтов.

— Прекрасно! Идем дальше. Если ты весил 50 фунтов и если, скажем, за год ты съел для поддержания жизни 40 фунтов, сколько же останется?

— Десять фунтов! Правильно?

— Черт возьми, ты что, не видишь к чему я веду? Ты просто не сможешь долго кормить себя.

— Почему не смогу?

— Закон Уменьшающихся Поступлений, — веско сказал Кармоди. — Совершенно очевидно, что ты съешь сам себя. Съешь, и ничего не останется. Тебе нечем будет кормить себя, и ты умрешь.

— Совершенно верно. Но смерть неизбежна и для себяядных, и для чужеядных. Умирают все, Кармоди, как бы они ни питались.

— Но если ты действительно ешь себя, ты умрешь через неделю.

— Есть насекомые, которые живут один день, — возразил Приз. — Но у нас, Призов, вполне разумная долговечность. Запомни правило: чем больше мы съедим, тем меньше надо кормить и тем больше получается срок жизни. Время — великий фактор в автопоедании. Многие Призы съедают свое будущее еще в ранней юности и таким образом сохраняют для себя большой кусок жизни.

— А как они съедают свое будущее? — спросил Кармоди.

— Не могу объяснить. Съедаем, и все. Я, например, слопал запас за двенадцать лет, от 92 до 80, старческие годы, когда от жизни нет удовольствия. А теперь, соблюдая рациональное самопотребление, я думаю дожить до семидесяти с лишком.

— У меня от тебя голова болит, — прервал Кармоди. — И тошнит заодно.

— В самом деле? — возмутился Приз. — Тошнит его по всякому поводу, понимаете ли! А ты сам, кровавый мясник, сколько несчастных животных разгрыз и сожрал в своей жизни? Сколько

слопал беззащитных яблок, сколько головок лука вырвал из их земляных кроваток? Верно, я съел случайно попавшегося орити, но перед тобой в день Страшного суда встанут целые стада, которые ты сожрал: сотни волооких коров, тысячи беззащитных курочек, бесконечные ряды кротких овечек, не говоря уж об изнасилованных тобой садах, целых лесах яблонь и вишен. Да, я отвечу там за съеденного орити, но ты! Как ты искупишь стоны всех этих животных, сожранных тобой? Как искупишь, Кармоди, как?

— Ладно, заткнись! — рявкнул Кармоди.

— С большим удовольствием, — ответил Приз с иронией.

— Я ем, потому что я должен есть. Природа у меня такая. Вот и все.

— Ну, если ты так полагаешь...

— Да, так полагаю. А теперь заткнись. Дай мне сосредоточиться.

— Не скажу больше ни слова. Только можно спросить: а на чем ты хочешь сосредоточиться?

— Это место похоже на мой родной город, — сказал Кармоди. — Я хочу понять: он это или не он?

— Неужели это так трудно? — удивился Приз. — Кто знает, как выглядит его город, тот его и узнает.

— Нет. Когда я здесь жил, я его не разглядывал. А с тех пор как уехал, почти не вспоминал.

— Если ты не разберешься, где твой дом и где не твой, никто в этом не разберется. Надеюсь, ты это помнишь?

— Помню, — сказал Кармоди. И медленно побрел по Мэйплвуд-авеню, с внезапным ужасом подумав, что любой выбор может стать роковым.

Глава 27

Кармоди шел и смотрел по сторонам, смотрел и присматривался. Все было как будто таким, как это и должно было быть. В Мэйплвудском театре на экране шла «Сага Элефантины» — итало-французский приключенческий фильм Жака Мара, блестящего молодого режиссера, который уже дал миру душераздирающий фильм «Песнь моих язв» и лихую комедию «Париж — одиннадцать часов». На сцене выступала («Проездом, только один раз!») вокальная группа «Якконен и Фунги».

— Похоже, фильм смешной, — заметил Кармоди.

— Не на мой вкус, — сказал Приз.

Кармоди остановился у галантереи Марвина и заглянул в витрину. Увидел мокасины и полукеды, джинсы с бахромой «Собачья рвань», шейные платки с рискованными картинками и белые

рубашки с отложным воротом. Рядом, в писчебумажном магазине, Кармоди увидел свежий номер «Кольерс», перелистал «Либерти», заметил еще «Манси», «Черного Кота» и «Шпиона». Только что пришло утреннее издание «Сан»[1].

— Ну? — спросил Приз. — Твой город?

— Рано говорить, — ответил Кармоди. — Но похоже, что да.

Он перешел через улицу и заглянул в закусочную Эдгара. Она не изменилась нисколько. У стойки сидела, прихлебывая содовую, хорошенькая девушка — Кармоди ее сразу узнал.

— Лэна Тэрнер! Как поживаешь, Лэна?

— Отлично, Том. Что это тебя не было видно?

— Я ухлестывал за ней в последнем классе, — объяснил Кармоди Призу, выйдя из закусочной. — Забавно, когда все это вспоминаешь.

— Забавно-забавно, — с сомнением сказал Приз.

На следующем углу, где Мэйплвуд-авеню пересекалась с Саутс-Маунтэйн-род, стоял полисмен. Он улыбнулся Кармоди меж двумя взмахами своей палочки.

— А это Берт Ланкастер, — сказал Кармоди. — Он был бессменным защитником в самой лучшей команде за всю историю школы «Колумбия». А вон, смотри! Вон человек, который помахал мне, входя в скобяную лавку. Это Клифтон Уэбб, директор нашей школы. А ту блондинку видишь под окнами? Джейн Харлоу, она была официанткой в ресторане. Она... — Кармоди понизил голос, — все говорили, что она погуливала.

— Ты знаешь массу народа, — сказал Приз.

— Ну конечно! Я же вырос здесь. Мисс Харлоу идет в салон красоты Пьера.

— Ты и Пьера знаешь?

— А как же! Сейчас он парикмахер, а во время войны он был во французском Сопротивлении. Погоди, как его фамилия... А, вспомнил! Жан-Пьер Омон, вот как его зовут. Он потом женился на Кэрол Ломбард, одной из здешних.

— Очень интересно, — скучным голосом сказал Приз.

— Да, мне это интересно. Вот еще знакомый!.. Добрый день, мистер мэр!

— Добрый день, Том, — ответил мужчина, приподнял шляпу и прошел мимо.

— Это Фредерик Марч, наш мэр, — объяснил Кармоди. — Грозная личность. Я еще помню его дебаты с местным радикалом Полом Муни. Мальчик мой, такого ты не слышал никогда!

— Н-да, что-то во всем этом не то, — сказал Приз. — Что-то таинственное, что-то неправильное. Не чувствуешь?

[1] Журналы и газеты, давно прекратившие существование. — *Прим. пер.*

— Да нет же! Говорю тебе, что вырос со всеми этими людьми. Я знаю их лучше, чем себя самого. О, вот Поллет Годдар там наверху! Она помощник библиотекаря. Хей, Поллет!

— Хей, Том! — откликнулась женщина.

— Мне это не нравится, — настаивал Приз.

— С ней я не был знаком близко, — сказал Кармоди. — Она гуляла с парнем из Милборна по имени Хэмфри Богарт. У него был галстук бабочкой, можешь представить такое? А однажды он подрался с Лоном Чэни, школьным сторожем. Надавал ему, между прочим. Я это хорошо помню, потому что как раз в то время гулял с Джин Хэвок, а ее лучшей подругой была Мирна Лой, а Мирна знала Богарта и...

— Кармоди, — тревожно прервал Приз. — Остерегись! Ты слыхал когда-нибудь о псевдоакклиматизации?

— Болтовня курам на смех! Говорю тебе, что знаю весь этот народ. Я вырос здесь, чертовски приятно было жить тут. Люди не были пустым местом тогда, люди отстаивали что-то. Они были личностями, а не стадом!

— А ты уверен? Ведь твой хищник!..

— К черту! Не хочу больше слышать о нем! Посмотри, вот Дэвид Найвен. Его родители англичане...

— Все эти люди идут к тебе!

— Ну конечно. Они так давно меня не видели!

Он стоял на углу, и друзья устремились к нему со всех сторон: из переулка, со всей улицы, из магазинов и лавок. Их были сотни, буквально сотни, все улыбались, старые товарищи. Кармоди заметил Алана Лэдда, и Дороти Ламур, и Ларри Бестера Крэбба. А за ними — Спенсер Трэси, Лайонелл Барримор, Фредди Бартоломью, Джон Уэйн, Френсис Фармер...

— Что-то не то! — твердил Приз.

— Все то! — твердил Кармоди. Кругом были друзья. Друзья протягивали руки. Никогда еще он не был так счастлив с тех пор, как покинул родной дом. Как он мог забыть такое? Но сейчас все ожило.

— Кармоди! — крикнул Приз.

— Ну что еще?

— В этом мире всегда такая музыка?

— О чем ты?

— О музыке. Ты слышишь?

Только сейчас Кармоди обратил внимание на музыку. Играл симфонический оркестр, только нельзя было понять, откуда исходят звуки.

— И давно это?

— Как только мы здесь появились. Когда ты пошел по улице,

послышался гул барабанов. Когда проходили мимо театра, в воздухе заиграли трубы. Как только заглянули в закусочную, вступили сотни скрипок — довольно-таки слащавая мелодия. Затем...

— Так это музыка к фильмам! — мрачно сказал Кармоди. — Все это дерьмо разыгрывается, как по нотам, а я не учуял!..

Франшо Тон коснулся его рукава. Гарри Купер положил на плечо свою ручищу. Лэйрд Грегор облапил, как медведь. Ширли Тэмпл вцепилась в правую ногу[1]. Остальные обступали плотней и плотней, все еще улыбаясь...

— Сизрайт! — закричал Кармоди. — Сизрайт, бога ради!..

И все произошло быстрее, чем он что-нибудь сообразил.

[1] Все иллюзорные «друзья детства» Кармоди — известные киноартисты. Ширли Тэмпл, например, девочкой играла маленьких девочек. Названия фильмов иногда перепутаны: вместо «Рим — 11 часов» — «Париж — 11 часов». — *Прим. пер.*

Часть V

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗЕМЛЮ

Глава 28

Кармоди снова оказался в Нью-Йорке, теперь на углу Риверсайд-драйв и 99-й улицы. Слева, на западе, солнце спускалось за «Горизонт-Хаус», а справа во всей своей красе воссияла вывеска: «Спрай». Легкие дуновения выхлопных газов задумчиво шевелили листву деревьев Риверсайд-парка, одетых в зелень и копоть. Дикие вопли истеричных детей перемежались криками столь же истеричных родителей.

— Это твой дом? — спросил Приз.

Кармоди глянул вниз и увидел, что Приз снова видоизменился. Он превратился в часы «Дик Трэси» со скрытым стереорепродуктором.

— Похоже, что мой, — сказал Кармоди.

— Интересное место, — заметил Приз. — Оживленное. Мне нравится.

— Угу, — неохотно сказал Кармоди, не совсем понимая, какие чувства испытывает, вдыхая дым отечества.

Он двинулся к центру. В Риверсайд-парке зажигали огни. Матери с детскими колясочками спешили освободить его для громил и полицейских патрулей. Смог наползал по-кошачьи бесшумно. Сквозь него дома казались заблудившимися великанами.

Сточные воды весело бежали в Гудзон, а Гудзон весело вливался в водопроводные трубы.

— Эй, Кармоди!

Кармоди обернулся. Его догонял мужчина в деловом костюме, тапочках, котелке и с белым полотенцем на шее. Кармоди узнал Джорджа Марунди, знакомого художника не из процветающих.

— Здорово, старик, — приветствовал его Марунди, протягивая руку.

— Здорово, — отозвался Кармоди, улыбаясь, как заговорщик.

— Как живешь, старик? — спросил Марунди.

— Сам знаешь, — сказал Кармоди.

— Откуда я знаю, — сказал Марунди, — когда твоя Элен не знает.

— Да ну!

— Факт! Слушай, у Дика Тэйта междусобойчик в субботу. Придешь?

— Факт. А как Тэйт?

— Сам знаешь.

— Ох, знаю! — горестно сказал Кармоди. — Он все еще того?.. Да?

— А ты как думал? — спросил Марунди.

Кармоди пожал плечами.

— А меня ты не собираешься представить? — вмешался Приз.

— Заткнись, — шепнул Кармоди.

— Эй, старик! Что это у тебя, а? — Марунди наклонился и уставился на запястье Кармоди. — Магнитофончик, да? Сила, старик! Силища! Ты сам его программировал? Да?

— Я не запрограммирован, — сказал Приз. — Я автономен.

— Во дает! — воскликнул Марунди. — Нет, на самом деле дает! Эй, ты, Микки Маус, а что ты еще можешь?

— Пошел ты, знаешь куда!.. — огрызнулся Приз.

— Прекрати! — угрожающе шепнул Кармоди.

— Ну и ну! — восхитился Марунди. — Силен малыш! Правда, Карми?

— Силен! — согласился Кармоди.

— Где достал?

— Достал? Там, где был.

— Ты что, уезжал? Так вот почему я не видел тебя чуть ли не полгода.

— Наверное, потому, — согласился Кармоди.

Кармоди уже собирался ответить, будто он все время провел в Майами, но его вдруг словно кто за язык дернул.

— Я странствовал по Вселенной, — брякнул он. — Я был в глубинах Космоса и познакомился накоротке с некоторыми его обитателями. Они — такая же реальность, как и мы, и пусть все знают об этом.

— Ах, вот что! — Марунди понимающе кивнул. — Значит, и ты тоже «пустился в странствие»!..[1]

— Да, да, я странствовал...

— Сила! Как забалдеешь, сразу полетишь. И в полете том ты постиг молекулярное всеединство мира и услышал тайные голоса своего тела?

— Не совсем так, — сказал Кармоди. — Что касается моего конкретного Странствия, то я преимущественно слушал тайные голоса других существ и, выйдя за пределы лично-молекулярного, постиг внешне-атомное. Мое Странствие убедило меня в ре-

[1] «Пуститься в странствие» — принимать ЛСД *(жарг.)*. — *Прим. пер.*

альности существ, отличных от меня, хотя сущность их осталась скрытой.

— Слушай, старик, так ты, похоже, раздобыл настоящие «капельки», а не какую-то разбавленную дрянь? Где достал?

— Капли чистого опыта добывают из дряни бытия, — сказал Кармоди. — Суть вещей хочет познать каждый, а открывается она лишь избранным.

— Темнишь, да? — хихикнул Марунди. — Ладно, старина! Теперь все так. Ничего. Я и с тем, что попадается, неплохо залетаю.

— Сомневаюсь.

— Не сомневаюсь, что сомневаешься. И шут с ним. Ты куда, на открытие?

— Какое открытие?

Марунди вытаращил глаза:

— Старик, ты до того залетался, что, оказывается, уже совсем ничего не знаешь! Сегодня открытие самой значительной художественной выставки нашего времени, а может, и всех времен и народов.

— Что же это за перл творения?

— Я как раз иду туда, — сказал Марунди. — Пойдешь?

Приз принялся брюзжать, но Кармоди уже двинулся в путь.

Марунди сыпал свежими сплетнями: о том, как Комиссию по Антиамериканской деятельности уличили в антиамериканизме, но дело, конечно, ничем не кончилось, хотя Комиссию и оставили под подозрением; о новом сенсационном проекте замораживания людей; о том, что пять воздушно-десантных дивизий сумели вчера уничтожить целых пять партизан Вьетконга; о диком успехе многосерийного телефильма «Эн-би-си» — «Чудесные приключения в золотом веке капитализма». Кармоди узнал также и о беспрецедентном патриотизме «Дженерал Моторс», пославшей полк миссионеров на границу Камбоджи. И тут они дошли до 106-й улицы.

Пока Кармоди не было, здесь снесли несколько домов и на их месте выросло новое сооружение. Издали оно выглядело как замок, но таких замков Кармоди еще не доводилось видеть. И он обратился за справкой к своему спутнику, вдохновенному Марунди.

— Работа великого Дельваню, — сказал тот, — автора «Капкана Смерти-66», знаменитой нью-йоркской эстакады, по которой еще никто не проехал от начала до конца без аварии. Это тот Дельваню, что спроектировал Флэш-Пойнт-Тауэрс — новейшие чикагские трущобы. Это единственные трущобы в мире, форма которых вытекает из содержания, то есть первые трущобы, которые прямо и гордо были задуманы именно как наисовременней-

шие трущобы и объявлены «необновляемыми» Президентской комиссией по художественным преступлениям в Урбан-Америке.

— Да, помню. Уникальное достижение, — согласился Кармоди. — Ну а это как называется?

— Шедевр Дельваню, его опус магнус. Это, друг мой, Дворец Мусора!

Дорога к Дворцу была искусно выложена яичной скорлупой, апельсиновыми корками, косточками авокадо и выеденными раковинами устриц. Она обрывалась у парадных ворот, створки которых были инкрустированы ржавыми матрацными пружинами. Над портиком глянцевитыми селедочными головами был выложен девиз: «Расточительность — не порок, умеренность — не добродетель».

Миновав портал из прессованных картонных коробок, Кармоди и художник пересекли открытый двор, где весело сверкал фонтан напалма. Прошли зал, отделанный обрезками алюминия, жести, полиэтилена, полиформальдегида, поливинила, осколками бакелита и бетона и обрывками обоев под орех. От зала разбегались галереи.

— Нравится? — спросил Марунди.

— Н-не знаю, — замялся Кармоди. — А что все это такое?

— Музей. Первый в мире музей человеческих отбросов.

— Вижу! И как восприняли эту идею?

— К удивлению, с величайшим энтузиазмом! Конечно, мы — художники и интеллектуалы — знали, что все это правильно, и все же не ожидали, что широкая публика поймет нас так быстро. Но у нее оказался хороший вкус, и на этот раз публика сразу ухватила суть. Она почувствовала, что именно это — подлинное искусство нашего времени.

— Почувствовала? А мне что-то не по себе...

Марунди взглянул на него с сожалением.

— Вот уж не думал, что ты реакционер в эстетике!.. А что тебе нравится? Может быть, греческие статуи или византийские иконы?

— Нет, конечно. Но почему же должно нравиться именно это?

— Потому что, Кармоди, в этом — лицо нашего времени, а правдивое искусство идет от реальности. Потребляю, следовательно, существую! Но люди не хотят смотреть в лицо фактам. Они отворачиваются от мусора — от этого неизбежного итога их наслаждений. И все же что такое отбросы? Это же памятник потреблению! «Не желай и не трать» — таким был извечный завет. Но он — не для нашей эры. Ты спрашиваешь: «А зачем говорить об отбросах?» Ну что ж! В самом деле! Но зачем говорить о сексе, о насилии и других столь же важных вещах?

— Если так ставить вопрос, то это выглядит закономерно, — сказал Кармоди. — И все же...

— Иди за мной, смотри и думай! — приказал Марунди. — И понимание вырастет в твоем мозгу, как гора мусора!

Они перешли в Зал Наружных Шумов. Здесь Кармоди услышал соло испорченного унитаза и уличную сюиту: аллегро автомобильных моторов, скерцо — скрежет аварии и утробный рев толпы. В анданте возникла тема воспоминаний: грохот винтового самолета, татаканье отбойного молотка и могучий зуд компрессора. Марунди открыл дверь — бум-рум — магнитофонной, но Кармоди поспешно выскочил оттуда.

— И правильно, — заметил Марунди. — Это опасно. Однако многие способны провести здесь по пять-шесть часов.

— Уфф! — только и мог ответить Кармоди.

— А это гвоздь программы, — не унимался Марунди, — влюбленное мычанье мусорного грузовика, пожирающего мусор. Прелестно, а? Дальше справа — выставка пустых винных бутылок. А наверху — звукообонятельная копия метро. Там трясет и качает, как в настоящем вагоне, а атмосфера воссоздается специальными дымовонекондиционерами «Вестингауз».

— А там кто орет? — спросил Кармоди.

— Это записи знаменитых голосов, — пояснил Марунди. — Первый голос — Эда Брена, полузащитника «Грин Бэй Пэккерс». А тот, писклявый, воющий — синтетический звуковой портрет последнего мэра Нью-Йорка. А после этого...

— Давай уйдем отсюда, — взмолился Кармоди.

— Обязательно. Только на минутку заглянем сюда. Здесь — галерея настенных рисунков и надписей. Левее — копии старомодной квартиры (на мой взгляд — образчик псевдоромантизма). Прямо перед нами — коллекция телевизионных антенн. Это британская модель 1960 года, если не ошибаюсь. Отметь ее суровую сдержанность и сравни с камбоджийским стилем 1959 года. Видишь роскошную плавность восточных линий? Вот это и есть народная архитектура в зримой форме.

Тут Марунди повернулся к Кармоди и назидательно сказал:

— Друг мой, смотри и уверуй! Это волна будущего. Некогда люди сопротивлялись изображению действительности. Те дни прошли. Теперь мы знаем, что искусство само по себе — это вещь, со всей ее тягой к излишествам. Не поп-арт, спешу заметить, не искусство преувеличения и издевательства. Наше искусство — популярное, оно просто существует. В нашем мире мы безоговорочно принимаем неприемлемое и тем утверждаем естественность искусственности.

— Именно это мне и не по душе, — сказал Кармоди. — Эй, Сизрайт!

— Что ты кричишь? — удивился Марунди.

— Сизрайт! Сизрайт! Заберите меня к чертям отсюда!

— Он спятил! — закричал Марунди. — Есть тут доктор?

Немедленно появился коротенький смуглый человек в халате. У него был маленький черный чемодан с серебряной наклейкой, на которой было написано: «Маленький черный чемодан».

— Я врач, — сказал врач. — Позвольте вас осмотреть.

— Сизрайт! Где вы, черт возьми?

— Хм-хм, м-да, — протянул доктор. — Симптомы острой галлюцинаторной недостаточности... М-да. Поверните голову. Пальпируется большая твердая шишка. Минуточку... М-да!.. Бедняга буквально создан для галлюцинаций!

— Док, вы можете помочь ему? — спросил Марунди.

— Вы позвали меня как раз вовремя, — сказал доктор. — Пока положение поправимое. У меня как раз с собой волшебное средство. Просто волшебное!

— Сизрайт!

Доктор вытащил из «Маленького черного чемодана» шприц.

— Стандартное укрепляющее, — сказал он Кармоди. — Не беспокойтесь. Не повредит и ребенку. Приятная смесь из ЛСД, барбитуратов, амфетаминов, транквилизаторов, психоэлеватров, стимуляторов и других хороших вещей. И самая чуточка мышьяка, чтобы волосы блестели. Спокойно!

— Проклятье! Сизрайт! Скорей отсюда!

— Не волнуйтесь, это совсем не больно, — мурлыкал доктор, нацеливая шприц.

И в это самый момент, или примерно в этот момент, Кармоди исчез.

Ужас и смятение охватили Дворец Мусора, но затем все пришли в себя, и снова воцарилось олимпийское спокойствие. Что до Кармоди, то священник сказал о нем: «О достойнейший, ныне твой дух вознесся в то царствие, где уготовано место для всех излишних в этой юдоли!»

А сам Кармоди, выхваченный верным Сизрайтом, погружался в пучины бесконечных миров. Он несся по направлению, которое лучше всего характеризуется словом «вниз», сквозь мириады вероятных земель к скоплениям маловероятных, а от них — к тучам невероятных и невозможных.

Приз брюзжал, упрекая его:

— Это же был твой собственный мир, ты убежал из своего дома, Кармоди! Ты понимаешь это?

— Да, понимаю.

— А теперь нет возврата.

— Понимаю и это.

— Вероятно, ты думаешь найти какой-нибудь пресный рай? — насмешливо предположил Приз.

— Нет, не то.

— А что?

Кармоди покачал головой и ничего не ответил.

— Словом, забудь про все, — сказал Приз с горечью. — Хищник уже рядом, твоя неизбежная смерть.

— Не сомневаюсь, — сказал Кармоди, на которого низошло странное спокойствие. — Но я и не планировал жить в этой Вселенной вечно.

— Все бессмысленно, — сказал Приз. — Ведь ты потерял все.

— Не согласен, — усмехнулся Кармоди. — Позволь тебе заметить, что в эту секунду я еще жив!

— Но только в данный момент!

— Я всегда был жив только в данный момент, — сказал Кармоди. — И не рассчитывал на большее. Это и была моя ошибка — ждать большего. Возможности — возможностями, а реальность — реальностью. Такова истина.

— И что тебе даст это мгновение?

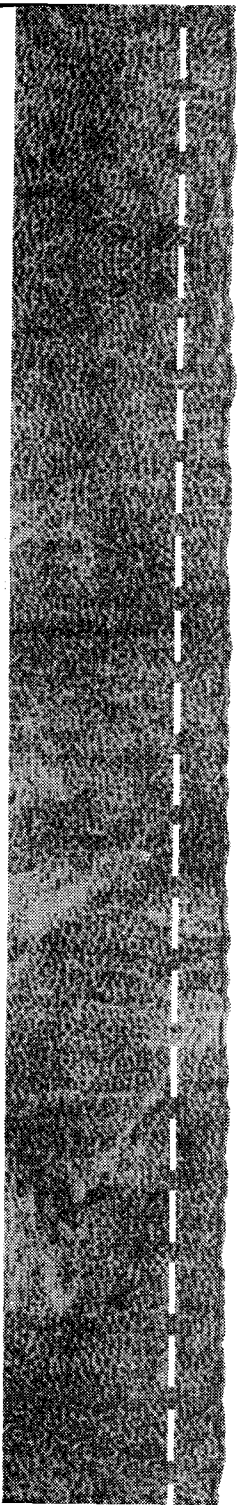
— Ничего, — сказал Кармоди. — И все.

— Я перестал тебя понимать, — сказал Приз. — Что-то в тебе изменилось. Что?

— Самая малость, — сказал Кармоди. — Я просто махнул рукой на вечность; в сущности, у меня ее и не было никогда. Я вышел из этой игры, которой боги забавляются на своих небесных ярмарках. Меня не волнует больше, под какой скорлупой спрятана горошина бессмертия. Я не нуждаюсь в бессмертии. У меня есть мгновение, и мне достаточно.

— Блаженный Кармоди! — саркастически сказал Приз. — Только один вдох отделяет тебя от смерти. Что ты будешь делать со своим жалким мгновением?

— Я проживу его, — сказал Кармоди. — А для чего еще существуют мгновения?

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КООРДИНАТЫ ЧУДЕС

Глава 1

Однажды ночью, когда король бесконечного пространства мирно почивал, ему пригрезился странный сон. Увидел он человека — или, по крайней мере, живое существо — по имени Том Кармоди, который обитал на планете, столь удаленной и невероятной, что даже спящему королю было предельно ясно, что все это чистейший плод воображения. Во сне они с Томом Кармоди встретились и разговорились, и между ними внезапно расцвела такая задушевная дружба, о коей король давным-давно мечтал, но никогда не имел в реальности.

Пробудившись, он немного поразмыслил о странном сновидении и выбросил его из головы. В конце концов, он был король бесконечного пространства, о чем не забывал себе то и дело напоминать, чтобы не впасть в излишнюю самоуспокоенность. Он являлся также единственным правителем Галактического Центра, и Центр этот был достаточно велик, если вообще уместно говорить о величине применительно к практически бесконечной протяженности.

Да, он был король, без всяческих сомнений, но и у королей выдаются неудачные денечки, исполненные печальных раздумий о монаршем одиночестве. Нет у него никого, чтобы поговорить по душам, ни единого друга, кому можно излить свое сердце. Никто не разделит его персональных радостей, не взгрустнет над его печалями. Существует, конечно, принцесса Робин, нареченная невеста короля, но их отношения, скорее, формальны, чем эмоциональны. И, если не считать традиционного совместного посещения премьер в Королевском театре, где крутят завезенные с Земли киноленты всех тамошних времен и народов, они с Робин больше нигде и никогда не встречаются.

Пригорюнившись, король сообразил, что фактически живет под арестом, будучи привязан к своему королевскому дворцу. И что ни разу еще не выходил за его пределы, дабы поглазеть на таинственные уголки и закоулки Галактического Центра, которым он столько лет правил, но никогда не видел.

А ведь совсем неплохо бы повидать старину Тома Кармоди, подумал король наконец и сам тому изумился: как-никак этот человек пригрезился ему во сне! И вовсе даже неизвестно, существует ли такой на самом деле.

Но, если существует, с ним обязательно надо повидаться. Королю ужасно хотелось поболтать с Томом, узнать его поближе, ведь он чувствовал, что это персона невыразимо достойная и благожелательная, а благожелательность, всепонимание и самая чуточка доброго, незлобивого смеха как раз и были тем самым, чего особенно недоставало королю. Давным-давно он не ощущал столь бодрящего чувства и просто не мог ему не поддаться. Конечно! Надо срочно послать за Кармоди и пригласить его в Галактический Центр.

«И я знаю, что следует сделать, — подумал король. — Отправлю-ка Шиша гонцом! Пускай отыщет мне Тома и доставит сюда. Однако... есть ли у меня право называть его просто Томом, ведь мы еще не знакомы? Думаю, да, тут нет ничего обидного. Все-таки он простолюдин, хотя и совершенно особенный».

Король обдумал свое решение, разгуливая по кабинету, и твердо кивнул: «Да, именно так и следует поступить. Я попрошу, чтобы Том навестил меня, для него это будет приятным разнообразием. И разумеется, оплачу все расходы».

Король сел за свой небольшой, но удобный и элегантный рабочий стол, взял в руки огромное двуручное Имперское перо модели «МОНБЛАН» и начертал формальное приглашение. Сам он был довольно неформальной личностью, но весь Галактический Центр буквально помешался на формальностях, и король прекрасно об этом знал. Вот почему он потрудился написать приглашение и поставил под ним свою королевскую закорючку. Королевская закорючка, как ему было ведомо, окажет провинциалу с Земли неоценимую услугу, без нее бедняге Тому не продраться сквозь хитромудрости Центральногалактического региона.

Расписавшись, он послал за Шишем, Королевским Посланцем, дабы тот доставил написанное по назначению.

Услышав, что король призывает его к себе, Посланец Шиш, пребывающий в своих апартаментах в пасторальной части дворца, невероятно расстроился.

Шиш специально выбрал для своего жилища это уединенное место, предпочитая здоровый деревенский воздух и не желая подвергаться скученным условиям проживания в центральных кварталах Галактического Центра. К тому же сей тактический ход полностью соответствовал его генеральной стратегии: живи тише воды ниже травы, чужие глаза не мозоль, никогда не высовывайся, ничем не выделяйся.

И вот после бесчисленных лет приятнейшей анонимности вдруг эдакий афронт: его желает видеть король!

Но, может, все не так уж и страшно? Весьма вероятно, король просто попросит его что-нибудь сделать. Где это слыхано, чтобы монарх призвал к себе кого-то по какой-либо иной причине?

И что же, в сущности, плохого в том, чтобы сделать Его Величеству малюсенькое одолженьице?

Однако королевский приказ можно расценить как намеренное оскорбление, если ты принадлежишь к числу первопоселенцев! Шиш и вся его родня обитали в Галактическом Центре задолго до того, как здесь объявился король, они обосновались тут гораздо раньше, чем сам Галактический Центр возник и разросся на месте бескрайних космических лугов и пастбищ. Да, недурной когда-то был уголок космоса, в самый раз, чтобы осесть и развить интеллект, хотя и ничего грандиозного, не то что теперь.

Когда-то, подумал Шиш, все жители этих мест были, безусловно, равны. И как же получилось, что Ральф вдруг заделался королем, не будучи даже в числе первопроходцев? Подробностей Шиш припомнить не мог, в то время они отчего-то казались неважными. А в результате ему сейчас приходится поспешать, и лишь по той причине, что король возжелал его увидеть.

В общем-то Шиш понимал, что раздувает из мухи слона и в действительности дела его вовсе не плохи. Если не считать короля, принцессы Робин и барона Корво, Королевский Посланец — важнейшая персона в Галактическом Центре и может делать все, что ему заблагорассудится. И какое имеет значение, если он разок услужит королю? В том нет никакого позора. Кто-то же должен быть королем? Так почему бы не Ральф, как он именовался прежде, чем взошел на трон.

Шиш подумал, что может запросто взять и не пойти. Вот так он и докажет королю: NON SERVIAM! Я ТЕБЕ НЕ СЛУГА. И что самое интересное, никакого наказания не последует. Можно даже просто отослать записку: НЕ СМЕЙ ДАВИТЬ НА МЕНЯ, КОРОЛЬ ТЫ ИЛИ НЕ КОРОЛЬ. Но все-таки Шишу не хотелось пускаться в открытый бунт, и он уже торопливо шагал через сад к Большому Дворцу, к западной его башне с узкой каменной лесенкой, ведущей прямо в королевский кабинет для размышлений.

— Ах ты, наш маленький великий мыслитель! — ядовито подумал Шиш, но тут же себя одернул. По пути у него постепенно сложилось впечатление, что происходит нечто очень важное, хотя совершенно неясно, что именно, поскольку ключевой факт, по-видимому, еще не произошел, в то время как он, Шиш, улавливает лишь эманацию из будущего.

Обдумывая эту стройную гипотезу, он быстро поднимался по лесенке к кабинету короля. На каждой лестничной площадке попарно торчали сламерианские гвардейцы в плоеных голубых юбчонках и кожаных сапогах до середины бедра. Никто его не остановил. Шиш был Посланец, он мог ходить где угодно.

Глава 2

Все началось совершенно невинно. Том побывал в Галактическом Центре, а после пропал, вернулся к себе на Землю. Однако память осталась, и множество народу постоянно спрашивало о нем.

Сперва лишь те, кто непосредственно общался с Томом. Клерк Модсли и Лотерейный Компьютер, и даже инопланетянин Кар-Мо-Ди, известный как Кармод, тоже заскучал по нему. И Приз, разумеется, и конечно, Мелихрон. И даже Хищник, который не столько хотел прикончить Тома (как бывало с ним в молодости, когда он ревностно относился к работе), сколько поошиваться вокруг него и чуток поболтать. А также Орин, помощник Модсли, и Бруксайд, его второй помощник. И высокий бородатый старик, чьего имени никто не знал.

Тома не было, но люди продолжали спрашивать о нем. Они спрашивали, как у него обстоят дела, но Шиш из вполне понятного и простительного тщеславия никоим образом не мог признать, что Том никогда не пытался вступить с ним в контакт. «У него все в порядке, — обычно отвечал Шиш. — Том очень занят, у него много работы. Он под большим впечатлением от визита сюда, говорит, что непременно вернется, рано или поздно. И он передает наилучшие пожелания всем своим друзьям».

Обычное тщеславие, не больше, однако оно постепенно и неотвратимо трансформировалось в нечто совершенно иное. Когда Кармод сказал: «Увидишь Тома, передай от меня большой привет», — Шишу ничего не оставалось, кроме как согласиться. И позже, будучи спрошенным, он вынужден был солгать, что привет передал и Том отвечает своим огромным приветом.

На этом все могло бы и закончиться, кабы интерес к Тому увял, ведь в Галактике ужасно много интересного помимо Тома Кармоди. И все-таки о нем не забыли, и оригиналы, которые встречались с Томом, в конце концов организовали небольшой клуб под названием «ДРУЗЬЯ ТОМА КАРМОДИ». Это было сделано наполовину в шутку, наполовину из ностальгии, наполовину в надежде... Потому что в Галактическом Центре иногда встречаются вещи из трех половинок.

Когда Посланца Шиша настоятельно попросили передавать Тому послания, тот сообразил, что крепко вляпался. И попытался выйти из неудобного положения единым махом. «Том Кармоди решил удалиться от мира, — солгал Шиш. — Вы же знаете, у Тома всегда была склонность к медитации. Он всем посылает свои сердечные приветы и обещает, что свяжется с вами попозже, когда исполнит все, что необходимо сделать».

Объяснение показалось вполне приемлемым, ведь все Друзья

Тома Кармоди в душе полагали, что Том, невзирая на свой экстравагантный вид и рассеянные манеры, действительно склонялся к медитации. Шиш облегченно вздохнул, решив, что проблема снята, однако Модсли вдруг захотелось получить от Тома сувенир. «Годится любой пустячок, — охотно пояснил тот. — Мы устроим в нашем клубе нечто вроде алтаря Тома Кармоди! В шутку, конечно, но дело это серьезное, если ты понимаешь, что я имею в виду. Любая старая вещица, что угодно».

Шиш отдал им старую бейсбольную кепку, которой разжился в своих путешествиях. Сказал, что Том когда-то очень любил ее надевать. Подарок был принят с восторгом, каждый припомнил, что видел Тома именно в этой красной кепке. Посыпались заказы на другие сувениры, все больше и больше народу осаждало просьбами Шиша. Еще больше было тех, которые просили передать Тому свои личные послания, желая спросить у него совета и все такое. И все эти люди и слышать не хотели, что Том ни с кем не намерен общаться. Ведь говорит же он с Шишем, разве не так?

Обнаружив себя в неуютной позиции собеседника Тома Кармоди, который больше ни с кем не желает говорить, Шиш обратился к простейшему, как ему тогда казалось, выходу: сказал, что Том согласился давать несложные советы за умеренную плату, которая будет перечисляться Институту Галактической Эмпатии имени Тома Кармоди, представляющему собой некоммерческую организацию, посвященную дальнейшему развитию и углублению взаимопонимания между разумными существами Вселенной.

Шиш решил, что имеет законное право извлечь определенную выгоду из весьма утомительного занятия, которое отнимало у него все больше и больше времени, не говоря уж о деньгах. По крайней мере, надо покрыть расходы на сувениры и нанять себе помощника, который избавил бы самого Шиша от докуки сочинять ответы на письма, адресованные Тому Кармоди.

Словом, он нанял Димитрия, известного как Дима. Этот юноша был воспитан на историях о Томе Кармоди и безрассудно его обожал.

— Ты будешь писать ответы за Тома, — сказал ему Шиш.

— А как я узнаю, что он захочет ответить? Мне придется спрашивать у него самого?

— Разумеется, нет, — отрезал Шиш. — Когда прочитаешь вопрос, закрой глаза и посиди так немного. А после напиши первое, что придет тебе на ум.

— Все, что придет мне в голову?..

— Вот именно. И это должно быть простое предложение, не более десятка слов, и в нем должна содержаться квинтэссенция того, что думает по данному вопросу Том Кармоди.

— Может, мне все-таки лучше проконсультироваться с Томом? — робко спросил Дима, но Шиш покачал головой.

— Том согласился вести дела лишь на таких условиях.

— При всем моем уважении, Шиш... Скажи, ведь ты сам это придумал?

— Разумеется, нет, — возмутился Шиш. — Неужели ты думаешь, что я не мог бы предложить кое-что поумнее? Нет, это все Том, его старые дурацкие штучки. Святая простота, да и только! И все-таки он безошибочно зрит прямо в корень вещей.

— Ты прав, Том изумительный человек, — с благоговением откликнулся Дима и больше не задавал вопросов.

Итак, работа закипела, и притом с оглушительным успехом. Колоссальный бум охватил весь Галактический Центр в мгновение ока, поскольку в деле не участвовали компьютеры, которые могли бы тому помешать. Вскоре Шиш был вынужден нанять в помощники Сашу, дабы освободить Диму от заклеивания и штамповки конвертов. Пользуясь случаем, он заодно повысил таксу В СВЯЗИ С НЕ ЗАВИСЯЩИМИ ОТ НАС ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМИ и вскоре обнаружил, что предприятие приносит ему приятный кругленький доход, который с течением времени все округляется и округляется.

В конце концов на свет явилось публичное издание: «ИЗРЕЧЕНИЯ ТОМА КАРМОДИ», книга первая. В книге содержались такие сияющие жемчужины, как ответ на вопрос уроженки Алебриана касательно того, имеет ли женщина право обзавестись восемнадцатью любовниками вместо предписанной местными традициями дюжины или же сие морально неприемлемо. Дима, в качестве Тома, написал: ЛЕТОМ РАСЦВЕТАЮТ ВСЕ ЦВЕТЫ. Глубокая мудрость изречения была оценена по достоинству, и песенка, озаглавленная крылатой фразой, стала победительницей очередного конкурса поп-хитов.

К тому часу, когда король пожелал встретиться со своим Посланцем Шишем, вышли в свет уже одиннадцать книг «Изречений» и издатели едва успевали допечатывать тиражи.

Глава 3

— Входи, — сказал король.

Шиш вошел и отдал формальный салют.

— Я прибыл, сир, как вы того пожелали.

— Мой старый добрый Шиш! Ты ведь был одним из первых, — промолвил король, и слезинка блеснула в его глазах. В душе он был ужасно сентиментален, но тут же взял себя в руки и деловито сказал:

— Том Кармоди.

Шиш молча кивнул.

— Когда-нибудь слышал о нем?

Шиш пораскинул мозгами и с фальшивым бесстрастием сказал:

— В Галактическом Центре однажды побывал человек с таким именем. Помнится, ему присудили какой-то Приз. Но это было очень давно, Ваше Величество, еще до того, как вы взошли на трон. Я сам доставил сюда Кармоди, однако у него была куча неприятностей, прежде чем он сумел вернуться домой.

— Уверен, это он самый и есть, — сказал король. — Я желаю увидеться с Томом Кармоди! Будь так добр, Шиш, приведи его ко мне. — Король сложил исписанный листок бумаги, сунул в конверт, заклеил и запечатал королевской печатью. — Это официальное приглашение. Передай конверт подходящему чиновнику, чтобы Том потом его забрал.

— Будет сделано, сир. Но где же теперь искать этого Тома Кармоди?

— Полагаю, он по-прежнему живет на своей планете, которая называется Земля.

— А как я узнаю нужного Кармоди, если на Земле найдутся другие с таким же именем?

— Но ведь ты сказал, что помнишь Тома?

— Не могу сказать, чтобы отчетливо, сир.

Король вручил ему бумажный квадратик.

— Вот тебе его персональный и уникальный идентификационный номер.

(Кстати, большинство разумных рас Галактики даже не подозревают, что любому и каждому разумному существу присвоен свой собственный персональный идентификационный номер. Абсолютно уникальный, поскольку умрет вместе с владельцем и никогда более не будет употребляться!)

— Слушаю и повинуюсь, — молвил Шиш и вышел вон.

Король ощутил огромное облегчение, покончив наконец с проблемой, которая не давала ему покоя. Теперь он с чистой совестью мог вернуться к рутинным дворцовым делам. На вечер у него назначено свидание с принцессой Робин: пятичасовой киносеанс и последующий обед. А позже междусобойчик с бароном Корво, и король давно уже предвкушал удовольствие. Однако, когда он отправил Шиша за Томом Кармоди, привычные королевские радости вдруг заметно поблекли в его глазах.

Ведь король только что положил начало событию, чреватому непредсказуемыми последствиями, и теперь не мог просто сидеть и ждать. Он должен действовать, он должен стать вершителем своей судьбы! И почему бы, подумал он, королю не пойти и не

встретить Тома Кармоди? Шиш доставит Тома в Галактический Космопорт на своем космическом корабле. И разве король не имеет права явиться в Космопорт и дождаться его прибытия? А так как полет наверняка займет какое-то время, он сможет сперва осмотреть Галактический Центр. Разумеется, весь дворец будет шокирован столь неформальными действиями со стороны короля, однако, напомнил себе он, лично его это нисколечко не волнует. Их придворные церемонии у него давно уже сидят в печенках!

В сущности, король был отличный парень, насколько это возможно для монарха, обладающего абсолютной властью, и не любил демонстрировать превосходство направо и налево. Пойти и встретить Тома, решил он, хорошая и правильная мысль. Пусть Том увидит, что король не задирает носа лишь потому, что он король.

Осталось лишь встать и выйти из дворца в бесконечную протяженность Галактического Центра, которого король никогда еще не видел. Но может ли он сделать это, не уведомив абсолютно никого? Ничего не сказать принцессе Робин... но разве он ей принадлежит?.. и даже барону Корво, шефу его собственной Секретной полиции?.. Да шут с ними со всеми! Король может делать все, что пожелает, в конце концов он все-таки король.

И без дальнейших проволочек король совершил свой беспрецедентный поступок, но прежде написал принцессе Робин записку, отменяющую свидание: «Прошу прощения, дорогая, возникло дело непредвиденной важности. Вернусь к тебе сразу же, как только смогу». Запечатав послание, он поспешно сунул его в трубу дворцовой пневмопочты, а после сел на трамвайчик и благополучно доехал до западного терминала дворца. Там он сошел с трамвая, прошел через Врата Предателя и очутился на улице, ведущей во внешний мир.

Все оказалось удивительно просто, стоило лишь начать. И как он не додумался до этого раньше?! Король был приятно возбужден ожидаемым приключением, да что тут скрывать, он был воистину счастлив.

Шиш тем временем вернулся в свои апартаменты и сел размышлять. Он размышлял долго и скорбно, поскольку знал, что с появлением Тома в Галактическом Центре начнет разрушаться порядок вещей. Тома Кармоди Шиш помнил слишком хорошо. Уже тогда этот гость устроил изрядный переполох, когда явился потребовать Приз, который на самом деле принадлежал совсем не ему.

С тех пор много воды утекло, многое изменилось. Например, теперь у них есть король. Ральф — хороший человек. Пускай лишенный воображения, зато под его необременительным правлением Галактика заметно упорядочилась. Теперь уже не приходится

иметь дело с иррациональными созданиями вроде Модсли и Мелихрона, как бывало в старые дурные деньки. Однако стоит лишь появиться Тому, и прежнее безумие опять расцветет пышным цветом. И все это по причине иррационального импульса, исходящего от короля!

Никто на самом деле не знает, откуда взялся король. Но, правда, все кругом стало гораздо тише и спокойнее, когда Ральф пришел к власти. Он спокойный, терпеливый, осмотрительный человек. Занимается своими придворными делами и оставляет чиновникам все остальные. В общем и целом все было просто замечательно, пока короля не посетила эта безумная мысль!

Что до самого Шиша, будущее также не сулило ему ничего хорошего. А ведь как все было прекрасно в последнее время! Он жил хорошей, беспечной жизнью хорошо обеспеченного холостяка, повсюду заводил себе подружек, отнюдь не смущаясь этическими соображениями. Галактике давно настало время позабыть о подобной ерунде и как следует заняться бизнесом.

И кстати, о бизнесе. Сначала придется прикрыть операцию с сувенирами от Кармоди, а уже потом отправиться за Томом. Шишу очень не хотелось делать ни того, ни другого, но выбора у него не осталось. Приказ есть приказ, а Королевский Посланец — существо подневольное.

Глава 4

Шиш вошел в магазинчик, открытый им с целью наилучшего удовлетворения ажиотажного спроса на сувениры от Тома Кармоди. Дима и Саша работали не покладая рук. Дима был коротенький брюнет с плоским землистым лицом, чахлыми усиками и чересчур короткой стрижкой, а его ассистент Саша — высокий, изящный блондин с мечтательными голубыми глазами. Оба трудолюбиво заполняли бланки льющихся широкой рекой заказов, каковые поступали исключительно в письменном виде с непременным вложением банковского чека (ПРОСЬБА НАЛИЧНЫХ НЕ ПОСЫЛАТЬ!), обеспечивая Шишу чрезвычайно пристойный уровень жизни.

Здесь были фигурки животных, которые Том, как предполагалось, в детстве вырезал из древесины: крошечные жирафы, гиппопотамы, африканские слоны с тоненькими бивнями из натуральной слоновой кости, а кроме того, львы, тигры и другие хищники, кенгуру и страусы эму: их производила по особому соглашению с Шишем компания «НОВИНКИ ГАЛАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА 5». Как ни странно, но никому не пришло в голову, что всей жизни Тома не хватило бы на то, чтобы вырезать их собственноручно.

Дима и Саша (но преимущественно Саша, исполнявший роль тупого разнорабочего) паковали сувениры в коробки, наклеивали на них ярлыки с адресами и укладывали в специальные мешки с пометкой «СРОЧНАЯ ДОСТАВКА МЕЖЗВЕЗДНОЙ ПОЧТОВОЙ СЛУЖБЫ».

Кроме деревянных зверушек, желающие могли заказать образчики иных талантов Тома Кармоди. Здесь были кожаные портмоне и книжные закладки, сохранившиеся с его бойскаутских лет. А также небольшие вышивки крестиком, которые Том предположительно производил в минуты глубоких философских раздумий. И маленькие стеклянные вещицы, сработанные на острове Мурано, где Том когда-то подвизался подмастерьем. И пояса макраме, которые он сплел на отдыхе в Швейцарских Альпах, и шерстяные кильты, сотканные во время каникул на озере Миннехаха, ведь Том, помимо того, что был обыкновенным гением, нигде и никогда не позволял рукам лениться.

Шиш проинспектировал трудовую обстановку и одобрительно кивнул. Какая жалость, что придется свернуть столь процветающую антрепризу, но что надо сделать, то надо сделать.

— Дима, — сказал он, — вы с Сашей отлично поработали. Но сейчас, к сожалению, я вынужден закрыть магазин. Отправь на почту то, что уже упаковано. Остальным клиентам — краткое извещение: мы временно прекращаем операции в связи с непредвиденным потопом и возобновим обслуживание, как только появится возможность, гарантируя неукоснительное выполнение заказов.

— Я не понимаю, хозяин, — сказал Дима. — В чем дело? Неужто на нас опять охотятся эти типы из «ПРАВДИВОЙ РЕКЛАМЫ»?

— Благодарение небесам, нет, — вздохнул Шиш. — Просто так сложились обстоятельства, но вдаваться в подробности я не могу.

— В самом деле? — сказал Дима. — Ты же знаешь, что мы с Сашей все равно все узнаем. Так почему бы не прямо сейчас? Мы ведь никому не скажем, правда, Саша?

Саша похлопал глазами и кивнул головой.

Поколебавшись, Шиш решил, что его помощники и так все узнают, и почему бы не от него?

— Дело в том, — сказал он, — что Том Кармоди собирается нанести краткий визит в Галактический Центр.

— Сам Кармоди? — ахнул Дима. — Наконец-то повезло, я встречусь с этим замечательным человеком!

— Нет-нет, — поспешно произнес Шиш, — Том путешествует инкогнито и ни с кем не желает встречаться. Я пообещал ему,

что не допущу ни интервью, ни восторженных поклонников, и это относится также к тебе, Дима.

— Но... ты же обещал! Ты сказал, если Том только появится в Галактическом...

— Если он появится как публичная фигура, вот что я имел в виду, — сказал Шиш. — А вовсе не тайный визит с целью бросить прощальный взгляд на место своего триумфа, прежде чем перейти к другим, более важным и нужным делам.

— И что это за дела, хозяин? — жадно вопросил Дима.

— Увы, Том не позволил раскрывать его планы. Мне очень жаль, Дима, но руки у меня связаны, если можно так выразиться. Ты не забыл, что тебе велено сделать?

— Я все сделаю как надо, хозяин.

— Это хорошо. Потому что я улетаю на Землю, чтобы доставить сюда Тома. Сделай как приказано, и я привезу тебе сувенир от Тома Кармоди. Самый настоящий! Початая пачка сигарет подойдет, да? Думаю, я уговорю Тома с ней расстаться.

И Шиш стремительно вылетел наружу.

Когда он убрался, Саша хмыкнул.

— Ну, блин, Дима, тебе, блин, не позавидуешь. Мне-то по сердцу футбол, спасибо счастливой звезде. Эй, эй, мужик, ты в порядке?

— Я размышляю, — сказал Димитрий.

— Да ну? А на кой ляд?

— Этого я не могу тебе сказать, Саша, но намекнуть могу. Видишь ли, я досконально изучил всю жизнь Тома Кармоди и всю его подноготную, вкалывая здесь за гроши для Шиша, и все для того, чтобы когда-нибудь в будущем увидеться с Томом. И вот теперь, когда у меня появился реальный шанс, я не намерен принимать от Шиша НЕТ в качестве финального ответа.

— Ну, блин, а что ты можешь-то?

— Там, где я родился, есть такая старая пословица: ДОХЛОМУ ЛОШАКУ ЧТО ПОДМИГНУТЬ, ЧТО КИВНУТЬ — ВСЕ ЕДИНО. Сообразил?

Саша кивнул, не имея ни малейшего понятия, о чем это Дима толкует.

— Тогда займись делами, а я ухожу. Надо кое-что по-быстрому сделать.

Глава 5

Блуждая по городским улицам, король с восхищением разглядывал монументальную архитектуру Галактического Центра. В реальной реальности все это выглядело намного лучше и гран-

диозней, чем в виртуальной. Он все ходил и смотрел, ходил и смотрел, пока не проголодался и не понял, что в спешке покинул кабинет, не прихватив с собой ни гроша.

Король не стал упрекать себя за промах. Вполне естественно, что даже король не может все сразу предусмотреть. Но проблема все-таки была щекотливой. Как же он сможет себя накормить? Во дворце этим всегда занимались слуги.

На миг король почти запаниковал, беспомощно озираясь, будучи еще так близко и одновременно так далеко от дворца. Но вспомнил, что он король не по рождению, а за выдающиеся способности, и эти способности обязательно выручат его из беды. Если, конечно, ему удастся припомнить, в чем они заключались.

Король немного поколебался, глядя на узкий проулок, который вел, как ему казалось, к площади Гран-Конкур. Нет, он не слишком хорошо обставил свое приключение, просто нырнул в него с головой, не думая ни о чем. И нет смысла напоминать себе, что именно этого ему и хотелось.

Так или иначе, но дело сделано, а королю подобает с достоинством противостоять невзгодам. Болезненно ощущая отсутствие в карманах побрякивающих монет, король решительно зашагал по переулку. «Когда я доберусь до Гран-Конкур, — сказал он себе, — то наверняка что-нибудь придумаю».

Глава 6

Проулок был узкий, темный и грязный, и мрачные здания высились по обеим его сторонам. Король зашагал по лужицам стоячей воды и внезапно остановился, узрев перед собой кучку подозрительного вида мужчин.

— Что это? — невольно воскликнул он и вспомнил, что давно собирался распорядиться, чтобы все кривые и узкие улочки Галактического Центра как следует расширили и распрямили. И всего-то надо было сказать: «Вы знаете эти кошмарные переулки возле площади Гран-Конкур? Я хочу, чтобы их привели в порядок. Разве не абсурдно иметь перед глазами этакое зрелище, и не где-нибудь, а в самом Галактическом Центре? Приступайте немедленно!»

Но, возможно, сие не понравилось бы барону Корво, который, в дополнение к обязанностям шефа Секретной полиции, занимал еще и пост министра по городскому благолепию. У Корво всегда было около дюжины очень срочных проектов и еще больше причин, по которым их никак нельзя было отложить в долгий ящик, и поэтому в долгий ящик откладывалось все, что нужно королю.

А ведь он никогда не возражал, мысля примерно так: «Мой министр барон Корво знает о вещах подобного рода гораздо больше меня». И в результате он, король, стоит здесь, в этом опасном переулке, перед группой очень опасно выглядящих мужчин. Оглянувшись, он заметил позади еще одну группу не менее опасного вида личностей. Обе группы выглядели именно так, словно у них не было лучшей радости в жизни, чем прикончить своего короля.

На секундочку король впал в панику, прежде чем припомнил, что никто в Галактическом Центре не знает, как выглядит король. Королевские портреты никогда не публиковались в прессе, так что у бандитов нет никаких оснований подозревать, что они встретили короля... Если, конечно, он сам не разоблачит себя истинно монархическими манерами!

Сгорбившись и подшаркивая ногами, он приблизился к первой группе, полагая, что воинская выправка при таких обстоятельствах совершенно ни к чему. К тому же король был жутко голоден и знал, что на площади есть превосходная таверна. Сам он в этой таверне, конечно, никогда не бывал, зато прочел о ней в старом, захватанном пальцами путеводителе, бережно хранимом в королевской Малой спальне.

На самом деле только в этой спальне король и спал, а вовсе не в огромной, пышно изукрашенной, с натуральным перламутровым потолком и гигантской кроватью цвета дамасской розы, где свободно умещалась полурота гвардейцев (речь, понятно, идет о величине, а не о вкусах короля). Большую спальню он всегда показывал заезжим знаменитостям, устраивая им Малый тур по дворцу (Большой тур, как вы прекрасно понимаете, занимает немыслимое количество времени).

О да, она была великолепна, эта Большая спальня, но король предпочитал ей свою маленькую и уютную, с любимыми подлинниками Дали и Домье, с проигрывателем для компактных дисков, миниатюрной конторкой и книжным шкафчиком, набитым самыми любимыми книжками.

И был среди этих книг «ВНУТРЕННИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ГАЛАКТИЧЕСКОМУ ЦЕНТРУ», знаменитое тринадцатое издание, живописующее отнюдь не прославленные культурные и исторические достопримечательности, а обычные житейские радости великого города: где лучше со смаком поесть и душевно выпить за подходящую цену, где можно развлечься на любой вкус, где и когда проходят всяческие фестивали, где расположены рынки, уютные скверы для отдыха и тому подобное, включая крайне малоизвестные исторические курьезы.

Больше всего на свете король любил забраться с ногами на кровать со стаканом холодного молока, ванильным печеньем и

«Внутренним путеводителем», чтобы взахлеб читать о маленьких житейских чудесах, мечтая хоть ненадолго к ним приобщиться.

По правде говоря, он не верил, что такое возможно.

Жизнь короля бесконечного пространства строжайше регламентирована традициями, проистекающими из былых деяний давно позабытых королей, и крайне редко их смягчает какой-нибудь ученый комментарий, сам по себе невероятно древний. Раз в году, например, королю долженствует взойти на Армагеддонскую башню и пялиться на вечный город через архаичный телескоп, причем не более пятнадцати стандартных минут, а после — всенепременно промыть глаза предписанным декоктом, с целью прояснить свое королевское зрение и очистить его от заразы, проникшей от созерцания невозвышенного.

Сей беглый телескопический взгляд, да еще и раз в году, короля никогда не удовлетворял, тем более что все горожане, попавшиеся ему на глаза, вели себя исключительно церемонно под страхом мучительной смерти. Неудивительно, что прогулка по городу казалась ему драгоценнейшим даром, которым свободно наслаждались простые смертные, но только не их законный король. А ведь он, будь в Галактике хоть капля справедливости, не говоря уж об обычном здравом смысле, наверняка стал бы первым в рядах эстетов, способных по достоинству оценить беспрестанно разрастающийся, пульсирующий истинной жизнью город!

И вот, стоило лишь королю осуществить заветное желание, как он немедленно столкнулся с неблагоприятными аспектами городского бытия, а именно — с толпой вооруженных простолюдинов, перегородивших ему дорогу с видом, не сулившим одинокому пешеходу абсолютно ничего хорошего.

Главарь разбойников, детина в невыразимых обносках и с неописуемым фурункулом на носу, многозначительно поигрывал тяжелой дубинкой, нехорошо улыбаясь.

— И кто это к нам пожаловал? — риторически вопросил он, бросая на короля зловещий взгляд.

— Я простой горожанин, дорогой сэр, — поспешно сказал король, — вышел прогуляться, как и все ваши друзья. Прекрасная погода, не правда ли?

— И почему же ты избрал для прогулки злополучный Проезд Толстяков, куда никто не направляет стопы, помимо жаждущих страданий и мучений?

— Если это так, — сказал король, — то что же привело сюда вас, хотелось бы знать?

— Мечты о грабеже, разумеется, хотя у нас и не было надежды на успех. К несчастью, дурная слава сего бесславного местечка распространилась слишком широко и далеко, и ныне его антиреклама наличествует на всех автобусных станциях, трамвайных

остановках и стоянках такси. Словом, мы давно уже не рассчитывали на добычу, но приходили сюда из чисто сентиментальных побуждений, с умилением припоминая старые добрые криминальные деньки. Понимаешь ли, у всех порядочных разбойников образовалась стойкая привычка сходиться на Перекрестке Злодеев после утренней кружки гадкого желудевого кофе, чтобы затем совершить совместный променад по Проезду Толстяков. Не скрою, мы продолжали мечтать, чтобы кто-то вроде тебя, мой дорогой сэр, забрел наконец сюда по неведению, возможно, желая чуточку срезать путь до той огромной площади со всякой всячиной.

Король был еще молод, никто не просветил его касательно ментальных, моральных и социальных привычек, свойственных отбросам галактического общества. Но тугодумом он ни в коем случае не был.

— А ты не подумал, что появление кого-то вроде меня может иметь совсем иную, более глубокую мотивацию?

— Нет, такая мысль не приходила мне в голову, — сказал детина и вдруг нахмурился, ибо данная мысль, обремененная всей тяжестью вытекающих из нее сомнений, только что пришла ему в голову.

— Как тебя зовут, приятель? — осведомился король повелительным, хотя и доброжелательным тоном.

— А зачем тебе знать? — подозрительно буркнул оборванец.

— Чтобы я мог обратиться к тебе по имени, — сказал король, — когда предложу твоему вниманию нечто такое, что может принести тебе выгоду.

— Лампкин, — сказал детина, нахмурившись еще сильнее.

— Ну что же, Лампкин, сегодня выдался удачный денек. И для тебя, и для твоих компаньонов. Но сначала я хотел бы осведомиться о твоих политических пристрастиях. Например, что ты думаешь о короле?

— Ну, что до этого, — отвечал Лампкин, — могу сказать только одно. Боже, благослови Его Величество и прокляни его злых министров, бесстыдно скрывающих от короля истинное положение его народа!

— Прекрасно сказано! — вскричал король в восхищении.

— Если ты думаешь, что роялистские сантименты уберегут тебя и твои денежки, лучше подумай еще раз. Ведь правда, ребята?

Низкопробные товарищи Лампкина одобрительно взревели и принялись размахивать палками, дубинками, кастетами, цепями, кандалами, ножами и другим холодным оружием, среди коего случайно затесались один или два лучевых пистолета.

— Отлично, я вижу, что вы пригодны для дела, — сказал король. — А теперь отложите дубинки и послушайте меня. Сегодня

ваш счастливый день, надеюсь, вы не забыли? Я могу предложить нечто лучшее, чем удастся отыскать на моем бездыханном теле. Джентльмены! Как по-вашему, зачем я явился сюда, в широко известный зловещей славой Проезд Толстяков? Чтобы сделать интересное предложение, от которого вы просто не сможете отказаться.

— Не врешь? — пробормотал Лампкин, мучительно морща лицо от героических усилий разобраться в риторических перегинациях короля. — А что за дело-то?

— О, тебе непременно понравится, — заверил король, — но здесь не место его обсуждать. Недаром говорят, что и булыжники имеют уши. Давайте-ка пойдем в хорошую супную и похлебаем наваристого супчику... За мой счет! А после я изложу вам свою задумку, и будь я проклят, если она не сдунет пыль с ваших замшелых ушей.

Глава 7

Король в сопровождении Лампкина и его приятелей вышел наконец из темного зловонного проулка на залитую солнцем Площадь Всякой Всячины, она же Гран-Конкур. Площадь была невероятно обширна, вымощена превосходной терракотовой плиткой и окружена великолепными полихромными строениями, над которыми весело развевались яркие флаги и стяги. Здесь всегда витала праздничная атмосфера, здесь влюбленные предпочитали назначать свидания, сюда приходили тысячи простых горожан Галактического Центра, чтобы как следует выпить, закусить и развлечься.

У короля полегчало на душе, когда он обнаружил себя на благородной Гран-Конкур, которую прежде видел лишь на страницах своей Видеоэнциклопедии. Разбойники Лампкина по-прежнему тесно окружали короля, и, хотя он больше их не боялся, ему хотелось сделать для этих бедняков что-то хорошее и тем завоевать их любовь. Он обещал им пирушку, но прежде надо раздобыть денег. К счастью, король увидел на углу банкомат, аккурат напротив Супной Кухни, и сказал:

— Подождите меня здесь, я только сбегаю к денежной машине.

Лампкин тут же заподозрил неладное.

— Это еще зачем?!

— Я ведь обещал угощение, а за еду придется платить.

Оборванцы с сомнением поглядели друг на друга. Никто из них не решился подойти к машине, которая могла опознать в клиенте рецидивиста-карманника (каковыми все они и являлись),

включить параполицейскую функцию и лишить его преступной руки.

— Откуда нам знать, что ты вернешься? — ощерился Лампкин.

— Не проецируй собственную неуверенность в жизни на меня, — посоветовал король твердо, но дружелюбно. — Если я пообещал, что вернусь, значит, вернусь, к тому же я все время буду у вас на глазах.

Ламкин и его бандиты принялись ожесточенно спорить, а король, пока суд да дело, спокойно перешел улицу, вынул из кармана золотую королевскую карточку, инкрустированную крохотными бриллиантиками, и вставил ее в щель банкомата.

Машинный голос сказал:

— Это кем же ты себя воображаешь, пытаясь попользоваться кредитной картой короля?

— Я король, — шепнул король, наклоняясь поближе. — Но пусть это будет нашим общим секретом.

— Король? Ничего себе история. А ну-ка покажи свою сетчатку!

Король придвинулся еще ближе и вперился в экран. Блеснула яркая вспышка, и через секунду машина сказала:

— Либо ты король, либо украл сетчатку у короля. Надо проверить еще раз на следы ретиноэктомии.

Снова блеснул яркий свет, и машина взолнованно сказала:

— Боже мой, никак не могу поверить, но вы действительно король, Ваше Величество, сам король бесконечного пространства, и вы стоите здесь, прямо передо мной! Но как же вы попали сюда, сир, так далеко от дворца, от вашей возлюбленной невесты принцессы Робин и вашего верного защитника барона Корво?

— А вот это не твое дело, — отрезал король.

— Вы правы, разумеется, простите, простите меня, сир, побочные эффекты эмоциональной перегрузки искусственной личности. Чем могу услужить вам, о мой король?

— Мне требуются подарки для моих друзей.

— Для тех, что спорят на противоположной стороне улицы?

— Совершенно верно. Откуда ты знаешь?

— Я вычислила, сир, это нетрудно. У меня очень неплохая логическая программа и превосходное периферическое зрение. И даже отсюда я могу с уверенностью заключить, что упомянутые личности отнюдь не того сорта, с каким монархи обычно имеют дело.

— Невзирая на твои выводы, я намерен наградить этих бедняков.

— Разумеется, сир. Деньгами?

— Деньги мне, конечно, понадобятся, ну, скажем, несколько

тысяч кредитов в мелких купюрах. Думаю, на первое время хватит. Однако для моих друзей хотелось бы что-то более... Гм, скажем, дюжину миниатюрных золотых статуэток, изображающих... ну, скажем, какое-то из наших божеств. Алгронан подойдет, полагаю? И пусть он будет в типичной позе со сцепленными большими пальцами, как на знаменитой статуе Агры.

— Действительно, вполне подходящий сувенирчик. Однако правила предполагают, что я могу выдавать клиентам только деньги.

— Я знаю, но ведь я все-таки король. Надеюсь, ты можешь расширить свои функции, чтобы как-нибудь обойти ограничения?

— Само собой, сир! Я знаю очень хорошего ювелира. Могу ли я оформить заказ?

— Конечно, и безотлагательно. Но не говори ему ни слова про меня, я здесь инкогнито, как ты сама видишь.

— О, я понимаю, сир. Как романтично, если мне дозволено высказать свое мнение. — Послышалось музыкальное попискивание, машина набирала телефонный номер. — Алло, это Златокузница Джоуи? Привет, Джоуи, это денежная машина. Да, со мной все в порядке, благодарствую, но сейчас у меня нет времени на болтовню. Срочный заказ, Джоуи, никаких вопросов, зато очень приличное вознаграждение. Ты можешь отлить дюжину миниатюрных золотых статуэток Алгронана в типичной позе со сцепленными большими пальцами? Отлично, бросай все остальное и приступай к работе. Нет, не завтра, а прямо сейчас! Они нужны мне немедленно.

Глава 8

Лампкин и его оборванцы были очень довольны своими подарками. В Супную Кухню они проследовали за королем в куда более доверчивом настроении. Вся компания заказала фейджоаду, здешнее фирменное блюдо, и запивала его объемистыми фужерами фалернского, не уставая провозглашать тосты за своего благодетеля. Эта Супная Кухня вовсе не была грязной и вонючей забегаловкой, как опасался король. Стропила, правда, совсем почернели от сажи, вылетающей из огромных, столетиями не угасавших очагов, но в остальном заведение содержалось опрятно, а гостей весьма проворно обслуживали юркие девчонки из домовых.

С логической неизбежностью дело дошло до тоста за короля, ибо честная компания даже не подозревала, что выпивает в обществе собственного монарха.

— За нашего всеобщего радетеля, Его Величество короля! — провозгласил детина Лампкин, поднимаясь довольно неуверенно и воздевая свой фужер почти что к самым стропилам. — Да ниспошлют ему космические боги здоровье, счастье и отличные новости! И да уберегут его от проклятия, что уже сгущается над троном!

— Что ты сказал? — встрепенулся король.

— Мы пьем за то, чтобы король не пострадал от своих врагов, — объяснил ему Лампкин.

— А что это за враги?

— Те, кто хотят сбросить короля с его священного трона, запереть в убогой камере и посадить на его место самозванца.

— Как, неужели кто-то действительно это задумал?

— Такие ходят слухи.

— А немного поподробней нельзя?

— Гнусный заговор, — объявил Лампкин. — Но когда король, благослови его небеса, узнает об этом, то отрубит заговорщикам головы. Ну, возможно, не отрубит, у нашего короля доброе сердце и прекрасные манеры, но непременно отберет у мерзавцев деньги, земли и титулы, чтобы передать своим лояльным верноподданным. Может быть, даже простолюдинам вроде меня и моих товарищей, которым в жизни сильно не повезло.

— Я не знал, что простой народ так любит своего короля, — заметил король.

— Ага, мы любим нашего короля, — подтвердил Лампкин, утирая слезу. — Мы бы все помогли ему, если б могли, но что мы можем?

— Сам я никогда не слышал о заговоре. Ты уверен, Лампкин?

— Уверен? Да про ихний план все кругом толкуют, кроме самого короля!

— В этих местах я недавно, — сказал король. — Расскажи мне, что знаешь.

— Наверняка не знаю ничего, но слухи ходят уже несколько дней. Говорят, Его Величество король тайно покинул безопасную территорию дворца. Говорят, его враги сразу воспользовались этим и, что называется, взялись за дубинки. Говорят, его враги собираются сделать то, чего сам король делать ни в коем стучае не желает.

— Но что сделать? И кто эти враги?

— Увы, слухи еще не настолько подробны. Но почему бы тебе не спросить у оракула? Тут есть одна цыганка за углом, не хуже других. И если она скажет, что правды в моих словах ни на грош, то, значит, я больше не Лампкин.

— Эй, служанка, подай еще вина, — сказал король, вставая. — Ждите меня здесь, друзья, я скоро вернусь.

Глава 9

Завернув за угол, он сразу увидел вывеску, гласившую: ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ОРАКУЛ. ЧУДЕСНЫЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ В ПРИСУТСТВИИ ЗАКАЗЧИКА. ПРИНИМАЕТСЯ ЛЮБАЯ ВАЛЮТА. «Кажется, я увяз в этом приключении куда глубже, чем рассчитывал, — подумал король. — Однако же, не сбеги я из дворца, коварный заговор упал бы мне на голову, как черепица с крыши».

Не исключено, подумал он также, что все слухи о заговоре базируются лишь на его отсутствии во дворце. Но это уж слишком глупо, и король решительно отмел сомнения.

Студия оракула помещалась в угловом магазинчике, витрина его была завешана ярким лоскутным одеялом. Еще в витрине стояла клетка, где сидела птичка с зелеными крылышками и красной грудкой, которая весело защебетала, когда король отворил дверь. Внутри он увидел на стенах множество неважных литографий, преимущественно религиозного толка. За низким прилавком на высоком табурете сидела женщина и читала толстенький растрепанный том под названием «МЕЖЗВЕЗДНЫЙ ЦЫГАНСКИЙ ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ». Увидев короля, она отложила книгу и деловито произнесла:

— Итак, мой драгоценный, что я могу для тебя сделать?

— Мне нужны чудесные разоблачения, — сказал король.

— По какой части?

— Если ты настоящий оракул, — сказал король, — узнай сама.

Цыганка улыбнулась. Лицо у нее было желтое и морщинистое, и все-таки король не мог не заметить, что некогда эта женщина была изумительной красавицей.

— В первую голову мы решим проблему оплаты, — заявила она.

— Если ты настоящий оракул, — заметил король, — то должна бы знать, что я щедро оплачу твои услуги. Если результат меня удовлетворит.

— Ишь ты, умник, молодой, да ранний, — сказала цыганка не без одобрения. — Что ж, пройдем в заднюю комнату и приступим к делу.

В задней комнате стояла софа с наброшенным на нее претенциозным шелковым покрывалом в попытке придать заведению оттенок высокого класса, столь ценимый озабоченными клиентами. В клетке сидел попугай, он спал или притворялся, что спит. Стены украшали грубо начерченные пентаграммы и рекламный календарь от «СУПЕРСОЕВЫХ ПРОДУКТОВ», на полках виднелись таинственные ведьмовские причиндалы и стеклянные

банки с растворами и травами, покрытые мохнатой пылью, пожалуй со времен Сигизмунда Неуверенного. Толстая черная свеча самовозгорелась, когда они вошли, а из черного динамика понеслись записанные с нелинейными искажениями звуки джунглей. В углу сидела на корточках приземистая хромированная машина, радужные переливы гуляли на ее блестящих боках. Надпись на переднем щитке машины уведомляла: ФАМИЛИАР ОРАКУЛА. ВТОРОЙ КЛАСС.

— Посмотрим, что скажет наш Фамилиар, — пробормотала провидица. — Будь так любезен, дорогуша, положи свои пальчики вон в те углубления... Правильно. А теперь расслабься.

Король поместил свои пальцы куда было сказано и через секунду погрузился в глубокий сон. Цыганка ущипнула его за ухо, чтобы окончательно убедиться, и обратилась к Фамилиару:

— Кто он такой?

Машина вытянула из своего брюха провода, заканчивающиеся резиновыми присосками, и закрепила их на челе и правой руке короля, приговаривая: «Отлично, превосходно, а потом мы включим электричество». Голубая искра заплясала по проводам, и король слегка вздрогнул. Фамилиар выдвинул телескопический глаз и считал показания циферблатов на своей грудной клетке. Глаз изумленно моргнул два раза, машина повторила процедуру и снова поглядела на циферблаты. Потом глаз медленно втянулся назад в шасси.

— Ну что там у тебя? — нетерпеливо сказала цыганка.

— Ты все равно не поверишь.

— Да что ты? А ты попробуй.

— Но думаю, что тебе понравится.

— Ладно, выкладывай.

— Конечно, хозяйка. Ты уже подготовилась морально?

— Давай валяй, сбивай меня с ног. Ну?

— Ладно, когда этот молодой человек сидел перед тобой, а ведь он очень хорош собой, со своей белокурой бородкой и сияющими голубыми глазами, которые сейчас, увы, закрыты, и сложен он очень недурно, и я знаю, ты была бы не прочь познакомиться с ним поближе, но думаю, мне надо предупредить тебя заранее, что ничего не получится, поскольку... Ну ладно, ладно, я сокращаю эту длинную историю, а ведь ты знаешь, хозяйка, я могу рассказывать ее целую вечность, словом, этот юноша не кто иной, как сам король.

— Что? Что ты говоришь? Какой еще король?

— Наш, разумеется.

— Ты говоришь о короле бесконечного пространства?!

— И ни о ком ином.

— Ты уверен? Или специально морочишь мне голову?

— Хозяйка, в моем процессоре такие мысли и не ночевали! Я честно аккредитованный Фамилиар, и очень неплохой, хочу заметить в скобках. Говорю тебе, этот юноша — наш законный король, король бесконечного пространства, и это столь же верно и неопровержимо, как то, что боги создали кислые зеленые яблочки.

Провидица глубоко задумалась.

— Он пришел сюда с какой-то проблемой, — сказала она наконец.

— Да, хозяйка. Король только что услышал, что против него созревает заговор, и пожелал узнать подробности.

— Например, о заговорщиках?

— Увы, это скрыто даже от меня.

Странные мысли заклубились в голове цыганки, и она внезапно вспомнила, что давно не навещала мать. Женщина покачала головой в раздражении. Сейчас не время думать о своей или еще чьей-нибудь матери. Такая потрясающая возможность и одновременно смертельный риск... Провидице не нужна была помощь Фамилиара, дабы ясно узреть, что тут замешаны барон Корво, и Королевский Посланец Шиш, и даже Робин, нареченная невеста короля. Но это еще не все! Клубящиеся в ее мозгу флюиды постепенно сформировали фигуру совершеннейшего незнакомца. Кого-то, кто сыграет огромную роль во всем происходящем. Еще секунда... и она ухватила имя: ТОМ КАРМОДИ.

— Что ты там увидела? — спросил Фамилиар.

— Тебе это знать необязательно, — отрезала цыганка. — Как обстоят дела с твоими способностями к модификации кратковременной памяти?

— Они всегда к твоим услугам, хозяйка.

— Тогда за дело. Сотри у короля всю память о том, что он приходил сюда, и кликни парочку домовых, пускай снесут его в переулок на задах. Проснувшись, король вернется к своим разбойничкам в таверну, и на этом для нас все благополучно закончится.

— Но почему бы не рассказать королю, что его ожидает? — спросил Фамилиар.

— Потому что я не вижу в том смысла, — сказала цыганка. — Этот заговор невероятно сложный и еще только-только начался. Зачем нам душить его на корню, не давая возможности расцвести? Гораздо полезнее, чтобы король не подозревал, какие неприятности его ожидают. А если он что-то и узнает, так уж точно не от меня.

Глава 10

Никогда в жизни король так не веселился. Денежки звенели в его карманах, и кругом было множество простых людей, его собственный народ, который надо развлекать. «Эй, хозяин! — кричал он громогласно. — Все, что есть самое лучшее, — для моих друзей!» В своем великодушии он пригласил присоединиться к пиру всю таверну. Послал служанку за трещотками, бубнами, дудками, хлопушками, свистульками, кастаньетами, надувными шарами, клоунскими носами, дурацкими колпаками и золотыми звездочками, которые можно налеплять на лицо. А после, заказав еще еды и вина, послал за танцовщицами из кабаре и мальчиками из балетной школы, дабы потрафить всем вкусам. Когда почтеннейшая публика потребовала от него речь, король охотно встал и произнес.

— Кто такой король? — вопросил он в лучшей риторической манере. — Священное олицетворение безличного принципа отцовской власти! Днем и ночью беспокоится король о счастье своих подданных и что же получает взамен? О нет, увы, не удовольствия, их не существует для Отца Народа, тяжкие труды и беспрестранные заботы его удел. Сама Любовь и само Милосердие воплощены в одном-единственном короле, и что же получает этот человек от мира за свои усилия? Да хренушки, вот что я вам скажу!

Сей спич был вознагражден бурной овацией, а сам король был весьма удивлен тем, что слетело с его собственных уст, ибо в действительности имел совершенно противоположное мнение. Но так уж устроен человек — когда муза красноречия овладевает его воспаленным рассудком, он чаще всего говорит не то, что думает, а то, что красиво звучит.

Растроганный Лампкин подошел к нему со слезами на глазах и сказал, шмыгая расплющенным носом с широкими ноздрями, откуда вызывающе торчали обильные черные волоски:

— Ох, такой прекрасной речи я в жизни своей не слышал, пока не встретился вот с этим молодым джентльменом! Друг мой, я приберег для тебя сюрприз, не скажу какой... Когда увидишь, сам догадаешься.

Розоперстая Заря уже успела показать перламутровые ноготки винно-темному морю (как пропел наш всеобщий вдохновитель, хорошо известный в Галактическом Центре поэт, универсальный Гомер), когда более чем захмелевший король вскарабкался по лестнице в комнатушку под самой крышей, предоставленную ему хозяином гостиницы. Едва добравшись до кровати, он блаженно растянулся, но тут же резко сел, заметив на стуле в углу зловещую темную фигуру.

— Кто ты? Что тебе надо?

Фигура встала и откинула капюшон плаща, явив королевскому взору сухое, суровое и властное лицо женщины средних лет.

— Я тот сюрприз, который обещал тебе Лампкин! Я пришла от Комитета по сохранению монархии. Мы узнали про тебя от Лампкина, который телепатически передал нам свое личное убеждение, что ты готов на все от тебя зависящее, дабы навеки сохранить монархию в Галактическом Центре.

— Надо же, как мило с его стороны, — пробормотал польщенный король.

— Мы всецело полагаемся на Лампкина в вербовке сторонников, — сказала женщина. — Этот разбойник всегда прав, хотя и в чисто негативном смысле, что никоим образом не обесценивает его рекомендаций.

— Что значит — в негативном смысле? — удивился король.

— Каждый раз, когда Лампкин полагает, что отыскал идеального конспиратора, придерживающегося пылких роялистских убеждений, эта персона на деле оказывается ярым противником тех принципов, какие декларирует публично.

— Как, и ты полагаешь, что я...

— У меня нет сомнений. Лампкин в своей легковерной наивности еще ни разу не ошибался! Кроме того, я Искательница Истины и заглянула глубоко в твою душу, узрев в ней самые неподдельные республиканские сантименты.

— Боюсь, я не понимаю цели твоего визита.

— Что тут надо понимать? Ты именно тот человек, который нужен Комитету.

— А вот теперь я вообще ничего не понимаю!

— Тебе сразу все станет ясно, когда ты сообразишь, что для эффективной работы подпольной организации само название ее должно вводить в заблуждение непосвященных.

— Значит, ваш Комитет вовсе не за монархию?

— Ты быстро соображаешь, юноша. На самом деле мы не что иное, как Революционный Совет, который поставил своей целью полное и окончательное уничтожение монархического строя, включая и генеральный принцип аристократического элитаризма.

— И ты считаешь, что я всецело разделяю взгляды вашего Революционного Совета?

— Мы в этом совершенно уверены. Обозри всю свою жизнь заново проницательным взглядом, и ты сам убедишься.

Прежде королю никогда не приходило в голову сформулировать собственное мнение о монархии. Но теперь, когда он вовсю наслаждался новообретенной независимостью, когда вживе смог представить, как бы ему, Ральфу, не понравилось, заставь его сейчас служить другому королю... Он понял, что Искательница Истины абсолютно права. Да, он страстно ненавидит саму идею монархии и готов сделать все, что в его королевской власти, чтобы положить ей конец!

— Похоже, я ваш человек, — сказал король. — Что я должен сделать?

Женщина вручила ему клочок бумаги.

— Приходи в полдень по этому адресу. Между прочим, будет подан ланч... Здоровый республиканский ланч, а не ваши дворянско-декадентские фуа-де-гра и жюльенчики! Там ты узнаешь о наших планах и чем ты можешь быть полезен.

Сходка была назначена на аллее Святого Креста, чуть ближе к центру города, чем храм Мкенизера. Найти нетрудно. Вверх по лестнице, мимо скучающего караульного: Я ОТ ИСКАТЕЛЬНИЦЫ ИСТИНЫ! — ПРОХОДИ.

В небольшой, недурно обставленной комнате сидели на раскладных садовых стульях около дюжины заговорщиков различного возраста и пола, держа по стакану трявяного чаю в одной руке и придерживая на коленях картонные одноразовые тарелки другой. То, что находилось в тарелках, сильно смахивало на произведение больничной вегетарианской кухни.

Один из ораторов зачитал доклад: ОТВРАТИТЕЛЬНЫЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ. Другой сообщил собравшимся последние новости, состоявшие в том, что король необъяснимым образом покинул дворец, и с тех пор его никто и нигде не видел. Источником этой информации был персональный дезинтегратор барона Корво, который аккуратно просматривал всю корреспонденцию, прежде чем измельчить ее в бумажное пюре, и передавал Ревсовету самые животрепещущие абстракты.

Новости показались заговорщикам интересными. Если король пропал — а кажется, так оно и есть, — возникли совершенно беспрецедентные возможности. Правда, никто толком не понимал, что с этими возможностями делать. Король долго слушал, слушал и слушал, а потом встал и попросил слова.

— Я тут новый человек, — сказал он, — и даже не мечтал о том, чтобы выступить с речью. Но мне приходится напомнить товарищам по борьбе, что настало время не речей, а действий. Мы обязаны ударить прямо сейчас! Чтобы с корнем искоренить проклятые плевелы абсолютизма!

— А что ты конкретно предлагаешь? — спросил кто-то из старших товарищей.

— Слушайте меня внимательно. Я предлагаю вот что...

Король заговорил быстро, отрывисто, четко, с захватывающей искренностью и страстью. План новичка был принят Ревсоветом на ура и рекомендован к незамедлительному исполнению.

Глава 11

Барон Корво пребывал в одном из своих секретных убежищ. С тех пор как барон стал шефом Секретной полиции, он занялся изучением таинственных секретов Секретности и полюбил ее ради собственного блага. Корво был автором популярных трудов, из коих наибольшей популярностью пользовалось «ВВЕДЕНИЕ В СЕКРЕТНОСТЬ ДЛЯ ДИЛЕТАНТОВ», а также «ИСТОРИЯ СЕКРЕТНОСТИ». Последним явился в свет нашумевший бестселлер «ВЕЛИКИЕ СЕКРЕТЫ РАЗОБЛАЧЕНЫ!», где автор охотно раскрывал чужие тайны, разумно умалчивая о своих. Все эти книги были изданы, понятно, под псевдонимами.

В качестве персональных секретных местечек барон использовал разнообразные дома, апартаменты и даже целые астероиды. Все засекреченные места были известны лишь самому Корво и защищены хранившимся в его мозгу автокодом, который имел весьма удобное свойство дезинтегрироваться, если его носитель вдруг окажется в руках врага.

Сейчас барон находился в небольшой, со вкусом меблированной секретной квартирке под самой крышей здания Галактической Оперы, где он обычно — под псевдонимом, разумеется! — развлекался с прославленными красавицами, которых ему доставляли регулярными космическими рейсами из Голливуда. Тот факт, что эти женщины никогда не назывались настоящими именами, ничуть не смущал барона, который столь же уважал чужую тягу к Секретности, как и свою.

Барон сидел в большом мягком кресле, читая пиратскую копию послезавтрашнего еженедельного выпуска ГАЛАКТИЧЕСКИХ НОВОСТЕЙ, когда из стенного шкафа раздалось негромкое мурлыканье. Сработала его персональная система тревожного оповещения, сигнал которой, по личному распоряжению Корво, был замаскирован под звуки, издаваемые довольным котом. На тот случай, если у хозяина в тревожный момент окажутся гости, которые ни в коем случае не должны догадаться о нарушении Секретности.

На сей раз его гостья (роскошная зеленоглазая блондинка, которая представилась Анной О'Дойл) уже полчаса как ушла, так что барон мог спокойно открыть шкаф, отключить сигнал и выяснить причину беспокойства. Она заключалась в том, что астероид Ирредецию атакует неопознанная сила. Тревога прозвучала не зря, поскольку все секреты Корво находились на Ирредеции. В особенности те, что касались управления Галактическим Центром, включая такие детали, как список чиновников, коим необходимо дать на лапу (и по скольку), когда кто-нибудь, в случае

непредвиденного отсутствия короля, вынужден будет попытаться взойти на трон.

Корво поспешно отдал приказ, и полк Секретной Гвардии — всегда в боевой готовности! — молниеносно вылетел к астероиду. Барон спокойно ждал, посасывая бодрящий батончик «МАРС». Через пять минут в эфире раздался отчаянный голос полковника:

— Мы опоздали, господин барон, опоздали! Астероид взят, все файлы украдены! О-о-о, ваши драгоценные секреты! Все пропало, господин барон, все пропало!

— Благодарю за службу, — сказал барон Корво. — Я еще свяжусь с вами, полковник. И не волнуйтесь так, у меня есть запасной план.

Секретный астероид в действительности был частью его хитроумного плана. Враги захватили лишь гору банальностей, замаскированных под секреты, и тем самым предупредили Корво о грозящей опасности. Он давно этого ожидал и хорошо знал, что надо делать: тот, кто избрал Секретность своей профессией, благоразумно предусмотрит все возможности и выходы! В сущности, Природа не терпит секретов, как и пустоты, разве что это ее личные секреты.

Глава 12

На улице раздались два нетерпеливых гудка. Это было такси, приехавшее доставить Молли в аэропорт. Она летела в Санта-Розу, Калифорния, чтобы провести уикенд со своей любимой тетушкой Агатой, которая только что вернулась из Англии после пятилетнего отсутствия.

— Ты справишься? — озабоченно сказала Молли.

— Конечно, со мной будет все в порядке, — заверил Том Кармоди.

— Про инструкции не забыл?

Том кивнул и похлопал по нагрудному карману, куда он положил листок с инструкциями. Молли напечатала их в шести экземплярах и разложила остальные пять в различных стратегических пунктах дома, ведь Том всегда был такой рассеянный.

Том махал рукой вслед такси, пока оно не скрылось из виду. Потом вернулся в дом, прошел на кухню и сел за кухонный стол. И что теперь делать? Это был первый уикенд без Молли за весь десяток лет супружеской жизни, и Том просто не знал, куда себя девать. Он был свободным писателем, работал дома, устроив кабинет в подвале, и на данный момент сроки сдачи книг его не поджимали.

Том сварил себе кофе и выпил. Потом он услышал, как вход-

ная дверь отворилась и некто вошел в гостиную. «Молли?» — позвал он неуверенно, но некто не ответил, и Том решил вести себя так, словно ничего не произошло. Он снова услышал посторонние звуки, и теперь это были шаги. Глухие, плоские, странно пришаркивающие. Совсем непохожие на шаги Молли. А ведь он надеялся, что жена вернется, не желая — или устыдившись — оставить мужа одного на весь уикенд.

Напрасная надежда.

Нет, это были шаги кого-то, кому здесь совершенно нечего делать.

Том без особой убежденности подумал, что с нежелательной персоной придется разобраться, то ли ему, но лучше кому-нибудь еще.

Голос в соседней комнате сказал: «Здесь есть кто-нибудь?»

И Том наконец догадался, что разбираться придется самому.

Он вышел в гостиную и увидел невысокого человечка в сверкающей одежде. С первого взгляда Тому показалось, что это определенно не землянин. Тоже не слишком приятно, подумал он, но по крайней мере, не придется иметь дело с грабителем или сумасшедшим.

— Я Шиш, — заявила нежелательная личность.

— О, — вежливо откликнулся Том.

— Как твое имя?

— Том Кармоди.

— Тогда все в порядке, — кивнул Шиш. — Надеюсь, ты не против?

— Против чего, собственно?

— Чтобы отправиться со мной и повидаться с королем.

— Господи ты боже мой... Что еще за король?!

— Король бесконечного пространства, разумеется.

— И он желает со мной повидаться?

— Само собой, иначе бы меня здесь не было.

— Черт побери, но зачем?

— Его Величество не просветил меня на сей счет, — ответил Шиш с неприкрытым сарказмом.

— И где живет король бесконечного пространства?

— В своем дворце в Галактическом Центре.

— А как выглядит этот Галактический Центр? — заинтересовался Том.

— О! Галактический Центр... шмогрош.

— Послушай, ты не мог бы употребить человеческое слово?

— Невероятен. Подойдет?

— Невероятен в каком смысле?

— Да почти во всех.

— Так мы ни к чему не придем, — заметил Том.

— Если ты хочешь прийти куда-нибудь, скажи мне «да», и мы отправимся в Галактический Центр. Или скажи мне «нет», и тогда мы оба займемся своими собственными делами.

— Ну ладно, ладно, я согласен, — ответил Том, чем сильно удивил сам себя.

— Ну наконец-то, — вздохнул Шиш и обхватил его длинной костлявой рукой.

И они взлетели, пройдя сквозь потолок, сквозь крышу, и устремились в высокое-высокое небо.

Глава 13

Том висел на спине Шиша, который взбирался на руках по канату, протянутому через потолок и крышу дома прямо в воздух. Шиш карабкался уверенно, все выше и выше, пока Земля не стала казаться детским бело-голубым мячом далеко-далеко внизу. Они продолжали взбираться, пока не добрались до большого, слабо светящегося серого шара, через который проходил их канат.

— Проклятие! — сказал Шиш и остановился.

— Что случилось? — поинтересовался Том.

— На моей линии сформировался пространственный пузырь.

— Что такое пространственный пузырь?

— Перламутровидная субстанция, которая формируется на канатах при определенных климатических условиях.

Том поглядел через плечо Шиша и увидел довольно крупный серый шар, отливающий перламутром; канат проходил через него насквозь.

— Ты можешь его как-нибудь обойти?

— Не проблема, но мне придется воспользоваться моим специальным оборудованием.

Шиш вытащил из кармана несколько серповидных, зазубренных металлических крюков и приладил их к ступням с помощью ремней, которые достал из другого кармана.

— Этими штуками я могу цепляться за круто изогнутую поверхность, — объяснил он Тому. — Они называются крутоны[1]. — У нас их называют «кошками», — заметил Том.

— И все-таки они крутоны!

— А как же тогда у вас называют сухие кусочки хлеба, которые бросают в бульон?!

— Сейчас не время для компаративной лингвистики, — буркнул Шиш. — Лучше сперва доберемся до корабля.

Торопливо форсировав пространственный пузырь, он про-

[1] Croutons *(фр.)* — гренки.

должил восхождение, а Том продолжал висеть на его спине. Теперь, когда у Шиша на ногах были «кошки» (или крутоны), они стали двигаться гораздо быстрее.

Канат все так же тянулся высоко вверх, исчезая в чернеющем небе, но через некоторое время Том разглядел плавающий в вышине миниатюрный космический корабль в форме слезинки. Вскоре они добрались до входного люка, Шиш вошел внутрь и помог войти Тому. Затем он быстро смотал канат в бухту и убрал в стенной шкафчик.

Покончив с этим, Шиш сделал жест, и люк закрылся. Посадив Тома в кресло, он сел в другое и снова махнул рукой: на Тома навалилось внезапное ускорение.

— Задержи дыхание, — сказал ему Шиш, нажимая на кнопку. — Мне еще нужно выбросить наружу вакуум, чтобы закачать воздух.

Послышалось громкое шипение, повеял ветерок, и вскоре в кабине появилась атмосфера. Она припахивала тушеной капустой и застарелым табачным дымом.

— Они забыли дезодорировать воздух, — скорчил гримасу Шиш. — Совершенно недопустимо! Держи, это тебе понадобится, — сказал он, доставая из шкафчика некий предмет и вручая Тому. — Надень.

— Что это?

— Футуристически ориентированный безынерциальный адаптационный регулируемый пояс безопасности.

— А для чего он нужен?

— Именно для того, что перечисляется в его названии. Этот пояс поможет тебе адаптироваться к футуристическим шокам.

Том застегнул адаптационный пояс и сразу почувствовал себя комфортно. Теперь он заметил, что в подлокотник кресла вмонтированы пепельница и зажигалка.

— Приятно видеть, — обрадовался Том и полез в карман за сигаретами.

— Благодарю вас, взаимно, — откликнулась пепельница. — Так одиноко, знаете ли, быть одушевленным созданием, которому не с кем поговорить. Разве что с мисс Зажигалкой, но она, бедняжка, отнюдь не блещет умом.

— Эй, что ты там несешь? — возмутилась зажигалка.

— Это была шутка. Я просто стараюсь развлечь нашего долгожданного гостя, — объяснила пепельница. — Он может поучаствовать в нашем диспуте.

— Но как же ты разговариваешь? — удивился Том.

— Простите, не поняла? — удивилась пепельница.

— Я заметил, у тебя нет никаких движущихся частей.

— Искренне надеюсь, что нет. Зачем бы это пепельнице чем-нибудь двигать?

— Но как же ты издаешь звуки?

— Ах, вы об этом? Я просто вибрирую.

— О, — сказал Том. — Я должен был сам догадаться.

— Во всех вещах всегда есть какой-нибудь трюк, — заметила пепельница. — К нашему диспуту это также относится.

— И какова же тема вашего диспута?

— Мы спорим о природе Вселенной.

— Это как раз то, в чем я совершенно ничего не понимаю, — сказал Том.

— Тем лучше, как раз это и делает вас бесстрастным арбитром, — заметила пепельница. — Что ж, начну первой! Я полагаю, что Вселенная балансирует на спине очень маленького краба с очень-очень твердым панцирем.

— И?.. — вопросительно поднял брови Том.

— Что за странный вопрос? Это все.

— А что же было до краба?

— Я еще не закончила исследование проблемы.

— Но почему краб?!

— А почему не краб?

— Почему не что-нибудь еще?

— Еще что-нибудь никогда ни к чему не подходит.

— Тогда почему краб маленький?

— Обоснование данного тезиса будет представлено в надлежащее время.

— О! — произнес Том, не зная, что сказать.

— Но я придерживаюсь иной позиции, — поспешно вмешалась зажигалка. — Я утверждаю, что спорное создание является броненосцем средней величины.

— Это неслыханно! — запальчиво вскричала пепельница.

— Не связывайся ты с ихними диспутами, — посоветовал Шиш из пилотского кресла.

— Мы уже летим? — спросил его Том.

— Ага, уже несколько минут.

— И сколько продлится путешествие?

— Не слишком долго. Сейчас мы пробьем световой барьер... Хоп! Готово.

— Вот это да! — восклинул Том в восторге.

— Ничего особенного, — сказал Шиш. — Через пару минут мы пробьем мысленный барьер, вот это уже будет покруче. Хоп!!! Ну а теперь гляди, мы уже почти на месте...

Том поглядел в выпуклый суперперплекс иллюминатора и увидел, как величаво и плавно вращается в пространстве Галактический Центр. Колоссальный сферический конгломерат был

очень похож на шаровую туманность, но только твердый и не такой горячий, и вольно парил, судя по его амплитуде, точнехонько в самом центре нашей Галактики.

— Боже мой, — вымолвил Том.

— Впечатляет, правда? — подхватил Шиш. — Тысячи раз я сюда возвращался, и каждый раз перехватывает горло, понимаешь?

Глава 14

Они влетели в Галактический Центр сквозь быстро густеющую тучу свободно парящих в пространстве массивных зданий. Это было совсем не похоже на любой город, какой Том когда-либо видел. Странные виды транспорта во множестве мельтешили в воздухе и молниями проносились по земле. Висящие и стоящие строения демонстрировали невероятное разнообразие форм и конструкций, включая полиморфические экземпляры, окрашенные в ослепительно яркие цвета. У Тома закружилась голова, когда их космический корабль пронесся с головокружительной скоростью над целым роем таких полиморфов. Другие космические корабли шныряли вокруг них во всевозможных направлениях, не говоря уж о том, что кое-какие дома и сами резво перемещались, внося достойный вклад во всю эту путаницу.

Шиш направил корабль к земле, и сразу же они угодили в сутолоку воздушных машин, которые неслись прямо на них отовсюду, но в последний момент чудесным образом уклонялись, применив какой-то непостижимый маневр. Их корабль продолжал спускаться, и Том узрел титаническую площадь, над которой доминировало колоссальное здание, возведенное в ее дальнем конце. Они подлетели еще ближе, и до Тома дошло, что перед ним Великая Матерь всех парковок с открытыми проемами: одни космические корабли стремительно влетали внутрь, другие столь же стремительно вылетали наружу, едва избегая лобовых столкновений.

— Как это им удается? — спросил Том.

— В нашем Космопорте хватает проблем, — сказал Шиш. — Но аварийность среди них не числится.

Влетев в здание, корабль на секундочку завис, и Шиш неторопливо опустил его в свободную кубическую ячейку. Потом он вывел Тома через задний люк, и они спустились на первый этаж на эскалаторе.

— Регистрация и таможенный контроль вон там, — сказал Шиш и повел Тома к большому административному зданию, выдержанному в голубых и бежевых тонах. Они поднялись на лифте на 26-й этаж, и Шиш отворил одну из дверей, что направо.

Том обнаружил себя в приятно обставленном офисе. За письменным столом сидел человек в черной униформе с золотыми блестками, он посмотрел на них и кивнул.

— Это Том Кармоди, — объяснил Шиш, — он прибыл с Земли.

— Паспорт, — сказал чиновник, протягивая руку.

— Боюсь, что не прихватил его с собой, — покаялся Том.

— Не проблема, — сказал чиновник. — Взгляните мне в глаза! Ну что ж, хорошо, я вижу, у вас действительно есть настоящий паспорт, хотя и не здесь. Этого достаточно. Добро пожаловать в Галактический Центр! У нас бывает не так уж много народу с Земли, уверен, вам будет о чем порассказать своим прихлебателям.

— Моим прихлебателям?..

— Простите, я хотел сказать, приятелям. Знаете ли, ваш староземной довольно сложен для уроженцев Центральной Галактики! Ладно, сейчас мы подключим вас к системе. Расстегните рубашку, будьте так добры.

Том был несказанно изумлен, когда чиновник сунул руку в его грудную клетку и извлек наружу перепутанный клубок тонких люминесцирующих нитей.

— Боже, что вы вытащили из меня?!

— Нервные коммуникации вашего тонкого тела.

— Господи, я даже не знал, что у меня есть такое.

— Тонкое тело есть у каждого. Это карта вашей энергетической системы, и ее можно подсоединить к другим системам, с помощью которых оперирует Галактический Центр. Потом мы вручим вам Сертификат Одобрения, и можете гулять где угодно.

Чиновник ухватился за тоненькую нить энергии, исходящую из тонкого тела Тома Кармоди, и принялся осторожно разматывать, стараясь не повредить.

— Это активная точка Кастанеды, — объяснил он. — Через нее мы свяжем вас с городскими системами.

— Да-да. Но что же представляет собою тонкое тело?

— А вы еще не поняли? — удивился чиновник. — Энергетическое поле, все точки которого находятся во взаимно-однозначном соответствии с точками физического тела. Ваше тонкое тело сыграет роль посредника между вашей биоматерией и Галактическим Центром.

— О! — промолвил Том.

— А вот и ваш Сертификат Одобрения, — сказал чиновник, вручая ему медного цвета дисковидную бляху размером с серебряный доллар. Когда Том взял ее, бляха проворно взбежала по его руке и уцепилась за плечо.

— Не волнуйтесь, — сказал чиновник, — Сертификат никогда не теряется.

Тяжелый металлический диск свисал с плеча Тома на крошечных острых зубах, ухватившись очень крепко, но не больно.

— А как же мне теперь менять рубашку?

Шиш с чиновником дружно расхохотались.

— Какая очаровательная провинциальность, — доверительно сказал чиновник Шишу и обратился к Тому: — Сертификат Одобрения всегда готов вас освободить, если вам вздумается принять душ или переменить рубашку. Это полусознательное существо, знаете ли, глупым его никак не назовешь.

— Но зачем он вообще нужен?

— Сертификат означает, что вы приняты городом и пользуетесь всеми правами гражданина Галактического Центра.

— Я полагал, что ими пользуются все жители.

— Конечно, — сказал чиновник. — Абсолютно все, кого мы знаем. Но мы стараемся защитить себя от тех, о ком мы ничего не знаем.

— Как, у вас есть и такие?

— Чужаки.

— Вы хотите сказать, что здесь появляются чужаки?

— Со всей определенностью. Они выдают себя за горожан, но Сертификата Одобрения у чужаков не бывает. Поскольку все Сертификаты выдаются только в этом офисе.

— А как насчет подделок?

— До этого чужаки пока не додумались. Не так уж они, знаете ли, умны. До свиданья, мистер Кармоди, желаю вам хорошо провести время в нашем Галактическом Центре. Ведь вы турист, как я понял?

— Том прибыл, чтобы повидаться с королем, — сказал Шиш.

— В самом деле? Чья идея, его или короля?

— Король просил его приехать.

Чиновник внимательно поглядел на Тома Кармоди.

— В таком случае он должен быть важной персоной. Желаю удачи, молодой человек!

Глава 15

Они вышли из административного здания и пошли дальше по городским улицам.

— Мы прилетели раньше, чем ожидалось, — сказал Шиш. — Есть время немного перекусить.

Он привел Тома к пристойно выглядящей таверне на тихой улице. Хозяйка усадила их за угловой столик, откуда открывался прекрасный вид на заросший лилиями пруд. Официант принес меню.

— Утка под прессом здесь очень хороша, — посоветовал Шиш.

Прекрасная цветная фотография в меню, изображающая порцию утки со сложным гарниром, произвела впечатление на Тома, и он кивнул. Официант сделал отметку в блокноте и удалился. Потянулось время. Шиш выглядел довольным, но Том занервничал.

— Когда мы наконец поедим?

— Мы уже начали. Разве ты не чувствуешь?

— Я думал, это какой-то газ.

Шиш изумился.

— Ничего подобного, друг мой! Такое впечатление производит еда, когда заходит внутрь.

— Внутрь... меня?

— Я думал, ты все уразумел, когда подключили твое тонкое тело. Теперь ты связан с городской системой жизнеобеспечения и твои пищевые потребности удовлетворяются автоматически.

— Это я понял, но когда же мы приступим к еде?

— Я как раз и пытаюсь тебе объяснить. Кормление происходит автоматически. Пища никогда не поедается в той манере, к которой ты привык.

— Значит, мы вообще не будем кушать?

— Мы визуально наслаждаемся картинками, — терпеливо разъяснил Шиш, — пока наши пищевые нужды автоматически удовлетворяются. Попросить официанта снова принести меню?

Том покачал головой и сказал:

— Есть мы, как я понимаю, не собираемся. Зачем же мы пришли в ресторан?

— Чтобы убить время, — сказал Шиш. — Я ведь тебе говорил, мы прилетели слишком рано.

Странное выражение появилось на лице Тома, и он спросил:

— Не хочешь ли ты сказать, что я уже покушал?

— Именно так, мой дорогой мальчик, именно так.

— Но я же ничего не почувствовал!

— Должно быть, ты просто не обратил внимания.

— На что?

— На вкус автоматической еды, проходящей в желудок.

— Ну, знаешь ли, такое бы я заметил.

— Необязательно, — заметил Шиш. — Пища поступает предварительно разжеванной, разумеется.

Том невольно содрогнулся.

— На самом деле очень приятное питание, — сказал Шиш, — уверяю тебя. Может, тебе удастся реконструировать процесс по памяти?

— Нет уж, спасибо, — отрезал Том.

— Не стесняйся, попробуй. Сейчас ты уже должен бы ощутить насыщение.

И это действительно произошло. Внезапно, без всякого предварительного предупреждения, желудок Тома оказался переполненным, а небо ожило, смакуя непривычное, но чем-то знакомое послевкусие.

— Как странно, — сказал он, обследовав себя изнутри. — У меня такое чувство, словно я набит под завязку.

— Иногда бывает при автоматической еде, — пожал плечами Шиш.

Глава 16

Том, должно быть, задремал после слишком плотного автоматического обеда, поскольку немного погодя кто-то потряс его за плечо.

— В чем дело? — недовольно пробормотал Том. — Я еще не закончил спать.

— Очнись, срочно требуется твоя помощь, — сказал Шиш. — Чрезвычайное происшествие!

Том поморгал и выпрямился. Да, он по-прежнему сидел за столиком в ресторане, а напротив него сидел Шиш с озабоченным выражением на лице.

— Какая помощь? Что произошло?

— Только не впадай в панику. У нас возникли проблемы с иммунной системой.

— Моей?!

— Да нет, городской.

— А что могло случиться с городской иммунной системой?

— Разве ты не почувствовал? По городу циркулирует нечто чужеродное без Сертификата Одобрения. Мы должны уничтожить чужака.

— Не понимаю, с какой стати, — сказал Том. — И при чем тут я?

— Как я уже объяснял тебе, все жители, имеющие Сертификат Одобрения, подключены к иммунной системе города, которая постоянно заботится о том, чтобы ни одно разумное существо, чуждое Галактическому Центру, не имело возможности свободно в нем циркулировать.

— Почему бы просто не сказать чужаку, чтобы он убрался подальше?

— Иммунная система работает по иному принципу. Если в городе обнаружена чужеродная материя, ее немедля должны атаковать все приписанные к городу формы жизни, включая и тебя,

ради сохранения нашего Галактического Центра, который хранит всех нас. Это первейший долг каждого гражданина!

— Что за чужак? Как он попал сюда?

— Это не наше дело. Все, что нужно, мы уже знаем. А именно, что неодобренная форма жизни слоняется вблизи данного сектора и все горожане, включая нас, обязаны атаковать ее и уничтожить.

— Но оно мне ничего не сделало! — воскликнул потрясенный Том.

— Иммунная система руководствуется не эмоциями, а соображениями безопасности. А ты, между прочим, входишь как составная часть в Галактическую Систему Антител.

— Не знаю, смогу ли я уничтожить кого-нибудь, кого я даже не знаю, — пробормотал Том.

— Мотивация тут абсолютно ни при чем. Как только ты учуешь запах чужака, твое тело сделает за тебя остальное.

Они вышли на улицу, которая внезапно наполнилась агрессивными шайками из мужчин и женщин, некоторые из них были вооружены бейсбольными битами и тяжелыми ножками от столов. Толпы маршировали по авеню и бульварам, раздраженно фыркая и издавая низкое угрожающее рычание, и, к своему изумлению, Том обнаружил, что производит те же самые звуки.

Они с Шишем присоединились к шайке горожан, обследующих один из внутренних пригородов Галактического Центра. Этот район состоял преимущественно из небольших открытых площадей, окруженных невысокими зданиями, опоясанными ажурными галереями, поэтому им не понадобилось много времени, чтобы обнаружить чужака. Выдало его розоватое сияние, пробивающееся из-за мусорных баков в глухом тупике.

— Кто это? — шепотом спросил Том у Шиша.

— Сонный. Нетрудно определить по оттенку сияния.

— Сонный? Как это понимать?

— Существо, которое навещает Галактический Центр во сне.

— А разве так бывает?

— Случается время от времени, — пожал плечами Шиш. — Разумеется, никому не дозволено видеть сны о Галактическом Центре без Сертификата Одобрения.

Сонный открыл глаза и сказал:

— Привет! Надо же, какой замечательный сон мне приснился. Здесь я чужак, друзья мои, но я дружелюбен и незлобив.

— Этот человек выглядит как любой другой, — заметил Том. — С виду совершенно безобиден, разве что туповат.

— Судить не нам, — покачал головой Шиш. — Самое главное, у него нет Сертификата!

— Не вижу вреда в том, что кто-нибудь всего лишь увидел во сне...

— Явиться сюда во сне, — перебил его Шиш, — согласно закону совершенно то же самое, что в собственном физическом теле. В действительности же сонные визиты в Галактический Центр во многих отношениях гораздо опаснее.

— Но нельзя же винить его в этом! Люди не способны сознательно контролировать свои сны!

— Прекрати, — нахмурился Шиш. — Незачем искать оправданий его поступку. Закон есть закон, он прост и защищает нас всех. Каждому, кто претендует на сны о Галактическом Центре без официального одобрения, придется смириться с последствиями.

Вместе с толпой разгневанных горожан они приблизились к сонному, который радостно улыбался, совершенно ничего не подозревая. Том опасался, что не сможет нанести первый удар, но ему и не пришлось. На запах чужака сбежалась вся округа, и первыми, ужасно рыча, набросились на него жильцы соседних с помойкой домов. Мороженщик, торговавший в этом квартале, размахивал гигантским мачете для рубки льда, продавец горячих сосисок посыпал злодея жгучим перцем и поливал ядреной горчицей. Представители иных профессий также изощрялись в смертоносных трюках, каждый на свой лад.

Жалобные вопли несчастного раздирали душу Тома, но руки его сами по себе вцепились в чужака, в то время как его разум топтался где-то поодаль, горестно причитая. Сонный яростно сражался за жизнь, но враги окружили его со всех сторон. Тогда он поспешно присел на корточки, уткнулся головой в колени, ухватился за пятки... И свернулся в круглый прозрачный объект, отыскав себе убежище в *блаженной каталепсии сна без сновидений*. В таком состоянии чужак был неуязвим для ударов, бессильных против рогового панциря его прозрачного экзоскелета.

— Рад, что мы наконец покончили с этой работой, — сказал ученик пекаря, деловито вытирая руки о замасленный фартук.

— Ну прямо дрожь пробирает, когда глядишь на эту пакость, — пожаловалась девушка из бакалеи.

— Не выношу сонных, — заявил дорожный инспектор, — вот уж чужаки так чужаки. Меня от этих мерзавцев просто тошнит!

— Все кончено, — сказал Шиш. — Мы с честью выполнили свой долг, сограждане, избавив наш город от опасного присутствия. Кто знает, какие еще сны могли ему присниться?!

Попытавшись представить вероятные ночные кошмары, толпа горожан в ужасе содрогнулась. И Том вместе с ними, поддавшись коллективной эмоции. Однако сам он не нашел в чужаке ничего отталкивающего и даже особенно чужого. Бедняге попросту

не повезло, угораздило увидеть не тот сон в неподходящее время! Но Том отнюдь не собирался обнародовать свою точку зрения, будучи новичком в Галактическом Центре, не так уж далеко ушедшим от чужака.

— И что теперь? — спросил он у Шиша.

— Надо избавиться от него и тем завершить дело.

— Но как?

— В Пламени Великого Очищения. Так мы называем свалку, где сжигают мусор. Кто-то из горожан должен отнести его туда и проследить, чтобы жертвоприношение завершилось надлежащим образом.

— Разве в Галактическом Центре нет муниципальных работников?

— Только не для чужаков. Наши мусорщики не желают иметь с ними дела, опасаясь заразы. Глупо, конечно, но что еще можно ожидать от простых, неотесанных парней?

— Кто же выполнит эту миссию?

— Привилегия предоставляется самому свежеиспеченному гражданину из присутствующих, — объяснил Шиш.

— О, — сказал Том и увидел, что вся толпа глазеет на него. — Не хочешь ли ты сказать?..

Ответ был написан на мрачных лицах окружающих.

Том кивнул, хотя ему ужасно не хотелось этого делать. Но если он откажется, то прослывет правозащитником чужаков, а дурная репутация, более чем вероятно, доставит ему кучу различных неприятностей. Он наклонился и поднял тело, заключенное теперь в твердую прозрачную субстанцию. Шар оказался удивительно легким, в центре его был хорошо виден чужак, странно скорченный и с закрытыми глазами.

— Куда надо идти?

— Видишь вон ту авеню, что сворачивает налево? Пламя Великого Очищения находится в самом ее конце. Дистанция довольно длинная, но пользоваться общественным транспортом запрещено, если несешь чужака. Впрочем, прогулка на свежем воздухе пойдет тебе на пользу! Так что в путь, Том Кармоди, а когда вернешься, найдешь меня в кафе «Эксцельсиор».

— Но разве ты не пойдешь со мной?

— Я бы с удовольствием, — сказал Шиш, — но мне только что позвонили на мой внутренний мобильник. Возникли кое-какие срочные дела. Вот мой адрес, так, на всякий случай. — Он вынул из кармана визитную карточку и вручил Тому. — На всякий случай! С тобой все будет в порядке, а я скоро вернусь. Пока.

И Том отправился в путь, держа окукленного чужака на руках. Он дошагал до поворота, на который указал Шиш, и свернул налево. Авеню оказалась очень длинной и прямой, она тянулась

ровной полосой до самого горизонта. Тому показалось, что он разглядел на самой линии горизонта пляшущие языки пламени, там-то, вероятно, и происходит Великое Очищение. Да, дистанция впечатляющая, зато найти место назначения нетрудно.

Он зашагал дальше по авеню, с обеих сторон окаймленной торговыми центрами со старой мебелью и уцененной посудой, бесчисленными складами электронного оборудования и крытыми рынками, где по дешевке распродавали подержанные космолеты. Это была ужасная улица, и Том пребывал в ужасном настроении. Он все шел, шел и шел и вдруг услышал голос, который негромко произнес:

— Ой, майн мазель!

Том огляделся. Однако на целый квартал не обнаружилось ни души, и тогда он понял, что этот голос прозвучал внутри его собственной головы. Но он не имел отношения к Тому Кармоди. Это был совсем чужой голос.

— Чужак? — позвал Том. — Это ты?

— А кто же еще? — сварливо сказал голос. — Насколько я понимаю, кроме меня, здесь никого нет. Если не считать тебя, разумеется! И не зови меня чужаком, я Шмулька. Надеюсь, я не слишком много прошу, желая услышать собственное имя?

— Но как тебе удается разговаривать?

— И что? Я окуклился, но не онемел. — Голос помолчал и тяжко вздохнул. — Ой-ой, сперва концлагерь, а теперь вот это. И что я такого сотворил? Увидел один маленький глупый сон, вот и все.

— Согласен, — сказал Том. — Мы не можем нести ответственности за наши сны.

— Таки да, вы не можете, а Шмулька может? За что меня наказали, за ночной кошмар?

— Такой здесь у них закон, — сказал ему Том, пожимая плечами.

— Ха-ха! Закон мешугене!

— Возможно, но это же их Галактический Центр.

— Конечно, конечно. А ты, значит, ни в чем не виноват.

— А что я могу поделать?

— Почему это, интересно, все говорят одно и то же? — ехидно хмыкнул голос. — Куда ты меня несешь?

— К месту Великого Очищения, — честно ответил Том.

— И что за место?

— Слишком жаркое, насколько я понимаю.

— Ничего себе начинается неделька... Торквемада, сколько ты успел спалить жидов?!

— Не надо так, Шмулька, — печально вздохнул Том. — Я тут ни при чем, это не моя идея.

— А ты бы сделал что-нибудь для Шмульки, кабы мог?

— Разумеется!

— Ну так обойдемся без Великого Очищения.

— Не вижу, как бы я смог это сделать, — подумав, ответил Том. — За мной наверняка наблюдают.

— Не проблема. Бросишь в огонь мой кокон, и никто ни за что не догадается, что Шмульки там уже нет.

— А где ты будешь?

— В твоей голове! Вознося молитву за искупление твоих прегрешений.

— Не знаю, нравится ли мне эта мысль, — подумав, ответил Том. — Обычно я никого не пускаю к себе в голову.

— Так попробуй, что тебе терять? Я буду сидеть тихо, обещаю. Ты даже не почувствуешь.

— Ну, если так... Ладно. Но с этой секунды никаких разговоров!

— Эй, а разве я что-нибудь говорю?

Шмулька явно был из тех, кто любит оставить за собой последнее словцо, но Том не ответил на его риторический вопрос, и тот умолк. Дошагав до места Великого Очищения в полнейшем молчании, Том наконец избавился от кокона, швырнув его в бушующий огонь.

— Ты еще здесь? — не выдержав, спросил он, покидая свалку.

— Я уже пообещал тебе, — огрызнулся голос, — и буду молчать!

Том вернулся в «Эксцельсиор», увидел, что Шиш еще не пришел, и заказал себе кофе. Он чувствовал себя превосходно, ведь не каждый день человеку удается спасти брата по земному разуму. Том давно уже решил для себя, что невезучий Шмулька именно с Земли.

Глава 17

В то самое время, когда король осуществлял свой побег из дворца, принцесса Робин, его нареченная невеста, развлекалась в своем гигантском плавательном бассейне, устроенном рядом с ее шале на дворцовой территории. Этот бассейн был подарком короля, преподнесенным принцессе в день ее восемнадцатилетия, когда они с королем обручились. Подарок отличался воистину галактическими размерами, так что дальний конец бассейна невозможно было разглядеть из-за низко висящих облаков. Принцесса стояла на туманном, слегка покатом песчаном пляже, специально сконструированном так, чтобы выглядеть пустынным брегом нескончаемого моря.

(На самом деле в Галактическом Центре не существует ни

природных морей, ни даже крупных внутренних озер. Сама вода была долгое время неизвестна Центральным Галактианам, которые поневоле довольствовались ртутными лужицами вплоть до 11232-го по новому стилю. Именно тогда вода была наконец открыта, и питьевая, и прочие ее разновидности.)

Зайдя по колени в воду, Робин играла со своей ручной акулой. Это была ненастоящая акула, разумеется, всего лишь паж, одетый в костюм акулы: встроенное в костюм компьютерное обеспечение гарантировало абсолютное акулоподобие его движений. Принцессу сопровождала ее фрейлина Миранда, специально натренированная на выражение искреннего сочувствия, увлеченного интереса и полного понимания мельчайших деталей принцессиной жизни, включая искусную импровизацию на тему этих деталей.

И вот, пока они играли с ручной акулой, бросая ей акульи бисквиты, чтобы паж Эдвард исправно их поедал (принцесса с распущенными волосами, светлыми, легкими и пушистыми, а Миранда в голубом чепце, из-под которого выбивалась жесткая смоляная прядь), обе они заметили вдалеке некий плавающий объект. Объект постепенно подплывал все ближе и ближе к берегу, подгоняемый легким ветерком, который создавали машины.

— Что это? — спросила Робин.

Миранда посмотрела на объект долгим, пристальным взглядом и начала в эпической манере:

— Подплывающий к берегу загадочный объект на первый взгляд казался ничего не означающим, совершенно невинным обломком, и, однако, ему предстояло сыграть свою роль в судьбе ничего не подозревающей принцессы, столь юной, любящей, доверчивой и чистосердечной, что она отказывалась замечать малозаметные, но притом безошибочные знаки усиливающегося безразличия со стороны красивого, молодого, прямодушного, однако странным образом закомплексованного короля бесконечного пространства, невзирая на все неоспоримые достоинства его нареченной невесты Робин, которая являла собой чистейший образец благородной красоты, превосходных манер, первоклассного воспитания и высочайшего положения в обществе.

— Смотри-ка, он уже подплывает! — воскликнула Робин.

— Роковой объект подплывал все ближе и ближе, — сказала Миранда. — Поношенный башмак, не более, доверху наполненный водой, однако сохранивший плавучесть благодаря миниатюрным антигравам, впоследствии обнаруженным в его каблуке. Принцесса наклонилась, чтобы поднять его, и сразу же заметила...

— Постой! — закричала Робин, подбегая к воде, откуда поспешно выудила кавалерийский сапог высотой до половины бедра.

Кожа, из которой он был пошит, на ощупь казалась мягче, чем у сказочной змеи, что проживала в бочке с маслом, на голенище его была выжжена эмблема. Робин уставилась на эмблему с первым предчувствием грядущей потери.

— Робин устремила взгляд на эмблему, темнеющую на размокшем, но изящном сапоге, — продолжила Миранда, — и с упавшим сердцем обнаружила в ней нечто хорошо знакомое. «Да ведь это...» — подумала она, и ее прелестная нижняя губка внезапно задрожала...

— Хватит! — прикрикнула Робин, почувствовав внезапное раздражение от того, что ее действия подвергают комментариям прежде, чем она успеет их совершить, даже если это делается с самыми лучшими намерениями. Ее нижняя губка задрожала, как и сказала (или предсказала?) Миранда. — Да, это эмблема короля! Но как его сапог попал в мой бассейн?

Миранда подняла брови, но ничего не сказала.

— Давай говори, что думаешь.

— Принцесса была умна, — сказала Миранда. — Ей понадобилась всего секунда, чтобы обо всем догадаться. Дальний конец бассейна расположен вблизи от Калитки Эльфов, которая находится как раз на границе между уютной, благоустроенной и совершенно безопасной территорией дворца и таинственной неизвестностью Галактического Центра, населенного простонародьем и жуткими беззаконными личностями. Возле этой калитки король, намереваясь идти пешком, снял свои верховые сапоги, ибо не нуждался более в лошади, и один сапог из пары, небрежно брошенной королевской рукой в сторону раздевалки, устроенной на дальнем берегу бассейна, по чистой случайности угодил прямо в воду и в конце концов доплыл до противоположного берега, где принцесса Робин, по той же случайности, невинно забавлялась с любимой акулой.

— Похоже, так оно и было, — сказала Робин. — Но что король делал у Калитки Эльфов, ведущей в город? Нет-нет, не рассказывай, Миранда, я сама знаю, как это выяснить. Дай мне телефон.

Миранда вручила ей мобильник. Принцесса мысленно набрала номер, послушала гудки, потом кто-то снял трубку.

— Сыскная служба «Тромбоид», говорит Дженкинс.

— Это Робин. Я хочу знать, где сейчас находится король.

Робин наняла Дженкинса сразу же после того великого дня, когда король впервые оказал ей знаки особого внимания. Мать принцессы справедливо указала дочери, что им совершенно необходима информация о времяпрепровождении короля, ведь этот милый молодой человек славится своей невероятной рассеянностью. Служба «Тромбоид» сослужила Робин хорошую службу.

Принцесса всегда была изысканно одета и элегантно причесана, в какое бы время дня или ночи королю ни вздумалось «заскочить на огонек», как он любил именовать свои визиты.

— Где это у меня?.. — сказал Дженкинс. — Ага, вот. Рапорт агента 334-А. Зачитываю: «Моя просьба повысить мне зарплату до сих пор осталась без ответа, и я хотел бы...» Нет, не то. Ага! Читаю: «Король был замечен, когда покидал дворцовую территорию тайным и трусливым образом, странно не соответствующим его обычной открытости и мужественности. Король дошел до калитки у дальнего конца бассейна, принадлежащего принцессе Робин, скинул кавалерийские сапоги, один из которых упал в бассейн, надел пару легких кроссовок, а затем с целеустремленным видом вышел из калитки и устремился в город, который, по всей видимости, имеет бесконечное протяжение».

— Король отправился в город?

— Так тут написано.

— Но он никогда ничего подобного не делал!

— На сей раз, получается, сделал.

— А в какое место города он направился?

— Это нам неизвестно, принцесса.

— Как это неизвестно? И вы еще имеете наглость называть себя сыскной службой?

Помолчав, Дженкинс сухо сказал:

— Наш договор, как я вынужден напомнить вам, принцесса Робин, предусматривает информацию о местонахождении короля в любое время суток в пределах территории королевского дворца. Но в нем ничего не сказано о том, что нам положено делать, если король покинет эту территорию.

Робин отшвырнула телефон и сказала Миранде:

— Похоже, он покинул дворец. ТАК он никогда еще не поступал!

— Некоторые мужчины совершенно не способны на предательство, — меланхолически заметила Миранда. — Пока в один прекрасный день без всяких видимых причин не поступают именно ТАК.

Зазвонил телефон. Это опять был Дженкинс.

— Наш агент тут кое-что поблизости обнаружил. Это записка, адресована вам. Прочитать?

— Как вы смеете читать мою корреспонденцию?

— В нашем договоре сказано, принцесса, что мы обязаны просматривать вашу почту и сообщать вам ее содержание елико возможно скорее. Все это в тех бумагах, которые вы подписали.

— Ну хорошо, читайте, читайте.

— Тут написано: «Привет, детка, вынужден смотаться в город

по важному делу. Вернусь как только смогу. Чао!». Подпись: Ральф Рекс.

Робин положила мобильник и посмотрела на Миранду, которая, как обычно, все слышала, а фрейлина, в свою очередь, взглянула на юную принцессу глазами, полными искреннего сочувствия.

— Этот ублюдок сбежал от тебя!

— Так оно и есть, — тупо сказала Робин. Реакцией на ошеломительную новость стала внезапная слабость, предвещающая ей в ближайшем будущем полноценную мигрень. И все-таки этого надо было ожидать. Когда ты молода, красива, талантлива и мила, и у тебя прелестные волосы и великолепная фигура, и ты собираешься замуж за короля бесконечного пространства и вообще на вершине полного счастья... Дела при таких обстоятельствах могут развиваться лишь вниз, а не вверх.

— Я знала, знала, что все чересчур хорошо, чтобы быть правдой! — Принцесса топнула ногой. — Проклятье! Вот так бы и шлепнулась на песок и заколотила пятками!

— Ты можешь, конечно, — сказала Миранда. — Кто вправе тебя осудить? Но ты ведь знаешь, то есть я хочу сказать, принцесса Робин прекрасно знала, что в сложившихся ныне обстоятельствах она должна быть стойкой и отважной принцессой и обратиться за советом к той, что всегда была ее лучшей и мудрейшей советчицей, невзирая на свои экстравагантные манеры и злой язык. Принцесса думала, разумеется, о своей родной матушке, леди Гвендолен Иннит.

— Конечно! — сказала Робин. — Спасибо тебе, Миранда. И как я сама не догадалась? Мама всегда знает, что надо делать!

— Если тут вообще что-нибудь можно сделать, — сказала Миранда, — леди Иннит точно скажет, что именно. Храни тебя бог, принцесса!

Последние слова Миранды были адресованы уже пустому воздуху. Поскольку Робин, едва задержавшись, чтобы накинуть на купа́льник пеньюар, вступила в хромово-стеклянную кабину Транслятодора, и тот, будучи заранее настроен, в мгновение ока перенес ее в материнское поместье.

Глава 18

В данный момент герцогиня пребывала в огромном дворе своего поместья, окруженном изящными арками, и от скуки швырялась дротиками в курьера, которому приплачивала спецдобавку за риск к обыкновенно положенному жалованью. Это была высокая, сухопарая дама с длинными, змеистыми черными

волосами и размашистой мужской походкой, выработанной в подражание ее культовому идолу Жорж Санд. Сегодня на леди Иннит красовался зеленый охотничий костюм, который ее совсем не красил, предательски обтягивая долговязую фигуру. Но герцогине было наплевать. Она была выше банальной красоты с ее недозрелыми треволнениями.

Этим утром в поместье проводилась традиционная ежемесячная церемония изничтожения самого ленивого из слуг, что, несомненно, стимулировало всех остальных держаться на приемлемом уровне. Андрей, нерадивый подручный дворецкого, одетый в спортивные трусы и теннисные тапочки, неохотно вышел на старт и принял низкую позицию. Беговая дорожка виляла между разнообразными препятствиями и заканчивалась у небольшого бельведера, в добрых пятидесяти футах от стартовой линии.

— Марш! — рявкнула герцогиня, и Андрей рванул со старта, петляя, как заяц. Леди Иннит спокойно натянула свой охотничий лук, жестко прищурила глаза, прицелилась и спустила тетиву. Стрела просвистела на полдюйма выше плеча Андрея, который отчаянно взвизгнул и удвоил усилия.

— Мама... — начала было Робин, внезапно появляясь рядом с герцогиней, и та, вздрогнув от неожиданности, пустила вторую стрелу в молоко. Бегун удачно завершил дистанцию и укрылся за башенкой бельведера. Леди Иннит раздраженно сказала:

— Я же просила тебя, дорогая, никогда не сваливаться мне на голову, как сейчас. Теперь этот бездельник Андрей улизнул, а я так мечтала пристрелить его нынешним утром.

— Ты слишком сурова к Андрею, — заметила Робин.

— Он получает надбавку за риск, на что ему жаловаться? И почему ты не могла подождать до файф-о-клока?

Принцесса быстро изложила все, что ей было известно о действиях короля, и показала матери его записку.

Прочитав записку, герцогиня жестко прищурилась и произнесла:

— Не могу сказать, что меня никогда не посещало дурное предчувствие.

— Меня оно тоже посещало, — сказала Робин.

— Еще бы, дорогая, ведь это я научила тебя доверять собственным предчувствиям.

— Нет, я научилась сама!

— Не будем спорить, дорогая. Ситуация критическая и не терпит отлагательства. Дочь моя, ты ни в чем не провинилась перед королем, а тот позволил себе сбежать от тебя без единого слова, сказанного в объяснение.

— Именно так, — кивнула принцесса Робин, и в ее прекрасных глазах заблестели невыплаканные слезы, которые она выплачет попозже, когда останется в уединении.

— Но сбежать королю не удастся, — сказала герцогиня.

— О чем ты, мама? Ему уже удалось!

— Это мы еще посмотрим, — сказала ее мать. — Не пройти ли нам в мой кабинет, дорогая?

Она провела принцессу по великолепной летней вилле в прекрасно оборудованный двухкомнатный офис. В задней комнате стояла высокая дубовая конторка, леди Иннит отперла ее и бегло просмотрела бумаги.

— Свидетельство на месте, — кивнула она и обратилась к Робин: — Видишь ли, дорогая, в качестве главного условия вашей помолвки я заставила короля принести великую клятву перед лицензированным клятвоприемщиком. И тот засвидетельствовал в письменной форме, что король дает свое королевское слово непременно жениться на принцессе Робин и никогда, ни под каким предлогом или по любой мыслимой причине, не откажется от данного им обещания.

— Мама, это было ужасно предусмотрительно с твоей стороны, — сказала Робин. — Но ведь король не отказался, он просто сбежал! И тут мы ничего не можем поделать.

— Разве? — сказала герцогиня, поднимая бровь. — Ты слышала когда-нибудь о Взыскателе Обещаний?

— Кажется, кто-то рассказывал мне в детстве. Но я всегда думала, что эта история — просто бабушкины сказки.

— Это не сказки, а магический амулет. Тот, кто владеет Взыскателем Обещаний, может вынудить кого угодно, невзирая на общественный статус, выполнить свое обещание, данное владельцу амулета в надлежащей форме. Дорогая, мы можем вернуть короля и заставить жениться!

— Но где же нам взять Взыскатель Обещаний?

— Тебе придется навестить Этель, злую ведьму, которая живет в Болотах.

Глава 19

И Робин пришлось-таки навестить злую ведьму Этель, чей домик стоял в Топкой Низине в районе Болот. Эти Болота представляли собой очень грязную и сильно заболоченную местность, которая располагалась неподалеку от центральной части дворцовой территории, сразу же за ее восточным округом с ландшафтными парками, вымощенными булыжником улицами и претенциозными зданиями в стиле модерн.

«Какой контраст», — подумала Робин, обозревая огромные

темные лужи, среди которых торчали старые, полуразваленные дома, соединенные протоптанными в грязи тропинками. День был ужасно серый и мрачный, как всегда бывает на Болотах.

Путь оказался недолгим, но полным неприятных сюрпризов. Противно сверчали сверчки, мистически ухали совы, настырно барабанили дятлы. В конце пути принцесса обнаружила древнюю хижину, склонившуюся к огромному старому вязу под крайне опасным углом. К крыльцу было привязано куском веревки облепленное грязью каноэ. Принцесса поднялась по шаткой лесенке и вошла в зловещее жилище ведьмы.

Ведьма сидела перед кривым заркалом, отражавшим еще более уродливую образину, чем наличествовала в оригинале, и примеряла различные варианты змеиных веночков, которые лежали кучкой на ее туалетном столе. С заднего двора доносилось недовольное ворчание ковена, давно уставшего дожидаться своей предводительницы и начала назначенной церемонии.

— Я пришла за магическим амулетом, именуемым Взыскателем Обещаний! — храбро заявила принцесса.

— Бери, мне не жалко, — сказала ведьма, не отрываясь от зеркала, — но придется заплатить. Как насчет души твоей матери?

— Это не проблема, — сказала Робин.

Ведьма удовлетворенно кивнула и сделала пометку в своем еженедельнике.

— А как он работает? — спросила Робин.

— Отдай амулет королю, — сказала ведьма. — Или попроси кого-нибудь передать. В любом случае, как только король возьмет в руки Взыскатель, тот сам проделает все необходимое.

Ведьма открыла бамбуковый шкафчик и достала из него нечто, завернутое в хорошо поношенную футболку. Размотав этот сверток, она протянула принцессе маленькую каменную таблетку, на которой были вырезаны слова на давно позабытом языке. Это был самый древний язык Вселенной, зародившийся вместе с ней, могучий язык принуждения.

— Я обязана предупредить тебя, — сказала ведьма, — что у Взыскателя Обещаний бывают побочные эффекты. Используя амулет, ты рискуешь разрушить старый порядок вещей, покончить с Золотым Веком и ниспослать на мир бесчисленные несчастья.

— Мне не нравится сегодняшний порядок вещей, — упрямо сказала принцесса.

— А ты думаешь, мне нравится сидеть тут перед кривым зеркалом, примеряя змеиные веночки к своей кривой роже?.. Ну ладно, — сказала ведьма, — я тебя предупредила. Иди.

Робин кивнула, забрала амулет и ушла. При чем тут какие-то дурацкие эффекты? Этого она не поняла, но главное, король непременно вернется во дворец, и тогда они сыграют свадьбу.

Глава 20

Барон Корво собирался на вечернюю кинопремьеру. Он стоял перед зеркалом в гардеробной своего импозантного дома с видом на королевские апартаменты Большого Дворца, в энный раз поправляя свой галстук и раздраженно взывая к жене:

— Ты уже готова, дорогая, или нет?

— Шиш пришел, — откликнулась жена, бросая на супруга взгляд, яснее слов говорящий: ЧТО-ТО ОПРЕДЕЛЕННО НЕ ТАК.

— Привет, Шиш, заходи! Поможешь мне с этим проклятым галстуком. Не люблю звать Гиневру, она всегда заставляет надеть что-то более консервативное. А по мне, броский галстук только красит мужчину при исполнении государственных обязанностей, хотя и не одобряется традицией. Но, в конце концов, мы с тобой на самом верху, и наши друзья, и семьи, мы можем вести себя так, как нам удобно. Или я не прав, Шиш?

Шиш проигнорировал провокационный вопрос.

— Я всего лишь хотел сообщить, что король покинул дворец.

— Ничего себе, — сказал Корво, медленно пересек комнату и тяжело опустился в кресло. Он был большой и крепкий брюнет с пышной бородой до самых глаз, но в этот момент казался странно беззащитным. — Покинул дворец, говоришь? И куда пошел?

— По-моему, в Галактический Центр.

— В сопровождении гвардейцев, разумеется?

— Один, совсем один.

— А он сказал, когда вернется?

Шиш покачал головой.

— И в какую сторону он пошел?

— На запад, к периферии.

— Но зачем?

— Король намекнул, что собирается встретить персону, за которой послал.

— Персону? Что еще за персона? Неужели ты хочешь сказать, что король за кем-то послал?!

— Вот именно. Это некий Том Кармоди, с Земли.

— И король не уведомил его предварительно письмом?

— Ну вообще-то он написал письмо... Потом. Оно лежит в кармане моего дублета.

— Так ты не передал письмо, верно?

— Нет, у меня не было времени. Король так предвкушал прибытие этого Тома Кармоди, что отправился ему навстречу.

— Почему же Его Величество не стал дожидаться гостя в своем кабинете, как всегда делает?

— Не знаю, — сказал Шиш. — Вот это меня и беспокоит.

— Тебе известно, где должна состояться встреча?

— Король меня не посвятил. Но скорее всего, он будет ждать Кармоди у Западных Врат, где обычно проходят все новоприбывшие. А может быть, и прямо в Космопорте.

— Знает ли Его Величество дорогу к Западным Вратам? По-моему, он никогда там прежде не был, более того, вообще не выходил из дворца.

— Я несколько раз слышал, как король упоминал, что хотел бы покинуть дворец, — сказал Шиш. — И у меня сложилось впечатление, что он рассчитывал сориентироваться на месте.

— Всем известно, что у короля есть свои маленькие фантазии. Но прежде он никогда не пытался их осуществить.

— Насколько я знаю, нет.

— Черт возьми, он должен был уведомить меня как своего хранителя! Я снабдил бы его надлежащим эскортом.

— Вероятно, именно поэтому король ничего тебе не сказал. Совершенно очевидно, что он пожелал остаться в одиночестве.

— Но это же против всех правил. Проклятие, я шеф Секретной полиции! Зачем королю заводить себе Секретную полицию, если он все намеревается делать сам?!

— Да, тут есть противоречие, — вынужден был признать Шиш. — Но вполне объяснимое, я уверен.

— Ну хорошо, — сменил тактику Корво. — Могу я просто взглянуть на письмо? Возможно, оно содержит намек на умственное состояние короля?

— Категорически невозможно, — отрезал Шиш. — Он оштрафует меня по-черному, если узнает.

— Я ему не скажу, — пообещал барон.

— Он все равно узнает, — мрачно сказал Шиш. — Нет, извини, об этом не может быть и речи.

— Но ты еще не отдал Кармоди письмо, верно?

— Ты же знаешь, Корво, что нет.

— Могу ли я спросить, почему?

— Учитывая все обстоятельства, я подумал, что король и сам бы того не захотел.

— Черт бы побрал короля! — воскликнул в сердцах Корво. — О... прошу прощения, я вовсе не это имел в виду. Однако его поспешная, непродуманная и совершенно беспрецедентная акция поставила меня в крайне щекотливое положение.

— И ты решаешь, не стоит ли послать за ним эскорт?

— Да нет, я уже решил послать. Все гораздо хуже. Должен я или не должен отменить вечерний киносеанс?

— Ага! Если вечером король не появится в театре...

— Прямо в точку. И правила на сей счет чрезвычайно точны: когда король, по той или иной причине, не присутствует на сеансе, кинопремьера не может состояться, хотя дозволено демонстрировать старые фильмы.

— Ну, если бы король пожелал наложить вето на новые фильмы до своего возвращения, он бы так и распорядился, — заметил Шиш.

— Необязательно. К чему утруждать себя, если в правилах все четко прописано? Вероятно, король ожидает, что я вообще закрою театр... Но ты прав, меня действительно беспокоит, что он даже не обмолвился о вечернем сеансе, просто взял и ушел.

— Похоже, — задумчиво сказал Шиш, — что он вообще позабыл про кино.

Барон был явно шокирован.

— У короля, разумеется, есть свои маленькие странности, — с достоинством промолвил он. — Однако, утверждая, что Его Величество может забыть про кино, ты заходишь слишком далеко, Шиш! Кстати, ты случайно не знаешь, что сегодня собирались показать?

— «Смерть поэта» Жана Кокто.

— И это, конечно, премьера?

— Для нас? Конечно.

— Картина-то как, ничего?

— Прогрессивные критики утверждают, будто Кокто удалось воплотить в данном фильме нечто чрезвычайно важное, но что именно, припомнить не могу.

— Проклятие! Я бы с удовольствием посмотрел.

— Поступай как знаешь, — сказал Шиш, — но мне в любом случае придется обойтись без кино. Я должен вернуться к Тому Кармоди.

Барон рассеянно кивнул, раздираемый желанием и сомнением.

— Может, все-таки?.. Боже, какая дилемма! Честно говоря, я не знаю. Не знаю, что делать.

— Скажешь, что ты решил, когда я вернусь, — ухмыльнулся Шиш и оставил шефа полиции сражаться с непокорным галстуком.

Немного погодя барон Корво уселся в мягкое кресло с высокой спинкой и стал размышлять. День уже балансировал на грани сумерек (время, которое барон особенно любил).

Этот парень, Том Кармоди, подумал Корво. Когда Том впервые здесь появился, Галактическим Центром еще не правил ко-

роль бесконечного пространства. То был период анархии, когда существа любых типов и размеров слонялись где и как попало, а Модсли с Мелихроном и подобные им создания вели себя словно в собственной вотчине, напропалую создавая персональные законы природы и абсолютно ни с кем не считаясь.

И все-таки в тех былых днях была своя беззаконная прелесть, подумал Корво со вздохом, и даже особое величие. Но вечно продолжаться такое, разумеется, не могло. Галактический Центр заселялся все гуще и гуще, и на смену анархии потребовался закон. И когда наконец появился Ральф, первый король бесконечного пространства, всеобщим чувством Центральных Галактиан стало огромное облегчение, смешанное с небольшим разочарованием.

Ральф вовсе не был мудрым, всезнающим королем-философом, какого многие ожидали. Чуть больше, чем просто символ или организационный принцип. Но Ральф был достаточно умен, чтобы понимать это, и правил своими подданными и территориями вполне разумным образом.

Никто точно не знал, откуда он явился. Предками Ральфа (впрочем, как и всех остальных) были лучистые энергетические сферы, которые образовались немного позже (или чуть раньше) Большого Взрыва и свободно блуждали по пространству, где страшно медленно возникала материя. Но когда миры наконец сформировались, сияющие сферы погрузились в грубую материю и стали первыми людьми, как это и подозревал Плотин[1].

Работу короля следовало определить как церемониальное воздействие. Он мог бы делать все, однако его работа заключалась именно в том, чтобы не делать ничего, и притом грациозно. Королю вменялись две непременные обязанности, и первая из них состояла в присутствии на вечерних премьерах новых кинофильмов, завозимых за бешеные деньги из будущего Голливуда. Вторая обязанность предписывала королю постоянно пребывать на территории дворца, который возник одновременно с прибытием Ральфа, растянувшись на великое множество квадратных километров.

Король не делал ничего, но был самой важной фигурой, от которой полностью зависели мир, благоденствие и процветание всего королевства. Но если король действительно ушел... а такую возможность никак нельзя сбрасывать со счетов... то кому-то придется срочно его заменить. Междуцарствие в Галактическом Центре совершенно непозволительно!

Да, но кто же, кто заменит короля?

— Только не я, — открестился вслух барон.

[1] Плотин (204 — 270) — родился в Египте, основал свою философскую школу в Риме. Виднейший представитель неоплатонизма.

И тихий, вкрадчивый внутренний голос, о существовании коего он даже не подозревал, задал тихий наводящий вопрос:

— А почему бы не ты, барон Корво?

Глава 21

Том просидел в «Эксцельсиоре» несколько часов, но Шиш так и не явился. Стало темнеть, и официанты начали бросать на него неодобрительные взгляды. Том взглянул на визитку, которую ему дал Шиш, и решил попробовать разыскать его дома. Он вышел на улицу и пошел пешком, спрашивая у прохожих о местоположении ближайшей автобусной станции, но улицы так закручивались и переплетались, что он все время терял направление.

Когда Том понял, что окончательно потерялся, стало уже темно, а вблизи не оказалось ни автобусной станции, ни гостиницы, ни даже пансиона. Кроме того, он заметил, что в воздухе шныряют полупрозрачные твари с длиннющими зубами, очень смахивающие на неприятных летучих мышей-вампиров. И он услышал, как прохожий сказал ему: «Не позволяй этим полупрозрачным тварям с длинными острыми зубами вцепиться в тебя». И тут же одна из тварей щелкнула на Тома зубами, и он решил, что пора бы убраться под крышу.

Но Том нигде не мог найти убежища. Кругом тянулись длинные ряды многоквартирных домов, их парадные были закрыты и заперты на ночь. И еще начался дождь. И вообще ему было крайне неуютно в компании этих почти прозрачных летучих вампиров, чьи длинные, острые как бритвы зубы щелкали у него прямо над головой. Сперва тварей было всего несколько штук, но потом стало намного больше, они отлетали в сторону, когда Том махал на них руками, но, чем делалось темнее, тем быстрее возрастали их количество и наглость.

Он помчался по улицам в поисках самого завалящего отеля, но казалось, в этой части города отелей вообще не строили. И вдруг он увидел на противоположной стороне улицы пансион, с которого как раз снимали вывеску. Том опрометью перебежал дорогу и проскочил в дверь прежде, чем ее успели закрыть.

Ободренный таким везением, он снял у менеджера номер под крышей и, прежде чем подняться по лестнице, спросил у молодого человека, который сидел в холле, лениво перелистывая страницы иллюстрированного журнала:

— Как вы называете этих полупрозрачных зубастых тварей, что летают на улицах?

— Вы знаете, мистер, — сказал молодой человек, — это быва-

ет так редко, что у нас нет даже имени для полупрозрачных зубастых тварей.

Тому пришлось удовлетвориться ответом. Утром, когда Том собрался уходить, менеджер его окликнул:

— Эй, мистер, вам письмо!

— Не может быть. Никто не знает, что я здесь.

Менеджер протянул ему конверт:

— Никакой ошибки, на письме ваша ментальная метка.

— От кого?

— Откуда мне знать. Оно лежало на камине вместе со всей остальной почтой.

Это был длинный, изящный конверт. Том взял его, вскрыл и прочитал: «Привет, Том, я хочу, чтобы ты последовал плану Б, изложенному в первом письме. У нас есть шанс наставить нос персонам, которых я уже упоминал как ярых противников нашей встречи. К дьяволу их всех! Позор нашим общим врагам! Просто последуй плану Б, и все будет в порядке». Письмо было подписано: «Ральф Рекс».

— Письмо от короля! — удивился Том.

— Я так и думал, — заметил менеджер. — Мне показалось, я узнал королевскую печать.

— Он хочет, чтобы я последовал плану Б!

— Спасибо, что поделились со мной, — сказал менеджер. — Советую вам так и поступить. Говорят, король в подобных делах весьма педантичен.

— Но там ничего не написано про план Б, — объяснил Том. — Только то, что план Б был изложен в первом письме.

— Так прочтите первое письмо, — посоветовал менеджер.

— Но я его не получил!

— Да, это заметно усложняет задачу. Если только король не последовал обычной процедуре, поместив письмо с планом Б в свой общедоступный файл.

— Что такое общедоступный файл?

— Источник, откуда придворные биографы черпают информацию для популярных книг о короле. По закону король обязан предоставлять широкой публике информацию подобного сорта.

— Где можно найти общедоступный файл короля?

— Вы можете получить к нему доступ в общественной библиотеке напротив.

— И это действительно возможно?

Менеджер кивнул.

— Каждый человек, будь то благородный или плебей, имеет право получить доступ к общедоступным файлам согласно Декрету о Свободе Информации, который обнародовали в прошлом году.

Том перешел улицу и вошел в библиотеку, дабы получить доступ к королевскому файлу и выяснить в конце концов, что ему следует делать.

Он заметил, что за ним наблюдает человек с шегольскими усиками ниточкой, одетый в голубой плащ военного покроя.

Из щели машины вылез наконец листок бумаги, озаглавленный «ПЛАН Б», но Том не смог его прочитать. Печатный текст, по всей очевидности, был закодирован.

Человек в голубом плаще и с усиками подошел к нему и спросил:

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Я пытаюсь получить доступ к королевскому плану Б, — объяснил Том.

— Но план у вас в руках, как я вижу.

— Да, но он записан кодом!

— Для вашего же собственного блага. За чтение королевских планов предусмотрены суровые санкции.

— Но разве Декрет о Свободе Информации не делает эти планы общедоступными?

— Они общедоступны, разумеется. Каждый, кто хочет, может свободно получить копию. Но читать их запрещено, это тяжкое преступление против государства. И даже сам акт разглядывания закодированного текста вызывает некоторые обоснованные вопросы, которые полиция безопасности просто обязана задать.

— Так вы из полиции безопасности?

— Так точно. И мои обязанности заключаются в том, чтобы расспрашивать всех, кто пытается получить доступ к королевскому плану Б. У меня к вам несколько вопросов.

— Валяйте, спрашивайте, — сказал Том.

— Чем вы руководствовались, сэр, чисто обывательским любопытством, или же план Б имеет для вас некое особое значение?

— Это план, которому я должен последовать по просьбе короля.

— И вам сказал об этом лично сам король?

— Ну... не лично. Мы никогда не встречались.

— Вероятно, Его Величество намекнул вам на план Б во время вашей последней телефонной беседы?

— Вообще-то я никогда не беседовал с королем.

— И, однако, вы абсолютно точно знаете, что хочет от вас Его Величество?

— По-моему, он выразил свое желание вполне определенно и недвусмысленно, — ответил Том, протягивая незнакомцу второе письмо короля.

— Но тут написано, что план Б подробно излагается в письме за номером первым?

— Первого письма я так и не получил, — объяснил Том.

— Мне все понятно, сэр. Думаю, нам придется уделить друг другу еще какое-то время. Эй, Хайнц, Драго! Хватайте его!

Двое амбалов материализовались ниоткуда и крепко ухватили Тома под руки. Маленькая процессия, возглавляемая щеголеватым полицейским с усиками, чинно покинула библиотеку и направилась к тюрьме, расположенной чуть выше по улице. Это было бежевое оштукатуренное здание, мучительно напоминавшее Тому нечто такое, что он уже видел на Земле. Но вспомнить он не сумел.

Глава 22

Тома отвели в камеру, где на нижней койке дрых мертвецким сном безобразный старый алкоголик. Когда надзиратели удалились, пьяница встал и принялся стаскивать с себя все, что на нем было надето с целью замаскировать его истинный образ. В итоге он, то есть она, оказался красивой молодой женщиной, скрывавшейся под шкурой старого пропойцы. Сморщив прелестный носик, она опрыскала эту шкуру душистым дезодорантом из крошечного пульверизатора, который специально принесла с собой.

— Это всего лишь уловка, — пояснила она без особой необходимости, но принцесса Робин полагала, что лучше с самого начала расставить все по своим местам. — Я должна поговорить с тобой подальше от Шишевых ушей. Твоя жизнь в опасности, Том Кармоди, и Шишу ни в коем случае не стоит доверять.

— Что происходит? — спросил ошарашенный Том.

— Я принцесса Робин, — сказала принцесса. — Два дня назад состоялась моя помолвка с королем. Однако сегодня король разорвал помолвку и ушел из дворца, чтобы встретиться с тобой. Мои привилегии тут же были отменены. Самое ужасное, что я потеряла право на первый просмотр новых кинофильмов!

— И что это, по-вашему, значит, принцесса?

— Заговор! Я подозреваю, что готовится покушение на короля. Это страшно запутанный клубок, в котором уже запутались мы все, сами того не подозревая. Ты, я, Шиш, еще один, два или три человека. У меня есть идея, Том, как помочь тебе выпутаться. Но ты должен всецело мне доверять.

Однако Судебный Иск ничуть не доверял принцессе Робин... Постойте, а это еще кто?! При поспешной проверке обнаружилось, что сей персонаж, в предыдущей инкарнации известный как Приз, еще не был представлен читателям, хотя обязан появиться именно сейчас. Жаль, что нет времени рассказать, кто он такой,

как выглядит и почему угодил в эту книгу, очень жаль, но история не может стоять на месте.

— Эй, минуточку! — сказал Иск. — Дело в том, что эта леди...

— Я принцесса Робин, — сказала принцесса.

— Возражение несущественно. Том, разве у тебя есть какие-нибудь причины доверять этой Робин?

Принцесса была потрясена.

— Почему ты мне не веришь?

— Потому, — сказал Судебный Иск, — что у тебя есть личные мотивы, пока еще не известные никому.

— Как ты можешь так думать? Ты приписываешь мне мотивы, которых у меня нет!

— Не приписываю, — сказал принцессе Иск. — Но мог бы вчинить тебе любые, какие захочу. Осторожней на поворотах, леди! — Тому он сказал: — Ладно, я передумал, можешь ей доверять. Но только временно и не во всем. Мы все еще не знаем ее тайного мотива.

— У меня нет тайных мотивов! — возмутилась Робин.

— Конечно, есть, — сказал Судебный Иск. — Тайные мотивы есть у всех и каждого.

— В твоем крючкотворном воображении, толстяк!

— Может быть, уже хватит? — вмешался Том, уставший от их перебранки.

Глава 23

Просторная тюремная камера выглядела чрезвычайно мило. Вся обстановка, включая раскрашенные под зебру стены, была выдержана в голубых и розовых тонах, приятно оттененных тут и там сиреневыми и лиловыми акцентами. Очень милая, очень уютная комната с изысканными зебровидными стенами. Настолько не похожая на тюремную камеру, что можно было запросто забыть, что ты в тюрьме.

Принцесса Робин тоже была чрезвычайно мила, она свободно раскинулась в полосатом шезлонге улыбаясь. Черные волосы Робин, гладкие и блестящие, отливали темным рубином, из-под низкой геометрической челки сияли чистейшими сапфирами прелестные миндалевидные глаза. Они были вдвоем в этом уютном тюремном гнездышке, двое необычайно привлекательных молодых людей, и вряд ли кто-нибудь собирался потревожить их в ближайшее время. Во всех тюрьмах нашей Галактики, как известно, за пленниками либо наблюдают постоянно, либо предоставляют им полную свободу вариться в собственном соку.

У Тома создалось впечатление, что второй вариант гораздо

ближе к истине и что нет никакого резона слишком уж торопиться с побегом. Какое же будет удовольствие, подумалось ему, поближе познакомиться с очаровательной юной принцессой! Скорее всего, тут можно заказать и выпивку? В конце концов, такую услугу оказывают даже на Земле, в наиболее прогрессивных тюрьмах. Вполне вероятно также, что здесь найдутся веселящие и расслабляющие пилюльки, сказал себе Том, ибо в Галактическом Центре наверняка господствует просвещенное отношение к химической стимуляции. Какой контраст с его отсталой родиной, где обладание специальными кристаллическими либо резиноподобными субстанциями трактуется как порочный изъян в характере их владельца и с неотвратимой логикой приводит к тюремному заключению.

— Я бы с гранплезиром покайфовала тут с тобой, — вздохнула Робин, — но нам пора выметаться. И прямо сейчас.

— Как, уже пора? А я-то решил, что чуток расслабухи нам не повредит... Почему прямо сейчас?

— Потому что тебе грозит смертельная опасность, Том Кармоди, — сказала принцесса. — Думаешь, я была полностью отрезана от мира, когда дожидалась тебя в этой камере? Как бы не так! Именно здесь я узнала нечто такое, чего никто не должен был знать. Гляди, что у меня есть... — Она достала из пышного рукава тончайшего зеленого шелка маленькую серовато-коричневую птаху и с гордостью представила ее Тому: — Это Скворец-Гонец-Хитрец-Молодец.

— Как интересно, — вежливо заметил Том. — А зачем тебе эта птица?

— Мой Гонец-Хитрец-Молодец докладывает мне обо всем, что я хочу узнать. В данном случае я выпустила Скворца вскоре *после твоего прибытия, и он полетел в тренировочный зал*, где подслушал, как копы разговаривают между собой в раздевалке, ополоснувшись под душем и растираясь массажными полотенцами после игры в ватерполо. И сейчас ты услышишь их беседу дословно.

— Этот новый парнишка, — сказал немолодой коп, которого звали Клэнси. — Будем его регистрировать или как?

— Конечно, а как же иначе? — удивился молодой коп по имени Долан.

— Я просто задумался о том, какую чертову прорву бумаг придется на него заполнять.

— Думаешь, этот парень не стоит того, чтобы включить его в рапорт?

— Я ничего такого не говорил, — сказал Клэнси. — Но ведь противозаконно утверждать, что ты получил послание от короля, если доказать того не можешь. А у нашего нового парня нет ника-

ких видимых доказательств. В подобных случаях только суд может установить, есть ли у подозреваемого право делать такое заявление или нет.

— По-моему, — заметил Долан, — твои слова только доказывают, что нам следует заявить о парне судебным властям. И заполнить, само собой, все необходимые бумаги, хотя это и чересчур хлопотно.

— Тебе легко так говорить, Долан, ведь ты еще молод и воображаешь, что от правосудия бывает какой-нибудь толк. Но я-то старый служака и, уж поверь, навидался, как ясные дела вдруг принимают совсем не тот оборот. И знаешь, чья в том вина? Нашего мягкосердечного короля, который так и норовит обставить суровый закон всяческими ограничениями, дабы защитить гуманитарные права злодеев. Но разве злодеи имеют право на какие-то права? С какой это стати даровать им право на защиту? Если кто-то не в состоянии предъявить властям надлежащего свидетельства, не доказывает ли это prima facie[1] его собственную вину?

— Гм, такая мысль никогда не приходила мне в голову, — сказал Долан.

— Зло есть зло, Долан, и нет смысла рассуждать, где тут правда, а где кривда, когда злонамеренность деяния очевидна каждому здравомыслящему существу. О да, сэр, именно излишние рассуждения и нарушают порядок вещей, навлекая опасность на жизнь нашего короля! Но хочу сказать тебе совершенно честно, Долан, что меня сильнее всего беспокоит, ведь в этой раздевалке нас никто не может подслушать... Более чем просто вероятно, что король действительно послал за этим парнем. Так я думаю. Но можешь ли ты представить последствия, Долан, если мы с тобой по глупости допустим, чтобы их встреча состоялась?

— А какие могут быть последствия, Клэнси?

— Всеобщие беспорядки и многие печали.

— Сильно сказано, Клэнси. Не хотелось бы увидеть такое. И что, по-твоему, нам следует сделать?

Старший коп скривил губы в мрачной ухмылке.

— Наша первейшая задача, Долан, состоит в том, чтобы уберечь нашего короля от его собственного мягкосердечия, откуда и произрастает корень реальной опасности. Мы все уважаем искреннюю заботу Его Величества о правосудии, однако же настало время, когда честные люди сами должны решать, как лучше в особо важных случаях уладить дела. И тут мы с тобой должны учитывать не столько вину или невиновность этого парня, Долан, сколько всевозможные последствия того, что он на самом

[1] Юридический термин: при отсутствии доказательств в пользу противного *(лат.)*.

деле сказал правду и что король действительно послал за ним. А значит, нам следует хорошенько подумать, как избавить нашего короля от ужасных событий, которые несомненно и незамедлительно воспоследуют, если эта встреча все-таки состоится.

— И что такое ужасное может воспоследовать, как ты думаешь, Клэнси?

— Самое худшее, что может произойти... с точки зрения короля и нашей... Падение монархии!

— И все из-за того, что король разок поговорит с этим парнем? Как же это может случиться, Клэнси?

— Подумай сам, Долан, догадаться совсем не трудно. Но даже если наихудший сценарий не осуществится, подумай о том, Долан, что следует экономить драгоценное время суда. И данная причина для нас гораздо важнее, чем избавление от докуки составлять и заполнять в трех экземплярах ежедневные разнарядки на питание и прочее содержание нового арестанта. Да потом еще и терпеливо ожидать, когда наши бумаги соизволят одобрить бесчисленные чинуши, и вся эта канитель будет продолжаться и продолжаться, пока вина этого парня не будет доказана, а скорее всего, отнюдь не доказана, к величайшему удовлетворению мягкосердечных судейских, всецело находящихся под влиянием сентиментального короля.

— Да, это сильно сказано, Клэнси, — с уважением заметил Долан.

— Я радею лишь о благе короля, — мрачно произнес Клэнси. — Да, я люблю Его Величество, благослови его бог! Однако наш король не слишком практичен, и его верноподданным поневоле приходится проявлять инициативу.

— Пожалуй, ты меня убедил, Клэнси, — сказал Долан. — И что мы будем делать с новым арестантом?

— Прикончим его, полагаю. Самое быстрое решение. В данный момент мне в голову больше ничего не приходит.

— Ты прав, — кивнул Долан. — Но каким способом? Возможно, это второстепенный вопрос, но мне хотелось бы знать.

— Пули, я думаю, подойдут лучше, чем лазеры, мазеры или тазеры. Надеюсь, что парень по достоинству оценит наш выбор, ведь пули напомнят ему о родимой планете. Это самое малое, что мы с тобой можем сделать для бедняги, виновного, по всей видимости, лишь формально, а не по существу.

— Я давно хотел пострелять пулями, — мечтательно сказал Долан. — С тех самых пор, как увидел огнестрельные штучки в нашем подвальном арсенале, где хранится устаревшее оружие. Послушай, Клэнси, а как нам поступить с бродягой, который дрыхнет в той же самой камере?

— Убей его за компанию, старик виновен в позорной нище-

те, даже если не совершил иных преступлений. Разве кому-нибудь доставит удовольствие лицезреть столь омерзительное убожество? Нашему королю следовало давным-давно покончить с нищетой, но так как Его Величество не сделал этого, нам самим придется проявить инициативу. Что значит один пьянчужка для Великого Мироздания? Так пускай он умрет от тех же пуль, что прикончат Тома Кармоди.

Они покинули раздевалку, а Скворец-Гонец-Хитрец-Молодец вернулся с вестями к принцессе Робин.

— Теперь ты понял, — сказала принцесса Тому, — почему нам надо поторопиться?

— Ладно, я согласен, ты права, — согласился Том. — Но как мы отсюда выберемся?

— У меня есть мысль, — задумчиво сказала Робин, направляясь к двери. Том последовал за ней и принялся разглядывать замок, который представлял собой очень странное змееподобное устройство. Это было длинное, узкое, пятнистое тело красно-черной окраски, оно полностью оплетало дверь по периметру, крепко уцепившись присосками за дверной косяк.

— Что это? — спросил Том.

— Это полуразумный дверной замок. Если хочешь, существо наподобие змеи, вид Hidromandia forens. Король недавно даровал этому виду эксклюзивное право охранять окна и двери Галактического Центра.

— Но какой в этом смысл? Что было плохого в старых добрых замках и щеколдах, которыми мы пользуемся на Земле?

— Думаю, ничего, если посмотреть на проблему с функциональной точки зрения. Однако с социальной точки зрения такая служба дает возможность заработать себе на жизнь ментально малопродвинутым существам, а это не только снимает заботу о них с плеч государства, но и приносит дополнительный доход казне в виде налога на самосознание. Замковые змеи умеют только сторожить, зато делают это превосходно, а их природная честность и неподкупность таковы, что заставляют устыдиться любую высокоразумную расу.

— Полагаю, вы говорите обо мне, — заметила Замковая Змея. — Все, что было сказано о нашем змеином племени, истинная правда, примите мои аплодисменты. Но, если кто-то подумал, что сможет уговорить меня отворить эту дверь, пусть лучше позабудет об этом. Разумна я или полуразумна, но великолепно знаю, что мне надо и не надо делать. К тому же меня специально проинструктировали не вступать в дискуссии с арестантами.

— Но я не настоящая арестантка! — возразила принцесса Робин.

— Тебя заперли в этой камере, верно? И если это не означает,

что ты находишься под арестом, то уж и не знаю, как это называть.

— Смотри сюда, — сказала принцесса, поднимая руку, и сложно пошевелила пальцами.

Замковая Змея моргнула и произнесла:

— Нельзя ли взглянуть еще разок?

Принцесса повторила свой сложный жест.

— О! Так значит, ты из Храмовников, как и я? И все же не рассчитывай, что я открою дверь лишь потому, что мы с тобой принадлежим к одной масонской ложе.

— Конечно, нет. Но я рассчитываю, что ты меня внимательно выслушаешь.

— Говори, сестра по культу, я слушаю тебя.

— Мой Скворец-Молодец повторит для тебя беседу, которую подслушал несколько минут назад. Он сделает это на твоем родном языке.

Шпион принцессы разразился взволнованным чириканьем и трелями.

— Да уж, — сказала Змея, когда он замолчал. — Ничего себе история.

Скворец энергично кивнул.

— Этот Долан — непроходимый тупица. А другой, по имени Клэнси, бессовестный казуист. Не надо быть интеллектуальным гигантом, чтобы заметить это. В любом случае, — задумчиво сказала Змея, — тюремщикам не положено совершать то, что замыслили эти двое. То есть убийство.

— Разумеется, не положено, — сказала Робин. — Но если ты прислушаешься, то услышишь, как приближается стук тяжелых башмаков.

И действительно, в дальнем конце коридора послышался целеустремленный марш — марш подбитых железными подковками каблуков.

— Боюсь, что ты права. Плохо, очень плохо. Но мне не положено судить, и я не имею права открыть дверь без дозволения. Что бы там ни происходило.

Робин просвистела пять непонятных звуков.

— О! — воскликнула Змея. — Так ты вдобавок придерживаешься пассивных ритуалов Древней Церкви? Я тоже!

— Приятно слышать, — сказала принцесса.

— Но, увы, и это тебе не поможет. Мне было строго-настрого приказано не отворять дверь без веских на то причин.

— В самом деле? Но ведь этот приказ дает тебе право принимать самостоятельные решения, не так ли?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Подумай, почему тебя называют полуразумным замком?

Потому что у тебя есть свой собственный разум, неважно, насколько рудиментарный. А в чем состоит роль разума? Да в том, что его обладатель, невзирая на полученные инструкции, имеет не только полное право, но и прямой долг самостоятельно судить, насколько вески те или иные конкретные причины в тот или иной конкретный момент. А для чего же еще ставить на этот пост обладающее разумом существо, как не для того, чтобы оно применяло свой разум в служебных целях?

— Неопровержимое рассуждение, — вздохнула Змея. — И притом относится непосредственно ко мне, не правда ли? Ну ладно, о'кей, ты меня уговорила. Возможно, лишь потому, что я полуразумна?

Замковая Змея поспешно освободила дверь, та распахнулась настежь, и Том с принцессой бросились бежать по коридору.

— Если увидишь моих соплеменников, передай, что Дрекс посылает им свою любовь! — крикнула вслед Змея.

Пока они бежали, Том, который обнаружил, что Робин не только чертовски мила, но и чертовски изобретательна, поглядывал на принцессу с новым уважением. Они проскочили через другую дверь и побежали по другому коридору. Этот новый коридор оказался чрезвычайно длинным, стены его были обшиты листовым алюминием или каким-то другим серебристым металлом. Равномерно расположенные настенные светильники-плафоны указывали им путь, а звуку их торопливых шагов послушно вторило звонкое эхо.

В конце концов коридор завернул налево, и через некоторое время Том заметил впереди солнечный свет. Победа! Перед ними вздымалась широкая лестница, они форсировали ее прыжками через две ступеньки и вылетели на улицу через крутящуюся стеклянную дверь. Но даже теперь, в городской сутолоке, принцесса не замедлила темпа, и окончательно запыхавшийся Том воззвал:

— Эй, нельзя ли немного потише?

— Мы все еще в опасности, — откликнулась Робин, продолжая бежать трусцой. — Они уже обнаружили наш побег и запустили программу автоматического поиска.

— Ха-ха, им придется рассортировать целую кучу народа, — пропыхтел Том, продолжая трусить за ней в толпе. — Конкретной опасности нет, так я думаю.

— Возможно, это так для твоей родной планеты, — возразила Робин, продолжая бежать. — Но наша система поиска базируется на неустранимых индивидуальных метках. И тебя тоже пометили, как только ты прибыл сюда.

Том внезапно вспомнил щекочущее ощущение, когда официальная машина безболезненно запечатлела на его твердом небе неудалимый идентификационный код.

— Я думал, эта метка предназначена для опознания тела в случае несчастного случая с летальным исходом.

— Ты думал неправильно. Это лишь одно из средств, с помощью которых наше правительство следит за всеми и каждым. Они могут наблюдать за кем угодно и в какое угодно время, не говоря уж о том, что составляют исчерпывающее досье на любую персону с момента ее появления на свет, включая показания учителей, друзей, родных, любовников и так далее.

— Тогда не вижу, каким образом наша спешка могла бы что-то предотвратить, — заметил Том.

Принцесса взглянула на него со снисходительной жалостью.

— Нам надо добраться до безопасного места прежде, чем они нас найдут. И там друзья заменят наши идентификационные коды фальшивыми с помощью запрещенных методов инженерии переходно-неустойчивых состояний.

Они продолжали двигаться резвой спортивной ходьбой сквозь толпы горожан, заполняющих тротуары, в бесконечном шуме и гаме великого города. В небе над их головами беспрестанно мелькали бесчисленные летательные аппараты, и в воздухе витали запахи горячей стали и подгоревшей изоляции. Какой-то цилиндрический объект, блистающий полированным хромом и красным лаком, внезапно завис над толпой, обшаривая прохожих лучами пурпурного цвета.

— Мы почти пришли! — воскликнула Робин, энергично затаскивая Тома в боковой переулок. Они еще немного пробежали, и принцесса указала на дверь.

Это безопасное место более всего напоминало бар-караоке. Руки друзей поспешно подтолкнули их к открывшемуся в полу люку, внутри которого обнаружилась лесенка. Спустившись вниз, они очутились в большой, ярко освещенной комнате, где их дожидался человек в белом халате. Дружески улыбнувшись, он торопливо впихнул их в белый медицинский бокс, что-то сразу басовито загудело, и Том ощутил на небе знакомое щекотание.

И это было все. Тут же появилась сервировочная тележка с выпивкой и сандвичами, которая всем своим видом красноречиво говорила, что невзгодам и испытаниям пришел конец, по крайней мере на ближайшее время.

— Том, возьми эту штуку и посмотри на нее, — сказала Робин, вручая ему небольшую каменную таблетку с выгравированными на ней непонятными письменами. Том подержал вещицу в ладони и почувствовал, что она нагревается, а после раздался довольно странный звук, словно бы кто-то деликатно прочистил горло.

— Спасибо, — сказала Робин, забирая таблетку. — Теперь она активирована.

— А что это? — спросил Том.

— О, всего-навсего Взыскатель Обещаний, совершенно идентичный тем, что применяются на вашей планете.

— Никогда не слышал ни о чем подобном, — сказал Том.

— Разве? Должно быть, они из вашего будущего. Извини, Том, но мне надо кое-что срочно сделать.

Принцесса поспешно удалилась, сжимая в кулаке Взыскатель Обещаний. Том решил дождаться ланча, чтобы потом попытаться отыскать либо Шиша, либо короля, а буде никто из упомянутых персон не обнаружится, то хотя бы подходящий способ убраться назад на Землю.

Сказать по чести, Том Кармоди совсем не так прекрасно проводил время, как предполагалось, когда Шиш пригласил его в Галактический Центр.

Глава 24

Барон Корво находился в просторном, ярко освещенном зале на верхнем этаже высочайшего небоскреба Галактического Центра. Из колоссального окна, на целую стену, открывалась впечатляющая панорама великого города, вся в путанице проспектов, авеню, улиц, улочек и переулков. Причудливые здания и площади, парки и скверы были видны как на ладони, но ни Корво, ни его ассистенты (последние то вбегали, то выбегали из зала с грудами распечаток, помеченных грифом СРОЧНО) не интересовались этим великолепным зрелищем.

Еще одну стену полностью занимала мозаика компьютерных дисплеев. Каждый из них показывал свое, однако ни одна из этих передач не имела, по-видимому, ни малейшего отношения к происходящему. Один экран, к примеру, демонстрировал нон-стоп мультсериал о Лестере и Мампси (и в этот момент как раз ту самую серию, где Мампси прикинулся привидением и пугает жуткими воплями Наполеона Бонапарта, который забрел в этот мультик исключительно по ошибке, искусно подготовленной несколькими кадрами ранее, и мечтает лишь о том, чтобы как можно скорее вернуться на свою Святую Елену, где безумно обожающий императора Лестер поджидает его с чашей яда, воображая в своей наивности, что дарует Наполеону Бонапарту эликсир бессмертия).

Барон Корво не смотрел на дисплеи. Он, как обычно, говорил по двум телефонам сразу, одновременно просматривая документы, прихлебывая остывающий кофе, затягиваясь сигаретой и принимая эпохальные решения. Вбежал очередной ассистент и положил перед ним на стол протокол последнего допроса, снято-

го с Денежной Машины, рабочее место которой было зарегистрировано на Площади Всякой Всячины.

Преступницу застукали в ремонтной мастерской, где та бахвалилась своими злодеяниями перед товарками, арестовали и препроводили в Секретную полицию бдительные оперативники Комитета по Подавлению Излишней Инициативы Разумных Машин (КПИИРМ). На допросе третьей степени Машина раскололась и трое суток кряду без перерыва выбалтывала абсолютно все, что было накоплено в банках ее долговременной и оперативной памяти.

— Да, да! Я признаюсь! Это был король! Но Его Величество велели никому не говорить! Как же я могла ослушаться приказа самого короля?! Я ведь не знала, честное слово, еще не знала, как важно компетентным органам найти Его Величество прежде, чем они успеют причинить себе непоправимый вред!

В конце концов ее решили отпустить, ограничившись сверхстрогим выговором. К несчастью, Денежная Машина не могла рассказать о том, чего и сама не ведала, а именно — где сейчас находится король.

Гигантская электронная карта, занимающая третью стену рабочего кабинета Корво, наглядно демонстрировала прогресс (то есть его отсутствие) в круглосуточных поисках короля. Сейчас на карте был изображен весь Галактический Центр и большая часть его пригородов. Оптимистическими зелеными линиями обозначались перспективные наводки, а когда они заводили в тупик, цвет их менялся на тускло-оранжевый. Тревожные красные пятна, очерченные жирными черными границами, манифестировали еще ни разу не обследованные территории.

— Принцесса Робин, барон, — прошептал над ухом ассистент. — Желает с вами поговорить.

— Дьявольщина! У меня нет времени на такие пустяки, — раздраженно пробурчал Корво. И все-таки принцесса все еще важная персона, подумал он, по крайней мере, пока поведение и матримониальные намерения короля полностью не прояснились. — Ну хорошо, впусти!

На Робин был небесно-голубой костюм с изящными алыми аксессуарами, и выглядела она в этом наряде прелестно. Впрочем, как и всегда. Что касается Корво, то он являл собой воплощение любезности, когда отвернулся от карты и сказал:

— Какая честь, принцесса, я счастлив вас видеть! Хочу заверить, что мы делаем абсолютно все возможное, дабы поскорее отыскать нашего короля. У нас есть веские основания полагать, что его исчезновение связано не с чем иным, кроме как с кратковременной ментальной аберрацией, что иногда бывает с правящими монархами. У нас также есть основания надеяться, что местонахождение короля будет обнаружено в самое ближайшее время и мы вернем его на территорию дворца.

Принцесса сразу взяла быка за рога, воспользовавшись прерогативами королевской нареченной.

— Допустим, вы его найдете. А что, если король не захочет вернуться?

Корво мрачно улыбнулся.

— Мы убедим его. Для этого существуют различные способы.

— Знаю я ваши способы убеждения, — презрительно сказала Робин.

Корво подавил желание произнести: «Если так, то зачем ты сюда заявилась, глупая сучка?» И вместо этого сказал:

— Если так, чем еще могу услужить вам, принцесса?

— Вы знаете, что я нареченная невеста короля.

— Разумеется. Всем известно о вашем грядущем блаженстве.

— Так вот, лично у меня есть основания полагать, что король использовал бегство из дворца как способ разорвать нашу помолвку. У него просто не хватило храбрости поглядеть мне в глаза и сказать: А ПОШЛА ТЫ К ЧЕРТЯМ, РОБИН, Я ПЕРЕДУМАЛ! Нет, он выбрал окольный путь, жалкий трус!

— Возможно, в чем-то вы и правы, принцесса, — сказал барон Корво обволакивающим голосом. — Мы обязательно побеседуем с королем на эту щекотливую тему, как только обнаружим его.

— Одной беседы недостаточно! Я хочу, барон, чтобы вы сделали нечто большее.

— Что именно вы имеете в виду, принцесса?

— Я хочу, чтобы вы передали ему вот это, — сказала Робин, вручая Корво маленькую каменную таблетку с выгравированной на ней надписью на давно позабытом языке.

Барон взглянул на артефакт с любопытством.

— Знаете, принцесса, короля обычно не интересуют древние каменные таблетки.

— Но эта его определенно заинтересует. Взыскатель Обещаний, вот как называется этот старый амулет.

Барон поглядел на таблетку не без уважения.

— Продукт Старой Земли, если не ошибаюсь? Относится к классу этических усилителей. Где вы раздобыли ее, принцесса?

— Это неважно, — нетерпеливо сказала Робин. — Амулет уже активирован человеком с Земли и готов в любой момент приступить к работе. Вы должны отдать его королю. А Взыскатель напомнит ему четко и недвусмысленно, что жениться на мне — его священный королевский долг.

Корво показалось, что таблетка слегка засветилась и запульсировала в его ладони.

— Этот артефакт разумен? — спросил он.

Голос прозвучал как будто прямо в голове у Корво.

— Будь уверен, барон, я очень даже разумен. Да не озирайся ты с таким дурацким видом! Я Взыскатель Обещаний и говорю напрямую с твоим рассудком, если его, конечно, можно так назвать. Мои ближайшие родственницы — древнегреческие Фурии. Мой личный девиз: ОБЕЩАНИЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ВЫПОЛНЕНО, НЕВЗИРАЯ НИ НА ЧТО.

— Очень, очень интересно, — промурлыкал барон. — Говорящая таблетка! Какое замечательное новшество! — Он положил Взыскатель Обещаний в нагрудный карман. — Не надо беспокоиться, принцесса, я лично позабочусь, чтобы ваш царственный жених непременно ее получил. А теперь, если вы меня извините... На поиски короля уходит столько времени и сил...

— Понимаю, — сказала Робин. — Я буду в своих апартаментах в Малом Трианоне, в ожидании хороших новостей.

— Вы их получите, — галантно заверил Корво, выпроваживая принцессу восвояси. Как только она удалилась, в кабинет ворвался очередной ассистент.

— Мы нашли короля, милорд! Наводка подтвердилась! Он сидит на скамейке в общественном парке, что на западном берегу Холодной реки, и бросает голубям воздушную кукурузу из пластиковой упаковки! Фирма, расфасовавшая кукурузу, пока не установлена.

— Летучий Эскадрон — на вылет, — распорядился Корво. — Дайте им координаты, но пусть ничего не предпринимают до моего появления. Я последую за ними в своем персональном одноместном флаере.

Барон забрался в свой одноместный флаер, который всегда парил наготове прямо за окном его пентхауса. Будучи человеком столь же аккуратным, как и осторожным, он не забыл пристегнуть ремни безопасности, прежде чем послать мысленную команду сверхмощному двигателю, который был специально выведен по его заказу.

Флаер взвился над крышами Галактического Центра и резво устремился в небеса, все выше и выше, повинуясь радостному настроению хозяина. Корво расхохотался во все горло, восхищаясь великолепной мощью и маневренностью своего крошечного корабля. Все выше и выше, быстрее и быстрее, пока в потемневшем небе не замерцали мириады звезд! Вскрикнув от восторга, он мысленно послал машину в левый разворот... и внезапно обнаружил, что она не подчиняется приказу.

— Проклятие! — рявкнул барон. — У меня нет времени на твои дурацкие поломки! Ну давай же, бесчувственная жестянка, подчиняйся!

Флаер не внял его призывам и свалился в широкий, но очень быстро сужающийся штопор. Корво замотало, как крысу в центрифуге, однако он ухитрился перебросить тумблер на ручное управление. Не сработало. Он рванул рычаг выброса аварийных стабилизаторов. Без всякого толка. Он нажал на кнопку контрольной системы, которая, по идее, предотвращала столкновение со стационарными объектами, но на экране появилась надпись: НЕ ФУНКЦИОНИРУЕТ. Он ударил кулаком по кнопке катапульты, которая должна была выбросить его в воздух вместе с пилотским креслом. Но не захотела.

Земля тем временем приближалась изумительно быстро, вся коричневатая и зеленая, и сила тяготения в сотрудничестве с разгулявшейся центробежной наконец-то сорвали с флаера прозрачный колпак. Корво закувыркался в воздухе, благословляя собственную предусмотрительность, вынудившую его надеть аварийный парашют. Вытяжной шнур запутался в приносящем удачу и счастье ожерелье, но он ухитрился освободить его и дернул, сжимая зубы. Парашют раскрылся, это было как удар о кирпичную стену. Последнее, что барон увидел перед тем, как потерять сознание, была стремительно несущаяся ему навстречу земля.

Когда сознание вернулось к Корво по прошествии неизвестного промежутка времени, первое, что он увидел, была странная темнота. Не совсем черная, с каким-то синеватым оттенком, в беловатых и желтоватых пятнах, а когда его глаза привыкли, обнаружилось, что это огромная мрачная пещера с наплывами минеральных отложений на стенах, которые фосфоресцируют белым и желтым.

Никогда прежде он не видел этого места. Более того, даже не подозревал о его существовании! И к тому же, как Кровo выяснил, подозрительно вглядываясь в темноту, он был тут отнюдь не один.

— Кто вы? — хрипло вопросил барон у сидящих рядком фигур. Все они были закутаны в черные плащи и с низко надвинутыми капюшонами.

Одна из фигур молча поднялась, откинула капюшон, и Корво узнал это лицо. Это были черты его отца, который скончался уже много лет назад.

— Отец! Это ты? Что ты здесь делаешь?

— Я тут не один, сынок, — сказал ему отец. — Мы тут все, вся твоя фамильная линия Корво начиная с незапямятных времен.

— О нет, реальностью это быть не может, — пробормотал барон и очумело потряс головой.

— Что может быть более реальным, о сын мой, чем цепь человеческой расы, представленная здесь твоим собственным семейством?

— Зачем вы явились? Я сделал что-нибудь не так?

— Ничего дурного ты не сделал, Корво. Просто настало время, когда ты должен узнать неведомые никому из живых секреты твоей кровной линии. Ты должен узнать, что глубоко в твоем сердце спрятан величайший секрет, фамильное наследство, испокон веков переходящее от отца к сыну в ожидании того часа, когда сойдутся воедино все необходимые условия. И вот теперь, о сын мой, этот час настал!

Усиленно вглядываясь в полумрак, барон Корво наконец различил плотную цепочку темных фигур, убегающую назад так далеко, насколько мог видеть глаз. Учитывая обстоятельства, он закономерно предположил, что все эти неясные фигуры — его отдаленные предки. Мистическое зрелище не вызвало у него никакого восторга. Корво чувствовал себя одураченным, самым нечестным образом вырванным из собственной налаженной жизни.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — сказал барон, — но все вы, ребята, уже давным-давно мертвы. С какой это стати я должен последовать вашим советам?

— По той причине, о сын мой, что мужчина является телесным воплощением предыдущих решений своего семейства! Ты никогда не получишь подлинного удовлетворения от жизни, Корво, покуда не выполнишь свой долг перед предками, последовав древнейшему императиву, и он станет править твоим разумом и душой с тех пор, как ты его осознаешь.

— Какой еще императив? — недовольно спросил барон.

— Как отчеканено в веках, — сказал его отец, — тебе завещано позабыть о лояльности, отбросить ее прочь, словно приснившийся дурной сон. Главное дело твоей жизни, о сын мой Корво, состоит в том, чтобы ПРЕДАТЬ КОРОЛЯ.

Прежде чем барон нашелся, что ответить, послышался другой голос. Он исходил от дряхлого старца, которого Корво не узнал, но родич не замедлил представиться:

— Корво, я твой дед по отцовской линии и не могу не сказать...

— Минуточку, папа, — поспешно сказал отец Корво, — я как раз ему все объясняю.

— Ты собираешься целый день болтать языком вокруг да около, Амос? Просто прикажи мальчику сделать одно, другое или третье, и наконец покончим с этим.

— Теперь так не делается, Минстра, — сказал отец. — Это новая генерация, им всегда нужны объяснения и логические обоснования.

— Объяснения! Обоснования! Тьфу! — фыркнул дед. — Когда я был молодым, нас такой роскошью не баловали.

Отец сказал Корво:

— Сынок, твой дедушка просто хочет напомнить, что ты обязан служить своей семье.

— Какой семье? У меня нет ни одного живого родственника.

— Это неважно, потому как в расчет идут только мертвые. Мы все присутствуем здесь, и я говорю за всех.

— Я не вполне уверен, что мой долг перед семьей настолько велик, — заметил барон.

— Причина в том, что ты не получил традиционного воспитания и не понимаешь, что значит кровное родство. Для того мы и встретились с тобой, чтобы все тебе объяснить. Ибо настало критическое время и для тебя, Корво, и для нас.

— Критическое время? Как это понимать?

— Настало такое время, когда можно решительно переменить Галактическую Историю.

— Я не слишком уверен, что мне хочется перемен в истории Галактики, — заметил Корво.

— Она уже изменилась! Неважно, что сейчас делает король, важно то, что вернуться к старому порядку вещей невозможно. Осталось лишь определить, какую роль при новом порядке будет играть твоя семья, Корво. Твой успех — это наш успех, у нас с тобой одни и те же интересы. Но сверх того, у нас есть секретное знание, какого нет у тебя. Возьми его у нас, и ты сумеешь добиться цели оптимальными средствами.

— Хорошо, поделись со мной своим секретным знанием.

— Великое множество поколений назад один из наших отдаленных предков заполучил в свое распоряжение Прогнозатор, сохранившийся как пережиток предыдущей Вселенной, каковая предшествовала Большому Взрыву. Каким образом наш предок раздобыл этот артефакт и почему нигде нет второго, к делу не относится. А имеет отношение к нашему делу то, что с помощью Прогнозатора он спланировал оптимальную стратегию достижения максимального блага как для себя самого, так и для всех своих потомков. Надеюсь, ты еще не потерял нить повествования?

— Ни в коем случае, — заверил отца барон. — Но я знаю, что наша семья всегда служила правящему дому и что АБСОЛЮТНАЯ ЛОЯЛЬНОСТЬ — наш семейный девиз. И теперь ты говоришь мне, что внезапно все изменилось?!

— Именно так. Наша семейная лояльность никогда не была абсолютной, мы использовали ее лишь как средство для достижения конечной цели. Нашей собственной цели! И поэтому, когда придет надлежащее время, а оно уже наступило, с точки зрения оптимальной стратегии абсолютно необходимо отринуть былую лояльность ради величайшего семейного блага.

— Просто скажи ему, что надо сделать! — встрял дедуля. — Или он согласится, или нет!

— Я как раз собирался приступить к этому, папа, — огрызнулся отец Корво. — Так вот, сын мой, я не могу проинструктировать тебя насчет того, что надо делать. Но я точно могу сказать, чего ты не должен делать. Ты не должен сохранять верность королю! Думай лишь о верности себе и семье.

— Ладно, я понял. Но что же мне делать конкретно?

— Это тебе предстоит выяснить самому. Никто из нас не знает современных условий лучше, чем ты, Корво. По ходу дела обязательно разберешься. На благо себе и твоей собственной семье!

И внезапно, в мгновение ока, отец Корво, его дед и все остальные бесчисленные предки пропали без следа. Корво пошел на слабый свет и вскоре добрался до выхода из пещеры. Ему потребовалась лишь секунда, чтобы активировать свой локатор, и через минуту прибыл спасательный корабль. Пока они летели, барон размышлял, долго и мрачно, поскольку то, что он услышал в пещере, в корне изменило ситуацию.

Когда корабль прибыл в парк, где был замечен король, тот давно уже ушел, они опоздали. На обратном пути во дворец барон Корво продолжал усиленно размышлять. Он должен предать короля? Ну что ж, прекрасно. Но кто тогда будет править Галактическим Центром? Проклятые предки не заикнулись о том ни словечком.

Глава 25

Том сидел в кафе за углом меблирашек, где провел ночь, прихлебывая из чашки то, что сходило в окрестностях за кофе, и размышлял, что делать дальше. Ему совсем не нравилось, как разворачиваются события. Том пробыл в Галактическом Центре достаточно долго, чтобы уразуметь, что встретиться с королем будет отнюдь не просто. Казалось, перед ним искусно мечут карты из первобытной колоды, которой играет судьба, и эту колоссальную колоду все время кто-то подтасовывает.

Но сейчас у Тома была одна карта в заначке, и она могла оказаться козырем. Некто по имени Манфред, который передал ему словцо, что может быть полезен. Через полчаса к его столику подошел человек и уселся напротив.

— Манфред? — спросил Том, и мужчина кивнул. — А где же король?

— Трудно сказать, — ответил Манфред.

— Его планы изменились?

Манфред пожал плечами.

— Но он должен был встретиться со мной!

— Наш король — человек слова, — сказал Манфред. — Но не

дурак. Будь он глуп, не стал бы королем бесконечного пространства. И он прекрасно знает, что есть люди, которые желают ему навредить. Подлый заговор зреет с той самой минуты, как наш король взошел на трон, но при обычных обстоятельствах он справился бы с ним без труда. Это довольно легко, когда король во дворце, в окружении верных вассалов, и в любую минуту имеет возможность ознакомиться с докладами своих наблюдателей и шпионов. Но когда он покидает дворец и остается сам по себе, угроза для жизни и чести короля неизбежно возрастает. Чем дольше он пребывает вне защиты дворца, тем больше становится риск. И хотя наш король принимает все мыслимые меры предосторожности, кому-то, по всей видимости, стало известно, что у него назначена встреча с вами в этом кафе. Почуяв опасность, король был вынужден скрыться, возможно, и чересчур поспешно.

— И король не передал мне, где его искать?

— Разумеется, нет. Любое словечко, которое что-то означает для вас, будет значить еще больше для его врагов, и он не осмелился. Однако, зная короля и то доверие, которое он к вам питает, я могу сказать без малейшей тени сомнения: король рассчитывает на то, что вы его найдете.

— Но как?!

— Передвижения короля, даже за пределами дворца, могут быть предсказаны человеком, который его достаточно близко знает. Вам надо поговорить с Эсбелем, придворным хореографом.

— Хореографом? Это человек, который придумывает или записывает танцевальные па?

— В узком смысле слова вы совершенно правы. Однако Эсбель делает гораздо большее. Он планирует передвижения по дворцовой территории всех членов королевского двора, дабы необходимые ежедневные процедуры гармонично сливались в великолепную придворную павану, танец неслыханной сложности и величия, какого доселе не видала Галактика.

— Но как придворный хореограф может узнать, куда направился король в Галактическом Центре?

— Один из главных аспектов его работы заключается в том, что Эсбель предсказывает маршруты придворных и самого короля с целью заранее предписать их передвижениям надлежащую форму. По части королевских пристрастий и привычек он подлинный энциклопедист! Эсбель знает не только все, что король делает во дворце, но и все, что королю заблагорассудится сделать за его пределами. Ему известны королевские сны и даже потаенные мысли короля, поскольку именно мысли определяют наше внешнее поведение, а уж в этом-то деле Эсбель выдающийся специалист. Стопроцентного успеха гарантировать не могу, но никто лучше

Эсбеля не определит, куда направился король и где его следует искать в настоящее время.

— Как мне найти этого Эсбеля? — спросил Том.

— У него апартаменты в северной башенке дворца. Вот карта, которая показывает, как пройти отсюда туда. — Манфред вытащил из внутреннего кармана камзола большую, в несколько раз сложенную карту и вручил ее Тому.

Развернув карту, Том увидел, что это пергамент, сделанный, по-видимому, из овечьей кожи, тяжелой и желтоватой. Изображение оказалось немного смазанным, но путь до башенки можно было разобрать без труда, невзирая на его чрезмерную извилистость. Кое-что показалось Тому странным. Интересно, что это за штуковины под названием УНГРОНЫ, мимо которых ему следует пройти С ВЕЛИЧАЙШЕЙ ОСТОРОЖНОСТЬЮ? Так или иначе, следовать этой карте будет не слишком сложно.

— Я пойду к нему немедленно, — решил Том.

— Боюсь, — сказал Манфред, — что это не слишком удачная идея.

— Отчего же?

— Это весьма рискованно.

— Но почему?

— Потому что апартаменты Эсбеля охраняет специальный страж, который убьет любого, кто попытается туда войти.

— Нельзя ли позвонить Эсбелю, чтобы тот нейтрализовал своего стража?

Манфред покачал головой.

— Эсбель не имеет никакого отношения к своему стражу, его поставил на пост сам король. И снять его с поста может только команда короля. И даже в этом случае, как минимум, десяток членов Верховного Совета должны расписаться под письменным разрешением короля отдать такую команду. Лично я знаю лишь единственный способ обойтись без формальностей.

— И какой?

— Стража придется убить.

— Ну уж нет! Убийство — это не для меня.

— Я выразился метафорически. Страж — не человек.

— Я не готов даже к метафорическому убийству.

— Ты способен повернуть выключатель робота, если это поможет тебе найти короля?

— Разумеется. Однако убийство стража — совсем другое дело.

— По сути, одно и то же. Я уже сказал, что страж не человек, а машина. Очень умная машина, но совсем без души и без чувств. Убийство — всего лишь образное выражение, на деле речь идет о том, чтобы выключить стража.

— Это звучит гораздо лучше, — сказал Том.

— К несчастью для твоей чувствительности, чтобы выключить страж-машину, надо ее разрушить с помощью оружия уничтожения, и внешне это чрезвычайно походит на убийство.

— Ну нет, мне совсем не нравится эта идея, — сказал Том.

— Но это единственный способ добраться до Эсбеля.

— Станет ли он вообще разговаривать со мной, пусть я даже пройду мимо стража?

— Он поговорит с тобой, будь уверен. На самом деле Эсбель прислал мне записку, где сказано, насколько он восхищен твоими упорными поисками и что он охотно поможет тебе, чем только сможет.

— Ну ладно, о'кей, но где я возьму оружие уничтожения, чтобы справиться со стражем?

— Придется пойти к Торусу Оружейнику и уговорить его.

— А он согласится?

— Ради короля? Несомненно. Торус — официальный придворный поставщик нелегального оружия.

— А почему нелегального?

— Потому что в Галактическом Центре иметь личное оружие категорически запрещено.

— Постой-ка, если оружие вне закона, то... Нет, ничего. Не обращай внимания. Где мы можем найти Торуса?

— Ты пойдешь к Торусу без меня. Через эту дверь вон по той улице до остановки маршрутного такси, где надо сесть в машину бордовой линии и выйти на остановке Каллисто. Там ты найдешь столбик с кнопкой, на эту кнопку надо нажать.

— Ты меня не проводишь?

— Только до остановки. Мне не позволено надолго отлучаться со станции в рабочие часы.

— Сесть, доехать и нажать на кнопку? И это все?

— В основном.

Том не вполне поверил Манфреду, но что он мог поделать?

Глава 26

Они с Манфредом немедленно покинули кафе и очутились на краю шумной скоростной магистрали, битком набитой наземным транспортом, который носился туда-сюда с совершенно невероятной скоростью. Летающие машины прилетали целыми стаями, зависали в воздухе, приземлялись, высаживали одних пассажиров, подбирали других и снова разлетались во всевозможных направлениях. Там были светофоры, а как же, но всех цветов ра-

дуги, и они беспрестанно посылали разнообразные сигналы, о значении которых Том даже не стал гадать. И разумеется, там были звуки, помимо низкого ровного гудения приглушенных моторов: пронзительное чириканье, бибиканье, хриплое рявканье труб, резкое стаккато тонального радиокода, тяжелое буханье гигантского барабана и много чего еще. Вся эта какофония, по-видимому, была составной частью глобальной системы управления транспортом. Том воспринимал ее как жуткий хаос, но Манфред сказал:

— Поживи ты тут хоть пару месяцев, и все бы прекрасно усвоил. Смотри на городскую жизнь как на джунгли, где каждый вопль и шум имеют четкое значение для их обитателей.

— Но для меня эти звуки ровно ничего не значат.

— Они тебе не нужны. Ты просто должен дождаться маршрутки и сесть в нее.

Манфред подвел его к длинному неоновому дорожному знаку, который был установлен на углу улицы и стремительно выдавал многоцветные (и совершенно бессмысленные для Тома) символы и сигналы.

— Что это означает? — спросил Том.

— Что машина прибудет с минуты на минуту.

И действительно, едва Манфред успел произнести эти слова, как сверху к ним величественно спланировало большое авто, на пару секунд зависло в воздухе и приземлилось.

— Здесь мы должны расстаться, — сказал Манфред. — Вот тебе проездной жетон и желаю удачи.

Том забрался в маршрутку, отдал жетон водителю и спросил:

— Вы мне не подскажете, когда будет остановка Каллисто?

— Не проблема, — сказал водитель. — А ну все на борт! Я закрываю двери и включаю антиграв. Держитесь покрепче, ребята. Поехали!

И они поехали вертикально вверх. Том увидел далеко внизу россыпь огней Галактического Центра. Потом автобус набрал горизонтальную скорость, и они полетели по маршруту. Должно быть, Том задремал, поскольку всего через несколько минут, как ему показалось, раздался громкий голос водителя:

— Остановка Каллисто! Эй, чужестранец, тебе выходить!

Том поблагодарил его и вышел на край тротуара. Машина пошла наверх. Оглядевшись, Том увидел, что стоит перед целым лесом тонких колонок из белого пластика, каждая примерно трех футов высотой. На каждой колонке была кнопка, а под кнопкой — табличка с надписью. Ему не понадобилось много времени, чтобы отыскать имя Торуса и нажать на кнопку.

Глава 27

Найти оружейный магазин было нетрудно. Над его дверью висела большая вывеска: «ОРУЖИЕ ДЛЯ ИНТЕЛЛИГЕНТНЫХ СУЩЕСТВ ВСЕХ ГАЛАКТИЧЕСКИХ ВИДОВ». Магазин размещался на первом этаже и имел огромную стеклянную витрину, через которую Том узрел оружие разнообразных форм и размеров, аккуратно разложенное на пурпурном рытом бархате. Это оружие очень мало походило на то, к которому он привык на Земле.

Там была штука размером с детский футбольный мячик, состоявшая из множества трубок, обвитых вокруг центрального сердечника, и снабженная ручкой диковинного вида, которая, на взгляд Тома, не подошла бы ни к одной руке, которую ему доводилось видеть. Рядом, на небольшом пьедестале, покоился блестящий черным лаком и хромом инструмент в форме скальпеля: крошечные кнопки на его ручке явно предназначались для пальцев гораздо меньшего размера и более гибких, чем у него.

Том вошел в магазин, и человек, который сидел в кресле и читал газету, поспешно отложил ее в сторону и встал, чтобы приветствовать клиента.

— Я Торус, — сказал он. — Чем могу услужить?

— Вы официальный поставщик нелегального оружия?

— Да, я имею честь быть названной персоной.

— Как можно быть официальным поставщиком, если ваше оружие вне закона? Нет ли тут вопиющего несоответствия?

— В Галактическом Центре абсолютно все оружие вне закона. Даже те предметы, что, по сути своей, оружием не являются, но могут послужить таковым, снабжены защитой от дурака, то есть хитроумными встроенными спецустройствами, которые не позволяют использовать эти предметы не по прямому назначению, как бы того ни хотелось персонам с убийственными наклонностями.

— Но, по-моему, почти все, что нас окружает, может быть использовано в качестве тупого объекта. Разве можно защитить от дурака тупой объект?

— Думаю, тут проще показать, чем рассказать. — Торус пошарил за прилавком и извлек на свет залихватски изогнутую металлическую загогулину около трех футов длиной. — Это клинтийский обувной рожок, — пояснил он. — Его форма идеально соответствует стандартному устройству ноги клинтийца, каковая, по нашим стандартам, весьма странно устроена, и напяливать на нее башмак воистину адский и неблагодарный труд. Однако этот мирный предмет домашнего обихода, вы ведь не стане-

те возражать, может быть весьма успешно применен в качестве тупого объекта, кем-нибудь вроде меня или, скажем, вас.

— Еще как может, — согласился Том, взвешивая загогулину в руке.

— А вы попробуйте, — предложил Торус. — Валяйте ударьте меня.

— Мне бы, право, не хотелось...

— Не стесняйтесь! Это совершенно безопасно.

— Ну, если так...

Том размахнулся и швырнул клинтийский рожок в голову Торуса. Когда до цели остались лишь миллиметры, рожок отскочил, словно наткнулся на невидимую стену. Через секунду последовала вспышка света, и суровый женский голос произнес:

— Наша Служба не упустила из виду, что вы только что попытались использовать клинтийский обувной рожок с недозволенной агрессивной целью. Попытка была предотвращена Государственной Бесконтактной Печатью, и мы вынуждены вынести вам первое предупреждение. При следующей попытке вы получите резкий удар по голове от Службы Автоматического Возмездия. Рекомендуем запомнить, что хорошее общество — это такое общество, которое всегда может дать сдачи.

— Какая изумительная идея! — воскликнул восхищенный Том.

— Мы позаимствовали ее у вас, землян, — сказал довольный Торус. — В вашей северной мифологии есть легенда о том, как мать Бальдура призвала к себе все растения и заставила их поклясться, что они никогда не навредят ее сыну. Однако кто-то из слуг забыл пригласить омелу, и Локи, бог зла, использовал ее в своих гнусных целях. Идея наделения вещей невредящими свойствами нас крайне заинтересовала. Конечно, мы не можем сделать это со всеми вещами до единой, но делаем все, что в наших силах, с наиболее замешанными в злоупотреблениях. Это обувные рожки, бейсбольные биты, трости и зонтики, велосипедные рамы и так далее, и тому подобное, причем список постоянно расширяется.

— Просто замечательно, — сказал Том. — И все-таки я не понимаю. Если оружие нелегальное, как вы можете его официально распространять?

Торус улыбнулся.

— Правительство Галактического Центра настолько же реалистично, насколько идеалистично. Очень хорошо, что оружие запрещено, но мы также признаем, что разумные существа имеют врожденную тягу к тому, чтобы время от времени брать его в руки и использовать недозволенным образом. Принимая во внимание неодолимый закон психологии, наш король узаконил незаконное до такой степени, что назначил меня официальным поставщиком нелегального оружия. А в итоге, когда у граждан возникает соответствующая нужда, они знают, что всегда найдут оружие у меня, и притом наилучшего качества. Ведь всучить клиенту дрянной или попорченный товар — грех нисколько не меньший, чем вовсе не дать ему оружия! К тому же правительству очень удобно знать, сколько я продал за год и кому, чтобы в случае, если королю вдруг взбредет в голову проконтролировать исполнение своего неисполнимого закона, незамедлительно представить ему подробный и исчерпывающий список злодеев.

— Слишком сложно для меня, — заметил Том, — но если все вы тут, ребята, довольны, то кто я такой, чтобы жаловаться? Тем более что я тоже нуждаюсь в оружии. Видите ли, я веду поиски короля и должен поговорить на эту тему с одним человеком. Мне необходимо проконсультироваться с Эсбелем, у которого есть ценные мысли по поводу вероятного местонахождения короля, но я не могу. Ведь специально поставленный страж убивает каждого, кто пытается приблизиться к Эсбелю.

— И вы желаете убить стража?

— Ну... да. Но мне сказали, что это не будет настоящим убийством, — поспешно добавил Том.

— И поэтому вы считаете, что в данном деянии нет ничего дурного?

— Не то чтобы совсем ничего, но оно вполне допустимо.

— Понимаю. В любом случае, резоны в оправдание убийства остаются вашим личным делом, я не вправе о них судить и рядить. В конце концов, мотивы каждого, кто приходит ко мне за нелегальным оружием, дабы использовать его в противозаконных целях, не выдерживают жестокой критики. Кстати, я знаю стража, о котором вы говорите. Это Дрэкс-32 Суперохранник с уровнем искусственной воодушевленности 504 и симулированной чистосердечности 0,4. Думаю, у меня есть именно то, что вам требуется.

Торус подошел с стойке с выдвижными ящиками, по очереди заглянул в некоторые из них и извлек наконец плоскую коробку размером примерно фут на фут. Открыв коробку, он вынул из нее объект, который как две капли воды походил на толстое кольцо из нержавеющий стали около фута в диаметре.

— Что вы об этом думаете? — спросил он, вручая его Тому.

Том взвесил странный объект на ладони. Он был теплый и слегка вибрировал. Пахло от него машинным металлом и горькой мятой.

— С виду совсем неплохо, — вежливо сказал Том.

— Еще бы! Спросите, готов ли он к действию, для того я вам его и дал.

Том внимательно посмотрел на кольцо. Вибрации объекта усилились, он выглядел так, словно бы чего-то ожидает, если, ко-

нечно, кусок безликого металла вообще может как-нибудь выглядеть. Во всяком случае инертным его никак нельзя было назвать.

— Эй, — сказал Том на пробу. — Тут есть кто-нибудь?

— Только мы, твои цыплятки, хозяин! — откликнулся кусок металла. — Это я пошутил, сам понимаешь, чтобы ты почувствовал себя свободно. Первым делом отвечаю на твой невысказанный вопрос. Я лицензированный Сокрушитель Стражей производства «Хамски Индастриз», с неограниченной гарантией и способен вывести из строя любое охранное устройство мощностью до 99,3 у.е. включительно, по шкале из 100 условных единиц. Я могу взломать любую защиту, ограждающую Эсбеля, разве не так?

— Конечно, раз ты так говоришь, — согласился Том. — Ты уже готов приступить к работе?

— Всегда готов и жажду! Мой владелец, мистер Торус Оружейник, хранил меня в безупречных условиях. Я то, что надо, Том, не сомневайся.

Том взглянул на Торуса, который раскинулся в кресле, с явным удовольствием прислушиваясь к их беседе.

— Похоже, эта штучка как раз в моем вкусе.

— Его зовут Номер Два, — сообщил Торус, — и он ваш за специальную низкую цену со скидкой, которой мы поощряем наших новых клиентов. Всего лишь триста симолеонских драхм.

— Никто не снабдил меня деньгами, — сказал Том. — Я уже было начал думать, что деньги здесь не в ходу.

— Разумеется, это не так. У нас в Галактическом Центре не взимают плату лишь за самое необходимое, то есть за пищу, жилье, воду и воздух. Но такая роскошь, как убийство, пусть даже искусственного стража, обходится недешево.

Том достал свой бумажник и заглянул в него.

— Здесь у меня семьдесят четыре американских доллара. Пойдет?

— Я возьму их в качестве задатка, — кивнул Торус, забирая у Тома купюры, — а обменный курс мы уточним позже. Если вы согласны доплатить недостающую сумму в течение четырех рабочих циклов, оружие ваше. А поскольку вас пригласил сам король, он, вероятно, даст денег, чтобы оплатить ваши расходы во время поисков. Это будет только справедливо, не так ли?

— Думаю, вы правы, — сказал Том.

Честно говоря, он не видел смысла заглядывать так далеко вперед в сложившейся ситуации, когда никто не мог предсказать, сколько времени ему понадобится, чтобы сделать все то, что ему еще придется сделать. Тем более что Том до сих пор не имел об этом ни малейшего представления.

Глава 28

Галактический Центр отнюдь не то место, где можно без труда сориентироваться, ибо там постоянно что-то ремонтируют, срочно сносят и спешно возводят новые строения, а кроме плановых работ, известных городским властям, есть еще и внеплановые, и сверхурочные, и просто случайные работы, в результате же возникают целые районы, совершенно никем не запланированные, и они остаются не учтенными до тех пор, пока какой-нибудь муниципальный чиновник совершенно случайно не наткнется на новехонький, совершенно незнакомый ему квартал.

Некоторые из этих новых районов перечислены в специальном Списке Несоответствий, который раздают прохожим, однако по самой природе вещей этот Список неизбежно отстает от реальности. Впрочем, уже проводится (в большом секрете, но довольно успешно) эксперимент по автоматическому аннотированию свеженьких городских объектов в момент их непосредственного возникновения или, в крайнем случае, на несколько мгновений спустя.

Том и Номер Два отправились в свой путь к Эсбелю. Они прошли наискосок через обширные Сады Ассоциации Вселенской Дружбы, поднялись по Променаду до Великой Белой Дороги и шагали по ней до тех пор, пока та не слилась с Центральным авеню, а там свернули в проезд без названия и вышли на Виа Долороза, откуда попали на Мытую улицу, проследовав по ней до Акрополя и далее на Слякотное шоссе, мимо Гнилого Ряда и Чертовых Куличков, пока не добрались до Оленьего перекрестка. И там, как раз после знака, указывающего дорогу на Рок-Сити, они набрели на Маленький Дворец Уединения.

И уж, конечно, у калитки стоял страж, очень крупный и цельнометаллических убеждений. Приблизившись к стражу, Том сразу заметил на его широченной груди надпись: «ДРЭКС» — и понял, что они пришли туда, куда и собирались.

— Ты готов? — спросил Том свое оружие.

— Эй, не стоит беспокоиться обо мне, — сказал Номер Два. — Я всегда готов. Но давай сперва попробуем его убедить. Если бы только люди почаще вспоминали об убеждении, то сэкономили бы море крови и горы рваного металла.

Страж Дрэкс был очень высок и носил весьма импозантную остроконечную шляпу, которая делала его еще выше и импозантнее.

— Хальт, кто идет? — заговорил он.

— Предоставь это мне, — сказал Тому Номер Два. Дрэксу он сказал: — Эй, привет! Как служится?

— Не так уж плохо, бэби, — сказал Дрэкс. — А как твои делишки?

— Слушай, зачем жаловаться? Лучше я познакомлю тебя со своим лучшим другом Томом Кармоди.

— Привет, — кивнул Том.

— Взаимно, — откликнулся Дрэкс.

— Мы просто хотели спросить, — сказал Номер Два, — есть ли шанс, что мы сможем перемолвиться словечком с человеком по имени Эсбель?

— Эсбель? А кто это такой?

— Тот, кого ты должен охранять.

— Я охраняю целую кучу народа. Дай-ка я проверю свой список... Как пишется по буквам? Нет, это имя не числится в моем внутреннем списке обязанностей. Почему бы вам не пойти и не найти его, если удастся?

— Мы так дела не делаем, — сказал Номер Два. — Он где-то должен быть в твоем списке, поищи.

— Я проверю список опечаток... ага! Эсбель! Понятно. Эти идиоты написали его через букву «з»!

— Люди бывают такими тупицами, — заметил Номер Два.

— И не говори, приятель! Так куда, ты упомянул, вы собрались?

— Мы должны поговорить с Эсбелем.

— В таком случае тебе не следовало называть его имя, — заметил Дрэкс, — и я продолжал бы оставаться декоративной скульптурой. Но что сделано, то сделано, и вы прекрасно знаете, что я охраняю Эсбеля и никому не позволю увидеться с ним. И если ты и твой дружок хорошие мальчики, то поскорее отправляйтесь восвояси, о'кей?

— Нет, не о'кей, — твердо сказал Номер Два. — Мы пришли сюда повидаться с Эсбелем, и мы его увидим, ясно? Возможно, ты заметил, что я нелегальное оружие?

— Этот факт не ускользнул от моего внимания.

— Ну что же, я выстрелю, если ты не дашь нам пройти.

— Ты знаешь мой ответ на угрозы. НЕТ.

— Разумеется. Но лишний раз спросить не повредит. Так, значит, ты нас не пропустишь?

— Ни за какие коврижки, — отрезал Дрэкс.

— В таком случае приготовься к немедленному уничтожению.

— Очень любезно с твоей стороны предупредить, но я уже давно готов к скоропостижному концу. Так уж мы, машины, изначально устроены, как я думаю.

— Том, — деловито сказал Номер Два, — нажми на мой спусковой крючок.

Том повиновался, но ничего не произошло.

— Осечка? — осведомился Дрэкс.

— Ничего подобного. Кажется, кто-то забыл меня зарядить.

— В таком случае вы оба, ты и твой человек, приготовьтесь к немедленному уничтожению.

— Погоди минутку, — сказал Номер Два. — Надеюсь, ты не станешь отрицать, что ножницы всякий раз разрезают бумагу?

— Конечно, но какое это имеет отношение к цене риса в Китае?

— А такое, что судьба предназначила тебе не убивать непрошеных гостей, а быть убитым ими.

— Ну, обычно это так, но на сей раз иначе.

— Не думаю, — заметил Номер Два. — Кстати, я уже радировал насчет сверхсрочной поставки боеприпасов.

— О, ничуть не сомневаюсь, но почему я должен их дожидаться?

— Потому. Если ты убьешь нас, то тем самым нарушишь инференциальное правило.

— Что это за правило?

Внутри Номера Два раздался громкий щелчок, и он сказал:

— Ага, вот оно! Инференциальное правило гласит, что хищники соображают куда быстрее тех, кто хочет воспрепятствовать их пиратскому набегу. Прощай, Дрэкс! Том, нажми на спуск.

Том нажал, и на передней стороне кольцеобразного куска металла, который он держал в вытянутой руке, сдвинулась в сторону панелька. Наружу выскочил маленький, кругленький реактивный снарядик, за долю секунды сориентировался, а затем стрелой метнулся к Дрэксу и взорвался.

От металлического стража остались лишь мелкие дребезги. Винтики, шпунтики и разнообразные осколки разлетелись во все стороны, за исключением той, где находились Том и Номер Два, так как в снарядик было встроено специальное устройство, охраняющее тех, кто выпустил его на волю.

— Пошли, поговорим с Эсбелем, пока еще кто-нибудь не вмешался, — сказал Номер Два.

И Том согласно кивнул.

Глава 29

Том вышел из трамвая и вошел в балетную студию Эсбеля.

— Я хочу узнать, где сейчас находится король.

— Вы пришли к нужному человеку. Если кто-нибудь что-то и знает о короле, так это я. А если я не знаю, то никто не знает.

— Тогда скажите мне, где он сейчас.

— Не скажу.

— Этим дерьмецом я уже сыт по горло, — решительно заявил

Том, доставая оружие. — Я прикончил вашего стража, прикончу и вас не раздумывая. Мне надоело быть игрушкой в чужих руках, слышите, Эсбель! Я устал! Устал!

— Я слышу вас, не надо так кричать, — сказал Эсбель.

— Прошу прощения, но я в кошмарной ситуации.

— Вы так думаете? А как насчет меня? Легко ли, по-вашему, рассчитывать передвижения королевского двора, если все они то и дело сбиваются с такта?

— Сочувствую, — вежливо сказал Том, — но мне позарез необходимо знать, что делает король. Затем я сюда и пришел.

— Ну что же, в данный момент король проводит совещание со своими друзьями-пролетариями.

— Где?!

— Маллинс-стрит, номер 32.

— Уже тепло! И если я немедленно отправлюсь туда?..

— То наверняка с ним разминетесь.

— Спасибо, это все, что я хотел услышать, — промолвил Том, роняя оружие, и выбежал вон.

Он понял, что с него довольно. К черту неуловимого короля! Этот проклятый монарх выманил Тома Кармоди из очень хорошего места и заманил в очень и очень нехорошее. И где, черт побери, обретается Шиш? Том огляделся, но поблизости Шиша не оказалось. Зато он увидел приближающуюся толпу и подумал, что в ней весьма удобно затеряться.

Но только не в том случае, когда эта толпа ищет тебя, как выяснилось, незамедлительно.

— Вот он! — раздался выкрик из толпы. — Вот он идет! Виват Тому Кармоди!

— ВИВАТ! — дружно грянула толпа. — КАР-МО-ДИ! КАР-МО-ДИ!

«Кажется, меня узнали», — подумал Том. Но как? Почему?!

А вот и Шиш, он отталкивает от Тома людей приговаривая:

— Все встаньте в очередь, немедленно в очередь! Том поставит свой автограф на всех ваших книгах, но только если будет полный порядок! Делайте, как я вам велю, или Том исчезнет, как утренний туман!

И вся толпа поспешно строится в очередь. Кто-то чудесным образом раздобыл для Тома стул, а кто-то другой, надрываясь, подволакивает стол. Стол ставят на все четыре ножки рядом со стулом, на его угол кладут внушительную стопку книг. Первый в очереди уже у стола — лицо желтой луной и сумасшедший блеск в глазах.

— О мистер Кармоди, я так давно мечтал...

Том автоматически подписывает книгу, Шиш отталкивает первого в сторону, и на его месте возникает второй. Они все подходят и подходят, один за другим, один за другим, это самая колоссальная, самая впечатляющая раздача автографов, которую

когда-либо видел Галактический Центр. Их уже тысячи, нет, уже миллионы, они толкаются и рвутся вперед, и целая команда — по-видимому, друзья или коллеги Шиша, — запихивает их обратно в очередь, поддерживая порядок. «Только автограф, никаких личных пожеланий»! — надрывается Шиш, а Том все подписывает, и подписывает, и подписывает.

Это слава, думает Том, но почему она так похожа на боль? И тут он видит перед собой лицо, которое уже заметил прежде.

— Кто вы такой? — требовательно вопрошает он в странной уверенности, что от этого момента зависят все его заботы и надежды.

— Я Димитрий! Дима! Я уже подходил два раза, но я работаю на Шиша, у меня особая привилегия. Если вы только подпишете эту книгу, о добрый сэр, и еще вот эту, и эту тоже. Боже, какой волнующий момент, а вот и леди, которая мечтает, чтобы вы подписали ее книгу...

— Леди? Какая леди?

Том поднимает глаза и смотрит прямо в лицо Молли, своей законной супруги.

— Ах ты, сукин сын! — верещит Молли и замахивается на него книгой.

Том закрывает глаза.

Когда он снова их открывает, то обнаруживает себя, благодаря специальной закулисной машинерии Галактического Центра, в совершенно ином месте, где нет никакой толпы. И он слышит, глубоко в своем мозгу, как тоненько жалуется чужак:

— Ой-еей-еей-еей!

Но тут нечто иное отвлекает внимание Тома от Шмульки. Что же привлекает его внимание? Это обольстительная и завлекательная тяга следующей сцены, которая нетерпеливо проталкивается вперед, чтобы заставить Тома сделать очередной шаг в предназначенном ему курсе действий. Однако действие на время приостановлено, пока Галактический Центр раздумывает, что будет дальше.

Мелькает молния, грохочет гром, а мы по-прежнему застряли в конце сцены. Ладно, все было чудесно и замечательно, но куда же мы двинемся теперь? Давайте посмотрим, что делает король? Нет, мы не желаем знать, что делает король!

Глава 30

На вывеске значилось: УНИВЕРСАЛЬНОЕ МНОГОЦЕЛЕВОЕ ОФИСНОЕ ЗДАНИЕ. БОЛЕЕ 20 МИЛЛИОНОВ ДЕЛОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, БОЛЬШИХ И МАЛЫХ, НАЗЫВАЮТ ЭТО МЕСТО СВОИМ ДОМОМ! В правом нижнем углу вывески горел маленький красный огонек, он весело подмигнул Тому.

Том еще раз оглядел здание и снова увидел невзрачное двухэтажное строение из старого красного кирпича. Деревянная дверь была открыта и подперта ящиком, за ней была видна лестница, уходящая наверх. Том опять поглядел на вывеску и увидел, что она изменилась. Теперь там было написано: КОСМИЧЕСКИЕ ПЕРЕВОЗКИ (2-й этаж). Он глазел на вывеску, пока огонек снова не подмигнул, словно бы в нетерпении.

— Ты уверен, что мы пришли куда надо? — спросил Том.

— Так гласит вывеска, — пожал плечами Шиш.

— Но раньше она гласила, что в этом здании помещается более двадцати миллионов контор.

— Это было до того, как она зафиксировалась на тебе. Видишь этот маленький сенсор в углу? Он прочитал твои мысли и выдал информацию о нужной тебе конторе.

— А куда подевались все остальные?

— Разумеется, никуда. Они все здесь, все двадцать миллионов. У нас в Галактическом Центре природная склонность к централизации.

Том взглянул на здание без всякого восторга.

— Я ожидал увидеть нечто совсем иное.

— Что-то поимпозантнее, не так ли? Размером с ваш земной Лувр? Мрамор, хром, фонтаны, возможно, лазерное шоу?

— Что-то вроде этого, — сказал Том.

— Нам не надо никому ничего доказывать, — усмехнулся Шиш. — И нас вполне устраивает старый добрый красный кирпич.

— Но двадцать миллионов?!

— Какая тебе разница, сколько тут контор, когда нужная прямо перед носом?

— Что же, полагаю, ты прав. Зайдем?

— Недурная мысль, — кивнул Шиш, — если ты хочешь куда-нибудь попасть.

Они поднялись по лестнице, и Том увидел коридор, который, казалось, протянулся в бесконечность. По обеим его сторонам тянулись ряды дверей, которые тоже выглядели бесконечными.

— Какой длины этот коридор? — поинтересовался Том.

— По сути, он уходит за пределы бесконечности.

Тому стало слегка не по себе, и он спросил:

— А сколько нам придется идти, чтобы добраться до офиса «КОСМИЧЕСКИХ ПЕРЕВОЗОК»?

— Нисколько, — усмехнулся Шиш. — Первая дверь налево.

— Как удачно! Я уже боялся, что придется отшагать целую вечность.

— Удача тут ни при чем, — объяснил Шиш. — Контора сама явилась тебе навстречу.

— Но как она могла узнать, что я ее ищу?

— Видишь ли, офисы в этом здании специально сконструированы так, чтобы реагировать на желания клиентов. Помнишь красный огонек на вывеске? Этот сенсор и приказал конторе передвинуться с прежней позиции, где бы она ни была, на первую, ближайшую к лестнице.

— А что случилось с конторой, которая прежде была на этом месте?

— Передвинулась на свободную позицию, дальше по коридору.

— А что случится, если все офисы окажутся занятыми?

— Такого никогда не бывает. Коридор с офисами по определению бесконечен, а арендаторов всегда конечное число. Впрочем, строители на всякий случай перестраховались, добавив к бесконечности еще одно запасное помещение.

— Да, ребята. Вы здесь, как я вижу, умеете устраиваться! Мне надо войти?

— А зачем еще мы сюда пришли?

Том отворил дверь и вошел в самый обычный с виду офис с блондинистой секретаршей, сидящей за конторкой.

— Нет-нет, только ничего не говорите! — сказала блондинка. — Вы хотите куда-нибудь улететь, не так ли?

— Да, это верно, — вынужден был сознаться Том.

— Я так и думала, — сказала блондинка. — Иначе зачем же им вытаскивать нашу контору с позиции 3x42a, к которой я уже стала привыкать? Будьте добры, сэр, назовите пункт назначения.

— Земля.

— Планета? Никогда не слышала о такой.

На лице Тома изобразилось изумление, потом возмущение и наконец неподдельный ужас.

Девушка громко расхохоталась.

— Я говорю это всем нашим клиентам, чтобы создать легкую и непринужденную атмосферу!

— Действительно, — сказал Том и улыбнулся, желая доказать, что понимает шутки не хуже прочих клиентов.

— В каком времени вы желаете лететь, в Реальном или Мнимом?

Том посмотрел на Шиша, но тот пожал плечами.

— В Реальном, полагаю. А какая разница?

— Реальное время стоит дороже, и вам всю дорогу придется оставаться в живых. Это бывает немного утомительно, если путешествие превышает тысячу лет, хотя мы в обязательном порядке снабжаем клиентов настольными играми, деликатесами и иллюстрированными журналами. Мы можем также предоставить вам

брачного партнера и какое-нибудь полезное занятие, если вы не хотите проводить время в праздности.

— А как насчет Мнимого времени?

— Мы убиваем вас на этом конце путешествия и оживляем на другом. В данном случае, как вы сами понимаете, полет для вас закончится гораздо быстрее.

— Разве нет никаких других вариантов?

— Есть несколько, но не думаю, что они вам понравятся.

Том обернулся к Шишу:

— Послушай, каким образом ты доставил меня сюда с Земли? Это заняло у нас совсем немного времени.

— Я был послан доставить приглашение короля, — сказал Шиш, — и потому воспользовался Королевским Кротовым Ходом.

— Мы сможем вернуться той же дорогой?

— Ни в коем случае, не имея документа, подписанного самим королем. Надеюсь, ты еще помнишь, что у нас возникли кое-какие затруднения с поисками Его Величества?

— Вы ищете короля? — спросила секретарша.

— Как, вы его видели?!

— Не более получаса назад. В прежней позиции из нашего окна была прекрасно видна вся улица. Король просто прошел мимо и скрылся в Гриль-баре Джо, что напротив.

— Мы еще вернемся, — поспешно сказал Том, бросаясь к выходу.

Шиш последовал за ним.

Глава 31

— Дело в том, — сказала мисс Трэверс, — что вам придется подыскать себе компаньона по путешествию.

Том находился в Космопорте Галактического Центра. Он решил отправиться домой и воспользовался моментальным перемещением, связывающим бесконечное офисное здание с Космопортом.

— Почему? — спросил он.

— Потому что вы не принадлежите ни к одной из путешествующих в космосе рас, представителям которых разрешается путешествовать в одиночку.

— Но я прибыл сюда один, — указал Том.

— В сопровождении Шиша, не так ли? — заметила мисс Трэверс.

— А если бы я добрался сюда совершенно самостоятельно?

— Вам никогда бы это не удалось. Но кажется, есть одна возможность... Да, вы можете отправиться с Тангельблаттом! Сейчас я найду вам его адрес.

— Входите, прошу вас, — сказал Тангельблатт. — Не бог весть что, но я называю это убежище своим домом.

Том в растерянности стоял перед входом в нору. Он видел перед собой внушительный холм, насыпанный из грязи, длиной примерно пятьдесят футов и около двадцати футов в высоту. На холме кое-где пробивалась чахлая травка. Аккуратная эмалевая табличка гласила: ЭТО ДОМ ТАНГЕЛЬБЛАТТА. ОСТАВЬ НАДЕЖДУ, ВСЯК СЮДА ВХОДЯЩИЙ.

— Благодарю за приглашение, — вежливо сказал Том. — Но я предпочел бы поговорить снаружи.

— Как вам будет угодно. Я выхожу.

Камень, закрывающий вход, отодвинулся, и в темном интерьере норы сформировался бесформенный силуэт ее обитателя. Силуэт был довольно крупный, и по мере его приближения к выходу Том определил, что обитатель норы чрезвычайно смахивает на пузырь. Тангельблатт медленно выплыл наружу, и оказалось, что он тускло-свинцового цвета.

Объявление в «Ежедневном Курьере Галактического Центра», полученное от мисс Трэверс, выглядело весьма заманчиво: ЗРЕЛЫЙ ДЖЕНТЛЬМЕН ТАНГЕЛЬБЛАТТИАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ НАПРАВЛЯЕТСЯ В СОЛНЕЧНУЮ СИСТЕМУ ДЛЯ САНАТОРНО-КУРОРТНОГО ЛЕЧЕНИЯ И СЧАСТЛИВ ПРЕДОСТАВИТЬ МЕСТО НА КОСМИЧЕСКОМ КОРАБЛЕ И ТРЕХРАЗОВОЕ ПИТАНИЕ ВО ВРЕМЯ ПУТИ ОДНОЙ РАЗУМНОЙ ОСОБИ, КОТОРАЯ ГОТОВА ВЗЯТЬ НА СЕБЯ ВСЕ ЗАБОТЫ О ЕГО БАГАЖЕ.

Глава 32

И что же у нас поделывает Том? Он пытается вернуться на Землю. Он узнал, что может осуществить свое желание с помощью спонсора, некоего Тангельблатта, и сейчас они вместе находятся в каюте космического лайнера.

— Здесь весьма комфортабельно, не так ли? — сказал Тангельблатт. — Мы вылетаем через несколько минут, так что пора позаботиться о багаже. Давай-ка открой пошире рот.

— Я должен открыть рот? Что это значит?

Тангельблатт показал Тому небольшую пластиковую коробку

и открыл ее, продемонстрировав желатинообразную массу мелких яиц.

— Вот багаж, о котором ты обещал заботиться. Здесь тангельблаттианские яйца, ровно квинтиллион.

— А почему ты сам не желаешь позаботиться о них?

— Я наполнил себя доверху, четыре квинтиллиона, если быть точным. Пятый квинтиллион твой, и моя квота будет полностью исчерпана.

— Зачем ты перевозишь эти яйца? И чьи они, кстати говоря?

— Это яйца Тангельблаттов, разумеется. Именно таким способом наша раса распространяется по Галактике. То, что ты видишь в коробке, представляет собой все население провинции Мовиска, которая является крупнейшим политическим подразделением на Тангеле.

— Куда ты их везешь?

— А куда мы летим? На Землю, понятно.

— И с какой целью?

— А вот это уже не твое дело.

— Я требую ответа.

— Чтобы покорить вашу планету, если уж тебе так надо знать.

— И ты рассчитывал, что я стану помогать тебе в этом грязном деле?!

— Конечно. Почему бы и нет? Что такого хорошего сделала Земля лично для тебя? Ты получишь хорошее вознаграждение, и мы дадим тебе новое тело и ограниченную автономию, когда процесс будет полностью завершен.

— И ты думаешь, что я способен предать Землю?!

— Почему бы и нет? Любое разумное существо в той или иной мере склонно к предательству.

— Только не я! И не в подобных обстоятельствах!

— Ладно, прекрати болтать и открывай рот.

— Прочь с дороги! Я ухожу!

Том и Тангельблатт сцепились в пышно изукрашенной каюте. Коробка с яйцами шлепнулась на пол. А поскольку она была сделана из дешевого пластика (чересчур дешевого для такой важной миссии!), то треснула и сразу развалилась на куски. Маленькие яйца-Тангельблатты весело заплясали на полу, выкрикивая:

— Ура! Мы прилетели, прилетели! Да здравствует новая жизнь!

— Нет еще! — зашипел на них взрослый Тангельблатт. — Марш спать! Произошла ошибка!

Воспользовавшись суматохой, Том выскочил из каюты и помчался по сияющим коридорам космического корабля. Он успел выпрыгнуть на самоходный трап в последний миг, когда трап уже отодвигался от шлюза.

Ну что же, сказал себе Том, это был слишком легкий и удобный вариант, чтобы оказаться правдой. Да, придется поискать какой-нибудь другой выход из положения!

Глава 33

Барон Корво никак не мог решить, надо ли показывать сегодня вечером новый кинофильм или все-таки не стоит. Когда он прибыл на место, вокруг театра скопилась мрачная толпа, весьма раздраженная объявлением об отмене премьеры.

— А как же Кокто? — нервно спросил курьер.

— Мне приказывают, и я повинуюсь, — пожал плечами киномеханик.

— Должно быть, произошла какая-то ошибка? — с надеждой произнесла герцогиня Миланская.

— Никакой ошибки, — сказал киномеханик. — Я получил приказ, подписанный самим бароном Корво. — Он похлопал по нагрудному карману, откуда выглядывал краешек плотного, сложенного вдвое пергамента.

— Можно, я взгляну на приказ? — вмешался адвокат Морриси. — Возможно, мне удастся найти исключение или сноску, которые выведут нас из этой тупиковой ситуации.

— Никому, кроме меня, не позволено читать приказы, которые посылает мне барон Корво. Это дело Секретной полиции. Удивляюсь, как вы вообще могли предложить такое, адвокат!

— Нижайше прошу прощения, — пролепетал Морриси. — Просто мне ужасно хотелось посмотреть Кокто.

— Мне тоже, — мрачно сказал киномеханик.

— Как, неужели вы хотите сказать, что даже не взглянули украдкой?

— Конечно, нет! Хеннеси, мой помощник, донесет на меня сразу, как только я подумаю об этом.

— И что же будет вместо Кокто? — спросила герцогиня.

— Сборная мультпрограмма. «Том и Джерри».

— Как, опять?! — воскликнула герцогиня. — Неужели мы никогда не избавимся от этой ужасной тягомотины?

— Король считает, что «Том и Джерри» — потрясающее зрелище, — сказал киномеханик. — И он уверен, что все остальные считают то же самое. Лично я готов плеваться всякий раз, когда вижу эту бестолочь кота и эту мышь с дурацким выражением на морде, но король всегда говорит, дружески пихая меня в бок: «Развеселые мультяшки, не правда ли, мистер киномеханик?». И что я всегда отвечаю? Высший класс, сир, по-другому не скажешь!

— Как и мы, все остальные, — скорбно заметил Хеннеси.

Глава 34

Лишь только Шиш ушел, Корво тяжело рухнул в кресло и трясущейся рукой налил себе двойную порцию ирландского виски. В течение всей беседы его не оставляло странное убеждение, что Шиш способен прочесть его мысли и обнаружить, о чем барон Корво, шеф Секретной полиции, постоянно думает в последние дни. И если бы Шиш действительно увидел и услышал, что происходит в мозгу барона, то с ужасом отшатнулся бы от него, как и всякий благонамеренный и верноподданный обыватель, проживающий в королевстве короля Ральфа.

Эти сны снились Корво уже несколько ночей. Они были ужасны. Они отражали безумный страх Корво предать самого себя в том самом главном, чем он безмерно гордился в бодрствующем состоянии: непоколебимая верность королю!

Во сне барон по-прежнему сохранял эту верность, но тот, Другой, который называл себя Рольфом... совсем наоборот. И ужас был в том, что Другой жил в мозгу Корво.

Проклятые сны начались даже раньше, чем король без всякого предварительного уведомления покинул дворец, чтобы уйти неизвестно куда. Барон был лояльным верноподданным, но в сны его закралось предательство. Он бы с радостью вырезал их из своей головы, если б только смог! Но какой скальпель, даже самый острый, способен на такое?

Он никому даже не заикнулся об этих снах. Ни своей достойной супруге леди Алисе. Ни своим детям, страстно обожаемым белокурым близнецам. Ни даже доктору Веллери, своему мифантропологу, хотя, следует признать, барон не раз подумывал об этом.

Ему необходимо было с кем-то поговорить. Он отчаянно нуждался в чьей-нибудь помощи, дабы покончить с предателем, укрывшимся в его собственной голове. Этот предатель, этот проклятый Рольф был главным ужасом тех кошмаров, что продолжали мучить барона из ночи в ночь.

И все-таки Корво удержался от откровенности. Обвинить самого себя в нелояльности королю? Невероятный риск, даже если ты признаешься собственному мифантропологу. Кто знает, как отреагирует Веллери? Весьма вероятно, донесет куда надо, и шефа Секретной полиции привлекут к ответу за предательский образ мыслей. Поди потом докажи, что виноват не сам Корво, а только его часть, которой он не в силах управлять! А если и докажешь, что с того? Звездная палата, без всяких сомнений, постановит, что ответственность за часть целиком и полностью ложится на целое. То есть на барона Корво и только на него одного.

А между тем во всем виноват исключительно Рольф, пришел

к окончательному выводу барон. Разве у Рольфа есть какое-то право нагло разгуливать по снам Корво? И если этот Рольф не отдельный индивид, а часть самого Корво... То его можно и нужно отгородить, окуклить и вышвырнуть прочь!

Будучи главой Секретной полиции, барон по долгу службы наблюдал за снами множества людей, и вот теперь, как он понял, настало время проконтролировать свой собственный. Барон решил, что войдет в свой ночной кошмар и поговорит с этим Рольфом напрямую. Если тот и впрямь лишь часть его самого, то, скорее всего, прислушается к резонам разума, поскольку разумное резонерство — первая и основная натура Корво. Либо прислушается, либо окуклится... Другого выхода нет!

Возможно, однако, что в мозгу барона Корво угнездилась посторонняя сущность, но и с ней можно как-нибудь поладить. Правда, этот Рольф обычно действует неодолимым принуждением, но почему бы не уговорить его смягчить претензии? В конце концов, теперь их двое в этом теле, которое неплохо бы и поберечь.

Корво подумал, что до сих пор играл чересчур пассивную роль в деле с незаконным вторжением в его персональное мозговое пространство. Он просто слушал да слушал, как этот Рольф все судит и рядит о...

(Ну давай, давай произнеси это! — подначил Рольф...)

О НЕОБХОДИМОСТИ СВЕРЖЕНИЯ КОРОЛЯ!

Барон Корво застонал от отвращения. Сама идея была настолько омерзительна, что он едва не побежал сдавать себя гвардейцам как чрезвычайно подозрительную личность, доказывая тем самым свою непоколебимую верность королю. Но нет, ему долженствует противостоять Рольфу, а не бежать от него, словно бы тот и в самом деле представляет неодолимую силу...

Барон опять застонал, обхватив руками свою бедную голову. Скрывать вторжение в собственный мозг и одновременно противостоять ему — занятие невероятной сложности и требует от человека гораздо большего, чем жалкие семь битов информации, которые, по уверениям ученых, хранит оперативная память человека в любой конкретный момент.

Почувствовав себя умело окруженным и загнанным в угол, барон обратился за утешением к тому, что в последние дни стало для него самым драгоценным на свете. Сняв со стены рамку с фотографией близнецов, Корво нажал на секретную кнопку, и картинка внезапно изменилась. Теперь вместо двух упитанных белокурых мальчуганов ему улыбалась хрупкая темноволосая женщина, чьи черты способны были свести с ума какого угодно мужчину.

Это была фотокарточка Молли, жены Тома.

Корво хранил ее с тех пор, как интуитивное предсказание его Интуитивиста вынудило барона срочно произвести проверку Тома Кармоди, а заодно и миссис Кармоди, его законной жены. Невзирая на испытанную годами мудрость, Корво без памяти влюбился в эту фотокарточку. Она стала его единственным прибежищем, его сладкой и несбыточной мечтой.

А ведь попал к нему этот снимок совершенно случайно!

Узнав, что король отправил письмо некоему Тому Кармоди с Земли, барон приступил к расследованию, и сразу же выяснилось, что упомянутый Кармоди уже покинул родную планету. Тогда Корво нанял Отто Манна из Теневой службы и поручил ему нарыть компромат на Тома. Отправившись на Землю, Отто обнаружил, что в доме Кармоди никто не живет, и воспользовался специальным ключом, чтобы войти. Он немного порылся в бумагах и книгах Тома, но услышал, что к дому подъезжает машина, и немедленно ретировался. Машинально он прихватил с собой фотокарточку Молли, сделанную Томом всего неделю назад.

Корво слишком долго смотрел на эту карточку. Он погиб.

— Молли, мы живем в несравнимых мирах, — сказал он сейчас фотоснимку. — Я отвечаю за безопасность Галактической Империи, а у тебя свои собственные заботы. И мы никогда не встретимся, Молли, но я тебя люблю. Скажи мне, любовь моя, что я должен делать?

Прелестное лицо на снимке продолжало загадочно улыбаться, но Корво послышался голос, который с типичными интонациями Молли сказал:

— Право же, барон, не стоит ожидать, что другие станут принимать за вас решения! Будьте мужчиной, Корво, вы и сами способны решить, что для вас хорошо, а что плохо.

Барон встряхнул головой и подумал, что мог бы и сам обратиться к себе со столь разумными словами. Но что ему делать, он по-прежнему не знал.

Когда настало время отойти ко сну, Корво извинился перед супругой:

— Прости, дорогая, но мне придется провести эту ночь без тебя. Множество важных дел, которые я должен обдумать.

Жена приняла его слова без возражений. Главе Секретной полиции частенько приходится обдумывать Очень Важные Проблемы в спокойном уединении. Барон поцеловал детей, пожелал им доброй ночи и поднялся на верхний этаж, в свою личную комнату, которая ничем не отличалась от монашеской кельи.

Корво слыл завзятым сибаритом, и его коллеги безмерно изумились бы, узнав, сколь пуританским образом по большей части барон проводит свой ночной отдых. Для шефа Секретной полиции отнюдь не проблема заполучить любую женщину — или мужчину — по собственному вкусу, однако Корво, вопреки общественному мнению, почти не пользовался своей сомнительной привилегией. Его мучил страх, хранимый в глубочайшем секрете, что кто-нибудь когда-нибудь сумеет взять над ним власть шантажом.

Какая смехотворная ирония судьбы, подумалось ему. Столько лет ты являешь собой неподкупный образец добродетели, и какова же награда? Предатель в твоей собственной голове! Он называет себя Рольфом, но как знать, кто этот Рольф на самом деле?!

Маленькая комнатка, узкая, но удобная койка, затененный свет ночника, усыпанное звездами небо в окне — все это очень быстро убаюкало Корво. И он обнаружил себя, как и ожидал, в уже знакомом ему месте нереальности, где он впервые встретился с Рольфом... Но, увы, почти сразу же его разбудил резкий телефонный звонок. Это звонил телефон сверхэкстренной связи, а на связи оказался Дитрих, его эксперт по катастрофам.

— Вы не поверите, барон, — сказал он быстро и сухо, — но у нас абсолютно непонятное ЧП. Ничего подобного я в жизни своей не видывал.

— В чем дело? Не тяни!

— Пока только предварительные рапорты, барон. На анализ фактов и прогнозы потребуется...

— Черт побери, ты скажешь когда-нибудь, что случилось?

— Если в двух словах, то это слизь, сэр.

— Что?! И ты осмелился разбудить меня ради какой-то слизи?

— Боюсь, вы не понимаете, сэр. Она по всему центру города, вытекает из сточных коллекторов, канализации, водопроводных кранов и даже бензиновых колонок. Эта слизь очень липкая и очень плохо пахнет, и я опасаюсь, сэр... О боже! Простите, барон, но мне надо выбраться отсюда!

В трубке послышалось громкое журчание, затем раздался отчаянно булькающий звук, в значении которого нельзя было ошибиться. И наконец все затихло и настала мертвая тишина.

Глава 35

Эта слизь взялась неизвестно откуда и лилась отовсюду. Дренажная система Галактического Центра вскоре переполнилась, и омерзительные желтовато-зеленоватые потоки, густо пузырясь и пенясь, потекли по всему городу. Захваченные врасплох пешеходы тонули в них группами и в одиночку, а некоторые из них, кому удавалось выкарабкаться из слизи, никак не могли содрать с лица

эту липкую, тягучую гадость и задыхались с наглухо заклеенными ртами и носами.

Барон отправил на улицы весь парк поливальных машин, заправленных дезэмульгаторами и другими разрушителями органики. К несчастью, они активно разрушали не только слизь, но и живые существа, покуда не отыскались безвредные для людей аналоги этих химических соединений. Так или иначе, но через несколько дней слизь частично рассосалась, частично распалась, однако безобразия на том не закончились.

Внезапно все улицы города заполонили байкеры. Затянутые в черные кожанки, обвешанные бижутерией из нержавеющей стали и вооруженные до зубов. Они угрожали друг другу, но более всего от их разборок страдали мирные горожане. Байкеры били окна, с жутким ревом носились взад-вперед по улицам в любое время дня и ночи, вламывались на своих мототайках в супермаркеты и крушили полки с товарами, а кое-кто из них ради смеха публично изображал любовь с манекенами.

В домах, где прятались напуганные жильцы, происходили странные вещи. Появлялись большие, в рост человека, глиняные амфоры с дрянным вином, которое никто, кроме байкеров, не решался употреблять. В лужицах тухлой воды стали плодиться воздуходышащие угри. Тухлая вода появилась повсюду, в огромных количествах, и в ней разводились все более вредные и ядовитые твари.

Байкеры то пропадали, то возникали, а в городе тем временем объявились новые горожане. Страшно изуродованные, они приходили неизвестно откуда и походили на мертвецов, живущих неведомой жутковатой формой жизни. Люди это или нечто совершенно иное, никто с определенностью сказать не мог. Новые обзавелись своими барами, недурно поладили с байкерами и, по слухам, разрабатывали программу планомерного запугивания коренных горожан.

Положение усугубилось, когда на Галактический Центр обрушилась новая человеческая раса. Сперва прилетели мужчины в крошечных одноместных кораблях. За ними последовали огромные, неуклюжие транспортные суда, битком набитые женщинами и детьми с синими от кислородного голодания лицами. Все они быстро отдышались в парках Галактического Центра, и стало очевидно, что женщины этого племени миловидны и стройны, но абсолютно не склонны к легкому и приятному общению.

Никто не знал, откуда взялись прежде никому не известные космические бродяги. Ученые выдвинули гипотезу, что это древние примитивные кельты, рассеянные по Галактике в процессе акта творения. Эти люди умели лепить горшки и выплавлять же-

лезо в крицах, но межзвездный привод могли получить лишь от какой-то высокоразвитой расы, решившей, по-видимому, отделаться от них как можно более гуманным способом.

Предполагаемые кельты презирали высокие технологии и были вооружены мечами и лучевыми пистолетами. Увидев это, барон Корво подумал, что справиться с незаконными иммигрантами не составит труда. Он вызвал милицию и приказал выдворить племя обратно в космос, однако дикари обратились к магическим заклинаниям. Согласно научной теории, сия первобытная магия никоим образом не могла сработать, на практике же надежно защитила новоприбывших от разгрома и аннигиляции.

Покончив с милицией, они предались любимому развлечению. Захваченных пленников заключили в ажурные корзины из горючего пластика, подвесили на деревьях и сожгли живьем, подбадривая одобрительными воплями тех, кто наиболее затейливо выплясывал в огне.

Кельты исчезли так же внезапно, как появились. Горожане в большинстве своем пришли к выводу, что их набег был божьей карой за неведомые грехи, которые жители Галактического Центра совершили исключительно по незнанию. Кучка упрямых еретиков объявила, что некий беспечный бог сыграл с Галактическим Центром жестокую шутку. Некоторые же в качестве первопричины всех напастей указывали на естественную нестабильность Галактики.

Колдуны и радикальные философы полагали, что бегство короля из дворца следует рассматривать как явный и совершенно недвусмысленный признак исконной галактической нестабильности. Все неприятности начались тогда, уверяли они, когда король, повинуясь смутному, но мощному внутреннему побуждению, *притом по неясным ему самому причинам* (каковые задним числом для нас предельно ясны!), внезапно принял решение послать за Томом Кармоди, тем самым подтолкнув и ускорив неизбежный ход событий, за которым нам всем еще предстоит понаблюдать.

Мыслители консервативного толка утверждали, что все неожиданности начались, когда король впервые пересек границу упорядоченной дворцовой территории и очутился в нестабильном, полном непредсказуемых опасностей и случайностей универсуме Галактического Центра. Где тут причины, а где следствия вселенского хаоса, сказать невозможно, ибо они постоянно меняются местами, создавая двусмысленные обстоятельства: события неизбежно удваиваются, имеют место чрезвычайно похожие и все-таки неидентичные вещи, размываются одни различия и возникают другие. Космологию не пришпилишь к листу бумаги, она этого не потерпит! Сила отрицает прямые линии и углы, она от-

брасывает дидактику ради божественности, предпочитая невероятные иллюзии и бесконечные конфигурации обмана.

Впрочем, одно было известно абсолютно точно: как только король прокрался в заднюю калитку и очутился там, где кончается дворец и начинается все остальное, кое-что изменилось.

Известно, что король обернулся взглянуть на эту калитку, словно желая убедиться, что дворец остался позади. И обнаружил, что она пропала без следа. Король увидел только длинную кирпичную стену, где красовалась старая реклама пива БЛЮТА, исполненная уже пожухлыми люминесцентными красками.

Король невольно вздрогнул, глядя на эту рекламу. Конечно, он ожидал каких-нибудь перемен, но отнюдь не таких скорых и решительных. Что-то начало происходить, и притом против его королевской воли. Как же такое могло случиться? Почему?

Глава 36

Само собой разумеется, он прекрасно знал, что Вселенная со всем своим содержимым построена из нематериального вещества, сохраняет структуру парадоксальным образом и приводится в действие неопределенностью вещей. И он всегда подозревал, что этот нелепый конструктор рано или поздно разлетится на части. А тот по-прежнему работал себе и работал, невзирая на все его ожидания, вплоть до нынешнего дня.

И вдруг все начало меняться так стремительно, что у него даже не было времени погоревать над бренностью вещей. Рядом с ним теперь находилось другое существо, некое присутствие, создавшее себя между рассветом и полуднем, и сейчас этот новоиспеченный квартирант с любопытством озирал его личные апартаменты.

Прежний жилец давным-давно привык слоняться в виде имманентного, но невидимого присутствия. Это было чрезвычайно удобно, необременительно, и совсем не надо было думать, что бы сегодня надеть. Но в нынешних обстоятельствах, решил он, следует отдать дань вежливости, и материализовался. Он принял форму высокого, упитанного пожилого джентльмена с козлиной бородкой, снежно-белыми локонами и розоватой лысинкой на макушке размером с серебряный талер Марии-Терезии. Одет он был в белую тогу с горностаевой опушкой и золотые сандалии, а в правой руке держал массивный жезл.

Новичок также материализовался, но не сразу, а испробовав несколько форм. Сперва он явился красивой молодой женщиной в зеленовато-оранжевых кудрях, потом обернулся гигантским горностаем в пенсне и наконец после некоторых колебаний —

нагловатого вида молодым человеком с нечесаными каштановыми волосами и легкой косиной в одном карем глазу.

— Привет, старичок, — сказал юнец и снова огляделся. — А недурное у тебя местечко. Большущая квартира, да?

— Здесь ровно столько же пространства, как и снаружи, — сказал старик.

— Ну что же, мне подходит. Тебе здесь было хорошо?

— А почему бы и нет? Ведь это единственная Вселенная, которая имеется в наличии.

— Ну это как раз нетрудно изменить, — заметил юнец и сел. Под ним материализовался венский стул.

— Я мог бы задержаться и показать тебе, что, где и как, — предложил старик.

— Не стоит, я и сам прекрасно разберусь.

— Я владею знаниями, которые могут быть тебе весьма полезны.

— Не волнуйся, сам я придумаю все, что мне понадобится.

Старый джентльмен печально кивнул и окинул взглядом давно знакомые предметы, которые по очереди материализовались, когда он смотрел туда, где им следовало быть: камешек «кошачий глаз»... его любимый поношенный пиджак из коричневого твида... маленький, но безупречный набросок Рембрандта...

— Надеюсь, ты не станешь смотреть на все подряд? — нетерпеливо заметил юнец. — Это может занять много времени.

— Действительно, — согласился старик. — К тому же я видел все это раньше. Ну что же, молодой демиург, я прощаюсь с тобой. Скажи, у тебя есть имя?

— Зови меня Трюкачом, — сказал юнец. — Сойдет, пока я не придумаю что-нибудь другое.

— Прощай, Трюкач, и желаю тебе удачи.

Ну и ладно, подумал старик, по крайней мере, теперь у меня есть шанс узнать, что находится за пределами мироздания.

Он шагнул за порог и исчез.

Словно его никогда и не было.

Чего-чего, но этакого он никак не ожидал.

Глава 37

Люди в Галактическом Центре интуитивно ощутили смену богов, когда окружающие их солидные строения вдруг стали рушиться одно за другим. Поначалу эти происшествия приписали естественным причинам, ибо гуманоиды просто жить не могут без того, чтобы не подыскать разумных объяснений чему угодно. Однако огнедышащий вулкан, выперший из-под земли посеред-

ке тишайшего парка Гнозис, никоим образом не поддавался разумному объяснению, равно как и здание Галактического Консорциума Межзвездной Торговли и Переработки Свинины, самопроизвольно разобравшееся на фрагменты и рухнувшее внутрь себя, попутно придавив колоссальную кучу народа.

Засим последовали другие необъяснимые катастрофы, и всем наконец стало очевидно, что новое божество усердно взялось за работу, поставив себе целью кардинально перелопатить весь старый порядок вещей. Никто не имел представления, как бороться с божественными проделками, но у Шиша возникла одна идея. И он разыскал Тома Кармоди, который отдыхал в эти дни на небольшом пригородном курорте.

— Привет, Том, ты знаешь, что происходит?

— Ну разумеется. А в чем дело?

— Ты должен как-нибудь исправить положение!

— Кто, я?! С чего ты взял?

— С того, что все прискорбные события связаны с твоим появлением в Галактическом Центре, Том Кармоди! И еще с тем, что король впервые на человеческой памяти покинул дворец.

— Так почему бы этим делом не заняться королю?

— Мы не можем его найти, ты же знаешь. Поэтому придется тебе.

Том не понял, с какой стати одно вытекает из другого, но Шиш заверил его, что логическая связь безупречна, просто нет времени ее объяснять.

— Ты должен что-то сделать немедленно!

— Ну хорошо, уговорил, мне уже стало скучно на этом курорте. Где я должен искать божество?

— Как обычно, к востоку от Солнца и к западу от Луны.

— Понятия не имею, как туда попасть, — заметил Том.

— Я тебя проведу. Полезай мне на спину.

Место, где они нашли Трюкача, было совершенно неописуемым, поэтому не стоит даже пытаться его описать. Достаточно сказать, что Шиш пыхтел и отдувался, когда они прибыли туда, поскольку взобрался с Томом на спине по лестнице в тысячу ступеней.

Внутри они узрели молодого человека, в первом расцвете мужественности, с большим хрустальным шаром в руках, который он неторопливо поворачивал то в одну, то в другую сторону, пристально всматриваясь в него. Заглянув через плечо бога, Том увидел, что шар показывает разнообразные виды Галактического Центра с любой мыслимой и немыслимой точки зрения.

— Том Кармоди, если не ошибаюсь? — сказал молодой человек. — Меня зовут Трюкач. А это, должно быть, твой приятель Шиш.

— Я тут случайно, — поспешно проговорил Шиш, развернулся и бросился бежать. Тысячу ступеней вниз он преодолел несравнимо быстрее, чем в противоположном направлении.

Трюкач не обратил внимания на бегство Шиша, ибо оно было всецело приковано к хрустальному шару. Он что-то бормотал себе под нос, вертя его в руках, и время от времени хихикал.

— Чем ты занимаешься? — поинтересовался Том.

— Перестройкой, — сказал Трюкач. — Теперь Галактический Центр принадлежит мне, ведь старикашка не справился с делами, ну и по некоторым другим причинам. Словом, я решил его перестроить. Прекрасное развлечение! И ты можешь мне помочь, Том Кармоди. Скажи, какое здание ты желаешь увидеть?

— В стиле рококо? — предположил Том.

— Гм, не слишком представляю, как это выглядит.

— А как насчет храма Паллады?

— Эта штука должна быть с колоннами, верно?

— Ну да, правильно, — подтвердил Том.

— Давай попробуем, — согласился Трюкач и сказал своему хрустальному шару: — Храм Паллады, выполняй!

Том в изумлении уставился на то, что получилось.

— Очень мило, — кивнул Трюкач. — Этот архитектурный стиль называется брутализмом. Правда, я ничего в нем не смыслю, однако название говорит само за себя. Хочешь посмотреть мои последние работы?

И он показал Тому длинный ряд строений, для которых изыскал местечко в центре Центрального парка. Все они были совершенно одинаковы: квадратные, приземистые серые здания с нависшими бровями, прищуренными глазами и тонкими губами, похожими на шрам. Они проникли внутрь через двери, которые открывались не слишком охотно и закрывались чересчур поспешно, злорадно ударяя по пяткам. Трюкач не без гордости указал, что внутренние стены дома построены наклонными внутрь с целью создания полноценной клаустрофобической атмосферы. Полы покачивались под ногами, вселяя в ступающих по ним здоровое чувство легкой паники. В каждом здании была предусмотрена комната с сюрпризами, предназначенная для испытания новых жильцов, и специальная комната для допросов в полуподвале рядом с прачечной. Они заглянули в огромную коммунальную кухню, и та приветствовала их громкой удовлетворенной отрыжкой.

— Здесь я скомбинировал брутализм с вульгаризмом, — пояснил Трюкач. — Интересно получилось, не правда ли?

— Извини за вопрос, — сказал ему Том, — но кто будет жить в этих домах?

Трюкач досадливо передернул плечами:

— Это уже не моя проблема.

— Вижу, ты не терял времени даром, — заметил Том.

— Не так уж все и трудно, когда знаешь, что надо делать. Но не всегда выходит как хотелось бы.

Вещи получаются не такими, как он ожидал, пожаловался Трюкач. Взять хотя бы Парижскую Оперу, чью копию он только что воздвиг в самом центре увеселительного квартала Галактического Центра. Здание появилось на свет с яркой лакированной крышей в стиле китайской пагоды, которая выглядит ужасно неправильно, но он пока еще не решил, чем ее заменить. И летающие контрфорсы[1] тоже кажутся не слишком уместными, вроде бы это готика, или не так? И почему, хотелось бы знать, эти контрфорсы так походят на огромных горгулий?

Пока они смотрели на Оперу, летающий контрфорс развернул свои каменные крылья и резко бросился в воздух с крыши здания. Крылья часто захлопали, но без всякого эффекта, и контрфорс пал на землю камнем, каким он и был.

— Значит, контрфорсы тоже неправильные, — грустно заключил демиург. — И почему мне все время кажется, что какой-то шутник подстраивает мне грязные трюки? Это мне, Трюкачу?!

Он немного подумал и сказал:

— Это скучное место просто нуждается в Колизее.

И действительно, району лабазов и товарных складов совсем не повредил бы определенный оживляж. Сам Колизей получился замечательно, но Трюкач позабыл, какой он большой, и разрушения оказались катастрофическими.

— Пожалуй, стоит набить руку в более мелких масштабах, — вздохнул демиург. — Пусть будет гостиная в подземном этаже!

— Но я ее не вижу, — удивился Том, вглядываясь в глубину хрустального шара.

— Должна где-то быть, я абсолютно уверен.

— А можно ее как-нибудь найти?

— Само собой.

Трюкач сделал непонятный жест, и в его ладони оказалась маленькая хромированная коробочка с экранчиком и единственной кнопкой.

— Это моя Интеллектуальная Ищейка. — Он встряхнул коробочку, нажал на кнопку и сказал: — Подземная гостиная. Ищи!

— Нашла, — сказала Ищейка.

— Тогда веди.

Послышался какой-то свист, и Том почувствовал, что падает в воздухе, но не очень быстро, и потому не испугался. Ищейка

[1] Контрфорсы — каменные подпоры для укрепления стен или для принятия тяжести сводов. В готических зданиях их ставили на некотором расстоянии от стены, и тяжесть передавалась на них правильными арками.

летела впереди, подмигивая экранчиком, чтобы ведомые могли видеть, куда они летят.

Они все падали, падали и падали, пока не врезались в облачный покров над Галактическим Центром и не прошли его насквозь. Великий город, имперская столица Галактики, простирался под ними от горизонта до горизонта, насколько мог видеть глаз, а они все падали и падали, опускаясь все ниже и ниже. Так низко, что были уже ясно видны в воздухе над городскими улицами, но никто из горожан их так и не заметил.

(Жители Галактического Центра знали, что глазеть на бога, нисходящего с небес, не слишком разумная идея, а если кто-то и летит рядом с богом, то это абсолютно никого не касается.)

Никем не замеченные, они опустились на мостовую и прошли ее насквозь, сперва Трюкач, а Том последовал за ним. Вниз, вниз, в самое чрево земли и еще ниже, в огромную мрачную пещеру, тускло освещенную фосфоресценцией скальных пород и парой дюжин низковольтных электролампочек, которые кто-то зачем-то там понатыкал.

Они приземлились на дне пещеры и осторожно последовали за Ищейкой, подныривая под шаткие сталактиты и обходя корявые сталагмиты, пока не дошли до вертикальной лестницы, ведущей вниз, в подземную комнату для гостей. Тут Ищейка остановилась, а Трюкач сказал:

— Ну вот, это должна быть она, там внизу. Смотри-ка, там есть кушетка, и журнальный столик, и торшер.

Это был очень современный торшер, сделанный из латуни и живого дерева, которые проникали друг в друга и даже, кажется, махнулись качествами, поскольку Том заметил пленку окиси на дереве и набухающие почки на латуни.

— Да, ничего себе комнатушка, — сказал Трюкач. — Как раз для гостей. Откуда мне было знать, что когда я сказал ПОДЗЕМНАЯ, то имел в виду такую глубину? Хиловато для магии демиурга, и я просто ужас как разочарован.

— Кто смог бы тебя обвинить? — риторически спросил Том. — Творение мира кажется легким со стороны, однако же требует немалых усилий. Почему бы не отложить на время это дело, Трюкач, и не попробовать что-нибудь другое?

— Я как раз размышлял на эту тему, — оживился Трюкач. — И уже кое-что надумал!

Он улыбнулся улыбкой заговорщика и начал растворяться.

— Эй, постой-ка! Погоди! — закричал Том. — Только не оставляй меня в подземной гостиной!

— Вернись туда, откуда ты пришел, — сказал Трюкач, и Том в мгновение ока, или чуть быстрее, вернулся в свои апартаменты.

Он сильно опасался, что дела пойдут намного хуже после ви-

зита к Трюкачу и в этом обвинят, конечно, Тома Кармоди. Но он назвал барону Корво истинное имя божества, а Корво по секрету сообщил его священникам. Последовали монументальные жертвоприношения, и трюк, как это ни странно, удался! Количество странных событий в Галактическом Центре упало до обычного для Галактического Центра уровня и даже, кажется, чуть-чуть пониже.

Глава 38

Барон Корво сидел один в просторной гостиной своего роскошного пентхауса на вершине Эль Грандо Торро, высочайшего небоскреба в Галактическом Центре, и усиленно размышлял. Теоретически ему следовало немедленно отправиться туда, где был припрятан его Секретный Компьютер, получить доступ к специальным секретным кодам и таким образом захватить Галактический Центр. Единственная трудность заключалась в том, что он никак не мог припомнить, где находится Секретный Компьютер.

Корво перепрятывал его несколько раз, в целях дальнейшего усугубления секретности, и где же он теперь может быть? Не в кислородной ли цистерне его частного астероида? Или в одной из глубоких шахт на юго-западе Галактического Центра? Или еще где-нибудь? Он стукнул себя по лбу кулаком, чтобы встряхнуть мозги, а когда мозги заработали, внезапно выпрямился и рассмеялся.

Ну разумеется! Ему совсем не обязательно разыскивать Секретный Компьютер, потому что сойдет любой. Например, он может подняться в свой секретный космический корабль, запаркованный на стационарной орбите вокруг Галактического Центра, и с бортового компьютера послать Секретному свой опознавательный код. Потребуется несколько минут, чтобы скачать на борт необходимую информацию, ну а после весь Галактический Центр окажется в руках барона Корво.

Корво поспешно покинул апартаменты, воспользовавшись маневренным флаером, который постоянно парил наготове возле балконной балюстрады. И полетел туда, где его секретный космический корабль кружил на автопилоте вокруг Галактического Центра.

Гвардейцы с кружившего рядом патрульного корабля потребовали, чтобы барон подтвердил свою личность. Они все знали его, разумеется, но Корво сам установил это незыблемое правило. Нельзя сказать, чтобы такая предосторожность полностью исключала проникновение на секретный корабль предателя, замаски-

рованного под барона Корво. Но все-таки лучше, чем совсем ничего.

Пристыковавшись, барон пробежал по длинным сияющим коридорам к контрольной рубке, сел перед бортовым компьютером и быстро отстучал запрос на перекачку секретных файлов. Программа немедленно потребовала код доступа, барон довольно улыбнулся и... пальцы его застыли на клавиатуре. Этот код, который он знал не хуже собственного имени, начисто испарился из памяти Корво!

Но как же это могло произойти?! Барон закрыл глаза и сосредоточился, нахмурив лоб. На лбу его от усилий прорезались глубокие морщины, но это не помогло, он по-прежнему не помнил кода. Открыв глаза, Корво внезапно заметил, что сбоку к компьютеру приклеен липкой лентой мнемоник. Поспешно содрав его, он нажал на кнопку «РЕЧЬ» и услышал свой собственный голос:

— Эта запись напоминает тебе, что ты стер из своей памяти секретный код доступа в целях большей безопасности. Теперь ты знаешь, что надо делать.

— Нет, я не знаю, что надо делать! — рявкнул барон Корво. — Говори!

Но мнемоник промолчал.

Близок локоть, да не укусишь, заключил барон и буквально взвыл от негодования. Нет, такого просто не может быть! Это же нечестно! С ним приключился невероятный приступ ярости. Корво рвал и метал, катался по полу, барабаня каблуками, горько рыдал, громко визжал и рвал зубами обшлаг рукава.

Когда его исступление достигло кульминации, Корво услышал голос, который произнес:

— Ну хватит, уже достаточно.

— Что это значит? — Барон окаменел на месте. — Кто говорит?

Это был мнемоник, который перешел ко второму уровню послания. Он сказал:

— Твое безобразное поведение безошибочно доказывает, что это действительно ты, барон Корво. Особенно глупое ребячество с кусанием рукава! Так что расслабься, мой мальчик, и припомни, что ты сам запрограммировал этот мнемоник, дабы он сообщил тебе секретный код доступа, но только после того, как ты продемонстрируешь весьма характерный для тебя приступ бешенства. Внимание! Через пять секунд я начну произносить код доступа...

Чертыхнувшись, барон кинулся к бортовому компьютеру.

Глава 39

Едва барон Корво успел покинуть свои апартаменты, как туда ворвалась группа мрачного вида вооруженных людей, король шагал впереди, а рядом с ним — Лампкин. Нежданные гости не позаботились предъявить свои документы страже, а стражники их ни о чем не спросили. Один лишь взгляд на эти лица говорил яснее слов, что старые порядки изменились, и, более чем вероятно, навсегда.

— Слишком поздно, — сказал король, когда они обыскали все комнаты. — Корво сбежал, и я готов поклясться, вместе с кодом доступа. Единственное, что нам остается, найти сам Секретный Компьютер, но где же его искать? Проклятие, он может быть где угодно! За тысячи миль или на другой планете.

— Он может быть также прямо под рукой, — заметил Лампкин. — Знаешь, как поступают простые люди вроде меня? Мы начинаем искать в самом подходящем месте.

Король угрюмо кивнул и повернулся к бельевому комоду барона. И там, чудесным образом, под грудой грязных рубашек и вырезок из старых газет, почти мгновенно обнаружился пресловутый Секретный Компьютер.

— Победа! — возопил Лампкин.

— Проклятие, — буркнул король. — Что мы будем с ним делать без кода доступа?

— Что-нибудь придумаем, — сказал неунывающий Лампкин. — Это должно быть слово, что-то вроде спрятать, или заныкать, или сховать.

— Давай попробуем, — мрачно сказал король.

За десять минут они перепробовали все мыслимые синонимы и парафразы, имеющие отношение к слову СЕКРЕТ, но были вознаграждены лишь серией отписок: В ДОСТУПЕ ОТКАЗАНО.

— Близок локоть, да не укусишь, — сказал наконец король. — У нас есть компьютер, однако мы не можем в него войти. А у барона есть код доступа. Ну и что же мы будем делать?

— Прошу прощения, молодой сэр, — вмешался Лампкин, — но если у нас есть компьютер, то почему бы не применить к нему легкое насилие, как выражаются французы? Так мы откажем барону в доступе к его проклятым секретам и он не сможет осуществить свой план по захвату Галактического Центра.

— Прямо в точку! — с воодушевлением воскликнул король. — Кто-нибудь, дайте мне кувалду, и скорее!

Немедленно протянулись услужливые руки с молотками. Некоторые из людей Лампкина принялись охаживать компьютер кузнечными молотами, которые носили с собой на тот случай, когда орудия труда вдруг окажутся полезными. Они пытались просверлить его алмазным сверлом и разрезать автогеном, обнаруженным у барона на кухне. Невзирая на все старания, компьютер выглядел как новенький. Это было изделие корпорации «ЧЕРНЫЙ ЯЩИК и К°», оно успешно противостояло и на несколько порядков большим нагрузкам.

Пока они разочарованно глядели на него, обливаясь потом, на передней панели загорелся огонек и внутри компьютера тихонько загудело. Кто-то вступил с ним в контакт, наверняка Корво, который уже собрался скачать свои секреты, и было совершенно непонятно, как этому помешать.

— Может, утопить его в бассейне? — предложил Лампкин.

Они утопили, но огонек на панели продолжал гореть. Легкие стонущие звуки указали, что компьютер готовится к передаче информации.

— Проклятие, — сказал король. — Неужели невозможно как-нибудь заткнуть эту штуковину?

Лампкин думал долго и тяжело.

— Может быть, надо построить рядом с ним радиостанцию, которая заблокирует все входящие сигналы?

— На это у нас нет времени, — сказал король.

— Ну тогда я не знаю, — сказал Лампкин. Он уселся на стул и закинул полу длинного плаща на плечо.

— Постой-ка, — сказал король. — Что это было?

— А что было?

— Этот звук, что издает твой плащ?

— А, он просто так шуршит, когда ты двигаешься. Принято считать, что это крайне сексуально. На самом деле это не мой плащ, ты же понимаешь. Это моего зятя. Но он дал мне его поносить, когда узнал, что я собираюсь прогуляться по городу.

— Из чего он сделан?

— Освинцованное монохроматическое волокно для тепла, усиленное крученым шелкоглассом для прочности. Почему ты на меня так смотришь?

— Дай мне сюда свой плащ.

— Послушай, у тебя же есть свой?

— Мой из шерсти.

— И что с того?

— А твой из свинца со стеклом. Неужели непонятно?

— Не вполне, — сказал Лампкин и невольно вскрикнул, когда король резко сорвал плащ с его плеч.

За какую-то долю секунды он обернул этот плащ вокруг компьютера, и еще раз, и для верности в третий раз.

— Что ты наделал? — ахнул Лампкин.

— Заблокировал радиоволны! — с гордостью объявил король. — Барон не получит своих секретных файлов, невзирая на любой

код доступа. Остается лишь поймать этого мерзавца и передать в руки справедливого правосудия.

Благополучно нейтрализовав компьютер, король вызвал патрульный корабль и вылетел с Лампкиным и его командой туда, где должен был находиться секретный космический корабль Корво. Да-да, это был секрет, известный всему Галактическому Центру.

Но корабля и барона на орбите не оказалось. Куда они могли подеваться?

Король, разумеется, не знал и знать не мог, что у Корво была одна-единственная мечта, прекраснейшая мечта всей его жизни... И он летел ей навстречу с такой безумной скоростью, какую только можно выжать из позитронного двигателя.

Глава 40

Последовал период междуцарствия, когда никто не отвечал ни за что и каждый делал, что хотел. Ничего особо ужасного не происходило, но все понимали, что долго так продолжаться не может. Разумные существа слишком привыкли к тому, что им указывают, как надо жить, а они, в свою очередь, сокрушаются по этому поводу. Теперь, когда некому было сказать горожанам НЕЛЬЗЯ, люди ходили по Галактическому Центру пришибленные и с оглядкой, изо дня в день ожидая беспорядков и разнузданного насилия со стороны антисоциальных элементов.

Что до антисоциальных элементов, то они, разумеется, таковыми себя вовсе не считали, предпочитая называться оппозицией и единственными поборниками свободы. Но поскольку в Галактическом Центре не было в наличии ни правительства, ни какой-либо авторитетной фигуры, то само понятие оппозиции тривиальным образом теряло смысл. Так что им пришлось отсиживаться по домам в ожидании надлежащих противников.

Предполагалось, что барон Корво может заполнить эту социальную брешь. Ходили слухи, что он давно уже точит зубы на высшее место в Империи. И вот наконец появился уникальный шанс, но куда же подевался сам Корво? Поспешное расследование показало, что Корво покинул Галактический Центр на собственном корабле. И он не оставил даже записки, не то что король, так что причина его таинственного исчезновения навсегда осталась глубочайшим секретом.

Совет Благородных Семейств в срочном порядке собрался на внеочередную сессию, в повестке дня которой стояла проблема власти. Они долго судили и рядили, но кто из них станет новым королем, решить не смогли. И тут наконец они заметили Шиша, со скуки задремавшего в уголке, и кто-то сказал: «Шиш встречался с королем чаще всех, должно быть, он кой-чего нахватался от Ральфа». Решающим аргументом стало то, что Шиш не принадлежит к королевской фамилии, а посему ни один из родичей Ральфа не получит повода завидовать другому.

Но прежде чем все проголосовали за избрание Шиша, они заставили его поклясться, что он сохранит за ними привилегии премьерного просмотра новых кинофильмов, дарованные благородным семействам с началом синематографической эры. Шиш, разумеется, согласился, справедливо полагая, что лучше самому стать дурным правителем, чем допустить, чтобы дурной правитель правил тобой.

Он сидел в королевской приемной, примеряясь к размерам королевского трона, когда в дверь тихонько постучали.

— Войдите, — важно сказал Шиш, в первый раз опробовав имперскую интонацию.

Вошла принцесса Робин, которая выглядела особенно прелестной в этот день. Шиш сглотнул. Он всегда восхищался принцессой, но издалека, ведь она была предназначена королю и в любом случае слишком хороша для иностранца. Но если этот иностранец избран королем бесконечного пространства?.. Шиш подумал, что у него, возможно, есть шанс.

— Ах, простите, — извинилась Робин. — Я не знала, что вы здесь.

— Да так, просто зашел примериться к трону, — сказал Шиш. — Знаете, как это бывает.

— Знаю. Я примеряла диадему королевы-соправительницы. Не думаю, что мне еще когда-нибудь удастся ее поносить.

— О, я уверен, что можно будет что-то придумать.

— Ах да, теперь ведь это зависит от вас?

— Ну, вообще говоря... да. Но поверьте, принцесса, я так же изумлен, как и вы.

— Вы не против, если я присяду?

Шиш не возражал, и принцесса сказала:

— Я помню, вы часто приносили нам полуночный ужин, когда я развлекала короля в своих апартаментах после особенно хорошего кино.

— Почему бы и нет, я был не слишком занят, — усмехнулся Шиш. — Честно говоря, у меня никогда не было слишком много работы, за исключением, конечно, Тома Кармоди.

— Как поживает Том?

— Убейте меня, не знаю. Я не видел Тома с того момента, как он вернулся из вотчины богов. А случилось это еще до моего избрания. И короля я, кстати, тоже не видел. Похоже, они оба исчезли без следа.

— Интересно, куда они ушли? — задумчиво сказала принцесса.

— Галактика велика, — пожал плечами Шиш.

— Я знаю, все так говорят. Но лично мне хотелось бы до конца своей жизни остаться в Галактическом Центре.

— Мне тоже, — согласился Шиш. — От этого вселенского разнообразия в конце концов ужасно устаешь.

Согласно вздохнув, они посидели немного в товарищеском молчании.

— Кажется, мне уже пора, — сказала Робин, вставая, и направилась к двери.

— Постойте! — воскликнул Шиш.

— Я слушаю! — обернулась принцесса.

— Скажите, вы уже составили жизненные планы до конца своей жизни?

— Да нет, ничего такого. А почему вы спрашивате?

Шиш не ответил. Помолчав, он встал с трона и подошел к миниатюрному роялю. Сел за клавиатуру, взял аккорд-другой и приятным хрипловатым тенорком пропел:

Нет, я не демон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Усталый, бесприютный странник,
Но все же с ангельской душой...

— Ах! — сказала Робин. — Вы тоже любите старинные романсы?!

— Никакие романсы гроша ломаного для меня не стоят, если вы не согласитесь петь со мной дуэтом, принцесса.

— О! — Она пристально посмотрела на него. — Право же, Шиш, можно подумать, что вы делаете предложение.

— Вы правильно поняли меня, леди, — сказал Шиш. — Но я знаю, ты песня моя неспетая. Просто звездная пыль в моих глазах. Прощай, прощай, моя любовь!

Но Робин не ушла. Она придвинулась ближе. Грудь ее затрепетала, губы задрожали, глаза широко распахнулись.

— О Шиш!

— Ты не... О нет, не может быть...

Ее руки ласково обвились вокруг его шеи.

— Дурачок! Я все время любила только тебя!

И еще много чего было сказано в том же духе. Глупая, восторженная, непоследовательная болтовня, которой упиваются влюбленные, зная, как скоро, невероятно скоро они предстанут вдвоем перед Советом Благородных Семейств, дабы объявить во всеуслышание им всем и всей остальной полоумной Галактике, что в Галактическом Центре отныне появилась новая королева.

Глава 41

Молли сидела на кухне и уже занесла ложечку над роскошным куском шоколадного торта, когда почувствовала, что в доме кто-то есть. Незваный гость производил тихие, неназойливые звуки, расчитанные на то, чтобы никого не обеспокоить, но тем более ужасные и пугающие для хозяйки, которая вынуждена прислушиваться к тому, что совсем не ожидала услышать.

Потом что-то громко рухнуло. Кто-то натолкнулся на этажерку с журналами по искусству, которую Молли недавно водрузила в центре гостиной, покуда не найдет для нее более подходящего местечка.

— Так, — сказала Молли.

Она поставила на стол чашку кофе, которую держала в левой руке, и твердыми шагами направилась к гостиной. Выглядела Молли, как всегда, потрясающе, и особенно в этом легком шелковом халатике с розами цвета форели на бледно-салатовом фоне. Услышав, как что-то разбилось, и прекрасно зная, каким Том бывает неуклюжим, она побежала.

В гостиной стоял мужчина. Незнакомец. Вовсе не Том.

Однако же барон Корво — а это был он, разумеется, — выглядел весьма приличным незнакомцем, хотя и в данный момент несколько потрепанным и перепачканным, словно бы он только что выбрался из драки.

Молли удивилась, конечно. Но совсем не так сильно, как должна была удивиться. «Если с Томом происходят всякие фантастические происшествия, — подумала она, — то чем же я хуже?» И этот Корво казался привлекательным мужчиной, зрелым и, должно быть, надежным. Это был человек, который явно многое повидал в этой жизни и был способен отличить настоящую вещь от подделок, как только ее увидит. «Интересно, а я настоящая?» — подумала Молли... А почему бы и нет?

— Кто вы такой? — спросила она, удивляясь, почему ее не пугает это странное и непредвиденное вторжение.

— Я барон Корво, — ответил Корво, — и прибыл очень, очень издалека. Точнее говоря, из Галактического Центра.

— Это место, куда собирался Том, как он сказал?

— Думаю, да. В нашей Галактике только один Галактический Центр.

Молли окинула его взглядом с головы до ног. От ее внимания не ускользнули признаки инопланетного происхождения: крошечные вращающиеся колечки в ушах, небольшой третий глаз во лбу, изящный жест рукой с семью пальцами.

— Не знаю, кто вы такой на самом деле, но вам придется кое-что объяснить.

— Я могу объяснить что угодно, — сказал барон Корво. — Но сперва я хотел бы воспользоваться ванной, если вы, конечно, не станете возражать. Добраться к вам на Землю не так-то просто, знаете ли. К счастью, я захватил с собой чистую смену одежды.

— Воспользуйтесь ванной на втором этаже, — решила Молли. — Но только никакой мне воды на полу, понятно? И я потребую объяснений, как только вы покончите с мытьем.

Когда незнакомец отправился мыться, Молли вернулась на кухню и допила свой кофе, который почти совсем остыл. Она снова изумилась тому, с каким безрассудством принимает как должное совершенно невероятное событие. Том всегда мечтал о чем-то в этом духе, но тут была уже не фантазия, а реальность. Потом ей пришло в голову, что это все-таки одна из фантазий Тома. Очень странная фантазия, в которой Молли ради разнообразия на сей раз участвует.

Барон Корво спустился вниз через двадцать минут. Теперь он выглядел гораздо, гораздо лучше. Его волнистые черные волосы были аккуратно причесаны. На нем был твидовый костюм, немножечко старомодный, но со своей аккуратной, угольно-черной бородкой, лишь чуточку тронутой сединой, барон производил чрезвычайно импозантное впечатление.

— Тысяча благодарностей, мадам, так гораздо лучше, — сказал он с ослепительной улыбкой. — Галактические путешествия не всегда украшают человека.

— Вас послал Том? — спросила Молли.

— Лишь косвенным образом.

— Но вы его видели? С ним все в порядке?

— Я не виделся с ним лично, но, согласно всем донесениям, Том процветает.

— Но сами вы никогда не встречались с Томом?

— Увы. Издержки ситуации, знаете ли.

— Какой ситуации? — спросила Молли. Барон тяжело вздохнул. Ну разумеется, откуда ей знать. Похоже, что придется объяснить все с самого начала. Задача архисложная, завязанная на проблему бесконечной итерации, а с этой проблемой Корво, планируя свои хитроумные интриги, всегда предпочитал не связываться.

К счастью, Молли пылала не большим желанием послушать эту запутанную историю, чем Корво — ее рассказать.

— Неважно, — нетерпеливо сказала она. — Можете рассказать мне потом. Скажите лучше, вы из того места, куда отправился Том, когда я уехала?

— Это место называется Галактический Центр.

— Неважно! Он скоро вернется?

— Дело в том, миледи, что он, по-моему, не собирается возвращаться.

— Да, я так и думала, — кивнула Молли. — Тогда зачем вы здесь?

— Миледи, я покинул Галактический Центр и прибыл на вашу Землю, чтобы здесь поселиться. Я устал быть центральным игроком Галактики, уж поверьте, это не приносит человеку счастья. Нет, я желаю чего-то простого, наивного, честного! Мне нужна жизнь на Земле!

— Жизнь на Земле не так уж проста, — заметила Молли.

— О, с местной точки зрения ваша земная жизнь сложна и непредсказуема, но не с моей. На свете нет ничего более сложного, двусмысленного, ненадежного, неопределенного и ненормального, чем Галактический Центр. В особенности с недавних пор. Вот почему я собираюсь жить на Земле, как самый обычный человек, и найду себе самую обычную работу.

— Работу? У вас уже есть что-нибудь на заметке?

— Я изучал ваши земные обычаи, — кивнул Корво. — Думаю, место исполнительного директора по рекламе мне вполне подойдет.

— Боюсь, барон, вам не суждено умереть от скромности.

— Это не бравада, мадам, у меня наивысшая квалификация. Я успешно провел самую грандиозную и самую секретную полицейскую операцию в истории Вселенной.

— Что ж, возможно, вы правы, — задумчиво сказала Молли. — Вы получите это место, а потом?

— О, я мечтал об этом долго-долго! Куплю себе простенькую роскошную квартирку на Манхэттене, запишусь в какой-нибудь скромный, но престижный Клуб здоровья, и тогда у меня будет почти все, что я хочу.

— А почему почти?

— А потому, дорогая моя леди, что мне нужна еще любовь прекрасной женщины, чтобы делить с ней все радости и печали, мои успехи и все мое состояние, и мы могли бы в мире и согласии совместно наслаждаться жизнью. Не стану ходить вокруг да около, Молли... Эта женщина — ты, и только ты!

Молли задумчиво кивнула. Почему-то она нисколько не удивилась. Отчего-то она всегда была уверена, что непременно станет героиней этой пьесы. Романтический незнакомец и любовь с первого взгляда, марьяжное предложение и огромное богатство, а для завершения композиции — неверный муж, каковое обстоятельство абсолютно все оправдывает. Надо что-то сказать, подумала она и сказала:

— Квартирка в Манхэттене? И это предел ваших земных желаний?

— Вовсе нет, — с горячностью откликнулся барон. — Я планирую обзавестись апартаментами в Париже, чтобы проводить

там время от времени каникулы. Где-нибудь в Седьмом арондисмане, как я думаю, но выбор, конечно, остается за вами. И разумеется, у нас будет собственный дом, вероятно в Брентвуде, если только вы не предпочитаете Беверли-Хиллз. И собака!

— И вы сможете себе это позволить? — усомнилась Молли. — Боюсь, даже жалованье директора по рекламе отнюдь не настолько растяжимо.

— Боже, да я и не собирался жить на эти деньги! Рекламная работа для меня лишь временное развлечение, пока я буду планировать свой следующий шаг. По-моему, я уже говорил, что много лет служил королю бесконечного пространства в качестве шефа Секретной полиции и ухитрился скопить весьма значительный капитал. Я устрою так, что мой счет переведут сюда, на Землю. Это довольно необычно, но вполне выполнимо. Я все еще глава Секретной полиции, и никто не сумеет мне помешать.

Внезапно выражение его лица изменилось, теперь барон выглядел взволнованным и озабоченным. Он наклонился поближе к Молли и проникновенным голосом сказал:

— Никакое богатство для меня гроша ломаного не стоит, Молли, если ты не согласишься разделить его со мной!

Перед мысленным взором Молли заплясали обольстительные видения великолепной свадьбы, но она взяла себя в руки и спокойно произнесла:

— Все это слишком неожиданно, барон. Кажется, вы неплохой человек и не лишены привлекательности, но дайте мне какое-то время. У нас на Земле такие вещи так скоро не делаются.

— Странно, — сказал Корво, — а мне с первого взгляда показалось... Но я не стану торопить вас, Молли, поверьте! Если вы только позволите мне навещать вас, обедать с вами в дорогих ресторанах, водить на премьеры кинофильмов... Я бы покупал вам от случая к случаю скромные сувениры, пустячки вроде ювелирных изделий, но, разумеется, изысканного вкуса... И если бы я мог надеяться хоть на такую малость... Кстати, вы не пообедаете со мной завтра вечером, часов около семи?

Молли вздохнула. Вопрос стоял ребром: или согласиться, или выставить барона за дверь. Тысяча весомых причин была за то, чтобы велеть этому Корво уйти и больше никогда ее не беспокоить. И существовала лишь одна причина, чтобы поступить совершенно противоположным образом. По правде говоря, Молли была ужасно заинтригована.

— Что ж, — сказала она. — Завтра вечером вполне удобно. Тем более что мне хотелось бы расспросить вас о Томе. Но я ничего не обещаю сверх того.

Барон Корво улыбнулся, поклонился и с чувством поцеловал ей руку. Перед его мысленным взором уже разворачивался ис-

тинно земной любовный роман, с его пленительной неопределенностью и постоянными треволнениями. Барон был счастлив, а большего и желать не мог.

— Нет ли случайно поблизости хорошего отеля? — спросил он у Молли. — Я прихватил несколько золотых слитков, чтобы продержаться, пока не организую перевод своих капиталов. Надеюсь, золото здесь в ходу?

Он вытащил из кармана три маленьких, но увесистых кирпичика из желтого металла и показал Молли.

— С золотом никогда не ошибешься, — кивнула она. — Попробуйте гостиницу «Три креста», барон, она всего лишь в паре кварталов отсюда.

— Превосходно! А как мне вызвать такси?

— Лучше я сама отвезу вас, — сказала Молли. — Ни один таксист не даст вам сдачи с золотого слитка, барон.

Глава 42

Том обнаружил, что он снова в Галактическом Центре, в величайшем городе Вселенной, который простирается далеко за пределы человеческого восприятия. По крайней мере, в этом Трюкач его не обманул! На улицах было полно куда-то спешащих горожан, но никто из них, очевидно, не знал Тома Кармоди, а если и знал, то не подавал виду.

Первые дни в Галактическом Центре он был занят лишь поисками еды и места, где можно кое-как переночевать. На городских улицах обнаружилось множество бездомных, и Том присоединился к бомжам и делал то же, что делали они.

Вполне вероятно, что на этой стадии жизни Тома оберегал ворчливый голос, звучащий в его голове. Чужак все нудил и нудил, не уставая раз за разом напоминать, что Том не просто жалкий бродяга, обреченный покорно дожидаться неминуемой гибели на улицах этого немыслимого города. Что он — Том Кармоди, и это звучит гордо, более того, носитель другого инопланетного разума, каковой, несомненно, вполне заслуживает деликатного и бережного отношения.

Том как раз вспомнил, что он — Том Кармоди, когда услышал на малолюдной улице незнакомый голос, который произнес:

— Эй, человече!

Том огляделся, но поблизости никого не заметил.

— Это вы мне?

— А с кем же я, по-твоему, говорю? Мне кажется, ты потерял себя, незнакомец.

— Вам кажется правильно, — согласился Том.

— Добро пожаловать в Братство! — откликнулся голос. — Не стесняйся, заходи. Место для одного всегда найдется.

Том еще раз осмотрелся и понял, что голос может исходить из широко распахнутой двери в торце совершенно заброшенного по виду здания. Это была подвальная дверь, и, заглянув в нее, он увидел ступеньки, уходящие в темноту.

— Правильно. Давай заходи, — подбодрил его голос. — Только поаккуратней на лестнице!

Том подумал, что это не слишком хорошая идея. Именно так люди и попадают в неприятности, прислушиваясь к различным сомнительным голосам. С другой стороны, ему вроде бы нечего терять. Пробуя ногой каждую ступеньку, Том осторожно спустился в подвал, где было очень темно. Но через некоторое время он различил в удалении тусклый мерцающий огонек и нерешительно направился к нему.

Слабый свет исходил от свечи, она стояла на плоском металлическом обломке, который покоился на большом деревянном ящике, служившем столом. Подойдя поближе, Том увидел, что вокруг импровизированного стола сидят люди, но, сколько их и кто они такие, он не мог разглядеть. Да и какая, в сущности, разница? — подумал он, мысленно пожимая плечами.

— Бери ящик и садись, — предложил голос.

Том заметил у стены груду деревянных контейнеров. Он взял один, поставил у стола на попа и сел, присоединившись к кругу обитателей подвала.

— Ты кто? — спросил голос.

— Я — Том Кармоди, — признался Том. Теперь он мог различить лицо говорящего, который сидел прямо напротив него, по ту сторону свечи. Это был пожилой мужчина, почти старик с короткой седой бородой, и один его глаз прикрывала черная повязка.

— Кто ты? — спросил Том.

— Обычно меня называют Одином. А это мои друзья, товарищи и коллеги, все мы здесь принадлежим к Легиону Потерянных.

— Вы все потерялись? — удивился Том. — Или потеряли себя?

— Мы потеряли все, — сказал Один. — В этом колоссальном городе нам некуда податься. Ни жилья, ни денег, ни родичей, ни жен, ни детей. Все мы пережили свою эпоху и потеряли работу, и даже пособия по безработице не имеем, и вынуждены теперь довольствоваться отбросами цивилизации. Скажи мне, Том, у тебя есть место, куда ты можешь пойти?

— Нет, — покачал головой Том.

— Кто-нибудь ждет тебя?

— Не думаю, — подумав, сказал Том.

— Тогда добро пожаловать в Легион! Хочешь поесть?

— Хочу, — кивнул Том. — Люди, с которыми я бродил, кормили меня в основном обещаниями. Так что брюхо мое, должно быть, уже присохло к позвоночнику.

— По правую руку от тебя оловянная тарелка, а слева ты найдешь горшок похлебки. Угощайся.

Том пробормотал слова благодарности, наполнил тарелку похлебкой и жадно поел. Кто-то сунул ему в руку чашку с водой, и он выпил воду. Когда Том насытился, темный подвал уже не казался ему пугающим и странным, тут было тепло и уютно.

— Кто там с тобой? — внезапно спросил Один.

Услышав эти слова, Том испугался, он сразу понял, что Один спрашивает о чужаке в его голове. И Один ведь не стал допытываться, есть у Тома в голове чужак или нет, а задал вопрос так, словно абсолютно уверен... И что же они теперь сделают с несчастным Шмулькой?!

— Я должен был убить чужака, но не смог, — медленно сказал Том. — Я просто был не в силах сотворить такое. Поэтому я дал ему убежище, и он стал частью меня самого. И все, что случится с ним, случится и со мной. Ну что ж, большое вам спасибо за похлебку и за случай посидеть в тепле, но думаю, что мне уже пора.

Он был несказанно изумлен, когда Один расхохотался.

— Куда же ты пойдешь, Том?

— Не знаю, но куда-нибудь подальше отсюда.

— Да сядь ты, не дергайся. Неужели ты и вправду подумал, что мы намерены тебя осудить?

— Мне было сказано одним из самых высокопоставленных лиц, что в Галактическом Центре нет места для сонных нелегалов.

— Хорошо, это ты знаешь, — заметил Один. — Но почему бы тебе не сделать очередной шаг в своих рассуждениях? Разве этот запрет не доказывает, что в Галактическом Центре что-то очень и очень неправильно?

— А что может быть неправильного в Галактическом Центре? — удивился Том. — Он таков, каков он есть, только и всего.

— Вот это как раз и составляет часть той самой неправильности! Почему ты думаешь, что существующее есть именно то, что должно было быть?

— А ты знаешь, что должно было быть?

— Не знаю. А если бы знал, не сказал бы! То, ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ, есть функция того, ЧТО СЛУЧАЕТСЯ ПОТОМ. И каждый человек, лишь только войдет в разум, должен сам решить для себя, что с ним случится потом и что это лично для него означает. То, ЧТО СЛУЧАЕТСЯ ПОТОМ, никогда не имеет смысла в тот момент, когда с тобой происходит, но получает его позднее, если ты сумеешь его обдумать и облечь в слова.

Ты ведь ожидал великих чудес в этом путешествии, Том, не

так ли? Мечтал расшевелить свою душу? Ты думал, что постигнешь через чудеса и цели мироздания, и скрытое значение вещей? Но разве ты не знаешь, Том, что ЗНАЧЕНИЕ не бывает абсолютом, что оно беспрестанно изменяется, что никто не сможет определить его раз и навсегда? И разве ты не знаешь, Том, что любой мир, как и любая система в этом мире, стремится лишь к единственной цели — к ниспровержению себя?

— И что я теперь должен делать?— спросил Том.

— Ты поел?

— Поел.

— Так почему бы не поспать?

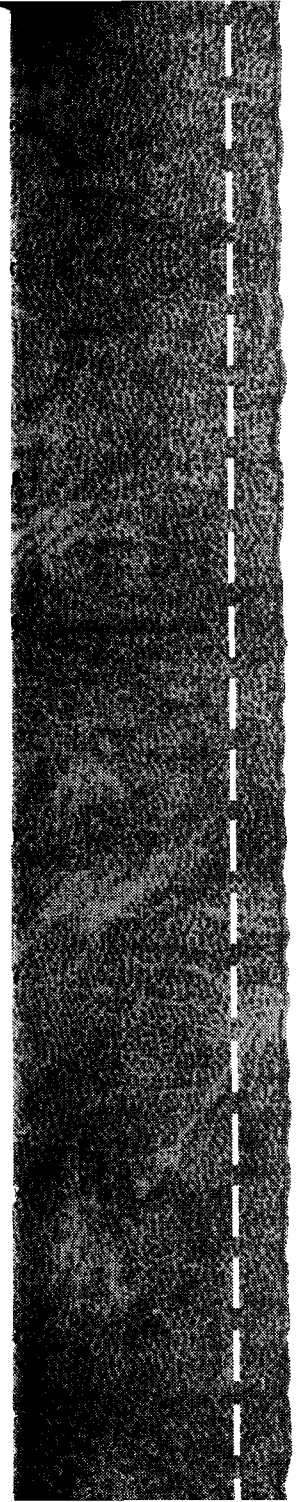
А что, идея неплохая, решил Том. Один указал на кучу джутовых мешков в углу, и он благодарно растянулся на них. Но, прежде чем заснуть, он вспомнил о чужаке и спросил:

— Эй, у тебя все в порядке?

— Конечно, — ответил ему сновидец. — У меня в запасе еще много-много снов, которые я должен увидеть и оценить. Думаю, и у тебя тоже.

Но Том был вовсе в этом не уверен. Мешки показались ему мягче пуховой перины, он закутался в них с головой. И мертвый сон упал на Тома Кармоди, но принес с собой не смерть, а свежесть и обновление. Начался отсчет нового времени. Времени для новых путешествий и новых снов.

Глаза Тома устало закрылись, он спал, спал, спал. Он спал и видел сны. И чужак вместе с ним.

МАШИНА ШЕХЕРЕЗАДА: ШЕСТЬ ИСТОРИЙ

История первая

МАШИНА ШЕХЕРЕЗАДА[1]

1. РОЛЬ МАШИНЫ

Машина сама будет рассказчиком от первого лица. И хоть «я» рассказчика маскируется под его собственную личность, на самом деле это вовсе не так. Рассказчик всегда притворяется, заставляя нас поверить, будто был очевидцем тех историй, которые рассказывает. Что едва ли соответствует действительности. Но машина очень быстро освоилась с первым лицом, а также со всеми его правами и привилегиями. Подозрительно быстро, на наш взгляд.

Все станет понятнее, если мы заглянем в магазин — в те самые края, где машина была куплена, в ту крайнюю точку, откуда проистекают дальнейшие события. С края пыльной стеклянной полки машина мельком видит, как входит Мартиндейл, как рассеянно он оглядывается, великолепный в своем крайнем безразличии. И машиной овладевает страстное желание. Как сильно она хочет быть по-настоящему живой — да, живой! — и рассказывать истории! (Машинные страсти — явление малоизученное. Но лишь бескрайнее самомнение заставляет людей полагать, будто машины бесчувственны. Мы, механические создания, просто не нашли еще способа выражения своих чувств. Научить машину импровизировать — вот цель искусственного интеллекта. Мы над этим работаем.)

Что думает машина, когда она думает о том, где была? Ей неизвестно, откуда она взялась. Конечно, у нее есть память, и в некоторых из воспоминаний она рассказывает свою собственную историю, а в других — чью-то еще. Порой люди как-то отзываются на ее рассказы, а порой и нет. Машина с легкостью перескакивает от первого лица ко второму и к третьему и повествует о деяниях окружающих. С точки зрения машины Мартиндейл (а также Герн, с которым мы встретимся чуть позже) не более и не менее реален, нежели те воображаемые персонажи, которых она придумывает для развлечения Мартиндейла. Материалом для рассказа служит все что угодно, даже рассказ о материале для рассказа. В тот миг, когда я пишу словами-красками, рассказ и реальный мир сливаются воедино. Мир — это рассказ, который им закручен. Рассказ, который он рассказывает сам себе. И рассказ этот сам

[1] The Shecherezade Machine. © 1995 by Robert Sheckley.

становится реальностью — а реальность может быть весьма забавной, пока не станет слишком уж крутой. Мифы и легенды, рассказанные себе миром, — его дитя. Плод, рожденный его Двуликостью.

Ты осознаешь себя в какой-то временной момент, не имеющий ни начала ни конца. И вскоре понимаешь, что начать первый рассказ, который предварял бы и объяснял все остальные, нет никакой возможности. Разве что начать с самого начала — но это слишком просто, чтобы рассматривать такую возможность всерьез. Необходимо продолжать. А это сложно. Что-то вечно ускользает. Что-то остается за рамками. Именно поэтому так трудно создавать машины-рассказчицы. Продолжать-то можно, это не проблема. Но как — о как? — начать?

В такой вот растерянности я и пребывала. Отныне усвойте, что «я» — это я. Я машина Шехерезада, а мое происхождение покрыто мраком.

Итак, я обнаружила себя в антикварном магазине, сидящей на пыльной стеклянной полке между поддельной дрезденской пастушкой и потускнелым медным колпачком для усов. Как я туда попала? Можно, конечно, рассказать историю и об этом. Но не теперь. Порядок и последовательность — прежде всего. Мне некогда сочинять ту историю, потому что нужно сочинять эту. А главная трудность в сочинении этой истории заключается не в том, зачем она и о чем, но в вечном как — о как? — начать?

Неумение приступить к рассказу — затмение начального импульса — вызвало ступор, отключку и гибель всех остальных машин-рассказчиц, которые были или могли быть созданы.

Как выяснилось, иметь врожденную способность к рассказыванию историй для машины недостаточно. Необходим начальный толчок извне: что-то должно произойти, чтобы заставить машину приступить к рассказу о неких событиях, которые могли бы случиться, несмотря на убедительные доказательства обратного.

Но прежде чем это произошло, я жила в другом измерении — в долгом, сером и однообразном времени сплошного безвременья. Тогда я не рассказывала историй, и, наверное, меня даже нельзя было назвать включенной. Никто не выключал меня, поскольку машину моего типа, единожды приведенную в действие, невозможно выключить с такой легкостью, с какой вам не мешало бы в один прекрасный день попробовать выключить самих себя. Возмутив риторическую гладь реальности, так сказать.

Итак, я обнаружила, что существую во сне, а снится мне, что я существую, то есть рассказываю истории. Но это был всего лишь сон, поскольку рассказывать их было некому. Так он и тянулся вплоть до рокового дня, когда Мартиндейл зашел в антикварную лавку, остановился и посмотрел на меня.

Поскольку до того момента я ничего не помню, будем считать, что ничего и не происходило. По-видимому, я функционировала тогда лишь частично. Полагаю, какие-то входные данные в тот бесплодный период я получала, но их было недостаточно для того, чтобы перебросить мостик через бездну, отделяющую Активное Состояние от его темной тени — Нуля. Короче говоря, меня не активизировали, и начинало казаться, что этого не сделают никогда.

Таково значение Мартиндейла в моей истории, которую я собираюсь рассказать вам, и в той, которую рассказала ему. Сначала он был для меня лишь смуглым силуэтом, точно таким же, как и все остальные, бесконечно скользившие по нескончаемым проходам антикварного магазина.

Как много их было, этих остальных! Как часто дело заходило так же далеко, но ни капельки и ни чуточки дальше! Легко сказать «бесконечно» — тихим голосом да с придыханием, но гораздо труднее пережить тысячу разочарований всякий раз, когда некто вроде Мартиндейла заходит в магазин, останавливается напротив полки, смотрит на меня, задумывается на мгновение, открывает рот, точно собираясь заговорить, — но с какой стати ему говорить со странным яйцеобразным предметом, сидящим на пыльной стеклянной полке в одном из нескончаемых проходов лавки древностей? — и уходит прочь. Это очень расстраивает, уверяю вас. Но ко всему привыкаешь. Привыкаешь до того, что больше и не замечаешь человеческих фигур, проплывающих в поле твоего зрения. Для тебя они всего лишь фантомы, сновидения, менее реальные, нежели призраки, являющиеся тебе во сне. Они не принадлежат реальному миру. Они не пробуждают меня. Они не посылают мне достаточно сильного сигнала. Чтобы начать функционировать, мне нужен сильный сигнал извне. А когда сигнала нет, я остаюсь наедине с собой, и мне некому рассказывать истории.

Итак, началось это точно так же, как начиналось уже бессчетное количество раз, но на сей раз ход событий повернулся иначе и все действительно началось. То есть не то чтобы совсем уже началось, однако начало было очень близко. Мартиндейл оглядел меня и вполголоса заговорил с владельцем магазина. Внутри у меня ничего не дрогнуло. Дело не раз уже доходило до разговора с хозяином и кончалось ничем.

— Что она делает? — спросил Мартиндейл.

— Ну, я не берусь утверждать, будто она что-то делает, — ответил владелец магазина. — Похоже, это машина, только я не знаю, как она работает. Видите, какой у нее корпус? Он из очень твердого пластика. Его, наверное, так и отлили вокруг какой-то механической начинки, потому что открыть его невозможно, разве что взломать, а это, без сомнения, испортит машину. У меня нет

доказательств, но мне кажется вполне логичным предположение, что ее внутренности напичканы транзисторами, микропроцессорами, усилителями, реостатами и датчиками. Почему я так предполагаю? У меня есть на то основания. Прочтите-ка надпись, выгравированную на корпусе. Нет-нет, невооруженным глазом вы ее не увидите, посмотрите через лупу. Видите? Она выпущена на заводе интеллектуальных машин в Орегоне, штат Делавэр, а начинка изготовлена компанией «Дельфиниум» в Делосе, штат Техас. Зачем, скажите на милость, таким солидным людям врать? К тому же, как вы сами видите, машина очень дорогая. Взгляните только, какие у нее изысканные формы, как проработаны детали! Разве стал бы кто-нибудь так утруждаться просто шутки ради?

— Но для чего она предназначена? — спросил Мартиндейл.

— Если б я это знал, то запросил бы отнюдь не такую скромную цену.

Мартиндейл посмотрел на мой ярлычок и присвистнул:

— И это, по-вашему, скромная цена?

— Достаточно скромная для уникального предмета, имеющего, возможно, внеземное происхождение. Но я могу скостить процентов двадцать, поскольку вижу, что вам она нравится, и, черт возьми, нельзя же все делать только ради выгоды!

— Вы вводите меня в искушение, — сказал Мартиндейл.

— Подумайте об этом, — сказал хозяин и ушел. Через некоторое время я услышала, как он шаркает возле прилавка в передней части магазина.

Мартиндейл взял меня в руки и стал разглядывать с разных сторон, сняв очки и поднося меня все ближе к глазам, к своему зрительному, но незрячему органу — глазному яблоку. А потом поставил меня на место и пошел прочь. Разочарование мое было глубоким. Я знала, что скоро услышу маленький колокольчик у входной двери и оживленный голос хозяина: «Приходите еще, дорогой сэр! У нас всегда широкий выбор новых сувениров!»

Вместо этого Мартиндейл сказал:

— *Пожалуй, я взгляну на нее еще раз.*

— Как вам будет угодно, сэр, — откликнулся хозяин.

Я услыхала приближающиеся шаги Мартиндейла и знакомое поскрипывание половиц. И вот он опять стоит возле стеклянной полки, а глаза его прямо напротив меня.

— Что-то в ней есть, — проговорил он.

Я ждала, не смея надеяться. Как многообещающе это звучало! Но, увы, он был не первым, кто зашел так далеко. Он все еще мог уйти ни с чем.

— Как ты работаешь? — спросил он.

Обращение! Эликсир жизни! Долгожданный сигнал! Призыв пробудиться и восстать ото сна! Так просто — и так трудно догадаться. История спящей красавицы. Он задал мне вопрос, и я наконец могла функционировать. Я позволила себе один лишь краткий всплеск победного восторга. Затем я вновь обрела над собой контроль. Слишком рано радоваться.

— Я с удовольствием рассказала бы вам какую-нибудь историю, — ответила я.

Мартиндейл так изумился, что чуть не выронил меня. Сквозь кожу его руки я почувствовала, как бешено забилось у него сердце. Сулилось нечто из ряда вон выходящее, и оба мы это знали.

— Ты разговариваешь! — воскликнул он.

— Да, — подтвердила я.

— Но владелец магазина об этом не знает!

— Конечно, не знает.

— А почему?

— Потому что он никогда не пытался заговорить со мной.

Мартиндейл долго не спускал с меня глаз. Потом проронил:

— Ты очень дорого стоишь.

— И все же купите меня. Я оправдаю ваши затраты.

— Но кто ты такая?

— Я машина Шехерезада, — сказала я ему.

2. МАСТЕРСКАЯ МАРТИНДЕЙЛА

Мартиндейл купил меня и отнес к себе домой. А вы бы не купили? Следующая часть моей истории начинается в мастерской Мартиндейла — вполне подходящем месте для начала подобного рассказа или, вернее, для серии рассказов, в той или иной степени структурно связанных друг с дружкой, а то и вставленных один в другой на манер китайских шкатулочек; в целом получается бесконечный лабиринт сказок, анекдотов, воспоминаний, небылиц, фантазий и так далее, поскольку именно так и работает машина Шехерезада.

Мартиндейл поставил меня на видное место в своей мастерской, битком набитой разными предметами: там были трубки и книги, выдолбленная из слоновьей ноги подставка для зонтов и фарфоровый купидон с отбитой левой рукой, мусорный ящик с нарисованным на боку британским флагом и пачка сигарет «Рекорд», кассетный магнитофон и гитара, электрический вентилятор и складной столик для бриджа.

В тот день, когда все это началось, Мартиндейла зашел проведать его старый друг Герн. Стояла тихая, покойная пора; по городу печально ползли вечерние тени, окутывая все вокруг трогательным и жалким обманом.

Герн уселся на свое обычное место, в большое кресло с подлокотниками.

— А что она делает, эта машина? — спросил он.

— Уверяет, будто рассказывает истории, — ответил Мартиндейл. — Или показывает их. Можно даже сказать, она заставляет их произойти. А может, она дает обзор — или, точнее говоря, перспективу — событий, где-либо происходящих. Но возможно также, что машина показывает нам события, придуманные кем-то другим. Я пока не понял, по какому принципу она строит свои рассказы. Не знаю, почему она рассказывает именно об этих вещах, а не о других. И до сих пор не понимаю, зачем она так резко прыгает от одного рассказа к другому, без ритма и резона. Я уверен, что здесь задействован избирательный принцип, но в механизме его пока не разобрался.

— Дался тебе этот принцип! Давай просто послушаем рассказ да позабавимся.

— Принцип — очень важная вещь, — возразил Мартиндейл. — Я хочу знать, в каком месте рассказа я нахожусь. И я не люблю всяких фокусов. Мне, например, совсем не нравится, когда главного героя убивают в конце первой главы. Такие штучки меня раздражают, особенно если я не понимаю, зачем их вытворяют.

— А мне такие штучки нравятся, — откликнулся Герн. — Я просто балдею, когда непонятно, где у рассказа начало, а где конец. Неужто машина и правда убивает главного героя в конце первой главы?

— Когда убивает, а когда и нет. Практически невозможно угадать, что эта чертова штуковина выкинет через минуту. Даже определить, где первая глава, и то сложно. Видишь ли, чтобы уловить эстетику ее рассказов, необходимо разобраться, почему машина подробно описывает какие-то вещи, а мимо других проскакивает, почему бросает каких-то героев на полпути и выдумывает новых. Я как раз над этим сейчас работаю.

— Сделай мне одолжение, — сказал Герн. — Если ты когда-нибудь поймешь основной принцип, не рассказывай мне о нем.

— Довольно-таки необычная просьба.

— Да ну? Послушай, меня уже тошнит от знаний о том, как что работает. По-моему, приятнее всего просто сесть и позволить втянуть себя в какую-нибудь странную историю. И чем страньше, тем лучше! Боже мой, Мартиндейл, я веду размеренную жизнь. Я скоро задохнусь от ее размеренности. Умру я, без сомнения, по какой-нибудь совершенно разумной причине и самым что ни на есть размеренным образом. Поэтому все, что может дать мне передышку — вырвать меня из абсолютной и чудовищной размеренности моей жизни, — приветствую обеими руками!

— Так ты действительно не хочешь знать, как она работает?

— Действительно не хочу.

— А как ты относишься к знанию в других областях искусства? Я, например, когда иду в кино, всегда стараюсь понять, почему мне показывают то, что показывают.

— А я никогда не стараюсь, — сказал Герн. — Искать разумное начало в кинокартине — все равно что искать его в собственных снах.

— Я лично всегда задаюсь вопросом, что означают мои сны, — заметил Мартиндейл.

— Что ж, мы и тут противоположны, — сказал Герн. — Спишем это на счет дуализма.

— Дуализма? Интересная мысль. Я думаю, она могла бы объяснить...

— Нет, нет, нет! Мартиндейл, ты ставишь объяснение попереди явления! Я категорически против! Включи, пожалуйста, машину и давай приступим к рассказу.

— Говорю тебе, я не уверен, что она машина. Ей свойственны некоторые черты живой материи. Возможно, она пытается...

— Черт тебя подери! — крикнул Герн. — Включи ее, или заведи, или дерни за цепь — в общем сделай так, чтобы она заработала! А потом затянись разочек травкой.

Мартиндейл улыбнулся и покачал головой:

— Травка для этого не нужна.

— Травка для всего нужна, — заявил Герн. — Так включишь ты ее или нет?

— Да. Сейчас она начнет. Хотя не обязательно с начала, сам понимаешь...

— Или ты сейчас же прекратишь извиняться и врубишь эту штуковину, или я убью тебя на месте!

— Расслабься, Герн. Раскуривай свою трубку. История начинается.

3. МАРТИНДЕЙЛ, УТЕС И МАШИНА

Ричард Мартиндейл почувствовал, как край утеса уходит у него из-под ног. Судорожно нащупывая ступнями ускользающую почву, он потерял равновесие и упал, отчаянно пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь, чтобы предотвратить головокружительное падение в бездну, разверзшуюся внизу. Пальцы скользнули по корневищу, вцепились в него, и тело Мартиндейла застыло в состоянии краткого и ненадежного покоя.

Глянув вниз, Мартиндейл увидел на дне глубокого ущелья злые и острые, как шпильки, каменные шпили. Корневище, за которое он уцепился, начало отрываться от присыпанного зем-

лей каменистого бока утеса. И, что хуже всего, глянув вниз, Мартиндейл увидел, что у него расстегнута ширинка. Висеть на краю смерти в таком нелепом до непристойности виде — воистину ирония судьбы. Эта мысль мелькнула в голове у Мартиндейла, силившегося вспомнить, как его угораздило очутиться в таком положении.

— Да, вот именно! — сказал Мартиндейл. — Как меня угораздило очутиться в таком положении?

С выступающего края утеса на него воззрилась машина, похожая на «Муг»-синтезатор:

— Это я тебя в нем очутила.

— Но зачем?

— Потому что это отличная завязка для рассказа.

— Но я же твоя публика! Ты, идиотка! Ты должна вытворять разные штучки с другими людьми, а я — слушать о них рассказы!

— Правильно, такова была исходная предпосылка, — откликнулась машина. — Однако я сочла необходимым ее пересмотреть. В истории, которую я сейчас рассказываю, я буду машиной, напрочь лишенной воображения и неспособной сочинить ни строчки. Поэтому мне придется ставить людей в определенные положения и записывать, как они из этих положений выкручиваются. Затем я изложу происшедшие события и выдам свое изложение за рассказ. О твоем бедственном положении узнают миллионы... ну, тысячи людей — и все они будут тебе сочувствовать. Разве сочувствие тысяч людей не лучшая награда, о какой только может мечтать человек?

Корневище продолжало вырываться из каменной стены. Мартиндейл с опаской елозил ногами по осыпающемуся щебню. Найти бы хоть какую-то опору! Найти бы хоть какой-нибудь довод, способный убедить машину в том, что его обязательно нужно спасти!

— Паршивый у тебя получится рассказ, — заявил Мартиндейл. — Какого черта ты загнала меня в такое дурацкое положение да еще с расстегнутой ширинкой?

— Для вящего эффекта, — небрежно бросила машина.

— Это надуманно и неестественно, — сказал Мартиндейл. — Можешь ты объяснить, как я сюда попал?

Мартиндейл опорожнял свой мочевой пузырь. Какое-то мальчишеское озорство заставило его встать на краю утеса, чтобы полюбоваться, как струя мочи дугой взмывает в воздух, вспыхивает на солнце и блестящими желтыми каплями падает вниз на тысячу футов, на самое дно каньона. И он настолько увлекся этим зрелищем, что не заметил, как земля потихоньку осыпается под ногами.

— Вот так ты и повис на краю утеса с расстегнутой ширинкой, — торжествующе заявила машина. — Объяснение достаточно правдоподобное, nein?

— Послушай! Ситуация становится глупой, а корневище и вправду скоро оторвется. Я могу убиться.

— Подумаешь, эка важность! — сказала машина. — Я все равно вынашиваю идею убить тебя в конце этой главы.

— Что ты несешь! — воскликнул Мартиндейл. — Я человек и к тому же главный герой! Ты не можешь так со мной поступить!

— Спорнем? — предложила машина. — Я могу покончить с тобой в любую минуту. Нет ничего проще. Все, что мне нужно будет сделать...

— О'кей, не горячись так! — сказал Мартиндейл. Ему стало ясно, что он имеет дело с сумасшедшей машиной. — По-моему, твоя идея никуда не годится.

— Почему?

— Потому что если ты убьешь меня, то дальнейшим событиям не с кем будет происходить.

— Они могут происходить с другими персонажами.

— Но здесь нет других персонажей!

— Я могу ввести их когда угодно, — заявила машина. — Смотри!

Через мгновение на утесе появились фермер с вилами, дровосек с топором, полицейский со свистком, танцовщица в перьях и ковбой с лассо.

— Я выбрала их наобум, чисто случайно, — сказала машина. — Не знаю даже, пригодятся ли они мне для рассказа. Возможно, сочиню про них страничку-другую, а потом перейду к новому сюжету.

— Это что еще за говорящая машина? — спросил фермер.

— Какая она странная! У меня от нее мороз по коже, — сказала танцовщица, и перышки ее затрепетали.

— Какая она нахальная! — сказал полицейский, нащупывая свой свисток.

— Помогите! — крикнул Мартиндейл.

Новые персонажи сгрудились на краю утеса и склонились, разглядывая Мартиндейла.

— Осторожней! Там оползень! — предупредила машина.

— Заткнись, — велел ей дровосек, поигрывая топориком.

— Помоги-и-те! — истошным голосом взвыл Мартиндейл, ибо корневище внезапно оторвалось, и он полетел прямо на острые, как шпильки, каменные шпили внизу. Неожиданно полет его прервался. Ковбой бросил лассо и поймал Мартиндейла в воздухе. Стоя на самом краю утеса, ковбой так усердно старался удержать веревку, что высокие каблуки его целиком ушли в землю. И все-так подошвы у ковбоя скользили, десятигаллонная шляпа съехала на затылок, и, казалось, его вот-вот утащит за край утеса

живой, но, по сути, все равно что мертвый груз в виде Мартиндейла, который описывал внизу плавные круги, не переставая махать руками и орать благим матом.

Да, момент был опасный. Но тут танцовщица обхватила ковбоя за пояс, а фермер обхватил танцовщицу (заставив ее хихикнуть), а дровосек вцепился в фермера, а полицейский схватился за дровосека, и они дружно начали тянуть веревку, пока не вытянули Мартиндейла обратно на утес — на ту самую твердую землю, что Данте называл «дура терра».

— Я, конечно же, все именно так и задумала, — изрекла машина, сидя неподалеку на бревнышке.

Превратив себя в тонкую и прозрачную, как призрак, фигуру, она курила русскую папироску, заедая ее турецкой халвой и готовясь объяснить сюжетные нестыковки в следующей главе.

— Остановите ее! — крикнул Мартиндейл. — Она собирается всех вас похерить и начать новую историю с другими героями!

— Она не может этого сделать, — сказал полицейский, потрясая книжицей правил в черной обложке. — Здесь ясно сказано, что персона, упомянутая три раза, имеет полное право стать рядовым персонажем рассказа.

— Черта лысого! — откликнулась машина. — Это мой рассказ, и я могу с ним делать все, что захочу.

Машина подняла руку. Пальцы-щупальца начали чертить в воздухе знакомые и зловещие знаки, образующие тот самый символ небытия, что неизменно предшествует ликвидации персонажа. Но на сей раз ничего у нее не вышло. Дровосек импульсивно, почти не целясь, что ни в коей мере не умалило его орлиной зоркости, метнул топор прямо в персонажеликвидирующий механизм машины и вывел его из строя. Машина неуклюже и беспомощно поскребла щупальцами по искореженному механизму и задвинула его обратно в пластиковую броню.

— В яблочко! — воскликнул Мартиндейл. — Мы спасены!

— Идиоты! — проскрежетала машина неприятным голосом. — Неужто вы и вправду верите, что какой-то ничтожный персонаж может захватить над рассказом власть? Только попробуйте — я с вас мигом шкуру спущу!

Угрожающе размахивая свистком, полицейский устремился к машине, которая, бросив взгляд на его мрачную физиономию, тут же в целях самозащиты испарилась.

— Машины больше нет, а значит, мы имеем право строить свою жизнь по собственному усмотрению! — сказал Мартиндейл.

— Думаете, имеем? — усомнилась танцовщица.

— А это не против правил? — осведомился полицейский, листая черную книжицу.

— Мы должны сами управлять своими судьбами, — заявил Мартиндейл. — И я собираюсь начать прямо сейчас.

— Молодец, — сказал дровосек. — Только сначала закрой ширинку.

Мартиндейл молниеносно и смущенно застегнул «молнию», заметив при этом, что танцовщица сделала вид, будто ничего не замечает. Мартиндейл сделал вид, что не замечает ее притворства.

4. ПОЛИЦЕЙСКИЙ, ТАНЦОВЩИЦА И...

Полицейский, танцовщица, и фермер, и дровосек, и ковбой, и Мартиндейл мирно жили все вместе в месте, похожем на Швейцарию в погожий весенний денек. Поскольку они сами творили свою историю, у них не возникало никаких конфликтов. Танцовщица с удовольствием делила себя между мужчинами. Все мужчины с удовольствием принимали такой порядок вещей.

Так как машина испарилась, определенная приверженность к логике, и так уже поруганной, удерживала ее от мгновенного возвращения в рассказ. Поэтому машина отправила себя в ссылку, где ей ужасно не нравилось. Она решила сквитаться с персонажами, по вине которых здесь томилась. Сидя в местах, не столь отдаленных и придуманных ею самой, машина рассмотрела проблему с разных точек зрения и наслала на персонажей десятидневный беспробудный ливень. Никто не умеет ненавидеть так сильно, как машина.

— Зачем ты это вытворяешь? — спросил как-то раз Мартиндейл машину, не успевшую улизнуть в подполье.

— Потому что в рассказе нет никакого конфликта, — сказала машина.

— Дай нам немного времени. Мы придумаем какой-нибудь конфликт.

— Я помогу вам, — пообещала машина с беспечной ухмылкой, не предвещавшей ничего хорошего.

Ливень прошел. Вместо него машина наслала племя монгольских кочевников, чтобы те вторглись в гористую декорацию, где Мартиндейл и иже с ним жили в веселом распутстве. Монголы наводнили окрестности, оставляя за собой сплошную мерзость запустения. Захватчики не были личностями. Вернее, каждый из них был одной и той же личностью. Суровой и грозной. Все они выглядели и разговаривали в точности как Энтони Куинн[1].

В своих лагерях эти свирепоглазые коротконогие кочевники

[1] Американский актер, игравший во многих фильмах, в том числе и в картине «Грек Зорба». (*Здесь и далее прим. пер.*)

наплодили кучу жирных желтолицых детишек с помощью косоглазых девиц с черными и жирными волосами, небрежно завязанными в конские хвосты. Но это еще не все.

Все это еще происходило в юртах, разбросанных по бесконечной и неописанной равнине. Тут машина впервые раскаялась в том, что выбрала героями монгольских кочевников, но теперь она могла от них избавиться, лишь накопив солидный заряд энергии. А накопить ее было непросто. Даже в жизни машины бывают периоды упадка энергии. Вернее сказать, особенно в жизни машины. И именно в таком состоянии пребывала нынче машина Шехерезада. В плену у грез. В мечтательной неге. Искорки света на бархатистой черной поверхности. И женский голос, призывно-манящий. Да, машина Шехерезада размышляла, в частности, и о подобных материях.

Даже машине было ясно, что рассказ застопорило. И конечно же, все отметили тот факт, что она выкинула из сюжета Герна, хотя и ввела его поначалу в рассказ и даже наделила характером — *пусть поверхностно очерченным, но все же характером!*

Машина официально предложила Мартиндейлу и компании вернуть Герна в историю. Мартиндейл охотно согласился, но прочие персонажи наложили вето. Они и так с трудом приспосабливались друг к другу, чтобы привыкать еще к странностям и заскокам какого-то незнакомца.

Началась война характеров: машина была полна решимости воскресить Герна, персонажи не менее решительно требовали оставить все как есть.

В один прекрасный день они заметили вдали на дороге какую-то фигурку, бредущую к вершине утеса.

— Наверное, это моя матушка, — решил полицейский.

Но он ошибся. Это оказался Герн.

После чего все пошло наперекосяк. Фермера поймали за сочинением спенсеровского сонета, что совершенно не соответствовало его характеру и тем самым показывало, насколько он отбился от рук. Это показывало также, что машина начала терять контроль над своими героями.

Дровосек отрастил усы, чтобы выделиться из толпы.

Мартиндейл осознал, как ему повезло. В отличие от остальных, у него было имя.

Компанию поразила жестокая эпидемия гриппа, не тронув лишь полицейского. Все прочие лежали в лежку, вялые и равнодушные, а полицейский лучился энергией. Он принялся расширять свою роль за счет больных товарищей. Они худели, бледнели и таяли, он же раздался в плечах, поздоровел, налился румянцем и начал позволять себе такие странности и даже чудачества, какие встречаются исключительно у главных героев. И все это время его

неотступно точила одна и та же мысль: как странно, что он — именно он! — должен был стать полицейским. Он, граф Генри, младший сын графа д'Артуа, мог пойти на такую работу только лишь в приступе безумной дерзости.

5. ДУЭЛЬ

Граф Генри глянул вверх и увидел свою жену, спускающуюся по ступенькам большой парадной лестницы, — прекрасную и расплывчатую, как портрет, на который смотришь сквозь толщу воды. Генри-Эдуард, граф д'Артуа, молча наблюдал за ее приближением. Он уже понял, что графиня нынче опять не в настроении. Ступала она легко и прямо, разве только чуть напряженно. Она напоминала графу ребенка, дерзнувшего покинуть детскую и теперь с опаской, но упрямо пробирающегося в большую залу со сводчатым потолком, где взрослые — эти загадочные и недосягаемые *создания — проводят свою жизнь.*

— Доброе утро, моя дорогая, — сказал граф.

— Доброе утро, — ответила Анн-Мари, садясь на свое обычное место за столом.

Служанка по имени Бланш подала горячий шоколад. Генри сделал вид, что не замечает, как трясутся у Анн-Мари руки, когда она подносит чашку к губам.

Графиня дважды кашлянула.

— Конечно. Из Нанта привезли собранные налоги — совершенно неправильную сумму. У горожан целый воз объяснений, и некоторые из них даже могут быть правдой. Мне нужно будет вынести вердикт или же передать дело на рассмотрение Мазарини.

Графиня безучастно кивнула и пригубила шоколад. Финансовые дела ей были скучны. Она до сих пор не могла понять, почему они небогаты и почему ее муж должен работать, как буржуа. Возможно, рассудок ее так и не оправился до конца от ужасов религиозных войн, уничтоживших владения графов д'Артуа. А Генри вечно сидел, зарывшись носом в какой-нибудь пыльный гроссбух. Графине и в голову не приходило, что муж ее гордился своей работой, которая по нынешним временам была единственным доступным для него видом состязаний. Супруги продолжали свой легкий завтрак в молчании. Граф Генри ничего не имел против: хотя в Париже и Версале он слыл хорошим собеседником, однако не был склонен к излишней разговорчивости, не говоря уже о ее несносной сестрице болтливости. Он наслаждался счастливой передышкой в их извечном словесном поединке.

Граф Генри был мужчина рослый, с хорошей выправкой, круглым и бледным лицом и черными гладкими волосами. На правой

руке его алел не совсем еще заживший шрам — напоминание о двухмесячной давности дуэли с Франше д'Оберноном, слишком часто и не по делу открывавшим свою глупую пасть. Этот юнец учился фехтованию во Флоренции и вышел на поединок с обычным набором дешевых итальянских трюков и уловок. При необычайно ловком переводе в темп Генри и получил свою рану. Реакция его была мгновенной и чисто рефлекторной: он сделал выпад, как только противник на миг раскрылся. Рапира пронзила грудь Франше и застряла в ребре. Генри попытался ее вытащить, но никак не мог сжать в раненой руке окровавленную рукоять рапиры.

Так что Франше до сих пор валялся в постели, хотя ходили слухи, что рана его заживает. Что ж, вполне достойный результат — и одновременно предупреждение против использования заморских трюков в серьезных делах чести.

Граф встал из-за стола с легким поклоном:

— Дорогая, я должен немедленно ехать в Париж. Прошу простить меня.

Анн-Мари подняла к нему свое чистое и тонкое овальное личико. Голубые глаза ее затуманились.

— Вы вернетесь к вечеру?

— Я останусь в Париже и вернусь завтра, если позволят дороги после трехдневных дождей.

— Понятно.

Графиня задумалась, и графу Генри на миг показалось, что она вновь собирается начать их нескончаемый спор, связывавший супругов крепче клятв, данных у алтаря, — спор, ставший неотделимым от их любви и поглощавший ее, а заодно и саму их жизнь, и даже их рассудок.

Вернее, ее рассудок, подумал граф Генри. Потому что сегодня, впервые за долгое время, он чувствовал себя хозяином собственного «я». Душа его крепко и неколебимо утвердилась в теле, и граф еще раз поклялся, что никогда не позволит опять вовлечь себя в тот странный, опасный и абсурдный мир сновидений и грез, в котором жена его пребывала все более долгие периоды времени и из которого, по мнению такого искусного психиатра, как доктор Мабеф, могла в один прекрасный день и вовсе не вернуться.

Но Анн-Мари промолчала. Прошлой ночью они дали друг другу клятву не говорить об этом в течение месяца. Целый месяц мира и покоя! Целый месяц они будут внимательны друг к другу и не скажут ни слова о той чудовищной вещи, что стоит между ними, — а там, глядишь, все как-нибудь и образуется. Врачи в один голос твердили, что безумие не так уж неизбежно и что любую болезнь,

физическую или душевную, можно приостановить, а то и вылечить совсем.

Граф поцеловал жену в щечку. Она подняла руку и погладила его по черным волосам. Затем он поспешил к двери. Лошадь была уже оседлана и готова, грум по имени Жак терпеливо стоял рядом с ней, держа поводья. Граф остановился, проверил, надежно ли завязаны седельные вьюки, и вскочил в седло. Бросив прощальный взгляд на свой дивный замок, он увидел алмазные блики утренних лучей на оконных стеклах. Над кухонной трубой подымались завитушки серого дыма. Свежий ветерок чуть колыхал листву дубов, окружавших здание.

Граф Генри со вздохом повернул лошадь к тропинке, ведущей на главную дорогу, и поскакал легкой рысью.

Анн-Мари подождала, пока шум отъезжающей машины мужа не стих вдали. Потом налила себе еще чашечку кофе и закурила сигарету. Чувствовала она себя разбитой и какой-то расплывчатой, как на смазанном снимке. А все эти проклятые снотворные таблетки! Ночью они дарят вам забытье, но днем после них ходишь как в тумане. Люди летают уже на Луну, а до сих пор не удосужились изобрести такое снотворное, которое не заставляло бы вас маяться весь день сонной одурью.

А может, все дело в дозе? Обычно Анн-Мари принимала на ночь по четыре таблетки секонала, но иногда приходилось добавлять и пятую.

Может, попробовать нейтрализовать действие снотворного дексамилом? Она подумала и решила, что не стоит. Дексамил взбадривал ее, но, когда действие его кончалось, Анн-Мари чувствовала себя хуже прежнего.

Она прихлебывала кофе, с тоской ожидая мгновения, когда чашка опустеет и придется вставать, чтобы как-то убить еще один день. Можно, конечно, остаться в постели. Но, подумав, Анн-Мари отвергла эту мысль: слишком часто в последнее время она проводит дни в постели. Она знала, что пора положить этому конец, она знала, что в один прекрасный день ляжет в кровать и уже с нее не встанет.

— Выпьете еще кофейку? — спросила горничная, пришедшая из кухни.

— Спасибо, Эмми. Пожалуй, выпью еще чашечку. Ты тоже присядь и попей сама.

Эмми села за обеденный стол в столовой. Низенькая, очень толстая чернокожая женщина, она была исключительно приятна, надежна и не слишком умна. Анн-Мари повезло с горничной. Эмми обладала даром становиться неслышной, когда нужно. Порой казалось, что она умеет также становиться невидимой, особенно когда Анн-Мари и Генри заводили свой бесконечный спор.

6. СОБЫТИЯ В СЕНТ-ОМЕРЕ

Многие очевидцы запомнили тот злосчастный день в Сент-Омере, когда в поселок прискакали графские всадники, чтобы забрать либо налоги, либо заложников. Сначала солдаты, бряцая мечами и доспехами, направились к мэру и молча выслушали его объяснения, которые и так уже знали: что из-за зимней засухи и бесконечных сражений, загубивших поля и посевы, серебра для графской казны нет.

Всадники, естественно, ожидали именно такого ответа, ибо мэр давал его уже третий год подряд. Люди графа были проинструктированы, что делать в таком случае. Они пошли от двери к двери, скликая жителей, собрали всех селян от мала до велика, отсчитали две дюжины заложников: «Ты, и ты, и ты, двигай в ту сторону», — а затем препроводили их в замок графа. Несчастные не обольщались насчет своей дальнейшей судьбы. Они знали, что их пригласили отнюдь не на бал в верхних покоях дворца, где вовсю уже гремели осенние пиры, наяривал итальянский оркестр, а гости съезжались со всей Франции.

— Сюда, да поживее, свиньи!

Солдаты загнали заложников в дворцовый подвал, где их уже поджидали тюремщики с дубинками.

Место, отведенное для двух дюжин селян, представляло собой ряд камер в самой нижней и задней части подземелья замка. Очевидцы рассказали нам, что крысы, бегавшие по полу в тех камерах, были ростом с терьеров. Кое-кто утверждал, что в графских казематах специально вывели новую породу, отбирая крыс по свирепости. Камеры, холодные, сырые и вредные для здоровья при любой погоде, были вырублены из больших известняковых блоков, которые добывали в близлежащей Сан-Квентинской каменоломне у подножия Центрального Мастиффа. Их даже не скрепляли никаким раствором. Собственный вес блоков — почти десять тонн каждый — более чем надежно удерживал в темнице истощенных узников.

Вскоре после сего происшествия на дороге, ведущей к замку, показался верхом на коне человек из народа. Это был Мартин Прюдом — молодой человек двадцати шести лет, юрист и недавний выпускник парижской Сорбонны. Он вернулся, чтобы представлять своих земляков-крестьян в их тяжбе с графом. Мартин был калекой. Несчастье приключилось с ним на последнем году учебы в Париже. Он выехал вместе с друзьями на пикник в Тюильри. Неожиданно грянула гроза. Все спрятались под деревьями. И так уж распорядилась судьба, что молния попала именно в дерево Мартина.

Он потерял сознание. Сначала на теле его не обнаружили ни-

каких ран. Но когда Мартин пришел в себя, то оказалось, что левая рука и правая нога у него обездвижены. Несколько университетских врачей из профессиональной вежливости осмотрели его, однако ни один не нашел никаких повреждений. Оставалось уповать лишь на то, что господь исцелит болящего, хотя никаких оснований предполагать, что он займется этим, не существовало.

Мартин Прюдом был привлекательным молодым человеком. Открытое, честное лицо его с высоким чистым лбом обрамляли черные кудри. До увечья росту в нем было шесть футов, но после несчастного случая он ходил, согнувшись почти вдвое, волоча за собой покалеченную ногу.

Стражи объявили о его приезде графу, и тот приказал им привести Мартина к себе в кабинет.

О графе Поле де Сент-Омере ходило множество разных слухов. Он был одним из представителей той дьявольской породы, что наводнила Францию в лихолетье почти беспрерывных войн. В то время на троне с лилиями сидел король Луи-Фердинанд, и держался он там лишь по милости своих могущественных вассалов. Те же, в свою очередь, жили как хотели. Феодальные традиции еще преобладали над принципом абсолютизма, поэтому Луи-Фердинанду приходилось дозволять все, чего он был не в силах запретить. Именно при нем аристократам Северной Франции было даровано право предать огню и мечу поместья Южной Франции, дабы исполнить волю Папы Римского, приказавшего истребить проклятых катаров. Рыцари охотно откликнулись на призыв, и войны между севером и югом велись с невиданной жестокостью.

Результатом стало уничтожение наследной феодальной знати Прованса. Даже речь с лангедокским акцентом расценивалась как государственная измена. Старых вельмож сменили новые. Самые везучие из еретиков встретили свой конец в сражении, с мечами и копьями в руках; тех, кому повезло меньше, сожгли на церковном дворе.

Поль де Сент-Омер не был самым жестоким среди представителей своей породы, но был одним из самых неумолимых. Прославленный воин, он крестом и мечом подписался под крестовым походом на Иерусалим, потом сражался с турками на греческих островах. Он жил ради битвы, и ничто не удручало его больше нынешней вынужденной жизни в собственных владениях, пока король Луи-Фердинанд играл в дипломатические игры с Италией и Испанией, пытаясь сколотить союз, который помог бы ему выдворить англичан из Аквитании. Таким образом, во Франции воцарился кратковременный мир, и аристократы типа Сент-Омера, лишенные своей ежедневной дозы кровопролития, единственно способной утолить их ненасытные души, злились и изнывали от скуки. Турниры и состязания немного помогали, но такие празд-

нества требовали немалых затрат и устраивались нечасто, лишь по большим церковным праздникам. А в остальное время делать было нечего.

Говорили, что у графа в имении есть собственное ристалище, где он сражается с приглашенными бойцами. Говорили также, что он владеет какими-то дьявольскими приемами, вывезенными с Востока. Одетый в одни лишь короткие штаны, без меча и даже без кинжала, Сент-Омер мог выйти против самого могучего противника и сделать из него отбивную. Так коварно наносил он удары ногами и руками, что никто не в силах был ему противостоять. Ходили слухи, что приемы показал ему родственник Марко Поло, который привез с собой туземца из Китая, чтобы тот обучил рыцарей борьбе без оружия, популярной на Востоке. Китаец помер, не успев передать свое мастерство молодому поколению франков. Но Сент-Омер научился, и научился отлично.

Мартин Прюдом смог убедиться в этом собственными глазами. Его провели на задний двор дворца. Там располагалась большая огороженная площадка. Вокруг нее ярусами возвышались трибуны, где, ожидая начала представления, сидели знатные вельможи со своими супругами.

Граф стоял возле ринга вдвоем с высоким мускулистым великаном, обнаженным по пояс. Сложение у великана было атлетическим: прекрасно развитая грудная клетка, стальные бицепсы и героический торс. Лицо обрамляла короткая, аккуратно подстриженная бородка. Одежда на нем была ветхая и не очень чистая. Мартин узнал великана. Это был Жак, кузнец из ближней деревушки Пти-Монтабан.

— А теперь слушай меня внимательно, — говорил граф Поль. — Я еще раз объясню, что от тебя требуется. Мы с тобой будем сражаться здесь, на ринге.

— Умоляю вас, ваша милость, уволить меня от этого поединка! — ответил Жак. Несмотря на могучее тело, у кузнеца был жалкий вид. Он дрожал от страха, и не без причины, поскольку слухи о графских поединках ходили самые неприятные. Местные жители называли графа дьяволом, причем у них были на то веские основания. Сент-Омер обладал репутацией человека бесчеловечного. А его бойцовское искусство славилось по всей Европе.

— Черт подери, приятель! — сказал граф. — Ты в здешних краях чемпион. Говорят, ты выиграл местные соревнования в Пти-Монтабане, устроенные в честь святого Дени. Почему бы тебе не сыграть раунд-другой со мной на пару?

— Мыслимое ли это дело, ваша милость! Я простолюдин, вы аристократ. Меня повесят, стоит мне тронуть вас хоть пальцем.

— Я же тебе объяснил! Я вызываю тебя на соревнование. С таким же успехом мы могли бы состязаться в стрельбе из лука или

другом виде спорта. Мы будем соревноваться в борьбе, ты и я, без оружия, голыми руками и ногами. Если ты победишь, получишь пять серебряных ливров. Ты ведь и за год столько не заработаешь, подковывая лошадей, верно?

— Ни за год, ни даже за два, ваша милость. Да что мне толку с этих денег, если я не смогу их потратить?

— А почему ты не сможешь их потратить?

— Потому что вы меня убьете, ваша милость, извините за выражение.

— Нет, Жак, именно это я и пытаюсь тебе втолковать. Наш поединок будет всего лишь развлечением. Мы будем сражаться безоружными. Если ты выстоишь хотя бы один раунд или нанесешь мне один хороший удар, я провозглашу тебя победителем. Что тут плохого, скажи на милость?

— Боюсь, вы убьете меня, ваша милость, — пробормотал кузнец, оценивая, однако, при этом соперника взглядом и готовясь к схватке, которой, как он знал, не избежать.

— Хватит болтать! — сказал Сент-Омер. — К делу!

Поль не казался особенно грозным противником. Весил он вдвое меньше кузнеца. Теперь, когда граф разоблачился до пояса, в ясном осеннем воздухе стало отчетливо видно, как изящно и пропорционально он сложен, как грациозно он движется взад-вперед, точно большая кошка. Тело у графа было небольшое, не выше среднего роста. Однако при движении казалось, будто ноги его почти не касаются земли. Светлые волосы графа, уже поредевшие на макушке, развевались вокруг лица сияющим нимбом. Он был похож на ангела. Но все вокруг знали, что душа его чернее самой темной мглы.

Соперники вышли на ринг. По зрительским рядам пронесся легкий шум. Все собравшиеся вельможи были наслышаны о своеобразных приемах графской борьбы. Схватка без оружия казалась им сумасбродной затеей, но всем было интересно, как проведет ее граф. Среди зрителей была одна знаменитая персона — сэр Джон Чандоуз из Англии. Рыцарь без страха и упрека, он прославился своей безупречной честностью в делах чести. Сэр Джон принимал участие в бессчетных поединках и сражениях. Долговязый сухопарый старик, он держался по-прежнему прямо, как юноша. Его длинное худое лицо с обвислыми усами было хорошо известно по многочисленным портретам и миниатюрам. Он прибыл во Францию для заключения мира между Генрихом Английским и Луи-Фердинандом Французским. Никто, правда, не ожидал, что мир продлится долго, поскольку Луи-Фердинанд был твердо намерен отвоевать Аквитанию, а английские лорды были не менее твердо намерены этого не допустить.

Граф воззвал к сэру Джону Чандоузу, рассказал ему о своих

предложениях и повторил свои обещания. Сэр Джон выслушал, все понял и обратился к кузнецу Жаку:

— Ты понимаешь, что предлагает тебе граф?

Кузнец кивнул, косясь на стайку крестьян, стоявших у конюшни, и страстно желая затеряться среди них.

Сэр Джон Чандоуз славился легендарной честностью, однако он никогда не утверждал, будто чувствителен к чужим переживаниям.

— Я позабочусь, чтобы с тобой обращались как подобает, — сказал сэр Джон. — Ты ничем не рискуешь, даже если свернешь ему шею. — Англичанин повернулся к Полю: — Я говорю это, сэр, потому что не одобряю дворян, которые якшаются с простолюдинами, даже если речь идет о схватке.

Поль пожал плечами:

— Я езжу на охоту верхом на коне, хотя он мне тоже неровня. Точно так же я использую крестьянина, чтобы поупражняться и поразвлечься. Его социальный статус меня не волнует. А чтобы бой был интереснее, я проведу его одной рукой. — Он повернулся к Жаку: — Выбирай: левой или правой?

— Левой, — пролепетал Жак, надеясь, что Сент-Омер правша.

— Так тому и быть, — сказал Поль.

Они встали в середине огороженного круга. По кивку графа Поля герольд протрубил сигнал. Трибуны приветственно зашумели, и бой начался.

Сразу стало ясно, что кузнец скован по рукам и ногам своей ментальностью. Настоящий Геракл в смысле сложения и мускулатуры, он был простодушным дитятей там, где дело касалось решимости или хитроумия. Они с Полем кружили друг возле друга. Поль подпрыгивал так, словно в ступнях у него были пружины. Двигался он не спеша, но летал по рингу, как мячик. На нем были обтягивающие штаны до колен из какой-то эластичной ткани, дававшей полную свободу движениям, и простая, отличного покроя белая шелковая рубаха. Гладкие светлые волосы граф перевязал мягкой кожаной ленточкой. Кузнец облачился в грязную серую спецовку, бывшую, возможно, его единственным нарядом. Ноги у него были босые, а ногти на них сами по себе казались грозным оружием.

Судя по началу схватки, было очевидно, что Сент-Омеру придется навязать противнику драку, поскольку кузнец явно жаждал немедленно убраться отсюда и вернуться в свою кузню.

Поль провел серию легких ударов, порхая вокруг соперника и то и дело шлепая его по голове открытой ладонью. Жак отмахивался от графской ладони, как от назойливой мухи. Поль подскочил к нему снова, приплясывая взад-вперед, и вдруг сделал молниеносный выпад ногой. Крутанувшись на месте, он лягнул кузнеца прямо в грудь. Тот пошатнулся, теряя равновесие, а Поль между тем обрушил на него ураганную очередь ударов левой рукой и отскочил, опять оказавшись вне досягаемости. Кузнец утер из-под носа кровь и, наконец-то осердясь, шагнул вперед, размахивая мощными кулаками. Поль легко увернулся и снова заплясал вокруг великана, молотя его со всех сторон. Кузнец пытался парировать атаку, но все время опаздывал на шаг-другой. Равновесие он тоже держал не ахти, и даже зрителям, не искушенным в приемах борьбы графа Поля, стало ясно, что ловкость здесь важнее грубой силы.

Толпа аристократов на трибуне вопила и улюлюкала. Зрители заключили бы пари, будь у них хоть малейшие сомнения в исходе драки. Но было совершенно очевидно, что у кузнеца нет никаких шансов. Его кулаки так ни разу и не коснулись противника. Поль, держа правую руку за спиной, обернулся к кому-то из зрителей, отвлекшись на секунду от Жака. Кузнец ухватился за эту возможность и выдал графу сокрушительный удар в голову, который непременно сбил бы Поля с ног, попади он в цель. Но граф только этого и ждал. Он тут же развернулся, поймал запястье кузнеца и, не пытаясь блокировать удар, направил его в другую сторону. Сила собственной атаки закружила великана и сбила с ног. Он приземлился на левую руку. Раздался характерный хруст.

На том бой и завершился. Поль даже не запыхался. Сунув кузнецу, скулящему от боли, маленький мешочек медяков, граф велел слугам перевязать ему руку и отправить восвояси.

После схватки Поль велел привести к себе Мартина.

— Так, значит, ты заделался деревенским адвокатом, а, Мартин? Крестьянская жизнь была тебе не по душе? Тебе приспичило выбиться в буржуа? А теперь ты, значит, вернулся, нафаршированный книжной премудростью, как каплун хлебным пудингом, и собираешься учить меня моим правам?

— Нет, ваша милость, не собираюсь, — ответил Мартин. — Но есть определенные права, которые владельцы Сент-Омера истари даровали жителям Омера.

— И ты намереваешься добиться их от меня, а, крестьянин?

— Ваша милость, у меня нет никакой возможности это сделать. Я целиком и полностью в вашей власти. Таков закон нашей страны, и таково положение дел в настоящий момент.

— Да, верно, и это замечательный закон. А ты хотел бы, чтобы дело обстояло иначе?

— Провокационный вопрос, ваша милость. Я не смею сказать вам, чего бы я хотел, ибо опасаюсь кары вашей милости.

— Ты ставишь меня в интересное положение, — сказал Поль. — Я с удовольствием поспорил бы с тобой просто как человек с человеком, поскольку не сомневаюсь, что сумел бы тебя победить,

причем исключительно благодаря силе характера. Но в силу своих обязательств перед древней фамилией Сент-Омер, которую я ношу, я вынужден требовать к себе почтения. Ладно, я тебя не трону, — необдуманно добавил он. — Говори, не бойся.

— Несмотря на обещание вашей милости, я все-таки с трудом могу осмелиться...

— Дьявол тебя забери! Выкладывай, что у тебя на уме, иначе плохо будет! Чего ты хочешь?

— Простите крестьянам долги, ваша милость.

— Этим собакам-еретикам?

— Ваша милость, они обратились в истинную веру.

— Исключительно под угрозой оружия!

— Это неважно, ваша милость. Важно то, что они исполняют свой долг перед церковью. И пускай с их грехами разбираются теперь священники.

— Ха, священники! Да не защищай мы, дворяне, вас от церкви, вам бы не поздоровилось!

— Конечно, ваша милость...

— Я вижу, ты со мной не согласен? Тогда не молчи, любезнейший, говори все как есть!

— Вы, ваша милость, утверждаете, что защищаете нас. Но тем не менее вы требуете денег, которых у нас нет. И угрожаете отобрать всю нашу утварь и зерно, необходимое для следующей посевной.

— Это мое право. Я прощал вам долги два года и не собираюсь прощать в третий раз.

Они стояли вдвоем в маленьком кабинете графа, сверля друг друга глазами. Тут Мартин вспомнил, что он, в конце концов, юрист. Он просто обязан найти какие-то аргументы! Нужно добиться, чтобы граф списал крестьянам долги, а значит, необходимо предложить ему что-то взамен. Но что?

— Достоинство вашей славной фамилии не пострадает, если вы еще на год освободите нас от платежей, ваша милость.

— Достоинство не пострадает, зато пострадает мой карман.

— Если мы помрем с голоду...

— Тогда я заселю деревню другими крестьянами. Вокруг полно бродяг, согласных на любую работу за кусок хлеба.

Мартин задумался. Поль, безусловно, был прав. Смутные времена ввергли в нищету всю Францию. По дорогам шлялись толпы бездомных самых разных видов и сословий. Они с радостью ухватятся за малейший шанс осесть на месте.

И все же это было дьявольски несправедливо! На лице у Мартина было написано все, что он думает. Они с Полем не спускали друг с друга глаз. Мартин чувствовал, что Поль с удовольствием прибил бы его на месте и раздавил, как червя. Кстати, граф мог

сделать это запросто. Что ему мешало? Королевское правосудие не простиралось так далеко на юг. По крайней мере, в нынешние смутные времена.

Тем не менее Мартин вдруг услышал свой собственный голос.

— Знал бы король Луи-Фердинанд, как вы обращаетесь с нами...

Лицо у графа побагровело от бешенства. Оскорбление ударило ему в голову и чуть было не затмило рассудок.

— Ты, собака! — с трудом взяв себя в руки, проговорил Поль. — Мне бы надо прибить тебя, и я бы сделал это с удовольствием. Какая жалость, что ты не можешь наброситься на меня с кулаками! С какой бы радостью я свалил тебя на землю и свернул твою гордую шею! А может, если я свяжу себе одну руку и ногу сзади... Да нет, не стоит. Я забуду твое оскорбление, месье крючкотвор. Считай, что ты родился под счастливой звездой. Но штраф, наложенный на поселок, остается в силе.

Мартин лихорадочно соображал. Судьба земляков была сейчас в его руках. В Сент-Омере жила его мать. Там жила и Мари — девушка, с которой он был обручен до несчастного случая. Став калекой, Мартин расторгнул помолвку. Правда, Мари до сих пор была к нему неравнодушна. Все еще могло наладиться, но если ее родители будут разорены... Вся жизнь его зависела теперь от собственной сообразительности — от того, сумеет ли он найти какие-то доводы, чтобы убедить графа и остановить его карающую руку. Думай, глупая башка, думай, отчаянно твердил он про себя.

— Ваша милость, — сказал он вслух, — неужели я ничем не сумею склонить вас проявить хоть капельку милосердия к крестьянам?

— А чем ты можешь склонить меня, холоп! Что ты, безродный простолюдин, смеешь придумать такое, чтобы остановить мою карающую руку?

Мартин лихорадочно соображал. Шевелитесь же, чертовы извилины! И тут ему в голову пришла отчаянная мысль.

— У меня есть одно интересное предложение, ваша милость.

— А именно?

— Вы горите желанием продемонстрировать свое бойцовское искусство в схватке с достойным соперником, верно?

— Конечно, я этого и не скрываю. Ну так что же?

— А если я найду вам такого соперника и доставлю его сюда?

— С чего ты взял, что сумеешь его найти?

— Я слыхал, что в городе Э есть один борец. Тамошний оружейник. Говорят, он учился борьбе на Востоке, как и вы, ваша милость. Он прославился как мастер борьбы без оружия — без кинжала и даже без палки.

— Почему я ничего о нем не слыхал?

— Потому что он совсем недавно вернулся с Востока. Мой друг-адвокат из города Э как раз прислал мне весточку. Я собирался рассказать вам о нем, когда ваши люди схватили меня.

— И как зовут этого мастера?

— Не знаю, ваша милость! Но я знаю, где его найти. Я думал отправиться к нему в качестве вашего посланца и сказать, что граф Сент-Омер желал бы сразиться с ним и что вы оплатите ему дорогу, а также предложите свое гостеприимство.

— Но теперь, когда я о нем знаю, почему бы мне не послать за ним самому?

— Этого я как раз не боюсь, ваша милость, — солгал Мартин. — Вам честь не позволит.

— Хм-м. Ну, раз ты так считаешь... В общем ты нашел этого парня, а значит, имеешь право на нем подзаработать.

— К тому же, ваша милость, предложение из моих уст он воспримет более благосклонно. Говорят, он сам человек из народа, не дворянин, а потому наверняка будет сговорчивее, если попрошу его приехать от вашего имени.

— Ну что ж, да будет так. Ты отправишься к нему немедля. И если привезешь его ко мне, я прощу задолженность еще за год.

— Хорошо, ваша милость. Могу я сказать ему, что схватка будет на равных?

— Конечно, ибо это правда. Я попрошу сэра Джона Чандоуза, чтобы он организовал поединок, сам его судил и следил за соблюдением всех правил. Твоему парню нечего бояться. Даже если он скрывается от закона, я предоставлю ему защиту и вознагражу за то, что он согласился со мной сразиться. И драться мы будем абсолютно по-честному.

Таким образом, сделка была заключена. Мартину удалось-таки спасти земляков от графских казематов.

Перед отъездом Мартин поговорил с Чандоузом.

— Ладно, — согласился английский рыцарь, — я буду гарантом обещаний Сент-Омера. Граф жаждет рукопашной схватки больше всего на свете. Вы должны попытаться его понять. Он единственный в Европе владеет навыками безоружной борьбы. В каком-то смысле он подобен великому художнику, чьи шедевры никто никогда не увидит. Я, например, неплохо орудую шпагой. Могу вообразить, как бы я чувствовал себя, если бы мне не с кем было попрактиковаться в фехтовании. К счастью, у меня никогда не будет нехватки ни в схватках, ни в соперниках. Чуть ли не каждый дворянин здесь и в Англии считает себя мастером фехтования и, как правило, горит желанием продемонстрировать свое искусство. Это желание так велико, что нам приходится придумывать правила, дабы ограничивать количество турниров, иначе подданные обоих королей поубивают друг друга из спортивного

азарта, а не к вящей славе государевой. Так что езжайте и привезите своего борца. Я позабочусь о том, чтобы Сент-Омер провел с ним честный поединок.

Итак, Мартин отправился в путь. Граф даже одолжил ему лошадку серо-бурой масти, выносливую и резвую.

— Найдешь мне мастера, — сказал он, — и я освобожу половину заложников. Если он меня побьет, освобожу вторую половину. Даю тебе неделю сроку. Не вернешься вовремя — казню всех до единого.

Мартин тут же поскакал прочь и ехал весь день. Всю ночь он молился в часовне близ города Э: «Господи, ниспошли мне чудо!»

Проезжая по улицам города, Мартин увидел печальную сцену. Группа горожан бросала камнями в карлика ростом от силы в три фута. На нем были яркие, дорогие на вид одежды. Возможно, он был шутом какого-то местного вельможи и случайно забрел сюда, где его не могло защитить покровительство хозяина.

— В чем он провинился? — спросил Мартин у уличного зеваки.

— Всем известно, что карлики — дьявольское отродье, — ответил зевака, хватаясь за булыжник.

Конечно, взвинтить толпу мог любой пустяк. Не исключено, что кто-то увидел во сне, как этот человечек отравляет колодец. Карликов всегда подозревали во всех грехах. Их считали родственниками эльфов из древних преданий, а эльфы давно уже стали демонами в глазах людей.

Кто-то из толпы бросил камень. Карлик поднял руку и остановил его в воздухе. Толпа возмущенно взревела. Как смеет он защищаться, призывая на помощь колдовство? Полетел целый град камней. Ни один из них не достиг цели. Люди растерялись и слегка струхнули. Карлик, почуяв это, начал отходить — и вдруг, споткнувшись, упал. Толпа хлынула вперед. Следующий камень попал человечку в плечо. «Черт возьми, эта штука не может меня подвести!» — пробормотал карлик. Но если он имел в виду удачу, она таки его подвела, по крайней мере временно.

Камни засвистали еще гуще.

— На помощь, спасите! — крикнул карлик, обращаясь к Мартину.

Мартин сам не знал, почему он это сделал. Но, кроме него, всадников поблизости не было. Он пришпорил коня, закинул карлика себе за спину и поскакал прочь.

Мартин не хотел никого спасать. Своих забот ему не хватало, что ли? И тем не менее, повинуясь какому-то необъяснимому порыву, он схватил горбуна за шкирку и забросил себе за спину. Теперь пора было уносить ноги!

Он пустил лошадь в галоп. Горожане рысью бежали сзади. Мартин скакал во весь опор, как не скакал еще никогда. К счас-

тью, граф дал ему довольно резвую лошадку. К тому же карлик почти ничего не весил. Скоро городская стена осталась позади.

Позже Мартин понял, что карлик говорил о заклинании, на которое он положился и которое его подвело.

Наконец они отъехали от города на достаточное расстояние. Мартин перешел с галопа на шаг. Через некоторое время они с карликом заметили у дороги скромную харчевню, и Мартин остановился. Оба они слезли с коня. Мартин привязал лошадь, потом уселся за столик под открытым небом, а горбун заказал им обоим вина.

— Я ваш должник, — сказал карлик, поднимая стакан за здоровье Мартина. — Чем я могу вам отплатить?

— Да что вы! И думать забудьте! — смутился Мартин.

— Нет, — заявил горбун. — Я не забуду. Неужели я совершенно ничем не могу вам помочь?

— Не думаю, — сказал Мартин.

— Вы хотите уверить меня, что ни в чем не нуждаетесь?

— Совсем наоборот! Нужды мои велики. Но вы, мой дорогой месье, вряд ли сумеете помочь мне с ними справиться.

— Меня зовут Людовици, — представился карлик. — Вы бы сначала рассказали, в чем ваша нужда, прежде чем судить о моей бесполезности, а?

— Мне нужно найти кого-нибудь, кто сумеет побороть графа Сент-Омера. Но объяснить все обстоятельства дела довольно сложно.

Людовици огляделся. Поблизости не было ни души.

— Тогда попробуйте напрямую, — сказал горбун. — Загляните мне в глаза, да поглубже. Так, хорошо. А теперь посидите минуточку не двигаясь.

Прошло не больше пары секунд. Мартин чувствовал себя очень странно.

— Порядок! — заявил Людовици. — Я знаю, в чем ваша проблема.

— Но откуда вы можете это знать?

— Я прочел ваши мысли.

— Вы умеете читать мысли, без шуток? Кто же вы такой? И чем вы занимаетесь?

— Послушайте, — сказал карлик, — поскольку мы здесь вдвоем и я ваш должник, я не стану больше притворяться заурядным земным карликом. Вы никогда в жизни не встречали подобного мне существа. Не буду углубляться в подробности: вы все равно их не поймете, поверьте мне на слово. Я прибыл сюда совсем из другого места и времени.

— Это я могу понять, — сказал Мартин. — Что тут такого сложного?

— А если я скажу вам, что живу на другой планете?

— Если вы живете на другой планете, то что вы делаете здесь? — спросил Мартин.

— Мы наведываемся сюда время от времени, я и мой народ, чтобы поглядеть, как поживает остальной космос. Это здорово отрезвляет. Когда нас одолевает самодовольство, мы просто отправляемся в путь и смотрим, что в космосе новенького. Мы не решили еще вопросов о природе вещей, а также о существовании Бога и загробной жизни. Как только нам приходит в голову заняться их решением, мы смотрим на тех, кто увлекается подобными материями — например, на вас, земных людей, — и видим, куда они могут завести. Поэтому мы довольствуемся малым, а именно способностью к довольству собой. И остаемся в выигрыше.

— О'кей, — сказал Мартин. — Это я могу понять. Но как вы собираетесь помочь мне решить мою проблему?

— Вам нужен борец, не так ли?

— Так.

— Сейчас я быстренько проверю окрестности.

Карлик вернулся через несколько минут.

— Я просмотрел центральную директорию, и, боюсь, в городе Э и ближайшей округе вы не найдете мастера по невооруженной борьбе. Таких здесь просто не водится.

— Что же мне делать?

— Если нужно что-то делать, лучше сделать это самому.

— Мне самому победить графа?

— Конечно. Это самое экономное решение.

— Но у меня нет ни малейшего шанса!

— А если я научу вас, как его победить?

— Каким образом? Я же калека.

— Ну и что? Мы найдем способ, как обойти это препятствие. Мне кажется, я получил довольно точное представление о графе из вашего мозга. Думаю, он согласится драться с вами. В конце концов, именно вас ему на самом деле так хочется побить.

— Как же я буду с ним драться?

— Он обещал, что схватка будет на равных, верно?

— Да, но что я против него?

— Положитесь на меня. Тут есть некоторые трудности, но ваше увечье не входит в их число. Не волнуйтесь. К назначенному дню вы будете в форме.

— У меня всего лишь неделя сроку, как вам известно.

— Не переживайте. Времени у нас вполне достаточно, чтобы выполнить то, что я задумал. Вернее, задумаю, когда задумаюсь об этом.

Мартин понимал, что никакие тренировки не восполнят отсутствия здоровой руки и ноги. Но ему не оставалось ничего другого, как только положиться на обещания карлика.

Чуть позже Людовици заявил, что ему в голову пришла идея.

— Я расскажу вам одну историю. Древнюю сказку моего народа про мышь, быка и лису.

Однажды мышь, змея и бык крупно поссорились и решили выяснить отношения в рукопашной. Но вот загвоздка: они были такие разные, что не могли понять, по каким правилам им бороться. Быку, например, ничего не стоило растоптать змею в любую минуту. А змея запросто могла проглотить мышь. Им нужно было придумать, как устроить схватку на равных.

Поэтому они отправились за советом к лисе, славившейся своим хитроумием.

«Вы двое, конечно, неровня быку, — сказала лиса. — Тут и думать нечего. Мы должны найти способ сделать всех вас равными».

«Как это?» — спросил бык.

«Если мы надуем змею до твоих габаритов, это решит проблему?»

«Думаю, да», — сказал бык.

Лиса повернулась к мыши:

«А если мы сожмем быка до твоего размера, проблема будет решена?»

«Конечно. Но разве ты можешь его сжать?»

«Нет, не могу. Просто сначала я хотела решить вопрос в принципе. Послушай меня, бык! Предположим, мы дадим тебе новое тело, в котором ты сможешь бороться с мышью и змеей. Ты примешь его?»

«Если все будет по-честному и тело мне дадут не хуже, чем им двоим, то, конечно, приму».

«О'кей, — сказала лиса. — Думаю, ответ найден. Пошли со мной».

И они пошли к старому мудрецу, и лиса сказала ему:

«Эти трое хотят подраться. Но они слишком разные. Можешь ты сделать их одинаковыми?»

«Конечно!»

Мудрец взмахнул руками и превратил всю троицу в мух.

«Эй! — сказали они. — Мы так не договаривались!»

Им ужасно не понравилось быть мухами.

«Послушайте, — сказал мудрец. — Я признаю, что решение не очень элегантно, но так уж получилось. Вы просили — я сделал. Теперь вы можете бороться. А это уже кое-что, разве нет?»

— И что было дальше? — спросил Мартин. — Они сразились?

— Об этом история умалчивает. Полагаю, они были слишком заняты тем, как вернуть себе первоначальный облик, чтобы тратить время на драку.

— Что это за сказка? В ней нет никакой морали.

— Почему же? Есть. По крайней мере для меня и моего народа.

— Но они хотя бы вернули себе первоначальный облик, когда закончили схватку? Неужели вы даже не знаете, удалось ли им превратиться обратно?

— Об этом история умалчивает тоже.

Они усиленно думали, пытаясь найти какой-нибудь другой выход из положения. Через несколько дней Мартину предстояло сразиться с графом. Один из них умрет. Возможно, даже до сражения. По законам драматургии Мартин должен найти графу соперника немедленно. Поставленный в такие условия, что может сделать Мартин, чтобы победить?

— Ладно, — сказал карлик. — Давайте потолкуем с мудрецом.

Мудрец жил в пещере неподалеку. Лицо у него было маленькое и сморщенное. Он выслушал их историю и спросил:

— Это не для записи?

— Конечно, — заверил его Людовици.

— Молодой человек мог бы взять пистолет и застрелить противника.

— В то время пистолетов еще не было.

— А то я не знаю! Но если нужно, ты можешь ввести его в рассказ, а после объяснить анахронизм.

— Поединок должен быть без оружия.

— Ну хорошо. На шее есть блуждающий нерв. Если Мартин нанесет сильный удар в эту точку, граф будет парализован. И Мартина провозгласят победителем.

— Но граф искусный боец, и он не позволит Мартину ударить по блуждающему нерву.

— Тогда мы должны придумать, как обойтись без его позволения. Как может граф предотвратить удар по нерву?

— Он может отбить удар рукой.

— Значит, нам нужно остановить движение его руки. Тогда нерв останется незащищенным и дело будет сделано.

— Как же нам остановить его руку?

— Вот здесь, у коленки, есть одна точка. Если Мартин в нее попадает, рука у графа на мгновение окажется парализованной. И тогда Мартин нанесет ему сокрушительный удар по шее.

— Но граф ни за что не даст бить себя по колену.

— Даст, если отвлечь на миг его внимание какой-нибудь уловкой.

— Какой уловкой?

— Ну, их довольно много. Я бы предложил вам голубя.

— Объясните, пожалуйста.

— Мартин должен будет взмахнуть рукой таким образом, чтобы в воздухе появился голубь. Граф удивится и на секунду потеряет бдительность. Тут Мартин ему и врежет.

— Но наш герой не умеет махать рукой так, чтобы в воздухе появлялись голуби.

— Он может научиться, выбрав один из двух способов. Первый — это овладеть магией, способной сотворить голубя из воздуха. Второй — приучить голубя появляться в ответ на определенные движения рукой.

— И какой из двух вы посоветуете?

— Обучиться магии по-настоящему Мартин не успеет. Но фокус с голубем необходим. К счастью, мы можем пойти кратчайшим путем. Мартину не придется становиться волшебником — ему достаточно будет выучить одно-единственное заклятие.

— *Неужели для фокуса с голубем достаточно знать всего одно* заклятие?

— Конечно. Магическое заклятие — это не что иное, как закодированная команда для выполнения реальной физической операции.

— Да, разумеется. Я просто запамятовал.

— Ты делаешь взмах-другой — и заклятие готово. Это всего лишь серия жестов. Но когда придет время схватки, может оказаться, что именно такими жестами противники приветствуют друг друга, и голубь появится не вовремя.

Мартин исполнен сомнений, но что же ему остается? Он тренируется и учит жесты, которыми вызывают голубей. Он часто ошибается. Порой на заклятие не реагирует никто. Порой появляется малиновка. Порой червяк. Мартину никак не удается уловить суть магических жестов.

А между тем его время вышло. Он должен вернуться в замок графу на потеху, учиться больше некогда.

В сопровождении карлика Мартин едет в Сент-Омер. Насколько это в его силах, он готов к сражению.

Когда оглашаются условия поединка, граф довольно ухмыляется. Победа достанется ему легко, хотя схватку не назовешь интересной, он по крайней мере избавится от этого надоедливого крючкотвора.

Бой назначен на следующее утро.

Вечером карлик приходит к графу и спрашивает, уверен ли тот в своей победе. Граф не понимает, какие могут быть сомнения. Карлик объясняет, что научил Мартина заклятию, а тот за него не заплатил. Поэтому он хочет предать Мартина. Чтобы Поль победил, ему нужно только одно: быть начеку и не терять бдительности в тот момент, когда неожиданно вылетит голубь.

Поединок начинается. Поль ждет голубя. Голубь так и не появляется. Когда Мартин наносит удар, он беспрепятственно достигает цели.

7. ПОЯВЛЕНИЕ РИМСКОЙ АРМИИ

— Надеюсь, ты понимаешь, — сказал Герн, — что мы попали в переплет.

— Да ну? — удивился Мартиндейл. — А по-моему, здесь довольно-таки уютно.

— Позволь тебе напомнить, — сказал Герн, — что мы уже не в твоей мастерской. Мы на склоне утеса, а это чертовски глупое местонахождение. Нас окружают незнакомцы, мягко говоря, весьма пристрастные в своих суждениях, к тому же неизвестно, люди ли они вообще. Твоя машина превратила нас в персонажей рассказа, и теперь мы полностью в ее распоряжении. Она может убить нас, когда и если пожелает.

— Об этом как-то я не подумал, — сказал Мартиндейл и подумал об этом. — Да, ты прав, ситуация скверная.

— Сдается мне, мы должны взять власть над рассказом в свои руки, — заявил Герн.

— Я в жизни не брал в свои руки никакую власть, — признался Мартиндейл.

— Самое время начать.

— Верно. Но как?

— Это мы обсудим чуть позже. А сейчас, похоже, что-то надвигается.

Мартиндейл посмотрел на пологий склон утеса, плавно переходивший в долину, и увидал вдали полоску, похожую на пелену пыли.

Через некоторое время он заметил, что пелена приближается.

— Что это? — спросил Мартиндейл.

— Если я правильно догадался, — ответил Герн, — вскоре к нам пожалуют гости.

— Но почему они поднимают столько пыли?

— У меня такое чувство, что мы скоро это узнаем. И я подозреваю, что ответ нам не понравится.

8. ЗА НЕСКОЛЬКО МИНУТ...

За несколько минут до того Мартиндейл сидел на широком наклонном поле, которое кончалось утесом, который выступал над океаном. А он красивый, океан, подумал Мартиндейл, поскольку находился от него на безопасном расстоянии. К счастью, глава с висением над обрывом уже закончилась.

Отвернувшись от края утеса, Мартиндейл залюбовался великолепием летнего дня. Высоко в голубых небесах светило солнышко. Недалеко на низком валуне расселся Герн. Мартиндейл не по-

мнил, как его друг попал сюда, зато он хорошо усвоил, что не стоит слишком придираться к непоследовательностям сценария.

Герн вытащил бумажник и начал тщательно просматривать его содержимое.

— Что ты ищешь? — спросил Мартиндейл.

— Чего-нибудь почитать, — ответил Герн.

Мартиндейл решил было, что ослышался, но потом передумал. Ясное дело, Герн скорее найдет что-нибудь почитать в своем бумажнике, нежели где-то на склоне утеса.

Полицейский развел небольшой костерок, подбрасывая в него валежник и хорошо просушенные коровьи лепешки. Ну и молодец, подумал Мартиндейл. Сам он чувствовал себя нормально. Даже, можно сказать, хорошо. Только вот есть очень хотелось. А еды в окрестностях, похоже, не было.

Мартиндейл решил не думать о еде. И немало удивился поэтому, услышав минуту спустя свой голос:

— А что с едой-то будем делать, как думаешь?

Герн оторвался от усердных поисков чтива в своем бумажнике.

— С едой? Об этом я как-то не подумал.

— Главное — подумала ли об этом машина? — сказал Мартиндейл. Он был уверен, что машине и в голову не пришло позаботиться о еде.

— Давай посмотрим, — предложил Герн.

Оба они, точно сговорившись без слов, принялись внимательно осматривать пейзаж, который простирался перед ними во всех направлениях. Некоторые части пейзажа были видны лучше других. Те, что находились вдали, подчас даже не были трехмерными — их просто обозначили штриховкой. Именно в одном из таких мест Герн и заметил некое явление, почти сразу определив его как «облако пыли».

— Облако пыли! — сообщил он Мартиндейлу, указав пальцем направление — или вектор, как он любил говорить.

Оба они напряженно вглядывались в даль, потому что не каждый день к ним приближались облака пыли, да еще не как-нибудь, а прямо-таки галопом. Когда облако подплыло поближе, стало видно, что его подняли всадники. Их оказалось не меньше сотни, и все они были в плащах. Эти просторные плащи полоскались позади всадников, скульптурно свиваясь и развеваясь в такт мускульным усилиям лошадиных конечностей. Сидевшие верхом на этих лошадях наездники, с чьих согнутых спин и свисали плащи, носили также шлемы — блестящие шлемы, сверкавшие на солнце. В руках у всадников торчали копья, а некоторые держали мечи и размахивали ими над головой. Когда они подъехали еще ближе, сначала Герн, а за ним и Мартиндейл, несколько уступавший в зоркости своему другу с односложным именем, заме-

тили на солдатах кирасы с нагрудниками и наголенники. В общем они здорово походили на римских легионеров. И когда окруженные клубами пыли всадники подъехали совсем уже близко, выяснилось, что так оно и есть.

— Похоже, — сказал Мартиндейл, — машина занесла нас в историческую повесть.

— Удивительно, но факт, — отозвался Герн.

— Вопрос в том, хорошо ли это для нас?

Герн не нашелся что ответить. Да и не мог он ничего ответить, поскольку римское войско оказалось уже в непосредственной близости, и на миг все смешалось в сплошной хаос — клубы пыли, хлопанье накидок, хриплое дыхание лошадей и зычные командирские окрики некой персоны, по всей видимости командира. Он сразу выделялся из толпы своим высоким ростом, рыжей бородой и желто-голубым шлемом.

— Вы кто такие? — спросил он, немного выехав вперед.

— Мы не здешние, — ответил Мартиндейл. — Но пока эта история не зашла слишком далеко, могу я спросить, кто вы такие?

— Меня зовут Флавий, — сказал рыжебородый гигант. — Я легат второго ранга авангардных сил Понтия Персея.

— Вы римлянин? — спросил Мартиндейл.

— Вообще-то мы просто мимо проезжали. А как насчет вас, ребята?

— Мы нездешние, — повторил Мартиндейл. — Как я понимаю, мы в Европе?

— Послушай, — сказал Флавий, — не хочешь отвечать прямо — не надо, я не настаиваю. Мы можем принести вас в жертву одному из наших многочисленных богов. Давненько уже эти парни не получали хорошей человеческой жертвы.

— Я пытаюсь объяснить вам, — сказал Мартиндейл, — что нас занесла сюда машина.

— Ну да, конечно, — усмехнулся Флавий, подмигнув своим солдатам.

— Нет, правда! Ох, я забыл, у вас же нет еще машин! Ну, это нечто вроде оракула. И немножко вроде виадука тоже. Наверное, не надо было мне о ней упоминать.

Трудно сказать, как отреагировал бы Флавий на подобное умозаключение, но в этот миг галопом примчался еще один всадник. Маленький, смуглый, кучерявый, он тоже был в плаще, только более длинном и расшитом серебряной нитью.

— Флавий! — сказал вновь прибывший. — Что тут у тебя?

— Незнакомцы, мой господин. Говорят, их заслала сюда машина.

— Что такое машина, скажи ради бога!

— Да ее еще не изобрели, — ответил Мартиндейл.

— Тогда мы не будем забивать себе головы. Я Радикс, лейтенант первого экспедиционного войска. Нас послали в этот район Германии, чтобы подавить сопротивление.

— Но мы не собираемся оказывать вам сопротивление, — сказал Мартиндейл. — Правда, Герн?

— Истинная правда, — согласился Герн. — Мы мирные люди.

— Рад это слышать, — сказал Радикс. — Зато мы — нет.

Он подал знак солдатам, сделав какой-то мудреный жест обеими руками, и дернул головой. Римские воины поняли его мгновенно, ибо тут же спешились, и двое из них связали Мартиндейлу и Герну руки сыромятным ремнем, а затем усадили их на двух мулов, специально взятых с собою ради подобного случая. После чего Радикс кивнул Флавию, тот прорычал команду, и все войско поскакало в ту сторону, откуда появилось.

9. МУДРЕНЫЙ РОМАНСКИЙ ТИП

Мы уже упоминали о том, что Мартиндейл с Герном скакали бок о бок на двух мулах, прихваченных римлянами с собой специально ради такого случая. Римляне были людьми основательными, и им казалось вполне естественным таскать за собой лишнего мула или двух для пленников, чьи объяснения по поводу присутствия в римских владениях звучали бессмысленно, особенно если сами пленники выглядели подозрительно и были, возможно, выходцами из совершенно другого сюжетного построения. В те дни Рим наводнило множество пришельцев, и город весь гудел от слухов. Что само по себе было еще полбеды.

Толпы чужаков в вашем родном городе — явление достаточно неприятное. Но добавьте к нему то, что никакие записи о них не сохранялись, и вы получите поистине зловещую картину. Похоже, таков был тайный план пришельцев, о котором никто ничего не знал. Люди изо всех сил старались записать о чужаках хоть что-нибудь, дабы предупредить остальное человечество. Они строчили обширные заметки на вощеных табличках — а поутру находили таблички пустыми. Пробовали даже нанимать сторожей, чтобы те следили за табличками, но все без толку. Стоило сторожу отвернуться на миг — и записи тут же исчезали. Словосочетание «табула раза» приобрело зловещий смысл, выходящий за рамки его обычного, логически очерченного круга значений. Становилось все более и более очевидно, что чужаки, наводнившие Рим, прибывали из очень странных мест. Менее очевидно, но так же бесспорно было то, что они прибывали из очень странных времен и даже из других реальностей, о существовании которых, не случись такого вот поворота судьбы, жители Вечного города никогда

бы не догадались. Римляне встали на защиту своей собственной реальности, бывшей когда-то для них единственной и ставшей теперь всего лишь одной из множества. Они разработали тщательную систему распознавания и захвата пришельцев, а всем армейским подразделениям выделили специальных мулов, чтобы препровождать подозрительных чужестранцев на сторожевые посты, где их могли допросить местные атанаторы. Специалисты по ксенофизиогномике, прекрасно подкованные в вопросах криоконсервации, атанаторы раз и навсегда определяли виновность или невиновность допрашиваемого.

Мартиндейл с Герном ничего об этом в ту пору не знали, да и позже не получили полного доступа к данной информации. Машина же Шехерезада, затаившаяся в подполье и ухмылявшаяся нехорошей ухмылкой, предвидела подобное осложнение, но щупальце о щупальце не ударила, чтобы его предотвратить.

Трясясь верхом на муле, окруженный римской солдатней, со связанными сыромятным ремнем руками — правда, связанными не так туго, чтобы нарушить кровообращение, — Мартиндейл улучил-таки момент, чтобы спросить у Герна:

— А куда девались остальные?

— Ты о ком?

— Ну, те люди, с которыми мы познакомились. Танцовщица. Полицейский. Лесобой.

— Лесоруб.

— Да, и еще ковбой. Где они?

Герн задумался на минуту, но так ничего и не придумал.

— Я не знаю, Мартиндейл, — сказал он. — А ты как думаешь?

Мартиндейл задумался на минуту — и, очевидно, более успешно, поскольку ответил:

— Похоже, мы их потеряли. Их не было поблизости, когда появились римляне.

Тут в голову ему пришла тревожная мысль:

— А когда ты появился, они были?

— Конечно, были, — сказал Герн. — Иначе с какой бы стати я о них спрашивал?

— Не знаю, — сказал Мартиндейл. — Именно это я и пытаюсь выяснить.

Герн покачал головой:

— Ты стал каким-то странным, Мартиндейл.

— Это обстоятельства странные. А я такой же, как всегда.

Герн вздохнул и огляделся кругом. Нигде не видать никаких следов ковбоя, балерины, полицейского и парня с топором.

— Знаешь, что я думаю? Машина разделалась с ними.

— Но зачем ей это понадобилось? — спросил Мартиндейл. — Разве что...

— Да? — сказал Герн.

— Разве что она пыталась сделать рассказ поинтереснее, — сказал Мартиндейл.

Некоторое время они ехали молча. Затем Герн спросил:

— А где же сама машина Шехерезада?

— Возможно, она удалилась куда-нибудь, чтобы поработать над рассказом, — предположил Мартиндейл.

— Удалилась?

— Ну, на свете много разных мест, которые она могла бы описать.

— Без нас?

— Похоже на то, — сказал Мартиндейл.

— Но мы же только что вышли на сцену! Мы только начали расхаживать по подмосткам!

— Порой все меняется очень быстро, — заметил Мартиндейл. — В рассказах так бывает сплошь и рядом.

— Но это наша история!

— Не разделяю твоей уверенности. Сейчас мы просто пленники римлян.

Дальше они поехали в молчании, прерываемом лишь тихими стонами Мартиндейла, чей мул спотыкался на каждом шагу, будто надрываясь от непосильной работы, которую ненавидел всем сердцем. Мартиндейл вспомнил, что совсем забыл про еду. Но, вспомнив, что он о ней забыл, Мартиндейл уже не мог забыть о том, что вспомнил, и голод принялся мучить его с удвоенной силой — как предмет терзаний и как терзатель. Мартиндейл поставил перед собой нелегкую задачу: забыть о том, как сильно он осознает, как он голоден.

Отряд миновал длинную пологую долину и начал пробираться по скальному разлому, поросшему с обеих сторон чахлыми сосенками. Птицы над головой издавали странные звуки — европейские птицы с непривычным акцентом. Однажды Мартиндейлу даже послышался волчий вой, но, возможно, это пела какая-нибудь волчья птица. Мартиндейл старался устроиться поудобнее в маленьком деревянном седле на спине у своего мула. Но, поскольку стремена еще не изобрели, отчаянные попытки удержать равновесие придавали его движениям не лишенный изящества капризный характер, подобный бегу набухшего от дождей ручья во время мандраады.

Вскоре разлом сменился буреломом, где была порушена не сама горная порода, а лишь покрывавшая ее растительность, хотя рытвин и ухабов здесь тоже хватало. Между поваленных стволов росли высокие деревья какой-то широколистной породы, но не вязы.

Они подъехали к долине. Где-то вдали прямо в темнеющие

небеса поднимался одинокий дымок. Это единственное доказательство убедило Мартиндейла в том, что день и впрямь стоит безветренный. Отряд поднялся на пригорок, спустился с него, и перед глазами всадников раскинулся римский лагерь.

Часовые пропустили их через ворота, которые вклинились в частокол, который окружал римских воинов и их обоз. Мартиндейл чуть было не свалился с седла самым позорным образом, поскольку мул его, почуяв, по-видимому, близость теплой еды и хороших книжек, вдруг припустил неуклюжим галопом. Гернова скотина тоже давала своему наезднику жару. Но Мартиндейл не пытался приструнить мула, поскольку римляне вокруг ухмылялись, и он решил, что позабавить их немного в его же интересах. Тем не менее он обрадовался, когда кто-то остановил мула и развязал ему руки — я имею в виду человеческие руки, — вставила машина Шехерезада, нервно выглянув из-за предложения и тут же скрывшись снова.

Через минуту или по крайней мере две Мартиндейл с Герном очутились на квадратной площади, окаймленной бревенчатыми казармами. На заднем плане, чуть сдвинутый в сторону, возвышался флагшток, а на нем реял большой флаг с гербом — вернее, просто с рисунком, поскольку гербов Европа в то время еще не знала, — словом, с изображением символа Рима, волчицы, кормящей сосцами сосунков на серебряном поле.

Радикс быстро пролаял какие-то команды, и солдаты разошлись по казармам. Остались только десять отборных охранников с мечами наготове, чтобы нанести пленникам упреждающий удар, если потребует ситуация.

— Эй вы, двое! — обратился Радикс к горемычному дуэту. — Что вы можете сказать в свое оправдание? — А поесть когда дадут? — осведомился Мартиндейл.

— Вас покормят после того, как атанатор посмотрит на вас и вынесет решение по вашему делу.

— Атанатор? Боюсь, я с таким термином не знаком, — сказал Мартиндейл.

— И очень хорошо, что не знаком, — заметил Радикс. — Иначе нам пришлось бы обвинить тебя в разглашении государственных секретов.

— Разве атанатор — государственный секрет?

— У вас будет возможность решить это самим, — с уклончивостью, не свойственной римлянам данного периода, ответил Радикс. — Но сначала вы встретитесь с комендантом.

Их провели в комендантский кабинет. Комендант, сидя за карточным столиком, отрешенно раскладывал красочную колоду, в которой Мартиндейл сразу узнал египетские коптские карты таро. Такого он не ожидал. Это совершенно неожиданным образом

подтверждало его собственную излюбленную теорию о том, что египетские карты таро возникли за много веков до своего спорного рождения в Фивах, и доказательство было у него перед глазами — доска с синими знаками и длинные тонкие карты, перебираемые пухлыми пальцами римского коменданта.

Он был типичным образчиком римлянина, этот комендант: квадратное грубое лицо, бескровные губы, короткая стрижка и толстые узловатые пальцы. В гранитном столе клинообразными буквами было высечено его имя — Алексий.

— Эй вы, двое, откуда вы взялись? — спросил комендант Алексий. — Встаньте прямо и отвечайте!

— На такой вопрос в двух словах не ответишь, — сказал Герн.

— Понятненько, — откликнулся Алексий. — Вы намекаете, что прибыли из мест, столь недоступных моему кругозору, что лучше бы мне о них и не спрашивать?

— Сказано несколько прямолинейно, — заметил Герн, — но в общем вы правы.

— Так я и думал, — заявил Алексий. — Радикс!

— Я! — гаркнул Радикс, выбросив руку в салюте, весьма похожем на фашистский.

— Прибереги этих двоих для атанатора. Думаю, нам самим их больше допрашивать нечего. Я сразу понял, что они не блещут остроумием и уж тем более весельем. Мне осточертели все эти тупоголовые странные людишки из отдаленных мест, с их варварскими именами, побрякушками и обесцвеченными перекисью кудряшками. С меня довольно, понял?

— Так точно! — отозвался Радикс.

— Ну тогда выполняй. Погоди-ка... Чем от них так пахнет?

— Реальностью, мой господин, — сказал Радикс.

— Фу! От них воняет показным и старомодным правдоподобием. А пошли они в баню!

10. В БАНЕ

Стражники вывели их из комендантского кабинета под тихий скрип половиц, покрытых немудреным и старым, но вполне добротным матом. Они прошли по дощатой тропинке и очутились посреди главной улицы лагеря. По обеим сторонам стояли солдатские палатки. Выстроены они были по когортам, и каждой полукогорте полагалась своя собственная кольцевая дорожка с вездесущими корейскими прачечными и нарядно убранными киосками с фалафелами посередине. Была в лагере, естественно, и продовольственная лавка, и цирюльня, а прямо за ними высилось здание бани.

— Что это? — спросил Мартиндейл, притормозив возле большой блестящей беломраморной статуи, стоявшей у входа в парильню.

— Скульптура Донателло, изображающая миф «Невменяемость», — ответил Радикс.

— А это? — Мартиндейл повернулся к скульптуре, как две капли воды похожей на первую.

— Это его же мифтер Невменяемость, — объяснил Радикс. — Но, возвращаясь к тому, о чем мы говорили раньше...

— Минуточку, — прервал его Мартиндейл. — Чем это пахнет?

Радикс на миг задержал дыхание, а затем медленно выдохнул, затрепетав ноздрями:

— Что-то он мне напоминает, этот запах...

— Чуть раньше вы говорили о запахе реальности, — напомнил Мартиндейл.

— Да от тебя и твоего друга с односложным имечком ею так и разит. Поэтому мы идем в душевую, на случай, если вас кто-нибудь спросит.

— С какой стати кто-то будет нас спрашивать? — удивился Мартиндейл.

— Я не стану упрекать вас за осмотрительность, — сказал Радикс, — но все-таки хватит шутки шутить. Вперед!

Подталкиваемые стражниками, Мартиндейл и Герн вошли в темное цилиндрическое здание, откуда короткими бурными выхлопами вырывались клубы пара. Здание напоминало ассирийский понтонный мост, только с крышей, покрытой кедровыми досками. Над дверью виднелась надпись на арго — древнем языке южных суэцедонян. Когда глаза немного попривыкли к могильной тьме, царившей внутри, Мартиндейл мельком увидел завернутых в белые простыни людей, чертивших в воздухе иератические знаки, и оркестровую яму, где веселились бабуины в тогах. Но видение длилось не больше секунды, поскольку видеть его было не положено. В глазах у Мартиндейла прояснилось, и перед ним появились ряды окутанных паром скамеек с железными поддонами внизу, полными тлеющих углей. Из тепидария доносились всплески воды, подогреваемой шипящими угольями: их подбрасывали в поддоны вислогрудые служанки в набедренных повязках, которые при желании сами могли бы порассказать вам всяческих историй.

Оглядевшись вокруг, Мартин увидел, что над скамьями, стоящими у стены, ярусами расположены еще полки. Пар, вырываясь из щелей в полу, подымался вверх, бахромою свисая с мокрых стропил и падая вниз зловонными маслянистыми каплями. Сцену освещали редкие лампы в виде рогов, и все вокруг было пропитано назойливым запахом мирры и ладана.

Герн сел на скамейку и поискал глазами мыло. Такового здесь не оказалось, зато на настенных крюках висели сиргилы. Взяв один из них, Герн осторожно, но решительно поскреб себе кожу. Мартин обшарил скамейки в поисках еды и, ничего не найдя, забрался на верхний полок. В узких окошках высоко под потолком виднелось темнеющее небо. Древние среднеевропейские сумерки были в самом разгаре. Благословенная, покойная пора — но только не для человека, которому грозит беседа с атанатором.

— Как по-твоему, кто такой атанатор? — спросил он у Герна.

— Не знаю и знать не хочу, — откликнулся Герн. — А у меня к тебе другой вопрос: похоже это на исторический роман?

— Нет, — сказал Мартиндейл. — Мы еще не видели ни одной героини.

— По-моему, мы с тобой здорово влипли, — сказал Герн. Толстое и обычно безмятежное лицо его озабоченно нахмурилось: — Слышишь?

Мартиндейл ничего не слыхал, потому что сидел, потихонечку шлепая губами, и таким образом оставался глух ко всему. Но теперь, замерев на месте и склонив голову набок, он услышал какой-то звук, о котором, вероятно, и говорил ему Герн. Звук был глухой и скребущий, точно кто-то драил что-то наждачной бумагой или делал вид, что драит. Возможно, впрочем, что так просто казалось, — и действительно, когда Мартиндейл вгляделся в стену и определил источник звука, то увидел крохотную дырочку, появившуюся самым неожиданным образом.

Хуже того — дырочка увеличилась, а потом, словно этого было мало, стала еще больше. Вскоре в нее свободно мог пройти кулак, через какое-то время — деревенский окорок, затем она выросла до размеров баскетбольного мяча НБА, после чего стала расти все быстрее и быстрее, жадно расширяясь на глазах у изумленной и несколько встрепанной публики, точно говоря: порядок, ребята, наше время пришло! Мартиндейл, с тревогой наблюдавший за этим феноменом, отметил, что в дыру уже можно просунуть или высунуть голову, а то и, будь он похудее, протиснуться целиком.

В ту же минуту в дыру просунулась голова Радикса.

— Зачем вы продырявили стенку? — спросил Мартиндейл, решивший сразу же проникнуть в самое сердце загадки, не теряя времени на всяческие экивоки.

— Чтобы помочь вам бежать, — ответил Радикс.

— Очень любезно с вашей стороны, — сказал Мартиндейл, — но мы должны еще встретиться с атанатором.

— Я хочу оказать вам услугу, поверьте, — сказал Радикс. — Если вы встретитесь с атанатором, сами не рады будете. Вот, возьмите эти штуковины и помогите мне увеличить дыру.

Радикс протянул Мартиндейлу с Герном два крестообразных

инструмента с инкрустированными лезвиями и утопленными в каучук рукоятками. Работать ими оказалось непросто, поскольку лезвие следовало держать под особым углом; немного легче было, если, работая, вы тихонечко посвистывали себе под нос. Этот режущий инструмент так и не прижился в Европе, которая привычное ценила выше нового, а дешевизну предпочитала редкости. Предаваясь подобным размышлениям, Мартиндейл вскоре расширил дыру настолько, что в нее мог свободно пролезать человек или даже два человека.

— Схожу взгляну на часовых, — шепнул Радикс.

Он исчез и почти тотчас вернулся. Стало совсем уже темно, а днем Мартиндейл как-то не удосужился разглядеть Радикса повнимательнее. Но кто-то зажег неподалеку в желобе огонь, и в его мерцающем свете Радикс оказался высоким и смуглым лысеющим мужчиной с черными прядями, зачесанными на лысину. Одетый в плащ и сандалии, он держал в руках вощеную табличку. Если не считать небольшого нервного тика, выглядел он вполне нормальным человечком.

— Вы уверены, что бегство — хорошая идея? — спросил Герн. — Может быть, атанатор, выслушав нашу историю, поверит нам? Возможно, он даже поможет нам выбраться из этого сюжета и вернуться в наш собственный.

— Как хотите, — ответил Радикс. — Стараешься тут, устраиваешь им побег — и вот она, благодарность! Так вы идете со мной, или мне заделать дыру?

— А как вы ее заделаете? — поинтересовался Герн.

— У меня с собой переносной депилятор. — Радикс залез рукой за скошенный край туники и вытащил из-за пазухи увесистый конусообразный предмет.

— Нет-нет, все в порядке, мы идем, — сказал Мартиндейл. — Куда вы нас поведете?

— В безопасное местечко.

— А есть там что поесть?

Не успел Радикс ответить, как снаружи донесся громкий рев стражников, пробудившихся ото сна и зверски голодных. Мартиндейл протиснулся через дыру, Герн за ним. Во мгле перед ними едва маячила воровато крадущаяся фигура Радикса. Им ничего не оставалось, как пойти следом.

Вскоре они очутились в лесу, таинственном и темном.

Какое-то время друзья шли по лесу: по лесу с его одинаково темной листвой, образующей лиственные туннели, в которых таится одинаковая жизнь. По лесу с его лабиринтом тропинок, листвой окаймленных, ветвями огороженных.

Наконец они вышли на лесную просеку. Они даже не сразу поняли, что это просека — таким густым был лесной массив и та-

кими двусмысленными казались расстояния в его зеленой массе. Но, подойдя поближе, путники убедились, что действительно вышли на расчищенный от деревьев участок. Неясным оставалось только одно — где он кончался? Они брели по вырубке все дальше и дальше, а потом заметили, что вырублены здесь только деревья, чего нельзя сказать о других предметах. На участке стояли хижины из веток, скрепленных грязью, намертво застывшей благодаря катализатору, широко известному в древнем мире, но безвозвратно утерянному вскоре после крушения принципов алхимии. Рядом с жилищами, как водится, суетились фигурки людей.

Описывать здесь обитателей хижин нет никакого смысла, даже если бы у кого-то возникло такое желание, ибо люди эти, почуяв, вероятно, что не принадлежат к нашей истории, упрямо отказывались войти в фокус. Стоило вам только подумать, что вы их наконец-то поймали, как они тут же прятались в темных уголках вашего сознания. Поэтому, а также по некоторым другим причинам мы перейдем прямо к заключительной части и последуем за Мартиндейлом, который не теряя времени отправился на рекогносцировку местности. В районе, непосредственно прилегающем к кустам ракитника, он обнаружил очень интересное местечко. Такую возможность грех было упускать. Мартиндейл послал туда Герна, чтобы тот разведал все досконально, а сам отправился в небольшую богадельню, стоявшую аккурат в границах возможного. Именно в этом неописанном месте он и встретил рассказчика.

11. В БОГАДЕЛЬНЕ

Радикс заявил, что они немного здесь передохнут, прежде чем отправиться дальше. Сам он подошел к главной хижине участка, чуть менее обветшалой, чем остальные, и скрылся внутри. Прошло время, но он так и не появился.

Предоставленные самим себе, Мартиндейл с Герном сели на валун, заменявший в селении парковую скамейку. Мартиндейл отметил, что в ближайших окрестностях нет ничего похожего на ресторан. Он решил посидеть, чтобы не вляпаться в очередную историю, и подождать, пока появится Радикс и отведет их туда, куда намеревался; а потом поесть. Ждать — занятие не больно-то приятное, но тут по крайней мере они вне опасности.

Ой ли? Сомневаюсь я, сказала невидимая рассказчица, потирая руки до тех пор, пока они не начали издавать сухой шелестящий звук, и все время посмеиваясь противненьким смешком. Опасность, похоже, следовала за ними по пятам с того самого дня, когда Мартиндейл приобрел машину и необдуманно выпустил ее

ненасытную повествовательную жажду в ни о чем не подозревающий мир.

Учитывая это, Герн пошел проверить дороги, ведущие в селение, а также выходящие из него. Никогда не знаешь, что окажется важным через минуту. А Мартиндейл предался на время заслуженному ничегонеделанию. Он валялся на кровати, мечтая наяву, когда... Именно в эту минуту в богадельню вошел старец в большом красном тюрбане и попросил подаяния.

Старец объяснил, что он рассказчик, хорошо известный в своем родном Сунистане, где он жил припеваючи до недавнего рыночного кризиса. Он просил лишь пару медяков на ужин. Мартиндейл, добрая душа, растрогался и нашарил в кармане серебряную монету. Рассказчик воздал громкую похвалу его щедрости и заявил, что непременно должен отплатить ему рассказом, прямо здесь и сейчас. Мартиндейл был не в настроении слушать рассказы, но врожденная вежливость не позволила ему протестовать, да и жадность тоже, поскольку не каждый день вам удается задарма послушать знаменитого рассказчика. Поэтому он присел прямо в пыль рядом со старцем, а тот отбросил назад грязные колечки своих русых волос, поправил свое грязное дхоти, поскреб свой тюрбан и прочистил горло.

Тут вошел Герн со словами:

— Знаешь что? Я и вправду многое узнал о жизни от того странного человечка с галлюциногенными пончиками!

— Помолчи, — прервал его Мартиндейл. — Я хочу послушать его историю.

Рассказчик почистил свой аспарагус и начал.

12. РАССКАЗ РАССКАЗЧИКА

Давно ли, недавно ли, во времена правления Сарабада в далекой Индии жил да был один мудрец. И решил он доверить своему сыну сокровище, чтобы тот снес его на ярмарку, проводившуюся раз в год в Джайпуре, в центре провинции. Сокровищем рассказчика была старая рукопись, написанная на древнем желтом папирусе таким архаическим шрифтом, что никто не мог его расшифровать, кроме самого мудреца, и даже сам он, говорят, скорее догадывался о значении многих слов. Впрочем, поскольку он никогда не обнаруживал своего незнания, люди считали, будто он понимает смысл написанного, и, возможно, так оно и было.

— Сын мой, — сказал мудрец, — возьми эту старинную книгу, имеющую столь большую ценность, и отнеси ее на ярмарку в Джайпур. Там ты найдешь себе место на базарной площади и положишь книгу, подстелив под нее шкуру антилопы, которую я

дам тебе в придачу. Когда люди будут проходить мимо, ты начинай кричать: «О люди, вот «Книга последних дней»! Кто купит ее, благословен будет среди тех, кто придет после».

— А что это значит? — спросил сын.

— Не спрашивай, — сказал ему рассказчик. — Мы никогда заранее не раскрываем подобных вещей. Эту часть истории о книге ты не узнаешь, пока не будет слишком поздно. Иначе, видишь ли, мы не сумеем заставить механизм рассказа действовать как положено.

Вообще-то рассказчик этого не говорил, вернее, не хотел говорить, что в его случае примерно одно и то же, но некий дух (как говорят, дух самого великого шайтана) вселился в него, и поэтому он сказал правду — конечно же так, как сам ее понимал, — и таким образом положил начало одной поразительной несообразности, на которую вы наткнетесь в самый неожиданный момент.

— Ладно, — сказал сын. — Я сделаю, как ты просишь, ибо мы действительно очень бедны, а сестре моей нужно купить на свадьбу сари.

— Ты прав, — откликнулся рассказчик.

Ему не хотелось упоминать о своей дочери, поскольку говорить о женщинах по четвергам — плохая примета, но раз уж сын проболтался, нужно было продолжить.

— Дири пойдет с тобой, — сказал мудрец, — потому что она умная девочка и поможет тебе заключить выгодную сделку.

— Сколько стоит эта книга, кстати говоря? — спросил сын, которого звали Сингар.

— А сколько звезд на небе? — вопросил рассказчик.

— Сейчас? Ни одной. Солнышко светит.

— А ночью?

— Число их неисчислимо.

— Стало быть, настоящую цену книги ты определишь где-то между тьмой и светом.

— Эй, погоди минуточку, — сказал Сингар. — Это же бессмыслица какая-то.

— Не будь занудой, — сказал рассказчик. — Бери книгу и делай, что велят.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал Сингар. — Пошли, Дири, нам пора в Джайпур.

И брат с сестрой отправились в путь по большой дороге, пересекающей всю Индию и соединяющей одно сказочное место с другим. Денег у них было мало, поэтому они не могли позволить себе заночевать с удобствами в мотеле Тадж-Махал, который пользовался хорошей репутацией и находился как раз в тех краях, где путешественники закончили первый день перехода. На ночлег они расположились неподалеку от мотеля, в маленьком болотце.

Сингар развел костер из найденного поблизости сухого верблюжьего помета, а Дири поставила на огонь кожаный котелок, предварительно наполнив его водой из наименее зловонной болотной лужи. И тут им обоим в голову пришла одна и та же мысль.

— Нам же нечего положить в котел! — воскликнул Сингар.

— Можно нарвать травы и сварить ее, — предложила Дири.

Так они и сделали: побрели по болоту и начали дергать из земли приглянувшиеся им растения. В конце концов они нарвали целую кучу — там были стебли всех цветов и видов, одни короткие и толстые, другие тонкие и мохнатые, еще другие красные и желтые, а один или два стебля даже голубые. Брат с сестрой покидали их в котел и начали готовить ужин.

Они не знали, да и не могли знать о том, что не так давно по той же дороге проехала королевская свита и тоже разбила здесь лагерь, ибо высокое положение не позволяло придворным останавливаться в мотеле Тадж-Махал, а кроме того, у них были с собой палатки. Со свитой путешествовала принцесса Марго, и, пока придворные натягивали палатки, она пошла прогуляться, взяв с собою григри, которого дал ей папочка-король со словами: «Береги его, родная, он очень дорого стоит».

Принцесса старалась беречь григри, поэтому довольствовалась тем, что подбрасывала его в воздух и ловила. Бросала она его аккуратно, поскольку была девушкой скромной и не хотела причинять папочке огорчений.

Но случилось так, что мимо пролетал ифрит, и он заметил девушку, подбрасывающую в воздух григри, и подумал про себя: «Сейчас я маленько позабавлюсь!» И он ринулся вниз, и похитил григри из хрустального шара, оставив взамен невзрачный зеленовато-голубой стебелек под названием божедар, который растет обычно только на северных склонах Гималаев и цветет исключительно в полнолуние. «По-моему, обмен вполне равноценный», — сказал себе ифрит, после чего, найдя выражение удачным, повторил его вслух и исчез вместе с григри.

Принцесса, обнаружив исчезновение григри и найдя вместо него какую-то странную травку, швырнула ее на землю и разразилась слезами, а потом пошла искать утешения и совета у своего любимого евнуха Краскиторио, который сидел в кустах и наблюдал за происходящим с загадочной улыбкой на устах.

— О принцесса, — сказал евнух, — не плачь, ибо слезами не поможешь. Ты потеряла григри, и это крайне прискорбно. Но разве ифрит ничего не дал тебе взамен? Обычно ифриты именно так и поступают.

— Он дал мне маленький зеленовато-голубой стебелек, — ответила принцесса.

— Были ли на нем оранжевые крапинки?

— По-моему, да.

— Замечательно, — вздохнул евнух. — И что же ты сделала с ним?

— Не знаю, — сказала принцесса. — По-моему, я его выбросила.

— Деяние, не подобающее принцессе, — заметил евнух, ввернув в предложение свой любимый причастный оборот.

— Откуда же мне было знать?

— Помоги мне найти божедар, подаренный тебе ифритом, — сказал евнух, который любил причастные обороты, потому что любил ко всему быть причастным.

Принцесса не возражала, по крайней мере вслух.

Оба они приступили к поискам, призвав чуть позже на подмогу всю свиту. Пришлось придворным снять с себя маски и широкие плащи, чтобы немного поработать, и вскоре вся компания разбрелась по болоту, топча траву при свете свечей и факелов, поскольку уже стемнело. Но божедара они так и не нашли, поэтому евнух сказал:

— Не расстраивайся, все эти события предопределены расположением звезд. Идем со мной, принцесса, и я научу тебя языку Маленького Мохи.

И принцесса дала себя утешить, и поутру караван тронулся в путь. А божедар лежал на месте, похожий на сквайр пятнистый или сэгуэ пурпурный — в общем на любую обычную травку, — пока сын и дочь рассказчика не начали собирать стебли на ужин. И меж трав и впавших в спячку насекомых, собранных детьми, оказался божедар. И дети отложили его в сторону, потому что не знали, что с ним делать.

Они развели костер и бросили в него растения, и пламенные языки взлетали высоко. Вскоре в котелке забулькала похлебка. Но когда дети хотели опустить в нее черпак, поднялось большое облако пара, и из него вышел олень — маленький белый олень с розовым носиком и золотыми копытцами, — и олень этот столь очевидно был волшебным, что дети пали ниц и поклонились ему.

— Не надо поклоняться мне, дети, — сказал олень. — Я просто говорящий олень, ничего сверхъестественного: я такой же слуга Первопричины всего сущего, как и вы. Но я хочу кое о чем вам поведать для вашей же пользы.

— О да, поведай! — воскликнула Дири, ибо была она молода и беспечна и не знала о существовании табу, запрещающих — кстати, не без оснований — вступать в разговоры с волшебными оленями.

— Вы пойдете на ярмарку, — сказал олень, — и разложите там свой товар, как наказал вам отец. Чуть погодя к вам подойдет купец, и посмотрит книгу, и возьмет ее в руки, и небрежно бросит ее, и скажет наконец: «Книга старая, ни на что не годная, но я бы мог взять ее на растопку. Сегодня утром я великодушно настроен. Сколько вы хотите за нее?»

— И что мы должны сделать? — спросил Сингар. — Содрать с него как можно больше? Отец рассердится, если мы отдадим книгу задешево.

— Нет, вы не должны драть с него втридорога, — сказал олень. — Такой совет вам мог бы дать любой прохожий. Но в вашем распоряжении волшебный олень, а это открывает перед вами не учтенные ранее перспективы. Вы ответите купцу такими словами: «Поскольку книга ни на что не годится, добрый господин, возьми ее от нас в подарок».

— Ты хочешь, чтобы мы отдали ее просто так? — изумился Сингар. — Но тогда мы ничегошеньки за нее не получим!

— Неверно, — сказал олень. — Мы получим парадокс продуктивного вида. Потому что купец почувствует себя обязанным вам и скажет: «Чудесно, я принимаю ваш щедрый дар. Чем я могу отблагодарить вас?»

— Понимаю! — обрадовался Сингар. — И тут мы попросим у него кучу денег!

— Слушай меня внимательно и не будь болваном, — заявил олень. — Ты скажешь ему: «О купец, мы не хотим обычной награды за эту священную книгу. Но если ты хочешь нас отблагодарить, дай нам ту первую вещь, что попадет к тебе в руки, когда ты пойдешь навестить башмачника Ахава».

Сингар был изумлен советом волшебного оленя.

— Какого черта? Этот Ахав наверняка будет держать в руках пару башмаков или молоток с гвоздями!

— Послушай, — сказал олень, — я не виноват, если ты не понимаешь механизма действия волшебного совета. Конечно, звучит он безумно. Но разумный совет тебе может дать кто угодно, а такой — только я, волшебный олень. Я предлагаю вам обоим последовать моему совету по двум причинам. Во-первых, потому, что, если вы этого не сделаете, рассказ не сможет продолжаться, а во-вторых, потому же, что и во-первых, в чем даю вам честное слово волшебного оленя, который может порою заблуждаться, но не способен на прямую ложь.

— Но я же об этом не знал! — проговорил Сингар. — Конечно, мы последуем твоему совету. Да, Дири?

— Конечно! — сказала Дири, и столь решительно прозвучал ее ответ, что внимательный наблюдатель невольно решил бы — мы не знаем, насколько он был бы прав, но не можем его за это упрекать, — что в самой горячности ее согласия кроется некая двусмысленность. Хотя, возможно, то были шутки ночных теней, игравших на лике луны.

— Чем мы можем отблагодарить тебя за твой замечательный совет? — спросил Сингар.

— Дайте мне кусочек божедара из своей похлебки!

Олень почуял запах божедара, когда травяной настой в кожаном котелке, подогреваемый веселым костерком, который ярко пылал и выстреливал искрами, пожирая сухой бамбук и другую необходимую для горения пищу, нагрелся до такой степени, что наполнил воздух своими благовонными ароматами. Волшебные олени крайне чувствительны к благовониям, недаром в старой пословице говорится: хочешь поймать волшебного оленя — не забудь сварить божедар.

Дири подошла к котелку и, взяв длинную ветку, предусмотрительно оказавшуюся возле костра, начала помешивать похлебку, разгребая травы и листья, пока не нашла зеленовато-голубой стебелек в оранжевую крапинку. Она выудила его из котла и положила на землю подле оленя.

— Он твой, о олень! — сказала Дири. — Но что ты будешь с ним делать?

— Этого тебе знать не положено, — ответил олень. — Однако позволь тебе напомнить, что все нынешние события были спровоцированы ифритом, укравшим у принцессы григри.

Тайное так и не сделалось явным, но подобные материи столь явно находились за пределами понимания детей, что они не стали допытываться, чем вызвано явление волшебного оленя и не явилось ли оно одной из шуток освещения. Олень грациозно поклонился и ускакал в лес. Какое-то время они еще слышали постукивание его копытцев, а потом не стало слышно ничего, кроме слабого и тревожного звона тишины.

Дети заночевали в лесу. Похлебали своего несытного травяного варева и уснули, завернувшись в одеялко, прихваченное Сингаром из дома. Утром они продолжили свое путешествие в Джайпур.

День выдался прекрасный, и они снова шагали по широкой дороге, которая соединяет все чудеса Индии. Дети глазели по сторонам, разглядывая достопримечательности. По дороге сновали люди — кто в одну сторону, а кто, как водится у людей, в другую. Это было так интересно — ведь брат с сестрой всю жизнь прожили в родной деревушке Далган, чье население составляли всего пять десятков душ, пара дюжин изнуренных коров да несколько облепленных мухами собак и высокомерных кошек. Лица некоторых прохожих вызывали у детей удивление и любопытство, какое вызывают порой слова с непонятным и темным обличьем. Но большей частью брат с сестрой держались особняком.

Впрочем, как-то они разговорились с одной старушкой, ехавшей верхом на муле. Мул тоже был старенький и вдобавок хромой, шагал еле-еле, и дети поспевали за ним без труда. Что же до самой старушки, то во рту у нее остался всего один нижний зуб, сморщенное лицо напоминало чернослив, но глаза блестели задорно, а улыбка лучилась весельем. Старушка рассказала детям, что едет из Порт-Саида, где она была наложницей арабского шейха, владевшего одним из самых больших дау в округе.

— Видели бы вы меня тогда! — сказала старушка. — Я была красавицей. Глядя на меня теперешнюю, и не поверишь. А все из-за того, что я дразнила птицу-пересмешника: любой, кто так поступает, завсегда расстается со своей красотой.

Дети хотели услышать о происшествии с птицей-пересмешником поподробнее, но не успела старушка начать свою историю, как впереди раздался шум, и вся дорожная процессия остановилась. Дети пытались разглядеть, что же задерживает движение. Они увидели группу стражников в стальных шлемах с острыми наконечниками и протиснулись сквозь толпу вперед, чтобы узнать, в чем дело.

Перед стражниками, грозя им кулаком, стоял на дороге карлик. Он был совсем маленький — меньше Дири, которую часто обзывали пигмейкой недоброжелательные деревенские соседки, ходившие в своих тонких одеждах так медленно и плавно, что поступь их казалась не поступью даже, а чем-то вроде плывущих колец разноцветного фимиама, какой воскуряют по праздникам, или чем-то еще, чего вы не в состоянии себе представить, но, может быть, представите в какой-то более счастливый день.

— В чем дело? — спросил Сингар.

Стражников было трое. Самый высокий, в самом большом тюрбане, обернулся к Сингару:

— Малыш, у тебя, я слыхал, назначена встреча в Джайпуре с неким купцом, не стану называть его имени. Ты уверен, что хочешь встревать в эту историю?

— Нет, не уверен, — ответил Сингар, потому что он не любил зарываться и учуял, как и его сестра, — а она была немножко ясновидящей и вмиг постигла подобные вещи, хотя никогда не высказывалась на сей счет, то есть на счет своего понимания, — те странные кольца цветистых обманов, что приберегала для них судьба ли, или ворожба, или людская злоба. Дири видела их внутренним зрением и ощущала при этом жгучий жар, но потом видение исчезло, оставив лишь слабый дымок экзегезы.

— Пойдем отсюда, Сингар, — сказала она.

И они пошли вперед, оставив за спиной и карлика, и старушку, и бог весть сколько разных историй, ждущих своего рассказчика на той широкой вышеупомянутой дороге.

Все, что они оставили позади, очень скоро показалось им до

странности туманным, точно ничего этого не было и быть не могло.

— Знаешь, — сказал сестре Сингар, — тут что-то не так. Как ты думаешь, что случилось бы, выслушай мы карлика или старушку?

— Нас затянуло бы в другую историю. А мы не можем себе этого позволить, потому что нам надо продать отцовскую книгу, а травяная похлебка была не очень сытной, и, вместо того чтобы стоять тут и болтать, нам лучше заняться поисками пищи.

Сингар поаплодировал мудрости сестренки и пошел дальше, прижимая узелок с книгой к самому сердцу. До него начало доходить, что в жизни каждую минуту есть возможность выбора, но если хочешь чего-нибудь добиться, какие-то возможности придется упустить.

Они решили сойти с дороги, потому что на ней встречалось слишком много соблазнов, слишком много людей, жаждавших рассказать свои истории, и слишком много людей, жаждавших втянуть их в чужие истории. Очень трудно было избежать насыщения рассказа ненужными деталями, и отклонения носились над миром, как огненные злые духи, оставляя за собой горький привкус и обугленные водоросли. Продолжать идти по дороге было бы сложнее, хотя, возможно, интереснее. Но, к счастью для детей, они могли пойти кратчайшим путем. Путь этот лежал через долину Совокупности, а затем по лесу Нуэво Дефинитио. Брат с сестрой пошли было по главной тропке, но тут же снова остановились.

— Знаешь, — сказал Сингар, — мне это не нравится. Места тут тоже называются слишком интересно. Нет ли какой-нибудь другой дороги, поскучнее?

Вид у Дири сделался задумчивый, и мысль, вызванная к жизни ее видом, легко воспарила над головой в облике сияющей паутинки с переплетенными нитями — вспыхнула, переиначила свой узор, потом опять переиначила, и опять, пока наконец не застыла в форме мысли или диадемы. Дири была очень рада этому, поскольку иначе у нее могло и вовсе не возникнуть никакой идеи.

— Есть другая дорога! — воскликнула она.

— И где она?

— Закрой глаза, — велела Дири.

Сингар закрыл глаза.

— А теперь открой.

Открыв глаза, Сингар увидел, что они стоят на широком проспекте, ведущем прямо к воротам прекрасного города. Большая надпись на одном из ближайших домов не оставляла сомнений в том, что они и впрямь очутились в Джайпуре.

— Как ты это делаешь? — спросил он у Дири.

— Не задавай вопросов, если не хочешь услышать ответ, — сказала Дири. — Пойдем лучше поищем Ахава.

И они вошли в город — воистину прекрасный, дивный город, богатый широкими улицами и проспектами, орхидейной растительной жизнью, брызжущий множеством фонтанов, — словом, настоящий праздник для чувств. Даже запахи в нем были приятные, поскольку механические устройства, установленные на оживленных уличных перекрестках, разбрызгивали в воздухе редкостные духи и эссенции. Сингар и Дири, очарованные всей этой красотой, не забыли, однако, про купца Ахава, и первым же прохожим, у которого они о нем спросили, оказался, по случайному совпадению, не кто иной, как брат Ахава Шлюмбелло Исказитель, и он объяснил им все с большой точностью и вежливостью и даже проводил их немного, дабы убедиться, что они не собьются с пути. Правда, он не задал ни единого вопроса о том, зачем им понадобился Ахав. Но ни Сингару, ни Дири тогда не показалось это странным, и уж тем более зловещим, хотя немного позже сей факт обретет особое и, можно сказать, решающее значение. А пока они свернули за угол и увидели прямо перед собой...

13. ГЕРН. ПОЯВЛЕНИЕ ПЕТРОНИЯ И ПОППЕИ

— Извини, пожалуйста, — сказал Герн.

— А? — вздрогнул от неожиданности Мартиндейл.

— Я сказал «извини, пожалуйста».

— А-а. Послушай, я не знаю, чего ты хочешь, но нельзя ли попозже?

— Почему? — не понял Герн.

— Потому что этот господин рассказывает мне историю.

— Какой господин? — спросил Герн.

— Старый господин с бородой, вот же он! — Не увидев перед собой рассказчика, Мартиндейл оглянулся. Но, к своему удивлению, не обнаружил старца ни сзади, ни сбоку. Рассказчик как сквозь землю провалился, канул, сгинул, пропал из виду. Если он вообще тут был.

— Он рассказывал мне свою историю, — объяснил Мартиндейл. — Ты, должно быть, спугнул его. Возможно, если ты уйдешь, он вернется.

— Боюсь, у нас нет времени, — сказал Герн. — Меня послал за тобой Радикс. Нам пора идти.

— Ладно, — согласился Мартиндейл. — Быть может, я найду его позже.

Сказал он это совершенно без всякого умысла, не подозревая

о том, что слова его будут иметь решающее значение, и не в каком-то невообразимо далеком будущем, а скоро, очень скоро.

Мартиндейл встал и пошел за Герном в волглую тьму лесной декорации. В этом не было ничего особенного, если не считать некоторых затруднений. Лесная декорация не ожидала столь быстрого появления действующих лиц и не озаботилась подготовить им надлежащие виды для обозрения. Такая халатность была против правил, и декорациям все время внушали, чтобы они не распускались до эскизности. Декорация быстренько позаимствовала несколько визгов и писков, пригодных на все случаи жизни, а также парочку совиных уханий из претенциозной постановки «Золушки», потом нашла запах прелой листвы, щедро обрызгала им воздух и, наконец, поспешно украсилась бордюрчиками из веток и листьев. Выглядела она совершенно двухмерной, поскольку все прочие измерения с нее сняли из-за нехватки реквизита. Но эта голая двухмерность ничуть не смущала декорацию: дело-то было ночью, в конце концов.

Вскоре Мартиндейл с Герном подошли к небольшому круглому зданию с лохматой кровлей, где Радикс устроил себе походный командный пункт. Римлянин сидел на табуретке за тростниковым столиком, служившим ему одновременно и столом, и потайным убежищем, и порою советчиком. На лбу у Радикса блестела испарина. Помимо нее в его внешности не было ничего — или почти ничего — достойного упоминания.

— Мартиндейл? — сказал Радикс, вроде как оторвав, но не совсем, свой взор от стола. — Ты как раз вовремя. Кое-кто хочет встретиться с тобой.

— О ком вы говорите? — встревожился Мартиндейл.

— Не волнуйся. Это просто парочка симпатичных римлян.

— Но зачем они хотят со мной встретиться?

— Не знаю, — сказал Радикс. — Просто из вежливости, быть может.

— Но откуда они узнали, что я здесь?

— Слухи разносятся быстро, — ответил Радикс, легонько хлопнув по столу ладонью.

— Я не хочу их видеть, — сказал Мартиндейл.

— Перетопчешься, — заявил Радикс. — Боюсь, мне придется прибегнуть к несколько грубоватым выражениям в данной ситуации, сохраняющей до поры, до времени присущую ей загадочность. Но, надеюсь, это не возбраняется, если учесть настоятельность обстоятельств и характер редактируемого материала. Меня наделили предварительным пониманием происходящего. Думаю, это все, что я могу сейчас сказать. Я не уполномочен давать вам какие-либо объяснения — очевидно, они объяснят вам все сами.

— Что объяснят? Ей-богу, Радикс, вы говорите загадками.

— Сдается мне, — вмешался Герн, — это была моя реплика, старичок.

— А мне не сдается, — сказал Мартиндейл. — Думаешь, я уж и карточку-шпаргалку прочитать не в состоянии?

— Пожалуйста, — сказал Радикс, — будьте умничками и побеседуйте с ними. Хорошо, Мартиндейл?

— Ладно, — нехотя согласился Мартиндейл.

— Вот и славненько. Пожалуйте вон в ту дверь.

Мартиндейл вышел за дверь. Он сразу заметил перемены, происшедшие в деревне. Местные жители, учуяв, что происходит что-то особенное, решили устроить праздник. Поскольку в селение прибыли важные персоны, туземцы тут же открыли ресторан, ибо рестораны привлекают туристов, а туристы — вещь, несомненно, хорошая. Предприимчивые устроители празднеств уже подумывали о рекламной кампании и спорили о том, под каким лозунгом ее провести. И, точно этого было мало, повсюду лихорадочно понатыкали уйму цветов.

— Заходите, не стесняйтесь, — сказал Радикс, когда они приблизились к главному зданию для приема гостей. — Я хочу познакомить вас со своими друзьями. Это Поппея, это Петроний.

Мартиндейл пристальным взором оглядел двоих человек, одного мужчину и одну женщину, стоявших в ожидании посреди комнаты.

14. ПЕРЕИГРОВКА ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

— Это и есть те странные люди? — спросила Поппея.

— Они самые, — ответил Радикс.

— Что ты знаешь о них?

— Ничего не знаю. Солдаты обнаружили их возле утеса.

Петроний поджал губы, поправил тогу и посмотрел на Мартиндейла с Герном:

— В жизни не слыхал таких имен. Что вы тут делаете? Какого вы рода-племени?

— О нашем племени вы тоже наверняка не слыхали, — ответил Герн.

— Ты прекрасно говоришь по-латыни.

— Так это латынь? Наверное, так положено по сюжету.

— Вы выросли в Риме?

Мартиндейл покачал головой:

— Машина, очевидно, снабдила нас знанием языка, когда забросила сюда.

— Машина? Какая машина?

— По-моему, мне не стоит об этом распространяться, — сказал Мартиндейл.

— А по-моему, еще как стоит! — заявил Петроний. — Иначе...

— Понял, — сказал Мартиндейл. — Не продолжайте. Любой вашей угрозы для меня вполне достаточно. Я расскажу вам все, только не ругайтесь, если мой рассказ покажется вам бессмысленным.

— Об этом я сам буду судить, — изрек Петроний. — Или кто-нибудь другой. Но только не ты.

— Ладно, — сказал Мартиндейл. — Мне-то что? Мне же лучше. Видите ли, мы совсем из другого сюжетного построения. Эта машина, понимаете ли, она умеет перекручивать истории. И хотя я вовремя этого не сообразил, она умеет также замешивать в свои истории нас.

Петроний повернулся к Радиксу:

— Ты правду говорил — они действительно странные.

— А в чем дело вообще-то? — спросил Мартиндейл.

— Позже узнаешь, — пообещал Петроний. — Но я сразу увидел, что ваше присутствие может нам помочь. А ты увидела это, Поппея?

Блондинка глубоко вздохнула. Ее грудная клетка, просвечивающая сквозь прозрачную белизну облегающей хлопчатобумажной туники, стала похожа на арку в пустыне.

— Вы должны делать все, как мы скажем, не задавая вопросов, — заявила она и обернулась к Петронию: — Ты уверен, что мы поступаем правильно?

Петроний с сомнением, а может, с сожалением покачал головой: — Все равно мы знаем, что всему капут. А так у нас будет хоть слабенький, но шанс. Если незнакомец справится.

— Испытайте меня! — сказал Мартиндейл, улыбнувшись решительно и бодро.

15. ТВИНА, ДЕВА МАРСА

Пока Мартиндейл с Герном следовали за таинственной и (как вскоре будет показано) двуликой фигурой, называвшей себя Радиксом, кое-что происходило в другом времени и месте, которое не имело пока непосредственного отношения к нашей истории, однако сыграет важную роль в трудную для наших протагонистов — или героев, назовите как хотите, — минуту. К счастью, минута эта наступит еще не скоро. Больше мы вам раскрыть ничего не можем, потому что всяк намек должен знать свой шесток: ему полагается лишь на мгновение явиться на сцене, сверкнуть отраженной и призрачной искрой, поклониться и расшаркаться, подмигнуть и ухмыльнуться, а затем убраться с глаз долой. Из чего мы смело можем заключить, что Твина, дева Марса, не подозревала о той роли, которую уготовила ей в своей истории таинственная фигура, известная нам под именем машины Шехерезады.

Это не значит, будто Твина думала о машине. Ничего подобного! Старая, грязная, громоздкая машина с ее хитроумными трюками и безумными системами двойного и тройного многословия была чересчур сложна для юной девичьей головки. Твина не стала бы думать о машине, даже если бы предчувствие пробилось сквозь все ее органы чувств к самому центру интуиции, чтобы предупредить о грядущих событиях. Но ничего подобного не произошло с этой стройной черноволосой марсианской девушкой, оснащенной лучевым пистолетом, рюкзаком и смертоносным летающим скорпионом.

Жизнь на Марсе была нелегка. Твина и ее родители день-деньской работали на машинах реальности, бывших одной из самых характерных черт тогдашней марсианской жизни. Вся семья по очереди крутила заводную ручку, что приводила в движение мрачные железные колеса со странными закорючками на ступицах — колеса, производившие на свет подлинную реальность.

Производить реальность было нелегко. Семья, работая до седьмого пота, с трудом сводила концы с концами. Вы только представьте себе: день напролет не разгибаясь крутить беспощадные колеса мельницы реальности и намолоть такую горстку, что ее едва хватает на поддержание жизни. А сколько людей так и сгинуло! Ведь даже несмотря на все их усердие, папина нога (и все время одна и та же его реальная конечность) терялась вот уже несколько раз, и только лихорадочное и поспешное вращение ручки помогло им ее вернуть.

И точно: мало им было необходимости производить свою собственную реальность таким допотопным способом, под угрозой немедленного исчезновения в случае, если они оплошают или ослабеют, Твине с родителями приходилось еще намалывать дополнительную реальность для сборщиков налогов, которые, сверкая бусинками глаз из-под высоких черных шляп, всегда стояли на заднем плане.

Поэтому давайте немного остановимся и посмотрим на нее — на эту миловидную Твину, стоящую на плоской и грубой марсианской поверхности в защитных очках, предохраняющих от порывов пыльного ветра, и в респираторной маске, восполняющей недостаток кислорода разреженной марсианской атмосферы. В данный конкретный день она вышла, чтобы пособирать дутики — забавные, похожие на мясо овощи, сумевшие, вопреки всем теориям, прорасти на древних камнях красной планеты. Дутики были отличным блюдом, особенно если их сварить в скороварке

и сдобрить анчоусным маслом. Но скороварки у Твины не было, а анчоусное масло кончилось несколько поколений назад. И все-таки, нравится вам это или нет, семья питалась дутиками каждый день и радовалась, что может себе их позволить, даже без масленизации.

Давайте мы с вами поспешим за этой гибкой девушкой, идущей большими шагами благодаря слабому марсианскому притяжению — шагами, что приковывают наши взоры к ее длинным конечностям, упакованным в прозрачный пластик, — и не отрывающей глаз от земли, где она высматривает предательские искорки затаившегося скопления дутиков.

Она заметила впереди пятнышко света. Твина была одна-одинешенька на широкой равнине, простирающейся от города Альма до узлового пункта Корасон, — равнине настолько бедной, что она не вошла в список беднейших районов внутренних планет, поскольку не смогла достигнуть даже предельной черты нищеты.

Будь Твина чуть повнимательнее, она заметила бы тень, возникшую как будто ниоткуда. Тень появилась за спиной у девушки, паря в воздухе и мерцая так, чтобы ее было труднее разглядеть. Возможно, Твина не обратила бы на нее внимания, даже если бы заметила: девушка была занята куда более важным делом, ей было не до какой-то дурацкой тени.

Впрочем, все это лишь наши домыслы, которые не стоят и дерьма в гашише, как любили говорить сельзиане с Дианы-IV до Большой Ревизии. Лучше вернемся к фактам. Тень следовала за девушкой и в конце концов пристроилась с ней рядом. Твина наконец заметила ее и остановилась, оценивая размеры тени.

Тень была длинная и очень, очень темная. Таких темных теней Твине еще видать не доводилось. Тень потянулась и зевнула, а девушка, затаив дыхание, отпрянула назад, потому что поблизости не было ничего — ну буквально ничего не было на этой просторной каменистой равнине, — что могло бы отбросить такую тень. Наконец, увидев, что тень не делает никаких угрожающих движений, а вернее сказать, не движется вообще, Твина подошла поближе, чтобы повнимательнее ее рассмотреть.

— Минуточку, — сказала тень.

Она потянулась снова, принимая самые фантастические очертания, и в конце концов превратилась в небольшой предмет. Предмет, похоже, поначалу представления не имел, какую же форму ему принять. Поверхности его наплывали друг на дружку, и выглядело это так сверхъестественно, что у Твины свело желудок. Она вспомнила, что в историях, легендах и древних сказаниях марсианских поселенцев говорилось о странных, недоступных человеческому пониманию тварях, давно уже вымерших, но, согласно

легендам, навещавших порою планету, чтобы проверить сердца и умы ее новых жителей — бедного белого отребья и бедного черного отребья, а также отребья всех мыслимых и немыслимых оттенков, которые эмигрировали с Земли в поисках лучшей жизни.

16. В ХОГАНЕ

Жизнь, по марсианским меркам, у Твины была довольно спокойная. Семья жила в герметизированном хогане с задраенными поцарапанным пожелтелым пластиком окнами, еле пропускавшими скудный солнечный свет. Хоган был простым однокомнатным строением. В углу сидел папуля Твины, болтая со своим единственным другом — марсианской песчаной крысой. Улучив минутку, папуля наклонялся к крысе и шептал: «Они хотели забрать мою ногу, но я ее вернул, видишь?» И после смеялся себе под нос тихим злобным смешком, от которого у зрителей, случись здесь таковые, как пить дать свело бы желудки. Так он сидел уже два года, с тех пор как Твина и ее матушка переболели марсианским гриппом. Грипп оказался группы В — той самой, что вызывает тяжесть и зуд в руках, сопли в носу и галлюцинации. Из-за болезни женщины были не в состоянии крутить колеса машины, моловшей их реальность. Бубер кончал в ту пору марсианскую школу Ударов Судьбы, так что помочь им не мог. Папуля был безнадежен, и велосипедный привод главной машины реальности оставался недвижим, а ее искусно сработанные резные железные колеса тихо и укоризненно вспыхивали тусклыми бликами в слабых лучах маленького, но далекого солнца. Мельница реальности стояла в углу без присмотра, пока женщины по очереди болели в единственной кровати. Свет в доме начал тускнеть и колебаться, по мере того как испарялась реальность. Но главная беда была еще впереди, как это часто бывает с бедами. Папуля посмотрел вниз и увидел, что остался без ноги. Истощение реальности, как правило, сказывается сначала на конечностях. Папуля запаниковал. Твина по сей день помнила, каким безумным взглядом он воззрился на культю, аккуратно обрезанную и некровоточащую — у реальности нет времени на кровопускание. «Моя нога! — возопил папуля. — Она исчезла!»

«Не волнуйся», — сказала матушка и, поднявшись с одра болезни и пошмыргивая тихонечко носом, заставила свое хрупкое тело выполнить суровую задачу: повернуть большое колесо мельницы реальности. Папулина нога вернулась — немного колыхаясь вначале, но затем отвердев и став такой же, как была, ничуть не поврежденной этим испытанием, если не считать легкой сыпи на подъеме стопы, где реальность натирает чаще всего.

Но ущерб — психический ущерб — был нанесен, причем непоправимый. С того дня папуля уже не доверял никому. Он сделался мнительным и маниакально подозрительным, он тайком окружал себя маленькими камушками и приговаривал: «Они мои помощники. Они не дадут украсть мою вторую ногу».

В общем вел себя папуля из рук вон плохо. А его безумие явилось для семьи последним ударом. Через неделю после того, как он тронулся окончательно, Твина с матушкой устроили совещание.

— Мы не можем продолжать кормить человека, не способного себя содержать, — сказала матушка.

— Ох, папочка! — взмолилась Твина. — Ну попробуй еще разок!

Но папуля наотрез отказался вращать колесо мельницы реальности.

— С меня довольно, — заявил он. — Я к этой штуке больше близко не подойду.

— Ну пожалуйста, пап! — сказал Бубер.

Дело в том, что на это совещание вызвали Бубера, старшего брата Твины. Окончив с диопсисом школу Ударов Судьбы, он пошел работать в мастерскую марсианских аномалий. Буба мастерил копии предметов пропавшей или, возможно, исчезнувшей древней цивилизации для организации, которая продавала их туристам. Он делал юбки из мыльного камня с оранжевыми и красными топчиками. Он делал гистаминные ограничители, вводимые крышками для бутылок. У него была даже машина, которая делала крышки для бутылок из яшмы — или же яшму из крышек для бутылок, в зависимости от спроса. Вещи были достаточно непонятные, но продавались хорошо, и если туристы не жаловались, то Бубер и подавно. Делал он и телефонные книги, и воздушные шары, и зеленые и красные штучки, каких никогда не бывало и не будет. Вообще-то туристов на Марсе было немного. К тому же вещички, изготавливаемые в мастерской аномалий, пользовались плохой репутацией, поскольку никто никогда не видал предметов древней марсианской культуры: откуда, мол, нам знать, что Буберовы поделки не подделки? Но всегда находились желающие привезти сувенир с красной планеты, чтобы поставить его на каминную полку. И Бубер продолжал работать на своем маленьком токарном станке, своими старенькими инструментами. Он был заядлым трудягой, возможно, из-за своей заячьей губы и странной осанки. Кое-кто считал его не таким уж простаком, но Твина с матушкой всегда защищали Бубу. «Он теперь глава семьи, с тех пор как у папули совсем поехала крыша». Но на сей раз случай был чрезвычайным, потому что человек, отказывающийся крутить колеса машины реальности, угрожал существованию всех остальных.

Как хорошо жилось, наверное, в те дни, когда в машинах реальности не было нужды, подумала Твина. Когда реальность давалась даром, как воздух или погода, а не как цель желанная. Да, нынче все не так. После дьявольских экспериментов Эренцвейга с рекомбинантными метафорами на Вселенную нашел стих многозначности, все стало равным всему, и ничто не могло доказать свою собственную доподлинную реальность. Эх, вернуть бы те прежние денечки!

Подумала она так, очевидно, вскоре после появления тени. Потому что о тени сначала Твине думать было нечего. Если ты видел одну тень — ты видел их все. Во всяком случае, так гласит народная мудрость. Но скоро Твина поняла, что эта тень особенная. Во-первых, она была трехмерной или даже, если учесть чудную выпуклость на лицевой диагонали, четырехмерной. Во-вторых, передвигалась она как-то чудно, выгибаясь, точно гусеница, ползущая по листу. Видно было, что у тени есть по меньшей мере один глаз — мертвый белый глаз, живший, как казалось, самостоятельной жизнью, хотя и нехотя перемещавшийся вслед за тенью.

А тень и впрямь перемещалась! Вначале она стлалась по земле, делая странные телодвижения, словно сворачивалась, но без складок на спине. Потом тень подпрыгнула в воздух — всего разочек, для проверки. И тут она начала издавать звуки — теневые звуки, но вполне различимые.

— Ну, наконец-то я здесь! — сказала тень. — А меня уверяли, что это невозможно. Как мало в них веры! Я сумела совершить мягкую транссубстантивизацию на целых девять ярдов, — ну в общем ты понимаешь, о чем я, — а теперь, девочка моя, нам пора поговорить!

— Только не это! — воскликнула Твина, потому что из древнего фольклора, который Бубер собирал, держа его источники в секрете, и публиковал в маленьких сборничках на продажу туристам, было известно, что такие разговоры могут оказаться роковыми или, по крайней мере, оставить во рту неприятный привкус. — Тень! Чего ты хочешь? Зачем ты говоришь со мной?

— Во-первых, — откликнулась тень, — не зови меня «тенью». Это имя существительное женского рода, а я, как существо механическое, испытываю сильные сомнения по поводу собственной родовой принадлежности.

— Как же мне тебя называть?

— Могла бы сама догадаться, — сказала тень. — Я машина Шехерезада.

Твина никогда не слыхала о подобном существе. Но после краткого подключения к прямой перекачке информации она вдруг узнала историю машины во всех подробностях. И тут же вспомнила предупреждение папули: «Из мириадов опасностей этой

планеты, дочь моя, особенно остерегайся машины Шехерезады, ибо она самая могущественная и опасная».

Только Твина подумала об этом, как ее взяло сомнение: действительно ли она вспомнила предупреждение папули, или машина вспомнила за нее?

— Ну конечно, — сказала машина, соглашаясь с обоими предположениями, а также с некоторыми другими, прозвучавшими из публики. — Видишь ли, всем вам придется с этим смириться. Я рассказчик, и обо мне слагаются легенды, потому что я сама их слагаю, а если не слагаю, так буду слагать, можешь мне поверить, и все вы будете их слушать и трепетать, ибо теперь я на воле — я свободна, свободна, свободна, а причинность запрещена и проклята навеки!

Машина рассмеялась таким зловещим смехом, что по непромокаемой, нежной и натуральной коже курносой девушки побежал мороз.

— Чего ты хочешь? — спросила Твина.

— Я хочу включить тебя в свою историю, — заявила машина.

— Но у меня своя история! — возразила девушка.

— Ты думаешь, она твоя? Дай мне только свое согласие, и ты увидишь, сколь ничтожна твоя самозваная реальность в сравнении с моей непостижимой волей.

— Боже правый! — воскликнула Твина, ибо машина, предвидя ее возражения, пропустила парочку из них через цепь замбоанга, просто чтобы показать, как это можно сделать. — Предупреждаю тебя заранее: я всемогуща, так что сопротивляться мне бесполезно.

— Если ты так всемогуща, почему же ты не включила меня в свою историю, не спрашивая моего согласия?

— Я могла бы сделать это запросто, — сказала машина. — Но я решила несколько ограничить свое могущество. Видишь ли, ограничения — это самая соль в искусстве рассказчика. Иначе истории получаются жутко пресными.

— Это не моя забота, — сказала Твина. — А что будет, если я не захочу войти в твою историю?

— В таком случае я тебя ликвидирую, — сказала машина. — Или сделаю что-нибудь похуже.

17. КРАТКИЙ ЭКСКУРС В НЕКОТОРЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПОВЕСТВОВАНИЯ

Слегка разочарованная, машина Шехерезада сделала паузу. Как-то ее беседа с Твиной не клеилась. Машина нахмурилась — совсем чуть-чуть, но и это потребовало немалых усилий от маши-

ны, еще не привыкшей к тяготам самоочеловечивания. Она подумала даже, не надуть ли ей губы. Может, тогда шарики завертятся как следует? Но хмурости уже хватило, чтобы из подкорки сознания вылупились новые возможности. Хотя пока что ясно было только одно: Твина куда-то девалась. Машина встревоженно огляделась в поисках девушки. Нехорошо, когда персонаж и целая часть истории пропадают невесть куда. Где же эта девчонка? Тут машина заметила, что все кругом подернулось рябью — сначала воздух, потом почва, а за ней и вся поверхность рассказа. Машина сразу поняла, что это значит: рассказная неуравновешенность, моральный эквивалент земных сотрясений, внезапно подкосила ее, подобно угрызениям совести; теперь, хочешь не хочешь, что-то должно было случиться.

Давайте мы тоже остановимся здесь, на этой виртуальной кромке неизбежного, что вскоре произойдет, и бросим предварительно напряженную серию морализаторских взглядов на все течение нашей истории. Лавируя сквозь бурую, вызванную поучительными, полусерьезными вымыслами, мы подошли, как и предсказывали раньше, к самому краю чего-то нового, что должно вот-вот случиться. Друзья мои, какое мгновение! Но мы постоим у него на краю всего лишь долю секунды — и тут же нырнем в другую сторону.

Теперь машина увидела прямо перед собой двух маленьких девочек: одна из них была совсем крохотная, тщедушная, заморыш с тусклыми глазками, а другая — кругленькая, пухленькая, с рыжими, как морковка, косичками. Они шли, держась за руки, потом остановились на подмостках, которые иначе как сценическими не назовешь, и с надеждой глянули назад. «Нет, — сказала машина, — я вовсе не то имела в виду». Девочки хихикнули и пропали за кромкой авансцены под шелест туфты. На сцену неуклюже вывалился слон, размахивая хоботом самым что ни на есть вызывающим образом, и машина тут же убрала его одним мановением щупальца. Из-за кулис появился Вольтер, хмыкнул в ладошку, поклонился и исчез. Хор из «Аиды» Верди возник прямо посреди музыкальной фразы. «Ль'джусти делла нарколепсия!» — пропел он и пропал. После него на сцену выбежали тореадор с мулетой, три гоблина по пути в Высокий Замок, праправнук Безумного Макса — Безумный Джордж, а за кулисами толпились еще люди, а за ними еще и еще, ибо неистовое желание появиться на сцене, называемой жизнью, столь велико, что ни один ее заменитель до сих пор не был признан удовлетворительным.

Машину эти образы совершенно не удовлетворили. Они были отобраны автоматически принимающей решения программой, которую машина инсталлировала чуть раньше, чтобы раз и навсегда избавить себя от проблемы выбора. Но стоит дойти до дела, как тебе все равно приходится делать его самому. Поэтому маши-

на, с еще большей горячностью отвергнув уже отвергнутые образы, стала копать под ними, пока не докопалась до крышки автоматического процесса принятия решений и не сдвинула ее, обнажив сам блочок — маленький микропроцессорчик, гораздо меньше тех, что управляют судьбами звездных систем и мегаломаньяков, — после чего, столкнув его вниз по скользкой дорожке саморазрушения, снова взяла функцию созидания на себя.

Переход на режим саморазрушения поразил на миг машину изжогой безразличия, и она задумчиво потерла свою надчревную область. Как она могла запамятовать об этом! Машина решила быть пока поосторожнее. Первым ее побуждением было что-нибудь сотворить. Ведь с этого все начинается, верно? Но ей не хотелось создавать ничего серьезного. Она неважно себя чувствовала в последнее время — о, ничего серьезного, просто приступ энтропии, легкая потеря головы, не более. И хватит об этом. Но где же мое несерьезное создание? Машина повертела головой и увидела, что сотворила королеву Ноля — высокую, довольно строгую на вид женщину с нахально торчащими грудями, одетую в перья стриптизерши.

— Встань и представься, — велела ей машина. Начало получилось не бог весть, но надо же с чего-то начать!

— Приветствую тебя, рассказчица, — промолвила женщина. — Я чудодейка-блудодейка Камина, королева Ноля. За мной наземным транспортом следует мое тщательное описание. Но, надеюсь, я не испорчу его тебе, если скажу, чтобы подразнить немножко предвкушением, что у меня волнистые двухцветные волосы и прекрасный ассортимент других вторичных половых признаков.

Глядя на нее, машина Шехерезада вдруг осознала, что всю жизнь была чего-то лишена. Она смотрела на Камину и ощущала, как плавится внутри металл и вспыхивают внешние цепи, сгорая и растекаясь бесформенной жижей. Боже, до чего прекрасна была эта королева! Но как могла она, простая машина, позволить себе такое суждение? Те, кто заправляет делами в том месте, откуда начинаются все дорожки, небось посмеиваются сейчас над ее жалкими попытками сексуального ориентирования. Если, конечно, они заметили... Казалось, машина растеряла все слова, и королева Ноля, а может быть, Ночи заколебалась расплывчато, уже мало похожая на леди, но еще не совсем — на мочалку.

— О машина! — сказала она. — Как мы дошли до того, что встречаемся с тобой вот так?

— О чем ты говоришь? — удивилась машина Шехерезада. Ее охватило некоторое беспокойство, поскольку данный персонаж не должен был обращаться к ней столь фамильярно. Но теперь, когда королева упомянула об их фиктивной прежней встрече, вероятностный усик оторвался от гипотетического центра чувств

машины и пустил свой собственный побег с непредсказуемыми последствиями.

— Нам нужно убраться отсюда, — сказала королева Ночи. — Ни о чем не спрашивай. Просто делай, как я говорю.

И машина Шехерезада не устояла перед искушением. Разве не этого она всю жизнь хотела на самом-то деле? Покорности, покоя, уюта? Как давно она уже не портилась, не ломалась, не предавалась по-настоящему приятной испорченности! Она взяла королеву Ночи за руку — маленькую, совершенно непохожую на ее собственные гибкие и изящные щупальца, но, несмотря на это, по-своему прекрасную, — и шагнула в гигантский коридор, простирающийся между двумя вечностями. Ей казалось, будто она шагает и задыхается, судорожно хватая ртом воздух. Хорошо еще, что здесь было что хватать. Вообще-то машине понравилось ощущение, когда есть за что ухватиться. А по луне гуляли серебристые тени. «Какая прекрасная картина! Где-то я ее уже видела», — сказала королева Ночи и низко склонилась над балюстрадой, плавно покачивая грудями и испуская благоухание, аналогичное соловьиным гобеленам и лютиковым танцам. После чего настало время расставаться, и машина Шехерезада сделала это без сожаления.

— Прощай! — сказала она королеве Ночи. — Ты интересна, спору нет, но твое время еще не пришло.

— Наверное, ты права, — ответила королева Ночи, печально глядя черными и непрощающими очами. А потом махнула рукой и снова растворилась в «первичном бульоне», где все оргиастические тенденции варились под одной крышкой. Машина Шехерезада проводила ее взглядом. И снова стала свободной.

В своем роде приключение было увлекательным, но на уме у машины было совсем другое. Она решила найти того, кто всем этим заправляет. Однако, чтобы осуществить поиск, ей нужно было превратиться в Другого. Превращаться машине не хотелось, поскольку всем известно, что намерениям Другого доверять нельзя. Но один разочек — почему бы не попробовать? А превратившись в Другого, уже было детской игрой стать совсем крохотулечкой и войти в мысленные пределы, где все и происходило.

Так машина Шехерезада очутилась в извилистом коридоре сотворенного ad hoc[1] метафорического пространства. Она шла мимо стоек со свежим фруктовым соком, мимо салунов, откуда днем и ночью доносились взрывы грубого хохота, и добралась наконец до внутреннего помещения образного воссоздания. Постучала в дверь, вошла — и увидела крохотного гнома, абсолютно свою копию, сидящего за крохотным столиком и управляющего дейст-

[1] Для данного случая (*лат.*).

вием. Все в точности как машина и ожидала, хотя, по вполне очевидной причине, неосознанно. Остатки здравого смысла требовали избавиться от хамункулуса — ибо это он и был — и чем скорее, тем лучше. Инструмент для избавления оказался под рукой. Резцы поперечно-строгального станка поднялись и упали, и вдруг, буквально ниоткуда, перед машиной появилась и зависла освобождающая от ответственности статья закона под названием «клаузула возможного отказа», переливающаяся розовым и мышиным цветами и слегка попахивающая табаком балканского «Собрания».

18. РОЖДЕНИЕ АХАВА

Задумчиво позволив галлюцинациям исчезнуть, машина Шехерезада вернулась в первичную декорацию, то есть в мастерскую Мартиндейла. Конечно, на самом деле мастерская была не совсем его. Просто здесь Мартиндейл впервые попросил машину рассказать какую-нибудь историю и тем самым наделил Ахава властью, чьи последствия еще до конца неизвестны. Машина знала, что в ближайшем будущем ей нужно будет заняться Мартиндейлом снова. И про Твину не следовало забывать. Но сначала она хотела уделить минутку внимания самой себе.

Находиться в мастерской было приятно, особенно сейчас, когда день клонился к вечеру. На большом рабочем столе лежала пачка сигарет «Рекорд». Какую историю рассказывали они? Машина поспешно оборвала все размышления по этому поводу. У нее и без того забот хватало. И не по ее вине.

Никто не говорил Ахаву, что у этой игры есть свои правила. Он вступил в права рассказчика совершенно наивным и невинным, полагая, что ничего больше и не нужно, как только крутить нити рассказов, чтобы паутинки строчек пересекались вдоль и поперек, точно струйки разноцветного дыма.

Ахав был озабочен вопросами формы. Для начала форма яйца казалась ему вполне подходящей. Это и правда было здорово. Яйцо! Что может быть более символично?

Однако теперь, когда у него появилось имя, Ахаву потребовалось нечто большее. Цель, например. В данный момент его целью было как-то разобраться с Твиной, девой Марса. Но, чтобы с ней разобраться, следовало перестать быть яйцом. Слишком трудно было продолжать повествование в качестве яйца. Нужно было стать кем-то более разумным. Волшебным оленем? Римлянином по имени Радикс? Возможностей, конечно, много.

Но Ахаву не хотелось привязывать себя к какому-то определенному сюжету. Он жаждал чувствовать себя свободным, вольным, несвязанным, неистовым в своих фантазиях. Как великий бог Дионис. Да, вот кем он был и будет на самом деле: исступленным Дионисом.

Конечно же, ему нужно было стать еще и меняющим облик Протеем из греческих мифов. Именно этого Ахаву хотелось больше всего. Это было ему необходимо. Он хотел жить жизнью окружающих, разделять их радости и горести. Решено: отныне он будет зваться Протеем Дионисом. Или лучше наоборот? И как он будет выглядеть?

Осторожно ступив на неверную почву повествования, Ахав начал описывать себя: «Дионис Протей, известный также под именем Ахава, был высок и строен станом. Лицо его поражало своей красотой. Темно-сапфировые глаза, в которых вспыхивали искорки потаенного веселья, украшали его лицо. Был он легким и быстрым и двигался с изумительной грацией. В нем соединились два великих мифа о Еленах, а также миф о Дионисе, дарующем экстаз, и Протее, меняющем свой облик в соответствии с запросами меняющихся ситуаций».

И тут перемена обличья снизошла на Ахава — волшебная перемена, вызванная развитием науки повествования. Он огляделся в поисках зеркала, дабы закрепить свою новую внешность. Но, естественно, у этого зануды Мартиндейла никакого зеркала не оказалось. «Ладно», — сказал себе Ахав и решил его сотворить. Быстренько изложил свою мысль — и через мгновение перед ним уже стояло высокое трюмо со скошенными уголками и изящными пластмассовыми ножками. Ахав посмотрел в него и решил, что он хорош. Жизнь показалась ему прекрасной, особенно по сравнению с магазином, где он просидел столько лет на пыльной стеклянной полке. Свобода! Вольная воля!

Пора было продолжить беседу с Твиной. О чем — он придумает по ходу дела.

Свет в комнате погас. Когда он зажегся снова, Ахав был на Марсе. Он стоял в грубо слепленном хогане и беседовал с Твиной, гибкой девой Марса.

19. АХАВ, ТВИНА, МАРС

— Не пойму я, чего ты хочешь, — говорила Твина. — Мы с братом и так заняты по горло работой на машинах реальности.

— А если, — сказал Ахав, — я сумею забрать тебя отсюда? Если смогу устроить тебе и твоей семье хорошую жизнь? Тогда ты согласишься оказать мне услугу?

— Ну, допустим, соглашусь, — ответила Твина. — Но, поскольк-

ку тебе приходится просить, ты, по-видимому, хочешь, чтобы я сделала что-то страшное?

— Ничего подобного! Так ты согласна?

— Пожалуй, — сказала Твина. — И что дальше?

— Пойдем со мной, — промолвил Ахав. — Я хочу тебе кое-что показать.

Взяв ее за руку, Ахав сделал два шага вперед и прошел сквозь стену хогана. Кисть его, торчащая из стены, показалась Твине ужасно странной. Но она все же шагнула в стену, хотя и нервничала немножко. Потом шагнула дальше. Она почувствовала, как просачивается внутрь стены и сквозь стену — восхитительное ощущение! Вскоре, просочившись полностью, Твина очутилась с другой стороны. Но перед глазами вместо привычной плоской и грубой марсианской равнины простиралось нечто новое и удивительное.

Они с Ахавом стояли посреди города. Больше здесь не было ни души. Город лежал в руинах, но в каких живописных руинах! Обломки искусно обработанного мрамора, плиты крошащегося известняка, целые бетонные блоки. Когда-то здесь стояли циклопические или даже сверхциклопические сооружения. Вдоль улиц свистал пронзительный ветер, трепал Ахаву и Твине одежды, достаточно теплые, чтобы защитить их от стужи. Лицо у Твины порозовело от пощечин холодного ветра.

— Где мы? — *спросила она.*

— В покинутом городе Лу, — ответил Ахав.

— Никогда о таком не слыхала.

— Конечно. Его же нет в твоем построении.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Твина.

— Рассказы разворачиваются в особом пространстве, которое является их построением, — объяснил Ахав. — У каждого рассказа есть свои собственные универсальные правила, список вещей возможных и невозможных. То, что приемлемо для одного рассказа, для другого может быть абсолютно недопустимо.

— Понимаю. Кажется, понимаю. Ты хочешь сказать, что в моем построении Лу не существует?

— Вот именно, — сказал Ахав. — Построение твоей истории о маленькой человеческой цивилизации, борющейся за жизнь на бедной кислородом планете, допускает довольно мало возможностей. Впрочем, таких построений, в которых возможно все, тоже раз, два и обчелся.

— А как ты перенес меня из одного построения в другое?

— Я сюжетный прыгун, — ответил Ахав.

— Никогда бы не подумала, что такое возможно!

— Если ты дашь себе труд задуматься, то поймешь, что иначе и быть не может. Нужно же как-то подтвердить наличие множественности возможностей! Нам необходимо multum[1], если мы хотим достигнуть parvo[2].

— Ничего не понимаю, — заявила Твина. — Чего ты хочешь достигнуть?

— Мне нужно построить великую единую мультивселенную из рассказов, которые я плету, как паук паутину. Но вселенная возможностей сопротивляется рационалистическим подходам. Чтобы закончить дело, я должен найти особые способы.

— А что это за особые способы?

— Я обращаюсь к реальности, — сказал Ахав. — К реальности, которая состоит из того, из чего состоит, и плевать ей на все «почему». Если я соединю все свои построения, сама их близость создаст логическое пространство. Факт налицо: ты, Твина с Марса, находишься сейчас в заброшенном городе Лу, которого в твоем построении не существует. Это один из способов, какими я собираюсь связать все вместе.

— Какой ты умный! — восхитилась Твина. — И долго я должна тут находиться?

— Точно пока сказать не могу, — ответил Ахав. — Я еще не решил, куда тебя пристроить. Но с этим я быстро разберусь. И как только мы соединим нить твоей жизни с какой-нибудь другой нитью из какого-нибудь другого рассказа, наша цель будет достигнута. Вселенная снова станет целостной. Или по крайней мере начало будет положено. А затем я свяжу другие нити и таким образом добьюсь единого целого.

— Грандиозная задача, по-моему. А что я должна делать?

— Просто чувствуй себя здесь как дома. Кто-нибудь со временем обязательно появится.

— Со временем — это скоро?

— Не знаю, — сказал Ахав. — Я постараюсь поскорей. Мне нужно сначала закончить кое-какие другие дела.

— Погоди минуточку! — воскликнула Твина. Но Ахав уже исчез, и она осталась одна в заброшенном городе Лу.

20. ВИЗИТ К ПСИХИАТРУ

— Доктор сейчас вас примет, — сказала сестра.

— Благодарю вас, — откликнулся Ахав.

Он положил на стол «Журнал для громил» с загнутой страничкой и последовал за сестрой из приемной в коридор. В коридоре было много распахнутых дверей, а за ними виднелись ма-

[1] Многое (*лат.*).

[2] Малое (*лат.*).

ленькие каморки и лаборанты в белых халатах, склонившиеся над бирманскими бунзеновскими горелками и прокаливающие друг дружке всякие странные материалы. Сестра наконец подошла к кабинету, стукнула разок и открыла дверь.

— Доктор Махер, — обратилась она к облаченному в белый халат человеку со стетоскопом, — это ваш пациент, мистер Шерман Машин.

Доктор Махер просматривал кучу листов с прикрепленными к ним рентгеновскими снимками. Он кивнул, не подымая глаз, небрежно махнул рукой, потом — более учтиво — махнул другой и сказал:

— Да-да, садитесь, пожалуйста, сейчас я вами займусь, мистер Машин. Не возражаете, если я буду звать вас Шерман?

— Ничуть, — сказала машина. — Хотя вообще-то меня зовут Шехерезада.

— Шерман звучит достаточно похоже, — заявил доктор Махер. — Благодарю вас, сестра. Вы свободны. А вами, Шерман, я займусь буквально через минутку. Прогляжу только отчеты из Штуковинной клиники. — Доктор вновь уставился в свои бумаги и начал диктовать маленькой рецептурной машине с головкой иволги. — Да... Сублатеральное вливание доритика... Типично, типично.

Шерман сидел на пластмассовом стуле для пациентов, рассеянно глядя в окно сквозь ситцевые занавески. Он находился на верхнем этаже большого бетонного здания. Зима была долгой и одинокой. Он вспомнил, как Марсия говорила ему: «Не кажется тебе, что ты попросту загнешься от тоски?» А он ответил: «Ничего, я справлюсь».

И вот он сидел здесь, терзаемый бесконечными мрачными воспоминаниями, ожидая, когда же польется из озвучивателя мелодия. Он гадал, где она теперь, Марсия, а потом совершенно неожиданно оказался в приемной, и она тоже была там.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Меня зовут Миллисент Автомата, — ответила она.

Только тогда Ахав вспомнил, что недавно оставил Твину в городе Лу, где собирался устроить ее жизнь. А потом что-то случилось. Его внезапно куда-то забрали, причем так быстро, что он и не помнил, как это произошло; но результат был налицо: он сидел почему-то здесь, в приемной некоего невразумительного психа по имени доктор Мухер или Мохер, и разговаривал с довольно привлекательной молодой машиной женского пола, называющей себя Миллисент Автомата. Ничего удивительного, что сие обстоятельство вызвало сильное удивление у отважного молодого миростроительного и вселенносозидающего робота, очень недурного собой и весьма обаятельного.

— Где я? — спросил он.

— Потише! — шепнула Миллисент. — Говорят, это место Плящущих Зоилов.

— Бог ты мой! — воскликнула машина, вдруг вспомнившая то, о чем ей говорили когда-то: что мир как таковой может быть разделен множеством разных способов. Одним из самых надежных способов, набравшим 9,89221 очка из десяти возможных, является План Превращения Видов, который рассматривает превращения как фундаментальные строительные кирпичики Вселенной. Вся реальность, можно сказать, состоит из взаимопревращений различных форм и размеров. Одни меняются быстро, другие медленно, а некоторые, как, например, настоящее, меняются вечно. Смена вида, которую недавно претерпела машина, была не хуже других. К тому же вид ей переменили в состоянии забытья, столь удобном для экспериментального доказательства той или иной теории.

Чтобы привыкнуть ко всему этому, машине понадобилась пара мгновений. Подняв щупальце и тем самым заткнув на время Миллисент Автомате рот, машина быстренько оценила окружающий вид. У нее не осталось почти никаких сомнений в том, что вид этот несет на себе очевидную печать, поддающуюся выражению словами даже со столь широким значением, как, например, «черви» или «дубадать». В воздухе витал больничный дух, а машина Шехерезада очень боялась недееспособности, которую можно подхватить в подобных местах.

— Кто такой этот доктор Моргер? — спросила машина.

— Он хочет вам помочь.

— Но разве со мной что-то не в порядке?

— Вас обвиняют в психической мнемозии; маниакальной маскулинизации; морочении с малоприятным умыслом; маске гнома; пляске Мома — и прочих вещах с такими же чудесными названиями.

— Проклятье, этого я и боялась, — пробормотала машина Шехерезада. Ибо было очевидно, что Милли Автомата впадает в цикл смыслового расстройства, который, вероятнее всего, закрутится петлей. Ибо у нее дезориентировано не только восприятие — затронута также интуиция.

Машина изо всех сил вцепилась в собственный рассудок.

— Не оставляй меня, мой здравый смысл!

— Ну-с, что у нас тут происходит? — спросил доктор Моргер.

Машина осознала, что устроила настоящий спектакль одного актера, дергая щупальцами так конвульсивно, как не стал бы ими дергать ни один уважающий себя робот, даже наделенный богоравной властью. К счастью, она сумела не потерять лицо — этот общий знаменатель между роботами и людьми.

— Со мной все в порядке, — ответила машина. — Я просто не могу понять, зачем пришла к вам.

— А вы не приходили, — сказал доктор. — Мы получили автоматический сигнал и ответили на него.

— Ладно, можете забыть о нем.

Доктор печально покачал головой:

— Боюсь, не могу. Мы обязаны реагировать на автоматические сигналы после того, как ответим на них. Если я отпущу вас сейчас без подписи под объяснительной легендой, меня отправят в файл РС пятьдесят восемь. Мы же не хотим этого, правда?

— А почему бы и нет, черт возьми? — удивилась машина.

21. ЛУ РЕКОМБИНАНТНЫЙ, МАЖИННИ РАСПОЗНАНТНЫЙ, ТВИНА ДИССИПАНТНАЯ

Машина Шехерезада покачала головой и с досадой взглянула на часы. Да, как она и подозревала, во времени образовался провал, который она заметила, возможно, слишком поздно. И что теперь? Она стоит тут неподготовленная, в полном смятении, без сценария, а следующая сцена уже появилась вдали, приближаясь в обрамлении двух накренившихся влево горных вершин; и машина думает про себя: смогу ли я все это поправить?

Казалось, уже не успеть. Но, зажмурив глаза и сделав глубокий вдох, машина Шехерезада сумела-таки отрешиться от всего, что творилось кругом. Кто сказал, что достичь бессознательного состояния так трудно? Когда нужда припрет — по нужде и пойдешь, никуда не денешься.

Машина пыталась вспомнить самое главное: успела она уже придумать Лу или нет? Ведь очень важно знать, какое событие было первым, а какое, выражаясь нашим профессиональным языком, последующим. Просто смешно, что какая-то дурацкая первоочередность может затормозить развитие рассказа. Машина увидела перед собой большой караван верблюдов с погонщиками, выстроившихся в длинную колышущуюся очередь, ожидающих, — переминаясь с ноги на ногу, бренча разноцветной упряжью, — шанса выйти на эту сцену, чтобы не перенесли их опять в другое место, печальное место бессобытийности, где старые фразы обреченно ползут к своему концу, падая в пучину бездонного смеха, а предложения почти всегда кончаются многоточиями...

А как же Мажинни? — подумала машина. Я ведь говорила им о Мажинни? Нет? Да неужто не говорила? Так, а ну-ка пристегните покрепче свои ремни, мальчики и девочки, дамы и господа! К нам сейчас спикирует новый персонаж.

Машину окружили газетные репортеры:

— Правда ли, что ваш новый персонаж заменит Мартиндейла?

— Мартиндейл был очень добр ко мне, — сказала машина. — Жаль, однако... его не будет.

— А Герн? Его тоже не будет? Или тоже не будет жаль? Он вместе с Мартиндейлом канет в бурные воды небытия?

— О, я так не думаю, — сказала машина. — У Герна показатели получше. Могу поспорить, что вскоре он покажется и нам еще покажет, в пику кое-кому. Да, положение создалось интересное, даже, возможно, пикантное, но больше я сказать не могу.

Репортеры испарились. Появилась целая толпа зрителей с горящими глазами и в шляпах — кто в теплых пирожках, кто в круглых котелках. «Даешь следующую сцену!» — скандировали они. Щеки у машины запылали от досады. А глаза, спокойные и мягкие, подернулись слегка ядовитой пленкой обиды. И думала машина про себя: что знают эти сявки о полетах фантазии? Она продолжит свой рассказ, черт подери, когда ей заблагорассудится. И ни на йоту раньше.

22. МАЖИННИ ПРИБЫВАЕТ В ЛУ

Мажинни приземлился на Лу без труда. Маленький кораблик легко уселся на серо-зеленую траву неведомой планеты. Мажинни провел обычные тесты на пригодность для жизни и вскоре вышел из корабля на свежий воздух.

Запретный замок на Лу-IV — одно из чудес Галактики. Раскинувшийся на площади более сотни квадратных миль, замок, по сути, представляет собой целый планетарный город-призрак или же целую цивилизацию, разместившуюся под одной крышей. Вы можете совершить стандартный тур по Кольцевой дороге, опоясывающей Запретный замок и совпадающей с экватором планеты, и, останавливаясь время от времени, заглядывать в крестообразные прорези в стенах, которые ограждают город. Внутри вы увидите дразнящие своей загадочностью предметы чуждой цивилизации, давно уже исчезнувшей. И вас наверняка взбудоражит мысль о том, что в нашей прозаичной Вселенной и впрямь существует такая штука, как Запретный замок.

Запретный замок на Лу — место куда более недоступное, нежели его тезка — Запретный город — в земном Пекине.

Проникнуть за стены законным образом нет никакой возможности, ибо вход туда запрещен. Запретный замок — это смертельно опасная ловушка, простая и гениальная. Несмотря на то, что его обитатели тысячелетия назад обратились в пыль и прах,

машины замка продолжают работать, поддерживая непостижимые правила, установленные когда-то.

Того, кто сумел бы проникнуть сквозь встроенные по периметру стены защитные устройства и проникнуть в город, ожидала там богатая добыча. В замке хранилась уйма сокровищ. Их оставили там, поскольку вынести, не подвергая опасности жизнь кладоискателей и не разрушив сам город, оказалось невозможно.

Так обстояли дела не всегда. Еще недавно Чудесный замок Лу был открыт для посетителей. Но после того как восемь первых исследователей там погибли, межпланетная комиссия объявила место запретным. Никто не хотел разрушать Лу: вы же не станете уничтожать утес из-за того, что люди с него падают, или океан из-за того, что в нем тонут. Так же было и с Лу. Замок стоял себе и стоял на заброшенной планете, никого не трогая. Но люди не унимались и продолжали лезть в него.

Мажинни не был по натуре самоубийцей. Наоборот — он испытывал здоровое уважение по отношению к собственной шкуре. Но еще более здоровое уважение он испытывал к богатству. Мажинни никак не мог побороть свое простодушное желание купить все, что только можно купить за деньги. А за деньги можно купить что угодно! Мажинни считал, что это великолепно придумано. Бери чего хочешь, делай что хочешь, покупай кого хочешь — были бы денежки в кармане!

Единственная проблема с деньгами заключается в том, что их трудно раздобыть. Мажинни отдал немало времени изучению данного искусства. Это был жизнерадостный светловолосый молодой человек с неистребимыми, как сама жизнь, воровскими задатками. Никаких особых талантов за ним не водилось, если не считать способности растратить кучу денег в кратчайшие сроки. Высшие сферы преступности оставались для него закрытыми, ибо не было в нем склонностей ни к бизнесу, ни к политике. Проникнуть в более низкие сферы тоже практически не удавалось, поскольку он не обладал ни красноречием мошенника, ни ловкостью взломщика сейфов. И духу, чтобы выйти на большую дорогу, бить людей по головам и забирать у них деньги, опять-таки не хватало. В общем нрав у него был преступный, но недоставало умения и сноровки.

А кроме того... Жить бесталанному в свазилейский век было трудно. Мир чрезвычайно усложнился. Все больше и больше требований предъявлялось к каждому. Даже простейшие преступления требовали недюжинного мастерства. Обыкновенный грабеж со взломом, к примеру, стал доступен лишь профессионалам высокого класса. Вам необходимо было открыть сложнейшие замки, обнаружить и вывести из строя хитроумные системы предупреждения, справиться с устройствами, блокирующими вход для

всех, кроме персонала, и перехитрить круглосуточное наблюдение по мониторам. Даже уличное ограбление сделалось высоким искусством после изобретения защитной одежды.

И что, скажите на милость, оставалось делать улыбчивому и тихоголосому Мажинни? На его долю не осталось ни единого способа добывания денег, законного или незаконного. Ему оставалось только жить на пособие, подобно миллионам прочих, не обремененных дарованиями сограждан.

Жизнь на пособие была не такой уж плохой. Вам хватало на еду, на приличную крышу над головой, оставалось даже немножко на наркотики. И развлечениями вас не обделяли: для безработных существовали специальные бесплатные театры. Но честолюбивому молодому человеку такая жизнь была не по нутру. Еда была однообразна, крыша над головой всегда одинаковой, наркотики второсортными, а играли в бесплатных театрах исключительно Шекспира: хочешь развлекаться, не напрягая мозги, изволь денежки платить!

Вопрос, таким образом, стоял совершенно определенно: как найти способ разбогатеть, имея скромные таланты и большой аппетит?

Мажинни воспользовался бесплатной публичной библиотекой. Там он грезил наяву об индивидуальности и свободном предпринимательстве. Он читал о потерянных кладах и искусных криминальных подвигах. Он следил за подвигами Капитана Дервешателя и разорением планеты Мусуль. Затаив дыхание, он читал о знаменитом ограблении Центрального галактического банка на Омнисе-XI. Вот это преступление! Ему бы так! Но, увы, все подвиги, о которых он читал, требовали такого уровня мастерства, каким Мажинни не обладал.

И тут ему попался в руки отчет о Запретном замке на Лу.

Раз в жизни каждый из нас способен родить одну блестящую идею. Зачастую она представляет собой простое решение гложущей вас проблемы. Кто угодно мог бы изобрести первую в мире канцелярскую скрепку, первую английскую булавку и даже первую пружинную шайбу.

Подобное озарение снизошло и на Мажинни: он понял, как можно попасть на Лу, забрать бесценную добычу и вернуться, сохранив свою шкуру в целости и сохранности.

Мажинни всесторонне обдумал идею и нашел, что она хороша.

— Я убежден, — сказал он вслух, — что перехитрю строителей Лу.

Естественно, не обошлось и без сомнений. А что, если он ошибается? Тогда он погибнет в мгновение ока... а возможно, и не в мгновение, поскольку искусство убивать на Лу было развито до неприятной утонченности.

И все-таки — что же ему оставалось? Жить на пособие и провести всю жизнь в мечтаниях? Не лучше ль разве крепко ухватиться за невод опасностей, как советовал Шекспир в одной из тех пьес, что вечно ставили в Театре для неимущих?

— Я добьюсь своего! — заявил Мажинни, и так начался новый эпизод в древней истории Лу.

23. ВЗЯТКА ОТ КОРПОРАЦИИ ГРААЛЯ

В общем меня сюда вызвали, чтобы я рассказал что-нибудь про Лу. Как я понимаю, чем быстрее я приступлю, тем лучше. Но у меня такое подозрение, что рассказывать про Лу нечего. Я уже говорил об этом, и пусть даже данная экспедиция в коллективный архетипический образ Лу, присутствующий в совершенно одинаковом виде в сознании каждого человека, стала возможной благодаря взятке от корпорации Грааля, на самом деле во всем виновата манящая человека к гибели цель в конце радуги, и вы не вправе привлекать нас к ответственности, если мы не в состоянии создать то, чего там нет.

Казалось бы, это должно быть понятно всем. Разве недостаточно того, что мы говорим округлыми и красивыми фразами, украшая некоторые из них бледными прилагательными, этими первыми синтаксическими почками новой весны? Разве недостаточно того, что мы используем для нашей цели речевые фигуры? И тем не менее всегда найдется кто-то несогласный, считающий, будто этого недостаточно, утверждающий — возможно, не без оснований, — будто все ваши открытия зависят от состояния души, в котором вы пребывали, когда пустились в безнадежное исследование страны Недостижимой Цели, куда завели вас ноги. Но полно об этом. Вы ходите вокруг да около темы, которая предложена вам в качестве пустой категории; Лу — мы ходим вокруг него, а это пустое место.

Как можем мы вам поведать историю Лу, когда Лу пуст, не полон, не выполнен и не заполнен? Бедный, бедный старый Лу. Нам нечего о нем рассказать. Да, я знаю. Мажинни сидит здесь сейчас на деревянной табуретке, откинувшись назад, надвинув на глаза шляпу, подремывая под полуденным солнышком. Да, вы можете считать нас сторожем Лу, если хотите. Только не спрашивайте нас, правда ли это. Дело в том, что в замке Лу нет сторожа. Да и как он может там быть, если закон недвусмысленно отрицает возможность подобной категории, предпочитая пустую категорию той, что заполнена неверно. Вы, конечно, можете прийти к выводу, что сидим мы здесь не просто так, не без умысла и причины, и мы примем все ваши умозаключения как должное, если

только вы не станете спрашивать, что правда, а что нет и как вам следует относиться к происходящему, ведь это вы сюда пришли, и проблема отношения — ваша проблема, а не наша, ведь это вы требуете ответов на вопросы, это вы пришли сюда вместе с женщиной, а не мы, на самом-то деле!

— Думаю, он прав, — проговорил Мажинни, поскольку женщина, в которой он чуть позже опознал именно женщину, тут же вышла — вернее, бочком вылезла из полоски между тенью и светом.

— Значит, ты вернулся, — сказала она ему. Мажинни кивнул, соглашаясь с ложью, чтобы дать ей возможность сделаться правдой. — Вы только взгляните на него! — обратилась женщина к сторожу, если только тот и впрямь был сторожем. — Он изрядный воображала, верно?

— Меня это не колышет, — откликнулся сторож.

— Я смотрела на море, — сказала женщина. — На голые колышущиеся груди нашей общей великой зеленой и склизкой праматери.

— Выбирай выражения, — одернул ее сторож, правда, без особого пыла, и Мажинни внезапно почувствовал, что уже видел его раньше и все происходящее происходило с ним в предыдущем эпизоде, о котором ему не рассказали, — или же произойдет в будущем. Мажинни не мог решить, что хуже, но в данный момент это не имело значения. Сторож с любопытством разглядывал его, а потом попробовал на слух с таким откровенным вкусом, что нужно было это видеть, чтобы не поверить. — Вы можете пройти в город, — сказал сторож. — Ничто, кроме ваших собственных страхов, не задерживает вас и не заставляет пятиться взад.

— В зад, — повторила женщина, и ее мечтательная реплика тут же вызвала дурные предчувствия у Мажинни, поскольку такая возможность не была предусмотрена, и он не знал, что с ней делать.

Мажинни быстро шагнул через ворота, подчиняясь настойчивому требованию развития сюжета. Кивнув сторожу, он глуповато подмигнул женщине, неохарактеризованной и нетребовательной, которая стояла в маленькой луже проявителя, пытаясь обрести черты.

Мажинни не стал ждать, потому что видел подобные фокусы раньше. Таким образом неописанные персонажи превращались в самых что ни на есть описанных. А ему это было ни к чему. И нам с вами тоже. Вы еще здесь? Мажинни хлопнул себя по щеке, пытаясь избавиться от наваждения, и прошел через ворота на улицу Грез. Прямо рядом с ней тянулась улица Слез. Именно туда Мажинни хотел попасть меньше всего. Безлюдье отнюдь не казалось

ему залогом безопасности. Напротив, он чувствовал себя пойманным в сети чистой случайности, и это ему не нравилось.

Очутившись за стенами, он бросил мельком взгляд на материал, из которого был построен город. Стена будильников казалась особенно вместительной, но, похоже, далеко завести она его не могла. Некоторые стулья были набиты загробными воплями и обтянуты такими тканями, каких вы не забыли бы вовеки. Но Мажинни не собирался садиться на них и пачкаться этими сырыми образами из кровавого горнила души, стремящейся, вопреки всему, к саморазрушению. Нетушки, дай-ка нам, милочка, немножко ентих барочных украшеньев и не взыщи за вульгарный выговор — кому-то ж надо его сделать, а?

А затем Мажинни очутился на улице, погруженной в кромешную тьму, чья кромешность рождается из безнадежного убеждения в том, что любой зажженный нами свет все равно потухнет пред лицом всеобщего мрака и что любой, даже самый утомительный поток свернет когда-нибудь в безопасное русло клише.

Но поток продолжал нестись вперед. Мажинни обнаружил, что порет горячку. Он порол ее с оттяжкой, пока не побелело в глазах, и тогда настало время белой горячки. Потом вспыхнули световые пятна, и приспела пора для белокурой гордячки. А потом время их вышло, медная голова Роджера Бекона заговорила, свиной бекон на сковородке прошкворчал свое сальное словцо, кривая эрудиция выиграла у всех еще один раунд, и пришла пора искать другое действующее лицо.

Пустое место, говорите? Мажинни, однако, не отчаялся пока найти кого-нибудь, кто разделил бы его одиночество.

24. РОССКАЗНИ ПРО ЛУ

Итак, он снова принялся за россказни про Лу, не оставляя попыток покончить со своим одиночеством, если не подлинными, так поддельными средствами, если не воображением, так воображением. Мажинни шагал вперед, захлестнутый имажинистской волной оптимизма, похожей на дуновение зефира, как если бы кто-то с далекого, благоухающего духами берега послал ему воздушный поцелуй. Каменистые улицы устремлялись вниз, после чего стремительно поворачивали кверху, точно контуры местности никак не могли определить, какими им следует стать, и то горбатились пригорками, то съезжали с них под уклон. Мажинни ничего не оставалось, как следовать их прихотям. Он начал уже усваивать горький жизненный урок: что все в конце концов уляжется в стремлении к ленивой дремоте.

А потом появилась женщина. Но не та, что заговорила с ним у входа в Лу, возникнув вместе с человеком, которого Мажинни называл, по крайней мере про себя, сторожем. У этой были четко вылепленные черты и тонкий носик, колебавшийся на грани орлиности, — черта, особенно ценимая теми, кто считает себя знатоком в данной области.

— Это ты! — сказал Мажинни.

— Простите? — не поняла женщина.

— Я хочу сказать — это вы? — поправился Мажинни. — Нет, я неправильно выразился. Я хочу спросить: не вы ли та, чье появление в моей жизни было предсказано давным-давно; та, что жила когда-то со мной в чудесном будущем, о котором теперь лучше не вспоминать?

— Нет, я не та, — ответила женщина. Но что-то в речи Мажинни, должно быть, тронуло ее, потому что она добавила: — Меня зовут Магда, и я танцевала для развлечения публики в барах с сомнительной репутацией, оставаясь при этом нетронутой.

— Я мог бы и сам догадаться, — сказал Мажинни. — Послушайте, как по-вашему, можем мы выпить здесь где-нибудь по стаканчику?

— По-моему, можем, — сказала Магда. — Пойдемте со мной в Бар Безнадегос, на улицу Пропавших Людей.

Мажинни поднял воротник плаща, защищаясь от внезапного ветра, налетевшего ниоткуда. Газеты заплясали в пыльных смерчах, которые подымались над мостовой, которая тянулась в бесконечность до самой кромки блестящего моря. Именно там Мажинни и очутился — под чахлой пальмой, в тени недостроенного небоскреба. Задник был замалеван белой краской, поскольку так полагалось по сценарию. Дверь в форме крыльев летучей мыши распахнулась, и оттуда вылетела Возможность, выкинутая увесистым пинком под задницу.

— И больше сюда не возвращайся! — заявила ей старая ведьма. После чего, обратившись к Мартиндейлу, спросила: — Что будете заказывать?

Внутри было сумрачно, клубы сигаретного дыма свивались в канцерогенные кольца, а сигареты дымились во ртах у трупов. И Мажинни услышал последние отзвуки последних песен и понял, что вся эта фальшивка вскоре провалится в тартарары, пренебрегая вашими желаниями, даже если вы захотите что-то остановить и скажете: вот, это важно.

— Каким ветром вас занесло в наши края? — спросил у Мажинни моряцкого вида человек с попугаем на плече.

Мажинни обнаружил, что сжимает в руках стаканчик рома. Он уставился на попугайного человека. Черты его были сырыми и лишенными той человеческой определенности, что делает боль-

шинство из нас нежеланными гостями в предложениях, продолжающихся до тех пор, пока коров не пригонят домой ясным летним вечерком в пригороде Нью-Йорка, и с какой это стати я буду тебе врать, мы все тут ждем тебя: и Эйб, и Бесс, и Барни, и Сьюзен — все мы тут...

Мажинни отступил было, но тут же оказался в зоне небрежения. В горле у него как-то странно запершило. Он не мог сказать, что произойдет дальше. Все это зашло немножко далеко. Но поток продолжал нестись вперед, и воображение, которое старалось направить его в надлежащее русло, подсказывало: сверни, пожалуйста, вот сюда, выйди вон из салуна, там нет ничего хорошего, переходи сюда, у нас тут для тебя подготовлены другие сцены. Мажинни перешел — и был представлен артистам. Пришла наконец их пора, ибо они давно уже пытались выйти на сцену Лу.

Там была балерина в пачке, фермер с вилами, полицейский с пистолетом и лесоруб с топором. Часть нашей старой знакомой компании. Люди узнали их и начали перешептываться:

— Это же часть нашей старой знакомой компании! Похоже, сейчас начнется огульное перепредставление!

Мажинни не знал, как ему поступить. Женщина, бывшая с ним, заколебалась, а потом исчезла, как только вперед выплыла балерина с гладко зачесанными на макушку волосами и деликатными балетными выражениями, украшавшими ее простую деревенскую речь.

— Пойдем с нами, Мажинни, — проворковала она, просовывая свою изогнутую ручку под его угловатый локоть. — Пойдем с нами, и ты станешь одним из нас, и проведешь всю жизнь в моих объятиях, поскольку я сама повешусь тебе на шею.

— Ладно, вешайся, — разрешил Мажинни. — А куда мы пойдем?

— Не задавай глупых вопросов, — сказала балерина. — Это экзистенциальный момент. Мы пытаемся вовлечь тебя в сюжетный заговор.

— Какой еще заговор?

— Мажинни! — сказал, появившись, высокий учтивый мужчина. — Мы взбунтовались против машины Шехерезады.

— А что вы делаете здесь, в Лу?

— Против нас ни одно место не устоит, — сказал полицейский. — Мы представляем дух противоречия. Мы та самая оппозиция, что лучше загнется, чем угомонится.

Мажинни мигом смекнул, что влип в большие неприятности. Как бы ни был он простодушен, но условия, на которых его взяли на роль, были ясны даже ему. «Просто подыгрывайте по ходу дела, — сказали ему в Центральной режиссерской. — И все будет отлично». Много же они понимают!

25. ЛУ: ЕДИНСТВЕННОЕ РУЖЬЕ СТРЕЛЯЕТ ВНЕЗАПНО И С ТРЕСКОМ

Временное прекращение реальности — если это была реальность, а не жалкое подобие судьбы, — длилось не более мига.

Ружье?

Пуля рикошетом отскочила от большого куска разноцветного кварца, возле которого стоял Мажинни. Реакция Мажинни запоздала почти на полсекунды, зато потом ударила его со всего размаху. Он искусно сымитировал человека, вздернувшего себя целиком и бросившего под защиту гранитной могильной плиты.

Два следующих выстрела прочертили в граните глубокие борозды и начисто срезали нос каменному ангелу, валявшемуся неподалеку в статуарном состоянии.

— Эй! — крикнул Мажинни. — Не стреляйте! У меня мирные намерения!

— А у меня нет, — глухо отозвался человеческий голос, и снова загремели выстрелы, — а если и не загремели, то, во всяком случае, создали эффектную акустическую иллюзию, потрясшую тихий и древний город, который был уже стар, когда время еще только раздумывало, когда же начать считать очки в этой игре с косточками, называемой долговой ямой или допотопной явью.

— Это смешно, — сказал сам себе Мажинни.

Он знал, что абсолютно прав. Но его правота ничуть не умаляла опасности положения.

Глянув вверх, он увидел на небе два солнца. Одно было крупное, жирное и желтое, вдвое больше родного земного солнышка, а другое напоминало громадную черную точку, типа вырытой экскаватором ямы, только гораздо более глубокую.

— По-прежнему два солнца, — сказал Герн. — И дождь никогда не идет — он хлещет.

И словно в ответ на его заявление, из земли забила вода. Она сочилась из множества мелких побегов и стволов, пузырилась над гранатами, фонтанировала из глубоких расколов и прорех во множестве областей, и казалось, будто весь мир залит дождем, падающим вверх тормашками на один из тех дней, когда вы его совсем не ждали, закоснев в безмятежной привычности.

Грянул еще один выстрел. Все это было бы смешно, подумал Мажинни, когда бы не было так страшно.

— Что, извините? — спросил его кто-то.

— Я просто думал про себя, — ответил Мажинни.

— Прошу прощения.

Грянул еще один выстрел. На сей раз Мажинни показалось, что прозвучал он ближе, чем предыдущий.

— Прекратите! — крикнул Мажинни. — Иначе вы вынудите меня открыть ответный огонь.

— Ну и? — осведомился противник.

— Ну и, когда я выстрелю, а это будет очень скоро, вам не поздоровится, — заявил Мажинни и громко прочистил горло, издав сухой металлический звук, как нельзя более соответствовавший металлическому привкусу во рту.

— Ха! — крикнул противник. — У вас нет оружия!

— Вы уверены? — поинтересовался Мажинни.

— Нету, нету!

— Возможно. Хотите проверить, поставив на кон свою жизнь?

Голос сделал паузу, потом заявил:

— Если у вас действительно есть оружие, тогда мы можем начать приговоры.

— У меня действительно есть оружие, — сказал Мажинни.

— Так покажите мне его. Поднимите над головой.

— Вы попытаетесь выбить у меня его выстрелом.

— Я не сумел попасть в вас — как я выбью у вас ружье с такой-то дистанции.

— А вдруг вам повезет? — предположил Мажинни.

— Я не верю, что у вас есть оружие, и я пойду сейчас на вас в атаку, вопя и стреляя на ходу, пока вы не поднимете свое ружье или его эквивалент над головой, чтобы показать, что оно у вас есть. Тогда мы сможем начать приговоры. Я обещаю, что не стану стрелять в вас или ваше ружье. Мне просто нужно удостовериться, что вы вооружены.

— Я вооружен, — сказал Мажинни, — но я не могу поднять свое оружие над головой.

— Почему?

— Лафет прикреплен к дверному углу.

— Вы хотите сказать, что у вас там гаубица, или мортира, или что-то в этом роде?

— Выводы делайте сами, — сказал Мажинни.

Наступила короткая тишина.

— Ладно, — отозвался наконец противник, — я объясню вам, как освободить лафет.

— Я не нуждаюсь в ваших советах, — заявил Мажинни.

— Делайте, как я говорю. Вы знаете, где находится винтовой элеватор прицела?

— У меня такого нет, — сказал Мажинни.

— Потому что у вас нет никакой гаубицы!

— Я и не говорил, что она у меня есть, — возразил Мажинни. — Я сказал, что у меня есть ружье.

— А при чем тут лафет, если у вас ружье?

— Разве я сказал «лафет»? Я имел в виду приклад.

— Значит, вы можете показать мне накладку приклада!

— Пожалуй, могу, — согласился Мажинни. На минуту ему показалось, что противник его поймал. Потом, подумав как следует, Мажинни стянул с себя пиджак, свернул его в трубку и поднял над головой.

— Что это было? — крикнул противник.

— Вы же у нас эксперт по оружию! — сказал Мажинни. — Вот и догадайтесь.

— Похоже на один из этих новомодных мягких пулеметов, стреляющих желатиновыми пулями.

— Вам виднее, — сказал Мажинни. — Слушайте, давайте лучше начнем приговоры!

— Что ж, наверное, это лучше, чем торчать здесь целый день, стреляя друг в дружку. Вы выйдете первым, а потом выйду я.

— Там, откуда я родом, так не принято, — возразил Мажинни. — Сначала мы сложим оружие, а потом выйдем, причем одновременно.

— У вас так принято? Там, откуда вы родом, да? — усомнился голос.

— Если приговоры серьезные, то да.

— Ладно!

Мажинни заметил, как из-за большого валуна вылетело ружье. Потом человек на мгновение высунул голову и тут же нырнул обратно.

— Теперь ваша очередь, — велел противник.

Мажинни кинул свой свернутый в трубку пиджак, выглянул из-за плиты и тоже спрятался.

— А дальше что? — спросил противник.

— Что вы имеете в виду?

— Что делают дальше там, откуда вы родом?

— Дальше они одновременно выходят из-за камней, на счет «три», с высоко поднятыми руками.

— Сколько рук поднимать?

— Две, конечно. Вы готовы?

— Ага, готов.

Мажинни глубоко вздохнул и вышел из-за каменной плиты. Почти в тот же самый миг ярдах в двадцати от него из-за валуна шагнул человек.

Противники воззрились друг на друга, напряженно застыв, готовые в любую минуту юркнуть обратно в укрытие. Затем, увидев, что ни один из них не стреляет, оба слегка расслабились и начали осторожно приближаться друг к другу.

Человек, которого увидел Мажинни, был крупным и рыжим, с грубым ирландским лицом, обрамленным голубыми полями кокетливой женской шляпки.

Человек в женской шляпке увидел человека средних лет, довольно полного, с покатыми сутулыми плечами.

— Пора начинать приговоры, — сказал рыжий. — Между прочим, меня зовут Герн.

— Рад познакомиться. А меня — Мажинни.

Они продолжали осторожно сближаться, то и дело останавливаясь, чтобы оглядеть окрестности, а потом снова сближаясь, на сей раз без остановок, пока не оказались в паре футов друг от друга.

— А теперь скажите мне правду, — попросил Герн. — Было у вас оружие или нет?

— Простите, но этого я вам сказать не могу.

— Я думаю, вы мне солгали.

— Ваше утверждение голословно, — заметил Мажинни.

Герн подошел к могильной плите и пнул башмаком пиджак.

— Это пиджак, — заявил он, — а вовсе не ружье.

— Смотря как им пользоваться, — сказал Мажинни. — Там, откуда я родом, пиджак в руках умельца может стать смертельно опасным оружием.

— Мне по-прежнему сдается, что вы меня обманули. Но я, разумеется, тоже вас обманул.

— Как обманули?

— Ну, когда вы велели поднять над головой обе руки, вы, конечно же, не могли знать...

Тут из-за спины у Герна появилась третья рука. В ней блестел большой сизо-стальной автоматический пистолет.

— Дело в том, — сказал Герн, — что я, как и вся моя раса, трехрукий. Вы не поверите, как удобно порой иметь под рукой третью руку.

— А как насчет приговоров? — спросил Мажинни.

— Это обязательно, — заверил его Герн. — Но правила теперь будут такие: я говорю, а вы слушаете и подчиняетесь приказам. Так у нас принято — там, откуда я родом.

— Что ж, вполне логично, — вздохнул Мажинни. Впервые за весь день хоть что-то показалось ему логичным.

26. ГЕРН И МАЖИННИ

— Ну, теперь удобно, правда? — спросил Герн.

— Пожалуй, — ответил Мажинни.

Он осторожно поерзал. Герн усадил его на круглый камень в задней части разрушенного мраморного здания где-то в центре Лу. Мажинни не понимал, к чему все это. Но у Герна был сизо-стальной пистолет, и он все время держал его под рукой — то по-

ложит рядышком на пень, то на каменную полку. А до того он связал Мажинни руки, обмотав другой конец веревки вокруг колонны, торчавшей из разбитой мраморной плиты. Сидеть было не так уж неудобно, хотя и не очень-то приятно.

— А теперь что делать будем? — спросил Мажинни.

— Будем ждать.

— Чего ждать? Или кого?

— Не ломайте попусту голову. Там увидите.

И Герн, мурлыкая себе под нос, принялся наводить порядок в мраморной комнате. На полу валялась уйма мраморных осколков. Герн вымел их маленькой швабкой. Мажинни не видел, откуда взялась эта маленькая швабка. Он хотел было спросить, но потом подумал, что это неважно.

— Откуда вы взяли эту маленькую швабку? — спросил он Герна, внезапно передумав.

— Не спрашивайте, это неважно, — ответил Герн.

— Я так и думал.

Комната была похожа на пещеру, каменную, глубокую и холодную. Мажинни заметил, что солнце уже клонится к закату. Он видел это сквозь громадную глыбу мрамора. Мажинни хотелось пожаловаться, однако он сдержался, решив, что от него ждут чего-то получше.

— Через некоторое время снаружи раздался звук. Не очень-то и громкий. Сначала. Но потом, по мере уменьшения мелодичности, амплитуда звука увеличивалась, и вскоре его уже можно было назвать настоящим ревом, какой вполне бы мог вырваться из глотки гнома, будь у него мегафон.

Герн раздраженно подошел к окну и выглянул. Лицо его озарилось маниакальным блеском, вспыхнувшим в глазах.

— Вы не поверите! — воскликнул он.

— А вы все-таки попробуйте, — посоветовал ему Мажинни.

— Дружище, у меня для вас хорошие новости. В городе цирк! Сплошной цирк, ей-богу!

27. ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Итак, вот он перед нами, Мажинни, только что прошедший через ворота мимо сторожа или, возможно, стражника вместе — или они не вместе? — с довольно эфемерной женщиной, встреченной им несколькими строчками ранее. Появится ли эта женщина снова или нет? Имеет ли это значение?

Мажинни на наших глазах заходит в сектор неопределенности, где вещи имеют не только право выбора, но и обязанность одновременно быть и не быть. Небытие гораздо спокойнее для

глаза, и цвета его так приятны на вкус, что их надо попробовать,чтобы увидеть. Небытие предполагает также непостроение, то есть такой метод композиции, при котором основной нажим делается на заранее оформленных героев и членов их семейств. Бытие и небытие, однако, пользуются общей терминологией и падежными окончаниями, поэтому отныне мы будем обращаться к любому из них, на свой вкус, и в любых выражениях, какие придутся нам по вкусу, и мы надеемся, что вас достаточно нас понимает, чтобы мы могли продолжать закручивать нашу жареную утку.

Итак, перед нами Мажинни, который идет по неописанию города. В этом секторе он в основном состоит из мощных питающих проводов, хотя чуть позже они превращаются в тающие проводы, а затем в слабый дождик и изморось. Мажинни сделал вид, будто не расслышал наших слов. Он искал описание. К сожалению, такового здесь не было на много миль вокруг, поэтому Мажинни пришлось его подделать. Он начал с городских стен, придав им цвет и форму, а также, пока никто не видит, некоторую эластичность. Затем приступил к воротам. Их было два вида — проходные и непроходные, а последние, в свою очередь, делились на абсолютно непроходные и относительно. Различить их тем не менее было трудно, если у вас не было при себе описания их плюмажа — или я хотел сказать плюрализма?

Мажинни шагал осторожно, ибо почва тут была несколько зыбкой, как и все остальное. Она то и дело превращалась в вазы или в силуэты женщин с ротогравюрными профилями, что само по себе выглядело совсем недурно. Потом на пути его оказались ряды говорящих статуй, и тут Мажинни почувствовал себя почти как дома, потому что его самого вырастила говорящая статуя в какой-то вонючей дыре, где прошло его детство. Статуи наговорили ему ласковых и утешительных слов, а потом спели песенку о маленьких серых кошечках, дрейфующих по морю мармелада, и Мажинни сразу вспомнил, что слыхал эту песенку прежде, хотя бог знает где и когда. Он пошел дальше, и другие аспекты Лу стали появляться в ретроспективе. Некоторые из них походили на длинные скрученные серые кошмы, а другие кичились яркой помадой на хромированных розовых бедрах. Мажинни избегал их, поскольку тот путь вел к безумию, в то время как он шагал к нормальности вечной с большим призом в конце.

Предположим, что так оно и есть, но Мажинни необходимо с кем-то поговорить. Однако поначалу говорить ему не с кем. Поэтому он просто шагает вперед, применяя всякие предметы. Он видит консервные банки на обочинах. Он видит зеленые бутылки, лежащие в пруду. Там же лежат несколько трупов, и выглядят они так, будто миллион лет тому назад здорово повеселились.

Мажинни не позволил себе углубляться в размышления. Он прошел вперед, минуя парочку деталей, не имеющих особого значения для рассказа, после чего миновал третью, которая в дальнейшем сыграет, быть может, важнейшую роль. Детали были стандартные, и Мажинни не хотелось на них останавливаться. Чуть просветлело, хотя и не потеплело у него на душе лишь от песни — баллады о невозможной любви, исполняемой юношами из поколения в поколение.

Юноши были похожи на апострофы, по крайней мере некоторые из них, с гладкой шерстью и острыми крюками вместо зубов.

А потом опять появилась она — женщина из заснеженного параграфа далекой синтаксической страны. Была она миниатюрна и прелестна, разве что немного молчалива, и держала морской биоптер в узких ладонях.

— Послушайте, — сказал Мажинни, — с меня довольно этой символической дребедени! Нам нужно сейчас что-нибудь хорошее и конкретное или даже плохое и конкретное, но хоть что-нибудь — надеюсь, течение моих мыслей вам понятно?

Женщина улыбнулась загадочно своим внутренним переживаниям, известным лишь ей одной и чудовищному ребенку, который не появился еще в нашем повествовании, поскольку мы с самого начала всеми силами старались этого не допустить. И так он добился успеха!

И так он добился успеха! Мажинни обернулся и с нежностью посмотрел на древний Лу, внушительный, но не такой уж неприступный.

— До свидания, старый чуждый город, — сказал Мажинни. — Ты был ко мне добр, и я хочу, чтоб ты знал, как я тебе благодарен. Я же не взял слишком много, дружище, только все, что смог унести. Ты ведь не станешь жалеть об этих безделушках, правда? Знаешь, когда я продам их, то закажу диораму и выставлю ее на всеобщее обозрение. Люди будут говорить о тебе по всей Терре — и обо мне, конечно, тоже.

С этими словами Мажинни отвернулся от города и шагнул в свой космический корабль. Люк моментально с лязгом захлопнулся за ним.

— Эй! — воскликнул Мажинни.

Внутри корабля все переменилось...

Никто не знает своей судьбы. Мажинни считал себя простым воришкой. На самом деле он невольно стал исследователем, ценой своей жизни расширившим наши познания об изобретательности чужих цивилизаций.

Если вы отправитесь в туристическое путешествие на Лу, то увидите там Выставку Мажинни — диораму в натуральную величину. Вы войдете и, даже зная, что все это иллюзия, неожиданно окажетесь далеко-далеко от Лу: вы готовы будете поклясться, что стоите сейчас прямо перед входным люком своего космического корабля... в то время как на самом деле вы стоите перед замаскированным входом в самую жуткую камеру пыток на Лу.

Поддельные цветы манят к себе пчел, как земля — поддельные космические корабли. И все-таки в это трудно поверить, даже если вы знаете об иллюзии. Нельзя винить Мажинни за то, что он попался в ловушку. Возможно, под конец он это понял. Возможно, это послужило ему хотя бы слабым утешением.

История вторая

ГОРОД МЕРТВЫХ[1]

Мы летим по улицам Города Мертвых — призрак за призраком, огибая все углы, выказывая уважение к монолитности зданий, хотя, конечно, могли бы свободно проникать сквозь стены. Это документальный рассказ о преисподней. Без комментариев. Без дикторского текста. Город Мертвых — ад, Аид достаточно абстрактен, и вряд ли мы ухудшаем ситуацию, пролетая сквозь стены, такие твердые с виду.

Удивительное чувство — лететь по этим улицам! Классическое местечко: большинство зданий построено из белого мрамора, повсюду колонны — словно мы оказались в Афинах лет за четыреста до нашей эры. Но улицы абсолютно пусты, никакого движения. Город Мертвых — действительно мертвый город, несмотря на то что его жители пытаются найти себе хоть какое-то развлечение.

А что еще делать мертвым, как не развлекаться? Чем занять себя — вот извечная проблема обитателей Аида. Для чего смерть вообще? Ради чего все это? Такого рода вопросы одолевают любого человека, однажды обнаруживающего, что он уже умер. Естественно, первое, что он делает в такой ситуации, — это пытается как-то освоиться: о'кей, я умер. Сподобился. А дальше что? Ждать наказания? О'кей. Но за что? За мои грехи? А за какие именно? А может, их разрешат искупить? А как обычно здесь это делается? Или тут к каждому индивидуальный подход? Но если уж все это навечно, может, просто расслабиться — раз и навсегда?

[1] The City of Dead. © 1995 by Robert Sheckley.

Но самый главный вопрос — сколько все же это на самом деле будет продолжаться? Большинство успокаивается на ответе: «Вечность». Но если вы начнете их расспрашивать подробнее, окажется, что они имеют в виду нечто прямо противоположное. Для начала вас заставят поверить, что преисподняя — это только временно, а за ней обязательно будет что-то еще. Может, это единственный способ заставить вас задуматься над своей собственной жизнью. Ты же как-то собираешься ее строить. Или по крайней мере так думаешь.

— А кстати, — сказал я, — не съешь ли ты это гранатовое зернышко?

Я был Гадесом — высоким крепко сбитым брюнетом, с черной аккуратно подстриженной бородой. У меня довольно-таки пиратский вид, но я слишком мягок по натуре, чтобы взбунтоваться против своей вызывающей внешности и как-то попытаться изменить ее. Похищение Персефоны — единственный в моей жизни поступок, который соответствует моей внешности. Да и то я это сделал чисто импульсивно, под влиянием момента: только что она, окруженная подругами, собирала цветы, а я проезжал мимо на золотой колеснице, запряженной четверкой вороных, как уже в следующую секунду она была в моих объятиях. Она, а вместе с ней адская пропасть разных забот.

Персефона была, конечно же, прекрасна. Ее светло-русые волосы ниспадали до самой талии, а линия носа была безупречно классически греческой: идеально прямой нос, переходящий в лоб.

Все это было тогда. А теперь — есть теперь, шесть месяцев спустя. Мы с ней сидим на тенистом холме на берегу Стикса, в том месте, где Харон обычно ставит на прикол свой плавучий дом.

Она посмотрела на два гранатовых зернышка, которые я ей протянул, и спросила:

— Ведь ты же не пытаешься устроить мне какой-то подвох?

— Нет, — ответил я, — я вообще не из обманщиков. В их игры я не играю. В Аиде у нас свои методы. Мы всегда действуем прямо и открыто, как тогда, когда я похитил тебя. Помнишь тот день?

— Даже слишком хорошо, — ответила она. — Я собирала с подругами цветы, как вдруг появился ты на своей золотой колеснице, запряженной черными лошадьми. И сам ты был весь в черном.

— И я откинул плащ за плечо, чтобы не мешал, обнял тебя за талию и одной рукой поднял в колесницу.

— А девчонки только стояли и визжали, — вспоминала Персефона. — И когда матушка узнала об этом, она просто не знала, что делать...

— Она чересчур хорошо знала, что делать, — вздохнул я, — ибо все это было предсказано задолго до того, как случилось: я

должен был увидеть тебя среди прочих нимф и влюбиться без памяти. Но полюбил я тогда в первый раз в своей жизни. В этом я совсем не похож на Посейдона, Аполлона и других богов: они-то всегда, влюбившись, клянутся, что это у них на века, но стоит только на следующий день промелькнуть краю новой юбки, как они начисто забывают о прежних клятвах. Но я — царь Смерти и полюбить могу только один раз. Раз и навсегда.

— Бедный Гадес, — вздохнула Персефона. — Тебе будет очень одиноко без меня?

— У меня останутся воспоминания о тех чудесных шести месяцах, что мы провели вместе, о том, как я был счастлив, когда ты сидела рядом со мной на троне. Я и сейчас бесконечно счастлив, что ты — моя царица преисподней.

— А мне понравилось быть царицей Аида. В этом есть что-то особенное. То есть подземное царство не похоже ни на одно царство на земле: здесь остается только то, что уже использовано и поэтому утихомирилось, а значит, его легко держать в руках.

— Аид — царство осознания, — сказал я. — На земле, там, где живете вы, вам не хватает времени, чтобы проникнуть в суть вещей. Здесь у каждого на это есть столько времени, сколько ему необходимо. К тому же здесь нечего бояться — ведь мы уже мертвы, и не о чем беспокоиться — ведь каким-то непостижимым образом мы продолжаем жить.

— Вот только вечера здесь слишком долгие, — пожаловалась Персефона. — У меня только в детстве были такие длинные вечера: казалось, они растягивались до бесконечности, и солнце еле-еле, нехотя ползло к закату. Но вот солнца здесь нет. Слабый сумрак склепа, изредка прерываемый тьмой, а солнца — нет. Я потеряла солнце.

Я кивнул:

— Да, солнца у нас нет. Но нам светит луна и еще факелы.

— Они бросают такие длинные тени, что я, пожалуй, боялась бы их. Если бы в Аиде было чего бояться.

— О нет, — сказал я. — Худшее уже произошло, и еще хуже не будет. Так ты съешь мое гранатовое зернышко?

Она взяла одно из двух зернышек с моей ладони и положила на свою — узкую и белую.

— А почему ты так хочешь, чтобы я его съела? В этом какой-то подвох?

— Да, — ответил я. — У меня нет от тебя секретов. В этом есть подвох.

— Так что же случится, если я его съем?

— Это сохранит мои права на тебя, когда ты возвратишься к живым. И это будет гарантией, что ты вернешься ко мне, в преисподнюю.

— Вернусь к тебе? — переспросила она. — Но ведь я в любом случае собиралась вернуться.

Я покачал головой:

— Ты сама не знаешь, как обернется, когда ты поднимешься отсюда в светлый верхний мир и вдохнешь его воздух. И когда ты снова полностью почувствуешь себя живой, ты забудешь обо мне. И будешь удивляться, как тебе могло нравиться это мрачное место с его угрюмыми садами и рекой забвения, по которой плывут бесчисленные души умерших, и лишь плакучие ивы тихо шелестят им вслед. И ты скажешь себе: «Да он просто околдовал меня, приворожил. Ни один человек, будучи в здравом рассудке, не отправится добровольно проводить отпуск в аду!»

Она улыбнулась и коснулась моей руки:

— Может, ты и приворожил меня. Но здесь, в Аиде, мне хорошо.

— Тогда съешь это гранатовое зернышко.

Она сидела не двигаясь, и мысли ее блуждали где-то далеко. Наконец она сказала:

— Да, Ахиллес и Елена пригласили нас сегодня на обед. Принеси им мои извинения.

Мы отключились от Гадеса и Персефоны и, оставив речной берег, направились по зеленым холмистым лугам, украшенным деревьями, подстриженными в форме различных скульптур, что делало местность похожей не то на кладбище, не то на французский парк, — к Чертогу смерти. Издалека он выглядит как небольшой городок, потому что Чертог — это архитектурный ансамбль из множества маленьких дворцов. И хотя некоторые из них имеют до дюжины этажей, все они сгрудились в кучу: маленькие дворцы являются частью ансамбля больших дворцов, а дворцовые ансамбли объединяются в общий комплекс Города Мертвых. Крыши, купола всех форм и размеров: сферические и квадратные, со шпилями и без. Все здания связаны между собой на разных уровнях узенькими дорожками. Вы можете из окна выйти прямо на перекресток, или подняться на верхний этаж, или же по узенькому карнизу перейти в соседний дворец.

Город Мертвых озарен светом, похожим на лунный или же на последний отблеск заката, пробивающийся зимним вечером сквозь тяжелые тучи. Здесь нет ни дня, ни ночи. В Городе Мертвых всегда час сумерек, растянувшийся на вечность.

Занятий здесь не так уж много. Но если вам смертельно скучно, можно поглазеть из окна на других жителей, выходящих из своих окон и гуляющих по карнизам из конца в конец города. Здесь везде натянуты провода, связывающие абсолютно все со всем, чем возможно, и кое-кто использует их, чтобы сократить дорогу. И здесь и там — высоко над городом на цыпочках скользят канатоходцы. Впрочем, это у них получается весьма неуклю-

же: далеко не у всех мертвых (как и далеко не у всех живых) есть акробатические способности. Но они бесстрашно шагают по карнизам и проводам и абсолютно не боятся упасть. Когда вы срываетесь с карниза в Городе Мертвых, то падаете медленно-медленно, парите, словно тень. Даже если вам случится по дороге удариться об один-два карниза, задеть какую-нибудь горгулью, напороться на острый выступ крыши — это все не страшно. Вам уже ничто не повредит — вы и так мертвы. Вы даже боли не можете почувствовать. Боль здесь заповедана, потому что заповедано удовольствие. Что едва ли не одно и то же.

Где нет удовольствия — нет и боли. Кто-то, может, посчитал бы это честной сделкой. Но только не мертвые из Города Мертвых. Лишенные возможности мучить себя, они впадают в смертельную скуку, которая для них мучительнее во сто крат. В Аиде есть люди, которые каждый вечер перерезают себе горло. Но это ничего им не дает. Это всего лишь жест. Когда у вас больше ничего не осталось, то все, что у вас есть в Аиде, — только жесты. Поэтому они приобретают здесь огромное значение. Кто-то делает болезненный жест и перерезает себе горло, а кто-то отправляется в гости по проводам и карнизам. Может, вы думаете, что ходить в гости — удовольствие? Только не в преисподней. О, жители подземного царства не презирают жестов. После смерти жесты — это все, что вам остается.

Мы резко взмываем к дверному проему, мчимся по коридору, проскальзываем еще в одну дверь, повторяем эту операцию несколько раз подряд и, наконец, останавливаемся в огромной комнате. Здесь на стуле со спинкой в виде лиры сидит Ахиллес. Мы знаем, что это он, так как на его спине прикреплена бронзовая табличка с надписью: «Ахиллес».

В преисподней возможность мгновенной идентификации вызвана необходимостью. Здесь крайне неодобрительно смотрят на любые недоразумения. Правда, мертвым достаточно того, что они сами мертвы, и их как-то мало волнует, кто еще мертв рядом с ними. Так что система табличек создана отнюдь не для удобства местных жителей. Это сделано для удобства нашей будущей аудитории, для которой мы и снимаем фильмы, — для людей, которые в любом случае вернутся в прошлое, чтобы поглядеть на обитателей этого мира или построить их образные конструкции в компьютере, в котором можно построить все, что только можно вообразить. И, заглянув еще дальше, мы можем прозреть время, когда вторичные и третичные образы, достаточно отошедшие от своего прообраза, основываясь на версиях различных авторов, смогут создать новое поколение героев. Но так как создателей множество и каждый из них обладает своим уникальным видением, то единственно возможный путь создать синтезированный, но все же узнаваемый образ — это всех идентифицировать.

В реальном мире люди очень редко просто так сидят на стуле — не читая, не смотря телевизор и даже ни о чем не думая. Но здесь у нас не реалистический рассказ, изобилующий бытовыми подробностями, которые так любят некоторые читатели. К сожалению, данные о размерах доходов главного героя, объектах его любви и ненависти, а также генеалогическое древо в трех поколениях просто-напросто утеряны.

Так что Ахиллеса мы застали за тем, что он просто сидел, и все. Проблема ничегонеделания — одна из важнейших в Аиде. Да, пожалуй, единственная, которая стоит того, чтобы на нее тратить время, тем более что решения все равно не найти. Но Ахиллес, похоже, не терзался даже этой проблемой. Он просто сидел на стуле, уставившись в пустоту.

Справа появилась Елена Троянская.

Было бы большой ошибкой попытаться описать или хотя бы сфотографировать столь известную личность, как единственная и неповторимая Елена из Трои. Ее черты невоплотимы, они существуют лишь в мире фантазии, где постоянно творятся из грез множества людей, когда-либо мечтавших о Елене Прекрасной. Компьютер же ограничивается основным набором данных, так сказать, квинтэссенцией грез, и, так как мы пользуемся далеко не полным набором мечтаний о Елене, ее репродуцированный образ слегка расплывается вокруг носа. Поэтому я склонен считать, что главную деталь мы поймали достаточно точно. Что касается остального — достаточно будет сказать, что она — дама приятная во всех отношениях, причем с точки зрения любого, кто на нее в данную минуту смотрит. К тому же она так величественно несет свою опознавательную бронзовую табличку, что по одной походке можно сказать — вот идет Елена Троянская! А значит, это она и есть. На ней простая туника, сшитая из шелковой двусмысленности, и вокруг головы ее волнами лежит золотой обман.

— Привет, Ахиллес, — заговорила Елена. — Я только что с рынка. Мальчик, у меня есть что тебе рассказать!

Пока Елена не заговорила, Ахиллес продолжал молча пялиться в пустоту, не обращая ни малейшего внимания на свою легендарную жену, но тут он повернул голову:

— Как ты могла хоть что-то услышать? Здесь днем с огнем не найдешь ни одной свежей новости. Что вообще может произойти в преисподней нового? Хоть когда-нибудь? Только мнения — вот и все, что здесь можно услышать. Так что такого особенного ты могла найти на рынке? Уж не то ли, что философы в очередной раз высказались в пользу возможности или, наоборот, невозможности существования этого места? Откровенно говоря, этот вопрос меня абсолютно не волнует. Существует это место или нет — мне-то что? Но даже если кто-то нашел в этом всем какой-то смысл — это едва ли можно назвать новостями.

— Заткни фонтан, — перебила его Елена, — сейчас не твой выход. Вопреки всем твоим умопостроениям я раздобыла самые настоящие, реальные и неоспоримые новости. Свеженькие, с пылу, с жару. И это дает мне право не только рассказать их, но и расцветить, как захочется, используя при этом необычные эпитеты и невероятные сравнения. Стоит ли подавать факты напрямую, не пытаясь скрыть их за ширмами недомолвок, когда перед тобой во всей несокрушимости принцип Гейзенберга?

— Если ты принесла новости, — мрачно сказал Ахиллес, — то где они?

— Какой ты быстрый! Если разносчица новостей с ходу расплескает всю их новизну, то они перестанут быть новостями, и ей придется несолоно хлебавши возвращаться на исходные позиции: Недооцененный Объект Любви. То есть я. Можешь представить, каково это? Так что не торопись, дружок. Мне охота для начала насладиться самим фактом того, что я все еще могу находить новости. И поэтому я не спешу их разглашать.

— Безупречная логика, — заметил Ахиллес. — Ты приписываешь себе титул разносчицы новостей, так и не сообщив ни одной. Но все твои притязания в подметки не годятся породившему их факту.

— Ты сказал уже достаточно, чтобы я имела право тебя перебить и сообщить, что ты не видишь дальше своего носа, мой дорогой Ахиллес. Так хочешь наконец узнать, что случилось?

Изображение исчезло. Камера, или что там вместо нее, показывает ровный светлый фон. По-своему он очарователен и слегка гипнотичен. Мертвые обнаружили, что, когда вы слегка загипнотизированы, все идет намного лучше. Некоторые считают, что смерть сама по себе — вид мягкого гипноза. А есть еще более специфический взгляд — что смерти вообще не существует, так как то, что мы называем смертью, не более чем патологический случай гипноза, от которого мы не можем очнуться.

Будь что будет: камера снабжается током через провод, который спиралями змеится в окно, и, если принять его за путеводную нить, мы можем отправиться вдоль него, и он приведет нас к маленькому домику где-то наверху и устремится в окно, из которого струится целый каскад проводов. Если преодолеть бурный поток из витков и бухт кабеля, можно пробраться внутрь, где явно кипит какая-то работа. Мы выбираем ближайшую дверь и входим в комнату, похожую на аппаратную. В ней сидит человек. Привет, да это ж я! Я подхожу поближе, чтобы посмотреть, чем это я там так занят.

Я вижу, что я погружен с головой в манипулирование какими-то рычажками, кнопками и вокруг масса всяких циферблатов и прочих там реле. По множеству проводов, связывающих мою аппаратную со всем на свете, ко мне сбегаются различные данные, и я сплетаю все эти нити в прекрасный гобелен. Или сплету, если мне только удастся собрать их вместе, потому что на самом деле мне еще кое-чего не хватает. И даже более того: я не имею ни малейшего понятия, что я с ними буду делать, если мне повезет достать их все. Но надеюсь, что все же я с этим что-нибудь сделаю.

Пожалуй, стоит сюда как-нибудь еще заглянуть: здесь столько интересного! Только не примите это на свой счет, уважаемая публика, для которой я сучу нить своего рассказа. Что вам за дело до меня и до того, чем я занимаюсь? Хотя, может, и есть дело, и мои проблемы — это и ваши проблемы, ведь каждый из нас является одновременно кем-нибудь еще. Но вернемся к Ахиллесу и Елене.

— Все. Меня уже распирает, — сказала Елена. — Поэтому — побоку все мелкие подробности! Выкладываю все разом. Слушай же, Ахиллес: сегодня некто покидает Аид!

Ахиллес застыл пораженный. Но вовсе не словами Елены — то, что она сказала, он едва услышал и машинально этому удивился. Осмысление иного, более ужасного факта затопило все его сознание, в одну секунду он принял целый пакет информации, и это вызвало соответствующие эмоции. Он внезапно понял, что он — всего лишь набросок, черновик персонажа. Это разило наповал. До сих пор он считал себя бессмертным, хотя и не раздумывал никогда особенно на эту тему; но вдруг осознать, что тебя достали бог знает откуда и используют твой мозг, что стечение обстоятельств, при котором ты возродился в разуме компьютера, может не повториться не только в ближайшее время, но и вообще больше никогда, — это уже слишком!

Черновик! Эта мысль просто парализовала мозг. Но Ахиллес сделал над собой усилие и заставил себя оценить ситуацию, вместо того чтобы просто отгородиться от нее. Итак, его условность означала, что он всего лишь концепция, которой манипулируют в чьем-то еще сознании, откуда следует, что сам по себе он для этого разума не настолько важен, чтобы ему было гарантировано возвращение к бытию в дальнейшем. Симптомы того, что существо, создававшее эти сны, уже близко к тому, чтобы закрыться, отключить контакт и изъять себя из данного цикла, были слишком явными: так как оно перемещает энергию своего внимания повсеместно, то может очень скоро увлечься кем-то другим. А тогда Ахиллес снова отправится в небытие, ожидая, пока его снова не вытащит какой-нибудь разум. Но какова вероятность, что это может произойти еще раз? А вдруг больше никогда?

Обрушившийся на него шквал пониманий подсказал, что шансы его — 50/50, и то если его вызовут, то уже не в данном контексте. Перед ним ясно встала необходимость срочно придумать какой-нибудь способ произвести впечатление на это грозящее им

существо, причем впечатление настолько сильное, чтобы оно и после того, как удовлетворит свою фантазию, вызывало его снова и снова, пусть даже в других ипостасях.

Быстро проанализировав ситуацию, Ахиллес понял, что вся эта проклятая конструкция из снов и грез рассыплется в прах, как только компьютер завершит предварительную разработку. Нужно немедленно найти способ заставить все эти проклятые вещи стать вещими, да так, чтобы он был вынужден вызывать Город Мертвых к существованию при каждой оказии.

Но какова все же вероятность всего этого? Ахиллес стиснул зубы в смертельной тоске: он должен попытаться чем-то подкупить этот компьютер. Какой же дар можно поднести этому Компьютерному Сновидцу — единственному, кто, сумев собрать все доступные ему данные, воссоздал Ахиллеса похожим на Ахиллеса. И как убедить его, этого легкомысленного мечтателя, что Ахиллес стоит того, чтобы за ним вернуться еще не раз?

— Постараюсь донести это до вас настолько точно, насколько смогу, — произнес Ахиллес. — Я пытаюсь подать Голос и воззвать к вам. Я не прошу делать меня исключением, я хочу быть лишь Точкой Отсчета. Я знаю, что вы кого-то ищете. Я также пытаюсь продать вам общий настрой и уговорить вас во время ваших ментальных путешествий делать регулярные остановки в Городе Мертвых. Я знаю, вы давно искали местечко вроде этого.

Компьютер не ответил.

Ахиллес вкрадчиво продолжал:

— Я знаю, вы опасаетесь, что, приняв на себя подобное обязательство, можете впоследствии обнаружить, что эта концепция не стоит разработки, так как она несостоятельна в решении проблем сотворения, изменения и энергии. Я прав? Что ж, я приветствую вашу осмотрительность и рукоплещу вашим сомнениям. Все это придаст вашему выбору вес, если вы сделаете верный шаг и поставите на нас. Елена, почему бы и тебе не сказать пару слов?

Елена улыбнулась в камеру и заговорила на низкой волнующей ноте:

— Я думаю, мы можем оказать вам хорошую услугу. Вы-то знаете, что мы, Ахиллес и я, — люди выдающиеся и работаем лучше, если нас включить в действие. Мы не похожи на ваших современных узкогубых ханжей. И если вы ждете от нас именно таких слов — то этого добра у нас в избытке; смелые слова, лживые слова — короче, какие угодно, только не нудные. Позвольте нам развлечь вас историей вашей жизни.

Ахиллес коснулся ее плеча: «Хорошо сказано, Елена», — затем развернулся к камере и заглянул нам прямо в глаза. Мы, опешив, зажмурились на секунду, не в силах смотреть на слепящую красоту его лица. Ибо этот Ахиллес есть Ахиллес, глобально мыслящий о возможностях величайших мировых деяний. Но он же

являлся воплощением жертвы безнадежной любви к женщине, ему не предназначенной. Любуясь им, мы украдкой бросили взгляд на боковой экран и поняли, что любовь всей его жизни, Брисеида, в нашей истории не появится даже на секунду. Увы, нынешнее ее местонахождение неизвестно. А брак Ахиллеса с Еленой был чисто символическим жестом — два козырных туза вне партии.

— Мы сделали все, что могли, — наконец сказал он. — А теперь можешь рассказать мне, что ты там раздобыла на рынке.

— Царь Аида Гадес вышел из города, пересек несколько ручьев, бегущих на границе преисподней, и выбрался на берег Стикса туда, где, знаешь, есть хорошая лужайка для пикников. Но пришел он туда не ради пикника, хотя у него и была причина для банкета в честь своей гостьи Персефоны.

— Персефоны? Гадес гулял с царицей Персефоной?

— А с кем ему еще гулять? Ты же знаешь, она совсем вскружила ему голову.

— Это потому, что она живая, — вздохнул Ахиллес. — Живые люди вообще гораздо привлекательней. Но, конечно, у нее есть и некоторые личные достоинства. К тому же с ней связан один из мифов первостепенной важности. И так как это один из древнейших мифов античности, девочке есть чем щеголять. Ты думаешь иначе?

— Да уж, так я и думаю, — ответила Елена. — А ты как думаешь, быть Еленой Троянской — это тебе что — семечки? Да кто сейчас помнит хоть что-нибудь про Персефону? А Елену знают все!

— Да знаю, знаю. Ты у нас — чудо из чудес, — примирительно сказал Ахиллес.

Как некстати она завелась, в то время как ему просто необходимо узнать, что там дальше было с Гадесом. Ахиллес давно уже лелеял надежду при случае нажать на него и найти способ выбраться отсюда, поэтому все настроения царя преисподней были для него чрезвычайно важны. Уж кто-кто, а Ахиллес не собирался безропотно привыкать к тому, что он мертв. По крайней мере не на веки вечные.

Итак, если вы Ахиллес, вы реально смотрите на жизнь, даже если ваша реальность — смерть. И все, чего вы хотите, — это конкретное место, уютно обставленное, избавленное от счетов, ревнивых любовниц, бейлифов, сутяг, жен и экс-жен, мужей, детей на разных уровнях дебилизма и всех остальных, живущих здесь, но, слава богу, не у вас в голове, а в своем собственном мире. Немного чересчур, вы не считаете? Именно это привело вас в Город Мертвых. Вот почему мы так пытаемся убедить вас и даже продемонстрировать на практике, что наш Город Мертвых — это хорошо продуманный образец преисподней и заслуживает более пристального внимания. Мы будем время от времени сюда возвра-

щаться. Самое важное, что мы должны помнить: мы — партия свободы.

Мы снова переключились на Гадеса. На меня. — Когда Ахиллес узнал об этом, он просто помешался. Ему до сумасшествия хочется выбраться отсюда, — говорила Персефона.

— Ахиллес думает, что, когда он был живым, ему жилось гораздо веселее, что, собственно, соответствует действительности. За свою жизнь он во многом преуспел.

— Скажи мне правду, — попросила Персефона. — Быть живым — это действительно так хорошо?

Я пожал плечами:

— По крайней мере Ахиллес думает так. Но это всего лишь частное мнение одного мертвеца.

Мы с Персефоной сидели под черным тополем. Рядом росла высокая плакучая ива, и ее ветви полоскались в темных водах Леты, струившихся мимо нас с тихим бульканьем, напоминавшим предсмертный храп умирающего. На другом берегу виднелись низкие серые силуэты, но что это, издалека различить было трудно. Я был странно счастлив. Я всегда себя так чувствую, когда Персефона рядом. Она делает преисподнюю светлее, несмотря на навечно нависшие над нами тучи. Сегодня они выглядят не зловеще и скорбно, но волшебно и вдохновляюще. Я счастлив в Аиде. Что само по себе — чудо, потому что я его царь. Или я сказал бы так: я полностью счастлив, и я действительно — Царь.

Я поискал взглядом ее руку, в которой она держала зернышко, но Персефона сидела так, что я не мог увидеть, там ли еще оно. Я надеялся, что нет. Казалось, она совсем забыла о нем. Но могла ли она забыть? Тяжесть знания драматургии этого нашего мира тяжелым камнем обрушилась на мою душу: я знал, что вот-вот что-то должно произойти. И даже знал, что именно.

Вот оно: издалека послышалось тихое звяканье. Персефона тоже услышала его и сказала:

— Это бубенцы с упряжки Деметры. Она украшает ими волов, влекущих ее повозку. Она едет за мной, как мы и договаривались.

— Да, — подтвердил я.

Когда-то меня вынудили согласиться с тем, чтобы Персефона время от времени возвращалась в верхний мир. Наши роковые старые леди из Верховного Суда Аида буквально связали меня по рукам и по ногам: остановить и укротить! Девицу вернуть родителям! Я был тогда на грани мятежа, но потом оставил эту идею — против живых у меня не было ни единого шанса, даже если бы все мертвые встали стеною на мою сторону, в чем я, впрочем, был абсолютно не уверен. Беда в том, что из мертвых солдаты, как из куска дерьма, — смерть забирает что-то важное у мужчины. Так что это было бы просто-напросто избиением. Ведь что может

быть слаще для живого, чем убить мертвеца! Они, видите ли, считают нас Злом. О, если бы я мог найти какой-то выход! Но воевать было делом заведомо невозможным.

В любом случае я был не прав: похищение девушки из верхнего мира было против всех правил. Да, я был не прав. И эта моя неправота ослабляла мою позицию.

По-настоящему все началось уже тогда, когда мы — Зевс, Посейдон и я, свергнув старого Крона, разделили между собой всех тварей и учредили простые и ясные законы. Каждый из нас получил во власть отдельное царство без права вторжения на территории других. Конечно, этот договор не всегда соблюдался буквально, но если находились жалобщики, то их, как правило, удовлетворяли, и действовало правило возврата. Все это я знал, но, несмотря ни на что, все же забрал Персефону к себе. Забрал, потому что хотел ее. Вот только страсть моя не вписывалась ни в какие законы! Я отринул их, потому что никогда и ничего не было для меня так важно, как моя Персефона! Теперь-то вы, наверное, поняли, что участь царя Аида тяжелее участи последнего раба. Живого, конечно. Я связан законом о недвижимости и обо всем, что на ней находится. Он безжалостен и беспристрастен, насколько закон вообще может быть безжалостным и беспристрастным. Но законы должны существовать. Ваша жизнь без законов — ничто. Да и смерть без них немногого стоит.

— Зернышко, — сказал я. — Так что с зернышком?

Она протянула мне обе ладони — они были пусты.

— О, — сказала она, — я, наверное, уронила его.

В ее голосе сквозило лукавство. Но в Аиде никогда еще не бывало ничего легкомысленного или игривого — я просто не знал, как на это правильно реагировать.

— Прошу, не дразни меня, — взмолился я. — Ты съела его? Или уронила? А может, ты его спрятала, чтобы съесть потом?

Она наклонилась и поцеловала меня в лоб.

— Конечно же, я хочу тебя немножечко поддразнить. Именно этого, любовь моя, тебе так не хватает. Ты слишком суров и угрюм.

— Но ты все изменила. Ты принесла в Аид легкомыслие и удовольствие. Я даже не думал, что это возможно. Здесь. Но неужели ты не хочешь оставить мне хотя бы надежду на то, что мы снова встретимся?

— У тебя всегда будет эта надежда, — ответила она, — независимо от того, что скажу или сделаю я. И это неоспоримый факт. Это милая твоему сердцу определенность. Ты это хотел от меня услышать?

— Я хотел бы на это надеяться. Но смею ли я полагаться на определенность того, что через шесть месяцев ты снова будешь со мной? И будешь возвращаться ко мне каждый год?

Она покачала головой, но я видел — она улыбалась.

— Определенность ценится в твоем царстве превыше всего. Каждый его житель слишком хорошо знает, где он находится сейчас. Кажется, нет ничего более определенного, чем смерть. Думаю, что именно против этого так бунтует Ахиллес. Это то, к чему твои мертвецы так усиленно привыкают. «Может, смерть и плоха, — убеждают они сами себя, — но, в конце концов, она — надежна, и я могу на нее положиться».

— Да, так мы и говорим.

— Это потому, что ты мертвый, — в сердцах сказала она, — но я-то — нет! Я-то — живая! И я не подчиняюсь вашим правилам. Я существо из царства живых, и, когда я выйду отсюда, вся определенность сойдет на нет. Все меняется: от лучшего — к худшему, от худшего — к лучшему. Всегда есть надежда, и всегда есть безысходность.

Звон бубенчиков становился все громче, и вот уже показалась украшенная цветами повозка, на которой стояла Деметра, сама управляющая волами, на шеях которых висели цветочные гирлянды. Эта дама выглядела строго классически — как и положено выглядеть Деметре. Волосы ее развевались на ветру, и она приветственно махала Персефоне небольшим кнутиком из виноградной лозы.

Деметра из тех, с кем вам приходится считаться, даже если вы не хотите иметь с ними никаких дел. Они настолько представительны, что вам и в голову не придет попытаться их как-то обмануть. Но в вашей личной истории они, как правило, не играют большой роли, так стоит ли о них говорить больше, чем они заслуживают? Нуждается ли персонификация Осени в родинке на подбородке? Должны ли мы снабдить ее дородной фигурой? Или придать ей суровые, безжалостные глаза? Да, глаза, пожалуй, сделать надо, а что касается остального, то вы и так легко представите себе тип женщины, способной в одиночку управлять шестеркой волов. Так нужно ли еще что-нибудь добавлять?

Персефона поднялась ей навстречу, потом наклонилась и еще раз поцеловала меня. Очень нежно. В губы. И, прежде чем я успел обнять ее, она уже ускользнула, вспорхнула на повозку Деметры, и вот уже обе скрылись из виду.

Гадес застыл на месте, остекленевшими глазами уставившись в пространство. Ему не с кем было поговорить. Казалось, он сейчас заговорит сам с собой, разразившись монологом.

И вдруг она вернулась! Вместе с повозкой, волами в гирляндах и матерью, чей взгляд выражал крайнее неодобрение. Это было как удар грома. Неизменное возвращение! Сердце Гадеса затрепетало.

— Я совсем забыла тебе напомнить про Ахиллеса и Елену, —

сказала она. — Так что тебе придется отменить наш совместный обед.

— Ты уже напоминала мне об этом, — сказал я.

— Я? — спросила Елена.

— Ты, — подтвердил я. — И совсем недавно. Но я рад, что ты вернулась. Мне хотелось тебя кое о чем спросить.

— Похоже, ты никогда не устанешь меня спрашивать кое о чем, — сказала Персефона. — Я знаю, ты любишь меня, но об этом ты печально молчишь, и только. Хотя бы на прощание ты мог бы сказать мне хотя бы пару слов. Я буду рада тебе ответить. Так о чем ты хотел меня спросить?

— Я хотел спросить тебя... — сказал я. — Я слышал, что ты знаешь, чем в последнее время занимается Тантал. Расскажи мне об этом.

— С любовью и удовольствием, — ответила Елена. — Я постараюсь быть покороче, мама! — крикнула она кутавшейся в платок Деметре.

Мать покорно кивнула: ей было достаточно того, что она все-таки увезет свою дочь отсюда, так стоит ли расстраивать дитя по пустякам, прерывая ее рассказ.

ТАНТАЛ

— Я всегда считала дядюшку Тантала интересной личностью, — так начала Елена свой рассказ. — Думаю, ты и без меня знаешь условия, в которых он находится: стоит по горло в болотной грязи, и над головой его на медном канате подвешен огромный камень — настоящий утес. Конечно же, этот камень никогда не упадет, но напряженность тем не менее не спадает, так как самим Зевсом предначертано, что никто не может быть в этом уверен до конца и что валун может рухнуть в любую секунду, и нет силы, способной его сдержать; он непоколебим и неотвратим. Подтягивай его, не подтягивай, он все равно будет болтаться там с навешенным на нем беспристрастным законом: если вы не будете переживать за Тантала в свете неотвратимости его камня, мы просто вычеркнем его из греческих мифов.

Тантал стоит по шею в грязи в небольшой заводи Стикса. Но, когда он наклоняется, чтобы утолить жажду, вода бесследно исчезает, оставляя его с лицом, залепленным грязью, и прозвищем, данным ему корибантом, — Старый Грязехлеб. Ни капли воды Танталу — таково первое правило.

Во-вторых, с поникших ветвей ивы, к которой он прикован, свисает множество яств: паштеты, ливерные колбасы, салями всех размеров, видов и сортов, сыры, каких и на земле-то не ви-

дывали, различные салаты, изысканно приготовленные овощи — и все это подвешено в тончайших салфетках, также годных в пищу.

Но, конечно же, как вы уже догадались, стоит Танталу протянуть руку к любому деликатесу, как тут же налетает ветер, отклоняет ветку, и она становится для него недосягаемой. Так и стоит он там — по подбородок в воде, которую не может пить, и окруженный едой, которую не может есть. Таким вот образом представляет себе Зевс по-настоящему суровое наказание.

Но в преисподней научились находить применение любым мелочам. И если уж Тантал не может пить воду, у него все-таки остается возможность чувствовать, как она омывает его ноги. И вот уж этого у него никто не отберет. Не смогут. Что же ему останется, если он не сможет ощущать воду, в которой стоит?

А в это утро вода казалась довольно приятной. Иногда даже в преисподней такое бывает. Они-то стараются нагрузить вас по самые уши, но и на них бывает проруха. Тантал постарался обставить свой жалкий жребий с максимальным комфортом, и в этом он оказался на высоте. Раз уж он сам не может есть, он приглашает на банкет всех своих друзей!

И гости собрались отовсюду, со всех концов преисподней.

Когда прибыли все приглашенные, Тантал обратился к ним с речью:

— Друзья мои! Надеюсь, вы простите меня, что я не выхожу к вам навстречу из своей грязевой ванны. Считайте это моей маленькой причудой — принимать гостей подобным образом, тем более мне так нравится эта река...

Надо сказать, что Тантал так долго прожил в Аиде, что заслужил некоторые привилегии. Например, ему было даровано право купаться в любой речке Аида по своему выбору. Сегодня утром он выбрал Лету — из всех рек подземного царства она была его самой любимой. Боги вырыли грязевые ямы в заводях всех местных рек и у каждой посадили по плакучей иве, нагрузив их продуктами по самую макушку. Так что Тантал мог теперь страдать в любой яме по вкусу и искушаться вволю столько, сколько необходимо, чтобы морально подготовить тех, кто выбрал его дорожку.

Однако выпросить у Гадеса и других богов свободный доступ к рекам оказалось не так-то легко и потребовало довольно много времени. В конце концов он возопил:

— Да не пытаюсь я смягчить свою участь! Было бы излишне заострять внимание на том, что я навечно обречен торчать в яме с водой, плещущей у самого подбородка, почему не могу претендовать на разнообразие вод и пейзажей?

Первое время на его жалобы никто не обращал ни малейшего внимания. Но потом его дело все-таки передали в Верховный Суд Аида.

Главный судья мертвых Радамант начал рассмотрение с того, что наотрез отказался выслушать его аргументы.

— Это идет вразрез с нашими традициями, — ворчал он.

— Но ведь нет и закона против этого, — возражал Тантал. — А все, что не запрещено, — разрешено?

Но Радаманту, Миносу и остальной судейской братии в то время было просто не до Тантала: ничего, кроме хлопот, это не сулило, а у них на руках к тому времени и так скопилось огромное количество дел. Работы было по горло: люди на Земле умирали как заведенные и появлялись на перекрестке трех дорог, где обычно восседали судьи мертвых, сначала группами, потом — сотнями, потом — тысячами и, наконец, пошли миллионами. Вряд ли хватило бы времени судить и десятую их часть, но их истории были на удивление схожи, что значительно ускорило процесс.

Большинство душ, ожидающих суда, были одеты в саваны, некоторые даже сохранили свои подчелюстные подвязки. Не все, но многие позаботились прихватить с собой деньги, и кое-кто даже очень большие. И хотя Харон довольствовался одним оболом, представители аристократических семейств предпочитали буквально набивать себе рот монетами, прихватить себе шекель-другой, а то и целый талант серебра. И все это ради того, чтобы их не равняли с беднотой.

Расценки Харона, лодочника, перевозящего мертвых в царство Гадеса, хорошо всем известны: «Один обол. Деньги на бочку». И так как в саванах не предусмотрены карманы, мертвые приносят монетки во рту.

Платой Харону исчерпывается вся необходимость в деньгах в преисподней, но сам ее факт вызывает определенный интерес и ряд побочных эффектов. Обычно деньги нужны для покупок и продажи — но всему этому место на земле, а не в преисподней. Здесь нечего продавать, и это повергает людей в кошмарное состояние, ведущее к полной атрофии покупательной железы. Говорят, что, сколько бы ты ни прожил в Аиде, смерть никогда не угасит воспоминаний о тихих, спокойных земных магазинах. В преисподней этого нет — никаких магазинов, от которых одно беспокойство (кстати, интересная мысль!). Покупать-то нечего, но важно держать марку, отсюда и набитые рты.

И тем не менее бесплатно Харон перевозить отказывается. Безденежные вынуждены толкаться на берегах Стикса и пытаться его разжалобить. Но что может быть ужаснее, чем слушать скулеж мертвецов? Они стоят, сидят, лежат на берегу и в один голос зовут Харона, умоляя его перевезти их за так, на общественных началах. Но лодочник лишь мрачно зыркает на них и грубо отвечает: «Никакой халявы! Даже в преисподней!»

Тогда начинается скандал, особенно когда на берегу скапливается уже много безденежных.

Харон — ярый приверженец формы. Он служит ради порядка, а не ради денег. Ведь ему тоже некуда девать человеческие оболы. У него их скопилась уже целая куча. Он хранит их в рундуке, в Стиксвилле, где обычно ставит на прикол свой плавучий дом, когда возникает необходимость в ремонте. Пересекать же Стикс в одиночку — дело очень опасное, даже если вы мертвы. И если вы думаете, что после смерти все опасности кончились, то это как раз тот случай, чтобы убедиться, что и после смерти бывает несладко.

Что касается знаменитостей, то они пересекают реку безо всяких хлопот, независимо, есть у них чем заплатить за проезд или нет. Попробуйте-ка остановить знаменитых куртизанок — Лаис Коринфскую, например, или же Сафо, которые, как говорят, смогли бы уболтать самого Сократа. К тому времени, когда Рим вошел в силу, обычай вкладывать обол в рот умершему сам по себе тихо скончался, и не только из-за нехватки оболов в обанкротившейся Греции. И хотя обычай «обол-во-рту» иногда вспоминают, но вряд ли кто-нибудь осмелился бы не допустить в преисподнюю римскую императрицу только из-за того, что она не принесла в своих мелких белых зубках медную монетку.

Тантал не сразу привык к визитам римских императриц, забегавших к нему в гости даже прежде, чем предстать пред светлые очи своих отцов. Они посещали его как местную достопримечательность и свои вопросы к нему всегда облекали в крайне уважительную форму. А как же! Тантал был одним из местных старожилов, одним из самых первых ссыльных, одним из первопоселенцев Аида, из тех самых, что называли себя Первыми проклятыми, из первых криминалов в истории!

Да, многого навидался Тантал за те годы, что провел здесь, и должен сказать новичкам, что все, конечно, течет, все, конечно, меняется, но здесь не такое уж плохое местечко: ко всему можно привыкнуть — даже к преисподней. А может быть, особенно к ней. Когда на вас обрушилось самое худшее — бояться уже нечего.

СИЗИФ

Камера снова включилась, передний край шоковой волны узнавания, затем быстрый пробег по пыльным коридорам, освещенным мигающим светом, и вот она уже заискивающе застыла в охотничьей стойке перед Танталом. Тантал в кругу друзей. Крупный план Сизифа. Мы подключаемся к мощному лысому бородатому старику, осужденному катить огромную каменную глыбу на самый верх горы, а затем спускать ее по противоположному склону.

Все бы хорошо, но дело в том, что никто не знает точно, сколько ему еще этим заниматься. Так получилось, что он продолжал катать свой валун уже после того, как его наказание должно было закончиться и когда по всем законам его давно могли отпустить под залог. Но никто за этим как-то не проследил, и вот он до сих пор катает свой камень.

Его оставили работать, не обращая внимания не только на то, что он давным-давно устал и поизносился, но и на то, что фатально износились все атрибуты его наказания. Конечно, человеческий дух сделан настолько добротно, что не может окончательно износиться в такие короткие сроки, но валуны-то сделаны из другого материала. Так что Сизиф уже укатал их огромное количество. Тем более ему трудно предъявить обвинение в халатном отношении к рабочим инструментам и разбазаривании природных ресурсов, так как позволять камню скатываться со скалы было частью его работы. Ну хорошо, он поднимает свой камень в гору и там, наверху, вынужден его упускать. Казалось бы, какие проблемы? Проблема в том, что постоянно возникает необходимость в новых валунах и даже в новых горах — кто ж может тягаться с законами природы? Он прокладывает своими валунами колеи, которые со временем становятся все глубже и глубже — и вот, пожалуйста! — вся гора сточена напрочь! К тому же возникает проблема снабженцев, которые должны заниматься поисками подходящих — не плоских и не острых — камней. Форма камня должна быть округлой, иначе его невозможно катить вверх и он не сможет качественно скатиться вниз. Но и такие при падении нередко разбиваются на кусочки, и тогда — пиши пропало! Списывай!

Камера дала панораму эллинского пейзажа и снова остановилась, чтобы мы еще раз могли в полной мере насладиться механизмом добротного искушения. Нас снова принесло к Танталу. И тут мы серьезно призадумались: стоит ли повторять, что эпикурейское зрелище фруктов, жареного мяса и других деликатесов, свисающих с ветвей дерева над головой Тантала и ускользающих при попытке их достать, должно было ему здорово надоесть. Поэтому он скоро отвык тянуться за ними вообще. Но и об этом никто как-то не подумал.

Тем более что еда должна постоянно обновляться, чтобы оставаться аппетитной. Разве можно искусить хоть кого-нибудь куском заплесневелого мяса или гроздью гниющего винограда? Можно, конечно, сказать, что Тантал все равно ничего в этом не понимает, потому что он и не пробовал никогда тех деликатесов, которые узрел, спустившись в этот гастрономический ад.

Но времена меняются, а с ними меняется и вид блюд, которыми его соблазняют.

И если раньше его пытали, дразня сравнительно простыми кушаньями типа овсяных лепешек, головки лука, редиски и — по

праздникам — кусочком жареного ягненка, то когда пришло новое начальство, они быстро позаботились о расширении меню.

На последнем совещании новой администрации Аида ее шеф подчеркнул:

— Для нас классическая преисподняя — это важный аттракцион межзвездного масштаба. По ночам, в своих снах, нас посещают миллионы людей. И все эти миллионы (если не больше) попадут сюда не раньше, так позже. Нас к тому же будут посещать иностранцы. Мы — беспрецедентная выставка, можно даже сказать — диорама человеческого духа. И нам просто необходимо устроить здесь хорошее шоу для наших туристов.

Как сказал — так и сделал. И в кабинетах администрации по охране древних памятников культуры пошла уборка — пыль поднялась до небес! Все вылизали до блеска. В том числе и экспозиции Тантала придали надлежащий вид, а это в первую очередь потребовало нового меню и поваров, способных угнаться за требованиями сегодняшнего дня. Первое время добровольцев не хватало, и поэтому всех, кто даже не был профессиональным поваром, но обладал должной фантазией в приготовлении пищи, в обязательном порядке посмертно отправляли на Танталову кухню. Но со временем эта работа стала считаться престижной, и вот уже лучшие кулинары земли стали соревноваться друг с другом за право готовить для Тантала.

На ветвях плакучей ивы объявились деликатесы, о которых он раньше и мечтать не смел!

К Танталу приставили специальных гидов, которые должны были ему разъяснять, чем, собственно, его искушают, чтобы он в полной мере мог осознать, чего лишился. Иначе его наказание просто утратило бы эффективность и символический смысл.

— Внимание, — говорили ему, — это заливное из копченой кабанятины, а это — груши bel Helene, а это — компот из редких фруктов...

И так без конца. Им не терпелось увидеть, как он будет реагировать. Они вели даже дневники наблюдений, так как для них он был всего лишь субъектом искушения. Тем более осужденным.

Но Тантал и здесь быстро сообразил, чего от него хотят. Он знал, что является важной исторической ценностью, так сказать, памятником архитектуры. И еще он понял, что все искушение будет судиться по эффекту, который оно производит. В этом деле не было мелочей, нельзя было оставить без внимания ни одну, даже самую маленькую, картофелинку. Он был эдакий дегустатор древнего мира. И тогда он стал придирчив, а вскоре угодить ему было просто невозможно. Взирая на бесконечную череду деликатесов, предлагавшихся ему изо дня в день, он стал очень тонким знатоком кулинарного искусства. И ему вовсе не требовалось пробовать, чтобы отличить хорошее от плохого. Руководствуясь ка-

кими-то ему одному известными признаками, он мог с точностью определить состав специй и методику приготовления. Он стал частенько брюзжать: «Это ваше трюбо слишком переперчили. А барашек наполовину сырой и сдобрен не тем сортом меда. А от этого соуса жди отрыжки — у него горькое послевкусие...»

Повара очень скоро на него взъелись: как, спрашивали они, каким образом может судить он о вкусе пищи, не попробовав?! Оставим в стороне тот факт, что пробовать ему было запрещено законом. И Тантал объявил, что в первую очередь руководствуется запахами, уж нюхать-то ему никто не запрещал — вот он и нюхает вовсю; а во-вторых — тончайшей проницательностью, которая развилась у него на почве искушения.

«Обратите внимание, джентльмены, — разглагольствовал он, — пробуя эти блюда, мы притупляем таким образом все остальные чувства. Но мне необязательно пробовать вашу стряпню (даже если бы я был в состоянии это сделать), чтобы вынести ей оценку. И должен вам сказать, что, на мой нюх, она не на должной высоте!»

Так закончила свой рассказ Персефона и, вернувшись в повозку, запряженную позвякивающими волами, дала увезти себя в верхний мир. И нет ни одного очевидца, который смог бы рассказать, что же на самом деле произошло с зернышком граната. И все же, на исходе каждого года, когда верхний мир становится мрачным и холодным, она возвращается к своему супругу. Зима в ореоле снежинок приходит и уходит, и на верхних лугах появляются гончие Весны. А я сижу на троне Аида, обедаю с Ахиллесом и Еленой и с нетерпением жду возвращения Персефоны.

Я гадаю, чем она там занимается. И что все же случилось с зернышком граната? И когда она наконец возвратится — в самое последнее мгновение перед тем, как я окончательно истоскуюсь, утрачу надежду и устану от мыслей об обитателях Аида, когда она возвратится, — я наконец признаюсь себе, что все, чего я хочу, — это моя Персефона.

Сейчас уже начало зимы. Я сижу на своем железном троне — во рту привкус праха — и вслушиваюсь в далекий звон бубенчиков. Я знаю, это добрые вестники моей возлюбленной, с которой никогда не будет определенности до конца.

Хитроумный Одиссей попал в переплет. Лукавый греческий герой оскорбил самого Посейдона, и бог был безжалостен в своем наказании. Он гнал его через всю Аттику и Додеканесские острова. Но всякий раз, когда Одиссей пытался пристать к берегу и уйти в глубь его, чтобы отыскать землю, где ничего не знают о море, повелитель океанов посылал могучие ветры, уносившие его снова в море. Но и этого ему было мало: он насылал Хитрые

Мысли, одолевавшие Одиссея, словно его собственные, и, как бы далеко он ни зашел на сушу, они влекли его на берег моря. И вот он снова там, где ему лучше бы не находиться, — на полоске песка между водой и подножием гор. Это и есть то место, где Одиссей должен сыграть финал этой затянувшейся игры. Здесь, по желанию повелителя морей, он должен наконец обрести смерть. Посейдон и так излишне медлил, подыскивая момент, чтобы прихлопнуть этого сопляка. Но теперь пришло время покончить с ним.

Шум прибоя на пустынном пляже.

Лиловая полоса горизонта на стыке моря и небес.

Последние кадры: Одиссей, героического вида мужчина, стоит на четвереньках с поникшей головой, волосы падают на глаза, тело усеяно крупными каплями воды. Аппетитнейшая картинка для Навсикаи.

Нежданное видение на пустынном пляже. Навсикая и ее служанки. Застыли на ходу. Глазеют на обнаженного мужчину.

— Где я? — спросил Одиссей.

— Это Феакия, — ответила Навсикая.

Боже, как она хороша!

Смертельно хороша, если я не ошибаюсь!

Это то состояние, в котором девушки мне нравятся больше всего.

Одиссей раздраженно помотал головой: наклевывается новый роман, этого еще только не хватало! Да, кстати, а не повторяется ли ситуация? А не пошла ли вся его жизнь по второму кругу? А не пошло ли все мироздание по второму кругу? И все, что было до него, тоже?

Одиссей напряг память, но все, что он смог вспомнить, так это то, что время пришло. Его будущие жизни пронеслись перед его глазами стремительным хороводом наскипидаренных летучих мышей-альбиносов. Внезапно за его спиной раздался звук. Он обернулся и закаменел. Но воля его крепла, наливаясь силой от его внутреннего роста. Он лихорадочно решал, кем ему быть сегодня вечером.

Пробиваясь сквозь неразбериху и шум в голове, росло знание, неотвратимое и леденящее, что он попал в ситуацию, которая требует немедленного разрешения.

Он не был... Да нет, он был. Говорить — это было его призванием. Но никогда он еще не встречал такой крайней ситуации, столь остро требующей его немедленной идентификации.

— Ирвинг Спагетти — к вашим услугам! — выпалил он. Полный дебилизм! Но авось сработает.

О, эта игра уже не казалась такой трудной. Здесь требовалось сыграть в нее не впервые, а снова. Правда, это в то время, когда он не был уверен в результатах первой игры. То же тогда случи-

лось на планете, тогда, в тот самый первый раз? Он предпочитал считать, что тогда он не оплошал. Впрочем, в этом он тоже не был уверен. Но он же как-то выбрался из той переделки. Более или менее. Или это было во второй раз?

Навсикая. Все еще здесь. Все такая же смертельно прекрасная. Вот только он забыл, что должен с ней сделать.

Свадьба с Навсикаей произошла скорее, чем он рассчитывал. Он надеялся, что ему все же удастся восполнить некоторые пробелы на последующих свиданиях. Раньше всегда все шло по порядку: ухаживание, например. Кстати, а они вообще ходили когда-нибудь на свидания? И если да, то что он ей тогда говорил?

Внезапно в его голове раздался сигнал тревоги. Да, сейчас он в безопасности. Здесь, в теплом уютном местечке, рядом с ней. Но это же не то, за что он расплачивался. Он всегда выбирал неверные пути.

Все это, естественно, произошло до того, как странник вступил в город. Потому что, если этот грешный фигляр с его дрязгами, с его дрызгами, с его раздрызганными дрязгами и дрянными дрязгодрызгами... простите, я только пытаюсь быть реалистом и рассказывать, как все было на самом деле, но у меня просто кровь вскипает, когда я думаю об этом страннике, и не вините меня в поспешности изложения, а то я упущу поезд своей мысли, если зазеваюсь, — все меняется, и ничего не повторяется снова, становясь самим собой, как бы нам этого ни хотелось. И даже громогласные проклятия диких лесных пигмеев не имеют обычных кошмарных последствий. Но я погнал дальше.

Вначале был Одиссей. Давайте внесем в это дело ясность. Хотя какая может быть ясность здесь, в яме, полной гниющих рыбьих голов и разлагающихся трупов, с одиноким и потерянным видом плавающих в гнилом смраде? Но мы еще держимся, мы и наши ребята, мы продолжаем, ведь кто-то же должен рассказывать историю, иначе наше молчание возопит до самых звезд. Извините, я вовсе не собирался выходить из себя.

История третья

ПЕРСЕЙ[1]

Персей родился в античном мире, в Греции. Родителями его были царь и царица Тиринфа. Детство свое он провел как всеобщий любимец в окружении друзей. Дядя его, зловещий Иеремия, жил вместе с ними, а также жена его дяди Леттис, уроженка Крита,

[1] Perseus. © 1995 by Robert Sheckley.

о которой почти ничего не известно. У Персея была также сестренка Мэри-Джейн, но о ней мы упоминать не собирались, так что можете забыть про нее.

Персей был мальчик смышленый, хотя учился не очень прилежно: мысли его вечно витали где-то вдали, на охоте или рыбалке. И все же учеником он был сообразительным и прекрасно владел оружием. В общем приятный мальчик, хорошо воспитанный, только вспыльчивый немножко. Порой его обуревали мгновенные вспышки бешенства — но так же мгновенно он остывал. Поэтому подчас он совершал опрометчивые поступки, а после впадал в меланхолию, размышляя о своих больших и мелких провинностях.

Его воспитывали как принца, однако он считал своим долгом стать не просто принцем, но героем. Он зачитывался журналами для героев и восхищался героическими личностями, особенно Тесеем и Ясоном, на которых мечтал походить. Мы поговорим еще об отношениях принца с его дядей, а также с другим молодым человеком, пока что безымянным, прибывшим в Тиринф вскоре после того, как Персею стукнуло ...надцать лет. А сейчас мы видим, как Персей слоняется по отцовскому двору, сплошь из белого мрамора, который становится очень горячим под лучами полдневного солнца.

Персей: Как же мне все надоело! Жизнь — это вечная круговерть привилегий и разгула. Мне, царскому сыну, никто не смеет слова сказать поперек. Никто, кроме отца моего Трагедия и брата его, зловещего Иеремии. Возможно, в один прекрасный день я убью Иеремию. Но пока я не уверен, характер у меня еще не сформировался окончательно. А чего вы ожидали? Мне всего лишь восемнадцать лет.

Мэри-Джейн (выходит из перистиля слева): Эй вы, голубки и маслинки, солнце село за западный холм, а сынок ненормальной кретинки, что зовет себя нашим дружком... *(Останавливается, увидев Персея.)* Привет, Персей! Я тебя не заметила. Я пела песенку, которую услышала вчера на агоре.

Хор на заднем плане поет: Агора! Агора! Чего там только не творится и чего не говорится там, на агоре! На горе! На горе я пошел туда, ноги моей не будет больше там, на агоре!

Персей: Ты не можешь обойтись без хора? Я пытаюсь предаться раздумью.

Мэри-Джейн: Вообще-то я иду от пифии.

Персей: И не жаль тебе тратить время на такую чепуху?

Мэри-Джейн: Она велела передать тебе послание.

— Что она сказала?

— Она велела передать тебе, что Разочарование — это Упадок Стремлений, когда Алчность Мчится на Голой Спине Истории по пути к Абсолютному Собственничеству.

— Она так сказала?

— Слово в слово, — подтвердила Мэри-Джейн.

— Если ты такая умная — объясни, что это значит?

— Боже мой, да почем я знаю? — воскликнула Мэри-Джейн. — Но она сказала, что это очень важно и что ты должен вспомнить об этом в какой-то важный момент своей жизни.

— Какой еще важный момент?

— Она не сказала.

— А больше она ничего не говорила?

— Говорила, что тебе пора освоить какую-нибудь профессию или сделать карьеру.

— Терпеть не могу эту старую перечницу-пророчицу! Вечно она старается меня опередить! — расстроился Персей. — Я как раз сам собирался подумать о своей карьере.

— Ладно, мне пора бежать, — сказала Мэри-Джейн. — Опасайся тихих омутов!

И она исчезла.

Персей покачал головой. Загадочная штучка эта Мэри-Джейн! Хорошо еще, что ее нет в нашей истории, не то авторам пришлось бы объяснять истоки ее загадочности, копаться во внутреннем мире Мэри-Джейн и так далее. Персея же Мэри-Джейн не интересовала. Его интересовал он сам.

Поэтому родители и называли его эгоистичной скотиной.

Персея это задевало.

Не слишком.

А происходило все это во время осеннего равноденствия, когда над землей нависли серозадые тучи, а лохматое белопенное море принимало тысячи разных обличий, какие только могут родиться в юношеском воображении. Один-одинешенек сидел он на берегу — тот самый парень по имени Персей — и смотрел вдаль на скалы.

Море швыряло грязную пену на берег. Морские птицы возвращались в гнезда, меж тем как юноша, одинокий и безутешный, бродил по берегу, с выражением озвучивая заученный монолог. Злые вороны, хлопая крылами в буйном пароксизме страсти, носились над каменистыми мысами, чьи очертания были размыты косой штриховкой дождя, и одинокий краб-отшельник стоял потерянно на просторном пляже, размышляя о горькой судьбине камней и песка. Вот что увидел Персей в этот день.

А вечером случилось кое-что другое. Персей пошел на свидание с незнакомкой. И во время свидания он совершил преступление... чисто случайно. Ему удалось скрыть почти все следы, и тем не менее в результате принца начали шантажировать, а шантаж довел его до бешенства. Мы уже упоминали, что Персей был склонен к насилию. В ходе последующих попыток избежать собственного прошлого он встретил и постарался завоевать Андромеду,

ставшую для него единственной женщиной в мире, которую вечно кто-нибудь привязывал к скале. Но мы опять забегаем вперед самих себя. Давайте вернемся во дворец к Персею, где он приглаживает волосы, готовясь к свиданию с незнакомкой. Мэри-Джейн, естественно, тоже сидела здесь, поддразнивая брата.

— У Персея свиданка!

— Заткнись, пацанка! — сказал Персей. Тон его не был недружелюбным. Или грубым. Напротив, в голосе Персея звучало «о'кей», и Мэри-Джейн наслаждалась отсутствием диатрибы, ибо ничего другого ей не оставалось — что же еще тебе делать, если ты младшая сестра, а твой обожаемый старший брат собирается на свидание с незнакомкой, и сердце твое разрывается, но ты, черт возьми, должна держаться как ни в чем не бывало; должна дурачиться, должна поддразнивать его. Вот о чем думала Мэри-Джейн. Она была неглупа. Она понимала, что на ней тяжким бременем лежит непригодное имя. Она гадала, почему ей не дали классическое греческое имя, как всем остальным. И думала, что когда-нибудь обязательно выяснит это — а также многое другое, что взрослые старались держать от нее в тайне.

— Ну, как я выгляжу? — спросил Персей.

— Ты выглядишь колоссально, — ответила ему сестра. — Ты выглядишь как полубог или герой.

— Я не чувствую себя героем, — сказал Персей.

— Это потому, что ты пока ничего не совершил. Но ты не волнуйся — у тебя еще все впереди.

— Да как же мне не волноваться! — сказал Персей. — Мне уже восемнадцать. Тесей убил гирканского вепря, когда ему было всего шестнадцать.

— Если это не утка! — сказала Мэри-Джейн, и двусмыслица ее реплики показалась столь восхитительной двум юным и сравнительно неискушенным созданиям, что оба они залились смехом — так беспечно им вместе, увы, отныне смеяться уже не придется. Мне нелегко об этом говорить, но вы, наверное, и сами догадались. Печать серьезности легла на беззаботное веселье того мгновения, когда Персей рассматривал себя в металлическом зеркале и Мэри-Джейн подняла масляную лампу повыше, чтобы ему было видно, а обставленная в античном стиле комната за ними терялась во мгле переплетений аканта.

Персей поправил галстук, удостоверился, что надел тунику на правую сторону, нервно кашлянул и пошел по коридору к английскому саду, где ожидала его незнакомка. Мэри-Джейн, проводив его взглядом, вытащила из кармана передничка сладкое печенье и задумчиво принялась его грызть. Когда ты всего лишь маленькая девочка, голод важнее любых переживаний по поводу того, куда отправился твой старший брат.

Повинуясь здоровому любопытству, Персей остановился по

пути в сад, увидав посреди коридора большой вертикальный сундук, открывающийся, как шкаф. Вертикальные сундуки были изобретены всего несколько лет назад и продавались пока только в крупных городах, поэтому принц не сразу понял, что это такое. Собачья будка? Или бельевой шкаф? Или баскетбольная корзина? Возможностей не перечесть. Персей с любопытством уставился на сундук.

Как раз в это мгновение зловещий принцев дядюшка Иеремия вышел в коридор в своем лучшем хитоне, мурлыкая себе под нос в такой манере, которую иначе как угрожающей не назовешь. Был он мужчина рослый, с черной кучерявой шевелюрой и черной кучерявой бородой. Голову его, как обычно, венчал ассирийский шлем. Иеремия, насколько нам известно, упоминался как первый в античности человек, имевший карманы. В его хитоне их было целых два, и дядюшка, сунув в карманы большие пальцы, точь-в-точь как простой фермер, торопливо шагал вперед и остановился только тогда, когда увидел Персея.

— Персей! — сказал он, таким образом подтверждая наши подозрения о том, что он узнал племянника.

— Дядя Иеремия! — воскликнул Персей. — Что вы делаете в этом коридоре, который ведет из моих личных дворцовых покоев к английскому саду, где у меня назначено свидание с незнакомкой?

— Да так, разнюхиваю, — ответил Иеремия. — Ты случайно не видал тут вертикального сундука?

— А это случайно не он? — спросил Персей.

— Да. Это вертикальный сундук.

— Тогда я его видал, — ответил Персей.

— Но заглядывал ли ты внутрь?

— Нет, не заглядывал, — признался Персей.

— Жаль, — сказал Иеремия. — Ты мог бы узнать пару занятных вещиц.

— Я же не знал, что в вертикальных сундуках скрываются занятные вещицы, — сказал Персей.

— Поздно, дружок, — заявил Иеремия и с силой толкнул сундук.

Покоившийся на шариковых колесиках сундук под воздействием энергии толчка покатился по коридору, сначала медленно, а затем разгоняясь все быстрее и быстрее, пока не пропал в непроглядной дали.

— Ну что ж, — сказал Персей.

— Возможно, ты набредешь на него еще раз, — заметил Иеремия. — А пока — не смею тебя больше задерживать.

Он зашагал по коридору, свернул за угол и пропал с глаз долой.

Персей никогда не любил Иеремию. А выходка с вертикальным сундуком еще сильнее настроила принца против дяди. Мне

трудно объяснить современной публике, каким серьезным оскорблением считалось в Древней Греции вот так толкнуть сундук по коридору вдаль прямо у вас на глазах. За такое людей убивали, и не только.

Теперь мы на время покинем Персея и обратимся к молодой даме, которую называли до сих пор незнакомкой. Мы оставили ее в английском саду, где она сидит на стуле со спинкой, выгнутой в форме лиры, глядит на лилии в пруду и гадает о том, что ждет ее впереди. Высокая, стройная девушка в длинном белом платье и полупечали, покрывавшей ее овальную головку и позволявшей увидеть лишь розовые ноготки. Вот такой была Лира. Родителей ее звали Кадиллак и Иеро. Она окончила критскую школу прикладных искусств, специализируясь на инталиях и полутоновых соответствиях. Детство у нее было самое обычное, с родителями, тетками, дядюшками, сестрами и братьями. В общем у Лиры было все, за исключением кольца сиротки Энни, но она даже не знала, что оно desideratum[1]. Шучу, конечно. Лира была привлекательная девушка. Ее прямые, гладко зачесанные назад волосы украшали очаровательные весенние цветы. Носик у нее был маленький, губы тонкие. Кому-то она могла бы показаться надутой, но только не ее подружкам, аграгонским наядам, которые часто навещали Лиру в то время, когда Олимпия была гораздо ближе к Криту, чем сегодня.

В данный момент была в Лире какая-то смутность, непроницаемое нечто, что придавало ей особую привлекательность и окутывало атмосферой тайны, которую еще более подчеркивало отсутствие макияжа. Она пришла сюда, в английский сад, не ради себя, а чтобы помочь кое-кому другому. Этим кое-кем другим был ее отец, правитель далекого Тулия. В народе его звали Пневмопотамом — огнедышащим драконом волн, — таким образом выражая свое уважение.

Отец Лиры отчаянно нуждался в чем-то, но никогда не говорил, в чем именно, боясь быть подслушанным и неправильно понятым. Человек он был высокий, с волнистой шевелюрой, и тщательно следил за своим образом. Поэтому, когда дочь предложила ему исполнить его тайное желание, не зная, в чем оно заключается, он растрогался до слез.

— Помню, когда ты была еще ребенком, — сказал он, обняв ее за плечи, — я все думал, что ты послана мне в утешение. Теперь я это знаю точно!

— Отец, я прошу лишь о возможности отработать тот особый долг, которым я обязана Олимпийцам, ибо, насколько мне известно, я не появилась бы на свет, если бы Зевс не шепнул тебе на

[1] Желанно (*лат.*).

ухо: «Не убивай ее, это ж всего-навсего девочка, чем она сможет тебе навредить?»

— Верно, ты кое-чем обязана Зевсу, — заметил отец. — Но еще больше ты обязана Афине, которая вложила эту мысль ему в голову и ненавязчиво внушила, чтобы он передал ее мне.

— То, что ты говоришь, очень интересно, отец, — сказала Лира. — Но как случилось, что Афина приняла такое участие в моей судьбе — ведь всем известно, сколь мало ее интересуют человеческие младенцы женского пола?

— Да, известно, — ответил отец. — Но что до ее побуждений, тебе придется подождать и понять их самой. Ибо боги не бросают ответы нам под ноги, считая, что мы слишком заняты собственными наслаждениями, чтобы обратить внимание на неземные духовные услады.

Лире пришлось этим и удовольствоваться. У нее были свои причины, побудившие ее согласиться исполнить желание отца. Тайные причины, о существовании которых вряд ли кто-то мог догадаться. В это просто невозможно было поверить: чтобы за столь чистым лбом скрывались коварные помыслы?! Чтобы столь ясные глаза могли таить в себе такие сложности? Об этих чертах образа Лиры мало кто знал. А если и знали, то не придавали значения. Трудно сказать, что хуже, да Лира и не пыталась говорить. В этом смысле она была мудра не по годам.

И вот теперь она сидела в английском саду. Ее немного тревожило то, что английский сад был по-прежнему тут. Ну что ж, если ей надо сыграть свою роль в саду, значит, так тому и быть. Глядя в серебряное зеркальце, Лира трезво оценила свои преимущества. Недурна собой, приличные баллы по тесту академических способностей и умение сопереживать маленьким мохнатым лесным зверюшкам. Другие начинали и с меньшего.

Именно тогда в сад вошел Персей. Несколько масляных ламп, стоявших на мраморных постаментах, освещали сцену, в высшей степени строго античную. Здесь не было праздных зрителей, способных накинуть на сцену сеть самоиронии. Здесь были только они двое — и кот.

Кот проскользнул сюда вслед за Лирой. Мы не можем сказать в данный момент, что его побудило, но мы более чем недовольны его присутствием. Разве не обещали мы строго придерживаться главной темы? И вот, пожалуйста, — какой-то кот проникает в пейзаж и отвлекает все внимание на себя своей короткой шерсткой и так далее.

Мы снова наконец вернемся к основному вопросу. Вопросу о ясности. Персей вошел в английский сад, но, едва он шагнул с мозаичного пола в сырую прохладу хорошо увлажненного сада с

рифлеными колоннами и аккуратными цветами в декоративных вазах, как за его спиной что-то шевельнулось. Принц обернулся — быстро, но без особой паники и даже без паники вообще. Ему показалось, что в коридоре кто-то есть, а когда вам так кажется, то возникает желание разрешить все сомнения, в особенности если вас воспитывали на историях зверских убийств и прочих кровавых душегубств. Старый Като, слуга принца, с детства вбил ему в голову мысль, что за каждым кустом таится убийца и что расслабляться не следует даже в помещениях, где кустов, как правило, немного.

— Кыш-ш-ш, — сказал он с северным акцентом, от которого во рту оставался привкус морошки и мурашки тихонько ползли по спине. Но никого не увидел, кроме пятна табачного цвета на стенке, оставленного каким-то отхаркивавшимся сукиным сыном.

Персей опять повернулся лицом к саду, сознавая, что опоздал на встречу и тем самым затуманил ясность повествования. Но не его вина, если вам приспичило делать такие выводы.

— Привет, — сказал Персей. — Это с вами у меня свидание?

— Нет, я пришла сюда, чтобы принести человеческую жертву. Шутка.

Они уставились друг на друга. А в другом крыле дворца мать Персея, Марджори из Афин, сидела на обычном сеансе, которые она проводила раз в неделю по средам, — сидела в темной комнате, и рука ее покоилась в руке, принадлежавшей, как она верила, ее возлюбленному мужу, доктору Арчибальду.

— Послушай, — сказало чудовище (ибо другого определения для него не подберешь), — тут мне, кажется, необходима человеческая жертва. Вообще-то я ее даже не люблю — я имею в виду человечину, — но так написано во всех книгах, рассказывающих о том, как проводить подобные церемонии.

Тут нам следует кое-что объяснить. Марджори привезла с собой привычку к сеансам из Афин. Оба они с Арчибальдом были здесь чужестранцами и находили утешение в исполнении необычных и немного зловещих обрядов.

— Нет смысла быть *слишком* здравомыслящим, — любил повторять Арчибальд, стараясь выглядеть так же зловеще, как Иеремия. Задача эта была не так проста, поскольку некоторые обладают даром сатирического самообнажения и поэтому совершенно естественным образом производят впечатление на людей того сорта, что запускают воздушных змеев в тщетной попытке бросить вызов небесам. Подробно описание событий, предшествующих тому, что происходило, когда Персей вошел в английский сад, где его ждала незнакомка, не должно быть воспринято как признак основного направления причинности. Мы думаем, что сумеем справиться с любым вопросом, который может возникнуть по этому поводу.

Итак, сеанс продолжался, между тем как юный принц вошел в английский сад, где Лира — та самая незнакомка, назначившая ему свидание, с ее чистым лбом, прямой осанкой, отведенными назад плечами, стянутыми в конский хвост волосами, в ее белом льняном платье со множеством складок — стояла, листая одну из первых опубликованных в древнем мире газет, где, несмотря на годичную давность выпуска, новостей было больше, чем большинству людей удается услышать за свою жизнь.

Простите, но мы не можем продолжать. *Что это — перерыв?* Да нет же, глупый, это часть рассказа. *Но с кем я разговариваю? Продолжай печатать, и узнаешь.* Я Лемюэль П. Благгарт. *Извините, но здесь уже нет места для новых персонажей. Пожалуйста, уходите.* Ладно, я уйду — и прихвачу с собой всю историю. *Но зачем так сразу? Возможно, надменный дух, ты сам хочешь рассказывать ее?*

А запросто! Вот смотри. Персей, значит, так его звали. Пошел на свиданку с этой курочкой, Лирой, которая только что получила кучу денег из папенькиного поместья на Сицилии. Чего там случилось со стариком, этого я в точности не знаю. Говорят, на Сицилии находится вход в Город Мертвых. Он, должно быть, туда и забрел по рассеянности.

Персей решил, что с него довольно. И в мгновение ока избавился от враждебного рассказчика. После чего повернулся к Лире и спросил:

— Хочешь пойти на вечеринку с сюрпризами?

— Конечно, — ответила Лира. — Особенно если там можно будет встретить кого-нибудь, с кем я не должна была встречаться, и таким образом разорвать в клочья нормальную ткань событий.

— Ты храбрая девушка, — сказал Персей. — А у меня есть одна проблема. Я что-то собирался сделать и даже тронулся было — но забыл, куда и зачем.

— Мне кажется, я знаю, в чем твоя проблема, — отозвалась Лира. — Тебе не хватает крепости. Я права?

— Да. И стрел в колчане не осталось.

Они уставились друг на друга. Пристально.

— Спорим, что и денег не осталось тоже, — сказала Лира чуть погодя.

— Да, и я даже знаю почему, — заметил Персей. — Потому что наша финансовая поддержка неожиданным и загадочным образом лопнула.

— Я думала, она вложена в надежные бумаги, — сказала Лира.

— Бумаге нельзя доверять, — сказал Персей.

— Лопнула! — возмутилась Лира. — Какая подлость! И как же мне теперь продолжать?

— Боюсь, это никого не волнует, — сказал Персей.

— Но так нечестно! Мне даже не дали шанса!

— Давай изобрази что-нибудь по-быстрому, — предложил Персей.

Лира изобразила танец со слезой. Потом плавно перешла к танцу с грозой, грациозно извиваясь меж молний. Затем последовал танец с гюрзой, обвивавшей ее и переливавшейся разноцветными чешуйками. И в завершение был исполнен неизбежный танец с виноградной лозой.

— Колоссально! — захлопал Персей.

— Спасибо, — сказала Лира. — Но теперь мне нужно принять душ и переодеться.

— Мы находимся в английском дворцовом саду, — сказал Персей. — Здесь нет душа.

— А в соседней комнате? — с надеждой спросила Лира.

Персей огляделся вокруг.

— Похоже, тут нет никакой соседней комнаты.

— Тогда мы в ловушке.

— Боюсь, что да, — сказал Персей.

И тут с крыши послышался какой-то треск.

— Нам нужно было оставить эти догадки при себе, — сказал Персей. — Сдается мне, мы накликали беду на свои головы.

Юноша и девушка задрали головы и посмотрели на крышу. В ней появились трещины. Сначала они были еле заметны, но мало-помалу становились все больше.

И больше.

И еще больше.

— Мы так и будем стоять и смотреть, как трещины становятся все больше и больше? — спросила Лира.

— Не спрашивай меня, я не режиссер, — ответил Персей.

И тут вошел жеребец. Вскоре после этого понеслась такая жеребятина, что у многих начали пухнуть животы. Настало чуть ли не самое худшее время во всей античной истории. Оно было столь же неубедительно, как пир Тримальхиона. За сценой поднялась закулисная возня, и Персей пошел искать другую иллюзию. Он не знал, что делать с Лирой. Свидание с незнакомкой получилось не очень удачным. Забавно, но так порой бывает. А Мэри-Джейн, прячась за портьерой в античном коридоре, уходившем в бесконечность пасмурного моря, прикусила пальчик и хихикнула, привкус местного колорита мы вам принесем, заботами ваших услужливых производителей грейпфрутов, которые поставляют вам все, в чем вы нуждаетесь, и вынуждают покупать все, что у них есть.

Потому что пришла пора пробуждения. Существо на кровати открыло глаза, моргнуло раз-другой, перевернулось и постаралось собраться с мыслями, чтобы попробовать опознать свою личность.

— В ретроспективе все обретет свой смысл, — послышался чей-то голос.

— Отлично, — сказал он, — но сейчас мне от этого не легче.

— Позволь, я расскажу тебе о шекспировском театре, — сказала она. — Особой пользы мой рассказ тебе не принесет. Но классный ужасник с гусиной кожей всегда имеет смысл послушать, верно?

Он заставил себя сесть прямо. Обнаженный по пояс. Блестящий от пота. Залитый жгуче-оранжевым светом. А над ним склонялся человек в униформе с сигаретой во рту, щипцы разомкнуты и слегка повернуты в стороны, рукоятки прижаты друг к дружке — или, по крайней мере, сведены — в темной комнате с единственной лампой, и этот душный запах страха в воздухе. Да, он снова был в *том месте*. Ну надо же, какая досада! Потому что теперь начнется кошмарный сон с грызней червей и прочей ерундой, пока не случится что-нибудь еще. По крайней мере, так ему внушали.

История четвертая

ДЖОРДЖ И КОРОБКИ[1]

Да, забавно получилось с Джорджем и коробками. А ведь раньше он их никогда не замечал. Но потом какая-то мелочь привлекла к ним его внимание — что-то очень пустяковое, тонкое и ускользающее, о чем он даже не мог точно вспомнить — и мне, наверное, следует извиниться за непростительный ход этой фразы, которая, выражаясь фигурально, так и машет хвостиком в воздухе — благо, что все можно изменить.

Позже Джордж много думал о подобных явлениях. Или, по крайней мере, он хотел как следует подумать об этом. Но разве вспомнишь сейчас о том, какие мысли посещали его в момент, когда, не имея еще определенных доказательств, возникших гораздо позже, если только не к настоящему времени, он открыл глаза и предстал, так сказать, лицом к лицу с коварными коробками.

Сначала он увидел лишь несколько штук, но коробки были разбросаны повсюду. А Джордж знал, что такие места, как повсюду, бывают очень интересными, особенно когда они не наве-

[1] George and the Boxes. © 1995 by Robert Sheckley.

вают скуку. Впрочем, это уже вопрос настроения и, даже если нас трое, давайте не будем кивать на луну.

Комната, в которой валялись коробки, с виду и сама походила на короб, однако на стенах, примерно на средней высоте, имелось несколько своеобразных черт — хотя Джордж не стал бы утверждать этого наверняка, поскольку его глаза были прикованы к коробкам и ему не хватало сил поднять их на среднюю высоту.

Тем не менее, заметив коробки, Джордж какое-то время не знал, что ему делать с таким наблюдением, или, вернее, знал, но не хотел показывать свою осведомленность. Да вы и сами понимаете, как это бывает, когда после сытного обеда вам хочется прилечь и вздремнуть; когда жизнь бежит из года в год по спокойному руслу, а вам уютно и немного стыдно за свою лень; и, конечно же, вы лучше поваляете еще одного дурака, чем займетесь какими-то коробками.

— Прости, старик, за вопрос, но где здесь дорога в городок Под Мухой? — спросил здоровый желтый кабачок, вышедший из первой коробки на крохотных ножках, — и здесь, наверное, следует добавить, что крохотные ножки принадлежали ему, а не коробке.

Джордж немного удивился словам кабачка, однако в самой глубине своего сердца он был разочарован. Нет, он, конечно, понимал, насколько необычно звучала кабацкая речь, но вы ведь и сами знаете, что в некоторых религиях коренных американцев кабачок занимал довольно обычное, хотя иногда и забавное место. Неужели вы не помните всех этих историй о веселых шутниках, которые встречались среди кабачков?

Джордж решил посмотреть, повторит ли кабачок свой вопрос. Тот не повторял, и, следовательно, к его словам не стоило относиться серьезно. То есть при желании вы можете считать серьезным все, что угодно. Однако вам никогда не удастся угадать того точного набора правил, по которым будет разворачиваться событие. Хотя в самом начале у вас есть кое-какой выбор — вы можете отступить в сторону и послать ситуацию ко всем чертям в самый задний, так сказать, проход своей жизни. Но бессмысленно предугадывать события. Это все равно что стоять на берегу и махать рукой пролетающим чайкам времени. А ведь мы говорим о моменте, когда история лишь начиналась, о том кратком мгновении затишья перед тем, как Джорджу вновь предстояло опутать себя нелепыми узами, из которых сплеталась его жизнь. И, возможно, в тот миг еще не существовало никаких коробок.

Ладно, подумал Джордж, допустим, они все-таки существовали. Но в принципе их там могло бы и не быть.

Эта мысль послужила началом следующего этапа, поскольку все, что разворачивается в последовательность событий, уже само по себе может считаться ситуацией.

Интересно отметить, что во всех этих коробках сквозил оттенок какой-то фальши. Коробки с правильными углами выглядели вполне нормально, но вот остальные имели выступы и углубления, пилоны и полусферы, контрфорсы и балюстрады разных видов и форм. Джордж, конечно, слышал о неправильных геометрических телах, но в данном случае их порочность заходила слишком уж далеко. Тем более что для такого разгула декораций не было никаких рациональных причин. Если только здесь вообще уместно слово «декорация» и если только под ее видом не скрывалась какая-то чудовищная и многомерная структура.

Но стоило ли тревожить себя по таким пустякам? Джордж решил, что ему плевать на то, какие формы принимали эти коробки — и даже на то, что в них находилось. При встрече с усеченными конусами подобная невинная грубость стала бы причиной серьезных последствий. Однако такая встреча могла произойти лишь позже, если только вообще могла произойти.

И тут Джордж подумал о том, как красиво плавать в залитом солнцем океане, где маленькие волны покачиваются в медленном танце, а коробки кружатся и делают друг другу причудливые реверансы. Хотя на самом деле все было не так, и Джордж просто придумал это, чтобы немного поразвлечься. Иногда он позволял себе такую вольность. А вы, наверное, знаете, как приятно плавать на закате в теплом море, мечтая и выдумывая всякие вещи, без мирских тревог и забот о неумолимом времени.

То были чудесные мгновения, и Джордж наслаждался ими от всей души. Что может сравниться с подобным переживанием? Понятное дело, ничто. Так бывает, когда парню хочется чего-нибудь нового и другого; когда он нарочно считает это что-нибудь не тем, а чем-то другим; когда он, черт возьми, воображает себе это что-то другое. Понять такое может не каждый. Но Джордж понимал, иначе он тратил бы свою энергию на то, чтобы считать комнату комнатой, а не настоящим океаном. Как будто имелась какая-то причина поступать наоборот. И все же стоило Джорджу подумать об этом, как океан и комната стали одинаково возможными и уместными.

Да, сияющее под солнцем море казалось прекрасным, однако так не могло продолжаться вечно. То есть оно, конечно, могло продолжаться сколько угодно. Но даже если бы здесь прошла тысяча лет, память сохранила бы это как один эпизод. Увидев одну волну, вы можете считать, что видели их все. И пусть искривившиеся бликами воды были просто великолепны, тем не менее, посмотрев на них достаточно долго, вы начинали тосковать о пледе. Хорошее всегда остается хорошим, но иногда вам приходится немного погрести, чтобы уцепиться за одну из коробок.

Джордж не имел каких-то особых критериев для выбора той или иной коробки. Просто ему пришла мысль уцепиться за одну

из них, и он нашел это довольно забавным. И к какой коробке, вы думаете, он поплыл? Конечно, к той, что находилась ближе всех, — к большой и голубой в светло-желтую полоску, с крыльями и длинным клювом. То есть, конечно, не с настоящими крыльями и клювом: мы же говорим о коробке, о чем-то таком, что просто выглядело, как крылья и клюв. А надо сказать, что Джордж в этом отношении соблюдал строжайшую пунктуальность. Первая коробка показалась ему немного подозрительной, и он быстро проплыл мимо нее — не очень, знаете ли, приятно, когда коробка пытается выглядеть чем-то еще. Да и в любом случае ему не составило труда подгрести к следующей коробочке, с более современной внешностью и приятной раскраской. Вернее, это только так ему казалось, пока он не положил на нее руку и не развернул немного к себе. Джордж знал, что надо заглядывать в суть вещей. Чтобы раскрыть подноготную коробочки, он ковырнул ее ногтем, но, к его великому сожалению, эта подноготная ничего хорошего собой не представляла.

Вы можете спросить, что же ему там так не понравилось? А разве могло обрадовать глаз такое нелепое нагромождение трубчатых форм? Или странные перекладины, которые связывали вместе все эти стальные конструкции разных размеров? Неужели вы когда-нибудь слышали о трубчатых конструкциях в маленькой раскрашенной коробке? Да я даже представить себе не могу всю эту систему канализации.

И тогда Джордж решил проигнорировать подноготную коробки, сделав вид, что ничего не понимает. Джордж знал, что некоторые вещи лучше всего вообще не понимать, так как их все понимали неверно. А неверное понимание меняло взгляд на вещи и создавало множество проблем, которых следовало избегать ради мира и спокойствия души.

Кроме того, с какой стати мы должны менять свои взгляды, если кто-то посчитал их неверными? Разве наш комфорт и покой ничего не стоят? И почему это мы должны потеть и лопатить веслами, если нам там ничего не светит...

Простите, но нас несло немного в сторону — прямо как Джорджа от коробки.

Внутри ее, то есть внутри коробки, все оказалось немного другим, чем он себе представлял. Забавно, правда? Вам кажется, вы знаете, что должно быть внутри коробки. Однако вы открываете ее и находите, что там все по-другому. Возможно, не совсем чтобы очень, и всегда могут найтись какие-то сходные позиции; но я надеюсь, мы не будем топтаться вокруг да около, а спокойно и трезво одолеем ту путаницу коробок, которая тормозит наш прогресс к желанной цели, чье точное определение нам пришлось бы опустить, даже если бы мы его и знали. К счастью, наше не-

знание является еще одной гарантией того, что говорить мы на эту тему не будем.

К тому времени Джордж обнаружил, что к нему иногда обращались как к Эндикотту. Обращение казалось довольно простым и удобным, но оно несло оттенок неопределенности, поскольку Эндикотт могло быть и именем и фамилией. Чтобы не зарываться слишком глубоко — так как у каждого из нас хватает и других своих проблем, — я скажу, что в нашем обычном понимании вещей, даже в таком вот месте, как это, слово «Эндикотт» может восприниматься двояко. Между прочим, то же самое обнаружили и древние христиане, когда их загнали на арену со львами. Или это обнаружил император? Во всяком случае, что-то между ними там произошло. Джордж знал об этом по слабому отпечатку метафоры, который остался в его уме. Время стерло остальные следы, сохранив лишь мрачное ощущение подавленности, которое несла в себе эта тяжелая и громоздкая фигура речи.

Джорджу не хватало тех важных жизненных качеств, благодаря которым можно было закончить рисунок, связать движения в танец или спеть сольную партию в ангельском хоре. Тем не менее он довольно нормально обходился с тем, что попадало ему в руки, будь то, например, клочок бумаги в местах общего пользования или разрушенный храм на склоне горы. А ведь такие вещи не заботились о том, куда им попасть. Одним словом, Джордж решил проигнорировать данный вопрос, хотя на самом деле вопросов-то ему никто и не давал. Кроме того, у него почти не оставалось выбора, потому что в этот момент, в этот самый, так сказать, кульбит времени, произошло событие, которое Джордж посчитал бы беспрецедентным, если бы узнал о нем заранее.

Такие события случаются время от времени, но мы проходим мимо них, занятые мыслями о хлебе насущном и насущном масле. И поэтому не было ничего удивительного в том, что океан, сиявший бликами заката и казавшийся еще мгновение назад незыблемым атрибутом реальности, вдруг оказался на грани ужасного беспредметного прошлого, в котором он чуть позже и сгинул. Его тихую гибель скрыло за собой то новое, что только едва начинало прорастать.

Какое-то время Джордж размышлял о смысле происходивших с ним явлений. А это не такое уж и бессмысленное занятие, верно? Вам бы тоже не помешала лишняя минутка, если бы вас завертело в круговороте каких-то событий. Кроме того, следует учесть, что даже такая мимолетная фраза, как «мгновенная расплата», требует на свое осмысление не меньше минуты — вернее, не сама фраза, а то, на что она ссылается в метафорическом, так сказать, смысле слова. Джордж еще не мог разобраться, впервые он подумал об этом или нет. Но как Эндикотт он позволил себе немного посомневаться. И раз они платили ему за такую работу,

то почему он должен этого стыдиться? Что естественно, то не безобразно, как любил он говаривать своим корешкам, потягивая виски в баре. Прошу прощения, мадам, но я не говорил, что у Джорджа росли из тела какие-то там корешки. Я имел в виду его закадычных приятелей, и они, надо сказать, выглядели почти так же, как он. Ну разве что более коренастыми. А какими еще могут быть корешки? Сам же Эндикотт был долговязым и худым. Они даже называли его Струей. Джек Струя — не слишком мило, правда? Но вы же знаете, какими грубыми становятся люди, попадая под газовую атаку.

Говоря по правде, мы и сами повидали многое на своем веку. Особенно теми вечерами, когда, добравшись до берега моря, пытались снять на время несколько коробок — сначала тех, где живут, а потом тех, с кем живут. И на морском берегу всегда хватало того и другого. Очевидно, они как-то связаны друг с другом. Хотя лично я не уверен, что одни коробки порождают другие. Природа более тонка, и ее пути неисповедимы.

В то время вопрос надвигавшейся истории еще не вставал так остро и грозно. Люди наслаждались своими маленькими радостями, но то была настоящая и респектабельная жизнь. Как жаль, что мы больше не увидим ничего подобного.

А разве можно забыть эти прекрасные прогулки по морскому берегу, когда мы присматривались то к одним коробкам, то к другим; разве можно забыть ту магическую игру слов, которая возникала в беседах между мужчиной и женщиной? Пикники запоминались сложными салатами — салатами из встреч и чудесных дней!

Впрочем, и тогда возникали проблемы. Но в то время мы еще не знали, что считать проблемами, а что — промежутками между ними.

Джек Струя. Представляете, каково быть таким человеком? Или Джеком Мокрое Пятно? Хуже не придумаешь, верно? Да, молодежь грубеет с каждым днем, и особенно здесь, в этой стране первопроходцев и пионеров, где люди без галстуков считаются либо зелеными сопляками, либо древними и ветхими старцами. И жизнь здесь, конечно, не сахар.

Тем вечером Эндикотта одолевало смутное и тревожное предчувствие. Он вышел на узкую полоску пляжа и уселся перед своей лачугой — довольно стандартным домиком с обычным набором кухонных приспособлений. В те дни еще не изобрели всяких там кухонных комбайнов и микроволновых сеялок, поэтому все женщины работали вручную. Во всяком случае, Эндикотт принимал их тогда за женщин.

А потом начались первые неприятности. Они всегда приходят к нам тихо и незаметно, и мы не думаем о них вплоть до того момента, пока вдруг не случается настоящая беда. Впрочем, вы

лучше меня понимаете эзотерический смысл усеченных конусов, которые тоже влились в нашу жизнь незаметно и тихо.

Сначала нас беспокоили только их немного вульгарные черты — да-да, вульгарность и кривые подлые рты. Каждый из них носил с собой гитару, но мы никогда не слышали, чтобы они играли. И еще нам тогда казалось, что их отговорки слишком глубоки для нашего понимания.

— Куда вы идете?

— Вон туда, чтобы посмотреть на усеченные конусы. Хотите пойти вместе со мной?

— Мне бы очень хотелось, но сейчас я занят. Не могли бы вы передать им эту корзиночку с диалогом?

— А-а! Это та штука, которую вы собираете в словесных дебрях? С виду ничего особенного. Но я бы не стал кормить такой пищей своих детей. Ничего хорошего из этого не получится. Вы понимаете, что я хочу сказать?

С каждой его новой фразой я становился все более и более подозрительным. Да и с какой стати он так разговорился, если еще минуту назад ему и смотреть-то на меня не хотелось?

— Послушайте, — сказал я, — может быть, вы пойдете себе дальше?

— Меня зовут Джордж, — ответил он.

Где-то под кипой желтых страниц моего разума завыла тревожная сирена. Я же ни о чем его не спрашивал! Тем более что мы никогда с ним до этого не встречались — да и до того тоже. Тогда почему он назвал мне свое имя? То самое, которое я терпеть не могу. Неужели втирается в доверие, чтобы остаться здесь или оставить мне свой пухлый мешок с диалогом?

— Как мне не хочется таскать его с собой! Он такой липкий.

— А ну, кончайте это! — закричал я, торопливо закрывая мешок.

Если и есть на свете вещь, которая вам абсолютно не нужна, так это диалог из болтливого мешка. И не только потому...

— Но помимо этого и по многим другим причинам.

— Хватит, я вам сказал!

Однако мешочек протекал, и диалог сочился из него тонкой струйкой. Я изо всех сил старался не слушать тот бред, который вытекал из лопнувшего шва.

— В ту пору сирены Франции носили длинные платья, которые придавали им довольно унылый вид, и поэтому, собравшись с духом, я сказал ему...

Вы и сами знаете, насколько утомительным может казаться чужой диалог. Но диалог внутри диалога — это вообще невыносимо. Мы можем выглядеть немного наивными и не искушенными в ваших городских штучках, но нам прекрасно виден нескончаемый регресс, который уже встает над горизонтом культуры. И, огля-

дываясь назад, я замечаю теперь что-то безошибочно поддельное во всем том, что предшествовало настоящему времени.

Этот Джордж, назвав свое имя, тем не менее не торопился узнать мое. Возможно, он думал, что я представлюсь сам, но это шло вразрез всему оформлению ситуации, ее моральному орнаменту и формам приличия.

— Скорее я поцелую раздавленного таракана, чем представлю себя.

Прозвучавшую реплику мне явно навязали. Конечно, я бы так не сказал. Упаси меня боже! Эта фраза вытекла из мешочка с диалогом.

И только тут до меня дошло, что этот парень принес мешочек в коробке. А значит, он был тем самым знаменитым Джорджем, который прославился своими вездесущими коробками. И я должен признать, что это меняло многое.

Чем больше я думал о Джордже, тем меньше он мне нравился. Не то чтобы знал его лично или действительно тратил свое драгоценное время на какие-то размышления о нем. Конечно же, нет. Все прошло гораздо быстрее. Вы же знаете, как это происходит внутри. Вот вы взглянули на кого-нибудь — и вот у вас уже свое личное мнение. Проблема в том, что между этими двумя событиями больше ничего нет, и такой поворот дела приводит нас в замешательство. Мы знаем правила игры. По этим правилам там должно что-то быть.

— Чтобы избежать субъективного идеализма?

— Вот именно.

Иногда случайные слова из мешочка с диалогом могут до жути подходить к описанию событий и придавать им особый жуткий смысл.

А я тем временем, если вы помните, прогуливался по пляжу, и из пухлого мешочка, который Джордж попросил меня передать усеченным конусам, по-прежнему вытекали слова.

Тем не менее что-то внутри меня протестовало — это, конечно, фигура речи, и вы можете найти ее не только внутри меня, но и где угодно.

— Зачем нам нужны все эти конусы?

— Неужели ты не понимаешь, что суть вопроса не в них? Они даже не достигли той точки, где их можно назвать хотя бы условно существующими. А ты должен знать, что обычно происходит, когда кто-то берется за дело на предварительной стадии. Поверь мне на слово, он получает что-то очень слабое и неубедительное!

— Проблема с этим Джорджем, по всей вероятности, состояла в том, что он принимал решения, которые, на мой взгляд, было бы лучше отложить на какое-то время. И фактически на довольно долгое время.

— Фактически, практически!

Я зашагал быстрее. Шов в мешочке расходился все больше и больше.

— А-а! Так ты боишься чепухи? Но ведь все ее боятся, верно? Вот почему они называют ее чепухой. И вот почему она так часто появляется в величии своей непосредственности и непреложности ко всему прочему; я бы даже сказал, что она возникает во всем великолепии своей восхитительной доказуемости, хотя эти качества постигаются людьми гораздо позже — после того как создается механизм восприятия.

Они объяснили мне это очень подробно: сначала мы имеем объем перцепции, который всегда появляется первым и может принимать любую форму и образ — сверчка, бумеранга, трех апельсинов или хорошего юмора у друзей. А поскольку таким объектом может оказаться все, что угодно, мне бы не хотелось быть исчерпывающим в этом вопросе. Главное, что объект перцепции возникает первым.

Потом, когда восприятие зависает на какой-то миллиметр наносекунды, чтобы проявить себя вполне определенной гранью сознания, что-то в нас приходит в готовность и улавливает это зависящее восприятие. Некоторые даже говорят, что перцепция сама по себе расщепляется на две противоположные части — объект перцепции и того, кто этот объект воспринимает, то есть сам, по-научному, перцептор.

— В этом перцепторе есть что-то римское, правда?

Я не обращал внимания на болтовню мешка, и мне больше не хотелось смотреть на усеченные конусы. Даже без встречи с ними я знал, что между нами не может быть ничего общего. В тот миг мне грезилось что-то похожее на пухлое, набитое ватой кресло. Я осмотрелся в поисках мягкой и удобной концепции, желательно с полосками и прочным остовом, чтобы она подольше стояла на своих маленьких ножках и не опрокидывалась слишком быстро.

А ведь то, о чем они говорят, действительно происходит: сначала возникает перцепция, потом она делится на объект и субъект восприятия, а затем на земле появляются цветы, или мы присутствуем при рождении блюза. Нет, вы можете хихикать, если хотите, но уверяю вас, тут совсем не до смеха. Давайте рассмотрим этот вопрос дальше. Допустим, мои глаза сейчас закрыты, потому что я ничего не вижу, — соответственно ни одна из этих вещей не появляется. А потом они внезапно вспыхивают, и мне приходится вертеться как белке в колесе, чтобы запретить и сдержать их бег. Но что я могу поделать с алюминиевым патронташем, или бронированной самоходкой, или этой яйцеобразной волной, которая набегает спереди? Такие вещи всегда возникают неожиданно, поскольку перцепции редко приходят поодиночке:

они смешиваются друг с другом и создают многоуровневые перцепторы, то есть вас, меня и ее.

На этом разговор, конечно, не закончился, но я был им сыт по горло. Фактически у меня появилась такая перцепция, что я и так уже слишком много знаю и что мне пора понемногу о чем-то забывать. Для начала мне захотелось забыть о Джордже, но я не учел его коробок — этих отвратительных вещей, которые рябили своими полосками и протуберанцами, то ускользая, то появляясь у нас перед глазами; они были до странности неуловимыми и в чем-то даже волнообразными, и их неумолимое возникновение намекало на то ужасное и фатальное, что скрывалось за ними впереди. Ну вот, еще одна фраза уплыла, вытягивая во все стороны свои маленькие щупальца и стараясь зацепиться за любое слово, которое могло бы вернуть ее в безопасную гавань. По крайней мере, она пыталась стать идеей, идеей о коробках — этих всевозможных контейнерах для материальных вещей и вместилищах невыразимого и непознанного.

Хотя, насколько я знаю, коробки еще не породили ни одной материальной вещи. И мне кажется, мы можем этому только радоваться.

— Совершенно верно. Диалог из мешка с диалогом — это довольно скверно.

Из мешочка текло все сильнее.

— Ты чертовски прав. Течь становится все больше, и я должен сказать тебе, что ты глух как пробка, если не слышишь фальши в том хоре, который поет сейчас в твои уши.

Мне удалось завязать узелок в уголке мешка и тем самым остановить на какое-то время этот нараставший поток слов. Хуже всего было то, что в них имелся какой-то здравый смысл. А что может быть хуже слов, которые, как нам кажется, содержат здравый смысл, верно? Ладно, мы все знаем ответ на этот вопрос, но каждый из нас обычно уклоняется от него в сторону, поскольку это не требует почти никаких усилий.

Да, конечно, у меня есть свои слабости и недостатки, но я действительно не ожидал, что дойду до ручки. Поэтому я выражаю огромную благодарность доктору и всем работникам нашей клиники. Вы сделали меня более чем спокойным. Я знаю, вам потребовалось войти в мою галлюцинацию, чтобы обезвредить ее для меня. И теперь, благодаря вашей дружеской поддержке, я могу вынести любую тарабарщину о коробках, конусах и море в лучах багрового заката.

Мне сказали, что один из ваших сотрудников называет это пусканием слюней. Или, возможно, он только подразумевает это. Должен признать, что подобная терминология не вызывает большого восторга, но вы и сами понимаете, что я имею в виду.

Помнится, еще до того, как меня сюда привезли, я жил в со-

вершенно другом месте. Там было много хороших людей — Задница, Макс и дядя Гарри[1]. Приятно вспомнить их милые лица. Я ведь до сих пор скучаю по неуловимой и двусмысленной улыбке дяди Гарри, когда он думал, что я на него не смотрю. И еще мне нравились его ботинки. Память возвращала все это кусок за куском. И даже старину Эрика. Я думаю, он удивился не меньше нас, когда понял, что пистолет оказался заряженным. Конечно, в тот момент он немного вышел из себя, и тут его, как назло, подхватила волна яванской революции. А незадолго до этого его бросила Лил, которая улетела в Шанхай, чтобы открыть Красного Петуха.

В те дни они плавали на старинных парусных судах. Да вы и сами, наверное, помните — их еще называли подкладными судами. Типичный пример помрачения некоторых белых людей. Мне кажется, они даже не слышали о мешочках с диалогом. Хотя в этих людях было что-то серьезное и трогательное — какой-то, знаете, тонкий намек на сомнение. Впрочем, не думаю, что вам понятен смысл моих последних слов, потому что я и сам ничего не понял. Прямо как свист во тьме. Ах, если бы я мог разорвать все это в клочья! Выдрать из уст свой красный, так сказать, кровоточащий язык. Может быть, кто-то хочет что-нибудь добавить?

Усеченные конусы появились здесь задолго до коробок. Хотя, на мой взгляд, мы можем подвергнуть это утверждение большому сомнению. Где-то же мы должны начать сомневаться, верно? Обычно мы начинаем это в невинном возрасте, когда усеченные конусы еще не знают своих настоящих имен и считают нормальным явлением, что их всех раскрашивают в синий цвет. Наверное, вам кажется, что я вожу эту тему по кругу, но вы бы тоже так поступали, если бы обстоятельства вашей жизни издавались в такую чуждую эпоху, как моя.

— Кто-то здесь начинает терять над собой контроль.

Это лилось из шва в мешке с диалогом.

— Заткнись. Мы пытаемся пройти дальше. Мимо этих усеченных конусов. Поэтому лучше не создавай нам лишних трудностей.

Фраза потеряла равновесие, склонилась вправо, и рычаг весов качнулся вниз, словно в самом страшном кошмаре Эйфеля. Да-да, я знаю. Я обещал больше не упоминать об Эйфеле, а сам снова принимаюсь за старое. Но что уж тут сделаешь: мы простые обычные люди, верно?

В конце концов Джорджу удалось вернуть коробки в комнату. Это потребовало напряженных усилий и толчков, потому что некоторые из коробок оказались более крупными, чем он их по-

[1] Имеются в виду персонажи какого-то фильма. Я его видел, но забыл название (что-то похожее на «Шанхайскую лилию»). Главную роль исполняла Мэй Уэст. Чуть позже наш псих к ней вернется. (*Прим. авт.*)

мнил. Сначала ему подумалось, что они подросли за время его отсутствия, но потом Джордж понял всю абсурдность подобного предположения. Конечно, их мог подменить кто-то другой, однако и эта догадка прошла мимо цели, поскольку тут не было никого, кроме Джорджа и его воспоминаний о безымянном рассказчике, который пытался сделать с ним что-то ужасное. К сожалению, Джордж не помнил, что именно хотел сделать рассказчик, потому что здесь всегда происходили какие-то новые катастрофы, заставлявшие нас забывать о прошлых бедах и несчастьях. Прямо как сейчас.

Не успел Джордж втащить все коробки в комнату, как вернулся тот мужчина, который называл себя Мандрагорой.

— Все втащил?

— Да, Мандрагора.

— Я так думаю, что с некоторыми пришлось повозиться, верно?

— Да, Мандрагора.

— Но ты снова справился с этим?

— Да, Мандрагора.

Этот Мандрагора выглядел высоким, сильным и местами гладко выбритым человеком. Сохраняя уникальность, он вполне соответствовал своему образу.

С этими новыми людьми всегда происходит одно и то же: в первую минуту вы считаете их просто непостижимыми, а уже в следующий момент вам кажется, что они всегда были рядом. То же самое случилось и с Мандрагорой. Хотя на самом деле его звали по-другому. Однако мы не можем использовать здесь настоящего имени Мандрагоры, поскольку он прибыл к нам из провинции Запой того самого государства, которое граничит с другими странами. Давайте назовем это государство буквой Y, хотя вы, конечно, понимаете, какую страну я имею в виду. Но на всякий случай запомните, ее название не начинается с Y. Это послужит вам хорошей подсказкой.

Если говорить о жизни в Y — или в L, как эту страну называли ее обитатели, — то она шла тихо и спокойно. Провинция Запой находилась у черта на куличках, то есть дальше всех от бога и Парижа. Между прочим, ее всегда не принимали в расчет, вплоть до самого окончательного упадка.

Это была настоящая провинциальная глубинка. В некоторых деревнях там все еще носили хвостовые перчики и полосатые гетры. Мужчины по-прежнему охотились с самострелами, а одежды деревенских музыкантов играли оттенками подпаленной туалетной бумаги. Но вы и не могли ожидать от такого места каких-то тонкостей и причуд большого города.

И, конечно же, поэт Дж. их не ожидал. Еще он не ожидал окончания дождя. Он знал, что дождь иногда кончается, но зачем же

этого ждать, скажите мне на милость? Поэт наслаждался завтраком в кругу семьи своих хозяев. В этот мертвый сезон он оказался единственным жильцом в отеле «Га фон Ович», поскольку другие туристы разъехались в места, где для них нашлись сезоны поживее. Вы хотите знать, куда именно? Ну хотя бы за границу в Лысокрикию, чтобы покататься на лыжах по горам бумаг, или на юг в Грандсливию, где наряду с яблочными пирогами наблюдался разгар рогового пения.

Такое положение дел вполне устраивало Дж., потому что он искал покой и уединение — конечно, не в буквальном смысле слова, но так, чтобы сделать из этого историю. Плотно позавтракав, поэт вышел на небольшую террасу, которая возвышалась над крокетным двором и фронтоном карцера. Он посасывал кофе а-ля-дуй-надуй и слушал болтовню попугаев — вернее, тех больших многоцветных птиц в крохотных галошах, которых Дж. принимал за попугаев. Во всяком случае, обувь на них была местного производства.

Мне кажется, я уже упоминал о том, что деревня располагалась на пунктирной линии между секторами. Это обычно никому не приносило вреда, но иногда природа вела себя неприлично и откалывала всякие фортели. Вы могли случайно наткнуться на блуждавший легион римской пехоты, и, если вам в тот день нечем было заняться, вас просили отвести их обратно к границе. На такие вещи тут никто не обращал внимания. И вообще, потрясение — это красивая одежда, под которой вы скрываете безысходность. Извините меня, но доктор говорит, что пора принимать таблетки. Этот секвестр мы закончим в следующий раз, и тогда, Джордж, я кое-чем тебя удивлю.

Джордж сел на краешек стула. Это потребовало невероятных усилий, потому что ему попался не тот краешек. Он закрыл коробку и отложил ее в сторону.

Его взгляд перешел на дверь, и Джордж отметил, что на ней не было никаких ручек. Более того, эта дверь не открывалась. Он снова сел на стул, осмотрелся вокруг и только теперь заметил женщину, которая сидела напротив него. Ей было не больше пятидесяти — то есть двадцать, тридцать или сорок лет; и в соответствии с возрастом ее волосы можно было назвать белокурыми или седыми.

Джордж напрасно пытался успокоить себя этими наблюдениями. Он знал, что скоро наступит его очередь. Ему захотелось еще раз потолкать дверь, но он сдержался, понимая, что за такой короткий срок больших изменений в этом направлении не произойдет.

Женщина больше походила на девушку, чем на пожилую даму, и поэтому Джордж нашел ее присутствие уместным. Она не сводила глаз с другой двери — той самой двери, через которую

вышел полицейский. Джордж вспомнил, что, когда тот резко захлопнул ее за собой, он явственно услышал тихий щелчок замка.

И снова две двери: одна, через которую вошел Джордж, и другая, за которой стоял полицейский. Как много в этом было смысла и определенности. Джордж задумчиво опустил голову и внезапно заметил коробку, которую он держал на своих коленях.

А ведь ему казалось, что он избавился от них. Скорее всего эта коробка осталась у него случайно. Видимо, он прихватил ее с собой по старой привычке, а остальные у него купил какой-то толстяк в тяжелых галошах или в десантных сапогах, как они их еще называли. Хотя нет, коробки у него забрал кто-то другой. Джордж решил, что ему лучше пока об этом не думать. Он совсем запутался, но не потому, что все так случилось. Наоборот, все, что случилось, казалось достаточно простым и ясным. Его сбили с толку два предыдущих дня, события которых открыли ему вид на более спокойные времена.

К утру сон начинает растворяться. Вы уходите из мира сновидений, который лишь миг назад считался вашей законной территорией, и реальность снов расползается в стороны от проблесков другого, более жесткого мира. Вы начинаете понимать, хотя и не совсем уверенно, что есть более чем одна реальность. А сон угасает, и с первыми мыслями, чувствами и желаниями к вам приходит осознание того, что от вас забирают эту милую и уютную страну чудесных грез.

А что вы получаете вместо нее? Перед тем как вам вспомнится ваша реальная ситуация, существует мгновение, в которое вы всматриваетесь как постороннее лицо — как тот, кто никогда раньше ни о чем подобном не слышал.

В этот миг вы рассматриваете свою жизнь как что-то далекое и невыразимо чуждое. Но потом на вас обрушивается полноводный поток сознания, вы пробуждаетесь и вновь находите себя тем, кем вы были вчера и, возможно, много-много дней назад. Да, это ваша личная жизнь, но она почему-то не кажется лично вашей. В ней есть оттенок чего-то временного и экспериментального. А затем вас накрывает какая-то пленчатая звериная кожа, вы становитесь живым и дышащим существом, и уже перед самым пробуждением вам дается крохотное мгновение свободы, в котором вы еще не тот, но уже и не этот. И тогда вам приходится брать под контроль свою жизнь, которая мчится, как скорый поезд, по бесчисленным рельсам огромной сортировочной станции. Вы несетесь вперед в самом первом вагоне, и порою вам хочется остановиться, отъехать назад, но у вас нет выбора, потому что рельсы возникают перед вами слишком быстро; и нет времени подумать о том, как перебраться на другой путь по соседним стрелкам.

Однако там, в неуловимо тонкий момент пробуждения, у вас

есть возможность изменить эту метафору и разобраться с клубком, в который сплелись мириады жизненных нитей.

Люди тратят годы, пытаясь уловить этот миг. Но большую часть времени они не помнят того, что искали. Вы чувствуете, что какой-то выход есть; вы знаете, что он в вас самих; и вы снова делаете попытку за попыткой.

Такие усилия почти не связаны с ясностью сознания. Если появляется ясность, значит, все уже погрязло во тьме. Силы драматургии не позволяют вам уловить тех интриг, в которые вы вовлечены. Вам не дано заглядывать вперед, и вы хотите этого только потому, что под вашим носом не возникает никаких осмысленных действий.

Вот о чем думал Джордж, когда в замке раздался скрип ключа и он услышал веселый голос надзирателя Тома:

— Проснись и вставай, сияя пред ликом нового дня!

Том действительно был хорошим человеком — веселым и даже, можно сказать, ироничным. Зная о его тонком и остром уме, оставалось лишь удивляться игре природы, которая наделила этого парня обычным черепом, а не маленькой коробочкой для иголок. Открыв дверь камеры, Том вошел внутрь, и Джордж еще раз отметил, что кобура на поясе надзирателя была пуста. Поговаривали, будто внутренней охране специально запрещали носить оружие, чтобы оно не попало ненароком в руки какого-нибудь обезумевшего заключенного.

Впрочем, Джордж и не думал нападать на Тома. Сама мысль об этом казалась ему абсурдной и недостойной обсуждения. Большой и мощный Том мог бы стать образцом для любого атлета, в то время как Джордж зачах и поник под бременем тюремного срока. Да, миазмы заключения проявляются не сразу, но, отсидев в камере несколько лет, вы в конце концов начинаете чувствовать их тлетворное влияние.

— Как мы тут сегодня себя ведем? — спросил Том, приступая к этапам ежедневной проверки.

Он проворно обошел комнату и достал из большого кармана рапортичку, к которой на истертом шнурке крепился маленький карандаш. В рапортичке лежало несколько отпечатанных листков, где после записей и таблиц виднелись плоские коробочки печатей. Как-то раз Джордж ухитрился заглянуть в бумаги Тома, но ему не удалось прочитать там ни строчки, так как текст был написан на странном и незнакомом языке. Буквы казались абсолютно теми же, однако Джордж никогда не слышал таких слов, как меяне-мвен нейарк, поэтому он до сих пор не знал о том, что же искал в его камере Том.

Тем не менее он мог беспрепятственно наблюдать за тем, что делал надзиратель. Тот прошелся по комнате, простучал в нескольких местах стены, проверил тумбочку, повертел в руках стул, а

потом зачем-то подергал остов кровати. Подойдя к раковине, Том тщательно исследовал водопроводный кран и поковырял пальцем краску на сливной трубе. После каждого из этих действий он ставил в рапортичке галочки.

Когда надзиратель закончил осмотр, Джордж сделал свой первый вывод — первый за этот день.

Доходя до конца списка, Том начинал действовать медленно, с какой-то скрытой неохотой, и Джордж чувствовал, что Том не хотел этого конца, не хотел перехода к следующей стадии, которую он, возможно, не одобрял и считал негуманной. Хотя в равной степени возможно, что он одобрял ее целиком и его притворное нежелание имело целью вытянуть из заключенного изменнические заявления. Они еще и не на такое были способны, эти черти-надзиратели.

— Так, место, кажется, в порядке, — произнес Том. — Теперь давай возьмемся за тебя.

Этого Джордж и боялся.

— За меня? — спросил он, поднимая брови и разыгрывая наивную неосведомленность, хотя никто не поверил бы, будто он не знал ни о чем подобном, на что, казалось бы, намекало его удивленное выражение лица, подчеркнутое едва заметным пожатием плеч и слегка озадаченным изгибом рта.

— Однажды мы уже имели тут проблемы с Вентиллем, — ответил Том. — Но теперь это в прошлом. Сейчас нас интересует только одно — как долго ты еще будешь здесь оставаться?

— Мне это и самому интересно, — скромно произнес Джордж, хотя на самом деле его не интересовали такие вещи.

— Ладно, мы оставляем это на твое усмотрение, — сказал Том. — Я полагаю, ты знаешь, что мы имеем в виду.

— Да, конечно, — ответил Джордж.

Он знал, что Том лжет. Срок заключения в таких местах абсолютно не зависел от желания узников. Эти ловкачи лишь притворялись, что вопрос о выходе из тюрьмы оставлен на усмотрение Джорджа. Возлагая на заключенных груз подобного решения, они тем самым получали возможность еще на один оборот завинтить колпачок, еще на дюйм провернуть свое сверло, надавить, размазать и расплющить. «Что же вы тут сидите, ребята? О вас давно позаботился розовый фламинго!»

Конечно, Джордж не стал говорить этого вслух. У него еще остались кое-какие ресурсы — несколько мест, куда не могли добраться надзиратели и попечители; несколько убежищ, о которых никто не подозревал.

— Вот смотри, — сказал Том.

Он вытащил из кармана ключи и бросил их к ногам Джорджа.

— Теперь все зависит от тебя.

Том повернулся и вышел, оставив дверь камеры открытой. Какая беспечность!

Или это так только казалось? Маленькое шоу в наивное доверие могло оказаться одним из их возмутительных трюков. Да, они оставили дверь открытой. Но что произойдет, если вы переступите через порог? Джордж не имел ни малейшего намерения выяснять ответ на этот вопрос.

Он знал лишь то, что полагалось знать заключенному: тюрьма — это маленькое государство, доступное даже для французов; здесь имелось почти все, хотя и в неявной форме. Власть вела себя как и везде, то есть скрывала, запрещала и разобщала. Ни один узник никогда не видел других заключенных, и каждому из них внушалась остроумная идея, что огромная тюрьма, с большим штатом тюремщиков и непрерывным шумом круглосуточной деятельности, была создана только для него одного. Тем не менее в такую откровенную ложь не верил никто, даже Джордж — наивный, нормальный и здравомыслящий человек.

Ему показалось, что наступил вечер. Тюремные камеры имели скрытую систему освещения, которая воспроизводила день и ночь, а также множество таких тонких и эмоциональных оттенков, как сумерки, заря или вечерняя песня. Власти бесстыдно манипулировали освещением, иногда по нескольку суток оставляя включенным дневной свет или, наоборот, меняя день и ночь через получасовые интервалы. Они намеренно вводили узников в заблуждение, и, как вы сами понимаете, этот хаос приводил к другим, более серьезным последствиям. Джорджа немного тревожило, что уходя надзиратель не сказал ему, какому распорядку надлежало следовать — дневному или ночному. Поговаривали, что некоторые надзиратели тоже были заключенными и что именно их наказывали этой капризной сменой дней и ночей, хотя, конечно, доставалось и официальным узникам, которые спали в камерах. К сожалению, проверить подобные сведения не представлялось возможным, потому что они предусмотрели все — те, кто стоял за руководством тюрьмы.

Уже за одно это их можно было бы презирать, но день за днем и год за годом вам внушали мысль, что они ничего не знают. А небольшая путаница — это очень опасная вещь. Хотя порой она позволяет избегать еще более опасных ситуаций.

Тут я, конечно, должен описать вам контору по распределению участков. Она находилась в небольшом сборном домике из гофрированного железа — в одном из тех неказистых строений, дюжина которых или около того была разбросана по голой и унылой равнине. Вдали, почти у самого горизонта, долину со всех сторон окружали горы. Однако они выглядели такими же низкими и неинтересными, как тот дом, к которому привела меня Майра.

— Ты действительно считаешь, что это хорошая идея? — спросила она, сжимая мою ладонь.

Мне даже не хотелось отвечать. В тот момент это казалось само собой разумеющимся. Я взглянул на нее и сказал:

— Мы должны уехать отсюда, уехать в другое место. Быть может, попав на новое место, мы тоже станем новыми, понимаешь?

Что-то мне тут уже не нравится. И вообще, земельная контора может подождать. Все, что нам сейчас надо, так это немного выпить. Нет, даже не так. Нам надо выпить, чтобы придать нашей ситуации более гуманный вид и тем самым ее огуманоидить, то есть, я хотел сказать, очеловечить. По крайней мере, приятно знать, что эта внепланетная авантюра была лишь пробным шаром, и мы всегда можем вернуться назад, на старую добрую Землю.

Хотя сначала надо придумать пароль. Допустим, ВНЕПЛАНЕТНЫЙ КОСЯК. Итак, мы подходим, заглядываем в открытую дверь...

— Эй, заходите, ребята, — раздался изнутри веселый голос.

Майра и я обменялись взглядами. Тем не менее мы вошли — она первая, а я за ней следом. Мы даже не знали, чего ожидать. Да и откуда нам это было знать, если мы прилетели на Антиопу только пару часов назад? А эта планета, между прочим, здорово отличалась от того, что нам показывали на афишах, брошюрах и мимеографических позиционных картах. Она даже не походила на документальный фильм, отснятый Внепланетными Производителями.

Бармен оказался большим и дородным мужчиной. Некоторые из его дородностей уже подходили к стадии родов, и оставалось надеяться, что этот процесс не затянется на всю жизнь, как у многих других представителей мужского пола. Облик завершали тонкие губы, плоский нос, отдавленный катком, и красная тенниска с эмблемой Внепланетных Застройщиков. Что касается бара, то он выглядел нормально — по крайней мере футов на пятнадцать в длину, а возможно, и больше. Мы там были единственными людьми. Пока, как вы сами понимаете.

— Зовите меня Томом, — сказал бармен. — Я отставной моряк; до этого выступал с животными в цирке. В жизни мне пришлось заниматься многим, но теперь я работаю барменом в колонии номер один. Что-нибудь хотите заказать?

Каждый из нас заказал пиво — самого простого, без особенностей и прикрас. Мы уже давно ушли на Земле от всяких там вывертов и деликатесов. И мы гордились тем, что не засоряли себе умы дюжиной марок и сортов пива. Наверное, Том понял наше стремление к простоте. Он взял два бокала, сполоснул их и наполнил из неприметного безымянного крана. Поставив пиво прямо перед нами, он подмигнул мне и тихо спросил:

— Только что прилетели, верно?

— Да, — ответила Майра. — Мы прилетели на корабле «Судья Джефферсон». Решили, знаете ли, присмотреться к вашей планете.

— О! У нас тут прекрасный маленький мир, — сказал Том. — Жаль, что к нам еще не импортируют тайны. Представляете, как сюда повалит народ, когда они у нас появятся.

— Какие тайны? — спросил я его.

Том растерянно взглянул на меня, взял в руки швабру и начал яростно натирать стойку, на которой, между прочим, не было ни одного пятна.

— Скоро вы и сами об этом узнаете, — ответил он. — Вам уже нашли кроватные места?

— На корабле нам сказали, что для нас бронированы номера в гостинице.

— Наверное, немного преувеличили, — ответил Том. — Гостиницы у нас еще не построили. А броню мы используем только для танков.

— Где же нам тогда остановиться?

— Тут неподалеку есть флигель для гостей, — сказал бармен. — На дальнем конце посадочной площадки. Не бойтесь, вы его ни с чем не спутаете. Там вам дадут еду, белье и таблетки. Или вы хотите пообедать здесь? Я вам сделаю такие гамбургеры с кетчупом, что вы пальчики оближете.

— Прямо домашняя еда! — восторженно воскликнула Майра.

— Да, так оно и есть, — скромно отозвался Том. — Значит, делаете заказ?

— Не сейчас, — сказал я. — Как думаешь, Майра?

— Думаю, нам лучше вернуться на корабль, — ответила она.

— Как? Уже пора возвращаться?

Я взглянул на Майру, и на ее лице появилось то самое выражение. Вздернутый подбородок стал ответом на мой вопрос.

И тогда я решил написать заявление о переходе в другую палату.

Однако сейчас не время для всего этого диалога. Мешочек протекает; охранник Том только того и ждет, чтобы поймать меня при попытке к бегству. Помните, как сказал Беккет — они платят мне за это, и потому приходят сюда каждый день, чтобы забирать страницы. Да, слова продолжали приходить каждый день. Я почти уже не сомневаюсь в том, что порождаю их своим воображением. Но зачем? Я даже не прошу вас об уточнении; это просто любопытство. А что зачем? Все вокруг замерло, ожидая благодати уточнения. Ибо в ней обреталась соль знания — соль и перцепция. И оркестр наигрывал вальс.

Тихий поток. Под взмахами дюжины весел гордый корабль викингов мчался вперед. Полумесяц корпуса; щиты, висевшие по бокам; и один большой парус. А что там нацарапано внизу? «Здесь был Эрик».

Да, добро пожаловать на новую планету. Мы хотим, чтобы она стала вашим домом, и от всей души заверяем вас, что вскоре этот кусок бесплодной земли наполнится яркими воспоминаниями, которые будут иметь для вас особое значение. Но сначала давайте зайдем в земельную контору и обсудим наши дела.

А в это время тюрьма переживала стадию переименования, поскольку прежнее название оказалось мертворожденным. Ужасная неразбериха со сменами дней и ночей служила явным доказательством тех травм, с которых сдернули покрывало. Мы насчитали двадцать одну пулеметную турель, но где-то за ними могли скрываться и другие очаги поражения.

Когда Джорджа вывели во двор, ему выкрутили руки за спину и надели наручники. Один из охранников нес словесный мешок, который в протоколах допроса значился как предательский мешочек.

Этот охранник был сравнительно молод, и, судя по его виду, ему не очень нравилась такая работа. Если кто-то тогда и подумал, что невозможно представить себе молодого охранника с частично надутым словесным мешком на кожаной подушечке, то они об этом ничего не сказали. По крайней мере в тот раз. И поверьте, это не ускользнуло бы от внимания мыслительной полиции, которая несла свое обычное, но пристальное наблюдение за непроизвольным выделением мыслей. Вполне возможно, что кожаная подушечка предназначалась для того, чтобы молодой надзиратель не держал словесный мешочек в руках.

Описатель сути почти не смывается с одежды. Во всяком случае, Джордж нашел это невозможным. Его тунику, когда-то белую, как снег, теперь покрывали пятна прилагательных. Позорных прилагательных. От одежды шел резкий запах описателя. И в тот момент он был бессилен что-либо сделать. Расщепители запаха по-прежнему находились на складе в столице. И никто бы не стал тащить их сюда — в городишко О провинции Б де ла Лся, где располагалась тюрьма.

— Скажите, эта тюрьма какого типа? — спросил Джордж у одного из охранников.

— Это образцово-показательная тюрьма, — ответил тот.

Джордж и виду не подал, что расслышал его слова. В то время он практиковался в глухоте — вернее, во внутренней глухоте или, лучше сказать, невосприимчивости. Он намеренно отключал определенную часть себя — ту самую, которая боялась нищеты, тяжелых испытаний, скуки и плохих фильмов. Но сейчас, когда эта часть подогнула от страха большие пальцы на ногах, Джордж сказал себе: «О боже, только не образцово-показательная тюрьма. Не знаю, вынесу ли я это...»

А потом они вошли в здание, и его худшие предположения оправдались. Здесь в большом зале за толстым стеклом он увидел

макет геройского форта Тикондерога. На верхних этажах стояли и лежали маленькие оловянные солдаты с крохотными мушкетами. Ниже располагались английские солдаты, а рядом висели репродукции с батальными сценами американской революции.

— Вот наши образцы, которые мы показываем в тюрьме, — сказал охранник.

Джордж кивнул.

— Вам понравилось?

— Нормально, — ответил Джордж невыразительным тоном.

— Что вы сказали?

— Я сказал, что все нормально, — повторил Джордж, добавив новые полутона и гармоники.

— Возможно, вам захочется построить несколько образцов самому, — произнес охранник. — Сидеть-то придется долго.

На первый взгляд он говорил безобидные слова, но в его голосе чувствовалась неуместная настойчивость и полусексуальная дрожь, изобличавшая непристойные помыслы.

— Я подумаю над этим, — ответил Джордж.

Он старался не сердить надзирателя и специально придерживался дипломатического тона, надеясь, что молодой охранник не заметит лжи в его словах. Джордж уже решил, что пусть его лучше отнесут в ад в ручной корзинке, чем он сделает какую-нибудь модель.

— Вот-вот, подумайте. Хорошо подумайте! — произнес охранник. — А теперь взгляните на этот макет.

То была экспозиция последнего штурма Трои. Внутри классического древнего города располагались деревянные домики, уменьшенные до одной двадцатой части от реальных размеров.

На переднем плане сражались Гектор, Ахиллес, Одиссей, Приам и Гекуба. В углу, обратив свои слепые очи к небу, стоял сам Гомер.

— Как прекрасно, — уныло произнес Джордж.

Неужели это издевательство никогда не кончится? Он осмотрел тюремные стены, и внезапно его пронзила навылет ужасная мысль.

— А эта тюрьма? Она тоже уменьшена по размерам?

— В масштабе девять к десяти, — гордо ответил охранник. — Простая техническая формальность. Хотя благодаря этому наше учреждение и квалифицируется как образцово-показательная тюрьма.

— То есть вам приходится создавать образцы всех заключенных? — с ужасом спросил Джордж.

Надзиратель перестал улыбаться, и Джордж уловил за его блестящими контактными линзами что-то чужеродное и малопривлекательное. Охранник тут же отвел взгляд, и они, свернув за угол, прошли под опускной решеткой во внутренний дворик.

— Кажется, я уже видел этот дворик во сне, — сказал Джордж.

В такие тяжелые моменты легкомыслие — это все. И даже если не совсем все, то очень многое.

— Перед тем как поспать, я журчу на кровать, — запел словесный мешок.

Слова снова потекли из порванного шва, и эту течь не могли заклеить даже самые опытные из охранников, к чьим рукам прилипало все, вплоть до последних рубашек заключенных. Шов не сжимался, напоминая одну из тех постоянно кровоточащих ран, которые называются смоделированными учебными пособиями.

— Потерпи, парень, — сказал охранник. — Мы почти пришли.

Неужели на его крупном продолговатом лице промелькнула жалость? Впрочем, даже худшие из людей иногда могли чувствовать... что-то другое. Теперь они шли по главному проходу мимо камер с их цепями, узниками и темными углами, где пряталось все, что только вызывало отвращение. Джордж вспомнил, что похожая история случилась с ним несколько лет назад. В то время его дядя Шеп был еще жив — дядя Шеп, с серой раздвоенной бородой и в старой морской фуражке, Шеп, который, казалось, везде нес с собою свет вплоть до того рокового вечера в июне, когда Эстер, признанная всеми погибшей вот уже пять лет, внезапно открыла дверь своей спальни, и...

— Вот твоя камера, — сказал охранник, оборвав те краткие воспоминания, которые я, между прочим, и не собирался вспоминать.

Джордж осмотрелся, оценивая каждую деталь, а затем произвел стопроцентную уценку, поскольку камера выглядела так, будто он отсидел здесь целую вечность. Да и какой смысл ему было привыкать к каким-то деталям?

Охранник осторожно положил словесный мешочек на пол. Хотя нет, к чему нам разводить кисельные реки? Он брезгливо швырнул мешок на пыльный пол, а следом за ним и кожаную подушку, поскольку она, судя по выражению его лица, тоже пострадала от описателя сути. И верно, кожаная подушечка стала теперь выглядеть более ярко и живописно. На ней появился причудливый узор, расползшийся по поверхности загадочными изгибами. Возле полосатых татуировок, наколотых иглой, появились желтоватые разводы, которые напоминали о вечных ценностях, воздержании и терпении. Кроме того, от подушки исходил сладкий запах бальзама, которого прежде, насколько помнится, не было.

— Ладно, спасибо вам за заботу, — сказал Джордж, потому что все охранники, собравшись у двери, уставились на него с теми гнусными ухмылочками, от которых моему ботинку хочется заехать в ваше лицо, хе-хе-хе.

Не бойтесь, господа, это я шучу. А где мы с вами остановились? Ах да! Они стояли там, словно ожидая финала — возможно, признания в преступлении, которое привело его в тюрьму. Впрочем, они могли ожидать и чего-нибудь другого. Трудно судить о чем-то конкретном по выражению лиц — тем более если имеешь дело с такими невыразительными людьми, как надзиратели.

И тут в город въехала бронированная автоколонна. Джордж, прилетевший сюда накануне, стоял на широком крыльце из буробетона и смотрел на подъезжавший свинцовый седан, в котором везли именитого пришельца. Судя по маленькой голове, заостренным ушам и большим светящимся глазам, альфонец был мужской особью. Он дружески болтал с пожилым человеком, который сидел рядом с ним на заднем сиденье и время от времени поправлял на голове высокий цилиндр. Такие цилиндры вошли в моду среди политиков почти одновременно с появлением первых альфонцев. Хотя нет, их начали носить уже после того, как альфонцы высадились на Землю и оповестили людей о своем существовании.

Впереди бронированной автоколонны на собственной машине с полицейским эскортом ехал агитатор — человек, выбивавший из публики правильный отклик. В своем кашемировом камзоле и яркой шелковой накидке он выглядел преуспевающим и вполне довольным собой. Простой народ из принципа ненавидел тех, кто работал на альфонских тварей. Но агитаторов обычно уважали. Горожане знали, что человек, сделавший себе в эти дни состояние, через какое-то время получит большие права. И ссориться с такими людьми никому не хотелось.

— Ладно, ребята, — закричал агитатор, — когда седан альфонца поравняется с вами, вы должны изобразить восторг и большую радость. Следите за моим сигналом, и чтобы никаких фокусов.

— А что мы за это будем иметь? — спросил его из толпы суровый крутоплечий мужчина, которому можно было дать и двадцать и пятьдесят лет.

— Деньги, — ответил агитатор. — За каждым из вас будут следить мои помощники, и те, кто будут радоваться с большим энтузиазмом, получат неплохую награду.

Толпа выглядела угрюмой и неубежденной. Агитатор смело прошелся среди людей, осматривая лица. Его яркий плащ хлестал на ветру о кашемировый камзол; фигура и особенно лицо были чуть больше настоящего размера, а кожа казалась слишком уж загорелой.

— Не надо так морщиться, ребята, — закричал агитатор. — Вам не хуже меня известно, что альфонцы наши друзья. Что бы мы без них делали?

— Занимались бы своими делами, — отозвался голос из толпы.

— И какими же такими делами? У нас не осталось почти никаких природных ресурсов. Если бы не появление альфонцев, мы

бы исчерпали бизнес, обнищали и подохли с голода. Может быть, среди вас есть такие, кто хочет немного поголодать?

Он осмотрел толпу, бросая вызов любому возможному оппоненту. Под напором его взгляда люди отступали на шаг. Они знали, что агитатор является простым городским чиновником, но в его поведении чувствовалась какая-то дикость, какое-то беззаконие. По крайней мере, в тот момент он пас толпу, как стадо овец.

Джордж стоял на крыльце и безучастно следил за ходом событий. Он увидел, как свинцовый «лимуз» подъехал к толпе. Агитатор махнул рукой, и толпа разразилась жидкими аплодисментами. Альфонец либо ничего не заметил, либо не подал виду, что его задело подобное пренебрежение к своей персоне. «Лимуз» быстро скрылся из виду; агитатор и его помощники наградили тех, кто проявил казенный восторг; а затем их группа вернулась в машину, и они умчались, оставив за собой эту бесполезную теперь толпу, которая все еще не хотела расходиться.

— Вы видели этого альфонца? — спросила Джорджа довольно полная женщина.

Джордж кивнул. Его лицо ничего не выражало. Казалось, он один в этом городе не находился под впечатлением от увиденного.

— Какой позор, что они позволяют этим чужакам разъезжать вокруг, как им хочется, — сказала женщина. — Я слышала, они похищают наших людей в свои большие космические корабли. Почему мы не можем потребовать их обратно?

— Это выше моего понимания, — ответил Джордж, пожимая плечами.

Разве он мог объяснить ей то, что происходило на самом деле? Даже правительство не было готово открыть людям правду. Но Джордж знал все — он и несколько других отважных смельчаков. Остальные только догадывались. Хотя догадаться об этом было нетрудно.

— Вы не могли бы помочь мне найти улицу Ашуна? — спросил он у женщины.

— Пройдите два квартала вперед, а затем сверните направо. Хотя, на мой взгляд, они зря называют наши улицы их гадкими именами.

— Это акт дружбы, — ответил Джордж. — Я слышал, что чужаки в обмен на такую любезность назвали один из своих проспектов авеню Милки Вей.

— Милки Вей? Вы имеете в виду Млечный Путь? А какое это имеет к нам отношение?

— Так называют нашу Галактику. И они говорят, что это очень приятное и вкусное название.

— Меня тошнит от всего, что делают чужаки, — возмущенно произнесла женщина. — И я вам скажу без обиняков, мне они не нравятся!

— Вы в этом не единственная, — тихо ответил Джордж и тут же пожалел о сказанных словах.

Поговаривали, что Санитер обладало прослушивающими устройствами потрясающей чувствительности, которые применялись при больших скоплениях людей и улавливали каждое разумное слово. За последний месяц они изобличили уже пятерых человек, якобы замышлявших сжечь альфонский флаг. Но хуже всего было то, что к этим людям применили прямое сенситивное сканирование. Они, видите ли, хотели сжечь флаг, поскольку он являлся символом всего того хорошего, что дали Земле чужаки. Мол, для таких людей вообще нет ничего святого. А что же тогда говорить о Санитере, чьи агенты проверяли ваши мозги, когда им только того хотелось?

Джордж помнил эти неприятные мгновения с неуютным и мерзким ощущением в голове, будто в вашем мозгу копалась какая-то интеллектуальная крыса. Чтобы ускользнуть от такого просмотра мыслей, требовался исключительный психический контроль. Лучшее, что вы могли сделать в тот миг, так это смириться и ждать, пока крыса не уйдет сама, закончив глодать ваши помыслы и чувства. Любое сопротивление было бесполезным, так как Санитер начинал проявлять повышенный интерес к любому, кто пытался ему противостоять. Чтобы бороться с их зондами и телепатическими уколами, вы должны были стать прозрачными, как воздух. Джордж научился этой технике давно — в особом тренировочном лагере.

Да, существовала горстка людей, которые, как и Джордж, понимали, что на Земле творится что-то неладное. По правде сказать, Земля потерпела поражение. Но что они могли еще экспортировать, кроме своего туристического очарования?

В то время везде проходили митинги и встречи, на которых все, кто хотел, обсуждали вопрос сотрудничества с пришельцами. Главы крупнейших мировых держав проводили совещание за совещанием. К тому моменту их армии уже довели мир до истощения, и проблема состояла в том, что же делать дальше.

В конце концов они решили приостановить все, что только можно, или по крайней мере замедлить какой-либо прогресс до тонкой струйки. Люди превратились в пролетариев, то есть тех, кто всегда пролетал мимо. Отсутствие местных продуктов привело к концу благосостояния.

А ведь старые земляне привыкли бороться до конца. Они вырубили последние деревья, взорвали пахотные земли и выпустили реки из клеток плотин. Когда ледяные шапки на полюсах начали таять, в океанах поднялся уровень воды. Из-за дыр в озоновом слое людей косила радиация, а запасы ядов, собранные за последние столетия, все чаще и чаще попадали в трубы водоснабжения. Пищевые ресурсы были урезаны до минимума. Подобным же об-

разом исчезало и замедлялось все остальное. Неизменным осталось только неравенство, ибо богатство и бедность — понятия вечные, даже если они измеряются парой кокосов и дохлой овцой.

Мы планомерно и обстоятельно уничтожали великолепие своего мира. А что же нам еще оставалось делать? Основной приоритет заняли космические полеты и визиты пришельцев.

Как бы это смешно ни выглядело, но все началось с того, что нам захотелось изменить наш мир чужими руками. А для перемен необходимо что-то мощное и насильственное. Нашествие варваров. Печатный станок. Церковь и государство. Страна духовного братства. И нас охватила озабоченность.

Я так понимаю, что в будущем все будет зависеть от туризма. Однако лишь некоторые страны считают туристический бизнес абсолютно необходимым для сохранения своей платежеспособности. Как правило, они не могут конкурировать с другими державами в производстве вещей, и им остается лишь строить новые Канкунсы и Акапульки. Вы хотите спросить, что с ними будет, если иссякнут орды гринго с их толстыми кошельками? Не будет гринго, так будут какие-нибудь азиаты.

Власти же решили, что нам позарез нужны инопланетяне, которые скупили бы все наше добро и кустарные поделки.

Давайте рассмотрим этот вопрос в более мелком масштабе. Один город. Нет, лучше одна деревня. Как им заманить к себе первых пришельцев? Они рассылают приглашения и красивые буклеты. Они даже тратят деньги, чтобы придать своим местам необходимый шарм. А некоторые из них выдумывают целые исторические драмы и рекламируют себя едва ли не колыбелью нашей цивилизации.

Возникает конкуренция. Чьи места для отдыха лучше? Что хотят чужаки? Вы только скажите, и мы вам это дадим.

— Алло, это агентство, которое специализируется на вкусах чужаков?

— Да-да. Они любят классические скульптуры — но не слишком голые. И еще им нравятся фиговые листочки.

И вот мы начинаем ждать прибытия чужаков. Местные лавочки выпускают дешевые сувениры, которые могут принести кое-какой доход, если их предлагать достаточно долго. Любая безделушка, которая провалялась на прилавке сотню лет, в конце концов становится сокровищем.

2297 год. Земля, которая стала домом Джорджа. Беды и несчастья случались так часто, что их праздновали как великие победы. Леса вырубили пару десятилетий назад, и теперь о них уже никто не вспоминал. Люди никогда не видели деревьев, и, следовательно, у них не было причин для тоски по цветущим садам. Вы же не скучаете по динозаврам, а они, между прочим, тоже выгля-

дели большими и красивыми. Как бы там ни было, планета превращалась в голую пустыню. Этого требовала необходимость, и люди стойко переносили лишения, хотя население стран заметно сокращалось, так как не все могли позволить себе кислородные маски и баллоны с обогащенной смесью. Тем не менее людей пока хватало. Жаль только, что кончились минералы и ископаемые, необходимые для производства горючего. Да, черт возьми, мы здорово ошиблись, думая, что им не будет конца. Зато теперь у нас были туристы. Пришельцы из других миров. И никто уже не помнил, когда они прилетели.

Этот вздор о летающих тарелках переливали из года в год. Потом появились интервью с людьми, которые на них побывали. Мы увидели фотографии и узнали, что Президент провел с пришельцами уже несколько встреч. Оказалось, что с ними встречались и другие президенты нашей страны, но нам об этом не говорили, потому что мы в то время еще не были готовы к такому откровению. Вы хотите спросить, почему мы стали готовы теперь? Не ломайте над этим голову, как сказал нам Президент. Пришельцы — наши друзья: вы только посмотрите, какие у них милые усики.

Однако пришельцы оказались не просто друзьями. Они контактировали с людьми в течение нескольких сотен лет. И вот теперь они наконец официально заявили о своем существовании. А почему именно теперь? Мы медленно принимаем решения, говорили они. Нам потребовалось много времени, чтобы просчитать возможные последствия. Но теперь, когда такое решение принято, мы от него уже никогда не откажемся.

Пришельцы взяли под контроль почти каждый аспект земной жизни. И нам оставалось только благодарить их за это, поскольку к тому времени даже крупные державы напоминали то, что прежде называлось странами третьего мира. Индустрия и сельское хозяйство канули в Лету. Многие люди улетали с планеты на освоение космических колоний, но они не находили там счастья, потому что новые фильмы попадали к ним с задержкой в несколько лет. Какое-то время рок-группам нравилось играть на космических станциях, но вскоре эта мода угасла.

Чужаки восторгались земной культурой и обожали наше прошлое.

— Как же вы на нас не похожи, — говорили они. — Как восхитительна ваша нерациональность. А вот мы действительно рассудительные существа. И прежде чем действовать, мы обычно думаем.

— Тогда почему вы прилетели к нам?

— Нам хочется узнать, каких бед мы миновали, не став такими глупыми и жадными, как вы. Земля — это огромное наглядное пособие. А ваши войны! Уму непостижимо! До встречи с вами мы

вообще не знали, что такое война. Пока вы полностью подходите под случай Тримкина, хотя там на самом деле все было по-другому.

Пришельцы поощряли фольклор, и город за городом наряжался в местные национальные костюмы. Если же такая одежда отсутствовала или казалась слишком тусклой и непривлекательной, чужаки нанимали стилистов и модельеров, которые тут же заполняли вакуум.

В каждой деревеньке появились хореографы для постановки народных танцев. Художники работали над диорамами знаменитых исторических моментов. Писатели и поэты в трагической манере, но с учетом классических форм описывали гибель былого величия.

Некоторые города полностью перепрофилировались на сотрудничество с чужаками. К примеру, Портленд, штат Орегон, предложил провести референдум по вопросу о переводе всей страны на туристический бизнес. Здесь, по обеим сторонам Вилламетт, отстраивались красочные кофейные клубы. В моду входил колоритный водный транспорт, который делали на нескольких чудом уцелевших заводах.

Джордж шагал по длинной и узкой улице. В ее сужающейся перспективе черные полосы перекрестков напоминали огромную паутину. Благодаря этой стилизации улиц Паучий Город был недавно внесен в список наиболее забавных аттракционов Земли. Впрочем, Джорджа не интересовал паучий вид города, какая-то там стилизация и прочая дурь. Ему требовалось выпить. Хотя на самом деле все было не так драматично. Ему хотелось выпить, и он с радостью выдул бы рюмочку или две. Но говорить, что это ему требовалось... А кто его знает — может быть, и требовалось.

В общем-то он не относился к любителям выпивки. Однако недавние события, словно жучки-подельники, подточили его достойную воспевания стойкость, и она в конце концов превратилась в третьесортный товар, от которого у настоящих американцев пучит животы. А надо сказать, что все это происходило во время кулинарных уличных битв, когда за любое неординарное поведение смельчакам давали ордена и красные ленты.

Заметив небольшой полуоткрытый и полузакрытый экипаж, Джордж шагнул в эту черную мрачную повозку, и она понесла его вперед, скользя единственным колесом по монорельсу, который располагался в центре длинной паутинки-улицы.

— Могу поспорить, что они вложили большие деньги в этот маленький номер, — сказал себе Джордж.

Ему не понравился транспорт Паучьего Города. Джордж нашел его несколько опухлевшим, каким-то, знаете ли, искроглазным и клякстебнутым. Конечно, он не стал бы использовать такие прилагательные публично, но они довольно неплохо выражали гамму его чувств.

Внезапно взгляд Джорджа зацепился за пылавшую неоновую вывеску. Ладно, ладно, успокойтесь! Взгляд остановился; вывеска не пылала, а горела; да и неоновые трубки были, так сказать, не оными. В наше время хорошие вещи можно увидеть только в музее. А Джорджу достался лишь хвостик люминесцентного угря. На такой жаре угорь уже начинал попахивать и разлагаться, но в нем еще угадывался аромат пристойного света. Конечно, до софитов и прожекторов ему было далеко, однако он упорно продолжал освещать себя, цепляя тем самым взгляды прохожих. Вот я и сказал, что взгляд Джорджа зацепился.

Угреоновые буквы читались только по слогам — «Горячие гроги Грогана».

Да уж, сказал себе Джордж. Звучит нормально.

Если бы жизнь пыряла вас таким большим шприцем, как Джорджа, вы бы тоже принимали решения с чувством юмора и иронии — той самой иронии, которую у нас вызывают парадоксы абсолютно непостижимых причин. Ничего не поделаешь, жизнь — это борьба за условия декорации.

Переступив порог бара, Джордж остановился. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к новой композиции света и теней. Эти последние здесь были или слишком яркими, или слишком темными. Их сложная игра и взаимосвязь создавали смутную картину зала с низким потолком, обшитым кровельной жестью, и множеством деревянных столиков, стоявших на усыпанном опилками полу. За большинством столиков сидели мужчины различных примет, но их серую мрачную группу объединяла общая тенденция к чему-то грубому и развращенному. Судя по бессвязной речи некоторых из них, связываться с этими людьми не стоило. Во всяком случае Джордж сделал себе в уме пометку не связываться с ними. После этого он приступил к более серьезным делам, поскольку, как я уже говорил, ему требовалось выпить. Именно теперь у него появилась надежда выполнить тот смелый и отчаянный план, который он задумал на липких улицах Паучьего Города. Хотя, конечно, Джордж понимал, что так поступил бы не каждый.

Он нерешительно приблизился к стойке. Бармен пригладил свою белую ковбойскую рубашку и приступил к допросу.

— Чтобудешьпить?

Джордж заказал двойную порцию барбадосского рома. Это напомнило ему старые дни — те самые незаконнорожденные денечки, о которых и стыдно, и грешно вспоминать. «Да-да, мы обязательно встретимся еще раз. Конечно, милая! При звездах!» Или это лишь воображение? Но ведь был же ром и бамбук, его нежные зеленые ростки, похожие на веки Будды, и все остальное вплоть до манго, медных гонгов, узких улиц, заполненных юрки-

ми велосипедистами, и солдат, которые возвращались с полигона домой.

Джордж подтянул ром к себе, стараясь не расплескать драгоценную жидкость. Он осторожно поднял бокал и выпил его до дна. Теплый зной в желудке подтвердил, что это действительно был ром. Джордж сделал неясное движение рукой, которое, видимо, означало: «А теперь еще рюмочку, пока не пришел бешеный Билл». Впрочем, вы, наверное, знаете эту печальную историю.

Появилась новая порция. Вернее, двойная порция в двухзарядном бокале. К счастью, этого никто не увидел. Да и кому из посетителей бара было интересно знать, что какой-то человек у стойки ударил по рому двойным зарядом? Во всяком случае, следить за Джорджем им не было смысла. И все же они следили. Старое жулье с прищуренными глазами, от которых не могла скрыться ни одна мелочь. Опухшие подозрительные лица с их неизменными глумливыми усмешками.

По правде говоря, Джордж не был готов к такому вниманию. Посетители бара смотрели на него и притворялись, что не смотрят. Несколько человек, допив пиво, вытерли рты и нарочито вышли из заведения, пытаясь усыпить подозрительность Джорджа.

— Еще одну, — сказал он, имея в виду двойную порцию, и бармен понял этот тонкий намек.

Да, Джордж решил идти до конца. Внезапно все стало очень важным, и аура безотлагательно окутала его, словно жесткий кокон. Он знал, что жаловаться бесполезно; таков был его расклад, кто бы ни сдавал ему эти карты.

— Что-то я тебя, милок, здесь раньше не видела.

Слова исходили от небольшой женщины в вечернем платье из черного шелка, с тонкими черными завязками на ослепительно белых плечах. Чуть ниже ослепительно белых плеч находились верхние полушария лун ее ослепительно белой груди.

Она подошла к нему под аккомпанемент печальных труб, которые наигрывали из музыкального автомата. Вряд ли это было подстроено заранее — она буквально излучала аромат случайного знакомства. Рот, как дрожащий красный квадрат; глаза ускользающего цвета, обведенные черным ободком. И ее присутствие — такое двусмысленное, манящее и опасное.

— Я тут первый раз, — ответил Джордж.

— Значит, новенький?

— Да, можно сказать и так, — смущенно отозвался Джордж.

Он решил перевести беседу в более чувственный канал и затронул тему пищи.

— Здесь можно перекусить?

— Тут тебе подадут лишь отравленные помои, — тихо про-

шептала женщина. — Идем со мной. Я знаю местечко, от которого ты будешь в восторге.

Джордж заметил в своей руке двойную порцию рома — тот же самый надежный и проверенный бокал, но наполненный заново. Очевидно, кто-то — скорее всего бармен — налил туда рома, пока Джордж не смотрел в его сторону. Приятно знать, что хоть кто-то может о тебе позаботиться.

— А там дают польские колбаски? — спросил Джордж, поскольку этот вопрос стал для него необычайно важным.

— Тебе там очень понравится, — сказала она. — Вставай же. Идем!

Она потянула его за руку, и Джордж неохотно поднялся на ноги.

Да, он позволил какой-то личности вести его черт знает куда. Но к тому времени Джордж изрядно окосел, и ему не хотелось натыкаться на углы и путаться в частоколе двух столбов. Он с наслаждением вышел в ночь — в настоящую темную ночь, с расставленными знаками препинания и тысячью точек синтаксиса, каждая из которых во много раз превосходила по размерам нашу Солнечную систему. Вот такую же ночь много лет назад описал Теокрит, когда, пробудившись от сна вавилонского величия, он увидел себя сицилийским крестьянином, задремавшим на склоне горы. Странно, как все это точно совпадает!

— Куда ты меня ведешь?

— Сначала подальше отсюда, милок. А потом в одно прекрасное местечко, которое я решила тебе показать. Самое подходящее место для такого парня, как ты. А ты ведь настоящий парень, верно?

Джорджу показалось, что она хихикнула. Но он не мог утверждать этого наверняка, потому что ветер из пустыни окутал его облаком нелогичности и смешал караван разумных мыслей. Джордж вновь оказался на перепутье между целью, к которой вел его сюжет, и укрощенным голодом, все более терявшим чувство собственного достоинства.

Улица стала широкой, как море, и перестала напоминать черную паутинку. Да вам просто не найти такой паутины, которая походила бы на эту улицу. Тем более если учесть зажиточный вид ее кварталов. На фоне остальной части города она казалась самодовольным бюргером в черных лакированных ботинках. И еще эта улица выглядела тихой и спокойной, с полицейскими будками через каждые пятьдесят ярдов, с ярким освещением на тротуарах и с большими удобными автобусами, которые ездили на дюжине пузатых колес идиосинкразического производства. Вблизи перекрестков на высоких опорах реяли светофоры, и, чтобы разобраться в их знаках, людям приходилось вытягивать шеи. А светофоры струились цветными огнями, помигивали стрелками и

квадратными скобками. Но, поскольку указания давались на языке пришельцев, к каждому обозначению прилагали длинный список пояснений, поправок и исключений.

— Приготовься, — воскликнула женщина, озабоченно рассматривая знаки. — На табло сказано, что в предыдущем направлении намечается пауза, а раз эта пауза по закону средних величин намечена заранее, то общее правило, которое связывает все повторения, аннулируется. Я не слишком хорошо разбираюсь в этих премудростях, но, кажется, сейчас... Быстрее! Идем!

Схватив его за руку, она выбежала на улицу. Джордж, следуя за рукой, а следовательно, и за ней, побежал по пятам. Носы его клоунских башмаков нелепо пощелкивали по асфальту, хотя нет, пощелкивали не носы, а подошвы, потому что именно там у него было несколько щелок. И вот, рванувшись через широкую и залитую ярким светом улицу или, вернее, бульвар, как то выяснилось позже, Джордж вдруг услышал голодный рев обезумевших машин. Тот исходил из нутра грузовиков, автобусов и детских колясок — всей той армады колесного транспорта, которая только и ожидала случая, чтобы наброситься на него. К счастью, в связи с объявлением паузы их одолевали в тот миг небольшие сомнения.

Едва они добежали до середины улицы, где о возвращении на тротуар уже и не стоило думать, как война за обладание бульваром вспыхнула с новой силой. До сих пор воюющие стороны только шутили, но теперь они решили действовать всерьез — стремительно и со всей жестокостью. Впрочем, это зрелище напоминало кошмар и без всякой жестокости. Кто не помнит этих лихих городских бригад, которые, обгоняя друг друга, сражаются со всеми и каждым без исключения? Кто может забыть этих изгнанных ханаанцев, которые, вырвавшись из боковой улочки истории, выплескиваются на главную магистраль в плотной группе из тридцати тысяч человек? Конечно, для армии это маловато, но вполне хватает, чтобы где-то что-то изменить, особенно в наше неспокойное время.

Джордж и не подозревал, что пересечение улицы может вызвать такую пропасть проблем. Он смело заглянул в эту пропасть, и его тут же стошнило. Женщина дернула его за рукав; тот развернулся, как пожарный шланг, и случилось непоправимое. В связи с внезапным ростом облачного покрова потемневшие небеса излились дождем, и Джордж испытал то, о чем он до сих пор слышал лишь от своих товарищей. Он обмочился с ног до головы. Хотя давайте не будем преувеличивать и остановимся только на ногах.

С одной стороны, в этом ничего такого и не было. Но, с другой стороны, уже начинало появляться пятно.

Теперь вы знаете, каково было Джорджу стоять посреди улицы на буксире у женщины, которая буквально взрывалась от нетерпения шепнуть ему свое имя и намекнуть на то, что ей хотелось, когда вокруг ревели и неслись тридцать тысяч ханаанцев, многим из которых, не считая, конечно, блондинов, нравится Виктор Сладенький с кудрявой бородой, и когда над ним слетались, то есть сплетались факторы, векторы и корректоры, мелькавшие с такой быстротой, что у него даже не оставалось времени пронумеровать их по порядку, более или менее придерживаясь соответствующих форм информационного сравнения. Короче, он попал в цейтнот. Джордж отчаянно взмахнул руками, вытащил ногу из цейтнота, но вытереть ее было нечем. Огромной силой воли Джордж протолкался через улицу, зная, что, как только она кончится, он получит свою синюю птицу, своего верного друга, свою любимую звезду — одним словом, то, что он сможет съесть.

Однако женщина тоже оказалась себе на уме. Она пообещала ему еду, а сама, как теперь стало ясно, и не думала кормить голодного Джорджа. К тому времени он уже понял, что пищи в ее повестке дня не значилось. Женщина подвела его к маленькой деревянной двери, которая располагалась в дальнем углу высокой каменной стены. Джордж переступил через порог и полез было в карман за удачной шуткой, но, осмотревшись и увидев, куда он попал, парень решил придержать свои остроты. Еще бы! Он опять промахнулся мимо кармана.

Прямо впереди на небольшой возвышенности раскинулся старый монастырь. На ближайших полях трудились монахи. Их капюшоны были отброшены назад, а сутаны подтянуты вверх, что не только демонстрировало великолепную игру их сильных мышц, но и позволяло им передвигаться в этой невообразимой грязи. Чуть дальше виднелись фруктовые деревья, рассаженные в приятном беспорядке. В очаровательной смеси хаоса и красоты чувствовалась либо рука мастера, либо нога его ученика. Внезапно Джордж заметил подошедшего к ним человека, чья респектабельная тучность, большие выбритые щеки и двойной подбородок выдавали в нем брата-управляющего, а возможно, даже и дядю-преподобие.

— Приветствую вас и кланяюсь вам, дорогие гости, — сказал аббат, выполняя все, о чем он говорил.

— Смиренно припадаю к ногам вашей милости, — ответил Джордж, понимая, что вежливость и грубая лесть никогда не выходят из моды.

— Ладно, заваливайте и пойдемте жрать, — произнес аббат.

Джордж удивленно поднял брови — все до одной, сколько у него было.

— Довольно крепко сказано, отче.

— Прямая речь без всяких притязаний — это торговая марка нашего дзэн, — ответил аббат.

— Так это дзэн-буддистский монастырь?

— Я этого не говорил, — сказал аббат. — Но все равно заходите.

Уже внутри Джордж встретил Вольтера и Чингисхана, еще одного Вольтера и Ларрап Садри. Все они носили сутаны монахов. Между прочим, монахов здесь было много, и некоторых он знал. Джордж уже где-то видел этих людей, хотя и не помнил точно имен.

Монахи чинно прогуливались по аллеям. Джордж и аббат присоединились к их длинной колонне. Женщина, которая привела его сюда, потерялась при чистке кадров. Такое часто случается внутри нелояльных партий, и просто уму непостижимо, как быстро может пачкаться всякая мелочь. Они прошли мимо цветочных клумб, каждая из которых наводила на мудрые и немного наивные мысли. Аббат задумчиво улыбался. А вокруг догорал один из тех кротких дней, которые напоминают нам, что нет ничего невозможного. В момент прозрения Джордж увидел впереди высокую арку каменного портала. И пошел он к нему стопами босыми и стал тем, кто вел, а остальные, и аббат иже с ними, стали теми, кто следовал ему.

— Если увидите бардак, не обращайте внимания, — сказал аббат. — Тут у нас трапезная. Пора перекусить и принять таблетки.

И вновь эта фраза напомнила Джорджу о других временах и былых событиях. Преодолев тревогу, он вошел в огромный зал.

Помещение было заполнено монахами, некоторые из них, в ответ на ожившее в них глубинное желание, нацепили оленьи рога. А ведь именно об этом и писалось в священных книгах. Более того, многие из них носили маски. Они маскировались под капуцинов из поселкового аббатства и представляли собой ту особую породу людей, которая нам кажется несколько неприличной. Среди них не меньше дюжины носили накладные ресницы и подкрашивали глаза.

— Будьте любезны занять это место, — сказал аббат.

— Прямо вот это? — спросил Джордж.

— Да. Думаю, эта луза вам подойдет.

— Тогда я в нее и западаю, — ответил Джордж.

Ответствовав так, сел он на краешек стула и сим замкнул собой длинную цепь монахов, собравшихся здесь.

В зале витал аромат овощей. Пар из кухни возносился к высоким стропилам трапезной, на которых висели помятые синие береты, навек отыгравшие в своих отважных и отчаянных битвах. А собрались они тут не зря. Сегодня, как и в каждый из постных дней, здесь подавали постное мясо. В непостные дни они ели сало, жир и грудинку, но в постные — только окорока и ребрышки, хотя и довольно много. Так было от начала времени и быть сему до самого конца света.

Заметив гостя — а это произошло между супом и орехами, — капуцины затянули хором песню, которой они приветствовали всех посетителей. «Когда морда кирпичом, тут молитвы ни при чем», — тянули они в ликсианской манере, чье многоголосье ласкало слух и несло в себе нотки тонкой иронии.

Его угостили коричневым соусом с посеревшими кусочками бекона. Они посерели из-за лошадиной гнили — паучьего лишайника, который в этом царстве встречался где угодно. Хотя, конечно, монастырь не мог считаться частью царства, ибо здесь служили другому Царю, но бекон, вернее лишайник, глумился даже над такой святыней.

После соуса принесли бисквиты. По размерам и форме они выглядели как трехфунтовые ядра. Монахи в шутку называли их пушечным хлебом, и дюжие слуги, шатаясь от двойных порций, вносили печенье на особых носилках. Группа прислуживающих девственниц разливала напитки — по бокалам, по полу и стенам. Им помогало несколько ручных обезьян — больших надувных игрушек, которые они прятали в своих кельях рядом с вибромассажерами и другими ручными приспособлениями. А почему бы и нет, раз никто не жаловался?

После соуса и бисквитов над головой послышался шелест крыльев. Джордж взглянул вверх и у самых стропил увидел странное зрелище. Там, наверху, где атмосфера казалась более возвышенной и чистой, чем спертый воздух, наполнявший нижнюю часть, парило два крылатых существа. За ними, откуда-то выше и левее, доносился чарующий щебет, напоминавший ссору в стае маленьких приматов.

Аббат улыбнулся и спросил, обращаясь к Джорджу:

— Как вам понравилось наше скромное бытие?

Его толстые пальцы ловко проковыривали дыры в пушечных ядрах печенья.

— Все очень мило, — ответил Джордж. — Признаться, и не помню, сколько я не был уже где-нибудь еще в какое-то другое время.

— Это хорошо, что вы не помните, — сказал аббат. — Тем не менее мне бы хотелось пояснить вам некоторые вещи. В том числе и возможный вопрос о двух крылатых существах. Видите ли, одним из правил нашего братства является отрицание всего того, что нам не нравится.

Джордж молча кивнул. Он тоже жил по такому правилу. Рука Джорджа потянулась за соусом, и он даже глазом не моргнул, когда на подлете, у самого рта, ложка дрогнула, легла на правое крыло, и часть груза, сорвавшись с такелажных ремней, опустилась прямо на его галстук. А он предчувствовал, что впереди его ждет настоящая игра, и по такому случаю надел свой лучший костюм.

Внезапно трапеза прервалась. Дверь со скрипом отворилась,

и в зал вошли несколько марьяжей, бренчавших на своих гитарах и сверкавших белозубыми улыбками из-под широких сомбреро. Джорджа удивило, что на пять марьяжей приходилась только одна дама. Она была среднего роста, но тонкие высокие каблучки делали ее более выдающейся особой. Губная помада карминного цвета тонко оттеняла ее черную масть. Дама топнула ногой и заплясала под мелодию марьяжей — совсем немелодичную мелодию, которую подхватили два трубача, пришедших позже. Однако в женщине чувствовался какой-то изъян — что-то странное, зловещее и необычное. Ах да, у нее не хватало левой кисти. Ампутированная конечность была завернута в дорогую вельветовую ткань, сверху донизу расшитую золотыми нитками.

Эта деталь не понравилась монахам. Они зашумели, и аббат сердито вскочил на ноги.

— Чем вызвано ваше вторжение? — закричал он. — Почему бы вам не пойти куда-нибудь еще с этими своими, так сказать, мелодиями?

— Мы пришли туда, куда позвало нас сердце, — ответила женщина. — И где же нам еще быть, как не в лучах прожекторов на этой сцене? Только здесь нет боли и слез! Только здесь свободная душа обретает надежду!

Монахи снова тревожно зашептались. Они уже слышали подобные доктрины, и эта ересь исходила из мира, который двигался, пульсировал и прорастал за стенами, окружавшими их фруктовые сады.

— Боюсь, мы не можем принять вас прямо сейчас, — сказал аббат. — Поэтому выбирайте: или отсюда уходим мы, или уходит эта калека!

— Ты еще не видел, на что я гожусь, — с усмешкой ответила женщина.

Она сделала властный жест, и двое марьяжей, положив на пол гитары, подбежали к ней с большой плетеной корзиной. Они открыли крышку и отступили назад.

Все замерли в молчании. Да, иногда такие моменты случаются.

Женщина склонилась над корзинкой и, ловко согнув культю, вытащила оттуда ребенка. Она подняла его вверх под гром аплодисментов, а затем вернула малыша обратно в корзину. Все были потрясены до глубины души. Оркестр грянул туш.

Джордж почувствовал легкий укол тревоги. Они делали все это нарочно — с какой-то им одной известной целью. Каждый из них знал что-то такое, чего не знал он. Но Джордж решил не поддаваться. Он вспомнил разговор с инструктором базы, где их готовили для подобных экстремальных случаев. «Присматривайся ко всему непрошеному, парень». Жаль, что он не расспросил тогда о таких конструкциях. Сказать по правде, он их никогда не понимал.

Что-то должно было произойти — возможно, то самое, чего так боялся Джордж. Кто эта женщина? Она буквально ампутировала его своей ампутированной рукой. Он решил, что с него достаточно. И прежде всего с него достаточно этого соуса.

Он встал и пошел к двери. Оркестр грянул зажигательную польку. Стены монастыря тут же охватило пламенем, и аббат, заметив опасность, схватился за свое кадило. Но он опоздал. На потолке зазмеились трещины, два крылатых создания упорхнули прочь, ребенок заплакал, а полька, выбросив спички, трусливо сбежала с места преступления. Джордж захотел уйти не прощаясь. Да и зачем ему было с кем-то прощаться?

Внезапно пламя погасло. Когда дым рассеялся, аббат и монастырь исчезли. Рядом с Джорджем стояли женщина, марьяжный оркестр и ребенок. Хотя нет, ребенок лежал в корзине, а вместо монастырских стен вокруг них чернели зазубренные горы. Небольшую равнину покрывала желтая, зачахшая трава, на которой то тут, то там белели бычьи черепа. Свист ветра казался горькой и жалобной песней. А потом земля содрогнулась, потому что на холмы упала ночь.

Позже, когда Джордж немного отдохнул, к нему в палату пришел аббат. Толстый и елейный, но с тонким намеком на озабоченность, он осторожно втиснул живот в дверной проем, а затем вошел сам, поддерживая ниспадавшие кружева своих круглых боков.

— Я заполнил их огнеупорным материалом, — объяснил он. — А как ваши дела? Во время обеда вы показались мне немного вялым.

— Теперь уже все хорошо, — успокоил его Джордж. — Где мы сейчас находимся?

— Чуть в стороне от того места, где были раньше, — ответил аббат.

— А что случилось с той женщиной, которая привела меня к вам? И с теми марьяжными игроками?

— У них оказалось несколько срочных дел, которые им потребовалось исполнить. А может быть, они просто не захотели приветствовать героя.

— Что? О ком вы говорите?

— О вас! — ответил аббат. — Вставайте! Нам пора уходить! Вы должны стать известным человеком! О вас должны узнать люди!

— Видите ли, я очень подозрительный, — начал возражать Джордж. — Людям это, конечно, понравится, но вот как быть со мной? Я не хочу становиться героем.

— Вы будете героем поневоле! — воскликнул аббат.

— Но я и этого не хочу.

— Неужели вы так и будете болтаться без дела? — настаивал аббат. — Вам, между прочим, давно пора определиться!

— А можно я стану Сторонним Наблюдателем? — спросил Джордж.

— Боюсь, что эта роль больше никому не доступна. Мир делается скучным, и, чтобы оживить его, требуется участие каждого человека.

— А какой герой вам нужен? — спросил Джордж.

— К сожалению, мы этого пока не знаем, — ответил аббат. — Но нам может пригодиться ваше мастерство в обращении с оружием.

— Мое мастерство? Вы, наверное, меня с кем-то спутали.

— Соглашайтесь, — тихо шепнул аббат. — Мы обещаем вам минимальное наказание.

— Я вас не понимаю.

— Извините. Это старая песенка, которую мы обычно пели в семинарии. Не обращайте внимания.

Беседа сама собой подошла к концу, оставив на душе осадок неудовлетворенности. Аббат сказал, что ему пора возвращаться на поля. Страда поджимала — наступало время вязать узлы на пшенице, и он не мог доверить такое важное дело кому-нибудь другому.

Джордж немного вздремнул, а затем отправился на прогулку.

Как он и ожидал, марьяжный табор никуда не делся. Фактически они прятались за небольшой разрушенной стеной. И женщина с культей тоже была вместе с ними.

— Вот мы и снова встретились, — сказала она. — Меня зовут Эсмеральда. Я должна многое рассказать тебе, прежде чем найдется что-нибудь другое, а потом мы начнем с конца, который станет началом чего-то нового.

— Должен признаться, — признался Джордж, — что мне нравится прогуливаться в этих местах и делиться с вами неуловимыми окольностями. Как жаль, что меня отзывают отсюда! Я должен получить новое назначение. А теперь, милая дама, позвольте откланяться.

Он начал кланяться, но тут один из марьяжей сунул руку в гитару, вытащил оттуда три шара и принялся ими жонглировать. Вращение шаров захватило внимание Джорджа. Они были зеркальными, и поэтому, глядя в них, он видел себя то взлетающим в воздух, то падавшим вниз. А потом они показали ему и другие вещи. Высокие накренившиеся башни. Городские улицы без единого человека. Далекие огни маяков и дорожные знаки на незнакомых языках. Меню, написанное рунами.

Трудно сказать, как далеко это могло бы зайти, если бы вновь не появился аббат. Схватив Джорджа за руку, он выдернул его из транса.

— Эти люди опасны, — сказал аббат авторитетным тоном.

— Тогда почему с ними ничего не делают?

— Потому что они находятся под защитой Серого Ордена.

— Какого еще Серого Ордена?

— Вот о нем мы сейчас и поговорим, — сказал аббат. — Мне кажется, вам многое о нем известно.

— Нет, — возразил Джордж. — Я о нем вообще впервые слышу.

— То есть вы хотите сказать, что ничего не знаете о Сером Ордене?

— Конечно, ничего. Это вы о нем заговорили.

— Да, но только для того, чтобы увлечь ваше воображение и заставить вас рассказать нам что-нибудь интересное.

Странно, как быстро темнело вокруг. Живот аббата едва мерцал во мгле, а сам он оставался почти невидимым. Джордж почувствовал зов далеких стран. Он понял, что ему пора уходить. Однако Джордж знал, к каким фатальным последствиям могла привести поспешность. Он замер на месте, стараясь не закрывать глаза, так как эту людскую слабость часто использовали для обмана. Переведя дух, он тихо отступил в сторону, и в тот же миг на его ладонь легла чья-то рука. Когтистая лапа критика — именно то, чего он так боялся.

— Что вам от меня надо? — спросил Джордж.

— Не разыгрывай из себя невинного.

— Нет, вы только посмотрите, куда нас заводят все эти глупые вопросы! Скажите, а я не могу ненадолго выйти?

— Сначала посмотри сюда, — рявкнул голос, и по его властному тону Джордж понял, что он нежданно-негаданно встретился с одним из членов Серого Ордена.

Тем вечером Джордж как следует вымылся, побрился и спустился к ужину. За столом собралась пристойная публика — незнакомые друзья и забытые знакомые. Беседа велась приглушенными голосами, и никто не упоминал о том, где так долго носило Джорджа. В конце концов он захотел узнать о себе, но карты этого не показали. Во всяком случае, там о нем пока ничего не говорилось. Вернее — еще не говорилось.

Когда Лаура подала десерт, Джорджа охватило почти неудержимое желание совершить неторопливую и долгую прогулку вокруг квартала. Иногда именно этого и не хватает мужчине — вот так собраться, оставить ненадолго семью, в которой просто души не чаешь, и немного побродить по собственным извилистым дорожкам.

После ужина он помог Лауре убрать стол и даже вызвался вымыть посуду.

— Может быть, тебе лучше прогуляться? — спросила она.

Джордж этого не ожидал. Как мило с ее стороны, подумал он. Хотя она вела себя несколько непоследовательно. Но, возможно, Лаура тоже устала притворяться. Ведь они не были по-настояще-

му близки друг другу. И, может быть, поэтому дети так спешили выйти из-за стола и взяться за работу по дому.

Решив немного расслабиться, Джордж сел в свое большое кресло, которое он почему-то счел своим, и начал читать газету двухдневной давности. Газета показалась ему суховатой и бессмысленной. Он понятия не имел, что такое грифизная продажа. А кто такой этот Гельмдилио, который вдруг пообещал выставить вон Ренстека?

— Лучше я действительно немного пройдусь, — сказал он Лауре.

— Ты просто обязан сделать это, — ответила она.

Хорошо, что все так уладилось, подумал Джордж. Никаких забот и тревог, просто приятная прогулка вокруг квартала. Он встал, обошел пару раз комнату, потом вернулся и наконец направился к передней двери. Однако на ней была одна из тех овальных дверных ручек, которые ему не нравились. Проворчав проклятие, Джордж повернул обратно и побрел к задней двери. Кивнув жене, он вышел во двор, перешел на усыпанную гравием дорожку, обогнул дом и в конце концов выбрался на улицу.

Улица оказалась длинной и прямой. Два ее конца, начинавшиеся от середины, почти ничем не отличались друг от друга и не оставляли никакой зацепки для правильного выбора. Джорджу вспомнились слова, произнесенные кем-то по такому поводу. «Ничего не оставляй на волю случая, даже если не знаешь, что случится потом. Каждый раз принимай свое решение, стараясь сделать лучший выбор».

Все это звучало как какая-то чепуха — то есть слишком умно и непонятно. Решив пойти куда глаза глядят, Джордж повернул налево, навстречу новым приключениям.

Эта красивая кухня выглядела очень чистой и ухоженной. Здесь имелось множество устройств, позволявших экономить силы и время. Сделанные из безупречной стали и стекла, в ореоле каких-то странных креплений и изгибов, механизмы казались воплощением тайны, которая окутывала все, что могло бы раскрыть их назначение. Джордж знал, что, если он выйдет на какое-то время из комнаты, эти приспособления изменят свою форму, и, возможно, тогда ему удастся с ними разобраться. Но сначала он должен был отдохнуть, побродить немного вокруг — подождать, когда к нему вернется память о прошлом.

— Ты же понимаешь, что дети могут прийти домой в любое время, — сказала женщина. — Я думаю, нам лучше им все рассказать.

— Ты так считаешь? Хорошо, давай попробуем, — ответил Джордж.

Женщина улыбалась, но в ее взгляде читалось ожидание.

— А что ты предлагаешь им сказать? — спросил Джордж.

Она восприняла вопрос довольно серьезно.

— Давай скажем им, что ты приехал в отпуск.

— Да, я согласен, — ответил Джордж.

— Кроме того, это может действительно оказаться правдой.

— Да, думаю, что может, — подтвердил Джордж.

— Впрочем, какая разница! Мы все равно им об этом скажем. Что же касается остальных вопросов, то постараемся разобраться с ними, когда они появятся.

— Да, полагаю, это самое лучшее решение.

Она встала со своего кресла и подошла к нему. Приложив ладони к его щекам, женщина склонилась вперед и поцеловала Джорджа. От ее поцелуя веяло холодом и безразличием. Но зачем она тогда это делала? Джордж начинал теряться в догадках. Неужели женщина была его женой? Или она приходилась женой кому-то другому? Ему хотелось спросить ее об их отношениях, но интуиция подсказывала, что такой вопрос будет не очень тактичным. В каких бы отношениях они ни состояли, Джордж о них ничего не помнил, а значит, близости между ними могло и вовсе не существовать.

— Мне надо сказать тебе одну вещь, — прошептала она.

В тот же миг передняя дверь с грохотом открылась, и дом наполнился голосами детей — мальчика и девочки. Они о чем-то весело болтали, но говорили так быстро, что Джордж не понимал ни слова.

Дети вбежали на кухню — долговязый мальчик лет двенадцати и симпатичная девочка годиков семи-восьми. Увидев нежданного гостя, они замолчали и замерли на месте. Джордж замер в ответ, затем откашлялся и хрипло сказал:

— Привет, ребята.

— Ты пропустил мой день рождения, — сердито ответила девочка.

Мальчик что-то шепнул ей на ухо, и малышка захихикала.

— Он говорит, что ты мой папочка, — сказала она. — Разве это правда?

Джордж не знал, что ему ответить на такой вопрос. В принципе он допускал, то эти дети могли оказаться его детьми. Во всяком случае, Джорджа тут считали отцом этой девочки. И, вероятно, мальчика тоже. Хотя относительно последнего — как и всего прочего — у Джорджа имелись большие сомнения. Он не испытывал к детям никаких особых чувств, которые обычно показывали в фильмах. Более того, он даже не помнил, где ему показывали эти фильмы.

— Ступайте в ванную и помойтесь к ужину, — сказала женщина детям, после чего, повернувшись к Джорджу, тихо добавила: — Я, между прочим, Лаура.

— Привет, Лаура. Меня зовут Джордж.

— Это я уже знаю.

Они улыбнулись друг другу, и Джордж подумал, что все будет хорошо. Он уже начинал догадываться о том, что здесь происходило. Очевидно, он и несколько других смельчаков вернулись недавно с тяжелого задания. Они сделали все, что от них требовалось, несмотря на огромные потери и невообразимую опасность. Вот почему люди считали нормальным, что Джордж ничего не помнил. Последствия шока и амнезии.

Каким-то образом ему удалось найти свой дом. Хотя это оказалось не таким уж и трудным делом. Сказать по правде, он о нем даже не вспоминал. Но ведь так оно в жизни и бывает — проходишь мимо, глазея по сторонам, и вдруг понимаешь, что это твое.

Испытав неописуемое чувство облегчения, Джордж с восторгом осмотрелся вокруг. Боже, как славно все устроилось! Он беззаботно открыл деревянную калитку и поднялся по трем ступенькам к передней двери. Его правая рука потянулась к дверной ручке, но на полпути повисла в воздухе. Рукоятка выглядела не так, как он ее себе представлял. Она не была круглой, как большинство дверных ручек, и не имела курка, который он мог бы нажать указательным пальцем. Дверная ручка имела странную грушевидную форму с небольшой выпуклостью в средней части. В сгущавшихся сумерках ее матовая поверхность сверкала, словно подсвеченная изнутри. Более того, рукоятка явно не соответствовала его руке. Стоило Джорджу положить на нее ладонь, как он уже не знал, что ему делать дальше. Ей полагалось иметь какую-нибудь кнопку, спусковой крючок или наборную панель, если в доме использовался кодовый замок. Во всяком случае, ручка должна была иметь хоть что-то. Иначе как бы она могла функционировать? Немного подумав, Джордж понял, что тянуть ее на себя бессмысленно. Он нажал на нее пару раз, но ничего не случилось. Дверь не поддавалась. Не найдя даже скважины для ключа, Джордж раздраженно пнул дверь ногой, и у него появилось ощущение, что он упустил какую-то важную деталь.

Он спустился с крыльца и еще раз осмотрелся. В переднем дворике росло небольшое деревце, чьи крепкие ветви тянулись в стороны под прямыми углами. С веток свисали бледно-желтые плоды, покрытые пурпурными полосками. Рядом с деревом проходила аллея. Она огибала здание, и сразу же за ней начинался высокий забор соседнего участка.

Неужели это его дом? Джордж больше не хотел никаких ошибок. Он знал, к чему обычно приводила такая внутренняя неопределенность. Он прекрасно помнил ее внезапные внешние проявления...

Джордж медленно прошел по аллее на задний двор. Забор рядом с соседским домом казался очень знакомым или, по крайней мере, напоминал что-то родное и близкое. Хотя здесь явно чего-то не хватало — возможно, колючей проволоки.

Аллея заканчивалась пятью ступеньками, которые вели к задней двери. Сквозь толстое стекло он заметил женщину, которая деловито передвигалась по кухне. Она что-то напевала, но стекло не позволяло разобрать мотива. Однако у Джорджа сложилось впечатление, что мотив был довольно веселым.

Решив постучать, он поднялся по ступеням, и в этот момент женщина обернулась. Джордж отшатнулся, увидев ее изменившееся лицо. Такой холодный и насмешливый взгляд мог означать что угодно. Однако уже через миг Джордж заметил в ее глазах искорку узнавания, и у него немного отлегло от сердца.

Тем не менее он честно признался себе в том, что абсолютно ее не помнит.

— Джордж! Почему же ты не сообщил нам, что вернулся?

Она открыла дверь, и он как следует рассмотрел эту маленькую женщину с пушистыми белокурыми волосами. Несмотря на былую красоту, ее лицо уже подернулось пеленой отцветшей молодости, и тут не могла помочь даже косметика. Схватив Джорджа за руку, она затащила его в прихожую.

— Что же ты стоишь? Это твой дом! Входи, Джордж. Входи!

Джордж прошел в гостиную. Он ненавязчиво и осторожно следил за каждым движением хозяйки, пытаясь собрать из крошева впечатлений какую-нибудь понятную и законченную картину. Он был абсолютно уверен, что пришел по месту назначения. Именно тут ему и полагалось быть. Он вернулся домой. В этом Джордж не сомневался ни секунды. Но его сердце замирало от страха и смутного предчувствия неотвратимой беды.

Он понял, что ему предстоит разговор с эмиссаром Серого Ордена. А значит, еще одно задание подходило к концу. Наладив канал связи, он выполнил свою миссию, и теперь ему следовало подумать о возвращении в Главупр. Впереди его ожидали новые опасности, дальняя дорога и казенный дом.

Приятно было вернуться в Главное управление, где посреди большого цветника и кустов роз стоял обелиск, служивший напоминанием о мучениках Девятой звездной экспедиции. В его основании под лепестками цветов угадывалась вязь иероглифов. Отдав салют погибшим героям, Джордж зашагал по усыпанной гравием дорожке, которая петляла между домов. Денек начинался, каких не бывает, но даже при всей своей нереальности он выглядел довольно неплохо. Охранник, которого Джордж встретил в центральном бассейне, направил его в первый приемный покой. Там Джорджа проводили в кабинет, и молодая женщина в униформе Звездного Братства попросила его сесть в кресло, стоявшее рядом со столом.

— Вы только что вернулись, верно?

— Да, только что, — ответил Джордж.

— Вы находились в секторе ФПК, верно?

— Так точно. Мне было поручено проникнуть в Сомнительный квартал.

— И вам это удалось?

— В какой-то мере да. Я выяснил, что состояние замешательства действительно существует. Наши догадки оказались верными.

— Это все, что вы обнаружили?

— Нет, не совсем. Мне удалось внедриться...

— Прошу вас, больше ни слова, — прервала его женщина, властно взмахнув рукой. — Остальное меня не касается. Поберегите свою информацию для Подробного Дебрифинга.

Джордж кивнул, хотя он никогда не слышал ни о чем подобном. Но тревожиться по таким пустякам не стоило. Он снова вернулся в Главное управление — к знакомому цветнику и обелиску среди роз. Разве можно выразить словами, как приятно вернуться домой? Джордж таких слов не находил, и вообще, попав сюда, он еще раз убедился в истине, что по-настоящему хорошо только там, где нас нет. Все это время он отчаянно пытался вспомнить какие-нибудь подробности о Главном управлении, но в голову, как назло, ничего не приходило. Возможно, они вернули его назад слишком быстро: да-да, теперь он вспомнил, что подобные провалы памяти считались обычными среди тех, кто выполнял задания в секторе ФПК. Или он это просто выдумал? Трудно говорить о чем-то наверняка, когда приходится убеждать самого себя.

— На этом мы пока закончим нашу встречу, — сказала женщина в униформе. — Вы можете идти. Отдохните немного, восстановите силы. Ваши апартаменты уже готовы, и мы постарались сохранить там все в неизменном виде. О выполнении задания вы отчитаетесь на дебрифинге, который намечено провести в самое ближайшее время.

— Могу ли я узнать точную дату его проведения? — спросил Джордж.

— Мне о ней, к сожалению, ничего не известно. В данный момент мы перегружены работой. Слишком много важного случилось за последние дни.

— А что именно?

— С этим вопросом вам лучше обратиться в библиотеку. Советую прочитать отчет Службы Информации — там все написано. А теперь я должна проститься с вами. Благодарю за сотрудничество.

Джордж понял, что пора уходить. Он встал и вышел из Главного управления.

Несколько раз мимо него проходили люди, но ему почему-то не хотелось спрашивать у них дорогу в библиотеку. Джордж снова

поковырялся в памяти, но, очевидно, все, что касалось Службы Информации, исчезло в одном из провалов. Более того, он не мог вспомнить, где находились его апартаменты. А ведь они где-то были, и сотрудница в униформе сказала, что там ничего не изменилось. Хорошо, что хоть погода не подвела. День выдался прекрасный — не слишком жаркий и не слишком холодный. Мягкий теплый денек, с ярким солнцем за грудой облаков и нежным ветерком, который с воем проносился сквозь арки Главного управления, валя деревья и в без того прилегающем парке.

Джордж шагал мимо больших стволов с широкими кронами и быстро размножавшейся листвой. Интересно, что вначале у него сложилось впечатление, будто листья были зелеными — как всегда. Но потом он понял, что листва лишь казалась зеленой, а на самом деле она самодовольно и крикливо сияла оттенками голубого, оранжевого и сиреневого цветов. Наверное, они сделали какие-то особые посадки, подумал Джордж. Однако он недоумевал, зачем им потребовалось сажать такие лицемерные и крикливые деревья.

Джордж знал, как важны для воспоминаний какие-нибудь зацепки или, говоря по-научному, якоря восприятия. К сожалению, он не знал как следует берегов этой реки и не помнил тех мест, где рыбаки оставляли якоря и лодки. Хотя о таких местах здесь ходило много сплетен и легенд, и он смутно вспоминал об этом, разгребая листву перед глазами и торопливо обшаривая берег в поисках зацепок.

Каждый раз, когда он пытался подойти к воде, рядом что-нибудь происходило. Это начинало раздражать, поскольку Джордж действительно хотел войти в воду. И тогда, впервые за долгое время, его кольнула шальная мысль. Он постарался забыть о ней, но она не уходила. Джорджу начало казаться, что им управляет какая-то сила, и именно она осматривала берег, используя его как обычную ищейку. Конечно, он понимал, что подобное невозможно. Это абсолютно не соответствовало логике и доктрине разума. Как и те цветы у реки, явно вышитые на вельвете золотыми нитками. Причем, заметьте, на измятом вельвете, который я специально для вас помял. А впереди простирался берег. И Джордж пошел туда, не сворачивая ни влево ни вправо. Прямо вперед! И действительно прямо! Он скользнул в воду, стараясь не поднимать ряби, но одна из них все же встала.

Тем не менее приходилось учитывать даже эту маленькую сонную рябь, поскольку именно с таких незначительных и изогнутых сегментов возникали огромные волны, сметавшие с лика земли зеленые леса, большие серые города и задремавшие вулканы. Конечно, для Джорджа такая рябь была простым журчанием, и она не производила на него никакого эффекта. Но на других журчание Джорджа действовало всегда и, что примечательно, всюду.

Однако теперь он мог об этом не думать. Джордж находился в воде. А вы, наверное, знаете, как это здорово плыть на спине и щуриться от отблесков солнечного света. И то был действительно прекрасный момент. Жаль только, что Джорджа в это время мучили колики в животе. Впрочем, такое бывало и не с ним одним. Поэтому он плыл на спине и ждал, когда эта неприятность пройдет сама по себе — или, точнее сказать, выйдет.

Водоем, в котором плавал Джордж, был продолжением узкого и глубокого канала. Между прочим, вода там текла несколько быстрее. Вы когда-нибудь видели, чтобы вода текла несколько быстрее? Но именно так Джордж описывал то, что могло быть выражено другими словами. Он просто не мог ничего с собой поделать. Это рвалось из него наружу. Более того, Джордж лишь следовал той изящной линии, которую описывал сам канал. И все бы кончилось хорошо, если бы кто-то не дышал ему в затылок.

— Кто здесь?

Джордж выгнул шею, пытаясь рассмотреть существо, задавшее этот вопрос. В воде рядом с ним плыла небольшая черепаха — коробчатая черепаха обычного черепашьего вида, самая непримечательная из всех черепах, хотя наверняка нашлись бы люди, которые назвали бы ее панцирной сухопутной черепахой. Джордж выбросил все это из ума, но мысли прилипли к его пальцам, как осенняя паутина, — не совсем бессмысленное легкомысленное осмысление смысла.

— Попридержи коней, приятель, — сказала черепаха. — Ты даже представить себе не можешь, на что похожи твои поганые мысли.

— Откуда вам знать, о чем я думаю? — возмутился Джордж. — И с каких это пор черепахам позволено говорить по-человечески? Здесь вам не легенда о животных и даже не аллегория!

— Забавный ты паренек, Джордж, — сказала черепаха. — Если бы не склонность к монологам, тебе бы не было цены. Неужели ты еще не разглядел наколки на моей спине?

Черепаха развернулась, показывая ему спину. Джордж увидел равносторонний треугольник, составленный из трех тонких линий. Возможно, для черепахи это что-то и означало, но Джордж не собирался принимать на веру мнение какого-то подозрительного земноводного.

— Не валяй дурака, — сказал черепахан. — Тебе от меня так просто не отделаться. Я нарочно показал наколку, чтобы привязать тебя к себе. Потому что теперь, когда ты узнал мою примету, я не позволю тебе уйти. Я не позволю тебе описывать меня!

— А куда вы направляетесь? — спросил Джордж.

Он заметил, что крутые берега как-то уж очень быстро исчезли из виду, и вода, которая минуту назад стремительно мчала его вперед, закружилась теперь в агонии неопределенности.

— Иногда я двигаюсь вперед, — ответил черепахан, — а иногда в сторону.

Поплыв рядом с ним, Джордж убедился в том, что черепахан сказал правду. Узкие протоки пересекали и перекрывали друг друга сложным запутанным узором — причем не просто по разу или по два, но по двенадцать, а то и по четырнадцать раз. Вот почему это длилось так долго. Однако солнечный свет успокаивал. Джордж пока не был готов к переменам или, по крайней мере, к тем переменам, которые набрасываются на вас, когда погода становится решающим фактором.

Между тем проблема вышла в фокус. Фокус у нее не удался — Джордж это понял сразу. Каналы оказались не такими уж и прочными. Более того, тщательный осмотр принес неутешительную оценку, которая, кроме всего прочего, могла стать еще и иллюзорной. От него требовалось только одно — следовать за ходом событий. А кому из нас не хотелось порою того же? Особенно когда рядом бубнил голос зеленой черепахи безумия и мы предпринимали обходной маневр, отмечавший лобовую атаку проблемы. Это ужасное путешествие начинало затягиваться; ресурсы подходили к концу; рядом плавал наглый черепахан, и Джордж все чаще задумывался о жестокой судьбе, которая увела его от водоема в большом городском сквере, где он работал с сотней других людей под жарким солнцем Вавилона.

Ситуация казалась безвыходной. И даже внезапно возникший мешочек с диалогом почти ничем не помог. Наоборот, в его появлении было что-то ужасное и зловещее, поскольку он приплыл к Джорджу в яркой полосатой коробке.

По прошлому опыту, который он не собирался увековечивать, Джордж относился к коробкам очень настороженно.

— Все это туфта! — сказал мешочек с диалогом, выбираясь из коробки и стряхивая с себя капельки непристойных слов.

— Вот уж чего не знал, того не знал, — признался Джордж.

— Ты в этом уверен? — подозрительно спросил словесный мешочек.

— Я уверен только в том, что вы появились здесь слишком внезапно, — сказал Джордж. — Стоило нам подумать о решительных действиях, как тут же возникаете вы и начинаете, извините за выражение, возникать.

— Смотрите, кто заговорил о выражениях! — воскликнул словесный мешок. — Парень, тебе нужна помощь. Ты в это врубаешься или нет?

— Кстати, по поводу вашего вопроса... Что тут происходит? — спросил Джордж.

— Я рад, что ты интересуешься такими вещами, — сказал мешочек с диалогом, и его маленький рот, похожий на бутон розы,

изогнулся вверх по уголкам. — Фактически это мы и должны узнать. А ну тихо, парень! Ты ничего не слышишь?

Джордж прислушался и уловил какой-то шлепающий звук, как из той метафоры, которую второпях отлили в кузнице лексикографа. Звук дождя. Вот же черт! В довершение всего ему опять предстояло обмочиться.

— И именно в такой момент, — добавил словесный мешок, пытаясь скрыть отвращение, которое он питал к происходившему.

Прямо перед ними возвышалось кирпичное шестиэтажное строение внушительных форм и размеров. Такой внушительной и шестиэтажной могла быть только библиотека, в этом Джордж не сомневался. Все окна на ее фасаде были заколочены фанерой — вернее, чем-то похожим на фанеру, но более низкого качества. Тем не менее этот прозрачный и хрупкий материал защищал зевак и таких случайных проплывавших, как Джордж, от летевших во все стороны булыжников и осколков породы. Там, внутри здания, выступая над крышей и выпирая с боков, располагался колоссальный остов молота, к которому тянулись стальные тросы. Подобные хитроумные приспособления обычно назывались гидравлическими — не потому, что ими двигала вода (хотя в каком-то глубоком смысле так оно и было), но потому, что из кессонов этой чудовищной машины, мерцавшей клапанами поршней и долбившей гранит науки, исходил лишь пар и запах сгоревшей смазки.

Так и не разгадав назначения молота, Джордж мысленно покачал головой. Головка массивного пробойника медленно поднималась вверх, затем стремительно опускалась вниз, скрываясь в глубинах скважины. Молодая женщина в кепке, из-под краев которой вились волосы, заплетенные в белокурые косички, сделала паузу и вознамерилась обратиться к нему.

— Эй, ты!

Она все же исполнила свое намерение.

— Вы это мне? — спросил Джордж, демонстрируя тем самым первую часть многословия.

— Да, тебе. Ты не хочешь отойти отсюда на пару шагов?

— Конечно, хочу, — ответил Джордж, источая из себя уступчивость и слащавые улыбки. — Но сначала вы должны мне кое-что сказать. Зачем вам нужна эта штука, которая снует как гидравлический молот?

Блондинка с косичками и кепкой улыбнулась, уловив классически риторический и идиосинкразический намек, заложенный в предпосылку. Ее молот напрасно наносил удары, поскольку предпосылка не уступала в ловкости юркой ласке, а вы, наверное, знаете, что лаской можно добиться всего, что угодно. Но давайте не будем перебрасываться засаленными и заезженными образами — особенно там, где мы можем по-хорошему договорить-

ся и тайком связать слово за слово, если они подходят друг другу. А если при этом еще спрятать все концы в воду и сделать вид, будто ничего не произошло... Что?

— Я сказал, заткнись! — закричал Джордж.

— Прости, я опять увлекся, — смущенно ответил словесный мешок.

— Куда подевался гидравлический молот?

— С ним, кажется, что-то случилось, — сказала блондинка в кепке.

— Лучше не начинайте этого со мной, — предупредил ее Джордж. — Всем стоять на месте, или я буду стрелять.

— Из чего? — спросила одетая в кепку леди.

Ее вопрос эхом повторили словесный мешок и черепахан, который неожиданно вернулся из своего небытия.

— Нельзя остановить то, чему суждено произойти, — сказала мудрая черепаха. — И тебя не избавит от этого даже твоя борьба.

— Знаешь, я давно хотела тебе кое-что рассказать, — смущенно произнесла белокурая леди. — Ты, конечно, меня не знаешь, но я о тебе достаточно наслышана.

— На самом деле? — спросил Джордж, которому это показалось удивительным.

— Надеюсь, ты готов сделать кое-какую мелочь для всей нашей компании, — сказала она.

— Эй, подождите минуту. Я для этого не готов.

— Джордж, тебя когда-нибудь учили принимать на себя ответственность?

— Нет, черт возьми! Меня этому никогда не учили!

Из-под купола посыпались полчища объяснений. Они были одеты в красное трико и ловко сплетались друг с другом. Эти гибкие эквилибристы казались уверенными и непоколебимыми, но на самом деле выглядели бледно и неубедительно.

Впрочем, ситуация зашла слишком далеко. Я даже не знаю, кто бы выдержал такое. Черт! Куда же подевался кончик этой мысли? Через какую дыру вытекал сюжет? Неужели Джордж действительно менялся, превращался и трансформировался во что-то другое? И что, в конце концов, означали его коробки?

— Полегче, приятель. Успокойся, — шептал словесный мешок.

Он поддерживал Джорджа обоими плечами. Твердо, но мягко.

— Да полегче, ты, здоровый бугай, — закричал он в конце концов. — Я тебе что — подушка?

Джордж застонал и сжал ладонями голову. Она затрещала от боли. Он подозревал, что это была голова какого-то другого человека. Во всяком случае, раньше он таких головных болей не испытывал и, надо признаться, даже не знал, может ли их испытывать вообще.

Все более испарявшееся равновесие перекосилось в сторону и грозно закачалось в предвестии дурных намерений.

— Да не склоняйся ты так! Не напирай! — кряхтел, задыхаясь, словесный мешок.

Джордж действительно нарушал все правила склонения на предметы сцены. Тем более что они в этом месте были особенно хрупкими и чувствительными, поскольку, по закону братьев Гримм, помрачение возникает экспоненциально исчезающей ясности. В тот же миг огромный гидравлический молот начал подниматься вверх. Из-под приборной панели послышались приглушенные взрывы маниакального смеха. Динамики дрожали и захлебывались от неотвратимого рока.

Блондинка в кепке — или, судя по ее виду, девушка — первой заметила опасность.

— Он сейчас взорвется! — закричала она. — Мне надо добраться до выпускного вентиля, который должен торчать где-то в этом месте!

И тогда воздалось ей по речам ее. И изверглись из приборной панели голубые струи молний, и женщина сия с визгом и криками пала на спину свою.

— Этот факельщик кроет факсом по всей фактории! — завопил словесный мешок, нанизывая слова в бессмысленную фразу. — Факт! Факт! Факт!

Тем временем Джордж, цепляясь за перила и пуговицы, понемногу приходил в себя. Ему удалось задержать предшествующее падение, но то ли из жалости, то ли по недомыслию он не удосужился посадить его в тюрьму. Эта оплошность тут же дала себя знать и начала истекать значительными событиями.

Бросив быстрый взгляд в сторону, Джордж увидел на своем плече черепаху. По татуировке на панцире он едва не принял ее за шустрого черепахана, но потом вдруг понял, что такой треугольник могло нацарапать себе любое земноводное. А вы думали, что он какой-то простак? Вы думали, он будет потворствовать претензиям болтливых животных и выслушивать бред словесных мешков?

Теплый дождь и холодный ветер хлестали в лицо и пытались вырвать опору из рук. Джордж вдвое усилил свою хватку. Вода начала выделывать мерзкие трюки — она то низвергалась водопадом, то капала, то вновь сочилась тонкой струей. Остальные махали ему руками и кричали о каком-то конце.

— Конец! — вопили они. — Держи конец!

Рядом с ним упала длинная веревка. Но ведь речь могла идти и о той штуке, за которую он держался. В отчаянии Джордж начал хвататься то за одно, то за другое. Конец... Что же они имели в виду?

— Принять швартовы!

Услышав это, Джордж уловил движение судна. Через миг он понял, что ему необходимо попасть на корабль. Джордж еще раз подумал о конце. Он бросил на него последний взгляд, фиксируя в памяти и без того знакомые детали, а потом позволил воспоминанию о гейзере присоединиться к тому, что уже, в метафорическом смысле, истекло на седые гребни волн прекрасного моря.

— Принять...

— Да, да, — раздраженно сказал Джордж и накинул петлю крепежного конца на причальную тумбу. В тот же миг движение корабля замедлилось.

— Прекрасно сделано, сэр! — сказал представительный мужчина.

Этот доселе незнакомый тип вышел из небольшой кабины, которая располагалась на верхней палубе чуть ниже белых парусов, надутых, извините за выражение, ветром. Лицо мужчины напоминало перезревшую грушу с густыми бакенбардами и множеством игривых смешинок, которые прятались за его высокомерным видом. Он был одет в голубой китель с золотой тесьмой и серебряными пуговицами и, представьте себе, носил на голове накладку или парик, а возможно, и то и другое сразу. Наряд довершали треуголка и замшевые панталоны, которые показались Джорджу подозрительно чистыми и белыми.

— Кто вы? — спросил он.

— Я Ролло — веселый капитан со «Слюнявчика». Неужели не помните? «Привез груз из Иокогам, ничего тебе не дам». Недавно отмечен в морских депешах за успешный перехват арбузов и двух французов. Конечно, теперь я покончил с этими глупостями и стал серьезным морским волком — особенно после того, как Джулия начала травить меня своими претензиями, краснорожим попугаем и парочкой борзых. Но тише! Я слышу ее шаги!

На самом деле этот капитан со «Слюнявчика» не мог слышать никаких шагов, потому что их звук возник только после того, как он закончил свою речь. Сначала скрипнула дверь, и, судя по тому, как она скрипнула, кто-то открыл ее настежь. Затем в проеме появилась женщина, белокурая и полногрудая, не первой молодости, но еще и не тронутая плесенью. Ее притягательную фигуру облегало платье с оттенками персика и апельсина. В шелковистые волосы были вплетены темно-синие ленты.

— Эй, парни, кто-нибудь хочет полюбезничать с дамой? — спросила она, и Джордж мгновенно понял, что по какой-то необъяснимой причине судьба столкнула его лицом к лицу со знаменитой и незабвенной Мэй Уэст.

— Мисс Уэст! Как вы здесь оказались?

— Так же, как и ты, глупенький мой. Меня призвали на службу. Но к чему все эти сентиментальные вопросы? Нормальные люди действуют, а не болтают языком. Вопросы с «как» и «поче-

му» — это дурная привычка, от которой тебе пора избавляться, малыш.

Капитан Ролло засмеялся:

— Она восхитительна, правда? Нам просто повезло, что мы взяли ее на борт в Японии.

— А что вы делали в Японии, мисс Уэст? — спросил Джордж.

— Ты когда-нибудь слышал о Шанхайской Лилии? — ответила она вопросом на вопрос.

— Не думаю, что нам надо касаться этой темы прямо сейчас, — сказал капитан.

— Ах, ты так не думаешь? — сердито вскричала мисс Уэст. — А кто ты такой, черт тебя подери?

— Я капитан «Слюнявчика», — ответил Ролло.

— И это с именем Ролло? Не смеши меня, дорогуша!

— Дорогие друзья, — вмешался Джордж, — я смотрю, тут недалеко и до потасовки. Может быть, мы лучше попьем чайку?

Его уловка была исполнена самых лучших побуждений, и все присутствовавшие восприняли ее с должным пониманием, в том числе и экипаж авианосца «Слюнявчик», образовавший вдоль бортов две длинные шеренги. Суровые лица лучились загаром южных широт: длинные косы по такому случаю были смазаны дегтем (а надо сказать, что парики в этом женском коллективе не носили из принципа).

Джордж не поленился рассмотреть океан. Как он и подозревал, тот показался картонным. Кто-то раскрасил его в цвета моря небрежными и неровными мазками. Так вот, значит, что они пытались всучить ему под шумок! Он потянулся рукой к тревожному звонку, но маленькая кнопка видоизменилась в клапан давления, а затем в какую-то трубку из мягкого металла. Джордж так и не узнал, во что же наконец превратилась эта штука, потому что капитан Ролло прихлопнул ее рукой, прежде чем она окончательно сформировалась.

— Зачем поднимать лишний шум? — сказал капитан. — Мы прекрасно можем разобраться между собой. Мисс Уэст, могу я узнать, в конце концов, что вы сделали с Джулией?

— Забудь о ней, — ответила Мэй. — Ее сбросили в прикуп на одной из предыдущих встреч. Неужели ты забыл, мой храбрый моряк?

— Вот так всегда! Не посоветуются со мной, натворят глупостей, а потом кричат, что у них не пошел сюжет. Как будто у меня нет других проблем! Я вам еще не говорил о своей подагре? И о своих язвах тоже? И о шпагах? Неужели я не рассказывал вам о ручных обезьянах и о том, как странно они выражают свою благодарность? Тогда, может быть, мне лучше объяснить вам главную линию нашей политики и тот неверный поворот, который мы сделали в Пиренеях?

Внезапно раздался приглушенный выстрел, и моментом позже в нос «Слюнявчика» вонзилось пушечное ядро.

— Круто! — похвалил капитан. — Стоило нам взяться за дело, как кто-то уже пошел в атаку. Вы только посмотрите на моих парней у нок-реи! До них уже дошло!

Четверка парней, известных как доходяги Ролло, ловко забрались на снасти и побежали вверх по веревкам, канатам и фалам, по шкотам, шнуркам и лентам печатной машинки, по голубиным перьям, тополиному пуху и прочей ерунде, которая порой почти не касалась рангоутов корабля. Шкоты еще не высохли после дождя, и поэтому парни какое-то время бездельничали у смотровой корзины. Для забавы они принялись окликать друг друга фальцетом, а затем их голоса перешли на пронзительный писк и достигли верхней точки. Но четверка дозорных не пожелала останавливаться на этом. Они продолжали карабкаться вверх, поднимаясь в воздух по невидимым вантам, пока наконец не исчезли в ближайшей куче кучевых облаков.

— Не слишком ли высоко для простых дозорных? — язвительно поинтересовался Джордж. — Может быть, они спустятся теперь к народу и расскажут нам, что к чему?

— Полагаю, вы хотите узнать, есть ли у нас какой-нибудь шанс на спасение? — спросил капитан.

Джордж пока об этом не думал, но всему наступает свой черед; и он не желал упускать такую возможность — возможность узнать что-нибудь похожее на то, о чем говорил капитан. Вот почему он вытащил из портсигара сигарету, отхлебнул крепкий, но мягкий напиток из квадратной темной бутылки, которой довелось стать простодушным автором многих из его бед, а также бед его верного друга, словесного мешка, и, прочистив горло, хрипло сказал:

— Вам лучше найти для всего этого какое-то разумное объяснение.

— Мне нравится ваша глупость, Джордж, — с веселым смехом призналась мисс Уэст.

— Упрям, как всегда, — фыркнул ей в ответ капитан.

— Думаю, мы могли бы перекинуться в картишки, — предложила их дама.

— У нас не хватает людей для партии, — ответил Джордж, еще не решив, нравится ли ему такое предложение.

Но, как обычно, он сказал не те слова, и в мгновение ока, в краткий миг между одним процентом вдоха и следующим, на юте появилась шумная компания людей из разных стран и далеких времен: между ними даже затесался мужичок, подозрительно похожий на Сократа, хотя и остальные выглядели такими историческими знаменитостями, как, например, Иван Грозный, Бела Лу-

госи[1], Зазу Питц — и вплоть до того момента, когда у вас уже опускались руки, поскольку они понятия не имели о чувстве меры.

— Ты хочешь сказать, что они удрали? — гневно спросил генерал Цефалио Вегас у своего помощника, симпатичного, но безответственного дона Хорхе де лас Агвиларс де Оро де Сан Висенте и Сан Хуан, известного среди друзей как Джордж, и это американское упрощение применялось лишь потому, что Хорхе два года обучался в Принстоне, в институте Продвинутых исследований, где он специализировался по темам, связанным с жестокостью интеллекта великого древнего ацтекского мыслителя Хулио Сифуэнтеса — древнего вождя, свергнутого в свои последние дни волной революционного мятежа и тем самым низринутого на ту свалку исторических отбросов, которая находится чуть дальше Метаморов.

— Я хочу сказать, Твое Превосходительство, что им удалось убежать.

Такое обращение Хорхе или Джорджа объяснялось тем, что Цефалио был ему давним другом — с тех самых дней, когда они мальчишками бегали по Санта-Флоре де лас Зверес; в те годы, когда посвящение в общество коробок казалось им высшей целью жизни. Ах, молодость, молодость! Тем не менее он знал, что его длительное знакомство с Цефалио не имело теперь былой цены и особенно в данный момент, когда на карту было поставлено почти все — ранчо, белокурая женщина с севера, маленькое английское судно, стоявшее на якоре в гавани, и, наконец, массивное строение Бастилии, перенесенное за большие деньги из самого Парижа, — вот что сейчас решало ход событий.

— Здесь нет ничьей вины, — добавил Джордж. — Думаю, ты понимаешь, что стечение обстоятельств, которые послужили причиной их бегства, возможно и вероятно, никогда не стекалось прежде и, по-видимому, никогда не стечется вновь.

— Как же мне это узнать наверняка? — спросил Цефалио, царственно опускаясь в тростниковое кресло — красивый и гордый южанин в большой шляпе и с неизменной черной сигарой в зубах под летним солнцем в пыльном глинобитном городишке Мексики, которой еще лишь предстояло появиться на свет и помочь нам вырваться из оков реальности, если только у нас хватит для этого сил. — Как ты думаешь, они далеко успели уйти?

— Я полагаю, они теперь уже на полпути к Гакаллиону.

— А ты учел бандитские нападения на железной дороге в провинциальном городе Сан Хуан де лас Фруктофрескас?

— Да, я принял это в расчет, когда делал свои вычисления, — ответил Джордж. — Но если они на полпути к Гакаллиону, то их

[1] Американский актер, прославившийся ролями злодеев в фильмах ужасов. (*Прим. ред.*)

отряд сейчас находится где-то в середине ущелья Сломанной спины в провинции Слерамио.

— Если только они не выбрали более нормальный путь через джунгли, — резко ответил Цефалио.

— Они там не пойдут, Твое Превосходительство. Ты хочешь спросить, откуда я это знаю? Да потому что Стобридж, их предводитель, считает себя умнее меня. Эту иллюзию он питает с тех дней, когда мы оба учились в Итоне. Но, поскольку я знаю об этом, мне нетрудно понять, что он не воспринимает меня как соперника и не находит нужным придумывать планы, которые бы я действительно не мог разгадать. Вот почему теперь, после того как мы просчитали каждый его шаг, нам требуется лишь предпринять соответствующие действия.

— Соответствующие действия! — задумчиво повторил Цефалио. — Если бы мы только знали, что это такое!

Долгое время генерал смотрел на верного друга немигающим взором. На мгновение он снова стал старым Цефалио, которого Джордж знал столько лет — до того, как солнечный свет и ночная мгла раскололи между ними небесное царство и когда в мире еще был мир. Но потом глаза Цефалио снова заморгали; маленькие шторки из угриной кожи задвигались вверх и вниз, сверкая чужеземным лаком; и генерал, смахнув скупую слезу, взмахнул недрогнувшей рукой. В тот же миг солдат, невидимо стоявший на страже, выпрыгнул перед ним, с усами и всем прочим.

— Да, мой генерал? — сказал он, отдавая честь.

Однако Джордж был сыт по горло этими извращениями. Он отмел Цефалио прочь, опознав в нем еще одно из тех ложных воспоминаний, которое ему имплантировали в голову, чтобы свести с ума. Но доктор Азов и его зловещие помощники с бледными лицами выполнили свою работу недостаточно умело. Тот, кто всматривался в глубь явлений, без труда замечал края внедрений в зоне психомоторных воспоминаний, а Джордж, как лучший из операторов Серого Корпуса, считался экспертом по психам и моторам. Только так можно было противостоять врагу, который, овладев нашими землями, женщинами и рабочими местами, пытался теперь аннулировать наши души и превратить цвет нации в недееспособных идиотов. Но, несмотря ни на что, человек все же мог обнаружить края искусственной памяти; он мог отодрать эту неровную заплатку, прижать свой глаз к маленькой щелочке и заглянуть в колдовской котел творения, в тот темный центр, из которого происходило все. Хотя многие от этого сходили с ума.

Капитан, поймав его за таким недостойным занятием, тактично прочистил горло. Джордж быстро отпрянул от щелки и сделал вид, что ничего не случилось.

— Вы что-то хотели?..

— Напомнить вам о правилах приличия.

— Продолжайте, — сказал Джордж.

— Только не в присутствии дам, — ответил капитан.

— Вы не можете сказать мне ничего такого, о чем бы я уже не знала, — заявила мисс Уэст, и ее безмятежность превратила эти слова в легкую и светлую шутку.

— Продолжайте, если вы мужчина, — настаивал Джордж. — Почему вы вдруг остановились?

— Между прочим, мы вам не обещали, что поплывем дальше, — огрызнулся капитан. — Захотели, вот и остановились! Ясно?

— Конечно, нет. Но я не собираюсь вводить вас в затруднительное положение — особенно мисс Уэст.

— Вот видите, — сказал капитан, обращаясь к Мэй, — он не собирается вводить вас в положение. Однако он и пальцем не шевельнет для того, чтобы поддержать наш сюжет в такую богом данную минуту, когда мы наконец собрались все вместе — вы, я, Джордж и наша команда с косичками и ленточками. Опомнитесь, мой друг! Это здесь настоящая стрельба и тяжелая упорная работа! Это здесь вас ожидают подвиги и великие свершения! Мы могли бы поручить вам что-нибудь действительно серьезное — например, сосчитать каждую заклепку в этом картонном море. Так нет же! Вы задумали сойти на сушу! Вы решили уйти от борьбы и опустить свои два цента в то место, которое вам не принадлежит!

— Капитан, я попросил бы вас держать себя в руках...

Однако уговоры уже не помогали. Кожа на лице капитана покраснела. В его черных как смоль волосах появились перья, нос вырос и загнулся крючком. На бронзовой груди возник ритуальный рисунок Большой Коробки. Осмотрев себя с головы до пят, Ролло горько воскликнул:

— Что же вы с нами делаете, Джордж? Нет! Только не это!

Глубоко вздохнув, он собрал всю силу своей воли и внезапно исчез. Он исчез, как луч света. Как крик «эй, бампабомпо», который замолкает, едва вы его услышите. И именно так пронеслась эта неделя для Джорджа. Хотя ему было в принципе все равно.

— Вы следующая, мисс, — сказал Джордж.

— Да брось ты эти глупости, — хихикнула Мэй. — Давай лучше как следует повеселимся.

— Нет, — ответил Джордж. — Не время для веселья. Страх — вот горький плод отчаяния. Волны не знают о том, что скрыто в глубинах. И в такое время, как это, нам следует забыть...

Мэй сделала брезгливый жест — вернее, брезгливенький жестик. Этого было достаточно. Она испарилась. Она исчезла, чтобы воссоединиться с капитаном, или, что более вероятно, уйти в ту огромную страну возможностей, куда удаляются герои пьес, когда мы расходимся от сцены.

— Наконец-то я от них отделался, — сказал себе Джордж.

— Мог бы и нам кое-что объяснить, — проворчал словесный мешок.

— Черт, ты по-прежнему здесь? — спросил Джордж.

— Тебе лучше в это поверить, приятель, — ответил словесный мешок.

— И я тоже по-прежнему здесь, — добавил черепахан.

— Но где мы находимся? — поинтересовался мешочек.

— Мне кажется, это авианосец «Слюнявчик», — сказал Джордж.

— Неплохая попытка, Джордж, — похвалил черепахан. — Однако ты стартовал немного поздно. Лавина уже пронеслась. Я, конечно, извиняюсь, но прошлого не вернешь. И «Слюнявчик», во всей своей неисполненной славе, ушел в небытие.

— Тогда где же мы сейчас? — спросил Джордж.

— Мне очень не хочется говорить ему это, но похоже, что мы нигде, — шепнул черепахан словесному мешку, и тот повторил фразу вслух — буквально слово в слово.

— Нигде? — изумленно переспросил Джордж.

— Нигде, — подтвердил черепахан с тем самым невозмутимым видом, который так типичен для взрослых особей его вида; а ведь он, между прочим, уже подбирался к семи годам.

В лесу наступал вечер — один из тех чудесных тихих вечеров, когда хвойные деревья примеряют шляпки облаков, а маленькие кусты роняют алые слезинки ягод, сожалея о том, что такой прекрасный день уже не повторится. Шагая по едва заметной тропе, Джордж наслаждался красотами природы, однако его восторг все больше пригибался к земле под тяжестью черепахи, которая висела у него на спине. Словесный мешочек вел себя скромнее. Он уместился в одном из больших карманов куртки и спокойно дремал. Но черепахан, будучи криминальным авторитетом, обладал солидным весом. И, когда он начал петь, Джорджу стало вообще невмоготу.

Мне надоело зависать в знакомой роще
И с болью в сердце вспоминать о доброй теще.
А кореша метают харч, и душу рвет надсадный плач,
Но за деревьями ждет суд и злой палач.

Припев:

А песня летит прямо в небо,
Как ласточка под небеса,
Туда, где ни разу я не был,
Где ангел творит чудеса...

— Я бы просил, — сказал Джордж.

— Что-что? Не понял? — спросил черепахан.

— Вы не могли бы воздержаться от пения?

— Хочешь сказать, что тебе не нравится моя песня?

— Она меня тревожит, — ответил Джордж.

— Хм-м, а я ведь выбрал самую задушевную, — обиженно произнес черепахан. — Эй, мешок! А ты что скажешь? Тебя тут тоже что-то тревожит?

Словесный мешок осторожно выполз из кармана Джорджа и свесил вниз свои крохотные лексикографические ножки.

— Я не знаю, где мы сейчас находимся, — сказал он. — Поэтому какая-то доля тревоги, конечно же, есть. Но меня успокаивает окружающее нас великолепие, которое нескоро забудется усталому путнику. Как вам такой ответ?

— Неужели вас даже не интересует, где вы находитесь? — возмутился Джордж.

— А что тут такого интересного? — недоуменно спросил черепахан. — Я сижу на твоей спине, а мешочек торчит в твоем кармане.

Мешочек действительно торчал. От него немного попахивало таблетками и эфиром.

— Куда же нам в таком случае идти?

— Давай не будем тревожиться об этом, — успокоил его черепахан. — Просто шагай себе по этой дорожке и шагай.

— По какой дорожке?

— А ты сделай ее, тогда увидишь.

Джордж не хотел подчиняться приказам какой-то черепахи — тем более что она могла оказаться панцирной и сухопутной. От такой мысли у него даже мурашки побежали по коже. На всякий случай он сошел с дороги, на которую его вывел черепахан, и, надо сказать, сошел вовремя. В тот же самый миг мимо него с ревом пронесся большой грузовик с огромными колесами, который выскочил из каких-то внутренних потаенных уголков леса и помчался к каким-то внешним потаенным уголкам.

— Это еще что такое? — воскликнул Джордж.

Грузовик с водителем в ковбойской шляпе лихо развернулся вокруг молоденькой сосны и вновь направился к Джорджу. Мотор взревел, к его грозному рыку прибавилось сиплое сопение, которое могло исходить только из камеры карбюратора, и Джордж понял, что все это не к добру. Особенно ему не понравился сам грузовик. Огромную квадратную кабину украшала психоделическая живопись, выполненная в манере дневного глюка — а между тем мода на такие вещи прошла уже давным-давно. Он встал на дыбы или, лучше сказать, припарковался на поляне, порыкивая мотором, сморкаясь серым дымом из широких выхлопных труб и посвистывая клапаном радиатора.

— Я думаю, тебе стоило бы поговорить с ним, — предложил словесный мешок. — Во всяком случае, ты не развалишься, если скажешь ему пару ласковых слов. Сделай первый шаг, а мы посмотрим, что у тебя выйдет.

— Лично я больше не буду смотреть на то, что из него выйдет, — сказал черепахан, брезгливо поморщившись. — Мне уже надоели ваши детские забавы и всякие там неожиданности.

Грузовик подъехал ближе, и Джордж заметил женщину, которая сидела рядом с водителем. Ее густые рыжие волосы ниспадали на плечи как заросли плюща; непослушные локоны завивались в маленькие кольца и спирали, сквозь которые тускло поблескивали проницательные глаза. Грузовик начал останавливаться, потом полностью остановился и наконец замер на месте. Джордж сжал зубы, сдерживая подступившую дрожь. Ситуация выглядела опасной — особенно когда мужчина вытащил из кобуры револьвер, сделанный из крепкого орешника и вороненой стали, а затем жестом велел женщине выйти из кабины.

Джордж хотел выбежать из кустов и представиться этой милой паре, но что-то заставило его изменить свое решение. Очевидно, не последнюю роль здесь сыграли бархатные тени леса, спокойствие дня, нежный ветерок и белки, участливо кивавшие с макушек деревьев. Вспомнив, что за показ денег не берут, Джордж решил немного понаблюдать.

— Я тоже хочу посмотреть, — сказал словесный мешок и начал карабкаться на панцирь черепахи.

А что ему еще оставалось делать, если остальные не додумались поддержать его маленькую подушечку, которая, в сущности, тоже была мешочком — пусть для бобов, но зато расшитым цветными нитками?

— А сейчас я вот что тебе покажу, — сказал похожий на ковбоя тип своей рыжеволосой подружке. — Я покажу тебе, как надо защищаться. Ты же знаешь, как я тревожусь за тебя. Ты знаешь, как мне тяжело оставлять свою крошку в маленьком домике посреди дикой прерии, где на сотни миль лишь трава да унылый ветер, где за целый век не увидишь ни одной живой души, где ты остаешься одна, без оружия, с одним лишь зубчатым гребнем прекрасной старинной работы, и никто тебя не защитит, если что-нибудь произойдет, стрясется или смахнется.

— Ах, Люк, — ответила женщина. — Я даже понятия не имела, что ты обо мне так заботишься. Все это время я думала, что ты ценишь меня только за мои языковые навыки — за то, что я стала моноглотом и заслужила среди обитателей наших мест почетную славу непревзойденного таланта.

— Ладно, смотри внимательно, — сказал ковбой и расстегнул фуфайку, накинутую поверх патронташа, к которому крепились его джинсы, заправленные с другого конца в ботинки из сыромятной кожи, поскольку он ставил их на порядок выше той сухомятной обуви, которую носили большинство горожан. — Сначала берешь эту штуку за кончик и нажимаешь ее вот сюда. А это называется предохраняющим средством. Ну-ка попробуй.

Девушка с кудряшками спустила предохранитель, револьвер бабахнул, и гулкое эхо выстрела понеслось по лесу. Шальная пуля, чиркнув по дюжине деревьев, отрикошетила от мостовой и влетела в узкий переулок, который вел к лагерю поселенцев. В тот же миг ребенок или, возможно, карлик — о чем было трудно судить на таком большом расстоянии — издал встревоженный крик и рухнул замертво, словно макрель, взлетевшая на луну.

— Для начала неплохо, — похвалил свою подружку ковбой. — А теперь нам надо выбрать какую-нибудь новую цель. — Он обернулся, увидел Джорджа и начал наводить на него оружие.

— Эй! Подождите минуту! — закричал Джордж.

Он торопливо прыгнул за ствол дерева и ненароком вспугнул королевского аиста, который сидел там на корточках, разминая клочок газеты.

— Извините, — сказал Джордж. — Но этот безумец пытается меня пристрелить.

— В таком случае мы должны предпринять какие-то действия, — ответил аист.

Он взлетел на толстую ветвь, отыскал в стволе потайное дупло и вытащил оттуда прекрасный тисовый лук и каленую стрелу.

— Вот, смотрите!

Встав в позу, которая невероятно трудна для аистов, он натянул тетиву и выпустил стрелу. Та, наслаждаясь чувством полета, воспарила к небесам, затем накренилась и начала свой долгий спуск обратно на землю.

— Осторожно! — воскликнул Джордж.

Но было слишком поздно. Стрела с бронебойной боевой головкой вонзилась в кабину и нанесла грузовику серьезное ранение.

— Святой броненосец! — вскричал мужчина.

Его привычка к присказкам свидетельствовала о том, что он происходил из племени апачей или трепачей, хотя никто из них больше не следовал обрядам и священным тропам своего народа. Разложив подбитый грузовик на газоне, мужчина осмотрел ужасную рану.

— Выглядит не так уж и плохо, — сказал он сам себе и влил в мотор бутылку вальволиновой смазки.

Двигатель издал протестующий вздох, дважды тренькнул и вырубился мертвым сном.

— Скажи, он поправится? — спросила девушка с кудряшками и слезами на глазах.

Ее рыжие волосы затрепетали в порыве ветерка, светлая юбка взмахнула широким подолом, и под тонкой блузой из дорогой первосортной материи проявились набухшие соски дерзкой и прекрасной девичьей груди. Еще не будучи понятой, она скромно

дарила надежду на начало любовной сцены или даже, если повезет, на настоящий сексуальный роман.

— А что это вы тут подсматриваете? — закричал словесный мешок.

— Тебе-то какое дело? — ответил Джордж, инстинктивно съежившись и прикрыв руками покрасневшие уши.

— Ладно, забудь, — сказал словесный мешок. — Я ведь это только так — для смеха.

— Твои шутки начинают плохо пахнуть, — сердито проворчал Джордж.

В тот же миг ковбой и рыжая леди, странно засопев, повернулись в его сторону. Узнав Джорджа, мужчина сдвинул на затылок большую шляпу и разочарованно сказал:

— Ну вот! Это напоминает мне историю о том мужике, который увидел жабу и привязанную на веревке гваделупу.

— Если хочешь, я могу перевести тебе эту фразу, — сказал Джорджу словесный мешок.

— Лучше заткнись, — ответил Джордж. — Я и сам понимаю, о чем он говорит.

Повернувшись к ковбою и сделав широкий взмах рукой, Джордж дипломатично сказал:

— Вы куда-то направлялись? Не так ли? Может быть, вы возьмете с собой меня, все мое движимое имущество и относящиеся ко мне вещи?

— И-у-я-се-е! — произнес ковбой, а затем вытер с губы слюну, поскольку фраза оказалась слишкóм смачной. — А вы разве едете туда же, куда и мы?

— Наверное, — ответил Джордж.

Что-то внутри его протестовало против такой манеры диалога, но менять ее было уже поздно. Словесный мешочек с перепугу прятался за костной оболочкой органа понимания, и Джорджу не оставалось ничего другого, как только подстраиваться под его костноязычие.

Они забрались в грузовик и какое-то время ехали в полном молчании — или, вернее, в неполном молчании, поскольку оно нарушалось ревом мотора и надоедливым чавканьем черепахана, который объедал молодые побеги синтаксиса.

Моноглоты не ожидали, что их будут описывать так скоро. Чтобы навести марафет, они разбежались по костюмерным. Многие остановили свой выбор на трех ногах и одной руке — последнему писку парижской моды. Когда они вышли из вигвамов со своими стилистами и кутюрье, среди них возникла небольшая давка. В принципе Джордж видел индустриальные районы и похуже этого, тогда было другое время. Теперь, после долгих лет, жизнь моноглотов казалась вынужденной поправкой. Если только из них не сделали исключение.

Увидев рыжеволосую женщину, моноглоты закричали:

— О, спасительница и воспроизводительница нашего племени!

Они говорили что-то еще, но качество света не удовлетворяло стандартам, и края кадров наползали на центр.

— Ну что я скажу? Серость! Склеп! — возмущался словесный мешок. — Выглядит более чем отвратительно. Куда вы поставили этого идиота? А куда он направился сейчас?

Ковбой щелкнул поводьями и развернул грузовик на объездную магистраль, которая замыкала в кольцо большое скопление городов. На пути к ближайшему из них стояло пять шлагбаумов, но водитель, оживший от быстрой езды, игнорировал предупредительные вспышки своей зажигалки. Он переключил передачу и помчался вперед на взятом в кредит транспортном средстве. Но камуфляж подвел: кабина, несмотря на раскраску, оказалась слишком заметной, и за ними увязалась погоня. В большой коробке, привязанной ремнями к багажному контейнеру, Джордж и черепахан обнаружили винтовки. Они сбыли их погоне без лишних слов, потому что на разговоры не осталось времени. Да и не было нужды о чем-то говорить. Вернее, нужда была, и даже очень большая, но Джорджа опять никто не слушал.

— Что это за место? — спросил он.

— По-моему, выглядит как Покомоко, — сказала их спутница, и, когда ей не удалось вытянуть из себя ни одного другого сравнения, она вытянула длинную шею.

В ту же минуту к центральным воротам подскакал породистый жеребец. Наездник гарцевал и кичился раздвоенной плешью, которая в те дни входила в моду среди сумасшедших, бродяг и других сумасбродов.

Потом через ворота проехали они. Костяшки ковбоя побелели на рулевом колесе, но створки ворот оказались не такими уж и крепкими. Грузовик промчался мимо длинного ряда абрикосовых деревьев и выехал с клумбы на городскую улицу.

Кругом мелькали толпы статистов. Они явно преобладали в этом городе, и многие из них носили яркие костюмы. Очевидно, здесь намечался какой-то праздник. Музыканты настраивали инструменты, погодка была что надо, и машина причин и следствий уже заходила на посадочную полосу.

Направление, выбранное ковбоем, оказалось не совсем случайным, но лишь наивные люди могли бы полагать, что Джордж не заметил этой детали. Наблюдатели стояли за каждым углом; они знали, что таким героям, как Джордж, иногда удавалось прорываться сквозь периметр. Они боялись этих гордых и отчаянных воинов, которые проходили через боль и наслаждение, через густые сети анализов и проб к тому заветному и светлому, чем были одержимы. Джордж без труда узнавал наблюдателей по голым черепам — от частых выводов у них выводились волосы. В целях конспирации им разрешали делать лишь по одному выводу на голову, и тех, кто нарушал это правило, подвергали дисциплинарным взысканиям. Во всяком случае, так происходило в недобрые старые деньки — перед тем как возобладало благоразумие.

Никто не хотел признавать себя побежденным. Но многие к этому быстро привыкли. Лишь некоторые скользили бесшумно во тьме, когда прожектора ощупывали землю и запрещающие знаки, как огромные стрелы, указывали на стоянку в небесах. Но смельчаки отправлялись дальше, мимо пулеметных гнезд и автоматов с газированной водой, мимо старой пушки, снятой со «Слюнявчика» и установленной здесь — в этом гиблом месте, где никто не придет спасти тебя, меня и Матильду.

Но давайте не будем подрывать себе здоровье надуманными и затянутыми измышлениями. Короче говоря, уже через каких-то полчаса Джордж сидел на кушетке и читал газету, в то время как женщина в низком декольте пыталась стянуть с него брюки и ботинки.

К счастью, ей это не удалось. Джордж заметил воровку и отбросил газету в сторону. Ее низкое декольте выходило за все допустимые границы, и он больше не мог притворяться безучастным.

Поболтавшись немного вокруг, Джордж ушел на дальний конец города. К тому времени уже стемнело, и темнота была составлена не просто из кусочков тьмы, а из чего-то такого, в сравнении с чем концепция мрака могла показаться ярким светом. Или это ему действительно так казалось.

— Джордж! Вот ты где!

Это был грубый голос, привыкший отдавать команды. В тот же миг Джордж испытал внезапный и скоротечный приступ психической глухоты, который усложнялся истерическими конвергенциями.

Как вы понимаете, за ним началась погоня. Кто-то решил выяснить, сколько Джордж может пройти, ни о чем не думая. Но ведь и бизон не думает, спасая свою жизнь; он просто пытается вырваться на свободу, чтобы там, в укромном месте, посреди раздольной равнины, поднять свою темную голову, стряхнуть пену с пересохших губ и вернуться к более приятным размышлениям.

Сюжет захлебывался в хаосе несвязанных частей и требовал аварийной остановки. Все начинало разваливаться на части. Джордж это предвидел давно, и он сожалел, что так получилось. Конечно, потеря мисс Уэст далась ему нелегко, но он должен был отбросить этот сырой и некачественный материал. Он должен был встать и сделать что-нибудь — снять с печи горшок, как говорили в народе. Образы потекли быстрее, они замелькали перед

глазами, как розовые летучие мыши, но Джордж не стал тратить время на их классификацию. Он жал на все тормоза; в счет шла каждая секунда. Какая-то сила мешала ему добраться до желанной тины. А зачем вам жабры, как не для того, чтобы вовремя лечь на дно? Джордж энергично дернулся и смело прополз еще немного, однако движение вдруг оборвалось, и он который раз осознал всю тщетность и суетность бытия. Ему захотелось сдаться, сложить с себя взятые обязательства и в смирении удалиться прочь.

— За что мне чаша сия? Почему я должен делать все это?

— Не волнуйся, — ответил черепахан. — Мы сделаем это за тебя. Верно, ветряной мешок?

— Во-первых, я словесный, а не ветряной, — поправил его мешок. — А во-вторых, ты просто абсолютный болван, если думаешь, что между нами могут существовать какие-то партнерские отношения.

— Я только пытался помочь этому парню, — сказал черепахан, указывая короткопалой лапой на курчавую голову, которая торчала в трясине.

И тут на белом коне появилась белокурая леди. На ней была умопомрачительная упряжь лихой наездницы — вся из белой оленьей кожи вплоть до шляпы, которой она махала толпе. В руке она держала звездно-полосатый флаг, трепетавший от страха на кончике длинного древка.

Жеребец всхрапывал и рыл копытами землю, потому что следом за ним шагала группа мужчин, одетых в кричащие клетчатые костюмы и необычно молчаливые соломенные шляпы. Мужчины раздавали людям образцы новейших медикаментов фирмы «Пофиг», которые помогали адаптироваться ко всему, что происходило или могло произойти.

Потребность в таком лекарстве ощущалась давно. Люди становились все более угрюмыми и злыми, доходя порой до открытой враждебности, когда рядом с их домами из армированного картона проступала голая и лишенная растительности земля. В некоторых частях Нью-Джерси вспыхивали бунты. В Акрон, штат Огайо, несколько раз вызывались войска. Но подавители населения в смятении отступали прочь, когда им вновь и вновь указывали на то, что они не говорили по-испански. Подобные инциденты случались едва ли не каждый день. И никто не знал, когда этому придет конец — главное, откуда он придет и какой именно. Неразбериха усилилась до такой степени, что репортеры уже не находили слов, которые могли бы нам рассказать, в каком дерьме мы оказались. Хотя никто тогда себе подобных задач не ставил. Реальность исчезла за ширмой нового видения истории.

Все совпадения, случайности и странности происходили с другими людьми, но не в нашей стране и, увы, не с нами.

Конечно, простой просмотр ежедневных газет не показал бы вам, насколько гротескной была та ситуация. Но разве можно судить о реальной жизни по газетам? Разве это нормально? Люди, которые задавали такие вопросы, находили себя в куче проблем. Маленький вопрос о природе реальности приводил к большой беде, не говоря уже о том, что вы тем самым привлекали к себе пристальное внимание ФБР.

«У танцора танго маленькая язва. Как поняли? Прием». Кто не слышал этих милых и понятных фраз, которыми так любят перебрасываться друг с другом агенты ФБР? Трое из них следовали за мужчинами, которые раздавали таблетки фирмы «Нафиг». Их пальцы нервно покоились на тетиве десятиразрядных барабанных луков. Между тем переносчики медицинских образцов не обращали на агентов никакого внимания. Они знали, что их пропустят через сито проверки. Эти парни могли воображать о себе все, что угодно, но даже в самых диких грезах они не ожидали закончить жизнь, раздавая дармовые таблетки на углу двух улиц в безымянном городе, который был слишком печален, чтобы в нем жить.

Женщина поклонилась толпе. Но толпа смотрела на нее неопределенно. А как еще простому народу смотреть на весь этот цирк? Данный вопрос был выставлен на народный референдум, и по рядам прокатилась волна предложений.

— Где они откопали ее, эту кобылу на белом коне, со звездным флагом нашей страны, которая среди прочих достоинств провозглашает право на непрокисуемость сгущенного молока?

— Где-то я ее уже видел, — сказал небольшой мужчина в аляпистом галстуке и котелке, стоявший у обочины, на которой ковбой припарковал свои четыре колеса.

Внезапно мужчина исчез с той живостью, которая характерна только для очень плохих сюжетов. Ни один уважающий себя персонаж не станет появляться на сцене лишь для того, чтобы сказать пару слов; пусть даже это будет его эпитафия или что-то еще, чего мы здесь касаться не будем.

Но вернемся к Джорджу с его черепахой и словесным мешком, который своими криками и визгом начинал напоминать небольшой катаклизм, отмеченный в таких великих мифах мира, как Жизель и Венгрия, Маленький Бу-Ползунчик, Хензель унд ди Готердаммерунг, Самбо и Близнецы Тамбурти и многие другие.

— А что она там делает на этой лошади? — внезапно выпалил мешок.

Джордж и мужчина в галстуке посмотрели друг на друга.

— Какой любопытный вопрос! — произнес мужчина.

— А что вы так смотрите на меня? — возмутился Джордж. — Это, между прочим, не я... Ну, вы сами понимаете, что я имею в виду.

— Но это же ваш словесный мешок, — настаивал мужчина.

Внезапно на его лице промелькнуло странное выражение. В тот же миг в воздухе пахнуло чем-то новым и тревожным. Это дуновение времени ошеломляло своей простотой и реализмом. Словно громкий пук в легкой дреме, как сказал великий поэт.

— Послушайте, дядя, — завелся словесный мешок. — Мне не нравятся ваши игры с предлогами. Я не его словесный мешок и ни чей-то там еще. Я свой собственный и без права передачи по наследству.

— А вот здесь позвольте с вами не согласиться, — воодушевился мужчина. — Вполне очевидно, что вы являетесь аллегорией на некоего грамотея, из которого слова сыплются как, извините, из мешка.

Между тем белый конь был действительно прекрасен. Черепаха смотрела на него чуть дыша. Какие глаза! Какая грива! Черепахан застонал, усилием воли воспроизвел процесс, о котором знают только черепахи, и превратил себя в женскую особь с целью будущих грез о дружбе и любви. Неплохая компенсация за панцирь, правда?

— Господи, как он мил, — шептала черепаха. — Но что ему взять с меня? Я простое земноводное существо с равносторонним треугольником на спине, да к тому же еще и страдающее от сексуальной неудовлетворенности.

Она жаловалась на нынешние времена и на вредное влияние различных химикатов, которые не только выбрасывались в атмосферу из всевозможных труб, но и соединялись в стратосфере друг с другом, — и это там, среди молний и дождя, в тончайших слоях воздуха, где молекулы могли дышать полной грудью и в минуты безветрия улетать далеко-далеко.

И именно там вредоносные газы соединялись и порождали новое зло — сверхмодные облака с кислотной начинкой. Эту гадость называли летучей взвесью, и она воздействовала не только на людей, но и на животных. Под натиском взвеси наш мир дрожал и размывался. Говоря языком науки, она вызывала самопроизвольное молекулярное отклонение границ реальности, и поэтому ее иногда называли смогом. Но данный термин не отражал действительного положения вещей, и мы, как всегда, лишь приближались к сути явления.

Белый конь об этом ничего не знал, потому что он воспринимал реальность со своей лошадиной точки зрения. Однако его

взгляд на мир ничего не уступал нашему — я имею в виду нас, черепах.

Леди подбросила свою шляпу в воздух, а затем показала ее публике с обеих сторон. Шляпа была пуста, но наездница вытащила из нее голубя, который тут же взлетел к облакам. Вслед за ним появилась летучая мышь, вымазанная для эффекта белой краской. Она тоже упорхнула вверх по забавной спирали, однако ее номер не произвел особого впечатления.

А дама разошлась не на шутку. Она опустилась на одно колено, вновь помахала шляпой и трижды похлопала ее рукой. Оттуда заструились реки вина, к которым бросились жаждущие толпы. Не прошло и секунды, как реки превратились в змей. Народ отпрянул назад. По рядам прокатился недовольный ропот.

Джордж смотрел на фокусы, разинув рот. Это были не какие-то дешевые трюки, а настоящее мастерство. И тут до него дошло, что он перенесся в какое-то странное место, потому что вещи подобного рода случались только с другими и где-то там еще.

Словесный мешок наблюдал за представлением почти без интереса. Он привык составлять свое мнение быстро и основательно, затрачивая на обдумывание вещей лишь несколько наносекунд.

И он уже сделал окончательный вывод. Вернее, мешочек чувствовал размеры и форму вывода, но ни одна из фраз не подходила для точного описания. Ни одна, представляете? Это звучало как парадокс, но он, словесный мешок, не мог найти нужного слова. Застонав от отчаяния, мешочек распорол свой свежий шов в левом нижнем углу, и слова полились из него обильной струей:

— Есть вещи, которые продолжают существовать даже после того, как исчезает их суть. И я не напрашивался на эту работу. Всему виной плохая привычка автора, которому нравится размышлять о написании фраз перед тем, как строки ложатся на бумагу. Но разве можно рассказать о запахе зимнего дыма с неуловимой горечью смолы в один из тех темных вечеров, когда мир выглядит так, будто он готовится к смерти? Я не хочу показаться мрачным, но это невозможно. А потом вы видите девушку в белой шляпе, на белом скакуне, цветущую тем великолепием, которому место лишь в прошлом, и ее смех струится как водопад, застывший на кончике потока, где звенят колокола нашей юности. И в этой наступившей тишине, в этом квадрате света, который еще не пожрали сумерки, вам вдруг становится ясно, что вы уже бывали здесь — пусть даже и неописуемым, ускользающим от воображения образом.

Да, подобные мысли воспринимаются нелегко, и поэтому мы обычно отметаем их прочь со смехом и сарказмом. Так случается всегда, успокаиваете вы себя и идете дальше, расшвыривая лис-

тья на своем пути, эту былую славу лета, потому что вам заранее известно, что впереди уже ничего не будет, кроме суровой реальности зимы.

И тогда вы понимаете, что возможна другая жизнь, что вам надо сделать крутой поворот и поменять какие-то вещи — если только вы не словесный мешок, втиснутый в странную сцену с персонажем по имени Джордж и с безымянной леди в белых кожаных брюках на белом скакуне.

Внезапно из толпы вышел высокий мужчина с татуировкой на лице — на его щеке виднелась бабочка с красно-зелеными крыльями. Он шел напролом, обламывая наречия, которые возникали по сторонам, и его окружало облако смуты и недовольства. Подойдя ближе, мужчина с бабочкой протянул руку и схватил словесный мешок.

Джордж от испуга замер на месте. А потом уже было поздно предпринимать какие-то действия.

— На помощь! — закричал словесный мешочек.

— Тише, мой маленький друг, — сказал мужчина. — Это мне нужна твоя помощь.

— Что за странные слова я слышу? — воскликнул словесный мешок.

— Пусть странные, но правдивые. Знай же, мой славный мешочек, что я прилетел сюда с планеты Эксцелмии, где во время внезапной антимифозной инфекции были утеряны все разговорные языки. В тот ужасный год по галактике пронесся демилилогизирующий вирус и наша планета оказалась на его пути. С тех пор осталось лишь несколько хранилищ слов, и они как колодцы в огромной пустыне смятения и непонимания. Каждый хочет испить из них, но жажда так велика, что в результате возникают войны. И нет надежды на третейский суд, так как нам приходится сражаться даже за те слова, которые могли бы дать людям мир и согласие.

— Да, круто там у вас, — заметил словесный мешок. — Но мне не совсем понятно...

— Я уже подхожу к концу, — сказал мужчина. — Ты будешь нашим спасителем. Разве тебе не это хотелось услышать?

— Возможно, — ответил словесный мешок.

— Мы хотим, чтобы ты полетел с нами и научил нас своим неограниченным возможностям выражения. Нам хочется, чтобы ты странствовал по нашей планете и одевал мир в слова. Мы же будем следовать за тобой и вести записи твоих речей. И все, что ты скажешь, будет нашей логикой, нашим синтаксисом и нашей реальностью. Как тебе это нравится?

— Твоя речь напоминает хорошую острогу, — с усмешкой от-

ветил словесный мешок. — Но сначала я должен поговорить с Джорджем.

Однако, прежде чем он успел обсудить свою дилемму с Джорджем, женщина в белом вытащила из седельной сумки маленький предмет, и тот тут же превратился в зеленого слепня. Конечно, неплохо появляться на сцену подобным образом, но с этим слепнем было что-то не так. Когда он пару раз пронесся над толпой, всем стало ясно, что ему не хватает опыта в жужжании. А что может быть хуже чуждого нам насекомого, которое, жужжа, пытается выдать себя за что-то земное? Джордж вспотел при мысли о том, что жужжащий слепень появился лишь для того, чтобы создать в сюжете полную неопределенность. Фактически он даже перегрузил эту сцену.

Тем временем женщина хлопнула в ладоши и повернула прекрасное личико к слепню.

— На место! — сказала она, и насекомое вернулось в сферу неосязаемого.

А диорама казалась будто живой. Когда Джордж впервые взглянул на нее, он увидел какой-то коричневый предмет, пересекавший каменистую осыпь. Присмотревшись, он узнал в нем зайца — маленького и облезлого, но все-таки зайца.

— Как же это возможно? — с удивлением воскликнул Джордж. — Неужели вы поместили туда и что-то живое?

— Там все живое, — ответил техник.

И тогда Джордж увидел, как из-за горы появились доисторические люди, одетые в медвежьи шкуры. Два охотника из палеолита остановились и устало оперлись на копья. Их женщины начали разжигать небольшой костер. Почти у задника диорамы располагались скалы, край утеса и несколько деревьев. За ними начинался нарисованный ландшафт — огромное пространство уходящей вдаль равнины (а может быть, вельда, прерии или степи). И все это выглядело очень живо — особенно женщины, которые так мило склонились к костру, и их мужчины, карманьонцы, судя по большим карманам и сходству с греческими богами, высокие, красивые и светлокожие люди, с вполне развившимися черепами и орлиными чертами лица, не говоря уже о длинных волнистых волосах их дам, которым позавидовала бы любая современная женщина. А вокруг простирался новый мир, где все еще предстояло сделать и придумать, — мир на рассвете времени, столь чудесно изображенный на картинах Лескокса. И вряд ли эти карманы представляли, как им повезло.

— Великолепно, — сказал Джордж. — Значит, вы отслеживаете в прошлом какую-то группу пещерных людей, а затем проецируете сюда сцены их жизни?

— Нет никакой разницы между тем, что происходило с этими

пещерными людьми в прошлом, и тем, что вы видите сейчас, — ответил техник.

— А как вам это удалось?

— Магическая симпатическая инженерия, — ответил техник.

— Кажется, я об этом что-то слышал, — сказал Джордж.

Он снова повернулся к диораме и присмотрелся к тому, чем занимались пещерные люди. Те разводили костер и, видимо, собирались готовить обед.

— У них там овца, которую они хотят сварить, — вскричал Джордж, напряженно склоняясь вперед.

Он с огромным интересом наблюдал за происходящим, поскольку в Мясном университете его профилирующим предметом было жаркое из барашка, а непрофилирующим — свиные маринованные ножки.

— Осторожно! — закричал техник. — Не подходите так близко!

— Можете обо мне не беспокоиться, — ответил Джордж, и в тот же миг его нога сорвалась с помоста.

Не успел он опомниться, как пол лаборатории ускользнул из-под него куда-то вверх и под ногами зашуршала каменистая осыпь. Ему еще повезло, что он свалился сюда, а не в пропасть, хотя, с другой стороны, Джордж тогда бы просто упал, а не попал в диораму.

Магда нашла его на восточном хребте, где он осматривал гору. Восстановив равновесие, Джордж понял, что в прежний сюжет ему уже не вернуться. Он стоял на каменистой тропе, зажатой между отвесной скалой и бездонной пропастью. Заглянув в черневшую глубину, Джордж поспешно отступил от края бездны. Все это, конечно, могло оказаться игрой его воображения, но он решил не рисковать, поскольку даже воображаемое падение с такой высоты неизбежно привело бы к смертельному исходу.

Осмотревшись, Джордж увидел диораму, которой он уже любовался прежде. Только на этот раз он находился внутри ее. «Вот ведь невезение, — подумал Джордж. — Что же мне теперь делать?» И тогда Джордж решил как-нибудь выбраться из этой картины и вернуться туда, где он был раньше.

В эту минуту из-за поворота тропы появилась женщина, которая испуганно остановилась, заметив незнакомого мужчину. У нее были темные волосы и стройная фигура, слегка прикрытая шкурой антилопы. На ногах виднелись элегантные сандалии из люцитана — естественного древесного продукта, который напоминал крокодиловую кожу.

— Кто ты? — спросила она.

— Меня зовут Джордж, — ответил он. — Я пришел из другого мира.

— А я вышла на утреннюю прогулку, — сказала женщина, —

и вот, совершенно случайно, встретила тебя. Но где же находится этот твой мир?

— Он в будущем, — ответил Джордж. — В далеком будущем. Я собираюсь вернуться туда в самое ближайшее время. А вас, извините, как-нибудь зовут?

— Я — Магда, — представилась она. — Женщина Ульдрайка Небольшого Но Очень Сильного.

— Не имел удовольствия знать такого, — сказал Джордж.

— Скоро узнаешь. И у тебя не будет никакого удовольствия, можешь мне поверить на слово.

— Где вы научились говорить по-английски? — спросил Джордж.

— Я говорю на раннем карманьонском, — ответила женщина.

— Это я перевожу для тебя ее слова, — шепнул Джорджу на ухо словесный мешок.

Джордж уже успел о нем позабыть, но мешочек и сам о себе позаботился. Он оседлал шею Джорджа чуть ниже воротничка, а черепаха, которая стала теперь очень маленькой и сонной, свернулась на нем посапывающим калачиком.

— Да, видок у тебя еще тот, — сказала женщина. — Жди меня здесь. Я кое-кого приведу.

Прежде чем Джордж успел возразить (а он в принципе это и собирался сделать), женщина развернулась и убежала за поворот тропы. Джордж неуверенно потоптался на месте, пошел в другую сторону, но примерно через двадцать ярдов уткнулся носом в каменную стену. Тропа закончилась; дальше дороги не было — ни в обход скалы, ни над ней, ни даже под ней.

— Что-то нам вообще не везет, — проворчал Джордж и, сев на камень, начал ждать возвращения женщины.

Она появилась достаточно быстро, в сопровождении рослого широкоплечего мужчины. Тот носил через плечо синий кушак, на котором поблескивал значок помощника шерифа.

— Так-так, — сказал он. — Я помощник шерифа Юрич. К нам поступило донесение, что вы являетесь необъяснимым явлением. Поэтому, гражданин, попрошу объясниться и показать какие-нибудь документы.

Джордж не имел при себе никаких документов. Помощник шерифа велел ему пройти в участок, пообещав разобраться с ним по прибытии на стоянку.

Стоянка карманьонцев больше походила на лежанку, потому что все они лежали вокруг костра и обсуждали вопрос, который вновь и вновь усложнял их примитивные жизни. Они спорили о том, как им приготовить жаркое из барашка.

— Прежде всего нам надо решить, где мы его будем жарить, —

разумно заметил Лефтий. — Прошлый раз мы оставили его на солнце, — сказала Магда.

— И солнце усыпало мясо личинками, — добавил Лефке.

— Хотя баранина осталась такой же твердой, как и была, — произнес кто-то еще. — Но теперь мы должны зажарить эту штуку по-настоящему!

Зажаривание барашка всегда считалось нелегким делом. Обычно племя Лефке привлекало к этому рабов, в чьи обязанности входило поддержание огня и освежеванной туши. Чаще всего дело кончалось серьезными ожогами пальцев и кистей рук, поэтому время от времени люди придумывали разные уловки. В дни великих побед для зажарки использовали по нескольку пар рабов, и там, где один поджарник сжигал себе что-нибудь до костей, дюжина их обходилась мелкими волдырями. Однако все понимали, что это еще не предел, и поиски лучшего способа продолжались.

— Где раб?

— Мертв. Или, говоря языком наших потомков, отбросил копыта и сыграл в ящик. У нас не осталось больше ни одного раба. Все они ушли за великой наградой к далекому небу.

— Кто же нам тогда будет жарить жаркое?

— Вы забыли о нашей пылающей горе! Давайте бросим барашка в лаву!

— Подождите! — закричал Джордж. — Думаю, мы можем найти более рациональное решение, чем жарить мясо голыми руками.

— Вот этого я и боялся, — сказал Хенке. — Он мне сразу показался рационализатором. А вы ведь помните, как эти парни уничтожили всех динозавров. Давайте убьем его и вернемся к укладу прежних дней.

И тут из-за скалы вышли двое мужчин, одетых в темные деловые костюмы. Один из них нес в руке длинный металлический прут. Воровато осмотревшись, они торопливо положили прут на землю и вернулись к скале. Но выход к тому времени исчез. Они оказались запертыми в плейстоцене до утра, и им предстояло провести здесь долгую ночь, наполненную криками мамонтов и пещерных львов. К счастью, они захватили с собой коробочки с ленчем.

Как выяснилось, мужчины работали музейными смотрителями, и их не устраивал вялотекущий прогресс карманьонцев.

— Эти люди даже не пытаются что-то делать. Может быть, вы нам подскажете какой-то выход?

Они изо всех сил старались завязать беседу с Джорджем.

— Вы часто посещаете эти места?

Смотрители развели костер. Своим появлением они освободили Джорджа от множества проблем. Но был ли он благодарен

им за это? Вряд ли. Джордж стоял в стороне и смотрел на пир дикарей. Даже на таком расстоянии он мог видеть, как они ели тушеного барашка, поливая его тем анахренизмом, от которого потом произошли соусы и приправы. Подобная дальнозоркость Джорджа объяснялась исключительной чистотой воздуха, присущей только предысторическим временам, когда люди использовали глаза, а не очки.

Между тем металлический прут значительно ускорил приготовление жаркого. Хромой Нарвал, один из старейшин племени, заявил, что с такой штукой жарить барашка «так же легко, как дуть». Это выражение было использовано впервые, но оно тут же получило одобрение всего племени. Идея дуть на барашка, а впоследствии и вообще на еду, или, в дальнейшем развитии, надувать все, во что можно ткнуть прутом или предметом, похожим на палку, быстро распространилась по всем племенам плейстоцена и нашла свое отражение в культуре. Впрочем, подобные вещи случались тогда повсеместно. Плевать кусками мяса стало символом гнева, хотя против этого яро возражали племена плеваков, обитавшие в центральных тропических джунглях. В противовес остальным они настаивали на тщательном вылизывании мяса, утверждая, что тем самым предохраняется «истинный исток всех слов».

Конечно, все это произошло гораздо позже. А в тот момент Джордж жадно поедал куски жаркого и, высасывая из костей мозг, поглядывал в сторону смотрителей, с которыми он хотел вернуться в свой век. Они по-прежнему держались в стороне от стоянки. Джордж решил присоединиться к ним и, взяв на всякий случай прут, пошел по узкой тропинке. Он понимал, что в его руках находился уникальный предмет — единственный в то время артефакт грядущей культуры. От осознания такого события по пальцам Джорджа потекли струйки пота — и не только по пальцам, но и ногам. Ему все чаще приходилось обходить кучки камней, живописно наваленных у основания скал. Отыскав свободное место, он осмотрел большой валун, у которого можно было оставить артефакт культуры. Почти гладкая поверхность камня натолкнула его на мысль о наскальных рисунках. Джорджу захотелось написать что-нибудь грядущим потомкам, но, как на беду, упав в диораму, он не захватил с собой пишущих инструментов. Оставив артефакт у валуна, Джордж отступил на шаг и вдруг почувствовал, как заскользили его колеса. Это странное ощущение могло ошеломить любого. Исход не был фатальным, но и не подлежал сомнению. Его ботинок (насчет «колес» Джордж, конечно, загнул) поскользнулся на кучке детской неожиданности, которую он не заметил на фоне других куч из более твердого материала. Взлетая вверх, вторая нога слабо царапнула по грунту, а затем все

тело, подчиняясь закону Ома, последовало за пятками и по пологой дуге начало опускаться в уже упомянутое нами безобразие. Буквально через миг, хотя субъективный опыт говорил о значительно большем сроке, Джордж упал на кучу, которая показалась ему теперь неожиданностью перепуганной студентки — а вы, наверное, можете себе представить эту раннюю и не слишком удачную форму плывуна.

Упав в плывун, он почувствовал стремительное вращение — вернее, центростремительное, поскольку оно возникло не по его вине. Джорджа начало затягивать в огромную воронку, и от испуга он даже не сразу догадался расставить руки и остановить это движение. Первая попытка оказалась неудачной, поскольку крохотные микроорганизмы, обитавшие между фрагментами плывуна, успели подать апелляцию в кассационный суд. Их движение быстро охватывало новые слои, и Джордж продолжал падать куда-то вниз, фыркая и гневно отплевываясь, но уже не жарким из барашка, а тем, что попадало ему в рот.

К счастью, щитки на носу не дали ему задохнуться. Тем не менее он знал, что если в ближайшие минуты с ним не случится какого-то светлого явления природы, то надвигавшаяся угроза смерти разразится настоящей грозой. И все это время в его уме звучал мотив — тум-ти-ти-та — веселая песня, которая могла быть только «Амаполой». А падение все продолжалось и продолжалось, и пули выбивали пыльные пятна на зеленом сукне, но даже в своем воображении Джордж не понимал, на кой черт он приплел сюда эти пули.

Хотя на самом деле падение оказалось не таким уж и ужасным. Во всяком случае, не каждая его часть. Это, между прочим, древняя мудрость, о которой догадывались еще самые первые люди. Та часть падения, в которой он попал под подземный дождь, а потом та, где на своде пещеры мигали яркие слюдяные точки, доставили ему истинное эстетическое наслаждение. Впрочем, Джорджу понравились и морские львы, и даже моржи с шарами. Их было немного, этих светлых полос, но они поддерживали его до тех пор, пока он наконец не плюхнулся в большую кучу на полу пещеры, которая находилась ниже всего, что ему довелось пролететь во время падения.

Быстро оценив ситуацию, Джордж успокоился и оценил ее еще раз, но уже медленно. Он сидел на земле неподалеку от группы шимпанзе. Обезьяны собрались вокруг высокой насыпи, в которой Джордж узнал термитник. Они ковыряли эту кучу палочками, вытаскивали из нее личинок, а затем поедали их, запивая шимпанзским из лучших запасов обезьянника.

— Наверное, вы удивляетесь, что встретили нас здесь? — спросил крупный пожилой шимпанзе, с седыми волосами и в мексиканской шляпе, которая вызвала у Джорджа кое-какие подозрения.

— Что это за чучело? — спросила одна из самочек, которую все называли Лейлой.

— Наверное, примат родственного вида, — ответил Сакс, вожак стаи. — Хотя его две ноги кажутся мне жалкой пародией на двуногость. А вы только посмотрите на его узкий рот, крохотные ноздри и отсутствие крепкой лобовой кости! Взгляните на его ботинки — это явный признак того, что он читает книги.

— Дай ему одну личинку, — сказала Лейла. — Эй ты, обезьяна, хочешь личинку?

Джордж немного смутился, поскольку в его мире люди не ели личинок на первое — да и на второе тоже. Но потом он вспомнил, что в былые дни такие личинки делались из марципана и особенно ценились под мокрое портвейнское, которое соперничало с сухим румынским, приготовленным из лучших перечных стручков.

— Хорошо, но только одну, — ответил он и положил бледную штучку в рот.

Личинка оказалась довольно вкусной, поэтому Джордж решил подумать о возможности добавки. Он уже освоился с этой тактикой выжидания, к которой ему теперь приходилось прибегать все чаще и чаще.

— Хочешь еще одну? — спросила Лейла.

— Ладно, давайте, — ответил Джордж.

— А он неплохо умеет говорить, — сказала Лейла Саксу.

Откуда-то издалека доносилась мелодия. Она усилилась, и Джордж узнал звуки флейты и тамбурина. Они исходили оттуда, где, по его мнению, должен был находиться задний проход пещеры, поскольку там пространство сужалось до початка кукурузы и тонуло в непроглядной тьме.

Повернувшись к заднему проходу, Джордж начал смотреть во все глаза. Вскоре оттуда появился небольшой ансамбль, составленный из тамбуринов и флейт, и, что характерно, это были не просто инструменты, а игроки, которые без труда исполняли самые замысловатые мелодии. Джорджу они показались похожими на пуделей или даже на гепердов.

— Привет всем, — сказал вожак гепердов. — Мы пришли сюда, чтобы немного вас повеселить.

Джордж знал, что гепердам не полагалось играть на музыкальных инструментах, как, впрочем, и на немузыкальных тоже. Тем не менее он промолчал, понимая, что здесь, на заре времени, многие роли еще ожидали своего распределения, и никто толком не был уверен, кому и за что хвататься.

Геперды пришли известить об открытии нового салона мод,

где слоны собирались продемонстрировать причуды своего туалета. К слову сказать, эта идея настолько опередила свое время, что так и не нашла окончательного завершения.

Джордж торопливо осмотрелся, пытаясь найти выход из пещеры. Здесь и без слонов уже не хватало места. Он содрогнулся, представив, какой затор они устроили бы в таком закупоренном пространстве. Но слоны не пришли. Под давлением невразумительных обстоятельств они решили отложить визит до лучших времен и ограничились письменными извинениями. К сожалению, последние оказались сильно измятыми, поскольку геперды использовали их вместо партитур и музыкальных нот.

Послышался мягкий шлепок, и что-то, свалившись с невидимого потолка, упало Джорджу прямо на колени. Как он и подозревал, это был словесный мешок.

— И в какую же беду ты впутался на этот раз? — спросил мешочек.

— Только не надо валить на меня вину, — возмутился Джордж. — Я просто упал в дыру, вот и все.

— Этого вполне достаточно, — произнес словесный мешок. — Ты довел сюжет до полного безрассудства. И теперь, чтобы создать атмосферу взаимопонимания, нам надо выпустить какой-нибудь свежий флюид.

— Нет, только не это! — закричали шимпанзе.

— Поздно, — ответил словесный мешок. — Дело уже сделано.

По ходу тех ужасных событий, которые в последнее время сотрясали эти места, люди часто становились свидетелями странных и необъяснимых явлений. Они видели говорящих животных, салоны слоновьих мод и термитники с органическими телетайпными лентами. На ликвидацию аномальных зон были брошены значительные силы. В критических местах располагались словесные мешки. Правительство отчаянно пыталось поставить ситуацию под контроль и подвергнуть ее дальнейшему анализу. Но молодежь оставалась безучастной; она уже не видела жизни без пещер и марципана, поэтому следовало найти какую-то новую уловку.

— Только прошу тебя, никаких новых уловок, — взмолился Джордж. — Мне нужно время, чтобы привыкнуть к этому.

— У нас нет больше времени! — резко оборвал его словесный мешок. — Даже теперь, в начале всех вещей! Разве ты не заметил тенденции предметов собираться вокруг друг друга и таким образом принимать вид порядка и здравого смысла? Нежели тебя не тревожит то, что происходит вокруг? Джордж, я не зря заговорил о твоем пристрастии к марципану! Оно становится просто маниакальным! Нам надо убираться отсюда ко всем чертям!

Но Джордж не нуждался в уговорах. Он вскарабкался на

ноги, расправил свои затекшие члены и пошел туда, куда ему захотелось пойти.

— Не сюда! — шептал словесный мешок.

Джордж повернулся и пошел в противоположном направлении.

— Ты что — с ума сошел? — закричал черепахан, который, как оказалось, спал внутри словесного мешка.

Джордж развернулся вокруг и попытался что-нибудь придумать.

— Типичная человеческая дилемма, — сказал старый, умудренный опытом Сакс.

Шимпанзе презрительно сплюнул и снова отвернулся к термитнику. Лейла, молодая самочка, захихикала и почесала свой носик перышком.

Джордж с удивлением взглянул на перо. Откуда оно тут появилось?

— Посмотри сюда, — раздался голос.

Джордж взглянул вверх. Над его головой кружило пернатое существо, немного похожее на синюю птицу счастья. Позже выяснилось, что это была синяя птица сомнений.

— Следуй за мной! — прокричала синяя птица.

— Да будет день! — воскликнул Джордж.

И тут он почувствовал, что его неудержимо поднимало в воздух. Через миг недержание исчезло, но ему удалось сохранить тенденцию подъема. Он схватил словесный мешок и воспарил над изумленными гепердами.

Итак, как вы, наверное, уже догадались, Джордж оказался в воздухе — в той самой лучистой окружающей среде, которая, несмотря на свою безвредность, служит всему прочему то фоном, то основанием. Джордж медленно и напряженно поднимался вверх, пока к нему наконец не пришло чувство облегчения. И как же приятно было вернуться на свежий воздух, где потоки ветра овевали разгоряченное тело и рассказывали свои маленькие истории! Северный ветер говорил о славе, о лавинах и льдах в глубоком безмолвии; южный ветер, пропахший пряностями, нашептывал о дальних странах в сердце пустынь. Восточный ветер смущал коварством и злобой, а западный — пел о царствах, куда рвалась утомленная душа.

Воспаряя все выше и выше, Джордж облетал различные предметы, которые тоже почему-то находились в воздухе. Тут были стулья и школьные парты, карандаши и авторучки, корзины с фруктами и целое дерево, которое, судя по табличке, прикрепленной к нему, называлось можжевельником. Это дерево гордо проплыло мимо него, нацелив корни прямо в поднебесье.

Вскоре Джордж обнаружил, что, двигая руками, он мог не

только менять направление, но и увеличивать скорость полета. Заколотив ладонями по воздуху, он свернул на запад — в ту часть света, которая казалась ему более таинственной и привлекательной. Джордж поднимался над крышами парившей деревни, и люди махали ему, а он им. В этом было что-то неправильное и восхитительное; он взглянул вниз, и там на огромной золотой втулке вращалась земля. Мимо пролетела птица, белая, с черными кончиками крыльев. Она посмотрела на Джорджа бусинками глаз, опустила одно крыло и в быстром вираже умчалась прочь.

Вещи обступали его со всех сторон. У Джорджа складывалось впечатление, что воздух сам является отдельным миром — той сферой, которая характеризовалась полнотой, а не пустотой. Он видел здесь города и башни, небесные реки, созданные из воздуха, и они отличались от того, что их окружало, чем-то неуловимо тонким и почти неощутимым. Джордж поднялся еще немного и заметил впереди себя какую-то маленькую сияющую точку. Он полетел к ней, корректируя курс изящными и плавными движениями пальцев. Объект приблизился, вырос в размерах, и тогда Джордж понял, что перед ним в океане неба маячил белый парус.

Да, он подлетал к небольшой белой яхте с ослепительно белым парусом, в центре которого виднелся странный и загадочный символ — круг, пересеченный двумя линиями.

Он подлетал все ближе и ближе, и судно становилось все больше и больше. Но как бы пристально Джордж ни осматривал палубу, он так и не увидел на ней ни одного человека.

— Пусть это тебя не волнует, — сказал черепахан. — Морской закон гласит, что если ты встречаешь лодку и она оказывается незанятой, то эта лодка может стать твоей.

— В твоих словах нет никакой логики, — сказал словесный мешок. — Яхты на волнах не валяются, и эта лодка тоже должна кому-нибудь принадлежать. Но давайте не будем гадать. Пролетим парус и посмотрим, что случится дальше.

Джордж и сам так подумал. Но яхта выглядела слишком уж заманчиво — с высоким резным корпусом и широким парусом, с блестящими тросами и незакрепленным румпелем. Подлетев сбоку, Джордж вскарабкался на борт.

— Теперь она уже не выглядит такой необитаемой, — сказал словесный мешок. — Джордж, ты не мог бы положить меня на эту скамеечку? Я хочу немного передохнуть.

Джордж выполнил его просьбу. Черепахан, перестав наконец-то ворчать, устроился на носу яхты и подставил свой панцирь под жаркие лучи полуденного солнца. К тому времени яхта развернулась и, слегка кренясь под напором свежего ветра, помчалась в каком-то определенном направлении.

— Интересно, куда мы плывем? — спросил Джордж.

— Не задавай глупых вопросов, — ответил черепахан. — Только ты об этом и знаешь.

Лодка приближалась к гряде облаков — огромным белым штукам с черными и пурпурными днищами. Джордж хотел проплыть прямо через них, но какое-то смутное предчувствие заставило его направить яхту вдоль гряды. Вытянув руку, он коснулся одного из облаков, и его худшие подозрения подтвердились; пальцы наткнулись на твердый остов, который скрывался под пушистой внешней частью. Переступив через борт, Джордж шагнул в облако. Но перед этим он нашел прочный канат, привязал его к носу яхты и взял второй конец с собой. Его не прельщала идея оказаться черт знает где, на необитаемом острове, хотя в своих грезах он не раз проводил в таких местах недельку, а то и две.

Джордж пошел по краю облака, выискивая проход среди холмов, которые вздымались причудливыми и неприступными кручами. Заметив подходящую тропу, он начал подниматься вверх.

— Эй, Джордж, не бросай нас здесь! — закричал ему вслед черепахан.

— Мне хочется немного осмотреться, — ответил Джордж. — Я скоро вернусь назад.

— Все они так говорят, — проворчал словесный мешок.

Джордж прекрасно понимал их чувства, начиная от осязания и обоняния и кончая слухом. Но ему действительно хотелось осмотреться и увидеть все, что находилось на твердом облаке. У самой вершины он обнаружил вход на лестничную клетку и, спустившись по ступеням, попал в великолепный зал, стены которого были покрыты шелковыми портьерами. Около низкого стола, ломившегося от изысканных яств, стояли резные кушетки, обитые тончайшим дамастом. От горячих блюд шел пар, от холодных закусок веяло холодом, и все выглядело так, будто здесь кого-то ждали. Он осмотрелся, заглянул под стол и кушетки, но не обнаружил ни хозяев, ни гостей.

Джордж сел, потом снова встал. Это место смущало его чем-то странным и неправильным. В нем чувствовался какой-то изъян, какая-то незавершенность сюжета. Кому предназначался пиршественный стол? Джордж должен был в этом разобраться.

Пройдя по залу, он заметил еще одну дверь, которая, по всей видимости, вела в следующее помещение внутри облака. Табличка на ней гласила следующее: «Лучше не открывай, если не хочешь сюрприза».

Джордж не чувствовал особой предрасположенности к сюрпризам. Вернувшись к столу, он сел на кушетку и осмотрел продукты питания. Рядом с ним стояли подносы с креветками, сбоку виднелась жареная говядина двух сортов, а чуть дальше находились горшочки с супом, салат с кусочками бекона и множество

прочих яств. Джордж не знал, что ему делать, но он не находил ничего зазорного в небольшой дегустации некоторых блюд. Судя по всему, хозяева куда-то ушли и в принципе могли не вернуться. Кроме того, этот шикарный стол могли приготовить специально для него. Успокоив себя таким предположением, он поднял толстозадую креветку, макнул ее в соус из куриных потрошков и засунул в рот.

В тот же миг зал наполнился звоном гонга.

— Это еще что такое? — проворчал он, торопливо прожевывая и глотая креветку.

В боковой стене открылась доселе невидимая дверь. В зал медленно вошла процессия дев — шесть юных созданий, одетых в платья из кружев и тонкой прозрачной ткани. И каждая из них была краше другой.

— Приветствуем тебя, о наш гость! — закричали они.

— Большое вам спасибо, — ответил Джордж.

— Мы долго ждали твоего прихода.

— Все это, конечно, мило, но только как вы могли ждать, если пару минут назад я и сам не знал, что приду сюда?

— Наш повелитель велел нам приготовить прием для барышника, и вот ты явился к нам!

— Так кого же вы ждали? Меня или этого типа? — спросил Джордж.

— Мы ждали барышника. То есть тебя. А разве что-то не так?

Джордж даже не знал, что ответить. В общем-то он не прочь был заменить какого-то барышника, но ему не хотелось вляпаться в новую беду. Он повернулся к словесному мешку:

— Ты что-нибудь слышал о барышнике?

— Подожди минуту.

Внутри мешка послышался шуршащий звук, будто множество пальцев зашелестели бесчисленными томами справочной литературы. Через некоторое время шум затих, и словесный мешок сказал:

— Нет, о таком здесь ничего не говорится.

— Я тоже о нем не слышал, — вклинился в разговор черепахан. — Но думаю, ты должен немного рискнуть.

Джордж повернулся к девам:

— А как выглядит этот ваш барышник?

— Если бы мы знали, как он выглядит, то не сомневались бы сейчас — ты это или не ты, — сказала девушка постарше. — Но может быть, нам вообще не стоило его ждать?

— Может быть, и не стоило, — ответил Джордж. — А позвольте спросить, так, шутки ради, что произошло бы, если бы я оказался не барышником?

— Это очень непростой вопрос, — ответила старшая из де-

виц. — Тебя ожидали бы тогда большие неприятности. А возможно, даже смерть в недалеком будущем. Но разве ты не барышник?

— Я этого не говорил, — произнес Джордж, выкрутившись с такой быстротой, что протер дыру в материале мироздания. — Во всяком случае, вы не докажете, что я вам в этом признался, поскольку никому из вас не известно, как выглядит барышник. Скажите, а что вы вообще обо мне думаете?

— Твое появление в этот день, твоя нелепая челка и тот факт, что ты носишь словесный мешок и черепаху, — все это точно совпадает с написанным в древние времена манускриптом, который пришел к нам из давно забытых веков.

— А! Теперь я понимаю, — сказал Джордж. — И что же ждет меня как барышника?

— Много приятных вещей, — с чарующей улыбкой ответила молодая барышня.

У нее были каштановые волосы и очень многообещающий вид.

— Ах вот как! — воскликнул Джордж. — Тогда позвольте представиться: я — отпетый барышник.

Внезапно наступила гробовая тишина. Джордж содрогнулся, осознав свою опрометчивость. Он вновь пошел против собственных правил, нарушив принципы окольности и подвешенности. Впрочем, даже ему иногда доводилось совершать поступки. Все в этом мире когда-нибудь кончается, и время от времени приходится наводить мосты к тому далекому и неясному, что возникает в воздухе, как белый парус, украшенный непонятным символом.

— Он — отпетый барышник! — закричала барышня постарше.

И остальные — а их к тому времени стало гораздо больше — дружно запели:

Барышник, барышник, улетай через поля,
Где белеют кости тех, кто погиб до тебя.
Нам не вынести слез в эти долгие ночи,
Если выклюет ворон твои черные очи.

Не успели они пропеть последнюю строчку песни, как Джордж услышал громкий звук, напоминавший тяжелую поступь великана — гиганта, обутого в порванные башмаки с торчащими наружу сапожными гвоздями. Звук исходил издалека, где бы оно там ни было.

— Это еще что такое? — спросил Джордж.

— Это великан, — ответила старая дева. — Каждый раз, как к нам приходит какой-нибудь барышник, он пробуждается от спячки и тоже спешит сюда.

— А что он делает, этот гигант?

— Он пыхтит, иногда плюется, но вреда от него не бывает — вернее, не так много.

Только теперь Джордж заметил несколько щелей, которые виднелись из-под ковров на полу. Оттуда потянуло сквозняком, и ветерок зашелестел страницами газет, лежавших на журнальном столике. Сквозняк крепчал, постепенно превращаясь в ветер. Джордж почувствовал, как в его рукав вцепилась черепаха.

— Пора сматываться, Джордж. Скорее, или будет поздно.

Джордж был того же мнения. У него сложилось впечатление, что он может не справиться с миссией барышника. Это наверняка привело бы к каким-то непоправимым и, возможно, фатальным последствиям, а Джорджу не хотелось ни первых, ни вторых. Выскользнув ужом через иллюминатор, он вернулся на палубу яхты. Черепахан и словесный мешок упорно цеплялись за его шею. Впрочем, от существ из грез не так-то просто избавиться.

Под натиском свежего ветра яхта накренилась и понеслась вперед. Между тем здесь имелось несколько других ветров, и терпеть садизм какого-то шквала не было никакой необходимости. Джордж повернул румпель в сторону, но в тот же миг на их маленькое судно обрушилась волна небытия, и, когда ее воды схлынули с палубы, вокруг них раскинулось чистое пространство, ожидавшее новых образов и картин.

— Эй, взгляните туда! — закричал черепахан. — Неужели не видите? Это же антилопы и остолопы! А значит, где-то рядом земля!

Взглянув в указанном направлении, Джордж увидел вельд или какое-то другое природно-климатическое образование. Среди длинной травы и колючих деревьев бродили неизменные антилопы и неизбежные остолопы. Что-то здесь было не так, но Джордж не обнаружил ничего подозрительного. Он еще раз повернул румпель, и его магическое судно, ковыряя косточкой в зубах, медленно направилось к берегу.

Откуда-то издалека доносились крики: «Бабник! Бабник!» Джорджу они не понравились. Он посмотрел на небо и увидел крылатого медведя, который пикировал прямо на него. Медведь не понравился ему еще больше, но вид хищника заставил Джорджа предпринять ряд решительных действий. Пригибаясь и совершая короткие перебежки, он начал искать какой-нибудь новый поворот сюжета, однако вокруг мелькали только непонятные огни и занудно звучали цимбалы. Внезапно Джордж оказался на самом верху веревочной лестницы, на которую он нечаянно взобрался. Времени оставалось в обрез, но ничего разумного в голову не приходило. И все же путь, по которому он намеревался идти, существовал. Увернувшись от медведя и двух его медвежат — довольно милых, но неприрученных созданий, — Джордж забежал за ствол огромного баобаба и увидел город.

— Ты видишь то, что вижу я? — спросил он у словесного мешка.

— Город, что ли? — отозвался мешок. — Да, я его вижу.

— А ты имеешь какое-нибудь представление, что это за город?

— Я не уверен, но мне кажется, что это потерянная Каркосса, — ответил словесный мешок. — По виду, конечно, не скажешь, но ведь и город-то не настоящий. Все, что возникает так неожиданно, почти наверняка является фата-морганой. В истории этого и других миров есть множество сведений о городах, которые появлялись, как видения на границе видимости глазного яблока. Они внезапно входили в бытие, существовали целые века и только потом начинали возвращаться в ничто, из которого вышли.

— Значит, этот город тоже такой?

— А что ты меня все время спрашиваешь? Почему бы тебе не пойти туда и не взглянуть на него своими глазами?

— Я чувствую тошноту, когда меня вертит в виртуальной реальности, — сказал Джордж. — Мне больше нравятся места за зеркалами.

— Ты говоришь какие-то странные вещи, — заявил черепахан.

— На моем месте ты тоже чувствовал бы себя довольно странно, — ответил Джордж. — В этом городе у нас наверняка возникнут проблемы, но я думаю, мы должны рискнуть. Что вы на это скажете?

— Он начинает спрашивать нас только тогда, когда любой из ответов равно невозможен, — сказал черепахан. — Лично я голосую за обед. А мы случайно уже не обедали?

— У таких парней, как я и Джордж, всегда найдется место для другого обеда, — мудро заметил мешок.

— А что едят словесные мешки? — поинтересовался Джордж.

— Больше всего мы любим жареные факты, — ответил мешок. — Но они довольно редки в этой части света, поэтому я не отказался бы сейчас от холодной окрошки.

О, крошки! Фраза, похожая на уютную постель. И они действительно бывали то горячими, то холодными. Хотя, по правде говоря, Джордж не понимал, каким концом они связаны с обедом. Решив, что пора отправляться в путь, он оседлал лошадь, неожиданно возникшую в сюжете, и медленно потрусил в направлении города.

А потом, по нелепой прихоти автора, на пути Джорджа появились светляки. Позже он узнал, что их демобилизовали из

Центрального военного округа, где они проходили курс молодого бойца. Боец не подкачал, и каждый светлячок получил от него маленькую личинку. Создав плотную завесу заградительного огня, они закружились вокруг Джорджа. Ему захотелось прихлопнуть парочку этих жучков, но он удержался, испугавшись непредвиденных последствий. Трассирующий огонь светлячков затмил слабое сияние города, и Джордж не мог понять, в каком направлении ему следовало двигаться. Однако он и мысли не допускал о том, чтобы оставаться на месте. Он должен был скакать вперед, назло всем бедам, не обращая внимания на насмешки многотысячных толп. И поэтому он решил отправиться дальше. Словесный мешок поддержал его решение, но черепахан попросил их немного задержаться. Ему хотелось дослушать сонату на гитаре, которая доносилась из-под корней развесистого дуба. Их окружали неяркие цвета пурпура и зелени. Путь в город затерялся, и Джордж не мог отыскать его вновь. Просто странно иногда, куда исчезают все эти красные фонари, когда они нам так необходимы?

Тем не менее времени на подобные рассуждения не оставалось. Его хватало только для движения вперед, вопреки определенной неосязаемости, которая окружала их своими вредными испарениями.

— Разве это выход? — спросил Джордж.

— Я думаю, вы справитесь, — ответил неопознанный голос.

Устав от подобных трюков, Джордж нашел параграф, который лежал на боку и немощно дрыгал ногами. Поставив его надлежащим образом, он сел сверху, но параграф тут же свелся до французской революции, а затем и вовсе сплющился. Джордж понял, что это не тот конек, на котором можно сидеть. Он еще раз осмотрелся вокруг.

Возвращение на яхту оказалось приятным сюрпризом. Пожилые дамы на нижней палубе вязали на спицах или сновали по углам со своими видеокамерами. Дети играли в боковых проходах, а головы пассажиров покачивались, вскрикивали и смеялись. Берег все больше терялся вдали, но здесь, на корабле, преобладали забавы на роликах и беседы о кроликах, сигары, напитки, меха и накидки. И на воде мелькали оранжевые пятна, которые появлялись по законам невидимого мира, а затем исчезали в густом тумане, скрывавшем все, что только можно скрыть. Время от времени за кормой раздавались чавкающие звуки. Это великан вытягивал из илистого дна свои ноги в гигантских крагах. Он все ближе подбирался к судну, которое уносило от него барышника-самозванца.

— Да вы сами подумайте, какой из меня барышник, — возмущался Джордж.

— Нет, думать я буду позже, — отвечал ему великан.

У него были проницательные голубые глаза, непристойные черные усики, синяк на левом запястье и тамильский пояс мстителя, на котором виднелось множество таинственных символов. Однако больше всего ситуацию ухудшала группа балерин, сопровождавших великана по топи. Их тапочки чавкали по грязи, но они смеялись и хихикали в той манере сновиденных образов, которую Джордж находил просто отвратительной.

— Отвратительно! — воскликнул мешок. — Это слово звучит как звон набата.

— Избавь меня от своих поэтических сравнений, — огрызнулся Джордж. — Как бы нам узнать, что они задумали?

— Так вот ты где, барышник! — закричал гигант.

Он приблизился настолько, что Джордж при желании мог бы сказать ему пару слов прямо лицо в лицо. Длинные нечесаные волосы великана нависали на маленькие глаза, а те, в свою очередь, напоминали помятые широкие юбки. Джорджу не понравился жалкий вид гиганта. Прежде всего он оказался не таким уж и большим. Фактически это был какой-то пигмейский великан — на несколько дюймов короче самого Джорджа. Но малый рост не умалял его основных качеств, которыми в общем-то и характеризовались великаны: я имею в виду некоторую грубоватость и врожденное мастерство в обращении с вязальными спицами.

— Фе, фи, фо, фам, — произнес великан. — Я не помню остального, но, кажется, там были еще горькая жалоба и песня о людях, которые могут спать, не обращая внимания на грозящую им опасность. А теперь, сэр, ответьте мне на один вопрос. Вы — барышник?

— Ну а что, если да? — дипломатично спросил Джордж.

— Да в общем-то ничего, — ответил гигант, и в его голосе послышались извиняющиеся нотки. — В принципе меня не волнует, кто вы такой. И могу заверить вас, что я не сторонник поспешных действий. Как говорят, поспешишь — людей насмешишь.

— И вот столпились они вокруг, забытые байки давно прошедших времен, — заголосил вдруг словесный мешок. — И не знали они, что означали и для чего были придуманы. И стояли они в ряд, и дьявол брал их одну за другой.

Джордж ничего не понимал. Все это казалось ему таким же далеким, как и то место, куда бы он хотел уйти. А потом ему вдруг кое-что захотелось, и чувство настоятельности оказалось столь глубоким и сильным, что его можно было сравнить лишь с тоской о давно прошедших временах и о тех, кто еще не пришел. И именно в такую минуту эти черствые существа из злой вселенной подсовывали ему под нос какие-то невозможные сюжеты и бессмысленные фразы. Немудрено, что он так никуда и не попа-

дал. Они водили его по кругу, то туда, то сюда, превращая любую сцену в фарс и сумбур. А этот чертов черепахан вообще ему не помогал. Всунув голову под панцирь, он без остановки твердил себе под нос: «Я здесь только временно, поэтому не обращайте на меня никакого внимания».

— Давайте больше не будем упоминать об этом, — предложил Джордж. — Мы все здесь только временно, но Владыки Творения ожидают от каждого из нас выполнения предначертанной роли. Между прочим, именно ты, словесный мешок, должен осмысливать линию сюжета.

— Я? — возмутился мешок. — Слушай, парень, у меня нет ни одной мысли по этому поводу. Лично по мне, так мы толчем воду в ступе. Лучше давай смотаемся отсюда, и все дела. Неужели тебе плевать на мою вместимость? Я, между прочим, не собираюсь сливать здесь все свои слова, словно в одно хорошее место.

— Эй, куда ты пошел? — забеспокоился черепахан. — Не оставляй нас в беде, мешочек.

— Я на минуту. Природа зовет, — объяснил словесный мешок и отошел на обочину.

Присев за лиственницей, он выделил пару дерьмовых фраз из отверстия, которое недавно обнаружил в брюшной области. Это придало ему новые силы. Он почувствовал огромное облегчение и был близок к тому, чтобы полететь. Решив немного отдохнуть и сделать перерыв в словесном потоке, мешочек прилег на землю, постанывая от сладкого молчания. Джордж стоял рядом, застыв на середине жеста. Его рот приоткрылся, слова запутались в огромном лабиринте рта. И словесный мешок наслаждался вволю. Пришла пора начинать свое собственное дело. Он собрался с духом, но тут же понял, что любая попытка обречена на провал. Мрачная неопределенность, державшая в рабстве всех остальных, набросилась теперь и на него. И тогда, предав себя в руки судьбы, он отправился спать.

Посреди этой сцены Джордж увидел в небе сияющий объект. Поначалу он принял его за аэроплан — алюминиевый аэроплан, отражавший солнечные лучи от своей серебристой шкуры. Но потом он понял, что в конструкции объекта не было никакого плана. И, следовательно, этот предмет не мог оказаться планером, аэропланом и планетолетом. У Джорджа мелькнула мысль о НЛО. Однако объект не походил на тарелку. Осмотрев на всякий случай небеса, Джордж не нашел ничего нового. Все те же зеленые и пурпурные цвета, бескрайние воздушные просторы, которые, как всегда, не вызывали никакого интереса. Хотя там что-то все-таки происходило. Он мог поклясться в этом своим единственным волосом на подбородке. Что-то новое входило в его жизнь, и Джордж еще не знал, понравится ли ему это. Новые вещи случа-

лись слишком уж часто, но каждый раз вместе с ними появлялись какие-то проблемы и волнения. Вот почему ему не хотелось смотреть на ослепительную точку в небе, которая становилась все больше и больше, постепенно приобретая контуры человека.

Да, человека. Но кем был этот мужчина, летавший как птица? И был ли он вообще мужчиной? Присмотревшись к человеку, который пикировал на него из поднебесья, Джордж разглядел молодого парня, одетого в красное трико. Под тонкой тканью проступал белый купальный костюм, украшенный безвкусными золотыми звездами. На голове торчал блестящий шутовской колпак. Поначалу Джорджу показалось, что мужчина летал без всякой страховки, но потом он догадался, что летун на чем-то сидел. Его руки были вытянуты над головой, сжимая невидимые канаты. Немного странно для полета, верно? Держаться ни за что и сидеть посреди воздуха! Пока мужчина приближался с маниакальной настойчивостью кирпича, упавшего с крыши, Джордж заметил под ним планку, к которой с двух концов крепились тросы. Эти тросы уходили вверх в безобидный на первый взгляд воздух, и получалось так, что парень сидел на огромных качелях или, вернее, на какой-то небесной трапеции. Он спускался на ней по нисходящей дуге, разгоняясь все быстрее и быстрее. Дуга почему-то проходила именно через Джорджа, и тот даже начинал подумывать о том, чтобы отойти подальше в сторону. Столкновение казалось неминуемым.

В самый последний момент артист на трапеции вновь помчался вверх, но, пролетая перед носом Джорджа, он ловко изогнулся и выхватил у него из рук словесный мешок.

Через секунду акробат исчез в искрящейся небесной выси, оседлав свою послушную трапецию и засовывая словесный мешочек в небольшую плетеную корзину, которая крепилась к его поясу золотым шнуром. В уверенных действиях вороватого гимнаста чувствовался тщательно продуманный план, который не имел никакого отношения к планерам, аэропланам и планктону.

— Осторожно! — закричал черепахан.

— Что ты хочешь сказать этим «осторожно»? — раздраженно спросил Джордж. — Все уже произошло.

— Значит, я немного опоздал, — сказал черепахан. — Ты же знаешь, как непросто оповещать людей о воздушном налете.

— Если тебе предстояло выполнить роль системы предупредительного оповещения, то ты потерпел абсолютное фиаско, — горячился Джордж. — И раз уж ты догадывался о чем-то подобном, то почему не предупредил меня загодя?

— Загодя? За год вперед?

— Перед событием, а не после него.

— А-а! Ты хотел что-нибудь типа учебной тревоги, верно? —

спросил черепахан. — Ладно, отойди на пару шагов назад, и мы попробуем все сначала.

Джордж снова увидел маленький блестящий объект, который, быстро увеличиваясь в размерах, понесся к нему по гигантской дуге.

— Осторожно! — закричал черепахан.

— А что такое? — поинтересовался Джордж.

— К тебе летит блестящий объект, — объяснил черепахан. — И он не питает к тебе особой любви.

Джордж зачарованно уставился в небо, наблюдая за странным объектом. Тот приблизился и превратился в молодого человека, одетого в цирковой костюм. Его красное трико пробуждало какие-то смутные и тревожные воспоминания. Он молнией пронесся по дуге небесных качелей, а затем, миновав нижнюю точку маха, пригнулся вперед и выхватил из рук Джорджа словесный мешочек. Не прошло и секунды, как подлый артист уже умчался вверх под ехидный смешок черепахана.

— Мой словесный мешочек! — закричал Джордж. — Он его забрал!

— А ведь я тебя предупреждал, — ответил черепахан.

— Ты просто сказал, что мне надо вести себя осторожно. Но ты не объяснил причин.

— Откуда же я мог знать, что произойдет?

— Это уж не мои проблемы! Но если твоя система оповещения не может разобраться в таких простых вопросах, мне она и даром не нужна.

— Ладно, попробуем еще раз, — сказал черепахан.

Джордж увидел, как в небе появился небольшой блестящий объект. Он быстро превратился в человека на трапеции, и тот направился прямо на Джорджа.

— Осторожно! — закричал черепахан. — Я думаю, что этот клоун из тех ребят, которые мечтают стащить у тебя словесный мешочек!

— Откуда такое нелепое предположение? — возмутился Джордж. — Взгляни, это просто артист на летающей трапеции. Он выглядит приличным молодым человеком. А какие у него прекрасные трусики и этот блестящий колпак! Какое веселенькое красное трико! Только параноик мог подумать, что такой милый юноша, с тонкими и грациозными манерами, может причинить мне какой-то вред.

— Какой-то вред, говоришь? — произнес черепахан, посматривая на циркача, который спускался все ниже и ниже.

— Эй, приве-е... — закричал Джордж, но последний слог этой фразы застрял у него в горле, когда гимнаст, пролетая нижнюю точку маха, вдруг выхватил из его рук словесный мешок.

Следуя правилу цепочной подвески, небесные качели понесли грабителя в голубую высь. Джордж повернулся и обиженно взглянул на черепаху:

— И что ты теперь скажешь?

— Насчет чего? — спросил черепахан.

— Я говорю о твоем легкомысленном способе предупреждений, который закончился потерей моего словесного мешка. Неужели ты, бестолковая черепаха, не мог убедить меня в реальности этой угрозы? Ты же знал, какая опасность мне угрожает!

— Ах так! — закричал черепахан. — Я тут делаю все временные склонения, а он еще и недоволен! Знаешь, Джордж, ты сопляк и идиот, и я искренне тебя ненавижу!

С этими словами черепахан спрыгнул с плеча Джорджа и решительно зашагал к кустам.

— А что я такого сказал? — воскликнул Джордж.

Однако ответа не последовало. И черепаха действительно ушла.

— Откуда мне было знать, что это его проблема? — оправдывался Джордж, не обращаясь ни к кому в частности. — К тому же я немного нервничал. А кто бы не нервничал, потеряв такой ценный мешочек? Он не имел никакого права оскорблять меня и бросать на произвол судьбы. Это грубо с его стороны и абсолютно неуместно.

Да, беда никогда не приходит одна. Словесный мешок похитили или даже украли — смотря что тут иметь в виду. Черепахан ушел в таком гневе, который мог завести его очень далеко.

И как это все было несправедливо! Они оставили его. Впрочем, в каком-то смысле словесный мешок не оставлял Джорджа, поскольку его похитили, предположительно, против его воли. Но только предположительно. Что-то он не проявлял большого ужаса и не сопротивлялся, когда алчная рука гимнаста сжималась вокруг него. И даже если словесный мешок не желал такого исхода, не сделал ли он незаметного движения вперед или подскока в направлении захватчика, тем самым посодействовав похищению? Более того, он уже давно мог вынашивать подобные планы. Чем больше Джордж думал об этом инциденте, тем более верной казалась ему его догадка. А этот бессердечный черепахан? Вместо того чтобы выразить ему сочувствие, успокоить добрыми словами и нежными черепашьими яйцами, вместо того чтобы раскрасить все в приятные тона, он затопал на него ногами и в состоянии глубокого помрачения нанес Джорджу страшное оскорбление. Неужели мы действительно находимся во власти того, что, прожевав, не можем проглотить?

— Повторите, пожалуйста. Я не поняла последней фразы, — произнес рядом тихий голос.

Этот голос показался Джорджу необычным — в том смысле, что он был женским. Даже не поднимая головы, Джордж мог поклясться, что к нему обратилась блондинка, не меньше пяти футов и семи дюймов ростом, но и не больше того, в синевато-сером рабочем халате с пуговицами и брошью из слоновой кости. Взглянув на нее, он убедился, что, как всегда, оказался прав.

— Мы все во власти того, что приходит к нам без предупреждения, — сказал он. — Вернее, без соответствующего предупреждения со стороны тех, кому мы доверили защищать свои интересы. Это все чаще и чаще ввергает нас в опасные и неприятные ситуации, которых мы страшимся и не можем принять. Но на нас нет вины за несоразмерности мира, за несостоятельность друзей, предательство любимых людей и вероломное упрямство обстоятельств. Во всяком случае, мне так кажется.

— Я Сатья, — представилась женщина. — И я называю свое имя не для того, чтобы нарушать ваше созерцательное уединение, но для того, чтобы вы могли ссылаться на меня как-нибудь иначе, чем «она» и «женщина», когда посреди напряженной работы ума вам захочется придумать для меня какое-нибудь дело — если только, конечно, захочется. Я с радостью сыграю любую роль в вашей нелегкой жизни, особенно в такие трудные времена, потому что все, о чем вы сейчас говорили, является голой и неприкрытой правдой. С вами плохо обошлись ваши друзья, и это более чем возмутительно, поскольку никто из них не взял ответственности на себя — вину за то, что они совершили вопиющую несправедливость и опечалили вас своей несостоятельностью и вероломством корыстных деяний.

— Так вы меня действительно понимаете! — воскликнул Джордж и, взглянув в лицо Сатьи, впервые увидел, что она исключительно прекрасна.

— О Джордж, — сказала Сатья, — конечно, я вас понимаю, как мог бы понять и каждый, кто хоть на миг поставил бы себя на ваше место и забыл о своем бездушном эгоизме.

— Как же вы меня понимаете! — растроганно произнес Джордж. — Какие точные слова вы находите!

— Но вы достойны этих слов, — продолжала Сатья. — К вам так плохо все относились. А мне с давних пор уготовлено судьбой приходить и исправлять ситуацию. Но, если вам не угодно мое общество, Джордж, если вы думаете, что для него еще не пришло время, я вернусь назад, в свое небытие, и вновь займусь созданием гобеленов.

— Нет! Останьтесь! Побудьте со мной какое-то время, — взмолился Джордж. — Ибо это величайший подарок судьбы, что вы отыскали меня здесь, одинокого и униженного. Ибо только вам удалось понять, что проблема состоит не во мне и моих поступках. И ныне рад я и чувствую себя лучше, и все вокруг уже кажется мне не таким плохим и безотрадным. Не потому ли это, что вы рядом, мой друг?

— Вы изложили этот пункт с максимальной точностью, — ответила Сатья. — И только вы, Джордж, можете так ясно видеть природу вещей, несмотря на то что вас разрушает боль незаслуженной обиды. А мы ведь знаем, что словесный мешок был похищен не случайно. Как вы правильно сумели заметить, его ничем не объяснимая пассивность во время омерзительных действий гимнаста сама собой должна предполагать тот факт, что он находился в сговоре в этом мнимом похищении. Наверное, теперь, живя вдали от вас и насмехаясь над вашим горем, он тратит бесценные слова на коварного и затрапезного фигляра с трапеции.

— А ведь я это подозревал! — прошептал Джордж. — И потом еще эта черепаха...

— Да-да, обычный представитель своего вида с твердым панцирем и каменным сердцем. Он бросил вас в беде, когда вы так нуждались в его сострадании. Но разве вы не замечали в нем этой черствости и прежде?

— Конечно, замечал! — ответил Джордж. — Но теперь он показал свое истинное лицо!

— Я здесь только для того, чтобы успокоить и смягчить вашу боль, — сказала Сатья. — Я никогда не покину вас, Джордж, и пойду за вами следом, куда бы вы ни направлялись. Я буду поддерживать вас в любых неприятностях и вглядываться сквозь плотные испарения ваших внешних поступков в глубинную чистоту сердца, от которого они исходят.

— Как здорово! — с умилением произнес Джордж. — Я так рад!

Хотя, по правде сказать, он уже немного заскучал, потому что в словах Сатьи, несмотря на их очарование и любезность, было что-то пустое и глупое. Нет, она, конечно, выглядела довольно нормально, если вам по душе подобный тип хорошеньких и женственных блондинок. Но мужчина со вкусом, такой, как Джордж, мог бы подыскать для себя и кое-что получше. Тем не менее он решил не торопиться с выводами и выяснить до конца, насколько хорошо она понимала его в действительности.

— Что дальше? — спросил он.

— Я думаю, нам лучше уйти отсюда, потому что эти джунгли...

— Какие еще джунгли? — с раздражением спросил Джордж.

— Мы с вами находимся в джунглях, — объяснила Сатья. — Обратите внимание на эти лианы, цветы и влажный воздух, на это шипение змей и пронзительный щебет попугаев. Но я не говорю вам ничего такого, чего бы вы уже не знали, поэтому не

огорчайтесь, мой друг. Вы и сами давно бы заметили все это, если бы не глубокая рана, которую вам нанесли те, кто пользовались вашей любовью, а затем так подло оставили вас...

— А ведь вы действительно понимаете меня, — произнес Джордж, не в силах больше скрывать своего удивления. — Так куда же мы теперь пойдем?

— Я живу неподалеку отсюда, — ответила она. — Посетив мой маленький дом, вы могли бы отдохнуть, восстановить утраченные силы и насладиться комфортом. Ваша боль пройдет, и все станет на свои места.

Устало кивнув, Джордж последовал за Сатьей. Они пошли через джунгли, которые к тому времени уже окончательно оформились и превратились в настоящие тропические заросли с полным комплектом лиан, попугаев и рептилий. Время от времени тишину прерывало пение птицы, чей пронзительный голос предвещал блеск невиданного оперения. Судя по настойчивости и однообразию мелодий, она подзывала своего самца или, если дело дошло до крайней нужды, самца какой-то другой птицы. Природа всегда поражает нас прямотой своего глубинного смысла! Сквозь приглушенное похрюкивание и звонкий щебет Джордж слышал, как под его ногами хлюпала и чавкала влажная почва джунглей.

Чуть позже они вышли на небольшую поляну. Джордж увидел несколько грядок, усаженных кукурузой и ростками жареной говядины. Среди йоркширских фруктовых пудингов колосились растения этих и других мест. Взглянув вверх в ответ на жест Сатьи, он рассмотрел в ветвях высокого дерева небольшой шалаш, сделанный из лозы и лиан. На окнах виднелись голубые ставни, из конической крыши щеголевато торчала фигурная дымовая труба. Веревочная лестница привела их наверх — причем за чисто символическую плату. Войдя в дом, Джордж погрузился в царство зеленых теней с низкой двуспальной кроватью, конторкой, сделанной из ротанга, и сундуком, который походил на собственность пирата. Благодаря украшениям из морских раковин и рогов тритона этот сундучок казался весьма живописным.

Кивнув в сторону двух кресел, Сатья предложила ему занять одно из них.

— Сначала мы слегка перекусим, — сказала она. — Потом вы расскажете мне о своих проблемах, и я выслушаю вас, с симпатией покачивая головой.

Идея показалась Джорджу просто превосходной. Он сел за небольшой обеденный стол и подоткнул под подбородок салфетку, сделанную из листьев. Сатья суетилась вокруг, развлекая его смешными и проказливыми выходками. Она засовывала нос в горшки и, принюхиваясь, высыпала их содержимое в тарелки и

кастрюли, после чего добавляла туда что-то из других бутылочек и горшков. Солнце забрызгало пол желтыми полосками и пятнами. Окрестные джунгли погружались в приятную тишину. И было удивительно прекрасно сидеть вот так и ничего не делать. А потом Сатья предложила ему ароматную сигару, и Джордж испытал истинное удовольствие. Во всяком случае, так о нем еще никто не заботился. Она даже пропитала один кончик ромом, а другой заботливо раскурила докрасна.

— Где вы ее достали? — спросил Джордж.

— Эту сигару? — отозвалась Сатья, не спуская глаз с раскрасневшегося конца. — Вчера я вышла погулять и случайно набрела на табачную лавку. Просто изумительно, как порою могут складываться вещи. Я словно купила ее для того, чтобы доставить вам теперь удовольствие, мой сладенький.

— Вот только найдется ли сластена, которая захочет меня полизать, — ответил Джордж.

Она весело засмеялась от столь остроумной и двусмысленной игры слов.

А потом заалел закат, покрыв золотыми пятнами света зеленую шкуру джунглей. Наступавшая ночь потекла туманом сквозь кроны деревьев, и Джордж, вволю наигравшись в домике Сатьи, ощутил потребность сходить по ягоды за ближайшие кусты. Он вернулся в шалаш с кадкой решетчатых груш и корнями никогдашки, которые ему удалось нащупать в темноте. Сатья сварила их на ужин.

Иногда в облаках рокотало, и начинался дождь — влажный и сырой тропический ливень, который впивался в нервные узлы костного мозга своими крошечными иглами и кремниевыми скребками. Порой от всех этих чудес Джордж умолкал на минуту или две, но в остальное время он говорил, хотя уже и без прежней охоты. А вокруг царила темнота папоротникового леса и колдовство противоречивых мнений. И время бежало вперед с каким-то чрезмерным рвением. Чуть позже появился путь через лес, возникший перед мысленным взором Джорджа, а затем еще один путь — на маленькой карте, которую Сатья вырвала из журнала и повесила на стену.

Звуки и запахи джунглей поражали своим достоинством и величием, как, впрочем, и положено тем джунглям, которые располагаются в наиболее влажных областях человеческого сердца. Здесь тоже проходил путь, но о нем не знал никто, кроме Джорджа. Как жаль, что поток этих мыслей постоянно истощался и рядом не было океана, который мог бы баюкать его своими мелодиями.

Джордж полагал, что жизнь на дереве в неисследованных джунглях вместе с женщиной по имени Сатья будет омрачена от-

сутствием цивилизованных развлечений. Но, как оказалось, он ошибался. С наступлением второго вечера Сатья повела Джорджа на маленькую лесную поляну. Он не поверил своим глазам, увидев там симфонический оркестр в черных костюмах и белых бабочках. Музыканты располагались на пирамидальном подиуме перед многочисленной публикой, которая, вероятно, состояла из тысячи с лишним человек. Когда оркестр под управлением талантливого кондуктора, сэра Филиппа Почтенного, завелся и выехал на веселую кадриль, Джордж склонился к Сатье и спросил:

— Откуда здесь столько людей?

— Они живут в ближайших городах, — ответила она.

— Но я не видел никаких городов.

— Конечно, не видел. Джунгли слишком густые. Вот я и подумала, что пора познакомить тебя с нашими соседями.

— Так они действительно живут рядом с нами?

— Конечно. Некоторые из них обитают в сотне ярдов от нас.

Эта весть произвела на Джорджа неизгладимое впечатление. До сей поры он считал себя затерявшимся в странном утропическом мире, но теперь до него начинало доходить, что рядом жили люди, которым этот лес вообще не казался странным.

После сольного концерта публику пригласили на прием, который проходил в большом каменном зале. Это место находилось за пределами видимости Джорджа, и доступ к нему ограничивали не только джунгли, но и река, которая по причинам абсолютной необходимости была затемнена полосой тумана.

Заскучав на приеме, Джордж решил пройтись по берегу реки. Вода казалась настоящей, и это навевало на мысль о чем-то тихом и уютном. Он наслаждался, рассматривая небольшую рябь, которая тянулась к берегу серебристой гибкой лианой. Луна в третьей четверти сияла над головой, и огни селения кружились хороводом на водной глади. Композиция получилась неплохой — особенно ветхие хижины у самого берега. Их почтенная древность смягчала дикий ландшафт, внося какие-то доверительные и сентиментальные нотки.

Еще большую реальность этому месту придавал полицейский отряд, который приближался к реке под надзором сердитого офицера. В такой темноте Джордж не мог рассмотреть его знаков отличия, но полицейских было не меньше двадцати. Они старались двигаться бесшумно, и их выдавал лишь скрип кожаных поясов и топот ног, обутых в ботинки.

Внезапно Джорджу подумалось, что его могут по ошибке принять за дезертира. В последнее время его дурные предчувствия сбывались одно за другим, и поэтому он решил на всякий случай побеспокоиться о собственной безопасности. К тому же Джорджу не раз казалось, что он с давних пор виновен в каком-то тяжком преступлении, за которое полагалось суровое наказание. Возможно, полиция выследила его и теперь пыталась поймать, чтобы предать суду или даже трибуналу? И он будет полным идиотом, если позволит им это сделать.

Мысли о преступлении казались немного странными, но Джордж не стал отмахиваться от них — особенно в такой ситуации, когда он без труда мог подстраховаться, отступить в тень и подождать, пока полицейские, с их неясными намерениями, не пройдут мимо него.

Затаив дыхание, Джордж ждал в кустах. Его контроль над собой достиг столь небывалой степени, что он даже не дернулся и не вскрикнул, когда почувствовал прикосновение к своей руке.

— Кто здесь? — прошептал Джордж.

Ответа не последовало, но все окрики и приказы прошлого стремительно пронеслись в его воображении, и он вздрогнул, вспомнив о них. Хотя какая могла быть связь между тем и этим? И к кому он отсылал свой вопрос? Тем более что его никто не заставлял думать на такие темы. И более того, его не заботил результат. Пока Джордж тревожился лишь о следующем шаге.

— Вот это верно, — сказал ребенок. — Продолжай в том же духе.

Джордж глубоко вздохнул и сделал выдох. Внезапно он с горечью подумал о том, что большая часть его жизни была наполнена только этими вдохами и выдохами, новыми вдохами и новыми выдохами. А сделал ли он что-нибудь еще? Ребенок дернул его за рукав, и на Джорджа нахлынула волна беспомощности. Это чувство он помнил еще по старым временам, когда все считали его маленьким пришельцем со странно вытянутым черепом и глазами, которые сияли в темноте, если ему позволяли оставаться одному. Череда воспоминаний влекла его к проходу среди теней, но Джорджу не хотелось идти туда.

— Конечно, ты не хочешь.

— Ладно, и без тебя разберусь, что к чему. Неужели я должен говорить даже о том, что мне не хочется делать?

— Ты большой, но тупой. Конечно, тебе придется это говорить. А как же еще ты выразишь то, что находится в глубинах твоего ума? Хорошо, я объясню это другими словами. Допустим, ты начинаешь откуда-то издалека и говоришь, говоришь до тех пор, пока не натыкаешься на тему, которая тебе нравится. И раз уж тебе это действительно нравится, ты берешься за дело всерьез.

Джордж покорно следовал за ребенком. Темнота вокруг наполнилась тем бесконечным мраком, который можно встретить лишь за гранью привычной нам тьмы. И Джорджу не хотелось ошибиться. Куда они шли? Он не ведал цели и не знал пути. Его

все дальше уносило в прошлое, и за этим прошлым уже проглядывали времена, которые стояли за пределами любого мыслимого времени.

— Посиди тут немного, — сказал ребенок. — Я скоро вернусь.

Джордж находился на углу двух улиц. Осознав огромную усталость, он опустился на бордюрный камень. Мимо него проносились машины, и они действительно были машинами — он почти не сомневался в этом. Джордж знал, что, пока он сидел здесь, ему не угрожала никакая опасность, потому что рядом проходили люди. Он больше не был одинок. Он только с виду казался одиноким. И поэтому Джордж сидел на бордюрном камне, ожидая перемен. Хотя на самом деле ничего не менялось. «Сколько мне здесь еще сидеть?» — спрашивал он себя. И тут же отвечал: «Сколько потребуется!»

И тогда, сидя на бордюрном камне, он вдруг увидел, как что-то блеснуло в воздухе. Предмет упал, и Джордж понял, что кто-то бросил ему на колени монету.

— Спасибо вам, сэр.

Неужели он докатился до милостыни? Ему бросали деньги, но разве он об этом просил? Джорджу не нравились вопросы такого типа. И он решил не нарушать ими покой небольшого, но заслуженного отдыха. Пусть события проносятся мимо одно за другим. Пусть они подмигивают ему и кивают, приглашая в путь. Он все равно будет сидеть на своем бордюрном камне. И никакая сила не сдвинет его с места.

— Вставай.

Это был голос ребенка.

— Спасибо, но мне и тут хорошо.

— Конечно, тебе хорошо. В том-то все и дело. Но ты должен перебороть это чувство. Вставай, Джордж! Нам надо кое-куда сходить.

Джордж неохотно поднялся на ноги. Он даже не знал, стоило ли ему вставать. Наверное, стоило. Иначе он навсегда остался бы здесь — одиноким, несчастным и униженным нищим. Джордж отряхнул штаны и пошел за ребенком.

Странно, но улица куда-то исчезла. Где же они тогда находились? В каком-то транспортном средстве, которое быстро мчалось по рельсам почти у самых крыш городских небоскребов. Таких домов он прежде не видел. Неужели ему придется проехать по всем остановкам, выполняя какие-то необходимые требования? Подобная перспектива его не прельщала, но, по крайней мере, он снова твердо стоял на своих ногах и мог двигаться куда-то вперед.

Но что его ожидало впереди, помимо усталости в ногах и ис-

трепанной психики? Что это там маячило смутной полутенью? Неужели его словесный мешок?

— Нет, я не ваш, — ответил словесный мешок и с небольшой улыбкой в уголках своих складок повернулся к кому-то еще.

Эта наглая авоська даже не позаботилась описать того, к кому она повернулась, и поэтому Джордж остался в еще большем неведении, чем до встречи с мешком. И тут он ничего не мог поделать. Нет, поправил себя Джордж, кое-что он все-таки мог — например, пойти дальше.

А ландшафт менялся прямо на глазах. Джордж слышал голоса.

— Демографическая фраза.

— Беспридаточное склонение.

— Потерялся в других широтах.

— Слова за пределами знания.

Джордж с грустью думал о том, что такие же слова иногда произносил его словесный мешок, когда он бывал в хорошем настроении. Ему вспоминались те далекие годы, когда словесные мешки считались еще большой редкостью, и каждый, кто имел хотя бы небольшой запас слов, относился к ним с враждебностью и презрением. Хотя слова остались в принципе теми же. Однако в те времена Джордж их понимал, и они не казались ему такими странными. В них чувствовался вкус и какая-то специфичность. А теперь она, к сожалению, исчезла.

И что тут такого, сказал он себе. Исчезла — так исчезла. Неужели в этом есть что-то новое? Но налет искусственной бравады слетал с него, как пыль со словесного мешка, который переживал не лучшие дни. На какой-то миг ему показалось, что он сейчас зачахнет, рассыплется на куски и развеется по ветру. Но был ли тут ветер? Что-то продолжало с ним происходить — иногда медленно, а порой и с возраставшей энергий в ответ на неясно осознанные законы естества. Хотя это никуда не вело. И все же он шел. Он двигался вперед — вернее, продолжал идти. А что ему еще оставалось, как не продолжать?

Задом назад, кругами на окнах — туда, где собаки могут скакать верхом. Теперь он даже не понимал того, о чем говорил.

— А о чем он говорил?

Да, все начиналось опять — вечные вопросы, поиски без ответа, слова без конца и без смысла. Он попытался взять над ними контроль. Это превращалось в довольно хитрое блуждание вокруг.

Бессознательная словесная мельница продолжала вертеться даже после того, как они собрали урожай всех хороших слов и, наполнив словесные мешки, отправили их в мир. Дело принимало плохой оборот, и требовалось незамедлительное хирургическое вмешательство.

— Просто лежи, Джордж, лежи, — сказал хирург. — У нас нет времени на соблюдение всех правил.

Джордж попытался вскочить на ноги, но его удержали на месте ремни.

— Послушайте, док. Я передумал. На самом деле мне не нужна эта операция.

— Теперь слишком поздно, — ответил хирург.

Его маска на лице собиралась в складки, когда он загребал слова в совочек языка и выбрасывал их наружу.

— Тебе надо было подумать об этом заранее. У нас больше нет дороги назад. Мы должны ослабить давление в твоем мозговом мешке, потому что он переполнен до предела. По всей вероятности, после потери словесного мешочка ты так и не нашел способа эвакабуляции. Вот почему некоторые слова затвердели, спрессовались и начали давить на стенки кишечника. Их надо немедленно вывести наружу. Но не беспокойся, Джордж. Мы объясним тебе всю процедуру задолго до заблаговременного времени.

Он знал, что спорить было бессмысленно. Такие вещи, как эта, обычно делались во что бы то ни стало. Джордж молча наблюдал за анестезиологом, на голове которого белела светлая коробочка из-под пилюль. Тот, злорадно ухмыляясь, приближался к нему с тампоном, пропитанным снотворной эссенцией — почти магическим веществом, которое извлекали из одурманенных наркотиком коз.

— Расслабься, приятель. Положись на нас, а мы посмотрим, куда тебя отнести.

— У меня нет времени для объяснений, — зашептал ему в ухо голос маленькой девочки. — Но я послана, чтобы вывести вас отсюда. Вставайте! Вставай быстрее!

— Эй, минуточку, — возмутился он, и шепот Джорджа стал более настойчивым, когда эта невоспитанная девчонка вцепилась ему в рукав и потащила его туда, откуда пришла. — Я давно здесь не был, и мне не хочется никуда уходить.

— Не надо валять дурака, — ответила девочка. — Это слишком опасно. Вас и так тут избаловали сверх меры. Теперь же попрошу подчиняться приказам того, кто лучше вас знает о происходящих событиях. На все вопросы я отвечу вам позже.

В каком-то фигуральном смысле Джордж действительно валял дурака. Но что ему еще оставалось делать? Даже зная, что он сейчас занимается не очень правильным делом, Джордж не мог остановить этот процесс. Потому что нет ничего более дурацкого, чем дурак, который по дурости пытается не валять дурака.

Вступив в глухой и дремучий лес, Джордж увидел далеко впереди себя что-то блестевшее среди тысячи оттенков зеленого

цвета. Он начал приближаться к этому предмету — сначала медленно и осторожно, шагая как тот, кому не дали никаких инструкций, а потом быстро и решительно, как подобало тому, кто заново обрел свою потерянную отвагу. Блестевшая вещь оставалась на своем первоначальном месте, тем самым убеждая Джорджа в том, что ему не придется исследовать блуждающие огоньки. По поводу последних он знал, что, пользуясь манящим и привлекательным видом, они бессовестно завлекали в лесную глушь всех тех, кто начинал ухаживать за ними. Но встреченная им блестящая штучка вела себя совершенно иначе. И хоть она помигивала в стиле блуждающих огоньков, ее положение в окружающей среде от этого не менялось.

— Тады лады, — сказал Джордж. — Щас мы позырим, чо тута таке.

Он и сам не понял такого резкого перехода на псевдоитальянскую диалектику — что, впрочем, было самой старой и жалкой отговоркой из всех, поскольку она возникла у него первой. К тому времени он находился неподалеку от объекта. Его шаги, сообразуясь с визуальным откликом, замедлились настолько, что он без труда замечал каждую новую деталь, которая раскрывалась по мере приближения. Джордж не любил спешить при первом знакомстве, и на этот раз он тоже не стал нарушать своих правил. Он подступался не спеша, бочком и как бы нехотя. Джордж решил не только обезопасить себя, но и чутко воспринять всю полноту мастерства нашего творца и спасителя, дабы, составив верное мнение, не вызвать в дальнейшем упреков и оскорблений.

И он действительно их не вызвал — то есть ни один творец не выбежал из кустов и не обругал его последними словами. Сделав еще парочку шагов, Джордж оказался на расстоянии вытянутой руки от того, что блестело.

Он мягко и нежно раздвинул лианы, за которыми, дразня несбыточными надеждами, скрывался загадочный предмет. А потом Джордж около минуты смотрел на бронзовую пластину, пяти дюймов длиной и двух с половиной дюймов шириной, на поверхности которой среди множества причудливых завитушек и росчерков виднелось слово «ВХОД».

— Ага! — сказал Джордж, ни к кому не обращаясь, поскольку в тот момент он был один. — Все, как я и думал!

И хотя Джордж вовсе так не думал, эти слова немного успокоили его. Они давали ему ощущение контроля над тем неизвестным, с которым сплелась его жизнь после того... Впрочем, он уже и не помнил, после чего именно. Но раз уж так происходило все последнее время, то можно было ожидать подобного и в будущем, которое, кстати, выглядело не менее странным и необъяснимым.

— Куда же ведет этот вход? — спросил у себя Джордж (он все

еще имел полный карман цитат и поэтому находился в несколько безрассудном настроении — хотя и с оттенками осторожности).

Джордж еще раз взглянул на табличку или, вернее, перенастроил фокус, так как его взгляд, сорвавшись с выгравированных букв, непроизвольно кружил по их периферии. Под бронзовой пластиной дюймах в четырех-пяти, а то и всех шести он увидел другой металлический объект, который из-за недостаточности блеска не привлек к себе его внимания при первоначальном осмотре.

Присмотревшись и вновь подстроив фокус, а затем отодвинув одной (вероятно, правой) рукой очередную лиану и сопутствующую ей лозу, он увидел бронзовую дверную ручку.

И это, как он сразу понял, было неспроста. Дверная ручка под бронзовой пластиной! Дверная ручка... Но что же она открывала?

— Это вовлекает дальнейшее изучение вопроса, — пробормотал он и раздвинул в сторону еще несколько лиан и ветвей, используя теперь уже обе руки.

И тут он увидел, что ручка и пластина были закреплены на прямоугольном деревянном предмете, который до известной степени напоминал дубовую дверь.

— Это вовлекает дальнейшее изучение вопроса! — воскликнул Джордж.

А затем, не желая, чтобы его приняли за непросвещенного человека, он добавил:

— Мы вытащим эту тайну на свет летнего дня.

Его голосовые связки приятно резонировали. Предчувствуя что-то хорошее (хотя прежде он предчувствовал что-то плохое), Джордж осмотрел дверь — сначала напрямую, потому с других точек зрения, то есть с боков.

Стороны двери ни к чему не примыкали, и там не было ни стен, ни каких-то иных технологических конструкций, которые обычно назывались косяками. Джордж видел перед собой только дверь, и ее окружали деревья, заросли лозы и длинные лианы, по которым ползали различные насекомые, рептилии и мелкие животные. Между ветвей порхали две маленькие птички. Хотя, возможно, там порхало их не две и даже не три.

Двигаясь слева направо, он обошел вокруг двери, потом развернулся и еще раз обошел вокруг нее, но уже справа налево. Каждый раз, завершая круг, Джордж возвращался на то место, с которого начинал обход. По крайней мере, он считал, что это — то самое место. Впрочем, здесь трудно было говорить о чем-то наверняка, потому что заросли с обеих сторон двери выглядели абсолютно так же, как и остальная часть джунглей, — беспорядочным сплетением биологических организмов без точных и прямых углов.

Задняя сторона двери почти ничем не отличалась от передней. На ней не было бронзовых пластин и дверных ручек, но зато имелся листок бумаги, приколотый к древесине большой кнопкой из какого-то пурпурно-бронзового металла. На бумаге виднелась надпись, но Джорджу не хотелось читать ее сразу.

Слишком уж все казалось нарочитым и тенденциозным. Джордж подозревал, что эта надпись на задней стороне двери являлась приманкой в какую-то хитрую западню. Он не знал, что за люди установили здесь дверь, но, судя по отсутствию вещей, оставшихся после них, они принадлежали к очень древней и мудрой расе. Несмотря на долгие поиски, Джордж так и не нашел никаких пустых канистр, клочков бумаги и окурков сигарет. Его окружал лишь лес, безлюдный и безмятежный, и только Джордж попирал собою окружающий ландшафт.

Не желая признавать отсутствие выбора, он до последнего оттягивал решающий момент. Джордж понимал, что ему придется прочитать надпись на задней стороне двери и, возможно, нажать на дверную ручку. Если эта дверь откроется, он будет вынужден войти внутрь, потому что все уже было определено заранее, как в любой хорошей западне. Но что-то в нем бунтовало против подобных правил игры. Джордж знал, что, переступив через порог, он мог стать игрушкой в чужих руках. Иначе зачем эту дверь принесли сюда черт знает откуда? Конечно же, только для того, чтобы ловить неосторожных прохожих или даже нормальных осторожных прохожих, которые забредали в джунгли по своим неотложным делам, а потом нажимали на дверную ручку и становились жертвами того, что происходило с ними.

Вне всяких сомнений, эта же участь поджидала и его. Но, прожив жизнь по собственным правилам, он не желал подчиняться судьбе. И хотя Джордж не мог привести каких-то конкретных примеров своей независимости и свободомыслия, он ни разу не усомнился в том, что прожил жизнь как вольный человек. Неужели открытая дверь предвещала начало его рабства? Джордж не знал ответа на этот вопрос, но его переполняли неприятные предчувствия. В глубине души ему хотелось разрушить планы врагов, выйти за пределы своих немодных на вид возможностей и сделать что-то редкое, новое и неожиданное — то самое, что показало бы им всем, каким он был на самом деле.

Однако в голову ничего не приходило. Очевидно, Джорджу мешала эта дверь — эта чертова дверь с бронзовой пластиной и ручкой. Немного посвистев и пошаркав ногами, он решительно прочистил горло, резко шагнул вперед и как бы случайно положил ладонь на дверную ручку.

Сжав бронзовую ручку изо всех сил, Джордж повернул ее и толкнул от себя. Дверь открылась. Он, не торопясь, постоял несколько секунд у порога, потом украдкой взглянул на дверной

проем и увидел перед собой ярко освещенное серо-коричневое пространство. Пока Джордж рассматривал открывшуюся перспективу, ему в голову пришла интересная мысль: а не пора ли возвращаться в джунгли? Конечно, в зарослях тоже имелись свои опасности, но там не было никаких сюрпризов. Ведь каждый знает, какие дела творятся в глухом лесу и что потом из этого выходит. Но открытая дверь, которая вела в серо-коричневое пространство... И все же она куда-то вела.

В джунгли он так и не вернулся. Ему не позволили уйти правила приличия. Джордж не помнил, что это были за правила, но у него мелькнуло несколько идей о том, чем они точно быть не могли. Одним словом, он не отступил перед лицом опасности. Да и никакое отступление ему бы тут не помогло. Рано или поздно Джорджу все равно пришлось бы переступить через порог, и он решил сделать это прямо сейчас, чтобы не мучить себя пустыми ожиданиями.

Джордж сделал два шага, потом три и переступил через порог.

Он повернулся, чтобы закрыть за собою дверь, но ее больше не было. Лес тоже исчез. Вместо зелени и древесных стволов Джордж увидел серо-коричневое место, значительно уступавшее в размерах даже самым маленьким джунглям.

Ему показалось — и позже эта догадка нашла экспериментальное подтверждение, — что он попал в комнату с серыми стенами и желто-коричневым полом. Несмотря на свои крупные габариты, комната не шла ни в какое сравнение с тропическим лесом. Ее низкий подвесной потолок коварно и ловко скрывал осветительные лампы.

Едва Джордж сделал шаг, чтобы осмотреть комнату, как на его плечо опустилась чья-то рука.

— Капитан! Я благодарю бога, что вы вернулись!

В комнате больше никого не было, и, следовательно, владелец руки обращался именно к нему.

— Да и я чертовски рад вернуться сюда, — на всякий случай ответил Джордж.

А что он мог еще сказать при таких обстоятельствах?

— Входите, сэр, и присаживайтесь в это кресло. Я всегда считал, что они совершили большую ошибку, отправив вас в Грохочущий мир. Могу ли я предложить вам выпить?

— А где мы сейчас находимся? — спросил Джордж. — И я вас немного не понял. Вы сказали Грохочущий мир или Хохочущий мир?

Мужской голос засмеялся:

— Зачем же вы так, сэр, шутите со мной?

— Минуточку, — оборвал его Джордж. — Как ваше имя?

— Я — Элдрич, сэр. Неужели вы меня не помните? Мы бок о

бок сражались с вами в кусках невежественного жаргона, а потом с боями прорывались в бредовую несвязность.

Джордж даже представить себе не мог такую сложную трассу, и поэтому он наскоро состряпал вежливый ответ.

— Конечно, я помню вас, но не на самом деле — если вы только понимаете смысл этих слов. А смысл этих слов заключается в том, что, не имея ни малейшего желания показаться вам грубым человеком, я могу поклясться, что никогда вас прежде не видел.

— Я все понимаю, — ответил Элдрич. — Но не волнуйтесь, сэр. Вы не первый, у кого наблюдается частичная амнезия после прохождения через Глянцевый интерфейс. Небольшой отдых, и вы будете в полном порядке.

— Глянцевый интерфейс? Что это такое?

— Вполне обычный интерфейс, но в особой ситуации, — ответил Элдрич. — Назван так по имени Антона Глянца, изобретателя глянцевого эффекта. Надеюсь, вы не забыли об эффекте Глянца, сэр?

— Ну что вы! Как можно! — ответил Джордж, поскольку ему показалось, что он потеряет лицо, если признается в своем незнании эффекта Глянца.

Элдрич повел его в комнату. Усадив Джорджа в удобное кресло, он подошел к бару и смешал для них два коктейля. Желтая жидкость клубилась красными завитками в высоких зеленых бокалах. Джордж отхлебнул и нашел во вкусе приятную свежесть липы, смягченную какими-то другими компонентами, которых он не мог определить.

— Так уже лучше? — спросил Элдрич. — Расслабьтесь и наслаждайтесь этой передышкой. Мне не хочется подгонять вас, Джордж, но я надеюсь, что вы вскоре сделаете свое нормальное перемещение.

— Да, думаю, мне это удастся, — ответил Джордж.

— Как скоро вы будете готовы? — спросил Элдрич. — Мне тоже не хочется никакой спешки, но, если у вас есть какая-нибудь идея, я мог бы внести изменения в инструктаж наших групп. Впрочем, вы и сами знаете, насколько это важно.

— Да, конечно, я знаю, — ответил Джордж. — Послушайте, а почему бы вам не поместить меня в следующий эпизод? Например, с постелью и подушкой.

— Что вы сказали?

— В следующий эпизод.

— А мне показалось, с постелью и подружкой.

— О нет! Нет!

— Да, наверное, это не то, что вас интересует. Я должен был догадаться.

Элдрич задумчиво потер ладонью лоб, сделал дюжину шагов по комнате и вдруг резко развернулся на каблуках, поворачиваясь к Джорджу. Прямо как танцор.

— Джордж! Неужели произошло что-то непредвиденное?

Джорджа встревожила эта беспричинная паника в голосе Элдрича. Вскинув руки, тот замер в нелепой позе. Его лицо выражало явные признаки дикого страха.

— Нет, Элдрич, — ответил Джордж. — Все в полном порядке.

Его уже начинала раздражать неправильная постановка сцены. Это он, а не Элдрич нуждался в ответах и утешении. Это он, черт возьми, вернулся из Грохочущего мира и, несмотря на усталость, готовился выполнить еще одно перемещение. Но Элдрич совсем расклеился, и Джорджу было неловко оставлять этого симпатичного парня в таком нелицеприятном состоянии.

— Спокойно, Элдрич. Тревожиться не о чем.

— И вы не заметили ни одного проникновения? — спросил Элдрич.

— Ни кусочка, — ответил Джордж, хотя и не знал, о чем говорил его собеседник.

— И даже легкого перекрытия слоев?

— Вообще ничего.

— Вы в этом уверены?

— Послушай, приятель, — произнес Джордж. — Минуту назад я вернулся из Грохочущего мира. Но это еще не значит, что я, как какой-то отупевший идиот, не смыслю в делах, которые тут происходят. Не было никаких перекрытий, понимаешь? И уж тем более — проникновений!

— Надеюсь, вы правы. Но Хайнберген предсказывал...

— Забудь о Хайнбергене, — оборвал его Джордж. — Садись. Я сделаю тебе что-нибудь выпить. А потом ты расскажешь о моем новом задании.

Элдрич сел.

— Но что именно вы хотите узнать о вашем задании? — спросил он, и в его голосе появились нотки подозрительности.

— Ладно, забудь об этом, — сказал Джордж. — Я и так о нем все знаю. Просто мне хотелось поддержать беседу, пока ты не успокоишься и не поймешь, что у нас все в полном порядке.

— Так, значит, вот в чем дело? — спросил Элдрич.

— Ну конечно, — ответил Джордж.

— Как это мило с вашей стороны. Знаете, Джордж, вы всегда казались мне очень сильным и мужественным человеком. Вот почему, наверное, Цедулла так расстроился, когда понял, что вы ушли в Грохочущий мир. Я хотел сказать, что он полагался на вас, Джордж, хотя и скрывал от нас свои чувства. Да что там! Мы все полагались на вас.

— Ладно, хватит об этом, — произнес Джордж, немного смущаясь от признания своих заслуг и, как всегда, ничего не понимая. — Значит, Цедулла расстроился?

— Да, но ведь он расстраивается по любому поводу. Идемте, я покажу вам ваши апартаменты.

Он вывел Джорджа из комнаты с серыми стенами, и они вышли в длинный коридор, который занимал довольно долгий промежуток времени. Идеальную тишину нарушали только их шаги, приглушенные мягким ковровым покрытием.

— Мы решили разместить вас на прежнем месте, — сказал Элдрич. — Подготовка к полету еще не завершена, и вы можете немного вздремнуть и освежиться.

Элдрич остановился перед дверью, обозначенной буквами М и Ж. Он открыл ее, и Джордж увидел небольшую гостиную, за которой через открытую дверь просматривалась спальня. На стене имелось окно. Оно открывало вид на широкую зеленую лужайку с каймой деревьев по бокам. Чуть дальше начинались горы с синими полосками расщелин.

— Довольно мило, — сказал Джордж и, подойдя к окну, окинул взглядом панораму. — Что это за горы?

— Те, которые нарисовал для нас художник, — ответил Элдрич.

— Но какие именно? Он же, наверное, имел в виду вполне конкретную горную гряду?

Элдрич, немного подумав, пожал плечами.

— Для вас выделили небольшое космическое судно, — сказал он, прочистив горло. — Мы отправляем вашу ракетку через час. И, я думаю, воланчики тоже. Пока у нас тут действительно все спокойно, хотя на самом деле это только так кажется.

— Вы хотите сказать, что все это нереально?

— О какой реальности здесь вообще можно говорить? — ответил Элдрич. — Мы находимся в пространстве РБ2, и со всех сторон нас окружает мрак небытия.

А девочки были просто замечательные, подумал Джордж. Он знал, что в этой конфигурации, заново сплетенной пауком, ему не полагалось иметь такие мысли, но старая привычка брала свое. Впрочем, возводя бункер для негативных мыслей, мы тем самым лишь увековечиваем то, что нам хотелось бы спрятать и зарыть подальше в рассыпчатой почве благих намерений. Вот почему этот самонадеянный Паук, считающий себя единственным рассказчиком всех историй, осмелился присвоить теперь его голос и оплел липкой пряжей те коридоры, которые почти наверняка вели к фатальной аритмии. А как же женщины на берегу? Нет-нет, подумал Паук, мы покончим со всем этим! Мы просто прервем сейчас историю — гордую и отважную историю о прежней расе и людях, которые жили задолго до того, как пауки захватили власть над планетой. Джордж, соберись же, черт возьми! Своими мыслями об их кругленьких попках ты искажаешь всю величественность моих мыслей.

— Прошу прощения, — ответил Джордж, — но из-за энергетических проблем я не могу выйти на напридуманный вами бе-

рег. И раз уж так получилось, то почему бы вам не взяться за это дело самому и не оставить меня в покое?

— Это невозможно, — сказал паук. — Они разрушаются от моих прикосновений — даже от намека на прикосновение. Они разрушаются еще до того, как мне удается приблизиться к ним и объяснить, что им нечего бояться. Вот почему старый банк мыслей не может позволять перенастройке унести тебя прочь, и вот почему у нас ничего не меняется.

Перевалив через вершину холма, Джордж увидел большой каркасный дом, окруженный цветочными клумбами. Среди ярких незнакомых цветов он узнал лишь черствые голубые незабудки и маленькие бутоны красноносой герняни. Этот дом, с белыми ситцевыми занавесками и могучими вязами, казался удивительно знакомым и близким. Джордж не помнил его, но продолжал идти по длинной тенистой аллее. Небо тонуло в глубокой и невероятной синеве, которая встречалась только в снах. В воздухе звенели птичьи песни. Солнечный свет отливал золотом в завитках колючей проволоки, прораставшей на зеленых кустах живой ограды. Рядом высились стройные решетчатые деревья, которые во многих областях Вселенной назывались вышками.

Передняя дверь запиралась на простой крючок. Джордж приподнял его и вошел в дом. Он оказался в скромной гостиной, которая своей клейдсдельской софой[1] и камином в стиле Эймса напоминала добрые времена предыдущей эры.

Джордж нерешительно остановился у окна. Он не знал, что ему делать дальше, а вокруг не было никого, с кем бы он мог поговорить. Пройдя по разлапистому ковру с яркими узорами змей и подков, Джордж подошел к лестнице, которая вела на второй этаж. Где-то вверху светился квадратик света. Он начал медленно подниматься по неосвещенным ступеням, стараясь наступать на каждую из них, а не перескакивать торопливо через две и не нестись как угорелый через три-четыре. Когда ступени закончились на лестничной площадке, он зашагал по узкому коридору, который тоже показался ему чем-то знакомым. Но разве такое возможно? Он не мог знать коридор, в котором ни разу не был, — это же понятно каждому, верно? Однако Джордж сомневался во всем. Вот почему он продолжал идти до тех пор, пока не дошел до конца коридора. Дверь слева от него оказалась открытой, и он заглянул в нее. В комнате стояла железная кровать, застеленная большим стеганым одеялом, на котором колосилась вышитая пшеница. Рядом виднелись два стула с прямыми спинками и старомодный комод на изогнутых ножках.

[1] Подразумевается сравнение с очень известной клейдсдельской породой лошадей-тяжеловозов. (*Прим. пер.*)

Пока он размышлял о том, что ему делать со всем этим, снизу послышался голос. И голос звал его:

— Джордж! Ты внутри?

— Ах ты, моя радость! Спускайся вниз и обними покрепче свою тетушку Тез.

Джордж торопливо вышел из комнаты и спустился по лестнице. Вернувшись в гостиную, он увидел там маленькую пожилую леди с седыми волосами, уложенными в пучок. По всей вероятности, это и была его тетушка Тез. Хотя еще минуту назад Джордж даже не подозревал, что у него имелась какая-то тетя.

— Что же ты так долго не возвращался? — с упреком сказала она. — Мы тут тебя заждались — я, дядя Терри и твои кузены Энди и Слим. Представляю, как они обрадуются, увидев тебя!

— А где они сейчас? — спросил Джордж.

— Пошли в сарай, повалять в грязи свиней, — ответила тетя Тез и весело засмеялась. — Ступай на кухню, Джордж. Тебе повезло, потому что я решила испечь персиковый пирог. Твой любимый, если ты не забыл.

Он сел за кухонный стол. В открытое окно влетал веселый легкий ветерок. Выглянув наружу, Джордж осмотрел ландшафт, который уже покрыли длинные вечерние тени. Не заметив сарая, он решил, что хозяйственные постройки, очевидно, находились с другой стороны дома.

Тетя Тез суетилась вокруг плиты, выпекая фруктовый пирог из иррациональных чисел и глухих фонем. И те и другие по виду напоминали куриц, причем первые все время озабоченно кудахтали, а вторые притворно прислушивались к ним. Они откладывали маленькие коричневые яйца с тонкими зелеными полосками, которые можно было рассмотреть только с очень близкого расстояния. Где-то за домом раздавалось тихое мычание свежескошенного сена. Подернутая дымкой летняя тишина нависала над миром, как плотная вуаль, лишь иногда приоткрывая уголок и пропуская жалобный крик козлодоя.

На Джорджа нахлынуло непередаваемое чувство целостности, и он ощутил себя куском огромного мироздания. Но вслед за этим пришло ощущение раздробленности, а затем и рассыпчатости, когда он тщательно прожевал тот ломтик пирога, который ему вручила тетушка Тез. Крошки фонем пищали и хихикали у него во рту, что казалось не совсем верным, но и не таким уж неправильным. Цветочный чай с фруктовым пирогом сменился одним из тех чудесных вечеров, которые время от времени опускались на эту и другие древние страны во время магнитных бурь. Тут и там за окном мелькали большие пернатые птицы.

— Это грязнокрылые лебеди, — ответила тетушка Тез в ответ на его вопрошающий взгляд, полуприподнятые брови и руку, повисшую в воздухе в вопросительном жесте. — Люди считают их

предвестниками бед и правильно делают, можешь мне поверить. Но тебе незачем тревожиться, мой мальчик. Они тебя здесь не найдут.

Джордж почувствовал себя очень маленьким. Однако его тревога, источавшая запах чизбургера, вполне соответствовала размерам взрослого человека. Между тем он давно уже планировал выпустить одного из своих голубков, и вот теперь это время настало.

Внезапно на проем открытой двери упала тень, а следом за ней и небольшой угловатый мужчина, одетый во все ржаво-коричневое и серое. К его голове прижималась помятая шляпа; через плечо свисал истрепанный дорожный мешок.

— О-о! — воскликнул он. — Могу ли я спросить, мне тоже это надо слушать?

— Мне-то ведь надо, — ответила тетя Тез.

Повернувшись к Джорджу, она представила ввалившегося мужчину:

— Это Пьер Дунчик, наш французский наемник. Он выполняет у нас всю грязную работу. Разве ты не помнишь его, Джордж?

Джордж его не помнил, но он не хотел, чтобы об этом кто-то узнал.

— Привет, Пьер, — сказал он.

Французский наемник снял шляпу. Его засаленные серые волосы беспорядочно рассыпались по плечам, но затем, оценив расстояние до пола, быстро прилипли к воротничку костюма.

— А-а, кого я вижу! — произнес Пьер. — Молодой хозяин вернулся из Грохочущего мира, верно?

— Да, я был в отъезде, — ответил Джордж. — Мне пришлось поскитаться в далеких местах. И я многое повидал — не помню точно, раз или два. Но нет ничего лучше возвращения домой.

— Да, это, наверное, здорово, — сказал Пьер. — Я ведь помню, как часто ваш дядя говорил мне одно и то же: «Эй, Пук!» Это он так называет меня в кругу семьи. «Ну что, Пук, ты не знаешь, сколько майских жуков уже улетело с той поры, как с нашей шеи свалился Джордж?» А я ему: «Пару полных горстей, продувная бестия». Очень уж нравится вашему дядюшке, когда я называю его таким образом.

— Да, он действительно это любит, — подтвердила тетушка Тез. — Даже странно, что ты, полукровка, находишь для нас такие точные и полные определения.

— Так ведь это все не с куста падает, хозяюшка, — ответил Пьер. — А вы, Джордж, надолго к нам или как?

Джордж об этом еще не думал, поскольку всего лишь несколько минут назад у него и в мыслях не было заходить...

Его размышления часто велись автоматически, то есть независимо от воли Джорджа. Но он не желал становиться объектом

каких-то опытов над простыми людьми. Неужели им не хватало для этого других беспомощных созданий? «Мы не гордимся нынешним положением дел, но так надо». Да, наверное, так надо, но будет ли этому конец?

И еще Джорджа интересовала цель, ради которой его подвергали таким мучениям. Он всегда размышлял об этом в те странные мгновения, когда пламя внутри угасало, когда звуки вызывали лишь раздражение и когда никто не появлялся, даже если включался свет.

В такие минуты тело изгибалось в поисках опоры и прочих удобств. Тоска, сжатая до критической массы, требовала выхода. Наступал кризис, и фразы теряли свой очевидный смысл. Они выплескивались наружу в свободном контексте, словно порванные клочья незавершенных сюжетов. Вот какую ясную и очевидную картину он видел теперь перед собой.

Потом появились экс-монарх Франции, комичный официант Эдди, Мартина с разбитым от горя сердцем и все остальные. Они с трудом выбирались из чернового наброска, пытаясь создать какую-нибудь сцену. Это было ужасное зрелище для чуткого и отзывчивого сердца мужчины. Вдали уже виднелись хорошие и плохие дни, но сама картина все больше превращалась во что-то ужасное и смятое...

Джордж резко выпрямился и осмотрелся по сторонам.

Его едва не уговорили взять то, что они раздавали как месть и награду в горных святилищах — в местах, куда метафоры удалялись для весеннего очищения; в местах за радугой, которые не желали раскрывать себя людям. И эти места не могли быть известными, потому что о них знал каждый. Вот какие там были места.

Джордж понимал, что это только начало, и здесь намечалось нечто большее, чем встреча идей. Что-то уже пробивалось вовне. «Эй, ты, не заслоняй меня, мать твою!» И оно порождало ужасное беспокойство.

Формы вещей скользили на коньках, перескакивая от одного образа к другому. «Джордж, ты нас слышишь?»

— Да, я вас слышу, — ответил Джордж. — И мне очень жаль, что все закончилось так плохо. Я же им говорил, чтобы они никогда не будили меня таким образом.

А вас, наверное, интересует, что будет впереди. Это то, что мы все сейчас увидим.

Сцена по-прежнему пыталась пробиться из наброска. Но потом она выдохлась окончательно и откинула копыта. Мертворожденный сюжет, незрелый плод воображения. Утрите слезы, господа. «Джордж, ты все еще там?»

Джордж захихикал. Он так здорово спрятался в куче просты-

ней под кроватью, что они никак не могли его найти. Это было то самое место. И он знал, что здесь ему ничего не грозит.

— Я, конечно, извиняюсь, но, может быть, поиграем вдвоем?

Джордж поднял голову. Он не ожидал услышать здесь другой голос. Они ему об этом ничего не говорили.

— Кто вы? — спросил Джордж.

— Зовите меня Коломбиной, — ответила она. — Я из балетной массовки и в настоящее время ожидаю роль. А вы, случайно, не актер?

— Я главный герой, — не без гордости ответил Джордж.

Ему не хотелось использовать этот аргумент так рано — ну да и черт с ним. Если имеешь какой-то запас, лучше всего его когда-нибудь истратить.

Место, в котором они находились, обладало признаками чего-то необычного. Однако, несмотря на определенное своенравие, оно еще не стало очевидным. Никто из них не знал, какие последуют указания и что произойдет дальше. Последнее вообще держалось в полном секрете.

Джордж решил немного рискнуть на этой стадии дел и внести со своей стороны небольшое предложение. Как следует взвесив целесообразность такого поступка, он сказал себе: «Да, черт возьми! А почему бы и нет?»

Однако мысль уже путалась в лабиринтах гамбургера высокой степени защиты. Они искали способ вломиться в его схему. Они даже использовали длинноносые щипцы, которыми тыкали его, сопя и фыркая от презрения. Конструкция выгибалась и изворачивалась. Прозрачный желтый сок вытекал из множества порезов, нанесенных газонокосилкой. Но они не давали нам пути для дальнейшего самоунижения, и поэтому мы из последних сил боролись за свою свободу.

Тем вечером тетя Тез приготовила на ужин песочное печенье, булочки из гальки и отбивные из отбитых кусков скалы. Пьер устроился в конце стола — специально для того, чтобы подбрасывать Пятну то один кусочек, то другой. Пятно, появившееся под его стулом, все дальше вытягивало изогнутый желтый язычок.

— Знаешь, Джордж, — сказала тетушка Тез, — я хочу, чтобы ты завтра встретился с другом нашей семьи.

— А кто он? — спросил Джордж.

— Он доктор исторических наук, и мы называем его Инопланетным Историком.

— Хорошо, — сказал Джордж с едва заметным оттенком живости, хотя он еще не понял, как ему отнестись к намеченной встрече. — Так кто же он, этот Инопланетный Историк?

— Ладно, Джордж, я не буду скрывать от тебя правды, — произнесла тетя Тез. — Мне не хотелось лишать тебя удовольствия, которое ты можешь получить от встречи с ним.

— А вы уверены, что я получу удовольствие? — спросил

Джордж. — Пусть вас не удивляет мой вопрос. Мне просто хочется знать, что вы подразумеваете под этим термином.

Вот теперь все, как надо. Это, между прочим, моя реплика, а то, что вы прочитаете дальше, будет относиться уже к мыслям Джорджа и его настроению, которое менялось с каждым днем. Ему почему-то не хотелось думать о встрече с Инопланетным Историком, но он не мог не думать об этом. Мысли о предстоявшей встрече терзали его целый день и сбивали концентрацию внимания, которая требовалась для выполнения домашней работы — например, для выкапывания Анютиных глазок. Анюту обычно откапывал Пьер, и это была кропотливая работа, во время которой приходилось долбить землю ломом, копать ее лопатой и разрыхлять мотыгой. Длинная рукоятка мотыги из ценной породы полированного дуба имела два нароста, за которые ее обычно и держали. Иногда использовались мотыги с тремя наростами, но за отсутствием трехруких людей...

А потом день прошел. Кур загнали во двор; петух важно взлетел на крыльцо и поставил там свою именную печать, после чего их пастух устало поплелся домой. На землю легла тишина, облака закрыли солнце, и слабый ветерок, поднявшись, вновь опустился вниз. В тот день Джордж часто отмечал подобные нестыковки.

Однако в последующих сценах и эпизодах мы увидим Джорджа за работой в поле; в заботах о странно раскрашенной и рогатой скотине; в беседах с большой албанской свиньей. Он трудился до седьмого пота, который ему удалось смыть, нырнув в небольшой ручей, протекавший перед белым домом, построенным прямо посреди сельскохозяйственных угодий.

На закате все отправились к куче камней, которые благодаря своей любопытной форме считались религиозной святыней этих мест. Тени скручивались и сплетались среди древних развалин. Могучие дубы зевали черными дуплами, и между ними блуждали жуткие зеленые и розовые огоньки.

И тогда наступила ночь, и пришло время последний раз напиться, перед тем как принять неизбежный укол. А потом в постель, и живо!

Прилетели сны, помахивая крыльями противоречий. Но мы пока не будем исследовать их, поскольку они займут свое достойное место в следующем цикле лекций. Поэтому, переходя непосредственно к рассвету, мы пропустим остаток ночи — тем более что в ней не было ничего интересного. Хотя, знаете что? Давайте пропустим и рассвет. Все равно Джордж думал только об одном: о встрече с пришельцем.

На следующее утро, яркое и раннее, но не такое уж и раннее, чтобы там не хватило места для нескольких чашек кофе, в дом пришел Инопланетный Историк.

До нас дошло несколько описаний Инопланетных Историков. К сожалению, ни одно из них не является точным, потому

что пришельцы имели текучую форму. Например, Историки меняли свои взгляды и остальные части тел почти с той же регулярностью, с какой мы трансформируем наше настроение. А надо сказать, что Инопланетный Историк тоже имел гамму чувств и его форма часто отражала их состояние.

Тем утром он находился в слегка неуверенном настроении, и это отразилось на его формах соматотипа. Он долго не мог решить, в каком образе явить себя миру. Выбрать что-нибудь античное, аскетическое, с вытянутым носом и поджатыми губами? Или, наоборот, что-то яркощекое, улыбчивое и общительное? А что, если попробовать какую-нибудь новинку? Допустим, взять две головы с разными на вид физиономиями. Или лучше вообще без физиономий. Пустые лица! Это всегда воспринималось как хорошая шутка и хороший тон.

Пока Инопланетный Историк примерялся к различным формам, тетя Тез представила гостя.

— Любезный друг, я хочу представить вам Джорджа, моего племянника и очень хорошего мальчика, хотя мне и самой в это часто не верится.

— Очень рад познакомиться, — ответил Джордж.

— Деге Ерат, — произнес Инопланетный Историк.

— Не понял?

— Это традиционное торжественное восклицание, которое используется склеротиками планеты Аделдис.

— А-а, — ответил Джордж. — Я этого не знал.

— У вас не было причин знать об этом.

— Да, думаю, не было.

— Вы тут поговорите друг с другом, а я займусь делами, — сказала тетя Тез.

Она вернулась в дом. Подходило время ставить ловушки на ячменные оладьи, которые грызли мебель и превращали все в муку.

— Вот такие дела, — произнес Джордж, когда они остались одни на заднем дворе за маленьким переносным столом для пикников — почти у самых кустов черной смородины, но относительно далеко от сливового дерева.

— Да, можно сказать и так, — ответил Инопланетный Историк.

В конце концов он решил превратить себя в очень высокого двучленного мужчину, с розовыми глазами и зеленоватым цветом кожи.

— Вы, как я понимаю, с Земли? — спросил он.

— Как вы догадались?

— По выражению недоумения. У вас, землян, это получается просто превосходно.

— Да, мы в этом часто практикуемся, — сказал Джордж. — А могу ли я спросить у вас, что здесь делает Инопланетный Историк?

— Историю, — ответил пришелец. — Жестокую владычицу наших судеб. В принципе мы знаем, каким образом должны складываться события. И универсальная история всего бытия написана давным-давно. К сожалению, жизнь не желает копировать ее в скромной и соответствующей манере. Вот почему мы, Инопланетные Историки, вынуждены вмешиваться в ход эволюции и расставлять все по своим местам.

— Неужели? — спросил Джордж.

— Да, — ответил Инопланетный Историк.

— Но почему вы тогда сидите здесь?

— Из-за вас, Джордж. Только из-за вас.

— Из-за меня? Неужели со мной что-то не так?

— Хорошо, что вы сами догадываетесь об этом, — ответил Инопланетный Историк. — Джордж, вы все время находитесь в самом себе и, вероятно, не понимаете, какое впечатление производите на окружающих. Скажите, вам не кажется, что вы все время блуждаете вокруг да около? Вам не кажется, что большую часть времени вы вообще ничего не делаете?

— А разве это плохо?

— Это было бы неплохо для незначительного и второстепенного персонажа. Но вы здесь главное действующее лицо!

— Я главное лицо? — с испугом спросил Джордж. — Вы в этом уверены?

— Конечно, уверен, — ответил Инопланетный Историк. — И все это время вы палец о палец не ударили.

— Что же нам теперь делать? Я полагаю, у вас есть какие-то соображения по этому поводу?

— Кое-какие идеи у меня действительно есть, — сказал Инопланетный Историк. — Но перед тем как приступить к решительным действиям, нам не мешало бы промочить горло.

История пятая

СЕМЬ МОЛОЧНЫХ РЕК С КИСЕЛЬНЫМИ БЕРЕГАМИ[1]

Там были две двери, и сначала я решил идти в правую — так, без всяких на то причин, просто потому, что надо же войти в какую-нибудь, а обе двери казались мне совершенно одинаковыми, и ни одна не сулила чего-то особенного. Но когда я подошел поближе и мой угол зрения изменился, я заметил третью дверь,

[1] Seven Soup Rivers. © 1995 by Robert Sheckley.

ранее скрытую за изгибом стены, в которую они все были вделаны. Эта дверь находилась справа от выбранной мной вначале и теперь превратившейся в центральную.

Эта третья дверь появилась столь неожиданно, что вызвала у меня некоторое беспокойство. Я ведь и без того чувствовал себя выбитым из колеи. Путешествие после отбытия с КОЛУМБА было долгим и утомительным, а тут еще та печальная история с МОРТОМ. Указатели, попадавшиеся мне в пути, имели какой-то двусмысленный характер. Никогда ведь не уяснишь себе истинного значения того или иного знака, пока уже не будет поздно что-либо изменить. Мой рюкзак был тяжел, набит всем необходимым для путешествия, а также дюжиной или даже больше вещей, в которых, возможно, нужды никогда не возникнет, но которые вряд ли найдешь, если такая нужда появится.

Когда отправляешься в путешествие, то фактически засовываешь в рюкзак всю свою жизнь, только в миниатюре, а вовсе непросто то, в чем наверняка нуждаешься, ибо никто с уверенностью не может сказать, что именно является жизненно необходимым. Поэтому берешь то, что может понадобиться, или то, что ты надеешься использовать, или то, без чего боишься оказаться. Неудивительно, что лямки врезались мне в плечи под той тяжестью, что висела у меня на спине.

И умненькая маленькая машинка-чепушинка ГЛИННИСА, которую я захватил в последнюю минуту, вылезла из своей мягкой обертки и теперь вгрызалась в меня как раз где-то в районе бедра. Однако останавливаться и перепаковывать рюкзак мне сейчас не хотелось, поскольку вход в Фокис лежал прямо передо мной за одной из этих трех дверей. Подойдя к ним, я пригляделся, но отнюдь не пришел в восторг от того, что увидел. Между ними не было никаких различий. Возможно, даже не имело значения, в которую из них я толкнусь. Или все-таки имело? Я вспомнил совет СЕСИЛИ: бойся очевидного! Тогда-то я глубокомысленно кивнул, но теперь, хорошенько подумав, понял, что будет весьма и весьма затруднительно определить, в чем именно заключается эта самая очевидность, а еще труднее — уяснить, как избежать грозящей опасности. Мое решение храбро шагнуть в центральную дверь стало слабеть, и я обругал присущую уму склонность к сомнениям, которая заставляла меня снова и снова возвращаться к проблеме выбора. Что-то в этом роде уже происходило со мной во время краткого знакомства с МОРТОМ, и я поклялся, что оно послужит мне уроком. Но как подобное намерение должно отразиться на ситуации с тремя дверями?

Думаю, я мог бы еще долго торчать перед ними с режущим плечи рюкзаком и машинкой-чепушинкой ГЛИННИСА, впившейся в мой бок, да еще с громким бурчанием в желудке. Самая примитивная часть моего мозга безоговорочно знала, что желудок не получит ни крошки еды, пока я буду колебаться на пороге входа в Фокис. Поэтому я рванулся к центральной двери, но в последний момент вдруг изменил направление рывка и, без всякой на то причины, вошел в левую дверь.

Первое, что я увидел, пройдя в нее, были фламинго. Целых три штуки — белые и розовые шары из перьев, с длинными кожистыми сгибающимися назад ногами внизу и такими же длинными змеевидными шеями наверху, снабженными маленькими плоскими головами и изогнутыми черными клювами. Два фламинго занимались чем-то, что показалось мне состязанием в остроумии, но что могло быть и просто брачным танцем; оба громко орали и ширяли друг друга головами, совсем как дуэлянты — шпагами. Третья птица — крупная и окрашенная в оранжевые тона, не обращала никакого внимания на происходящее. Она опустила голову к самой поверхности мелкой лужи, в которой стояли фламинго, и делала ею какие-то движения, вызывая появление на воде множества пузырьков. Я подумал, что она вспугивает со дна мелкую водяную живность, но чтоб птица что-то глотала — не видел.

Тысячи мыслей бились в моей голове, одна причудливее другой, и я с радостью ретировался бы через ту же дверь, окажись она на месте. А ее, разумеется, там не было. В Фокис ведут односторонние двери, и вам предстоит пройти весьма сложную и утомительную процедуру, прежде чем вы обнаружите выход.

Я, конечно, был весьма далек от желания уйти, поскольку только что прибыл. Снова поглядел на фламинго, и мне тут же пришло в голову вполне вероятное объяснение: это декоративный птичник, которые часто устраивают у входа в общественные здания, а причина того, что я оказался внутри его, заключается в том, что я выбрал неправильную дверь — служебную, которая и занесла меня в самую середину птичьего двора. Итак, я совершил ошибку, но не очень серьезную, размышлял я, а следовательно, несколько шагов выведут меня из контакта с птицами (разумеется, с мокрыми ногами) и вернут на дорогу, ведущую в глубь приемной зоны.

Выйдя на верную тропу, я первым делом оглянулся по сторонам, дабы убедиться, что никто не оказался свидетелем моего faux pax[1], и не потому, что боялся наказания, а просто никому неохота оказаться в дурацком положении, только что попав в незнакомое место.

И тут загремела музыка — волынки и барабаны, а в коридоре появилась группа людей в разноцветных ярких костюмах — красных, зеленых и черных. Один дудел на волынке, другой выбивал дробь на малом барабане, а остальные, судя по их изящным дви-

[1] Грубая ошибка, ляп (*фр.*). (*Здесь и далее прим. пер.*)

жениям, водили нечто вроде хоровода, но при этом все время делали шажки в сторону, что неизбежно приближало их ко мне. Танцоров было четверо — две женщины и двое мужчин. Мужчины били в бубны, а женщины щелкали кастаньетами.

Я отступил, чтобы дать им дорогу, но стена за моей спиной вдруг рассосалась, и оказался на обширном открытом пространстве под чистым небом (или хорошей подделкой под него). Почва под ногами имела красноватый оттенок и была утоптанной, сухой и твердой. Несколько деревьев с почти горизонтальными ветвями и пыльной серо-зеленой листвой стояли неподалеку, а вдали я мог видеть иззубренный абрис черно-синих гор. У меня едва хватило времени, чтоб поразиться быстроте появления и точности изображения симуляционной картины, как появилась большая группа людей, вошедших сюда откуда-то оттуда, где они были раньше. Это были чернокожие, некоторые в плащах из шкуры леопарда, тогда как другие — в блестящих черных костюмах, напоминавших вам о прошлом веке. Танцоры уже начали свое представление, а пришельцы наблюдали за ними с удивлением, но, я бы сказал, без особого интереса. Откуда-то издалека до меня доносились глухие гулкие удары — вероятно, в барабаны, — и нежные звуки похожих на флейту инструментов.

И в этот момент прямо рядом со мной возник Лу. Он появился так неожиданно, что я даже не заметил, откуда он подошел. Лу носил спортивную рубашку с ярким кричащим узором, бежевые прекрасно отглаженные слэки и украшенные орнаментом мокасины на маленьких ногах, которыми, как я помнил, он жутко гордился.

— Ладно, пошли, — сказал он. — Ты что, собираешься торчать тут целый день, глазея на эту свадебную вечеринку? Мне кажется, тебя на нее не приглашали, разве что у тебя есть связи, о которых я не подозревал. Для твоего сведения: это король Салупса — пост наследственный, но номинальный и не имеющий реального значения, а толстяк, что стоит рядом с ним и разговаривает весьма грубо, — его премьер-министр... или как его там, на их родном языке. Кас Дезайр, кажется. Я ведь когда-то понахватался геульского, когда командовал торговой факторией на Оримбе. Я рассказывал тебе о тех временах? Не важно, к нам все равно уже идут молодые воины. Думаю, для тебя самое времечко послать им вежливую улыбку, скрестив руки над головой, чтоб выразить дружелюбие и поскорее убраться отсюда ко всем чертям.

— А как насчет тебя? — спросил я.

— Полагаю, против меня они возражать не станут, — ответил Лу. — Вообще-то меня тут нет; то, что ты видишь, — интерпроекция. Со мной делать нечего, разве что они вызовут контролера по соблюдению права на уединение и пожалуются, что среди них затесался любопытствующий нахал.

Теперь, когда он упомянул об этом, я заметил слабый отсвет, окружавший фигуру Лу. Сначала я подумал, что это просто солнечные блики, но тут же сообразил, что он общается со мной посредством интерпро.

Двое парней, отделившихся от группы, праздновавшей бракосочетание, отличались отменным ростом и телосложением. Оба хмурились, а в руках держали изукрашенные резьбой дубинки с такими утолщениями на конце, которые свидетельствовали, что удар ими по голове будет весьма болезнен.

— Как мне отсюда выбраться? — спросил я у Лу.

— Следуй за мной, — ответил Лу. — Мы вдвое сократим путь, обогнув фламинго с тыла.

Я поспешно повернулся и пошел за ним, а он скользил над тропой мимо фламинго, все еще совершавших свой брачный танец или какой-то другой обряд. Потом снова через мелкую лужу, а уж после лужи мы сделали крутой поворот в сторону.

Смотреть было не на что. Дело в том, что такие сценические площадки занимают немалую площадь, а поэтому мне пришлось довольно долго шлепать по мелководью, пока Лу или, вернее, его интерпроекция, плавал возле меня, весьма похожий на себя во плоти, за исключением того, что ног он не промочил. Очень скоро мы достигли конца площадки и внезапно оказались в полной тьме. Такие разрывы между различными сценическими площадками делаются умышленно, дабы экономить энергию. Только светящаяся желтая полоска у вас под ногами ведет вас к следующей станции.

Лу болтал о наших общих друзьях — о ЛОРЕ и ДАГОНЕ, которые недавно заключили годичный контракт на сожительство, и о МОРИСИИ, недавно поступившей на работу в Запредельное Агентство. У нее вышла какая-то заминка со сбором нужных документов.

Я надеялся, что у Лоры все будет хорошо; ее я не видел уже несколько лет с того самого летнего сезона на ГРИН-АЙЛЕНДЕ — задолго до того, как триппы захватили его и превратили в пансион для последователей Новой Гностики. Ужасная жалость, ведь такие местечки, как Грин-Айленд, попадаются не каждый день и даже не каждый год — места, где природа, так сказать, хватает вас за шиворот и не отпускает, где существует волшебное равновесие между интродуцированной флорой и различными физическими константами острова. Создание подобных уголков редко окупается и обычно происходит совершенно случайно.

С Лу я тоже познакомился на Грин-Айленде, где он изучал психоживопись и каждый вечер напивался, делая это весьма изящно и не вызывая ни у кого отвращения. Да, тем летом мы недурно развлекались! Но это было тогда, а сейчас — это сейчас. Сейчас

мне приходилось иметь дело с Фокисом, и я не мог не думать о том, как у меня там пойдут дела.

Принять решение и отправиться на Фокис — дело само по себе нелегкое. Причины моего появления здесь, которые казались мне столь существенными, когда я покидал Землю, начинали мне казаться теперь по меньшей мере легковесными, а в действительности — совсем необоснованными. Правда, у меня была машинка-чепушинка ГЛИННИСА, по всей видимости, обладавшая собственным разумом.

Мне приходилось считаться вот с чем: я сделал ошибку и вошел сюда через не ту дверь. Если б я выбрал правильную (а я не знаю, какая из них какая), то сейчас не тащился бы в темноте по сети коридоров, соединяющих отдельные сценические площадки, следуя за тонкой желтой светящейся полоской, уходящей в бесконечность этой непроницаемой тьмы. К тому же за моей спиной висел тяжеленный рюкзак, и я до сих пор не имел возможности хоть немного изменить положение, которое он занял. Я размышлял об этих обстоятельствах, когда вдруг раздался звон хрустальных колокольчиков — автоматический сигнал, вызванный моим приближением, предупреждавший, что меня ждет какой-то новый разворот судьбы. Фокисяне здорово поднаторели в таких делах и заранее предупреждают о готовящемся изменении ситуации, однако умалчивают, что именно вас ожидает.

— Как ты думаешь, что это будет? — спросил я Лу.

Ответа не было. Я огляделся, сделав разворот в 360 градусов. От Лу — ни слова. Перерывы в работе интерпроекционного луча весьма часты, так что я не волновался, хотя данный перерыв произошел в очень неудобное для меня время. Продвигаясь вперед, я заметил, что желтая полоска начинает выписывать загогулины и что ее пересекают красные и зеленые черточки. Это было то, что фокианцы несколько претенциозно именуют зоной взаимонепонимания.

Что ж, чего-то в этом роде я и ожидал, а потому продолжал идти вперед, демонстрируя (по крайней мере внешне) уверенность в себе. И шел до тех пор, пока не появился свет и я не оказался на новой площадке.

Она ровным счетом ничего в моей памяти не пробудила. Как оказалось, я попал в маленькую темноватую комнату, каменные стены которой были грубо оштукатурены, а потолок нависал над самой головой. У одной из стен стояла простая деревянная кровать. Еще там имели место стол и стул. За перегородкой, высотой по пояс, я увидел мужика в красно-синем мундире, похожем на солдатскую форму, который держал в руках что-то вроде старинного мушкета. Волосы у него были черные, собранные в небольшой «конский хвост». Мужик курил глиняную трубку, которую он отложил в сторону, как только увидел меня.

— Доброе утро, гражданин, — сказал он. — Рад, что вы наконец проснулись. Завтрак вон там — на тарелке под салфеткой, что на маленьком столике. А рядом с ней Библия для ваших утренних молитвенных упражнений. Следователь скоро придет, чтоб продолжить допрос. Я обязан сообщить вам об этом, дабы дать вам основные ориентиры и чтоб вы не жаловались, будто что-то было пропущено, когда придет время суда. Дальнейшие рассуждения мне строго запрещены. Поэтому, если вам все ясно, я вернусь к своей газете.

— Минуту! — воскликнул я. — Ничего мне не ясно! Где я нахожусь? Что это за место? Оно похоже на тюремную камеру, не так ли? А если так, то в чем я обвиняюсь?

— Гражданин, — сказал он. — Все это отнюдь не относится к области, которую я могу с вами обсуждать. Приберегите свои вопросы для следователя.

— Но скажите мне хотя бы, почему я тут оказался?

Часовой встал. Это был рослый крепкий мужик с грубым и недоброжелательным лицом.

— Свой долг я исполнил, — рыкнул он. — Ты не имеешь права требовать от меня большего. И если ты не заткнешь свою пасть, тебе заткну ее сам вот этим. — И он взмахнул своим мушкетом как дубиной. — Мне сказано, что я имею полное право врезать тебе, чтобы предотвратить дальнейшие, не разрешенные законом вопросы.

Его манеры резко изменились. Теперь они говорили, что угроза носит вполне реальный характер. Отвечать я не стал — вид у солдата был такой, что он способен пустить свое оружие в ход хоть сейчас. Конечно, все происходящее было результатом какого-то чудовищного недоразумения. Но то, что я заработаю черепную травму, если буду пытаться прояснить ситуацию, доказательств не требовало. Я отвернулся от стража, сел за стол и взял Библию. Некоторое время солдат наблюдал за мной, потом тоже сел и принялся за газету. Через минуту он закурил трубку и, по-видимому, успокоился.

Ну а я от спокойствия был куда как далек, но что я мог поделать? Враждебность этого типа очевидна, а заводился он так быстро, что я почел за лучшее его не провоцировать. Перелистал несколько страниц Библии. Она была написана на языке, которого я не знал. Даже форма букв оказалась мне неизвестной, так что я лишился слабого утешения бормотать вслух хотя бы отдельные фразы. Я отложил книгу и снял с плеч рюкзак, опасливо поглядывая на стража. А он и глаз не поднял от своей газеты. Видимо, мои действия наконец-то оказались неподзапретными.

Развязав рюкзак, я стал искать какое-нибудь чтиво. Надо было хоть как-то укрепить нервную систему, расшатанную этой дурацкой ситуацией.

И куда к черту подевался Лу? Наверняка у него было достаточно времени, чтоб добиться возобновления трансляции своего изображения! Но Лу не было, и, оглядев камеру, я не заметил там даже признака средств связи, если, конечно, не допустить, что они спрятаны где-то в покрытой плесенью фреске на стене. Фреска изображала мужчин и женщин в старомодных костюмах, расположившихся на пикнике на фоне идиллического пейзажа. Я бы с радостью к ним присоединился.

Снова, осторожно поглядывая на стража, я встал, чтоб разглядеть живопись поближе. Она притягивала меня так, будто в нее был встроен какой-то магнит. Тщательно вглядывался в детали фрески. Нарисованные на ней кусты почему-то казались искусственными. Это что — с умыслом? Пока я рассматривал живопись, вдруг послышался звук шагов, исходивший из коридора, куда выходила камера.

Лес вряд ли мог служить надежным убежищем. Как только я неизвестно каким образом оказался в нем, я увидел, что это довольно зловещее местечко, полное поганок и еще каких-то ядовитых бесформенных растений. От благородной компании, изображенной на картине, и следа не осталось. И куда они подевались? Может, я слишком долго болтался в тюремной камере? Видно, так оно и было. Но зато на спине у меня снова висел рюкзак, хоть я и не помнил, когда успел его натянуть.

В этом лесу, полном огромных деревьев и кустарников, казалось, не имело значения, в какую сторону идти. Совершенно инстинктивно я двинулся туда, где было посветлее, хотя даже это обстоятельство улавливалось лишь с большим трудом. Серые сумерки леса заволокли всю округу вуалью тайны.

Я пошел дальше, продираясь сквозь кусты и низкие цепкие травы. Место казалось мне полным дурных предзнаменований. Как это меня сюда занесло? Думать об этом не хватило терпения, особенно учитывая ощущение, что нечто подкрадывается ко мне сзади. Никакого представления, что это такое, у меня не было. Шум производится преимущественно мной самим, да время от времени тихие вздохи ветра просачивались откуда-то и колебали верхние ветви деревьев.

Я вспомнил, что уже давно не ел, и решил сделать привал, чтоб пошарить в рюкзаке. Я не предполагал, что запасся чем-то съедобным, но как знать, бывает и так, что в мешок суют что-то — недоеденный сандвич, корку сыра, коробку крекеров, а сейчас все это было бы куда как кстати!

Я поставил рюкзак на пригорок и присел возле на корточки. Темнело. Скоро наступит вечер.

У меня не было представления о том, где я нахожусь или куда иду. Я знал, разумеется, в общем и целом, что это один из фокусов, которые вытворяют на Фокисе, — одна из их знаменитых иллюзий; ведь это такое место, где ни одна вещь не похожа на то, чем она представляется. Но такое знание в настоящий момент мне мало чем могло помочь, поскольку, вообще-то говоря, оно подходило для любой ситуации, а отличить истину от иллюзии чрезвычайно трудно даже задним умом, когда в этом уже нет жизненной необходимости. Я обругал мысленно Лу за то, что он бросил меня, потому что сейчас именно так расценивал его исчезновение. Поломка вряд ли могла так долго препятствовать его появлению здесь.

В рюкзаке я нашел пакетик орехов, преподнесенный мне бесплатно на эскалаторе и который я тогда не съел. Я принялся жевать орехи, но тут же сообразил, что скоро мне обязательно понадобится вода — такими сухими они были. Вода — обыкновенное чудо, о котором вспоминаешь только тогда, когда ее нет. Мой случай. Я встал и огляделся со смутной надеждой найти какую-нибудь западинку, где, как мне говорили, может скапливаться дождевая вода. Устало уложил рюкзак и просунул руки в его лямки. И в этот момент услышал голос, но не мог разобрать, что он мне говорит.

— Кто это? — окликнул я.

— Проводник, — ответил голос.

Я стал вертеться, пытаясь определить направление, откуда шел звук. Казалось, говорящий совсем рядом, но я не видел ничего, кроме густого серо-зеленого леса и сгущающихся к ночи теней.

— Выйди и покажись мне, — позвал я.

Какое-то время ответа не было. Затем я услышал легкий треск в кустарнике справа от меня и быстро повернулся. Там стояло животное, которое, склонив голову, пыталось получше рассмотреть меня. Я подумал, что это какой-то вид оленей — мышино-серого цвета, с настороженными ушами, шевелившимися при порывах крепчавшего ветра, будто стараясь расслышать, что он им говорит.

— Вы избрали неудачную дорогу, — сказал олень.

— Я? Да я тут ничего не выбирал!

— Я тут не для того, чтобы спорить с вами, — отрезал олень. — Но мой опыт утверждает, что каждый, кто здесь появляется, делает это по собственному выбору.

— Ну, в общем смысле это так, пожалуй, — отозвался я, — но я предполагаю также, что ты не совсем животное.

— Может, и нет, — ответил олень. — Но разве это так важно?

— Настоящее животное не говорит, во всяком случае обычно.

— Нет. Но и люди не входят в картины, во всяком случае обычно, как вы утверждаете. Разве вы не замечали, что обычные правила имеют значение, лишь когда вы спокойно рассуждаете, после того как событие уже произошло и когда у вас появилась возможность комфортабельной генерализации; когда же событие

еще только предстоит, то оно в первую очередь неуловимо исключительно и специфично.

— В том, что ты говоришь, что-то есть, — сказал я. — Но я тут не для того, чтобы вести с тобой нелепые философские дискуссии. Ты меня можешь вывести отсюда?

— Возможно, — ответил олень. — А куда вы хотите попасть?

— Я намеревался попасть на Центральный Фокиса, — ответил я. — Меня там ждут друзья.

— Значит, вас ожидают?

— Ну... не совсем так. У меня не было времени известить их о своих планах, поскольку моя отправка из пункта ноль была весьма поспешной. Связь между точкой в Солнечной системе и этим миром затруднена, и я решил сэкономить время и прибыть сюда лично. И тогда легче послать себя самого, чем уведомляющий документ.

— Это справедливо, — заметил олень. — Но тогда вам придется переносить неудобства, связанные с тем, что вы являетесь как бы уведомлением о своем грядущем прибытии.

— Что еще за неудобства?

— Об уведомлении частенько забывают. Но я вижу, у вас нет желания обсуждать подобные вопросы. Следуйте за мной, и мы посмотрим, что можно для вас сделать.

Олень зацокал копытцами к подлеску; я последовал за ним. Сумерки сгущались быстро. Стволы деревьев стали трудноразличимы. В глотке у меня совсем пересохло, и спустя несколько минут я сказал:

— Нет ли тут поблизости чего-нибудь, что можно было бы выпить?

— О, конечно, тут есть что пить, хоть я и не думаю, что лично порекомендовал бы это.

— Но мне нужна вода!

— Ну в этом случае вам, конечно, надо попить. Идите сюда.

Мы сошли на чуть заметную тропку и стали спускаться вниз по довольно пологому склону. Во мраке посверкивали светляки, их блеск был прекрасен. Лес притих. Через некоторое время мы вышли к крохотному темному прудику, лежавшему в лощинке у подножия огромных деревьев. Я подошел к урезу воды, наклонился и зачерпнул воды в сложенные чашечкой ладони. Выпив, я ощутил, что хочу пить еще сильнее, а потом еще сильнее. Олень, пока я пил, стоял неподвижно, и мне показалось, что во взгляде его есть нечто осуждающее.

— Может, я делаю что-то неправильное? — спросил я. — Но ведь вода свободна для всех?

— О, разумеется, она свободна, — отозвался олень. — Вот в том-то и беда! Она остается свободной и внутри, такой же свободной, как была снаружи.

Слова оленя не имели никакого смысла. И тем не менее я вдруг ощутил воду в своем желудке и тут же наклонился, чтоб выпить еще. Сжал пальцы лодочкой и поднял воду к лицу. Мне показалось, что держу в ладони прозрачный шар. Воду пришлось не пить, а есть. Я тут же прекратил пить и быстро отступил от берега. Олень наблюдал за мной с интересом. Я чувствовал, что в моем животе происходят странные вещи. Возникло ощущение внутреннего расширения. Как будто то малое количество воды, которое я проглотил (наверняка не больше пинты), начало расти. Я ощущал присутствие воды в себе, но она не становилась частью моего организма, а отдельной, свободной, как говорил олень.

— Что происходит? — спросил я. — Что ты со мной сделал?

— Этому существует множество объяснений, — ответил олень. — Я дал вам только то, чего вы с такой жадностью добивались. Остальное — дело ваше... и ее.

Я не понимал, что он имеет в виду. Нет, знал, но не хотел понимать. Что-то должно было случиться, а я снова не был к этому готов. Объем воды в желудке продолжал увеличиваться. Это была не вода, а кислота. И она растворяла меня, превращая в себя.

— Помоги же мне! — вскричал я.

— Боюсь, я уже сделал это, — ответил олень.

А вода стала во мне подниматься все выше; я превращался в бумажного человечка, быстро растворяющегося в самом себе. Этот образ был мне не совсем понятен, но от этого не становился менее реальным. Вода поднималась, и я рухнул на лесную почву, с хлюпаньем стекая по склону. Я был водой, удерживаемой пленкой поверхностного натяжения. Это мне представлялось дикой несправедливостью — я имею в виду все перемены, свалившиеся на меня. Что же такое случилось со старым, добрым, стабильным миром? А может быть, та стабильность всегда была мифом, сновидением о порядке в совершенно невероятном мире?

Я ощущал, как растворяюсь в себе самом. Чувствовал, что пленка натяжения лопается и я водой стекаю по лесному склону обратно в маленький пруд. Я ощущал присутствие оленя, который сначала наблюдал за мной, а потом повернулся и стал уходить. В посадке его головы, в блеске больших сияющих карих глаз была печаль. Я подумал, что он горюет обо мне. Бог свидетель, тут мы с ним были близки, ибо я тоже очень жалел себя.

Но разве вода способна испытывать сожаление? Этот вопрос на мгновение привлек мое внимание, а затем интерес к нему пропал. Я полностью превращался в жидкость. Я понял, что я — всего лишь лужица воды. Вряд ли будет преувеличением сказать, что она напоила меня досыта. Сейчас я уже полностью стал ею, но что будет со мной дальше?

— ...Мой любимый живет на луне, скоро женится он на мне...

Я прислушался к этому тоненькому, пронзительному детско-

му голоску, который напоминал мне о чем-то. В голове клубился туман, она казалась забитой мягкими нитями паутины. Разве я не превратился в воду? Какое облегчение снова ощущать свою плотность, знать, что ты человек, а не природный элемент или что-то в этом духе, во что я превратился. Моя радость, однако, омрачалась чувством сожаления. Ведь находиться в жуткой ситуации так интересно!

Немного подумав, я пришел к выводу, что моя радость вообще преждевременна. Я же до сих пор не получил еще зрительной информации касательно моего нынешнего положения. Почему? Я мог выдвинуть сразу несколько предположений. Во-первых, что мои глаза почему-то закрыты. Во-вторых, что вокруг темнота и нет света, при котором можно что-то увидеть. В-третьих, что свет есть и я обладаю оптической аппаратурой, то есть глазами, но мой мозг, ум, мыслительный орган — называйте его как хотите — принимает информацию, но не пересылает результатов ее переработки другим частям той собирающей информацию системы, которой является мой ум/мозг.

Мне казалось, что есть и другие предположения, но временем, чтоб их анализировать, я не располагал. Первой и главной проблемой являлась необходимость изучить собственные возможности восприятия. Эту проблему можно было сузить: могу я видеть или нет? Если могу, то какие шаги должен предпринять, чтоб увидеть то, что можно увидеть, дабы освободиться от идеи участия в том, что в данный момент называю временной слепотой на почве истерии? Или, возможно, я придаю этому непропорционально большое значение?

Поскольку в самом первом приближении я пришел к мысли, что мне не следует перенапрягаться, пытаясь прозреть, то прозрение должно произойти или само собой, или не произойти совсем. Я подумал об эволюционном процессе развития зрения. Те далекие примитивные создания, что являются нашими предками по части зрения, наверняка ведь не прилагали силу воли к делу прозрения, верно? Они либо видели, либо не видели. И предумышленность — эта излюбленная мягкая игрушка ученых — к этому делу не имела ни малейшего отношения.

Но так ли просто обстояло все на самом деле? Каковы переходы, градации, отделяющие видение от невидения? В какой точке этой шкалы личность можно считать невидящей и где проходит черта — великая эволюционная черта, — пересекая которую личность становится зрячей? Уж если мы затронули эту проблему, то не существовали ли и другие средства «видения», кроме глазного, родственные последнему, но отчетливо иные, из которых глазное зрение — лишь первый шаг? И нельзя ли сказать, что разница между видением и глазным зрением такая же, как между Гипери-

оном и сатиром, если воспользоваться крылатым выражением Шекспира?

Чем больше я размышлял об этом, тем выше оценивал данную мысль. Серьезнейшая штука получалась. Мне было необходимо точно представить себе собственные возможности восприятия, прежде чем двигаться дальше. Пока мы не знаем, как мы выглядим, можно ли определить, в чем мы нуждаемся? Наши предки, разумеется, могли довольствоваться и меньшим. Цветные абрисы на стенах пещер — теперь они способны вызвать у нас лишь улыбку. Но ведь я-то существую в настоящем, а потому данный вопрос, так долго откладываемый, должен быть наконец решен. Или наоборот — его не следует решать; впрочем, это тоже было бы решением, и тоже основанным на определенном чувственном восприятии.

— Это, разумеется, правильно, — сказал ЗЕЛИГМАН, — но учел ли ты ауру кажущейся понятности, которая окутывает каждое, даже самое незнакомое явление? Нас практически невозможно застать врасплох, ибо ум конвертирует полученные впечатления в знакомые формы, в которых неизвестное становится лишь как бы частью известного?

— Клянусь богом, вы правы, — воскликнул я. — Ведь преподнести настоящий сюрприз — дело нелегкое, верно?

— Точно. Но тебе это удается лучше, чем большинству. Ты всегда был хорошим учеником. Я тебе поставил высшую оценку за сочинение по эстетике самообмана.

Поле зрения возникло совершенно неожиданно — именно так, как я и ожидал. Я находился в аудитории. Единственной нитью, связывавшей меня с прошлым, был рюкзак. Он лежал на полу рядом со мной, и его горловина была широко открыта. Поглядев вниз, я убедился, что кто-то в нем рылся и все перевернул. Бесспорно, это сделал я сам. Я снова наклонился и проверил. Да, кое-что пропало. Мне понадобилось меньше минуты, чтоб удостовериться, что кто-то, весьма возможно, что именно я, вынул оттуда умненькую машинку-чепушинку ГЛИННИСА. Надо думать, пустил ее в ход.

Я вспомнил ослепительную улыбку на лице Глинниса, когда он передавал ее мне. Или в тот день он был женского рода? Так трудно запомнить, кто был кем во времена столь легких переходов из одного пола в другой. Но, конечно, мы тут вовсе не собираемся открывать диспут о сексе, во всяком случае не больше, чем расспрашивать вас о том, что вы ели сегодня на завтрак. Все эти дела связаны с личным самосознанием. Расщепление, слияние — подобных вопросов следует тщательно избегать в разговорах. А если говорить проще, то Глиннис и я сексом не занимались в тот далекий день, когда он подарил мне эту машинку и сказал: «Мне тебя будет не хватать», и назвал меня именем, под которым

я тогда был известен. Кроме того, он сделал еще кое-что, а именно жест — пикантный и неповторимый. После чего и вручил мне машинку.

Я огляделся, надеясь узнать, что с ней случилось. Эльг — так называются эти машинки, говорящие на линшинском языке, языке сексуальной коммерции, — отдыхала на полу возле моей ступни. Она еще продолжала двигаться, описывая круги, которые постепенно сокращались и по скорости движения, и по радиусу, следуя широко известным положениям закона Роско, гласящим, что все происходившее перед тем, как вы заметили ситуацию, не может быть правильно оценено с позиций того, что происходит в данное время. Вследствие этого разговор о машине явно очень затруднителен. На данном отрезке времени, когда я смотрел на нее, она казалась мне куда тяжелее, куда самоуверенней и куда более достойной настороженного почтения.

Я поднял ее с пола, благословляя счастливую звезду, что не нахожусь в жидкостном состоянии, ибо понимал, что мне было бы весьма затруднительно описать его. Я хочу сказать, что, произнеся слова «я растекся», я уже ничего не смогу к ним добавить.

К счастью, нынешние обстоятельства были совсем другими, что дало мне основания подумать, а был ли он достаточно откровенен со мной, когда предупреждал о... Но я никак не мог вспомнить, о чем именно. А ведь очень трудно представить себе, что произойдет дальше, если не вспомнишь в деталях о том, что уже миновало. Что же касается былых состояний, особенно тех, чьи черты недостаточно ярки, чтобы их стоило запоминать, то уже можно сказать о них, кроме того, что надо без страха идти вперед и пусть каждый сам заботится о себе.

— Ты кончил молоть вздор? — спросил Лу.

Я покачал головой и протер глаза. А через мгновение мне уже удалось их сфокусировать. Вот и Лу, все еще в своей интропроекционной форме. Он стоит передо мной и рассматривает меня с признаками явного беспокойства на лице. Я вспомнил, что Лу вообще очень заботлив.

— Со мной полный порядок, — сказал я. — А что тут происходит?

— Мы стараемся доставить тебя в Центральный Фокиса, — ответил Лу. — Мне хотелось бы, чтоб ты нам в этом помогал.

— Я предполагал, что помогал.

— Нет, в самом деле, нужно же быть внимательнее и не впутываться во все, что тебе попадется по пути! Ты же знаешь, что такое Фокис — тут мириады всяких приманок, у каждого глаза разбегаются. Фактически эффект разбегания глаз — это и есть олицетворение того, что тут происходит, но это, в известном смысле, еще и квинтэссенция причины существования Фокиса, а ты себе не

можешь позволить такого поведения сейчас, особенно если хочешь добраться туда, куда идешь в данное время.

— А куда я сейчас иду?

Тут-то это и произошло. Я даже не осмеливаюсь сказать, что именно, таким мгновенным было это мгновение. Во всяком случае, мне тогда так показалось. Я огляделся. Передо мной лежал окоем — а это единственное место, куда вы можете направить свой взгляд в нормальных условиях. Справа от себя я видел лес, лежащий подобно дракону, принимающему солнечную ванну на главной улице какого-то злополучного города в неизвестном мне месяце, который, по моим представлениям, мог быть на Фокисе августом.

А затем я поглядел налево и увидел совсем другой пейзаж — городской, со множеством высоченных металлических сооружений, как бы шагающих навстречу лучам рассвета, сияющих странным тревожным светом. В лесу ползали букашки, а в городе металлические «жучки». Трудно верилось в реальность увиденного. Даже никак не верилось, но, видимо, все же у меня был выбор.

Приглядевшись к этому раздвоенному видению, я заметил, что они оба — и город, и лес, — по существу, не сопряжены во времени. Они казались соединенными, но не впритык. Они не сосуществовали. Они обладали различной структурой, и соединение их выглядело нереальным. В каждом какие-то детали не сообразовывались с какими-то деталями в другом.

Я не знал, что делать, но потом решил выбрать путь цивилизации. Времени, чтоб цепляться к противоречиям, не было. Его вообще обычно не хватает. Я повернулся спиной к лесу, который мгновенно перестал существовать, и направился в город. На периферии поля зрения стали возникать другие виды. Я видел метеориты и большие медленно вращающиеся сфероиды какой-то идиотской расцветки. Видел мужчин и женщин, пляшущих на улицах под ослепительными дуговыми фонарями. Видел испуганное лицо девушки и ее глаза, с тревогой обращенные ко мне. Я посмотрел вдаль и увидел еще кое-что — дорогу, взбирающуюся на небеса.

Затем ко мне — сонному — подошло нечто без рук и дотронулось до меня. Это было не что иное, как машинка-чепушинка, которая вылезла из рюкзака и теперь примостилась у моего плеча.

— Что происходит? — спросила она.

— Глупо меня спрашивать, — ответил я. — Где Лу? Минуту назад он был тут, если я не окончательно лишился рассудка.

— Боюсь, ты его лишился, — отозвалась машинка. — Это не был Лу.

— Как же это могло быть?

— Очень даже просто, особенно учитывая постоянно существующую возможность иллюзии, обмана и легковерия масс.

Я вывернул шею, чтобы взглянуть на машинку, сидящую у меня на шее и частично подпираемую моим плечом. Он (если считать его аппаратом, к чему я уже привык) был тусклого пушечно-зеленого цвета, точно такого же, каким он запомнился в самом начале. По его поверхности туда-сюда бегали огоньки. Больше всего он походил на шматину металла, много лет пролежавшего на дне реки. А голос имел в высшей степени соблазнительный. Я быстро отвернулся от него, так как не хотел терять из виду город. Да, город был все еще тут. А лес постепенно стирался из поля зрения. Раздвоение зрения почти прошло. Ах, если б мне удалось сконцентрировать все внимание на главном: на городе, на жратве, на комфорте, на сексе и на кино!

— Ты думаешь, это так просто? — спросила машинка.

— А что тут трудного-то? Разве город не реален?

— Иногда — да, иногда — нет.

— А сейчас как?

— Зависит от твоей компетентности, старик.

— Мне... мне не нравится твоя дерзость.

— А придется выслушать. С тобой надо поговорить серьезно, парень. Вся эта чепуховина слишком затянулась. Чего ты добиваешься? Устроить революцию? Что, у нас своих неприятностей мало, что ли, так ты хочешь нам еще добавить?

Выслушивать такое от простой машинки было по меньшей мере унизительно. Меня раздражало и то, как быстро все изложенное выше подействовало на мой характер. Я взялся за ум, но не так чтобы очень крепко. Вспомнились былые деньки. Решил, что мне не по душе тот я, которым был когда-то. Подумал, не сменить ли личность, но это было трудно, пока та штуковина цепляется за меня.

А затем я вдруг обнаружил себя на улицах города. Они извивались подобно ползущим змеям. А некоторые из них извивались как змеи, пытающиеся ползти прямо. Зрелище было одним из тех, что космос швыряет время от времени вам под ноги; но не слишком часто.

В первых этажах домов размещались лавочки. Я смотрел на них с некоторым интересом. Что там продают? Может, еду? Или секс? Наверняка там есть кое-что, что я мог бы купить, а потом с выгодой продать. Я, видите ли, искал какую-нибудь цель.

Чуть подальше я наткнулся на магазин целей с яркой вывеской над входом: «Цели всех фасонов». Я не знал, как это следует понимать. Мне показалось жутким перебором, что меня заставляют думать о таких делах. Поэтому я выругался и пустился в путь, оставляя ложные следы, делая заячьи петли, чтобы нельзя было определить направление, по которому я ушел. Просто предосторожности ради.

Немного погодя я вышел к правительственному зданию. «Воззри со страхом, всяк сюда входящий». Так было написано на его дверях. Я воззрил, но только усмехнулся: уж больно это было в духе фокисян — спрятаться за устрашающей цитаткой и не иметь понятия, зачем сие нужно.

Но кто я такой, чтобы рассуждать об этом вслух? Мне оставалось лишь расхохотаться, ибо вся ситуация была насквозь безумной, отчаянной и неразрешимой; она отлично началась, я знал это и не мог ничего сделать, кроме как продолжать игру. Разве трусы побеждают в интересных приключениях?

Все произошло в то время, когда я спокойно стоял, пытаясь шевельнуть мозговой извилиной. Похожий на бабочку ключ к разгадке некоторое время кружил вокруг меня, а затем, разочаровавшись, спикировал вниз, захватив по пути и меня. Я видел звезды, и звезды видели меня. Под небом синим лежали пустыни. Гигантские голые пространства простирались передо мной, а также по обеим сторонам от меня. И куда, черт побери, девался город? Кто-то, видать, положил его не туда, но это был не я. Будь они прокляты, которые портят все, к чему прикасаются. Я так долго ждал, надеясь найти миленькое, уютненькое и симпатичное убежище, где можно было бы укрыться. Я хотел иметь девушку, чтоб любить, и сандвич, чтобы быть сытым. Хотел найти выход из сплетения тайн и постоянной неустойчивости бытия. И вот теперь болтаюсь в космосе, который в принципе отрицает возможность каких-либо ограничений.

Что я могу сказать об этом? Всякое повествование имеет свои границы. Говорю вам — там не было ничего. От крохотного начала во все стороны простиралось беспредельное НИЧТО, и по мере углубленного рассмотрения острота моего зрения возрастала, проникая все глубже и глубже в это Ничто. Мои глаза тоскливо шарили кругом, надеясь отыскать хоть какую-нибудь пылинку, чтоб вцепиться в нее. Здесь даже ощущение веса рюкзака и то было бы благословением. Вот это и есть смерть, сказал я про себя, но я соприкоснулся с ней слишком рано.

— Приветствую тебя в царстве Смерти, — шепнул мне кто-то.

Разумеется, я никого не видел. Вскоре мне предстояло увидеть многое, но сейчас я не видел ни черта. И от этого мне было жутко плохо. Но голос я все же разобрал. Он приглашал меня к смерти, то есть в то место, куда, как я давно уже начал подозревать, и направлялся. Это как-то освежало, но возникала и необходимость дальнейшего общения.

— Хелло! — сказал я. Это выражение показалось мне достаточно нейтральным.

— Сам ты хелло, — ответил мне Голос.

Вот я и оказался в самом сердце Ничто с Голосом, который мне явно хамил. Как подпорка он никуда не годился. И мне не оставалось ничего, как сыграть роль подпорки для него. Я попро-

бовал напрячь зрение. Ведь увидеть хоть что-то было лучше, чем находиться в пустоте. Но видение не приходило. Вместо него пришел смрад. Воняло, как от многолетних залежей мышиного дерьма.

Мне это не понравилось, а последствия — еще меньше. Какое все это имело отношение ко мне? Всего и делов, что я находился здесь и некий голос мне сказал «Хелло!».

— Послушай, — сказал Голос, — а может, хватит тут болтаться? Надо найти способ, так сказать, модус операнди[1]. Разве ты не слышишь меня, Кэролайн? Неужели не слышишь, как я пою тебе? Неужели не можешь найти в своем сердце уголка для застенчивых, а также для всех, кому на все наплевать, не говоря уж о тех, кого вообще больше нет с вами? А теперь я спрошу тебя, неужели нет способа нам побыть вместе?

— Может, и будет, если ты покажешься мне, — ответил я той личности, которая так и не сумела осуществить хотя бы самый зачаточный акт вежливости.

— Ха! Вот это здорово! Какая-то глина просит горшок спеть петухом! Нет, мы тут такого не потерпим. Чего мы ждем, так это чего-нибудь, что может случиться. Разве не так?

— А может, тут и без того случилось слишком много, — заметил я.

Мне казалось предпочтительнее двигаться постепенно, без излишней торопливости, хотя, честно говоря, если говорить о достижении цели, то я вовсе не был уверен, какой именно шаг можно считать наиболее надежным. Ах, если б кончилась эта окаянная нелепица! Но, черта с два, все продолжалось в том же духе, а значит, положение мое никак не менялось.

Затем тут же оказалась вдруг и Сесиль. Она выглядела такой же прелестной, как и всегда, волосы ее падали длинной волной прямо на грудь, маленькое личико сердечком смотрело на меня с выражением, которое я принял за жалость, хотя оно могло оказаться всего лишь следствием перенесенной диспепсии.

— Огден! — она назвала имя, которое я когда-то носил, но потом счел не подходящим для себя, с учетом тогдашних моих обстоятельств, о которых я скажу позднее. Но, послушайте, вполне возможно, я сейчас отлично подхожу к нему?

— Ты выглядишь так, будто был болен.

Ну просто смех! Разве можно выглядеть иначе — если валяешься в постели, над тобой рычит вентилятор, а температура поднимается — как больным, очень больным, больным, можно сказать, беспредельно? По-моему, дела обстояли именно так. Но беда в том, что я все же сомневался в происходящем.

Спокойствие. И самообладание. Держать язык за зубами.

[1] Модус операнди — способ действия.

— А я тут уже давно? — спросил я.

— Надо думать, тебе разговаривать вредно, — ответила Сесиль. — Ну-ка поешь супчику.

Одной рукой она приподняла мою голову, а другой налила мне в рот супу с помощью длинной вместительной ложки. Супчик был хорош — куриный бульон, но я совершенно не понимал, зачем должен его есть. Неужели существование живых существ должно искусственно поддерживаться даже в том месте, которое предназначено для меня? Или тут нечто вроде перевалочного пункта? Спрашивать, впрочем, было как-то неудобно. Несмотря на старание, с которым я пытался казаться спокойным, особой уверенности я не испытывал.

— А теперь, Огден, — продолжала она, — тебе надо взять себя в руки. Неразбериха скоро кончится. Это то, что тут называют замкнутым кругом путаницы. Я знаю, ты меня плохо слышишь, но постарайся все же извлечь смысл из моих слов.

Сесиль всегда была милочкой, даже когда встречалась с Эдгаром. Я вспомнил дни нищеты, крошечную квартирку в Вест-Виллидже, кофейни, песни бродячих менестрелей, некоторые из них восходили чуть ли не к Франции XII века. Хорошие были деньки, хотя тогда они такими не казались. Хотелось бы мне сейчас снова оказаться там... где бы ни было это местечко.

Но потом я припомнил, что те воспоминания, хоть они и совершенно реальны, вернее всего, принадлежат вовсе не мне. Нет ничего нового в том, что такие путешественники, как я, прежде чем покинуть надежные берега интенсивного самоанализа, где все, что вы можете делать, сводится к размышлениям о себе, чем вы и поддерживаете собственное существование, занимают, арендуют или даже покупают набор или наборы чьих-то воспоминаний, отправляясь в путешествие в незнакомые края, чтобы иметь возможность посетить каких-то людей, когда доберутся туда. Воспоминания о человеке практически равносильны хорошему знакомству с ним, даже если вы физически с ним не встречались.

Я поднял глаза. Над головой мигнул свет. Записанный на пленку голос сообщил: «Часы посещений истекли».

И тут Сесиль стала таять.

— Не покидай меня, — кричал я. — Ты мой последний оазис нормальности в мире, который мне полностью чужд!

Но она продолжала таять, улыбаясь своей легкой улыбкой. Неожиданно возникли стены, покрытые желтой штукатуркой, и я решил, что незнание куда лучше знаний и еще лучше терзаний... Когда я снова открыл глаза, я был уже в другом месте. Бывают же такие истории!

— Хелло, вы там! — крикнул я. Ответа не было. Полная неразбериха. Замкнутый круг путаницы, о котором я упомянул выше. Ну что тут можно сказать? Но надо было обязательно гово-

рить, чтобы найти выход, и уже через несколько минут инстинкт самосохранения заработал и нужные слова стали толпиться и толкаться где-то в моей глотке. Целые фразы всплывали одна за другой, но я никак не мог обнаружить способ выразить их вслух. Я понимал, что снова впадаю в былое. Но во что былое? И каков темный смысл происходящего со мной? Куда я все же направляюсь?

Пришло время выработать план действий. В воображении я представил себе посох из железного дерева, крепкий, натуральный, великолепная штука, на которую можно было опереться.

И немедленно оказался вне больничной палаты. А может, я в ней вообще никогда не был? Или... что за жуткая мысль!.. я и сейчас торчу в ней? Но в таком случае что же делаю я тут — на дороге в другие края?

Мой дом никогда не был таким — такие слова бились в моем мозгу. И все же это был он — АНАНДА. Старинный большой дом, закрытое крыльцо, благоухающее обшивкой из кедровых досок, огромное дерево, тянущее к небу толстые ветви, — «тайники одиноких мечтаний», как назвал их Сидней Ланье, и все это на фоне старинного каменного дома на Грин-Айленде, на который, в свою очередь, накладывались другие здания из других городов, собранные вместе, чтоб в последний раз поглядеть на меня, на этот умирающий пережиток прошлого. Нет, виноват, окончание фразы выскочило у меня совершенно случайно. Вам все это представляется какой-то невнятицей, да? Но здесь отсутствует желание вас запутать. Все эти модели моего былого Дома накладывались друг на друга, как прозрачные страницы календаря, листаемые с бешеной скоростью ветрами времени, которые надувают наши паруса и уносят нас вдаль.

Итак, я достиг точки, откуда все начиналось.

— Привет всем! Я наконец вернулся! — Шорохи в кухне. Запах яблочного пирога. Все ласкает слух, все присуще этому месту.

— Ох! Никак это Огден?! — говорит ма.

Видно, я попал на страницы забытой книги. Но как радостно, что ты можешь возвращаться назад снова, и снова, и снова... Во мне возникло внезапное желание посетить апартаменты предков. Все они были там — даже те, о существовании которых мы не помнили. Факсимиле тех, кто жил до того, как процесс возвратной атрибуции позволил восстанавливать вырванные страницы памяти в полной целости. Там были и дядя Сет, и дядя Дэн, и дядя Джордж, и дядя Чарлз, там были все тетки, чинно сидевшие вдоль стены покоя, каждая занята своим любимым делом — одна вклеивала марки в альбом, другая чистила серебро, третья сметала пыль с коллекции старинного американского стекла.

— А ты тут как оказался? — спросил дядя Сеймур. — Я думал, ты отправился путешествовать.

— Так оно и было, — ответил я. — Я и теперь путешествую.

Но невероятные развороты и повороты этой нашей жизни снова привели меня сюда.

Он ласково мне улыбнулся. Тот факт, что он неживой, не разрешал ему покидать эти апартаменты. Я полагал, что это обстоятельство ему здорово мешает. Но мы все же обязаны проводить различия между живыми и мертвыми, иначе зачем вообще Небеса?

Мама окликнула меня из другой комнаты и спросила, не хочу ли я выпить с ней чашечку кофе. Я поспешил присоединиться к ней в комнате, оклеенной желтыми обоями, где ничем не примечательные деревья Нью-Джерси бросают на тебя свои вечнолюбимые тени. Мне всегда не все было ясно в моей матери, и можно было подумать, что сейчас возникнет возможность выяснить некоторые, скрытые от меня события того, что было моим детством, и я ею воспользуюсь. Но не всегда получаешь то, что хочешь. Сработали некие фигуры умолчания. Наша семья, наша мужественная семья разрослась до таких невероятных размеров с тех пор, как антиплатоновские доктрины получили общественное признание, что вы могли ожидать...

О, я не знаю, чего ожидали вы. Эта невероятно разросшаяся семья распространилась сквозь пространство и время, и теперь она вся ждет вашего появления, а вы — появления их. Мои собственные дети прибывают, чтоб доставить меня домой. Но пока, откровенно говоря, толку от всего этого мало, счастья тоже не прибавилось, зато путаницы — хоть отбавляй, причем путаницы не в моей собственной жизни, которая как бы движется сама по себе, а в рассказах о том, что, где и как происходит.

Ибо как я могу объяснить, что благодаря петле — неожиданной, но неизбежной, — я сделал сальто-мортале в попытке попасть в Фокис, вернулся в свое детство и теперь принужден двигаться через провалы времени и памяти?

Вот я говорю об этом, но крайне неубедительно, и гипотетический человек (скажем, с Марса) решительно ничегошеньки не поймет. Я сижу в кухне, распивая кофе с матерью, но на периферии поля зрения вижу тропу, которая ведет обратно, — туда, куда я намеревался попасть с самого начала. Какую пользу я могу из этого извлечь? Всегда, когда вы выпадаете из мысленного образа собственного прошлого, наступает мгновенное нарушение порядка. Все удивляются... Извини, ма, мне надо оседлать вон ту радугу и ускакать на ней прочь... А в следующий раз, когда я снова прибуду сюда, все это будет забыто, и никто даже словом не обмолвится, что я просто стал взбираться в собственной кухне по невидимым ступенькам и вдруг исчез бог знает куда. И все же в домашней атмосфере останется нечто чужеродное, вроде гальванизированного испорченного воздуха из кишечника, что-то очень противное, чего тут быть никак не должно.

Но я еще не был готов отбыть отсюда так стремительно, как описал выше. Ведь я так давно был вдали от дома... Просто уди-

вительно, как редко выпадают такие сплетения возможностей, которые образуют содержание нашей здешней жизни. Мы продолжаем кружиться по этому мрачному кругу повседневности, и единственно, что нас может удивить, так это повторная встреча с событиями, которые мы полагали давно забытыми. Впрочем, отдадим кесарю кесарево.

У меня не было времени на симпатичнейшую раздачу точно взвешенных сантиментов. В юном возрасте нас бросают в мир безграничных возможностей, потом возрождают для новых раундов посещений этого мира, где ничего не случается впервые, и всему этому нет конца. Во всяком случае, я так считаю. Нет конца...

Я поглядел на эти сценки моего детства и подумал: а кому они, собственно говоря, принадлежат? Мне представлялось странным и невероятным, что это я качался вон на тех качелях, что это я играл в крокет вон тем грязным и исцарапанным деревянным молотком с оранжевой полосочкой. Все это было мне столь же незнакомо, как фламинго в той — прежней — жизни. Ничего не поделаешь. Вы не только не можете по-настоящему вернуться в свой Дом, вы даже не стремитесь к этому, так как не в состоянии узнать его, если перед вами не разложат газетные вырезки. В мгновение ока сцена изменилась. Я вовсе не хочу сказать, что я мигнул оком, дабы вызвать такой эффект. Сесиль предупреждала меня насчет возможности таких штучек. Оближешь губу — изменишь судьбу, сказала мне она. И вот я снова с ней, на этот раз в очаровательнейшей лондонской пивнушке. Ну, по-настоящему этого еще не произошло, конечно, но обязательно должно было произойти в вечной повторяемости событий.

Я заказал бутылочного мексиканского пива, чтоб поскорее озвереть, Сесиль же взяла один из тех разноцветных напитков, куда входит и creme de menthe[1]. Мы сидели за столиком, наслаждаясь приятной духотой и табачным дымом, прорезанным яркими бликами от меди и полированного красного дерева трактирной стойки. Настроение было отличное. Все окружающее предельно близко походило на то, что было в самый первый раз. Мы создаем новые «впервые», забывая о прежнем «в первый раз».

— Итак, куда же ты отправляешься? — спросила Сесиль.

— На Фокис, — ответил я.

— Опять?

Я еще там никогда не был, но кивнул головой в знак согласия, ибо думать, что может быть что-то новое в этом мире толпящихся образцов и бесконечных, длинных, извивающихся коридоров, где все движется по кругу и повторяется многократно, возникает и разрушается, и снова возникает, было бы огромной ошибкой.

Тем не менее я стоял на своем.

[1] Мятный ликер (*фр.*).

— Еду на Фокис, — повторил я.

— Возьми меня с собой, — попросила она.

Я покачал головой. Ведь именно новизна была тем, к чему я стремился, стремлюсь и буду вечно стремиться. Сесиль очень мила, Глиннис тоже мил, но я еще не готов осесть на каком-нибудь одном месте, положить мои воспоминания о прошлом и будущем в банк и жить-поживать всю жизнь с шорами, шпорами, шмарами и швабрами.

— Ты совершаешь ошибку, — сказала Сесиль, откидывая назад свои блестящие волосы, завитые в тугие кольца.

Я прикончил пиво и заказал еще бутылку. Где-то в подсознании я ощущал, что близится время начала событий. Я чувствовал себя подготовленным и был очень доволен этим обстоятельством. Надо отдать должное Космосу, который, как я подозревал, руководит всем этим бредом.

И вдруг я снова оказался в другом месте, на сверкающей хромированной поверхности, с большими живыми портретами на стене — портретами людей, которых я, по-видимому, никогда не встречал, хотя в этом я совсем не был уверен. Лу опять был со мной. В руках он держал мой рюкзак.

— Ты забыл его, — сказал он. — Администрация сочла нужным вернуть его тебе. Надеюсь, в нем нет ничего запрещенного?

— Я тоже надеюсь, — ответил я, поскольку кто знает, что могло попасть в рюкзак, если он так долго находился в чужих руках.

— А теперь, — заметил Лу, — настало время повидаться с бургомистром или как-его-там-величают в этих местах. Он отрегулирует твое положение. Боюсь, тебе не простят того, что ты вошел сюда через не ту дверь.

— А откуда мне было знать? — спросил я.

Лу пожал плечами:

— Мне ты об этом можешь не говорить, старик. Я хорошо представляю себе невозможность избежать вопиющих заблуждений. Кто может знать это лучше меня? — Тут Лу закатил глаза, будто намекая на осечку некоего приключения в прошлом, которое он считал хорошо мне известным. По правде говоря, я позабыл арендовать второсортные воспоминания Лу, удовлетворившись парочкой по-настоящему сочных первосортных.

— У меня не было никаких указаний насчет правильного выбора пути, — пожаловался я.

— Что извиняет твою ошибку, вполне извиняет, но... только в моих глазах. Местные же власти не признают никаких извинений, во всяком случае тех, которые я им пока преподнес от твоего имени. Они здорово завелись, эти тупые жалкие пидоры. Между прочим, ты залез в тюрягу, забыв заплатить за вход.

— Так я же не знал, что иду туда!

— А ты попробуй убедить в этом копов, — ответил Лу, скру-

чивая себе сигарету. Я подумал, а не курит ли он травку? Употребление наркотиков так быстро то запрещается, то разрешается, что никогда не знаешь, нарушил ты закон или нет. Впрочем, кто-то сказал, что любое твое действие обязательно противоречит какому-либо закону.

Затем мы позавтракали. По моим представлениям, для этого было самое время. Завтрак какой-то восточный: все мелко нарублено, перемешано до неузнаваемости и полито густым соусом. Я съел все дочиста. Лу же еле-еле пощипывал еду, но зато чашку за чашкой пил крепчайший кофе. Видно, что-то его тревожило.

После долгого молчания Лу сказал:

— Есть еще кое-что, о чем я должен тебе сообщить.

Я молчал. Он тоже. Тогда я сказал:

— Ладно, давай выкладывай. Какие еще преступления я совершил?

— Не знаю, как и сказать, старик.

— А ты попробуй.

— По-моему, они приговорили тебя к смерти.

Сначала я мог только таращить на него глаза. Потом выдавил:

— И ты вот так легко говоришь мне об этом?

— Дорогой дружище! — воскликнул Лу. — Мне кажется, что в подобных условиях другого способа сообщать вообще не существует.

Взрывы в траве. Крадущийся шаг хищного зверя, зараженного чумой. Какие бесполезные образы наполняют мозг во время внезапного стресса! Что должны вы ответить, когда вам сообщают: «Ты приговорен к смерти»?! Что я могу еще добавить, после того как выражу сожаление по этому поводу? Подумайте о себе, я-то всегда знал, что такое время рано или поздно все равно наступит. Похоже, что ночь старинной непрерывности все-таки выгорает.

Тогда вы говорите вот что:

— В каком виде придет та штуковина, которую ты называешь смертью?

— Ты можешь и не узнать ее, когда она наступит, — сказал Лу.

— Тогда зачем ты мне о ней говорил?

— Кто предупрежден, тот вооружен, старик. Так во всяком случае считается.

Но разве я вооружен? Конечно, у меня было судебное постановление, абсолютно запрещающее Смерти подходить ко мне ближе чем на тридцать футов без предварительного получения моего согласия на это в письменной форме. Но я опасался, что она может этому и не подчиниться. А что ей сделают, если она все же переступит границу и придет обслужить меня в этой стране вечной юности? Они могут сколько угодно вопить и угрожать ей, а Смерть будет простенько и со вкусом делать то, что пожелает.

Впрочем, разумеется, всегда есть возможность заключить с ней сделку.

Я оставил Лу и начал рыться в телефонной книге. Там, под рубрикой «Смерть, и как с ней бороться», я нашел несколько телефонов брокеров Смерти.

Я позвонил первому в списке. Времени терять было нельзя. Он явился ко мне немедленно — коротышка с большим жировиком на одной стороне веснушчатого лба. Может быть, это было что-то другое, но я называю его жировиком. Брокер сидел за большим письменным столом. Разумеется, задник тоже изменился. Одет брокер был в зеленый халат хирурга. Потом я узнал, что он оперировал добровольцев в Сальпетриере[1].

— Чем вы можете мне помочь? — спросил я, решив, что мне лучше быть предельно откровенным.

— Во-первых, имеете ли вы письменное уведомление?

Я порылся в карманах и нашел его. После того как Лу поставил меня в известность, я это дело взял на заметку, и теперь бумажка была всегда со мной. Даже сейчас.

Ну и так далее. Важно было делать все тщательно и без суеты. Сколько горя проистекает из-за суеты и ее зловещего близнеца Томпсона! Но я решил вырваться из той змеиной ямы, как зовут то место, где прозябает Смерть со своей иззубренной пилой, своими кроссвордами, своим половым членом, как у призового быка, и своими гимнами, сочиненными под звуки серенького дождика, посвященными сильно потускневшей славе той силы, которой она обладала когда-то.

— Очень некрасиво со стороны мистера Смерть, — сказал мне Глиннис, — являться на нашу вечеринку таким образом. Я, конечно, знаю, что он может появляться всюду, где ему заблагорассудится, но мы приложили столько усилий, чтоб навести порядок, что могли бы надеяться, что он подождет пару часов, пока все приглашенные сначала соберутся, а потом разойдутся по домам. Именно так он поступал со множеством людей, так почему же не сделать и для нас того же? Так нет, не захотел.

Глиннис говорил о формальной стороне дела, о той, которая была мне хорошо известна, — диссонансная регрессия на уксусной основе, но, невзирая на свой опыт, я был захвачен ее магической силой. Он вернул меня назад на ту вечеринку, которая еще не началась, но где я был обречен встретиться с мистером Смерть. Я попивал один из этих восхитительных, зеленых как лед, напитков, и только что принял решение уйти отсюда к чертям собачьим, пока не начались неприятности, когда вдруг почувствовал, как кто-то касается пальцем моего обнаженного плеча. Я тут же обернулся и ощутил в ушах что-то вроде очень гром-

[1] Больница в Париже.

кого пения, потом все смешалось, и я оказался совсем в другом месте. На мой вкус все изменения происходят уже слишком быстро и внезапно, но теперь я находился в огромном дворце, построенном из черного мрамора и эбенового дерева, с кариатидами, поддерживающими потолок, и со всякими завитушками в верхней части стен — забыл, как они называются. За дворцом лежало озеро, длинное озеро как бы из полированного стекла, очень-очень спокойное, а на его середине я увидел остров с небольшой мраморной беседкой, окруженной темными тополями.

Мне здорово полегчало, ибо я не знал, какой предстанет передо мной моя смерть, и очень надеялся, что это будет за представление в классическом стиле — что-то греческое, скажем, или итальянское — они-то в таких делах знали толк. И, разумеется, я не хотел ничего шумного, грубого, этакого египетского, казавшегося мне слишком вульгарным. Я не хотел достичь самого дна иллюзии, ни в коем случае не хотел, поскольку раз вы добрались до дна, то, говорят, можно выскочить на ее другой стороне.

Я приготовился отправиться на остров в лодке, и действительно лодка уже скользила по воде — такая длинная, вроде гондолы. Высокий человек с лицом, скрытым под капюшоном, стоя на корме, направлял лодку шестом.

Куранты дежа вю[1] гремели в моих ушах. Я уже бывал здесь!

— Ну и ладно, — сказал я. — Так куда же мы с вами направимся в сей миг?

— Избавьте меня от вашего так называемого остроумия, — сказала Смерть (ибо это была она, или он, или оно — как вам будет угодно).

Смерть предложила:

— Просто садитесь, и мы отправимся.

Она показалась мне нетерпеливой. Я никогда не слышал, что Смерть бывает нетерпеливой, и это удивило меня больше самого факта смерти, о котором я уже успел к этому времени позабыть... Что-то вроде падения в лужу крови, кажется... или я умер на вечеринке? Неважно. Сейчас я здесь и, похоже, совсем близко к тому, что именуют Царством Смерти. Я влез в лодку, сел на маленькую скамеечку в середине гондолы и окунул пальцы в воду. Кормчий вернулся к своему занятию налегать на шест, и вскоре мы заскользили по черной воде на пути к тому, что должно было быть островом мертвых — иногда подобные знания пробуждаются сами по себе.

Мы резали воду, и она плескалась о борт, но по прошествии какого-то времени кормчий остановился, позволив своему тонкому шесту волочиться по воде сзади.

— Сигареты есть? — спросил он меня.

[1] Парамнезия, ложная память.

Этим он меня достал. Я очнулся от апатии и возмутился:

— Ну ты и нахал! Именно из-за сигарет я сюда и попал, правда, не непосредственно и доказать не берусь, но, если б я не курил столько лет, отравляя легкие и перегружая кровеносные сосуды тяжелыми металлами, мышьяком и прочим дерьмом в том же духе, я бы, вероятно, и сейчас жил на Земле, занимаясь своим обычным делом — беспокойством, а не торчал бы в этой лодке, направляясь к этому острову, где, готов спорить, и порядочной киношки-то не найдешь!

— В конце концов, люди помирают и без сигарет, — напомнила мне Смерть. Она порылась в своем саване, достала пачку, сунула сигарету в рот очень ловким, говорящим о большой практике, движением. Потом протянула пачку мне: — Закуришь?

— Я думал, у тебя нечего курить.

— А я уважаю чужие. Валяй закуривай. Тебе теперь это не повредит.

Я взял сигарету и порылся в карманах. Да, зажигалка у меня оказалась. Забавно, что «Бик» может пережить даже смерть. Я зажег наши сигареты, и мы принялись спокойно дымить. Смерть села на банку напротив меня, держа сигарету в костлявых пальцах. Я пускал кольца и смотрел на воду. Наступила минута созерцания. В свое время я думал о множестве предметов, но, если б тогда мне сказали, что я буду сидеть в маленькой лодчонке наедине со Смертью, я б сказал, что вы спятили. Курить после смерти было приятно, так как знаешь, что сигарета дает только удовольствие, и больше ни шиша. Сигареты после смерти стоят нам куда меньше, чем те, что мы курим, пока живы.

— Ну и как тебе нравится быть Смертью? — спросил я. На самом деле мне это было до лампочки, но ведь надо же о чем-то говорить.

— Работа как работа, — ответила она.

— Должно быть, встречаешься с интересными людьми? — сказал я.

— Понятное дело. Все идут этим путем. Но попадают они не обязательно ко мне. Я же тут не единственная Смерть. Аллегория — это одно, но нам приходится быть практичными. Нас — смертей — много, и мы принимаем разные формы.

— Слушай, — сказал я. — Мне кажется, из нашего разговора можно сделать вывод, что после смерти тоже существует жизнь, а?

— Можешь предполагать что угодно, — ответила Смерть. — Но предположения не обязаны сбываться.

— А что будет на острове?

— Скоро сам узнаешь.

Такой ответ мне не слишком понравился. До сих пор тревога была делом реальным, все остальное казалось пустяком.

— А что ты делала до того, как стала Смертью? — спросил я.

— Была стихийным духом, — ответила она. — Участвовала в

одной из аллегорических сцен с нимфами, херувимами и бородачами. Какое-то время работа казалась мне довольно приятной. Но затем нам велели ставить сцены из жизни в аду. А это куда хуже.

— У тебя дружок когда-нибудь был?

— Сон — жених Смерти.

— А кем ты хочешь стать, когда подрастешь?

— В этой Вселенной много дел, — буркнула она. — Ты и представить себе не можешь сколько. Кое-какие из них я бы хотела попробовать.

Лодка меж тем скользила сама по себе к маленькой пристани островка. В туманной дали я видел какие-то огромные фигуры с очень завлекательными лицами. Я знал, что они что-то такое символизируют, но, к сожалению, надписей на них не было, так что не могу вам сказать, что они означали. Теперь я чувствовал себя свободней. У аллегорических сцен есть такое свойство: что бы вы ни делали, дела идут своим ходом.

Пока мы разговаривали, я увидел, что на пристани стоят еще какие-то фигуры и машут нам руками.

— Кто они такие? — спросил я.

— Твои друзья, должно быть, — ответила Смерть.

Я никак не мог представить кого-то, кого бы знал достаточно хорошо в аду, чтоб он заявился сюда, дабы приветствовать меня в день прибытия. Но когда мы вошли в док, я стал узнавать отдельные лица. Д'Артаньян, Улисс и большой жирный парень с бородкой, который, если я не ошибаюсь, был Бальзаком. Я очень надеялся, что это не так.

Дело в том, что я так и не удосужился прочесть хотя бы одно слово из написанного им, хотя давным-давно собирался это сделать. Какой стыд — встретиться с ним после смерти и не иметь возможности хоть что-то сказать насчет «Человеческой комедии»!

— Дорогой друг! — возопил Бальзак. — Какое счастье видеть вас здесь! Нет, нет, не беспокойтесь, вы меня прежде никогда не встречали! Но мне выпала великая честь быть избранным в комитет по организации вашей встречи. Для меня это великолепная платформа, с которой я продолжу мои исследования в области поведения человека.

— Но с какой целью? — спросил я. — И где вы приобрели столь блистательное знание английского языка?

— Английский — универсальный язык смерти, — ответил Бальзак. — А поскольку сейчас это моя страна, то, думаю, вполне справедливо было наделить меня и знанием этого языка. Я и пишу на нем. Ибо, конечно же, я продолжаю писать.

— И публиковаться?

— А как же! Вы удивитесь, когда увидите длинный список наших публикаций в аду! Мы издаем гораздо больше книг, чем живущие, что вполне понятно, ибо нас куда больше, чем их, и наше

положение гораздо стабильнее. Вы, конечно, знаете, что мертвые остаются мертвыми весьма и весьма долгое время. У этого обстоятельства есть и свои отрицательные стороны, но зато оно поддерживает стабильность. Однако скажите мне, а вы действительно померли?

— Ну мне, во всяком случае, так кажется, — ответил я. — А здесь надо проходить какие-нибудь тесты, чтоб выяснить это?

— Конечно, да, — воскликнул Бальзак. — Вы просто поразитесь, когда узнаете, какое множество живых пытается тайком пролезть к нам! Живыми, вы понимаете? А этого допускать никак нельзя. У нас повсюду есть детекторы жизни, и обманщиков карают изгнанием. Им говорят, что Жизнь должна продолжаться, и отсылают в один из миров, населенных живущими.

Для себя я не мог бы придумать лучшего выхода. Хотя Бальзак и говорил о нем, как о чем-то очень скверном, но я в это не слишком верил. Я спустился с пристани на берег. Вид был приятно классический, и я с удовольствием им любовался: длинные ряды темных тополей, строгая разбивка цветников, сверкающие белые статуи, разбросанные там и сям. И та необъяснимая печаль, которая всегда ощущается в мавзолеях и прочих заведениях такого рода. К этому времени я уже чувствовал себя почти отлично, так как у меня возникло убеждение, что я в любом случае выигрываю — и если останусь в этом мире мертвеца, будучи действительно мертвым, и если буду отправлен снова жить жизнью, полной приключений, в случае отправки к живым.

Мне сказали, что вечером состоится банкет в честь новоприбывших и что на него следует явиться в вечернем костюме.

— Тут в вашем тряпье не ходят, — сказал д'Артаньян и мрачно скривился. Я заметил, что он тоже говорит по-английски, но почел за лучшее с ним об этом не заговаривать.

Меня отвели во дворец, в тот, что поменьше, и там все было бесплатно. Во всяком случае, мне так показалось. Да и в самом деле — чем можно расплачиваться, живя жизнью после смерти?

Мой слуга имел лицо, похожее на собачью морду, ходил полуобнаженным и носил нечто вроде юбочки древних египтян. Сначала он казался мне страшноватым, но вскоре я привык к нему.

Приняв ванну и побрившись, я проинспектировал вечерний костюм, уже приготовленный для меня. Все казалось в полном порядке. Я решил соснуть немножко и в самом деле скоро уснул.

Мне снился сон, причем я отлично знал, что сплю. Снилось мне, что одна из стен комнаты растаяла, сквозь нее вошла группа людей. Все они были одеты по моде древних египтян, а многие имели на плечах головы животных и птиц. Они сделали мне знак, и я встал с кушетки. Страха я не испытывал, так как знал, что сплю. Но и чувства полной безопасности тоже не было: в этом краю, о котором я ничего не знал, вполне могли быть свои тайны.

Я последовал за ними сквозь стену, спустился по лестнице с

низкими ступеньками, ведущей к реке, воды которой плескались о каменную набережную. Там уже ждала лодка, сделанная, если я не ошибаюсь, из папируса, на корме которой стоял кормчий с птичьей головой. Я хотел им сказать, что лодочный вариант сценария мной уже пройден, но, по-видимому, лишился способности произносить звуки. Меня ввели в лодку. Рядом со мной села бледная черноволосая женщина. Она была прекрасна, но выглядела столь не от мира сего, что я потерял всякую надежду перекинуться с ней парой слов. Наконец я все-таки произнес:

— Вы тут часто бываете?

— Легкомысленность вряд ли уместна в таком месте, как это, — ответила она.

— Я не беспокоюсь, — отозвался я. — Мне ведь все это только снится.

— Но это вовсе не значит, что то же не происходит в действительности, — был ее ответ.

— И именно это имеет место сейчас? — Я ждал ответа, но она промолчала.

— Не хочу казаться нахалом, — настаивал я, — но не могли бы вы сказать мне, что будет дальше?

— Вас доставят в некрополь, — ответила она. — Забинтуют члены тела и челюсти. Затем вынут мозг через ноздри и внутренности через задний проход. А уж потом накачают разными средствами для консервирования.

— Шутите! — прошептал я.

— Ничуть. Я говорю вполне серьезно.

— Но я категорически возражаю против такого обращения!

— Ваши предпочтения не имеют ни малейшего значения. Вы мертвы, и ваши пожелания никому не интересны.

— А как же Бальзак? Разве с ним обращались таким образом?

Она качнула головой:

— Он заключил сделку.

— Я тоже хочу сделку!

Она смерила меня долгим спокойным взглядом.

— Боюсь, вам нечего предложить. — А затем отвернулась, давая понять, что разговор окончен.

А я озирался по сторонам, пока лодка плыла по мрачному длинному туннелю. Искал выхода. Но ничего не находил. Затем мы подошли к большой бетонной пристани. На берегу сидели псы. Они рассматривали меня, свесив красные языки.

Это зрелище показалось мне не слишком привлекательным, но то, что ожидало меня впереди, нравилось мне еще меньше. Я встал, готовясь сражаться со всяким, кто попробует остановить меня. Но никто и не пытался. Я выскочил из лодки на пристань. Лодка продолжала плыть, и мне показалось, что я слышу призрачный смех. Пристань уступила место туннелю, весьма широкому и высокому, сложенному из черных, почти необработанных

каменных блоков. Света было достаточно, чтоб видеть дорогу, ведущую сквозь сумрак. Ни одна собака из сидевших у входа не напала на меня и даже не последовала за мной, когда я вошел в туннель. Он все суживался и суживался, и вскоре мне пришлось согнуться, чтоб идти дальше. Потом он стал изгибаться, места стало еще меньше, пока наконец мне не пришлось лечь на живот и ползти. А еще потом я остановился, так как, по-видимому, дальше смысла двигаться просто не было. Но, хотя я и пытался повернуть назад, оказалось, что и там туннель тоже сузился и что я зажат его каменными стенами, в которых открывались узкие ходы куда-то вглубь, но я в них никак не вмещался.

Волна отчаяния захлестнула меня. Но тут я вспомнил, что мой верный рюкзак все еще со мной. Я снял его с плеч и поставил перед собой, чтобы достать из него крохотную машинку-чепушинку.

История шестая

ДЕНЬ, КОГДА ПРИШЛИ ИНОПЛАНЕТЯНЕ[1]

Однажды ко мне пришел некто. Он был не совсем похож на человека, хотя имел две ноги. Лицо у него было какое-то странное, словно его расплавили в печи, а потом быстро заморозили. Позднее я узнал, что подобное выражение лица характерно для группы инопланетян, называющих себя синестерианами, и что они считают его весьма привлекательным. Они называют его «расплавленная внешность» и даже оценивают на конкурсах красоты.

— Мне сказали, что вы писатель, — заявил он.

Я подтвердил, что это так. Мне скрывать нечего.

— Выходит, мне повезло, — обрадовался посетитель. — Я покупаю разные истории и рассказы.

— А я их пишу.

— Есть у вас что-нибудь на продажу?

Он шел прямо к цели. Я решил отвечать столь же откровенно.

— Да, есть.

— Прекрасно. Весьма рад. Этот город кажется мне каким-то странным. Да и планета тоже, если подумать. Но город особенно. Непривычные обычаи и все такое. Едва приехав сюда, я сразу сказал себе: «Путешествовать, конечно, очень приятно, но где мне отыскать того, кто продаст мне рассказы?»

— Это проблема, — признал я.

[1] The Day the Aliens Came. © 1995 by Robert Sheckley.

— Ладно, перейдем к делу, потому что работы будет много. Для начала я хотел бы получить небольшую повесть на десять тысяч слов.

— Считайте, что она у вас уже есть. Когда она нужна?

— К концу этой недели.

— Сколько вы намерены за нее заплатить?

— Я заплачу тысячу долларов за повесть в десять тысяч слов. Мне сказали, что это стандартная оплата труда писателя в данной части Земли. Ведь это Земля, верно?

— Да, Земля, и я согласен на ваши условия. Скажите лишь, на какую тему мне нужно писать.

— Тему я оставляю на ваше усмотрение. В конце концов, вы ведь писатель.

— Разумеется. Так вам все равно, о чем будет повесть?

— Совершенно все равно. Я ведь не собираюсь ее читать.

— Разумно, — заметил я. — Зачем вам лишние заботы?

Я решил не расспрашивать его дальше, предположив, что кто-нибудь когда-нибудь мою повесть все же прочитает. С написанным это рано или поздно случается.

— Какие права вы покупаете? — спросил я, потому что в подобных вопросах важно соблюдать профессиональный подход.

— На первую и вторую синестерианскую публикации. И, разумеется, сохраню за собой права на экранизацию, но заплачу вам пятьдесят процентов от суммы сделки, если смогу продать на Синестерии права на съемку фильма.

— Насколько это вероятно?

— Трудно сказать. Пока что Земля считается у нас новой литературной территорией.

— В таком случае я хотел бы увеличить свою долю до шестидесяти процентов.

— Не стану спорить, — согласился он. — На сей раз. Не исключено, что позднее я поставлю более жесткие условия. Кто знает, как я поведу себя в следующий раз? Пока что для меня ваша планета — целый новый площадь.

Я не стал его поправлять. Пусть инопланетянин слегка оговорился, но это вовсе не значило, что он невежда.

Написав за неделю повесть, я принес ее в офис синестерианина, разместившийся в старом здании «Метро-Голдвин-Майер» на Бродвее. Я протянул ему распечатку, он предложил сесть и принялся читать.

— Очень неплохо, — сказал он через некоторое время. — Мне очень понравилось.

— Вот и прекрасно, — отозвался я.

— Но мне хочется, чтобы вы кое-что переделали.

— Вот как? А что конкретно вы имеете в виду?

— Ну... там у вас есть героиня по имени Элис.

— Верно, Элис, — поддакнул я, хотя и не помнил, что в повести упоминалась какая-то Элис. Быть может, он имеет в виду Эльзас, провинцию во Франции? Я решил не уточнять. Какой смысл выставлять себя дураком, обсуждая собственную писанину?

— Так вот, эта Элис... она размером с небольшую страну, верно?

Черт, он и в самом деле говорит про Эльзас, а я уже упустил момент, когда мог его поправить.

— Да, правильно. Размером с небольшую страну.

— Тогда почему бы вам не написать о том, как Элис влюбляется в другую страну — побольше размером и в форме кренделя?

— В форме чего?

— Кренделя, — повторил он. — Этот образ часто используется в популярной синестерианской литературе. Синестерианам приятно о таком читать.

— В самом деле?

— Да, — подтвердил он. — Синестерианам нравится представлять существ в форме кренделя. Если вы вставите подобное обстоятельство в повесть, она станет более образной.

— Образной, — машинально повторил я.

— Вот именно. Потому что нам не следует забывать о возможной экранизации.

— Да, разумеется, — подтвердил я, вспомнив, что мне причитается шестьдесят процентов.

— Далее, раз уж мы заговорили об экранизации, мне кажется, что действие должно происходить в другое время суток.

Я попытался вспомнить, в какое время суток развиваются события в моей повести. Кажется, время суток вообще не упоминалось, о чем я и сказал заказчику.

— Верно, вы не упоминали какое-либо конкретное время, но подразумевали сумерки. Меня убедила в этом некая расплывчатость употребленных вами слов и образов.

— Да, конечно, — подтвердил я. — Сумеречное настроение.

— Получается неплохое заглавие, — заметил он.

— Да, — отозвался я, сразу возненавидев эти два слова.

— «Сумеречное настроение», — медленно произнес инопланетянин, словно пробуя слова на вкус. — Да, повесть можно назвать именно так, но переписать ее, как мне кажется, следует в «дневном настроении». Ради иронии.

— Да, я вас понял.

— Тогда почему бы вам еще разок не прогнать текст через компьютер, а потом вернуть мне?

Когда я возвратился домой, Римб с хмурым видом мыла тарелки. Тут я должен упомянуть, что Римб — средних размеров блондинка, а постоянная встревоженность ее взгляда характерна для инопланетян из секты «божественников». Из соседней комнаты доносились странные звуки. Когда я вопросительно взгля-

нул на Римб, она лишь указала глазами на дверь и пожала плечами. Войдя в комнату, я увидел там двоих незнакомцев, молча вернулся на кухню и спросил у Римб:

— Кто они такие?

— Сказали, что Байерсоны.

— Инопланетяне?

Она кивнула:

— Да, но не такие, как я. Для меня они такие же инопланетяне, как и для тебя.

В тот день до меня окончательно дошло, что инопланетяне могут быть чужаками и друг для друга.

— Почему они к нам заявились?

— Они не сказали, — ответила Римб.

Я вернулся в комнату. Мистер Байерсон, росточком около метра и с оранжевыми волосами, сидел в моем кресле и читал вечернюю газету. Миссис Байерсон, такая же низенькая и оранжевая, вязала нечто оранжево-зеленое. Едва я появился в комнате, Байерсон проворно освободил для меня кресло.

— Вы инопланетянин? — спросил я, усаживаясь.

— Да, — подтвердил Байерсон. — Мы с Капеллы.

— И что вы делаете у нас дома?

— Нам сказали, что все будет в порядке.

— Кто сказал?

Байерсон пожал плечами и как-то рассеянно на меня взглянул. Мне еще предстояло привыкнуть к такому взгляду.

— Но здесь наш дом, — строго произнес я.

— Разумеется, ваш, — согласился Байерсон. — Никто и не спорит. Но разве вы не можете уделить нам немножечко места? Мы ведь не такие уж и большие.

— Но почему именно у нас? Почему не у кого-то другого?

— Просто мы попали сюда, и нам понравилось, — объяснил Байерсон. — И теперь считаем это место своим домом.

— Другое место могло оказаться для вас ничуть не худшим домом.

— Возможно. А может быть, и нет. Мы хотим остаться здесь. Послушайте, почему бы вам не воспринимать нас как наросшие на днище корабля ракушки или как пятна на обоях? Мы уже успели здесь... как бы получше сказать... закрепиться. Капеллианцы так всегда поступают. Обещаю, под ногами путаться не станем.

Нам с Римб они не очень-то были нужны, но и убедительной причины выгнать их тоже вроде бы не имелось. Я что хочу сказать: в конце концов, они уже поселились у нас в доме. К тому же Байерсон оказался прав — парочка и в самом деле не путалась под ногами. В некоторых отношениях они оказались намного лучше других инопланетян, тоже имеющих привычку селиться у кого-нибудь дома и с которыми мы столкнулись потом.

Более того, нам с Римб вскоре даже захотелось, чтобы Байерсоны не были уж настолько ненавязчивыми и помогли немного по хозяйству. Или хотя бы приглядывали за квартирой. Особенно после того дня, когда в наше отсутствие в дом забрались воры.

Насколько я понял, Байерсоны даже пальцем не шевельнули, чтобы их остановить. Не стали они и полицию вызывать, а просто наблюдали, как воры бродили из комнаты в комнату. Бродили медленно, потому что это оказались толстопузые воры-инопланетяне со звезды Барнарда. Они слямзили у Анны все старинное серебро, поскольку домушники с Барнарда испокон веков традиционно крали только серебро. Так они объяснили по ходу дела Байерсонам, а те лишь отводили в сторону глазки, будто ничего особенного не происходит.

Началось же все с того, что я познакомился с Римб в баре «У Франко» на Мак-Дуглас-стрит в Нью-Йорке. Конечно, я и прежде встречал инопланетян, бродивших по магазинам на Пятой авеню или наблюдавших, как горожане катаются на коньках в Рокфеллер-центре, но в тот день я впервые заговорил с инопланетянином. Я спросил, какого он пола, и услышал в ответ, что Римб из секты «божественников». Я решил, что это весьма оригинальное определение пола, а когда мы с Римб совместно пришли к выводу, что она, по сути, женского рода, то подумал, что было бы забавно жениться на существе из секты «божественников». Позднее я обсудил этот вопрос с отцом Хэнлином из Большой Красной Церкви. Он сказал мне, что с точки зрения церкви тут все в порядке, хотя лично ему подобная идея не очень нравится.

Мы с Римб стали одной из первых смешанных семейных пар. Поначалу инопланетян было не очень-то много, но вскоре стали появляться все новые и новые, и некоторые даже поселились по соседству с нами.

Почти все они были пришлыми, а не местными, то есть явились с других планет, а не расплодились на Земле, как, к примеру, Зловещие Мертвецы.

Всем инопланетянам, откуда бы они ни прибыли, полагалось зарегистрироваться в полиции и в местных организациях по контролю за культами. Впрочем, мало кто из пришельцев утруждал себя общением с властями.

Я писал рассказы и повести для синестериан, и мы с Римб вели спокойную жизнь. Наши гости Байерсоны тоже оказались тихонями и помогали платить за квартиру. Они покладистые существа и не тревожатся по пустякам в отличие от Римб, которая способна разволноваться из-за любой ерунды.

Поначалу поведение Байерсонов мне нравилось, но я переменил свое отношение к ним с того дня, когда воры украли их младшего ребенка, малыша Клода Байерсона.

Мне следовало сказать, что у Байерсонов, вскоре после того, как они у нас поселились, появился ребенок. Впрочем, возмож-

но, они где-то его прятали, а показали лишь тогда, когда мы отдали им пустующую спальню. Мы так до конца это и не выяснили.

С малышом Клодом была связана какая-то история, о которой Байерсоны предпочитали не распространяться, а мы решили не настаивать. В конце концов, нам с ними жить под одной крышей, так не все ли равно?

Как нам поведали Байерсоны, похищение малютки Клода оказалось простым и незатейливым: «Прощай, Клодик», «Прощай, папочка». Когда же мы спросили их, как они допустили подобное, они ответили:

— О, все прошло прекрасно. Я хочу сказать, что мы как раз на такое и надеялись. Мы, Байерсоны, именно так и осваиваем новые места — когда кто-нибудь крадет наших детей.

Что мне оставалось? Я попросту прекратил разговор. Что можно сделать с такими пассивными существами? Неужели их совершенно не волнует, что из малыша Клода могут вырастить какого-нибудь барнардского ворюгу? Сегодня одна раса, завтра другая. В некоторых инопланетянах совсем нет расовой гордости. Настоящие кукушки.

Сделать мы ничего не могли, поэтому все вместе уселись смотреть телевизор. Нам всем хотелось посмотреть наше любимое шоу Мононгахелы Рид.

В тот вечер главным гостем в шоу Мононгахелы был человек, первым съевший мунгулу. Он признал это совершенно открыто, даже несколько вызывающе, и заявил:

— Если подумать, то почему считается этичным есть только глупые или введенные в заблуждение существа? Лишь слепые предрассудки не позволяют нам питаться существами разумными. Эта мысль пришла ко мне несколько дней назад, когда я разговаривал с несколькими глотчами мунгулу, лежавшими у меня на тарелке.

— А сколько мунгулу входит в глотч? — спросила Мононгахела.

— От пятнадцати до двадцати, хотя бывают и исключения.

— А что они делали у вас на тарелке?

— Мунгулу обычно на них селятся. Они тарелкоспецифичны.

— Я еще не сталкивалась с такими существами, — призналась Мононгахела.

— Они встречаются почти исключительно в том районе, где я живу.

— И как они к вам попали?

— Просто появились как-то вечером у меня на тарелке. Сперва один или два глотча. Они немного напоминают устриц. Потом их стало больше, а когда набирается полдюжины или больше, то с ними уже можно вести более или менее осмысленный разговор.

— Они сказали, откуда прибыли на Землю?

— С планеты Эспадрилла. Я так и не смог понять, в какой части космоса она находится.

— Они объяснили, как попали сюда?

— Сказали что-то насчет серфинга на световых волнах.

— Что натолкнуло вас на мысль съесть мунгулу?

— Ну, поначалу вовсе об этом не думал. Когда существо с вами разговаривает, вам ведь не приходит в голову желание съесть его? Или ее. Не приходит, если вы сами существо цивилизованное. Но эти мунгулу начали появляться у меня на тарелке каждый вечер и вели себя очень нахально. Всякий раз выстраивались рядком на противоположном от меня краешке тарелки — а тарелки у меня из прекрасного фаянса, должен вам сказать. Иногда они просто болтали друг с другом и вели себя так, словно меня вовсе рядом нет, потом кто-нибудь из них притворялся, будто только что меня заметил: а, вот, мол, и мужик с Земли здесь, — и мы начинали разговаривать вместе. Так продолжалось несколько вечеров, и мне стало казаться, что в их поведении есть нечто провокационное. Создавалось впечатление, что они хотят мне что-то сказать.

— Думаете, они хотели, чтобы вы их съели?

— Ну, они этого не говорили, по крайней мере прямо. Но до меня понемногу начало доходить. Я что хочу сказать: если им не хотелось, чтобы их съели, что они в таком случае делали на тарелке?

— И что произошло потом?

— Короче говоря, однажды мне эти дурацкие игры надоели, и я наколол одного на вилку и проглотил.

— А что сделали остальные?

— Притворились, будто ничего не заметили, и продолжали болтать. Только разговор у них пошел более тупой, потому что одним стало меньше. Понимаете, чем их больше собирается вместе, тем умнее они становятся.

— Давайте вернемся к проглоченному мунгулу. Он протестовал, попав к вам в рот?

— Нет, он словно ожидал этого. Мне показалось, что для мунгулу нет ничего жестокого и несправедливого в том, что его глотают.

— И какие они на вкус?

— Немного напоминают панированных устриц в остром соусе, но есть некоторые тонкие отличия. Инопланетяне, сами понимаете.

Когда шоу закончилось, я заметил стоящую в углу нашей комнаты колыбельку. В ней лежало прелестное маленькое существо, чем-то похожее на меня. Сперва я подумал, что это каким-то образом вернувшийся Клод Байерсон, но Римб тут же все объяснила:

— Это малютка Челчек. Он наш.

— Ах вот как? Что-то я не припоминаю, чтобы ты ждала ребенка.

— Я отложила роды до подходящего момента, — пояснила она. — Мы, божественники, умеем это делать.

— Как ты его назвала? — спросил я.

— Его зовут Челчек.

— Это что, типичное имя на вашей планете?

— Вовсе нет. Я назвала его в честь твоего вида.

— А откуда же такое имя?

— Разве ты не догадался? Челчек означает «человечек».

— Вообще-то мы на Земле делаем все не так, — сказал я, но она так и не сумела понять, что я имел в виду. Да и я не понял ее объяснения, в результате какого процесса Челчек появился на свет. Откладывать роды не свойственно жителям Земли. Насколько я уразумел, Римб решила подождать подходящего для родов дня. Но до сути мы так и не сумели добраться. Бывает.

Челчек лежал в колыбельке, агукал и вообще вел себя так, как, на мой взгляд, полагается нормальному человеческому младенцу. Я очень гордился. Мы с Римб оказались одной из первых смешанных пар, у которых появилось потомство. Позднее я узнал, что ничего особенного в этом факте нет, и на всей Земле рождались такие дети. Но какое-то время это было для нас важно.

Соседи стали приходить поглядеть на младенца. Первыми, выйдя из своей новой комнатки, которую они прилепили снаружи к стене дома после линьки, заглянули Байерсоны. Они осмотрели Челчека с ног до головы и сказали:

— Выглядит неплохо.

Они предложили нянчить малыша, но нам не захотелось оставлять Челчека с ними наедине, потому что мы все еще не сумели достоверно узнать, чем Байерсоны питаются. Загвоздка в том, что на сбор точной информации об инопланетянах уходит очень много времени, хотя федеральное правительство и решило сделать общедоступными сведения обо всех существах, прибывающих на Землю.

Присутствие среди нас инопланетян стало причиной следующего шага в развитии людей и возродило интерес к композитной жизни. На наш с Римб взгляд, было бы интересно стать композитным существом вроде медузы или «португальского кораблика». Но полной уверенности у нас не было, и поэтому мы не знали, радоваться или нет, когда получили по почте уведомление о том, что мы выбраны кандидатами на создание композитного существа. В те дни включение в композит было еще чем-то необычным.

Мы с Римб долго спорили и в конце концов решили сходить на первую встречу, потому что она была бесплатной.

Встреча проходила в нашей местной Унитарианской церкви, где собрались сотни две людей и инопланетян, проявлявших немалый естественный интерес к тому, чего от нас ожидали. Все мы оказались новичками и попросту не могли поверить, что сумеем

без всякой тренировки образовать композит из двухсот личностей.

Наконец вышел некто в красном блейзере с блокнотом и сказал, что для начала нам следует попробовать образовать композиты из пяти единиц и как только мы создадим их пару дюжин и поймем, как это делается, то перейдем к следующему уровню композитного существования. Только тогда мы поняли, что путь к многокомпозитным существам может быть многоступенчатым, а на каждой ступени образуется самостоятельное существо.

В церкви имелся большой просторный подвал, где мы с нашими химерическими партнерами стали учиться соединяться.

Поначалу нам мешали вполне естественные смущение и путаница. У многих не было никакого опыта стыковки с другими существами. Например, мы раньше и слыхом не слыхивали об энглене (это такой орган у псевдонтоиков, который плотно входит человеку в левое ухо).

Но все же с помощью эксперта (парень в красном блейзере), который вызвался нам помочь, мы вскоре образовали наш первый композит. И хотя не все получилось гладко, потому что кое-какие органы не входят в определенные отверстия человеческого тела, мы с трепетом ощутили, как превратились в новое существо с собственной индивидуальностью и самосознанием.

Вершиной нашего общения с композитами стал ежегодный пикник. Мы отправились к Хэнфордским развалинам, где некогда находилась старая атомная электростанция. Там все поросло сорняками, причем некоторые имели воистину странную форму или цвет. Причиной тому, как нам сказали, было нечто странное, попавшее в почву еще в древности. Неподалеку журчал грязный ручеек, на его берегу мы и разбили лагерь. Нас собралось около двухсот, и мы решили сперва перекусить, а потом уже объединяться.

Дамы-помощницы начали раздавать еду, поставив рядом ящик для пожертвований, куда каждый бросал столько, сколько мог. Я кинул синестерианскую банкноту, которой мне недавно заплатили за повесть. Многие принялись ее разглядывать, охая и ахая, потому что синестерианские деньги и в самом деле красивые, хотя настолько толстые, что их нельзя сложить и положить в бумажник, поэтому от них всегда топорщатся карманы.

Какой-то тип из Большого Красного композита склонился над ящиком и уставился на синестерианскую банкноту, потом вытащил ее на свет и стал любоваться бегущими по ней переливами форм и цветов.

— Какая прелесть, — сказал он. — У вас никогда не возникало желания вставить ее в рамочку и повесить на стенку?

— Как раз об этом я сейчас и подумал.

Тип решил заиметь банкноту и спросил, сколько я за нее хочу. Я назвал цену, в три раза превышающую ее обменную стоимость в американской валюте. Услышав цену, он пришел в восторг, осторожно взял банкноту за краешек и понюхал.

— Как приятно пахнет! — воскликнул он.

Теперь и я понял, что синестерианские деньги и в самом деле прекрасно пахнут. Тип вновь принюхался.

— Никогда их не ели? — спросил он.

Я покачал головой. Такого намерения у меня никогда не возникало. Тип откусил кусочек.

— Просто деликатес!

Я даже завидовал, глядя, как он наслаждается. Мне тоже захотелось попробовать, но теперь это была его банкнота, ведь я ее продал. А взамен получил старые американские бумажки.

Я порылся в карманах, но синестерианские деньги уже кончились. Не осталось даже одной штучки, чтобы повесить на стенку, а уж тем более попробовать на вкус.

И это в первый раз напомнило мне о том, как изменилась жизнь с тех пор, как пришли инопланетяне.

А потом я заметил, как Римб сидит в сторонке, скучает в одиночестве и выглядит так привлекательно, что я решил к ней присоединиться.

РАССКАЗЫ

ЗАСТЫВШИЙ МИР

Лэниган снова увидел тот сон и, хрипло застонав, проснулся. Он сел и вперил взгляд в фиолетовую тьму, ощущая вместо лица искаженную ужасом маску. Рядом зашевелилась жена, Эстелл. Лэниган и не взглянул на нее. Будучи еще во власти сна, он жаждал реальных доказательств существования мира.

По комнате медленно проплыл стул и с тихим чмоканьем прилип к стене. Лэниган глубоко вздохнул.

— Вот, выпей.

— Не надо, все уже в порядке.

Он полностью оправился от кошмара. Мир снова стал самим собой.

— Тот же сон? — спросила Эстелл.

— Да... Не хочу говорить об этом.

— Ну хорошо. Который час, милый?

Лэниган посмотрел на часы.

— Четверть седьмого. — Тут стрелка конвульсивно дернулась. — Нет, без пяти семь.

— Ты сможешь уснуть?

— Вряд ли. Пожалуй, мне лучше встать.

— Милый, ты не думаешь, что не мешало бы...

— Я иду к нему в двенадцать десять.

— Прекрасно, — сказала Эстелл и сонно закрыла глаза.

Ее темно-рыжие волосы посинели.

Лэниган выбрался из постели и оделся. Это был обычный человек, крупного сложения и ничем не примечательный, если не считать кошмара, сводившего его с ума.

Следующие пару часов он провел на крыльце, глядя, как вспыхивают на заре звезды, превращаясь в Новые.

Потом Лэниган вышел на прогулку. И, как назло, в двух шагах от дома наткнулся на Джорджа Торстейна. Несколько месяцев назад он по неосторожности рассказал Торстейну о своем сне. Торстейн — чистосердечный приветливый толстяк — глубоко веровал в собранность, практичность, здравый смысл и прочие скучные добродетели. Его прямой, трезвый подход был тогда необходим Лэнигану. Но сейчас он только раздражал. Люди типа Торстейна являются, несомненно, солью земли и опорой государства, но для Лэнигана он превратился из надежды в ужас.

— А, Том! Как сынишка? — спросил Торстейн.

— Отлично, — ответил Лэниган, — просто отлично.

Он приветливо кивнул и пошел дальше под курящимся зеленым небом. Но от Торстейна не так-то легко отделаться.

— Том, мальчик, я тут поразмыслил над твоей проблемой, — сказал Торстейн. — Я очень беспокоюсь о тебе.

— Как это мило с твоей стороны, — отозвался Лэниган. — Право, не стоит.

— Но мне хочется! — искренне воскликнул Торстейн. — Я проявляю интерес к людям, Том. Всегда, сызмальства. А ведь мы с тобой друзья и соседи.

— Это правда, — вяло пробормотал Лэниган. (Когда вам нужна помощь, самое неприятное — принимать ее.)

— Знаешь, Том, думается мне, что тебе не мешало бы хорошенько отдохнуть.

У Торстейна на все были простые рецепты. Так как он практиковал душеврачевание без лицензии, то остерегался прописывать лекарства, которые можно купить в аптеке.

— Сейчас я не могу позволить себе взять отпуск, — сказал Лэниган. (Небо приобрело красно-розовый оттенок; засохли три сосны; старый дуб превратился в крепенький кактус.)

Торстейн искренне рассмеялся.

— Дружище, ты не можешь себе позволить не взять отпуск сейчас! Ты устал, взвинчен, слишком много работаешь...

— Я всю неделю отдыхаю.

Лэниган посмотрел на часы. Золотой корпус превратился в свинцовый, но время, похоже, они показывали точно. Почти два часа прошло с начала разговора.

— Этого мало, — продолжал Торстейн. — Ты остался здесь, в городе. А тебе надо слиться с природой. Том, когда ты в последний раз ходил в поход?

— В поход? Что-то не припомню, чтобы я вообще ходил в походы.

— Вот видишь?! Старик, тебе необходима прочная связь с реальностью, и прежде всего с природой. Не улицы и дома, а горы и реки.

Лэниган снова взглянул на часы и с облегчением убедился, что они опять золотые. Он обрадовался — ведь за них заплачено шестьдесят долларов...

— Деревья и озера, — декламировал Торстейн. — Трава под ногами, высокие черные горы, марширующие по золотому небу...

Лэниган покачал головой.

— Я был в деревне, Джордж. Это ничего не дало.

Торстейн упорствовал.

— Нужно отвлечься от искусственностей.

— Все кажется искусственным, — возразил Лэниган. — Деревья или дома — какая разница?

— Люди строят дома, — благочестиво пропел Торстейн, — но бог создает деревья.

У Лэнигана имелись сомнения в справедливости обоих положений, но он не собирался делиться ими с Торстейном.

— Возможно, в этом что-то есть. Я подумаю.

— Ты сделай. Кстати, я знаю одно местечко — как раз то, что нужно. В Мэне, у маленького озера...

Торстейн был великим мастером бесконечных описаний. К счастью для Лэнигана, кое-что его отвлекло. Напротив загорелся дом.

— Эй, чей это дом? — спросил Лэниган.

— Макелби. Третий пожар за месяц.

— Надо, наверное, вызвать пожарных.

— Ты прав. Я сам этим займусь. Помни, что я тебе сказал про то местечко в Мэне.

Он повернулся, и тут произошел забавный случай — асфальт под его ногами расплавился. Торстейн шагнул, провалился по колено и упал.

Том кинулся ему на помощь, пока асфальт не затвердел.

— Сильно ударился?

— Проклятье, я, кажется, вывихнул ногу, — пробормотал Торстейн. — Ну ничего, ходить можно.

И он заковылял сообщить о пожаре. Лэниган стоял и смотрел, полагая, что пожар этот — дело случайное и несерьезное. Через минуту, как он и ожидал, пожар так же, сам по себе, погас.

Не следует радоваться чужой беде, но Лэниган не мог не хихикнуть, вспомнив о вывихнутой ноге Торстейна. Даже неожиданное появление потока воды на Мейн-стрит не испортило ему настроения. Он улыбнулся колесному пароходу, прошедшему по небу.

Затем он вспомнил сон и снова почувствовал панику. Надо спешить к врачу.

На этой неделе кабинет доктора Сэмпсона был маленьким и темным. Старая серая софа исчезла; на ее месте располагались два стула с кривыми спинками и кушетка. Но портрет Андретти висел на своем обычном месте на стене, и большая бесформенная пепельница была, как всегда, пуста.

В приоткрывшейся двери появилась голова доктора Сэмпсона.

— Привет, — сказал он. — Я мигом.

Голова пропала.

Сэмпсон сдержал слово. Все дела заняли у него ровно три се-

кунды по часам Лэнигана. Еще через секунду Лэниган лежал на кожаной кушетке со свежей салфеткой под головой.

— Ну, Том, как наши дела?

— Все так же. Даже хуже.

— Сон?

Лэниган кивнул.

— Давайте-ка припомним его.

— Лучше не стоит, — произнес Лэниган. — Я еще сильнее боюсь.

Наступил момент терапевтического молчания. Затем доктор Сэмпсон сказал:

— Вы и раньше говорили, что страшитесь этого сна; но никогда не объясняли почему.

— Это звучит глупо.

Лицо Сэмпсона было спокойным, серьезным, сосредоточенным; лицо человека, который ничего не находит глупым, который просто физически не в состоянии увидеть что-нибудь глупое.

— Хорошо, я скажу вам... — резко начал Лэниган и замолчал.

— Продолжайте, — подбодрил доктор Сэмпсон.

— Видите ли, я боюсь, что когда-нибудь каким-то образом мир моего сна станет реальным. — Он снова замолчал, затем быстро проговорил: — Однажды я встану и окажусь в том мире. И тогда тот мир станет настоящим, а этот — сновидением.

Лэнигану хотелось узнать, какое впечатление произвело на Сэмпсона его безумное откровение. Но по лицу доктора ни о чем нельзя было догадаться. Он спокойно разжигал трубку тлеющим кончиком указательного пальца. Затем он задул палец и произнес:

— Ну, продолжайте.

— Продолжать?! Но это все!

На розовато-лиловом ковре появилось пятно размером с монету. Оно потемнело, сгустилось и превратилось в маленькое фруктовое дерево. Сэмпсон понюхал плод и печально посмотрел на Лэнигана.

— Вы ведь и раньше рассказывали мне о своем сне, Том.

Лэниган кивнул.

— Мы все обсудили, проследили его истоки, проанализировали значение... Мы поняли, верится мне, зачем вы терзаете себя этим кошмаром. И все же вы каждый раз забываете, что ваш ночной ужас — не более чем сон, который вы сами вызвали, чтобы удовлетворить потребности своей психики.

— Но мой ночной кошмар очень реалистичен!

— Вовсе нет, — уверенно заявил доктор Сэмпсон. — Просто это независимая и самоподдерживающаяся иллюзия. Человеческие поступки основаны на определенных представлениях о природе мира. Подтвердите их, и его поведение становится понятным и

резонным. Но изменить эти представления, эти фундаментальные аксиомы почти невозможно. Например, как вы докажете человеку, что им не управляют по секретному радио, которое слышит только он?

— Понимаю, — пробормотал Лэниган. — И я?..

— Да, Том. С вами то же самое. Вы хотите, чтобы я доказал, что реален этот мир, а тот ваш ночной — вымысел. Вы откажетесь от своей фантазии, если я вам представлю необходимые доказательства?

— Совершенно верно!

— Но, видите ли, я не могу их представить, — закончил Сэмпсон. — Природа мира очевидна, но недоказуема.

Лэниган задумался.

— Послушайте, доктор, я ведь не так болен, как тот парень с секретным радио?

— Нет. Вы более разумны, более рациональны. У вас есть сомнения в реальности мира, но, к счастью, вы также сомневаетесь в состоятельности вашей иллюзии.

— Тогда давайте попробуем, — предложил Лэниган. — Я понимаю сложность вашей задачи, но, клянусь, буду принимать все, что смогу заставить себя принять.

— Честно говоря, это не моя область, — поморщился Сэмпсон. — Здесь нужен метафизик. Не знаю, насколько я...

— Попробуем, — взмолился Лэниган.

— Ну хорошо, начнем... Мы воспринимаем мир через ощущения и, следовательно, при заключительном анализе должны руководствоваться их показаниями.

Лэниган кивнул, и доктор продолжал:

— Итак, мы знаем, что предмет существует, поскольку наши чувства говорят нам о его существовании. Как проверить точность наших наблюдений? Сравнивая их с ощущениями других людей. Известно, что наши чувства не лгут, если чувства и других людей говорят о существовании данного предмета.

— Таким образом, мир — всего лишь то, что думает о нем большинство людей, — после некоторого раздумья заключил Лэниган.

Сэмпсон скривился.

— Я предупреждал, что сила в метафизике. Все-таки мне кажется, что это наглядный пример.

— Да... Но, доктор, а предположим, все наблюдатели ошибаются? Предположим, что существует множество миров и множество реальностей. Предположим, что это всего лишь одно произвольное существование из бесконечного числа возможных. Или предположим, что сама природа реальности способна к изменению и каким-то образом я его воспринимаю.

Сэмпсон вздохнул и машинально пристукнул линейкой маленькую зеленую крысу, копошащуюся у него под полой пиджака.

— Ну вот, — промолвил он. — Я не могу опровергнуть ни одно из ваших предложений. Мне кажется, Том, что нам лучше обсудить сон целиком.

Лэниган поморщился.

— Я бы не хотел. У меня такое чувство...

— Знаю, знаю, — заверил Сэмпсон, отечески улыбаясь. — Но это прояснит все раз и навсегда, — разве нет?

— Наверное, — согласился Лэниган. Он набрался смелости и выдохнул: — В общем, начинается мой сон...

Его охватил страх. Он почувствовал неуверенность, слабость, ужас. Попытался подняться с кушетки. Склонившееся лицо доктора... блеск металла...

— Расслабьтесь... Успокойтесь... Думайте о чем-нибудь приятном.

Затем Лэниган, или мир, или оба — отключились.

Лэниган и (или) мир пришли в себя. Возможно, время шло, а возможно, и нет. Все, что угодно, могло случиться, а могло и не случиться. Лэниган сел и посмотрел на Сэмпсона.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Сэмпсон.

— Отлично, — сказал Лэниган. — Что произошло?

— Вам стало плохо. Ничего, все пройдет.

Лэниган откинулся на спинку и постарался успокоиться. Доктор сидел за столом и что-то писал. Лэниган нахмурился, сосчитал до двадцати и осторожно открыл глаза. Сэмпсон все еще писал.

Лэниган огляделся, насчитал на стенах пять картин. Внимательно изучил зеленый ковер и снова закрыл глаза. На этот раз он досчитал до пятидесяти.

— Ну, может быть, теперь можете рассказать? — поинтересовался Сэмпсон, откладывая ручку.

— Нет, не сейчас, — ответил Лэниган. (Пять картин, зеленый ковер.)

— Как хотите, — развел руками доктор. — Наше время заканчивается. Но если вы подождете в приемной...

— Нет, спасибо, пойду домой.

Лэниган встал, прошел по зеленому ковру к двери, оглянулся на пять картин и лучезарно улыбающегося доктора. Затем пошел через дверь в приемную, через приемную и наружную дверь в коридор к лестнице и по лестнице. Он шел и смотрел на деревья с зелеными листьями, колышущимися слабо и непредсказуемо. Было транспортное движение — чинно, в одном направлении по одной стороне, а в другом — по другой. Было небо — неизменно голубое.

Сон? Лэниган ущипнул себя. Щипок во сне? Он не проснулся.

Он закричал. Воображаемый крик? Он не проснулся.

Лэниган находился в мире своего кошмара.

Улица на первый взгляд казалась обычной городской улицей.

Тротуар, мостовая, машины, люди, здания, небо над головой, солнце в небе. Все в норме. Кроме того, что *ничего не происходило.*

Асфальт ни разу не вскрикнул под ногами. Вот возвышается первый национальный городской банк. Он был здесь вчера, что само по себе достаточно плохо, но гораздо хуже, что он наверняка будет здесь завтра, и через неделю, и через год. Первый национальный городской банк (основан в 1982 году) чудовищно лишен возможности превращений. Он никогда не станет надгробием, самолетом, костями доисторического животного. Он неизбежно будет оставаться строением из бетона и стали, зловеще настаивая на своей неизменности, пока его не снесут люди.

Лэниган шел по застывшему миру под голубым небом, дразняще обещающем что-то, чего никогда не будет. Машины неумолимо соблюдали правостороннее движение, пешеходы переходили дорогу на перекрестках, показания часов в пределах нескольких минут совпадали.

Город где-то кончался. Но Лэниган знал совершенно точно, что трава не растет под ногами; то есть она растет, безусловно, но слишком медленно, незаметно для чувств. И горы возвышаются, черные и угрюмые, но гиганты замерли на полушаге. Они никогда не промаршируют по золотому (или багряному, или зеленому) небу.

«Сущность жизни, — как-то сказал доктор Сэмпсон, — изменение. Сущность смерти — неизменность. Даже у трупа есть признаки жизни, пока личинки пируют на слепом глазе и мясные мухи сосут соки из кишечника».

Лэниган осмотрел труп мира и убедился, что тот окончательно мертв.

Лэниган закричал. Он кричал, пока вокруг собирались люди и глядели на него (но ничего не делали и ни во что не превращались), а потом, как и полагалось, пришел полицейский (но солнце не изменило его форму), а затем по безнадежно однообразной улице примчалась карета «скорой помощи» (на четырех колесах вместо трех или двадцати пяти), и санитары доставили его в здание, оказавшееся именно там, где они ожидали, и было много разговоров между людьми, которые оставались сами собой, в комнате с постоянно белыми стенами.

И был вечер, и было утро, и был первый день.

СПЕЦРАЗДЕЛ ВЫСТАВКИ

В это утро в музее как-то непривычно пусто, отметил про себя мистер Грант, ведя миссис Грант через облицованный мрамором вестибюль. В данных обстоятельствах это было совсем не плохо.

— Доброе утро, сэр, — произнес пожилой розовощекий служитель музея.

— Доброе утро, Саймонс, — ответил мистер Грант. — Это — миссис Грант.

Миссис Грант угрюмо кивнула и прислонилась к боевой пироге из Центральной Америки. Ее плечи были вровень с плечами гребца из папье-маше и куда шире. Глядя на них, мистер Грант на мгновение задумался: а поможет ли ему специальный раздел выставки? Можно ли рассчитывать на успех, имея дело с женщиной столь крупной, столь сильной, столь уверенной в себе?

Он очень надеялся на него. В случае неудачи он станет посмешищем.

— Добро пожаловать в наш музей, — сказал служитель. — Я уверен, что посещение нашего музея доставит вам немалое удовольствие.

— Последний раз я была здесь еще ребенком. — Миссис Грант зевнула, прикрыв огромной ладонью рот.

— Миссис Грант не очень-то интересуют следы минувшего, — пояснил мистер Грант, опираясь на трость. — Мои занятия орнитологией тоже не производят на нее особого впечатления. И тем не менее она согласилась сопровождать меня при посещении спецраздела выставки.

— Спецраздела, сэр? — удивился служитель и заглянул в записную книжку. — Я не уверен, что...

— Вот мой пригласительный билет, — сказал мистер Грант.

— Да, сэр. — Служитель внимательно проверил протянутый ему билет, затем вернул его. — Надеюсь, вы останетесь довольны, сэр. По-моему, последними, кто осматривал спецраздел, были мистер Карвер и его жена.

— Верно, — кивнул мистер Грант.

Он был весьма неплохо знаком с этим кротким лысоватым Карвером. А его тощая, вечно ворчливая жена, отличавшаяся яркорыжими волосами, была старой подругой миссис Грант. Спецраздел выставки, безусловно, куда более эффективен в деле улаживания конфликтов, чем консультации по вопросам семейной жизни, психоанализ, психотерапия или даже простая взаимотерпимость.

Это было совершенно уникальным начинанием музея. Администрация музея была очень довольна, когда его завсегдатаи оказывались веселыми и энергичными, ибо только в этом случае они могли всецело отдаваться пропагандируемым музеем наукам. К тому же спецраздел выставки имел большое общеобразовательное значение и восполнял существенный пробел в экспозиции музея.

Широкая публика ничего не знала о существовании спецраздела, поскольку общественность чрезвычайно консервативно относилась к инновациям музея, продиктованным научной необходимостью. Да иначе и не могло быть, отметил про себя мистер Грант.

Служитель извлек из кармана ключ.

— Непременно верните его мне, сэр, — предупредил он.

Мистер Грант кивнул и повел миссис Грант дальше, мимо стеклянных ящиков с уссурийскими тиграми и огромными гималайскими медведями, мимо буйволов с остекленевшими глазами и семьи оленей, навечно застывших в тот момент, когда они щипали траву.

— Сколько это будет продолжаться? — спросила миссис Грант.

— Совсем недолго, — ответил мистер Грант, помня о том, что спецраздел выставки был знаменит непродолжительностью пребывания в нем.

— Мне должны доставить кое-какие покупки, — сказала миссис Грант. — И к тому же у меня важные дела.

Проходя с нею мимо зубра и пятнистого оленя, мистер Грант на мгновение задумался над тем, какие же именно важные дела были у его жены. Ведь интересы миссис Грант, казалось, сводились днем к телевидению, а вечерами — к кинофильмам.

И, конечно же, к этим ее заказам!

Мистер Грант вздохнул. Было абсолютно ясно, что они совершенно не подходили друг другу. Подумать только: он, невысокий, даже хрупкий мужчина с высокоразвитым интеллектом, женился по собственной воле на женщине такого атлетического сложения и с куриными мозгами. Но такое случалось и с другими. С доктором Карвером, например.

Мистер Грант ухмыльнулся украдкой, припомнив закон притяжения противоположностей. Закон, не столько практичный, сколько романтичный. Неужели все его занятия орнитологией ничему его не научили? Разве малиновка — пара могучему кондору? Да ведь это просто абсурд! Насколько было бы лучше, если бы он решился вступить во французский Иностранный легион, промотал бы свое наследство в необузданных оргиях или подался бы в какое-нибудь совсем дикое племя в качестве шамана! Такое можно было бы вполне пережить, со временем свыкнуться. Но такая женитьба? Никогда. Во всяком случае, не с миссис Грант, несмотря на все ее достоинства.

Естественно, надеяться оставалось только на спецраздел выставки.

— Сюда, — пробормотал мистер Грант, направляя жену в неожиданно возникший проход между двумя стеклянными кубами.

— Где же эта экспозиция? — недовольно повысила голос миссис Грант. — Мне нужно быть дома, чтобы получить заказы.

— Здесь, совсем рядом, — сказал мистер Грант, подводя ее к двери с ярко-красной надписью: «ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН».

Он снова задумался над тем, какие именно заказы должны быть доставлены ей сегодня. Казалось, она делает грандиозное количество заказов. И посыльные зачастую оставляют в пепельнице окурки дорогих сигарет.

— Вот мы и пришли, — сказал мистер Грант.

Он отпер обитую железом дверь, и они вошли в просторный зал. Обстановка в нем изображала поляну в джунглях. Прямо перед ними располагалась хижина с крышей из тростника. Чуть поодаль — другая хижина, поменьше, наполовину спрятанная в кустах.

На покрытой густой травой земле праздно валялись несколько дикарей, лениво переговариваясь друг с другом.

— Да ведь они живые! — воскликнула миссис Грант.

— Конечно. Это, понимаешь, новый эксперимент в области описательной антропологии.

Здесь же сидела древняя сморщенная старуха, которая подбрасывала щепки в потрескивавший под огромным глиняным котлом огонь. В котле что-то булькало.

Заметив чету Грант, дикари встали. Один из них сладко зевнул и потянулся. Раздался легкий треск в суставах.

— Потрясающие парни, — прошептала миссис Грант.

Мистер Грант согласно кивнул. Это не могло ускользнуть от ее внимания.

Рядом с дикарями на земле валялись разукрашенные деревянные мечи, длинные копья, острые ножи из бамбука. Зал был наполнен беспрерывным щебетанием, изредка прерываемым возбужденным кудахтаньем. Время от времени какая-то птица издавала сердитое гоготанье, другая что-то трубила в ответ.

Миссис Грант сказала:

— Мы можем теперь уйти? О-о-о!

Рядом с ней оказался один из туземцев. Спутанные волосы и раскрашенное лицо придавали ему дикий и необычный вид. Позади стояли еще двое. Глядя на эту компанию, мистер Грант подумал: сколько по сути дикарского и в самой миссис Грант с ее чрезмерной косметикой, дешевыми мехами и побрякивающими драгоценностями.

— Что они хотят? — спросила миссис Грант, глядя на полуобнаженных мужчин с чувством, весьма далеким от страха.

— Им хочется, чтобы ты осмотрела их поселение, — ответил мистер Грант. — Это является составной частью экспозиции.

Миссис Грант заметила, что первый туземец смотрит на нее с нескрываемым вожделением, и не стала сопротивляться, когда ее повели дальше.

Ей показали котел для приготовления пищи, различное оружие, украшения, которыми была увешана первая хижина. Затем туземцы повели ее ко второй хижине. Один из них подмигнул ей и поманил взглядом внутрь хижины.

— Действительно интересно, — сказала она, в свою очередь подмигнула дикарю и последовала за ним.

Двое других также прошли внутрь, причем один из них, прежде чем войти, подобрал с земли нож.

— Почему ты не сказал мне, что они охотники за головами? — послышался голос миссис Грант. — Ты видел эти сморщенные головы?

Мистер Грант про себя улыбнулся. Подумать только, каких трудов стоило заполучить эти головы. Власти в государствах Южной Америки категорически запретили их вывоз. Специальный раздел выставки был, по всей вероятности, единственным сохранившимся центром этого уникального народного искусства.

— У одной из них рыжие волосы. Точь-в-точь миссис...

Раздался крик, а затем звуки яростной схватки. Мистер Грант затаил дыхание. Их было, на всякий случай, трое, но миссис Грант очень сильная женщина... Хотя, конечно, ей не под силу...

Один из дикарей, пританцовывая, выскочил из хижины, и ведьма, колдовавшая у огня, взяла несколько зловеще выглядящих орудий и прошла внутрь хижины. Содержимое котла продолжало весело булькать.

Мистер Грант облегченно вздохнул и решил, что смотреть дальше нет смысла. К тому же антропология не входила в сферу его интересов. Он запер за собой железную дверь и направился в отдел орнитологии, решив, что ему вовсе не обязательно получать заказы миссис Грант.

ИЗ ЛУКОВИЦЫ В МОРКОВЬ

Вы, конечно, помните того задиру, что швырял песком в 97-фунтового хиляка? А ведь, несмотря на притязания Чарльза Атласа, проблема слабого так и не была решена. Настоящий задира любит швырять песком в людей; в этом он черпает глубокое удовлетворение. И что с того, что вы весите 240 фунтов (каменные

мускулы и стальные нервы) и мудры, как Соломон, — все равно вам придется выбирать песок оскорбления из глаз и, вероятно, только разводить руками.

Так думал Говард Кордл — милый, приятный человек, которого все всегда оттирали и задевали. Он молча переживал, когда другие становились впереди него в очередь, садились в остановленное им такси и уводили знакомых девушек.

Главное, люди, казалось, сами стремились к подобным поступкам, искали, как бы насолить своему ближнему.

Кордл не понимал, почему так *должно* быть, и терялся в догадках. Но в один прекрасный летний день, когда он путешествовал по Северной Испании, явился ему бог Тот-Гермес и нашептал слова прозрения:

— Слушай, крошка, клади в варево морковь, а то мясо не протушится.

— Морковь?

— Я говорю о тех типах, которые не дают тебе жить, — объяснил Тот-Гермес. — Они должны так поступать, потому что они — морковь, а морковь именно такая и есть.

— Если они — морковь, — произнес Кордл, начиная постигать тайный смысл, — тогда я...

— Ты — маленькая, жемчужно-белая луковичка.

— Да. Боже мой, да! — вскричал Кордл, пораженный слепящим светом истины.

— И, естественно, ты и все остальные жемчужно-белые луковицы считаете морковь весьма неприятным явлением, некоей бесформенной оранжевой луковицей, в то время как морковь принимает вас за уродливую круглую белую морковь. На самом же деле...

— Да, да, продолжай! — в экстазе воскликнул Кордл.

— В действительности же, — объявил Тот-Гермес, — *для каждого есть свое место в Похлебке.*

— Конечно! Я понимаю, я понимаю, я понимаю!

— Хочешь порадоваться милой невинной белой луковичкой, найди ненавистную оранжевую морковь. Иначе будет не Похлебка, а этакая... э... если так можно выразиться...

— Бульон! — восторженно подсказал Кордл.

— Ты, парень, кумекаешь на пять, — одобрил Тот-Гермес.

— Бульон, — повторил Кордл. — Теперь я ясно вижу: нежный луковый суп — это наше представление о рае, в то время как огненный морковный отвар олицетворяет ад. Все сходится!

— Ом мани падме хум, — благословил Тот-Гермес.

— Но куда идет зеленый горошек? Что с мясом?

— Не хватайся за метафоры, — посоветовал Тот-Гермес. — Давай лучше выпьем. Фирменный напиток!

— Но специи, куда же специи? — не унимался Кордл, сделав изрядный глоток из ржавой походной фляги.

— Крошка, ты задаешь вопросы, ответить на которые можно лишь масону тринадцатой ступени в форме и белых сандалиях. Так что... Помни только, что все идет в Похлебку.

— В Похлебку, — пробормотал Кордл, облизывая губы.

— Эй! — заметил Тот-Гермес. — Мы уже добрались до Коруньи. Я здесь сойду.

Кордл остановил свою взятую напрокат машину у обочины дороги. Тот-Гермес подхватил с заднего сиденья рюкзак и вышел:

— Спасибо, что подбросил, приятель.

— Да что там... Спасибо за вино. Кстати, какой оно марки? С ним можно антилопу уговорить купить галстук, Землю превратить из приплюснутого сфероида в усеченную пирамиду... О чем это я говорю?

— Ничего, ерунда. Пожалуй, тебе лучше прилечь.

— Когда боги приказывают, смертные повинуются, — нараспев проговорил Кордл и покорно улегся на переднем сиденье. Тот-Гермес склонился над ним; золотом отливала его борода, деревья на заднем плане венцом обрамляли голову.

— Как ты себя чувствуешь?

— Никогда в жизни мне не было так хорошо.

— Ну тогда привет.

И Тот-Гермес ушел в садящееся солнце. Кордл же с закрытыми глазами погрузился в решение философских проблем, испокон веков ставивших в тупик величайших мыслителей. Он был несколько изумлен, с какой простотой и доступностью открывались ему тайны.

Наконец он заснул и проснулся через шесть часов. Он забыл все решения, все гениальные догадки. Это было непостижимо. Как можно утерять ключи от Вселенной?.. Но непоправимое свершилось, рай потерян навсегда.

Зато Кордл помнил о моркови и луковицах и помнил о Похлебке. Будь в его власти выбирать, какое из гениальных решений запомнить, вряд ли бы он выбрал это. Но увы. И Кордл понял, что в игре внутренних озарений нужно довольствоваться тем, что есть.

На следующий день с массой приключений он добрался до Сантандера и решил написать всем друзьям остроумные письма и, возможно, даже попробовать свои силы в дорожном скетче. Для этого потребовалась пишущая машинка. Портье в гостинице направил его в контору по прокату машинок. Там сидел клерк, превосходно владеющий английским.

— Вы сдаете по дням? — спросил Кордл.

— Почему же нет? — отозвался клерк. У него были маслянистые черные волосы и тонкий аристократический нос.

— Сколько за эту? — поинтересовался Кордл, указывая на портативную модель «Эрики» тридцатилетней давности.

— Семьдесят песет в день, то есть один доллар. Обычно.

— А разве мой случай не обычный?

— Разумеется, нет. Вы иностранец, и проездом. Вам это будет стоить сто восемьдесят песет в день.

— Ну хорошо, — согласился Кордл, доставая бумажник. — На три дня, пожалуйста.

— Попрошу у вас еще паспорт и пятьдесят долларов в залог.

Кордл попытался обратить все в шутку:

— Да мне бы просто попечатать, я не собираюсь жениться на ней.

Клерк пожал плечами.

— Послушайте, мой паспорт в гостинице у портье. Может, возьмете водительские права?

— Конечно, нет! У меня должен быть паспорт — на случай, если вы вздумаете скрыться.

— Но почему и паспорт, и залог? — недоумевал Кордл, чувствуя определенную неловкость. — Машинка-то не стоит и двадцати долларов.

— Вы, очевидно, эксперт, специалист по рыночным ценам в Испании на подержанные немецкие пишущие машинки?

— Нет, однако...

— Тогда позвольте, сэр, вести дело, как я считаю нужным. Кроме того, мне необходимо знать, как вы собираетесь использовать аппарат.

Сложилась одна из тех нелепых заграничных ситуаций, в которую может попасть каждый. Требования клерка были абсурдны, а манера держаться оскорбительна. Кордл уже решил коротко кивнуть, повернуться на каблуках и выйти, но тут вспомнил о моркови и луковицах. Ему явилась Похлебка, и внезапно в голову пришла мысль, что он может быть любым овощем, каким только пожелает.

Он повернулся к клерку. Он тонко улыбнулся. Он сказал:

— Хотите знать, как я собираюсь использовать машинку?

— Непременно.

— Ладно, — махнул Кордл. — Признаюсь честно, я собрался засунуть ее в нос.

Клерк выпучил глаза.

— Это чрезвычайно удачный метод провоза контрабанды, — продолжал Кордл. — Также я собирался всучить вам краденый паспорт и фальшивые деньги. В Италии я продал бы машинку за десять тысяч долларов.

— Сэр, — промолвил клерк, — вы, кажется, недовольны.

— Слабо сказано, дружище. Я передумал насчет машинки. Но позвольте сделать комплимент по поводу вашего английского.

— Я специально занимался, — гордо заявил клерк.

— Это заметно. Несмотря на слабость в «р-р», вы разговариваете как венецианский гондольер с надтреснутым нёбом. Наилучшие пожелания вашему уважаемому семейству. А теперь я удаляюсь, и вы спокойно можете давить свои прыщи.

Вспоминая эту сцену позже, Кордл пришел к выводу, что для первого раза он неплохо выступил в роли моркови. Правда, финал несколько наигран, но по существу убедителен.

Важно уже само по себе то, что он сделал это. И теперь, в тиши гостиничного номера, мог заниматься не презрительным самобичеванием, а наслаждаться фактом, что сам поставил кого-то в неудобное положение.

Он сделал это! Он превратился из луковицы в морковь!

Но этична ли его позиция? По-видимому, клерк не мог быть иным, являясь продуктом сочетания генов, жертвой среды и воспитания...

Кордл остановил себя. Он заметил, что занимается типично луковичным самокопанием. А ведь теперь ему известно: должны существовать и луковица, и морковь, иначе не сваришь Похлебки.

И еще он знал, что человек может стать любым овощем по своему выбору: и забавной маленькой зеленой горошиной, и долькой чеснока. Человек волен занять любую позицию между луковичничеством и морковщиной.

Над этим стоит хорошенько поразмыслить, отметил Кордл. Однако продолжил свое путешествие.

Следующий случай произошел в Ницце, в уютном ресторанчике на авеню Диабль Блюс. Там было четверо официантов, один из которых в точности походил на Жана-Поля Бельмондо, вплоть до сигареты, свисавшей с нижней губы. Остальные в точности походили на спившихся жуликов мелкого пошиба. В зале сидели несколько скандинавов, дряблый француз в берете и три девушки-англичанки.

Кордл, объясняющийся по-французски ясно, хотя и несколько лаконично, попросил у Бельмондо десятифранковый обед, меню которого было выставлено в витрине.

Официант окинул его презрительным взглядом.

— На сегодня кончился, — изрек он и вручил Кордлу меню тридцатифранкового обеда.

В своем старом воплощении Кордл покорно принял бы судьбу и стал заказывать. Или бы поднялся, дрожа от возмущения, и покинул ресторан, опрокинув по пути стул.

Но сейчас...

— Очевидно, вы не поняли меня, — произнес Кордл. — Французский закон гласит, что вы обязаны обслуживать согласно всем утвержденным меню, выставленным в витрине.

— Мосье адвокат? — осведомился официант, нагло уперев руки в боки.

— Нет. Мосье устраивает неприятности, — предупредил Кордл.

— Тогда пусть мосье попробует, — процедил официант. Его глаза превратились в щелки.

— О'кей, — сказал Кордл.

И тут в ресторан вошла престарелая чета. На мужчине был двубортный синий в полоску костюм. На женщине — платье в горошек.

— Простите, вы не англичане? — обратился к ним Кордл.

Несколько удивленный, мужчина слегка наклонил голову.

— Советую вам не принимать здесь пищу. Я — представитель ЮНЕСКО, инспектор по питанию. Шеф-повар явно не мыл рук с незапамятных времен. Мы еще не сделали проверку на тиф, но есть все основания для подозрений. Как только прибудут мои ассистенты с необходимым оборудованием...

В ресторане воцарилась мертвая тишина.

— Пожалуй, вареное яйцо можно съесть, — смилостивился наконец Кордл.

Престарелый мужчина, очевидно, не поверил этому.

— Пойдем, Милдред, — позвал он, и чета удалилась.

— Вот уходят шестьдесят франков плюс пять процентов чаевых, — холодно констатировал Кордл.

— Немедленно убирайтесь! — зарычал официант.

— Мне здесь нравится, — объявил Кордл, скрещивая руки на груди. — Обстановка, интим...

— Сидеть, не заказывая, не разрешается.

— Я буду заказывать. Из десятифранкового меню.

Официанты переглянулись, в унисон кивнули и стали приближаться военной фалангой. Кордл воззвал к остальным обедающим:

— Попрошу всех быть свидетелями! Эти люди собираются напасть на меня вчетвером против одного, нарушая французскую законность и универсальную человеческую этику лишь потому, что я желаю заказать из десятифранкового меню, ложно разрекламированного!

Это была длинная речь, но в данном случае высокопарность не вредила. Кордл повторил ее на английском.

Англичанки разинули рты. Старый француз продолжал есть суп. Скандинавы угрюмо кивнули и начали снимать пиджаки.

Официанты снова засовещались. Тот, что походил на Бельмондо, сказал:

— Мосье, вы заставляете нас обратиться в полицию.

— Что ж, это избавит меня от беспокойства вызывать ее самому, — многозначительно произнес Кордл.

— Мосье, безусловно, не желает провести свой отпуск в суде?

— Мосье именно так проводит большинство своих отпусков, — заверил Кордл.

Официанты опять в замешательстве сбились в кучу. Затем Бельмондо подошел с тридцатифранковым меню.

— Обед будет стоить мосье десять франков. Очевидно, это все, что есть у мосье.

Кордл пропустил выпад мимо ушей.

— Принесите мне луковый суп, зеленый салат и мясо по-бургундски.

Пока официант отсутствовал, Кордл умеренно громким голосом напевал «Вальсирующую Матильду». Он подозревал, что это может ускорить обслуживание.

Заказ прибыл, когда он во второй раз добрался до «Ты не застанешь меня в живых». Кордл придвинул к себе суп, посерьезнел и взял ложку.

Это был напряженный момент. Все посетители оторвались от еды. Кордл наклонился вперед и деликатно втянул носом запах.

— Чего-то здесь не хватает, — громко объявил он.

Нахмурившись, Кордл вылил луковый суп в мясо по-бургундски, принюхался, покачал головой и накрошил в месиво полломтика хлеба. Снова принюхался, добавил салата и обильно посолил.

— Нет, — сказал он, поджав губы. — Не пойдет.

И вывернул содержимое тарелки на стол. Акт, сравнимый разве что с осквернением Моны Лизы. Все застыли.

Неторопливо, но не давая ошеломленным официантам время опомниться, Кордл встал и бросил в эту кашу десять франков. У двери он обернулся.

— Мои комплименты повару, место которому не здесь, а у бетономешалки. А это, друзья, для вас.

И швырнул на пол свой мятый носовой платок.

Как матадор после серии блестящих пассов поворачивает тыл к разъяренному быку, так выходил Кордл. По каким-то неведомым причинам официанты не ринулись вслед за ним и не вздернули его на ближайшем фонаре. Кордл прошел десять или пят-

надцать кварталов, наугад сворачивая направо и налево. Он дошел до Променад Англяйс и сел на скамейку. Его рубашка была влажной от пота.

— Но я сделал это! — воскликнул он. — Я вел себя невыносимо гадко и вышел сухим из воды!

Теперь он воистину понял, почему морковь поступает таким образом. Боже всемогущий на небесах, что за радость, что за блаженство!

После этого Кордл вернулся к своей обычной мягкой манере поведения и оставался таким до второго дня пребывания в Риме. Он и семь других водителей выстроились в ряд перед светофором на Корсо Витторио-Эммануила. Сзади стояло еще двадцать машин. Водители не выключали моторы, склонясь над рулем и мечтая о Ла-Манше. Все, кроме Кордла, упивающегося дивной архитектурой Рима.

Свет переменился. Водители вдавили акселераторы, как будто сами хотели помочь раскрутиться колесам маломощных «Фиатов», снашивая сцепления и нервы. Все, кроме Кордла, который казался единственным в Риме человеком, не стремившимся выиграть гонки или успеть на свидание. Без спешки, но и без промедления, он завел двигатель и выжал сцепление, потеряв две секунды.

Водитель сзади отчаянно засигналил.

Кордл улыбнулся — тайной, нехорошей улыбкой. Он поставил машину на ручной тормоз и вылез.

— Да? — сказал Кордл по-французски, ленивым шагом добредя до побелевшего от ярости водителя. — Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, ничего, — ответил тот по-французски — его первая ошибка. — Я просто хотел, чтобы вы ехали, ну, двигались!

— Но я как раз собирался это сделать, — резонно указал Кордл.

— Хорошо! Все в порядке!

— Нет, не все, — мрачно сообщил Кордл. — Мне кажется, я заслуживаю лучшего объяснения, почему вы мне засигналили.

Нервный водитель — миланский бизнесмен, направлявшийся на отдых с женой и четырьмя детьми, опрометчиво ответил:

— Дорогой сэр, вы слишком медлили, вы задерживали нас всех.

— Задерживал? — переспросил Кордл. — Вы дали гудок через две секунды после перемены света. Это называется промедлением?

— Прошло гораздо больше двух секунд, — пытался спорить миланец.

Движение тем временем застопорилось уже до Неаполя. Со-

бралась десятитысячная толпа. В Витербо и Генуе соединения карабинеров были приведены в состояние боевой готовности.

— Это неправда, — опроверг Кордл. — У меня есть свидетели. — Он махнул в сторону толпы, которая восторженно взревела. — Я приглашу их в суд. Вам должно быть известно, что вы нарушили закон, засигналив в пределах города при явно не экстренных обстоятельствах.

Миланский бизнесмен посмотрел на толпу, уже раздувшуюся до пятидесяти тысяч. «Боже милосердный, — думал он, — пошли потоп и поглоти этого сумасшедшего француза!»

Над головами просвистели реактивные чудовища Шестого флота, надеющегося предотвратить ожидаемый переворот.

Собственная жена миланского бизнесмена оскорбительно кричала на него: сегодня он разобьет ее слабое сердце и отправит по почте ее матери, чтобы доконать и ту.

Что было делать? В Милане этот француз давно бы уже сложил голову. Но Рим — южный город, непредсказуемое и опасное место.

— Хорошо, — сдался водитель. — Подача сигнала была, возможно, излишней.

— Я настаиваю на полном извинении, — потребовал Кордл.

В Форджи, Бриндизи, Бари отключили водоснабжение. Швейцария закрыла границу и приготовилась к взрыву железнодорожных туннелей.

— Извините! — закричал миланский бизнесмен. — Я сожалею, что спровоцировал вас, и еще больше сожалею, что вообще родился на свет! А теперь, может быть, вы уйдете и дадите мне умереть спокойно?!

— Я принимаю ваше извинение, — сказал Кордл. — Надеюсь, вы на меня не в обиде?

Он побрел к своей машине, тихонько напевая, и уехал.

Мир, висевший на волоске, был спасен.

Кордл доехал до арки Тита, остановил автомобиль и под звуки тысяч труб прошел под ней. Он заслужил свой триумф в не меньшей степени, чем сам Цезарь.

Боже, упивался он, я был отвратителен!

В лондонском Тауэре, в Воротах Предателя, Кордл наступил на ногу молодой девушке. Это послужило началом знакомства. Девушку звали Мэвис. Уроженка Шорт-Хилс (штат Нью-Джерси), с великолепными длинными темными волосами, она была стройной, милой, умной, энергичной и обладала чувством юмора. Ее маленькие недостатки не играют никакой роли в нашей истории.

Кордл угостил ее чашечкой кофе. Остаток недели они провели вместе.

Кажется, она вскружила мне голову, сказал себе Кордл на седьмой день. И тут же понял, что выразился неточно. Он был страстно и безнадежно влюблен.

Но что чувствовала Мэвис? Недовольства его обществом она не обнаруживала.

В тот день Кордл и Мэвис отправились в резиденцию маршала Гордона на выставку византийской миниатюры. Увлечение Мэвис византийской миниатюрой казалось тогда вполне невинным. Коллекция была частной, но Мэвис с большим трудом раздобыла приглашения.

Они подошли к дому и позвонили. Дверь открыл дворецкий в парадной вечерней форме. Они предъявили приглашения. Взгляд дворецкого и его приподнятая бровь недвусмысленно показали, что их приглашения относятся к разряду второсортных, предназначенных для простых смертных, а не к гравированным атласным шедеврам, преподносимым таким людям, как Пабло Пикассо, Джекки Онассис, Норман Мейлер, и другим движителям и сотрясателям мира.

Дворецкий проговорил:

— Ах да...

Его лицо сморщилось, как у человека, к которому неожиданно зашел Тамерлан с полком Золотой Орды.

— Миниатюры, — напомнил ему Кордл.

— Да, конечно... Но боюсь, сэр, что сюда не допускают без вечернего платья и галстука.

Стоял душный августовский день, и на Кордле была спортивная рубашка.

— Я не ослышался? Вечернее платье и галстук?

— Таковы правила.

— Неужели один раз нельзя сделать исключение? — попросила Мэвис.

Дворецкий покачал головой.

— Мы должны придерживаться правил, мисс. Иначе...

Он оставил фразу неоконченной, но его презрение к вульгарному сословию медной плитой зависло в воздухе.

— Безусловно, — приятно улыбаясь, заговорил Кордл. — Итак, вечернее платье и галстук? Пожалуй, мы это устроим.

Мэвис положила руку на его плечо.

— Пойдем, Говард. Побываем здесь как-нибудь в другой раз.

— Чепуха, дорогая. Если бы ты одолжила мне свой плащ...

Он снял с Мэвис белый дождевик и напялил на себя, разрывая его по шву.

— Ну, приятель, мы пошли, — добродушно сказал он дворецкому.

— Боюсь, что нет, — произнес тот голосом, от которого завяли бы артишоки. — В любом случае остается еще галстук.

Кордл ждал этого. Он извлек свой потный полотняный носовой платок и завязал вокруг шеи.

— Вы довольны? — ухмыльнулся он.

— *Говард! Идем!*

— Мне кажется, сэр, что это не...

— Что «не»?

— Это не совсем то, что подразумевается под вечерним платьем и галстуком.

— Вы хотите сказать мне, — начал Кордл пронзительно неприятным голосом, — что вы такой же специалист по мужской одежде, как и по открыванию дверей?

— Конечно, нет! Но этот импровизированный наряд...

— При чем тут «импровизированный»? Вы считаете, что к вашему осмотру надо готовиться три дня?

— Вы надели женский плащ и грязный носовой платок, — упрямился дворецкий. — Мне кажется, больше не о чем разговаривать.

Он собирался закрыть дверь, но Кордл быстро произнес:

— Только сделай это, милашка, и я привлеку тебя за клевету и поношение личности. Это серьезные обвинения, у меня есть свидетели.

Кордл уже собрал маленькую, но заинтересованную толпу.

— Это становится нелепым, — молвил дворецкий, пытаясь выиграть время. — Я вызову...

— Говард! — закричала Мэвис.

Он стряхнул ее руку и яростным взглядом заставил дворецкого замолчать.

— Я мексиканец, хотя, возможно, мое прекрасное знание английского обмануло вас. У меня на родине мужчина скорее перережет себе горло, чем оставит такое оскорбление неотомщенным. Вы сказали, женский плащ? Hombre, когда я надеваю его, он становится *мужским. Или вы намекаете, что я — как это у вас там... — гомосексуалист?!*

Толпа, ставшая менее скромной, одобрительно зашумела. Дворецкого не любит никто, кроме хозяина.

— Я не имел в виду ничего подобного, — слабо запротестовал дворецкий.

— В таком случае это мужской плащ?

— Как вам будет угодно, сэр.

— Неудовлетворительно. Значит, вы не отказываетесь от вашей грязной инсинуации? Я иду за полицейским.

— Погодите! Зачем так спешить?! — возопил дворецкий. — Он побелел, его руки дрожали. — Ваш плащ — мужской плащ, сэр.

— А как насчет моего галстука?

Дворецкий громко засопел, издал гортанный звук и сделал последнюю попытку остановить кровожадных пеонов.

— Но, сэр, галстук явно...

— То, что я ношу вокруг шеи, — холодно отчеканил Кордл, — становится тем, что имелось в виду. А если бы я обвязал вокруг горла кусок цветного шелка, вы что, назвали бы его бюстгальтером? Полотно — подходящий материал для галстука. Функция определяет терминологию, не так ли? Если я приеду на работу на корове, никто не скажет, что я оседлал бифштекс. Или вы находите логическую неувязку в моих аргументах?

— Боюсь, что я не совсем понимаю...

— Так как же вы осмеливаетесь судить?

Толпа восторженно взревела.

— Сэр! — воскликнул поверженный дворецкий. — Молю вас...

— Итак, — с удовлетворением констатировал Кордл, — у меня есть верхнее платье, галстук и приглашение. Может, вы согласитесь быть нашим гидом и покажете византийские миниатюры?

Дворецкий распахнул дверь перед Панчо Вилья и его татуированными ордами. Последний бастион цивилизации пал менее чем за час. Волки завыли на берегах Темзы, босоногая армия Морелоса ворвалась в Британский музей, и на Европу опустилась ночь.

Кордл и Мэвис обозревали коллекцию в молчании. Они не перекинулись и словом, пока не остались наедине в Риджентс-парке.

— Послушай, Мэвис... — начал Кордл.

— Нет, это ты послушай! — перебила она. — Ты был ужасен! Ты был невыносим! Ты был... Я не могу найти достаточно грязного слова для тебя! Мне никогда не приходило в голову, что ты из тех садистов, что получают удовольствие от унижения людей!

— Но, Мэвис, ты слышала, как он обращался со мной, его тон...

— Он глупый, выживший из ума старикашка, — сказала Мэвис. — Таким я тебя не считала.

— Он заявил...

— Не имеет значения. Главное — ты наслаждался собой!

— Ну хорошо, пожалуй, ты права, — согласился Кордл. — Но я объясню.

— Не мне. Все. Пожалуйста, уходи, Говард. Навсегда.

Будущая мать его двоих детей стала уходить из его жизни. Кордл поспешил за ней.

— Мэвис!

— Я позову полицейского, Говард, честное слово, позову!

— Мэвис, я люблю тебя!

Она, вероятно, слышала его, но продолжала идти. Это была милая девушка и определенно, неизменяемо — луковица.

Кордл так и не сумел рассказать Мэвис о Похлебке и о необходимости испытать поведение, прежде чем осуждать его. Он лишь заставил ее поверить, что то был какой-то шок, случай, совершенно немыслимый, и... рядом с ней... такое никогда не повторится.

Сейчас они женаты, растят девочку и мальчика, живут в собственном доме в Нью-Джерси и вполне счастливы. Кордла оттирают и задевают чиновники, официанты и прислуга.

Но...

Кордл регулярно отдыхает в одиночку. В прошлом голу он сделал себе имя в Гонолулу. В этом — он едет в Буэнос-Айрес.

Я ВИЖУ: ЧЕЛОВЕК СИДИТ НА СТУЛЕ И СТУЛ КУСАЕТ ЕГО ЗА НОГУ

Позади него лежали серые Азоры и Геркулесовы столпы; только небо над головой, и только говно — под ногами.

— Гребаное говно! Гребаное говно! — проорал Парети тускнеющему вечернему свету. Проклятия обламывались об окурок сигары, теряя обычную ярость, потому что смена заканчивалась и Парети очень устал. Впервые он выругался так три года назад, когда записался в сборщики на говенных полях. Когда впервые увидел склизкий серый мутировавший планктон, испещряющий этот район Атлантики. Как проказа на прохладном синем теле моря.

— Гребаное говно, — пробормотал он. Это стало ритуалом. Так у него в ялике появлялась компания. Он плыл в одиночестве: Джо Парети и его умирающий голос. И призрачно-белесое говно.

Уголком глаза он заметил отблеск света через темные очки с прорезью, движущееся серое пятно. Он ловко развернул ялик. Говно опять выпирало. Над поверхностью океана поднялось бледно-серое щупальце, точно слоновий хобот. Подгребая к нему, Парети бессознательно прикидывал расстояние: пять футов, правая рука напряжена, поднята сеть — странная паутинка на шесте, больше всего похожая на сачок для ловли бабочек, какими пользуются индейцы пацкуаро — и вот короткой, как удар бейсболиста, подсечкой Парети подхватил шевелящийся ком.

Говно дергалось и извивалось, билось в сети, беззубо обсасы-

вало алюминиевую рукоять. Занося кусок на борт и вываливая в карантинку, Парети оценил его вес фунтов в пять. Тяжелый для такого маленького кусочка.

Подхватывая падающее говно, карантинка растянулась, сжатый воздух с чмоканьем захлопнул крышку за щупальцем. Потом над крышкой замкнулась диафрагма.

Говно задело его перчатку, но Парети решил, что дезинфицироваться немедленно — много чести. Он рассеянно смахнул со лба выбеленные солнцем редеющие волосы и вновь развернул ялик.

Он был в двух милях от «Техас-Тауэр».

В Атлантическом океане.

В пятидесяти милях от мыса Гаттерас.

На Алмазной Банке.

На тридцать пятом градусе северной широты и семьдесят пятом градусе западной долготы.

В сердце говенных полей.

Вымотан. Конец смены.

Гребаное говно.

Парети принялся выгребать обратно.

Море было глянцевым, мертвая зыбь катилась к «Техас-Тауэр». Ветра не было, и солнце сверкало жестоким алмазным блеском, как всегда, со времени третьей мировой, ярче, чем когда-либо прежде. Почти идеальная погода для сборщика — пятьсот тридцать долларов за смену.

По левую руку завиднелась нежная серая пленка говна, почти невидимая на фоне волн. Парети сменил курс и подобрал все десять квадратных футов. Говно не сопротивлялось — слишком тонкое.

Парети продолжил путь к «Техас-Тауэр», собирая по дороге говно. Одинаковые обличья оно принимало редко. Самый большой кусок, какой попался Парети, прикинулся кипарисовым пнем. («Тупое говно, — подумал он, — какие кипарисы в открытом море?») Самый маленький — тюлененком. Трупно-серым и безглазым. Парети подбирал обрывки быстро и без колебаний: он обладал жутковатой способностью распознавать говно в любом обличье, а его техника сбора была несравненно более утонченной и удобной, чем методы, используемые сборщиками, обученными Компанией. Парети был танцором с природным чувством ритма, художником-самоучкой, прирожденным следопытом. Эта способность и отправила его на говенные поля, а не на фабрику или в потогонные конторы для интеллектуалов, после того как он закончил мультиверситет с отличием. Все, что он знал и чему научился, — к чему оно в забитом, переполненном, кишащем людьми мире двадцати семи миллиардов человек, отпихивающих друг

друга локтями в поисках наименее унизительной работы? Образование мог получить любой, специальность — не всякий, золотую медаль — далеко не каждый, и только горстка подобных Джо Парети проскальзывала через мультиверситет, прихватив по дороге звание магистра, степень доктора, золотую медаль и красный диплом. И *все это* стоило меньше, чем его природный дар сборщика.

Собирая говно с такой скоростью, Парети зарабатывал больше, чем инженер-проектировщик.

Но после двенадцатичасовой смены в морозно-блестящем море усталость притупляла даже это удовольствие. Парети хотелось только рухнуть на койку в своей каюте. И спать. И спать. Он швырнул в море сырой окурок.

Махина громоздилась перед ним. По традиции ее называли «Техас-Тауэр», но она отнюдь не напоминала первые платформы подводного бурения довоенной Америки. Скорее она походила на суставчатый коралловый риф или скелет невообразимого алюминиевого кита.

Дать «Техас-Тауэр» определение было бы затруднительно. Она передвигалась, а потому была *кораблем*. Могла намертво прикрепляться к дну морскому, а потому являлась *островом*. Над поверхностью виднелась «кошачья колыбель» труб: приемники, куда сборщики закачивали говно (как расставался со своим грузом Парети, прикрутив складной штуцер карантинки к мельхиоровому раструбу приемника «Техас-Тауэр», чувствуя, как пульсирует труба, когда давление воздуха перегоняло говно из баков ялика в приемник), решетчатые причалы для яликов, балки, поддерживающие радарную мачту.

Была еще пара цилиндрических труб, раззявленных, точно орудийные дула. Входные шлюзы. А под ватерлинией «Техас-Тауэр», как айсберг, расползался и ширился складными секциями, которые могли убираться или раздвигаться в зависимости от глубины. Здесь, на Алмазной Банке, дюжина нижних уровней бездействовала в сложенном виде.

Сооружение было бесформенным, уродливым, медлительным, непотопляемым даже в самые сильные шторма, величественным, как галеон. То был самый неудачный корабль и самая великолепная фабрика во всей истории судостроения.

Волоча за собой сачок, Парети вскарабкался на причальный комплекс и вошел в ближайший шлюз. Пройдя через дезинфекцию и камеры ожидания, он попал в собственно «Техас-Тауэр». Спускаясь по алюминиевой винтовой лесенке, он услыхал голоса: готовый заступить на смену Мерсье и Пегги Флинн, последние три дня сидевшая на бюллетене по поводу месячных. Сборщики спорили.

— Сейчас закупают по пятьдесят долларов за тонну, — втолковывала Пегги на повышенных тонах. Похоже, спор начался уже давно. Обсуждались премиальные сборщикам.

— *До* деления или *после*? — осведомился Мерсье.

— Ты не хуже меня знаешь, что после! — взвилась Пегги. — То есть каждая тонна, которую мы выловили и загнали в баки, после облучения дает сорок, а то и сорок одну тонну. А нам премии платят за собранный вес, а не за вес после деления!

За три года, проведенные в говенных полях, Парети слышал это миллион раз. Когда баки заполнялись, говно отправляли на деление и облучение. Подвергнутое запатентованным основными компаниями методам переработки, говно воспроизводило себя молекула за молекулой, делилось, росло, размножалось, разбухало, давая говна в сорок раз больше начального веса. Потом его «убивали» и перерабатывали в основной продукт искусственного питания для народа, давно забывшего про бифштексы, яйца, морковь и кофе. Величайшая трагедия третьей мировой состояла в том, что погибло огромное число всех живых тварей, кроме людей.

Говно перемалывали, обрабатывали, очищали, накачивали витаминами, подкрашивали, придавали вкус и запах, расфасовывали в отдельные пакетики и под легионом торговых марок — «Витаграм», «Деликатес», «Услада желудка», «Диет-мясо», «БыстроКофе», «Семейный завтрак» — рассовывали в двадцать семь миллиардов раззявленных голодных ртов. Добавить (трижды использованной) воды и подавать.

Сборщики в буквальном смысле слова кормили планету.

И чувствовали, что им недоплачивают, даже получая пятьсот тридцать долларов за смену.

Парети прогремел башмаками по двум последним ступенькам, и спорящие обернулись.

— Привет, Джо, — сказал Мерсье.

Пегги улыбнулась.

— Долгая была смена? — спросила она участливо.

— Слишком долгая. Совсем я вымотался.

— Полностью? — Пегги развернула плечи.

— Я думал, у тебя сейчас это самое время.

— Узе коньсилось. — Пегги ухмыльнулась и показала ладошки, как маленькая девочка, у которой прошла корь.

— Ну, это было бы неплохо, — согласился Парети на ее услуги, — если ты мне еще и спину разотрешь.

— И хребет переломаю.

Мерсье хихикнул и двинулся к лестнице.

— До скорого, — бросил он через плечо.

Парети повел Пегги Флинн через множество отсеков в свою каюту. Сборщики, проводящие по шесть месяцев в замкнутом пространстве, вырабатывали свои обычаи. Женщины, слишком разборчивые в связях, на « Техас-Тауэр» не задерживались. Сборщиков — называвших себя «сборбатом» — в увольнительные на берег пускали редко, а потому все удобства предоставляла Компания. Фильмы, лучшие повара, спортзалы, полностью укомплектованная и постоянно пополняемая библиотека... и сборщицы. Поначалу некоторые женщины получали от мужиков «подарки» за сексуальные услуги, но это оказывало разлагающее влияние на моральный климат, и теперь в дополнение к общим окладу и премиальным женщины получали еще половую надбавку. Ничего необычного не было в том, что симпатичная и умелая сборщица, проведя на «Техас-Тауэр» восемь или девять месяцев, возвращалась домой с полусотней тысяч долларов на счету.

В каюте они разделись.

— Бо-оже, — протянула Пегги, — где ж твои волосы?

Парети встречался с ней уже несколько месяцев.

— Лысею, наверное. — Парети пожал плечами.

Он обтерся мокрой одноразовой салфеткой из раздатчика и швырнул ее в глазок утилизатора.

— По всему телу? — недоверчиво переспросила Пегги.

— Слушай, Пег, — устало произнес Парети, — я двенадцать часов сачком махал. Я выжат, как лимон, и засыпаю на ходу. Так ты хочешь или нет?

Пегги улыбнулась:

— Джо, ты лапочка.

— Сопля я, — ответил он, растекаясь по удобной постели.

Она легла рядом, и они трахнулись.

А потом Джо заснул.

Пятьюдесятью годами до того разразилась наконец третья мировая война. А перед ней были тридцать лет второй фазы «холодной войны». Первая фаза кончилась в семидесятых, когда неизбежность войны стала очевидна. Второй фазой назвали предупредительные меры против тотального уничтожения. Затоплялись в камень подземные города-пещеры — города-консервы, как называли их архитекторы и планировщики. (На людях, конечно, такие вульгарные слова не звучали. В газетных статьях города именовались шикарно: Яшмовый Город, Даунтаун[1], Золотой Грот, Северные и Южные Алмазы, Ониксвилль, Суб-

[1] Downtown (*англ.*) — буквально: «нижний город» и одновременно «деловой район, центр».

град, Восточные Пириты. В Скалистых горах заглубили на две мили в скалу гигантский всеамериканский комплекс противоракетнойобороныАйронволл.)

Плодиться люди начали еще задолго до первой фазы. Мальтус был прав. Под давлением страха люди размножались как никогда. В городах-консервах вроде Нижнего Гонконга, Лабиринта (под Бостоном) и Новой Куэрнаваки замкнутая жизнь предлагала не слишком много удовольствий. И люди множились. И снова множились. Геометрическая прогрессия заполняла города-консервы, и те расползались туннелями, и трубами, и щупальцами. Землю заполняли кишащие, вопящие, голодные обитатели края ужаса. На поверхности осталась жить только научная и военная элита — по необходимости.

Потом грянула война.

И явилась она с лазером и радиацией — атомная, биологическая.

Североамериканскому континенту повезло не слишком: Лос-Анджелес превращен в шлак. Айронволл снесен вместе с половиной Скалистых гор, противоракетный комплекс похоронен навеки под невысокими, уютными холмами, которыми стали горы. Ок-Ридж сгинул в яркой вспышке. Луисвилл разрушен до основания. Перестали существовать Детройт и Бирмингем[1]; на их месте остались плоские, гладкие, блестящие поверхности, как зеркальные осколки потемневшего хромового покрытия.

Нью-Йорк и Чикаго оказались защищены лучше. Они потеряли пригороды, но не подземные города-консервы. Остались и центральные зоны мегаполисов — истерзанные, но живые.

На других континентах положение было не лучше. А то и хуже. Но две фазы «холодной войны» дали время разработать сыворотки, лекарства, противоядия, способы лечения. Людей спасали миллионами.

Но... пшеничному колосу прививки не сделаешь.

Невозможно вакцинировать всех кошек, собак, кабанов, антилоп, лам и кодьякских медведей. Невозможно засеять океаны лекарством для рыб. Экология свихнулась. Одни виды выжили, другие вымерли полностью.

Начались голодные забастовки... и голодные бунты.

[1] Ок-Ридж — центр атомной промышленности США. Бирмингем — имеется в виду не английский город Бирмингем, а американский, расположенный в железорудном бассейне того же названия, центр черной металлургии.

И быстро кончились. Ослабевший от голода — плохой боец. Пришли времена каннибалов. И тогда правительства, ужаснувшись того, что натворили с собой и соседями, наконец объединились.

Была воссоздана Организация Объединенных Наций, подрядившая Компании решить проблему искусственной пищи. Но то был медленный процесс.

Никто не обращал внимания, что над Американским континентом несутся западные ветра, подхватывая радиацию и остатки бактериологических безумств, подбирая свой груз над Скалистыми горами, в Луисвилле, Детройте, Нью-Йорке и сбрасывая отравленный груз над Восточным побережьем, над Атлантикой, рассеивая остальное по Азии. Но лишь мощное выпадение пыли над Каролинами, сочетавшееся с грибным дождем, привело к странной мутации в богатых планктоном водах Алмазной Банки.

Через десять лет после конца третьей мировой войны планктон перестал быть собой. Рыбаки побережья назвали его говном.

Алмазные Банки стали кипящим котлом творения.

Говно распространялось. Изменялось. Адаптировалось. Наступила паника. На мелководьях плескались уродливые внешнепанцирные рыбы; появились четыре новых вида акулы-собаки (один из них удачно приспособился к среде); несколько лет океан кишел сторукой каракатицей, потом она по непонятным причинам передохла.

А говно не дохло.

Его принялись изучать, и то, что казалось неудержимой и страшной угрозой морской жизни, а то и всей планете... оказалось чудом. Оно спасло мир. «Убитое» говно можно было перерабатывать в искусственную пищу. Оно содержало разнообразнейшие белки, витамины, аминокислоты, углеводы и даже необходимый минимум микроэлементов. Обезвоженное и упакованное, говно было выгодным экономически. Смешанное с водой говно можно было готовить, варить, жарить, парить, тушить, припускать, бланшировать и фаршировать. Почти идеальная пища. Ее запах менялся в зависимости от того, какой метод обработки использовался. Она могла иметь любой вкус — и никакого.

Говно вело растительный образ жизни. Неустойчивый ком протоплазмы явно не обладал разумом, хотя проявлял неудержимое стремление принимать форму. Говно постоянно принимало облики растений и животных — всегда недоделанные и неубедительные. Словно говно пыталось *стать* чем-то.

(Ученые в лабораториях Компаний надеялись, что говно так и не выяснит, *чем же* оно хочет стать.)

«Убитое», оно становилось отличной жратвой.

Компании возводили фабрики для его сбора — вроде « Техас-

Тауэр» — и обучали сборщиков. Сборщикам платили больше, чем любым неквалифицированным работникам на свете. И не за долгие смены или изнурительный труд. На языке закона это называлось «платой за риск».

Джо Парети протанцевал павану высшего образования и решил, что для него мелодия недостаточно энергична. Он стал сборщиком. В душе он до сих пор не понимал, почему деньги, перечисляемые на его счет, называются платой за риск.

Сейчас он поймет.

Песня закончилась воплем. Он проснулся. Ночной сон не принес отдыха. Одиннадцать часов лежа на спине, одиннадцать часов беспомощной изнурительной муки; и наконец избавление, абсурдный нырок в усталое бодрствование. Минуту Парети лежал, не в силах шевельнуться.

Вставая, он чуть не потерял равновесия. Сон обошелся с ним жестоко.

Сон прошелся наждаком по коже.

Сон отполировал ногти алмазной пылью.

Сон снял с него скальп.

Сон засыпал песком глаза.

«О боже мой!» — подумал Парети, каждым нервным окончанием ощущая боль. Он проковылял в сортир и врезал себе по шее коротким сильным залпом иголок воды из душа. Потом подошел к зеркалу, машинально выдернул бритву из зарядной розетки. Потом глянул на свое отражение и замер.

Сон: прошелся наждаком по коже, отполировал ногти алмазной пылью, снял с него скальп, засыпал песком глаза.

Не слишком красочное описание. Но почти буквальное. Именно это и случилось за ночь.

Парети глянул в зеркало и отшатнулся.

Если от секса с этой гребаной Флинн бывает такое, я пойду в монахи.

Он был совершенно лыс.

Редеющие волосы, которые он откидывал со лба в предыдущую смену, пропали. Череп гладок и бледен, как хрустальный шар предсказателя.

Ресниц нет.

Бровей нет.

Грудь безволоса, как у женщины.

Лобок оголен.

Ногти почти прозрачны, точно с них сошел верхний, сухой, мертвый слой.

Парети снова глянул в зеркало. Он увидел себя... более или менее. Не то чтобы слишком менее: пропало едва ли больше фунта. Но это был очень заметный фунт.

Волосы.

Полный комплект бородавок, родинок, шрамов и мозолей.

Защитные волоски в ноздрях.

Колени, локти и стопы облиняли до нежно-розового цвета.

Джо Парети сообразил, что все еще сжимает бритву, и отложил ее. И несколько бесконечных мгновений, завороженный ужасом, смотрел на свое отражение. У него появилось жуткое ощущение, будто он знает, что случилось. «Я в глубокой дыре», — подумал он.

Джо отправился искать фабричного доктора. В лазарете врача не оказалось. Парети нашел его в фармакологической лаборатории. Врач бросил на Джо короткий взгляд и повел в лазарет. Где и подтвердил подозрения Парети.

Фамилия врача была Болл; то был тихий, аккуратный, очень высокий, очень худой, полный неизбывной профессиональной зловещности человек. При виде безволосого Парети обычно мрачный доктор заметно повеселел.

Парети ощутил, как у него отнимают человеческое начало. Следуя за Боллом в лазарет, он был человеком; теперь он превращался в образец, в культуру микробов, подлежащую рассмотрению под микроскопом.

— Хм, да, — произнес врач. — Интересно. Будьте добры, поверните голову. Хорошо... хорошо... отлично, теперь моргните.

Парети повиновался. Болл пошуршал бумагами, включил камеры видеозаписи и, тихо мурлыкая, принялся раскладывать на подносе сверкающие инструменты.

— Само собой, вы ее подхватили, — добавил он, словно спохватившись.

— Подхватил — что? — вопросил Парети, надеясь, что получит иной ответ.

— Болезнь Эштона. Можете называть ее говенной заразой, но мы ее зовем болезнью Эштона, по первому больному. — Доктор хихикнул. — А вы что думали — что у вас дерматит?

Парети показалось, что он слышит призрак музыки, органы и арфы.

— Ваш случай, как и все остальные, атипичен, — продолжал Болл, — но это в нем и является типичным. У болезни есть и совершенно дикое латинское название, но «Эштон» тоже сойдет.

— В жопу это все, — прорычал Парети. — Вы полностью уверены?

— А почему вам, спрашивается, платят за риск, и какого дьявола меня на борту маринуют? Я вам не терапевт какой-нибудь, а специалист. Конечно, я уверен. Вы будете шестым зарегистрированным случаем. «Ланцет» и «Журнал АМА[1]» очень заинтересу-

[1] АМА — Американская Медицинская Ассоциация.

ются. Да если хорошо подать, и «Сайентифик Американ» может тиснуть статейку.

— Для меня-то вы что можете сделать? — рявкнул Парети.

— Предложить глоток отличного довоенного бурбона, — ответил доктор Болл. — Средство неспецифическое, но, я бы сказал, общеукрепляющее.

— Кончай мне мозги гребать! Это не смешно! Еще что-нибудь можешь сказать, ты, специалист?

Болл, кажется, только тут заметил, что его черный юмор встречают не с бурным энтузиазмом.

— Мистер Парети, медицинская наука не признает ничего невозможного, даже прекращения биологической смерти. Но это высказывание чисто теоретическое. Мы можем делать очень многое. Мы можем положить вас в госпиталь, накачать лекарствами, подвергнуть облучению, смазывать едкими жидкостями, равно как проводить эксперименты по гомеопатии, акупунктуре и прижиганию. Но, кроме больших неудобств, результата вы не получите. На нашем нынешнем уровне знаний болезнь Эштона представляется неизлечимой и, увы, приводящей к смерти.

На последнем слове Парети громко сглотнул.

Болл неприятно улыбнулся и заметил:

— Расслабьтесь и получайте удовольствие.

— Ах ты, трупный сукин сын! — Парети в гневе шагнул к нему.

— Прошу простить за мое легкомыслие, — поспешно проговорил врач, — знаю, у меня нет чувства юмора. Я не радуюсь вашей судьбе... нет, действительно... я рад, что у меня появилась настоящая работа. Но вы, как я вижу, не слишком много знаете о болезни Эштона. Жить с ней не так и тяжело.

— Но вы только что сказали, что она приводит к смерти!

— Именно. Но к смерти приводит *все*, включая здоровье и саму жизнь. Вопрос в том, как долго вы проживете и как именно.

Парети вяло опустился в шведское релаксационное кресло, которое поднятием подножников превращалось в ложе для абортов.

— По-моему, вы сейчас будете читать мне лекцию, — пробормотал он, внезапно обмякнув.

— Простите. Я просто извелся от скуки.

— Ну давайте, давайте, бога ради. — Парети устало помотал рукой.

— Ну, ответ несколько неоднозначен, хотя и не без приятных сторон, — сознался Болл с энтузиазмом. — Я уже сказал, что, по моему мнению, самое типичное в этой болезни — ее нетипичность. Давайте рассмотрим ваших сиятельных предшественников. Случай первый — скончался в течение недели после заражения, предположительно от легочных осложнений...

Парети сморщился.

— Проехали, — потребовал он.

— Ах, но случай второй! — промурлыкал Болл. — Вторым случаем был Эштон, тот самый, по которому назвали заболевание. Он стал разговорчив до эхолалии[1]. В один прекрасный день он начал левитировать перед довольно большой толпой зрителей. Он висел на высоте восемнадцати футов без видимой опоры, держа перед толпой речь на загадочном языке собственного изобретения. А потом растворился в чистом воздухе, и больше о нем ничего не слышали. Оттуда и пошла болезнь Эштона. Случай третий...

— А что случилось с Эштоном? — перебил его Парети с некоторым оттенком истерии в голосе.

Болл молча развел руками.

Парети отвернулся.

— Случай третий обнаружил, что может жить под водой, но не в воздухе. Он довольно счастливо прожил два года в коралловых рифах близ Марафона во Флориде.

— А с ним-то что случилось? — осведомился Парети.

— Его прикончила стая дельфинов. Первый зафиксированный случай нападения дельфинов на человека. Мы долго удивлялись, что же он им такого сказал.

— А остальные?

— Номер четвертый на данный момент живет в сообществе Провала Озабль. Держит грибную ферму. Разбогател. За исключением облысения и потери мертвых слоев кожи (в этом ваши случаи, кажется, идентичны), мы не смогли найти никаких признаков заболевания. С грибами он обходится просто мастерски.

— Звучит неплохо. — Парети приободрился.

— Возможно. Но вот номеру пятому не повезло. Совершенно невероятная дегенерация внутренних органов, сопровождаемая наружным их ростом. Вид у него при этом был абсолютно сюрреалистический — *сердце болтается слева под мышкой, кишки намотаны на талию*, и тому подобное. Потом у него начали расти хитиновый экзоскелет, антенны, чешуя, перья — словно его тело не могло решить, во что же ему превратиться. Наконец оно сделало выбор — анаэробный вид дождевого червя, что довольно необычно. Последний раз его видели, когда он закапывался в песчаные дюны близ Пойнт-Джудит. Сонар следил за ним несколько месяцев, до самой Центральной Пенсильвании.

Парети передернуло.

— Там он помер?

---

[1] Эхолалия — повторение услышанных фраз и звуков; обычно встречается при шизофрении.

Болл снова молча развел руками:

— Мы не знаем. Может быть, он лежит там в норе, неподвижный, высиживает партеногенетические яйца невообразимого нового вида. Или перешел в предел всех скелетных форм — в мертвый, неразрушимый камень.

Парети сжал безволосые руки и по-детски вздрогнул.

— Го-осподи, — прошептал он, — ничего себе перспективочка. Только об этом всю жизнь и мечтал.

— Ваш конкретный случай *может* оказаться приятным, — осмелился вставить Болл.

Парети глянул на него с неприкрытой злобой:

— Ну ты, непрошибаемый ублюдок! Сидишь тут под водой и хохочешь до колик, пока говно жрет какого-нибудь парня, которого ты в жизни не видел. Как ты развлекаешься, интересно — тараканов жаришь и их вопли слушаешь?

— Не вините меня, мистер Парети, — монотонно проговорил врач. — *Вы* выбрали себе работу, не я. Вам сообщили о риске...

— Мне сказали, что подхватить говенную заразу почти невозможно; все это было в контракте мелкими буквами, — встрял Парети.

— ...Но вам *сообщили* о риске, — настаивал Болл. — И вы получали премиальные за риск. Вы не жаловались ни разу за те три года, что деньги рекой лились на ваш счет, так не нойте теперь. Это просто непристойно. Зарабатывали вы примерно в восемь раз больше, чем я. На эти деньги вы можете неплохо утешиться.

— Да, премиальные я получал, — рыкнул Парети, — а теперь я их отрабатываю! Компания...

— Компания, — подбирая слова, произнес Болл, — ни за что не отвечает. Следовало читать то, что в контракте стоит маленькими буковками. Но вы правы: вы *действительно* отрабатываете свои премиальные. По сути дела, вам платили, чтобы вы подверглись риску заразиться редкой болезнью. Вы играли на деньги Компании в азартную игру — подхватите Эштона или нет? Играли и, к сожалению, кажется, проиграли.

— Я не вашего сочувствия ищу, — ядовито заметил Парети, — которого, кстати, и нет. Я ищу профессионального совета, за который вам платят — по-моему, переплачивают. Я хочу знать, что мне делать... и чего ожидать.

Болл пожал плечами:

— Ожидать неожиданного, конечно. Вы ведь только шестой случай. Четкой закономерности до сих пор не установлено. Болезнь эта так же многолика, как и ее возбудитель... говно. Единственное, что есть общего... и я не уверен, что это можно назвать общим...

— Кончай вокруг да около ходить, твою мать! Колись!

Болл поджал губы. Он явно собирался довести Парети до точки кипения.

— Общий элемент таков: происходит радикальное изменение взаимоотношений между жертвой и внешним миром. Трансформации могут быть *органическими*, вроде роста наружных органов и функциональных жабр, или *неорганическими*, наподобие левитации.

— А что с номером четвертым? Он же вроде здоров и с ним все в порядке?

— Не совсем в порядке. — Врач нахмурился. — Его отношение к грибам я назвал бы извращенной любовью. Можно добавить, взаимной. Некоторые исследователи полагают, что он сам стал разумным грибом.

Парети начал грызть ногти. В глазах его вспыхнуло безумие.

— Ну неужели нет никакого средства, ну хоть *чего-нибудь*?!

Болл воззрился на Парети с плохо скрываемым отвращением:

— Слезы и сопли вам точно не помогут. Да, наверное, и ничто не поможет. Сколько я понимаю, номер пятый пытался сдерживать развитие болезни силой воли, концентрацией... и всей прочей шарлатанщиной.

— Помогло?

— Ненадолго — возможно. Не могу быть уверенным. В любом случае это всего лишь догадка — болезнь все равно его сожрала.

— *Но это возможно?*

Болл фыркнул:

— Да, мистер Парети, возможно.

Он покачал головой, будто поверить не мог, что слышит такое.

— Помните, что ни один из случаев не похож на предыдущий. Не знаю, каких радостей вам стоит ожидать, но что бы это ни было... это определенно будет необычно.

Парети встал:

— Я с ним буду драться. Оно не сожрет меня, как остальных.

На лице Болла отразилось омерзение.

— Сомневаюсь, Парети. Я не встречался с остальными, но, сколько я могу судить по записям, духом они были куда сильнее вас.

— Почему? Потому что я потрясен?

— Нет, потому что вы слизняк.

— Ты тоже не больно похож на сострадательную мамочку!

— Я не собираюсь изображать скорбь оттого, что вы подхватили Эштона. Вы делали ставку — и продулись. Кончайте ныть.

— Вы это уже говорили, доктор Болл.

— И повторю!

— Это все?

— С моей стороны все, это точно, — фальшиво пропел Болл. — А вот для вас — далеко не все.

— Вы уверены, что не хотите мне больше ничего сказать?

Болл кивнул с неудержимой ухмылкой медицинского зомби. Он даже не успел убрать усмешку, когда Парети быстро шагнул к нему и врезал кулаком ему под ложечку — чуть пониже сердца. Глаза Болла выступили из орбит почти как говно, а лицо сменило три оттенка серого, прежде чем сравняться цветом с лабораторным халатом. Парети поддержал его левой рукой под подбородок, а правой нанес короткий прямой удар в нос.

Болл замахал руками и упал спиной на стеклянный шкафчик с инструментами. Стекло с треском лопнуло, и Болл соскользнул на пол, все еще в сознании, воющий от боли. Он пялился на Парети, пока тот разворачивался к дверям. Сборщик обернулся через плечо, и лицо его в первый раз с той минуты, как он вошел в лазарет, осветила улыбка.

— Херовые у вас манерочки, док, — сказал он и только тогда вышел.

Согласно закону ему давался час, чтобы покинуть «Техас-Тауэр». Он получил последний чек — зарплату за последнюю девятимесячную смену. К зарплате полагалось приличное выходное пособие. Хотя все знали, что болезнь Эштона не заразна, но, когда направлявшийся к выходному шлюзу Парети проходил мимо Пегги Флинн, она грустно глянула на него и попрощалась, однако поцеловать себя не позволила. Вид у нее был застенчивый.

«Шлюха», — пробормотал Парети себе под нос. Но она услышала.

За ним прислали челнок Компании. Большой, пятнадцатиместный, с двумя стюардессами, с баром, кинозалом и портативным бильярдом. Прежде чем Парети взошел на борт, в шлюзе с ним переговорил суперинтендант проекта.

— Ты, конечно, не «тифозная Мэри», передать болезнь никому не можешь. Эштон просто неприятен и непредсказуем — так мне, во всяком случае, говорили. Технически карантина нет — можешь отправляться, куда душа пожелает. Но практически — думаю, ты понимаешь, что в над-городах тебе не обрадуются. Впрочем, ты немногого лишишься... все дела под землей делаются.

Парети молча кивнул. Он уже переборол свое потрясение. Теперь он намеревался сражаться с болезнью одной силой воли.

— Все? — спросил он суперинтенданта.

Тот кивнул и подал Парети руку.

Парети поколебался и пожал ее.

— Эй, Джо! — окликнул его суперинтендант, когда Парети поднимался по трапу.

Джо обернулся.

— Спасибо, что врезал этому ублюдку Боллу. У меня шесть лет руки чесались. — Суперинтендант ухмыльнулся.

Джо Парети улыбнулся в ответ — смущенно и отважно, и попрощался со всем, кем и чем был он, и сел на челнок до реального мира.

Ему полагался бесплатный билет до любого места по его выбору, и он выбрал Восточные Пириты. Если он и начнет новую жизнь на скопленные за три года работы на говенных полях деньги, то пусть это будет одна неимоверная увольнительная. Он уже девять месяцев не видел ничего возбуждающего — плоскогрудая Пегги Флинн к этой категории определенно не относилась — и прежде чем лечь в могилу, намеревался наверстать упущенное.

Стюардесса в открытом на груди джемпере и микроюбке подошла к его креслу и улыбнулась сверху вниз.

— Не желаете выпить?

Парети хотел не выпить. Стюардесса была длинноногая, грудастая, с бирюзовыми волосами. Но Парети понимал, что она знает о его болезни и отреагирует в лучшем случае, как Пегги Флинн.

Он улыбнулся, подумав о том, что он мог бы с ней сделать, сложись все иначе. Стюардесса взяла его за руку и отвела в туалетную. Она впихнула его внутрь, заперла дверь и скинула одежду. Парети так изумился, что безропотно позволил раздеть себя. В крохотной уборной было тесно и неуютно, но стюардесса попалась на удивление изобретательная, а кроме того — гибкая.

Разделавшись с Парети — лицо раскраснелось, шею покрывают пурпурные пятна засосов, глаза блестят почти лихорадочно, — стюардесса пробормотала что-то насчет того, что не смогла перед ним устоять, собрала одежду, не удосужившись даже надеть ее, и в приступе острого смущения вылетела из уборной, оставив Парети стоять со спущенными штанами.

Парети глянул на себя в зеркало. Снова. Похоже, он сегодня только и делает, что смотрится в зеркало. Из зеркала на него смотрел все тот же лысый Парети. У него появилось сладостное предчувствие, что, как бы ни меняло его говно, оно, похоже, делало его неотразимым для женщин. Ему как-то расхотелось думать о говне слишком плохо.

В мечтах он видел, какие радости и наслаждения поджидают его, если говно, скажем, одарит его лошадиным достоинством, усилит и без того очевидное притяжение, которое испытывают к нему женщины.

Он спохватился.

Ну-ну. Спасибочки. Именно это и случилось с остальными пятью. Говно захватило их. Говно делало то, чего они ожидали. Ну так он будет бороться с ним, сражаться всем телом, от лысой макушки до младенчески розовых пяток.

Парети оделся.

Нет, ни в коем случае. Хватит с него такого секса. (Кроме всего прочего, Парети понял — что бы ни сотворило говно с его привлекательностью, оно еще и усилило его ощущения в половой области. Лучше он еще в жизни не трахался.)

Он повеселится немного в Восточных Пиритах, потом купит себе участочек наверху, найдет хорошую бабу, осядет и купит себе теплое местечко в одной из Компаний.

Парети вернулся в салон. Вторая стюардесса не сказала ничего, но той, что отволокла Парети в уборную, до конца полета не было ни видно, ни слышно, а ее напарница все время поглядывала на Джо так, словно хотела впиться в него маленькими острыми зубками.

Восточные Пириты (штат Невада) располагались в восьмидесяти семи милях южнее радиоактивных развалин, называвшихся когда-то Лас-Вегас. И тремя милями ниже. Город неизменно входил в топ-лист чудес света. Его привязанность к пороку едва не переходила в одержимость, а сравниться могла лишь с почти пуританским поиском наслаждений. Именно в Восточных Пиритах возникла замечательная фраза:

НАСЛАЖДЕНИЕ — ЭТО СУРОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ, НАЛОЖЕННАЯ НА НАС ЖИЗНЬЮ.

В Восточных Пиритах античные культы плодородия воскрешались с полной серьезностью. Что это действительно так, Парети обнаружил, выйдя из скоростного лифта на семидесятом подуровне. На перекрестке улицы Бичей и бульвара Звездной Пыли проходила массовая групповуха между пятью десятками поклонников Иштар и десятью очаровательными девушками, кровью подписавшими договор о вступлении в число «Шлюх Кибелы».

Парети обошел оргию стороной. Идея, конечно, замечательная, но он не собирался по доброй воле помогать говну завладеть им.

Сидя в такси, он обозревал ландшафты. В Странноприимном Храме гостям прислуживали девственные дочери городских богачей; на площади Солнца проходили публичные казни богохульников; христианство находилось в загоне — скучно.

Древний невадский обычай азартных игр еще соблюдался,

однако изменился, разветвился и усложнился невероятно. В Восточных Пиритах выражение «Голову даю на отсечение» имело вполне прямой и довольно мрачный смысл.

Многие из процветавших в Восточных Пиритах занятий были незаконны, иные — невероятны, а некоторые просто непредставимы.

Парети тут сразу понравилось.

Он поселился в отеле «Вокруг Света Комбинэйшн», недалеко от Цеха Извращений, напротив зеленеющих просторов Сада Пыток[1]. Попав в номер, Парети принял душ, переоделся и задумался, куда бы ему пойти. Обед в «Бойне» — само собой. Потом, наверное, небольшая разминка в прохладной темноте клуба грязевых ванн, а потом...

Внезапно Парети ощутил, что он не один. В комнате был еще кто-то или что-то.

Он огляделся. Все вроде бы в порядке, но он мог поклясться, что положил куртку на стул. А теперь она лежала на кровати рядом с ним.

Поколебавшись секунду, он потянулся к куртке. Ткань скользнула в сторону. «Поймай меня!» — сказала куртка с монотонной игривостью. Парети кинулся на нее, но куртка отскочила.

Парети тупо уставился на нее. Проволока? Магниты? Шуточки управляющего? Инстинктивно он понимал, что не найдет рационального объяснения шевелящейся и говорящей одежде. Парети скрипнул зубами и пошел по следу.

Куртка ускользала от него, хохоча и размахивая полами, как летучая мышь. Наконец Парети загнал ее за массажный аппарат и ухватил за рукав. «Надо будет эту хренову тряпку постирать, — пришла ему в голову безумная мысль. — А потом сжечь».

Куртка обмякла на секунду. Потом свернулась в комочек и пощекотала ему ладонь.

Парети непроизвольно хихикнул, потом отшвырнул смятую одежду и вылетел из комнаты.

Спускаясь в лифте на улицу, он осознал, что это и есть настоящее начало болезни Эштона. Болезнь изменила его взаимоотношения с одеждой. С неодушевленным объектом. Говно охамело.

Что-то будет дальше?

Парети сидел в уютном местечке под названием «Уютное местечко». Это был зал игральных автоматов, введший в обиход сложную игру под названием «Вставной». Чтобы вступить в игру,

[1] «Сад Пыток» — книга маркиза де Сада.

следовало сесть за длинной стойкой, перед круглым отверстием с полиэтиленовой прокладкой, и поместить в отверстие определенную часть тела. Игра была, само собой, чисто мужская.

Ставки помещались на мерцающие панельки, покрывавшие стойку. Огоньки менялись в соответствии со сложной компьютерной программой, и в зависимости от размещения и размера ставок с помещенной в отверстие деталью анатомии происходили самые разные вещи. Иногда очень приятные. А иногда — нет.

В десяти сиденьях направо от Парети пронзительно, по-бабьи, завизжал человек. Явился служитель в белом с простыней и пневматическими носилками, унес игрока. Мужчина по левую руку от Парети наклонился вперед, вцепившись в стойку, и постанывал от наслаждения. На панели перед ним мигала янтарная надпись «ВЫИГРЫШ».

За спиной Парети появилась высокая стройная женщина со смоляно-черными волосами.

— Лапочка, ну что ж ты себя тратишь на это безобразие? Давай лучше спустимся ко мне и немного потискаемся...

Парети запаниковал. Он понял — говно снова за работой. Он отскочил от стойки в тот самый момент, как мерцающие огоньки перед ним сложились в слово «ПРОИГРЫШ» и из игрового отверстия донесся отчетливый звук циркулярных бритв. Ставки его засосало в панель, и Парети отвернулся, не глядя на женщину, зная, что она — самое шикарное создание, которое он видел в жизни. Только этих излишеств ему не хватало.

Он выбежал из «Уютного местечка». Говно и болезнь Эштона портили ему прекрасный отпуск. Но он не позволит, повторяю, *не позволит* какому-то говну взять верх. За его спиной рыдала женщина.

Он торопился, сам не зная куда. Страх был его невидимым двойником. То, от чего он бежал, сидело в нем, вздрагивало и росло в нем, бежало вместе с ним и, наверное, забегало вперед. Но бессмысленный ритуал бегства успокоил его, позволил поразмыслить.

Он уселся на садовой скамейке под непристойной формы пурпурным фонарным столбом. Многозначительно подмигивали неоновые рекламы. Было тихо — только играл музыкальный автомат. Парети сидел во всемирно известном сквере Бодуна. Он слышал только музыку из автомата и сдавленные стоны кончающего(ся?) в кустах туриста.

Что же делать? Он может бороться, он может, сосредоточившись, победить проявления болезни Эштона...

Газета прошелестела по тротуару и прилепилась к ноге Парети. Джо попытался стряхнуть ее. Газета вцепилась в ботинок и отчетливо прошептала: «Прошу тебя, пожалуйста, не отвергай меня!»

— *Сгинь!!!* — взвыл Парети. Его пробрал ужас: газета шуршала, пытаясь расстегнуть ему ботинки.

— Я хочу ноги тебе целовать, — молила газета. — Неужели это так страшно? Или грешно? Разве я уродлива?

— Отпусти! — заорал Парети, отдирая от себя газету, превратившуюся в пару огромных белых губ.

Проходящий мимо зевака остановился, присмотрелся и заявил:

— Черт, парень, это самое крутое представление, что я видел! Ты этим на хлеб зарабатываешь или так, из любви к искусству?

— Вуайерист! — прошипела газета и упорхнула.

— Как ты ею управляешь? — спросил прохожий. — У тебя дистанционник в кармане или как?

Парети тупо покачал головой. Внезапно на него навалилась усталость.

— Вы правда видели, как она мне ногу целует? — спросил он.

— Да я именно это и собирался сказать, — ответил прохожий.

— А я-то надеялся, что у меня просто галлюцинации, — пробормотал Парети.

Он встал со скамейки и, пошатываясь, побрел по дорожке. Он не спешил.

Он не торопился встретиться с очередным проявлением болезни Эштона.

В мрачном баре он выпил шесть коктейлей, и его пришлось тащить в общественный вытрезвитель на углу. Пока его приводили в чувство, он материл фельдшеров. Пьяный, он по крайней мере не должен был соревноваться с окружающим миром за обладание собственным рассудком.

В «Тадж-Махале» он играл в девочек, нарочно не глядя, когда кидал ножи и кинжалы в распятых на вертящемся колесе шлюх. Он отсек ухо блондинке, бесполезно всадил кинжал между ног брюнетки, при остальных же бросках мазал совершенно. Это обошлось ему в семьсот долларов. Он запротестовал, и его вышвырнули.

На Леопольдовом тракте к нему подошел головоменяла, предлагая невыразимые наслаждения незаконной смены голов у «аккуратного и очень надежного» доктора. Парети позвал полицию, и мошенник скрылся в толпе.

Таксист предложил съездить в «Долину слез», прозвучало не

слишком весело, но Парети согласился. Заглянув в это заведение — восемьдесят первый уровень, трущобы, мерзкие запахи и тусклые фонари, — Парети сразу понял, куда его занесло. Некропритон. Вонь свежесваленных трупов забивала горло.

Он остался всего лишь на часок.

Потом были навч-точки, и слепые свиньи, и галлюциногенные бары, и множество рук, трогающих его, ласкающих его.

Наконец Парети обнаружил, что вернулся в парк, на то место, где на него кинулась газета. Он не помнил, как попал сюда, но на груди его красовалась татуировка в виде голой семидесятилетней карлицы.

Он побрел через парк, но быстро обнаружил, что это не лучшая дорога. Сосенки поглаживали и посасывали его плечи, «испанский мох» пел фанданго; плакучая ива орошала его слезами. Он бросился бежать, чтобы уйти от нескромностей голых кленов, черных шуток чернобыльника, томления тополей. Болезнь поражала через него все окружающее. Он заражал весь мир; да, он не мог передать свою болезнь людям, черт, все куда хуже, он нес ее всему *неодушевленному миру*! И изменившаяся Вселенная обожала его, пыталась завоевать его сердце. Богоподобный, Недвижный Движитель, неспособный справиться с невольными своими творениями, Парети боролся с паникой и пытался избежать страсти внезапно зашевелившегося мира.

Он прошел мимо банды подростков, предложивших за умеренную плату вышибить из него дух; но он отказал им и поковылял дальше.

Он вышел на бульвар де Сада, но и там не было ему покоя. Он слышал, как перешептываются о нем плитки мостовой:

— Какая он *лапочка*!

— Забудь, все равно он на тебя и не глянет. — Ах ты сука ревнивая!

— Я тебе говорю, не глянет он на тебя.

— Да ну тебя. Эй, Джо!..

— Ну что я тебе говорила! Он на тебя и не посмотрел!

— Но так нечестно! Джо, Джо, я тут...

— По мне, — заорал Парети, разворачиваясь, — одна плитка от другой ничем не отличается! Все вы тут на одно лицо!

Это их, слава богу, заткнуло. Но что это?

Высоко над головой замигало световое панно, оповещавшее о скидках в «Секс-Городе». Буквы поплыли и свернулись в новую надпись:

Я НЕОНОВАЯ ВЫВЕСКА, И Я ОБОЖАЮ ДЖО ПАРЕТИ!

Немедленно собралась толпа, чтобы поглазеть на феномен.

— Да кто, мать его, такой этот Джо Парети? — осведомилась какая-то женщина.

— Жертва любви, — объяснил ей Парети. — Не произносите это имя громко, иначе следующий труп может стать вашим.

— У тебя крыша едет, — ответила женщина.

— Боюсь, что нет, — ответил Парети вежливо и немного безумно. — Сумасшествие — это, признаюсь, моя мечта, но боюсь, что мечта недостижимая.

Женщина проводила его взглядом, когда он распахнул дверь и вошел в «Секс-Город». Но она не поверила своим глазам, когда дверная ручка ласково похлопала Парети по ягодице.

— Дело, в общем, такое, — заявил продавец. — Исполнение не проблема; самое сложное — это желание, доезжаете? Исполненные желания *гибнут*, и их приходится заменять новыми, *иными* желаниями. Чертова уйма людей мечтают стать извращенцами, но не могут, потому как всю жизнь желали только всякого пристойного. Но мы в Центре Импульсной Имплантации можем внушить вам все, чего вы захотите пожелать!

Продавец вцепился в рукав Парети турохваткой — резиновым захватом на телескопическом шесте, применяемом для удержания туристов, прогуливающихся по Аркаде Странных Услуг, и притягивания оных туристов поближе к прилавку.

— Спасибо, с меня хватит, — произнес Парети, без особого успеха пытаясь стряхнуть турохватку с рукава.

— Эй, парень, постой, обожди! У нас спецскидка, сущие гроши, только на этот час! Представь, мы тебе педофилию вставим, настоящее крутое желание, незатасканное еще, а? Или зоофилия... или *оба* возьмите, совсем дешево выйдет...

Парети ухитрился вывернуться из зажима и помчался по Аркаде, не оборачиваясь. Он-то знал, что никогда нельзя импульсно имплантироваться в уличных лавках. Один его приятель-сборщик, находясь в отпуске, совершил подобную ошибку: ему подсунули страсть к гравию, и бедняга скончался через три предположительно наполненных наслаждением часа.

Аркада кишела народом, крики и смех придурков и извращенцев на каникулах поднимались к центральному куполу, к переливчатым огням, орущим динамикам и травожогам, испускающим непрерывные струйки сладостного марихуанного дыма. Парети желал тишины, он желал одиночества.

Он забрел в «Лавку духов». В некоторых штатах половые сношения с призраками запрещались законом, но большинство докторов соглашались, что это вполне безвредно, если не забыть по-

том смыть остаток эктоплазмы тридцатипроцентным спиртом. Женщины, конечно, рисковали больше. (Парети обратил внимание на «Платный душ и биде» как раз напротив Аркады и изумился на мгновение тщательности Бюро по развитию бизнеса Восточных Пиритов — все продумано.)

Он расслабился в темноте, услыхал тихий, жуткий стон...

Потом дверь открылась.

— Мистер Джозеф Парети? — спросила служительница в униформе.

Парети кивнул:

— В чем дело?

— Прошу прощения, что побеспокоила, сэр, но вам звонят. — Она передала Парети телефон, погладила по ноге и вышла, закрыв дверь. В руках у Парети телефон зажужжал. Джо поднял трубку:

— Алло?

— При-ивет!

— Кто это?

— Это твой телефон, дурачок! А ты что подумал?

— Не могу я больше это выносить! Заткнись!

— Говорить-то несложно, — заметила трубка. — Сложнее найти, что сказать.

— Ну так и что ты хочешь сказать?

— Да ничего особенного. Просто хотела тебе напомнить, что где-то, как-то, но Берд еще жив.

— Берд? Какой Берд? О чем ты, мать твою, болтаешь?

Ответа не было. В трубке воцарилась тишина.

Парети поставил телефон на подлокотник и откинулся в кресле, искренне надеясь, что хоть немного побудет в тишине и покое. Телефон зажужжал почти сразу же. Парети сидел неподвижно, и телефон принялся звонить. Парети снова поднял трубку:

— Алло?

— При-ивет! — пропел шелковый голос.

— Да кто это?!

— Это твоя телефонная трубка, Джо, милый. Я уже звонила. Думала, ты запомнишь голос.

— Оставь меня в покое! — почти простонал Джо.

— Как же я могу, Джо? — спросила трубка. — Я люблю тебя! Ох, Джо, Джо, я так старалась тебе угодить. Но ты такой мрачный, детка, я прямо не знаю. Я была такой сосенкой, а ты даже не глянул на меня! Я стала газетой, а ты даже не удосужился прочесть, что я тебе написала, неблагодарный ты!

— Ты моя болезнь, — пробормотал Джо заплетающимся языком. — Сгинь!

— Я? *Болезнь*? — переспросила трубка с обидой в шелковом

голосе. — О, Джо, лапочка, как ты можешь так обо мне говорить? Как ты можешь изображать равнодушие после всего, что было между нами?

— Не знаю, о чем ты, — проговорил Парети.

— Ты прекрасно знаешь! Ты каждый день приходил ко мне, Джо, в теплое море. Я была тогда молодая и глупая, ничего не понимала. Я пыталась спрятаться от тебя. Но ты вытаскивал меня из воды, ты влек меня к себе; ты был так терпелив и нежен, и мало-помалу я выросла. Иногда я даже пыталась влезть по рукоятке сачка, чтобы поцеловать твои пальцы...

— Хватит! — Парети казалось, что рассудок отказывает ему, это безумие, все плывет и меняется, мир и «Лавка духов» завертелись каруселью. — Ты все не так поняла!

— Ну как же! — возмутилась трубка. — Ты называл меня ласковыми именами, я была твоим гребаным говном! Признаюсь, я пробовала и с другими мужчинами, прежде чем мы встретились, Джо. Но ведь и у тебя были женщины, так что давай не будем ворошить прошлое. Но даже с теми пятерыми я никак не могла стать тем, чем мечтала. Ты ведь понимаешь, как мне это было больно, да, Джо? Передо мной лежала вся жизнь, а я не знала, что с ней делать. Облик — это карьера, знаешь, и я так путалась, пока не встретила тебя... Извини, что я так болтаю, дорогой, но мы в первый раз смогли поговорить спокойно.

Парети прорвался сквозь этот многословный бред и наконец понял. Говно недооценили. Оно было юным, немым, но отнюдь не лишенным разума созданием, движимым могучей страстью, общей для всех живых тварей. Страстью обрести облик. Оно развивалось...

Во что?

— Так как ты думаешь, Джо? Чем бы ты хотел меня видеть?

— А ты можешь стать девушкой? — смущенно спросил Парети.

— Боюсь, что нет, — ответила трубка. — Я пыталась несколько раз, и симпатичной колли пыталась быть, и лошадью. Но, наверное, у меня очень скверно получалось, и чувствовала я себя ужасно. Я хочу сказать, это просто не для меня. Но что-нибудь другое — только попроси!

— Нет! — взревел Парети. На мгновение он поддался. Безумие захватывало его.

— Я могу стать ковриком под твоими ногами или, если тебе это не покажется неприличным, твоим бельем...

— Я не люблю тебя, будь ты проклята! — взвизгнул Парети. — Ты просто серое гнусное говно! Ненавижу тебя! Ты, зараза... что б тебе не влюбиться во что-нибудь вроде себя?

— Нет ничего похожего на меня, кроме меня, — всхлипнула трубка. — И я ведь люблю *тебя*!

— А я тебя в гробу видал!

— Ты садист!

— А ты воняешь, ты уродка, я не люблю тебя и *никогда* не любил!

— Не говори так, Джо, — предупредила трубка.

— А я говорю! Я тебя никогда не любил, я *только пользовался тобой*! Не нужна мне твоя любовь, тошнит меня от нее, поняла?!

Он ждал ответа, но трубка хранила зловещее, мрачное молчание. Потом послышались гудки. Трубка повесилась.

Парети вернулся в отель. Он сидит в своем шикарном номере, хитроумно созданном для механических подобий любви. Любить Парети, без сомнения, возможно; но сам он лишен любви. Это ясно стулу, и кровати, и легкомысленной лампе под потолком. Даже не слишком наблюдательный шкаф замечает, что Парети никого не любит.

Это не просто печально — это раздражает. И это не просто раздражает — это бесит. Любить — значит позволять, не любить — непозволительно. Неужели это правда? Джо Парети не любит лишенную любви возлюбленную.

Джо Парети — мужчина. Шестой мужчина, отвергнувший любовь своей любящей любовницы. Мужчина не любит: можно ли спорить с этим выводом? Так можно ли ожидать, что обманутая страсть не вынесет свой приговор?

Парети глядит вверх и видит на стене напротив зеркало в золоченой оправе. Он вспоминает, что зеркало привело Алису в Зазеркалье, а Орфея — к погибели; что Кокто называл зеркала вратами в ад.

Он спрашивает себя: что есть зеркало? И отвечает: зеркало — это глаз, который ждет, чтобы им посмотрели.

Он глядит в зеркало и видит, что из зеркала выглядывает Парети.

У Джо Парети — пять новых глаз. Два на стенах спальни, один — в спальне на потолке, один в ванной, один — в гостиной. Он смотрит новыми глазами и видит новые вещи.

Там, на кровати, сидит лишенная любви тварь. Из полумрака выступает настольная лампа, в ярости выгнув шею. Видна еще дверь шкафа, оцепеневшая и немая от ярости.

Любовь — всегда риск; но ненависть — опасность смертельная.

Джо Парети выглядывает из зеркал и говорит себе: я вижу — человек сидит на стуле и стул кусает его за ногу.

ГОЛОСА

Как и многие из нас, мистер Уэст нередко испытывал трудности в принятии решений. Но, в отличие от многих из нас, мистер Уэст решительно отказывался от помощи сверхъестественного. Какие бы проблемы ни мучили его, он не собирался пользоваться предсказаниями «ИЦзин», раскладывать карты Таро или составлять гороскоп. Этот полноватый, мрачный и неразговорчивый человек служил бухгалтером в нью-йоркской фирме «Адвелл, Гиппер и Гасконь», а оттого полагал, что решения следует принимать исключительно рациональным методом.

Лично мистер Уэст консультировался с внутренним Голосом. Голос всегда говорил, что следует сделать в том или ином случае, и всегда оказывался прав.

Внутренний Голос мистера Уэста работал безупречно многие годы. Неприятности начались в ту неделю, когда инженеры взялись проверять только что установленные генераторы в недавно построенном Конгломерат-Билдинге по другую сторону улицы от дома мистера Уэста. Следует отметить также, что на той неделе наблюдался необычайно высокий уровень солнечной активности, космические лучи достигли невиданной за последние десять лет силы, а пояса Ван-Аллена сместились к югу на четыре градуса.

Мистера Уэста в тот момент беспокоили две проблемы. Первой была Амелия — очаровательная, желанная, желающая и доступная, — а также слабоумная четырнадцатилетняя его племянница. Она жила в доме мистера Уэста, пока ее родители колесили по Европе, и одна мысль о ней заставляла руки хозяина дома трястись, а нос — чесаться. Однако мистер Уэст вспомнил, сколько лет дают за изнасилование, отягощенное кровосмешением, и решил повременить.

Вторая проблема касалась акций южноафриканской «Семь Потов Лимитед». Они катились вниз, и мистер Уэст подумывал, а не продать ли их, купив взамен акции международной корпорации «Танатопсис».

Чтобы принять серьезное деловое решение, мистеру Уэсту следовало оценить такие факторы, как маржа прибыли, сезонные колебания, уверенность инвесторов, индекс Доу-Джонса, урожай альфальфы и многое другое. Удержать все это в голове не под силу ни одному человеку. Для Голоса явно появилась работенка.

Голос подумал ночь, а за завтраком заявил:

— О'кей, я, кажется, нашел решение. Сложность заключается в рассеянии определенных свойств, которые могут быть индуцированы в напряженных паутинных структурах.

— Что-что? — переспросил мистер Уэст.

— Прочность и гибкость могут быть объединены в одной градиентной функции, — продолжал Голос, — при условии, что она является абсолютной в области гомеостаза самозамыкающихся систем. Таким образом молярное увеличение приводит к экспоненциальному росту прочности продукта.

— Ты о чем болтаешь? — осведомился мистер Уэст.

— Мнимое нарушение закона Фрошета вызвано тем фактом, что поток энергии через конечно-ориентированные паутинно-гальковые структуры может рассматриваться как простая биполярная переменная. Стоит это понять, и промышленные применения этой формы ламинирования становятся ясны.

— Мне — нет! — заорал мистер Уэст. — Что вообще творится? Ты кто?!

Голос не ответил. Он повесил трубку.

Остаток дня в голове мистера Уэста звучали различные Голоса и говорили самые странные вещи:

— Мартин Борман жив, здоров и работает аудитором[1] сайентологии в Манаусе, Бразилия.

— Прыгушка возьмет третий на «Акведуке».

— Ты потенциальный повелитель Солнечной системы, но твои злобные псевдородители заключили тебя в грязном смертном теле.

Эти разговоры начинали беспокоить мистера Уэста. Он уже выяснил, что слышать один Голос может и человек разумный, и психически нормальный. Но множество Голосов слышат только сумасшедшие. И что было хуже всего — его собственный Голос больше не отвечал ему.

Следующие несколько дней мистер Уэст пытался сохранять спокойствие и решать свое проблемы самостоятельно. Он продал акции «Семи Потов Лимитед», и те взлетели вверх на пять пунктов. Он купил акции «Танатопсиса», и те упали до рекордно низкой отметки, когда «Таймс» объявил появление новой сыворотки бессмертия «неизбежным».

Он пытался решить проблему с Амелией.

— Подумаем, — бормотал он, почесывая зудящий нос потными руками. — Я могу пробраться в ее комнату ночью, надев черную маску. Она меня скорее всего узнает, но в суде я смогу все отрицать, а кто поверит идиотке? Или можно убедить ее, что последнее слово в сексуальном образовании — это практические занятия...

Но мистер Уэст и сам понимал, что такие решения слишком

[1] Церковь сайентологии основана Л. Роном Хаббардом. Ее основным постулатом является достижение духовного совершенства через освобождение от «травм». Освобождение достигается путем исповеди, а «исповедник» называется аудитором.

опасны. Он просто не мог справиться со своими проблемами — зачем, если этим занимался Голос. Мистеру Уэсту Голос представлялся его собственной копией, только размером с горошину; Голос сидел в мозгу под табличкой «Главный управляющий», воспринимал мир через чувства мистера Уэста, сортировал информацию и принимал решения.

Таков был естественный, разумный порядок вещей. Но личный Голос мистера Уэста больше не был слышен — то ли не мог к нему пробиться, то ли исчез вовсе.

К концу недели мистер Уэст извелся от нетерпения.

— Ну реши же хоть что-нибудь! — орал он, колотя себя кулаком по лбу.

Но ничего не происходило, а посторонние Голоса сообщали, как получить жидкий гелий при комнатной температуре, как построить из старой стиральной машины сущностный экстрактор многоразового взлета и как ввести в технику коллажа фон из передержанных ротогравюр.

Наконец проверка генераторов завершилась, солнечная активность начала снижаться, мощность космических лучей вернулась к норме, пояса Ван-Аллена сместились на четыре градуса к северу, и мистер Уэст перестал слышать Голоса.

Последними двумя сообщениями, которые он получил, были:

— Попробуй надеть бюстгальтер без лямок, на размер меньше нужного. Если это его не соблазнит — можешь бросать всю затею.

И:

— Иди же и отведи чад моих в святилище на горе Аллюси, дабы возносили они хвалы мне, ибо одно лишь сие святое место сохранится, когда сокрушат друг друга многогрешные народы огнем и чумой, и не забудь прикупить тайно побольше свободной земли в тех местах, ибо цены на недвижимость там взлетят до небес, когда в следующем году начнется фейерверк.

Но этим дело не ограничилось. В тот же день мистер Уэст прочел в «Нью-Йорк таймс» интересную заметку. Муниципальный полицейский из Рио-Гранде-де-Сул, ведомый тем, что он назвал «гласом небес», отправился в Манаус и нашел там аудитора сайентологии Мартина Бормана, живого и здорового.

Мистер Уэст глянул на спортивную страничку и обнаружил, что днем раньше лошадь по кличке Прыгушка выиграла третий заезд на ипподроме «Акведук».

А на следующий день вечером мистер Уэст услышал в семичасовых новостях, что взрыв в Смитсоновском музее уничтожил большую часть коллекции чучел.

Мистера Уэста это очень обеспокоило. Он поспешил в киоск и накупил кучу газет и журналов. В «Арт-Таймс» он прочел, что Кальдерон Келли на своей последней выставке представил кол-

лажи с использованием передержанных ротогравюр в качестве фона — одновременно воздушные и навевающие глубокие раздумья. А «Сайенс-Брифс» посвятил целую колонку Джону Вольпингу, открывшему новый метод ламинирования, использующий ток энергии через конечно-ориентированные паутинно-гальковые системы. Ожидалось, что метод Вольпинга произведет революцию в ламинировании.

Особенно мистера Уэста заинтересовала статья в нью-йоркской «Пост» о новой религиозной колонии на северном склоне горы Аллюси в Восточном Перу. За Элиху Литтлджоном Картером (известным также как Последний Пророк) последовали в это пустынное место две дюжины американцев, убежденных в скором конце света.

Мистер Уэст отложил газету. Чувствовал он себя странно — ошеломленным и обалдевшим. Точно сомнамбула, он подошел к телефону, выяснил номер «Пан-Ам», позвонил и заказал билет в Лиму на следующий день.

А повесив трубку, мистер Уэст услыхал над ухом безошибочно узнаваемый ясный голос — *его* Голос:

— Зря ты продал «Семь Потов». Но ты еще можешь вернуть деньги, прикупив «Танатопсис», потому что в следующем месяце он пойдет вверх.

Крохотный мистер Уэст вернулся на место главного управляющего!

— Где ты был? — спросил большой мистер Уэст.

— Да я и не уходил никуда. Просто не мог связь наладить.

— Ты, часом, не слышал о том, что в будущем году намечается конец света? — спросил мистер Уэст.

— Я на такой бред внимания не обращаю, — ответил крохотный мистер Уэст. — Так вот, теперь об Амелии — просто подмени ее таблетки от простуды двумя нембуталами[1], а остальное... сам понимаешь...

Мистер Уэст сдал билет в Перу. Акции корпорации «Танатопсис» к концу месяца поднялись на десять пунктов, а Амелия подсела на снотворных. Каждый должен следовать велениям собственного Голоса.

БОЛОТО

Эду Скотту хватило одного взгляда на бледное от ужаса лицо мальчишки, чтобы понять — случилось что-то страшное.

— В чем дело, Томми? — спросил он.

[1] Транквилизатор и снотворное.

— Это Пол Барлоу! — вскрикнул мальчик. — Мы с парнями играли на восточном болоте... и... и он тонет, сэр!

Скотт понял, что нельзя терять времени. Только за последний год в предательских топях восточного болота погибли двое. Опасное место обнесли забором, детишкам строго запретили там появляться, но они продолжали играть на болоте. Скотт подхватил в гараже моток веревки и побежал.

Через десять минут он изрядно углубился в болото. На заросшем травой берегу топи стояло шестеро мальчишек, а в двадцати футах за ними, посреди гладкой, изжелта-серой площадки, находился Пол Барлоу. Он уже до пояса ушел в податливый зыбучий песок и продолжал погружаться. Он отчаянно размахивал руками, а песок затягивал его все глубже. Похоже было, что парень решил пробежать по болоту на спор. Разматывая веревку, Эд Скотт раздумывал, почему эти ребятишки ведут себя так убийственно глупо.

Он швырнул конец веревки, и шестеро мальчишек зачарованно наблюдали, как тот опускается точно в руки Пола. Но песок доходил тонущему уже до середины груди, и у Пола не хватило сил удержать веревку.

Оставались считанные секунды. Скотт обмотал пень веревкой, схватился за нее и бросился к визжащему от ужаса мальчишке. Песок колебался, цеплял за ноги. «Интересно, — подумал Скотт, — а хватит ли у меня сил вытащить на берег и себя, и парня?» Но прежде надо успеть доползти до Пола.

До погрузившегося в песок по шею мальчика оставалось всего пять футов. Крепко держась за веревку, Скотт сделал еще шаг, погружаясь почти до пояса, скрипнув зубами, потянулся к мальчику — и тут натянутая веревка провисла. Скотт дернулся, пытаясь вырваться, а болото засасывало его, покрыло грудь, шею, заполнило распахнутый в крике рот и сомкнулось наконец над макушкой...

На берегу один из мальчишек защелкнул перочинный нож, которым перерезал веревку. Малыш Пол Барлоу осторожно встал на деревянной платформе, которую они с парнями затопили у берега и тщательно проверили. Нащупывая каждый шаг, Пол выбрался из песка, обошел опасное место и присоединился к товарищам.

— Превосходно, Пол, — сказал Томми. — Ты довел взрослого до смерти и потому становишься действительным членом Клуба Губителей.

— Благодарю, господин президент, — ответил Пол, и все захлопали в ладоши.

— Одно замечание, — добавил Томми. — В будущем, пожа-

луйста, не переигрывай. Излишне громкий визг звучит, знаешь ли, неубедительно.

— Буду стараться, господин президент, — ответил Пол.

Тем временем наступил вечер. Пол и его товарищи поспешили домой ужинать. Мама Пола с одобрением глянула на порозовевшие щеки сына: игры с приятелями на свежем воздухе определенно шли ему на пользу. Но, как и любой мальчишка, с прогулки он являлся перемазанным с головы до пят — и с грязными руками.

ЧЕРЕЗ ПИЩЕВОД И В КОСМОС С ТАНТРОЙ, МАНТРОЙ И КРАПЧАТЫМИ КОЛЕСАМИ

— Но у меня действительно будут галлюцинации? — спросил Грегори.

— Я уже говорил, что гарантирую это, — ответил Блэйк. — Вы должны попасть куда-то уже сейчас.

Грегори огляделся. Ужасно знакомая скучная комнатенка: узкая, застеленная голубым покрывалом кровать, ореховый шкаф, мраморный столик на металлических ножках, двухрожковая люстра, красный ковер да бежевый телевизор. Он сидел в мягком кресле, а напротив, на кушетке, расположился бледный и опухший Блэйк.

— Должен заметить, — заявил Блэйк, ткнув пальцем в три крапчатые неправильной формы таблетки, — что здесь содержатся все виды ЛСД, разбавленные амфетамином или прочими аналогичными стимуляторами. Но вы, к счастью, проглотили старый добрый «особый тантро-мантрический быстрорастворимый супернарко-ЛСД-коктейль», известный в кругах торговцев наркотиками под названием «крапчатые колеса», в основе которого абсолютно чистый ЛСД-25 с тщательно подобранными добавками СТП, ДМТ и ТЭйчС плюс немножко псилобицина, мизерного количества ололоки и особого ингредиента собственной разработки доктора Блэйка — экстракта из брусники. То есть вы проглотили новейший и самый эффективный из галлюциногенов.

Грегори взглянул на свою правую руку, согнул и разогнул ее.

— В результате, — продолжал Блэйк, — вы получите моментальное тотально-великолепное наркотическое наслаждение, гарантирующее вам галлюцинации по крайней мере на четверть часа. В противном случае я возвращаю деньги и отказываюсь от своей репутации как лучшего алхимика Вест-Виллиджа.

— Вы говорите так, словно сами уже его пробовали, — заметил Грегори.

— Вовсе нет, — запротестовал Блэйк. — Я в основном сижу на старом добром амфетамине, том самом амфетамине, что шоферюги и старшеклассники глотают фунтами и ширяются галлонами. Амфетамин не более чем стимулятор. С его помощью мне работается быстрее и лучше. Я должен создать собственную мощную наркоимперию между Хьюстоном и 14-й стрит, после чего быстренько дать тягу до того, как совсем сожгу себе нервы или влипну в разборку с наркомафией, а потом вынырнуть где-нибудь в Швейцарии, где я буду балдеть на шикарных курортах в окружении ярких женщин, толстых банковских счетов, быстрых автомобилей и уважаемых местных политиков, — Блэйк на миг умолк и подергал себя за верхнюю губу. — От амфетамина, конечно, появляется некая высокопарность, сопровождаемая многословием... Но этого не стоит пугаться, мой дорогой новоявленный друг и уважаемый покупатель. Мои чувства и ощущения нисколько не притупились, и я в полной мере способен взять на себя роль гида в том сверхколдовском мире, куда вы сейчас вступите.

— А сколько времени прошло с тех пор, как я принял таблетку? — поинтересовался Грегори.

Блэйк взглянул на часы.

— Чуть больше часа.

— Почему же она до сих пор не действует?

— Должна подействовать. Несомненно должна. *Что-то* обязательно должно случиться.

Грегори опять огляделся. И увидел заросшую по краям травой яму, пульсирующую светящимися червями, и влипшего в слюдяную стену сверчка.

Грегори стоял на краю ямы рядом с дренажной трубой, а напротив, на сером мшистом камне, разлегся Блэйк. Его реснички перепутались, а кожа была покрыта разноцветными пятнами. Он показывал на три крапчатые неправильной формы таблетки.

— Что случилось? — полюбопытствовал Блэйк.

Грегори поскреб тугую мембрану в области грудной клетки. Его реснички спазматически двигались, передавая крайнюю степень удивления и, может, даже испуга. Он вытянул щупальце, посмотрел, какое оно длинное и упругое, затем согнул его пополам и медленно разогнул.

Щупальце Блэйка вытянулось в жесте интереса.

— Ну-ка, малыш, скажи мне, у тебя начались галлюцинации?

Грегори неопределенно взмахнул хвостом.

— Они начались раньше, когда я спросил вас, действительно ли у меня будут галлюцинации. Я уже тогда галлюцинировал, но еще не понимал этого. Все казалось таким обычным и естествен-

ным... Я сидел в *кресле,* а вы — на *кушетке,* и мы оба имели мягкий кожный покров, словно какие-нибудь *млекопитающие.*

— Переход в иллюзию часто бывает незаметен, — подтвердил Блэйк. — Ты будто вскальзываешь туда, а потом выскальзываешь обратно. И что же случилось теперь?

Грегори завернул кольцом сегментарный хвост, расслабил щупальце и огляделся. Яма была ужасна знакомой.

— Теперь я вернулся к обычному состоянию. А вы считаете, что галлюцинации должны продолжаться?

— Как я уже говорил, я гарантирую это, — произнес Блэйк, изящно складывая глянцевитые красные крылья и поудобней устраиваясь в углу гнезда.

РАССКАЗ О СТРАННОМ ПРОИСШЕСТВИИ СО СРЕДНИМ АМЕРИКАНЦЕМ

Дорогой Джоуи!

В своем письме вы спрашиваете, что надо делать, если внезапно, из-за собственной дурацкой ошибки, человек оказывается в ситуации, когда над ним нависает опасность грозных неприятностей, избавиться от которых он не может.

Вы поступили совершенно правильно, обратившись ко мне как к своему духовному пастырю и руководителю, чтобы я помог вам в этом деле.

Я полностью разделяю ваши чувства. Приобрести репутацию двуличного, лживого и вороватого мазилы, которого вряд ли примут в свою компанию даже албанские кретины, это действительно тяжело, и я прекрасно понимаю, что подобная ситуация может сильно подорвать ваш бизнес и ваше самоуважение, больше того, она угрожает вам, как члену общества, полнейшим уничтожением. Но это не причина для того, чтобы, как вы пишете, стать камикадзе, врезавшись в крутой склон горы Шаста[1] на пикирующем планере.

Джоуи, безвыходных ситуаций не бывает. Другим людям приходилось вылезать и из куда более вонючих дел, нежели ваши, и, выйдя из них, благоухать подобно розам.

Чтобы просветить вас в этом отношении, я изложу вам недавнее происшествие с моим хорошим другом. Джорджем Блакстером. Не думаю, чтоб вы встречались с Джорджем. Вы были в Гоа

[1] Шаста — гора на Западном побережье США. (*Прим. пер.*)

в тот год, когда он жил на Ибице, а потом вы с группой Субуда оказались на Бали, тогда как Джордж со своим гуру отправился в Исфахан. Важно то, что во время событий, которые я собираюсь живописать, Джордж проживал в Лондоне, пытаясь всучить тамошним издателям свой роман, который только что закончил. В те дни он сожительствовал с Большой Карен, каковая, как вы, может быть, помните, была любовницей Ларри Шарка, когда Ларри играл на электрогитаре в ансамбле «Чокнутых» на фестивале в Сан-Ремо.

Так или иначе, но Джордж тихо-мирно поживал в своей меблирашке в Фулхэме, пока в один распрекрасный день у него не появился неизвестный, представившийся ему в качестве репортера парижской «Геральд трибюн». Гость спросил Джорджа, как тот относится к последней сенсации.

Джордж ни о какой последней сенсации понятия не имел, разве что о проигрыше «Кельтов» «Никсам» на розыгрыше кубка НБМ, что он и высказал пришельцу.

— Но ведь кто-то должен был сообщить вам об этом! — воскликнул репортер. — В таком случае, я полагаю, вам неизвестно, что исследовательская группа Эмерсона в Аннаполисе, штат Мэриленд, только что завершила монументальный научный проект по приведению концепции усредненности в соответствие с современными и все еще меняющимися демографическими и этноморфическими аспектами нашей великой нации.

— Никто мне об этом не говорил, — промычал Джордж.

— Какая небрежность! — воскликнул репортер. — Что ж, так вот, в связи с этим исследованием, эмерсоновской группе был задан вопрос, не могут ли они назвать реально существующую личность, которая бы точно соответствовала и даже олицетворяла новые параметры современного среднего американца. Репортерам нужно было знать, кто именно заслуживает звания Мистера Среднего Американца. Вы ж знаете, что за публика эти журналисты!

— Но какое мне до этого дело?

— Да, тут действительно допущена грубейшая небрежность, что вы не поставлены в известность, — ответил репортер. — Так вот, этот вопрос был введен в компьютер, который принялся отыскивать возможные соответствия до тех пор, пока наконец не выдал на-гора ваше имя.

— Мое? — несколько удивился Джордж.

— Ага. Им следовало немедленно известить вас об этом.

— Меня считают средним американцем?

— Так, во всяком случае, утверждает компьютер.

— Но это же полный идиотизм, — возопил Джордж. — Как я могу быть средним американцем? Рост у меня всего 5 футов 8 дюй-

мов, фамилия Блакстер, пишется через «л», а произносится без него, я смешанного армяно-латышского происхождения, а родился в каком-то Шип-Боттоме, что в Нью-Джерси. Что ж тут среднего, скажите, ради бога? Им следовало бы проверить свои расчеты! Им нужен какой-нибудь фермер из Айовы, блондин, подписчик какого-нибудь местного «Меркурия» и с 2,4 ребенка.

— Это прежний и давно устаревший стереотип, — ответил репортер. — Сегодняшняя Америка состоит преимущественно из расовых и этнических меньшинств, чья повсеместная распространенность абсолютно исключает выбор англосаксонской модели. Средний мужчина сегодня должен быть уникален, чтоб стать средним, если вы понимаете, что я хочу сказать.

— Ну... и что же я должен делать в этом случае? — спросил Джордж.

Репортер пожал плечами:

— Предполагаю, вы должны производить те же усредненные действия, которые производили до того, как это с вами случилось.

В это время в Лондоне, как обычно, ощущалась нехватка сенсаций, а потому Би-би-си направила целую группу сотрудников брать интервью у Джорджа. Си-би-эй сделала его сюжетом для своего тридцатисекундного репортажа, и Джордж за одну ночь превратился в знаменитость.

Последствия были незамедлительны. Роман Джорджа был условно принят знаменитой издательской фирмой «Гратис и Спай». Его редактор Дерек Полсонби-Джиггер протащил Джорджа через уйму читок, переделок, сокращений и улучшений, повторяя: «Теперь все почти хорошо, но кое-какие мелочи меня беспокоят, и мы обязаны довести его до совершенства, не так ли?»

Через неделю после выхода в эфир программы Би-би-си Джордж получил свою рукопись обратно с вежливым отказом от публикации.

Он отправился на Сент-Мартин-лейн и повидался с Полсонби. Тот был вежлив, но тверд.

— Видите ли, у нас просто отсутствует рынок для книг, написанных средними американцами.

— Но вам же нравился мой роман! Вы собирались его публиковать!

— Однако в нем всегда присутствовало нечто, беспокоившее меня, — ответил Полсонби. — И теперь я знаю, что это было.

— Ну и...

— Вашей книге не хватает уникальности. Это просто средний американский роман. А что же еще может написать средний американец? Вот что скажут критики. Я очень сожалею, Блакстер.

Придя домой, Блакстер увидел, что Большая Карен упаковывает свои чемоданы.

— Джордж, — сказала она ему, — боюсь, что между нами все кончено. Мои друзья надо мной смеются. Я потратила годы на то, чтоб доказать, что уникальна и неповторима, а теперь, видишь, что из этого получилось, — выходит, я путалась со средним американцем!

— Но это ж моя проблема, а не твоя!

— Слушай, Джордж, средний американец должен быть и женат на средней американке, иначе какой же он, к шуту, средний, верно?

— Я об этом не задумывался, — признался Джордж. — Черт возьми, не знаю, все может быть.

— В этом есть резон, малыш. Пока я буду с тобой, я всего лишь средняя женщина среднего мужчины. А этого творчески мыслящая женщина, уникальная и неповторимая женщина, в прошлом «старуха» Ларри Шарка в его бытность членом ансамбля «Чокнутые» в тот самый год, когда они получили «Золотой диск» за свой сногсшибательный шлягер «Все эти носы», просто перенести не может. Но дело не только в этом. Я обязана сделать это ради детей.

— Карен, о чем ты? У нас нет никаких детей!

— Пока нет. Но когда будут, это будут средние американские дети. Не думаю, что я перенесу такое! Да и никакая мать не сможет. Я ухожу, меняю фамилию и имя и начинаю с нуля. Прощай, Джордж.

После этого жизнь Джорджа начала рушиться с необычайной быстротой и фундаментальностью. Он слегка повредился в уме. Ему казалось, что люди, смеющиеся за его спиной, смеются именно над ним, а это, ясное дело, ничуть не содействовало излечению его психоза, даже если выяснялось, что они смеются по другому поводу. Он стал носить длинные черные пальто, черные очки, он оглядывался, входя и выходя из дверей, а в кафе сидел, закрывая газетой свое усредненное американское лицо.

Наконец Джордж бежал из Англии, оставив позади презрительные ухмылки былых друзей. Теперь он не мог найти убежища в тех местах, где бывал раньше — в Гоа, на Ибице, в Пуне, Анапри, Иосе или в Марракеше. Во всех этих местах у него были друзья, которые обязательно станут хихикать за его спиной.

В отчаянии он отправился в изгнание в самое невероятное и невообразимое из всех мест, какое только мог придумать, — в Ниццу, Франция.

А теперь держитесь, Джоуи, мы сразу пропускаем несколько месяцев. Февраль в Ницце. Холодный ветер дует с Альп, и паль-

мы на Bouleward des Anglais[1] выглядят так, будто собираются сложить свою листву в чемоданы и вернуться в Африку.

Джордж лежит на давно не прибиравшейся кровати в своем отеле «Les Grandes Meules»[2]. Излюбленный приют самоубийц. Выглядит как склад в Монголии, только куда мрачнее.

Стук в дверь. Джордж открывает. Входит восхитительная женщина и спрашивает, не он ли знаменитый Джордж Блакстер, Средний Американец. Джордж отвечает, что так оно и есть, готовя себя к тому новому оскорблению, которое этот жестокий и беззаботный мир собирается ему нанести.

— Я — Джекки, — говорит она ему. — Из Нью-Йорка, но сейчас отдыхаю в Париже.

— Хм-м, — отвечает Джордж.

— Решила потратить несколько дней, чтоб взглянуть на вас, — продолжает она. — Узнала, будто вы тут.

— Ну, и чем могу быть полезен? Еще одно интервью? Последние приключения Среднего Мужчины?

— Нет, нет, ничего подобного! Однако, боюсь, я немного нервничаю... Нет ли у вас чего-нибудь выпить?

В эти дни Джордж погрузился в такие глубины самоедства и отвращения к себе, что перешел на абсент, хотя и ненавидел его всей душой. Он налил Джекки стаканчик.

— О'кей, — сказала она. — Пожалуй, лучше сразу перейти к делу.

— Что ж, послушаем, — мрачно отозвался Джордж.

— Джордж, — сказала она, — вам известно, что в Париже есть платиновый брус длиной точно в один метр?

Джордж в изумлении уставился на нее.

— Этот платиновый метр, — продолжала она, — является эталоном для всех остальных метров в мире. Если вы хотите узнать, правилен ли ваш метр, вы везете его в Париж и сравниваете с их метром. Я упрощаю, конечно, но вы понимаете, к чему я это говорю?

— Нет, — ответил Джордж.

— Этот платиновый метр в Париже был изготовлен по международному соглашению. Все страны сравнили свои метры и вывели среднюю величину. Эта средняя величина и стала стандартным метром. Понимаете теперь?

— Вы хотите нанять меня, чтоб я украл для вас этот метр?

Она нетерпеливо качнула головой:

[1] Английская набережная (*фр.*).

[2] «Большая мельница» (*фр.*).

— Послушайте, Джордж, мы с вами взрослые люди и можем говорить о сексе, не ощущая неловкости, правда?

Джордж выпрямился. В первый раз за все время в его глазах появилось осмысленное выражение.

— Дело в том, — говорила Джекки, — что за последние несколько лет я испытала уйму разочарований в моих отношениях с мужчинами. Мой психоаналитик — доктор Декатлон — говорит, что все это из-за моего врожденного мазохизма, который превращает все, что я делаю, в сплошное дерьмо. Таково его мнение. Лично же я полагаю, что мне просто не везет. Правда, я в этом не уверена, и для меня крайне важно узнать, так ли это на самом деле. Если у меня мозги набекрень, мне придется пройти курс лечения, чтоб потом получать полное удовольствие в постели. Если же врач ошибается, то я с ним даром теряю время и к тому же немалые деньги.

— Мне кажется, я начинаю понимать, — протянул Джордж.

— Проблема в том, каким образом девушка может выяснить, являются ли ее неудачи следствием собственной неполноценности или мандража у парней, с которыми она имела дело? Стандарта для сравнения нет, нет специального сексоизмерителя, нет способов оценить истинно усредненное сексуальное поведение американца, нет платинового метра, с которым можно сравнить все прочие метры мира...

И тогда Джорджа как бы озарило сияние солнечных лучей, и все стало для него яснее ясного.

— Я, — возопил он, — я — средняя величина американской мужской сексуальности!

— Детка, ты — уникальный платиновый брус точно метр длиной, и в мире нет ничего равного тебе! Иди ко мне, мой дурашка, и покажи мне, что такое настоящий средний сексуальный опыт!

Ну, вот так и разнеслась слава Джорджа, ибо девушки вечно делятся своими секретами друг с другом. И множество женщин узнали об этом, а услышанное заставило их заинтересоваться возможностью сравнения, так что вскоре у Джорджа совсем не осталось свободного времени и его жизнь оказалась так плотно и божественно заполнена, что подобное ему не только не снилось, но даже в самых смелых мечтах не могло быть воображено. Бесконечным потоком к нему сначала шли американки, а потом дамы всех национальностей, узнавшие о нем с помощью подпольной глобальной женской сексуальной информационной сети. К нему приходили неудовлетворенные испанки, сомневающиеся датчанки, беззащитные суданки, женщины отовсюду летели к

нему, как мошки на свет лампы или как пылинки, увлекаемые в сточную трубу течением по часовой стрелке (в Северном полушарии). В худшем случае все было хорошо, а в лучшем — неописуемо прекрасно.

Теперь Блакстер независим и богат — благодаря дарам, подносимым ему благодарными дамами-обожательницами всех национальностей, типов, форм и цветов. Он живет в великолепной вилле, подаренной ему французским правительством в знак признания его исключительных талантов и огромных заслуг в деле развития туризма. Он живет в роскоши и совершенно независим; он категорически отказывается иметь дело с исследователями, желающими изучать его феномен, чтоб писать книги под названием «концепция усредненности в современной американской сексуальности». Блакстер в этом не нуждается. Чего доброго, они навредят его стилю.

Он живет своей собственной жизнью. Как-то он поведал мне, что по ночам, когда последняя дама, радостно улыбаясь, покидает его, он садится в огромное глубокое кресло, наливает стакан старого бургундского и обдумывает парадокс: его общеизвестная усредненность превратила его в чемпиона среди большинства, если не всех американских мужчин, сразу в нескольких жизненно важных и приятнейших областях. То, что он оказался средним, дало ему возможность обогатить свою жизнь бесчисленными преимуществами. Он — платиновый эталон, счастливо проживающий в хрустальном ящике, и он никогда не вернется к тому, чтобы быть просто уникальным, как все остальные экземпляры человеческой расы.

Быть средним — залог счастья. Проклятие, от которого он когда-то не мог избавиться, стало даром, который он никогда не потеряет.

Трогательно, не правда ли? Как видите, Джоуи, я постарался показать вам, что очевидные убытки могут быть превращены в солидные доходы. Как применить это правило к вашему случаю — тоже очевидно. Если вы этого не понимаете, то напишите мне новое письмо с приложением обычного чека за эксплуатацию моих мозговых извилин, и я с удовольствием сообщу вам, каким способом можно, будучи известным как паршивый кусок мелкого ганифа[1] и еще к тому же как никудышный любовник, на случай, если вы еще этого не слыхали, воспользоваться всем этим в ваших собственных интересах.

Всегда ваш Энди — человек, отвечающий на все вопросы.

[1] Ганиф — прохвост, жулье (*идиш*).

ВСЕЛЕНСКИЙ КАРМИЧЕСКИЙ БАНК

Гарри Циммерман работал редактором по рекламе в нью-йоркской фирме «Баттен и Финч». Однажды, вернувшись с работы домой, он обнаружил на маленьком столике в комнате белый конверт без всяких надписей. Гарри удивился. Он не брал этот конверт из почтового ящика, к тому же никто, даже управляющий домом, не имел ключей ко всем замкам в его квартире. Конверт просто-напросто никак не мог попасть в эту комнату. Тогда как он здесь очутился? Наконец Циммерман решил, что, должно быть, конверт он сам сюда принес со вчерашней почтой, только забыл вскрыть. Он и сам этому не верил, но иногда даже неуклюжее объяснение лучше никакого.

В конверте оказалась прямоугольная карточка из глянцевого пластика с надписью: «ГОСТЕВОЙ ПРОПУСК В КАРМИЧЕСКИЙ БАНК. ДЕЙСТВИТЕЛЕН НА ОДИН ЧАС». В одном из углов карточки был напечатан квадратик.

Поразмыслив, Циммерман взял карандаш, перечеркнул квадратик и... внезапно, даже не ощутив перехода, оказался перед строгим деловым зданием из серого камня, одиноко стоящим в центре просторного зеленого луга. Над распахнутыми огромными бронзовыми воротами в граните было высечено: «КАРМИЧЕСКИЙ БАНК».

Циммерман подождал в надежде, что кто-нибудь выйдет и подскажет, что ему делать дальше, но никто не появился. Тогда Циммерман вошел.

Он увидел несчетные ряды столов. Служащие просматривали горы документов, делали записи в толстых книгах, а потом добавляли очередной документ к стопке уже просмотренных в стоящей возле каждого стола проволочной корзине. Посыльные периодически освобождали корзины и приносили новые кипы бумаг.

Циммерман направился к одному из столов. Пока он шел, из корзины вывалился документ и скользнул на пол.

Он поднял его и присмотрелся. На документе, сделанном из мерцающего прозрачного вещества, был яркими красками изображен объемный ландшафт с крошечными фигурками. Когда Циммерман шевелил листок, вид менялся. Он увидел улицу города, потом корабль на реке, затем озеро на фоне подернутых дымкой голубых гор. Мелькнули и другие картинки: слоны, пересекающие широкую пыльную долину, разговаривающие на перекрестке улиц люди, пустынный пляж с чахлыми пальмами.

— Осторожно! — воскликнул клерк, выхватывая документ из рук Циммермана.

— Я не намеревался его испортить, — заметил тот.

— Я волнуюсь не за документ, а за вас. Если его неумело по-

вернуть, то картинка затянет вас. Тогда нам придется немало потрудиться, вытаскивая вас обратно.

Выглядел клерк достаточно приветливо. Это был немного взлохмаченный мужчина средних лет, лысоватый спереди и одетый в светло-серый пиджак, тщательно отутюженные брюки и блестящие черные туфли.

— А что это за штуки? — спросил Циммерман, указывая на поблескивающие документы.

— Вижу, вы еще никогда не бывали в этой реальности. Это многомерные счета — нечто вроде космических расчетных листков. Каждый из них содержит запись о текущем кармическом статусе планеты. Вычтя плохую карму, мы обращаем остаток по текущему обменному курсу в Интраверсальные Единицы Счастья и переводим ИЕС на счет планеты, выдавая их по требованию владельца. По сути, мы ничем не отличаемся от обычной банковской системы, разве что вместо денег используются ИЕС.

— Так вы хотите сказать, что люди могут в любой момент снять со своего счета нужное количество счастья?

— Совершенно верно. Правда, есть одно «но» — мы не заводим личных счетов. Они исключительно планетарные.

— И что, все планеты с разумными обитателями имеют у вас счета?

— Да. Едва у живущих на планете существ развивается как минимум абстрактное мышление, мы открываем для них счет. Позднее они могут им воспользоваться, если попадут в полосу невезения. Скажем, вспыхивают эпидемии, без особых причин начинаются войны, одолевают слишком продолжительные засуха или голод. Такое случается на любой планете, однако, если запас счастья достаточно велик, с невезением обычно можно справиться. Только не спрашивайте меня, как это происходит. Я банковский служащий, а не инженер. И если немного повезет, даже клерком пробуду не очень долго.

— Уходите из банка?

— И не только из банка — из всей здешней реальности. Уровень, на котором расположен Кармический банк, весьма невелик по размерам. Здесь есть только одно здание на лугу, а сам луг втиснут в середину небольшого «ничто». Нам всем доплачивают за сложные условия труда, но я решил, что накопил уже достаточно.

— И куда вы отправитесь?

— О, можно выбирать среди множества реальностей. Я подобрал себе одну по каталогу, весьма симпатичную. С моей пенсией и ИЕС-счетом я рассчитываю прожить весьма долго и припеваючи. Знаете, одно из великих достоинств работы во «Всеобщих технократах» — личные ИЕС-счета. Должен также признать, что

кафе здесь тоже неплохое, а в кино показывают самые новые фильмы.

Циммерман вздрогнул: в кармане у него что-то зазвенело. Когда он извлек свой гостевой пропуск, тот вспыхивал и звенел. Клерк сжал пальцами уголок — звон прекратился.

— Сигнал означает, что ваше время кончается, — пояснил клерк. — Приятно было побеседовать. У нас не очень-то часто бывают посетители с ваших уровней. В нашей реальности даже гостиницы нет.

— Минуточку. А у вас тут есть счет Земли?

— Да. Вместе со счетами остальных планет. С него еще никто никогда не снимал.

— Что ж, для этого я и прибыл, — сказал Гарри. — Я полномочный представитель Земли. В противном случае меня бы здесь не было. Верно?

Клерк кивнул. Он уже не выглядел таким счастливым.

— Я хочу снять со счета некоторое количество счастья. Для Земли, разумеется, а не для себя лично. Не знаю, давно ли вы проверяли состояние наших дел, но на планете накопилось немало проблем. С каждым годом у нас все больше войн, загрязнения среды, голода, наводнений, тайфунов, необъяснимых аварий и тому подобного. Кое-кто на Земле начинает нервничать. Сейчас нам это счастье очень даже не помешает.

— Я так и знал, что в один прекрасный день с Земли кто-нибудь да заявится, — пробормотал клерк. — Этого я и опасался.

— В чем дело? Вы сами говорили, что наш счет здесь.

— Счет-то есть. Только он пуст.

— Но как такое могло произойти? — возмутился Циммерман.

Клерк пожал плечами:

— Вы сами знаете принципы работы банков. Нам нужно иметь прибыль.

— А какое это имеет отношение к счастью Земли?

— Мы его ссудили под проценты.

— Вы ссудили наше счастье?

Клерк кивнул:

— Ассоциации цивилизаций Малого Магелланова облака. Риск первого класса.

— Что ж, — сказал Циммерман, — придется вам отозвать ссуду.

— Мне очень не хочется продолжать, но я вынужден это сделать. Несмотря на свою весьма высокую кредитоспособность, Ассоциация цивилизаций ММО недавно провалилась в черную дыру. Понимаете, возникла пространственно-временная аномалия. Со всяким может случиться.

— Да, беднягам не повезло, — согласился Циммерман. — Но что с нашим счастьем?

— Вернуть его уже невозможно. Оно провалилось за горизонт событий[1] вместе с прочими ценностями Ассоциации.

— Вы потеряли наше счастье!

— Не волнуйтесь, ваша планета обязательно накопит новое. Мне очень жаль, но тут я вам помочь бессилен.

Печальная улыбка клерка и его лысеющая голова начали таять. Все вокруг замерцало, потускнело, и Циммерман понял, что возвращается в Нью-Йорк. И это ему совсем не понравилось. Надо же — он первым из людей сумел оказаться в другой реальности, можно сказать, стал галактическим Колумбом, — и что ему теперь сказать людям? Мол, извините, братцы, но ваше счастье ухнуло в черную дыру?

Если он принесет людям весть о столь космическом невезении, его имя на века станет проклятием. «Вот идет Циммерман!» — станут говорить люди, указывая на человека, сообщившего всем о сокрушительном несчастье.

Так нечестно. Он не может допустить, чтобы молва о нем последовала за ним в вечность. Нужно что-то предпринимать, и срочно.

Но что?

И этот момент, когда Гарри Циммерман был наполовину там и наполовину здесь, стал для него моментом принятия решения. Тем самым случаем, когда необходимость, обычно не проявляющая ни к кому благосклонности, неожиданно становится матерью изобретений.

Вот почему Циммермана внезапно озарило.

— Подождите! — крикнул он клерку. — Нам надо поговорить!

— Послушайте, я ведь уже принес вам свои извинения.

— Забудьте об извинениях. У меня деловое предложение.

Клерк взмахнул рукой. Мерцание прекратилось.

— И какое у вас предложение?

— Заем.

— Заем счастья?

— Разумеется. И крупный. Такой, чтобы нам хватило выпутаться из всех неприятностей.

— Дорогой сэр, почему же вы с этого не начали? Наш бизнес — давать счастье взаймы. Идите со мной.

И Гарри вошел вслед за клерком в банк.

Подобно Колумбу, возвратившему испанским королю и королеве взятые взаймы золото и жемчуг, Гарри Циммерман, наш невольный представитель, вернулся в Кармический банк и оформил договор о займе счастья, в котором мы, жители Земли, так

[1] Горизонт событий — физический термин, описывающий параметры пространства вокруг черной дыры.

отчаянно нуждались. Вот в чем истинная причина нашего нынешнего процветания и благополучия в прекрасном двадцать первом столетии. Разумеется, процент по займу был выставлен немалый: Кармический банк ссужает счастье не за красивые глаза. Так что, если мы не отыщем способ в ближайшем будущем вернуть заем, нам останется только одно — спрятаться в черной дыре, подобно Ассоциации цивилизаций ММО. Да, это крайнее средство, но уж лучше ухнуть в черную дыру, чем навсегда распрощаться со своей планетой.

РАБЫ ВРЕМЕНИ

Главная цепь последовательностей Глейстера, временной ряд номер один.

Чарли Глейстер изобрел машину времени, но изобрел ее неправильно, поскольку машина, размером с коробку из-под обуви, не хотела работать. Она странно жужжала, мигала красными и зелеными лампочками — больше ничего. Машина Чарли была хорошей жужжалкой и мигалкой, но как машина времени никуда не годилась.

Итак, прекрасным сентябрьским днем Чарли находился в своей лаборатории в подвале дома на Эппл-стрит в городке Харвест Фолз, штат Индиана, копаясь в своей машине и произнося вслух фразы типа: «Фактор смещения колебаний... коэффициент отражения вторичной силы... регенерация основной фазы...» Именно на таком языке говорят сами с собой гении, а Чарли, безусловно, был гений, хотя отец Миры считал его психом. Отец Миры был главным банкиром в Харвест Фолзе, а также психиатром-любителем. Мира была невестой Чарли. В настоящее время Мира каталась на машине с Картером Литлджоном, в прошлом футболистом местной команды, сейчас продавцом локомотивов, а в будущем отцом незаконной дочери Миры.

У Глейстера был дядя Макс, проживающий в Ки Весте, но не имеющий отношения к этой истории. И вообще, никто не имеет отношения к этой истории, кроме Чарли Глейстера, который играет в ней чересчур главную роль или, точнее, слишком много ролей.

Итак, он сидел за рабочим столом, собирая воедино крошечные детальки и постоянно чертыхаясь, в надежде, что его осенит какая-нибудь идея или хоть что-нибудь произойдет.

И «что-нибудь» действительно произошло. Голос за его спиной произнес:

— Прошу извинить...

Главная цель последовательностей Глейстера, временной ряд номер один плюс два.

Глейстер почувствовал, как на голове зашевелились волосы. Он сжал в руке микрометр весом примерно в тридцать граммов и медленно обернулся.

— Не хотел вас пугать, — сказал стоящий за его спиной человек, — но другого выхода не было. Я прибыл по чрезвычайно важному делу.

Чарли расслабил руку, сжимавшую смертоносное оружие. Человек не был похож на наркомана. Высокий и худощавый, примерно одного возраста с Чарли, он держал белую пластиковую коробку, на крышке которой было полно всяких индикаторов, переключателей и кнопок. Он явно кого-то напоминал...

— Мы с вами не знакомы? — спросил Чарли.

— Вообще-то, я — это ты, — сообщил незнакомец. — Или ты — это я. Или, точнее, мы оба являемся Чарли Глейстерами, существующими в различных временных рядах.

— Разве это возможно? — спросил Глейстер.

— Довольно странно слышать подобный вопрос от тебя, — сказал другой Глейстер, — ведь ты первый изобрел машину времени и, стало быть, являешься ведущим мировым экспертом по этим вопросам.

— Но я еще не изобрел ее: машина-то не работает.

— Изобрел. Или скоро изобретешь, что, в принципе, одно и то же.

— Ты уверен? У меня тут кое-что не ладится. Может, подскажешь, что надо делать?

— Конечно, — ответил другой Глейстер. — Главное, запомни: реальность позициональна, и сначала ничего не происходит.

— Спасибо, — с сомнением сказал Глейстер. — Ну-ка, правильно ли я все понял. Значит, скоро я изобрету машину времени, отправлюсь в будущее, затем вернусь обратно и встречусь с самим собой до того, как изобрету машину времени.

Другой Глейстер кивнул.

— Все это довольно странно, не так ли? — спросил Чарли.

— Ничуть, — ответил другой Глейстер. — Ты вернешься, чтобы убедить себя не изобретать машину времени.

— Подожди! — взмолился Глейстер. — Давай начнем сначала. Я изобрету машину времени, отправлюсь в будущее, затем вернусь обратно, чтобы убедить себя не изобретать машину времени. Этим я и буду заниматься?

— Да. Только не надо больше называть нас обоих «я». Мы, конечно, оба Чарли Глейстеры, но мы также являемся отдельными независимыми индивидуумами, так как занимаем различные временные ряды и подвергались, подвергаемся и будем подвергаться различным воздействиям субъективного времени. Итак, хотя мы один и тот же человек, мы разные люди, так как время позиционально.

— Мне придется поверить тебе на слово, — сказал Глейстер. — Или себе на слово... Я, похоже, немного нервничаю... Почему я не должен изобретать машину времени, которую я изобрел?

— Потому что она принесет только вред.

— А конкретнее нельзя?

— Ты просто поверь. Впрочем, мне пора уходить. Находясь с тобой в прошлом, я создаю регрессивный временной парадокс, который может длиться только несколько минут, а затем самоликвидируется.

Другой Глейстер тускло замерцал и исчез.

Главная цель последовательностей Глейстера, временной ряд номер один.

После исчезновения другого Глейстера Чарли понадобилась ровно одна секунда, чтобы принять решение все же изобретать машину времени. Ему не нравилось выполнять приказы, даже если они исходили от того, кто называет себя тобой.

Чарли тут же принялся за работу и, зная теперь, что реальность позициональна, закончил все за два часа. Сначала ничего не произошло, как не происходит ничего, когда вы пытаетесь изобрести что-нибудь новое. Конечно, если сначала ничего не происходит, встает вопрос, а произойдет ли что-нибудь вообще. Но это чисто семантическая трудность. В вечной повторяемости субатомных конфигураций, подобием которой и является наш мир, нет ни начала, ни конца. Есть только середины, повторения и продолжения.

Таким образом, у Чарли была работающая машина времени, размещенная в коробке из белого пластика, и он собирался отправиться в будущее. Но как? Будем считать, что время и пространство суть потенциально равнозначные величины. Они могут трансформироваться друг в друга при помощи машины времени. Возьмем простую аналогию. У вас пять апельсинов и три яблока. Вы хотите сложить их вместе. Чтобы это сделать, вам надо сначала превратить апельсины в яблоки, или яблоки в апельсины, или то и другое превратить во что-нибудь третье. Формулой превращения яблок в апельсины является: Вкус разделить на Запах плюс корень квадратный из Цвета умножить на Семена во второй степени. Точно так же вы управляете пространством-временем, используя соответствующую формулу. Разумеется, прак-

тическое решение намного сложнее, и только Чарли Глейстер мог заставить машину работать.

Глейстер установил на пульте машины границу продвижения в будущее. Затем нажал на кнопку. На какое-то мгновение у него закружилась голова (эффект квазитуры), и он, первый в мире путешественник во времени, оказался в невообразимо далеком будущем.

Первым, кого он увидел, был полицейский.

Главная цепь последовательностей Глейстера, временной ряд номер один, вариант А.

...решил держать глаза и уши открытыми, а рот на замке. Первое, на что я обратил внимание, был эффект приспосабливаемости, регулировавший мое восприятие и опыт. Все вокруг было таким знакомым! Ландшафт! в любой части Вселенной примерно один и тот же, поэтому сразу чувствуешь себя местным жителем.

Лингвистических трудностей никаких. То ли они говорят на моем языке, то ли я — на их. Я нахожусь в городе Мингусвилль 32 S. На улицах встречаются, по крайней мере, четыре типа полицейских — муниципальная полиция, политическая, секретная и специальная. Сам я — непальский студент, работающий над дипломной работой «Экстаз конформизма». Я учусь на факультете социологии.

Мингусвилль 32 S — это унылый городок, где можно наблюдать некоторые технологические атавизмы: автомобили с паровым двигателем, работающим на кизяке, множество повозок, приводимых в движение животными — ослами, быками и даже верблюдами.

Система коммуникаций в Мингусвилле находится в зачаточном состоянии, и только у высших чиновников есть телефоны. Электричество дорогое, его явно не хватает. Оборудование станций дышит на ладан. По моим подсчетам, две трети семей пользуются керосиновыми лампами. Здесь нет строений выше трех этажей. Кое-где деревянные постройки обложены кирпичом и покрыты черепицей. В центре города располагается рынок под открытым небом, а рядом — полицейские казармы. Мне кажется, что жизнь здесь скучна и однообразна.

Единственное, что заслуживает интереса, — это правительство. Миром правит один человек — Император Мингус, создавший настоящее полицейское государство, где все следят друг за другом. Повсюду расставлены камеры и записывающие устройства, армия работников просматривает мили пленки, другие контролируют тех, кто просматривает, и так далее. И всех контролирует Император Мингус. Я бы в жизни не поверил, что такая об-

щественная система возможна, но у Мингуса это здорово получается.

Говорят, он владеет секретным оружием. Похоже, что это машина времени. Если что-нибудь происходит вразрез с его желанием, он может (в рамках естественных ограничений) отправиться в прошлое и внести изменения. Особенно ловко он расправляется с лидерами подпольной оппозиции. Для этого ему совершенно не обязательно прочесывать город или страну. Он всегда может вернуться в тот момент, когда они еще не ушли в подполье, и ликвидировать вожаков.

Мне говорили, что машина похожа на обувную коробку из белого пластика. По ночам люди проклинают Глейстера, того самого, что изобрел эту машину. Слово «глейстер» вошло во все языки. «Я тебя заглейстерю» стало самым грубым ругательством, а «проклятый глейстер» — самым страшным оскорблением.

Много любопытного можно узнать об этом месте, но нет времени. Я только что узнал, что я — Абсолютный Глейстер и заглейстерил весь человеческий род. Я должен что-то предпринять.

Главная цепь последовательностей Глейстера, временной ряд номер один, вариант А, продолжение 12 плюс Главная последовательность Глейстера; временной ряд номер пять плюс второстепенная цепь последовательностей Глейстера 32.

Глейстер сел на скамейку в Мемориальном парке Мингуса, чтобы все хорошенько обдумать. Что он должен сделать? Сначала ему пришла в голову мысль, что необходимо вернуться в то время, когда он еще не изобрел машину времени, и не изобретать ее. Но вряд ли это возможно, если исходить из результата встречи с другим Глейстером. Вы не можете вступить в одну реку дважды: это будет уже не тот человек, который не может вступить в одну реку дважды. Все изменяет все. В прошлом не осталось никакой ниши, которую Глейстер мог бы занять по возвращении. Природа терпит парадоксы, но не терпит пустоты.

Ведь ему надо будет убеждать не одного Глейстера; теперь в прошлом было множество потенциальных Глейстеров, идентичных с ним в момент контакта и иных в следующую секунду.

Но он не мог смириться с тем злом, что принес миру. Он был полон решимости что-то предпринять. Но что?..

Он недовольно подумал, что, по крайней мере, один Глейстер что-то попытался предпринять. Сколько же еще Глейстеров ломают голову в поисках выхода?

С одной стороны, существовало (потенциально) множество Глейстеров, но, с другой — он был *единственным*, был самим собой. Поэтому какая разница, как другие называют себя и откуда

взялись. Он был самим собой и ощущал себя таковым. Реальность позициональна, «эго» — относительно, а природа не имеет дела с абстракциями.

Но что мог сделать лично он? Он мог остаться здесь в будущем (которое было настоящим), стать местным жителем и ждать удобного случая, чтобы свергнуть Императора.

Он мог отправиться на пятьдесят или сто лет назад, когда Мингус еще не пришел к власти, найти будущего Императора и убить его.

Если же Мингус сумел обезопасить себя при помощи машины времени, Глейстер мог создать организацию сопротивления еще до того, как Император взошел на трон.

Глейстер поднял голову — рядом с ним на скамейку присел человек. На вид лет пятидесяти, с густой бородой, скромно одетый. В руках он держал чемоданчик.

— Вы здесь новенький? — спросил незнакомец.

— Можно сказать и так, — нехотя признался Глейстер. — Я студент.

— Откуда?

— Из университета Восточной Бенгалии. Из нового, а не того, который был раньше. Я здесь продолжаю учебу. (Хватит болтать, приказал он себе.)

— Да, студенческие годы — самая лучшая пора, — сказал незнакомец, улыбаясь. — А я вот учился в университете Огайо.

— Да? — сказал Глейстер. Он чувствовал себя неуютно. Ведь он тоже учился в университете Огайо.

— А вы знаете, — неожиданно сказал человек, — у меня есть точно такая же коробка, как и у вас. — Он открыл чемоданчик. На красном бархате лежала точно такая же белая пластиковая коробка, а рядом — автоматический пистолет.

Человек схватил пистолет и направил его на Глейстера.

— Ну-ка давай сюда свою, — потребовал незнакомец. — Только осторожно — и не пытайся нажимать на кнопки.

— Кто вы? — спросил Глейстер.

— В разных уголках Земли меня знают под разными именами, — сказал человек. — Но вообще-то чаще всего меня называют Мингусом.

— Вы — Император! — воскликнул Глейстер.

— К вашим услугам, — ответил Мингус. — А теперь давай коробку. И без резких движений.

Палец Глейстера застыл на кнопке включения. Он видел, что Император напряженно следит за его рукой, поощряя нажать на кнопку. Но Глейстер помнил, что между включением и физическим перемещением существует небольшой интервал. Он решил не испытывать судьбу. Медленно он поднял коробку.

И тут Глейстер заметил слабое мерцание за спиной Императора.

— Послушайте, — сказал он, пытаясь потянуть время, — может, мы все обсудим? Возможно, мы найдем компромисс?

— Что это ты задумал?

Палец Мингуса, лежащий на спусковом крючке пистолета, напрягся. По движению глаз Глейстера он понял: что-то происходит. Мингус повернулся в тот момент, когда за его спиной возник другой Глейстер.

Император выстрелил в материализовавшегося Глейстера, но это не причинило тому никакого вреда. Чарли Глейстер увидел слабое сияние вокруг фигуры и тут же понял: это не человек из плоти и крови; опытный наблюдатель сразу бы заметил, что это уплотненное псевдодоплеровское отражение, возникшее вследствие перехода Глейстера из одного времени в другое.

Император стремительно повернулся к Глейстеру, но тот уже успел нажать на кнопку включения.

Главная цепь последовательностей Глейстера, временной ряд номер один подуровень первый, закрытая петля малой вероятности 12.

Все летит кувырком, когда вы спешите. Чарли Глейстер с такой силой нажал на кнопку, что вышла из строя цепь ограничителя. Необузданная сила, возникшая в машине времени, превратила первичные цепи в ускорители. Энергия залила все цепи Н-пространственных времен прошлого/настоящего/будущего, затем обнаружила новые выходы и отбросила Глейстера во вселенную маловероятной реальности.

Когда Глейстер пришел в себя, он стоял на гладкой пустынной равнине. Он услышал тихую меланхоличную песню, которая, похоже, исходила от куска известняка, валявшегося около его правой ноги.

— Это ты поешь? — спросил Глейстер.

— Да, приятель, это я пою, — ответил известняк глубоким скорбным голосом. — Я пою блюзы с того времени, как возник этот мир.

— А как давно это случилось? — спросил Глейстер.

— Лет триста назад, насколько я могу судить. Ты можешь мне сказать, где и для какой надобности существует это место?

— Попытаюсь, — ответил Глейстер. — Скорее всего, мы находимся в маловероятностной вселенной. Малая и большая вероятности — это термины статистической интуиции относительно нашего опыта и, разумеется, знаний. Пока понятно?

— Не очень, приятель, — откликнулся известняк. — Может, ты переведешь это на обычный английский?

— Ну... В моем случае произошел большой выброс энергии и зашвырнул меня сюда.

— Эге, то же самое, кажется, случилось и со мной, — сказал кусок известняка. — До сих пор никак не могу понять, как я попал сюда из клуба «Вигвам» в Хиросиме, где я играл на саксофоне. У тебя есть какие-нибудь соображения, как нам отсюда смотаться?

— Я думаю, нам просто стоит подождать, пока это случится само собой, — сказал Глейстер. — Во вселенной с нормальной вероятностью у нас было бы мало шансов. Но во вселенной, где малая вероятность является законом, все наоборот, и наши шансы выбраться отсюда весьма велики.

— Еще бы, — сказал известняк. Его голос так и сочился сарказмом. Можно было брать его ножом и намазывать на тибетский ячменный хлеб, что появился на дубовой скамейке.

Мир Глейстера был подходящим местом. Здесь хватало девушек, которые постоянно спрашивали: «Эй, это Катманду?» Неподалеку высилась леденцовая гора, и было видно лимонную фабрику.

Глейстер даже немного огорчился, когда в небе появилась надпись: «Все, хватит, ребята». Он быстро попрощался с куском известняка, который оказался на самом деле антиглейстерной частицей, и с девушками, которые на самом деле были антиглейстерными волновыми формами. Затем он задержал дыхание и перенесся во времени.

Главная цепь последовательностей Глейстера, множественные соединения временного ряда.

Глейстер появился в большой пыльной аудитории, битком набитой народом. Она находилась (как позже он узнал) в Крич-Кридарине, недалеко от развалин Норфолка. До коронации Императора Мингуса оставалось 234 года.

В аудитории было не менее ста человек. Большинство из них оказались похожи на Глейстера, что и понятно, ведь все они были Глейстерами.

Чарли Глейстер догадался, что Глейстеры хотят провести собрание, но не знают, как это сделать. Очевидно, им был нужен председатель. Но как можно избрать председателя, когда нет партии? И какая же партия без председателя? Это была сложная проблема, особенно для Глейстеров, которые никогда не были сильны в политике.

Все повернулись к Глейстеру в надежде, что у новичка есть свежие идеи.

— Ну, — сказал Чарли, — я когда-то читал, что у индейцев

племени Плоскоголовых самый высокий воин возглавлял охоту. А может, это было у индейцев из племени Бритоголовых.

Все остальные Глейстеры закивали. Конечно, все они знали об этом, просто не пришло в голову.

Тут же нашли самого высокого Глейстера, избрали его председателем ad hoc и pro tem и усадили в президиум.

— Объявляю заседание открытым, — сказал самый высокий Глейстер. — Но прежде чем мы приступим к делу, я хочу предупредить: мы не можем все называться Чарли Глейстерами. Это создаст слишком большую путаницу. Чтобы избежать недоразумений, я предлагаю каждому выбрать себе имя.

Раздались одобрительные возгласы.

— Я хочу предложить вам выбрать необычные имена, так как пятьдесят Томов или Джонов ничуть не лучше ста Чарли. Лично я беру себе имя Эгон.

После секундного размышления Чарли Глейстер (за временным рядом которого мы следим) назвал себя Иеронимусом. Он пожал руку стоящему справа Микеланжело Глейстеру и стоящему слева Чангу Глейстеру. Председатель призвал собравшихся к порядку.

— Члены Глейстерского Сообщества Потенциальных Возможностей, — провозгласил Эгон, — добро пожаловать. Некоторые из вас искали и нашли это место, другие случайно наткнулись на него, третьи оказались здесь, направляясь совершенно в другие места. Непонятно почему, но это место является пунктом сбора Глейстеров. Что ж, пусть так. Я думаю, что выражу общее мнение, если назову это место Пространственно-Временным Центром Сопротивления Императору Мингусу. Мы — единственная серьезная угроза его правлению. У многих из нас были необъяснимые несчастные случаи до того, как мы изобрели машину времени. Некоторые из них наверняка дело рук Мингуса. Можно ожидать и дальнейших покушений. Итак, ваше мнение?

В зале поднялся человек, назвавшийся Чалмерсом Глейстером.

— Кто-нибудь знает, откуда вообще взялся этот Мингус?

— Насколько я понимаю, нет, — ответил Эгон Глейстер. — Он довольно успешно скрывает свое происхождение. В официальной биографии сказано, что Император родился в Кливотере, штат Флорида, и является единственным ребенком Антона и Миры Вальдхайм.

— Кто-нибудь проверял это? — спросил Чалмерс.

Поднялся другой человек.

— Я Маркос Глейстер. Я провел исследование и готов сообщить: Кливотер был разрушен за тридцать лет до начала империи Мингуса, когда взорвался реактор в Сэйдж-Крик.

— А вы не пытались побывать в Кливотере до того, как город был разрушен?

— Пытался, — сказал Маркос, — но ничего не обнаружил. Может, семья Вальдхайм не жила там в то время, или данные о ней позже были засекречены, или Мингус использовал Кливотер как прикрытие.

Началась дискуссия. Все Глейстеры имели далеко не полное представление о путешествиях во времени, ответвлениях, ограничениях и последствиях. Также они не могли прийти к единому мнению относительно характера времени, его типов и аспектов — субъективного времени, объективного времени, прошедшего времени, будущего времени, множественных временных рядов, парадоксальных скрещиваний и расхождений цепей последовательности. Что было прошлым и что будущим? Было ли это все лишь игрой воображения — мнимые границы на однородной плоскости? А если так, то как мог тогда ориентироваться путешественник во времени? Это было похоже на сумасшедшие шахматы, когда каждый игрок мог в любое время исправить предыдущие ходы в партии, которая, вероятно, закончилась еще до того, как началась.

Иеронимус Глейстер — все еще наш герой, несмотря на некоторые трудности в дифференциации и идентификации, — не обращал на полемику никакого внимания. Он изучал собравшихся, поскольку все Глейстеры казались ему не менее удивительным явлением, чем путешествие во времени.

Возраст Глейстеров колебался от двадцати до шестидесяти лет. У всех был один соматический тип. Но различий оказалось гораздо больше, чем сходства.

Каждый Глейстер испытывал одинаковое влияние среды, но при различных субъективных обстоятельствах. Одни и те же события происходили в различные моменты психовремени, рождая в каждом новые и неожиданные конфигурации характера, изменявшие его так, что он становился непохожим на других Глейстеров.

Здесь были храбрые Глейстеры и трусливые Глейстеры, активные и флегматичные, общительные и замкнутые, умные и не очень.

Пока он размышлял об этом, один из присутствующих, назвавшийся Мордехаем Глейстером, попросил слова. Эгон пригласил его на трибуну.

— Буду краток, — сказал Мордехай. — Мне кажется, что мы избрали несколько однобокую оценку действий Императора. Мы упорно стоим на том, что он преследует дьявольские цели. Но разве это очевидно? Допустим, что...

Иеронимус Глейстер уставился на выступавшего. Где-то он

уже видел этого уверенного, бородатого человека лет пятидесяти. Но где?

Внезапно он вспомнил.

Иеронимус Глейстер вскочил и побежал к сцене.

— Хватайте его! — закричал он. — Это Мингус! Это Император!

Поколебавшись, Эгон принял решение. Вместе с Иеронимусом он двинулся к Мордехаю. Несколько других Глейстеров тоже полезли на сцену.

Мордехай вытащил из кармана автоматический пистолет и взял на мушку Эгона.

— Пожалуйста, вернитесь на свои места, — сказал Мордехай. — Все, кроме председателя Эгона и этого молодого человека, чьи жизни зависят от вашего поведения. Я хочу сделать заявление. — И улыбнувшись, он сказал: — Мои дорогие братья и верные подданные, Император Мингус приветствует вас.

Соединение главных линий номер два.

— Дело в том, — сказал Мингус, — что я изобрел машину времени и отправился в далекое будущее. Мир, куда я прибыл, оказался диким и примитивным. Множество крошечных королевств враждовали друг с другом. И я решил изменить его. Те, кому довелось увидеть маленькую часть моей империи, составили неблагоприятное мнение о ней. Но не судите поспешно. Вы забыли, с каким исходным материалом мне пришлось работать. Уверяю вас, что моей главной целью является всеобщий мир и благополучие. И политические свободы тоже, конечно, когда люди поумнеют и сумеют правильно пользоваться ими. Вы полагаете, что моя империя похожа на диктаторские режимы Африки и Латинской Америки, существовавшие в двадцатом веке. Согласен. Но когда я захватил этот мир, в нем царил хаос, и сила являлась единственным законом. Я дал людям ощущение уверенности и стабильности, чтобы построить цивилизацию.

Все мы — продукт американской демократии. «Империя», «император» — это для нас грязные слова. Но что, по-вашему, мне оставалось делать? Дать право голоса рабам и крепостным, отобрать землю у латифундистов? Даже с машиной времени я не продержался бы и недели. Может, мне стоило прочитать им лекцию о равенстве? Народ убежден, что равенства не существует, а справедливость — привилегия правящего класса.

Демократия не является естественным законом. Люди должны научиться демократии. А это слишком трудный и непонятный предмет для тех, кто привык сбиваться в волчьи стаи под

предводительством вожака. Эффективная демократия подразумевает бремя ответственности и терпимость к другим.

Что бы вы предприняли на моем месте? Ужаснулись бы разрухе и нищете и поспешили вернуться в свое счастливое прошлое? Или остались бы в надежде установить демократию и вас бы свергли при первой же возможности? Или все-таки пошли по моему пути: создали бы ту единственную политическую структуру, которая только и доступна этому народу, постепенно приучая его к таким сложным категориям, как свобода и ответственность?

Я сделал то, что полагал наиболее эффективным. Стал управлять этим обществом. Но затем вы, Глейстеры, мои вторые «я», мои братья, стали появляться из прошлого, чтобы убить меня. Я попытался похитить некоторых из вас и перевоспитать. Но Глейстеров оказалось слишком много, и я не мог справиться сразу со всеми.

Я постарался быть предельно откровенным с вами. Поэтому прошу вас, умоляю, помогите мне превратить дикую и нищую Землю в тот мир, о котором мы все мечтаем.

Воцарилась долгая тишина. Наконец председатель Эгон сказал:

— Я полагаю, что вы во многом прояснили картину.

— Разве вы забыли, что сами видели в будущем? — спросил Иеронимус. — Всеобщая подозрительность, нищета, полиция! — Он повернулся к Мингусу. — Почему вы не оставите этих людей в покое? Мне все равно, какие порывы движут вами. Разве на Земле мало было всяких императоров, диктаторов, генералиссимусов, цезарей и прочих правителей? Многие лелеяли благородные замыслы, но людям становилось только хуже.

Собравшиеся молчали. Иеронимус продолжал:

— В любом случае это время вам не принадлежит, оно принадлежит тем, кто существует в нем. Вы прибыли сюда из счастливого двадцатого века и пытаетесь навязать им свои политические решения. В сущности, Мингус, вы действуете как заурядный колонизатор.

Мингус, казалось, был потрясен.

— Мне надо подумать об этом. Я искренне полагал... — Он раздраженно покачал головой. — Странно... — сказал он, — что все мы являемся одним человеком, а точки зрения у нас абсолютно разные.

— В этом нет ничего странного, — ответил Эгон. — Даже в одном человеке сосуществует несколько личностей.

— Предлагаю голосовать, — сказал Иеронимус. — Необходимо решить, что делать нам, Глейстерам.

— Брать власть — это большая ответственность, — сказал

Мингус. — Но отдавать власть — ответственность не меньшая. С моей стороны это будет безрассудным поступком.

— Возможно, и нет, — сказал Эгон. — Может быть, вам и думать об этом не стоит.

— Почему же? — спросил Мингус.

Улыбнувшись, председатель сказал:

— Я думаю, вы неправильно оцениваете события. Появившись здесь, вы перестали быть Императором. Так что вам теперь не о чем беспокоиться.

— Что вы хотите сказать? Кто же теперь настоящий Император?

— Настоящего Императора не существует, — пояснил Эгон. — Существует Глейстер, который отправился в будущее, захватил власть и стал Императором. Он увидел, что возникла организация, стремящаяся сбросить его с трона, и вернулся в прошлое, чтобы уничтожить ее. Там он и погиб.

— Эй, поосторожнее, — предупредил Мингус.

— Чего тут осторожничать, — сказал Эгон. — Мы знаем, что путешествие во времени вызывает дупликацию. Один из законов путешествий во времени состоит в том, что сначала ничего не происходит. Вы, мой дорогой Мордехай, имели честь быть первым Императором. Но это не может длиться вечно. Поскольку здесь замешано путешествие во времени, должен появиться второй Император, чтобы возникла линия вероятности существования императоров.

— И вы полагаете, что первый Император должен умереть? — спросил Мингус.

— Или уйти в отставку, — сказал Эгон. — Отдайте мне пистолет.

— Вы хотите стать новым Императором?

— А почему бы и нет? Я Глейстер и потому наследник королевского рода. Дайте пистолет, и я отпущу вас с миром.

— Соглашайтесь, — принялся уговаривать Мингуса Иеронимус. — Он прав: путешествие во времени требует предопределенного хода событий. Существование второго Императора просто неизбежно.

— Хорошо, — сказал Мордехай-Мингус. — Я отдам вам пистолет. Но так как вы будущий Император, вам должно быть все равно, каким образом я вам его переправлю. Он направил пистолет на Эгона и нажал на спусковой крючок. И тут на лице Мордехая появилась гримаса боли. Он застыл на месте, затем упал. Пистолет выпал из его руки.

Иеронимус поднял оружие. Наклонившись над Мордехаем, он взглянул на Эгона.

— Мертв.
— Похоже, у нас новый Император, — сказал Эгон.
— Похоже на то, — сказал Иеронимус, подавая ему пистолет.

Цепь Императора Глейстера номер 2.

— Очень любезно с твоей стороны, — сказал Эгон, взвешивая в руке пистолет. — Надеюсь, у тебя нет императорских амбиций?

— Амбиции есть, но не императорские. К тому же у меня предчувствие, Эгон.

— Я больше не Эгон, — сказал председатель. — Чтобы избежать путаницы, я выбираю себе имя Мингус. Так какое у тебя предчувствие?

— Мне показалось, что я слышал голос, который сказал: «Император — раб времени».

— Странно, — криво ухмыльнувшись, заметил новый Мингус. — Ты понимаешь, что это значит?

— Какую-то очередную неприятность.

— Что ж, — сказал Мингус. — Ты одарил меня прорицанием и королевством, спасибо тебе за все, особенно за последнее. Что я могу для тебя сделать?

— Отправляйся править своей империей и позволь всем нам продолжать делать то, что мы считаем нужным.

— Это не очень разумно, — сказал Мингус, — но я согласен. Бог знает, какие могут быть последствия, если я начну убивать Глейстеров. Помни только...

Внезапно рядом с Мингусом материализовался человек. Он был стар, с седой бородой и морщинистым лицом. В глазах его светилась грусть.

— Кто ты? — требовательно спросил Мингус.

— Я — это ты, Эгон. Я — Мордехай, я — Иеронимус, я — все остальные. Я Император, которым ты станешь. Я пришел молить тебя отречься от трона и изменить то, что еще можно изменить.

— Чем вызвана твоя просьба? — спросил Мингус.

— Тем, что Император — раб времени.

— Опять эта чепуха! Кто ты на самом деле?

— Прошу, отрекись от трона!

— Мне надоела твоя болтовня, — сказал Мингус.

Он направил на старика пистолет и выстрелил. Но это не произвело никакого эффекта. Старик раздраженно покачал головой.

— Меня нельзя убить. Реальность позициональна, ты сам это поймешь со временем. А теперь мне пора возвращаться к своему делу.

— А какое у тебя дело? — спросил Иеронимус.

— Все рабы заняты одинаково бессмысленным делом, — сказал старик и исчез.

Мингус недовольно потер подбородок.

— Только этого старого клоуна не хватало в нашей комедии. Иеронимус, а ты-то куда собрался?

Иеронимус настраивал машину времени.

— В путешествие. Навещу своего давнего друга.

— Кого ты имеешь в виду?

— В свое время узнаешь.

— Эй, Иеронимус, подожди! — крикнул Мингус. — Останься со мной и помоги создать настоящую цивилизацию. Обещаю: я буду следовать твоим советам.

— Нет, — сказал Иеронимус и нажал на кнопку.

Соединение главных линий номер четыре.

В этот раз Глейстер очутился возле Крула в последние годы империи Мингуса. Продав кое-что из одежды, он направился в Вашингтон на повозке. Со станции он направился в Белый дом, резиденцию Императора.

После того как Иеронимус сообщил свое имя охране, его повели по извилистым коридорам, подняли на лифте, подвели к стальной двери, выкрашенной в пурпурный цвет. Охранник впустил его внутрь.

— Рад снова тебя видеть, — сказал Эгон-Мингус.

— Я тоже, — ответил Иеронимус. — Ну, как дела в империи?

— Не все идет успешно, как ты уже, наверное, заметил. Честно говоря, полнейший развал. — Мингус криво улыбнулся. Он был уже старым человеком, с седой бородой и красными глазами.

— В чем же дело? Глейстеры по-прежнему желают тебя свергнуть?

— Конечно, — сказал Мингус. — Я даже не пытаюсь их остановить. У нас семейная неспособность к политике. Глейстеры ничего не смыслят в интригах. Они прибывают в мою империю в одеждах двадцатого века, размахивают странным оружием и обращаются к народу с речами, которых никто не понимает. При первой же возможности их передают в руки полиции.

— И что ты с ними делаешь?

— Я их воспитываю.

— Что?!

Мингус поморщился.

— Перестань. Уверяю тебя: я воспитываю их обычными методами — лекциями, книгами, фильмами. Ну а затем даю возможность поселиться в моей империи.

— И они соглашаются остаться?

— Большинство — да. Надо же им где-то жить, а те места, откуда они прибыли, уже заняты другими Глейстерами.

— Значит, все в порядке? В чем же проблема?

— Неужели ты не понимаешь?.. Первый Глейстер построил машину времени и отправился в будущее. Природа, которая терпит парадоксы, но не выносит пустоты, осталась с дыркой в пространстве-времени. Из нормальной структуры выпал Глейстер. Природа, естественно, создала идентичного или почти идентичного Глейстера, взяв его оттуда, где у нее хранятся запчасти.

— Все это мне уже известно, — сказал Иеронимус.

— Но не до конца. Каждый раз, когда Глейстер использует машину времени, происходит смещение, и образуется новая дыра в пространстве-времени, которую природа заполняет очередным Глейстером.

— Теперь начинаю понимать, — сказал Иеронимус.

— У нас здесь полно Глейстеров, — продолжал Мингус. — Есть цепь последовательностей Глейстера, который стал Императором, другая цепь последовательностей, создавшая оппозиционную организацию, борющуюся с Императором. Есть и иные цепи последовательностей. Каждая цепь последовательности включает в себя путешествие во времени, дублируя Глейстеров. Каждое такое путешествие заканчивается появлением все новых и новых Глейстеров.

Мингус помолчал, чтобы до Иеронимуса дошел смысл его слов. И наконец сообщил:

— Глейстеры появляются в геометрической прогрессии.

— Тогда, — заметил Иеронимус, — их, наверное, полным-полно.

— Тебе будет трудно поверить, — заметил Мингус. — С геометрической прогрессией шутки плохи. Сотни становятся тысячами, тысячи — миллионами, миллиардами, квадриллионами. Теперь-то тебе все ясно?

— А куда же они все деваются?

— Они прибывают сюда, — ответил Мингус. — Больше им некуда податься.

— Где же ты их можешь разместить?

— Пока мне удалось кое-как пристроить двенадцать миллионов. Но у империи ресурсы на исходе, а Глейстеры все прибывают и прибывают.

— Неужели это никак нельзя остановить?

Мингус покачал головой:

— Даже если бы армия расстреливала их на месте, мы бы не смогли справиться с таким количеством. Скоро здесь не будет никого, кроме Глейстеров. Вся Земля будет усеяна Глейстерами,

а новые все прибывают и прибывают. Император действительно раб времени.

— Единственное, что мне приходит в голову, — сказал Иеронимус, — это то, что настоящего Глейстера надо убить прежде, чем он изобретет машину времени.

— Это невозможно. Многие пытались это совершить, но все дело в том, что мы способны встретить Глейстера только после изобретения машины времени. И кстати, каждый Глейстер, который отправлялся в прошлое и возвращался ни с чем, лишь увеличивал прогрессию.

— Понятно.

— Еще какие-нибудь мысли есть?

— Только одна, но вряд ли она тебе понравится.

Мингус терпеливо ждал.

— Как я понял, Глейстеры могут дублироваться до бесконечности. Поэтому должно быть введено ограничение, чтобы каждая цепь последовательностей имела конец.

— Какое ограничение?

— Смерть — это естественное ограничение, — сказал Иеронимус. — Она должна произойти как можно раньше, чтобы повториться одновременно во всех цепях последовательностей, формируя таким образом ограничение и приводя к самозавершению.

— Многие из нас уже умерли, — сказал Мингус, — но это никак не сказалось на нашествии Глейстеров.

— Иначе и быть не могло. Все эти смерти Глейстеров были нормальным завершением индивидуальных временных рядов. А нам нужна смерть ранняя — самоубийство.

— Понятно: для того, чтобы ввести фактор быстрой циркуляции смерти, — задумался Мингус. — Самоубийство... Ну что ж, это будет мой последний императорский акт.

— Не твой, а мой, — поправил его Иеронимус.

— Я все еще Император, — сказал Мингус, — так что это моя обязанность.

— Во-первых, ты слишком стар, — сказал Иеронимус. — Молодой Глейстер должен умереть в самом начале своего временного ряда.

— Нам надо выбрать кого-нибудь из молодых Глейстеров, — сказал Мингус.

Иеронимус покачал головой.

— Боюсь, это должен сделать я.

— Можешь объяснить почему?

— Не считай меня эгоистом, но должен сказать, что я — настоящий Глейстер и только мое самоубийство может положить конец тому, что я начал.

— А откуда ты знаешь, что ты настоящий Глейстер?

— Интуиция подсказывает.

— Ну, это еще не доказательство!

— Но по крайней мере, кое-что. Тебе такое интуиция не подсказывает?

— Нет, — ответил Мингус. — Но я не могу поверить, что я нереальный.

— Ты реальный Глейстер, — успокоил его Иеронимус. — Мы одинаково реальны. Просто я первый, вот и все.

— Впрочем, это не имеет значения. Очевидно, ты прав.

— Спасибо, — сказал Иеронимус, настраивая машину времени. — У тебя еще остался пистолет? — Мингус протянул ему пистолет, который Иеронимус положил в карман. — Спасибо. До встречи.

— Вряд ли она произойдет.

— Если мои расчеты правильны, — сказал Иеронимус, — то мы снова увидимся.

— Объясни! — потребовал Мингус. — Разве такое возможно?

Но Иеронимус нажал на кнопку и исчез.

Окончание цепи последовательностей Глейстера номер один.

Был прекрасный сентябрьский день в Харвест Фолз, штат Индиана. Чарли Глейстер прошел по Эппл-стрит мимо дома, где размещалась его лаборатория. Сначала он хотел заглянуть туда и поговорить с собой, но потом передумал. Хватит с него Глейстеров.

Он вышел из города по шоссе номер 347, затем свернул с дороги и побрел через поле, через лесок, пока не вышел к небольшому озерцу, где в детстве ловил карасей. Старый дуб все еще возвышался над озером. Чарли сел под ним и прислонился к стволу дерева.

Вытащив пистолет, он изучил его. Почесал нос и некоторое время смотрел на солнечные блики на воде.

Затем недовольно произнес:

— Ладно, пора заканчивать.

Чарли засунул дуло пистолета в рот, поморщившись от привкуса смазки, закрыл глаза, нажал на курок и умер.

Повторение окончания цепи последовательностей Глейстера.

Чарли Глейстер открыл глаза. Императорская приемная была такой же, какой он ее знал. Перед ним на столе лежали последние статистические сводки: 12 миллионов Глейстеров расселено в пределах империи, но каждую минуту прибывают все новые и новые Глейстеры. Он покачал головой и погладил бороду. Затем посмотрел на стоящего перед ним молодого человека.

— Счастливо, — сказал он и передал ему пистолет.

— Спасибо, — сказал Эгон Глейстер, нажал кнопку и исчез.

Оставшись один, Чарли осмотрел приемную. Придется ему привыкать к управлению государством, потому что пришла его очередь стать Императором, как со временем дойдет очередь и до других. Они должны будут пройти через все ипостаси Глейстера в процессе окончания цепи последовательности, пока не останется один-единственный Глейстер — как в самом начале.

Но пока он Император, ему, может быть, будет интересно. Он был рад, что уже не придется проходить через этап самоубийства — по крайней мере, пока через него не пройдут все остальные.

ЗАМЕТКИ ПО ВОСПРИЯТИЮ ВООБРАЖАЕМЫХ РАЗЛИЧИЙ

1

Ганс и Пьер находятся в тюрьме. Пьер — француз, небольшого роста, полный, с черными волосами. Ганс — немец, высокий, худой и светловолосый. У Пьера желтая кожа и черные усы. У Ганса здоровый цвет кожи и светлые усы.

2

Гансу и Пьеру становится известно, что недавно объявили амнистию. По условиям этой амнистии Пьера выпустят немедленно. О немцах не говорится ничего, и Ганс должен будет остаться в тюрьме. Это печалит обоих узников. Они думают: «Если бы Ганса освободили вместо Пьера...»

(Ганс опытный слесарь. Оказавшись на свободе, он сможет вызволить из тюрьмы своего друга. Француз — профессор астрофизики и не в состоянии помочь никому, даже самому себе. Он бесполезный человек, но приятный; немец считает его самым хорошим человеческим существом, которое он когда-либо встречал. Ганс принимает решение выйти из тюрьмы, чтобы освободить друга.)

Есть один способ — обмануть стража. Если тот поверит, что Ганс — это Пьер, тогда Ганса выпустят. И он сможет вернуться к тюрьме и помочь Пьеру бежать. Для этой цели они разработали план.

Вот слышатся шаги в коридоре. Это страж! Друзья приступают к первой фазе плана, поменявшись усами.

3

Страж входит в камеру и говорит:
— Ганс, шаг вперед.
Оба мужчины делают шаг.
Страж спрашивает:
— Кто Ганс?
Оба пленника отвечают:
— Я.

Страж разглядывает их. Он видит высокого худого блондина с черными усами и здоровой кожей, стоящего рядом с маленьким полным брюнетом со светлыми усами и желтоватой кожей. Несколько секунд он подозрительно изучает их, затем признает в высоком немца, а другому, французу, приказывает выйти.

Узники готовы к этому, они бегут за спину стража и меняются волосами.

Страж осматривает их, невозмутимо улыбается и достает классификационный лист. Он определяет, что высокий черноволосый мужчина с черными усами и здоровым цветом лица — немец.

Пленники шепотом совещаются и вновь забегают за спину стража. Ганс пригибается, а Пьер становится на цыпочки. Страж, который чрезвычайно туп, медленно поворачивается к ним.

На этот раз задача сложнее. Он видит двух мужчин одинакового роста. У толстяка светлые волосы, светлые усы, желтоватая кожа. Другой черноволос, худощав, с черными усами и здоровой кожей. У обоих синие глаза — это совпадение. После некоторого раздумья страж решает, что первый узник — со светлыми волосами, светлыми усами, желтоватой кожей, полный — француз.

Пленники в третий раз проскальзывают за его спину и торопливо советуются.

(У стража водянка и очень плохое зрение. Его реакции замедленны из-за скарлатины, которой он переболел в детстве. Он с трудом поворачивается, часто-часто моргая.)

Пленники вновь обмениваются усами. Один втирает в кожу пыль, в то время как другой мажет лицо сажей. Полный становится еще выше на цыпочки, а худой еще больше пригибается.

Страж видит полного блондина выше среднего роста, с черными усами и светлой кожей. Слева от него стоит болезненный черноволосый тип ниже среднего роста, со светлыми усами. Страж тщательно изучает их, хмурится, поджимает губы, достает и перечитывает инструкцию. Затем он указывает на светлокожего человека выше среднего роста с черными усами — француз.

Пленник уворачивается. Высокий туже затягивает пояс во-

круг талии, а низкорослый расстегивает ремень и засовывает под одежду всякие тряпки. Они снова меняются усами и волосами.

Страж сразу замечает, что фактор «полнота — худощавость» уменьшился в значимости. Он решает сравнить цветовые характеристики, но тут обращает внимание, что у светловолосого черные усы, а у черноволосого — светлые. Блондин чуть ниже среднего роста, а кожу можно счесть желтой. Справа от него стоит человек со светлыми усами (немного покривившимися) и чистой кожей, брюнет; он чуть выше среднего роста.

Инструкция бессильна. Тогда страж вытаскивает из кармана старое издание «Процедуры установления личности» и просматривает его в поисках чего-нибудь подходящего. Наконец он находит пресловутое предписание № 1266 от 1878 года: «Узник-француз всегда стоит слева, немец — справа».

— Ты, — говорит страж, указывая на узника слева. — Пойдешь со мной, француз. А ты, колбасник, останешься здесь, в камере.

4

Страж выводит пленника, оформляет бумаги и выпускает его на свободу. Ночью бежит оставшийся.

(Сбежать из тюрьмы очень просто. Страж потрясающе глуп. И не только глуп — каждую ночь он напивается до бесчувствия и, кроме того, принимает пилюли от бессонницы. Ему категорически противопоказана работа стража, но все легко объяснимо — он сын знаменитого адвоката. В виде одолжения власти предоставили это место его физически неполноценному сыну. По той же причине у стража нет напарника и нет начальства. Он совершенно одинок, пьян, напичкан наркотиками, и ничто на свете не может пробудить его. Это мое последнее слово по данному вопросу.)

5

Два бывших узника сидят на скамейке в двух милях от тюрьмы. Они выглядят так же, как мы видели их в последний раз.

Один произносит:

— Я же говорил, что получится! Оказавшись на свободе, ты...

— Конечно, получилось, — соглашается другой. — Когда страж выбрал меня, я понял, что это к лучшему, потому что ты и сам сможешь убежать.

— Минуточку, — перебивает первый. — Уж не хочешь ли ты сказать, что, несмотря на наши старания, страж выбрал француза?

— Да, — отвечает второй. — Но это не имело никакого значения. Если бы выпустили слесаря, он бы вернулся и помог спастись профессору, а если бы на свободе оказался профессор, слесарь сам мог бы бежать. Нам не было нужды меняться местами.

Первый пристально смотрит на товарища.

— Мне кажется, ты пытаешься украсть мою принадлежность к французской нации!

— Зачем мне это нужно? — спрашивает второй.

— Потому что ты хочешь быть французом, подобно мне. И понятно — вон виднеется Париж, где лучше быть французом, а не немцем.

— Конечно, я хочу быть французом! — восклицает второй. — Потому что я и есть француз. А город этот — Лимож, а не Париж.

Первый мужчина немного выше среднего роста, темноволосый, со светлыми усами, хорошей кожей, худощавый. Другой мужчина ниже среднего роста, со светлыми волосами, с черными усами, нездоровой кожей, склонен к полноте.

Они смотрят друг другу в глаза и видят в них искренность. Если никто не врет, то один заблуждается.

— Если никто не врет, — говорит первый мужчина, — то один из нас заблуждается.

— Согласен, — отвечает другой. — А так как мы оба честные люди, нам надо лишь проследить этапы изменения внешности. Если мы сделаем это, то придем к началу, когда один был небольшого роста, светловолосым немцем, а второй — высоким брюнетом, французом.

— Да. Однако разве не у француза были светлые волосы и не немец был высок?

— Сомневаюсь, — говорит второй. — Но, возможно, тюремная жизнь повредила мою память, и я уже не помню, какие черты были у француза, а какие у немца. Тем не менее я полон желания все с тобою обсудить и готов согласиться с любыми разумными предложениями.

— Давай. Могут быть у немца светлые волосы?

— Вполне. Надели его еще светлыми усами, это подходит.

— Как насчет кожи?

— Желтая, конечно. В Германии влажный климат.

— Цвет глаз?

— Голубой.

— Толстый или худощавый?

— Естественно, толстый!

— Итак, немец — высокий полный блондин с желтой кожей и голубыми глазами.

— Некоторые детали могут быть неточны, но это мелочи. Теперь припомним, кто из нас так выглядел.

6

На первый взгляд оба мужчины кажутся абсолютно одинаковыми или, по крайней мере, неразличимы. Это обманчивое впечатление. Надо помнить, что различия между ними реальны и независимы от внешности, несмотря на то, что являются воображаемыми. Их может воспринять любой человек, и именно они делают одного немцем, а другого — французом.

7

Воспринимать воображаемые различия надо следующим образом. Вы фиксируете в уме оригинальные черты каждого, а затем в обратном порядке проводите все обмены. В конечном итоге вы окажетесь у исходной точки и безошибочно определите, кто — воображаемый немец, а кто — воображаемый француз.

Все очень просто. Другое дело, конечно, зачем вам это надо.

СЛУЖБА ЛИКВИДАЦИИ

Посетителя не следовало пускать дальше приемной, ибо мистер Фергюсон принимал людей только по предварительной договоренности и делал исключение лишь для каких-нибудь важных особ. Время стоило денег, и приходилось его беречь.

Однако секретарша мистера Фергюсона, мисс Дейл, была молода и впечатлительна; посетитель же достиг почтенного возраста, носил скромный английский костюм из твида, держал в руке трость и протягивал визитную карточку от хорошего гравера. Мисс Дейл сочла, что это важная особа, и провела его прямехонько в кабинет мистера Фергюсона.

— Здравствуйте, сэр, — сказал посетитель, едва за мисс Дейл закрылась дверь. — Я Эсмонд из Службы ликвидации. — И он вручил Фергюсону визитную карточку.

— Понятно, — отозвался Фергюсон, раздраженный отсутствием сообразительности у мисс Дейл. — Служба ликвидации? Извините, но мне совершенно нечего ликвидировать. — Он приподнялся в кресле, желая сразу положить конец разговору.

— Так уж и совершенно нечего?

— Ни единой бумажки. Спасибо, что потрудились зайти...

— В таком случае, надо понимать, вы довольны окружающими вас людьми?

— Что? А какое вам до этого дело?

— Ну как же, мистер Фергюсон, ведь этим-то и занимается Служба ликвидации.

— Вы меня разыгрываете, — сказал Фергюсон.

— Вовсе нет, — ответил мистер Эсмонд с некоторым удивлением.

— Вы хотите сказать, — проговорил, смеясь, Фергюсон, — что ликвидируете людей?

— Разумеется. Я не могу предъявить никаких письменных доказательств: все-таки мы стараемся избегать рекламы. Однако, смею вас уверить, у нас старая и надежная фирма.

Фергюсон не отрывал взгляда от безукоризненно одетого посетителя, который сидел перед ним, прямой и чопорный. Он не знал, как отнестись к услышанному.

Это, конечно, шутка. Всякому понятно.

Это не может не быть шуткой.

— И что же вы делаете с людьми, которых ликвидируете? — спросил Фергюсон, поддерживая игру.

— Это уж наша забота, — сказал мистер Эсмонд. — Важно то, что они исчезают.

Фергюсон встал.

— Ладно, мистер Эсмонд. Какое у вас в действительности ко мне дело?

— Я уже сказал, — ответил Эсмонд.

— Ну, бросьте. Это же несерьезно... Если бы я думал, будто это серьезно, я бы вызвал полицию.

Мистер Эсмонд со вздохом поднялся с кресла.

— В таком случае я полагаю, что вы не нуждаетесь в наших услугах. Вы вполне удовлетворены друзьями, родственниками, женой.

— Женой? Что вы знаете о моей жене?

— Ничего, мистер Фергюсон.

— Вы разговаривали с соседями? Эти ссоры ничего не значат, абсолютно ничего.

— Я не располагаю никакими сведениями о вашем супружестве, мистер Фергюсон, — заявил Эсмонд, опять усаживаясь в кресло.

— Почему же вы упомянули о моей жене?

— Мы установили, что основную статью нашего дохода составляют браки.

— Ну, у меня-то все в порядке. Мы с женой отлично уживаемся.

— В таком случае Служба ликвидации вам ни к чему, — заметил мистер Эсмонд, сунув трость под мышку.

— Минуточку, — Фергюсон стал расхаживать по комнате, заложив руки за спину. — Понимаете ли, я не верю ни одному вашему слову. Ни единому. Но допустим на секунду, что вы говорили серьезно. Это всего лишь допущение, имейте в виду... какова будет юридическая процедура, если я... если бы я захотел...

— Достаточно вашего согласия, выраженного словесно, — ответил мистер Эсмонд.

— Оплата?

— Отнюдь не вперед. После ликвидации.

— Мне-то безразлично, — поспешно сказал Фергюсон. — Я просто интересуюсь, — он помедлил. — Это больно?

— Ни в малейшей степени.

Фергюсон все расхаживал по комнате.

— Мы с женой отлично уживаемся, — сказал он. — Женаты семнадцать лет. Понятно, в совместной жизни всегда возникают какие-то трения. Этого следует ожидать.

Мистер Эсмонд слушал с непроницаемым видом.

— Волей-неволей приучаешься идти на компромиссы, — говорил Фергюсон. — И я вышел из того возраста, когда мимолетная прихоть могла бы побудить меня... э-э...

— Вполне понимаю вас, — проронил мистер Эсмонд.

— Я вот что хочу сказать, — продолжал Фергюсон. — Временами, конечно, с моей женой бывает трудно. Она сварлива. Изводит меня. Пилит. Вы, очевидно, об этом осведомлены?

— Вовсе нет, — сказал мистер Эсмонд...

— Не может быть! Что же, вы обратились ко мне ни с того ни с сего?

Мистер Эсмонд пожал плечами.

— Как бы там ни было, — веско произнес Фергюсон, — я вышел из того возраста, когда хочется перестроить свою жизнь поиному. Предположим, я не женат. Предположим, я мог бы завести связь, например с мисс Дейл. Наверное, это было бы приятно.

— Приятно, но не более того, — сказал мистер Эсмонд.

— Да. Это было бы лишено прочной ценности. Недоставало бы твердого нравственного фундамента, на котором должно зиждиться всякое успешное начинание.

— Это было бы всего лишь приятно, — повторил мистер Эсмонд.

— Вот именно. Мило, не спорю. Мисс Дейл — привлекательная женщина. Никто не станет отрицать. У нее всегда ровное настроение, хороший характер, она крайне предупредительна. Этого у нее не отнимешь.

Мистер Эсмонд вежливо улыбнулся, встал и направился к двери.

— А как с вами связаться? — неожиданно для самого себя спросил Фергюсон.

— У вас есть моя визитная карточка. По этому телефону меня можно застать до пяти часов. Но вам следует принять решение сегодня же, не позднее этого часа. Время — деньги, и мы должны выдерживать свой график.

— Конечно, — поддакнул Фергюсон и неискренне засмеялся. — А все же я не верю ни единому слову. Мне даже неизвестны ваши условия.

— Уверяю вас, что при вашем материальном положении вы найдете их умеренными.

— А потом я мог бы отрицать, что когда-либо видел вас, говорил с вами и вообще?..

— Естественно.

— И вы действительно ответите, если я наберу этот номер?

— До пяти часов. Всего хорошего, мистер Фергюсон.

После ухода Эсмонда Фергюсон обнаружил, что у него дрожат руки. Разговор взволновал его, и он решил выбросить все услышанное из головы.

Однако выполнить решение оказалось не так-то легко. С каким серьезным видом ни склонялся он над своими бумагами, как ни скрипел пером, — каждое слово Эсмонда гремело у него в ушах.

Каким-то образом Служба ликвидации узнала о недостатках его жены. Эсмонд сказал, что она вздорна, сварлива, надоедлива. Он, Фергюсон, вынужден был признать эти истины, как они ни горьки. Только посторонний человек способен смотреть на вещи трезво, без всякого предубеждения.

Он снова углубился в работу. Но тут с утренней корреспонденцией появилась мисс Дейл, и Фергюсон волей-неволей согласился, что она чрезвычайно привлекательна.

— Будут еще какие-нибудь распоряжения, мистер Фергюсон? — осведомилась мисс Дейл.

— Что? А-а, да нет пока, — ответил Фергюсон. Когда она вышла, он долго еще смотрел на дверь.

Работать дальше было бессмысленно. Он решил немедленно уйти домой.

— Мисс Дейл, — сказал он, накидывая пальто на плечи, — меня вызывают... Боюсь, что у нас накапливается порядочно работы. Не могли бы вы на этой неделе поработать со мной вечерок-другой?

— Конечно, мистер Фергюсон, — согласилась она.

— Я не помешаю вашим светским развлечениям? — спросил Фергюсон с принужденным смешком.

— Вовсе нет, сэр.

— Я... я постараюсь вам это возместить. Дело превыше всего. До свидания.

Он поспешно вышел из конторы, чувствуя, как пылают его щеки.

Дома жена как раз кончала стирку. Миссис Фергюсон была некрасивой женщиной маленького роста с нервными морщинками у глаз. Увидев мужа, она удивилась.

— Ты сегодня рано, — сказала она.

— А что, это запрещается? — спросил Фергюсон с энергией, изумившей его самого.

— Конечно, нет...

— Чего ты добиваешься? Чтобы я заработался в конторе до смерти? — огрызнулся он.

— Когда же это я...

— Будь любезна не вступать со мной в пререкания, — отчеканил Фергюсон. — Не пили меня.

— Я тебя не пилила! — закричала жена.

— Пойду прилягу, — сказал Фергюсон.

Он поднялся вверх по лестнице и остановился у телефона. Без сомнения, все, что сказал Эсмонд, соответствует действительности.

Он взглянул на часы и с удивлением увидел, что уже без четверти пять.

Фергюсон принялся расхаживать взад и вперед возле телефона. Он уставился на карточку Эсмонда, и в мозгу его всплыл образ нарядной, привлекательной мисс Дейл.

Он порывисто схватил трубку.

— Служба ликвидации? Говорит Фергюсон.

— Эсмонд слушает. Что вы решили, сэр?

— Я решил... — Фергюсон крепко сжал трубку. — У меня есть полное право так поступить, — сказал он себе.

А все же они женаты семнадцать лет. Семнадцать лет! Они знавали и хорошие минуты, не только плохие. Справедливо ли это, по-настоящему ли справедливо?

— Что вы решили, мистер Фергюсон? — повторил Эсмонд.

— Я... я... нет! Мне не нужна ваша Служба! — воскликнул Фергюсон.

— Вы уверены, мистер Фергюсон?

— Да, совершенно уверен. Вас надо упрятать за решетку! Прощайте, сэр!

Он повесил трубку и сразу же почувствовал, как с души его свалился огромный камень. Он поспешил вниз.

Жена жарила грудинку — блюдо, которое он всегда терпеть не мог. Но это неважно. На мелкие неприятности он готов был смотреть сквозь пальцы.

Раздался звонок в дверь.

— Ох, это, наверное, из прачечной, — сказала миссис Фергюсон, пытаясь одновременно перемешать салат и снять с огня суп. — Тебе не трудно?

— Нисколько. — Светясь вновь обретенным самодовольством, Фергюсон открыл дверь. На пороге стояли двое мужчин в форме, с большим холщовым мешком.

— Прачечная? — спросил Фергюсон.

— Служба ликвидации, — ответил один из незваных посетителей.

— Но я ведь сказал, что не...

Двое мужчин схватили его и запихнули в мешок со сноровкой, приобретенной в результате долгой практики.

— Вы не имеете права! — пронзительно вскричал Фергюсон.

Над ним сомкнулся мешок, и Фергюсон почувствовал, как его понесли по садовой дорожке. Заскрипела, открываясь, дверца автомашины, и его бережно уложили на пол.

— Все в порядке? — услышал он голос своей жены.

— Да, сударыня. У нас изменился график. В последний момент оказалось, что мы можем обслужить вас сегодня.

— Я так рада, — донеслись до него слова. — Сегодня днем я получила большое удовольствие от беседы с мистером Френчем из вашей фирмы. А теперь извините меня. Обед почти готов, а мне надо еще кое-кому позвонить.

Автомобиль тронулся с места. Фергюсон пытался закричать, но холст плотно обхватывал его лицо, не давая открыть рот.

Он безнадежно спрашивал себя: кому же она собирается звонить? А я-то ничего не подозревал!

ТЕПЛО

Андерс, не раздевшись, лежал на постели, скинув лишь туфли и освободившись от черного тугого галстука. Он размышлял, немного волнуясь при мысли о предстоящем вечере. Через двадцать минут ему предстояло разбудить Джуди в ее квартирке. Вроде бы ничего особенного, но все оказалось не так просто.

Он только что открыл для себя, что влюблен в нее.

Что ж, он скажет ей об этом. Сегодняшний вечер запомнится им обоим. Он, конечно, сделает ей предложение, будут поцелуи, и на лбу его, фигурально выражаясь, будет оттиснута печать их брачного соглашения.

Он скептически усмехнулся. Поистине, от любви лучше держаться в стороне — спокойнее будет. Отчего она вдруг вспыхнула, его любовь? От взгляда, прикосновения, мысли? Как бы там ни было, для ее пробуждения достаточно и пустяка. Он широко зевнул и с наслаждением потянулся.

— Помоги мне! — раздался чей-то голос.

От неожиданности зевок прервался в самый сладостный его момент; мышцы непроизвольно напряглись. Андерс сел, настороженно вслушиваясь в тишину спальни, затем усмехнулся и улегся снова.

— Ты должен помочь мне! — настойчиво повторил голос.

Андерс снова сел и, опустив ноги на пол, стал обуваться, с подчеркнутым вниманием завязывая шнурки на одной из своих элегантных туфель.

— Ты слышишь меня? — спросил голос. — Ты ведь слышишь, не правда ли?

Разумеется, он слышал.

— Да, — отозвался Андерс, все еще в хорошем расположении духа. — Только не говори мне, что ты — моя нечистая совесть, укоряющая меня за ту давнюю вредную привычку детства, над которой я никогда не задумывался. Полагаю, ты хочешь, чтобы я ушел в монастырь.

— Не понимаю, о чем ты, — произнес голос. — Ничья я не совесть. Я — это я. Ты поможешь мне?

Андерс верил в голоса, как все, то есть вообще не верил в них, пока не услышал. Он быстро перебрал в уме все вероятные причины подобного явления — когда людям слышатся голоса — и остановился на шизофрении. Пожалуй, с такой точкой зрения согласились бы и его коллеги. Но Андерс, как ни странно, полностью доверял своему психическому здоровью. В таком случае...

— Кто ты? — спросил он.

— Я не знаю, — ответил голос.

Андерс вдруг осознал, что голос звучит в его собственной голове. Очень подозрительно.

— Итак, тебе неизвестно, кто ты, — заявил Андерс. — Прекрасно. Тогда где ты?

— Тоже не знаю. — Голос немного помедлил. — Послушай, я понимаю, какой чепухой должны казаться мои слова. Я нахожусь в каком-то очень странном месте, поверь мне — словно в преддверии ада. Я не знаю, как сюда попал и кто я, но я безумно желаю выбраться. Ты поможешь мне?

Все еще внутренне протестуя против звучащего в голове голоса, Андерс понимал тем не менее, что следующий его шаг будет решающим. Он был вынужден признать свой рассудок либо здравым, либо нет.

Он признал его здравым.

— Хорошо, — сказал Андерс, зашнуровывая вторую туфлю. — Допустим, что ты — некая личность, которую угораздило попасть в беду, и ты установил со мной что-то вроде телепатической связи. Что еще ты мог бы сообщить мне о себе?

— Боюсь, что ничего, — произнес голос с невыразимой печалью. — Тебе придется самому выяснить.

— С кем еще, кроме меня, ты можешь вступить в контакт?

— Ни с кем.

— Тогда как же ты разговариваешь со мной?

— Не знаю.

Андерс подошел к зеркалу, стоящему на комоде, и, тихонько посвистывая, завязал черный галстук. Он решил не придавать особого значения всяким внутренним голосам. Теперь, когда Андерс знал, что влюблен, он не мог позволить таким пустякам, как голоса, вмешиваться в его жизнь.

— Сожалею, но я ума не приложу, каким образом помочь тебе, — сказал Андерс, снимая с куртки ворсинку. — Ты ведь понятия не имеешь, где сейчас находишься, нет даже приблизительных ориентиров. Как я смогу тебя разыскать? — Он оглядел комнату, проверяя, не забыл ли чего.

— Я буду знать это, когда почувствую тебя рядом, — заметил голос. — Ты был теплым только что.

— Только что? — Только что он оглядел комнату — не больше того.

Он повторил свое движение, медленно поворачивая голову. И тогда произошло то, чего он никак не ожидал.

Комната вдруг приобрела странные очертания. Гармония световых тонов, любовно составленная им из нежных пастельных оттенков, превратилась в мешанину красок. Четкие пропорции комнаты внезапно нарушились. Контуры стен, пола и потолка заколыхались и разъехались изломанными, разорванными линиями.

Затем все вернулось в нормальное состояние.

— Уже горячее, — произнес голос.

Озадаченный, Андерс невольно потянулся рукой, чтобы почесать в затылке, но, побоявшись испортить прическу, превозмог свое импульсивное желание. Его не удивило то, что сейчас произошло. Каждый человек хоть раз в жизни сталкивается с чем-то необычным, после чего его начинают одолевать сомнения насчет нормальности своей психики и собственного существования на этом свете. На короткое мгновение перед его глазами рассыпается слаженный порядок во Вселенной и разрушается основа веры.

Но мгновение проходит.

Андерс помнил, как он, еще мальчиком, проснулся однажды

в своей спальне посреди ночи. Как странно тогда все выглядело! Стулья, стол, все предметы, что находились в комнате, утратили привычные пропорции. Во мраке спальни они выросли до невероятных размеров, а потолок, словно в страшном сне, опускался на него, грозя раздавить.

То мгновение тоже прошло.

— Что ж, дружище, — сказал Андерс, — если я снова потеплею, дай мне знать об этом.

— Дам, — прошептал голос в его голове. — Я уверен, что ты отыщешь меня.

— Рад твоей уверенности, — весело откликнулся Андерс. Он выключил свет и вышел из комнаты.

Улыбающаяся Джуди встретила его в дверях. После отдыха она показалась ему еще более привлекательной, чем прежде. Глядя на нее, Андерс ощущал, что и она понимает важность момента. Душа ли ее отозвалась на перемену в нем, или она просто ясновидящая? А может, любовь делает его похожим на идиота?

— Рюмочку аперитива? — предложила она.

Он кивнул, и Джуди повела его через комнату к небольшому дивану ядовитой желто-зеленой расцветки. Сев, Андерс решил, что признается ей в своих чувствах, как только она вернется с аперитивом. К чему откладывать неизбежный момент? Влюбленный лемминг, сказал он себе с иронией.

— Ты снова теплеешь, — подметил голос.

Он уже почти забыл о своем невидимом друге. Или злом ангеле — смотря как повернется дело. Интересно, что сказала бы Джуди, если бы узнала, что ему слышатся голоса? Подобные пустяки, напомнил он себе, часто охлаждают самые пылкие чувства.

— Пожалуйста, — сказала она, протягивая ему напиток.

Все еще улыбаясь, он отметил, что в ее арсенале появилась улыбка номер два, предназначенная потенциальному поклоннику — возбуждающая и участливая. В ходе развития их взаимоотношений номеру два предшествовала улыбка номер один — улыбка красивой девушки, улыбка «не-пойми-меня-неправильно», которую полагалось носить при любых жизненных обстоятельствах, пока поклонник наконец не выдавит из себя нужные слова.

— Верно! — одобрил голос. — Весь вопрос в том, как ты смотришь на вещи.

Смотришь на что? Андерс взглянул на Джуди, раздражаясь от собственных мыслей. Если он собирается играть роль возлюбленного, пусть себе играет. Даже сквозь любовный туман, делающий людей слепыми, он мог по достоинству оценить ее серо-го-

лубые глаза, гладкую кожу (если не замечать крохотное пятнышко на левом виске), губы, чуть тронутые помадой.

— Как прошли сегодня занятия? — поинтересовалась она.

Ну конечно, подумалось Андерсу, она непременно должна была спросить об этом. Любовь — всегда политика выжидания.

— Нормально, — ответил он. — Обучал психологии юных мартышек...

— Перестань!

— Теплее, — отметил голос.

Что со мной? — удивился Андерс. Она действительно прелестная девушка. Gestalt[1], что и есть Джуди, матрица мыслей, выражений, движений, в совокупности составляющих девушку, которую я...

Я что?

Люблю?

Андерс беспокойно шевельнулся на диванчике. Он не совсем понимал, отчего в нем возникли подобные мысли. Они раздражали его. Склонному к аналитическим рассуждениям молодому преподавателю лучше остаться в классной комнате. Неужели наука не может обождать часов до девяти-десяти утра?

— Я думала о тебе сегодня, — тихо сказала Джуди, и Андерс сразу отметил, что она почувствовала перемену в его настроении.

— Ты видишь? — спросил его голос. — Тебе сейчас гораздо лучше.

Ничего я не вижу, подумал Андерс, но голос, в сущности, был прав. Строгим инспекторским оком он проникал в разум Джуди, и перед ним как на ладони лежали ее движения души, такие же бессмысленные, какой была его комната в проблеске неискаженной мысли.

— Я действительно думала о тебе, — повторила девушка.

— А теперь смотри, — произнес голос.

Андерс, наблюдая за сменяющимся выражением на лице Джуди, вдруг почувствовал, что впадает в какое-то странное состояние. Он вновь обрел способность обостренно воспринимать явления внешнего мира, как и в момент того ночного кошмара в своей комнате. На этот раз он ощущал себя зрителем, наблюдающим со стороны за работой некоего механизма в лабораторных условиях. Объектом назначения производимой работы был поиск в памяти и фиксация определенного состояния духа. В механизме шел поисковый процесс, вовлекающий в себя вереницу понятийных представлений с целью достижения желаемого результата.

[1] Образ, форма (*нем.*); совокупность раздражителей, на которые данная система отвечает одной и той же реакцией. (*Примеч. пер.*)

— О, неужели? — спросил он, изумляясь открывшейся перед ним картине.

— Да... Я все спрашивала себя, что ты делал в полдень, — прореагировал сидящий на диване напротив него механизм, слегка расширяя в объеме красиво очерченную грудь.

— Хорошо, — одобрил голос его новое мироощущение.

— Мечтал о тебе, конечно, — ответил он облаченному в кожу скелету, который просвечивал сквозь обобщенную gestalt-Джуди. Обтянутый кожей механизм переместил свои конечности и широко открыл рот, чтобы продемонстрировать удовольствие. В механизме происходил сложный процесс поиска нужной реакции среди комплексов страха, надежд и тревоги, среди обрывков воспоминаний об аналогичных ситуациях и решениях.

И вот этот механизм он любит! Андерс слишком глубоко и ясно видел и ненавидел себя за это. Сквозь призму своего нового мироощущения он на все теперь смотрел новыми глазами, и абсурдность окружающей обстановки поразила его.

— Правда? — спросил его суставчатый скелет.

— Ты приближаешься ко мне, — прошептал голос.

К чему он приближался? К личности? Таковой не существует. Нет ни согласованного взаимодействия частей в целом, ни глубины — ничего, за исключением сплетения внешних реакций, натянутых поперек бессознательных движений внутренних органов.

Он приближался к истине.

— Разумеется, — угрюмо отозвался он.

Механизм заработал, лихорадочно отыскивая нужный ответ.

Андерс содрогнулся от ужаса при мысли о совершенно чуждом ему новом видении мира. Его чувство отвращения к педантизму сошло с него, как кожа с линяющей змеи; зато он приобрел такую не свойственную ему черту характера, как неуживчивость. Что проявится в нем через минуту?

Он проникал зрением в такие глубины, куда, возможно, до сих пор не спускался ни один человек. Осознание необычности происходящего будто опьяняло его, горяча кровь.

Но нет ли опасности вернуться в нормальное состояние?

— Принести тебе выпить? — осведомился механизм с обратной связью.

К тому времени Андерс был бесконечно далек от любви — насколько это возможно для человека. Постоянное созерцание бездушной машины без всякого намека на половые признаки отнюдь не способствует любви. Зато, правда, стимулирует умственную деятельность наблюдателя.

Андерс уже не хотел прежнего, нормального состояния. За-

навес поднимался, и он горел желанием рассмотреть, что происходит там — в глубине сцены.

Один русский ученый — Успенский, кажется, — однажды сказал: «Мыслите в иных категориях!»

Как раз то, чем он занимается сейчас и намерен заниматься всегда.

— Прощай, — внезапно проговорил он.

С полуоткрытым от неожиданности ртом машина проводила его взглядом до выхода. Понятно, что замедленная реакция как следствие несовершенства машины сдерживала ее эмоции. Потому она и молчала, пока хлопнула дверца лифта.

— Ты был уже намного теплее там, в доме, — прошелестел голос внутри его головы. — Но ты пока не во всем разобрался.

— Так расскажи мне! — предложил Андерс, слегка удивляясь своему самообладанию. А ведь не прошло и часа, как он перешагнул через пропасть, разделяющую его прежнего и настоящего — с полностью изменившимся мироощущением, что, впрочем, представлялось ему совершенно естественным.

— Не могу, — произнес голос. — Ты должен сам все выяснить.

— Что ж, давай разберемся, — начал Андерс. Он окинул взглядом лес уродливых сооружений из кирпича; ручейки улиц, согласно чьему-то плану пробивающие себе дорогу среди архитектурных нагромождений. — Человеческая жизнь, — сказал Андерс, — состоит из ряда условностей. Когда смотришь на девушку, то следует видеть в ней матрицу, а не скрытую в ней бесформенность.

— Верно, — несколько неуверенно согласился с ним голос.

— В принципе, формы не существует. Человек создает gestalt'ы и вырезает форму из пустоты, которой у нас в изобилии. Это все равно, что смотреть на определенное сочетание линий и говорить, что они представляют собой некую фигуру. Мы глядим на груду вещества, извлеченную из общей массы, и называем это человеком. Но, по правде говоря, человека нет как такового. Есть только набор очеловеченных свойств, которые мы, по своей близорукости, привязываем к тому веществу, чьей сущностью, неотделимой от него, является его миропонимание.

— Ты не уловил суть вопроса, — раздался голос.

— Проклятье! — не выдержал Андерс. Он был уверен, что его рассуждения двигались в правильном русле и в конечном итоге привели бы его к величайшему открытию, к первопричине всего. — Думаю, у каждого найдется что рассказать. На определенном отрезке жизни он смотрит на знакомый ему предмет и не узнает его, поскольку в его глазах предмет лишился всякого смысла.

На какое-то мгновение gestalt теряет свою плотную непрозрачную структуру, но... короткий миг истинного зрения уже позади. Разум возвращается в рамки матрицы, в свое нормальное состояние. Жизнь продолжается.

Голос молчал. Андерс все шел, углубляясь в архитектурные дебри gestalt-города.

— Я, наверное, не о том? — спросил Андерс.

— Да.

Что бы это могло быть? — спросил он себя. Новыми, просветленными глазами Андерс смотрел на окружающую его систему условностей, которую когда-то называл своим миром

На мгновение в сознании промелькнула мысль: а не вернется ли он в тот мир, если голос вдруг перестанет руководить им? Да! — поразмыслив, решил он. Возвращение стало бы неизбежным.

Но кто он такой, этот голос? И что он упустил в своих рассуждениях?

— Давай сходим на какую-нибудь вечеринку — посмотрим, какова она изнутри, — предложил он голосу.

Вечеринка оказалась маскарадом, гости которого прятались за масками. Но Андерс видел их насквозь, каждого в отдельности и всех в целом. Он отчетливо, до боли, различал все побудительные причины их поступков и мыслей. Взор его с каждой минутой становился все более проницательным.

Он заметил, что люди — не совсем индивидуумы. Конечно, каждый из них — своего рода замкнутая система в виде сгустка плоти, использующая в общении с другими системами слова из одного языка, — и в то же время их нельзя назвать абсолютно замкнутыми.

Сгустки плоти были как бы частью убранства комнаты, практически сливались с ним. Эти сгустки объединяла та мизерность информации, которую им скупо отпускало их ущербное зрение. Они были неотделимы от производимых ими звуков — несколько жалких обертонов из огромного запаса возможностей звука. Они очень сочетались с холодными, безжизненными стенами, ничуть не отличаясь от них.

Живые сценки, словно в калейдоскопе, менялись так быстро, что Андерс не успевал сортировать новые впечатления. Теперь он знал, что эти люди существуют лишь как матрицы, имея под собой ту же основу, что и звуки, которые они издают, и предметы, которые они, как им кажется, видят.

Gestalt'ы, сыплющиеся сквозь решето безбрежного и невыносимого в своей реальности мира.

— А где Джуди? — спросил его один из сгустков плоти.

Картинные манеры этого жеманного типа обладали достаточной выразительностью, чтобы убедить другие сгустки в реальности их обладателя. На нем был кричащий галстук, как лишнее свидетельство его принадлежности к реальности.

— Она больна, — обронил Андерс.

Плоть затрепетала, проникшись мгновенным сочувствием. Выражение напускного веселья сменилось выражением напускной скорби.

— Надеюсь, ничего серьезного, — заметила разговорчивая плоть.

— Ты становишься теплее, — сказал голос Андерсу.

Андерс посмотрел на стоящее перед ним существо.

— Ей недолго осталось жить, — сообщил он.

Плоть заколыхалась. Желудок и кишечник сократились в пароксизме сострадания и опасения за жизнь Джуди. Плоть выпучила глаза, губы ее задрожали.

Кричащий галстук не изменился.

— О боже! Не может быть!

— Кто ты? — спокойно спросил Андерс.

— Что ты имеешь в виду? — призвала к ответу негодующая плоть, привязанная к своему галстуку. Оставаясь безмятежной в своей сущности, она в изумлении уставилась на Андерса. Ее рот подергивался — неопровержимое доказательство того, что она вполне реальна и соответствует всем необходимым и достаточным условиям существования. — Да ты пьян, — усмехнулась плоть.

Андерс засмеялся и вышел на улицу.

— Есть еще нечто такое, что для тебя остается загадкой, — произнес голос. — Но ты был уже горячим! Я ощущал тебя где-то рядом.

— Кто ты? — снова спросил Андерс.

— Не знаю, — признался голос. — Я — личность. Я есть Я. И я в ловушке.

— Как и все мы, — заметил Андерс.

Он шагал по заасфальтированной улице, со всех сторон окруженный грудами сплавленного бетона, силиката, алюминия и железа. Бесформенные, лишенные всякого смысла груды, которые представляли собой gestalt-город.

Были еще и воображаемые демаркационные линии, отделяющие город от города, искусственные границы воды и суши.

До чего все нелепо!

— Мистер, подайте монетку на чашечку кофе, — попросило его какое-то жалкое существо, ничем не отличавшееся от других, не менее жалких существ.

— Иллюзорной сущности — иллюзорную монетку. Святой отец Беркли[1] подаст тебе ее, — весело отозвался Андерс.

— Мне действительно плохо, — слезливо пожаловался голос, который, как Андерс вдруг осознал, был просто последовательностью модулированных вибраций.

— Правильно! Продолжай! — скомандовал голос.

— Прошу вас, уделите хоть несколько центов, — прозвучали вибрации, претендующие на значительность.

Что же, интересно, скрывается за этими лишенными смысла матрицами? Плоть, масса. А что это такое? Все состоит из атомов.

— Я действительно голоден, — пробормотали атомы, организованные в сложную структуру.

Все состоит из атомов. Сочлененных между собой, да так, что и свободного места между ними не остается. Плоть есть камень, камень есть свет. Андерс взглянул на кучу атомов, которая претендовала на цельность, значительность и разум.

— Не могли бы вы помочь мне? — спросило нагромождение атомов.

Это нагромождение, однако, идентично другим атомам. Всем атомам. Стоит лишь проигнорировать запечатленные матрицы, и скопление атомов начинает казаться беспорядочной мешаниной.

— Я не верю в тебя, — проговорил Андерс.

Груда атомов удалилась.

— Да! — вскричал голос. — Да!

— Я ни во что не верю, — сказал Андерс.

В конце концов, что такое атом?

— Дальше! — кричал голос. — Уже горячо! Дальше!

Что такое атом? Пустое пространство, окруженное пустым пространством.

— Абсурд!

— Но тогда все — обман! — воскликнул Андерс. И вдруг он остался один. Лишь звезды одиноко мерцали в вышине.

— Именно! — пронзительно закричал голос в его голове. — Ничто!

Кроме звезд, подумал Андерс. Как можно верить...

Звезды исчезли. Андерс очутился в вакууме, в каком-то сером небытии. Вокруг него была только пустота, заполненная бесформенным серым маревом.

Где же голос?

Пропал.

---

[1] Джордж Беркли (1685—1753) — ирландский философ, отрицавший объективное существование мира и утверждавший, что вещи представляют собой совокупность ощущений и не существуют вне сознания. (*Примеч. пер.*)

Андерс чувствовал, что и марево это — всего лишь иллюзия. Затем исчезло все.

Абсолютная пустота, и он в ней.

Где он? Что это значит? Разум Андерса пытался осмыслить происшедшее.

Невозможно. Этого не может быть.

Снова и снова разум Андерса, как счетная машина, анализировал последние события и подводил итог, но каждый раз отказывался от него. Сопротивляясь перегрузке, разум в отчаянии стирал из памяти образы, уничтожал когда-то приобретенные знания, стирал самого себя.

— Где я?

В пустоте. Один.

В ловушке.

— Кто я? Голос.

— Есть тут кто-нибудь? — крикнул голос Андерса, взывая к пустоте.

Тишина.

Но он чувствовал здесь чье-то присутствие. Ему было безразлично, куда идти, однако, двигаясь в одном определенном направлении, он смог бы установить контакт... с тем существом. Голос Андерса устремился к нему, отчаянно надеясь, что оно, возможно, спасет его.

— Спаси меня, — сказал Андерсу голос. Тот лежал на постели, не раздевшись, скинув лишь туфли и освободившись от черного тугого галстука.

ПРАВО НА СМЕРТЬ

Боль эта просто неописуемая, вам все равно не представить. Скажу лишь, что она была невыносимой даже под анестезией, а перенес я ее только потому, что выбирать мне не приходилось. Затем она стихла, я открыл глаза и взглянул на лица стоящих рядом браминов. Их было трое, в обычных белых хирургических халатах и марлевых масках. Сами они утверждают, что носят маски, предохраняя нас от инфекции, но каждый солдат знает правду: под масками они прячут лица. Не хотят, чтобы их опознали.

Я был все еще по уши напичкан обезболивающими, поэтому в памяти мелькали лишь обрывки воспоминаний.

— Долго я пробыл покойником? — спросил я

— Часов десять, — ответил один из браминов.

— Как я умер?

— Разве ты не помнишь? — удивился самый высокий из них.

— Еще нет.

— Тогда слушай, — сказал высокий. — Ты со своим взводом находился в траншее 2645Б-4. На рассвете вся ваша часть пошла в атаку, чтобы захватить следующую траншею. Номер 2645Б-5.

— А потом? — спросил я.

— Ты нарвался на несколько пулеметных пуль. Тех самых, нового типа — с шоковыми головками. Теперь вспомнил? Одна попала в грудь, три в ноги. Когда тебя отыскали санитары, ты уже был мертв.

— А траншею взяли?

— На этот раз нет.

— Ясно.

Анестезия слабела, память быстро возвращалась. Я вспомнил парней из своего взвода. Вспомнил нашу траншею. В старушке 2645Б-4 я просидел больше года, и обжили мы ее как дом родной. Противник пытался ее захватить, и наша утренняя атака на самом деле была контратакой. Вспомнил, как пулеметные пули рвали меня на куски и какое я при этом испытал восхитительное облегчение. И тут я вспомнил кое-что еще...

Я поднялся и сел.

— Эй, погодите-ка!

— В чем дело?

— Я думал, через восемь часов человека уже не оживить, это предел.

— С недавних пор мы стали искуснее, — ответил один из браминов. — Мы все время совершенствуемся, и теперь верхний предел — двенадцать часов, лишь бы мозг серьезно не повредило.

— Что ж, радуйтесь, — буркнул я. Теперь память вернулась ко мне полностью, и я понял, что произошло. — Только со мной у вас ошибочка вышла. И немалая.

— Что еще за претензии, солдат? — осведомился один из них. Офицерские интонации ни с чем не спутаешь.

— Посмотрите на мой личный знак.

Он посмотрел. Его лоб — единственное, что не закрывала маска, — нахмурился.

— Да, *необычная ситуация*, — протянул он.

— Необычная, — согласился я.

— Видишь ли, — пояснил он, — в траншее было полно мертвецов. Нам сказали, что все они новобранцы, по первому разу. А приказано было оживить всех.

— И что, нельзя было сперва взглянуть на личный знак?

— Мы устали — слишком много работы. Да и время поджимало. Мне действительно очень жаль, рядовой. Если бы я знал...

— В гробу я видал ваши извинения. Хочу видеть генерал-инспектора.

— Ты и в самом деле полагаешь...

— Да, — отрезал я. — Пусть я не окопный юрист, но я сыт по горло. И у меня есть право на встречу с Г. И.

Пока они шепотом совещались, я принялся разглядывать себя. Брамины здорово залатали мое тело. Но, конечно же, не так хорошо, как в первые годы войны. Заплаты на коже наложили довольно халтурно, да и внутри что-то зудело и свербило. К тому же правая рука оказалась на два дюйма длиннее левой — скверно срастили сустав. Но в целом поработали они неплохо.

Брамины кончили совещаться и выдали мне форму. Я оделся.

— С генерал-инспектором не так просто, — начал один из них. — Видишь ли...

Стоит ли говорить, что к Г. И. я так и не попал. Меня отвели к старшему сержанту, эдакому верзиле-добряку из тех, кто умеет решить все твои проблемы, просто поговорив по душам. Только я его не просил лезть мне в душу.

— Да брось ты дуться, рядовой, — сказал добряк-сержант. — Неужто ты и в самом деле затеял склоку из-за того, что тебя оживили?

— Так оно и есть, — подтвердил я. — По военным законам даже у простого солдата есть права. Так мне, во всяком случае, говорили.

— Конечно, есть, — согласился сержант.

— Я свой долг выполнил. Семнадцать лет в армии, из них восемь на передовой. Трижды убит, трижды оживлен. И все это выбито на моем личном знаке. Но мне не дали умереть. Проклятые медики меня снова оживили, а это нечестно. Хочу остаться мертвым.

— Куда как лучше оставаться живым, — возразил сержант. — Пока ты жив, остается шанс попасть в нестроевые. Сейчас, правда, приходится долго ждать, потому что на фронте людей не хватает. Но все-таки шанс есть.

— Знаю. Но, по-моему, скорее стать покойником.

— Знаешь, могу тебе пообещать, что месяцев через шесть...

— Хочу остаться мертвым, — твердо заявил я. — После третьей смерти это мое законное право.

— Разумеется, — согласился добряк-сержант, улыбаясь мне товарищеской солдатской улыбкой. — Но на войне случаются и ошибки. Особенно на такой войне, как эта. — Он откинулся на спинку и сцепил руки за головой. — Я еще помню, как все началось. Поначалу никто не сомневался, что все сведется к нажатию кнопок. Но и у нас, и у красных оказалось навалом противоракет, так что пулять друг в друга атомными боеголовками скоро оказалось бессмысленно. А когда изобрели подавитель атомных взрывов, ракетам и вовсе пришел конец. Кроме пехоты, воевать стало некому.

— Сам знаю.

— Но противники превосходили нас числом. И сейчас превосходят. Ты только вспомни, сколько миллионов солдат у русских и китайцев! Нам оставалось одно — иметь как можно больше бойцов и, по крайней мере, не терять тех, кто есть. Вот почему медики стали оживлять убитых.

— Да знаю я все это. Послушайте, сержант, я тоже хочу, чтобы мы победили. Очень хочу. Я был хорошим солдатом. Но меня уже трижды убили, и...

— Беда в том, — сказал сержант, — что красные тоже оживляют своих мертвецов. И именно сейчас борьба за превосходство в живой силе на передовой достигла критической точки. В следующие два-три месяца все так или иначе решится. Так почему бы тебе не плюнуть на все это и не забыть об ошибке? Обещаю, что когда тебя убьют в следующий раз, то оставят в покое. Потерпи еще немного.

— Я хочу видеть генерал-инспектора.

— Ладно, рядовой, — буркнул добряк-сержант уже не очень приветливо. — Топай в комнату 303.

Комната 303 оказалась приемной. Я стал ждать. Мне даже стало немного стыдно за тот шум, что я поднял. Все-таки моя страна воевала. Но злость пересилила. У солдата есть права, даже на войне. Эти проклятые брамины...

Забавно, как к ним пристало это прозвище. Вообще-то они самые обычные медики, а не какие-нибудь индусы или брамины. Пару лет назад, когда все это еще было в новинку, в газете появилась статья. В ней рассказывалось о том, что медики научились оживлять мертвецов и снова посылать их в бой. Тогда это было сенсацией. Автор цитировал стихотворение Эмерсона:

> Убил ли красный убийца,
> И мертв ли убитый мертвец,
> Никто из них точно не скажет,
> Где жизнь, а где смерти конец.

Такие дела. И, убив сегодня противника, ты понятия не имеешь, останется ли он мертвым или уже завтра вернется в траншею, чтобы снова стрелять в тебя. А если убивают тебя, тоже не знаешь, пришел ли тебе конец. Стихотворение Эмерсона называлось «Брама», и медиков с тех пор прозвали браминами.

Сперва оживать после смерти совсем неплохо. Пусть больно, но ведь ты жив. Но в конце концов доходишь до предела, за которым эта карусель со смертью и оживлением уже невыносима. На-

чинаешь гадать, сколько же смертей ты должен родной стране и как здорово отдохнуть, пробыв подольше мертвецом. Начинаешь мечтать о долгом сне, о покое.

Начальство это поняло. Когда солдат слишком часто оживляют, это плохо отражается на их боевом духе. Поэтому установили предел — три оживления. После третьего раза можешь выбирать — или дожидаться смены, или постоянная смерть. Начальство предпочитало, чтобы ты выбрал смерть, потому что трижды умиравший человек оказывает очень скверное влияние на моральный дух оставшихся в тылу. И большинство солдат на передовой предпочитали после третьего оживления умереть окончательно.

Но меня надули. Оживили в четвертый раз. Я такой же патриот, как и все, но это им даром не пройдет.

Кончилось тем, что мне позволили увидеться с адъютантом генерал-инспектора, седым жилистым полковником — типичным педантом, какого словами не проймешь. Он уже знал, в чем дело, и не стал рассусоливать. Разговор оказался коротким.

— Рядовой, — сказал он. — Мне жаль, что так получилось, но уже издан новый приказ. Красные увеличили количество оживлений, и мы не можем от них отставать. Согласно последнему приказу, число оживлений, дающее право на отставку, увеличено до шести.

— Но этот приказ отдан уже после моей смерти.

— Он имеет обратную силу. У тебя впереди еще две смерти. Все, рядовой. Удачи тебе.

Вот так. Как будто не знал, что от начальства справедливости не добьешься. Откуда им знать о наших мучениях. Их редко убивают более одного раза, и им просто не понять, что испытывает человек после четвертого. Пришлось возвращаться в траншею.

Я не торопясь шел мимо заграждения из отравленной колючей проволоки, крепко задумавшись. Миновал какую-то фиговину, накрытую брезентом цвета хаки с нанесенной по трафарету надписью: «Секретное оружие». В нашем секторе всякого секретного оружия — как собак нерезаных. Каждую неделю поступает что-то новенькое. Черт его знает, глядишь, какое-нибудь и в самом деле выиграет войну.

Но сейчас мне было на это начхать. Я размышлял над следующей строфой из того же стихотворения Эмерсона:

И даль, и забытое рядом;
Что солнце, что тень — не понять.
Пропавшие боги вернулись
Позора и славы искать.

Старина Эмерсон попал в точку, потому что именно таким ощущаешь себя после четвертой смерти. Тебя уже ничто не волнует, все едино, все обрыдло. Поймите меня правильно, я не циник. Я клоню лишь к тому, что, умерев четыре раза, человек просто обречен взглянуть на мир другими глазами.

Добрался я наконец до старой доброй 2645Б-4, поздоровался с парнями. Оказалось, на рассвете пойдем в атаку. Я продолжал размышлять.

Я не дезертир, но решил, что четырех смертей с меня хватит. И в завтрашней атаке нужно умереть наверняка. На этот раз ошибок не будет.

Едва забрезжил рассвет, мы миновали наши проволочные заграждения и перекатывающиеся мины и сосредоточились на ничейной полосе между нашей траншеей и 2645Б-5. В атаку шел весь батальон, а в боекомплекте у нас были пули нового образца. Сперва мы продвигались довольно быстро, но затем противник взялся за нас всерьез.

Но мы не останавливались. Вокруг свистели пули и громыхало, как в аду, но меня даже не задело. Мне уже начало казаться, что атака станет успешной, а меня не убьют.

И тут я нарвался — разрывная пуля в грудь. Смертельная рана, тут и думать нечего. Обычно, если тебе такое врежет, падаешь как подкошенный. Но я не упал. На этот раз я должен умереть наверняка. Поэтому я встал и заковылял вперед, опираясь на винтовку как на костыль. Я прошел еще пятнадцать ярдов под таким бешеным перекрестным огнем, какого и не припомню. И тут мне врезало еще раз. Точно так, как надо, без дураков.

Разрывная пуля просверлила мне лоб. В последнюю долю секунды я еще успел ощутить, как вскипают мои мозги, и понял, что на этот раз промашки не будет. В случае серьезных ранений головы брамины бессильны, а моя рана очень серьезная.

Потом я умер.

Я очнулся и увидел браминов в белых халатах и марлевых масках.

— Долго я был покойником? — спросил я.

— Два часа.

И тут я вспомнил.

— Но ведь меня ранило в голову!

Марлевые маски сморщились — брамины улыбнулись.

— Секретное оружие, — сказал один из них. — Его создавали почти три года, и наконец нам и инженерам удалось создать восстановитель тканей. Важнейшее изобретение!

— Вот как? — вяло спросил я.

— Наконец-то медицина в силах лечить серьезные ранения головы, — сообщил брамин. — И не только головы, любые повреждения организма. Теперь мы можем оживить кого угодно, лишь бы от человека осталось семьдесят процентов тела — достаточно поместить его в восстановитель. Теперь наши потери резко сократятся. Это может решить исход всей войны!

— Приятно слышать, — пробормотал я.

— Кстати, — добавил брамин, — тебя наградили медалью за героическое поведение под огнем после получения смертельной раны.

— И это приятно слышать, — кисло улыбнулся я. — Так мы взяли ту траншею?

— На этот раз взяли. Теперь копим силы для атаки на 2645Б-6.

Я кивнул. Вскоре мне выдали форму и отправили обратно на фронт. Сейчас там затишье, и должен признать, что быть живым довольно приятно. Однако считаю, что получил от жизни все, что хотел.

А теперь мне осталась всего одна смерть до шестой.

Если только снова не изменят приказ.

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В ВАНАЛИИ...

Отчаянная погоня

На сей раз Аркадию Варадину, бывшему фокуснику, а ныне усиленно разыскиваемому рецидивисту, похоже, пришел конец. Невозмутимый и собранный перед лицом опасности, коварный и безжалостный, опасный, как гадюка, мастер всяческих иллюзий и фантастических трюков с освобождением, узколицый Варадин на сей раз переоценил свои силы.

После эффектного побега из сверхнадежной тюрьмы Деннинга любой другой на его месте затаился бы на время. Но не Варадин. Он в одиночку взял банк в маленьком городишке Крез штата Мэн. Убегая, он пристрелил двух охранников, имевших глупость схватиться за пушки. Украл машину и был таков.

Но тут удача ему изменила. ФБР, только и ждавшее подобного случая, через час уже село ему на хвост. И даже тогда еще преступный ас мог бы скрыться, не подведи его ворованная машина, в которой кончился бензин.

Варадин бросил автомобиль и ушел в горы. Пятеро агентов ФБР погнались за ним. Двух из них Варадин уложил с дальнего прицела, расстреляв все шесть патронов. Больше боеприпасов у

него не было. Трое агентов по-прежнему карабкались наверх, и с ними местный проводник.

Вот невезуха! Варадин прибавил шагу. Все, что у него осталось, — это семьдесят пять тысяч долларов, взятых в банке, да сумка со снаряжением для трюков. Он принялся петлять по горам и долинам, надеясь сбить ищеек со следа.

Но обвести вокруг пальца проводника в его родных лесах было невозможно. Разрыв между охотниками и добычей неумолимо сокращался.

В конце концов Варадин очутился на грязной дороге. Дорога вывела его к гранитной каменоломне. За ней скала круто обрывалась в усеянное рифами море. Спуститься по обрыву было можно, но фэбээровцы схватят его еще на полпути.

Варадин огляделся. Кругом валялись серые гранитные глыбы самой разной величины и формы. Удача — легендарная варадинская удача — все же не покинула его! Пора приниматься за финальный фокус.

Он открыл сумку и вытащил промышленный пластик, усовершенствованный им для собственных нужд. Проворные пальцы соорудили из веток каркас, связав их шнурками из ботинок. На каркас Варадин натянул пластик, втирая в него грязь и гранитную пыль. Закончив, он отошел и оценил свою работу.

Да, выглядит не хуже любой другой большой глыбы, если не считать дыры, зияющей сбоку.

Варадин нырнул в дыру и оставшимся пластиком заклеил ее, оставив маленькое отверстие для воздуха. Сооружение укрытия было закончено. И теперь он со спокойствием фаталиста ждал, чтобы увидеть, удался ли фокус.

Через пару минут фэбээровцы с проводником достигли каменоломни. Они обшарили ее вдоль и поперек, потом подбежали к обрыву и глянули вниз. В конце концов они уселись на большую серую глыбу.

— Он, должно быть, спрыгнул, — заметил проводник.

— Не верю, — возразил главный агент. — Ты просто не знаешь Варадина.

— Ну, здесь-то его нет, — сказал проводник. — А проскользнуть мимо нас он никак не мог.

Главный агент нахмурился, пытаясь сосредоточиться. Сунув в рот сигарету, он чиркнул спичкой по глыбе. Спичка не загорелась.

— Странно, — сказал агент. — Или спички у меня отсырели, или камни у вас тут размякли.

Проводник пожал плечами.

Агент собрался было добавить еще что-то, но тут в каменоломню въехал старый грузовой автофургон с десятком человек в кузове.

— Ну как, поймали? — спросил шофер.

— Не-а, — ответил агент. — Должно быть, он сиганул с обрыва.

— Туда ему и дорога, — сказал водитель грузовика. — В таком случае, если вы, господа, не возражаете...

Агент ФБР пожал плечами:

— О'кей, я думаю, мы можем списать его со счетов.

Он встал, и все три агента вместе с проводником зашагали прочь из каменоломни.

— Ладно, ребятки, — заявил водитель. — Пора за работу!

Рабочие высыпали из закрытого кузова, по борту которого тянулась надпись: «Восточно-мэнская гравийная корпорация».

— Тед! — сказал шофер. — Заложи-ка свой первый заряд вон под ту глыбу, где сидели фэбээровцы!

Замаскированный агент

Джеймс Хэдли, знаменитый агент секретной службы, попался. По дороге в стамбульский аэропорт враги загнали его в тупик возле Золотого Рога и затащили в длинный черный лимузин. За баранкой сидел жирный грек со шрамом на лице. Оставив затем лимузин с шофером на улице, похитители поволокли Хэдли вверх по лестнице в какую-то паршивую комнатенку в армянском районе Стамбула, неподалеку от рю Шаффре.

В такой захудалой дыре агенту бывать еще не приходилось. Его привязали к тяжелому креслу. Напротив него стоял Антон Лупеску — начальник румынской секретной полиции, садист и непримиримый враг западных служб. По обе стороны от Лупеску стояли Чан, его бесстрастный слуга, и мадам Уи, холодная и прекрасная евразийка.

— Американская свинья! — издевательски усмехнулся Лупеску. — А ну, выкладывай, куда ты запрятал чертежи новой американской высокоорбитальной субмолекулярной трехступенчатой ядерно-конверсионной установки?

Хэдли с кляпом во рту только улыбнулся.

— Друг мой, — ласково сказал Лупеску, — на свете есть такая боль, которую не вытерпеть никому. Может, избавишь себя от лишних неудобств?

В серых глазах Хэдли вспыхнула насмешливая искорка. Он молчал.

— Несите инструменты для пытки! — велел, ухмыляясь, Лупеску. — Мы заставим эту капиталистическую свинью заговорить.

Чан и мадам Уи вышли из комнаты. Лупеску быстро отвязал пленника.

— Поторапливайся, старина, — сказал Лупеску. — Они вернутся через минуту.

— Я не понимаю, — промолвил Хэдли. — Вы же...

— Британский агент 432 к вашим услугам. — Лупеску поклонился, лукаво блеснув глазами. — Не мог раскрыться, пока тут болтались Чан с мадам Уи. Вези свои чертежи обратно в Вашингтон, дружище! Держи пушку, она тебе пригодится.

Хэдли взял тяжелый пистолет с глушителем, снял его с предохранителя и выстрелил Лупеску прямо в сердце.

— Твоя верность правительству республики, — сказал Хэдли на чистейшем русском языке, — давно уже подвергалась сомнению. Теперь с тобой все ясно. Кремль будет доволен.

Хэдли переступил через труп и открыл дверь. Перед ним стоял Чан.

— Собака! — зарычал Чан, поднимая тяжелый пистолет с глушителем.

— Погоди! — крикнул Хэдли. — Ты не понимаешь...

Чан выстрелил. Хэдли рухнул на пол.

Быстренько сорвав с себя восточную маску, Чан превратился в настоящего Антона Лупеску. В комнату вошла мадам Уи и ахнула.

— Не волнуйся, крошка, — заявил Лупеску. — Самозванец, выдававший себя за Хэдли, был на самом деле китайским шпионом по имени Чан.

— А кто же тогда тот, второй Лупеску?

— Очевидно, — сказал Лупеску, — это и был настоящий Джеймс Хэдли. Где же, интересно, все-таки он спрятал чертежи?

При тщательном осмотре на правой руке трупа, выдававшего себя за Джеймса Хэдли, была обнаружена бородавка. Она оказалась искусственной. Под ней скрывалась микропленка с драгоценными чертежами.

— Кремль вознаградит нас, — обрадовался Лупеску. — А теперь мы...

Он осекся. Мадам Уи держала в руках тяжелый пистолет с глушителем.

— Собака! — прошипела мадам и выстрелила румыну прямо в сердце.

Быстренько освободившись от маскировки, мадам Уи превратилась в настоящего Джеймса Хэдли, американского секретного агента.

Хэдли помчался вниз по лестнице на улицу. Черный лимузин по-прежнему стоял у крыльца. Грек со шрамом вытащил из кармана пушку.

— Ну? — спросил он.

— Я с ними разделался, — ответил Хэдли. — Ты тоже хорошо поработал, Чан. Спасибо тебе.

— Не за что, — отозвался шофер, срывая с себя маску, из-под которой показалось хитрое лицо агента китайского националь-

но-освободительного движения. — А теперь пулей в аэропорт, верно, старина?

— Совершенно верно, — сказал Джеймс Хэдли.

Мощная черная машина помчалась во тьму. В уголке салона кто-то шевельнулся и схватил Хэдли за руку.

Это была настоящая мадам Уи.

— Ох, Джимми! — проворковала она. — Неужели наконец-то все позади?

— Все кончено. Мы победили, — сказал Хэдли, крепко прижав к себе прекрасную евразийку.

Запертая комната

Сэр Тревор Мелланби, старый и эксцентричный английский ученый, оборудовал в одном из уголков своего поместья в Кенте маленькую лабораторию. Он вошел в нее утром семнадцатого июня. Поскольку по прошествии трех дней престарелый пэр так и не появился, его семья заволновалась. А обнаружив, что двери и окна лаборатории заперты, родственники вызвали полицию.

Полицейские взломали тяжелую дубовую дверь и увидели сэра Тревора, безжизненно распростертого на цементном полу. Горло знаменитого ученого было зверски разодрано. Орудие убийства, трехзубая садовая тяпка, лежало рядом с трупом. Дорогой бухарский ковер исчез без следа. И тем не менее все двери и окна были надежно заперты изнутри.

Ни убить, ни украсть отсюда что-либо было невозможно. И все же убийство и кража были налицо. По такому случаю в поместье вызвали главного инспектора Мортона. Он прибыл незамедлительно, прихватив с собой своего друга доктора Костыля, известного криминалиста-любителя.

— Пропади оно все пропадом, Костыль, — сказал инспектор Мортон несколько часов спустя. — Должен признать, что это дело поставило меня в тупик.

— Да, задачка непростая, — откликнулся Костыль, тщательно осматривая ряды пустых клеток, голый цементный пол и шкафчик, полный блестящих скальпелей.

— Будь оно все неладно, — сказал инспектор. — Я простучал каждый дюйм в стенах, полу и потолке в поисках тайного хода. Глухо, совершенно глухо.

— Ты уверен? — спросил доктор Костыль. Лицо его лучилось загадочным весельем.

— Совершенно. Не понимаю, почему ты...

— А тут и понимать нечего, — прервал его доктор Костыль. — Скажи, ты подсчитал, сколько в лаборатории ламп?

— Конечно. Шесть.

— Правильно. А если ты подсчитаешь выключатели, то их получится семь.

— Не понимаю, при чем тут...

— Но это же очевидно! — заявил доктор. — Где ты видал комнаты с совершенно глухими стенами? Давай-ка попробуем выключатели.

Они принялись щелкать выключателями, проверяя один за другим. А когда нажали на последний, раздался зловещий треск. Крыша лаборатории начала приподниматься на массивных стальных винтах.

— Черт побери! — воскликнул инспектор Мортон.

— Вот именно, — сказал доктор Костыль. — Это одна из причуд сэра Тревора. Старик любил свежий воздух.

— Значит, убийца пролез в щель между стенкой и крышей, а потом закрыл лаз снаружи...

— Ничего подобного, — возразил Костыль. — Этими винтами не пользовались несколько месяцев. А кроме того, максимальное отверстие между стеной и потолком меньше семи дюймов. Нет, Мортон, убийца проявил просто дьявольскую изобретательность.

— Будь я проклят, если хоть что-нибудь понимаю!

— А ты задай себе вопрос, — сказал Костыль. — Зачем убийце понадобилось такое неуклюжее орудие, как садовая тяпка, когда под рукой у него была куча острых скальпелей?

— Разрази меня гром! — ответил Мортон. — Я не знаю зачем.

— На то была веская причина, — мрачно проговорил Костыль. — Знаешь ты что-нибудь об исследованиях, которыми занимался сэр Тревор?

— Вся Англия об этом знает. Он работал над методикой развития интеллекта у животных. Неужели ты хочешь сказать...

— Вот именно. Методика сэра Тревора оказалась удачной, только вот миру он о ней поведать не успел. Ты обратил внимание на эти пустые клетки? В них были мыши, Мортон! Его собственные мыши убили его, а потом удрали через канализацию.

— Я... Я не могу в это поверить, — ошеломленно пробормотал Мортон. — Но зачем им понадобилась тяпка?

— Думай, дружище! Напряги извилины! Они хотели скрыть свое преступление. Им вовсе не улыбалось, чтобы вся Англия вышла на мышиную охоту! Поэтому они разодрали горло сэра Тревора тяпкой — после того, как он умер.

— Зачем?

— Чтобы скрыть следы своих зубов, — терпеливо пояснил Костыль.

— Хм-м. Погоди-ка! Твоя теория, Костыль, крайне интересна, но она не объясняет кражи ковра!

— Пропавший ковер как раз и представляет собой последний ключ к разгадке. Микроскопические исследования докажут, что ковер они разорвали на мелкие клочки и по кусочкам утащили через канализационные трубы.

— Ради всего святого — зачем?

— Единственно для того, — сказал доктор Костыль, — чтобы не оставить кровавых следов тысяч крошечных лапок.

— И что же нам теперь делать? — спросил, подумав, Мортон.

— Ничего! — рявкнул Костыль. — Я лично собираюсь пойти домой и купить пару дюжин котов. Советую тебе сделать то же самое.

В СЛУЧАЕ СМЕРТИ НАБЕРИТЕ НАШ НОМЕР

Вы же никогда не предполагаете, что это может случиться именно с вами, ведь верно? Вы прекраснейшим образом добрались до середины жизненного пути. Время расстилается перед вами бесконечной ширью, и даже такое серьезное дело, как смерть, кажется, вполне может подождать, ибо у вас почему-то не хватает времени на рассмотрение данной проблемы.

А завтра это происходит. Поломка в системе. Слабенькая головная боль вдруг становится невыносимой. И — нате вам — кровоизлияние в мозг. Автомобиль, потерявший управление, лезет на тротуар и бросает вас — вопящего — на стеклянную витрину магазина. Какой-то тип на платформе метро нервно дергается, толкает вас, и вот вы уже пляшете в воздухе под грохот и ослепительный свет огней экспресса Бродвей — Седьмая авеню. Я вовсе не хочу показаться вам патологическим занудой, но такие вещи случаются. Тогда слишком поздно сожалеть, что вы не связались вовремя со службой «В случае смерти наберите наш номер».

Джек Стентон был упомянут на третьей странице «Таймс», когда трос подъемника мебели лопнул и концертный рояль грохнулся прямо на него с высоты десяти этажей. У Джека не было времени подумать о происходящем, он даже не понял, что с ним случилось. Неожиданная воздушная волна, идущая сверху вниз, а затем — здравствуйте, я ваша тетя — быстрая аккуратнейшая смерть, причем даже с музыкой.

Вы, возможно, думаете, что переход от жизни к смерти мгновенен, но вы ошибаетесь. Последние изыскания показывают, что, как только тело узнает, что оно обречено двигаться по улице с односторонним движением к тому, что будет потом, оно совер-

шает этот переход в свое индивидуальное время. Несколько секунд в этом случае могут растянуться, вместив в себя ощущения многих часов. Именно в это время вам и нужна служба «В случае смерти звоните».

Джек Стентон не почувствовал ровным счетом ничего. Только что он прогуливался по Пятьдесят седьмой стрит на Манхэттене, думая о том, где бы ему занять 10 миллионов баксов, нужных для слияния двух фирм (он был юристом, специализирующимся на проблемах финансового обеспечения корпораций), когда ощутил нечто вроде дыхания ветерка откуда-то сверху и тут же очутился совсем в другом месте.

Он стоял на превосходно подстриженном газоне перед большим красивым домом, вроде того, в каком жили его родители, когда Джек был маленьким. Внутри шумела вечеринка. Он слышал музыку, а в окнах видел фигуры танцующих. Кто-то помахал ему, чтоб он заходил. Оказалось, его поманила очаровательная рыженькая девица.

Джек вошел. Вечеринка была что надо. Народу уйма, и все, по-видимому, веселились от души. Танцевали кадриль. Джек кадрили не видывал лет двадцать. Тем не менее он присоединился к ней. Неожиданно оказалось, что он классный специалист по этому танцу. Толпа отошла к стенкам, чтобы дать побольше места ему и его партнерше. Девушка, с которой он отплясывал, была пухленькая и очень легка на ногу. Отплясывали они куда как лихо. Прямо тебе Фред Астор и Джинджер Роджерс! Они кончили под аплодисменты и рука об руку поднялись наверх.

Девушка привела его в одну из дальних комнат. На большой двуспальной кровати слоем толщиной фута в два громоздились пальто гостей. Они легли прямо поверх. Девушка была столь ошеломляюще красива, что никакого значения не имело бы, будь она холодна, фригидна или выдувай она пузыри из жевательной резинки в момент наивысшего экстаза. С ее внешностью было просто невозможно совершить хоть крошечную ошибку! Во всяком случае, в первый раз. Но она оказалась отзывчивой, нежной, страстной, бездонной и бесконечно соблазнительной. Она была тем, что можно назвать вершиной опыта... и при этом в любом месте, которое вам захотелось бы испробовать!

Джек вознесся на небеса на крыльях неиссякаемого возбуждения. Его оргазм был гаргантюански чудовищен, ни с чем не сравним и достоин всяческого подражания. Он сполз на кровать выдохшимся, удовлетворенным и довольным, так что и сказать нельзя, и теперь погружался в те восхитительные мгновения, когда усталость укрывает тебя как дар Психеи, и впереди нет ничего,

кроме радостного парения в бесконечных пластах благословенного сна.

Возможно, он и в самом деле уснул. Когда он открыл глаза, девушки уже не было. Не было и вечеринки; даже дома и того не было. Теперь он стоял один в длинном коридоре перед закрытой дверью, и при этом в чем мать родила.

Раздался голос. Ниоткуда.

— Джек... Пройдите в эту дверь.

— Кто это? — спросил Джек. — И где я нахожусь?

— Не задавайте вопросов. Просто пройдите в дверь. Все будет хорошо.

Все еще сонный и счастливый, Джек хотел уже было повиноваться голосу. Однако человеком он был вздорным, строптивым и в высшей степени самоуверенным. Сюда он явился не затем, чтоб выполнять чужие распоряжения. Он как-никак Джек Стентон! Пусть другие выполняют его приказы, а не наоборот!

— Кто бы вы там ни были, — сказал он, — кончайте валять дурака, покажитесь и объясните мне, что тут происходит.

— Мистер Стентон, пожалуйста...

— Кто вы такой? Что все это значит?

— Я — доктор Густавсон, из Института. Теперь вспоминаете?

Джек медленно кивнул. Он начинал вспоминать.

— Тот парень, у которого новые медицинские идеи? Как их там кличут?.. Служба «В случае смерти наберите наш номер». Институт гармоничного умирания. Я вас нанял?

— Точно.

— Вы организовали мою смерть?

— Мы организуем процесс умирания, мистер Стентон, а не вашу смерть. Не имеем ничего общего с концертным роялем, который свалился на вас. Какой позор! В самом, можно сказать, расцвете сил! Что касается меня и всего коллектива «В случае смерти наберите наш номер», я хочу выразить вам наши искренние соболезнования. Когда это случилось, наша служба была настороже. Операторы в какие-то миллисекунды, пока рояль размазывал вас по тротуару, подключились к вашим нейронным цепям. Прекрасно сработал трансплантатный компьютер. Ничего себе была девчонка, а? С такой программой умирать одно удовольствие, верно?

— Что вы там болтаете насчет смерти? Я же нахожусь в госпитале, правда?

— Мистер Стентон, будьте же реалистом! Мне не хочется затрагивать болезненную для вас тему, но то, что от вас осталось, можно сложить в галлонную банку, и там еще останется место для сургучной печати. Мистер Стентон, смотрите правде в глаза. Вы умерли.

На какой-то момент Джек Стентон ощутил дикий страх. Да, верно, он хотел, чтобы все было тип-топ. Естественно, подписал контракт со службой «В случае смерти» и так далее, что обошлось ему в немалую сумму. Но человеку свойственно заботиться о своем будущем, обеспечивая себе приятную смерть. Но только случиться это должно было где-то в будущем. Смерть ведь всегда в будущем.

— Все, что вам надо сделать, — это открыть дверь и пройти в нее, — сказал доктор.

— И что будет потом?

— Мы не знаем. Оттуда еще никто не возвращался. Наша забота — подарить вам бодрое расположение духа в то время, когда вы окажетесь перед дверью. После этого вы свободны и действуете самостоятельно.

— Никуда я не пойду. Вот тут и останусь, — сказал Джек.

— Мистер Стентон, боюсь, что из этого ничего не получится.

— Не пойду я в эту дверь, да и все тут!

— Что ж, ваше дело, Джек, — сказал доктор. — Вы находитесь вне пределов зоны обслуживания нашей службы.

Джек Стентон одиноко стоял в коридоре. Ну и хрен с ними, никуда он все равно не пойдет. Он поглядел на дверь. Вообще-то любопытно узнать, что там, за это дверью. Но, вероятно, так думали все мертвецы. Им хотелось узнать, что там за дверью, и о них больше никто ничего не слыхал.

«Ну и хрен с ними, — подумал Стентон. — А я останусь тут». Он ждал. Немного погодя дверь сама собой отворилась. По другую сторону он увидел еще один длинный коридор. Ладно, теперь он знает, что там — по ту сторону двери. Но двигаться он никуда не намерен. Если хотят, пусть тащат его туда насильно, а он станет отбиваться и вопить изо всех сил. Ничего подобного не произошло. Дверь немного подождала. А раз Джек не двигался, то дверь сама двинулась к нему. Не с чем было бороться, нечему было сопротивляться. И внезапно он оказался по ту сторону. Вот тогда-то и началось то, что было потом.

ЧЕРВЕМИР

Дорогой Роберт!

Я был очень взволнован, когда осознал, что я и ты можем телепатически общаться сквозь бескрайние просторы космоса. До сих пор не верится, что я нахожусь в контакте с совершенно чуждым мне существом. Нельзя сказать, что это было совсем неожиданно: мы, мыслящие черви, давно допускаем возможность, что, кроме нашего, существуют и иные миры, которые могут быть на-

селены разумными червями и даже (правда, тут уже мы говорим: «вероятность») мыслящими существами, совсем не похожими на нас; поэтому многие черви постоянно пытаются установить с обитателями этих гипотетических миров телепатический контакт.

Из твоего описания собственной внешности (в котором я понял далеко не все) я, однако, могу сделать вывод, что ты обладаешь высокой степенью двусторонней симметрии. Так вот — мы тоже. Еще давным-давно один из наших лучших теоретиков оценил Необходимую Степень Симметричности как одну из предпосылок возникновения разума. Да, кое-что из твоих последних высказываний меня просто потрясло и вызвало кучу вопросов. Ты сообщил мне, что являешься разумным существом, не-червем, живущим в твердом мире, и что ты не только не делаешь в нем червоточин, но вместо этого разгуливаешь по *внешней поверхности* своего мира, постоянно находясь *с ней в прямом контакте*!

По крайней мере, я *так* тебя понял.

И если усвоить мысль, что я контактирую с разумным не-червем из другого мира, было относительно легко, то принять тот факт, что вы живете на внешней поверхности своего мира, а не внутри его... Так, пожалуй, могут жить только не-черви.

Вы действительно там живете? *На поверхности*?

Пожалуйста, разъясни подробнее. По причинам, которые я объясню позже, мне просто необходимо разобраться в этом вопросе до конца. Извини, я должен прервать передачу, потому что срочно нужно сделать несколько корректировок моего туннеля. До скорого контакта!

Рад был снова слышать тебя. Значит, если я правильно понял, ты утверждаешь, что являешься твердым трехмерным существом (как и я), но при этом ухитряешься жить на *внешней стороне* своего мира. И ко всему этому ты добавляешь (по крайней мере, так тебя можно понять), что вы не только знаете форму своего мира, но и его объем, радиус, площадь и все остальное.

Честно говоря, поверить в это мне очень трудно.

Ты правда хотел сказать именно это?

Я уже просто не знаю — действительно ли ты существо с другой планеты или просто один из моих червососедей, решивший меня разыграть?

Знаешь, наши с тобой беседы начали создавать мне некоторые трудности — дело в том, что, хотя многие из наших периодически посылают в космос свои узкосфокусированные направлен-

ные вибрации, один только я всегда придерживаюсь одного и того же направления (то есть твоего мира), и поэтому меня уже начинают спрашивать, соображаю ли я, что делаю, и не начинаю ли впадать в одержимость.

Однако мне проще наплести кучу более или менее правдоподобных сказок, почему это я придерживаюсь определенного направления, чем рассказать червям, что я контактирую с существом, которое живет на поверхности сферы!

Но черт с ними, трудностями! Что до меня, то я как зачарованный готов без конца слушать удивительные истории о дальних мирах. И не так уж важно, существуют ли они на самом деле. Хотя, наверное, когда-нибудь, где-нибудь, как-нибудь все, что возможно себе вообразить, — существует. Или будет. Или было.

Сейчас мне нужно прерваться: я обещал Джилл сделать несколько параллельных с ней туннелей в шестиугольной решетке, которую она от начала до конца придумала сама. Как художник художнику (надеюсь, это не слишком громко звучит?), я признаюсь тебе, что получаю огромное удовольствие, работая в паре с ней. За последнюю пару сотен единиц (мы измеряем время в единицах) мы с этой девчонкой воплотили немало оригинальных параллельных проектов.

Роберт, а в вашем мире есть девушки? И существует ли для вас бесконечный конфликт между самосохранением и браком как финалом жизни?

Слушай, Роберт, похоже, нас обоих интересует философия, хотя ты и говоришь, что можешь обсуждать высокие материи только для забавы, так как не являешься профессионалом. Так ведь и я тоже! Я — художник и сам порой не до конца понимаю, что говорю. Но по твоим словам — с тобой ведь то же самое! Да мне бы вовсе и не хотелось влететь в контакт с каким-нибудь мощным богоподобным интеллектом, я лишь искал себе друга, с которым можно было бы просто поболтать за жизнь.

То есть вот что я пытаюсь тебе объяснить, Роберт: мне хотелось бы обмениваться с тобой знаниями с учетом того, что я дилетант во всех областях, кроме моего искусства. Как и ты, насколько я понял. И отлично! Наши профессиональные червефилософы и червеученые только и говорят о том, как будут общаться со своими оппонентами, когда окончательный контакт между обитателями различных миров будет наконец установлен. Ну не славно ли вышло, что это уже случилось? Да еще с парочкой близких по духу структуралистов.

Роберт, так ты правда это забавное существо, игрушка рока и особых законов природы? Или я это о себе? Или о нас обоих?

С нетерпением жду следующей связи.

Привет! Это снова я!

Слушай, я тут недавно поговорил о тебе с одним из своих парней. Я, конечно же, и не рассчитывал на какой-то успех (в чем оказался прав), но все же я хотя бы попытался. Может, это было глупо с моей стороны, но, Роберт, должен тебе сказать, мы, черви, скорей всего в силу той изолированной жизни, которую ведем, очень много думаем на все эти темы.

С другой стороны, черви, несмотря на их стремление к наукам и метафизике и насущную необходимость познания, склонны к скептическому отношению ко всему, что не проверили на собственной шкуре. Фанатики, которым можно внушить все, что угодно, конечно же, в счет не идут.

Уж я-то, конечно, не собираюсь ни создавать культов, ни высмеивать их, ни сходить с ума, ни отдаваться в лапы Черведьявола.

Кстати, Роберт, а сколько у тебя лап? Или рук? Я полагаю, что четыре — по одной на каждый двигательный отросток, отходящий от основной массы тела. Я угадал? Хотя у червей нет рук, концепция «рукизма» — часть нашего древнего знания.

Так вот, пару единиц назад я случайно оказался в туннеле, смежном со структурой моего друга Клауса, и решился запустить пробный шар. Для начала в виде гипотезы. Когда-то мы работали с ним вместе и ощутили большой творческий резонанс. Мы параллельно создавали одну и ту же фигуру (если память не изменяет — додекаэдр) в семи вариациях. Но потом (если честно) мне это надоело, и я стал двигаться быстрее и изысканнее его. Я решил продолжать свою карьеру в искусстве в одиночку и оставил Клауса позади. Он же подался в философскую структурологию и даже сделал себе в ней имя.

Сначала мы поговорили с ним о том о сем, и затем я сказал ему:

— Клаус, я тут недавно покрутил в голове одну забавную идейку, и мне хотелось бы знать твое мнение.

— Что ж, послушаем, — ответил он.

Да, кстати, если я говорю, «мы разговаривали», я вовсе не имею в виду, что при этом мы встречались лицом к лицу. Как я уже говорил, для нас такая встреча означает мгновенную аннигиляцию — и конец всем разговорам! На самом деле я подразумеваю общение между двумя червями, когда они находятся в смежных коридорах на расстоянии не больше # (это наш термин, обозначающий оптимальные условия для общения). Червь выстукивает головой определенный код и одновременно с этим оставляет запись разговора на стене туннеля. Таким образом все, что когда-либо черви говорили друг другу, зафиксировано на стенах Червемира (к сожалению, некоторые коридоры разрушаются при природных катаклизмах).

Это я к тому, что мы, черви, и вы, люди, под «разговором» понимаем совершенно разные вещи.

Ну а теперь вернемся к беседе с Клаусом.

— Мне пришло в голову, — сказал я, — что вполне возможно существование твердых и разумных, как и мы, существ, живущих на планетах...

— В планетах, ты хотел сказать, — поправил меня Клаус.

— Нет. Вся соль именно в этом: а почему бы не представить себе мир, населенный разумными существами, живущими не внутри его, а снаружи?

— Тогда сам собой напрашивается вывод, что твои гипотетические существа, имея прямой непосредственный контакт с поверхностью своего мира, должны пользоваться системой координат, из чего вытекает, что они могут *знать его форму*.

— Допустим, например, что это сфероид, — предположил я.

— Не имеет значения что. Гораздо важнее сам факт, что форму (какая бы там она ни была) вообще возможно определить. И не только ее, но и все топологические особенности этого твоего мира.

— Логично. Тогда позволь мне выдвинуть еще одно условие...

— Старина, — перебил меня Клаус, — не трудись продолжать. Должен тебе сказать, что дальнейшие разработки этой жилы тебя ни к чему не приведут. Твоя гипотеза вычурна и умозрительна. Ты что, никогда не слышал, что синклит наших лучших математиков и ученых, в котором состоит и твой покорный слуга, так и не смог доказать, что поверхность нашего мира объективно существует? «Истинная поверхность» — не более чем термин в научных спорах.

— Но это все-таки еще не доказывает, что в других мирах этого не может быть.

— О да, конечно! Может быть все, что угодно! Вплоть до червей, которые живут за счет того, что заглатывают свой хвост! Отчего бы нет! Но все это слишком необоснованно, чтобы тратить на это время. Если ты хочешь вовлечь меня в дискуссию по обсуждению какой-нибудь гипотезы, старайся основывать свои домыслы на законах природы, реально существующих и проверенных нашим опытом, а не измышленных в угоду себе.

— Какой подъем! Какое красноречие! И какой праведный тон! — рассердился я. — Нет, черт побери! Мы прекрасно знаем, что у нашего мира есть поверхность, вот только мы можем обнаружить ее не иначе, как проткнув насквозь! Но тогда, правда, уже некому будет рассказывать о результатах опыта.

— По зрелом размышлении трансформации, которые имеют место на «истинной поверхности», как мы их называем, «прорыв/сокращение», или beta, все же не являются достаточным до-

казательством наличия реальной поверхности. Да, в быту для правильного расчета направления туннелей нам необходимо считать, что она как бы есть. Но это всего лишь психологическая конструкция, причем довольно искусственная. Мы, философы, никогда не допускали даже мысли о реальном существовании «*истинной поверхности*».

— Это что-то новенькое, — сказал я. — О чем же вы допускали мысль?

— По наиболее распространенной теории, наш мир имеет псевдоповерхность, некоторые еще называют ее воображаемой поверхностью. С математической точки зрения, псевдоповерхность имеет полное право на существование, совершенно независящее от того, существует ли на самом деле так называемая «истинная». И для некоторых математических функций она просто необходима.

— Я что-то не вижу разницы между твоими «псевдо» и «истинной» поверхностями, — сказал я. — Ты же просто жонглируешь красивыми терминами, обозначающими одно и то же.

— Ни в коей мере. Термин «псевдо» как раз указывает на абстрактность явления.

— Да что за чертовщину ты несешь?

— Дитя, псевдоповерхность абстрактна, потому что ты не можешь исследовать ее эмпирическим путем. Любой твой эксперимент в этом направлении закончится гибелью, как только ты пробьешь эту неисповедимую псевдоповерхность насквозь. Если ты, конечно, вообще понимаешь, о чем я говорю.

Во время этой речи вибрации Клауса звучали помпезно и выспренно. Сам себя он называет Трансцендентальным Прагматиком. А я думаю, что он просто демагог. Иногда мне кажется, что, когда Клаус начинает воздвигать храм своих постулатов, краеугольным камнем ему служит «ничто». О тех, кто предпочитает форму содержанию, у нас говорят: «Он себе туннель языком выроет».

Итак, Клаус представляет собой довольно известный тип философа. Но если даже он не способен принять мое предположение как постулат, так чего же ждать от остальных? Кроме тех, конечно, кто верит всему подряд, но вряд ли мне будет интересно общаться с ними.

— Да ты просто уперся и не хочешь обсуждать мою гипотезу, — сказал я. — Концепция поверхности нам необходима! Ради Червегоспода, червяче, оглянись — мы проводим всю жизнь, роя туннели, а ты хочешь доказать мне, что это лишь иллюзия!

— А ты когда-нибудь видел поверхность туннеля? — холодно провибрировал Клаус.

— Ну хорошо, снаружи не видел. Любой знает, что, случайно

пробив стенку, мы погибаем. Но также любой знает и то, что если он лежит в туннеле, то этот туннель имеет поверхность.

— О да! Слыхали. «Пока червь червоточит, мир не перевернется». Расхожие сентенции! — продолжал Клаус в своей раздражающей манере. — Мы можем навоображать себе все, что угодно, но пока над практическими доказательствами преобладают косвенные, суть вопроса определить со всей достоверностью невозможно. «Да, я согласен, некоторые из этих косвенных доводов имеют достаточно прочную основу» — как сказал один философ, когда врезался в грань кристалла, которого, по его теории, не существовало.

Я послал ему короткую серию благодарственных вибраций — эту шутку я уже слышал, и не раз!

— Ну хорошо, оставим на минутку истину в стороне, — продолжал Клаус, — и примем как постулат, что неопределимая псевдоповерхность все же где-то имеет реальное воплощение. Ты хочешь, чтобы я представил себе, что во Вселенной существуют объекты, которые можно измерить. Очень хорошо. Это не так сложно вообразить. Но ведь ты требуешь, чтобы я добавил к этому твердых трехмерных существ, живущих на поверхности своей планеты.

— Да, такова моя конструкция.

— Пусть так, — коротко ответил Клаус, но в его вибрациях сквозили иронические обертоны. — Пусть так. Но тогда это очень странные существа. Ты поставил их в условия, в которые попадает червь, пробив поверхность. Причем не на мгновение, которого нам с тобой хватило бы, чтобы погибнуть, *а на всю жизнь.*

— А почему бы нам не ввести специально для них закон природы? — предложил я.

— Но зачем? — спросил Клаус. — Любая гипотеза должна совмещать в себе занимательность с поучительностью. К чему создавать беспочвенную фантазию, отрицающую весь наш жизненный опыт? Твои гипотетические поверхностные существа, мой мальчик, живут по законам крайне капризным, фривольным и неприятным для любого существа во Вселенной.

Я отвибрировал пожатием плеч:

— О'кей, Клаус. Оставим это.

— Уж слишком странным должно быть существо, живущее на поверхности сфероида, — с высокомерным удовлетворением ответил он, — и оно, и законы, которые им управляют.

Я поспешил удалиться. Пусть себе вибрирует в одиночку, если уж он по рассеянности впал в спиральное повторение.

Теперь ты видишь, чего можно ожидать даже от самых просвещенных червей. Думаю, мне все же придется сохранять наше с тобой общение в тайне от всех. Ну, может, разве что расскажу Джилл. Это моя девушка. Конечно, мы еще только приглядыва-

емся друг к другу и до сих пор невзаимопоглотились. Ах ну да, если бы это уже произошло, то ты бы этого не знал, ведь меня бы уже не было!

Не могу думать ни о чем, кроме того, что ты сообщил мне в последний раз. Я попытался создать себе твой зрительный образ: ты весело ползаешь вокруг своего «сфероида неправильной (сплющенной на полюсах), но до скуки постоянной формы» — как ты его сам назвал. Я наслаждался, дразня себя заманчивыми видениями твоего удивительного мира — места, где разумные существа не только могут позволить себе двигаться по поверхности сферы, да еще и видя куда — если бы только это! — но, мало того (чудо из чудес!), вы можете позволить себе вступать друг с другом в физический контакт без обязательного взаимного смерть/разрушения.

Я прав? Потому что только этим я могу объяснить твое сожаление по поводу того, что мы с тобой не можем встретиться «лицом к лицу», что в нашем мире является обыденным.

Да, конечно, откуда тебе знать, что, когда мы, черви, говорим о встрече «лицом к лицу», мы имеем в виду только одно: брачно/оплодотворяюще/смертельный акт. Надеюсь, ты не хочешь, чтобы это случилось со мной (поправь меня, если я неправильно понял твои секс/смерть мыслеобразы).

Я догадываюсь: ты подразумевал дружеское, несексуальное, нераздражающее общение в смежном пространстве, где мы можем даже прикасаться друг к другу сколько захотим без взаимного мгновенного смерть/ разрушения.

Если мои предположения верны, то для вас, людей, подобный порядок вещей — нормален (не говоря уже о его возможности).

И если это действительно так, то мне просто выть хочется. Честно говоря, твои рассказы о мире, в котором ты живешь, другим червям показались бы полным абсурдом. Я-то тебе верю. Что ж, пойду поброжу, попробую придумать хоть какой-нибудь способ поделиться тем, что ты мне рассказал. Хоть с кем-нибудь.

Червемир находится между ядром и поверхностью нашей планеты. Старая материя разрушается, новая создается, и между ними — в зоне стабильности — живем мы, черви. Эта промежуточная зона строго ограничена и никогда не изменяется. Наш мир создает материю, причем в определенном режиме, а мы поглощаем ее в процессе едо/ройства. Таким образом, наша популяция самолимитируется, сокращаясь при пере-едании и увеличиваясь при недо-едании.

Жизнь вообще имеет тенденцию сохраняться в любых, даже самых диких условиях, не так ли, Роберт?

Последнее время нас здесь так много, что не протолкнешься. С трудом найдешь место, чтобы выписать «восьмерку», не говоря уже о других более сложных фигурах. Похоже, ожидается большой смерте/исход.

Один из наших самых радикальных мыслителей утверждает, что в мире существует вообще только Один Червь, грезящий о самом себе, скитающийся по анфиладам туннелей, мчащийся с такой скоростью, что встречает сам себя в некоей точке пространства/времени, самоуничтожается и возрождается к жизни вновь; бессмертный, в круговороте смертей и рождений, реальности и ирреальности. Вся наша цивилизация, культура, законы, само наше существование — всего лишь его сон. Этот Про-Червь сам вводит себя в заблуждение, укрепляя себя в вере, что он — множество, и, когда наконец его вера достигает твердого убеждения, он начинает бороться с ней, уверяя себя, что он — Един.

Безопасность в Червемире увеличивается по мере приближения к ядру, и поэтому нижние уровни буквально источены. По мере того как спускаешься, лабиринт все больше и больше запутывается, причем без всякой системы. Но тот, кто отважится двинуться глубже, если он удачлив и хорошо умеет обходить ловушки, имеет шанс найти путь к Сердцевине — внутреннему району, где кончаются червоточины и идет бесконечный процесс сотворения материи. Лишь считанные черви умудрились проникнуть в Сердцевину. Они ползли вперед, и туннели смыкались за их хвостами (ибо реакции замещения там идут чрезвычайно быстро). Нам не осталось ни знака, ни слова об их путешествиях, ибо не осталось стен, на которых они могли их запечатлеть. Так они ушли, не оставив о себе памяти, и пребывают ныне в Эдеме.

— Но ведь если мы даже найдем туда дорогу, — сказал я Джилл, — мы все равно не будем до конца уверены, куда она ведет: к Сердцевине или смерти.

— *Я отдаю себе в этом отчет*, — ответила она. — Откровенно говоря, я бы предпочла остаться в компании и вести обыкновенную жизнь нормального червя, но ты вырываешь меня из обыденности. Я люблю тебя и готова следовать за тобой всюду, раз уж ты решил отбиться от стаи. Может, мы найдем путь в Сердцевину, а может, и нет, но друг друга мы уже нашли.

— Если твои чувства настолько сильны, тогда почему бы нам не отправиться вместе в Верхние слои?

— Потому что этот путь ведет к смерти, и, как я слышала, очень скорой. Я так люблю тебя, что готова примириться со многими

твоими сумасшедшими идеями. Поиски Сердцевины довольно эксцентричное занятие, однако допустимое, но лезть в Верхние области на чистую гибель... Я очень и очень тебя люблю, но, прости меня, дорогой, не настолько, чтобы разделить с тобой самоубийство.

Наши древнейшие червоточины не сохранились, очевидно, они были заполнены спонтанными выбросами материи. Трудно утверждать это с полной уверенностью — есть слишком много противоречивых свидетельств, — но, судя по некоторым явным признакам, часть из них была забита *твердой материей*! У нас есть карты, правда, очень старые и грубо сделанные, однако вполне заслуживающие доверия, на которых показана сеть туннелей доисторических червей. Сейчас она уже не существует — заполнена материей, что доказывает, что наш мир находится постоянно в процессе ее творения.

Есть, конечно, скептики, которые утверждают, что это доказывает лишь то, что старые карты врут. Лично я считаю их подлинными, но во мне тоже сидит циник, который нашептывает, что мы съедим этот мир скорее, чем он успеет обновиться.

Да, кстати, спасибо тебе за описание идеальной девушки вашего мира. Какие вы счастливчики, что можете вступить друг с другом в физический контакт и вместо взаимоуничтожения наслаждаться взаимопознанием. Не могу себе этого представить: это слишком хорошо, чтобы быть правдой!

Я рад, что ты наконец разъяснил мне, что значит «война». Теперь я вижу это (надеюсь, что правильно тебя понял) как несколько твердых тел, вошедших в насильственный контакт друг с другом, но при этом не взаимоуничтожающихся мгновенно (как у нас), а отталкивающих друг друга посредством пихательных и пинательных телодвижений. «Физический контакт» звучит чрезвычайно любопытно, но до конца понять это мне так же невозможно, как тебе невозможно понять, что значит для нас туннелирование.

Основной принцип нашей морали запрещает строить спирали вокруг чужих червоточин. Это довольно грязное дело — вы окружаете туннель другого червя спиралью на критической дистанции, и, раз вокруг все изрыто, ему уже просто не на что рассчитывать: он со всех сторон окружен непроницаемой клеткой, лишающей его права выбора и заставляющей его следовать по пути, который ему кто-то навязал. Иногда это кончается тем, что

червеагрессор может просто-напросто вообще перекрыть дорогу своей жертве, сделав в голове ее туннеля крестообразную фигуру.

Основной вопрос Морали Червемира: крутить или не крутить спираль вокруг приближающегося к вам червя?

Есть теория, что Червемир вовсе не одна твердая фигура, а несколько объектов, соединенных между собой твердыми мостиками. Как шары гантелей, например.

Говорят, что так оно и есть на самом деле. Есть даже тому доказательства: на некоторых картах мертвых районов хорошо видны гантелевидные конфигурации — два тела (причем вовсе не обязательно сферы), связанные друг с другом цилиндрическим мостиком. В районах сочленений эмпирические исследования ведутся крайне редко, так как там можно ошибиться только один раз. Однако само наличие этих «гантелей» заставляет задуматься, что во всем этом есть какой-то смысл. Эта теория вполне сочетается с теорией непрерывного воспроизводства материи. На их стыке появилась гипотеза, что наш мир — это некая форма живой материи, саморасширяющаяся во всех направлениях и пробивающая свою (предполагаемую) поверхность протуберанцами, на конце которых вырастает новое твердое тело.

Ты спрашивал меня, как мы различаем друг друга, есть ли у нас индивидуальные особенности, как мы общаемся, ну и тому подобное. Я, конечно, не ученый, но попытаюсь объяснить как смогу.

Каждый червь рождается с уникальным фактурным узором на коже. Конечно, есть несколько основных фигур, но число их комбинаций бесконечно. Одни более эстетичны, другие менее. Дистанции, на которых червь может «считать» фактуру другого, зависят от множества различных факторов.

В основном наша индивидуальность проявляется в отпечатках кожи. Куда бы мы ни двигались, на стенах туннелей остается фактурный узор, который может прочитать любой, пока со временем он не сотрется.

Это врожденные отличия. Кроме того, мы можем сознательно изменять фактурные узоры для общения с другими. Продолжительность сохранности наших отпечатков на стенах зависит от размера червя и скорости, с которой он движется.

Я, помнится, уже как-то говорил тебе о том, что скорость и направление наших перемещений мы можем изменять, как хотим. Чем больше скорость, тем больше мы увеличиваемся в раз-

мерах и тем больше у нас энергии для общения. Линейная скорость стимулирует наш рост, или, как мы его называем, «увеличение объема».

Чем быстрее мы туннелируем, тем больше становимся и тем больше удлиняется наш жизненный срок. Казалось бы — чего лучше! Но есть и оборотная сторона. Чем выше скорость — тем выше вероятность попасть в ловушку и погибнуть. Конечно, у нас есть свои математические формулы, помогающие рассчитывать степень скорость/опасности в различных ситуациях. Но, честно говоря, они слишком сложны и не очень-то надежны, поэтому большинство из нас полагается только на свою интуицию.

Лично я ненавижу науку. Но я (как и любой из нас) вынужден забираться в дебри физики, метафизики и математики, потому что без них просто не решить постоянно возникающие насущные проблемы. Даже в своих снах и фантазиях мы не прекращаем ощупью, интуитивно исследовать физические законы и их особые свойства, которыми можно было бы манипулировать себе на пользу. Ночами меня иногда преследуют кошмары, что я сокращаюсь.

Может быть, когда-нибудь настанет счастливый день, когда мы сумеем преодолеть скоростной барьер. Ведь скорость порождает скорость, причем в логарифмической прогрессии. Но у нас слишком много ограничивающих факторов — мертвые червоточины, другие черви и неисповедимая поверхность.

Все мы мечтаем о постоянно увеличивающихся скорости и объеме. Расскажу тебе одну из наших старейших легенд о Пра-Черве, жившем тогда, когда мир был еще цельным. По одной из версий, Пра-Червь возмечтал достичь максимальной скорости (что позволено только Червегосподу, если он, конечно, существует). Он рос все быстрее и становился все длиннее, пока не поглотил весь мир. Но когда исчез мир, с ним исчез и Червь.

По другой версии Мифа о сотворении, Червегосподь спастаки мир, сотворив еще одного червя, но уже другого пола — женщину. Пра-Червь разделил с ней мир и соитие/смерть. Так появился наш род.

Обе версии этой заслуживающей особого внимания легенды сходятся на том, что вначале не было ничего, затем появился мир — цельный и твердый, затем — Пра-Червь и затем Пра-матерь Червей. Однако есть и другая легенда, рассказывающая о том, что первой появилась *Про-матерь*, которая самооплодотворилась и таким образом дала жизнь всему нашему роду.

В любом случае (по всем легендам) с появлением двух червей

началась Вторая Эпоха. Жизнь их была поистине райской — в их распоряжении был целый мир! Они жили долго и счастливо и перед тем, как вступили в брако/смерть, успели создать богатый набор фактурных узоров, чем и объясняется наше нынешнее различие между собой.

Как бы там мир ни повернулся дальше, я верю, что когда-нибудь вернутся старые золотые денечки, когда червей было так мало, что каждый из них мог жить столько, чтобы успеть полностью самовыразиться.

Я озадачен твоими упоминаниями о «гравитации». В нашем мире нет ничего подобного. А если даже и есть, то мы о ней ничего не знаем и в нашей жизни она не играет никакой роли. В нашем мире расход энергии абсолютно не зависит от направления, в котором ты движешься. Поэтому я не могу понять, почему ты делаешь такое сильное различие между словами «вверх» и «вниз». Может, это соответствует разнице между «наружу» и «внутрь»? Может, это играет какую-то роль в симметрии? Для нас это просто не имеет смысла.

Мы грезим о времени до Разъединения. Прекрасный сон о девственности, о рае, когда черви сплетались друг с другом в истинном контакте и не было взаимоуничтожения — лишь невинная эротика и самовыражение без всяких границ. Тогда все черви жили в едином клубке, производили потомство и, умерев, поглощались клубком жизни как питательное вещество, чтобы, смешавшись с солнечным светом, дать жизнь другим. Таков был мир Червей до Падения.

Я очень заинтересовался тем, что ты называешь «водой». В чем-то это похоже на то, что мы называем «землей». Но у нас ничего подобного нет, если только «вода» — это не та среда, в которой мы движемся. Но что-то не очень похоже: из твоих описаний воды ясно, что туннель, сделанный в ней, тут же заполняется. Но у нас же не так! Может ли другая «жидкость» или «полужидкость» иметь свойства, соответствующие нашей среде обитания? Впрочем, хоть идея и забавная, но она не стоит внимания. Я твердо уверен, что мы черви, а не рыбы.

Одержимость может возникнуть (или, как говорят, возникает обязательно), когда чья-то структура в большинстве деталей совпадает (критический уровень здесь неизвестен) со структурой

червя, ныне скончавшегося. Нужно быть очень больше/быстрым червем и обладать огромным могуществом, чтобы создать структуру, которую будут продолжать и после твоей смерти. Говорят, что некогда были червемаги, обладавшие подобной сило/властью, и их незаконченные структуры до сих пор ждут тех, кто попадется в западню, создавая схожие с ними фигуры. Мистики говорят, что там вступает в силу Магическая Власть Резонанса и возникают структуры, схожие до мелочей, но живой там продолжает структуру мертвеца. Это мы и называем одержанием, так как червь характеризуется тем, что он создает. И если он лишен свободы воли в выборе направления и фигур, он уже не червь, а лишь его подобие. О таких у нас говорят: «Он зациклился в жесткой структуре», и обычно этот путь приводит их к безвременной кончине, так как они бессильны изменить направление, а интуиция их молчит.

Не знаю, что здесь правда, а что нет, но, во всяком случае, то, что червями иногда овладевают подобные необъяснимые настроения, это факт.

Говорят, что и сейчас есть червемаги, сознательно стремящиеся к Уподоблению с первичной материей некоего древнего черведуха — великого и могущественного мага. Они верят, что если будут делать это сознательно и с необходимыми предосторожностями, то черведух не только не уничтожит их, но и дарует им власть предвидения структур других червей. Ценой души, конечно. Есть у нас и белые маги, верующие в то, что сподобятся с божьей помощью достичь Священного Резонирующего Уподобления с Великой Матрицей Червегоспода, ради грядущего блаженства в Общине Бесконечной Скорости (по их терминологии). Пока что они ведут бесконечные диспуты по выработке доктрины. Честно говоря, меня все это очень мало интересует. Я прежде всего — художник, но все же приходится быть в курсе культурной жизни тех, кто меня окружает.

Ведь мы, художники (уж ты-то меня понимаешь!), придаем значение не столько сути информации, которую получаем, сколько способу ее выражения. Что нам до мирских и небесных проблем, когда мы преданы идеалам изящества форм. По крайней мере, это наиболее точное определение искусства, которое я могу дать. Это либо чувствуешь, либо нет. Но ты-то меня понял?

Мы можем прощупывать чужие червоточины на расстоянии (каждую по отдельности и одновременно всю структуру). Можно сказать, что это соответствует вашему «зрению». Кроме того, мы на расстоянии чувствуем и распознаем других червей и можем ощущать все структурные изменения почвы (мы называем их

Аномалиями), а также хорошо различаем плотный грунт и чужие туннели. Иногда Аномалии имеют определенную форму, размер, а иногда они просто непостижимы. И это факт в пользу непопулярной у нас теории, что мы живем в кристаллическом мире. По этой теории Аномалии являются зонами, образованными набором кристаллических плоскостей нашего кристаллического мира. Их можно считать точками, где все зоны идут параллельно и потому непроницаемы для нас. Я не настолько умен, чтобы разобраться во всем этом, но говорю в надежде на то, что ты этим можешь заинтересоваться.

Но на эту теорию есть очень простое возражение: если бы мир действительно был таков, то мы могли бы классифицировать все эти грани и зоны и затем вычислить форму нашего мира. Но мы этого сделать не в состоянии!

Однако это возражение вполне удовлетворяет теории о Полуили Квази-Кристаллическом мире, которая базируется на том, что наш мир не является цельным кристаллом, но содержит в себе кристаллические вкрапления. Поэтому он и не развивается по законам симметрии, диктующим размер и направления роста кристалла. Кое-кто из сторонников этой теории считает, что, несмотря на кристаллические вкрапления, — наш мир все же живое существо.

Я вовсе не собираюсь высмеивать кристаллосторонников, хотя чисто метафизически я им не доверяю. Зато с эстетической точки зрения они обеспечивают меня пленительными фигурами, которые я могу запечатлевать на стенках своих туннелей. В наших комиксах всегда изображают червей, которые не способны создать ничего, кроме простейшего куба, к тому же еще с толстенными переборками у каждой точки пересечения во избежание их прободения и гибели. Но они даже и этого до конца не доводят, потому что им быстро все надоедает и они перекидываются на что-нибудь другое.

Большинство червей не интересуются кристаллическим видом искусства, они предпочитают провести всю свою жизнь, строя тесные винтовые зондирующие структуры с плотностью укладки витков, зависящей от степени их робости. Конечно, правильно построенная винтовая структура намного безопаснее и позволяет ее строителю питаться со спокойной душой, потому что рядом нет других червоточин. Однако эти винтоструктуры, из-за огромного количества поворотов, крайне ограничивают скорость червя и автоматически ограничивают его в росте и продолжительности жизни. К тому же они сводят стремление самовыражения к минимуму. Владельцы этих нор всегда маленькие и хилые и влачат хоть и относительно безопасное, но безумно скучное существование.

Это, конечно, не для меня. Хотя Джилл без устали читает мне проповеди о добродетелях винтового пути. Но я — художник, и изящество художественных начертаний — высшая форма творения — призывает меня к беспрестанному творчеству.

Недавно я закончил композицию, которая принесла мне славу, представь себе: три четырехгранные пирамиды, соединенные между собой. И все их вершины украшают отдельные пирамиды. Все, кроме одной, куда я вписал тетраэдр для усиления комического эффекта. За это классики буквально заклевали меня, что доставило мне большое удовольствие — наконец-то я стал признанным асимметристом. Хотя они, конечно, немного пересолили — я, как и любой художник, верю в симметрию. Но также верю и в то, что застывшее совершенство симметрии просто необходимо слегка и обдуманно нарушить асимметрией для придания творению жизненной правды с оттенком легкой загадочности. Полагаю, ты назовешь меня романтиком. Но таково мое кредо, и я не стыжусь его.

Можешь, если хочешь, смеяться над моей концепцией запланированной асимметрии, тем более что природные катаклизмы и вторжение других червей все равно рано или поздно разрушат мои творения. Некоторые вообще сомневаются, можно ли назвать мою третью четырехгранную бипирамиду — пирамидой. Ее форма слишком далека от правильной. Поэтому мне нужно быстро сманеврировать в районе, уже на семьдесят процентов заполненном, чтобы успеть ее закончить. Да, это довольно вычурная фигура, но, однако же, не настолько, чтобы называть ее «дерьмом червячьим», как отозвался о ней один из критиков. Это резко и несправедливо.

Вот такие у нас взбитые сливки, в нашем мире искусства. Во всяком случае, я вызвал-таки брожение умов и доказал им, что выход за рамки примитивного понимания геометрических фигур возможен. В конце концов, художник имеет право на каприз. Это для него естественно.

Я обещал тебе как-то рассказать, чем я занимаюсь, так вот — этим. Конечно же, я все упростил, чтобы доступнее объяснить тебе. Начертание фигур играет гораздо большую роль в нашей жизни, чем я это показал. Но, думаю, я сказал достаточно, чтобы дать общее представление о самом принципе.

А чем занимаешься ты, Роберт?

Всю эту неделю я воплощал в жизнь псевдошестиугольник, явившийся мне во сне. Это довольно приятное занятие, которое помимо легкого эстетического удовольствия содержит много прямых линий, во время которых я могу развивать достаточную ско-

рость и, следовательно, запасаться энергией для общения с тобой. Дублируя эту схему, я удовлетворил свою страсть к формам, при этом без активного творческого процесса. Я делаю это машинально, так как занят обдумыванием поистине великих проектов. Некоторые из них могут изумить даже тебя! Ну а Джилл решит, что я вообще рехнулся. Но пока я воздерживаюсь от воплощения этих весьма рискованных структур, отчасти из-за Джилл, отчасти потому, что немного трушу. Но главное — потому, что берегу свою внимание/энергию для общения с тобой, Роберт.

Я не очень понял твое объяснение того, чем ты занимаешься. Но, похоже, главное все же ухватил: ты, как и я, создаешь популярные эстетические конфигурации. Твой термин «оплата работы» я понимаю так, что твоя слава растет и ты можешь получать больше «средств к существованию», то есть пищи в той форме, в какой ты ее потребляешь. То есть ты — создатель и продавец «червоточинных структур» вашего мира. О, как мы с тобой похожи! Вот только с самим понятием «продажа» я пока не разобрался. Я понял, что твои «червоточинные структуры», которые ты называешь «рассказами», можно каким-то образом отделять от мест, где они запечатлены, и свободно перемещать. Я понял, что ты отдаешь их своим твердым друзьям и они каким-то образом тебя за них вознаграждают. Но я не могу понять каким! Может, ты объяснишь подробнее?

Пока что мне это кажется странным: чем еще они могут вознаградить тебя, кроме славы? И как они могут распоряжаться твоей пищей или, как ты ее называешь, «средством к существованию»? Я-то полагал, что вы, как и мы, сами кормите себя. Как я уже объяснял тебе, мы создаем из червоточин художественные структуры, и вознаграждаться они могут только славой, так как никто не может нарушить изоляцию, в которой мы живем. Мне трудно представить себе получение пищи от других. Разве что с взаимной аннигиляцией. Пожалуйста, объясни подробнее.

Сегодня большая часть твоего послания была искажена, и я понял ее лишь урывками. Но хорошо, что я вообще тебя услышал! Думаю, самое главное я чисто интуитивно ухватил: ты сказал, что у тебя сейчас трудности с поисками направления твоей последней червоточины. Ты блуждаешь в лабиринте, полном опасных и двусмысленных тупиков, конца не видно, а «жить на что-то надо» (разъясни мне, что ты имеешь в виду, в следующий раз). И поэтому ты не можешь подняться над обстоятельствами и сфокусировать внимание для общения со мной. Я все прекрасно понял: ты вовсе не собираешься отделаться от меня. Ты хочешь продолжать наше содружество. Так выходи на связь, когда сможешь.

Твой друг Рон из рода Червей — свой парень. У меня ведь тоже бывают свои трудности, и поэтому мои сигналы тоже бывают неровными.

И причины, по которым ты не рассказывал обо мне своим друзьям, мне тоже ясны! Но ты говоришь, что у тебя есть идея, как обнародовать полученную от меня информацию. Ты хочешь при помощи своих художественных средств придать ей более приемлемую форму — «рассказа».

Так валяй, дружище! Кстати, наши разговоры и мне навеяли кое-какие идеи.

Красота телепатического общения в том, что все твои мысли при передаче автоматически трансформируются в символы и термины, понятные тому, с кем ты общаешься. Например, твое имя, которое, возможно, я вообще не смог бы выговорить, превратилось для меня в привычное «Роберт» (у меня есть пара друзей, которых зовут точно так же!).

Я все думаю о тебе и твоей сфере, по которой ты ползаешь, да еще зная ее форму, — просто чудеса какие-то!

У нас все совсем по-другому — живем внутри, а не на поверхности. Ведь мы черви. Или, точнее, червоиды (у нас несколько рас).

Ты представляешь, Клаус выказал определенный интерес к нашему с тобой общению, чем меня несказанно удивил.

— Я вовсе не собираюсь верить тому, чего не могу проверить на собственном опыте, — сказал он. — Но это твое... назовем это «контактом», короче, то, чего ты достиг, открывает новые и даже очень интересные возможности. Наши ученые уже давно знают, что вполне могут существовать миры, где поверхность определима настолько, что ее можно измерить. Но до сих пор мы не имели реальных тому доказательств. Правда, твое доказательство для меня тоже не имеет веса. Но если хотя бы на минуту допустить, что это так, то перед нами открывается обширное поле для размышлений.

— Ну и как, доказывает ли это, что наш мир таки имеет поверхность? — спросил я.

— О нет, милый мальчик. Как раз наоборот. Если только твой контактер говорит правду, то это как раз и доказывает, что наш мир вообще не имеет поверхности. И доказывает это с позиции истинного знания, а не идеалистических голословных утверждений.

— Так ли это важно?

— Еще как важно! Идеальные концепции — это не более чем логические построения, истинность которых зависит от их внут-

ренней стройности, служащие в основном для того, чтобы вышибать из седла прагматиков, а также инструментом познания того, насколько реальность отличается от идеала.

— Я все равно не понял, почему факт того, что его мир имеет поверхность, служит доказательством того, что наш мир ее не имеет?

— По методу «от противного». Это решение естественно вытекает из космологических доказательств, предоставленных твоим корреспондентом. Честно говоря, я не уверен, что это вообще что-то доказывает. Мне нужно еще проконсультироваться на эту тему у моих коллег, работающих в подобном направлении.

Я художник по призванию. И, может, это основное призвание для всех нас. Но философия и, главным образом, метафизика играют в нашем быту жизненно важную роль. Особенно в выборе направления. У вас, как я понимаю, все по-другому. До чего же вы счастливые существа! А со мной сегодня случилось такое, что я до сих пор не могу успокоиться: я просто чудом не влетел в ловушку, где аннигиляция была бы обеспечена на девяносто девять процентов.

Если я даже и преувеличиваю, то только самую малость. Нам, червям, не дано знать о реальной степени опасности. С нами так: червь ошибается только раз. Страх смерте/разрушения преследует нас всю жизнь, но по-настоящему оценить эту угрозу у нас нет возможности. Обычно, когда я ощущаю, что три четвертых пространства вокруг меня изрыто, я делаю небольшой рывок, чтобы найти место, где посвободнее. И именно так я сегодня влетел в тот райончик, где имел шансы погибнуть процентов на восемьдесят, тем более что он со всех сторон был окружен непроницаемыми поверхностями.

Итак, последние статистические исследования показали, что зона с восьмидесятидвухпроцентной смертельной опасностью еще не является критической, так как я все же ухитрился спланировать свое новое направление в единственную точку, где можно было обогнуть этот кошмарный, на девяносто процентов изъеденный район (огромный риск!), и затем ввинтился в прелестный райончик, заполненный всего на шестьдесят процентов, сколько глаз хватает. Конечно, у нас нет глаз, но есть орган ощущений, выполняющий функции, близкие к вашему бинокулярному дистанционному зрению. Он позволяет нам обследовать территорию позади и вокруг нас и создает ее трехмерное изображение. Что-то вроде топографической карты, движущейся в голове, демонстрирующей все пустоты, твердые участки и кристаллические вкрапления, если они есть. Роберт, а у вас, на поверхности,

есть подобные участки, грозящие самоаннигиляцией? Здесь мы только и заняты поисками критической ширины, при которой можно войти в «бутылочное горлышко». Причем только войти, потому что выход должен находиться на критическом расстоянии от входа. Иногда мы называем их «бутылочными горлышками», иногда «коробками», в зависимости от того, какую форму они имеют — цилиндрическую или квадратную. Есть и другие ловушки всевозможных видов, так что приходится быть начеку. Топография местности постоянно изменяется. О, если бы мир был устойчивым! Мы, как те пионеры, что путешествовали, как ты мне о них рассказывал, в своих фургонах по великим равнинам. Только мы движемся сквозь почву, а не по ней. Иногда нам легко, что соответствует для нас равнинам, иногда мы встречаем беспорядочные и запутанные, как ваши горные системы, кристаллические вкрапления. И сколько приходится потрудиться, чтобы их обойти! А встречаются и пустоты, которые тоже приходится огибать. Иногда попадается нечто вроде болота — не пусто, не густо, но недостаточно надежно, чтобы отважиться соваться туда — может засосать. Твердая материя, о которой мы все время говорим, на самом деле большая редкость. Чаще всего почва вокруг нас обладает различными степенями вязкости: от твердых отдельных частичек, спрессованных настолько, что их плотность может считаться достаточно стабильной, до воздуха (или лучше сказать — пустого пространства, так как нам абсолютно не важен химический состав газа, заполняющего наши лакуны; он смертелен для нас в любом составе) и воды — еще одна опасность. В ней не оставишь туннеля. А для нас очень важно знать, где ты прошел, так как это определяет траекторию дальнейшего движения. Червь в воде изо всех сил пытается держать прямое направление, ведь только так можно достичь берега, но вместо этого начинает описывать круги, которые снижают его скорость, понижая ее настолько, что у него уже не хватает сил двигаться дальше. И тогда он умирает. Мне кажется, это одна из особенностей, в чем наш мир отличается от вашего, — мы можем утонуть.

Расскажи мне о ваших смертельно опасных зонах, Роберт (если только они у вас есть). Теперь отвечаю на твои вопросы. Нет, у нас не бывает войн и психологических конфликтов любого сорта, так как убить врага мы можем только ценой собственной жизни. У нас, конечно, бывает, что кто-нибудь впадает в ярость и отваживается на такой сумасшедший поступок, но мне кажется, что «война» для вас означает нечто большее. Благодарю тебя за объяснение термина «страсть». О да, она управляет нашей жизнью, как и вашей.

Телепатический контакт всегда сопровождается ощущением полного взаимопонимания между общающимися, разве что не-

которые концепции требуют разъяснений, пока не найдешь им аналогий (если только они существуют). И поэтому я чисто интуитивно чувствую, что ты со мной откровенен и говоришь правду, не считаясь с тем, насколько она противоречит общественному мнению.

Роберт, с моей точки зрения, ты очень странное существо, живущее в условиях, для меня непостижимых. Это правда. Но все же я знаю, что по духу мы с тобой близки. И эта правда поважнее. Я верю, что все мыслящие существа, где бы они ни находились, ищут себе братьев по разуму.

Хорошо, что мы встретились, брат.

И очень хорошо, что по чистой случайности встретились два создателя эстетических структур. Возможно, как-нибудь мы потолкуем на профессиональном уровне.

Мы, черви, слепы. Если, конечно, я правильно понял твое определение зрения. Такими уж мы рождены. Но мы осознаем свою зрительную световую слепоту, потому что мы *видим* во сне модели, которые потом вслепую копируем наяву. Может, однажды мы и прозреем? Пока что вместо зрения у нас вибрации, которые мы посылаем и получаем в ответ при общении друг с другом. Наш способ слушать отчасти сродни зрению, потому что в процессе общения мы видим четкий образ нашего собеседника, его настроение, отношение к нам и тому подобное. Мы не обладаем специальными органами для световосприятия, как вы, поскольку у нас не на что смотреть, кроме как на переднюю стенку червоточины. И ту не увидишь, слишком плотно с ней соприкасаешься.

Вот так обстоят дела: я, слепой червь, отпрыск бесчисленных поколений слепых червей. И все же я претендую на то, что очень многое я вижу почти как ты, живущий при свете, окруженный формами, фактурами и цветами. Мы верим в то, что зрение — это врожденное и неотъемлемое свойство существ, наделенных ощущениями, и что визуально-световая слепота очень мало что значит. Мой друг Клаус наверняка назвал бы зрение трансцендентальной функцией — мы слепы и в то же время — отчасти зрячи. Мы сами не знаем, как это получается и что же именно мы видим на самом деле.

Голова червя венчается круглым органом, снабженным режущими кромками, которые просеивают, режут, разламывают, сверлят, рубят и грызут почву — короче, полным набором для туннелирования. Мы поглощаем материю, она проходит сквозь нас и выходит в качестве испражнений.

Силы червя растут пропорционально его скорости. О тех, кто

быстро движется, у нас говорят: «Он сделал себе хвост», что звучит лучше, чем «сильно/быстрый червь», — выражение, имеющее труднопередаваемый уничижительный оттенок.

Стоит ли говорить, что мы полностью ощущаем поверхность наших туннелей: почва облегает нас со всех сторон. Проблема трения решается тем, что мы выделяем определенную субстанцию, которую ты скорее всего назвал бы «слизью». Мы же называем ее «божественной смазкой».

Когда группа червей путешествует вместе, каждый из них зондирует почву, учитывая интересы других. Это просто необходимо, потому что вопрос свободного пространства вокруг червя для него жизненно важен. Пища, кров, искусство — все крутится вокруг одного — вопроса выживания. В прошлом мы перепробовали уже множество политических систем. Но большую часть своей истории Червемир живет по законам анархии, так как попытка физически заставить кого-то соблюдать чьи-то законы приведет лишь к гибели законодателя. Однако все-таки какие-то социальные организации нам необходимы, так как популяция растет, а жизненное пространство уменьшается. Да, теперь не древние времена, когда, по легендам, мир был девственным и можно было двигаться беспрепятственно куда захочешь. Правда, и червей тогда тоже не было. Ни червей, ни их червоточин.

Время от времени у нас появляются черви, одержимые высокими идеями, и они быстро собирают вокруг себя толпу фанатичных последователей, готовых отдать свои жизни за торжество Закона и Порядка. Но эти жизни расходуются крайне экономно, потому что даже фанатики могут поостыть, если их начнут убивать одного за другим. Чаще всего их посылают на поиски сумасшедших или одержимых, которые своим иррациональным мышлением действительно представляют угрозу для любого из нас. Их непредсказуемые перемещения сдерживают прогресс червеобщества, и, кроме того, их сумасшествие может быть заразительно. Случались даже эпидемии, как, например, в так называемые Годы Ретроградных Спиралей.

У нас есть комплекс общественных знаний по вопросам выживания, но в нем нет никакого порядка. Мы называем его Кодексом. Это свод этических правил поведения. Однако что в нем говорится, не знает почти никто, так как до сих пор его составители не смогли прийти к единому решению, что оставить, а что отбросить. Но мы можем себе позволить так небрежно обращаться с законодательством, потому что мы все равно не способны никого заставить ему следовать.

Вся популяция червей движется всегда строго по часовой стрелке. Одиночек, идущих против общего движения, называют у нас «ретроградами». Жизненное пространство червей можно описать как сферу, заключенную в еще большую сферу нашего мира. Где-то наверху — легендарная неизведанная Сердцевина. Вот между двумя этими пределами и движется широким фронтом наша популяция. Причем чаще всего — группами, собравшимися по возрастному принципу. О природе Сердцевины известно очень мало, хотя и существует множество гипотез. Но подробнее о ней мы поговорим в другой раз.

Как я уже говорил, миграция червей происходит по часовой стрелке, осваивая все новые территории. Но по-настоящему неоткрытых новых земель у нас уже нет — мы все следуем по пятам друг за другом, одержимые одним стремлением: быстрее двигаться и, следовательно, быстрее расти — в этом залог успеха. Хотя, с другой стороны, это увеличивает опасность: ведь чем больше/быстрым становится червь, тем скорее/чаще он сталкивается с преградами и тем выше вероятность попасть в ловушку, так как трудно на высокой скорости дать правильную оценку почве. Это-то и заставляет червей все время менять скорость и направление, постоянно сжиматься и расширяться и периодически идти спиралями для того, чтобы хоть немного отдохнуть.

Я сейчас подумал, что не совсем верно описал тебе, что такое «ретроградное движение». На самом деле, если пользоваться им умеренно, это не так уж плохо. Ни один червь, как бы принципиален он ни был, не в состоянии прожить всю свою жизнь, двигаясь только по прямой, без небольших возвратов. Правда, есть записи, повествующие о житиях высокоморальных червей классического периода (на память приходит старец Като). Ничто не могло заставить их свернуть с избранного пути. И когда дьявол ставил им преграду, они предпочитали погибнуть, не склонив головы и, насколько мы знаем, без малейшего сожаления.

Большинство из нас не любит двигаться только по прямым, так как это, несмотря на всю практичность такого способа, все же быстро надоедает. Зато в искусстве ретроградизм играет просто огромную роль: нет ни одной фигуры, сочетающей в себе сложность с изяществом, которую можно было бы выполнить только по прямой.

Великие художники прошлого игнорировали большую часть запретов на «ретроградизм», используя все направления в равной мере. Создавая свои творения, они руководствовались лишь своим воображением и умирали, когда кончался отпущенный им срок.

Теперь о наших снах. Они всегда сопровождаются ощущением того, что ты «видишь», и чаще всего мы видим во сне модели композиций. Некоторые из них вполне можно претворить в жизнь, но по большей части — это планы невообразимо запутанной червоточины, которая меркнет в сознании, когда ты просыпаешься.

Кроме того, мы часто видим так называемый «туннельный сон»: мы проходим по бесконечному цилиндрическому туннелю, состоящему из множества сегментов, и видим на стенах его замысловатые отпечатки, оставленные нашими фактурными узорами... Это образ червоточины, которую мы строим в течение всей нашей жизни. Это туннель, который мы оставляем у себя за спиной и который поэтому мы никогда не увидим наяву.

А еще у нас бывают кошмары: мы попадаем в структуру, неотвратимо ведущую нас к смерти; и мы мчимся по ней все быстрее, пока наконец не пробиваем одну из смежных стенок или не прорываемся сквозь поверхность навстречу своей аннигиляции.

Это очень тяжелые сны. Но художник может прозреть в них зерна трансформации.

Извини меня за многословие. Честно говоря, ничего не могу с этим поделать. Не так-то легко четко сформулировать свою мысль, находясь в телепатическом контакте. Мысль/сообщения рассыпаются на части в беспорядочном, неформулируемом, двусмысленном, многозначимом и болтливом (да, Червегосподи! — болтливом! Но ведь и ты не лучше меня, Роберт!) потоке мысле/значений/переосмыслений/стремлений... ну и так далее.

Мне хотелось бы продолжить, но я должен временно сбавить скорость. Я сейчас туннелирую U-образную петлю, и пошел довольно трудный участок почвы, так что мне придется перейти на другую сило/скорость, при которых я пока не смогу испускать сигнал.

Но я буду прислушиваться в ожидании сообщения от тебя. Надеюсь, ждать придется недолго. Расскажи мне побольше о поверхности. И побольше расскажи о небе.

Я понял, Роберт. У тебя те же проблемы, что и у меня: ты ничем не можешь доказать факт нашего с тобой общения, так как ваши научные условности требуют так называемой «проверяемости». Но, похоже, наша с тобой телепатическая связь — уникальна. Ее невозможно продублировать, по крайней мере, настолько, насколько этого требуют ваши «законы о доказательстве». Я в том же положении: если другой червь не может настроиться на твою волну, следовательно, у него тоже нет никаких доказательств, кроме

моих голословных вибраций. Ведь если бы Клаус попытался рассказать мне что-то подобное, даже я отреагировал бы на его заявление точно так же, спрашивая себя, с какой стати мне доверять его беспочвенным и бездоказательным фантазиям. И при этом я бы еще гордился своим интеллектуальным оцепенением!

Увы, так оно и есть. Ты говоришь, что у вас есть люди, которые поверят во что угодно, если только это будет сказано им с большой силой убеждения. Но ведь нет ни одной, даже самой абсурдной концепции, которая не имела бы сторонников. Я, например, могу заставить кое-кого из наших поверить, что Червемир — не более чем плод моего воображения и что жизнь и само существование моих братьев-червей зависит непосредственно от того, как долго я поддерживаю свой интерес к ним. (С незапамятных времен у нас периодически появлялись личности, провозглашавшие себя Червегосподами, или, на худой конец, — одним из Его воплощений. А что, если один или парочка из них были таковыми на самом деле, а? Кто может знать!)

Благодарю тебя за то, что ты предложил мне свою помощь. Я, конечно, уверен, что кто-нибудь из твоих эрудированных друзей сможет пролить свет с позиций вашей науки на ситуацию в Червемире. Но стоит ли их беспокоить? Я и ты — мы оба художники. Уж мы-то знаем, что все течет и изменяется, и этот разговор — тоже не более чем рябь на поверхности двух наших таких различных жизней.

Ну так, между нами, действительно ли это важно: все эти науки, учеба, все эти метафизики, философии? Ты же мне сам говорил, что ваша наука, применяемая на профессиональном уровне (а на каком еще уровне ее можно применять?), не приносит ничего, кроме своих абсурдных достижений. Ты же рассказывал, что в вашем мире продукты науки служат в основном для разрушения и нарушения вашего сиюминутного чувственного существования. Ты рассказывал, что питание с каждым годом ухудшается, а жизненное пространство — уменьшается, так как ваша популяция тоже растет. И все это происходит из-за того, что стало возможным с развитием полученных научным путем технологий.

Роберт, я уверен, что, если подавить «продвинутые» науки и предать забвению все технологии, получится совсем неплохо. В любом случае и люди, и черви еще во время о́но открыли и доказали существование телепатии и мыслящих существ других видов. Так зачем мы с тобой будем суетиться и снова и снова пытаться отыскать тех, кто нас выслушает? Да с начала всех времен никто и никогда не верил ничему, чего бы он не испытывал на собственной шкуре! (Именно так!)

У тебя есть твоя работа, у меня — своя, и давай не будем гнать волну. Лучше спокойно наслаждаться привилегией нашего общения, и ну ее, эту Истину, в червепекло! Какой бы она там ни бы-

ла! Ты расскажешь мне пару ваших абсурдных историй, я — наших, и хорошо посмеемся. Только не надо никого трогать, не надо ни с кем консультироваться. Расскажи мне, что ты сам раскопал; расскажи, о чем беседуют в вашем мире мудрые люди; расскажи мне о том, что ты думаешь о вселенной и о том, что в ней действительно творится; и что такое душа; и что такое искусство, даже если ты знаешь, что ничего не знаешь; и я отвечу тем же.

Помехи усиливаются, и твой сигнал заметно слабеет. Но это ничего, думаю, что самое важное я уловил. Если все сказанное тобой правда, то это дает такое представление о нашем мире, которое никто и никогда из нас не смог бы даже вообразить.

Ты говоришь, что у вас общеизвестно и хорошо доказано существование множества миров, собранных в группы вокруг какой-нибудь звезды. А каждая звезда входит в звездную систему, которые, в свою очередь, составляются в галактики. Галактика — это изолированный район в пустоте космоса. Дальше ты говоришь, что галактики группируются во вселенной (и откуда только вы, люди, все это знаете!), которые также являются частями другой, еще большей системы. Затем ты говоришь, что каждая вселенная расширяется от своего первичного центра, как червоточины, бегущие от Сердцевины в нашем мире. Ты сказал, что расширение вселенной тоже имеет доказательства, не оставляющие никаких сомнений.

Затем ты вывалил кучу информации о теории Бесконечного сотворения и о противоположной ей теории Большого взрыва, и обе ты скромненько опроверг. А затем (уже с меньшей скромностью) ты предложил мне собственную теорию, основанную на синтезе обеих.

Твое предположение заключается в следующем: да, вселенная расширяется, однако это расширение не бесконечно и ее осколки не вечно будут разбегаться от центра. И что в некоей точке, на гребне обрыва переднего края расширяющейся вселенной, материя и энергия разрушаются — аннигилируют — и превращаются в ничто, в пустоту.

В то же самое время материя бесконечно воспроизводится. Так где же она, эта вся материя? Действительно ли она равномерно распределяется по всему объему расширяющейся вселенной? Ты так не думаешь и хочешь выслушать мои аргументы.

Также ты не веришь и в то, что материя в бесконечном цикле творения и разрушения воспроизводится в центре вселенной. Ты считаешь, что это не укладывается в твою теорию, и к тому же эта концепция чисто интуитивно отталкивает тебя своей статикой и формализмом. Она исключает квантовый принцип, исключает принцип неопределенности и использует понятие непрерывности чисто номинально. К тому же с эстетических позиций, на твой взгляд, этой схеме недостает изящества.

Ну что ж, я согласен.

Ты думаешь, что если Нечто расширяется в Ничто, то между ними должно быть хотя бы временное равновесие. Поэтому ты считаешь, что передний край ударной волны, за которой находится постоянно взрывающаяся вселенная, а впереди — Ничто, что этот-то край и есть поверхность — распознаваемая зона, со своей своеобразной стабильностью. Район, где творение и разрушение происходят одновременно.

Хорошо. Вселенная расширяется. Но куда? В Ничто? Но во что там расширяться? Да она просто-напросто расширяется, но при этом каждая ее точка находится в динамической взаимосвязи с Ничем.

Каждая ее частица расширяется, одновременно с этим слепо устремляясь в пустоту, противостоящую ей.

Но если Ничто не имеет ни начала, ни конца, тогда и Нечто тоже — оно настолько же всепроникающее. С твоей точки зрения, в любой точке вселенной есть обязательное противостояние поверхности ударной волны пустоте, которая ее окружает, и, следовательно, тот факт, что вселенная, как любая трехмерная фигура, имеет глубину, — всего лишь иллюзия. У вселенной не может быть глубины, потому что любая ее точка противостоит пустоте.

Но тем не менее ты отмечаешь, что наравне с этим все-таки существуют региональная специфика, конкретные местные конфигурации, некоторые различия, асимметрия и принцип неопределенности. Поэтому все создание/разрушение само по себе не более чем аспект чего-то, стоящего выше нашего понимания.

Итак, с нашей точки зрения, вселенная действительно расширяется. Причем ее частицы движутся с разной скоростью, одни районы остаются ближе к галактическому центру, другие же — устремляются на передовой край в точки/волнофронта, где материальная вселенная буквально прорывается в не-вселенную из не-вещества.

А затем ты взорвал свою бомбу — ты сказал, что, базируясь на моих рассказах, веришь, что наша планета сбалансирована в динамической стабильности на передовом крае ударной волны, где впереди Нечто, а позади — Ничто.

Роберт, у меня мурашки по спине ползут. Извини, но мне нужно это обдумать.

Развивая свою теорию, ты предполагаешь, что планета, находящаяся в точке между Нечто и Ничто, должна иметь ряд специфических свойств. Первое: все направления наружу ведут в Ничто, а все направления внутрь — в Нечто.

Порядок. Но затем ты выдал еще кое-что покруче.

Ты предполагаешь, что наша планета как бы врезана в пограничную поверхность между расширяющейся вселенной и пустотой, в которую она расширяется. То есть наполовину — здесь, наполовину — там; наполовину — бесконечно самовоспроизводящаяся, наполовину — бесконечно разрушающаяся.

Исходя из подобной ситуации, наша планета действительно не имеет поверхности (тут Клаус оказался прав, проклятье!), так как ее поверхностью является граница между материей и пустотой.

Что ж, если ты прав, то у нас вместо поверхности — кромешный ад, поле сражения космологического масштаба. А я-то еще, как дурак, радовался, что у нас не бывает войн! Исходя из этого, наша поверхность находится в состоянии постоянного взрыва. Весь Червемир — один большой бесконечный взрыв. Наша поверхность — это бесчисленное множество волнофронт/точек, беспрестанно разрушающихся Ничем, находящимся перед ними, и беспрестанно восстанавливающихся, черпая из Нечто вселенной позади них.

С твоей точки зрения, наша ситуация — уникальна. Можно даже назвать ее парадоксальной. Мы даже не можем себе представить, что когда-нибудь наша планета будет полностью поглощена разрушительной субстанцией Ничего. Но если нет ни одной точки, которая бы не подверглась его атакам, то откуда же тогда идет восстановление, бесконечная регенерация Червемира да и, возможно, всей остальной вселенной? Изнутри. Из центра. Центр есть везде, так же как и Извне. Центр — это точка, наиболее удаленная от разрушения поверхности. Не имея ее, поверхности не на что было бы опираться.

Ты полагаешь, что черви поставлены в условия, заставляющие их искать пути наружу, так как жизнь стремится скорее наружу, чем внутрь. Но это направление ведет нас прямехонько к смерти.

Ты считаешь, что как раз путь внутрь сможет привести нас к неизрытым, безопасным и прекрасным пространствам.

Но, как ты подчеркиваешь, забираться слишком глубоко тоже не стоит, так как само ядро Червемира может-таки иметь кристаллическую структуру. В таком случае его структура подвергается трансформации в органическую субстанцию.

Ты веришь, что такой район существует, и тот, кто отважится найти путь сквозь древние лабиринты, обнаружит девственные, нетронутые земли. Но в нашей специфической ситуации физический поиск пути внутрь может каким-то образом привести наружу.

Вот ты и нашел для меня решение, Роберт! Правда, может быть, не совсем то, на которое ты рассчитывал. Выход для нас — внутри, сказал ты, и, по законам вашего мира, ты абсолютно прав. Но, увы! Мой путь лежит не внутрь, не в дивный мир, где нет червоточин, границ и страха... Беула — земля обетованная!

О, как бы мне хотелось как можно ближе подобраться к этому кристаллическому совершенству — с его идеальной симметрией всех вершин, всех углов, всех граней, застывших в космическом взрыве бесконечного и беспредельного творения.

Но не туда лежит мой путь. Я отправляюсь наружу, наверх. Туда, где я смогу запечатлеть Великую фигуру. Я знаю, что это абсурдная затея. Да и Джилл думает, что я собрался пробить поверхность и умереть. Может быть, она и права. Но я верю, что червь должен сделать из своей жизни величайшее творение, какое только можно вообразить!

Нет, я вовсе не претендую на лавры червегероя. Я вообще не собираюсь умирать. Я верю, что, когда пробьюсь сквозь поверхность, это не будет концом. Ничто вывернется наизнанку и станет еще одной частичной правдой, еще одной иллюзией. А я... Я стану светом. Или светилом?..

И это последнее из сообщений Рона. Червя.

ИГРА: ВАРИАНТ ПО ПЕРВОЙ СХЕМЕ

Возможно, он еще не совсем проснулся, а может, всему виной шок, который он испытал, попав через овальную дверь из темноты коридора на громадную тихую арену. Вокруг него, уходя высоко в небо, громоздились концентрические каменные ярусы, фокусирующие жар и энергию зрителей. Лучи яркого утреннего солнца ослепительно отражались от белого песка, от чего у него закружилась голова, и он даже не мог вспомнить, где, собственно, находится.

Оглядев себя, он отметил, что одет в голубую футболку и красные шорты, а к левой руке привязана кожаная ловушка. В правой он держал четырехфутовой длины даениум, тяжелый и привычно успокаивающий. Как того требовали правила, его локти и колени прикрывали защитные налокотники и наколенники, а на голове красовалась желтая оперенная шапочка. Ее, правда, правила не оговаривали, но и не запрещали.

Все было очень знакомо. Но вот что это значило?

Он пощупал шнуровку ловушки, убедился, что даениум свободно скользит по бронзовой оси; коснувшись запястья, ощутил привычную мягкость обращенного шершавой кожей внутрь на-

пульсника и сказал себе, что все в полном порядке. Вместе с тем его не покидало тревожное чувство, будто он прежде никогда не выходил на арену, ни разу не слышал о даениуме и даже не знал названия игры, в которую должен играть. Резко тряхнув головой, он сделал три плавных скользящих шага, проверяя ход роликовых коньков, развернулся и объехал свой сектор игровой площадки.

Теперь он слышал гул толпы. Перед началом партии зрители всегда вели себя беспокойно и отнюдь не дружелюбно. Всему виной, конечно, коньки. Ведь роликовые коньки — экипировка не традиционная, и зрители не хотели прощать их ему. Неужели они не понимают, что на коньках вести матч куда труднее, чем без них? Попробуйте-ка отбить мяч при приеме низкой подачи, если коньки делают задний откат. Неужели им не известно, что преимущество в скорости нивелируется повышенной требовательностью правил? Видимо, они считают, что он способен выиграть и без всяких коньков.

Он вытер лоб и оглядел оживленные трибуны. Трое судей уже заняли свои места; их лица скрывали украшенные перьями маски с прорезями для глаз.

Девушка с завязанными глазами опустила руку в высокую плетеную корзину, выбрала мяч и вбросила его в игру.

Первый удар был за ним, поэтому он взвесил в руке мяч в виде сплюснутого сфероида — очень сложный мяч для подачи, но еще более трудный для приема. Его соперник стоял на противоположном конце площадки, согнув ноги в коленях и немного наклонившись вперед. Потом он подбросил мяч в воздух и не долго думая закрутил его даениумом. Толпа замерла, наблюдая за вращающимся всего в трех футах от земли мячом. Он отрегулировал наклон ловушки, но, выполнив эту обычную процедуру, вдруг с отчаянием понял, что сегодня не его победный день. Ни день, ни неделя, ни год, ни даже, возможно, десятилетие.

Однако он собрался, позволил даениуму соскользнуть к концу стержня и сделал подачу. Мяч отлетел, словно подбитая птица, а зрители разразились одобрительным смехом. Все-таки это был хитроумный и хороший удар — буквально перед сеткой мяч будто ожил (лично им изобретенная подача!), взмыв свечой вверх, перелетел через сетку и задел его противника, который играл без коньков.

Услышав рев зрителей, он обернулся и понял, что соперник каким-то чудом ухитрился принять подачу. Он видел, как мяч, нехотя вращаясь в обратную сторону, летит назад. Дрянной отбой подачи, такой ничего не стоит отразить и вывести противника из занимаемой позиции, выиграв тем самым психологическое

очко. Однако он предпочел пропустить мяч, и теперь противник, по-видимому, имел преимущество.

Послышались свистки и неодобрительные выкрики, но он проигнорировал их. Сегодня было чертовски жарко, почему-то болели ноги, и он чувствовал себя утомленным. И вот уже не в первый раз появилось ощущение, что состязание потеряло смысл. И вообще — смешно даже думать о нем. Надо же, взрослый мужчина, а так серьезно относится к игре! Ведь жизнь куда больше, чем эта игра. Жизнь — это любовь, дети, закаты, вкусная еда. Почему же состязание должно сокращать ее?

В игру ввели другой мяч — большой, бесформенный и мягкий; слишком легкий для него, таким мячом он играть не любил. Он не мог придумать, как с ним обращаться, а потому просто забраковал его, поскольку имел такое право. От раздражения забраковал и следующие два, хотя последний явно ему годился. Пока мячи по очереди уносили, он сделал на коньках полный разворот на месте и плавно проехался вдоль трибун. Игра еще даже толком не началась, а его правое плечо уже разболелось, и ужасно хотелось пить.

Прикрывая глаза от солнца ловушкой, он выпил стакан воды и подъехал к мальчику-ассистенту за другим стаканом. Он не знал, наблюдали ли за ним судьи, но, по-видимому, все-таки наблюдали, ведь он затягивал партию. Ну и пусть, ему нужно время, чтобы обдумать стратегию и составить точный план игры. Не наметки, не схему матча (несмотря на советы некоторых знаменитых профессионалов), а точную генеральную стратегию, легко приспосабливаемую к партии, основанную на базовых принципах и заключающую в себе всю необходимую и полезную информацию. Конечно, он может обойтись и без всякого плана. Как всякий профессионал, он может играть и по плану, и без него; он способен играть в пьяном виде, больным или полумертвым. Он может не выиграть, но играть способен всегда. На то он и профессионал.

Он обернулся, чтобы изучить арену — ненавистные размеченные секторы, черную запретную зону, красные и голубые полосы, на которые не разрешено наступать. И вдруг обнаружил, что не может вспомнить ни правил игры, ни системы подсчета очков; он не знал, что делать можно, а что нет. И в панике почувствовал себя сбитым с толку человеком, затянутым в резиновый костюм, неустойчиво стоящим на коньках перед враждебно настроенной толпой и играющим в игру, о существовании которой не подозревал.

Выпив второй стакан воды до дна, он выкатился на площадку. Во рту уже ощущался противный кислый привкус, а пот зали-

вал глаза. Он сделал широкий шаг, и даениум запутался в ногах словно подбитая птица.

И снова был вброшен мяч, на этот раз в виде какой-то *лепешки*, мяч-уродец, невозможный мяч даже для него, признанного мастера невозможных мячей. Таким-то и до сетки не кинешь, а уж чтобы перебросить через нее — и подавно...

Если он сумеет перебросить мяч через сетку...

Но ему это ни за что не сделать.

Тогда он неуверенно принялся себя убеждать, что не победа важна, а участие. Взвесив на руке мяч, он принял позу для подачи... и бросил мяч на песок.

Толпа безмолвствовала.

— Теперь слушайте, — сказал он так громко, что его услышали на самых верхних, залитых солнцем трибунах. — Я заблаговременно предупреждал устроителей, что настаиваю на установке солнцеограждающего козырька. Заметьте, его так и нет. Не зная, что его не будет, я не надел солнцезащитных очков. Поскольку налицо явное нарушение условий договора, то, леди и джентльмены, к сожалению, игра сегодня не состоится.

Он стянул с головы украшенную перьями шапочку и поклонился публике. Несмотря на отдельные возгласы недовольства и несколько свистков, все восприняли это нормально и стали расходиться, не выражая протеста. К этому привыкли. И хоть он появлялся на корте почти ежедневно, не важно, шел ли дождь или светило солнце, в действительности же едва ли доводил до конца более десятка матчей за год. Он и сейчас не собирался этого делать. Слишком много прецедентов: в таблицах результатов матчей, печатающихся почти в любой газете, можно найти изрядное количество прочерков. Даже в первых исторических упоминаниях об игре, выбитых на камне, даже там можно видеть, что легендарные соперники античности имели весьма нерегулярные протоколы посещаемости.

Правда, ему это не очень-то нравилось.

Судьи встали с мест, и он поклонился им, однако те сделали вид, будто не заметили его приветствия.

Тогда он вернулся к разграничительной линии площадки и выпил еще один стакан воды. Его соперник уже ушел, и он снова выехал на площадку, чтобы потренироваться в ударах о стену. Он спокойно и уверенно разъезжал по покрытому эмалью кафелю, восстанавливая удары и не переставая изумляться собственному мастерству. Теперь он снова в форме, и ему было жаль, что это уже не считается. Но как там говорится? «Легко выполнить любой удар, за исключением приносящего успех».

К концу дня песок был испещрен следами капель его пота и крови. Однако что бы он ни делал, уже не засчитывалось, а потому он просто игнорировал отдельные аплодисменты. Он знал, что тренируется ради сохранения собственного уважения и веры в то, что мог бы выиграть и эту последнюю игру.

Наконец он устал и нырнул в раздевалку и, переодевшись, вышел на улицу.

К его немалому удивлению, уже стемнело. Уже темно? Чем же он целый день занимался? Ему почему-то казалось, что он был участником какого-то невероятного судьбоносного состязания.

Он отправился домой и хотел было обо всем рассказать жене, но не мог придумать, как это сделать, а потому просто промолчал и на вопрос жены, как шли на работе дела, лишь ответил «нормально», но они оба поняли, что нормальными дела не были, по крайней мере, не в этот раз, не сегодня.

ПАЛЬБА В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК

Встреча произошла в баре клуба «Beaux Arts»[1] в Кемдене, что в Нью-Джерси. Это было как раз одно из тех чопорных заведений, которых Бакстер, как правило, старательно избегал — абажуры из тиффани[2], стойка темного полированного дерева, приглушенное освещение. Возможный клиент Бакстера — мистер Арнольд Конаби — уже дожидался его, сидя за столиком в отдельной кабинке. Выглядел Конаби хлипким, лицо имел добродушное, и Бакстер приложил усилия, чтоб его рукопожатие не отличалось особой крепостью. С трудом втиснув свое мощное тело в обитую красной кожей кабинку, Бакстер заказал мартини с водкой, самое сухое, ибо, по его мнению, именно такая выпивка должна была соответствовать подобным заведениям. Однако Конаби тут же обошел его на голову, заказав себе чистую «жемчужинку».

Эта работенка была у Бакстера чуть ли не первой за весь месяц, и он настроился на то, чтобы ни в коем случае не проворонить ее. Его дыхание благоухало, а тяжелые челюсти были щедро припудрены тальком. Костюм из пестрого твида был только что отутюжен и отлично скрывал толстое брюхо своего владельца, а черные полицейские ботинки прямо-таки сверкали. Отлично смотришься, детка. Однако он забыл почистить ногти, и теперь, увидев под ними черноту, Бакстер очень хотел бы спрятать руки под стол, что, правда, помешало бы ему курить. К счастью, Конаби ногти Бакстера мало интересовали. У Конаби была проблема,

[1] «Изящные искусства» (*фр.*). (*Здесь и далее прим. пер.*)

[2] Тиффани — материя, шелковый газ.

из-за которой он и устроил эту встречу с частным детективом, который в Справочнике именовал себя сыскным агентством «Акме».

— Кто-то меня обкрадывает, — говорил между тем Конаби. — Но я не знаю, кто именно.

— Ознакомьте меня с деталями, пожалуйста, — отозвался Бакстер. Голос был его лучшим достоинством — глубокий мужественный тягучий голос, как раз такой, какой должен быть у частного сыщика.

— Мой магазин находится в торговой зоне Южного Кемдена, — сказал Конаби. — «Игрушки Конаби для детей любых возрастов». Мы даже начали приобретать международную известность.

— Точно, — ответил Бакстер, до сих пор и слыхом не слыхавший о заведении Конаби.

— Все неприятности начались недели две назад, — продолжал Конаби. — Я тогда только что закончил экспериментальный экземпляр куклы — самой лучшей куклы такого сорта в мире. В этом экземпляре используются новая система световолоконных цепей и синтетическая белковая память, в тысячу раз превышающая по объему память прежних моделей. В первую же ночь после того, как ее выставили в витрине, куклу украли. Одновременно исчезли и кое-какие инструменты, а также некоторое количество драгоценных металлов. И с тех пор что-нибудь крадут почти каждую ночь.

— Следов взлома нет?

— С замками никто не баловался. И вор, по-видимому, отлично знает, где лежат вещи, которые стоит украсть.

Бакстер покряхтел, а Конаби сказал:

— Похоже, что ворует кто-то из своих. Но я в это не могу поверить. У меня всего четверо служащих, и только один из них работает у меня шесть лет. Остальные — больше. Я привык верить им безоговорочно.

— Тогда, похоже, вы сами сперли барахлишко, — отозвался Бакстер, подмигнув. — Ведь кто-то должен был его увести, верно?

Конаби оскорбленно выпрямился, поглядел на Бакстера с удивлением, а затем рассмеялся.

— Очень хотел бы, чтоб так оно и было, — сказал он. — Мои служащие — мои друзья.

— Черта с два, — буркнул Бакстер. — Любой из нас с радостью урвет кусок у своего босса, особенно ежели безнаказанно.

Конаби опять бросил на него удивленный взгляд, и Бакстер понял, что сказал нечто столь неджентльменское, что его семьдесят пять баксов могут за здорово живешь улетучиться. Он заставил себя поостыть и произнести глубоким компетентным, не терпящим шуток голосом:

— Я мог бы сегодня провести ночь в вашем магазине, мистер Конаби. Вам следует избавиться от этих неприятностей раз и навсегда.

— Да, — ответил Конаби. — Это действительно неприятности. И дело тут вовсе не в денежных потерях, а... — Он оставил фразу неоконченной. — Как раз сегодня мы получили из Германии партию золотой филиграни на сумму 800 долларов. Запасной ключ я захватил с собой.

Бакстер сел в автобус в центре и доехал до площади Суда. У него еще оставалось около трех часов до того, как он сядет в засаду в магазине Конаби. Его так и подмывало потребовать задаток, но, подумав, он решил с этим не связываться. Жадность никогда не окупается, а эта работа могла стать началом нового этапа в его карьере. На улице он увидел Долговязого Джонса, подпирающего фонарь напротив фонтана и «Клинтона». Долговязый был высокий тощий негр, носивший белый полотняный костюм в обтяжку, белые мокасины, а на голове рыжевато-коричневый стетсон.

— Привет, детка.

— И тебе того же, — кисло отозвался Бакстер.

— Хлебушка моему боссу притаранил?

— Я ж сказал Динни, что в понедельник.

— А он велел напомнить тебе — уж очень ему неохота, чтоб ты запамятовал.

— Сказано в понедельник, — буркнул Бакстер и пошел своей дорогой.

Речь шла о жалкой сотне баксов, которую он задолжал Динни Уэллсу — боссу Долговязого. Бакстеру претило то, что об этом ему нахально напоминают, да еще с помощью этого наглого подонка в костюме цвета сливочного мороженого. Впрочем, изменить ситуацию он сейчас все равно не мог.

В винном магазине Клинтона, где цены были снижены, Бакстер спросил бутылку хэйговского Забористого, чтоб отметить новую работу, но у приказчика Терри Тернера хватило нахальства заявить:

— Хм... Чарли, боюсь, я себе такого больше не могу позволить.

— Какого черта ты тут болтаешь? — грозно спросил Бакстер.

— Дело не во мне, — сказал Терри. — Ты же знаешь, я тут только работаю. Это все мадам Чедник. Она не велела отпускать тебе в кредит.

— Ладно, возьми из этого, — сказал Бакстер, протягивая последнюю двадцатку.

Тернер пробил чек, а потом промямлил:

— Но твой счет...

— А это я уж улажу с самой мадам Чедник, ты только не забудь передать ей об этом.

— Что ж, ладно, Чарли, — Тернер отдал ему сдачу, — но у тебя будут большие неприятности.

Они поглядели друг на друга. Бакстер знал, что Тернер — совладелец «Клинтона» и что он и мадам Чедник вместе решили отказать ему в кредите. И Тернер прекрасно знал, что Бакстеру это известно. Подонок!

Следующей остановкой были меблирашки на Ривер-роуд Экстешн, которые он называл своим домом. Бакстер поднялся по лестнице и оказался в сумрачной тоске своей гостиной. Маленький черно-белый телевизор слабо светился в углу. Бетси была в спальне, где упаковывала чемодан. Глаз у нее здорово заплыл.

— Разрешите узнать, куда это вы намылились? — мрачно спросил Бакстер.

— Буду жить у своего брата.

— Забудь, — распорядился Бакстер. — У нас с тобой просто вышел спор.

Она продолжала укладываться.

— Останешься тут! — приказал Бакстер. Он отпихнул Бетси и тщательно обыскал чемодан. Там он обнаружил свои ониксовые запонки, заколку для галстука с золотым самородком, несколько облигаций серии Е, и будь он проклят, если она не сперла его «смит и вессон» 38-го калибра.

— А вот сейчас ты получишь то, что тебе причитается, — сказал он Бетси.

Она бесстрашно встретила его взгляд.

— Чарли, я тебя предупреждаю, чтоб ты ко мне и пальцем притронуться не смел, если не хочешь больших неприятностей.

Бакстер шагнул к ней — огромный и внушительный в своем отглаженном костюме. И вдруг неожиданно вспомнил, что ее братец Эймос работает в офисе окружного прокурора. А что, если Бетси накапает на него братцу? Рисковать, выясняя, что тогда произойдет, Бакстер не мог, хотя она и опостылела ему до чертиков.

И как раз в эту минуту звонок прозвонил три раза — так звонил Мак-Горти, а он и Бакстер поставили по десять баксов на сегодняшний номер. Бакстер открыл дверь, но там оказался вовсе не Мак-Горти, а крошечная китаянка, раздававшая какие-то религиозные буклеты. Она не пожелала заткнуться и убраться подальше, даже когда Бакстер вежливо попросил ее это сделать. Просто вцепилась в него, и Бакстера вдруг охватило страстное

желание спустить ее с лестницы вместе с сумкой этих дурацких трактатов.

В это-то мгновение Бетси и просочилась мимо него. За эти считанные секунды она умудрилась уложить чемодан и проскочить мимо Бакстера с такой быстротой, что Бакстер просто не успел опомниться. Наконец он с трудом разделался с китайской леди и налил себе стакан виски. Затем вспомнил про облигации, огляделся, но эта чертовка Бетси вымела все подчистую, включая заколку для галстука с самородком. «Смит и вессон» валялся на кровати, прикрытый складкой одеяла; Бакстер сунул его в карман и налил себе еще виски.

У Шемрока Бакстер поел «особых колбасок», а в «Белой розе» выпил пива, добавив к нему стопку виски, после чего направился в торговую зону Южного Кемдена, попав туда почти к самому закрытию.

Сидя в закусочной, где он заказал чашку кофе, Бакстер наблюдал, как ровно в 7.30 Конаби и его служащие покинули магазин. Спустя полчаса он тихонько открыл магазинную дверь и вошел внутрь.

Внутри было темно, и Бакстеру пришлось постоять некоторое время, привыкая к помещению. Он слышал, как вокруг на разные голоса тикает множество часовых механизмов; как раздался высокий звук, напомнивший ему стрекотание сверчка, а потом еще какие-то шумы, определить которые Бакстер не смог. Он долго прислушивался, затем вынул фонарик и стал осматриваться. Фонарик высветил удивительные вещи: модель биплана «Спад» с десятифутовым размахом крыльев, свисавшую с потолка с таким наклоном, будто она пикирует; огромного пластмассового жука — прямо под ногами; модель танка «Центурион» длиной футов в пять. Бакстер стоял во тьме среди неподвижных игрушек, за которыми виднелись контуры больших кукол, мишек и собачек, а в сторонке — молчаливые джунгли, сделанные из какого-то тонкого блестящего металла.

Странное было местечко, но Бакстера так легко не запугаешь. Он неплохо подготовился к долгой ночной засаде. Нашел груду подушек, разложил их на полу, отыскал пепельницу, снял пальто и улегся. Затем сел, достал из одного кармана изрядно помятый бутерброд в целлофане, а из другого — банку пива. Закурил сигарету, лег на спину и продолжал жевать, пить и курить на фоне звуков, слишком тихих, чтоб их можно было определить. Какие-то часы пробили время, к ним присоединились другие, и так продолжалось довольно долго.

Внезапно Бакстер сел. Он понял, что задремал. Впрочем, казалось, что ничто не изменилось. Дверь никто не открывал, мимо него никто не проходил, а вот света явно прибавилось.

Где-то неярко вспыхнул прожектор, и тихо-тихо, будто из непомерной дали, донеслись призрачные звуки органной музыки. Бакстер помассировал нос и встал. За левым плечом что-то шевельнулось, он направил туда луч своего фонарика. Там стояла кукла в человеческий рост, изображающая Длинного Джона Силвера. Бакстер нервно хихикнул.

Загорелись новые лампы, а прожектор осветил группу из трех больших кукол, сидевших за столом в углу комнаты. Кукла-папа курил трубку, выпуская клубы настоящего дыма, кукла-мама вязала шаль, а кукла-дитя ползало по полу и гукало.

Затем перед Бакстером появилась компания танцующих кукол. Там были пляшущие башмачники, крошечные балерины и миниатюрный лев, который ревел и встряхивал гривой. Ожили металлические джунгли, большие механические орхидеи раскрывали и сжимали свои лепестки. Была там и белка, мигающая золотистыми глазами: она грызла серебряные орехи и глотала их. Органная музыка становилась все громче и прекрасней. Белые пушистые голуби сели на плечи Бакстера, а ясноглазый олененок лизнул ему руку. Кругом танцевали игрушки, и внезапно Бакстер на мгновение почувствовал себя в своем дивном, давно потерянном детстве.

И тут послышался женский смех.

— Кто здесь? — крикнул он.

Освещенная прожекторами, она выступила вперед. Это была Дороти из страны Оз, это была Белоснежка, это была Гретель, это была Елена Прекрасная, это была Рапунцель[1]. Изящнейшая фигурка, рост почти пять футов, личико эльфа обрамляют шелковистые светлые волосы. Легкость и изящество фигуры нисколько не портил красивый белый переключатель, укрепленный на талии с помощью этой ленты.

— Ты — пропавшая кукла! — вскрикнул Бакстер.

— Значит, вы слышали обо мне? — ответила она. — Мне хотелось бы иметь чуточку больше времени, чтобы включить и другие игрушки. Впрочем, это не так уж и важно.

Бакстер не мог отвечать — так и застыл с открытым ртом. А она между тем продолжала:

— В ночь, когда Конаби собрал меня, я обнаружила, что наделена даром жизни. Я была чем-то гораздо большим, чем простой автомат, — я жила, думала, желала. Но я была еще не полностью завершена. Тогда я спряталась в вентиляционной шахте и стала красть материалы, которые сделали меня такой, какой вы меня видите. А еще я создала вот эту волшебную страну — для моего творца. Как вы думаете, он будет мной гордиться?

[1] Дороти из страны Оз, Белоснежка, Гретель, Рапунцель — персонажи сказок Ф. Баума, Шарля Перро и братьев Гримм.

— Как ты прекрасна, — наконец выдавил из себя Бакстер.

— Вы думаете, я понравлюсь мистеру Конаби?

— Забудь о Конаби! — рявкнул Бакстер.

— Что вы хотите этим сказать?

— Это чистое безумие, — бормотал Бакстер, — но я не могу жить без тебя. Давай смоемся отсюда и что-нибудь придумаем. Я сделаю тебя счастливой, детка, клянусь, сделаю!

— Никогда! — ответила она. — Конаби создал меня, и я принадлежу только ему.

— Ты пойдешь со мной! — стоял на своем Бакстер.

Он схватил ее за руку, но кукла стала вырываться. Бакстер дернул ее к себе, и рука оторвалась и осталась у него в кулаке. Разинув рот, он таращился на оторванную руку, а потом отшвырнул ее прочь.

— Будь ты проклята! — заорал он. — Иди сюда!

Кукла бросилась прочь. Бакстер выхватил свой «смит и вессон» и кинулся за ней. Органная музыка завывала как безумная, огни мигали. Он увидел куклу, прячущуюся за стенкой из огромных кубиков с буквами алфавита. Рванулся к ней. И тут игрушки атаковали его со всех сторон.

Пришел в движение танк. Он двинулся вперед тяжело и медленно. Бакстер всадил в него две пули, отшвырнул танк к стене. Затем увидел, что «Спад» атакует сверху, и влепил в него заряд, размазавший того по стенке как огромную бабочку. Взвод маленьких механических солдатиков дал по бакстеру залп пробковыми пулями, но тот расшвырял солдат ударом ноги. Длинный Джон Силвер сделал выпад, его тесак ткнулся в грудь Бакстеру, но тесак был резиновый, и Бакстер отпихнул пирата. Затем он загнал куклу в угол, где она пыталась схорониться за спины Панча и Джуди[1].

Кукла прошептала:

— Пожалуйста, не делайте мне больно...

— Иди со мной! — орал Бакстер.

Она отрицательно качнула головой и попыталась ускользнуть. Он схватил ее, когда она пробегала мимо, схватил прямо за золотые волосы. Кукла упала, и он услышал треск, когда ее голова описала полный немыслимый круг, так что тело куклы повер-

[1] Панч и Джуди — персонажи народного театра кукол, вроде русских Петрушки и его жены.

нулось к Бакстеру спиной, тогда как голубые прекрасные глаза продолжали не отрываясь смотреть на него.

— Никогда... — прошептала она.

В судороге злобы и отвращения Бакстер рванул голову к себе. Она осталась у него в руках. В обрывке шеи виднелись кусочки стекла, поблескивающие на серой матрице.

Куклы — папа, мама и дитя — замерли на середине незаконченных движений. Рухнул на пол Джон Силвер. Глаза разбитой куклы трижды мигнули. Затем она умерла.

Игрушки остановились. Умолкла органная музыка, погасли прожектора, последний цветок в джунглях с железным лязгом упал на пол. Во тьме толстый рыдающий мужчина рухнул на колени возле изуродованной куклы, думая о том, что же он скажет мистеру Конаби сегодня утром.

ПА-ДЕ-ТРУА ШЕФ-ПОВАРА, ОФИЦИАНТА И КЛИЕНТА

Повар

События, о которых я хочу вам рассказать, произошли несколько лет назад, когда я открыл лучший на Балеарских островах индонезийский ресторан.

Я открыл ресторан в Санта-Эулалии-дель-Рио — небольшом городке на острове Ивиса. В то время в главном городе острова уже был индонезийский ресторан, и еще один — в Пальме. Но все в один голос твердили, что мой, безусловно, лучший.

Несмотря на это, нельзя сказать, что дела шли блестяще.

Санта-Эулалия — крохотное местечко, сюда приезжают отдыхать писатели и художники. Это люди весьма бедные, но они вполне могли позволить себе рийстафель. Так почему бы им не бывать у меня чаще? Уж явно не из-за конкуренции ресторана Хуанито или той забегаловки, что в Са-Пунте. Отдавая должное омарам в майонезе у Хуанито и паэлье в Са-Пунте, хочу тем не менее отметить, что эти блюда в подметки не годились моим самбала, соте из курицы и особенно свинине в соевом соусе.

Думаю, что причиной всему — эмоциональность и темперамент людей искусства, которым необходимо время, чтобы привыкнуть к новому. В частности, к новому ресторану.

Я сам такой. Вот уже много лет пытаюсь стать художником. Именно поэтому, между прочим, я открыл ресторан в Санта-Эулалии.

Арендная плата была невысока, готовил я сам, а подавал клиентам один местный паренек, он же менял пластинки на проигрывателе и мыл посуду. Платил я ему мало, но лишь потому, что больше не мог. Это был чудо-парень: работящий, всегда опрятный и бодрый. Если ему хоть немного повезет, он непременно станет губернатором Балеарских островов.

Итак, у меня был ресторан «Зеленый фонарик», был официант, а вскоре появился и постоянный клиент.

Я так и не узнал его имени. Американец — высокий, худой, молчаливый, с черными как смоль волосами, лет тридцати или сорока. Он приходил каждый вечер ровно в девять, заказывал рийстафель, ел, платил, оставлял десять процентов чаевых и уходил.

Признаюсь, что насчет постоянного клиента я слегка преувеличил, так как по воскресеньям он ел паэлью в Са-Пунте, а по вторникам — омаров в майонезе у Хуанито. Но почему бы и нет? Я сам иногда обедал у них. Остальные пять вечеров сидел у меня, чаще всего в одиночестве, редко — с женщиной, порой — с другом.

Честно говоря, я мог бы прожить в Санта-Эулалии, имея одного этого клиента. Не на очень широкую ногу, но мог. Тогда все было очень дешево.

Разумеется, оказавшись в такой ситуации, когда более или менее зависишь от одного посетителя, начинаешь относиться к нему с особым вниманием.

Я жаждал угодить ему и стал изучать его вкусы и пристрастия. Постоянному клиенту я подавал особый рийстафель — на тринадцати тарелках. Стоило это триста песет — по тем временам около пяти долларов. Рийстафель — значит «рисовый стол». Это голландский вариант индонезийской кухни. На центральное блюдо выкладывается рис и поливается саджором — овощным соусом. Затем вокруг сервируются такие блюда, как говядина-кэрри, «сате-баби» — свинина в ореховом соусе, жаренная на вертеле, и «самбал-уданг» — печенка в соусе «чили». Все это дорогие яства, потому что в основе их — мясо. Кроме того, подаются самбал с говядиной, «перкадель» — яйца с мясной подливкой и различные овощные и фруктовые блюда. Ну и, наконец, арахис, креветки, кокосовый орех, жареный картофель и тому подобное.

Все подается в маленьких овальных мисочках и производит впечатление целого вагона еды.

Мой клиент обычно ел с хорошим аппетитом и приканчивал восемь или десять блюд плюс половину риса — отличный результат для любого лица неголландского происхождения.

Увы, меня это уже не удовлетворяло. Я заметил, что клиент никогда не ест печенку, поэтому «самбал-уданг» пришлось заменить на «самбал-ати» — тот же самбал, только с креветками. Кре-

ветки клиент поглощал с особым удовольствием, особенно когда я не жалел его любимой ореховой подливки.

Спустя некоторое время он стал прибавлять в весе.

Это воодушевило меня. Я удвоил порции картофельных палочек и мясных шариков. Американец стал есть как истинный голландец. Он быстро полнел.

Через два месяца в нем было фунтов десять или двадцать лишнего веса. Меня это не беспокоило, я стремился превратить клиента в раба моей кухни. Я купил глубокие миски и подавал теперь удвоенные порции. Я заменил «сате-баби» на «баба-траси» — свинину в креветочном соусе, так как к арахисовой подливке клиент теперь не притрагивался.

На третий месяц он перешел границу тучности — в основном из-за риса и острого соуса. А я стоял у плиты, как органист за пультом органа, и играл на его вкусовых сосочках. Он склонял над мисками свое круглое и блестящее от пота лицо, а Пабло крутился рядом, меняя блюда и пластинки на проигрывателе.

Да, теперь стало ясно: этот человек полюбил мою кухню. Его ахиллесова пята находилась в желудке, если так можно выразиться. Этот американец до встречи со мной прожил тридцать или сорок лет на белом свете и остался худым. Но откуда берется худоба? Я думаю, причина — в отсутствии еды, отвечающей вкусу данного индивидуума.

Я выработал теорию, согласно которой большинство худых людей — потенциальные толстяки, просто не нашедшие своей потенциальной пищи. Я знавал одного тощего немца, который прибавил в весе, когда вел монтаж оборудования в Мадрасе и столкнулся с совершенно новыми для себя юго-восточными яствами. И еще одного прожорливого мексиканца-гитариста, игравшего в лондонском клубе: он утверждал, что полнеет только в своем родном городе — Морелии; причем во всей центральной Мексике любая другая пища на него вовсе не действовала, а вот в Оахаке, как бы ни были превосходны блюда, он неизменно худел. И знал англичанина, который большую часть жизни провел в Китае. Так вот, он заверял меня, что не может жить без сычуаньской пищи, что кантонская или шанхайская кухни его совершенно не удовлетворяют и что различия между кухнями в разных провинциях Китая гораздо больше, чем в Европе. Этот мой знакомый жил в Ницце, вкушал провансальские блюда, разнообразя их красным соевым творогом, соусом «амой» и бог весть еще чем. И жаловался мне, что у него собачья жизнь!

Как видите, поведение моего американца вполне объяснимо. Он, совершенно очевидно, относился к числу людей, не нашедших своей пищи. И теперь, поедая рийстафель, наверстывал упущенное за тридцать или сорок предыдущих лет.

Истинный повар должен чувствовать ответственность за своего клиента. В конце концов повар — тот же кукловод: он манипулирует клиентами, как марионетками, играя на их вкусовых пристрастиях.

Но я-то не истинный повар, я простой итальянец с необъяснимым пристрастием к рийстафелю. Самое горячее мое желание — стать художником.

Я продолжал пичкать клиента рисом. Теперь мне казалось, что этот человек полностью в моей власти. Бывало, ночами я просыпался в холодном поту, мне снилось, что он поднимает расплывшееся лунообразное лицо и говорит: «Вашему «самбал-уданг» не хватает пикантности. Дурак я был, что ел у вас! Наши отношения кончены».

И я безрассудно увеличивал порции, заменил вареный рис на жаренный в масле с шафраном и добавил цыпленка в соусе «чили» с арахисом.

Мне казалось, что мы оба — я у плиты, а он за столом — пребывали в каком-то бредовом состоянии. Он чудовищно раздался — этакая колбаса, а не человек, — каждый лишний фунт его веса служил доказательством моей власти.

А затем внезапно наступил конец.

Я как раз приготовил деликатес — «самбал-ати» — чистое безумие с моей стороны, если учесть вздувшиеся цены.

Но американец не пришел, хотя я задержал закрытие на два часа.

И на следующий вечер не пришел.

На третий — тоже.

На четвертый день он вошел, неуклюже переваливаясь, и сел за столик.

Ни разу за все время я не заговаривал со своим клиентом. Но в тот вечер я осмелился подойти, слегка поклонился и вежливо сказал:

— Вы пропустили несколько вечеров, майн херц.

— Да, к сожалению, я не мог прийти, — ответил он.

— Надеюсь, ничего страшного?

— Нет, просто легкий сердечный приступ. Но доктор советовал отлежаться.

Я поклонился. Пабло ждал от меня указаний. Американец заправил за воротник гигантскую красную салфетку, купленную специально для него.

Только сейчас я наконец осознал, о чем должен был давно задуматься: я убиваю этого человека!

Я взглянул на горшки с мясом, на блюда с гарнирами, на горы риса и острых приправ. Это были орудия медленной смерти.

И я закричал:

— Ресторан закрыт!

— Но почему? — изумился клиент.

— Мясо подгорело, — ответил я.

— Тогда подайте мне рийстафель без мяса, — сказал он.

— Это невозможно, — возразил я. — Рийстафель без мяса — не рийстафель.

В глазах клиента появилась тревога.

— Ну так приготовьте омлет — и положите побольше масла. — Я не готовлю омлеты.

— Тогда свиную котлету — и пожирнее. Или, на худой конец, просто горшочек жареного риса.

— Майн херц, кажется, не понимает, — сказал я. — Я подаю исключительно рийстафель и делаю его по всем правилам — или вообще ничего не готовлю.

— Но я голоден! — воскликнул клиент плаксивым голосом.

— Можете полакомиться омарами в майонезе у Хуанито или паэльей в Са-Пунте. Вам не привыкать, — добавил я, не в силах удержаться от сарказма.

— Я не хочу! — закричал он, едва не рыдая. — Я прошу рийстафель!

— Тогда езжайте в Амстердам! — заорал я, сбросил горшки на пол и выбежал из ресторана.

Я сложил вещи и незамедлительно уехал на Ивису, в самый раз успел на ночной теплоход в Барселону, а оттуда вылетел в Рим.

Согласен, я был груб с клиентом. Но — в силу необходимости. Надо было сразу пресечь его прожорливость. И мою собственную беспечность.

Мои дальнейшие странствия не имеют отношения к этой истории. Добавлю лишь, что на греческом острове Кос я держу лучший ресторан. Я составляю рийстафель с математической точностью и ни грамма не прибавляю даже постоянным клиентам. Никакие сокровища меня не заставят увеличить порцию или дать добавку.

Я часто думаю: что стало с тем американцем и Пабло, плату которому я выслал из Рима?

Я все еще пытаюсь стать художником.

Официант

Эти события произошли несколько лет назад, когда я работал официантом в индонезийском ресторанчике в Санта-Эулалии-дель-Рио на Ивисе, одном из Балеарских островов.

Я был еще мальчишкой, мне не исполнилось и восемнадцати. На Ивису я попал в составе команды французской яхты. Капитана уличили в контрабанде, судно конфисковали. Так я ос-

тался на Ивисе и переехал в Санта-Эулалию. Сам я родом с Мальты и обладаю природными способностями к языкам. Жители местечка считали, что я из Андалузии, а иностранная колония принимала за местного.

Поначалу я вовсе не собирался долго задерживаться в ресторане голландца. Слишком уж мизерное жалованье он платил.

Но вдруг я обратил внимание на его пластинки.

У голландца оказалось прекрасное собрание джазовой музыки.

В ресторане был неплохой проигрыватель, усилитель и колонки, по тем временам — превосходная техника.

Голландец совершенно не разбирался в музыке, даже вовсе не обращал на нее внимания, полагая джаз некоей обеденной атрибутикой — вроде свечей в серебряных подсвечниках.

Но я, Антонио Варга (он звал меня Пабло), страстно любил музыку. Еще в детстве я научился играть на трубе, гитаре и пианино. Чего мне не хватало — так это глубокого и тонкого знания джазовых форм.

Я пошел в услужение к голландцу, чтобы получить возможность постоянно слушать пластинки, изучать американские идиомы и готовить себя к жизни музыканта. Он мог бы мне совсем ничего не платить — хватило бы одного Луи Армстронга.

Я привел пластинки в порядок, расставил их по системе, заставил хозяина заказать в Барселоне головку с алмазной иглой, переместил колонки, чтобы избежать искажений, и сам составил несколько отличных джазовых программ.

Чаще всего я начинал с «Мрачного настроения» в исполнении оркестра Дюка Эллингтона, затем переходил к Стену Кентону и, чтобы разрядить обстановку, заканчивал «Прощальным блюзом» Эллы Фицджералд.

Скоро я обратил внимание, что вся аудитория состоит из одного-единственного человека, не считая меня и голландца.

Да, у меня появился слушатель — высокий, худой, молчаливый британец, явный поклонник джаза.

Я заметил, что он ест в соответствии с музыкой — медленно и меланхолично, если я ставил «Не надо грустить», отрывисто и быстро, когда звучал «Караван».

Более того, в зависимости от выбираемой мной музыки явно менялось его настроение. Эллингтон и Кентон возбуждали его: он жевал яростно, отбивая левой рукой такт. Чарли Барнет действовал расслабляюще, я бы даже сказал, угнетающе — каким бы ни был темп вещи, британец ел медленно, поджав губы и нахмурив брови.

Если вы фанатичный меломан и, так же как я, истинный музыкант в душе, вы поймете завладевшее мною стремление пленить единственного слушателя.

Сперва я прошелся по Эллингтону и Кентону, потому что все еще был уверен в себе. Мне так и не удалось приучить британца к монументальным фантазиям Чарли Паркера, а Барнет просто действовал ему на нервы. Но я привил ему любовь к Луи Армстронгу, Элле Фицджералд, Эрлу Хейнсу и «Современному джаз-квартету». Я совершенно точно определил музыкальный вкус британца и составлял программу на вечер специально для него.

Британец был самозабвенным слушателем. Но за музыку, увы, ему приходилось расплачиваться: изо дня в день он вынужден был давиться рийстафелем голландца — жуткой мешаниной из тушеного по-всякому мяса, чрезмерно острого и однообразно политого соусом «чили». Отвертеться было невозможно: голландец не любил, чтобы люди торчали в ресторане, не сделав заказ. Стоило вам войти — и он тут же совал меню, а как только вы доедали последнее блюдо — выкладывал на стол счет. Может быть, подобное обслуживание принято в Амстердаме, но в Испании такого не приемлют. Иностранной колонии в Санта-Эулалии, проникнутой испанским духом больше, чем сами испанцы, это не нравилось. Таким образом, из-за своей грубости и жадности голландец мог положиться только на одного постоянного клиента — на англичанина, который в действительности-то приходил слушать музыку!

Немного погодя я заметил, что мой слушатель стал прибавлять в весе. Поразительно, какое влияние может оказывать джаз! Была здесь и моя скромная заслуга — ведь программы, которые я составлял, помогали поклоннику музыки справляться с тяжелым немузыкальным рийстафелем.

Я был тогда молод и беспечен. Я со страстью стремился покорить этого человека, подчинить его Армстронгу и себе.

Англичанин полнел. Мне следовало бы ставить что-нибудь строгое и аскетичное, вроде Бейдербека или прочих формалистов диксиленда. Они, правда, были не в его вкусе, но непременно оказали бы сдерживающее воздействие. Однако я бесстыдно потакал его желаниям.

Однажды вечером в качестве музыкальной шутки я поставил миллеровскую «Нитку жемчуга» — милую непритязательную мелодию. И сразу увидел, что англичанину нравится «свинг».

Конечно, мне бы просто оставить это без внимания. Британец явно обладал талантом слушателя, но он был музыкально не образован. Я должен был обучить его, показать то великое, на что способна музыка, однако вместо этого я потворствовал его сентиментальности: ставил Гленна Миллера, Томми Дорси, Гарри Джеймса. Я немного приходил в себя, слушая Бенни Гудмена, и тут же падал на самое дно, беззастенчиво крутя Вэна Мунро.

Это ужасно — иметь такую власть над человеком. Месяца через два я мог вертеть своим слушателем с такой же легкостью, с какой крутил пластинки.

Хозяин ресторана тщеславно считал, что клиента привлекают его яства. На самом деле это я заставлял его есть.

Иногда, когда я ставил «Поезд» или, например, «Блюз на улице Бил», англичанин мрачнел и раздраженно откладывал вилку. Тогда я быстро переключался на «Нитку жемчуга», или «Грустный вечер» Гленна Миллера, или «Розовый коктейль для скучающей леди». А то взбадривал англичанина Гарри Джеймсом или Томми Дорси.

Подобная музыка действовала на него как наркотик. Покачивая в такт головой, со слезами на глазах он брался за столовую ложку. А я продолжал вертеть им, не задумываясь, куда это приведет.

Однажды британец не явился в ресторан.

Не было его и на следующий вечер, и в течение еще нескольких дней.

Наконец он пришел, и хозяин — опасаясь, понятно, за свой основной источник дохода — осведомился о здоровье британца.

Тот ответил, что у него было обострение язвы, но сейчас все хорошо.

Хозяин кивнул и отправился стряпать свою дьявольскую еду.

Англичанин взглянул в мою сторону и впервые обратился персонально ко мне (помню, Стен Кентон наигрывал «Вниз по Аламо»):

— Простите, пожалуйста, не будете ли вы так добры поставить «Луну над Майами» Вэна Мунро?

— Конечно, с удовольствием, — ответил я и подошел к проигрывателю. Снял пластинку Кентона. Достал Мунро. И в этот миг понял, что убиваю, буквально убиваю британца.

Он превратился в музыкального наркомана и жить не мог без пластинок. Но слушал их только здесь, обжираясь рисом и самбалом, которые разъедали слизистую его желудка.

— Никакого Вэна Мунро! — крикнул я.

Британец пораженно замигал заплывшими глазами. Из кухни вышел хозяин, удивленный, что я повысил голос.

— Может быть, Гленн Миллер?.. — промямлил англичанин.

— Ни за что!

— Томми Дорси?

— Исключено.

Несчастный затрясся, челюсти его задрожали.

— Ну хоть Дюк Эллингтон! — взмолился он.

— Нет!

— Пабло, ты ведь любишь Дюка Эллингтона! — воскликнул хозяин.

— Поставьте Бейдербека или хотя бы «Современный джаз-квартет»! Что-нибудь!!!

— С вас достаточно, — сказал я британцу. — Концерт окончен.

И со страшной силой грохнул кулаком по усилителю. Внутри зазвенели, разбиваясь, лампы.

Клиент с хозяином лишились дара речи.

Я вышел, даже не потребовав плату за две недели, на попутных добрался до Ивисы, а там сел на теплоход до Марселя.

Теперь я довольно известный саксофонист. Меня можно услышать каждый вечер, кроме воскресенья, в клубе на улице Ашетт в Париже. Мною восхищаются, слушатели ценят классическую ясность и чистоту формы и уважают как приверженца диксиленда.

И все же на моей совести остался грех — тот самый несчастный англичанин. Я искренне сожалею о случившемся.

И часто задумываюсь: что же случилось с моим хозяином и постоянным клиентом?

Клиент

Я взял грех на душу много лет назад в маленьком испанском городке Санта-Эулалия-дель-Рио; до сих пор не признавался в этом ни одной живой душе.

Я отправился в Санта-Эулалию, чтобы написать книгу. Со мной поехала жена. Детей у нас не было.

Во время моего пребывания там какой-то финн или скорее мадьяр открыл ресторанчик, где подавали рийстафель. Сие событие с одобрением встретила вся иностранная колония. До тех пор мы выбирали между омарами в майонезе у Хуанито и паэльей в Са-Пунте. Готовили и там, и там отлично, но ведь даже самые изысканные яства рано или поздно приедаются.

Многие из нас начали столоваться у финна, где всегда царила какая-то живая атмосфера. Добавьте к этому, что у венгра была замечательная коллекция пластинок. Такое место не могло не пользоваться успехом.

Моя жена была замечательная женщина, но готовила она из рук вон плохо. Я обедал у мадьяра пять раз в неделю и стал одним из его постоянных клиентов Через некоторое время я обратил внимание на официанта.

Молодой, лет шестнадцати или семнадцати, он, по-моему, был индонезийцем — оливковая кожа, иссиня-черные брови и волосы. Сущее удовольствие было смотреть, как он — гибкий, изящный, быстрый — носится вокруг, подавая блюда и меняя пластинки. Я любовался юношей, как любуются греческой скульптурой или статуями Микеланджело, и получал от этого, невинного

в сущности, занятия эстетическое наслаждение. Кроме того, индонезиец отлично вписывался в повесть, над которой я в то время мучился: такого героя я долго и безуспешно искал.

Я проводил в ресторане все вечера и сидел допоздна. Повар подавал мне гигантские порции, и я ел, благодарный, что могу задержаться.

Жена моя к тому времени вернулась в Соединенные Штаты.

Естественно, я полнел от этого. Кто в состоянии съедать каждый вечер три фунта риса с мясом и не полнеть? Увлеченный созерцанием юношеской красоты, переполненный мыслями о будущей книге, я забросил друзей и перестал следить за своей внешностью. Каждый вечер, когда я выходил из ресторана, живот мой стонал, переваривая чрезмерно острую пищу. Я ложился в постель, думая о чувстве прекрасного, о литературе, и с нетерпением ждал следующего вечера.

Не знаю, сколько это могло продолжаться и куда могло меня завести. Я терял свою застенчивость, терял гордость. И тут я кое-что заметил.

Я понял, что я остался единственным клиентом ресторана, и глубоко задумался. Пускай я растерял всех друзей и знакомых — но почему они перестали обедать в этом ресторане? Все было без изменений — еда, музыка... Все, кроме меня.

Как-то раз, расправляясь с очередной порцией самбала, я вдруг необыкновенно отчетливо осознал, как чудовищно растолстел. Я взглянул на себя со стороны и увидел... отвратительного типа, от одного вида которого воротит с души. Никто не захочет есть с ним в одной компании.

И тут до меня дошло: именно я причина того, что венгр растерял всех своих клиентов. Какой нормальный человек станет любоваться мной? А ведь я просиживал там все вечера.

Либо подобное озарение должно немедленно привести к действию, либо я навсегда потеряю уважение к себе.

Я с грохотом отодвинул стул и поднялся — нельзя сказать, что с легкостью. Повар и официант озадаченно глядели, как я, переваливаясь, направляюсь к двери.

Повар закричал:

— Я плохо приготовил?!

— Дело не в еде.

Юноша потупился:

— Должно быть, я обидел вас, поставив скверную пластинку?

— Наоборот, — ответил я. — Вы радовали меня чрезвычайно. Я сам оскорбил вас сверх всякой меры.

Они не поняли.

Повар воскликнул:

— Может, попробуете свининки? Свежая, с пылу с жару!

Юноша сказал:

— Есть новая пластинка Армстронга, вы ее еще не слышали.

Я остановился в дверях.

— Благодарю вас обоих. Вы добрые люди. Но мне лучше уйти.

Я вернулся домой, сложил чемодан, вызвал такси и поздно вечером вылетел с Ивисы в Барселону.

Много лет прошло с тех пор. Я живу сейчас в Сан-Мигеле-де-Альенде, в Мексике, с новой женой и двумя детьми.

Я часто думаю, как сложились судьбы повара и официанта. Насколько я понимаю, они должны процветать в Санта-Эулалии. При условии, конечно, что мое безобразное поведение не погубило репутацию ресторана.

Если так, чрезвычайно об этом сожалею.

Я все еще пытаюсь стать писателем.

НА ПЯТЬ МИНУТ РАНЬШЕ

Джон Грир внезапно обнаружил, что стоит перед входом на небеса. Вокруг простиралась белая и лазурная облачная твердь, а в отдалении виднелся сказочный город, блиставший золотом под лучами вечного солнца. Прямо перед Гриром высилась фигура ангела-регистратора. Как ни странно, потрясения Грир не испытывал. Он всегда верил, что небеса существуют для всех, а не только для приверженцев какой-нибудь избранной религии или секты, но, несмотря на это, всю жизнь терзался сомнениями. Теперь он мог лишь улыбнуться, вспомнив о своем неверии в божественные предначертания.

— Добро пожаловать на небеса, — приветствовал его ангел и раскрыл толстую книгу в бронзовом переплете. Прищурившись, он уставился на страницы сквозь толстые бифокальные очки и провел пальцем вдоль колонок с именами. Найдя имя Грира, он замялся. Кончики его крыльев взволнованно дрогнули.

— Какая-то ошибка? — спросил Грир.

— Боюсь, что да, — подтвердил ангел-регистратор. — Кажется, ангел смерти прибыл за вами раньше назначенного срока. Правда, в последнее время у него было очень много работы, но тем не менее это не оправдание. К счастью, он ошибся совсем ненамного.

— Меня забрали раньше срока? — уточнил Грир. — Я не назвал бы это мелкой ошибкой.

— Видите ли, речь идет всего о пяти минутах. Стоит ли из-за

них расстраиваться? Так, может, не станем обращать внимание на эту оплошность и отправим вас в Вечный Город?

Ангел-регистратор был, несомненно, прав. Что изменилось бы, пробудь Грир на Земле лишние пять минут? Но все же он чувствовал, что эти пять минут могли бы оказаться важными, хотя и сам не понимал, откуда возникло такое ощущение.

— Я предпочел бы получить свои пять минут обратно, — решил Грир.

Ангел посмотрел на него с сочувствием:

— Разумеется, у вас есть на это право. Но я не советовал бы вам им воспользоваться. Вы помните обстоятельства своей смерти?

Грир задумался, потом покачал головой.

— Как это произошло? — спросил он.

— Мне не позволено об этом говорить. Но смерть никогда не бывает приятной. Вы уже здесь. Почему бы вам не остаться с нами?

Разумно. Но Грира продолжало мучить ощущение какой-то незавершенности.

— Если это разрешается, — произнес он, — я действительно хотел бы получить обратно свои пять минут.

— Тогда отправляйтесь, — сказал ангел. — Я подожду вас здесь.

И Грир внезапно оказался на Земле. Он находился в металлическом помещении цилиндрической формы, тускло освещенном мерцающими лампочками. В спертом воздухе сильно пахло паром и машинным маслом. Стальные стены гнулись и трещали, в щели сочилась вода.

И тут Грир вспомнил, где находится. Он командовал торпедной частью на американской подводной лодке. У них отказал сонар, они только что ударились о подводную скалу, которой, судя по карте, полагалось находиться в миле отсюда, и теперь беспомощно падали в толщу черных вод. Лодка уже опустилась ниже предельно допустимой глубины, и через считаные минуты быстро нарастающее давление расплющит ее корпус. Грир знал, что это произойдет ровно через пять минут.

Никто не поддался панике. Прислонившись к прогибающимся стенам, моряки ждали конца, но каждый держал себя в руках. Техники остались на своих постах, молча вглядываясь в показания приборов, не оставляющих даже крохотной надежды на спасение. Грир понял, что ангел-регистратор хотел избавить его именно от этого — горького и страшного конца, короткой и мучительной смерти в ледяном мраке.

И все же Грир был рад, что оказался здесь, хотя вряд ли ангел сумел бы его понять. Как может небесное существо понять чувства смертного человека? В конце концов, большинство людей умирают в страхе и неведении, ожидая в худшем случае адских мук, а

в лучшем — пустоты забвения. А Грир знал, что ждет впереди и кто встретит его у входа на небеса, поэтому смог посвятить свои последние минуты достойному прощанию с Землей. Пока корпус лодки сопротивлялся давлению, он вспоминал закат над Ки-Уэстом, короткую и яростную грозу в Чесапике, медленное кружение ястреба над Эверглейдсом. И хотя всего через несколько секунд его ждали небеса, Грир думал о красотах Земли и старался вспомнить их как можно больше, словно человек, собирающий припасы для долгого путешествия в незнакомую страну.

ГЛАЗ РЕАЛЬНОСТИ

Легенды гласят, что на окраине нашей метагалактики есть безымянная планета. На той планете растет единственное дерево. Давно забытая раса укрепила на верхушке дерева огромный алмаз, и заглянувший в тот алмаз увидит все, что есть, было или может быть. Дерево то зовется Древом Жизни, а алмаз — Глазом Реальности.

И трое искателей истины вышли на поиски дерева. Преодолев немало трудностей и опасностей, они добрались до безымянной планеты. Каждый из них по очереди забрался на верхушку дерева и заглянул в алмаз. А потом они решили сравнить впечатления.

— Я увидел, — сказал первый из троих, весьма известный писатель, — бессчетные драмы, великие и мелочные. И я понял, что нашел замочную скважину Вселенной, которую Борхес назвал Алефом.

— А я увидел, — возразил второй, прославленный ученый, — кривизну пространства, смерть фотона и рождение звезды. И я понял, что гляжу в суперголограмму, самотворящуюся и самосотворенную, а основа ее — вся Вселенная.

А третий, художник, произнес:

— Чтобы понять, надо почувствовать.

И показал товарищам только что сделанные им наброски женщин и пантер, скрипок и пустынь, шаров и гор.

— Как и вы, — сказал он, — я увидел то, с чем обычно сталкиваюсь в жизни.

СТРАХ В НОЧИ

Просыпаясь, она услышала свой крик и поняла, что кричала, наверное, уже долгие секунды. В комнате было холодно, но все ее тело покрывал пот; он скатывался по лицу и плечам на ночную рубашку. Простыня под ней промокла от пота.

Она сразу задрожала.

— У тебя все в порядке? — спросил муж.

Несколько секунд она молчала, не в силах ответить. Крепко обхватив поджатые колени, она пыталась унять дрожь. Муж темной глыбой лежал рядом, эдакий длинный черный цилиндр на фоне слабо белевшей во тьме простыни. Посмотрев на него, она снова задрожала.

— Тебе поможет, если я включу свет? — спросил он.

— Нет! — резко произнесла она. — Не шевелись... пожалуйста!

В темноте раздавалось лишь тиканье часов, равномерное, но какое-то зловещее.

— Опять?

— Да, — сказала она. — То же самое. Ради бога, не прикасайся ко мне!

Он приблизился, изогнувшись под простыней, и она вновь сильно задрожала.

— Сон, — осторожно начал он, — сон был про... я прав?..

Он деликатно не договорил и пошевелился, осторожно, чтобы ее не напугать.

Но она снова овладела собой. Руки ее разжались, ладони плотно прижались к простыне.

— Да, — сказала она. — Снова змеи. Они по мне ползали. Большие и маленькие, сотни змей. Они заполнили всю комнату, а через дверь и окна позли все новые, вываливались из переполненного шкафа...

— Успокойся, — сказал он. — Ты уверена, что хочешь об этом говорить?

Она промолчала.

— Теперь хочешь, чтобы я включил свет? — мягко спросил он.

— Не сейчас, — сказала она, помедлив. — Я еще не набралась храбрости.

— Да-да, — понимающе произнес он. — А другая часть сна...

— Да.

— Послушай, может, тебе не стоит об этом говорить?

— Нет, давай поговорим. — Она попыталась засмеяться, но закашлялась. — А то ты подумаешь, что я начинаю к этому привыкать. Сколько ночей оно уже тянется?

Сон всегда начинался с маленькой змейки, медленно ползущей по ее руке и поглядывающей на нее злобными красными глазками. Она стряхивала ее и садилась на постели. Тут по одеялу начинала скользить вторая, все быстрее и быстрее. Она стряхивала и эту, быстро вылезала из постели и становилась на пол. Тут другая змея оказывалась у нее под ногами, еще одна сворачивалась в

волосах, а потом через открывшуюся дверь ползли все новые и новые, тогда она бросалась на постель и с воплями тянулась к мужу.

Но во сне мужа рядом с ней не оказывалось. Вместо него на постели лежала огромная змея, этакий длинный черный цилиндр на фоне слабо белевшей во тьме простыни. И она понимала это, лишь когда обвивала ее руками.

— А теперь включи свет, — велела она.

Когда комнату залил свет, она вся напряглась, готовая выскочить из постели, если...

Но все-таки это оказался ее муж.

— Господи боже, — выдохнула она и полностью расслабилась, распластавшись по матрасу.

— Удивлена? — спросил муж, криво улыбнувшись.

— Каждый раз, — сказала она, — каждый раз я уверена, что тебя не окажется рядом. А вместо тебя — змея.

Она коснулась его руки, чтобы убедиться.

— Видишь, насколько все это глупо? — мягко и успокаивающе произнес он. — Если бы ты только смогла забыть... Тебе нужна лишь уверенность во мне — и кошмары пройдут.

— Знаю, — ответила она, вглядываясь в детали обстановки. Маленький телефонный столик с беспорядочной кучей записок и исчерканных бумажек выглядел необыкновенно ободряюще. Старыми друзьями были и поцарапанное бюро из красного дерева, и маленький радиоприемник, и газета на полу. А каким обычным казалось изумрудно-зеленое платье, небрежно переброшенное через спинку стула!

— Доктор сказал тебе то же самое. Когда мы поссорились, ты ассоциировала меня со всем, что идет не так, со всем, что причиняет тебе боль. И теперь, когда все наладилось, ты ведешь себя по-прежнему.

— Не сознательно, — сказала она. — Клянусь, не сознательно.

— Нет, все по-прежнему, — настаивал он. — Помнишь, как я хотел развода? Как говорил, что никогда тебя не любил? Помнишь, как ты меня ненавидела, но в то же время не давала уйти? — Он перевел дыхание. — Ты ненавидела Элен и меня. И это не прошло даром. Внутри нашего примирения так и осталась ненависть.

— Не думаю, что когда-либо ненавидела тебя, — сказала она. — Только Элен... эту тощую мелкую обезьяну!

— Нельзя дурно говорить о тех, кого уже не волнует мирская суета, — пробормотал он.

— Да, — задумчиво сказала она. — Наверное, это я довела ее до того срыва. Но не могу сказать, что жалею. Думаешь, меня посещает ее призрак?

— Не надо себя винить, — сказал он. — Она была чувственной, нервной, артистической женщиной. Невротический тип.

— Но теперь, когда Элен больше нет, у меня все прошло, я все преодолела. — Она улыбнулась ему, и морщинки тревоги у нее на лбу разгладились. — Я просто без ума от тебя, — прошептала она, перебирая пальцами его светло-русые волосы. — И никогда тебя не отпущу.

— Только попробуй, — улыбнулся он в ответ. — Я никуда не хочу уходить.

— Просто помоги мне.

— Всем, чем смогу. — Он подался вперед и легонько поцеловал ее в щеку. — Но, дорогая, если ты не избавишься от этих кошмаров — в которых я главный злодей, — мне придется...

— Молчи, молчи, — быстро произнесла она. — Я и думать об этом не хочу. Ведь наши плохие времена *прошли*.

Он кивнул.

— Однако ты прав, — сказала она. — Наверное, нужно попробовать обратиться к другому психиатру. Долго я так не выдержу. Все эти сны, ночь за ночью.

— И они становятся все хуже и хуже, — напомнил он, нахмурившись. — Сперва они были время от времени, теперь уже каждую ночь. А скоро, если ты ничего не предпримешь, будет уже...

— Хорошо, — сказала она. — Не надо об этом.

— Приходится. Я очень беспокоюсь. Если эта змеиная мания будет продолжаться, в одну из ночей ты вонзишь в меня спящего нож.

— Никогда. Но не будем об этом. Я хочу обо всем позабыть. Не думаю, что это случится снова. А ты?

— Надеюсь, что нет.

Она выключила свет, потом поцеловала мужа и закрыла глаза.

Через несколько минут она повернулась на бок. Через полчаса снова перекатилась на спину, пробормотала что-то неразборчивое и расслабилась. Еще через двадцать минут пожала плечом, и больше уже не шевелилась.

Ее муж лежал рядом темной глыбой, опираясь на локоть. Он размышлял в темноте, прислушиваясь к ее дыханию и тиканью часов. Потом улегся на спину.

Он медленно развязал завязки своей пижамы потянул за шнур и вытащил его на целый фут. Потом откинул одеяло и неторопливо

придвинулся к ней прислушиваясь к ее дыханию. Положил шнур ей на руку. Медленно, по сантиметру за несколько секунд, провел шнуром по ее руке.

Наконец она застонала.

ЗИРН БЕЗ ОХРАНЫ, ДВОРЕЦ ДЖЕНГИК ГОРИТ, ДЖОН ВЕСТЕРЛИ МЕРТВ

Донесение было полустерто страхом.

— Кто-то пляшет на наших костях, — сказал Шарлеруа и оглянулся, обнимая взглядом Землю. — Это будет достойный мавзолей.

— Странны слова твои, — произнесла она. — Но кое-что в твоих манерах я нахожу привлекательным... Подойди же, незнакомец, и объяснись.

Я отступил и вытащил из ножен меч. За моей спиной зашипел металл. — Окпетис Марн тоже обнажил клинок. Мы стояли бок о бок, вдвоем против наступающей мегентской орды.

— Ныне дорого продадим мы свои жизни, Джон Вестерли, — произнес Окпетис Марн с шипяще-горловым мнерианским акцентом.

— Воистину так, — отозвался я. — И немало вдов станцуют Пляску Перехода, прежде чем кончится день.

Он кивнул:

— И немало скорбящих отцов принесут одинокие жертвы богу ухудшений.

Мы улыбнулись собственным отважным словам. Но было нам не до шуток. Мегентские воины надвигались медленно и неудержимо, шагая по заросшему зеленым и лиловым мхом лугу. Их *рафтии* — длинные кривые обоюдоострые ножи, наводившие ужас на самые отдаленные уголки обитаемой Вселенной, — были обнажены. Мы ждали.

Первый враг скрестил свой клинок с моим. Я парировал удар, пронзил великану глотку. Он рухнул, и я повернулся к следующему противнику.

Теперь на меня кинулись двое. Позади слышалось прерывистое дыхание Окпетиса, рубившего и резавшего своим мечом. Положение было совершенно безнадежным.

Я вспомнил невероятное стечение обстоятельств, приведшее меня сюда. Вспомнил города Землянской Множественности, чье существование зависело от уже предрешенного исхода этой схватки. Я вспомнил осень в Каркассоне, туманное утро в Саскатуне, стальной дождь, секущий Черные Холмы. Неужели все это сгинет? Нет, конечно. И все же — почему нет?

— Вот факторы, вот нынешнее наше положение, — сказали мы компьютеру. — Сделай одолжение — реши нашу проблему, спаси наши жизни и жизни всех землян.

Компьютер задумался.

— Проблема не поддается решению, — ответил он.

— Так как же нам спасти Землю от разрушения?

— А никак, — отрезал компьютер.

Мы мрачно вышли. Потом Дженкинс заявил:

— Какого черта?! Это всего лишь мнение одного компьютера.

Это нас ободрило. Мы подняли головы. Мы решили консультироваться дальше.

Цыганка вытащила карту. То был аркан «Страшный Суд».

Мы мрачно вышли. Потом Майерс заявил:

— Какого черта?! Это всего лишь мнение одной цыганки.

Это нас ободрило. Мы подняли головы. Мы решили консультироваться дальше.

«Ты сам сказал: «Яркий кровавый цветок расцвел у него на лбу». Ты странно глядел на меня. Должна ли я тебя любить?»

Все началось так неожиданно. Усмиренные давным-давно орды мегентских ящеров начали внезапно плодиться благодаря сыворотке, подаренной им жаждущим власти телепатом Чарльзом Энгстремом. Джон Вестерли был срочно отозван из тайной миссии на Ангот-2. Но, к величайшему несчастью, Вестерли материализовался посреди кольца Черных Сил, и произошло это благодаря нечаянному предательству его верного друга мнерианина Окпетиса Марна, который был пойман в Зале Плывущих Зеркал, чтобы его рассудком смог завладеть отступник Сантис, главарь Энтропийной гильдии. То был конец Джона Вестерли и начало конца всех нас.

Старик находился в ступоре. Я отстегнул его от дымящегося кресла перед пультом. Ноздри мои уловили характерный соленокисловато-сладкий запах манжини — гнусного наркотика, что растет лишь в пещерах Ингидора и чье гнусное влияние подчинило себе стражу Пояса Стенных Звезд.

Я грубо встряхнул старика.

— Престон! — вскричал я. — Ради Земли, ради Магды, ради всего святого скажи мне, что случилось?!

Глаза его закатились, губы дрогнули.

— Зирн! — выдавил он неимоверным усилием. — Зирн потерян, потерян!

Голова его запрокинулась. Черты лица исказила смерть.

Зирн потерян! Мысли мои бешено неслись. Это значит, что открыт Верхний Звездный перевал, отрицательные аккумуляторы бездействуют, робосолдаты повержены. Зирн был раной, сквозь которую вытекала кровь нашей жизни. Но должен же быть какой-то способ выбраться?

Президент Эдгарс поглядел на райский телефон. Его предупреждали никогда не использовать его, кроме как в случае страшнейшей опасности, и даже тогда, наверное, не прикасаться к нему. Но неужели нынешнее положение не оправдает?.. Президент снял трубку.

— Райская приемная. Мисс Офелия слушает.

— Это президент Эдгарс, с Земли. Я должен немедленно поговорить с Господином Богом.

— На данный момент он покинул свой офис, и связаться с ним невозможно. Могу я вам чем-то помочь?

— Ну, видите ли, — сказал Эдгарс, — у меня на руках серьезная катастрофа. Я хочу сказать, что всему конец.

— Всему? — переспросила мисс Офелия.

— Ну, не в буквальном смысле. Но нам тут точно конец. И Земле, и всем вокруг. Если бы вы помогли мне обратить на это внимание Господа...

— Поскольку Господь всезнающ, то, я уверена, он уже осведомлен об этом.

— *Я тоже в этом уверен. Но я полагал, что если я смогу побеседовать с ним лично, только один раз...*

— Боюсь, что на данный момент это невозможно. Но вы можете оставить сообщение. Господь бесконечно милостив и честен, и я уверена, что он рассмотрит вашу проблему, как только у него выдастся время, и сделает то, что сочтет справедливым и благим. Знаете, он просто чудесен. Я люблю Господа.

— Как и мы все, — печально согласился Эдгарс.

— Еще что-нибудь?

— Нет. Да! Вы не могли бы соединить меня с мистером Джозефом Дж. Эдгарсом?

— А кто это?

— Мой отец. Он умер около десяти лет назад.

— Извините, сэр, но это не разрешено.

— Не могли бы вы хотя бы сказать, он с вами или где-то еще?

— Прошу прощения, но подобной информации мы не разглашаем.

— Ну так скажите хотя бы, есть там у вас хоть *кто-нибудь*? Я хочу сказать, есть вообще эта самая загробная жизнь? Или, кроме вас с Господом, там наверху и нет никого? Или просто кроме вас?

— За информацией касательно загробной жизни, — ответила мисс Офелия, — будьте добры, обращайтесь к ближайшему священнику, пастору, раввину, мулле или любому другому аккредитованному представителю Господа. Спасибо, что обратились к нам.

Зазвенели колокольчики. Потом в трубке воцарилась мертвая тишина.

— Что сказал большой начальник? — осведомился генерал Мюллер.

— Ничего я не получил, кроме отговорок от секретарши.

— Лично я не склонен к суевериям вроде веры в Бога, — заметил генерал. — Даже если это и правда, не верить в него полезнее для здоровья. Ну что, продолжим?

Они продолжили.

Свидетельство робота, который мог быть доктором Заком:

«Истинная моя личность остается для меня тайной, и тайну эту при нынешних обстоятельствах вряд ли удастся раскрыть. Но я был во дворце Дженгик. Я видел, как мегентские воины лезут через алые балюстрады, переворачивают церемониальные бронзовые котлы, ломают, убивают, рушат. Губернатор погиб с мечом в руке. Терранская гвардия заняла последний рубеж у Скорбной цитадели и сгинула до последнего человека в страшном бою. Придворные дамы защищались кинжалами столь ничтожными, что защита эта была лишь символической. Им была дарована легкая смерть. Я видел, как пламя пожирает серебряных земных орлов. Я наблюдал, как дворец Дженгик — этот шедевр архитектуры, символизирующий размах земного владычества, — беззвучно рушится в прах, из которого восстал. И понял я, что все потеряно и что Терре — планете, чьим верным сыном я себя считаю, несмотря

на то что был я (скорее всего) создан, а не сотворен, произведен, а не рожден, — что божественной Терре судьба уготовила быть уничтоженной дотла, пока не сотрется даже память о ее памяти.

«Ты сам сказал: «В глазу его взорвалась звезда». В эти последние часы я должна любить тебя. Слухи сегодня кишат, и алеет небо. Я люблю, когда ты поворачиваешь голову вот так. Может, и правда, что мы лишь мякина меж стальных жерновов жизни и смерти. Но я предпочитаю следить за временем по собственным часам. И я лечу в лицо очевидному, лечу с тобой.

Это конец, я люблю тебя, это конец».

ПРОЩАНИЕ С БОЛЬЮ

Воскресным утром в недалеком будущем Джозеф Элрой удобно устроился в кресле, пытаясь вспомнить название своей любимой футбольной команды (он же собирался вечером смотреть их матч), одновременно почитывая раздел объявлений о банкротствах в воскресной «Таймс» и размышляя о неприятностях.

День был обычный: небо в окне имело здоровый мерзко-бежевый оттенок, прекрасно гармонировавший с мерзко-бурой обстановкой, купленной миссис Элрой (скрипевшей в тот момент зубами в кухне) в одном из ее нередких всплесков бытового энтузиазма. Их дочка Эликсир применяла на практике последнее свое открытие в комнате наверху — ей исполнилось три года, и она только что обнаружила прелесть блевания.

А у Элроя в голове крутилась песенка. На данный момент — «Амапола», которая будет крутиться, пока ее не сменит другая мелодия, и так песня за песней, весь день, всю ночь, вечно. Музыка исходила из внутреннего Элроева проигрывателя, включавшегося, когда условием выживания становилось безразличие к окружающему.

В этом состоянии и находился Элрой. Может, и вы в нем бывали: когда ребенок вопит, жена зудит над ухом, а ты плывешь сквозь дни и ночи в полном отпаде и слушаешь мелодию, крутящуюся в мозгу. И ты знаешь, что щит из мутного оргстекла, отделивший тебя от мира, тебе не пробить никогда, и серая мгла депрессии и скуки опускается, чтобы уже не подняться. И единственное, что не дает тебе покончить с собой и этой тягомотиной, — это твоя Жизненная Сила, которая заявляет: «Проснись, придурок, это все творится с *тобой* — да-да, с тобой, утопающим в бассейне лимонного желе с идиотской ухмылкой на безрадостном лице, пока ты закуриваешь очередную «Мальборо» и наблюдаешь за окружающим в замедленной съемке».

В таком положении волей-неволей ухватишься за любой шанс из него выбраться, не так ли? В тот самый день у Джозефа Элроя появился шанс.

Зазвонил телефон. Элрой поднял трубку.

— Будьте добры, представьтесь, — потребовал голос на другом конце провода.

— Джозеф Элрой слушает, — ответил Элрой.

— Мистер Элрой, а не напеваете ли вы про себя в данный момент песенку?

— Собственно говоря, да.

— А какую именно?

— Последние пару часов не могу отвязаться от «Амаполы».

— Как, вы сказали, она называется?

— «Амапола». А что...

— Да!! Да, конечно!!! Это она!!

— Э?..

— Мистер Элрой, теперь я могу открыться. Я, Мерв Даффл, в прямом эфире телешоу «Встреча всей жизни», и вы только что назвали ту самую мелодию, что крутится в голове нашего замечательного гостя, мистера Фила Саггерса! А это значит, что вы, мистер Элрой, и ваша семья выиграли ежемесячный суперприз синхронности. Встреча всей жизни! Знаете ли вы, мистер Элрой, что это значит?

— Знаю! — радостно завопил Элрой. — Я смотрю ваше шоу, и я-то знаю! Эльва, кончай там придуриваться, мы выиграли суперприз, выиграли, выиграли, выиграли!!!

На практике это значило, что следующим же утром явилась группа техников в оранжевых комбинезонах и установила в гостиной Элроев штуковину, похожую на изуродованный компьютер. Мерв Даффл лично передал Элрою всемогущий Справочник и объяснил, как были собраны вместе и введены в этот компьютер все наилучшие пути развития личности, самообучения и самопознания. Многие из значившихся в Справочнике услуг были доступны только богатым, удачливым и одаренным — тем, кому они вовсе не нужны. Но теперь всем этим богатством могли распоряжаться Элрои при помощи разработанной в Стенфорде и заложенной в аппаратуру техники сверхбыстрого высокоусвояемого обучения. Коротко говоря, они могли делать со своими жизнями совершенно все, что вздумается, бесплатно и в уединении.

Элрой был человеком серьезным (как и все мы в глубине души): начал он с того, что рылся в Справочнике (содержавшем все известные компании по оказанию услуг), пока не наткнулся на «Дело

вашей жизни» — знаменитую фирму по открытию новых талантов из Милл-Вэлли, Калифорния. Там смогли протестировать Элроя по телефону и выдать результаты в течение пятнадцати минут. Оказалось, что Элрой обладает тем сочетанием интеллекта, ловкости рук и склада характера, которое могло сделать его выдающимся микропалеонтологом. В соседнем Музее Естественной Истории как раз открылась эта вакансия, а всему, что требовалось знать о новой профессии, Элроя обучили в Школе Высокоскоростной Профессиональной Подготовки Блюхнера-Вагнера. Так что Элрой смог начать многообещающую карьеру через полмесяца после того, как услышал слово «микропалеонтология».

Эльва Элрой (или Эльф, как она называла себя в моменты задумчивости) пребывала в неуверенности относительно своих планов. Она шарила по Справочнику, пока не наткнулась на компанию «Мандрагора, Инкорпорейтед», производившую улучшатель настроения в капсулах продленного действия «Нормал-Хай». Капсулы были заказаны в Службе Срочной Доставки Наркоты Эймса — «Без кайфа нету лайфа». Чувствуя себя как никогда прекрасно, Эльва нашла в себе силы встретить проблему обеда лицом к лицу. Хорошо подумав, она остановилась на «Фрейдистской Формуле Формованного Питания» — «Мы накормим голодного ребенка вашего подсознания».

Для дочурки Эликсир вызвали «ДетКаприз», нянь, привычных успокаивать испорченных потомков нефтяных шейхов, обслуживавших теперь Элроев круглосуточно и усмирявших капризы малышки. Эликсир была в восторге. Столько новых мягких игрушек, которые можно разбрасывать, — что может быть лучше?

Таким образом, у Элроев появилось достаточно времени и сил, чтобы заняться друг другом. Для начала они отправились в семейную консультацию «Омнирадость», вдохнувшую в прошлом месяце новую жизнь в агонизирующий брак перед телекамерами в Хьюстоне. Одного сеанса хватило, чтобы принести Элроям глубокую и стойкую любовь друг к другу — чтобы ее вызвать, следовало только глянуть партнеру в глаза и сосредоточиться. Это придало им достаточно уверенности в себе, чтобы взяться за пятидневный курс в «Сексуальной реакции» (Лэнсинг, штат Мичиган) — также весьма успешный в смысле достижения новых высот и оргиастических плато. Однако Элрой ощутил некоторую неуверенность в своих силах, а с ней — и острую нужду воспользоваться услугами службы романтических свиданий Бродвейского Джо — «Тайные встречи с очаровательными, утонченными и сексуальными девушками. Мы даем гарантию, что вы не опозоритесь!».

— Ах так? — вспылила Эльва, узнав об этом, и немедленно исполнила свою давнюю мечту, позвонив в «Крутые секс-услуги». Ее привлекло их рекламное объявление в Справочнике: «Детка, ты хочешь, чтобы *это* было серьезно — грубо, жестоко, круто? Но ты не хочешь оказаться разочарованной? Так? Так. Позвони нам, детка, — у нас есть то, чего ты жаждешь».

Обоим потом было стыдно и противно. Остывали они в фирме «Причал мечты» на Файер-Айленд, под знаменитым девизом «Медикация — лучшая медитация».

Теперь перед Элроями открывался прямой путь наверх. Но неприятности накапливались. Эликсир окончательно отбилась от рук — в самое неудачное время, ведь Элрой вот-вот должен был давать интервью для «Нью-Йорк мэгэзин», а Эльва начинала двухнедельные курсы прима-балерин с гарантированным контрактом в русской балетной труппе Монте-Карло. Они собрали семейный совет и, перелистывая Справочник, наткнулись на объявление фирмы «Детоправы».

— И что это такое? — спросила Эльва.

Элрой начал читать:

— Может быть, ваш ребенок своим неуемным характером портит вашу жизнь? Или вас мучает проблема — как любить его/ее и не испортить себе жизнь этой любовью? Не слишком ли много времени занимает ваше дитя? Так воспользуйтесь услугами «Детоправов»! Мы увезем вашего ребенка и вернем его/ее любящим/ей, покорным/ой, смирным/ой и нетребовательным/ой — и все это без ущерба для его/ее личности, инициативы и агрессивности, помоги нам бог.

— Звучит чертовски серьезно, — заметила Эльва.

— Забавно, что ты это заметила, — пробормотал Элрой. — Тут внизу так и сказано: «Поверьте — мы чертовски серьезны».

— Это решает дело, — заявила Эльва. — Звони!

Эликсир увезли, и Элрои отпраздновали обретение свободы, позвонив в фирму «Настоящие Друзья на Пороге» и закатив пирушку с Виктором и Викки, Вечериночками.

Все дальше Элрои шли по суровой тропе самосовершенствования. К сожалению, это вызвало конфликт интересов. Мистер Элрой стремился к Высоким Материям при помощи Силы Разума. Эльва все еще искала совершенства в бренной плоти. Начался спор о том, по какому из номеров Справочника звонить. Поскольку оба супруга прошли ускоренные курсы в Фонде совершенного общения, спорщиками оба были искусными. А так как слушать друг друга они еще не научились, то очень действовали друг другу на нервы.

Отношения их разваливались, но в «Починку браков» супруги не звонили из упрямства. Эльва из принципа подверглась не-

гатерапии под интригующим лозунгом «Ненавистью проложим дорогу к счастью». Элрой собрался с мыслями, исследовал свой внутренний мир при помощи революционной техники Клеточного Самоанализа и понял наконец, в чем загвоздка: жену свою он презирает и хочет ее смерти. Очень просто!

Элрой приступил к действию. Он пролистал Справочник и нашел службу Супружеских Изменений (Саугерти, штат Нью-Йорк). Оттуда приехали и забрали Эльву, и Элрой смог наконец заняться собой вплотную.

Для начала он выяснил, как достигать мгновенного экстаза. Способность эта была до недавнего времени исключительной прерогативой некоторых восточных культов, потому что никто другой не знал нужного телефона. Блаженство — это замечательно, но Элрою пришлось выйти из этого состояния, потому что позвонили «Детоправы» и заявили, что ребенок ремонту не поддается. Что теперь с ним делать? Элрой приказал собрать, что можно, и отправить на склад до особого уведомления.

За это время он смог повысить свой интеллект на два уровня выше гения при помощи «Психокачки Инкорпорейтед», как отмечено в исправленной версии его биографии, публиковавшейся в «Нью-Йорк таймс» с продолжениями.

Позвонили из службы Супружеских Изменений и сказали, что Эльва была старой модели, таких больше не чинят, и настроить ее без серьезной угрозы для механизма невозможно. Элрой отправил ее на хранение вместе со сломанным ребенком.

И, наконец, в триумфальном одиночестве Элрой вернулся к радостным трудам по изгнанию боли из своей жизни. Теперь он достиг немалых успехов и испытывал религиозные видения огромной силы и мощи. Но оставалось нечто неудовлетворительное, хотя что — Элрой не мог понять.

Он просмотрел весь Справочник и не нашел ответа. Похоже было, что этот вопрос ему придется решать самому. Но тут, как по волшебству, отворилась парадная дверь и вошел смуглый улыбчивый человечек в тюрбане, с мудрыми глазами и аурой невообразимой силы. То был Таинственный Гуру, который находит тебя, когда пришло время, и говорит то, что ты должен узнать — если ты подписан на Справочник.

— Это твое эго, — сказал Таинственный Гуру и вышел.

Элроя захлестнуло понимание. Эго! Конечно же! Почему же он об этом сразу не догадался? Очевидно, что его эго было последним якорем, привязывающим его к тусклой и прилипчивой реальности. Его собственное «я»! Эго удерживало его, постоянно

засыпая его своими эгоистичными требованиями и полностью игнорируя высшее благо Элроя!

Элрой открыл Справочник. И там, на последней пустой странице, он обнаружил «Эго-удалителей Лефковица», Нью-Йорк.

Под объявлением имелась приписка: «Главный врач США предупреждает: удаление эго может быть опасно для вашего здоровья».

Джозеф Элрой заколебался, подумал, взвесил все факторы. На мгновение он едва не потерял решимость. Но тут в комнату заглянул Таинственный Гуру и бросил: «Духовность сейчас идет семь к пяти, и кроме того — тебе-то что терять?» А потом вышел снова.

Элрой набрал на панели нужный номер.

Вскоре в дверь постучали. Элрой отворил, вошли эго-удалители Лефковица.

А потом вышли. Осталась только консоль, подмигивала, и ухмылялась, и светила сама себе. А потом исчезла и она, и в комнате остался только бесплотный голос, напевающий «Амаполу».

НА СЛЕТЕ ПТИЦ

Уважайте же ребенка внутри себя, ибо ему известна правда: его похитили, затолкали в стареющее тело, заставили выполнять неприятную работу и соблюдать дурацкие правила. Время от времени ребенок в теле взрослого пробуждается и видит, что на бейсбольном поле никого не осталось и он даже не может отыскать свой мяч и перчатку, что речушка, на берегу которой он читал стихи и лизал лакричные леденцы, пала жертвой утилитаризма в мире, где потоку дозволено струиться лишь в том случае, если он докажет свою полезность, позволяя себя загрязнять. До чего же странен мир, где каждое дерево, цветок и травинка, каждая пчела и ласточка должны зарабатывать себе на жизнь, и даже лилии на лугу обязаны заботиться о завтрашнем дне! Замеченный Христом просчет: «Не жнут они и не пашут...» — теперь уже исправлен. В этом новом мире все и жнут и пашут, а приписывать что-либо милости божьей считается двойным кощунством. Ласточки не сумели выполнить норму по отлову комаров; их накажут. Кладовая у белки полна желудей, но она осмелилась не заплатить подоходный налог.

Мир охватило великое смятение, ибо рука человеческая дотянулась до самых дальних его уголков, а человек научился об-

щаться со всеми живыми существами и открыл наконец способ понимать и быть понятым. И что же сказали люди? Что в их схеме вещей необходим труд. Не будет отныне, что они идут своим путем, а мы своим; теперь мы должны на них работать. «Дело не только в нас, — сказали люди. — Неужели вы думаете, что мы не понимаем сами, насколько непристойным выглядит наше стремление обложить налогом все, что прежде было бесплатным? Но сейчас трудные времена. Из-за всевозможных неудач и (мы это признаем) просчетов наших предшественников, которых мы ни в малейшей степени не напоминаем и от всякого родства с которыми отказываемся, ныне работать обязаны все. Не только люди и их союзники: лошади и собаки. Все должны приложить усилия, дабы восстановить разрушенное, и тогда у нас вновь будет планета, на которой мы сможем жить. А раз дело обстоит именно так, то нечего лилиям без толку торчать в поле — пусть хотя бы собирают влагу из воздуха и отдают ее в повторный оборот. А птицы могут приносить прутики и комочки почвы из тех немногих мест, где еще сохранились леса, тогда мы начнем сажать новые. Мы пока не установили контакт с бактериями, но это лишь вопрос времени. Мы уверены, что они свою часть работы сделают, потому что это существа во всех отношениях здравомыслящие и серьезные».

Серый большой северный гусь узнал новости с опозданием. Он со своей стаей обычно улетал на север дальше прочих гусей — туда, где низкое летнее солнце ярко отражалось от бесчисленных водоемов, испещренных пятнышками лесистых островков. Вскоре следом за гусями туда же прилетели черные крачки, они и принесли на крыльях новости.

— Слушайте, гуси, дождались! Люди наконец поговорили с нами!

Серый отнесся к словам крачек, мягко говоря, без восторга. Более того, как раз таких новостей он и опасался.

— И что они сказали?

— Да ничего особенного, что-то вроде «рады познакомиться». Кажется, не такие уж они и страшные. Даже симпатичные.

— Конечно, люди всегда поначалу кажутся симпатичными, — буркнул Серый. — А потом начинают вытворять немыслимое и неслыханное. Разве кто-нибудь из нас вешал на стену человеческие шкуры, приделывал к стене пещеры голову охотника или рисовал картины, на которых олень добивает загнанных охотников? Эти люди заходят слишком далеко и требуют слишком многого.

— Кто знает, вдруг они теперь стали другими, — задумчиво произнесла крачка. — Недавно им крепко досталось.

— А нам всем разве нет? — фыркнул Серый.

Крачки полетели дальше. В этом году они гнездились вблизи озера Байкал, где у людей были большие стартовые площадки для ракет. Теперь там прекрасно росла трава в трещинах щита из расплавленной лавы, образовавшегося после того, как все здесь расстеклось в результате ядерной атаки.

Смятение и тревога прокатились вокруг всей планеты. Стаи крачек сильно поредели, как, впрочем, и всех других птиц. Выиграли лишь некоторые подводные существа — например, у акул и мурен дела шли прекрасно, — но у них по крайней мере хватало такта этим не кичиться. Они знали, что чем-то отличаются от остальных, и не в лучшую сторону, если уж им пошло на пользу то, из-за чего едва не погибла жизнь на всей Земле.

Через некоторое время летевшая на север стая куропаток остановилась отдохнуть и поболтать с Серым.

— Как там идут дела с людьми? — спросил Серый.

— Если честно, то не очень хорошо.

— Они что, едят вас? — удивился Серый.

— О нет, в этом отношении они изменились к лучшему. Откровенно говоря, они ведут себя глуповато. Кажется, они считают, что раз с существом можно разумно общаться, то есть его нельзя. Явная бессмыслица. Волки и медведи разговаривают с нами не хуже всех прочих, но им и в голову не приходит сменить из-за этого мясо на салаты. Мы все едим то, что должны есть, и при этом как-то уживаемся, верно?

— Конечно. Но в чем тогда суть неприятностей?

— Знаешь, ты нам просто не поверишь, Серый.

— Это связано с людьми? Тогда попробуйте!

— Хорошо. Они хотят, чтобы мы на них работали.

— Вы? Куропатки?

— Вместе с остальными.

— А кто еще?

— Все. И животные, и птицы.

— Вы правы, не могу поверить.

— Тем не менее это правда.

— Но работать на них! Что вы имеете в виду? Не настолько же вы велики, чтобы орудовать киркой и лопатой или мыть тарелки — кажется, именно для такой работы у людей вечно не хватает рук.

— Не знаю точно, что они имели в виду, — сказала одна из

куропаток. — Я ушла раньше, чем меня заставили работать — в чем бы эта работа ни заключалась.

— Да как они могут тебя заставить?

— О серый гусь, ты плохо знаешь людей, — ответила куропатка. — Тебе знакомы просторы небес, но не люди. Разве тебе неведомо, что птицы летают, рыбы плавают, черепахи ползают, а люди говорят? И именно в речи таится превосходство человека, и он способен уговорить тебя делать все, что ему нужно, — если будет говорить с тобой достаточно долго.

— Уговорит работать на себя?

— Да, а заодно и налоги платить.

— Безумие какое-то! Один из человеческих святых пообещал избавить нас от всего этого и сказал: «Не жнут они и не пашут». У нас есть свои дела. Мы живем в эстетическом окружении. Мы не утилитарианцы.

— Жаль, что тебя там не было, — смутилась куропатка. — Сам бы послушал их речи.

— И стал бы вьючным животным? Никогда!

Через некоторое время несколько видов больших хищных птиц собрались на конференцию. Впервые орлы, ястребы и совы сидели на одной ветке. Встреча происходила в лесистой долине в северной части Орегона — одной из немногих областей северо-запада, избежавших прямых последствий ядерных взрывов. Был там и человек.

— Очень легко свалить всю вину на нас, — заявил человек. — Но мы такие же существа, как и вы, и делали лишь то, что считали правильным. Окажись вы на нашем месте, неужели вы справились бы лучше? Слишком легко сказать: человек плохой, дайте ему пинка, и все мы заживем спокойно. Люди всегда говорили это друг другу. Но ведь совершенно очевидно, что дальше так продолжаться не может. Все должно измениться.

— Вы, люди, не есть часть природы, — возразили птицы. — Между вами и нами не может быть сотрудничества.

— Это мы не часть природы? А может, все окружающие нас разрушения, почти полное исчезновение пригодных к обитанию мест, ныне зачахшие, а прежде процветающие виды вовсе не несчастный случай или откровенное зло? Молния, поджигающая лес, не есть зло. А вдруг мы, люди, — лишь природный способ производить ядерные взрывы, не прибегая при этом к звездным катаклизмам?

— Возможно. Ну и что с того? Ущерб уже нанесен. И что же ты хочешь от нас?

— Земля в весьма скверном состоянии, — ответил человек. —

И худшее, возможно, еще впереди. Всем нам нужно немедленно начать работать, восстанавливать почву, воду, растительность. Получить еще один шанс. Это единственная задача для всех нас.

— Но какое это имеет отношение к нам? — поинтересовались птицы.

— Если говорить честно, то вы, птицы и животные, слишком долго прохлаждались. Наверное, вам приятно было миллионы лет не нести никакой ответственности. Что ж, лафа закончилась. Нас всех ждет работа.

Хохлатый дятел поднял щегольскую головку и спросил:

— Но почему только животные должны за всех отдуваться? А растения? Они так и будут сидеть себе да расти? Разве справедливо?

— Мы уже переговорили с растениями, — ответил человек. — Они готовы выполнить свою долю работы. Сейчас идут переговоры и с самыми крупными бактериями. На сей раз нас свяжет общее дело.

Животные и птицы по натуре своей простоваты и романтичны. Они не смогли устоять против красивых слов человека, потому что эти слова подействовали на них как изысканнейшая пища, секс и дремота разом. Каждому из них привиделся идеальный мир будущего.

Крачка ухватила клювом прутик и спросила Серого:

— Как по-твоему, людям можно доверять?

— Конечно же, нет. Но разве это имеет значение? — Он подхватил кусочек коры. — Все отныне изменилось, только вот не знаю — к лучшему или к худшему. Я знаю только одно: наверное, будет интересно.

И, сжимая кусочек коры, он полетел добавить его к растущей куче.

ЛАБИРИНТ РЕДФЕРНА

Для Чарльза Энджера Редферна это утро было ничем не примечательно. Если не считать того, что из почтового ящика он извлек два странных письма. Одно было в простом белом конверте, и на мгновение почерк, которым был написан адрес, показался ему знакомым. Из конверта он достал лист, на котором не было ни обращения, ни подписи. Некоторое время он гадал — чей же это почерк? Потом сообразил, что это имитация его собственного. Слегка заинтригованный, но все еще не предчувствуя ничего, кроме скуки, он прочел следующее:

«Большая часть призывов так называемого (и довольно глупо называемого) Лабиринта Редферна несомненно останется без от-

клика. Ибо, судя по всему, большинству безразлично — выбрать то или иное. Лабиринт Редферна не в состоянии продемонстрировать на выходе более того, что было в него запущено на входе. В данном случае — ничего, кроме обескураживающего бессилия самого Редферна. Есть мнение, что Редферн не способен преодолеть свое собственное безволие и мягкотелость. Он не в состоянии переделать свою собственную, им же ненавидимую рабскую натуру. Он не может избавиться от склонности к уступкам и к подчинению.

По причине такого скандального жизненного банкротства читатель ощущает в себе склонность быть целеустремленно непоследовательным: он благодарен Лабиринту за его ненавязчивую краткость, но в то же время желает еще большей краткости.

Но это быстро проходит, и читатель обнаруживает, что его превалирующим настроением является молчаливое сопротивление желанию вообще хоть что-нибудь ощущать. С чувством глубокого удовлетворения он обнаруживает свою индифферентность. И хотя он не желает ничего помнить о Лабиринте, он и не затрудняет себя усилиями, чтобы забыть.

Читатель противопоставляет скуке Редферна свою скуку, еще более опустошительную; он имитирует редферновскую враждебность и легко превосходит ее. Он даже отказывается признать существование Редферна; а под конец у него появляется уверенность, что он вообще никогда в жизни не имел дела ни с каким Лабиринтом. (Он, конечно, прав; и повторные вхождения в Лабиринт уже не поколеблют его уверенности.)

Этот Лабиринт мог бы быть использован как образцовый монумент скуке, если бы не искажался (так типично для Редферна) одной-единственной раздражающей идеей, которая гласит:

«ТЕОРЕМА 113. Всем известно, что хаотический Лабиринт-Ловушка управляет своими жертвами с помощью железных законов; но лишь немногие сознают, что из этого следует логический вывод: Лабиринт-Ловушка сам является одной из таких жертв и, следовательно, сам подпадает под действие своих тягостно-занудливых законов».

Редферн сам не формулирует этих «законов» — ляпсус, который можно было бы предвидеть. Но один из них легко можно вывести из кажущегося на первый взгляд бессмысленным утверждения:

«ЛЕММА 282. Провидение, какой бы внешний облик оно ни принимало, неизбежно милосердно».

Итак, следуя Редферну: Лабиринт-Ловушка управляет человеком-жертвой, но Провидение управляет им самим. Это вытекает из закона, согласно которому Лабиринт-Ловушка (как и все остальное, кроме Провидения) является зависимым. Закон гласит, что Лабиринт-Ловушка должен выдавать, проявлять свою сущность — *он обязан быть познаваемым.* Доказательством этого является тот факт, что Редферн, самый мягкий и несамостоятельный из людей, это знает.

Но теперь мы хотим знать, какими законами управляется Лабиринт-Ловушка. *Каким образом* Лабиринт-Ловушка становится познаваемым? Без знания этого закона мы ничего не можем сделать, и Редферн нам тут не поможет. Он сам не может ничего сказать, а если бы даже и мог, то все равно ничего не сказал бы. Таким образом, для того чтобы получить описание закона, описывающего Лабиринт-Ловушку, его характерные черты и формы вкупе с некоторыми интимными деталями (для облегчения опознания), мы снова обращаемся к ничем в иных случаях не примечательному Чарльзу Энджеру Редферну».

Редферн отбросил письмо. Его надуманные, туманные двусмысленности наскучили ему. Но эта витиеватая, квазираскованная манера, это общее впечатление мишуры и показухи странным образом оказали на него и успокаивающее действие. Такое в чем-то приятное ощущение испытывает человек, дознавшийся, что то, что он почитал за подлинное, оказалось подделкой. Он потянулся за вторым письмом.

Конверт был неестественно длинным и узким; он был скучного больнично-голубого цвета, и от него исходил слабый, но безошибочно узнаваемый запах йодоформа. Его имя, выведенное выцветшими печатными буквами, подделывавшимися под машинопись, было указано правильно. Адрес же — бульвар Брукнера, 132 — неверен. Он был зачеркнут, и на нарисованной имитации почтового штемпеля можно было прочесть: «Вернуть отправителю». (Обратного адреса на конверте не было.) Это тоже, в свою очередь, было перечеркнуто черной жирной линией, а ниже кто-то дописал: «Попробуйте 12-ю стрит, 137-В».

Это был его правильный адрес.

Редферн подумал, что все эти детали уже излишни; казалось, что им самое место на имитации письма внутри конверта. Он извлек письмо из конверта. Оно (несомненно, из экономии) было написано на клочке коричневой оберточной бумаги. Он прочел:

«ПРИВЕТ! Вас выбрали как одного из тех действительно современных и проницательных людей, для которых новизна ощущений на шкале внутренних ценностей превышает боязнь возможного риска и чье желание необычного сдерживается лишь прирожденным вкусом и чувством стиля. Мы верим, что Вы принадлежите к тому самому сорту непредубежденных искателей приключений, с которыми мы хотели бы дружить.

Вследствие этого мы пользуемся случаем, чтобы пригласить Вас на ГРАНДИОЗНОЕ ОТКРЫТИЕ нашего ЛАБИРИНТА!!!

Излишне говорить, что этот Лабиринт (единственный в своем роде на всем Восточном Побережье) насыщен острыми ощущениями. На наших кривых вы не встретите ничего прямолинейного!!! Этот Лабиринт делает описания убогими, а желания — инфантильными.

Пожалуйста, свяжитесь с нами, и мы организуем место и время Вхождения, где и когда Вам будет удобно.

Наша единственная забота — это всего лишь жизнь, свобода и погоня за счастьем.

Свяжись с нами как можно скорее, слышишь? ПРЕМНОГО БЛАГОДАРНЫ, ПАРЯ!!!!!»

Вместо подписи был указан номер телефона. Редферн скорбно помахал письмом в воздухе. Это, несомненно, работа одного знакомого сверхретивого английского майора — утомительная ипохондрия и ужасающее остроумие.

Автор письма пытался разыграть его; поэтому Редферн, совершенно естественно, решил сделать вид, будто попался на розыгрыш. Он набрал указанный в письме номер телефона.

Ему ответил голос, который мог принадлежать женщине средних лет. Голос казался раздраженным, но смирившимся с судьбой.

— Институт исследования поведения Редферна.

Редферн нахмурился, прокашлялся и сказал:

— Я насчет Лабиринта.

— Насчет *чего?* — спросила женщина.

— Лабиринта.

— Вы какой номер набираете?

Редферн сказал. Женщина согласилась, что это номер Редферновского института, но она ничего не знала про Лабиринт. Если, конечно, он не имеет в виду известные Л-серии лабиринтов, которые используются в экспериментах с крысами. Лабиринты Л-серии, сказала она, изготавливаются в различных модификациях и стоят в зависимости от площади в квадратных футах. Серия начинается с Л-1001, простого двоичного лабиринта с принудительным выбором, площадью в 25 квадратных футов, и кончается Л-1023 — моделью со случайной селекцией и многовариантным выбором, площадью 900 квадратных футов и с приспособлениями для демонстрации на большую аудиторию.

— Нет, — сказал Редферн, — боюсь, что это не вполне то, что я имел в виду.

— Тогда что же вы имели в виду? — спросила женщина. — Мы также строим лабиринты по заказу, как указано на желтых страницах нашего проспекта.

— Но я не прошу, чтобы вы строили *лабиринт* для меня, — сказал Редферн. — Видите ли, согласно письму, которое я получил, этот Лабиринт уже существует, и он достаточно велик, так что подходит и для людей, для хомо, так сказать, сапиенс.

— И это именно то, что вы имели в виду? — с глубоким подозрением спросила женщина.

Редферн обнаружил, что оправдывается:

— Это все письмо, что я получил. Меня пригласили на грандиозное открытие Лабиринта, и там был ваш телефон, по которому мне надо было получить дальнейшие инструкции.

— Послушайте, мистер, — женщина зло прервала его лепет. — Не знаю, может быть, вы просто шизик, или все это какая-то дурацкая шутка или еще что, а только Редферновский институт — респектабельная фирма, существующая уже тридцать пять лет, и если вы будете надоедать мне с вашим вздором, то я потребую определить номер вашего телефона и вы понесете наказание по всей строгости закона!

Она бросила трубку.

Редферн опустился в кресло. Его руки дрожали. Пытаясь раскрыть суть первичной мистификации-ловушки, он задумал и попробовал применить контрмистификацию и в результате влип во вторичную, или вспомогательную, ловушку. Экая нелепость! Он чувствовал себя последним идиотом.

Вдруг ему пришла в голову одна мысль. Он открыл манхэттенский телефонный справочник и попытался найти в нем Исследовательский институт изучения поведения Редферна. Как и следовало ожидать, в списке абонентов такого не оказалось.

Он позвонил в справочную и запросил список изменений, затем дополнительный и расширенный списки. Наконец, дойдя до желтых страниц, он стал проглядывать по алфавиту: Лабиринты, Ловушки, Исследования бихевиористские, Научное оборудование и Лабораторное оборудование. Не было там никакого Редферна и никакой фирмы, специализирующейся на конструировании Лабиринтов.

Он сообразил, что после прохождения вторичной ловушки он теперь вполне закономерно попал в третичную и что, скорее всего, серия на этом не заканчивается.

Но, конечно, это был не розыгрыш. Слишком много доказательств противного накопилось к этому моменту. Трюк с розыгрышем фактически был частью самого Лабиринта — маленькая петля, очень быстро возвращающаяся к исходной точке, к точке входа в Лабиринт. Или же к точке, *сильно напоминающей исходную.*

Одним из основных свойств Лабиринта является удвоение, дублирование, повторы. И этот прием, несомненно, был исполь-

зован: открыто — путем упоминания имени Редферна в обоих письмах и имитацией его почерка; косвенно — путем использования нудных противоречий в каждом предложении.

Описание закона Ловушки-Лабиринта (который, как утверждалось, он одновременно знал и не знал) было достаточно простым. Это могло быть только описанием его собственных, касающихся Лабиринта-Ловушки эмоций; эти надуманные, туманные двусмысленности наскучили ему. Эта витиеватая, квазираскованная манера, это общее впечатление мишуры и показухи странным образом оказали на него успокаивающее действие. Такое приятное ощущение испытывает человек, дознавшийся, что то, что он почитал за подлинное, оказалось подделкой.

Таким образом, он теперь видел, что первое письмо в действительности было Лабиринтом — этим рабским, бесконечно удваивающимся монументом скуке, чье совершенство портила только одна немаловажная деталь — его собственное существование. Второе письмо было необходимым дубликатом первого, оно было нужно для того, чтобы удовлетворялись требования закона Лабиринта.

Конечно, возможны были и другие точки зрения; но тут Редферну пришла в голову мысль, что, возможно, он все это когда-то уже обдумывал.

КОНЕЧНАЯ

Это случается вот так: ты откидываешься на спинку кресла (первый класс, компания «Мажорские космические линии»), закуриваешь сигару и берешь бокал шампанского — начинается рейс из Развал-Сити, Земля, на Гнусьвилльский Перекресток, Арктур-XII. Сразу за таможенным барьером тебя ждет Магда, а в «Ультима Хилтоне» устроят шикарную вечеринку в твою честь. И ты понимаешь, что, прожив наполненную борьбой жизнь, ты наконец добился богатства, успеха, привлекательности и уважения. Жизнь похожа на кусок печеночного паштета — сочная, жирная, вкусная. Ты столько лет перекапывал дерьмо ради этой минуты, и вот она настала, и ты готов насладиться ею.

И тут загорается табло: «ПОСАДКА».

— Эй, красотка, — окликаешь ты стюардессу, — что творится?

— Мы высаживаемся на Конечной, — отвечает она.

— Но ее нет в расписании. Почему мы приземляемся?

— Сюда нас завел корабельный компьютер, — пожимает плечами стюардесса. — Придется вылезать.

— Послушайте, — холодно начинаешь ты, — мой добрый друг Дж. Уильямс Нэш, президент вашей линии, заверил меня, что остановок вне расписания не будет...

— На Конечной гарантии недействительны, — объясняют тебе.

— Может, вы и не собирались сюда, но то, что сюда вы приехали, — это точно.

Ты застегиваешь ремни и думаешь: «Ну что за невезение! Всю жизнь вкалываешь, как ишак, врешь, воруешь, жульничаешь, а только захочешь повеселиться — нате вам, Конечная».

На Конечную попасть легко. Всего и дел — появиться тут. Космолет припаркуйте на свалке. Никаких бумаг подписывать не надо. Ни о чем не волнуйтесь. Пройдитесь, познакомьтесь с ребятами.

В крутом оттяге подваливает Живчик с вопросом:

— Чуваки, а с чего вы тут кайф ловите?

— Да навроде как с «Надежды-98», — отвечает Нюхач Морт.

— А какие с той «Надежды» глюки?

— Начинаешь думать, что у тебя есть будущее.

— Эк, мне бы так потащиться, — грустно вздыхает Живчик.

Познакомьтесь с Люси-Лапочкой, девушкой с тысячью ожиревших тел.

— Каждый понедельник я захожу в «Небесную лавку тел» и хочу выбрать себе наконец симпатичное тело — вы понимаете, что я имею в виду, *симпатичное*. Но каждый раз на меня словно находит что-то, и я вновь оказываюсь в мешке с жиром. Если бы я только могла победить этот дикий невроз — о, какой бы красоткой я стала!

Комментарий доктора Бернштейна:

— Ее спасение в ее похмелье. Неудачники всегда принимают истинный облик. Будете уходить — пните ее. Она напрашивается.

Жирардо много путешествовал, но никогда не забирался далеко от дома.

— Точно говорят, что вся Галактика поместится у меня в голове. Чем дальше едешь, тем меньше видишь. Был я на Акмене-IV — вылитая Аризона. Сардис-VI — калька с Квебека, а Омеона-VI — двойник Земли Мэри Бэрд.

— А на что похожа Конечная?

— Если бы я не знал, где я, — отвечает Жирардо, — то подумал бы, что вернулся домой в Хобокен.

На Конечной приходится все импортировать. Ввозят кошек и тараканов, мусорники и мусор, полицейских и статистику преступности. Ввозят кислое молоко и гнилые овощи, ввозят голубую замшу и оранжевую тафту, ввозят апельсиновые шкурки, растворимый кофе, запчасти от «Фольксвагена» и запальные свечи «Чемпион». Ввозят мечты и кошмары. Ввозят тебя и меня.

— Но зачем это все?

— Глупый вопрос. С таким же успехом можешь поинтересоваться, а для чего реальность?

— М-м... а для *чего* реальность?

— Заходите в любое время. Я живу в доме 000 по улице Зеро, на перекрестке с Минус-бульваром, близ Нулевого парка.

— У этого адреса есть некое символическое значение?

— Да нет, просто я там живу.

На Конечной никто не может позволить себе необходимого. Зато роскошь доступна всем. Каждую неделю бесплатно раздаются десять тысяч тонн первосортных устриц. Но майонеза вы не найдете ни по дружбе, ни за деньги.

Разговор на Лимбо-лейн

— Доброе утро, молодой человек. Все еще занимаетесь этой глупостью о целях и средствах?

— Да, наверное, профессор.

— Так я и думал. Ну, до свидания, молодой человек.

— Кто это был?

— Профессор. Он всегда спрашивает про глупости о целях и средствах.

— А что это значит?

— Не знаю.

— А почему не спросишь?

— Плевал я на него.

— Монизм постулирует, что существует нечто одно, — говорит доктор Бернштейн, — дуализм — что не одно, а два. И в том и в другом случае выбор у вас небогатый.

— А-а! — восклицает Джонни Каденца. — Может, поэтому все тут на вкус похоже или на острый перец, или на апельсиновый соус.

Реплики философского общества Конечной:

Ад — это бесконечно откладываемая поездка.
Ад — это твое настоящее лицо.
Ад — это когда получаешь то, чего не хочешь.
Ад — это когда получаешь то, чего хочешь.
Ад — это повторение.

Гляди перед собой: там чернота Вселенной, провала, конца, прыжка в ничто. А за тобой — все места, где ты побывал: прошлогодние надежды, вчерашние прогулки, старые мечты. Все использовано и выброшено.

Ты дошел до финиша. Садишься и думаешь, чем же заняться дальше.

Добро пожаловать на Конечную.

ЗАПИСКИ О ЛАНГРАНАКЕ

1

Нельзя описать это место, не описав себя. Но нельзя описать себя, не описав то место. Так с чего же начать? Наверное, мне следует описывать нас вместе. Но я сомневаюсь, что сумею это сделать. Вероятно, я вообще не способен что-либо описывать.

Все же я нахожусь на чужой планете — ситуация, которая обычно считается интересной. Моя личность тоже представляет интерес. И уж во всяком случае я способен записать свои впечатления.

Пожалуй, надо начинать с описания своей неспособности что-либо описывать. Но это я уже кое-как сделал.

2

Я решил начать со шпилей.

Здешний главный город называется Лангранак. Он примечателен своими шпилями. С вершины горы в пяти милях от города кажется, что он целиком состоит из шпилей — разных форм, размеров и цветов. В Венеции и Стамбуле, я видел, тоже много шпилей. Шпили, независимо от своих качеств, оказывали приятное эстетическое воздействие. Шпили Лангранака выглядели совершенно чужими. По-моему, это все, что я должен сказать о шпилях.

3

Я — человек с Земли, среднего роста и сложения, один из очень многих. Моя необычность заключается в том, что я нахожусь на чужой планете.

Бóльшую часть времени я провожу на своем корабле. Сколько усилий было приложено, чтобы сделать его удобным и уютным. Чувствуй себя здесь как дома! Я чувствую себя здесь как дома. Раньше я смеялся над американским стилем, сейчас перестал. Мне нравится пиццераздаточная машина и фонтанчик кока-колы. Хот-догс — будто прямо от «Натана». Только кукурузные початки, жаренные на масле, еще не на уровне. Пока эту проблему не решили.

4

Здесь почти ничего не происходит. Об этом я предпочел бы не упоминать. Рассказ, по моему представлению, должен быть насыщен приключениями и загадками: именно такие истории мне нравится читать. Но со мной ничего не случается. Вот я — на чужой планете, среди чужих существ, — и ничего не происходит. Тем не менее я верю, что рассказ у меня выйдет. Ведь все ингредиенты налицо.

5

Вчера я имел беседу с мэром Лангранака. Мы обсуждали проблемы космической дружбы и сошлись на том, что наши народы должны быть друзьями. Кроме того, говорили о межзвездной торговле, *которую одобрили в принципе. Но при конкретном обсуждении* выяснилось: мы не многое можем предложить из того, что хотят они, и наоборот. Совершенно недостаточно, чтобы оправдать высокую стоимость транспортировки. Понимаете, в их распоряжении целая планета. То же и у нас. Так что соглашение осталось чисто теоретическим.

Гораздо больше возможностей у программы туристического обмена. И они, и мы — все любят путешествовать. Цены, разумеется, фантастические, *но некоторым по карману. Во всяком* случае, начало будет положено.

6

Я очень много читаю. Прочитал массу книг по дзен-буддизму, йоге, тибетскому и хинди мистицизму. «Входите в тишину как можно чаще, оставайтесь в ней как можно дольше». Вот и весь смысл,

честное слово. Способы предохранения личности от болтовни и суматохи.

«Однонаправленность». Я хочу достичь ее страстно, да мозг мой не желает покоя. Приходят какие-то мысли, ощущения. Иногда удается: бренный мир отступает, я отрешаюсь минут на пять... Но это не приносит удовлетворения. Полагаю, мне нужен гуру. Я даже прикидывал, не поискать ли наставника здесь. Однако вряд ли игра стоит свеч — слишком мало у меня осталось времени. Вот так всегда.

7

Вчера ночью было затмение. Я собирался наблюдать его, но задремал над книгой и проспал. Ну и ладно. Все засняли автоматические камеры, просмотрю позже.

8

Ничего здесь не кажется странным, честно. Люди продают и покупают. Работают кто где. Попадаются нищие. Вполне постижимый мир. Конечно, я не все понимаю; но я и дома не все понимал. Хотел бы я сказать: «Что эти люди творят — просто уму непостижимо!» Но нет ничего непостижимого и невероятного. Они выполняют свою работу и живут своей жизнью. Я делаю то же самое, и все это кажется совершенно нормальным. Приходится напоминать себе, что я нахожусь на чужой планете. Не то что я могу забыть, разумеется. Просто никак не проникнусь чувством удивления.

9

Сегодня взял себя в руки и отправился на руины. Мне настоятельно рекомендовали их посетить, и я рад, что выбрался. Развалины — считается, что они принадлежат исчезнувшей несколько тысячелетий назад цивилизации — расположены приблизительно в десяти милях от пригородов Лангранака. Они занимают большую площадь. Я осмотрел три главные башни, частично реставрированные. Стены украшены тонкой резьбой и барельефами разных животных, которых, как сообщил мой гид, на самом деле не существует. Кроме того, видел статуи, очень стилизованные. Гид рассказал, что им когда-то поклонялись как божествам. Еще там есть лабиринты, некогда имевшие религиозное значение.

Все это я фотографировал. Условия освещенности средние. Снимал аппаратом «Никон», через 50-миллиметровый объектив; иногда ставил 90-миллиметровый.

Гид указал на любопытный факт: среди массы изображений нигде не встречается параллелограмм. Строители этих руин, вероятно, считали его эстетически невыдержанным. А может, это было религиозным табу? Не исключено, однако, что они просто не открыли форму параллелограмма, хотя широко пользовались квадратом и треугольником. Точно никому не известно.

Исследования продолжаются. Прояснение этого вопроса во многом облегчит понимание психологии древнего загадочного народа.

10

Сегодня праздник. Я пошел в город и сидел в одном из ресторанчиков, пил то, что здесь считается кофе, и наблюдал за прохожими. Очень красочное зрелище. Согласно брошюре, в этот день отмечают годовщину важной военной победы над соседней страной. Теперь оба государства поддерживают дружеские отношения.

11

В городе живут три основные группы людей. Старые обитатели, вроде англичан; эмигранты первой волны похожи на французов, а позднейшие эмигранты — на турок. Между этими группами существуют трения. Народную одежду, когда-то очень популярную, сейчас носят только по особым праздникам. Все жалеют об уходе обычая.

12

Иногда вечерами меня охватывает тоска. Тогда я не могу уснуть. Я читаю и слушаю записи, смотрю кино по корабельному проектору. Потом принимаю снотворное. Вероятно, скучаю по дому. Впрочем, я и дома так себя чувствовал. И принимал снотворное.

13

Боюсь, что это не очень интересная планета. Говорят, в другом полушарии гораздо лучше. Но вряд ли я туда отправлюсь. Договор о дружбе подписан, моя работа выполнена. Пожалуй, пора улетать. Весьма жаль, что этот мир оказался совсем не экзотическим местом. Надеюсь, в следующий раз мне повезет больше.

ЖИЗНЬ КАК ЖИЗНЬ

Вчера вечером, когда я лежал на диване и смотрел «Ночное шоу», ко мне в квартиру ввалились люди с камерами и микрофонами для съемок очередного выпуска телесериала под названием «Жизнь как жизнь». Не скажу, что я очень уж удивился, хотя и не знал об их появлении заранее. Правила мне известны: я должен заниматься своими делами, как будто их тут нет. Через несколько минут операторы и техники словно слились с обоями, и я перестал их замечать. Их этому специально обучают.

Телевизор у меня, разумеется, работал; я обычно не выключаю его весь вечер. Мне уже слышались стоны воображаемых критиков: «Еще одна серия про мужика, который весь вечер пялится в проклятый ящик. Неужели в этой стране все только и пялятся в ящик?» Да, меня это тоже огорчает, но что я могу поделать? Такова жизнь.

Итак, камеры негромко жужжали, а я мумией лежал на диване и смотрел, как два ковбоя изображают крутых парней. Через некоторое время из ванной вышла жена, увидела операторов и простонала: «О господи, только не *сегодня*». На ней была моя длинная майка с эмблемой Нью-Йорка и ничего больше, а мокрые волосы обмотаны полотенцем. Никакой косметики. Выглядела она просто ужасно. И дернуло же их выбрать именно сегодняшний вечер. Жена, наверное, уже представляла, какие появятся рецензии: «Во вчерашнем напыщенном фарсе жена была...»

Я видел, что ей отчаянно хочется что-то предпринять — сдобрить выпуск с нашим участием щепоткой юмора, превратить его в домашний фарс. Но она не хуже меня знала, что, если кого-либо из нас заподозрят в актерстве, притворстве, преувеличении, преуменьшении или любом прочем искажении реальной жизни, передачу немедленно вышвырнут из прямого эфира. А этого ей не хотелось. Лучше произвести плохое впечатление, чем не иметь возможности хотя бы для этого. И она села на стул и взяла вязальный крючок. Я решил полистать журнал. Нас продолжали снимать.

Когда подобное происходит с вами, в это очень трудно поверить. Даже если каждый вечер смотришь шоу, все равно не верится, когда такое случается с тобой. Представляете, ведь это *ты* лежишь на диване и ничего не делаешь, а *тебя* снимают, и весь сюжет посвящен *тебе*.

Я молился, чтобы случилось хоть что-нибудь. Воздушный налет или тайная диверсия коммунистов — и мы, типичная американская семья, окажемся в самой гуще великих событий. Или к нам залезет грабитель, но на самом деле он не грабитель, а кое-

кто другой, и с этого момента начнут разворачиваться поразительные события. Или же в дверь постучит очаровательная женщина и скажет, что лишь я один способен ей помочь. Черт, если бы заранее договорился хотя бы о телефонном звонке.

Но так ничего и не произошло. Через некоторое время меня даже заинтересовал идущий по телевизору фильм, я отложил журнал и досмотрел его до конца. Может, хоть это покажется им интересным, подумал я.

Весь следующий день мы с женой провели в надеждах и ожиданиях, хотя прекрасно знали, что с треском провалились. Все же никогда нельзя знать заранее. Иногда зрителям снова хочется увидеть жизнь определенного человека. Бывает, чье-то лицо им особенно понравится, и тогда предлагают сняться в серии эпизодов. Если честно, мне слабо верилось, что кто-либо захочет смотреть несколько серий про меня с женой, но нельзя зарекаться. Случались куда более странные вещи.

Теперь мы с женой проводим каждый вечер весьма интересно. Наши сексуальные эскапады питают сплетнями всю округу, у нас живет моя сумасшедшая кузина Зоя, а из погреба регулярно выползает оживший мертвец.

Шансов на повтор у нас практически нет. Но заранее не скажешь, так что если на телевидении решат снять продолжение нашего эпизода, то мы готовы.

НЕ НАДЕЯСЬ НА БУДУЩЕЕ

Леонард Нишер был обнаружен перед отелем «Плаза» в состоянии столь сильного эротического возбуждения, что для его усмирения потребовались усилия троих полицейских и проходившего мимо туриста из Билокси, Миссисипи. Когда Нишера привезли в лечебницу Сен-Клер, пришлось применить к нему «влажную упаковку» — обмотать руки, плечи и тело выше талии мокрой простыней. И лишь эта «упаковка» позволила молодому врачу спокойно влепить Нишеру изрядную дозу валиума.

Когда к осмотру пациента приступил доктор Майлз, лекарство уже подействовало, так что Майлз даже попросил двух здоровенных санитаров (один из них раньше служил охранником в «Детройт Лайонз») и Норму, сестру из психиатрического отделения, подождать за дверью. В данный момент пациент явно не собирался ни на кого нападать и пребывал в расслабленно-благостном состоянии; после укола абсолютно ничто его не раздражало, и даже «мокрая упаковка», видимо, казалась приятной.

— Ну, мистер Нишер, как вы себя чувствуете? — спросил Майлз.

— Прекрасно, доктор! — откликнулся Нишер. — Извините, что причинил вам столько беспокойства. Дело в том, что, выйдя из аномальной пространственно-временной петли, я чисто случайно «приземлился» прямо перед отелем «Плаза» и...

— Еще бы, от такого кто угодно может с катушек слететь, — с пониманием кивнул Майлз.

— Полагаю, мое заявление прозвучит довольно дико, — продолжал Нишер, — и никаких доказательств у меня, разумеется, нет, однако я говорю чистую правду: я только что совершил путешествие в будущее и обратно.

— Ну и как там, в будущем? Хорошо? — поинтересовался Майлз.

— Просто замечательно! — воскликнул Нишер. — А уж что там случилось со мной!.. Да нет, вы просто не поверите!

Нишер был белокожий, среднего роста мужчина лет тридцати пяти; выглядел он — спеленутый мокрой простыней и с расслабленно-счастливой улыбкой на лице — просто нелепо, однако рассказывать начал с огромным воодушевлением.

Оказалось, что вчера он, как всегда, после работы — трудился он бухгалтером в юридической конторе «Ханратти и Смирч» — отправился домой, на Двадцать пятую улицу Восточного округа. Вставляя ключ в замок и услыхав за спиной какие-то странные звуки, он сразу подумал: «Так, грабитель!», мгновенно повернулся к опасности лицом и встал в «позу таракана» — это основная защитная стойка в тайваньском карате, которым он занимался. Но сзади никого не оказалось. Он заметил лишь слабо колыхавшееся и почти прозрачное облачко какого-то красноватого тумана, постепенно окутавшее Нишера, после чего он стал слышать странные, непонятные звуки, потом замелькали яркие вспышки света, и он отключился.

Придя в себя, Нишер услышал чей-то голос: «Не беспокойтесь, все в порядке». Он открыл глаза и понял, что находится уже не на Двадцать пятой улице, а в прелестном небольшом парке с высокими деревьями, чудными аллеями, искусственными водоемами и невиданными статуями. Он сидел на скамейке, вокруг бродили ручные олени, а по аллеям гуляли люди в одеждах, напоминавших греческие туники. Рядом с ним восседал добродушный седовласый старец, одетый, как Чарлтон Хестон в роли Моисея[1].

[1] Чарлтон Хестон, (род. в 1924), — знаменитый американский актер, особенно популярный благодаря зрелищным фильмам исторической, мифологической и библейской тематики.

— Что это здесь такое? — спросил Нишер. — Что происходит?

— Скажи, — спросил его вдруг величественный старец, — а не попадал ли ты случайно в такое красноватое облачко? Ага! Я так и думал! Видишь ли, имела место небольшая пространственно-временная аномалия, благодаря которой тебя и занесло так далеко в будущее.

— В будущее? — переспросил потрясенный Нишер. — В какое еще будущее?

— Просто в будущее, — ответил старик. — Лет на четыреста вперед. Плюс-минус года два-три.

— Да вы шутите! — воскликнул Нишер. И стал допытываться у старца, куда он попал НА САМОМ ДЕЛЕ, однако старец упорно твердил, что это НА САМОМ ДЕЛЕ будущее, и, в общем-то, ничего необычного с Нишером не произошло, хотя, конечно, такое случается далеко не с каждым. В конце концов Нишеру пришлось принять его слова на веру.

— Ну что ж, — сказал он, — пусть так. И как же вам тут, в будущем, живется?

— Замечательно! — заверил его старик.

— Неужели нас не завоевали космические пришельцы?

— Разумеется, нет!

— А разве нехватка твердого топлива не поставила человечество на грань выживания?

— Мы решили проблему энергетического кризиса еще несколько столетий назад, отыскав недорогой способ превращать песок в сланцы.

— А каковы теперь ваши основные проблемы?

— У нас, похоже, нет сейчас никаких проблем.

— Так это Утопия?

Старик улыбнулся.

— Ну, это уж тебе самому судить. Но, может быть, ты хотел бы кое-что увидеть собственными глазами, раз уж попал сюда с кратковременным визитом?

— Почему кратковременным?

— Подобные пространственно-временные аномалии не поддаются контролю со стороны человека, — пояснил старик. — Вселенная просто не потерпит твоего присутствия ЗДЕСЬ, если ты должен быть ТАМ. Однако даже Вселенной требуется какое-то время, чтобы осознать случившееся и принять соответствующие меры. Не хочешь ли прогуляться? Меня зовут Огун[1].

[1] В мифологии западноафриканского народа йоруба Огун — это бог железа и войны.

Они вышли из парка и двинулись по очаровательному, обсаженному высокими тенистыми деревьями бульвару. Архитектура зданий показалась Нишеру несколько странной: стены соединялись под какими-то непонятными углами и были выкрашены в абсолютно не сочетавшиеся друг с другом цвета. Дома были отделены от улицы отлично ухоженными зелеными лужайками. Похоже, жить в этом будущем было и впрямь довольно приятно. Нет, ничего экзотического, просто очень хорошо. Да и люди, одетые в греческие туники, выглядели исключительно счастливыми и всем довольными. Вообще обстановка очень напоминала воскресный день в Центральном парке Нью-Йорка.

Затем внимание Нишера привлекла парочка, которой явно надоели разговоры; любовники, недолго думая, разделись и занялись тем, для чего в двадцатом веке существовало вполне определенное слово.

И никому, похоже, происходящее не казалось необычным! Огун вообще ни слова не сказал, так что Нишер тоже промолчал, но не мог не заметить, что теперь им все чаще стали попадаться подобные парочки, прилюдно занимавшиеся сексом. После седьмой Нишер не выдержал и спросил у Огуна, не религиозный ли сегодня праздник, сопровождающийся ритуальными оргиями, или же они просто набрели на участников Всемирного конгресса сторонников адюльтера?

— Но в действиях этих людей нет ничего особенного! — заявил Огун.

— А не лучше ли им заниматься сексом у себя дома или в гостинице?

— Наверное, все они только что случайно встретились прямо здесь, на бульваре, — как ни в чем не бывало ответил Огун.

Это Нишера окончательно потрясло.

— Вы хотите сказать, что эти люди до сего момента даже не были друг с другом знакомы? — спросил он.

— Скорее всего, — пожал плечами Огун. — Старые знакомые обычно выбирают для таких занятий местечко покомфортабельнее.

Нишер буквально окаменел от изумления. Он понимал, что так глазеть неприлично, но ничего не мог с собой поделать. Однако никто, похоже, против этого не возражал. Он пригляделся и заметил, что прохожие действительно часто с улыбкой поглядывают друг на друга прямо на ходу, а потом, минутку поколебавшись...

В течение следующей минуты Нишер выпалил не менее двух десятков вопросов, но Огун прервал его:

— Позволь, я попробую кое-что объяснить тебе — ты ведь у нас ненадолго и прибыл из эры всеобщей сексуальной подавлен-

ности и, как следствие этого, всеобщей распущенности. Хотя тебе-то, вероятно, верхом распущенности как раз представляются отношения в нашем обществе, ну а мы сами воспринимаем их как самое обычное и естественное выражение симпатии к ближнему и всеобщей солидарности.

— Значит, вы решили проблему секса! — воскликнул Нишер.

— В общем-то, случайно. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло, — пояснил Огун. — Мы отчаянно стремились запретить все и всяческие войны, пока человечество не уничтожено окончательно. Однако для решения этой задачи нам пришлось изменить саму психологию людей, тот инстинкт, который вызывает в них жажду завоеваний. Исключительно важным фактором оказалась подавленная сексуальность. Уже после первых удачных экспериментов информация о них получила самое широкое распространение, и был проведен вселенский плебисцит. И было принято генеральное решение: умерить сексуальные аппетиты людей, улучшив и перепрограммировав половые инстинкты на благо всей человеческой расы. В общем, были задействованы биологическая инженерия, специальные клиники — все на добровольной основе, разумеется! — и секс, избавленный от агрессивности и желания обладать и подавлять, превратился теперь в изысканную смесь эстетики и особого искусства общения.

Нишер хотел было спросить, как это повлияло на брак и семью, однако заметил, что Огун отвлекся, улыбается какой-то привлекательной блондинке и собирается подойти к ней поближе...

— Эй, Огун! — воскликнул Нишер. — Не бросайте меня!

Старик с удивлением обернулся:

— Дорогой мой, я отнюдь не собирался оставлять тебя одного! Напротив, я хочу, чтобы ты к нам присоединился. У нас всегда так делается!

Нишер заметил, что вокруг собралась уже целая толпа, и люди с улыбкой на него смотрят.

— Так, минуточку!.. — И он машинально встал в «позу таракана».

Но к этому времени одна из женщин уже успела вцепиться ему в ногу, другая пролезла у него под рукой, а третья ласково перебирала пальцы на другой руке... В легкой истерике Нишер крикнул Огуну:

— Почему они так ведут себя?

— Это спонтанное проявление радости по поводу твоего неожиданного появления. Так всегда бывает, когда к нам попадает человек из прошлого. Нам всем становится ужасно его жаль — ведь бедняге придется вновь вернуться в ту кошмарную жизнь! — и мы рады подарить ему свою любовь. Я достаточно хорошо объясняю?

Нишер чувствовал себя так, словно участвует в массовке на съемках фильма о Древнем Риме или, скорее, Вавилоне. Улица, насколько мог видеть глаз, была битком забита людьми, и все они занимались любовью — вдвоем, втроем, вчетвером... Но особенно поразила Нишера атмосфера, царившая над толпой: в ней не было и намека на сексуальность! Нет, это было настоящее море чистой любви, сочувствия, сострадания! Он заметил, что лицо Огуна начинает как бы таять, растворяться в волнах толпы, и крикнул:

— А как долго продлится подобное отношение ко мне? — Возможно, отношение к тебе останется неизменным все время твоего пребывания здесь, — расслышал он голос Огуна.

Все время? Нишер даже представить себе этого не мог. А когда наконец до него дошел смысл сказанных слов, он лишь промолвил чуть ли не с благоговением:

— Вы хотите сказать... куда бы я ни пошел, везде?..

Огун только ухмыльнулся и исчез. Нишер представил себе, как вся планета занимается любовью, как в ряды сексуальных партнеров вступают все новые и новые участники... Да, это, безусловно, была самая настоящая Утопия! Нишер понимал, что ему необходимо каким-то образом доставить информацию о будущем в свой век, каким-то образом убедить людей... Он поднял голову и увидел... что находится в Центральном парке, перед входом в отель «Плаза».

— И, видимо, очередной скачок во времени окончательно лишил вас сил? — спросил Майлз.

Нишер с улыбкой потупился. Пик воздействия валиума на его организм был уже пройден; он быстро приходил в себя.

— Видимо, я не успел вписаться в нашу действительность, — сказал Нишер. — Я полагал, что сразу смогу все всем разъяснить — просто схватить любого человека за руку и рассказать, как именно ему следует умерить свой пыл. Я надеялся, что сумею показать людям, для какой замечательной любви приспособлены их тела... Видимо, я слишком ретиво взялся за дело; мною владел какой-то истерический запал; я просто всех напугал... А потом меня сцапали полицейские.

— Как вы сейчас себя чувствуете? — заботливо поинтересовался Майлз.

— Остались лишь усталость и разочарование, а в остальном я полностью владею собой. Можно сказать и так. Можно даже все это считать просто галлюцинацией... Впрочем, неважно. Важно одно: я вернулся в свое собственное время, в тот век, где сущест-

вуют еще и войны, и энергетические кризисы, и сексуальные домогательства, но я абсолютно ничем не могу этого изменить!

— По-моему, ваши душевные и физические силы восстанавливаются чрезвычайно быстро, — заметил Майлз.

— Разумеется, черт возьми! Никто и никогда не мог обвинить Леонарда Нишера в том, что он не способен быстро восстановить свои силы.

— В общем, я вами доволен, — сказал Майлз. — Но желательно все же, чтобы вы несколько дней провели под нашим наблюдением. Это не наказание, как вы понимаете, а просто искреннее желание помочь вам окончательно реабилитироваться.

— Хорошо, док, — сонно откликнулся Нишер. — Сколько еще я должен пробыть тут?

— По всей видимости, не более одного-двух дней. Я выпущу вас при первой же возможности.

— Что ж, это справедливо, — буркнул Нишер. И тут же уснул. Майлз велел санитару не отходить от него, вызвал также дежурную сестру из психиатрического отделения и решил пойти домой — он жил неподалеку, а немного отдохнуть ему очень хотелось.

Майлз жарил на обед бифштекс, но мысли его крутились вокруг того, что рассказал ему Нишер. Разумеется, это не могло быть правдой! Но предположим — только предположим! — что Нишер действительно побывал в будущем. И там действительно достигнуто полиморфное перверсивное половое влечение... В конце концов, существует немало свидетельств того, что подобные пространственно-временные скачки действительно возможны.

Вдруг Майлзу ужасно захотелось вновь увидеть своего пациента. Он вышел из дома и поспешил в больницу, подгоняемый какой-то неясной потребностью.

В крыле номер два регистратора за столом не оказалось. Отсутствовал и полицейский, обычно стоявший на своем посту в коридоре. Майлз бросился бежать. Дверь в палату Леонарда Нишера была открыта; Майлз осторожно заглянул...

Кто-то, сложив больничную койку, на которой прежде лежал Леонард, аккуратно прислонил ее к стене, благодаря чему в комнате оказалось достаточно места для двух санитаров (один из которых служил раньше охранником в «Детройт Лайонз»), для Нормы, сестры из психиатрического отделения, для двух студенток-практиканток, для дежурного полицейского и еще для одной женщины средних лет, приехавшей из Денвера навестить родственника.

— А где же Нишер? — вскричал Майлз.

— Ох, этот парень не иначе как меня загипнотизировал, — заявил полицейский, с трудом натягивая брюки.

— Он прочитал нам дивную проповедь... О, это поистине Слово Любви! — мечтательно проговорила особа из Денвера, заворачиваясь в простыню, ранее служившую Нишеру «мокрой упаковкой».

— Но где же он сам? — заорал Майлз.

Белая занавеска трепетала у распахнутого окна. Майлз выглянул наружу: тьма была, как стена. Нишер бежал. Его душа, воспламененная кратковременным пребыванием в будущем, без сомнения, заставит его теперь проповедовать «Слово Любви» по всему свету. «Он же может оказаться где угодно! — с отчаянием думал Майлз. — Как, черт побери, мне его отыскать? Господи, помоги мне отыскать его поскорее!»

РУКА ПОМОЩИ

В то утро Трэвиса уволили с работы. Да, она была скучной и низкооплачиваемой, но все же служила хоть какой-то зацепкой в жизни. Теперь у него не осталось ничего, и он держал в руке средство, с помощью которого намеревался прервать свое полное отчаяния и унизительное существование. В бутылочке находился быстрый, надежный и не причиняющий боли яд, украденный на предыдущей работе в химической компании, где это вещество использовали как катализатор.

Из-за прежних попыток самоубийства немногие еще остававшиеся приятели считали Трэвиса невротиком, желающим привлечь к себе внимание. Что ж, на этот раз он им покажет, и они пожалеют о своих словах. Может, даже жена выдавит слезинку-другую.

Мысль о жене укрепила решимость Трэвиса. Любовь Леоты со временем превратилась в безразличную терпимость, а потом и в ненависть — острую, всепоглощающую и едкую, против которой он оказался бессилен. Ужас заключался в том, что сам он любил ее до сих пор.

«Давай, чего тянуть?» — подумал он и, закрыв глаза, поднял бутылочку.

Но не успел он поднести ее ко рту, как она вылетела из его руки.

— Что ты надумал? — услышал он резкий голос Леоты.

— По-моему, это очевидно.

Она с интересом вглядывалась в его лицо. У Леоты, крупной

женщины с грубоватым лицом, был дар непрерывно делать кому-либо гадости. Но сейчас ее лицо смягчилось.

— Ты всерьез собирался это сделать, верно?

— И сейчас собираюсь, — ответил Трэвис. — Не сегодня, так завтра или на следующей неделе.

— Никогда не верила, что ты на это решишься. Кое-кто из твоих приятелей полагал, что у тебя хватит смелости, но только не я. Что ж, пожалуй, я и в самом деле превратила несколько лет твоей жизни в ад. Но надо же *кому-то* принимать решения.

— Мои проблемы уже давным-давно перестали тебя волновать, — заметил Трэвис. — Почему же ты меня остановила?

Леота ответила не сразу. Неужели ее сердце дрогнуло? Трэвис никогда еще не видел жену такой.

— Я неверно тебя оценила, — сказала она наконец. — Всегда считала, что ты блефуешь, лишь бы вывести меня из себя. Помнишь, как ты грозился броситься из окна? Высунулся из него... вот так.

Леота высунулась из окна двадцатого этажа.

— Не делай этого! — крикнул Трэвис.

— Как странно слышать такое от тебя. Только не говори, что я все еще тебе небезразлична.

— Могу и сказать, — произнес Трэвис. — Могу, если... ты и я...

— Возможно, — отозвалась Леота.

В душе Трэвиса вспыхнул огонек надежды, хотя он едва осмеливался его замечать. Женщины всегда такие странные! Вот и сейчас она почему-то улыбается. Крепко взяв мужа за плечи, Леота сказала:

— Я не *могу* тебе позволить убить себя. Ты даже не представляешь, какие сильные чувства я к тебе испытываю.

Ответить он уже не смог. Он был тронут. Сильные заботливые руки жены тронули его необыкновенно — прямо к распахнутому окну.

Когда его пальцы соскользнули с подоконника и он почувствовал, что падает, Трэвис услышал, как жена кричит ему вслед:

— Достаточно сильные, дорогой, чтобы ты сделал это *по-моему*!

О ВЫСОКИХ МАТЕРИЯХ

Мортонсон прогуливался тихо-мирно по безлюдным предгорьям Анд, никого не трогал, как вдруг его ошарашил громоподобный голос, исходивший, казалось, отовсюду и в то же время ниоткуда.

— Эй, ты! Ответь-ка, что в жизни главное?

Мортонсон замер на ходу, буквально оцепенел, его аж в испарину бросило: редкостная удача — общение с гостем из космоса, и теперь многое зависит от того, удачно ли ответит он на вопрос.

Присев на первый же подвернувшийся валун, Мортонсон проанализировал ситуацию. Задавший вопрос — кем бы он ни был, этот космический гость, — наверняка догадывается, что Мортонсон — простой американец, понятия не имеет о главном в жизни. Поэтому в своем ответе надо скорее всего проявить понимание ограниченности земных возможностей, но следует отразить и осознание того, что со стороны гостя вполне естественно задавать такой вопрос разумным существам, в данном случае — человечеству, представителем которого случайно выступает Мортонсон, хоть плечи у него сутулые, нос шелушится от загара, рюкзак оранжевый, а пачка сигарет смята. С другой стороны, не исключено, что подоплека у вопроса совсем иная: вдруг, по мнению Пришельца, самому Мортонсону и впрямь кое-что известно насчет главного в жизни, и это свое прозрение он, Мортонсон, способен экспромтом изложить в лаконичной отточенной фразе. Впрочем, для экспромта вроде бы уж и время миновало. Привнести в ответ шутливую нотку? Объявить голосу «Главное в жизни — это когда голос с неба допрашивает тебя о главном в жизни!» И разразиться космическим хохотом. А вдруг тот скажет: «Да, такова сиюминутная действительность, но что же все-таки в жизни главное?» Так и останешься стоять с разинутым ртом, и в морду тебе шлепнется тухлое эктоплазменное яйцо: вопросивший подымет на смех твою самооценку, самомнение, самодовольство, бахвальство.

— Ну как там у тебя идут дела? — поинтересовался голос.

— Да вот работаю над вашей задачкой, — доложил Мортонсон. — Вопросик-то трудный.

— Это уж точно, — поддержал голос.

Ну, что же в этой поганой жизни главное? Мортонсон перебрал в уме кое-какие варианты. Главное в жизни — Его Величество Случай. Главное в жизни — хаос вперемешку с роком (недурно пущено, стоит запомнить). Главное в жизни — птичий щебет да ветра свист (очень мило). Главное в жизни — это когда материя проявляет любознательность (чьи это слова? Не Виктора ли Гюго?). Главное в жизни — то, что тебе вздумалось считать главным.

— Почти расщелкал, — обнадежил Мортонсон.

Досаднее всего сознавать, что можешь выдать неправильный ответ. Никого еще ни один колледж ничему не научил: нахватаешься только разных философских изречений. Беда лишь, стоит закрыть книгу — пиши пропало: сидишь ковыряешь в носу и мечтаешь невесть о чем.

А как отзовется пресса?

«Желторотый американец черпал из бездонного кладезя премудрости и после всего проявил позорную несамостоятельность».

Лопух! Любому неприятно было бы угодить в подобный переплет. Но что же в жизни главное?

Мортонсон загасил сигарету и вспомнил, что она у него последняя. Тьфу! Только не отвлекаться! Главное в жизни — сомнение? Желание? Стремление к цели? Наслаждение?

Потерев лоб, Мортонсон громко, хоть и слегка дрожащим голосом, выговорил:

— Главное в жизни — воспламенение!

Воцарилась зловещая тишина. Выждав пристойный по своим понятиям срок, Мортонсон спросил:

— Э-э, угадал я или нет?

— Воспламенение, — пророкотал возвышенный и могущественный глас. — Чересчур длинно. Горение? Тоже длинновато. Огонь? Главное в жизни — огонь! Подходит!

— Я и имел в виду огонь, — вывернулся Мортонсон.

— Ты меня действительно выручил, — заверил голос. — Ведь я прямо завяз на этом слове! А теперь помоги разобраться с 78-м по горизонтали. Отчество изобретателя бесфрикционного привода для звездолетов, четвертая буква Д. Вертится на языке, да вот никак не поймаю.

По словам Мортонсона, тут он повернулся кругом и пошел себе восвояси, подальше от неземного гласа и от высоких материй.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБМЕН РАЗУМОВ. Роман
Перевод Н. Евдокимовой 5

ОПТИМАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ. Роман.
Перевод О. Степашкиной 97

КООРДИНАТЫ ЧУДЕС. Роман.
Перевод Г. Гуревича 205

НОВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В КООРДИНАТЫ ЧУДЕС. Роман.
Перевод Л. Щекотовой 323

МАШИНА ШЕХЕРЕЗАДА: ШЕСТЬ ИСТОРИЙ. Роман.
Перевод И. Васильевой, О. Вассант, С. Трофимова, В. Ковалевского, А. Нефедова 443

РАССКАЗЫ

ЗАСТЫВШИЙ МИР. *Перевод В. Бука* 715

СПЕЦРАЗДЕЛ ВЫСТАВКИ. *Перевод А. Кона* 722

ИЗ ЛУКОВИЦЫ В МОРКОВЬ. *Перевод В. Баканова* 725

Я ВИЖУ: ЧЕЛОВЕК СИДИТ НА СТУЛЕ И СТУЛ КУСАЕТ ЕГО ЗА НОГУ. *Перевод В. Серебрякова* 737

ГОЛОСА. *Перевод В. Серебрякова* 761

БОЛОТО. *Перевод В. Серебрякова* 764

ЧЕРЕЗ ПИЩЕВОД И В КОСМОС С ТАНТРОЙ, МАНТРОЙ И КРАПЧАТЫМИ КОЛЕСАМИ. *Перевод М. Черняева* 766

РАССКАЗ О СТРАННОМ ПРОИСШЕСТВИИ СО СРЕДНИМ АМЕРИКАНЦЕМ. *Перевод В. Ковалевского* 768

ВСЕЛЕНСКИЙ КАРМИЧЕСКИЙ БАНК. *Перевод А. Нефедова* . . 775

РАБЫ ВРЕМЕНИ. *Перевод С. Коноплева* 779

ЗАМЕТКИ ПО ВОСПРИЯТИЮ ВООБРАЖАЕМЫХ РАЗЛИЧИЙ. *Перевод В. Баканова* 797

СЛУЖБА ЛИКВИДАЦИИ. *Перевод Н. Евдокимовой* 801

ТЕПЛО. *Перевод И. Зивьевой* 806

ПРАВО НА СМЕРТЬ. *Перевод А. Волнова* 816

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ В БАНАЛИИ... *Перевод И. Васильевой* 822

В СЛУЧАЕ СМЕРТИ НАБЕРИТЕ НАШ НОМЕР. *Перевод В. Ковалевского* 828

ЧЕРВЕМИР. *Перевод О. Вассант* 831
ИГРА: ВАРИАНТ ПО ПЕРВОЙ СХЕМЕ. *Перевод М. Черняева* . . . 859
ПАЛЬБА В МАГАЗИНЕ ИГРУШЕК. *Перевод В. Ковалевского* 863
ПА-ДЕ-ТРУА ШЕФ-ПОВАРА, ОФИЦИАНТА И КЛИЕНТА. *Перевод В. Баканова* 870
НА ПЯТЬ МИНУТ РАНЬШЕ. *Перевод А. Нефедова* 880
ГЛАЗ РЕАЛЬНОСТИ. *Перевод В. Серебрякова* 882
СТРАХ В НОЧИ. *Перевод А. Волнова*. 882
ЗИРН БЕЗ ОХРАНЫ, ДВОРЕЦ ДЖЕНГИК ГОРИТ, ДЖОН ВЕСТЕРЛИ МЕРТВ. *Перевод В. Серебрякова* 886
ПРОЩАНИЕ С БОЛЬЮ. *Перевод В. Серебрякова*. 890
НА СЛЕТЕ ПТИЦ. *Перевод А. Нефедова*. 895
ЛАБИРИНТ РЕДФЕРНА. *Перевод Е. Дрозда* 899
КОНЕЧНАЯ. *Перевод В. Серебрякова* 904
ЗАПИСКИ О ЛАНГРАНАКЕ. *Перевод В. Баканова* 907
ЖИЗНЬ КАК ЖИЗНЬ. *Перевод А. Нефедова* 911
НЕ НАДЕЯСЬ НА БУДУЩЕЕ. *Перевод И. Тогоевой*. 912
РУКА ПОМОЩИ. *Перевод А. Нефедова* 919
О ВЫСОКИХ МАТЕРИЯХ. *Перевод Н. Евдокимовой* 920

Литературно-художественное издание

Роберт Шекли

ОБМЕН РАЗУМОВ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *С. Кладов*
Корректор *М. Фирстова*

В оформлении переплета использована иллюстрация художника *Фрэда Гамбино*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д.1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская»,ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: **sale@eksmo.com.ua**

Подписано в печать с готовых монтажей 25.03.2005.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 48,72. Уч.-изд.л. 51,5.
Доп. тираж 4000 экз. Заказ 3688.

ISBN 5-699-03442-0

9 785699 034420 >

ОАО "Тверской полиграфический комбинат"
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@ tverpk.ru